М.А.Булгаков

ПЬЕСЫ 20-Х ГОДОВ

М.А.Булгаков

ПЬЕСЫ 20-Х ГОДОВ

ИСКУССТВО

М. Булгаков 1, 2

Сын

~~Фагот~~

Фом

~~Азазелло~~

кляну[с]ь

проник[ает]

перо, чтобы

происшествия

то что не

я не сумел

Бог с ним

кистями,

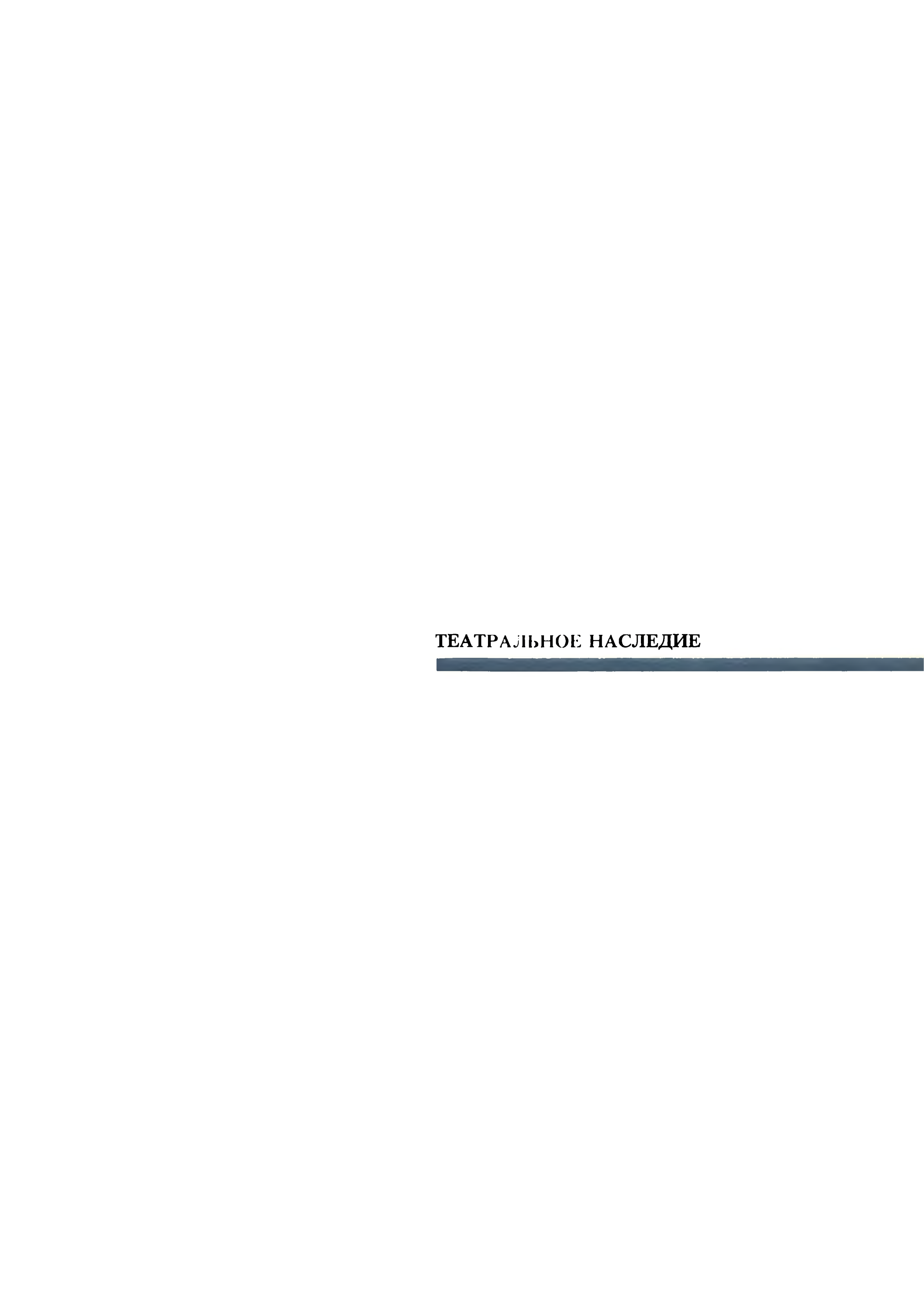
времени. Не

мен[я] муч[ил]

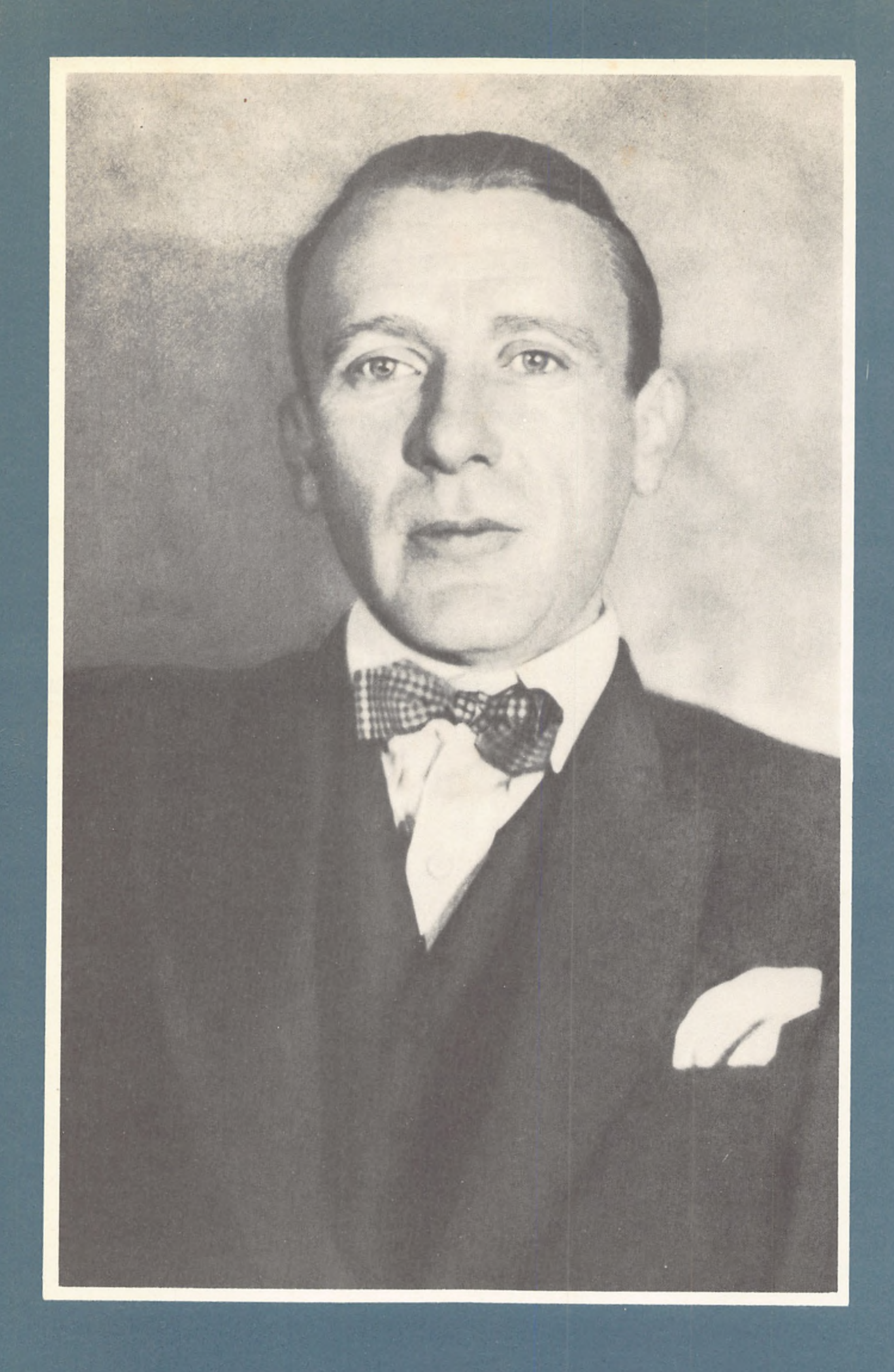
здесь

ноши

Антессер. Азазелло. Велиар



ТЕАТРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ



М.А.Булгаков

Пьесы 1920-х годов

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 83.3Р7
Б90

Ленинградский государственный институт
театра, музыки и кинематографии
им. Н. К. Черкасова
Министерства культуры РСФСР

Центральный государственный архив
литературы и искусства СССР
при Главном архивном управлении
Совета Министров СССР

Вступительная статья, составление
и общая редакция А. А. НИНОВА

Подготовка текстов пьес и примечаний —
Я. С. ЛУРЬЕ («Белая гвардия», «Дни Турбиных»),
В. В. ГУДКОВА («Зойкина квартира», «Бег»),
А. А. НИНОВ («Багровый остров»)

Научный редактор Д. И. ЗОЛОТНИЦКИЙ

Контрольная проверка текстов —
И. Е. ЕРЫКАЛОВА, Н. В. КУДРЯШОВА

Составитель указателя Е. А. КУХТА

Художник Д. М. ПЛАКСИН

На форзаце:
первая страница рукописи М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита».
Первая редакция романа. 1928 г.

2-е издание, стереотипное

Б $\frac{4702010203-013}{025(01)-90}$ без объявл.

ISBN 5-210-02569-1

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И ТЕАТРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1920-х ГОДОВ

1.

Неоконченную повесть в письмах «Тайному Другу» (1929), адресованную Е. С. Шиловской, своей будущей жене, Булгаков начал обращением:

«Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом? Скажите только одно – зачем Вам это? И еще: дайте слово, что Вы не отдадите в печать эту тетрадь даже и после моей смерти»[1].

Заветная тетрадь Булгакова теперь напечатана, и мы получили возможность заглянуть в тайное тайных. Авторская исповедь рождена потребностью подвести некий итог пройденному и осознать в «год катастрофы», каким образом он «сделался драматургом».

Переломный 1929 год стал катастрофическим не только в судьбе писателя, но и в истории всей страны. Важнейшие направления экономической, социальной и культурной политики советской власти, выработанные при В. И. Ленине, были поставлены сталинской бюрократией под удар. И. В. Сталину принадлежит тезис, что «революция сверху», осуществленная в это время на путях сплошной коллективизации деревни, равнозначна по своим последствиям Октябрю 1917 года. И хотя масштаб переворота его инициатор определил верно, истинный характер события оказался прямо противоположным Октябрю по своей социально-исторической сущности. На полученной в 1917 году земле крестьянин переставал быть полноправным хозяином. Это была насильственно-бюрократическая деформация общества в духе уравнительного социализма с далеко идущими трагическими последствиями. Ибо социализм, по словам В. И. Ленина, «не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[2].

Год «великого перелома» принес великие беды не только ущемленному «сверху» крестьянству, но и широким слоям интеллигенции, для которой переход от старого к новому общественному строю сопрягался с особыми психологическими сложностями, с колебаниями и трудной внутренней борьбой. Булгаков был правдивым художником, историком, певцом этой интеллигенции, он сумел сохранить в себе самые ценные ее качества: верность нравственному долгу, искренность, стойкость в испытаниях и готовность разделить их вместе со своим народом.

В письме «Правительству СССР» (28 марта 1930 года) Булгаков подтвердил, что важнейшая черта его творчества в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия» – «упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной

[1] Неоконченное сочинение Михаила Булгакова. Публикация М. Чудаковой.– Новый мир, 1987, № 8, с. 165.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях „Войны и мира". Такое изображение, — заключал Булгаков, — вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией»[1].

Такая откровенная и честная авторская позиция, заявленная Булгаковым во всем его творчестве, явилась одновременно и главной причиной постоянных литературных атак на него со стороны могущественных политических группировок и сил, полагавших, что победоносное для революции окончание гражданской войны в стране еще не означает полного гражданского мира.

Усиление аскетической идеологии «военного коммунизма», возобладавшей в сталинские времена, ставку на социальный раскол, на подавление свободы мысли, на гегемонию упрощенной «пролетарской культуры» нельзя рассматривать иначе, как реакцию самой отсталой и консервативной части общества на ленинскую политику и завоевания Октября. Общая драма русской интеллигенции, пережитая ею на рубеже двадцатых и тридцатых годов, была также и личной творческой драмой Булгакова-художника.

Булгаков хорошо сознавал свои корни, связывающие его с русской культурой, и он не случайно пришел именно в Московский Художественный театр, хранивший и продолжавший в новых условиях творческие заветы А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. Сам Булгаков был человеком театра в полном значении этих слов. Театр и стал для писателя домом и крепостью в самое трудное время. В краткой автобиографии, написанной 20 марта 1937 года, Булгаков перечислил свои труды и обязанности, навсегда соединившие его с театральным движением послеоктябрьской эпохи:

«В 1926 году Московским Художественным театром была поставлена моя пьеса „Дни Турбиных", в том же году Театром имени Вахтангова в Москве была поставлена моя пьеса „Зойкина квартира".

В 1928 году Камерным московским театром была поставлена моя пьеса „Багровый остров".

В 1930 году Московским Художественным театром был принят на службу в качестве режиссера-ассистента.

В 1932 году Московским Художественным театром была выпущена моя пьеса по Гоголю „Мертвые души", при моем участии в качестве режиссера-ассистента.

В 1932—36 годах продолжал работу режиссера-ассистента в МХАТ, одно время работая в качестве актера (роль председателя суда в спектакле «Пиквикский клуб» по Диккенсу).

В 1936 году МХАТом была поставлена моя пьеса „Мольер" при моем участии в качестве режиссера-ассистента. В том же году Театром сатиры в Москве была подготовлена к выпуску пьеса моя „Иван Васильевич" и снята после генеральной репетиции.

В 1936 году, после снятия моей пьесы „Мольер" с репертуара, подал в отставку в МХАТ и был принят на службу в Гос[ударственный] ак[адемический] Большой театр Союза ССР в Москве на должность либреттиста и консультанта, в каковой нахожусь и в настоящее время.

Для Государственного академического Большого театра в том же году сочинил либретто оперы „Минин и Пожарский", подготовляемой в настоящее время к постановке при моем участии.

В 1937 году для ГАБТ сочинил либретто оперы „Черное море".

[1] Михаил Булгаков. Из литературного наследия. Письма.— Октябрь, 1987, № 6, с. 178—179.

Помимо вышеперечисленных пьес, автор пьес: „Бег“, „Александр Пушкин“ и других. Переведен на французский, английский, немецкий, итальянский, шведский и чешский языки»[1].

В сухом перечне «для служебного пользования» Булгаков не упомянул еще нескольких произведений, так и не увидевших сцены: «Адам и Ева» (1931) для Ленинградского Красного театра, «Война и мир» (1932) для Большого драматического театра в Ленинграде, «Полоумный Журден» (1932) для Театра-студии под руководством Ю. А. Завадского и «Блаженство» (1934) для Московского театра сатиры. Позже Булгаков завершил инсценировку «Дон Кихота» (1938) для вахтанговцев и Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина (поставлен ими в 1941 году) и «Батум» (1939) – биографическую пьесу о молодом И. В. Сталине, которую собирался репетировать МХАТ (подготовка спектакля была прервана по распоряжению сверху).

Ни одна из названных пьес не была напечатана в СССР при жизни писателя. Лишь «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров» увидели в 1920-е годы свет рампы. В следующем десятилетии на сцену пробились только «Мертвые души» и «Мольер».

Булгаков с успехом перелагал на язык театра свою и чужую прозу: один и тот же жизненный материал нередко двоился в сознании писателя и выступал в разных «рядах поэтических мыслей», требуя то эпической, то драматической формы. Автор «Дней Турбиных», как никто, умел извлечь из романа драму и в этом смысле опровергал скепсис Достоевского, полагавшего, что «почти всегда подобные попытки не удавались, по крайней мере вполне»[2].

Драматургию Булгакова отличает особая глубина поэтического постижения жизни, мастерство ведения диалога, лаконизм характеристик, изобретательность положений, рассчитанных на сценическое бытие. Герои его социально-психологического, исторического и фантастического театра открываются не в статике разговоров или аналитических описаний, а в форме стремительно нарастающего действия, неотвратимо идущего через осложнения, через трагизм или комизм узнавания к логическому концу. Этими качествами Булгаков-драматург близок своим гениальным учителям – Мольеру и Гоголю.

При самых неблагоприятных внешних обстоятельствах Булгаков занял ведущее место в театральном движении 1920–1930-х годов, а его театр, интерес к которому возродился в наше время после публикации романа «Мастер и Маргарита», стал одним из феноменов мировой художественной культуры последней трети XX века[3].

2.

Булгаков приехал в Москву поздней осенью 1921 года, когда тяготы разрухи, упадок культуры, а также серьезный кризис идеологии и политики «военного коммунизма» проявились наглядно. Нэп уже был объявлен, но его механизмы еще не пришли в действие, столица мерзла и голодала.

[1] Цит. по кн.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988, с. 39–40.
[2] *Достоевский Ф.* Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1986, т. 29, кн. 1, с. 225.
[3] См.: *Смирнова В.* Михаил Булгаков – драматург. – В кн.: Смирнова В. Современный портрет. М., 1964; *Рудницкий К.* Михаил Булгаков. – В кн.: Вопросы театра. М., 1966; *Сахновский-Панкеев В.* Булгаков. – В кн.: Очерки истории русской советской драматургии. В 3-х т. Л.; М., 1966, т. 2; *Бабичева Ю.* Театр Михаила Булгакова. – В кн.: Бабичева Ю. Эволюция жанров русской сцены XIX – начала XX века. Вологда, 1982; *Смелянский А.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986; Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987; *Гудкова В.* Время и театр Михаила Булгакова. М., 1988; М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988.

При въезде в Москву внимание Булгакова привлекла странная футуристическая афиша: «Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что ж за слово-то? Дювлам. Что ж значит-то? Значит-то что ж?

Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского»[1].

В здании Наркомпроса, где Булгаков начал работать в Литературном отделе, легендарной фигурой оставался режиссер В. Э. Мейерхольд, уже освобожденный к тому времени от должности заведующего Театральным отделом: «Мейерхольд феноменально популярен в этом здании, но самого его нет»[2].

Имена Маяковского и Мейерхольда не случайно вошли в отрывочную, экспрессивную ткань «Записок на манжетах»: обе эти фигуры неотделимы от Москвы времен «военного коммунизма». Окна РОСТА и спектакли Мейерхольда составляли неповторимую городскую декорацию тех голодных, аскетических и яростных лет.

С постановки «Мистерии-буфф» Маяковского, которая привлекла в 1921 году внимание московской публики, началось знакомство Булгакова с театром Мейерхольда. В прологе пьесы, переработанной для мейерхольдовского Театра РСФСР-1, Маяковский декларировал новые принципы агитационно-политического искусства. Отвергая традицию «комнатных» чеховских пьес, поэт отстаивал театр улиц и площадей, театр социальной маски и политического плаката, способный предельно укрупнить действие, вывести его на вселенский простор.

Девизы Маяковского и Мейерхольда, несомненно, задели театральную среду, с которой сблизился в Москве Булгаков. Его представления о «настоящей жизни» на сцене плохо мирились с той новизной, которую как «зрелище необычайнейшее» предлагал Театр РСФСР-1 под знаком «театрального Октября».

В начале 1922 года Булгаков отметил в дневнике: «Вошел в бродячий коллектив актеров: буду играть на окраинах. Плата 125 [миллионов рублей] за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда. Заколдованный круг»[3].

Актерская работа Булгакова в Москве — случайная, до лучших дней, пока он не устроился в Научно-техническом комитете заведующим издательской частью, репортером московских газет, а потом постоянным сотрудником газеты «Гудок». Артистический, журналистский, а также писательский мир становился в это время собственным миром Булгакова.

С осени 1922 года Булгаков посещал литературный кружок «Зеленая лампа», собиравшийся в квартире Л. В. Кирьяковой. Участниками его были С. А. Ауслендер, Е. А. Галати, Ю. Л. Слезкин, Д. М. Стонов, Е. И. Шамурин, Н. Я. Шестаков и другие. По воспоминаниям В. И. Мозалевского, на одном из первых собраний «после чтения за „чаем“ (весьма „расширенным“) было обсуждение рассказа и разглаголы на литературно-театральные темы момента – Мейерхольд, Таиров, „Заговор императрицы“, Театр Революции – „Озеро Люль“. Тут высказывались и надежды, что какие-то новые писатели создадут какие-то новые шедевры, тут скептически звучали фразы, что „нет пока ничего оригинального, примечательного“, тут благоговейно глядели „назад“, глядели на Пушкина, Толстого Л. Н., М. А. Булгаков ждал появления нового романа „Война и мир“...»[4]

[1] *Булгаков М.* Записки на манжетах. М., 1988, с. 4.
[2] Там же, с. 8.
[3] Цит. по кн.: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988, с. 140.
[4] Там же, с. 172.

Какие же еще явления «момента», особенно характерные для московской сцены 1922—1924 годов, могли интересовать участников «Зеленой лампы»?

«Политическую мелодраму» А. М. Файко «Озеро Люль» ставил в Театре Революции Мейерхольд (премьера — 8 ноября 1923 года). Новыми в спектакле были мотивы социальной сатиры, нацеленной на старый буржуазный мир, из эстетики которого тем не менее черпались основные слагаемые жанра.

А. Я. Таиров на сцене Камерного театра в те годы ориентировался по преимуществу на зарубежный репертуар. Высокая, очищенная от быта трагедия и тонкие комедийные стилизации интересовали его больше всего. В музыкально-пародийной и условной манере им были поставлены оперетта Ш. Лекока «Жирофле-Жирофля», инсценировки по Э.-Т.-А. Гофману «Принцесса Брамбилла» и «Синьор Формика», урбанистическая драма по Г.-К. Честертону «Человек, который был Четвергом». С участием Алисы Коонен продолжали идти «Ромео и Джульетта» Шекспира и «Федра» Расина.

Созданная Е. Б. Вахтанговым Третья студия МХАТа вполне определилась как самостоятельный творческий коллектив. Год 1922-й дал Москве последние спектакли блестящего мастера, безвременно ушедшего из жизни: постановки древнееврейской легенды о любви и смерти «Гадибук» в театре-студии «Габима» и романтической сказки К. Гоцци «Принцесса Турандот».

Академические театры испытывали затянувшийся кризис. Малый театр с трудностями преодолевал рутинные способы игры и старые приемы «павильонного» построения спектаклей. Не лучшие времена переживал и Московский Художественный театр. Основная часть труппы к 1924 году еще не вернулась из длительных зарубежных гастролей. Студии МХАТа обособились. Кризис психологического театра грозил затянуться.

Группа так называемых «левых» театров во главе с Мейерхольдом, бесспорно, сохраняла инициативу в театральной жизни Москвы первой половины 1920-х годов. Спектакли Мейерхольда «Зори», «Мистерия-буфф», «Великодушный рогоносец», «Озеро Люль», «Земля дыбом» и, наконец, «Лес» Островского вызывали ожесточенные споры. В художественной практике Мейерхольда той поры преобладали два главных принципа: открытая установка на зрелищный агитационно-политический спектакль и следование заветам шекспировского театра с его лаконизмом метафорического оформления сцены и острым социальным гротеском в стиле актерской игры.

Соратники Мейерхольда В. М. Бебутов и В. Ф. Федоров, молодой С. М. Эйзенштейн в той или иной мере находились во власти художественных уроков Мастера и нередко доводили до крайности его принципы.

Реальная борьба, и — в еще большей мере — творческое соревнование новых и старых коллективов открывали перед советским театром 1920-х годов захватывающие перспективы художественного развития.

Каким же образом в те годы, поворотные для московской сцены, определилась творческая позиция Булгакова, человека нового в столичной театральной среде? Его отношение к основным художественным «фронтам» стало проясняться уже в 1922 году, когда он начал сотрудничать с московской редакцией берлинской газеты «Накануне», распространявшейся и в нашей стране.

Примерно через год после мейерхольдовской премьеры «Великодушного рогоносца» Ф. Кроммелинка Булгаков включился в острую полемику

о спектакле на страницах «Накануне» насмешливой памфлетной «Биомеханической главой» фельетона «Столица в блокноте».

Для самого Мейерхольда успех «Великодушного рогоносца» стал «успехом положенного в его основание нового театрального мировоззрения...» [1].

В оценке спектакля Булгаков выступил с позиций убежденного «архаиста». Добрый старый театр с его бутафорским реквизитом и тайнами закулисного «иллюзиона» был ему несравненно милее нового, распахнутого настежь и реформированного под знаками биомеханики и конструктивизма. Булгаков не скрывал этой своей наклонности «старовера», предпослав «Биомеханической главе» ироничный эпиграф: «Зови меня вандалом,
Я это имя заслужил...» Впрочем, в этом же памфлете против Мейерхольда он признался, что старые «Гугеноты» и «Риголетто» в Большом театре, сохранившие все атрибуты академической рутины, почему-то перестали его развлекать и он «резко кинулся на левый фронт». «Причиной этого был И. Эренбург, написавший книгу „А все-таки она вертится", и двое длинноволосых московских футуристов...» [2]

Выпущенная берлинским издательством «Геликон», книга Эренбурга была, по сути, развернутым трактатом в защиту «нового стиля» искусства, прежде всего художественного конструктивизма. Его важнейшие постулаты распространились из архитектуры и живописи и на другие виды искусства: литературу, кино, музыку, театр.

Москва времен «военного коммунизма» неожиданно оказалась, по мнению Эренбурга, настоящей Меккой нового европейского театра. В революционной России совершались важные мировые процессы эстетического обновления. Особенно увлекли Эренбурга после «отсталой Европы» дерзкие опыты русских режиссеров – Мейерхольда, Марджанова, Евреинова и Радлова, сделавших важные шаги к «театрализации жизни». Завершая обзор новейшей эволюции искусств от пластических до временны́х и словесных, Эренбург так резюмировал свои наблюдения и прогнозы, относящиеся к театру:

«Прочь промежуточные формы – психологическая драма, бытовая комедия и пр. Два стержня: трагедия, буффонада. Обреченность. Преодоление. Подвиг. Жест. Смех.

Прочь авторы! Театр нельзя писать в кабинете, его надо строить на сцене. Только там видны пропорции, ибо жест держит слово.

Прочь художников! Не нужны намалеванные декорации. Сцену нужно строить, строить сообразно с актером. Трехмерный в трехмерном (постановки Экстер, Веснина, Якулова и др.)» [3].

За неполны́х два года, истекших после оглашения этого манифеста, в революционной России многое изменилось. Недавно пустые, холодные, неприютные площади Москвы и других городов ожили в новом ритме. Столицу осветили электрические огни, преобразились витрины магазинов. Двинулась вперед промышленность, закипела торговля, обнаружилась великая тяга к образованию и культуре. Ускоренный ритм жизни и живая действительность театра пришли в более гармоничное соответствие.

Книга Эренбурга, несомненно, вызвала Булгакова на полемику, затронувшую и современный театр, и новейшую прозу. «Великодушный рогоносец» Мейерхольда явился лишь первым удобным предлогом для более общего спора.

[1] *Мейерхольд В.* Статьи. Письма. Речи. Беседы. 1917–1939. В 2-х ч. М., 1968, ч. 2, с. 47.
[2] *Булгаков М.* Ранняя неизданная проза. München, 1976, с. 55.
[3] *Эренбург И.* А все-таки она вертится... Москва; Берлин, 1922, с. 114.

Рискованный сюжет пьесы нисколько не шокировал Булгакова: сальностей в спектакле он не отметил, но попытку сдвинуть театр к эксцентризму мюзик-холла или даже цирка отверг.

«Я не И. Эренбург и не театральный мудрый критик,— писал Булгаков,— но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены — дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине — голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами.

А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты. Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса. И на колесах буквы кверху ногами „с ч“ и „т е“. Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять, началось уже действие или еще нет.

Когда же оно начинается (узнаешь об этом потому, что все-таки вспыхивает откуда-то сбоку свет на сцене), появляются синие люди (актеры и актрисы все в синем. Театральные критики называют это прозодеждой. Послал бы я их на завод денька хоть на два! Узнали бы они, что такое прозодежда!).

Действие: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем и женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчин ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждной юбкой.

— Это биомеханика,— пояснил мне приятель.

Биомеханика!! Беспомощность этих синих биомехаников, в свое время учившихся произносить слащавые монологи, вне конкуренции. И это, заметьте, в двух шагах от Никитского цирка, где клоун Лазаренко ошеломляет чудовищными salto!»[1]

Под пером Булгакова спектакль вообще утрачивал какой-либо содержательный смысл, хотя некоторые внешние приметы мейерхольдовской постановки описаны точно. Пародируя, сатирически остраняя принципы конструктивизма и биомеханики в действии, Булгаков по-своему отвечал и на теоретические декларации Эренбурга, и на личные выпады Мейерхольда в его отзыве о «Записках режиссера» Таирова.

Не ограничившись уничижительным откликом на конкретный спектакль, Булгаков включил в фельетон и общее рассуждение о Мейерхольде и его творческой репутации:

«Вы опоздали родиться,— сказал мне футурист.

Нет, это Мейерхольд поспешил родиться.

— Мейерхольд — гений!! — завыл футурист.

Не спорю. Очень возможно. Пускай гений. Мне все равно. Но не следует забывать, что гений одинок, а я — масса. Я — зритель. Театр для меня. Желаю ходить в понятный театр.

— Искусство будущего!! — налетали на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки.

Вообще к черту эту механику. Я устал»[2].

От «Биомеханической главы» тянутся нити к некоторым мотивам повести Булгакова «Роковые яйца» (1925) и пьесы «Багровый остров» (1927). Время действия повести продвинуто лишь на несколько лет вперед с 1924 года, когда она создавалась. Глава шестая повести «Роковые яйца»

[1] *Булгаков М.* Ранняя неизданная проза, с. 56.

[2] Там же, с. 56–57.

названа: «Москва в июне 1928 года». Среди краткосрочных футурологических прогнозов автора есть шутливое замечание о театре, подхватившем злободневный сюжет о «куриной чуме», поразившей вдруг сельское хозяйство республики:

«Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского „Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся, разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга „Курий дох" в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана. Рядом в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженным женским телом, в зелени эстрады под гром аплодисментов шло обозрение писателя Ленивцева „Курицыны дети". А по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цирковые ослики, несли на себе сияющие плакаты: в театре Корш возобновляется „Шантеклер" Ростана»[1].

Поводом для насмешки явилось присвоение имени Мейерхольда его театру. В апреле 1923 года в связи с двумя юбилейными датами – двадцатилетием режиссерской и двадцатипятилетием актерской деятельности по решению Совнаркома В. Э. Мейерхольд получил звание народного артиста республики. Еще раньше, в августе 1922 года, печать обсуждала дела Театра имени Мейерхольда – коллектив актеров присвоил себе это название самочинно и сокращал его как ТИМ. Название прижилось (в 1926 году театр получил статут государственного и стал называться ГосТИМ). Поскольку названия такого рода относили обычно к памяти умерших деятелей, Булгаков и акцентировал этот момент: придуманная им деталь читалась как иронический курсив к реальной вывеске ТИМа, принявшего имя своего директора при его жизни.

Причина «гибели» безудержного в своих фантазиях режиссера заслуживает внимания. Мейерхольд действительно много лет вынашивал замысел постановки пушкинского «Бориса Годунова» (в 1919 году в Петрограде была выпущена его специальная брошюра на эту тему). Смысл булгаковского прогноза и его метафору уловили современники. 10 ноября 1926 года Р. В. Иванов-Разумник заметил в письме к А. Белому: «В повести молодого (не без таланта) Булгакова рассказывается, что Мейерхольд был убит во время постановки в 1927 году „Бориса Годунова", сцены Боярской думы, когда его зашибли насмерть сорвавшиеся с трапеции голые бояре. Не так неправдоподобно, как кажется»[2].

Пародийная деталь повести Булгакова содержит намек и на следующий реальный эпизод истории ТИМа – нашумевшую постановку «Д. Е.». Пьеса писателя Эрендорга «Курий дох» прямо ассоциировалась с романом Эренбурга «Трест Д. Е.», по которому в 1924 году был поставлен мейерхольдовский спектакль, изображавший в смелых картинах историю будущей «гибели Европы». Цирковые трапеции там были уже пройденным этапом, а характернейшими элементами оформления спектакля стали экран, движущиеся ширмы и «цветовая симфония» – игра светом на сцене через софиты с разноцветными фильтрами, помогавшими быстро, как в кино, менять место действия.

Постановке спектакля предшествовал конфликт режиссера с автором. Неудовлетворенный переговорами с Эренбургом в Берлине, Мейерхольд перепоручил инсценировку романа драматургу-ремесленнику М. Г. Подгаецкому. 5 марта 1924 года Эренбург обратился к Мейерхольду с прось-

1 *Булгаков М.* Роковые яйца. Повесть. – Недра, 1925, кн. 6, с. 109–110.
2 Цит. по кн.: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова, с. 233.

бой отказаться от этой инсценировки, в которой мотивы романа «Трест Д. Е.» были искусственно соединены с отрывками из романа Б. Келлермана «Туннель» [1].

Мейерхольд пренебрег правами и замыслом автора, перекроив сюжет его романа в стопроцентный «красный» боевик, подобно тому, как директор театра Геннадий Панфилович в «Багровом острове» обошелся с пьесой драматурга Дымогацкого.

Другим эпизодом, проясняющим отношение Булгакова к театру Мейерхольда и его учеников, стала постановка пьесы С. М. Третьякова «Рычи, Китай!» (премьера – 23 января 1926 года). Она завершала основную линию агитспектаклей Мейерхольда – «Земля дыбом», «Озеро Люль», «Д. Е.».

Премьера «Рычи, Китай!» выявила в ТИМе внутренний конфликт. Ученик и помощник режиссера В. Ф. Федоров заявил о своих единоличных притязаниях на режиссуру «Рычи, Китай!». Он жаловался в печати на крайнюю спешку, в которой готовился спектакль, выпущенный на публику с одной «генеральной репетиции», санкционированной Мейерхольдом.

Генеральная репетиция «Рычи, Китай!» в ТИМе стала одним из прообразов генеральной репетиции в театре Геннадия Панфиловича с теми же «английскими матросами» и с «установкой» на показ антиколониальной борьбы. Подброшенный жизнью мотив пародийно отозвался через два сезона на сцене Камерного театра в пьесе Булгакова «Багровый остров».

Скептически-насмешливое отношение к «левому фронту» театра во главе со Вс. Мейерхольдом, творческое противостояние всему этому направлению, преобладавшему в 1920-е годы над театральным «академизмом», есть факт, засвидетельствованный Булгаковым-фельетонистом тех лет. Такая позиция не исключала интереса писателя к некоторым спектаклям Мейерхольда середины 1920-х годов, например «Мандату» Н. Р. Эрдмана, хотя он резко оспорил правомерность мейерхольдовского подхода к постановке «Ревизора».

По свидетельству Л. Е. Белозерской, она вместе с Булгаковым была в 1926 году на генеральной репетиции «Ревизора» в Театре имени Мейерхольда: «...и когда ехали домой на извозчике, так спорили, что наш возница время от времени испуганно оглядывался. Спектакль мне понравился, было интересно. Я говорила, что режиссер имеет право показывать эпоху не только в мебели, тем более, если он талантливо это делает, а М. А. считал, что такое самовольное вторжение в произведение исказает замысел автора и свидетельствует о неуважении к нему. По-моему, мы, споря, кричали на всю Москву...» [2]

Однако, как ни оспаривал Булгаков эстетику мейерхольдовских постановок «Ревизора» или «Горя уму», он так или иначе испытывал воздействие гротесковой природы ТИМа, дерзко обновлявшего классическую театральную культуру. Позиция и своеобразие таланта Булгакова-драматурга могут быть правильно поняты в контексте главных направлений борьбы и взаимодействия творческих течений советского театра.

При выпуске «Дней Турбиных» во МХАТе Мейерхольд проявил неподдельный интерес к молодому, подающему большие надежды драматургу и даже содействовал успешному продвижению булгаковского спектакля на сцену через последние реперткомовские кордоны. 21 сентября 1926 года,

[1] См.: *Франк* [Федоров В. Ф.]. «Д. Е.» в Театре им. Вс. Мейерхольда (ориентировочные материалы для критики к предстоящей премьере).– Новый зритель, 1924, № 18, с. 16.
[2] *Белозерская-Булгакова Л.* О, мед воспоминаний... Ann Arbor, 1979, с. 78.

перед решающим закрытым просмотром, Мейерхольд послал Станиславскому записку: «Дорогой Константин Сергеевич, необходимо на четверг 23 сентября 26 г. (показ пьесы Булгакова) разослать пригласительные билеты следующим лицам: *Сосновский, Виленский-Сибиряков* (журналисты), *Кнорин* [Агитпроп ЦК ВКП(б)], *Ларин, Рафаил* (старые коммунисты; из них Ларин уже вел полемику с Блюмом в „Правде" по поводу запрета каких-то пьес в Большом театре). Прилагаю листок с адресами. ⟨...⟩ Все перечисленные лица уже предупреждены о цели посещения закрытой репетиции». А через пять дней Мейерхольд подтвердил в письме к своему учителю: «Поздравляем с победой (разрешение пьесы Булгакова)»[1].

В следующем году Мейерхольд обратился к Булгакову с просьбой дать ему для предстоящего сезона новую пьесу: «Смышляев (актер и режиссер МХАТа-2. — *А. Н.*) говорил мне, что Вы имеете уже новую пьесу и что Вы не стали бы возражать, если бы эта пьеса пошла в театре, мною руководимом»[2].

Булгаков откликнулся на письмо Мейерхольда, однако новой пьесы у него не было, а то, что имелось («Бег», «Багровый остров»), для ТИМа вряд ли подходило. Время и обстоятельства усилили отчужденность между ними, выраженную со стороны Булгакова более внятно. Собственные театральные вкусы Булгакова привели его тогда во МХАТ, в Театр имени Евг. Вахтангова и, наконец, в Камерный театр к А. Я. Таирову.

3.

Премьера «Дней Турбиных», состоявшаяся 5 октября 1926 года, открыла новую эпоху в истории МХАТа. Поставленный И. Я. Судаковым при участии К. С. Станиславского, спектакль явился также одним из поворотных моментов в театральном движении 1920-х годов. Станиславский неизменно отдавал должное литературному, актерскому и режиссерскому таланту Булгакова, проявившемуся в процессе репетиций его новой пьесы: «Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях „Турбиных". Собственно — он поставил их, по крайней мере дал те блестки, которые сверкали и создавали успех спектаклю»[3].

Сохранилась стенограмма бурного диспута, имевшего место 7 февраля 1927 года по поводу «Дней Турбиных» во МХАТе и «Любови Яровой» в Малом театре. Обе постановки ныне признаны советской театральной классикой, но далеко не так оценивали значение каждой из них участники диспута в ТИМе, среди которых были и нарком просвещения А. В. Луначарский, и ответственный работник Главреперткома А. Р. Орлинский, и завлит МХАТа П. А. Марков, и директор Малого театра В. К. Владимиров, и сам Булгаков.

Луначарский решительно отклонил обвинения булгаковской пьесы в «контрреволюционности», которые раздавались и в печати, и вслух. Далеко не все позиции автора и театра он принимал; десять тезисов его доклада содержали «социологическую» критику пьесы и объясняли причины ее успеха в театре.

Булгаков на диспуте ограничился короткой язвительной речью, хотя у него были веские поводы возражать. «Я ничего не имею против того, чтобы пьесу ругали как угодно, — заявил Булгаков, — я к этому привык, но я хотел бы, чтобы сообщали точные сведения. Я утверждаю, что критик

[1] *Мейерхольд В.* Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 253.
[2] Там же, с. 265—266.
[3] *Станиславский К.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1961, т. 8, с. 269.

Орлинский эпохи 1919 года, которая написана в моей пьесе и в романе, абсолютно не знает»[1].

Вместе с правдой эпохи в спектакле «Дни Турбиных» была выражена гуманная точка зрения автора и театра, которые звали не к продолжению гражданской усобицы, а к национальному примирению, к насущной необходимости жить дальше без жестокости и насилия, ставших привычными в годы затяжной братоубийственной войны.

В конце двадцатых годов эта идея вызывала еще у многих бурные возражения, общество в целом пришло к ней позже, приняв как должное «Хождение по мукам» А. Толстого и шолоховский «Тихий Дон».

История мхатовской постановки «Дней Турбиных», судьба спектакля в 1920-е и 1930-е годы, обстоятельства создания «Бега», смысл этой новой сатирической драмы и полемика вокруг нее при жизни Булгакова, репетиции, неудавшиеся попытки проложить пьесе дорогу на сцену и так далее — все эти вопросы уже не раз рассматривались исследователями. С выходом книги А. М. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» (1986) одна из крупных проблем истории советского театра (и творческой биографии Булгакова) получила достаточно полное и убедительное освещение. Теперь можно считать доказанной смелую мысль П. А. Маркова, высказанную в свое время: после Чехова и Горького в истории Московского Художественного театра не было столь же одаренного, оригинального, крупного драматурга, как Булгаков. И не вина, а трагическая беда писателя состояла в том, что расцвет его таланта пришелся на крайне тяжелое, неблагоприятное для искусства время, так и не позволившее Художественному театру осуществить все то, что хотел или мог создать для сцены Булгаков.

Комедия «Зойкина квартира» в постановке А. Д. Попова (премьера — 28 октября 1926 года) шла на вахтанговской сцене два сезона, а затем была исключена из репертуара театра — отнюдь не потому, что потеряла успех у публики.

Булгаков точно определил место и время действия: нэповская Москва 1920-х годов, очнувшаяся после голодных лет «военного коммунизма» и стремящаяся изо всех сил приспособиться к новым условиям социальной жизни.

Глубокий замысел трагифарса обнаруживается в комических или трагических несовпадениях прежнего и нынешнего положения героев в обществе, характера бытия и особенностей сознания на прошлой и настоящей ступеньке жизни. Действие «Зойкиной квартиры» развивается по нарастающей — от необычного к смешному, от смешного к страшному.

К финалу пьесы вполне проясняется характер бывшего графа Обольянинова. В прошлом очень богатый человек, а теперь социальный отщепенец, он обретается при Зойке, потеряв опору в жизни. Безвольный морфинист, он оживает только после очередной порции наркотика и в этом лишь состоянии возвращает себе на время прежнюю иронию, блеск и изысканность аристократа. Под стать ему и кузен Зойки, Александр Тарасович Аметистов, картежный шулер, человек, по характеристике автора, во всех отношениях беспринципный, который не останавливается ни перед чем. «При всех его отрицательных качествах,— писал Булгаков,— почему-то обладает необыкновенной привлекательностью, легко сходится с людьми и в компании незаменим. Его дикое вранье поражает окружающих...

[1] Из стенограммы диспута о постановке пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» во МХАТе и пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая» в Малом театре.— ЦГАЛИ, ф. 2355, оп. 1, ед. хр. 5.

Аметистов врет с необыкновенной легкостью в великолепной, талантливой актерской манере»[1].

Роль Аметистова – едва ли не лучшая в пьесе – открывает в нем достойного наследника гоголевского Хлестакова, а еще больше Кречинского из бессмертной комедии А. В. Сухово-Кобылина. Он может считаться и старшим братом Остапа Бендера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»[2]. Булгаков выявил психологическую трансформацию этого социального типа в новых общественных условиях, обнаружил его поразительную живучесть, способность видоизменяться и возрождаться во все времена.

Р. Н. Симонов был счастлив, когда художественный совет театра поручил ему роль Аметистова.

«Я видел вас в „Карете святых даров“ и в „Принцессе Турандот“, – сказал молодому артисту Булгаков. – Я понял после этого, что вы должны играть эту роль, а Щукину поручена роль Ивана Васильевича из Ростова...»[3]

Знавший цену воодушевлению и фантазии в работе актера, Булгаков поддержал творческую импровизацию молодых вахтанговцев, Р. Н. Симонова – Аметистова и А. Д. Козловского – Обольянинова, открывших неожиданные нюансы в психологии его персонажей. Он и в замысле своей пьесы стремился не к жесткой типологии масок, упрощающих характеры, а к многомерности образов, к богатству сознательных и подсознательных движений, свойственных реальным людям. Исполнителям «Зойкиной квартиры» Булгаков советовал уходить от вульгарного бытового тона, от грубой карикатуры и шаржа, подсказывал средства глубоко осмысленной и психологически достоверной игры.

У автора тем не менее были определенные претензии к режиссуре А. Д. Попова. Разоблачительный сатирический «нажим» постановщика казался Булгакову в ряде моментов неоправданным и чрезмерным.

В июле 1933 года актриса и переводчица Мария Рейнгардт, жившая в Париже, попросила у Булгакова разрешение перевести «Зойкину квартиру» для парижского театра «Старая голубятня». Булгаков дал согласие на перевод и постановку. В результате возникла самостоятельная редакция «Зойкиной квартиры» 1935 года. Рассчитанная на зарубежного зрителя, плохо знающего русский быт, она во многом отлична от пьесы, шедшей в 1926–1928 годах в Москве. Только с этой последней редакцией пьесы и познакомились пока советские читатели и театры[4]. Между тем ранняя редакция пьесы 1925–1926 годов имеет собственную ценность. В ней больше острых бытовых и житейских деталей, комических положений, блесток разговорного языка, относящихся ко времени создания пьесы. Она сохраняет много точек соприкосновения и отталкивания с современной ей комедийной драматургией – пьесами Н. Р. Эрдмана, А. М. Файко, В. П. Катаева, Б. С. Ромашова, А. Н. Толстого, драматическими сатирами В. В. Маяковского. Сопоставление двух версий «Зойкиной квартиры», опубликованных в настоящем томе, приоткрывает особенности внутренней эволюции Булгакова-драматурга – от бурных для него театральных событий

[1] *Булгаков М.* Из писем. (Письмо к М. Рейнгардт от 1 авг. 1934 г.). Публикация и примеч. В. Гудковой. – Совр. драматургия, 1986, № 4, с. 263.

[2] Оба эти характера, Аметистова и Остапа Бендера, Д. С. Лихачев возводит к фигуре Альфреда Джингля из «Пиквикского клуба» Диккенса. См.: *Лихачев Д.* Литературный «дед» Остапа Бендера. – В кн.: Лихачев Д. Литература – реальность – литература. Л., 1981, с. 180–186.

[3] *Симонов Р.* Мои любимые роли. – В кн.: Воспоминания о Михаиле Булгакове, с. 356.

[4] См.: *Булгаков М.* Зойкина квартира. Трагический фарс в 3-х актах. Публ. В. Гудковой. – Совр. драматургия, 1982, № 2, с. 171–192. Перепечатано в кн.: Булгаков М. Пьесы. М., 1986, с. 333–378.

середины 1920-х годов к тягостному литературному молчанию на родине в середине 1930-х.

4.

Большой театральный успех Булгакова в 1926—1927 годах, связанный с постановками его пьес «Дни Турбиных» во МХАТе и «Зойкина квартира» в Театре имени Вахтангова, вызвал настороженное внимание критики. Она судила все более резко и не ограничивалась одними только литературными приговорами.

В конце 1927 года вышел в свет стенографический отчет майского партсовещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) «Пути развития театра». В архиве Булгакова сохранился экземпляр этой книги с многочисленными пометами и подчеркиваниями писателя в тех местах, где речь шла лично о нем. Тон некоторых ораторов не сулил автору «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры» ничего хорошего.

П. И. Лебедев-Полянский, тогдашний начальник Главлита, резко критиковал МХАТ за «консервативную» репертуарную линию и доказывал, что «если бы советская власть в лице партийных представителей и цензурных органов не вмешалась в репертуар 26—27 года, то этот репертуар Художественного и других театров был бы заполнен булгаковщиной, сменовеховщиной, мещанством...»[1].

Критик А. Р. Орлинский, неустанно преследовавший Булгакова и по линии Главреперткома, и со страниц еженедельника «Современный театр», который он редактировал, осуждал репертуар академических театров: они, по его мнению, оставались на «правом фланге». «Отсюда,— заявлял он,— и борьба с „Днями Турбиных“, „Зойкиной квартирой“, „Евграфом, искателем приключений“, „Градом Китежем“ и другими проявлениями мелкобуржуазной стихии на этом фронте»[2].

Вынужденный защищаться от прямых политических нападок, Луначарский весьма язвительно говорил на совещании о «трубных выступлениях» тех неистовых ораторов, которые утверждали, будто «в театрах вообще гнездится разврат и контрреволюция и что до сих пор партия это проглядела и за то тем более к ответу должна призвать этого зловредного Луначарского, который своей спиной закрыл эти театры...»[3].

Возражая В. И. Блюму и А. Р. Орлинскому, Луначарский вскрыл фактическую закулисную историю постановки «Дней Турбиных», когда пьеса после всех колебаний была разрешена ценою существенных переделок текста, в которых реперткомовцы приняли самое непосредственное участие.

Третьего сентября 1928 года в «Известиях» появилась статья Ив. Дорошева «За четкую классовую линию на фронте культуры». Булгаков густо отчеркнул абзац, имевший к нему непосредственное отношение: «Не случайно также и развитие театра приобрело в последнее время более конфликтную форму. „Булгаковщина“ — нарицательное выражение буржуазного демократизма, сменовеховства в театральном творчестве — составляет ту классовую атмосферу, в которой сейчас предпочитает жить и дышать буржуазный интеллигент в советском театре».

В одном отношении Ив. Дорошев был прав: развитие театра, да и всей культурно-идеологической сферы, действительно приобрело к концу 1920-х годов «более конфликтную форму». Но отнюдь не притязания «сменовеховства» или «буржуазного демократизма» были тому причиной.

[1] Пути развития театра. М.; Л., 1927, с. 214.
[2] Там же, с. 134.
[3] Там же, с. 231.

Резкий отход от ленинской концепции нэпа означал курс на свертывание и выхолащивание социалистической демократии, усиление административно-бюрократических и репрессивных тенденций в государственной, общественной и культурной жизни. Первыми почувствовали на себе зловещие перемены в общественном климате такие писатели, как Б. А. Пильняк, Е. И. Замятин, П. С. Романов, О. Э. Мандельштам, М. А. Булгаков, А. А. Чаянов, Н. Р. Эрдман.

Однако «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» продолжали идти с аншлагом. Нападки критики отчасти даже способствовали их стойкому зрительскому успеху, и противники «булгаковщины» сделали все, чтобы не допустить новую пьесу – «Бег» – на мхатовскую сцену. В мае 1928 года реперткoм ее отклонил: основные обвинения против «Турбиных» были переадресованы «Бегу».

В защиту пьесы выступил Горький, прочитавший ее в рукописи. 9 октября 1928 года во МХАТе состоялась читка «Бега». Ее организатор В. И. Немирович-Данченко пригласил на заседание художественного совета МХАТа, кроме Горького, начальника Главискусства А. И. Свидерского, члена коллегии Внешторга Я. С. Ганецкого, редактора журнала «Печать и революция» В. П. Полонского, председателя правления Госиздата А. Б. Халатова и других. Булгаков сам читал свою пьесу – так живо и выразительно, как мог читать только он.

Одиннадцатого октября 1928 года «Правда» подтвердила в своей информации, что новая пьеса Булгакова «Бег» имеет все данные художественного произведения, идеологически вполне приемлема и удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к театральному репертуару. Главрепертком разрешил МХТ-1 приступить к репетициям «Бега» после некоторых изменений.

Горький высказался о «Беге» еще определеннее:

«Из тех объяснений, которые дал режиссер Судаков, видно, что на него излишне подействовала „оглушительная“ резолюция Главреперткома. Чарнота – это комическая роль, что касается Хлудова, то это больной человек. Повешенный вестовой был только последней каплей, переполнившей чашу и довершившей нравственную болезнь.

Со стороны автора не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это – превосходнейшая комедия, я ее читал три раза, читал А. И. Рыкову и другим товарищам. Это – пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене Художественного театра.

...Когда автор здесь читал, слушатели (и слушатели искушенные) смеялись. Это доказывает, что пьеса очень ловко сделана.

„Бег“ – великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас» [1].

Представительное обсуждение «Бега» во МХАТе, по существу, отменило резолюцию Главреперткома; новой пьесе Булгакова (при соблюдении некоторых формальностей) открывался путь на сцену. Это решение еще раз подтвердил публично А. И. Свидерский, революционер-подпольщик с большим опытом партийной работы и широким философско-политическим кругозором, которого меньше всего можно было бы заподозрить в беззубом «примиренчестве» или притуплении «классового чутья».

В октябре 1928 года А. И. Свидерский выступил на пленуме ЦК Всесоюзного объединения работников искусства (Всерабис) и между прочим сказал: «Из всех прочитанных мною пьес лучшая пьеса – „Бег“, которая

[1] Цит. по кн.: *Смелянский А.* Михаил Булгаков в Художественном театре, с. 164–165.

содержит в себе элементы художественности. Если она будет поставлена, она произведет сильнейшее впечатление. ...По существу дела пьеса чрезвычайно приемлема, ибо в художественной форме показывает банкротство эмиграции, особенно в сценах, когда врангелевский генерал играет в Константинополе на тараканьих бегах. Все это произведет на рабочего, на красноармейца, на крестьянина потрясающее впечатление»[1].

Брошюра с докладом А. И. Свидерского также сохранилась в архиве Булгакова с его пометами; это было одно из немногих официальных выступлений, в которых его пьеса получила вполне положительную оценку.

Речь Горького на обсуждении «Бега» и прямая поддержка Свидерского, казалось бы, устраняли последние препятствия для его постановки в Московском Художественном театре. Однако в тот момент – и надолго – возобладала другая политика. Как справедливо отметил в своей книге А. М. Смелянский, торжество МХАТа и его драматурга продолжалось не более десяти дней. 22 октября 1928 года на расширенном заседании политико-художественного совета Главреперткома вновь обсуждался «Бег». На этот раз в обсуждении уже не участвовал Горький (13 октября он вновь уехал лечиться в Италию), зато присутствовала вся верхушка РАППа и другие постоянные антагонисты Булгакова: Л. Л. Авербах, В. М. Киршон, А. Р. Орлинский... 24 октября 1928 года, за несколько дней до тридцатилетия МХАТа, печать сообщила о повторном запрете постановки «Бега» на сцене театра-юбиляра.

В борьбе против пьес Булгакова и их постановок объединились крупные административно-политические силы: аппарат Главреперткома, для которого запрет «Бега» стал своего рода защитой «чести мундира»; руководство РАППа и журнала «На литературном посту», которое видело в Булгакове прямого политического врага; литературные отделы «Комсомольской правды» и журнала «Молодая гвардия», находившиеся под определенным влиянием «левых» литературных групп, резко усиливших травлю «попутчиков» и так называемых «правых». К этой травле присоединились и некоторые доброхоты-драматурги: они ощущали в Булгакове конкурента и полагали, что наступил удобный момент, вытеснив «булгаковщину», навязать МХАТу и другим наиболее почтенным театрам свои собственные, пусть не очень талантливые, но зато стопроцентно «выдержанные» произведения.

По следам запрета «Бега» Главреперткомом «Комсомольская правда» напечатала 23 октября 1928 года подборку: «Бег назад должен быть приостановлен». С ней соседствовал фельетон И. И. Бачелиса «Тараканий набег», осуждавший неопубликованную и не поставленную на сцене пьесу.

Пятого ноября 1928 года в печати появилась злобная статья, направленная против «бесхребетной политики Главискусства», благодаря которой пьесы Булгакова были поставлены и еще продолжали идти в Москве (официальными проводниками этой политики до 1929 года оставались А. В. Луначарский, А. И. Свидерский и другие). Вместо соревнования разных писателей и направлений статья декларировала господство одной линии в театре и уничтожение другой: «„Бег“, „Дни Турбиных“, „Зойкина квартира“ Булгакова и „Атилла“ Замятина не могут уживаться рядом с „Разломом“ и „Бронепоездом“. Об идеологическом нэпе не может быть и разговоров... Организуем блокаду против булгаковщины, против „заката“ пролетарской диктатуры на фронте искусства...»[2]

[1] Задачи Главискусства. Доклад начальника Главискусства тов. Свидерского на пленуме ЦК Всерабис (окт. 1928 г.). Прения по докладу и постановление пленума. М., 1929, с. 113.
[2] *Кор И.* Ударим по булгаковщине! – Рабочая Москва, 1928, 5 нояб.

Сторонники «пролетарской диктатуры» на фронте искусства плохо представляли себе, чем этот объявленный курс обернется в ближайшие годы для них самих. Статья обнаружила «сверхзадачу» кампании, поднятой в связи с частным театральным эпизодом – намерением МХАТа поставить «превосходнейшую», по словам Горького, пьесу «Бег». За дымовой завесой обличения «сменовеховства» в статье просматривается действительная смена прежних, ленинских вех в области культуры и стремление утвердить в этой сфере жесткий диктат, соответствующий новому этапу политической борьбы в государстве и усилению личной власти И. В. Сталина. Не случайно и полемика о Булгакове в конце концов замкнется именно на нем.

5.

Двадцать шестого сентября 1928 года газета «Известия» сообщила: «Главреперткомом разрешена к постановке в Камерном театре новая пьеса М. Булгакова „Багровый остров" – генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами в 4-х действиях с прологом и эпилогом. 〈...〉 „Багровый остров" явится одной из ближайших постановок театра».

Сообщение оказалось неожиданным для многих, не исключая автора. Осенью 1928 года Булгаков готов был ждать чего угодно, но только не беспрепятственного разрешения «Багрового острова». Его положение в литературном мире становилось все более тяжелым. С публикациями прозы практически было покончено. Роман «Белая гвардия», ввиду прекращения выпуска журнала «Россия», появился без окончания, а надеяться на издание романа отдельной книгой не приходилось. Повесть «Собачье сердце», изъятая в рукописи при домашнем обыске в 1926 году, попала в число произведений, не разрешенных для публикации в СССР. Какие-то надежды были связаны только с театром.

Двадцать седьмого сентября 1928 года, назавтра после заметки «Известий», Булгаков писал в Ленинград Е. И. Замятину:

«Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились.

Плохо не это, однако, а то, что я деловую переписку запустил.

Человек разрушен.

К той любви, которую я испытываю к Вам, после Вашего поздравления присоединилось чувство ужаса (благоговейного).

Вы поздравили меня за две недели до разрешения „Багрового острова".

Значит, Вы – пророк.

Что касается этого разрешения, то не знаю, что сказать. Написан „Бег". Представлен.

А разрешен „Багровый остров".

Мистика.

Кто? Что? Почему? Зачем?

Густейший туман окутывает мозги»[1].

Е. И. Замятин действительно первым предрек «Багровому острову» выход на сцену. Это объясняли два момента: он общался с Горьким, приехавшим в мае 1928 года из Италии в СССР, а к Горькому стекалось много сложных литературных дел, на которые он имел возможность

[1] Из писем Михаила Булгакова. Письма к Е. И. Замятину. (1928–1931). Публ. Е. Ю. Литвин. – Памир, 1987, № 8, с. 96–97.

влиять, минуя обычную субординацию. Да и характер пьесы, в которой затрагивались действия реперткома, побуждал думать, что прямой запрет «Багрового острова» поставил бы этот орган в невыгодное положение. Проще было театральную дерзость Булгакова разрешить – со всеми последствиями, вытекавшими из такой огласки, для автора.

Под крики ненависти и призывы к «блокаде» московский Камерный театр под руководством А. Я. Таирова завершал к концу 1928 года репетиции пьесы. Злободневность ее к тому времени лишь возросла – сама действительность «разыгралась» по схеме булгаковской пьесы. Конкретная общественная ситуация к премьере была такова, что для взрыва «праведного негодования» левой критики все было готово. Заслуживает внимания и ближайший контекст, те спектакли, которые возникали одновременно и рядом с театральной пародией Булгакова.

Театр имени Вс. Мейерхольда возобновил «Д. Е.», 24 октября 1928 года этот спектакль прошел в новом варианте. К Октябрьской годовщине заново была поставлена «Земля дыбом». Осенью 1928 года продолжали идти на сцене «Рычи, Китай!» в ГосТИМе, «Лево руля» в Малом театре, «Шторм» в Театре имени МГСПС и другие спектакли последних двух-трех лет, мотивы которых Булгаков отчасти пародировал в «Багровом острове». Драматургический памфлет в Камерном театре, рассчитанный на узнаваемость, должен был задеть в театральном мире многих, если не всех.

Это и подтвердилось после премьеры «Багрового острова». Она прошла 11 декабря 1928 года и вызвала поток негодующих откликов прессы.

А. Я. Таиров еще раз повторил в печати, как он понимает цели спектакля:

«Местом действия „Багрового острова“ является театр в провинциальном городе со всей его допотопной структурой. Театр наскоро „приспособился“ и стал с помощью все того же арсенала своих изобразительных средств, ничтоже сумняшеся, ставить на своей сцене только сугубо „революционные“, только сугубо „идеологические“ пьесы.

И директор театра – Геннадий Панфилович, и драматург – Дымогацкий, он же Жюль Верн, – оба на курьерских, вперегонки „приспособляются“ и оба полны почти мистического трепета перед третьим – „Саввой Лукичом“, ибо от него, от этого „Саввы Лукича“ зависит „разрешеньице“ пьесы или „запрещеньице“.

Для получения этого „разрешеньица“ они готовы как угодно перефасонивать пьесу.

В нашу эпоху подлинной культурной революции является, на наш взгляд, серьезной общественной задачей в порядке самокритики окончательно разоблачить лживость подобных приемов, к сожалению еще не до конца изжитых. Эту общественную и культурно важную цель преследует в нашем театре „Багровый остров“ – спектакль, задачей которого является путем сатиры ниспровергнуть готовые пустые штампы как общественного, так и театрального порядка.

В этом плане выдерживается вся постановка и весь стиль спектакля, как в порядке его режиссерской трактовки, так и в приемах игры, сценического оформления и музыкального монтажа»[1].

Место действия – «театр в провинциальном городе» – было всего лишь осторожным лукавством; на самом деле реальные адресаты пародии «Багрового острова» обитали по преимуществу в столице и располагались совсем неподалеку от Камерного театра.

[1] *Таиров А.* О «Багровом острове» (в Камерном театре). – Совр. театр, 1928, № 50, с. 803.

Больше всех пародией Булгакова был задет так называемый «левый фронт». Впервые на театральной сцене предстали в комическом свете ситуативные и стилевые издержки таких пьес, как «Д. Е.», «Рычи, Китай!», «Шторм», «Лево руля» и тому подобные. А в плане постановочной эстетики Камерный театр выступил прежде всего против конструктивистских и натуралистических элементов всякого рода «агитспектаклей», столь заметных в театральной жизни 1920-х годов.

Смешные или слабые стороны театральной эпохи в спектакле были сознательно сдвинуты, сгущены, гротескно заострены. Между тем стиль «Багрового острова» до сих пор еще трактуют порой как увлечение «гротеском во имя гротеска»[1], явно пренебрегая реальностями, которые были по-своему отражены и в содержании, и в форме этого драматического памфлета.

Те, кто полагал, будто сатира «Багрового острова» — одно сплошное «издевательство» или «пасквиль», глубоко заблуждались. Пародия Булгакова заключала в себе гамму красок и чувств — от сарказма до прямого участия к людям театра, вынужденным поступать совсем не так, как хотелось бы, а как диктуют внешние обстоятельства.

Ведь положение, в каком оказался директор театра Геннадий Панфилович перед лицом чиновника из реперткома — Саввой Лукичом, оставалось, к несчастью, типичной, стандартной ситуацией. Ее не миновал ни один крупный руководитель театра того времени, будь то В. Э. Мейерхольд или М. А. Чехов, А. Я. Таиров или В. И. Немирович-Данченко.

За полтора года до постановки «Багрового острова» в Камерном театре, на майском совещании 1927 года по вопросам театральной политики при Агитпропе ЦК ВКП(б), об унизительности такого положения открыто говорил именно Мейерхольд. Посреди речи он мастерски воспроизвел многозначительный диалог с тогдашним директором МХАТа-2, гениальным актером нашего века М. А. Чеховым, против которого критика и репертком вели грубую «идеологическую» кампанию.

Не только М. А. Чехов в МХАТе-2 или И. Я. Судаков в МХАТе-1 (при постановке «Дней Турбиных» и последующем рассмотрении «Бега») испытывали на себе «наступления» со стороны А. Р. Орлинского и его коллег (такого же или более высокого ранга); «наступления» выдерживал и Мейерхольд, когда, например, один из его лучших спектаклей «Мандат» едва-едва избежал участи стать запрещенным.

«Вы говорили о „Мандате" сочувственно, — обратился Мейерхольд к тому же Орлинскому, — а ваш предшественник по Главреперткому чуть-чуть эту пьесу не зарезал, и простая случайность только, потому что по какой-то ошибке пришел в наш театр цензуровать какой-то товарищ в юбке, которая, по нечаянности, спектакль пропустила, но если бы пришел товарищ в штанах, может быть, „Мандат" бы не пропустили, но это — пустая случайность»[2].

«Багровый остров» Булгакова, собственно, и был написан на тему о «пустой случайности»: Геннадий Панфилович в конце концов смог добиться разрешения на сугубо «идеологическую» пьесу Жюля Верна — Дымогацкого, переиначив до неузнаваемости ее финал, но ведь это и была пустая случайность, как при постановке «Мандата»...

Запретительная политика в области театра, подвергнутая в мае 1927 года критике на совещании при Агитпропе ЦК ВКП(б) почти всеми крупнейшими театральными деятелями того времени, к 1929 году не толь-

[1] *Новиков В.* М. А. Булгаков-драматург. — В кн.: Булгаков М. Пьесы. М., 1986, с. 20.

[2] О театральной политике. Речь Всеволода Эмильевича Мейерхольда. — Жизнь искусства, 1927, № 19, с. 5.

ко не смягчилась, но, напротив, стала еще более односторонней и жесткой. В осознании этого факта Булгаков и Таиров в «Багровом острове» нисколько не расходились с Мейерхольдом по существу. Можно сказать, они протягивали ему руку. Но разногласия в сфере творчества, на уровне театрально-художественных идей и вкусов, по-прежнему оставались. Они добавили кое-какие оттенки замыслу пьесы и стилю постановки «Багрового острова».

Крупными, резкими штрихами изображал Геннадия Панфиловича в Камерном театре И. И. Аркадин. В облике персонажа совмещались противоположные качества: европейский театральный лоск (он же – «лорд Гленарван»!), житейская находчивость, переходящая в угодливость и фиглярство – самое неприятное для директора театра. Костюм Геннадия Панфиловича отчасти напоминал стилизованный образ доктора Дапертутто в известном дореволюционном шарже Ре-Ми на В. Э. Мейерхольда, а отчасти – современного циркового клоуна. Черный фрак с манишкой, цилиндр, галстук-бабочка, характерные для маэстро,– и тут же брюки в крупную клетку, годные скорее для циркового манежа. Впрочем, идея соединения театра и цирка принадлежала не Булгакову и не Таирову: то была одна из давних идей Мейерхольда, полагавшего, что «циркизация» театра, привнесение в него элементов акробатики, клоунады и аттракциона соответствует его изначальной сути площадного, «балаганного» зрелища.

Геннадий Панфилович в своем театре – настоящий комедиант, способный исполнять под маской директора самые разные роли. Он и бесспорный режиссер этого мирка, знающий изнутри его кухню, и бывалый лицедей, и коммерческий распорядитель непрочного, странного дела, и блюститель «идеологических основ», лучше автора знающий, как «выправить» в духе времени любую пьесу.

Мотив «буффонады», который присутствует в искусстве и в жизни Геннадия Панфиловича, центральной фигуры «Багрового острова», на свой лад подхватывает помощник режиссера Никанор Метелкин – он же слуга Паспарту, он же говорящий попугай, он же ставит самовары Геннадию Панфиловичу (эту роль младшего комика-простака в спектакле с успехом исполнял Н. М. Новлянский). Роль тоже строилась с использованием элементов циркового искусства, тем более что Метелкин, по замыслу автора и режиссера, пародировал испытанные приемы театральной «трансформации», игры на сцене в нескольких лицах, чем так удивляли публику мейерхольдовские исполнители «Д. Е.».

Образ слуги Паспарту был заимствован автором из Жюля Верна, а говорящий попугай, любимец цирковых аттракционов, влетел в «Багровый остров» из пьесы Билль-Белоцерковского «Лево руля», поставленной в Малом театре. Там попугай принадлежал старшему механику парохода «Англия» и забавлял английских матросов в рейсе от берегов капиталистической Америки к восставшей России.

В эпилоге «Багрового острова» Паспарту возглавляет революционных английских матросов, захвативших яхту «Дункан», почти буквально повторяя основной сюжетный ход и развязку пьесы «Лево руля».

Вступив на путь театральной пародии и рискованных шуток со сцены над «революционными матросами», Булгаков до 1929 года все-таки слабо себе представлял, на что способны эти самые матросы, когда они становятся пролетарскими драматургами. Слабонервный Дымогацкий – Жюль Верн, репортер и драматург, сочинивший сугубо «революционную» пьесу «Багровый остров», был в этом отношении не вполне типичен. Интеллигентская закваска выдавала его с головой. В реальной действительности, с которой имел дело Булгаков, встречались характеры, несравненно более

закаленные. При их живейшем участии и была доведена до логического конца трехлетняя кампания против «булгаковщины».

6.

Главные противники Булгакова не довольствовались критикой «булгаковщины» в печати и жаждали крутых запретительных мер, с которыми медлили и Наркомпрос, и Главискусство. Особую инициативу в этом отношении проявил В. Н. Билль-Белоцерковский. Он решил взять реванш не на театральной сцене, как Маяковский и Мейерхольд в очередных постановках «Клопа» и «Бани», а личным письмом на имя Сталина.

В конце января – начале февраля 1929 года Сталин выступил на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) с резкими политическими обвинениями против Н. И. Бухарина и «правого уклона» в партии. Именно в этот переломный момент был провозглашен курс, который привел в дальнейшем к полному разгрому и физическому уничтожению основного ленинского ядра партии и к величайшим бедствиям для страны. В области культуры новый политический курс был ознаменован отставкой в 1929 году наркома просвещения Луначарского, а также смещением начальника Главискусства Свидерского, вкусы которого оказались слишком либеральными для новых времен.

Автор пьесы «Лево руля» решил предупредить Генерального секретаря о «правой опасности», угрожавшей будто бы со стороны драматурга Булгакова советской сцене при попустительстве руководства искусством, которое прозевало эту «опасность» или же тайно ей сочувствовало. Письмо Билль-Белоцерковского Сталин заметил и 2 февраля 1929 года написал автору собственноручный ответ. Это свидетельствует о немаловажном значении, которое он, со своей стороны, придавал затронутому вопросу. Вот только оценил он проявленную инициативу не совсем так, как рассчитывал его корреспондент.

«Ответ Билль-Белоцерковскому», напечатанный лишь через двадцать лет в Собрании сочинений И. В. Сталина, представляет собой важнейший и, пожалуй, кульминационный документ полемики о Булгакове, разгоревшейся в 1926–1929 годах.

Это письмо сыграло в последующей судьбе Булгакова особую роль и заслуживает поэтому пристального анализа.

Сталин отверг деление театров на «правые» и «левые», распространенное в тогдашней критике. К «левым» (или «революционным») относили обычно Театр имени Вс. Мейерхольда, Театр Революции и Театр имени МГСПС; академические театры считались «правыми», к ним же причисляли Камерный театр и другие. Многие театральные коллективы не имели определенного «вектора», и их направление вычисляли по «окраске» очередного спектакля. Условность предложенных делений была очевидна, как и основная тенденция: «левые» театры слыли революционными, а «правые» – реакционными.

Обращаясь к Сталину, Билль-Белоцерковский выступал, конечно, от лица «левых», стремясь навлечь на противоположную (и конкурирующую) сторону в театре возможно более крутые кары, соответствующие остроте политического момента. Сталин, однако, эту акцию не поддержал.

«Я считаю неправильной самую постановку вопроса о „правых“ и „левых“ в художественной литературе (а значит, и в театре),– писал он.– Понятие „правое“ или „левое“ в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно – внутрипартийное. „Правые“ или „левые“ – это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к та-

кой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр. 〈...〉 Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями **классового** порядка или даже понятиями „советское", „антисоветское", „революционное", „антиреволюционное" и т. д.»[1].

Почему же Сталин отказался не только поддержать, но даже признать «левые» театры в противоположность «правым»? Да потому, что к «левым» он относился не менее подозрительно, чем к «правым»: те и другие для него представляли уклон, достойный политического разгрома. Прерогатива определять характер «чисто партийной линии» принадлежала только сталинскому ЦК, а затем лишь Сталину лично, и любые попытки оспорить это монопольное право, от какой бы группы они ни исходили, пресекались им без снисхождения.

С точки зрения театральной эстетики так называемые «левые» и «правые» театры отличались прежде всего принадлежностью к разным творческим течениям, и основной спор между ними был спором авангардизма с традиционностью, весьма острым для первых десятилетий XX века. И с этой стороны Сталин не особенно жаловал «левых», то есть художественный авангард. Вкусы его были вполне традиционными, и спектакли МХАТа, например, он предпочитал самым изобретательным и действительно революционным по духу постановкам ГосТИМа.

В 1930-е годы гегемония сталинского вкуса проявилась с разрушительной силой и окончилась гибелью целого направления. Что же касалось политических различий между теми же направлениями, то они были невелики (все развивались на почве признания советской власти), и понятия «левый» и «правый» мало что добавляли к реальной общественной значимости того или иного спектакля.

Справедливо отклонив расплывчатое деление на «левых» и «правых», которым вместе со своими единомышленниками из группы «Пролетарский театр» оперировал Билль-Белоцерковский, Сталин предложил применять к художественному творчеству другие, альтернативные определения классового порядка: «советское» — «антисоветское», «революционное» — «антиреволюционное» и так далее.

Поскольку ни слова не было сказано при этом о таком важнейшем для искусства делении, как правдивое и лживое, талантливое и бездарное, то предложенная поправка открывала простор для еще более опасных спекуляций, чем отвергнутые. Сфера искусства при подобной постановке вопроса трактовалась только как политическая идеология, без сложных эстетических опосредований, которые требуют рассматривать литературу и театр прежде всего как явление *художественное.*

По сравнению с марксистско-ленинской концепцией искусства, непременно учитывающей его объективную эстетическую природу, а не только классовую принадлежность и политические установки художника (ленинская теория отражения), то был шаг назад. Взгляды Сталина на литературу и театр не были свободны от вульгарно-социологического схематизма. В этом смысле они отчасти совпадали с рапповской ортодоксией. Схематизм такого рода был вдвойне опасен в условиях, когда многие общественные понятия действительно ставились «вверх дном», а на партийно-государственном уровне постепенно ликвидировались важнейшие завоевания социалистического правопорядка и ленинской культурной политики.

Применимые лишь к сознательным классовым врагам революции и противникам нового общественного строя, такие понятия могли превра-

[1] *Сталин И. В.* Соч. М., 1949, т. 11, с. 326—327.

титься в политическую дубину, еще более тяжелую, чем ярлыки «левый» и «правый». Ибо речь шла о писателях, драматургах и целых театрах, которые честно сотрудничали с советской властью и служили не за страх, а за совесть своему народу, своей культуре и обществу. Понятия «антисоветский» и «антиреволюционный», введенные в практику повседневной литературно-театральной жизни, позволяли перевести любую дискуссию из общественно-эстетической плоскости в разряд политических приговоров. История советской культуры 1930—1950-х годов знает примеры такого «разбора», не говоря о бессудных расправах с художниками.

По отношению к Булгакову лично Сталин не был враждебно настроен, как, например, к Б. А. Пильняку или О. Э. Мандельштаму. Скорее, наоборот, многое в булгаковских пьесах ему нравилось. Возможно, он считался и с оценками Горького, не раз защищавшего талантливейшего современного драматурга. И тем не менее его жесткая общая линия, его политика превращения неугодного в «антисоветское», а нейтрального во «враждебное» имела самые пагубные последствия и для Булгакова, и для многих других писателей той поры.

Показательно, как Сталин отнесся к «Бегу» — одной из лучших пьес писателя, постановка которой на сцене МХАТа была сорвана в 1928 году под крики печати о «булгаковщине» и «правой опасности» в советском театре. Отклонив демагогию насчет «правой опасности», Сталин со своей стороны квалифицировал пьесу таким образом, что при его жизни она уже никогда не была поставлена или напечатана.

Вторым пунктом письма к Билль-Белоцерковскому Сталин подтвердил, что «Бег» Булгакова «тоже нельзя считать проявлением ни „левой“, ни „правой“ опасности. „Бег“ есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины,— стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. „Бег“, в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

Впрочем,— тут же оговаривался Сталин,— я бы не имел ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, посвоему „честные“ Серафимы и всякие приват-доценты оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою „честность“), что большевики, изгоняя вон этих „честных“ сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно»[1].

Текст письма убеждает, что Сталин читал «Бег» в рукописи, а это обстоятельство, само по себе не совсем обычное, доказывает также, что предварительное рассмотрение пьесы Булгакова не ограничилось уровнями Главреперткома и Главискусства... Смысл «Бега» Сталин понял неверно, осудив «жалость», если не «симпатию», к той антисоветской эмиграции, которая была показана в сатирических или трагикомедийных тонах. Оправдания или полуоправдания «белогвардейского дела» в «Беге» не было. А было, напротив, доказательство неискупимой вины Хлудова, ставшего вешателем в неправой войне против собственного народа, анализ безнадежности «белой идеи» и обреченности «белого дела». Бредовая реальность крымских, призрачность парижских и константинопольских «снов» русской эмиграции передавали ее катастрофу глубоко, правдиво и сильно. Герои «Бега», даже те, кто вызывал у автора сострадание и жалость, не знали спасительного выхода. Выход для них был лишь в смер-

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 11, с. 327.

ти, последнем и вечном сне, который представлялся драматургу гораздо более реальным, чем возможное возвращение «на Караванную».

Сочувствие автора к Серафиме и Голубкову еще отчетливей оттеняло тупик бездомности: в нем оказались все без исключения персонажи «Бега». Аттестовать эту пьесу как «антисоветское явление» можно было лишь при крайней предвзятости к ее тексту или – что гораздо более вероятно – преследуя определенные политические цели в борьбе, происходившей на ниве культуры и искусства.

Клеймо «антисоветского явления» было заслужено «Бегом» не больше, чем упреки в «сменовеховстве» или «контрреволюционности», которые Савва Лукич предъявил пьесе гражданина Жюля Верна в эпилоге «Багрового острова». И логика, и аргументы были сходными. Примечательно, что Сталин тоже не имел бы «ничего против» постановки «Бега» в театре и готов был пьесу «разрешить», если бы автор добавил к ней новые сцены, изображающие «внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР». Но, в отличие от Дымогацкого, Булгаков не стал, да и не мог бы этого сделать, хотя бы потому, что необходимые психологические и социальные мотивы его сюжета были исчерпывающе развиты в пьесе.

Охота диктовать писателю, как нужно и как не нужно писать, была главным пороком административной системы управления искусством, остановившей в Художественном театре «Бег» и не пожелавшей себя узнать в зеркале «Багрового острова».

Более объективный взгляд на взаимоотношения искусства с действительностью Сталин проявил в оценке «Дней Турбиных» – может быть потому, что видел эту пьесу на сцене в превосходном исполнении мхатовской молодежи и она, несомненно, произвела на него сильное впечатление. Кроме того, как реальный политик, он никогда не отказывался от преимуществ, которые можно было извлечь из такой важной для любого правителя сферы, как искусство. А «Дни Турбиных» в этом отношении давали гораздо больше, чем иные хваленые стопроцентно «выдержанные» пьесы.

На вопль души Билль-Белоцерковского: «Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова?» – Сталин ответил без сантиментов: «Потому, должно быть, что **своих** пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже „Дни Турбиных“ – рыба. Конечно, очень легко „критиковать“ и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование – дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы „Дни Турбиных“, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: „если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, – значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь“. „Дни Турбиных“ есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере „не повинен“ в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?»[1]

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 11, с. 328.

К началу 1929 года, таким образом, Сталин включился лично в полемику о пьесах Булгакова, приняв «запретительную» точку зрения Главреперткома на «Бег» и высказавшись, пусть с оговорками, в поддержку «Дней Турбиных» на сцене МХАТа. Надо признать, что во втором случае Сталин проявил гораздо больше политического реализма и непосредственного чутья, чем вся рапповско-лефовская критика, рвавшая на груди рубаху «революционности» и изображавшая Булгакова то ли плакальщиком, то ли панегиристом «белой идеи».

В оценке «Дней Турбиных» Сталин был близок к Луначарскому, при том что отношение самого драматурга к объективному содержанию его пьесы представил достаточно грубо: по сталинской версии получалось, будто Булгаков ни в какой мере «не повинен» в том основном впечатлении, какое возникало от «Дней Турбиных».

Но разве это основное впечатление возникало на пустом месте? Разве правдивость произведения, его историческая и психологическая достоверность, его человечность и эмоциональная заразительность не являются важнейшими достоинствами *автора*, с признания которых, собственно, и должна начинаться оценка всякого художественного произведения? Писатель, конечно, «не повинен» в своей талантливости, а ведь сколько было охотников именно это качество ставить ему в вину...

Вопрос о том, надо ли поощрять талант и каким образом,— важнейший во всей дискуссии конца 1920-х годов о Булгакове и его пьесах, да и в оценке всего его художественного наследства.

Билль-Белоцерковский не один придерживался сугубо нигилистической позиции в этом вопросе. Его письмо к Сталину было голосом определенных групп. Рапповский двухнедельный журнал «На литературном посту», который издавался под редакцией Л. Л. Авербаха, В. В. Ермилова, В. М. Киршона, Ю. Н. Либединского и А. А. Фадеева, в конце 1928 года поместил речи Авербаха и Киршона на расширенном октябрьском заседании Главреперткома, приведшем к повторному запрету пьесы «Бег». Их аргументация заслуживает внимания, поскольку потом она надолго перешла в практическую литературную политику и официальные ведомственные клише.

Главная цель Авербаха в этой полемике была элементарно проста: сломать репертуар академических театров, внедрить в него «пролетарских драматургов» за счет «сомнительных» непролетарских авторов, таких, как Замятин, Булгаков, Леонов, Катаев, Олеша и другие. «Разве случайно то обстоятельство,— говорил с трибуны Главреперткома Авербах,— что пролетарские драматурги не идут в МХТ, а в МХТ идет именно Булгаков? Разве случайно то обстоятельство, что Булгаков со своей пьесой „Бег“ обратился не в МГСПС, не в театр им. Мейерхольда, не в театр Революции, а именно в МХТ?»[1]

Развивая тезисы Авербаха, Киршон заявил о «трех ошибках», которые допустили заинтересованные организации, обсуждая вопрос о постановке «Бега». Первую ошибку, по его мнению, допустил Главрепертком, когда разрешил Художественному театру разработку этой пьесы, дозволил вносить в нее поправки и тем самым почти допустил пьесу к постановке.

Вторая ошибка — «ошибка Главискусства, главным образом т. Свидерского, который заявил, что „Бег“ — это одна из лучших пьес наших дней. Мы все знаем эту пьесу,— утверждал Киршон,— и, мне кажется, такое заявление может только дискредитировать Главискусство и его руководителей»[2]. Таков был второй сигнал, обращенный уже наверх — не столько

[1] Почему мы против «Бега» М. Булгакова.— На литературном посту, 1928, № 20-21, с. 49.
[2] Там же.

к руководителям Главискусства, сколько к тем, от кого они сами получали директивные установки.

И наконец, третья ошибка, по Киршону,— это ошибка МХАТа, ошибка Станиславского, всегда выступавшего против грубых «агиток» и «тенденциозности» в искусстве, но почему-то пленившегося такой слабой пьесой, как «Бег». Советскому обществу такая пьеса не нужна, доказывал Киршон, она нужна только тем, «кто оправдывает белое движение и винит во всем союзников, которые бросили эмиграцию»[1].

Киршон еще не знал тогда о четвертой, самой главной ошибке, какую допустил он сам, полагая, будто уничтожение неугодных в искусстве — процесс односторонний, рациональный и не идущий дальше тех пределов, которые мыслились доморощенными стратегами из журнала «На литературном посту». Это главное заблуждение обнаружится через какой-нибудь десяток лет, когда окровавленные головы Авербаха, Киршона и многих других, подобно голове Берлиоза, отрезанной трамваем в «Мастере и Маргарите», скатятся в бездонную яму политических репрессий. То, что произойдет с ними, будет ужасно и беззаконно. Но разве не сами они отчасти и подготовили будущую свою участь? Как Аннушка, пролившая масло на трамвайные рельсы, стала невольным орудием гибели Берлиоза, так рапповская нетерпимость в конце концов обернулась против многих ее застрельщиков...

Булгаков не отказывался от своих пьес, он не готов был и переделывать их, как того требовал реперткомом, или, тем более, писать «красную» идеологическую пьесу в духе Жюля Верна — Дымогацкого, хотя слышал и такие советы. Теперь, однако, дело не исчерпывалось преследованием и травлей в критике, продолжавшимися почти три года, все шло к тому, чтобы заставить писателя замолчать совсем.

Здесь выясняются отличия 1928—1929 годов от недавних времен, когда Булгаков только вступал в литературу. Идея свободного творческого соревнования — генеральная ленинская идея, провозглашенная в резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925),— еще сохранялась как общий лозунг. Между тем на практике одна за другой развертывались кампании: против «булгаковщины», против «пильняковщины», против «замятинщины»... Произведения Булгакова, Замятина, Пильняка оказывались в разряде «непролетарской макулатуры», их участие в соревновании становилось все более проблематичным, а затем и невозможным.

Соревнование могло осуществляться по-настоящему лишь в обстановке расширяющегося политического демократизма, равенства условий для соревнующихся сторон, при соблюдении гарантий гласности и свободы творчества, необходимых строящемуся социализму ничуть не меньше, а больше, чем любому буржуазному обществу. Трудно представить, насколько богаче и разнообразнее могла быть послеоктябрьская художественная культура, если бы исторические деформации социализма, связанные с давлением экономической, политической и культурной отсталости, породившей культ личности Сталина, были бы вовремя предотвращены...

1929 год был ознаменован крутыми переменами и на высших этажах власти. От активной политической и государственной деятельности оттеснялись многие старые большевики, работавшие в свое время с Лениным. Сталин охотно внял поклепу на Свидерского, который содержался во многих документах РАПП и в письме Билль-Белоцерковского. Но и дея-

[1] Почему мы против «Бега» М. Булгакова.— На литературном посту, 1928, № 20-21, с. 50.

тельностью реперткома, с которым начальник Главискусства оставался в конфликте, он также был недоволен — между прочим, за то, что этот орган пропустил на сцену Камерного театра «Багровый остров» Булгакова и пьесу М. Ю. Левидова «Заговор равных». «Верно,— писал Сталин в своем ответе Билль-Белоцерковскому,— что т. Свидерский сплошь и рядом допускает самые невероятные ошибки и искривления. Но верно также и то, что Репертком в своей работе допускает не меньше ошибок, хотя и в другую сторону. Вспомните „Багровый остров", „Заговор равных" и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра»[1].

Уничижительная оценка «Багрового острова» как «макулатуры» (подсказанная, скорее всего, печатью, так как нет данных о том, что Сталин читал пьесу или видел спектакль), квалификация «Бега» как «антисоветского явления» поощряли кампанию против Булгакова. Меньше всего в этом случае можно было говорить о действительном соревновании драматургов. Речь шла о способах выталкивания неугодных и резком ограничении возможностей для художественного творчества.

7.

Еще до того, как письмо Сталина прошло через его канцелярию и попало в руки Билль-Белоцерковского, борьба вокруг Булгакова вышла далеко за литературные рамки. Газета «Рабочая Москва» в начале декабря 1928 года поместила информацию о выступлении А. А. Фадеева, который призывал соратников по журналу «На литературном посту» усилить борьбу против «правой опасности» в лице Булгакова и ему подобных: «...Булгаковых рождают социальные тенденции, заложенные в нашем обществе. Замазывать и замалчивать правую опасность в литературе нельзя. С ней нужно бороться»[2].

В качестве нового ответственного редактора «Красной нови», сменившего на этом посту А. К. Воронского, Ф. Ф. Раскольников в начале января 1929 года заявил: «Во всех своих отделах «Красная новь» будет вести непримиримую борьбу с обострившейся правой опасностью и с усилившимся натиском буржуазных тенденций и антипролетарских настроений. В одном из очередных номеров журнала будет напечатана критическая статья, вскрывающая реакционный творческий путь такого типичного необуржуазного писателя, как Михаил Булгаков»[3].

Хотя Сталин не склонен был переносить понятие «правой опасности» из сферы внутрипартийной борьбы в область литературы и театра, подобные переносы совершались практически на каждом шагу, и после его ответа Билль-Белоцерковскому положение Булгакова на профессиональном и литературно-общественном уровнях стало еще хуже. Сам Булгаков оценил это положение одним словом: катастрофа.

Даже пьесу «Дни Турбиных», которая, по словам И. В. Сталина, «дает больше пользы, чем вреда», в 1929 году поторопились исключить из репертуара Художественного театра. Двойственность сталинской оценки в условиях политической дискредитации Булгакова была истолкована на средних административных этажах управления искусством не в пользу писателя. Что же касалось однозначно негативных характеристик «Бега» и «Багрового острова»,— они сделали свое дело: рапповские ортодоксы получили могущественную поддержку сверху и, конечно же, постарались,

[1] *Сталин И. В.* Соч., т. 11, с. 328—329.
[2] Конец «дракам». «На посту» против булгаковщины.— Рабочая Москва, 1928, 7 дек.
[3] Внимание активным участникам революции! «Красная новь» (Беседа с тов. Ф. Ф. Раскольниковым).— Веч. Москва, 1929, 5 янв.

где только возможно, распространить нелестную сталинскую характеристику этих пьес в качестве руководящей политической директивы.

К середине 1929 года все три пьесы Булгакова, шедшие прежде на московской сцене, были исключены из репертуара. Оценивая перспективы очередного театрального сезона, Р. В. Пикель удовлетворенно сообщал на всю страну: «В этом сезоне зритель не увидит булгаковских пьес. Закрылась „Зойкина квартира", кончились „Дни Турбиных", исчез „Багровый остров". Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов. Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества. Речь идет только об его прошлых драматургических произведениях. *Такой* Булгаков не нужен советскому театру. Факт исключения из репертуара булгаковских пьес имеет известное политическое значение. Широкая советская общественность неоднократно подавала свой голос за снятие их. Театры упорствовали. Борьба вокруг булгаковских пьес была, по существу, борьбой реакционных и прогрессивных группировок внутри театра и вокруг него. Хотя и с опозданием, прогрессивные элементы победили. Справедливость требует отметить, что сами театры не включили этих пьес в текущий репертуар»[1].

При каких обстоятельствах «сами театры» не включили пьесы Булгакова в текущий репертуар,— можно не говорить: бóльшего нажима на спектакли, совсем недавно разрешенные реперткомом, эти театры не испытывали за все двенадцать лет существования советской власти. В год «великого перелома» резко усилилась запретительная политика, которую зачастую направляли не столько прямые директивы сверху, сколько голоса «широкой общественности», узурпированные в печати борцами с «правой опасностью».

Разгром «булгаковщины» и самый момент исчезновения пьес Булгакова с московской сцены зафиксирован одной деталью постановки «Клопа» Маяковского в Театре имени Вс. Мейерхольда (премьера — 13 февраля 1929 года). В начале шестой картины — в сцене «будущего», когда пришла пора «разморозить» Присыпкина, участвующий в эксперименте Профессор вынужден полистать словарь «умерших слов», где, между прочим, читает: «Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза —это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...»

Театр Мейерхольда ответил, как мог, автору «Багрового острова». Спор между давними оппонентами был закономерен. Но почва для дальнейшего спора стремительно уходила из-под ног: литературное имя Булгакова приготовились исключить из числа «живых» уже в 1929-м, а в следующем году рядом с живым именем Маяковского встало другое слово из того же придуманного им словаря: «самоубийство»...

Капитальная ошибка постановщиков «Клопа» насчет Булгакова тем более впечатляет, что к тому времени особенно развилась деятельность людей, которые ставили целью помешать всякому роду его литературной деятельности и добились в том почти полного успеха.

В дополнение к опубликованным материалам пришло время процитировать еще один документ — более раннее письмо Булгакова (июль 1929 года) И. В. Сталину, М. И. Калинину, А. И. Свидерскому и М. Горькому. Оно представляло собою первую попытку обрисовать катастрофу, обрекавшую гонимого писателя на эмиграцию или молчание.

«В этом году исполняется десять лет с тех пор,— писал Булгаков,— как я начал заниматься литературной работой в СССР. Из этих десяти лет последние четыре года я посвятил драматургии, причем мною были напи-

[1] *Пикель Р.* Перед поднятием занавеса (перспективы теасезона).— Известия, 1929, 15 сент.

саны 4 пьесы. Из них три („Дни Турбиных", „Зойкина квартира" и „Багровый остров") были поставлены на сценах государственных театров в Москве, а четвертая – „Бег", была принята МХАТом к постановке и в процессе работы Театра над нею к представлению запрещена.

В настоящее время я узнал о запрещении к представлению „Дней Турбиных" и „Багрового острова". „Зойкина квартира" была снята после 200-го представления в прошлом сезоне по распоряжению властей. Таким образом, к настоящему театральному сезону все мои пьесы оказываются запрещенными, в том числе и выдержавшие около 300 представлений „Дни Турбиных".

В 1926 году в день генеральной репетиции „Дней Турбиных" я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергался допросу.

Несколькими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня „Мой дневник" в 3-х тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей „Собачье сердце".

Ранее этого подверглась запрещению повесть моя „Записки на манжетах". Запрещен к переизданию сборник сатирических рассказов „Дьяволиада", запрещен к изданию сборник фельетонов, запрещены в публичном выступлении „Похождения Чичикова". Роман „Белая гвардия" был прерван печатанием в журнале „Россия", т. к. запрещен был самый журнал.

По мере того, как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений, будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но напротив, чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани.

Все мои произведения получили чудовищные, неблагоприятные отзывы, мое имя было ошельмовано не только в периодической прессе, но в таких изданиях, как Б. Сов. Энциклопедия и Лит. Энциклопедия.

Бессильный защищаться, я подавал прошение о разрешении хотя бы на короткий срок отправиться за границу. Я получил отказ.

Мои произведения „Дни Турбиных" и „Зойкина квартира" были украдены и увезены за границу. В г. Риге одно из издательств дописало мой роман „Белая гвардия", выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать.

Тогда жена моя Любовь Евгеньевна вторично подала прошение о разрешении ей отправиться за границу одной для устройства моих дел, причем я предлагал остаться в качестве заложника.

Мы получили отказ.

Я подавал много раз прошения о возвращении мне рукописей из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на мои заявления.

Я просил разрешения отправить за границу пьесу „Бег", чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР.

Я получил отказ.

К концу десятого года силы мои надломились, не будучи в силах более существовать, затравленный, зная, что ни печататься и ставиться более в пределах СССР мне нельзя, доведенный до нервного расстройства, я обращаюся к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР *об изгнании меня за пределы СССР вместе с женою моей Л. Е. Булгаковой*, которая к прошению этому присоединяется»[1].

[1] Архив А. М. Горького. ПТЛ – 5 – 73, л. 1–2. Письмо представляет собой копию официального заявления, написанную рукой Булгакова, без точной даты (в конце проставлено: « » июля 1929 г.).

Во второй половине 1929 года Горький не оставлял попыток изменить отчаянное положение Булгакова, который не получал ответов на свои ходатайства. 15 сентября 1929 года Горький опубликовал в «Известиях» статью «О трате энергии», пытаясь притормозить травлю Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка. Статья вызвала неудовольствие наверху и ряд откликов разгневанной «общественности», направленных уже против самого Горького. Тогда Горький сел за вторую статью – «Все о том же», где взял под защиту и Булгакова, терпевшего настоящее бедствие. Объединив вместе имена трех крупных писателей, Горький пытался воззвать если не к гуманности, то хотя бы к здравому смыслу:

«Кроме Пильняка, есть немало других литераторов, на чьих головах „единодушные“ люди публично пробуют силу своих кулаков, стремясь убедить начальство в том, что именно они знают, как надо охранять идеологическую чистоту рабочего класса и девственность молодежи. Например, Евгений Замятин, этот страшный враг действительности, творимой силой воли и разума рабочего класса... Насколько я знаю Замятина, Булгакова, а также всех других проклинаемых и проклятых, они, на мой взгляд, не стараются помешать истории делать ее дело, прекрасное и великое дело, и у них нет слепой органической вражды к честным деятелям этого великого и необходимого дела» [1].

Ни «единодушные» люди, которым отвечал Горький, ни «начальство», к чьему разуму он взывал, в тот момент его не услышали, потому что не хотели слушать. Статья «Все о том же» осталась ненапечатанной: даже высший литературный авторитет эпохи не мог изменить обстановки, накалявшейся в стране день за днем.

На исходе 1920-х годов Булгаков был снова поставлен перед необходимостью принимать решения, от которых зависела вся его последующая судьба. И развязка драмы Булгакова в тех обстоятельствах влияла отчасти на то, как сложатся в будущем условия жизни советской литературы и театра.

Время показало, что административное вытеснение драматургии Булгакова со сцены на тридцать с лишним лет не укрепило советский театр, не помогло созданию настоящих, интересных художественных пьес советского характера. Напротив, драматургия и театр от этого стали беднее, однообразнее, а лучше себя почувствовали ремесленники и приспособленцы, для которых «соревнование» без крупных и талантливых конкурентов оказалось делом более простым и доходным. Настоящий талант одним только своим существованием позволяет лучше различать посредственность в искусстве, помогает обществу отделять истинные ценности от мнимых. Потому талант во все времена и вызывает к себе «классовую ненависть» тех, кому он действительно мешает.

В октябре 1929 года Булгаков начал писать пьесу о Мольере «Кабала святош». Тяжелейшая ситуация, в которой находился сам автор, была им глубоко осмыслена, прочувствована и преломлена в исторических зеркалах. Сложнейшая проблематика исторической драмы из эпохи французского абсолютизма XVII века связана с новым этапом духовной и творческой эволюции Булгакова, а также с изменившимися обстоятельствами современной общественной жизни, побудившей поверженного, казалось бы, драматурга обратиться к уроку Мольера, чтобы отстоять себя.

Но это уже следующий раздел театрального наследия Михаила Булгакова.

А. Нинов

[1] Цит. по: *Бялик Б.* Речь о нравственной точности. – Лит. газета, 1987, 28 окт.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1925–1928

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Пьеса в пяти актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТУРБИН АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, военный врач, 30 лет.

ТУРБИН НИКОЛКА, его брат, юнкер, 18 лет.

ТАЛЬБЕРГ ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, их сестра, 24-х лет.

ТАЛЬБЕРГ ВЛАДИМИР РОБЕРТОВИЧ, 35 лет, генштаба полковник, муж Елены.

МЫШЛАЕВСКИЙ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ, штабс-капитан, артиллерист, 27 лет.

ШЕРВИНСКИЙ ЛЕОНИД ЮРЬЕВИЧ, 24-х лет, поручик, личный адъютант гетмана и дебютант оперы.

СТУДЗИНСКИЙ АЛЕКСАНДР БРОНИСЛАВОВИЧ, капитан-артиллерист, 29 лет.

МАЛЫШЕВ, полковник-артиллерист, командир белогвардейского артиллерийского дивизиона, 35 лет.

ЛИСОВИЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ по прозвищу Василиса, инженер, домовладелец, 45 лет.

ВАНДА СТЕПАНОВНА, его жена, 39 лет.

БОЛБОТУН, командир 1-й конной Петлюровской дивизии, 43-х лет.

ГАЛАНЬБА, сотник, командир разведки при 1-й Петлюровской дивизии, 27 лет.

ЛАРИОСИК (ЛАРИОН ЛАРИОНОВИЧ СУРЖАНСКИЙ), поэт и неудачник, 22-х лет.

ГЕТМАН всея Украины.

ФОН ШРАТТ, германского генштаба генерал-майор, 45 лет.

ФОН ДУСТ, германского генштаба майор, 40 лет.

ВРАЧ германской армии.

КАМЕР-ЛАКЕЙ.

ЕВРЕЙ.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ.

ДЕЗЕРТИР-СЕЧЕВИК.

ДОКТОР.

МАКСИМ, гимназический педель, дряхлый старик.

Юнкер ПАВЛОВСКИЙ.

1-й БАНДИТ. 1-й ОФИЦЕР.

2-й БАНДИТ. 2-й ОФИЦЕР.

3-й БАНДИТ. 3-й ОФИЦЕР.

ГАЙДАМАК-ТЕЛЕФОНИСТ.

ЮНКЕРА-АРТИЛЛЕРИСТЫ, ЮНКЕРА ПЕХОТНЫЕ, ГАЙДАМАКИ.

Действие происходит в период декабря 1918 года — января 1919 года в Киеве во время гетмановщины и петлюровщины.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бьют старинные часы девять раз и нежно играют менуэт. Загорается свет. Открывается квартира Турбиных. Большая, очень уютно обставленная комната с тремя дверьми. Одна из них ведет на половину Алексея Васильевича, другая на половину Елены, третья в переднюю, внутренность которой зрителям видна. В комнате камин, на изразцах над камином рисунок красками, изображающий голову петлюровца в папахе с красным шлыком, и крупная надпись тушью: «Союзники — мерзавцы».
В камине догорает огонь.
На сцене Николка (он в защитной блузе, в черных рейтузах и высоких сапогах, погоны юнкер-офицерские) и Алексей (в синих рейтузах с гусарким галуном, во френче без погон). Оба греются у камина.

НИКОЛКА (*играет на гитаре и поет*).

Киев город мы прославим,
На Крещатике киоск поставим
Петлюрчики, чики...
Голубчики, чики...
Покажите-ка ваш мандат!

Пулеметы мы зарядили,
По Петлюре мы палили
Пулеметчики, чики...
Голубчики, чики...
Выручали вы нас, молодцы!

АЛЕКСЕЙ. Черт тебя знает, что ты поешь. Пой что-нибудь порядочное.
НИКОЛКА (*поет*).

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса,
Дыбом встанут волоса.

АЛЕКСЕЙ. Это как раз к твоему голосу и относится.
НИКОЛКА. Алеша, это ты напрасно. Ей-богу, у меня есть голос. Ну конечно, не такой, как у Шервинского, но все-таки порядочный. Драматический, вернее всего, тенор. Леночка, а Леночка, как по-твоему, есть у меня голос?
ЕЛЕНА (*за сценой*). У кого? У тебя? Нету никакого.
НИКОЛКА. Это она расстроилась, оттого так и отвечает. А между тем, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».
АЛЕКСЕЙ. Дурак твой учитель пения.
НИКОЛКА. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме — у меня голоса нет, а вчера еще был, учитель пения дурак, и вообще пессимизм. А между тем я более склонен к оптимизму. (*Играет на гитаре.*) Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю

удивляться. Ведь девять часов уже, а он сказал, что днем приедет. Уж не случилось ли с ним чего-нибудь в самом деле?

АЛЕКСЕЙ. Ты потише говори.

НИКОЛКА. И главное, неизвестно, что предпринять. (*Пауза.*) Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

АЛЕКСЕЙ. В особенности, когда у этой сестры симпатичный муж.

НИКОЛКА. Да. Вообще, туманно и паршиво. (*Бренчит, напевает минорно.*) Туманно... туманно... ах, как все туманно.

ЕЛЕНА (*за сценой*). Который час в столовой?

НИКОЛКА. Э... девять. Без пяти. Наши часы впереди, Леночка.

ЕЛЕНА (*за сценой*). Не сочиняй, пожалуйста.

НИКОЛКА. Ишь, волнуется... Ах, как все туманно...

АЛЕКСЕЙ. Не надрывай ты душу, пожалуйста. Спой лучше юнкерскую.

НИКОЛКА (*встает, начинает марш на гитаре и поет, постепенно выходя на авансцену*).

Здравствуйте, дачники,
Здравствуйте, дачницы!
Съемки у нас опять начались.
Гей, песнь моя любимая,
Буль, буль, буль, бутылка казенного вина!
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные...

За сценою, приближаясь, громадный хор — глухо и грозно, в тон Николке, как бы рождаясь из его гитары, — поет ту же песню. Электричество внезапно тухнет, и все, кроме освещенного Николки, исчезает в темноте.

ХОР.

То юнкера, гвардейцы идут...

Затихает, удаляется.

АЛЕКСЕЙ (*в темноте*). Елена. Где ты? Свечи у тебя есть? Это наказание, честное слово! Каждую минуту тухнет.

Елена появляется со свечой, и электричество тотчас загорается.

Какая-то часть прошла.

Елена тушит свечу.

НИКОЛКА (*поет*).

Съемки примерные,
Съемки глазомерные,
Вы научили нас дачниц любить...

ЕЛЕНА. Тише. Погоди.

Николкина песня обрывается, все прислушиваются. Далекие пушечные удары.

НИКОЛКА. Странно. Так близко. Впечатление такое, будто бы под Святошиным стреляют. Интересно, что там такое происходит. Я бы поехал на Пост. Узнать, в чем дело.

ЕЛЕНА. Тебя там не хватало. Сиди, пожалуйста, смирно. Успеешь еще. (*Пауза.*) Алеша, а Алеша...

АЛЕКСЕЙ. Ну?

ЕЛЕНА. Я сильно беспокоюсь. Где ж Владимир, в самом деле?

АЛЕКСЕЙ. Приедет. Не беспокойся, Лена.

ЕЛЕНА. Как же так? Сказал, что вернется днем, а сейчас начало десятого. А вдруг на их поезд напали.

АЛЕКСЕЙ. Ничего этого не может быть. Линия на запад совершенно свободна. Ее немцы охраняют.

ЕЛЕНА. Почему же его нет до сих пор?
АЛЕКСЕЙ. Ну, стояли на каждой станции.
НИКОЛКА. Революционная езда – час едешь, два стоишь.
ЕЛЕНА. Так-то так, а все-таки нехорошо на душе, беспокойно. Я хочу съездить на вокзал, узнать, что с их поездом.
АЛЕКСЕЙ. Ни на какой вокзал мы тебя не пустим. Если уж на то пошло, я сам съезжу, только попозже. А сейчас и ни к чему. Подождем еще.
НИКОЛКА. Ты, Леночка, пожалуйста, не волнуйся. Соблюдай, как говорится, спокойствие.
ЕЛЕНА. Легко сказать...

Звонок.

НИКОЛКА. Ну вот. Я же говорил. Сейчас я открою. (*Уходит в переднюю.*)
АЛЕКСЕЙ. Это Владимир, конечно.
НИКОЛКА. Кто там?

Глухо голос Мышлаевского: «Открой, ради бога, скорее».

АЛЕКСЕЙ. Нет, это не Тальберг.
НИКОЛКА (*удивленно*). Ты, Виктор?
АЛЕКСЕЙ. Виктор, да это ты!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, убери винтовку к чертям. О, дьяволова мать!..

АЛЕКСЕЙ. Откуда ты?
ЕЛЕНА. Да это Виктор! Откуда?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Здравствуй, Леночка. (*Снимает башлык.*) Сейчас... Ох... Осторожнее вешай, Никол. В кармане бутылка водки, не разбей. Здравствуйте, все здравствуйте. Ох. Из-под Красного Трактира. Позволь, Лена, ночевать у вас. Не дойду домой! Совершенно замерз...
ЕЛЕНА. Ах боже мой, конечно, конечно.
АЛЕКСЕЙ. Иди скорее к огню.

Идут к камину.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вот сукины дети, боже ты мой! Вот свиньи собачьи, чтоб им... (*Со стоном бросается к огню.*)
АЛЕКСЕЙ. Что же – они вам валенки не могли дать, что ли?
МЫШЛАЕВСКИЙ. «Валенки»!
ЕЛЕНА. Вот что – там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я все приготовлю. (*Уходит.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Кабак, черт их возьми! (*Указывая на сапоги.*) Ох, снимите, снимите, снимите...

Алексей и Николка снимают с Мышлаевского сапоги.

АЛЕКСЕЙ. Никол, принеси скорее спирт из кабинета.

Николка уходит.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Неужто отрезать пальцы придется? Боже мой, боже мой.
АЛЕКСЕЙ. Ну что? Погоди. Ничего... Так... Приморозил большой. Отойдет. И этот отойдет.

Прибегает Николка с халатом, туфлями и склянкой.

Снимай френч.

Растирают ноги, надевают халат.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Легче, ох легче, братики... Водки бы мне выпить.
НИКОЛКА. Сейчас.

Наливает у буфета. Мышлаевский пьет.

Легче, Витенька?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Отлегло немного.
АЛЕКСЕЙ. Ты, Виктор, скажи, что там делается под Трактиром?
МЫШЛАЕВСКИЙ. А! Дай папиросу, пожалуйста.
АЛЕКСЕЙ. Ради бога.
НИКОЛКА. Под Трактиром что, Витенька?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Метель под Трактиром! Вот что там. И я б эту метель... Я б этого полковника Щеткина, мороз и немцев и Петлюру!..

Елена входит с простыней и бросает ее Мышлаевскому.

ЕЛЕНА. Сейчас, Виктор, мыться пойдешь. (*Уходит.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Спасибо, Леночка. Что это у нее физиономия такая опрокинутая? Что случилось?
АЛЕКСЕЙ. Да наше сокровище, муж ее, уехал вчера с денежным поездом в Ма́лин и обещал вернуться утром, а до сих пор его нет, вот она и волнуется.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Гм... Да. Время тревожное. Не люблю я, грешник, признаюсь откровенно, вашего зятя. Тип довольно среднего качества, но тут понимаю. Елену жалко.

НИКОЛКА. Ты, капитан, наверно, больше в курсе дела. На Малинской линии петлюровцы могут быть?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Всюду они могут быть. Всюду. Понял?
АЛЕКСЕЙ. Так это что ж, выходит, город обложили со всех сторон?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Говорю тебе – кабак. Ничего не пойму. Нас сорок человек офицеров. Погнали под Трактир зачем-то. Неизвестно. Приезжает эта лахудра, полковник Щеткин, штабная крыса, и говорит (*передразнивает сюсюкающим голосом*): «Господа офицеры. Вся надежда города на вас. Оправдайте доверие». И исчез на машине со своим адъютантом. Тьфу! И темно как в... желудке. Выкинул нас на мороз, а сам убрался домой.
АЛЕКСЕЙ. Зачем, объясни, пожалуйста, Трактир понадобилось охранять? Ведь Петлюры там не может быть?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты Достоевского читал когда-нибудь?
АЛЕКСЕЙ. И сейчас, только что. Вон «Бесы» лежат. И очень люблю.
НИКОЛКА. Выдающийся писатель земли русской.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вот. Вот. Я бы с удовольствием повесил этого выдающегося писателя земли.
АЛЕКСЕЙ. За что так строго, смею спросить?
МЫШЛАЕВСКИЙ. За это – за самое. За народ-богоносец. За сеятеля, хранителя, землепашца и... впрочем, это Апухтин сказал...
АЛЕКСЕЙ. Это Некрасов сказал. Побойся бога.
МЫШЛАЕВСКИЙ (*зевая*). Ну и Некрасова повесить.
НИКОЛКА. Так.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Кавалергард! Во дворце? Да я б его, если б моя воля была!.. Из-за него, дьявола, в сапогах на морозе...
АЛЕКСЕЙ. Постой, какой Некрасов кавалергард?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да не Некрасов. Гетман. Он, изволите ли видеть, во дворце сидит с немцами, а мы Трактир караулим. Веришь ли, на морозе стоял, как баба, ревел от боли.

АЛЕКСЕЙ. Кто ж там под Трактиром все-таки?

МЫШЛАЕВСКИЙ. А вот эти самые достоевские мужички, богоносцы окаянные. Все, оказывается, на стороне Петлюры.

НИКОЛКА. Неужели? А в газетах пишут...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь! Я бы всю эту газетную шваль тоже перевешал на одном суку! Все деревни против нас. Я сегодня утром напоролся на одного деда в деревне Попелихе и спрашиваю его: «Деж вси ваши хлопци?» Деревня словно вымерла. А он-то сослепу не разобрал, что у меня погоны под башлыком, и за петлюровца меня принял и отвечает: «Уси побигли до Петлюры...» Как тебе нравится?

АЛЕКСЕЙ. Да, здорово.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну тут уж я не вытерпел. Мороз. Остервенился. Взял этого богоносного хрена за манишку и говорю: «Уси побигли до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старая б... Ты узнаешь у меня, как до Петлюры бегают, ты у меня сбегаешь в царство небесное!..» Да не бойтесь, не скажу. И конечно, святой хлибороб прозрел в два счета. В ноги кинулся и орет: «Ой, ваше высокоблагородие, це я сдуру, сослепу, тильки нэ вбивайте». Вообще, хорошенькие дела. (*Зевает.*)

АЛЕКСЕЙ. Как же ты в город попал?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сменили нас, слава тебе господи. А я в штабе на Посту Волынском скандал Щеткину устроил. Они рады были от меня отделаться и послали меня сюда в штаб. Ну их к лешему. Я завтра же перевожусь в дивизион по специальности. Довольно. Я свое сделал. (*Зевает.*) Мортирный дивизион тут формируется, Студзинский там старшим офицером... Я сейчас на паровозе приехал, совершенно обледенел... Мне бы Студзинского повидать. Две ночи не спал. (*Дремлет.*)

НИКОЛКА. Он к нам сегодня вечером придет.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, превосходно.

АЛЕКСЕЙ. Я сам к ним записываюсь, пойду врачом в дивизион...

Мышлаевский внезапно засыпает.

НИКОЛКА. Ц...ц...ц... Витя! Витя! Господин капитан, ты не засыпай. Ты сейчас купаться будешь.

АЛЕКСЕЙ. Оставь его, пусть. Видишь, человек замучен.

Долгий тревожный звонок.

НИКОЛКА. О... пожалуй, это он.

АЛЕКСЕЙ. Звоночек похож.

ЕЛЕНА (*выходя*). Открывай, Николка, скорее.

Николка уходит в переднюю.

НИКОЛКА. Кто там?

Голос Тальберга: «Я... Я...»

АЛЕКСЕЙ. Ну вот видишь, приехал.

В переднюю входит Тальберг.

ТАЛЬБЕРГ. Здравствуй, Николка.

НИКОЛКА. Здравствуй, господин полковник.
ЕЛЕНА. Если б ты знал, как я волновалась!
ТАЛЬБЕРГ. Не целуй меня, я с холоду. Ты можешь простудиться.
ЕЛЕНА. Голову ломала, что с тобой случилось!
ТАЛЬБЕРГ. К счастью, я, как видишь, жив и здоров. У нас все благополучно? (*Входит в столовую.*) Здравствуй, Алексей.
АЛЕКСЕЙ. Здравствуй.
ЕЛЕНА. Отчего же ты так долго? Я бог знает что думала. Иди сюда, грейся.
ТАЛЬБЕРГ. На каждой станции были непредвиденные задержки. Я даже хотел послать тебе телеграмму, но потом решил, что это пустая трата денег.

Мышлаевский всхрапывает.

Ба! Мертвое тело. Пьян, вероятно?
АЛЕКСЕЙ. Нет, он не пьян. Замерз человек и не спал две ночи. Он только что с позиций.
ТАЛЬБЕРГ. Ах, вот как. А почему же такой экзотический наряд?
АЛЕКСЕЙ. Пришлось переодеть его.
ЕЛЕНА. Алеша, ты лучше его разбуди. А то он разоспится, потом не поднимешь. Ванна уже готова.
ТАЛЬБЕРГ. Мне, Лена, нужно сказать тебе два слова по важному делу.
АЛЕКСЕЙ. Мы сейчас уйдем к себе. Виктор! Виктор! (*Будит Мышлаевского.*)
НИКОЛКА. Капитан! Вставай мыться.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Исчезни сию минуту.
ТАЛЬБЕРГ. Господин Мышлаевский строг по своему обыкновению.
ЕЛЕНА. Ну что ты, Володя, осуждаешь? Он совсем разбит, бедняга. На него смотреть было жалко.
АЛЕКСЕЙ. Виктор, поднимайся, поднимайся.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Мм... Ну в чем дело? Петлюра пришел, что ли?
ТАЛЬБЕРГ. Петлюры здесь, к счастью, нет.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Тем лучше. Мм... А! Здравствуйте, господин полковник.
ТАЛЬБЕРГ. Мое почтение, капитан.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Извини, Леночка, что я заснул.
ЕЛЕНА. Ну чего тут извиняться. Иди купаться, спать потом будешь.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет, потом я лучше ужинать буду.
АЛЕКСЕЙ. Никол, идем его купать.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Дай папиросу, Алеша.

Николка, Мышлаевский и Алексей уходят.

ТАЛЬБЕРГ (*прикрывая за ними дверь*). Я органически не выношу эту трактирную физиономию.
ЕЛЕНА. Володя, как тебе не стыдно! Ну что он тебе сделал плохого?
ТАЛЬБЕРГ. Он принимает наш дом, то есть, пардон, дом твоих братьев и наш, за постоялый двор. Как только появляется господин Мышлаевский, появляется водка, казарменные анекдоты и прочее. Я совершенно не понимаю Алексея. У него система окружать себя бог знает кем! Впрочем, все это скверно кончится. Среди всех этих Шервинских и Мышлаевских Алексей сам сопьется.
ЕЛЕНА. Если б ты знал, Володя, как мне тяжело, что ты не любишь братьев. Только что ты приехал, я так волновалась, и первые твои слова...

ТАЛЬБЕРГ. Прости, пожалуйста, это не я не люблю твоих братьев, а они меня ненавидят.

ЕЛЕНА. Да, они тебя тоже не любят. И это так омрачает нашу жизнь. Кругом и так все страшно, все рушится, а у нас какая-то трещина в семье и все расползается. Нехорошо.

ТАЛЬБЕРГ. Ах трещина!.. Ну конечно, трещина... Это я устроил трещину. Очаровательное семейство Турбиных, и вот я женился, ворвался. (*Тревожно глянул на часы на руке.*) Ах, боже мой! Десять часов. Ээ... Десять часов. Вот что, Лена, в сторону трещину и Мышлаевского. Случилась важная вещь.

ЕЛЕНА. Что такое?

ТАЛЬБЕРГ. Слушай меня внимательно. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

ЕЛЕНА. Володя, да что ты!

ТАЛЬБЕРГ. Тсс... Никто еще не знает об этом. И даже сам гетман.

ЕЛЕНА. Откуда ты это узнал?

ТАЛЬБЕРГ. Только что и под строгим секретом – в германском штабе.

ЕЛЕНА. Что же теперь будет?

ТАЛЬБЕРГ. Что же теперь будет... Гм... Десять часов три минуты. Так-с... Что теперь будет? Лена. (*Пауза.*) Лена.

ЕЛЕНА. Что ты говоришь?

ТАЛЬБЕРГ. Я говорю – Лена.

ЕЛЕНА. Ну что, Лена?

ТАЛЬБЕРГ. Лена. Мне сейчас нужно бежать.

ЕЛЕНА. Бежать? Куда?

ТАЛЬБЕРГ. В Берлин. Гм... Десять часов и четыре минуты. Дорогая Лена. Ты знаешь, что меня ждет в случае, если придет Петлюра...

ЕЛЕНА. Тебя можно будет спрятать.

ТАЛЬБЕРГ. Нет-с, дорогая моя, спрятать меня негде. Да и что значит – спрятать! Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть в каком-то дурацком халате в чужой квартире. Да и все равно найдут.

ЕЛЕНА. Постой, я не пойму, как бежать? Значит, мы оба должны уехать?

ТАЛЬБЕРГ. Нет. Сейчас выяснилась ужасающая картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться – это выехать в германском штабном поезде сегодня ночью. Женщин они не берут. Мне одно место они дали. Благодаря моим связям.

ЕЛЕНА. Другими словами, ты хочешь уехать один?

ТАЛЬБЕРГ. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу. Гм... Десять часов шесть минут. Лена. Поезд идет через полтора часа. Решай. Думай. И как можно скорее.

ЕЛЕНА. Как можно скорей? Через полтора часа? Тогда я решаю. Уезжай.

ТАЛЬБЕРГ. Ты умница. Я всегда это утверждал. Что, бишь, я хотел сказать еще? Да, что ты умница. Впрочем, это я уже сказал. Что еще... Гм...

ЕЛЕНА. На сколько же времени мы расстаемся?

ТАЛЬБЕРГ. Я думаю, месяца на два, на три. Я сейчас же отправляюсь в Берлин и там пережду время этой кутерьмы с Петлюрой. А когда гетман вернется...

ЕЛЕНА. А если он совсем не вернется?

ТАЛЬБЕРГ. Этого не может быть. Если немцы его совсем бросят, Антанта через два месяца его восстановит. Ей нужна гетманская

Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

ЕЛЕНА. Да, я вижу. Но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируются в армию, а ты вдруг убежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

ТАЛЬБЕРГ. Милая. Это наивно. Я тебе говорю по секрету: «Я бегу», потому что ты моя жена, но ты, конечно, этого никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Полковники генштаба ездят в командировку. У меня, моя дорогая, командировка в Берлин в качестве председателя технической комиссии от гетманского министерства. Что, недурно?

ЕЛЕНА. Очень недурно. Слушай, а что же будет с ними, со всеми?

ТАЛЬБЕРГ. Еще раз позволь тебя поблагодарить за то, что ты меня сравниваешь со всеми. Я – не все.

ЕЛЕНА. Ты же предупреди братьев.

ТАЛЬБЕРГ. Конечно. Ну, итак, все устраивается хорошо. Как мне ни тяжело расстаться, Лена, на такой большой срок, обстоятельства сильнее нас. Я отчасти даже доволен, что уезжаю один. Ты побережешь нашу половину.

ЕЛЕНА. Владимир Робертович, здесь мои братья. Неужели же ты хочешь сказать, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права.

ТАЛЬБЕРГ. О, нет, нет, нет... конечно. Десять минут одиннадцатого. Но ты знаешь ведь пословицу: ки ва а ла шасс, пер са плас[1].

ЕЛЕНА. Да, эта пословица мне известна.

ТАЛЬБЕРГ. Итак, наши личные дела. Гм... У меня есть к тебе просьба. Гм... Видишь ли...

ЕЛЕНА. Говори, пожалуйста.

ТАЛЬБЕРГ. Здесь без меня, конечно, будет бывать этот Шервинский...

ЕЛЕНА. Он и при тебе бывает.

ТАЛЬБЕРГ. Конечно, и при мне. Но вот в чем дело. В последнее время его поведение мне не нравится, моя дорогая.

ЕЛЕНА. Чем, позволю себе спросить?

ТАЛЬБЕРГ. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и вот мне было бы желательно... Гм...

ЕЛЕНА. Что желательно было бы тебе?

ТАЛЬБЕРГ. Я не могу тебе сказать – что! Ты – женщина умная и воспитанная твоей покойной матушкой, – прекрасно понимаешь, как должно себя держать, чтобы не бросить тень на мою фамилию.

ЕЛЕНА. Хорошо, я не брошу тень на твою фамилию.

ТАЛЬБЕРГ. Почему же так отвечаешь мне сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты мне изменишь. Я прекрасно понимаю, что этого не может быть ни в коем случае.

ЕЛЕНА (*рассмеявшись*). Почему же ты полагаешь, Владимир Робертович, что я не могу тебе изменить?

ТАЛЬБЕРГ. Елена! Елена! Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским. Мне неприятна эта шутка. Замужняя женщина. Изменить. Из хорошей семьи. Изменить. Четверть одиннадцатого. Я опоздаю.

ЕЛЕНА. Я сейчас тебя уложу. Позволь, а где же твой чемодан?

ТАЛЬБЕРГ. Милая. Никаких «уложу». Никаких чемоданов. Мой чемодан в штабе, а документы со мной. Нам остается только попрощаться.

[1] Qui va à la chasse, perd sa place. – Кто место свое покидает, тот его теряет (букв.: кто уходит на охоту, теряет свое место. *Франц.*)

ЕЛЕНА. А с братьями?

ТАЛЬБЕРГ. Само собою разумеется. Только смотри же – я еду в командировку.

ЕЛЕНА. Хорошо. Ну, прощай.

ТАЛЬБЕРГ. Не прощай, а до свиданья. (*Целует.*)

ЕЛЕНА. Алеша! Никол! Алеша!

Голос Алексея: «Да. Да». Выходят Алексей и Николка.

ТАЛЬБЕРГ. Вот что, Алексей. Мне приходится сейчас опять ехать в командировку.

АЛЕКСЕЙ. Как, опять?

ТАЛЬБЕРГ. Да, какое безобразие, как я ни барахтался, не удалось выкрутиться, посылают в Берлин.

АЛЕКСЕЙ. Ах вот как!

ТАЛЬБЕРГ. И главное очень срочно. Поезд идет сейчас.

АЛЕКСЕЙ. Сколько же ты времени там пробудешь?

ТАЛЬБЕРГ. Месяц. Два.

АЛЕКСЕЙ. А ты не боишься, что тебя отрежут от Киева?

ТАЛЬБЕРГ. Вот я и хотел сказать по этому поводу. Должен предупредить, что положение гетмана весьма серьезно.

АЛЕКСЕЙ. Так.

ТАЛЬБЕРГ. Серьезно и весьма.

АЛЕКСЕЙ. Так.

ТАЛЬБЕРГ. Весьма серьезно. (*Многозначительная пауза.*) Я предупредил.

АЛЕКСЕЙ. Мерси.

ТАЛЬБЕРГ. Четверть одиннадцатого. Пора, пора, пора. Елена. Вот тебе деньги. Из Берлина немедленно переведу. Будь... до свидания, Алексей... здорова. До свидания, Никол. Двадцать минут одиннадцатого. Будьте здоровы, Никол.

НИКОЛКА. До свиданья, господин полковник.

Тальберг стремительно идет в переднюю. Одевается.

ТАЛЬБЕРГ. Найду ли я здесь извозчика?

ЕЛЕНА. На углу всегда есть.

ТАЛЬБЕРГ. До свиданья, моя дорогая. (*Целует.*) Смотри, ты простудишься.

АЛЕКСЕЙ (*из столовой*). Елена, ты простудишься.

Пауза.

НИКОЛКА. Алеша, как же это он так уехал? В такой момент.

Алексей молчит. Слышно, как подъезжает извозчик. Глухие голоса.

С извозчиком торгуется. Алеша, ты знаешь, я сегодня заметил. Он на крысу похож.

АЛЕКСЕЙ. А дом – на корабль. Идем, а то там Мышлаевский, наверно, утонул в ванне.

Уходят.

ЕЛЕНА (*возвращается в переднюю. Становится на стул. Кричит в форточку*). До свидания! Ты пришлешь телеграмму из Берлина? (*Закрывает форточку, слезает, садится на стул. Недоуменно.*) Уехал? Уехал?!

Внезапно в передней появляется Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ. Кто уехал?

ЕЛЕНА. Боже мой, как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

ШЕРВИНСКИЙ. Да ведь парадная дверь не заперта. Я ее и закрыл за собой. Прихожу, извозчик с кем-то отъезжает, и все настежь. Здравия желаю, Елена Васильевна. Позвольте вам... (*Разворачивает букет.*)

ЕЛЕНА. Леонид Юрьевич, я же просила вас не делать больше этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

ШЕРВИНСКИЙ. Деньги, дорогая Елена Васильевна, существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Вы разрешите мне снять шинель?

ЕЛЕНА. К чему эти вопросы, раз вы пришли! А если бы я сказала – не разрешаю? Прелестные розы...

ШЕРВИНСКИЙ. Я просидел бы весь вечер в шинели у ваших ног.

ЕЛЕНА. Ой, Шервинский, армейский комплимент!

ШЕРВИНСКИЙ. Помилуйте, это гвардейский комплимент. Я так рад, что вас увидел. Я так давно вас не видал...

ЕЛЕНА. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера...

ШЕРВИНСКИЙ. Ах, Елена Васильевна, что такое значит вчера! Итак, кто же уехал?

ЕЛЕНА. Владимир Робертович.

ШЕРВИНСКИЙ. Виноват, он же сегодня должен был вернуться?

ЕЛЕНА. Да, он вернулся и опять уехал.

ШЕРВИНСКИЙ. Куда?

ЕЛЕНА. За границу.

ШЕРВИНСКИЙ. Как-с?.. за границу... и надолго, позвольте узнать?

ЕЛЕНА. Неизвестно.

ШЕРВИНСКИЙ. Ах, какая жалость. Скажите, пожалуйста...

ЕЛЕНА. Ах, Шервинский, Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ. Я расстроен, Елена Васильевна. Я так расстроен. (*Целует руку.*)

ЕЛЕНА. Пятый раз целуете. Довольно.

ШЕРВИНСКИЙ. Я расстроен, Елена Васильевна. А где же Алексей и Николка?

ЕЛЕНА. Они там возятся с Мышлаевским. Он приехал с позиции совершенно замороженный.

ШЕРВИНСКИЙ. Что вы говорите? Это приятно. Это чрезвычайно приятно. То есть что он вернулся, а не то, что замороженный. Я уж боялся, не убили ли его. Вы знаете, сейчас Студзинский к вам придет, и все мы в сборе! Ура!.. Ура!..

ЕЛЕНА. Чему вы так бурно радуетесь?

ШЕРВИНСКИЙ. Ах, Елена Васильевна. Я, видите ли, радуюсь...

ЕЛЕНА. Вы не светский человек, Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ (*подавлен*). Я не светский? Позвольте. Почему? (*Задумчиво.*) Нет, я светский.

ЕЛЕНА. Скажите лучше, светский человек, что такое с гетманом?

ШЕРВИНСКИЙ. Все в полном порядке.

ЕЛЕНА. А как же ходят слухи, что будто бы положение катастрофическое. Говорят, что немцы оставляют нас на произвол судьбы.

ШЕРВИНСКИЙ. Да ничего подобного. Не верьте никаким слухам.

ЕЛЕНА. Что же, вам виднее.

ШЕРВИНСКИЙ (*после паузы*). Итак, стало быть, Владимир Робертович уехал, а вы остались?

ЕЛЕНА. Как видите.

ШЕРВИНСКИЙ. Так-с...
ЕЛЕНА (*после паузы*). Как ваш голос?
ШЕРВИНСКИЙ. Миа... Миа... мама... мама... миа... В бесподобном голосе... Кхе... кхе... мама... Ехал к вам на извозчике, казалось, что голос немножко сел, а сюда приехал — оказывается, в голосе. Ми!

Голоса Мышлаевского и Николки: «Шервинский! „Демона"!»

Идите сюда!

Голос Николки: «Мы сейчас».

ЕЛЕНА. Ноты захватили с собой?
ШЕРВИНСКИЙ. Как же-с.
ЕЛЕНА. Ну идите, проаккомпанирую.
ШЕРВИНСКИЙ. Вы чистой воды богиня. (*Целует руку.*)
ЕЛЕНА. Отстаньте. Единственно, что в вас есть хорошего, это — голос, и прямое ваше назначение — оперная карьера.
ШЕРВИНСКИЙ. Мм... да... Кхе... Ми... Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды пел в Жмеринке эпиталаму. Там вверху «фа», как вы знаете, а я взял вместо него «ля» и держал девять тактов.
ЕЛЕНА. Сколько?
ШЕРВИНСКИЙ. Восемь тактов держал. Не верите? Как хотите. У нас тогда рядом в отряде служила сестрой милосердия графиня Гендрикова. Так она влюбилась в меня после этого «ля».

Елена смеется.

Напрасно вы не верите.
ЕЛЕНА. И что ж дальше было?
ШЕРВИНСКИЙ. Отравилась. (*Задумчиво.*) Цианистым калием.
ЕЛЕНА. Ах, Шервинский, Шервинский... Ей-богу, это у вас болезнь. Идемте.
ШЕРВИНСКИЙ. Сию минуту ноты возьму.

Елена уходит. В соседней комнате зажигает свет, виден бок рояля. Слышен аккорд.

ШЕРВИНСКИЙ (*со свертком нот*). Уехал. Уехал. (*Приплясывает.*) Уехал.

Занавес

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных уходит вверх. Поднимается нижняя квартира Василисы. Мещански-уютно обставленный кабинет с граммофоном, зеленая лампа. От нее — таинственный свет. Окно, завешанное только в нижней его половине.
На сцене домовладелец Василиса, чрезвычайно похожий на бабу, и жена его Ванда, сухая, злобная, с прической в виде фиги.

ВАСИЛИСА. Ты — дура.
ВАНДА. Я знала, что ты хам, уже давно, но в последнее время твое поведение достигло геркулесовых столбов.
ВАСИЛИСА. Делай так, как я говорю.
ВАНДА. Пойми ты, понадобятся деньги, стол нужно переворачивать.
ВАСИЛИСА. И перевернешь, руки не отвалятся.
ВАНДА. Гораздо лучше за буфет спрятать.
ВАСИЛИСА. За всеми буфетами ищут. А это никому не придет в голову. Все в городе так делают.

ВАНДА. О боже мой! Ну хорошо.
ВАСИЛИСА. Принеси, пожалуйста, простыню и английскую булавку.
ВАНДА. Заметно будет. Простыня на окне белая. Еще хуже сделаешь.
ВАСИЛИСА. Вот характерец! Ну не простыню, так плед. Не плед, так какого-нибудь черта.
ВАНДА. Попрошу не ругаться.
ВАСИЛИСА. Неси!

Ванда уходит. Василиса переворачивает ломберный стол кверху ножками. Ванда возвращается с пледом.

Держи. Давай кнопки. (*Пришпиливают бумажки к нижней поверхности стола.*) Великолепно. (*Ставит стол на место.*) Вот и ничего не заметно. А ты спорила.
ВАНДА. Тоже удовольствие – каждый день отколупывать по бумажке.
ВАСИЛИСА. И отколупнешь. Ничего с тобой не сделается. Ну-с, теперь самое главное. Двери-то заперты?
ВАНДА. Да, заперты.
ВАСИЛИСА. Ладно. (*Смотрит задумчиво на стену. Бормочет. Делает непонятные движения руками.*) Так. На четверть аршина... Гм... Прекрасно. Давай стул.

Ванда подает стул. Василиса достает из письменного стола пакет. Влезает на стул.

Подержи. (*Ножиком вскрывает разрез на стене, открывает тайник.*)

Ванда подает ему пакет. Плед на окне отваливается. За стеклом появляется физиономия 1-го бандита, наблюдает за работой. Василиса прячет пакет.

Давай обои и клей.

Ванда поворачивается, лицо бандита мгновенно исчезает.

ВАНДА. Отвалилась!
ВАСИЛИСА. «Отвалилась»! Это свинство с твоей стороны, ничего не можешь сделать аккуратно.
ВАНДА. Да никто не видал.
ВАСИЛИСА. Никто! Никто, а вдруг кто? Вот будет тогда здорово – никто!
ВАНДА. Говорю тебе, никто не успел увидать.
ВАСИЛИСА. Окно на улицу.
ВАНДА. До чего нудный человек, боже ты мой.
ВАСИЛИСА. Поправляй.

Ванда поправляет простыню.

Давай синдетикон. (*При помощи Ванды заклеивает тайник обоями. Слезает.*) Отлично. Ну, пусть теперь Петлюра приходит. Никто не догадается. Совершенно незаметно.
ВАНДА. Пожалуй, действительно незаметно. Идем спать.
ВАСИЛИСА. Сейчас. Нужно еще деньги пересчитать, на мелкие расходы.

Ванда уходит. Полоска света из портьеры. Шум воды в умывальнике. Василиса достает деньги, считает, бормочет.

Пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать... За фальшування кареться тюрмою. Вот деньги, прости господи.

Голос Ванды: «Куда ты поставил валериановые капли? У меня такое нервное настроение, что я заснуть не могу».

В тумбочке.

Голос Ванды: «Нету там».

Ну не знаю. (*Плюет.*) Фу ты, черт! (*Смотрит на свет лампы бумажку.*) Вот мерзавцы. Ах, мерзавцы! Фальшивая. (*Считает, смотрит на свет.*) Вторая фальшивая... Господи Иисусе... Девяносто... Сто... Третья фальшивая. Что же это такое делается?!

Голос Ванды: «Что такое?»

Да понимаешь, на двадцать пять бумажек семь фальшивых.

ВАНДА (*выходя в белой ночной кофточке*). Нужно было смотреть, что дают. Рохля.

ВАСИЛИСА. Полюбуйся.

ВАНДА. По-моему, она хорошая.

ВАСИЛИСА. Твоей работы. Посмотри на морду хлебороба.

ВАНДА. Ну...

ВАСИЛИСА. Ну, он должен быть веселый, радостный должен быть хлебороб на государственной бумажке. А у этого кислая рожа.

ВАНДА. Да, хлебороб подозрительный.

ВАСИЛИСА. Что ж нам теперь делать?

ВАНДА. Завтра я на базаре одну сплавлю.

ВАСИЛИСА. А я извозчику. Все равно мне завтра нужно будет ехать. И откуда только берутся эти фальшивки, так по рукам и ходят, так и ходят.

ВАНДА. Ну ладно. Нечего делать. Иди лучше спать. А то ты даже похудел.

ВАСИЛИСА. Сейчас. Похудеешь тут. Вот времечко. (*Прячет деньги. Раздумывает. Любуется на то место, где тайник. Бормочет.*) Нет, что ни говори, а остроумная штука. Никому в голову не придет.

Из квартиры Турбиных сверху глухо слышен смех, потом рояль и пение.

Никогда покоя нет. Ведь это ужас. Вот орава-то. Половина первого, а у них пение начинается. (*Подходит к окну и снимает плед.*)

Голос Ванды за сценой: «Одеяло возьми».

Спи, пожалуйста. Сейчас. (*Прижимается к окну. Всматривается в ночь.*) Нет, никого не могло быть. (*Тушит лампу. Уходит.*)

За сценою голоса то его, то Ванды: «Ну в нижнем ящике...» — «Да нету там...» — «Ну завтра найдешь...» — «Ох, ох, ох...» Сверху яснее рояль и голос Шервинского поет: «Пою тебе, бог Гименея...»
Квартира Василисы угасает, уходит вниз.

Занавес

Конец второй картины

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Появляется квартира Турбиных.
На сцене Николка, Алексей (в погонах), капитан Студзинский (в погонах), Мышлаевский (после ванны в белой чалме и в полосатом бухарском халате). Постепенно во время картины пьянеют. Портьера откинута, слышен рояль и голос Шервинского. Он поет.

ШЕРВИНСКИЙ. Эрос, бог любви... Он их благословляет... Венера предлагает чертоги им свои... Слава и хвала Кризе и Нерону... Слава

и хвала. Пою тебе, бог Гименея... Бог Гименей!!! (*Берет блистательную высокую ноту.*)

НИКОЛКА. Вот это голосок!

СТУДЗИНСКИЙ. Браво! Браво, браво...

Все аплодируют.

НИКОЛКА. «Демона»! «Демона»!

ШЕРВИНСКИЙ (*выходя*). Не могу больше.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты заслужил, баритон, стакан белого вина.

АЛЕКСЕЙ. Елена, ужин продолжается!

Елена выходит к столу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да-с, господа. Голым профилем на ежа не сядешь!

ЕЛЕНА. Витька, что за гадости ты говоришь.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Виноват. Извини, Лена. Не я придумал, а господа журналисты. (*Показывает газету.*) Остроумие, черт меня возьми. Но – талантливые черти, ничего не поделаешь, и совершенно верно. Голым профилем... Николка. Ну-ка, ну-ка, как это у них? Азбуку.

НИКОЛКА (*играет на гитаре. Поет*).

Арбуз не стоит печь на мыле,
Американцы победили!

Все, кроме Елены, подпевают Николке.

ЕЛЕНА. Какая мерзость!

ШЕРВИНСКИЙ. Стойте. Стойте. Я придумал припев. До, ми, соль. (*Поет на церковный мотив.*) Голым профилем.

ВСЕ ХОРОМ (*кроме Елены*). На ежа не сядешь...

ЕЛЕНА. Это безобразие, господа, перестаньте! Ведь это кощунство.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Леночка, брось, дорогая! Весело, и слава богу! Пей белое вино. Господа, здоровье Елены Васильевны!

ВСЕ. Ура!!!

ЕЛЕНА. Тише вы. Василису разбудите. И так уж он твердит, что у нас попойки каждый день. Вы как мастеровые, ей-богу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена золотая, пей белое вино. Я знаю, отчего ты так расстроена. Знаю. Радость моя, рыжая Лена. Плюнь. Он даже лучше сделал, что уехал. Пересидит там, в Берлине, и великолепно. Ты, Леночка, замечательно выглядишь сегодня. Я тебе откровенно говорю. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Капитан, глянь, какой капот – совершенно зеленый.

ЕЛЕНА. Это электрик, Витенька.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, тем хуже. Все равно. Капитан, обрати внимание, не красивая она женщина, ты скажешь?

СТУДЗИНСКИЙ. Елена Васильевна – чрезвычайно красива.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена. Позволь я тебя обниму и поцелую. (*Обнимает и целует.*)

ШЕРВИНСКИЙ. Эээ...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Шервинский, отойди. От чужой мужней жены отойди.

ШЕРВИНСКИЙ. Позвольте.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Мне можно. Я – друг детства.

ШЕРВИНСКИЙ. Свинья ты, а не друг детства.

НИКОЛКА (*поет*).

Игривы Брейтмана остроты,
И где же сенегальцев роты?

СТУДЗИНСКИЙ. Там лучше есть,— про Родзянко!

НИКОЛКА (*поет*).

Рожают овцы под брезентом,
Родзянко будет президентом.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Кукиш с маслом он будет президентом. И где же сенегальцев роты? Отвечай, личный адъютант, где обещанные сенегальцы? Леночка, пей вино!

ШЕРВИНСКИЙ. Будут. Тише. Позвольте сообщить важную новость. Сегодня на Крещатике я сам видел сербских квартирьеров, и послезавтра, самое позднее — через три дня, в город придут два сербских полка.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Слушай, это верно?

ШЕРВИНСКИЙ. Даже странно. Если я говорю, что сам видел, вопрос мне кажется неуместным, господин штабс-капитан.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Два полка! Что значит — два полка!

ШЕРВИНСКИЙ. Хорошо-с. Тогда не угодно ли выслушать? Вчера его светлость сам сказал мне.

ВСЕ. Гетман?

ШЕРВИНСКИЙ. Точно так, Елена Васильевна, гетман. Он сам говорил мне, что в Одесском порту уже разгружают транспорты. Пришли две дивизии сенегалов. Стоит нам продержаться неделю, и нам, Елена Васильевна, простите за выражение, на немцев наплевать.

СТУДЗИНСКИЙ. Предатели.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, если это верно, вот Петлюру тогда поймать да повесить.

НИКОЛКА. Правильно!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Повесить, повесить, повесить... Единственное спасение — всех повесить.

АЛЕКСЕЙ. Вы знаете, кого надо повесить раньше, чем Петлюру?

ШЕРВИНСКИЙ. Интересно.

АЛЕКСЕЙ. Вот эту самую светлость, вашего гетмана.

ШЕРВИНСКИЙ. Го...го...го...

АЛЕКСЕЙ. Да-с, господин личный адъютант. И именно за устройство этой миленькой Украины. «Хай живе вильна Украина, от Киева до Берлина». Полгода он издевался над всеми нами. Кто запретил формирование русской армии? Кто терроризовал население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? — Гетман! Кто развел всю эту мразь с хвостами на головах? Сам же гетман. А теперь, когда ухватило кота поперек живота, он, небось, начал формировать русскую армию. И теперь в двух шагах враг, а у нас дружины, штабы. Смотрите! Ой, смотрите!

СТУДЗИНСКИЙ. Панику сеете, господин доктор.

АЛЕКСЕЙ. Я — панику? Вы меня просто понять не хотите. Простите, ведь мы говорили уже. Завтра я иду в ваш дивизион, и если ваш Малышев не возьмет меня врачом, пойду простым рядовым. Мне все это осточертело. С Петлюрой надо покончить. Ох, этот мне гетман!

СТУДЗИНСКИЙ. Зачем же рядовым, Алексей Васильевич? Устроим врачом. Нам это страшно нужно.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Завтра пойдем все вместе. Вся императорская Александровская гимназия! Ура!

АЛЕКСЕЙ. Сволочь он...

ЕЛЕНА. Алеша!

АЛЕКСЕЙ. Ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке. Вчера, не угодно ли? Встречаю эту каналью, доктора Курицкого. Он, изволите ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Тридцать лет говорил и вдруг забыл, и был Курицкий, а стал Курицький, с мягким знаком в середине. Да, так вот я его и спрашиваю: скажите, пожалуйста, как по-украински – кот? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: а как – кит, а он вытаращил глаза и молчит. А теперь не кланяется.

НИКОЛКА. Слова «кит» у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты. А в России всего много, в Белом море киты есть.

АЛЕКСЕЙ. Мобилизация против Петлюры! Жалко, что вы не видели, что делалось вчера в призывных участках. Все спекулянты знали о мобилизации за три дня до приказа. Здорово? И у каждого – грыжа, у всех – верхушка правого легкого, а у кого нет верхушки – ну просто пропал, черт его знает куда он делся, словно сквозь землю провалился. А уж если, господа, на мобилизацию никто не идет, это признак грозный. Вот если бы ваш гетман вместо того, чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, Петлюры бы теперь духу не пахло в Малороссии. Но этого мало. Мы бы большевиков прихлопнули в Москве, как мух. И самый момент, там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын, Россию спас!

ШЕРВИНСКИЙ. Тебе бы, знаешь, не врачом, а министром обороны быть. Право.

НИКОЛКА. Алексей на митинге – незаменимый человек. Оратор.

АЛЕКСЕЙ. Николка, я тебе два раза уже говорил, что ты никакой остряк. Пей лучше вино.

ШЕРВИНСКИЙ. Немцы бы не позволили формировать армию. Они боятся ее.

АЛЕКСЕЙ. Неправда. Нужно иметь только голову на плечах. И всегда можно было столковаться с гетманом. Нужно было немцам объяснить, что мы им не опасны. Кончено. Войну мы проиграли. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете. У нас Троцкий! Немцам нужно было сказать: вам нужен сахар, хлеб? Берите, лопайте, подавитесь, только помогите, чтобы наши богоносцы не заболели б московской болезнью.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Аа... Богоносцы... Достоевский. Смерть моя. Слышал. Вот кого повесить. Достоевского повесить!

ЕЛЕНА. За что?

АЛЕКСЕЙ. Капитан, ты ничего не понимаешь. Ты знаешь, кто такой был Достоевский?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Подозрительная личность.

НИКОЛКА. Витенька! Это ты уж чересчур.

СТУДЗИНСКИЙ. Ээ... Виктор.

АЛЕКСЕЙ. Он был пророк! Ты знаешь, он предвидел все, что получится. Смотрите, вон книга лежит – «Бесы». Я читал ее как раз перед вашим приходом. Ах, если бы это мы все раньше могли предвидеть! Но только теперь, когда над нами стряслась такая беда, я начал все понимать. Знаете, что такое этот ваш Петлюра?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пакость порядочная.

АЛЕКСЕЙ. Это не пакость. Это страшный миф. Его вовсе нет на свете. Это черный туман, мираж. Гляньте в окна. Посмотрите, что там видно.

ЕЛЕНА. Алеша, ты напился.

АЛЕКСЕЙ. Там тени с хвостами на головах и больше ничего нет. В России только две силы. Большевики и мы. Мы встретимся. И один из нас уберет другого. И вернее всего, они уберут нас. А Петлюра, эта ваша светлость, вот эти хвосты, все это – кошмар, все это сгинет. Допустим вероятное. Допустим – Петлюра возьмет Киев. Вы думаете, он долго продержится? Две недели, самое большее – три. А вслед за ним придет и совершенно неизбежно с полчищами своих аггелов Троцкий.

СТУДЗИНСКИЙ. Господа, доктор совершенно прав.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Аа... Троцкий! Это я понимаю. (*Раздражен, встает.*) Троцкий. (*К зрительному залу.*) Который из вас Троцкий? (*Берет маузер Шервинского, вынимает из футляра.*)

СТУДЗИНСКИЙ. Капитан, сядь. Сядь.

ЕЛЕНА. Виктор, что ты делаешь!

МЫШЛАЕВСКИЙ (*у рампы*). Сейчас в комиссаров буду стрелять... Ах ты, ма...

ЕЛЕНА. Господа, держите его, он с ума сошел!

ШЕРВИНСКИЙ. Маузер заряжен! Отнимите у него!

Алексей, Студзинский и Шервинский отнимают маузер у Мышлаевского.

АЛЕКСЕЙ. Ты что, спятил?

ЕЛЕНА. Виктор, если ты не перестанешь безобразничать, я уйду из-за стола.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ах вот как, стало быть, я в компанию большевиков попал? Очень, очень приятно. Здравствуйте, товарищи. Ладно, выпьем за здоровье Троцкого. Он симпатичный.

ЕЛЕНА. Виктор, не пей больше.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Молчи, комиссарша.

ШЕРВИНСКИЙ. Боже, до чего надрался! Стойте. Ты, доктор, прав. Гетман – старый кавалергард и дипломат. У него хитрый план. Когда вся эта кутерьма уляжется, он положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.

Гробовая пауза.

НИКОЛКА. Император убит.

МЫШЛАЕВСКИЙ. А говорят, я надрался.

АЛЕКСЕЙ. Какого Николая Александровича?

ШЕРВИНСКИЙ. Вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана?

СТУДЗИНСКИЙ. Никакого понятия не имеем.

ШЕРВИНСКИЙ. Ну-с, а мне известно.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ему все известно. Ты ж не ездил.

ЕЛЕНА. Господа, дайте же ему сказать.

ШЕРВИНСКИЙ. Когда Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он закончил так: «О дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и вышел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично поведу вас в сердце России – в Москву». И прослезился.

Мышлаевский плюет.

АЛЕКСЕЙ. Слушай, это легенда. Я уже слышал эту историю.

СТУДЗИНСКИЙ. Убиты все: и государь, и государыня, и наследник.

ШЕРВИНСКИЙ. Напрасно вы не верите, известие о смерти его императорского величества...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Несколько преувеличено.

ШЕРВИНСКИЙ. ...вымышлено большевиками. Государю удалось спастись при помощи его верного гувернера, месье Жильяра, и он теперь в гостях у императора Вильгельма.

СТУДЗИНСКИЙ. Поручик, Вильгельма же тоже выкинули!!

ШЕРВИНСКИЙ. Ну, значит, они оба в Дании. И вот: сообщил мне это сам гетман.

НИКОЛКА (*вставая*). Я предлагаю тост: здоровье его императорского величества.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ладно, встанем.

Все встают.

НИКОЛКА. Если император мертв, да здравствует император!

ВСЕ. Ура, ура, ура...

ЕЛЕНА. Тише вы, что вы делаете!

ШЕРВИНСКИЙ (*поет*). Боже, царя храни...

ВСЕ (*кроме Елены, поют*).

Сильный, державный,
Царствуй на славу...

ЕЛЕНА. Господа, что вы делаете?

Квартира Турбиных уходит вверх. Поднимается квартира Василисы. Маленькая спальня. На двухспальной кровати сидят Ванда и Василиса. Оба в ужасе.

ВАСИЛИСА. Что же это такое делается? Два часа ночи! Я жаловаться, наконец, буду. Я им от квартиры откажу.

ВАНДА. Это какие-то разбойники, Вася! Постой, ты слышишь, что они поют?

ВАСИЛИСА. Боже мой.

Замерли. Из квартиры Турбиных: «...царь православный. Боже, царя храни». Глухой крик: «Ура».

Нет, они душевнобольные. Ведь они нас под такую беду могут подвести, что не расхлебаешь. Ведь слышно все. Слышно.

ВАНДА. Вася, завтра с ними надо будет решительно поговорить.

ВАСИЛИСА. Какие-то отчаянные люди, честное слово.

Тушат свет.

Появляется квартира Турбиных.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Алеша. (*Плачет горькими слезами.*) Разве это народ... ведь это сукины дети. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут – войны не надо! Отлично. Он же прекратил войну. И кто?!. Собственный дворянин царя по морде бутылкой... Хлоп. Где царь? Нет царя! Павла Петровича князь портсигаром по уху...

ЕЛЕНА. Господа, уложите его, ради бога.

МЫШЛАЕВСКИЙ. А этот. Забыл... с бакенбардами, симпатичный такой, дай, думает, мужикам приятное сделаю. Освобожу их, чертей полосатых! Так его за это бомбой, так его!.. Пороть их надо, негодяев, Алеша...

АЛЕКСЕЙ. Вот Достоевский это и видел и сказал: «Россия – страна деревянная, нищая и опасная, а честь русскому человеку только лишнее бремя!»

ШЕРВИНСКИЙ. На Руси возможно только одно. Вот правильно сказано: вера православная, а власть самодержавная!

НИКОЛКА. Правильно! Я, господа, неделю тому назад был в театре на «Павле Первом», и, когда артист произнес эти слова, я не вытерпел и крикнул: «Правильно!..»

ЕЛЕНА. Господа, вы весь дом разбудите.

НИКОЛКА. Что же вы думаете? Кругом стали аплодировать, и только какой-то мерзавец в ярусе крикнул: «Идиот».

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ох, мне что-то жарко, братцы... (*Снимает халат.*)

СТУДЗИНСКИЙ. Это все евреи наделали!

МЫШЛАЕВСКИЙ (*лежа на тахте*). Ой, мне что-то плохо, братцы.

ЕЛЕНА. Так я и знала.

НИКОЛКА. Капитану плохо. Смотрите.

ЕЛЕНА. Алексей. Брось ты своего Петра Третьего. Посмотри, что с ним.

АЛЕКСЕЙ. Да, здорово.

ШЕРВИНСКИЙ. Поужинал штабс-капитан.

ЕЛЕНА. Пульса нет?

АЛЕКСЕЙ. Нет, ничего, отойдет. Никол, бери, помогай. Господа, помогите его перенести ко мне.

Студзинский, Николка, Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Николка, таз, таз приготовь.

ЕЛЕНА. Боже мой, я пойду посмотрю, что с ним.

ШЕРВИНСКИЙ. Не нужно, Елена Васильевна, его тошнить будет, больше ничего. Не ходите.

ЕЛЕНА. Ведь это не нужно так. Ах, господа, господа... Хаос... Накурили...

ШЕРВИНСКИЙ. Да, ужасно. Я удивляюсь Мышлаевскому. Как это так все-таки.

ЕЛЕНА. Не вам бы говорить. Я и сама из-за вас напилась. Вообще, в вашу компанию попасть, пропадешь.

ШЕРВИНСКИЙ. Можно здесь сесть возле вас?

ЕЛЕНА. Садитесь, Шервинский... что с нами будет? Я видела дурной сон. Вообще, последнее время кругом все хуже и хуже.

ШЕРВИНСКИЙ. Елена Васильевна, все будет благополучно, ей-богу. А снам вы не верьте. Какой вы сон видели?

ЕЛЕНА. Нет. Нет. Мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме, и вот шторм. Ветер воет. Холодно. Холодно. Волны. А мы в трюме. Волны к нам плещут, подбираются к самым ногам... А мы в трюме... Влезаем на какие-то нары, а вода все выше, выше. И главное, крысы. Омерзительные, быстрые, такие огромные, и лезут прямо по чулкам. Брр... Царапаются так. До того страшно, что я проснулась.

ШЕРВИНСКИЙ. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

ЕЛЕНА. Кто?

ШЕРВИНСКИЙ. Ваш муж.

ЕЛЕНА. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

ШЕРВИНСКИЙ. Мне-то большое дело, я вас люблю.

ЕЛЕНА. Слышала. И все вы сочиняете.

ШЕРВИНСКИЙ. Ей-богу, я вас люблю.

ЕЛЕНА. Ну и любите про себя.

ШЕРВИНСКИЙ. Не хочу. Мне надоело.

ЕЛЕНА. Постойте! Постойте! Почему вы вспомнили о моем муже, когда я заговорила про крыс?

ШЕРВИНСКИЙ. Потому что он на крысу похож.
ЕЛЕНА. Какая вы свинья все-таки, Леонид. Во-первых, вовсе не похож.
ШЕРВИНСКИЙ. Как две капли. В пенсне, носик острый.
ЕЛЕНА. Очень, очень красиво. Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене.
ШЕРВИНСКИЙ. Какая вы ему жена!
ЕЛЕНА. То есть как?
ШЕРВИНСКИЙ. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы – красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно. А он рядом с вами – вешалка, карьерист, штабной момент.
ЕЛЕНА. За глаза-то, отлично! (*Зажимает ему рот.*)
ШЕРВИНСКИЙ. Да я ему это и в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.
ЕЛЕНА. С кем же я буду счастлива?
ШЕРВИНСКИЙ. Со мной.
ЕЛЕНА. Вы не годитесь.
ШЕРВИНСКИЙ. Почему это я не гожусь?.. Ого...
ЕЛЕНА. Что в вас есть хорошего?
ШЕРВИНСКИЙ. Да вы всмотритесь.
ЕЛЕНА. Ну, побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И больше ничего. И голос.
ШЕРВИНСКИЙ. Так я и знал. Что за несчастье? Все твердят одно и то же. Шервинский – адъютант, Шервинский – певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. Никто. И живет Шервинский, как бездомная собака. Без всякого участия. И не к кому ему на грудь голову склонить.
ЕЛЕНА (*отталкивая его голову*). Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей длинной... Фу... губы накрашенные...
ШЕРВИНСКИЙ. Она не длинная, это меццо-сопрано, Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны!
ЕЛЕНА. Я вам не Лена.
ШЕРВИНСКИЙ. Нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна, значит, у вас нет никакого чувства ко мне.
ЕЛЕНА. К несчастью, вы мне очень нравитесь.
ШЕРВИНСКИЙ. Ага, нравлюсь, а мужа своего вы не любите.
ЕЛЕНА. Нет, люблю.
ШЕРВИНСКИЙ. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. О, женские глаза! В них все видно.
ЕЛЕНА. Ну да, вы опытны, конечно.
ШЕРВИНСКИЙ. Как он уехал?
ЕЛЕНА. И вы бы так сделали.
ШЕРВИНСКИЙ. Что? Я? Никогда. Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите.
ЕЛЕНА. Ну хорошо. Не люблю и не уважаю. Не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.
ШЕРВИНСКИЙ. А зачем вы тогда поцеловались со мной?
ЕЛЕНА. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!
ШЕРВИНСКИЙ. Я лгу? Нет... У рояля. Я пел «Бога всесильного», и мы были одни. И даже скажу когда – восьмого ноября. Мы одни, и ты меня поцеловала в губы.

ЕЛЕНА. Я тебя поцеловала за голос. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

ШЕРВИНСКИЙ. Ничего?

ЕЛЕНА. Это мученье, честное слово. Нашел время, когда объясняться. Дым коромыслом. Посуда грязная... Эти пьяные... Муж куда-то уехал... Кругом свет...

ШЕРВИНСКИЙ. Свет мы уберем. (*Тушит верхний свет.*) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я ведь тебя все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

ЕЛЕНА. Пристал, как змея. Как змея.

ШЕРВИНСКИЙ. Какая же я змея? Лена, ты посмотри на меня.

ЕЛЕНА. Пользуется каждым случаем и смущает меня и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься. Все вы на один лад и покрой. Оставь меня в покое.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, до чего ты хороша.

ЕЛЕНА. Уйди. Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй.

Часы бьют три, играют менуэт.

Вся жизнь наша рушится. Все кругом пропадает, валится.

ШЕРВИНСКИЙ. Елена, ты не бойся. Я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

ЕЛЕНА. Выпусти меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня, Лена!

Целуются.

Разведешься?

ЕЛЕНА. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

НИКОЛКА (*появился в дверях, совершенно подавлен*). Ээ...

ЕЛЕНА. Ну что, пришел он в себя? Слава богу. Я пойду на него погляжу. Пусть он там и спит, а Алеше здесь постелем. Пора спать. (*Уходит.*)

ШЕРВИНСКИЙ. Ты чего рот открыл? Хочешь, может быть, мне что-нибудь сказать?

НИКОЛКА (*заикнувшись*). Который час?

Занавес

Конец первого акта

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Выступает из мрака пустое помещение с выбитыми стеклами, надпись: «Штаб 1-й кінної дивізіи». Керосиновый фонарь у входа. Фонарь со свечой на столе. В стороне полевой телефон, возле него на скамейке гайдамак-телефонист.
На сцене полковник Болботун — страшен, изрыт оспой, в шинели, в папахе с красным хвостом, так же, как и телефонист. За окнами изредка стук лошадиных копыт, громыхание двуколок и изредка тихо наигрывает гармоника знакомый мотив. Внезапно за сценою свист, удары. Голос за окном кричит отчаянно: «Що вы, панове, за що, за що?» Визг. Голос сотника Галаньбы: «Я тебе, жидовская морда, я тебе!» Визг. Выстрел.

ТЕЛЕФОНИСТ (*в телефон*). Це я, Франько, зновь включився в цепь. В цепь, кажу. Слухаете? Слухаете? Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценою. Гайдамаки в черных хвостах вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

БОЛБОТУН. Що такое?
ГАЙДАМАК. Дезертира поймалы, пан полковник.
БОЛБОТУН. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебе спрашиваю?

Молчание.

ТЕЛЕФОНИСТ. Та це ж я. Я из штабу, Франько, включився в цепь!
БОЛБОТУН. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты? В то время як всякий честный козак вийшов на защиту Украинськой республики вид билогвардейцев та жидив коммунистов, в то время як всякий хлибороб встал в ряды украинской армии, ты ховаешься в кусты? Ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманские офицеры, а там в Москве комиссары? Живых в землю зарывают. Чув? Так я ж тебе самого закопаю в могилу. Самого. Сотник Галаньба!

Голоса за окном: «Сотника требуют к полковнику». Суета.

Деж вы его взялы?
ГАЙДАМАК. По за штабелями, сукин сын, бежав, ховався.
БОЛБОТУН. Ах ты зараза, зараза!

Входит Галаньба, холоден, черен, с черным шлыком.

Допросить, пан сотник, дезертира.

Галаньба с холодным лицом. Берет со стола шомпол, бьет дезертира по лицу. Тот молчит.

ГАЛАНЬБА. Якого полку? (*Молчание, удар.*)

ДЕЗЕРТИР (*плача*). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник. Я до лазарету пробырался. У мене ноги поморожены зовсим.

ТЕЛЕФОНИСТ (*в телефон*). Деж диспозиция? Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию. Вы слухаете?

ГАЛАНЬБА. Ноги поморожены? А чему ж це ты не взяв посвидченя вид штабу своего полка? А? Якого полку? (*Замахивается.*)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

ДЕЗЕРТИР. Второго сечевого.

ГАЛАНЬБА. Знаем вас, сечевиков. Вси зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебе тут же расстреляю. Хлопцы, фонарь!

ТЕЛЕФОНИСТ. Пришлить нам ординарца для согласования. В слободку. Так. Так. Слухаю.

Фонарем освещают дезертира.

ГАЛАНЬБА (*вынув маузер*). И вот тебе условие: ноги здоровые, будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтоб я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

БОЛБОТУН. Це правильно. Щоб другим був пример.

ГАЙДАМАКИ (*со вздохом*). Поморожены... Правду казав.

ГАЛАНЬБА. Записку треба було узять. Записку. Сволочь. А не бежать из полка.

ДЕЗЕРТИР. Нема у кого. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (*Плачет.*)

ГАЛАНЬБА. Взять его под арест. И под арестом до лазарету. Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документу бегать с своего посту.

ГАЙДАМАКИ (*выводя*). Иди. Иди.

За сценою гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь, не воротишься». Тревожные голоса за окном: «Держи их. Держи их. Мимо мосту... Побиглы по льду».

ГАЛАНЬБА (*в окно*). Хлопцы, що там? Що?

Голос: «Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из слободки».

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Хорунжий Овсиенко, а ну проскочить за ними. Тильки живыми визьмить. Живыми!

Топот за сценой. Появляются гайдамаки. Вводят человека с корзиной.

ЧЕЛОВЕК. Миленькие, я ж ничего. Что вы? Я ремесленник!

ГАЛАНЬБА. С чем задержали?

ЧЕЛОВЕК. Помилуйте, товарищ военный.

ГАЛАНЬБА. Що? Товарищ? Кто тут тебе товарищ?

ЧЕЛОВЕК. Виноват, господин военный.

ГАЛАНЬБА. Я тебе не господин. Господа с гетманом в городе все сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, тебе близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут. Видишь?

ЧЕЛОВЕК. Вижу-с.

ГАЛАНЬБА. Осветить его, хлопцы. Мени щесь здается, що вин коммунист.

ЧЕЛОВЕК. Что вы! Что вы, помилуйте. Я, изволите ли видеть, сапожник.

ГАЛАНЬБА. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

ЧЕЛОВЕК. Калужские мы, ваше здоровье, Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину, заехали. Сапожник я.

ГАЛАНЬБА. Документ.

ЧЕЛОВЕК. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у нас чистый, можно сказать.

ГАЛАНЬБА. С чем корзина? Куда шел?

ЧЕЛОВЕК. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки-с. Мы на магазин работаем. Сами в слободке живем, а сапоги в город носим.

ГАЛАНЬБА. Почему ночью?

ЧЕЛОВЕК. Как раз в самый раз. К утру в городе.

БОЛБОТУН. Сапоги. Ого... го... Це гарно.

Гайдамаки вскрывают корзину.

ЧЕЛОВЕК. Виноват, уважаемый гражданин. Они не наши, из хозяйского товару.

БОЛБОТУН. Из хозяйского? Це найкраще. Хозяйский хороший товар. Хлопцы, берить по паре хозяйского товару. А я-то ломал голову, як штабных хлопцев снабдить обувью.

Разбирают сапоги.

ЧЕЛОВЕК. Гражданин военный министр. Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться. Тут на две тысячи рублей. Это хозяйские.

БОЛБОТУН. Мы тебе расписку дадим.

ЧЕЛОВЕК. Помилуйте, что ж мне расписка! (*Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.*) Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо, человек садится на землю, растерян.

Что ж это такое делается? А впрочем, берите на снабжение армии... Пропадай все. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. (*Начинает снимать сапог.*)

БОЛБОТУН. Ты що, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. (*Берется за револьвер.*)

ЧЕЛОВЕК. Что вы? Что вы? Что вы?

БОЛБОТУН. Геть отсюда!

ЧЕЛОВЕК (*бросается к двери*).

Сталкивается с гайдамаками, которые втаскивают окровавленного еврея.

(*Крестится.*) Берите все, только душу на покаяние отпустите.

ГАЛАНЬБА. Аа... Добро пожаловать.

ГАЙДАМАК. Двоих, пан сотник, подстрелили, а этого удалось взять живьем, согласно приказа.

ЕВРЕЙ. Пан сотник!

ГАЛАНЬБА. Ты не кричи. Не кричи.

ЕВРЕЙ. Пан старшина! Що вы хочете зробыть со мною?

ГАЛАНЬБА. Що треба, то и зробым. (*Пауза.*) Ты чего шел по льду?

ЕВРЕЙ. Щоб мне лопнули глаза, щоб я непобачив бильш солнца, я шел повидать детей в городу, пан сотник, в мене дити малы в городу.

БОЛБОТУН. Через мост треба ходить до детей! Через мост!

ЕВРЕЙ. Пан генерал! Ясновельможный пан! На мосту варта, ваши хлопцы. Они гарны хлопцы, тильки жидов не люблять. Воны меня уже билы утром и через мост не пустили.

БОЛБОТУН. Ну, видно, мало тебя били.

ЕВРЕЙ. Пан полковник шутит. Веселый пан полковник, дай ему бог здоровья.

БОЛБОТУН. Я? Я – веселый. Ты нас не бойся. Мы жидов любимо, любимо.

Слабо слышна гармоника.

Ты перекрестись, перекрестись.

ЕВРЕЙ (*крестится*). Я перекрещусь с удовольствием. (*Крестится.*)

Смех.

ГАЙДАМАК. Испугался жид.

БОЛБОТУН. А ну кричи: «Хай живе вильна Вкраина».

ЕВРЕЙ. Хай живе вильна Вкраина.

Хохот.

ГАЛАНЬБА. Ты патриот Вкраины?

Молчание. Галаньба внезапно ударяет еврея шомполом.

Обыщите его, хлопцы.

ЕВРЕЙ. Пане...

ГАЛАНЬБА. Зачем шел в город?

ЕВРЕЙ. Клянусь, к детям.

ГАЛАНЬБА. Ты знаешь, кто ты? Ты шпион!

БОЛБОТУН. Правильно.

ЕВРЕЙ. Клянусь, нет!

ГАЛАНЬБА. Сознавайся, что робыл у нас в тылу?

ЕВРЕЙ. Ничего. Ничего, пан сотник, я портной, здесь в слободке живу, в мене здесь старуха мать...

БОЛБОТУН. Здесь у него мать, в городе дети. Весь земной шар занял.

ГАЛАНЬБА. Ну я вижу, с тобой не сговоришь. Хлопец, открой фонарь, подержите его за руки. (*Жжет лицо.*)

ЕВРЕЙ. Пане... Пане... Бойтесь бога... Що вы робыте? Я не могу больше. Я не могу. Пощадите.

ГАЛАНЬБА. Сознаешься, сволочь?

ЕВРЕЙ. Сознаюсь.

ГАЛАНЬБА. Шпион?

ЕВРЕЙ. Да. Да. (*Пауза.*) Нет. Нет. Не сознаюсь. Я ни в чем не сознаюсь. Це я от боли. Панове, у меня дети, жена. Я портной. Пустите. Пустите.

ГАЛАНЬБА. Ах, тебе мало? Хлопцы, руку, руку ему держите.

ЕВРЕЙ. Убейте меня лучше. Сознаюсь. Убейте.

ГАЛАНЬБА. Що робыл в тылу?

ЕВРЕЙ. Хлопчик родненький, миленький, отставь фонарь. Я все скажу. Шпион я. Да. Да. О мой бог.

ГАЛАНЬБА. Коммунист?

ЕВРЕЙ. Коммунист.

БОЛБОТУН. Жида некоммуниста не бывае на свете. Як жид – коммунист.

ЕВРЕЙ. Нет. Нет. Что мне сказать, пане? Що мне сказать? Тильки не мучьте. Не мучьте. Злодеи! Злодеи! Злодеи! (*В исступлении вырывается, бросается в окно.*) Я не шпион!

ГАЛАНЬБА. Тримай его, хлопцы. Держи.
ГАЙДАМАКИ. В прорубь выскочит.

Галаньба стреляет еврею в спину.

ЕВРЕЙ (*падая*). Будьте вы про...
БОЛБОТУН. Эх, жаль. Эх, жаль.
ГАЛАНЬБА. Держать нужно было.
ГАЙДАМАК. Легкою смертью помер, собака.

Грабят тело.

ТЕЛЕФОНИСТ. Слухаю. Слухаю... Слава. Слава. Пан полковник. Пан полковник!
БОЛБОТУН (*в телефон*). Командир першей кинной... Слухаю, так... так... выступаю зараз. (*Галаньбе.*) Пан сотник, прикажить швидче, чтоб вси четыре полка садились на конь. Подступы к городу взяли. Слава. Слава.
ГАЙДАМАКИ. Слава. Наступление.

Суета.

ГАЛАНЬБА (*в окно*). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура». Галаньба убегает.

БОЛБОТУН. Снимай аппарат.

Телефонист снимает аппарат. Суета.

Коня мне!
ГАЙДАМАКИ. Коня командиру!

За окном топот, гул, крики, свист. Все выбегают со сцены.
Потом гармоника гремит, пролетая.

Занавес

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Колоннада. Громаднейшая лестница с двумя площадками. Наверху лестницы портрет, завешенный кисеей. Внизу, у подножия лестницы, наскоро сдвинутые шкафы, столы и телефон, щит с выключателями в ящике на стене. На сцене офицеры и юнкера формирующегося артиллерийского дивизиона. Дивизион вооружается к бою. Ящики, пулеметы. Все офицеры в длинных шинелях, с револьверами и в шпорах. Юнкера в таких же шинелях, большинство тоже со шпорами. Гул. Движение.

СТУДЗИНСКИЙ (*на верхней площадке*). Поживее, господа офицеры.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Студенты, смотрите! (*Влезает на ящик, целится, показывает, как заряжать винтовку.*) Кто не умеет — осторожнее. Юнкера, объясните студентам.

Движение. Голоса: «Давай сюда ящики. Не так. Не так...», «Выбрось патроны...», «Крышку приподнимите...»
Движение.

Первая батарея, смирно...
3-й ОФИЦЕР. Вторая батарея, смирно...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Господин капитан, дивизион готов.

Тишина.

СТУДЗИНСКИЙ. Отставить. Вольно. Дайте им отдохнуть. Господ офицеров попрошу ко мне.

Мышлаевский, 1-й, 2-й и 3-й офицеры подходят к Студзинскому.

Впечатление?

МЫШЛАЕВСКИЙ. У меня в батарее человек сорок понятия не имеют о винтовке. Трудновато.

Пауза.

1-й ОФИЦЕР. Студенты...

СТУДЗИНСКИЙ. Настроение?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сегодня утром гробы с убитыми офицерами проносили как раз мимо гимназии. Дивизион в это время был на плацу и видел. Студентики смутились. На них дурно влияет.

Пауза.

СТУДЗИНСКИЙ. Потрудитесь поднять настроение.

Офицеры козыряют, расходятся.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*кричит*). Юнкер Павловский.

Крики: «Павловского! Павловского! К командиру первой батареи...»

ПАВЛОВСКИЙ (*выбегая*). Я.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Алексеевского училища?

ПАВЛОВСКИЙ. Так точно, господин капитан.

МЫШЛАЕВСКИЙ. А ну-ка, двиньте нам песню поэнергичнее, так, чтоб Петлюра умер, матери его черт.

ПАВЛОВСКИЙ. Слушаю. (*Убегает.*)

Среди юнкеров на сцене и за сценою движение. Павловский поет:

Артиллеристом я рожден.

Тенора подхватывают:

В семье бригадной я учился.

Грандиознейший хор:

Огнем шрапнельным я крещен
И черным бархатом обвился.

СТУДЗИНСКИЙ (*манит к себе*). Прапорщик, пожалуйте сюда.

К нему подбегает 2-й офицер.

Помогите мне сорвать кисею с портрета.

2-й ОФИЦЕР. Слушаю-с.

Поднимается со Студзинским наверх к портрету, шашками срывают кисею. Появляется громадный Александр I. Скупой зимний, последний луч падает на портрет. Гул. Удивление. Отдельные выкрики: «Александр Первый. Александр Первый...», «Императору Александру Первому ура...» Страшный рев: «Ура».

СТУДЗИНСКИЙ (*2-му офицеру*). Скажите командирам батарей, чтобы вывели дивизион на прогулку, пусть разомнутся.

2-й ОФИЦЕР. Слушаю-с. (*Убегает.*)

За сценою звуки марша постепенно приближаются.

ЮНКЕР (*появившись возле Студзинского*). Господин капитан, оркестр подошел.

СТУДЗИНСКИЙ. Превосходно. Ведите его к дивизиону.

Звуки марша ближе. Марш обрывается.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Дивизион, смирно. Первая батарея, левым плечом вперед.

3-й ОФИЦЕР. Вторая батарея, шагом марш.

Оркестр начинает марш – мотив Николкиной песни. Дивизион поет оглушительно вместе с оркестром:

Идут и поют юнкера гвардейской школы,
Трубы, литавры, тарелки звенят.
Модистки, кухарки, горничные, няньки
Вслед юнкерам проходящим глядят.
Гей, песнь моя, любимая,
Буль, буль, буль, бутылка казенного вина.

Грузный топот марша постепенно стихает, удаляясь. Студзинский и Алексей на площадке.

АЛЕКСЕЙ (*указывая на портрет*). Правильно, капитан. А гляньте-ка, и солнце, как нарочно, вышло. Воистину – се дней Александровых восходящее солнце.

СТУДЗИНСКИЙ. Да, немножко взвинтились, а то они совсем скисли.

САНИТАР (*появляясь*). Господин доктор, большие или малые ящики вскрывать?

АЛЕКСЕЙ. Сейчас я посмотрю. (*Уходит с санитаром.*)

ЮНКЕР. Господин капитан, командир дивизиона!

Студзинский, поправляя пояс, бежит навстречу.

МАЛЫШЕВ (*выходит*). Здравствуйте, капитан.

СТУДЗИНСКИЙ. Здравия желаю, господин полковник.

МАЛЫШЕВ. Дивизион одет?

СТУДЗИНСКИЙ. Так точно, все приказания исполнены.

МАЛЫШЕВ. Какие ваши впечатления?

СТУДЗИНСКИЙ. Драться будут, но полная неопытность. На сто двадцать юнкеров – сто человек студентов, не умеющих в руках держать винтовку. (*Пауза.*) Великое счастье, что хорошие офицеры попались, в особенности новый – Мышлаевский. Как-нибудь справимся.

МАЛЫШЕВ. Так-с. Ну-с, вот что. Потрудитесь после моего осмотра весь дивизион, за исключением офицеров и человек шестидесяти опытных юнкеров, коих вы оставите на охране здания и у орудий, распустить по домам с тем, чтобы завтра на рассвете в семь часов весь дивизион был в сборе здесь. Завтра будет яснее видно. Во всяком случае, скажу заранее, на орудие – внимания нуль. Имейте в виду, лошадей не будет, снарядов тоже. Стало быть, завтра с утра – стрельба из винтовок. Стрельба и стрельба. Как хотите, а к полудню выучите их стрелять.

СТУДЗИНСКИЙ. Слушаю. Господин полковник, разрешите спросить.

МАЛЫШЕВ. Знаю, что вы хотите спросить. Можете не спрашивать, я сам вам отвечу. Погано-с. Бывает хуже, но редко. Понятно?

СТУДЗИНСКИЙ. Так точно.

Слышится пение дивизиона.

МАЛЫШЕВ. Они с прогулки?

СТУДЗИНСКИЙ. Точно так.

МАЛЫШЕВ. Отлично. Знаете что, поставьте их внизу, я отсюда с ними буду говорить.

СТУДЗИНСКИЙ. Слушаю.

Пение гремит ближе. Дивизион поет на мотив солдатской песни:

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна. (*Свист.*)
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

Топот. Голос Мышлаевского: «Дивизия, стой». Тишина.

СТУДЗИНСКИЙ. Смирно! Господа офицеры!

МАЛЫШЕВ (*с площадки*). Здравствуйте, артиллеристы.

ДИВИЗИОН (*рев*). Здравия желаем, господин полковник!

МАЛЫШЕВ. Бесподобно. Артиллеристы! Слов тратить не буду, говорить не умею, потому что на митингах никогда не выступал. Скажу коротко: на город наступает Петлюра. И вот мы будем его, сукина сына, встречать. Среди вас — юнкера лучших и славных артиллерийских училищ. Орлы их еще ни разу не видали сраму от них. А многие из вас — воспитанники этой гимназии. Старые ее стены смотрят на вас. Артиллеристы мортирного дивизиона! Отстоим город в час осады бандитом. Если мы обкатим этого милого президента шестью дюймами, небо ему покажется величиной с его собственные подштанники. Мать его душу, через семь гробов!

Взрыв. Гул.

Постарайтесь, артиллеристы!

ДИВИЗИОН (*с грохотом*). Рады стараться, господин полковник.

МАЛЫШЕВ. Вольно! Капитан! Отпустите по домам всех, кроме юнкеров, как я сказал.

СТУДЗИНСКИЙ. Слушаю-с. (*Убегает.*)

На сцене, за сценой гул, движение, офицерские выкрики: «Юнкерам остаться, студенты по домам. Господа офицеры, разведите караулы». Голос 3-го офицера: «Завтра в семь часов сюда, не опаздывать». Топот.

1-й ОФИЦЕР (*появляется с группой юнкеров*). За мной! Сюда! (*Ведет караул.*)

2-й ОФИЦЕР (*с ним группа юнкеров с пулеметом*). За мною!

МАЛЫШЕВ. Доктор!

АЛЕКСЕЙ. Я, господин полковник.

МАЛЫШЕВ. Санитарная часть в порядке у вас?

АЛЕКСЕЙ. Так точно, все готово.

Надвигаются сумерки.

МАЛЫШЕВ. Санитаров вы, доктор, отпустите наравне со всеми. Сами также можете ехать домой отдыхать. А завтра утром попрошу сюда часикам к восьми.

АЛЕКСЕЙ. Слушаю.

Мышлаевский появляется, за ним юнкер Павловский с трубой.

МЫШЛАЕВСКИЙ. А ну-ка, дайте тревогу.

Павловский трубит.

Повыше берите. А то вы не доносите. Раздуйте, раздуйте ее. Залежалась, матушка.

Труба.

МАЛЫШЕВ (*Алексею*). Не угодно ли?
АЛЕКСЕЙ. Благодарю вас.

Зажигают папиросы. Сумерки.

МАЛЫШЕВ. Темнеет, однако. (*Пробует выключатель.*) Эге-ге... свету-то нет. Это не годится. Капитан Мышлаевский, пожалуйте сюда.

Труба смолкает. Мышлаевский поднимается по лестнице к Малышеву.

Вот что-с. В здании свету нет. Поручаю вам этот вопрос полностью. Потрудитесь в кратчайший срок осветить. Будьте любезны овладеть электричеством настолько, чтобы в любое время вы всюду могли не только зажечь его, но и потушить, и ответственность за освещение целиком ваша.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Слушаю-с. (*Уходит. Его голос за сценой: «Где сторож? Подать сюда сторожа».*)

За сценой стук в двери. На сцене проходят Студзинский с двумя юнкерами.

СТУДЗИНСКИЙ. Здесь стать, у шкафа.

Ставит юнкера на часы. С другим юнкером уходит. Появляется дряхлый педель Максим с ключом, Мышлаевский за ним.

МАКСИМ. Ваше высокоблагородие... сию минуточку, сию... Стар я стал. Все требуют... много разного войска было.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Живее, живее, старикан. Что ползешь, как вошь по струне.
МАКСИМ. Стар я стал, ваше высокоблагородие, много разного войска было, и каждый требует, а я один.
МЫШЛАЕВСКИЙ (*у ящика с выключателями*). Здесь?
МАКСИМ. Здесь, здесь, так точно.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Открывай, старикуся.

Максим открывает ящик. Мышлаевский щелкает выключателями.

Ага... Так, так.

Начинается игра света. То в одном матовом шаре, то в другом на сцене и за сценой.

Как теперь? Эй!

Голос: «Погасло». Голос с другой стороны: «Есть, горит». Внезапно загорается верхний фонарь. Всю сцену заливает светом. Потом вспыхивает рефлектор над Александром I. Тот оживает.

Ну ладно. Все в полном порядке. Катись, патриарх, спать.
МАКСИМ. А ключик-то? Ключик-то как же, ваше высокоблагородие, у вас, что ль, будет?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ключик у меня будет, вот именно.
МАКСИМ. Вы же не потеряйте его, ваше высокоблагородие. Ключ-то мне поручен.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Спасибо, что научил. Отчаливай, старик, в свою гавань. Стань на якорь у себя в комнате. Ты больше не нужен.

Максим уходит.

Юнкер!

Появляется юнкер.

Стать здесь, к ящику пропускать беспрепятственно командира дивизиона, старшего офицера и меня. Но никого более.

Выходит Студзинский.

В случае надобности, по приказанию одного из трех ящик взломаете, но осторожно, чтобы ни в коем случае не повредить щита.

Юнкер встал на часы.

МАЛЫШЕВ. Хороший офицер. (*Мышлаевскому.*) Капитан, пожалуйте сюда. Ну, вот я очень доволен, что вы попали к нам в дивизион. (*Студзинскому.*) Спасибо за рекомендацию. Рад познакомиться.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Рад стараться.
МАЛЫШЕВ. Вы еще наладите нам отопление здесь, в залах, и в вестибюлях, чтобы отогревать смены юнкеров.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Слушаю-с.
МАЛЫШЕВ. А уж об остальном я позабочусь сам. Ужин мы вам сюда доставим. А равно также и водку. В количестве небольшом, но достаточном, чтобы согреться как господам офицерам, так и юнкерам. Водку пьете, капитан?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Никак нет, господин полковник, я непьющий.
МАЛЫШЕВ. Жаль, жаль. Ну, одну-то рюмку можно, не правда ли? (*Студзинскому.*) Караулы как?
СТУДЗИНСКИЙ. Разведены, господин полковник, все в полном порядке.
МАЛЫШЕВ. Ладно-с. Итак-с. Поручаю вам гимназию. Я поеду в штаб, через час вернусь. Будем ужинать. Будем здесь ночевать. Огонь, огонь, капитан Мышлаевский, разведите.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Будет исполнено, господин полковник.
МАЛЫШЕВ. До приятного свидания, господа.
АЛЕКСЕЙ.
МЫШЛАЕВСКИЙ.
СТУДЗИНСКИЙ. } Честь имеем кланяться, господин полковник. (*Берут под козырек.*)
АЛЕКСЕЙ.
СТУДЗИНСКИЙ. } Так ты непьющий?! Ах ты, скотина, скотина!

Занавес

Конец второй картины

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рабочий кабинет гетмана, во дворце. Три двери. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты, отдельно полевой телефон. На стене портрет Вильгельма II.
Ночь. Кабинет ярко освещен.
Дверь открывается, и камер-лакей (старик, гладко выбрит, в ливрее) впускает Шервинского.

ШЕРВИНСКИЙ. Здравствуйте, Федор.
ЛАКЕЙ. Здравия желаю, господин поручик.
ШЕРВИНСКИЙ. Как? Никого нет? Федор, а кто из адъютантов дежурит у аппарата?
ЛАКЕЙ. Его сиятельство князь Новожильцев.
ШЕРВИНСКИЙ. Так где же он?
ЛАКЕЙ. Не могу знать. Только что вышли, с полчаса так, приблизительно.
ШЕРВИНСКИЙ. Что за безобразие! И аппараты полчаса стояли без дежурного? Как же так? Ничего не понимаю!
ЛАКЕЙ. Да никто не звонил: я все время был у дверей.

ШЕРВИНСКИЙ. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент,— черт знает что такое!

ЛАКЕЙ. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не приедете, я бы записывал.

ШЕРВИНСКИЙ. Вы? Записывать военные телефонограммы? Да у него размягчение мозга! А, понял, понял. У него живот заболел? Он в уборной?

ЛАКЕЙ. Никак нет, они вовсе из дворца выбыли.

ШЕРВИНСКИЙ. Вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурство, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

ЛАКЕЙ. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской уборной. Я же им еще газету давал.

ШЕРВИНСКИЙ. Что? Какую газету?

ЛАКЕЙ. Я же докладываю, господин поручик. Во вчерашний номер они мыло завернули.

ШЕРВИНСКИЙ. Позвольте, да вот же его шашка.

ЛАКЕЙ. Да они в штатском уехали.

ШЕРВИНСКИЙ. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? (*Шарит на столе.*) Ничего нет. Что-нибудь приказал передать?

ЛАКЕЙ. Приказали кланяться.

Пауза.

ШЕРВИНСКИЙ. Вы свободны, Федор.

ЛАКЕЙ. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

ШЕРВИНСКИЙ. Нуте-с.

ЛАКЕЙ. Они изволили неприятное известие получить.

ШЕРВИНСКИЙ. Откуда, из дому?

ЛАКЕЙ. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

ШЕРВИНСКИЙ. Мне кажется, Федор, что вас не касается окраска лиц адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

ЛАКЕЙ. Прошу извинить, господин поручик. (*Уходит.*)

ШЕРВИНСКИЙ (*протяжно свистит, потом говорит в телефон на гетманском столе*). Будьте добры: 15—12. Мерси. Это квартира князя Новожильцева? Попросите Сергея Николаевича. Что? Во дворце? Его нет во дворце, я сам говорю из дворца. Постой, Сережа, да это твой голос. Сере... Позвольте... (*Телефон звенит отбой.*) Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (*Пауза.*) Шервинский, Шервинский... (*Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.*) Это штаб Святошинского отряда? Попросите начштаба. Как это нет? Помощника. Вы слушаете? (*Пауза.*) Фу ты, черт!

Садится за стол, звонит.
Входит лакей. Шервинский пишет записку.

Федор, сейчас же эту записку вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру, на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез его сюда. Вот три карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

ЛАКЕЙ. Слушаю. (*Уходит.*)

ШЕРВИНСКИЙ (*трогает баки, задумчиво*). А пожалуй, без них я даже красивей буду... Чертовщина, честное слово! Как же быть с Еленой? Елена...

На столе звенит телефон.

Я слушаю. Да. Личный адъютант его светлости, поручик Шервинский. Здравия желаю, ваше превосходительство! Как-с? (*Пауза.*) Слушаю. Так-с, передам. Слушаю, ваше превосходительство. Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи, через полчаса. (*Вешает трубку, телефон звенит отбой. Пауза.*) Я убит, господа. (*Свистит.*) Вот так клюква! (*Звонит по другому телефону.*) Второй. Попрошу к телефону генерал-майора Траубе. Это, ваше превосходительство, личный адъютант его светлости. (*Пауза.*) Так-с. (*Вешает трубку. Отбой.*) Второй. Попрошу к телефону полковника Щеткина. Что вы говорите? (*Пауза. Пожимает плечами, вешает трубку.*)

За сценой глухая команда «Смирно», потом глухой многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость».

ЛАКЕЙ (*открывая обе половины двери*). Его светлость.

ГЕТМАН (*входит. Он в белой богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова. Лет сорока пяти*). Здравствуйте, поручик!

ШЕРВИНСКИЙ. Здравия желаю, ваша светлость!

ГЕТМАН. Позвольте, разве никого нет? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армии, начальник гарнизона и представители германского командования. Уже пора быть здесь. Разве нет никого?

ШЕРВИНСКИЙ. Никак нет.

ГЕТМАН. Потрудитесь дать мне сводку за последний час.

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь доложить вашей светлости, я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

ГЕТМАН. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один человек не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

ШЕРВИНСКИЙ. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант, корнет... (*В сторону.*) Как «князь» по-украински?.. Черт! (*Вслух.*) Новожильцев тым часово выконуючий обовязки... Я думаю, что вин захворав...

ГЕТМАН. Говорите по-русски!

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю, ваша светлость. Корнет Новожильцев отбыл домой внезапно, по-видимому захворав, до моего прибытия...

ГЕТМАН. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства! Вы сами, как? В здравом уме? Бросил дежурство! Что у вас тут происходит, в конце концов? (*Звонит по телефону.*) Комендатура? Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит! Наряд на квартиру к моему адъютанту, корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру! Сию минуту! За́раз!

ШЕРВИНСКИЙ (*в сторону*). Будешь знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

ГЕТМАН. Ленту он оставил?

ШЕРВИНСКИЙ. Так точно. Но на ленте ничего нет.

ГЕТМАН. Да что ж он?! Спятил? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета! Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас

же со штабом командующего. Просить немедля ко мне. То же самое начгарнизона и всем командирам полков. Живо!

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

ГЕТМАН. Какое там еще известие?

ШЕРВИНСКИЙ. Пять минут назад мне звонил начштаба командующего генерал Бубнов и сообщил, что его сиятельство командующий русской армией при вашей светлости тяжко заболел и отбыл в германском поезде в Германию.

Пауза.

ГЕТМАН. У вас голова не болит? У вас глаза – какие-то странные. Да я с князем два часа тому назад разговаривал по телефону!

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь добавить. Генерал Бубнов дополнил сообщение так: я, сказал он, сам болен и сдаю штаб своему помощнику, генерал-майору Траубе. А когда я позвонил тому, мне ответили, что генерал Траубе заболел и сдал штаб полковнику Щеткину...

ГЕТМАН. И полковник заболел? Скорее! Что вы тянете?

ШЕРВИНСКИЙ. Никак нет, ваша светлость. Полковник Щеткин мне вовсе ничего не ответил.

ГЕТМАН. Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну?!

ШЕРВИНСКИЙ (*в сторону*). Ну, Шервинский... (*Вслух.*) Так точно, ваша светлость. Катастрофа. Я это сразу сообразил и обдумываю вопрос о принятии мер к охране вашей особы.

ГЕТМАН. Сводку мне, черт возьми! Что там на фронте произошло?! Где сердюцкая дивизия, которую я жду сюда?

ШЕРВИНСКИЙ. Ваша светлость, есть слух, что у сердюков неладно... Я только что...

ГЕТМАН. Погодите... погодите... Так... что такое?.. Вот что... во всяком случае, вы – отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что, сейчас же соединяйтесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне.

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю. (*По телефону.*) Третий. Зейн зи битте либенсвюрдих ден херн майор фон Дуст анс телефон цу биттен...

Стук в двери.

Я... я...[1]

ГЕТМАН. Войдите, да!

ЛАКЕЙ. Представители германского командования, генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

ГЕТМАН. Просить сюда сейчас же. (*Шервинскому.*) Отставить.

Лакей впускает фон Шратта и фон Дуста. Оба в серой форме, в гетрах. Шратт длиннолицый, седой. Дуст с багровым лицом. Оба в моноклях.

ШРАТТ. Вир хабен ди эре ире хохейт цу бегрюссен[2].

ГЕТМАН. Их фрейэ мих херцлих дас зи, мейне херрн, гекоммен зинд. Битте, немен зи платц.

[1] Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major von Dust an den Apparat zu bitten... Ja... ja... – Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста... Да... да... (*Нем.*)

[2] Wir haben die Ehre, Euer Hohheit, zu begrüssen. – Имеем честь приветствовать вашу светлость. (*Нем.*)

Немцы усаживаются.

Их хабе эбен нахрихте фон зер шверем цуштанде унзерер арме бекоммен[1].

ШРАТТ. Дас хабен вир я шон ланге эрфарен[2].

ГЕТМАН (*Шервинскому*). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю. По-русски разрешите, ваша светлость?

ГЕТМАН. Генерал, могу попросить говорить по-русски?

ШРАТТ (*с резким акцентом*). О, с большим удовольствием!

ГЕТМАН. Мне сейчас стало известно, что городской фронт в катастрофическом положении.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные и позорные известия. Штаб русского командования позорно сбежал! Дас ист я унерхерт![3] (*Пауза.*) Я обращаюсь через ваше посредство к генералу фон Буссову как к представителю германского правительства... ви цум форштелер дер дэйтшен регирунг... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу! В случае такого исхода столице грозит анархия. Анархия эта опасна для германской армии. Дизэ анарши ист фюр дэйтше армэ геферлих. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

ШРАТТ. С сожалени, германски командование лишено возможность это сделайт.

ГЕТМАН. Как? Уведомите, генерал, почему?

ШРАТТ. Физиш унмеглих. Это физически невозможно ест. Эрстэнс. Во-первый. У Петлюры, по сведения штаба, до двести тисч войск великолепно вооружен. А между тем германское командование снимает дивизии и уводит их в Германи.

ШЕРВИНСКИЙ (*в сторону*). Ах, сукины дети!

ШРАТТ. Знатшит, в распоряжени генераль фон Буссов вооружени достаточны сил нет. Во-вторых, вся Украина, оказывает, на стороне Петлюры...

ГЕТМАН. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе!

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю-с!

ШРАТТ. Я ничего не имейт протиф. Подчеркните. Итак, остановить Петлюру невозможно.

ГЕТМАН. Альзо, ман ферлест мих онэ иргенд вельхе хильфэ? Значит, меня, армию и правительство германское командование оставляет на произвол судьбы?

ШРАТТ. Ниэт. Ми командированы для принятия мери к спасению вас.

ГЕТМАН. Какие же меры командование предлагает?

ШРАТТ. Немедленную эвакуацию вашей светлости. Тотчас же в вагон и в Германию.

[1] Ich freue mich herzlich daß Sie, meine Herren, gekommen sind. Bitte, nehmen Sie Platz. Ich habe eben die Nachricht von sehr schwerem Zustande unserer Armee bekommen. – Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь. Я только что получил известие о тяжелом положении нашей армии. (*Нем.*)

[2] Das haben wir ja schon lange erfahren. – Мы об этом знали уже давно. (*Нем.*)

[3] Das ist ja unerhört! – Это неслыханно! (*Нем.*)

ГЕТМАН. Простите, я ничего не понимаю... Как же так? Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

ШРАТТ. Точно так.

ГЕТМАН. Без согласия со мной? (*Волнуясь.*) Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. Я не согласен! У меня еще есть возможность собрать армию в городе и защищать его своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

ШРАТТ. Германское правительство ощущает достаточно сили, чтобы предотвратить разрушение столицы.

ГЕТМАН. Это угроза, генерал?

ШРАТТ. Предупреждение, ваша светлость. У вашей светлости не имеется никаких сил в распоряжении. Положение катастрофическое...

ДУСТ (*тихо Шратту*). Мэйн генераль, вир хабэн гар кэйне цэйт. Вир мюссен...[1]

ШРАТТ. Да, да... Итак, ваша светлость, позвольте сообщить последнее: только что ми получили сведения, что конница Петлюры в восьми верстах от Киева. И утром завтра она войдет...

ГЕТМАН. Я узнаю об этом последним!

ШРАТТ. Ваша светлость, конечно, знает, что ожидает его в случае взятия в плен? Относительно вашей светлости есть приговор. Он весьма есть очень печален.

ГЕТМАН. Какой приговор?

ШРАТТ. Прошу извинения у вашей светлости. (*Пауза.*) Повиэсить. (*Пауза.*) Позвольте вас попросить ответ сейчас же. В моем распоряжении есть только десять минут, после этого я снимаю с себя ответственность за жизнь и благополучие вашей светлости.

Большая пауза.

ГЕТМАН. Я еду.

ШРАТТ (*Дусту*). Будьте любезны, майор, дэствовать тайно и без всяки шум.

ДУСТ. О, никакой шум! (*Стреляет из револьвера в потолок два раза.*)

Шервинский растерян.

ГЕТМАН (*берясь за револьвер*). Что это значит?

ШРАТТ. О, будьте спокойны, ваша светлость! О, зайн зи руих, ире хохейт, тише!

Шратт скрывается в портьере правой двери. За сценой гул тревоги, крик: «Караул, в ружье!» Топот.

ДУСТ (*открывая среднюю дверь*). Руих! Спокойно! Генерал фон Шратт разряжал револьвер, случайно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман, где гетман?»

Гетман есть очень здоровый! Ваша светлость, благоволите показаться им...

ГЕТМАН (*в средних дверях*). Все спокойно, прекратите тревогу!

ДУСТ (*в дверь*). Прошу пропускайт врача с инструментом.

[1] Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen... — Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (*Нем.*)

Тревога утихает. Входит германский врач с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает средние двери на ключ.

ШРАТТ. Ваша светлость, прошу переодеться в германскую форму, и как будто я есть раненый. Вас в моем виде вывезем, а вы как будто есть во дворце, чтобы никто в городе не знал, чтоб не вызвать возмущение среди караул.

ГЕТМАН. Делайте, как хотите!

ДУСТ (*вынимая из ящика германскую форму*). Прошу вашу светлость переодеваться. Где угодно?

ГЕТМАН. Направо, в спальне.

Он и Дуст уходят направо.

ШЕРВИНСКИЙ (*у авансцены*). Поедет Елена или не поедет? (*Решительно, к Шратту.*) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант,— кроме того, со мной моя... невеста.

ШРАТТ. С зожалением, поручик, не только невеста, но и вас я не могу брать — только одного гетмана. Если вы хотите ехайт, отправляйтесь станцию наш штабной поезд, только имейт в виду, мест нет,— там уже есть личный адъютант.

ШЕРВИНСКИЙ. Кто?

ШРАТТ. Как его? Князь Новожильцев.

ШЕРВИНСКИЙ. Новожильцев? Да когда же он успел?

ШРАТТ. Когда катастрофа, каждый стает проворный очень. Он был у нас штабе сейчас вечером.

ШЕРВИНСКИЙ. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

ШРАТТ. О, нейт. Гетман будет один: никакая свита. Мы только довезем до границы. Кто желает спасать свою шею от ваших мужиков, а там каждый как желает.

ШЕРВИНСКИЙ. О, покорнейше благодарю! Я и здесь сумею спасти свою шею...

ШРАТТ. Правильно, молодой человек: никогда не следует покидать родину.

Выходят гетман и Дуст, гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

ГЕТМАН. Поручик, все бумаги здесь сжечь!

ДУСТ. Гер доктор, зайн зи либенсвюрдиг...[1] Ваша светлость, пожалейста, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает его голову наглухо.

ВРАЧ. Фертиг[2].

ШРАТТ (*Дусту*). Машину.

ДУСТ. Зоглейх[3].

ШРАТТ (*гетману*). Ваша светлость, ложитесь!

Гетмана укладывают на диван; Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Выходит Шратт.

ШРАТТ. Все в порядке. (*Смотрит на часы-браслет.*) Один час ночи. (*Надевает кепи и плащ.*) До свидания, поручик. Вам советую не задерживаться здесь, вы свободно можете уходить. Снимайте погоны. (*Прислушиваясь.*) Слышайте?

[1] Herr Doctor, seien Sie so liebenswürdig... — Господин доктор, будьте так любезны... (*Нем.*)
[2] Fertig. — Готово. (*Нем.*)
[3] Sogleich. — Сейчас. (*Нем.*)

ШЕРВИНСКИЙ. Беглый огонь.
ШРАТТ. Именно. Каламбур: беглый. Пропуск имеете?
ШЕРВИНСКИЙ. Точно так.
ШРАТТ. Так до свидания. Спешите! (*Уходит.*)
ШЕРВИНСКИЙ. Честь имею кланяться, ваше превосходительство... (*Подавлен.*) Чистая немецкая работа. (*Внезапно оживает.*) Нуте-с, времени нету. Нету, нету, нету. (*У стола.*) О, портсигар? Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно – лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (*Закуривает, прячет в карман.*) Нуте-с, бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. (*Рвет бумаги, прячет в карман.*) Так-с. (*За столом.*) Свинья я или не свинья? Нет, я не свинья. (*В телефон.*) 14-05. Да. Это дивизион? Командира к телефону попросите, срочно! Разбудить! (*Пауза.*) Полковник Малышев? Говорит Шервинский. Слушай, Сергей, внимательно: гетман драпу дал... Серьезно говорю... Гетман драпу дал... Дал драпу, говорю... Да все равно, пускай слышат. Тебе сообщаю потому, что жаль наших офицеров... Драпу дал, говорю тебе... Вот и спасай людей. Поступай, как хочешь... Нет, до рассвета есть время... Но... прощай. Спасай дивизион. (*Дает отбой.*) И совесть моя чиста и спокойна. (*Звонит.*)

Входит лакей.

Вестовой привез пакет?
ЛАКЕЙ. Так точно.
ШЕРВИНСКИЙ. Сейчас же дайте его сюда.

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Благодарю вас.
ЛАКЕЙ (*растерян*). Позвольте узнать, что с их светлостью?
ШЕРВИНСКИЙ. Что это за вопрос?
ЛАКЕЙ. Виноват.
ШЕРВИНСКИЙ. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... эдакое... привлекательное... пролетарское. Гетман изволит почивать. И вообще – молчите.
ЛАКЕЙ. Так-с.
ШЕРВИНСКИЙ. Федор, живо из адъютантской принесите мне мое полотенце, бритву, мыло!
ЛАКЕЙ. Газету прикажете?
ШЕРВИНСКИЙ. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?
ЛАКЕЙ. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?
ШЕРВИНСКИЙ. Бритву в карман... Ну-с, дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.
ЛАКЕЙ. Покорнейше вас благодарю.
ШЕРВИНСКИЙ. А также пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор, я адъютантом никогда не служил.
ЛАКЕЙ. Понятно.
ШЕРВИНСКИЙ. Во дворце никогда не был, вас не знаю. Вообще, я оперный певец...

ЛАКЕЙ. Неужто ходу дал?
ШЕРВИНСКИЙ. Смылся...
ЛАКЕЙ. Ах, сволочь!..
ШЕРВИНСКИЙ. Неописуемый бандит!
ЛАКЕЙ. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?
ШЕРВИНСКИЙ. Вы же видите!? Вам-то еще полгоря, но каково мне? Ну, дорогой Федор, задерживаться я больше не могу, как ни приятно беседовать с вами... Слышите?

Далекий пушечный гул.

До свидания. (*От двери.*) Федор, вы человек хороший, и пока я у власти, — дарю вам этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры... (*Исчезает.*)
ЛАКЕЙ. Ну-ну... (*Вдруг яростно срывает портьеру с двери.*)

Занавес

Конец второго акта

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль гимназии. В печке догорает огонь. У ящика с выключателями юнкер на часах, второй у телефона. Ружья в козлах. На нижней площадке Мышлаевский, 1-й, 2-й и 3-й офицеры. Студзинский на верхней площадке с листом и карандашом в руках. Рассвет.

СТУДЗИНСКИЙ (*кричит*). Тарутин?

Голос из подвала: «Есть!!!»

Терский?

«Есть!»

Тунин?

«Есть!»

Ушаков?

«Есть!»

Федоров?

Гул голосов, выкрики: «Нету!»

Фирсов?

«Есть!»

Хотунцев?

«Есть!»

Яшвин?

Гул... «Нету!»

Вольно!

За сценой: топот, движение, звон шпор, говор. Студзинский проверяет лист.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*кричит*). Батарея, можете курить! (*Вынимает портсигар.*)
1-й ОФИЦЕР. Позвольте огоньку, господин капитан.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ради бога.

Курят.

1-й ОФИЦЕР. Двадцати человек не хватает, однако.
2-й ОФИЦЕР. М-да... То-то на капитане лица нет.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Чепуха. Подойдут. Вот холод дьявольский. Это паршиво. В двух классах все парты поломал, да разве в одну ночь натопишь!
2-й ОФИЦЕР. Немыслимо. (*Топчется, напевает сквозь зубы «Пупсика».*) Пупсик, ты красота сама...
МЫШЛАЕВСКИЙ (*юнкерам*). Что? Озябли?

Голос: «Так точно, господин капитан. Прохладно».

Так чего вы стоите на месте? Синий как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Ободрей.

Топот, звон шпор.

2-й ОФИЦЕР (*напевает «Пупсика»*). Прекрасный, бесподобный. Он нянек всех порол...

За сценой напевают тот же мотив, ритмически звенят шпорами.

Вот это так. Трудненько с ними, господин капитан.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что говорить.
2-й ОФИЦЕР. Он аппетитный, сдобный... прелестный мальчуган...

Звон, напевают за сценой.

1-й ОФИЦЕР. Командир что-то не едет. Уже семь.
МЫШЛАЕВСКИЙ. В штаб уехал. Известия, наверное, есть.
1-й ОФИЦЕР. Я думаю, господин капитан, что, пожалуй, придется сегодня с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя.
3-й ОФИЦЕР (*мрачно*). Узнаешь. Не спеши.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Наше дело маленькое, но верное. Прикажут, повидаем.
1-й ОФИЦЕР. Так точно.
2-й ОФИЦЕР. Тара... тара... ли... ли... Пупсик. Мой милый Пупсик...
1-й ОФИЦЕР. Огонь-то стих.
СТУДЗИНСКИЙ (*внезапно на верхней площадке*). Дивизион, смирно!

Пауза.

Господа офицеры.
1-й ОФИЦЕР. Приехал.

Бросают папиросы.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Первая батарея, смирно...

1-й и 2-й офицеры убегают.

3-й ОФИЦЕР. Вторая батарея, смирно...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Подравняйте, подравняйте...

Наверху появляется Малышев, крайне взволнован.

МАЛЫШЕВ (*Студзинскому*). Список! Скольких нет?
СТУДЗИНСКИЙ (*тихо*). Двадцати двух человек.
МАЛЫШЕВ. Позвольте-ка мне его. (*Прячет список за обшлаг, подходит к парапету, кричит.*) Здравствуйте, артиллеристы!

Студзинский и Мышлаевский делают знаки. Крик: «Здравия желаем, господин полковник!» Пауза.

Приказываю дивизиону слушать внимательно то, что я ему объявлю.

Тишина, пауза.

За ночь... в нашем положении, в положении всей русской армии и, я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения. (*Пауза.*) Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина. Студзинский, Мышлаевский, 3-й офицер поражены.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю вам всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны и все знаки отличия и немедленно же скрыться по домам. (*Вытирает пот со лба.*) При этом каждый из вас может, но не теряя на это времени, взять здесь в цейхгаузе все, что он пожелает, на память

и что он может унести на себе. (*Пауза.*) Я кончил. Исполнять приказание.

Мертвая пауза.

3-й ОФИЦЕР. Что такое?.. (*Резко.*) Это измена!

За сценой шевеление, гул.

Его надо арестовать!

Гул голосов: «Арестовать!», «Мы ничего не понимаем...», «Петлюра ворвался...», «Вот так штука!», «Я так и знал...», «Тише!»
Вбегают 1-й и 2-й офицеры.

1-й ОФИЦЕР. Что это значит?
СТУДЗИНСКИЙ (*внезапно, выйдя из оцепенения*). Эй! Первый взвод! Сюда!

Выбегают юнкера с винтовками.

Господин полковник, вы арестованы!
3-й ОФИЦЕР. Арестовать его! Он передался Петлюре! (*Бросается вверх по лестнице.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ (*удерживая его*). Постойте, поручик!
3-й ОФИЦЕР. Пустите меня, господин капитан! Руки прочь!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Взвод, назад!
СТУДЗИНСКИЙ. Вашу шашку, полковник! Взвод, сюда!
1-й ОФИЦЕР. Господа, что это?
2-й ОФИЦЕР. Господа!

Суматоха.

3-й ОФИЦЕР. Агент Петлюры!
2-й ОФИЦЕР. Что вы делаете?
МАЛЫШЕВ. Молчать! Смирно!
3-й ОФИЦЕР. Взять его!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Замолчите сию минуту!
МАЛЫШЕВ. Молчать, я буду еще говорить!
2-й ОФИЦЕР. Тише, погодите!
3-й ОФИЦЕР (*Мышлаевскому*). Вы тоже заодно с ним?
СТУДЗИНСКИЙ. Что вы сделали, господин полковник? Посмотрите, что происходит! На места! Я принимаю команду над дивизионом! Дивизион!
МАЛЫШЕВ. Смирно!!.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Смирно!.. (*1-му офицеру.*) Уберите свой взвод сию секунду! Назад!
1-й ОФИЦЕР. Смирно! На место.

Голоса, гул: «Смирно!»

МЫШЛАЕВСКИЙ. Успокойтесь!
МАЛЫШЕВ (*подняв руку*). Тише! Буду говорить.

Наступает тишина.

Дивизион, слушать. Да, да. Очень я был бы хорош, если б пошел в бой с таким составом, который мне послал господь бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно (*Студзинскому*) вам, господин капитан. Я слишком понадеялся на вашу дисциплину, полагая, что вы исполните мое приказание, не требуя объяснений. Оказывается,

я вас переоценил. Что ж. Итак. Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить вам позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир. Кого?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Гетмана.

МАЛЫШЕВ. Гетмана? Отлично. Дивизион! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде в Германию. Так что в это время, когда капитан Мышлаевский собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.

Гул. В окнах рассвет.

Но этого мало. (*Пауза.*) Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья, его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Тише! Меня предупредил один из штабных офицеров. И сейчас я проверил эти сведения. Итак. Вот мы, нас двести человек, а там Петлюра... Да что я говорю. Не там, а здесь. Друзья мои, сейчас он на окраинах города, и у него двухсоттысячная армия. А у нас на месте мы... три-четыре пехотных дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня страшно испугал. Мальчишка.

3-й ОФИЦЕР. Господин...

МАЛЫШЕВ. Молчать! Ну так вот-с. Если при таких условиях вы все вынесли бы сейчас постановление защищать... что? кого?! – одним словом – идти в бой, я вас не поведу. Потому что в балагане я не участвую, тем более что за балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно вы! (*Вытирает лоб.*) Дети мои! Слушайте меня. Я – кадровый офицер, вынесший войну с германцами, чему свидетель капитан Студзинский, на свою совесть и ответственность принимаю все... все... Вас предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. (*Отворачивается.*)

Рев голосов. Отдельные выкрики: «Что это делается?», «Винтовки-то брать, что ли?», «Взорвать гимназию!», «Вали, братцы!», «Убить их мало!», «Повесить!» Выбегают отдельные юнкера. 3-й офицер, закрыв лицо руками, плачет.

2-й ОФИЦЕР (*срывая погоны*). К чертовой матери! К чертовой матери!

ЮНКЕР (*на часах у телефона, швырнув винтовку*). Штабная сволочь!

Гул, рев, топот.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*кричит*). Тише!

Тишина.

Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

МАЛЫШЕВ. Не разрешаю.

Пушечный удар, дрогнули стекла.

Поздно. Бегите домой.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Юнкер Павловский! Бейте отбой.

Труба за сценой. С грохотом бросают винтовки.

(*У щита.*) Ломайте ящик, гасите свет! (*Ударяет винтовкой в ящик, взламывает его. Разбивает щит.*)

Свет мгновенно гаснет, и все исчезает.

Занавес

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же декорация. Мутное утро. Полусвет. В печке огонь. Разбросаны винтовки. Весь пол усеян обрывками бумаги. Малышев сидит на корточках и жжет бумагу, рвет ее. Взломанный шкаф. Возле Малышева стоит Максим.
Время от времени за сценой взрывы снарядов, от которых вздрагивают стекла.

МАЛЫШЕВ. Отойди от меня, старик, ради самого создателя.
МАКСИМ. Ваше высокоблагородие... куда же это я отойду... Мне отходить нечего от казенного имущества... В двух классах парты поломали. Такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... ведь что ж это мне делать теперь? А? Ведь это чистый погром. Много войска бывало, а такого, извините...
МАЛЫШЕВ. Старик, уйди от меня.
МАКСИМ. Меня теперь хоть саблей рубите... Я уйти... не могу... Мне сказано господином директором: «Максим, ты один останешься... Максим, гляди...»
МАЛЫШЕВ. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя, как перепела, если ты тут торчать будешь. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб твоего и духу не было.
МАКСИМ. Всякие, и за царя, и против царя... Солдаты оголтелые, а чтоб щиты ломать...
МАЛЫШЕВ. Куда ж она девалась? (*Шарит. Второй шкаф разбивает ногой.*)
МАКСИМ. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы ножкой.

Малышев уходит. Удар.

(*Поднимаясь вверх по лестнице, крестится.*) Царица небесная, владычица, настала наша кончина, антихристово пришествие... Господи Иисусе. (*Подходит к щиту, всплескивает руками.*) Господи Иисусе.

Наверху слева появляется Алексей.

АЛЕКСЕЙ. Что за чертовщина! Кто это? Максим? Максим.
МАКСИМ. А...
АЛЕКСЕЙ. Где дивизион? Где дивизион?
МАКСИМ. Ваше превосходительство! Хоть вы ему прикажите, ведь это разбой. Шкаф ногой изломал...
АЛЕКСЕЙ. Старик, где дивизион! Отвечай!
МАКСИМ. Много было войска... А сейчас ушли... Всю гимназию разбили.
АЛЕКСЕЙ. Куда? Куда? Покажи, куда ушли!
МАКСИМ. Не могу знать.
АЛЕКСЕЙ. Вчера что были! Куда, хоть скажи, ушли?! Когда?
МАКСИМ. Все прибегают, топчут, а потом разошлись — кто куда.

АЛЕКСЕЙ. Ах ты, господи боже мой! Кто тут есть?..
МАКСИМ (*уходя*). Толку ни от кого не добьешься. Ломать это все, а как платить... (*Бормочет, уходит.*)

Появляется Малышев.

АЛЕКСЕЙ. Кто это? Полковник!
МАЛЫШЕВ. А, доктор. Ну, прекрасно. Вы последний.
АЛЕКСЕЙ. Что это? (*Глухо*). Кончено?
МАЛЫШЕВ. Кончено. Повоевали и будет. Вот что, доктор, думать тут некогда. Имейте в виду, что я один остался. Снимайте сию секунду погоны и бегите, прячьтесь. Мышлаевский хотел к вам бежать, предупредить. Не был?
АЛЕКСЕЙ. Не был. Я ничего не знаю. Сейчас из дому.
МАЛЫШЕВ. Видно, уж не мог добраться. Доктор, не размышляйте, снимайте погоны. Бегите. (*Рвет бумагу, бросает в печь.*) Ну, вот и все. Ищи теперь концов. (*Застегивается.*)
АЛЕКСЕЙ. А защищаться?.. Здесь же... Все равно пропадать!
МАЛЫШЕВ. Какая тут защита, к дьяволу? Вы слышите? Петлюра тут.

Удар.

Вон оно. Даешь. Даешь. Ишь, кроет беглым.

Удар.

Даешь? Концерт, прямо музыка.
АЛЕКСЕЙ. А что ж будет с остальными?

МАЛЫШЕВ. С остальными-с? Не касается. (*Внезапно, истерически.*) Не касается, ничего меня больше не касается. Все, что мне полагалось, все сделал. Все. И даже больше. Здесь, видите, сижу. Прибегали две пехотные части, спровадил и их по домам. Им, видите ли, велено было гимназию защищать. Защищать, туда ее в душу мать. (*Истерически.*) Уу... Штабная сволочь! Сволочь! Сволочь! Попадешься мне, пан гетман, когда-нибудь. Мать твою душу!..

Блеск за окнами. Страшнейший удар, от которого вылетает стекло, и тотчас начинает постепенно разгораться в окнах зарево.

Ну-с, уважаемый доктор, больше беседовать невозможно. Видите, господин Петлюра просит нас честью расходиться по домам. Доктор, снимайте погоны.
АЛЕКСЕЙ. Почему же вы не снимаете?
МАЛЫШЕВ. После вас. Я, видите ли, командир-с.
АЛЕКСЕЙ (*срывая погоны*). Я иду искать брата. У меня брат юнкер. Утром сегодня вышел. Убьют как собаку, а за что?..
МАЛЫШЕВ. Вероятно, убили уже. Доктор, послушайте доброго совета — не делайте глупостей, бегите домой.
АЛЕКСЕЙ. Пойду искать.
МАЛЫШЕВ. Ну, как хотите. Имейте в виду, доктор, что я еще здесь буду. Я предупрежу. Ну если уж хотите, идите через этот ход, а я посмотрю со стороны сюда. Может, еще кто-нибудь явится.

Алексей срывает кокарду, вынимает револьвер, убегает вправо и вниз. Сцена пуста. Большой разрыв за сценой. Зарево ярче и ярче. Голоса за сценой: «Эй, эй! Кто тут есть? Эй!» Справа и сверху вбегают двое юнкеров, оба с винтовками... Растеряны.

1-й ЮНКЕР. Эй! Эй! Кто есть? Где русские части?
2-й ЮНКЕР. Вот дьявольщина! Куда ж бежать-то?
1-й ЮНКЕР. Гляди, гляди, университет горит.
2-й ЮНКЕР. Уходи от окна, Васька. Никого нету.

1-й ЮНКЕР. А велели сюда. (*Спускается по лестнице.*) Смотри, побросали винтовки. Видно, катастрофа и тут. Какого ж черта сюда гнали?

Снизу и справа выбегает Алексей. Шинель разорвана, на пол капает кровь. Неожиданно спотыкается, падает, поднимается, рвет здоровой рукой платок.

Кто это? Доктор! Какой вы части?

Поднимают Алексея.

АЛЕКСЕЙ. Мортирного дивизиона. Помогите мне и сами бегите! Бегите!
1-й ЮНКЕР. Куда?
АЛЕКСЕЙ. Сюда... низом... Подвальным коридором, потом во двор... мимо угольных сараев... не бросайте меня...
1-й ЮНКЕР. Как можно...

Ведут.

Где вас ранили?
АЛЕКСЕЙ. Тут, у подъезда. Только что вышел, начали из пулемета садить...
2-й ЮНКЕР. Части-то наши где?
АЛЕКСЕЙ. Нету больше никого, никого...

Скрываются. Сцена пуста. Разрыв. Второй разрыв. За сценой слева и сверху топот, выкрики: «Сюда». Появляется Николка с перекрещенными лентами на груди, за ним юнкера с винтовками.

НИКОЛКА. Сюда, братцы! Вон он – вестибюль. Сюда!
1-й ЮНКЕР. Да в вестибюле никого нету.
НИКОЛКА. Нам дела нету. Сказано – сюда, значит сюда. А ну, к окнам правым плечом вперед.

Юнкера у окон.

2-й ЮНКЕР. Господин ефрейтор, конница неприятельская на улице.

Смятение.

НИКОЛКА. Юнкер Ивашин, пулемет сюда! Пулемет!

Появляются три юнкера с пулеметом.

Бейте стекла прикладами!

Бьют стекла.

3-й ЮНКЕР. Что за дьявольщина? Петлюровцы вон у музея!
НИКОЛКА. Тише там! Ну и бей в них! Взвод, по наступающей кавалерии залпами огонь!

Стреляют.

МАЛЫШЕВ (*появляется внезапно*). Кто командует отрядом? Где офицер?
НИКОЛКА. Кто это? Никого из офицеров нет, господин полковник. Я старший, я командую. Петлюровцы к гимназии бегут.
МАЛЫШЕВ. Ладно. Я принимаю команду. Юнкера, слушать. Срывайте погоны, кокарды, подсумки, бросайте винтовки, бегите домой. Спрячьтесь, рассыпьтесь. Отсюда из гимназии подвальным ходом на Подол. На Подол. Бой кончен. Бегом марш.

Юнкера Николки бросают винтовки, бегут вниз. Крики: «Куда?», «Как же так?», «Спасайтесь! Скорее!» Все бегут, кроме Николки.

МАЛЫШЕВ. Так. Так. Вниз, вниз. На Подол. (*Николке.*) Оглох, что ли?

Команду слышал? (*Срывает с Николки левый погон.*) Снимай. Снимай. Сказано – беги, щенок. Я вас прикрою. (*Вбегает наверх к пулемету, направляет его.*) Уходи!

НИКОЛКА. Не желаю, господин полковник. (*Направляет ленту в пулемет.*)

Малышев начинает стрелять. Верхние стекла трескаются.

МАЛЫШЕВ. Удирай, глупый малый, говорю, удирай.

Удар в окно, блеск. Малышев внезапно вытягивается во весь рост и с верхней площадки падает на ступени.

НИКОЛКА (*сбегая к нему*). Господин полковник. Господин... господин...

Грохот стекол за сценой.

МАЛЫШЕВ. Унтер-цер, бросьте геройствовать к чертям... Я умираю... (*Смолкает.*)

НИКОЛКА. Господин полковник... господин полковник. А, господин...

За сценой топот, выбегают пятеро гайдамаков с красными хвостами на папахах, в руках шашки.

1-й ГАЙДАМАК. Тю. Бач. Бач. Тримай его.

Захватывают низ сцены. 2-й гайдамак стреляет из револьвера в Николку.

3-й ГАЙДАМАК (*выбегая*). Живьем. Живьем возьмите его, хлопцы!

2-й ГАЙДАМАК. Ишь, волчонок. Ах, сукино отродье.

Николка отползает от Малышева с его револьвером в руке вверх по ступенькам, стреляет три раза. Оскалился, бледен, лезет вверх.

1-й ГАЙДАМАК. Не уйдешь. Не уйдешь.

Бегут вверх. В это время гайдамак появляется сверху и справа. Николка мгновенно вскакивает на перила на высоте у самого портрета и, перекрестившись, бросается вниз. Внизу за сценой грохот его падения, топот.

ГАЙДАМАК (*наверху, хлопнув себя по бедрам. Восторженно и ошеломленно*). Ах, сукин кот. Циркач. (*Стреляет Николке вслед один раз из револьвера.*)

3-й ГАЙДАМАК. Держите его, хлопцы. Що ж вы выпустили? Ээ...

2-й гайдамак со средней площадки стреляет вслед. Гайдамаки бегут вниз и налево, перехватывают Николку. Глухой одинокий выстрел за сценой.

3-й ГАЙДАМАК (*машет рукой*). Взвод, сюда. Сюда. Ура. Взяли гимназию. Взяли.

За сценой многоголосый крик: «Слава», «Слава».

ГАЛАНЬБА (*появляясь*). По коридорам гимназии, хлопцы. Швыдче! Выбовийте остаток!

Гайдамаки в черных хвостах бегут, рассыпаясь повсюду.

ГАЙДАМАК (*наверху. Машет шашкой*). Нема больше никого. Нема билогвардейцев. Победа. Победа.

ГАЛАНЬБА. Хлопцы, пулеметы к окнам, занимайте все углы. За́раз. За́раз.

Гайдамаки разбегаются.

ГАЙДАМАК (*на средней площадке, наклоняясь к Малышеву*). Не дыхает, падаль офицерская. (*Толкает ногой.*)

2-й ГАЙДАМАК. Брось, убитый в бою.

1-й ГАЙДАМАК. Офицерская сволочь. Бач, полковник... ишь ты... штаны яки гарни.

ГАЛАНЬБА (*поднимаясь по лестнице*). Убрать его вон.

Гайдамаки поднимают труп.

1-й ГАЙДАМАК. Гоп!

Раскачивают Малышева и бросают его в провал. Труба за сценой. Гул далеких криков. Появляется Болботун, за ним, звеня шпорами, гайдамаки в красных хвостах и 1-й штандарт голубой с синим.

ГАЛАНЬБА. Пан полковник, гимназия взята.

БОЛБОТУН. Слава. Слава.

ГАЛАНЬБА. Якими частями занимать здание?

БОЛБОТУН. Перший курень станет на хороне здесь. Вместе со штабом и разведкой. Штандарты всех куреней сюда.

ГАЛАНЬБА. Хлопцы, занимайте весь корпус. Штандарты сюда. Сюда!

Гайдамаки вносят один за другим штандарты разных полков. Движение, суета. За сценою приближающийся марш.

ГАЙДАМАК (*выбегая*). Пан полковник. Подходят третий и четвертый курени.

БОЛБОТУН. Це гарно. (*Галаньбе.*) Пан сотник, знамена треба поднять на балкон, показать войскам.

ГАЛАНЬБА. Слухаю, пан полковник. Хлопцы со штандартами за мной.

Знамена плывут вверх по лестнице. Галаньба наверху у портрета.

Гайдамаки, скидайте царя.

Гайдамаки шашками выламывают портрет, поднимают его. Внизу появляется Максим.

ГАЙДАМАК. Ты кто? Откуда?

МАКСИМ. Много войска было... и каждые ломают... ломают... а кто будет отвечать? Максим.

ГАЙДАМАК. Сказывся старик. Кто ты такой? Ты сторож?

МАКСИМ. Господи боже мой...

ГАЙДАМАК. Уйди, старик.

Портрет с громом падает в провал.

ГАЙДАМАКИ. Ура!

За портретом балконная дверь. Взламывают ее. Выносят штандарты на балкон.

БОЛБОТУН (*среди штандартов на балконе. Взмахивает рукой. Гул несколько утихает*). Киев занят. Белогвардейские гетманские банды разбиты. Украинской победоносной республиканской армии — слава!

На сцене и за сценой громовой крик: «Слава!»

Вождю армии батькови Петлюре — слава!

Крик.

Першей кинной дивизии — слава! Слава!

Громовой крик: «Слава!»

Занавес

Конец третьего акта

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных, утром. Николка в рубашке, подтяжках и штатских брюках спит на тахте. Висок у него заклеен марлей.

ЛАРИОСИК (*говорит в портьеру*). Да, с любовником. На том самом диване, где я ей в начале нашей совместной жизни читал стихи Пушкина. (*Входит в комнату спиной. В руках у Лариосика чемодан, клетка с птицей и голубое письмо.*) Хорошо, Елена Васильевна, я побуду с ним и познакомлюсь, пока вы оденетесь.

НИКОЛКА (*спросонок*). Кто. Кто. Кто.

ЛАРИОСИК. С любовником...

НИКОЛКА. Это я еще не проснулся. (*Лариосику.*) Уйди!

ЛАРИОСИК (*приятно улыбаясь*). Виноват. Простите, что я вас разбудил. Позвольте мне пожать вашу руку. (*Жмет.*) Я вижу, что вы удивлены. Вам, вероятно, не все ясно, так вот не угодно ли вам письмо? Оно вам все объяснит. Впрочем, позвольте, я его сам прочитаю. У моей мамы такой почерк, что только я один могу его разобрать. Она, знаете ли, иногда напишет, а потом сама ничего не понимает. У моего покойного папы, впрочем, тоже был отвратительный почерк. Это у нас фамильное. Вы разрешите?

НИКОЛКА. Пожалуйста.

ЛАРИОСИК (*читает письмо*). «Милая, милая, милая Леночка...» Это мама Елене Васильевне пишет. «С бедным Лариосиком случилось страшное несчастье. Милочка Рубцова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась подколодною змеей и опозорила его фамилию. Я боялась, что Лариосик...» Это я Лариосик. Меня с детства, когда я еще был совсем маленьким, называли Лариосиком, и я к этому привык. (*Читает дальше.*) «Я боялась, что Лариосик не перенесет удара, и Житомир стал ему ненавистен. Милая Леночка, я знаю ваше доброе сердце...» Мама очень любит и уважает Елену Васильевну, да... Гм... гм... «знаю ваше доброе сердце и посылаю его к вам прямо по-родственному, пригрейте его, как вы умеете это делать. Бедный мальчик теперь, больше чем когда бы ни было, нуждается в участии. Он хрупкий по натуре человек...» Мама меня очень любит. «Впрочем, я так взволнована, что больше ничего не могу писать, а содержание я вам буду переводить аккуратно, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет». И вот и все. Вам ясно?

НИКОЛКА. Да.

ЛАРИОСИК. Я птицу захватил с собой. Птица — лучший друг человека. Многие, правда, считают ее лишней в доме, но я одно могу сказать: птица уж во всяком случае никому не делает зла.

НИКОЛКА. Господи Иисусе... Это канарейка?

ЛАРИОСИК. Но какая! Собственно, даже это и не канарейка, а настоящий кенар-самец. И таких у меня в Житомире было пятнадцать штук. Я перевез их всех к маме, пускай она кормит их. Этот негодяй, наверно, посворачивал бы им шеи. Он ненавидит птиц. Разрешите пока ее поставить на этот стол?

НИКОЛКА. Пожалуйста... Вы из Житомира?

ЛАРИОСИК. Ну да, конечно. Конечно. Можно мне присесть?

НИКОЛКА. Прошу вас. Извините, что я без тужурки.

ЛАРИОСИК. Николай Васильевич, исполните мою просьбу, не надевайте тужурку. Мне это будет очень приятно. Я ничем не хочу нарушить уклад турбинской жизни. Позвольте узнать, что с вашей головой. Уж не ранены ли вы?

НИКОЛКА (*подозрительно*). Это я прыгнул вчера и ударился о шкаф.

ЛАРИОСИК. Скажите, какой ужас. И так сильно? Это вы дома прыгнули?

НИКОЛКА. Да. Дома.

ЛАРИОСИК. Ай... яй... яй... Как у вас уютно в квартире. Прелесть! А где же Алексей Васильевич? Я горю желанием познакомиться с ним.

НИКОЛКА. Его нет дома.

ЛАРИОСИК. Он, наверно, придет к обеду?

НИКОЛКА (*мрачно*). Нет, он не придет к обеду. Сегодня мы пойдем его искать. Его, вероятно, убили. Он ушел вчера и не вернулся.

ЛАРИОСИК. Что вы говорите!! Как убили? Не может быть!

НИКОЛКА. Очень может быть.

За сценой стук. Потом глухой голос Алексея: «Елена, Елена», торопливые шаги Елены, потом ее крик: «Алеша!» Николка вскакивает.

ЕЛЕНА (*за сценой*). Николка. Николка... Скорее... скорее... Помогите ему... Ларион Ларионович.

Появляется, ведет под руку Алексея. Тот в штатском пальто, лицо вымазано сажей, шатается, потом падает.

АЛЕКСЕЙ. Елена... (*Теряет сознание.*)

ЕЛЕНА. Николка. Николка, поднимай его. Он ранен. Скорее за доктором.

ЛАРИОСИК. Ах, боже мой...

Поднимают Алексея втроем, кладут его на тахту.

НИКОЛКА. Откуда же он взялся?

ЕЛЕНА. Сейчас переодетый юнкер привез. Скорей, скорей расстегивай его, воды...

НИКОЛКА. Сейчас, сейчас... (*Мечется.*)

Лариосик за ним.

ЛАРИОСИК. Ах, боже мой...

Николка брызжет водой.

АЛЕКСЕЙ. Глотнуть воды дай.

ЕЛЕНА. Стакан, стакан... Ларион Ларионович, стакан...

Лариосик мечется.

В буфете, в буфете...

ЛАРИОСИК (*бросается к буфету и обрушивает с него сервиз и разбивает его*). Ах, боже мой.

Николка схватывает стакан и дает Алексею пить.

ЕЛЕНА. Алеша, ты дышишь? Скажи только одно слово. Ты дышишь?

АЛЕКСЕЙ. Рана на левой руке у плеча... осторожно... снимайте с меня... снимайте... и хирурга сейчас же...

ЕЛЕНА. Николка, умоляю. Иди скорей за Черновым. Он рядом.

Николка схватывает тужурку, бежит в переднюю, на ходу надевает и исчезает.

Ларион Ларионович, помогите мне.

Раздевают Алексея. Рука у него обвязана окровавленной марлей.

Алеша, ты дышишь? Скажи, что нужно тебе сейчас сделать?

АЛЕКСЕЙ. Течет кровь?

ЕЛЕНА. Мокрая повязка.

АЛЕКСЕЙ. У меня в кабинете бинты на столе... скорее бинтом сверху завяжи...

ЕЛЕНА. Ларион Ларионович, тут налево в кабинете бинты на столе с красным крестом. Бегите, принесите.

ЛАРИОСИК. Сюда?

ЕЛЕНА. Да, да, налево.

Лариосик убегает.

АЛЕКСЕЙ. Кто это такой?

ЕЛЕНА. Понимаешь, какое совпадение. Минутки за две до тебя явился из Житомира... Это Ларион Суржанский, мой троюродный брат, ты же знаешь. Ну, знаменитый Лариосик... у него там какая-то драма, жена его бросила... мать его посылает ко мне.

АЛЕКСЕЙ. К тебе?

ЕЛЕНА. Потом, потом, Алеша. Не говори, молчи, а то ты ослабеешь. Как же ты спасся?

АЛЕКСЕЙ. Юнкера спрятали в угольном ящике... Там всю ночь пролежал... а на рассвете достали в знакомой квартире штатское... привезли меня сюда.

ЕЛЕНА. Спасибо, спасибо им.

Лариосик появляется с бинтами.

ЛАРИОСИК. Вот.

АЛЕКСЕЙ. Бинтуйте сверху, только тихонько... тихонько...

Бинтуют руку. В передней появляется Николка и с ним доктор, раздеваются.

ДОКТОР. Сюда?

НИКОЛКА. Сюда, сюда, господин доктор.

ЕЛЕНА. Слава богу.

ДОКТОР. Вы доктор Турбин?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ДОКТОР. Ранили вас?

АЛЕКСЕЙ. Да, в плечо, сквозная рана, по-видимому.

ДОКТОР. Крови много потеряли?

АЛЕКСЕЙ. Угу...

ДОКТОР. Так. Он всегда здесь лежит?

ЕЛЕНА. Нет. У него спальня там.

ДОКТОР. Ну, вот что. Поднимайте его осторожно и в спальню несите. Совсем надо раздеть.

Все поднимают Алексея.

АЛЕКСЕЙ. Тише. Ох... тише... Пульс плохой?

ДОКТОР. Помолчите, коллега.

Уносят Алексея. За сценой голоса. Доктор: «Так. Укладывайте». Елена: «Сюда, сюда, Ларион Ларионович, ноги, ноги. Простыню отверни». Выбегает Николка, пробегает через сцену. Голос доктора за сценой: «Разрезайте до конца ножницами». Николка пробегает с кувшином воды. Лариосик выходит.

ЛАРИОСИК (*глядя на осколки сервиза*). Боже мой... боже мой... до чего ж мне не везет. В первый раз в доме! (*Подходит к портьере и смотрит в нее.*)

ДОКТОР (*выходя*). Теперь лежите, молчите. (*Вытирает руки полотенцем.*)

ЕЛЕНА (*прикрывая дверь к Алексею*). Опасно это, доктор, скажите?

ДОКТОР. Гм... Кость цела, крупные сосуды тоже, но нагноение будет. В рану попали клочья шерсти от шинели.

ЕЛЕНА. Что же делать?

ДОКТОР. Пусть неподвижно лежит. Повязку не трогайте. Если пропитается кровью, сверху подбинтуйте. Температуру смеряйте часов в шесть. Жидкое дадите есть, бульон. А вечером я приду, если будет мучиться, сам впрысну морфий. Больше ничего не нужно делать. (*Тихо.*) Как это он так подвернулся?

Елена пожимает плечами.

Ну, ладно, до свиданья. Вечером приду.

ЕЛЕНА. Доктор... (*Предлагает деньги.*)

ДОКТОР. Что вы? С врача-то!.. Не нужно. (*Уходит в переднюю.*)

Николка его провожает и возвращается.

ЛАРИОСИК. Елена Васильевна. Я ужасный неудачник. У вас такое горе, а я еще сервиз разбил. Меня самого следует убить за сервиз. Но я сейчас же поеду в магазины, и у вас будет новый сервиз.

ЕЛЕНА. Ни в какие магазины я вас попрошу не ездить. Все магазины закрыты. Да разве вы не знаете, что у нас тут происходит?

ЛАРИОСИК. Как же не знать! Ведь я с санитарным поездом, как вы знаете из телеграммы.

ЕЛЕНА. Из какой телеграммы? Мы никакой телеграммы не получили.

ЛАРИОСИК. Как! А мама дала телеграмму вам в шестьдесят три слова.

НИКОЛКА. Уй... юй... юй... шестьдесят три слова...

ЛАРИОСИК. То-то я смотрю, вы на меня с таким изумлением... вам даже неизвестно, кто я...

ЕЛЕНА. Тебе хорошо, Алеша? Лежи, лежи.

ЛАРИОСИК. Тогда позвольте представиться. Ларион Ларионович Суржанский.

НИКОЛКА. Очень приятно. Николай Турбин.

ЛАРИОСИК. Я в отчаянии, Елена Васильевна, я думал, что меня здесь ждут. Как же мне теперь быть? Вы позволите вещи оставить пока у вас, а сам я поеду в какой-нибудь отель.

ЕЛЕНА. Что вы, господь с вами, какие теперь отели? Оставайтесь у нас, место есть. Я поговорю с братом.

ЛАРИОСИК. Елена Васильевна, я душевно тронут. (*Целует руку.*) О вашем семействе у нас говорили столько хорошего. У моей мамы всегда наворачиваются слезы на глазах, когда она говорит о вас.

ЕЛЕНА. Очень тронута. Вы расположитесь пока в библиотеке. Николка вам поможет. Там вам поставим кровать.

ЛАРИОСИК. Душевно тронут. Вы знаете, я в санитарном поезде... одиннадцать дней ехал из Житомира...

НИКОЛКА. Ой... ой... ой... одиннадцать дней.

ЛАРИОСИК. Многоуважаемая Елена Васильевна, а вы разрешите мне птицу мою взять с собой? Это кенар. Я с ним никогда не расстаюсь... это мой лучший друг...

ЕЛЕНА. Что ж, я думаю, она никому не будет мешать?

ЛАРИОСИК. Боже сохрани. Если она начнет тарахтеть, я закрою ее черным платком, она сейчас же перестает.

ЕЛЕНА. Я ничего не имею против.

АЛЕКСЕЙ (*за сценой глухо.*) Елена...

Елена быстро уходит.

ЛАРИОСИК. Вот какое несчастье у вас стряслось.

НИКОЛКА. Да. Это все из-за негодяя гетмана. Послали нас, прямо можно сказать, на форменный убой.

ЛАРИОСИК. Вы, вероятно, юнкер?

НИКОЛКА. Нет, я никогда юнкером не был. Я, знаете ли, студент, то есть я только что поступил.

ЛАРИОСИК. Вы меня боитесь? Вы не бойтесь. Я ведь прекрасно понимаю...

НИКОЛКА. Нет, я вас не боюсь. Я, видите ли, не кадровый юнкер. Я добровольно прослужил в училище три месяца.

ЛАРИОСИК. То-то у вас такая замечательная выправка. Вообще, не сочтите за лесть, ваше лицо произвело на меня самое приятное впечатление. У вас так называемое открытое лицо.

НИКОЛКА. Покорнейше вас благодарю. Вы мне тоже очень понравились. Позвольте спросить, если не секрет, почему вы носите сапоги с желтыми отворотами? Вы, вероятно, любитель верховой езды?

ЛАРИОСИК. Боже сохрани, я лошадей боюсь как огня. Нет. Это мама заказала мне сапоги, а кожи у нас не хватило черной, пришлось делать желтые отвороты. Нету кожи в Житомире.

НИКОЛКА. Получилось очень красиво. Позвольте, я провожу вас в вашу комнату.

ЛАРИОСИК. Благодарю вас. (*Забирает чемодан и клетку.*)

НИКОЛКА. Вы так всегда и живете с птицей?

ЛАРИОСИК. Всегда. Людей я, знаете ли, как-то немного боюсь, а к птицам я привык. Птица – лучший друг человека. Птица никогда никому не делает зла.

Уходят.

Занавес

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

У Турбиных. Вечером. Портьеры задернуты. Разговоры идут тревожно, вполголоса. На сцене: Лариосик, Николка, Студзинский, Мышлаевский и Шервинский. Все в штатском.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Здоровеньки булы, пане адъютант. В одесском порту разгружаются две дивизии сенегалов, они же и сенгалезы. Кстати, почему вы без ваших аксельбантов? Портьера раскрылась, вышел наш государь и сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части». И прослезился, за ноги вашу мамашу.

ШЕРВИНСКИЙ. Чего ты ко мне пристал? Я, что ли, виноват в катастрофе? Я сам ушел последним из дворца. Ночью. Когда в предместье уже показывалась неприятельская конница. И кроме того, не забудь, пожалуйста, что я предупредил Малышева, и если б не я — я, может быть, не имел бы удовольствия беседовать с тобой сегодня.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты герой. Мы тебе очень признательны. Кстати о героях: не можешь ли ты мне сказать, где сейчас находится его светлость пан гетман всея Украины?

ШЕРВИНСКИЙ. Тебе зачем?

МЫШЛАЕВСКИЙ. А вот зачем. Если бы мне сейчас попалась эта самая светлость, я взял бы ее за ноги и хлопал бы головой о тротуар, пока не почувствовал себя бы удовлетворенным. А вашу штабную ораву в уборной нужно утопить.

ШЕРВИНСКИЙ. Господин Мышлаевский, поосторожнее. Попрошу вас прекратить этот тон — я такой же офицер, как и вы.

НИКОЛКА. Господа, тише.

СТУДЗИНСКИЙ. Прошу вас, господа, сейчас же прекратить, этот разговор совершенно ни к чему не ведет.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да ведь обидно. За что ухлопали Малышева? Какой был офицер! Алешку зачем подстрелили?

СТУДЗИНСКИЙ. При чем тут Шервинский? Что ты, в самом деле, пристал?

ШЕРВИНСКИЙ. Поведение капитана Мышлаевского...

НИКОЛКА. Господа!

ЛАРИОСИК. Зачем же ссориться?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну ладно. Брось, баритон, я погорячился. Уж очень жаль.

ШЕРВИНСКИЙ. Довольно-таки странно.

СТУДЗИНСКИЙ. Бросьте, не до этого совсем.

Молчание.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, как у него?

НИКОЛКА. Сорок температура. Доктор говорит, что, кроме раны, еще сыпной тиф.

Выходит Елена, берет со стола склянку. Все встают.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну как у него, Леночка?

ЕЛЕНА. Бредит.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Может быть, тебе что-нибудь нужно помочь?

ЕЛЕНА. Нет, ничего не надо. (*Уходит.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ. Жаль бабу... (*Пауза.*) Ну что ж, господа, кваканьем тут ничего не поможешь. Одним словом, все остаемся ночевать.

ШЕРВИНСКИЙ. Конечно. Нельзя же оставить Елену одну.

СТУДЗИНСКИЙ. Если Елена Васильевна разрешит...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Конечно, разрешит. Что ж тут не разрешать? Деваться нам некуда. По всем квартирам, наверно, ходят. Ищут офицерские душеньки.

ШЕРВИНСКИЙ. Будьте покойны.

Пауза.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так что ж, он, стало быть, при тебе ходу дал?

ШЕРВИНСКИЙ. Конечно, при мне. Я был до последней минуты.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом замечательном зрелище. Что ж ты не пришиб его как собаку на месте?

ШЕРВИНСКИЙ. Ты б сам его пришиб.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пришиб бы. Клянусь богом. Что он тебе, по крайней мере, говорил на прощанье?

ШЕРВИНСКИЙ. Гетман обнял меня и поцеловал, поблагодарил за хорошую службу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так-с. Впрочем, я так и полагал. Не подарил ли чего-нибудь еще на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммами?

ШЕРВИНСКИЙ. Да, подарил портсигар.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты меня извини, баритон. Человек ты, в сущности, не плохой, но есть у тебя какая-то странность.

ШЕРВИНСКИЙ. Не объяснишь ли, что ты хочешь сказать?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет, нет. Ты не сердись, ради бога. Не хочется мне тебя затруднять... Ну, а если б я сказал, покажи портсигар.

Шервинский молча показывает портсигар.

СТУДЗИНСКИЙ. Черт возьми!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Убил. Действительно монограмма.

ШЕРВИНСКИЙ. Господин Мышлаевский, что нужно сказать?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сию минуту. Господа, при вас прошу у него извинения.

НИКОЛКА. Что ж он тебе при этом, Леня, говорил?

ШЕРВИНСКИЙ. Обнял и сказал: «Леонид Юрьевич, примите от меня последнюю память о нашей совместной службе». И прослезился.

ЛАРИОСИК. Прослезился, скажите, пожалуйста.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Верю. Всему теперь верю.

НИКОЛКА. Целый фунт весит, вероятно.

ШЕРВИНСКИЙ. Восемьдесят четыре с половиной золотника.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, чудеса в решете. Ну что ж, господа, стало быть, дежурство у Алеши учиним?

СТУДЗИНСКИЙ. Конечно.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Спать все равно не придется.

НИКОЛКА. Какой тут сон?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Знаете что, ребята? Раскинем столик, поиграем в винт, время будет незаметно идти.

СТУДЗИНСКИЙ. Неудобно как-то.

НИКОЛКА. Что же тут неудобного, господин капитан?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Почему неудобно? Сядем впятером с выходящим. Выходящий будет Елену сменять. По крайней мере, забудешься немного.

Николка приготовляет ломберный стол.

Вы играете? (*Лариосику.*)

ЛАРИОСИК. Я. Я, видите ли... Да... Играю... Только очень, очень скверно. Я играл, знаете ли, в Житомире с сослуживцами моего покойного папы, с податными инспекторами. Они меня так ругали, так ругали...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да что вы? Впрочем, податные инспектора известные звери. У нас вы можете не беспокоиться. Мы люди тихие.

ШЕРВИНСКИЙ. У Елены Васильевны принят тон корректный.

ЛАРИОСИК. Помилуйте, я сразу это заметил. Вообще, дом Турбиных произвел на меня самое приятное впечатление. Здесь, несмотря на все эти ужасные события, как-то отдыхаешь душой, забываешь свои душевные раны, которые есть, конечно, у каждого. А нам, израненным, так нужен покой, так хочется предаться мечтаниям.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

ЛАРИОСИК. Я? Да, пишу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так-с. Извините, что я вас перебил, продолжайте, пожалуйста. Так вы говорите — отдаться мечтаниям? Что касается Житомира, судить, конечно, не берусь, но у нас здесь мечтать трудно. (*Николке.*) Ты щетку смочи водой, а то пылит здорово.

Николка зажигает свечи.

СТУДЗИНСКИЙ. Хорошенькие мечтания!

ЛАРИОСИК. Я сам понимаю. Конечно, когда весь мир погряз в кровавых ужасах гражданской войны, трудно сосредоточиться в своей личной жизни. Я хотел только сказать, что за этими кремовыми шторами как-то смягчаются наши острые переживания. Елена Васильевна распространяет какой-то внутренний свет, тепло вокруг себя, да и все ваше общество кажется мне дружной семьей... Я, видите ли, только что пережил личную драму. Ну, не будем говорить о ней...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ж, вы, конечно, правы в том, что касается Елены Васильевны и всего семейства Турбиных. Виноват, ваше имя-отчество: Ларион Иванович, если не ошибаюсь?

ЛАРИОСИК. Ларион Ларионович. Но, право, мне бы было очень приятно, если бы вы меня называли попросту — Ларион.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну что ж. Вот, даст бог, сойдемся поближе. За фасонами мы особенно не гоняемся.

ЛАРИОСИК. Я очень счастлив, что попал к Турбиным, может быть, я выражаюсь несколько сентиментально. Я, видите ли, лирик по натуре. Я бы даже выразился — поэт. А многие смеются над поэтами.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да храни бог! Вы напрасно так поняли мой вопрос. Я против поэтов ничего не имею. Не читаю я, правда, стихов.

СТУДЗИНСКИЙ. И никаких других книг.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Не слушайте, капитан сочиняет. Тащите карты. Неправда-с, если угодно знать — «Войну и мир» читал. Вот, действительно, книга. До самого конца читал и с удовольствием. А почему? Потому что писал не хулиган какой-нибудь, а артиллерийский офицер. У меня девятка пик. Вы со мной. Капитан — с Шервинским. Николка, выходи... Да-с... Вот был писатель, граф Лев Николаевич Толстой. Гвардейской артиллерии поручик. Жаль, что бросил служить. До генерал-лейтенанта дослужился бы совершенно свободно. Впрочем, ему легко было писать, у него имение было. В имении это просто. Зимой делать не черта, вот и пиши себе. Пики.

ШЕРВИНСКИЙ. Пасс.

НИКОЛКА (*подсказывает Лариосику*). Две пики.

ЛАРИОСИК. Две пики.

СТУДЗИНСКИЙ. Пасс.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пасс.

ШЕРВИНСКИЙ. Две бубны.

НИКОЛКА (*подсказывает Лариосику*). Без козыря два.

ЛАРИОСИК. Два без козыря.
СТУДЗИНСКИЙ. Пять бубен! Не дам.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Не лезьте, дорогой капитан. Малый в пиках.
ШЕРВИНСКИЙ. Ничего не поделаешь, пасс.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Купил. (*Посылает карты Лариосику.*) По карточке попрошу.

Неожиданно глухие звуки граммофона из квартиры Василисы.

НИКОЛКА. Тсс... погодите.

Все прислушиваются.

Граммофон. У Василисы гости. В такое время, неслыханная вещь!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да... тип ваш Василиса.

Лариосик раздает по карте.

Что ж вы говорите, что плохо играете? Совершенно правильно! Вас не ругать, а хвалить вот именно нужно! Твой ход, баритон.

Играют. Мышлаевский внезапно зловещим голосом.

Какого же ты лешего мою даму долбанул? Ларион!
ШЕРВИНСКИЙ. Го... го... Вот и без одной!
СТУДЗИНСКИЙ. Запишем семнадцать тысяч.
ЛАРИОСИК. Я думал, что у Александра Брониславовича король.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Как можно это думать, когда ты своими руками у меня купил и мне прислал?! Вот он — он! Как вам это нравится? А?! Он покоя ищет! А без одной сидеть при считанной игре — это покой?!
СТУДЗИНСКИЙ. Постой, может быть, у Шервинского...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что может быть, ничего не может быть!..
НИКОЛКА. Тише, Витенька, ради бога.
ЕЛЕНА (*выглянув*). Тише, что вы!
МЫШЛАЕВСКИЙ (*зловещим шепотом*). Ничего не может быть, кроме ерунды! Нет, батюшка мой, может быть, в Житомире податные инспектора так и делают, но у нас такая игра немыслима!
СТУДЗИНСКИЙ. Он думал...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ничего он не думал! Винт, батенька, не стихи! Тут надо головой вертеть! Да и стихи стихами, но все-таки Пушкин или Надсон, например, никогда бы такой штуки не выкинули — собственную даму по башке лупить!
ЛАРИОСИК. Я так и знал, мне так не везет...

Звонок. Гробовое молчание. Звонок повторяется.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так-с. Вот так клюква.
НИКОЛКА. Все может быть. А вернее всего, обыск.
ШЕРВИНСКИЙ. Ах, черт возьми!
ЕЛЕНА (*выходя*). Звонок. Витенька, мне, что ль, пойти открыть?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет-с, Елена Васильевна. Теперь я за швейцара буду. (*Вынимает револьвер.*) На, Николка. Играй к черному ходу или форточке. В случае, если это петлюровские архангелы, я закашляюсь, тогда выброси. Только, чтоб потом найти. Вещь дорогая.
НИКОЛКА. Слушаю-с, господин капитан.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Итак. Диспозиция. Знаешь, капитан (*Студзинскому*), ты будешь студент медик. Ступай к больному, скажешь, что дежуришь у него.
СТУДЗИНСКИЙ. Ладно. (*Уходит.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Николка, брат – студент. Юнкером никогда не был. Так-с. Ты – певец местной оперы, в гости пришел. Черт возьми, много нас. Ну, да ничего. Я двоюродный брат – кооператор. Ларион – квартирант. Документы у тебя какие?
ЛАРИОСИК. У меня царский паспорт.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Под ноготь его!

Ларион убегает.

Постой, оружия у него нету? Спроси.
НИКОЛКА. Ларион Ларионович, оружия у вас нету?
ЛАРИОСИК. Боже сохрани.

Долгий звонок.

ЕЛЕНА. Открывай лучше, Витя.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Успеется. У доктора тиф, раны нету. Ты. Ты – чепуха, женщина. Ну, господи благослови. (*Идет в переднюю.*)
ШЕРВИНСКИЙ (*задувая свечи*). Пасьянс раскладывали.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Кто там?

Голос глухо, слов не разберешь.

Давайте ее сюда! (*Приоткрывает дверь на цепочке.*)

Рука просовывается, протягивает ему беленький квадратик. Мышлаевский закрывает дверь.

(*Возвращаясь.*) Удивительное дело, действительно телеграмма.
НИКОЛКА. Телеграмма. Удивительно.
ЕЛЕНА. Мне. (*Разрывает. Читает.*) Бедного Лариосика постиг страшный удар. Актер Липский соблазнил...
ЛАРИОСИК. Не читайте, Елена Васильевна! Я маму изругаю.
НИКОЛКА. Это та самая в шестьдесят три слова. Смотрите, кругом исписана. Двенадцать дней шла из Житомира.
ЕЛЕНА. Простите, Ларион Ларионович, я сразу не сообразила.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что это за чертовщина?
НИКОЛКА. Тише. У него драма. Понимаешь, жена его бросила.
СТУДЗИНСКИЙ. Действительно, телеграмма.

Внезапно из квартиры Василисы глухие вопли: «Турбины. Турбины. Турбины...» Смятение.

ЕЛЕНА. Господи боже мой! Что это такое?
НИКОЛКА. Что-то с Василисой случилось.
АЛЕКСЕЙ (*за сценой*). Кто? Кто? Кто?
ЕЛЕНА. Ах, боже мой. (*Бросается за сцену к Алексею.*)

Все остальные бегут на вопли.

Занавес

Конец второй картины

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Василисы. В тот же вечер.

ВАНДА. Удивляюсь, как им все легко с рук сходит! Я думала, что убьют кого-нибудь из них, ей-богу. Нет, все вернулись, и опять квартира полна офицерами!

ВАСИЛИСА (*мрачно*). Поражают меня твои слова все-таки. «Сошло». «Сошло!» Ты как будто злорадствуешь!

ВАНДА. Ничего я не злорадствую, а просто странно! До чего все-таки оголтелая публика!

ВАСИЛИСА. Оголтелая или не оголтелая, а все-таки, надо сознаться, поступали они правильно: нужно же было кому-нибудь город защищать от этих бандитов. Ты вот, однако ж, не пошла!

ВАНДА. Ну спасибо, защитили!

ВАСИЛИСА (*хмуро*). Что же они поделают? У него, видишь, миллион войска. И притом подло так говорить: «сошло, сошло...» Я думаю, что Алексея Васильевича...

ВАНДА. Неужели ранили?..

ВАСИЛИСА. И очень просто.

ВАНДА. То-то я смотрю, у Елены физиономия перевернутая! Спрашиваю, а она мне в глаза не смотрит! Вот какая история!

ВАСИЛИСА. Стало быть, и нечего говорить: «сошло, сошло». Надо все-таки соображать...

ВАНДА. Ты, пожалуйста, меня не учи. (*Заплетает косичку.*) Я ничего плохого не говорю. А мне вот интересно, что ты будешь говорить, когда к нам явятся с допросом? Кто у вас там наверху? Что ты будешь говорить? Есть у вас офицеры?

ВАСИЛИСА. Можно будет сказать, что он врач.

ВАНДА. Это все хорошо, что врач. Но кроме врача каждый день десять человек сидят. Хорошенькие у вас врачи, скажут. И нам же будут неприятности...

ВАСИЛИСА. Что же ты прикажешь: донести на них, что ли?

ВАНДА. Не донести, а как-нибудь предложить им, чтобы они здесь сборище прекратили...

ВАСИЛИСА. Спасибо! Предложи сама. Как это так? Я им буду предлагать? Они скажут, к нам гости пришли – не ваше дело.

ВАНДА. Не смеют они так говорить. Ты председатель домового комитета. Еще, чего доброго, тебя арестуют. Ты отвечаешь за то, что происходит в доме.

ВАСИЛИСА. Перестань ты меня пилить, ради самого господа! И какой у тебя удивительно недоброжелательный характер – у людей несчастье, а ты думаешь о том, как бы им еще что-нибудь устроить!

ВАНДА. Господи! Какой дурак! Вот дурак! Ничего я им не собираюсь устраивать, а просто хочу, чтобы все было в доме в порядке. А ты рохля и размазня!

ВАСИЛИСА. Время настолько ужасное, если хочешь знать, что я даже доволен, что они тут. В случае какой-нибудь неприятности или нападения, защиту всегда можно иметь.

ВАНДА. Я глубоко убеждена, что никакого нападения на мирных людей быть не может. Мы никого не трогаем, а вот на них – может быть, потому что они в драку ввязываются. Арестуют их всех, вот тогда будут знать...

Звонок.

ВАСИЛИСА. Кто это может быть?
ВАНДА. Телеграмма какая-нибудь!
ВАСИЛИСА. Какая там телеграмма! Может быть, дать знать Турбиным?

Звонок и стук и очень глухой голос.

Ты слышишь? Ломятся?
ВАНДА. Да, странно. (*Крестится.*)

Звонки и грохот. Василиса и Ванда уходят. Голос Василисы за сценой: «Кто там?» Грохот. Глухие голоса. Голос Ванды: «Ах, боже мой!» Стук запора. Грохот. Появляется Ванда задом. Она крайне испугана. За ней Василиса задом.

ВАСИЛИСА (*в дверь*). Позвольте узнать, панове?

Входят три бандита. 1-й в папахе со шлыком. Похож на волка. 2-й с провалившимся носом, гнусавый, в дворянской фуражке, 3-й — молодой, румяный, веселый.

1-й БАНДИТ. С обыском. Показывай квартиру!..
ВАСИЛИСА. С обыском?.. Видите ли, панове, я мирный житель. Почему же у меня обыск?
1-й БАНДИТ. Ты почему, гадюка, так долго не открывал?
ВАСИЛИСА. Я... я...
ВАНДА. Помилуйте, мы так испугались, вы появились так внезапно...
ВАСИЛИСА. А позвольте узнать, от кого же обыск? Может быть, мандат есть?
1-й БАНДИТ. Я тебе покажу сейчас господа бога твоего мандат! (*Вынимает револьвер.*)
ВАНДА. А-ах!..
1-й БАНДИТ. Руки вверх!
ВАСИЛИСА. Помилуйте, я совершенно мирный житель!
1-й БАНДИТ. Знаю я тебя, субчика, какой ты мирный житель. Кто в квартире?
ВАСИЛИСА. Ни... никого нет, то есть я и жена, больше никого нет.
2-й БАНДИТ. Оружие есть?
ВАСИЛИСА. Какое же у нас оружие?
2-й БАНДИТ. Говори правду, а то мы тебя расстреляем, если что найдем...

Василиса хотел перекреститься.

1-й БАНДИТ. Руки! (*3-му.*) Василько, обыщи их!

Бандит обыскивает Василису, 2-й — Ванду.

2-й БАНДИТ. Богатый домовладелец, а жену не кормишь!

Бандит 3-й вынимает часы из кармана у Василисы.

ВАСИЛИСА. Это часы, панове!
1-й БАНДИТ. Что же я,— богородицу, боженят и угодников,— слепой, потвоему? Слепой?
ВАСИЛИСА. Нет, вы не слепой...
1-й БАНДИТ. Незаменимая вещь — часы, ночью узнать, который час... (*Прячет часы в свой карман.*) Опустить руки! (*Василисе.*) Ну, кажи теперь, деньги е?
ВАСИЛИСА. Какие же у нас деньги?
1-й БАНДИТ (*смотрит на него*). Нема? Обеднел? Ах, бедолага, бедолага! (*2-му и 3-му.*) Поглядите, братцы, на пролетария всех стран! Так нема? (*Яростно.*) Ах ты, сучий хвост! (*Берет Василису за горло.*)
ВАНДА. Ах! Что вы делаете?!

1-й БАНДИТ (*ей*). Граммофон умеешь заводить? Заводи!

Ванда в ужасе заводит граммофон. Тот поет: «Куда, куда, куда вы удалились...»

Хлопцы, стучить стены!

1-й и 2-й бандиты выстукивают стены.

Стучи над книжками! Тут!..

ВАСИЛИСА. Ах, боже мой!

Стук.

3-й БАНДИТ (*радостно*). Здесь! (*Вынимает пакет.*)

1-й бандит разрывает его.

1-й БАНДИТ. О, це здорово! Что ж ты, зараза, казал: «Нема, нема». А це што? Це ж гроши!

ВАСИЛИСА. Помилуйте, здесь так немного. Это заработанные, кровные...

1-й БАНДИТ. Ты знаешь, что тебе полагается за утайку народных сокровищ? Ты ж бандит! Мы тебя расстрелять должны, согласно революционному закону!..

ВАНДА. Что вы?!

1-й БАНДИТ. Молчать!

Граммофон хрипит и останавливается.

А ну, Василько, переверни-ка стол! (*Ванде.*) Ну, заводи, заводи опять.

Граммофон поет уныло: «Паду ли я, стрелой пронзенный!»

3-й БАНДИТ (*переворачивая стол*). О-го-го!..

Весь стол залеплен денежными бумажками. 2-й и 3-й бандиты отдирают их, прячут в карманы.

1-й БАНДИТ. Так нема, кажешь, денег? Ай, ай, ай...

ВАСИЛИСА. Я больше не буду!

ВАНДА. Это мы на хозяйство...

1-й БАНДИТ. Молчи, грымза! Баб не спрашивают! (*Василисе.*) Ты ж дурак! Кто ж деньги так прячет? Мы уж в пятой квартире булы, и в каждой деньги налеплены под столами. Интеллигент! Деньги в погребе надо держать!

ВАСИЛИСА (*не помня себя*). Хорошо...

За сценой шум. Отдаленный звонок в квартире Турбиных.

2-й БАНДИТ. Ша! (*Вынимает револьвер. Прислушивается.*)

1-й БАНДИТ. Ну, вот что, хлопцы, нема часу. Собирайтесь!

3-й БАНДИТ (*берет Василисины ботинки у дивана*). Яки гарны башмаки!

ВАСИЛИСА. Это шевровые, панове!

1-й БАНДИТ. Так что ж, что шевровые? Так, по-твоему, добрый человек не может носить шевровые ботинки? Что ж он, хуже тебя? Ах ты, сволочь, сволочь! Ты посмотри на себя в зеркало: розовый, як свинья, нажрал себе морду. Ты посмотри, в чем казак ходит? У него ноги мороженые, рваные. Он за тебя на империалистической войне в окопах гнил, а ты в это время в квартире сидел, гроши копил, на граммофоне играл. Ты ж паразит на теле трудящего народа!

2-й БАНДИТ. Да убить его треба. Что с ним разговаривать? Он все равно несознательный!

ВАНДА. Господа! Что вы? Что вы? Вася, оставь, пожалуйста, пусть!

1-й БАНДИТ. Бери, Василько, ботинки!

2-й бандит снимает брюки с гвоздика.

2-й БАНДИТ. Дорогая вещь, шевиот! (*Снимает свои рваные штаны, надевает брюки Василисы.*)

3-й бандит шарит в ящиках.

1-й БАНДИТ. Да, хлопцы, плюньте на это барахло! Ходим скорее, пока кто-нибудь не помешал!

2-й бандит что-то шепчет 3-му, взглядывает на Ванду.

3-й БАНДИТ (*колеблется*). Нема часу!

1-й БАНДИТ. Бросьте, хлопцы! Нашли тоже! (*Плюет по адресу Ванды.*) Тьфу! (*Василисе.*) Ты посмотри, до какого состояния ты жену довел, что добрые люди на нее и смотреть не хочуть?! Ну, вот що, уважаемый домовладелец, слухайте приказ: из квартиры до утра не выходить, ни якой тревоги не поднимать, никому ничего не заявлять! Бо если вы подымете тревогу, так я вам завтра пришлю хлопцев, они вас поубивают, як клопов!

2-й БАНДИТ. Вы не думайте, що у вас бандиты булы. Це из штабу, по предписанию.

ВАСИЛИСА (*робко*). Из какого штаба, позвольте узнать?

1-й БАНДИТ. Из штаба первой вольной дружины революционной украинской армии. Садитесь, пане, пишите расписку!

ВАСИЛИСА. Какую расписку! Виноват, вам надлежит расписаться, так сказать...

1-й БАНДИТ. Садись, зараза!

ВАНДА. Вася, сядь, сядь! Напиши!

ВАСИЛИСА (*за столом*). Что написать-то?

1-й БАНДИТ. Пишить: «Вещи при обыске в целости сдал, претензий ни яких не маю». Пишить! Принял начальник штабу первой дружины атаман Ураган.

2-й БАНДИТ. И меня запиши...

1-й БАНДИТ. И личный адъютант его Кирпатый, а равно и адъютант его... (*Смотрит на 3-го.*) Немоляка...

3-й БАНДИТ. Хи, хи, хи... Адъютант!

1-й БАНДИТ. Ну, бувайте здоровеньки! Что же вы молчите?

ВАНДА. До свиданья...

3-й бандит, задерживаясь, протягивает Ванде руку — та в ужасе пожимает ее. Обнимает ее неожиданно.

ВАНДА. Вася!..

1-й БАНДИТ (*из двери*). Брось, Василько, який ты сладострастный! (*Ванде.*) Да не бойся ты, никому ты не нужна.

Уходят. Стук. Пауза.

ВАСИЛИСА. Что же это такое?! Двадцать пять тысяч золотом! Что же это такое?! Господи! Господи, что же это такое!?

ВАНДА. Вася, это сон! Вася, они хотели меня изнасиловать! Ты видел?

ВАСИЛИСА (*мутно*). Что? Кого? Изнасиловать? Ну тебя к черту с твоими глупостями! Изнасиловать! Двадцать пять тысяч! Куда бежать? Что теперь делать?

ВАНДА. Вася, мне плохо! (*Падает.*)

ВАСИЛИСА. Турбины! Турбины!

Занавес

Конец четвертого акта

АКТ ПЯТЫЙ

У Турбиных. Квартира ярко освещена. Украшенная елка. Над камином надпись тушью: «Поздравляю вас, товарищи, с прибытием!»

ЕЛЕНА. Бог мой! Да на кого же вы похожи!

ШЕРВИНСКИЙ (*в изодранном пальто, мерзкой шапке и в очках*). Ну, спасибо, Елена Васильевна, я уже попробовал сегодня. Иду домой и на тротуаре столкнулся с каким-то типом. Глянул я на него, ну, думаю, фю... фю... большевик. А он мне и говорит эдаким коммунистическим голоском: «Ишь, украинский барин, погоди до завтра, мы вам хвосты всем подвяжем!» Ну, я сразу понял, что нужно ехать переодеваться. У меня глаз опытный. Поздравляю вас,— красные вечером будут в городе!

ЕЛЕНА. Чего же вы так радуетесь? Вот чудак! Можно подумать, что вы сами большевик!

ШЕРВИНСКИЙ. Я не большевик. Но уж, если на то пошло, ежели мне дадут на выбор — петлюровца или большевика,— то я, простите, предпочитаю большевика. Я — сочувствующий. Похож я на пролетария?

ЕЛЕНА. Простите меня за резкость,— вы на босяка похожи с Подола. Сейчас же снимайте эту дрянь!

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю. Я у дворника это пальтишко напрокат взял. Беспартийное пальтишко...

ЕЛЕНА. От этого пальтишки какой-нибудь гадостью можно заболеть. Трус! И очки сию минуту долой!

Шервинский снимает пальто, шляпу, калоши и очки и остается в великолепнейшем фрачном костюме.

ШЕРВИНСКИЙ. Вот!

ЕЛЕНА. Зачем же вы баки сбрили?

ШЕРВИНСКИЙ. Гримироваться, знаете ли, удобнее...

ЕЛЕНА. Большевиком вам так удобнее гримироваться! Фу, хитрое и малодушное создание! Ну ладно, садитесь, будьте гостем.

ШЕРВИНСКИЙ. Я первый?

ЕЛЕНА. Лариосик и Николка водку побежали разыскивать к ужину, а Алеша у себя сидит,— занимается.

ШЕРВИНСКИЙ. Так-с. Я нарочно, знаете ли, дорогая Елена Васильевна, приехал пораньше... Пораньше приехал. Э... Вы позволите мне объясниться?

ЕЛЕНА. Объяснитесь.

ШЕРВИНСКИЙ (*закрыв все двери*). Ну вот, видите ли. Все кончилось. Алеша выздоровел. Так ведь?

ЕЛЕНА. Так. Дальше?

ШЕРВИНСКИЙ. Я говорю: все кончилось! Да. Я больше не могу мучиться. Да. Елена Васильевна, я прошу вас стать моей женой.
ЕЛЕНА. Все?
ШЕРВИНСКИЙ. Все.
ЕЛЕНА (*подумав*). Я соглашусь...
ШЕРВИНСКИЙ. Лена!
ЕЛЕНА. Погодите! Сядьте! Я соглашусь, если вы мне объясните, как мне поступить с моим мужем? Ведь я, изволите ли видеть, замужем.
ШЕРВИНСКИЙ. Сейчас, сию минуту, мгновенно, моментально объясню: вы с ним разведетесь. И кончено.
ЕЛЕНА. Ну, знаете ли, Владимир Робертович такого сорта человек, что он может не согласиться на развод.
ШЕРВИНСКИЙ. Да тогда я его убью!
ЕЛЕНА. Не горячитесь! Его здесь нет. Я согласна – развод. Это можно устроить...
ШЕРВИНСКИЙ. Лена!
ЕЛЕНА. Сядьте! Второе важнее первого, и оно не во Владимире Робертовиче, а в вас самих. (*Пауза.*) Шервинский, Шервинский, сколько тактов вы держали «ля» в эпиталаме?
ШЕРВИНСКИЙ. Ну, семь тактов держал...
ЕЛЕНА. В первый раз вы сказали девять, потом восемь, теперь уже семь?
ШЕРВИНСКИЙ. Я забыл...
ЕЛЕНА. Леня! Если ты хочешь, чтобы я тебя любила, перестань врать. Слышишь?
ШЕРВИНСКИЙ. Неужто я уж такой лгун, Леночка?
ЕЛЕНА. Вы?... Ты?.. Я сама не понимаю. У вас какая-то страсть! Так вот ее не будет! Не будет! Что это за безобразие, в самом деле! То в него какая-то графиня в Жмеринке влюбилась, то император прослезился, то он сербских квартирьеров видал... Шервинский! Ты лгать не будешь! У нас в доме никто не лжет, и я не хочу, чтобы это прививалось... Единственный раз в жизни правду сказал про гетманский портсигар, и то никто не поверил, пришлось доказательства предъявлять. Фу, срам!
ШЕРВИНСКИЙ (*торжественно и мрачно*). Про портсигар я все наврал. Гетман мне его не дарил, не целовал и не прослезился. Он его на столе забыл, а я спрятал...
ЕЛЕНА. Стащил со стола? Этого недоставало!
ШЕРВИНСКИЙ. Лена!
ЕЛЕНА. Дайте сюда сию секунду портсигар!
ШЕРВИНСКИЙ. Лена! Вы никому не скажете... Слышите?
ЕЛЕНА. Дайте сюда! (*Прячет портсигар в стол и запирает на ключ.*)
ШЕРВИНСКИЙ. Там мои папиросы, Леночка.
ЕЛЕНА. У Алеши возьмете!
ШЕРВИНСКИЙ. Лена!
ЕЛЕНА. Счастлив ваш бог, что надоумил вас сказать. Нехорошо бы вам было, мосье Шервинский, если бы я сама об этом узнала!
ШЕРВИНСКИЙ. А как бы вы узнали?
ЕЛЕНА. Не срамись, молчи! Какой-то готтентот, человек, лишенный всякой морали... О, какое легкомыслие я совершаю!
ШЕРВИНСКИЙ. Лена! Не огорчай меня! Лена... (*Целует ее.*)
ЕЛЕНА. Алеша! Алеша! Поди сюда!
АЛЕКСЕЙ (*за сценой*). Сейчас...

Выходит Алексей. Он худ, бледен, опирается на палку. Голова обрита, в черной шапочке.

Фу, какой парадный...

ШЕРВИНСКИЙ. Здравствуй, Алеша. Как ты себя чувствуешь?

АЛЕКСЕЙ. Спасибо. Видишь, двигаюсь понемногу. (*Садится.*) Ну, тогда о погоде. Как на дворе?

ЕЛЕНА. Алеша, пока никого нет, я хочу тебе сообщить важную для меня вещь. Алеша, я расхожусь с Владимиром Робертовичем и выхожу замуж за него...

АЛЕКСЕЙ. Вот как? Как это вы так быстро успели?

ШЕРВИНСКИЙ. Мы давно любим друг друга.

ЕЛЕНА. Леонид, говори больше за себя... Что, Алеша, ты на это скажешь?

АЛЕКСЕЙ. Ведь я ей несколько сродни? Говоря словами Грибоедова. Господи! Вы – люди взрослые! Совет да любовь!

ШЕРВИНСКИЙ. Разве я уж такой плохой человек, Алексей, что ты относишься настолько холодно к этому?

АЛЕКСЕЙ. Помилуй! Я ничего против тебя не имею. Человек ты неплохой, а по сравнению с Тальбергом даже отличный. Только, Лена, как же ты будешь с первым мужем?

ШЕРВИНСКИЙ. Мы тотчас пишем ему в Берлин, и она требует развода. Развод! Да он все равно не вернется...

АЛЕКСЕЙ. Ну что ж. Действуй! Желаю тебе счастья. И тебе!

ШЕРВИНСКИЙ. Нет! Ты слишком холоден...

АЛЕКСЕЙ. Ты видишь: я прыгать не могу. А чтобы залиться слезами и сдирать икону со стены,– я ведь не будущая теща! Ну, желаю тебе счастья. Ты как же, Леночка, отчалишь теперь из дому? Нас с Николкой оставишь?

ЕЛЕНА. Нет, нет. Слушай, Леонид, когда мы повенчаемся, ты сюда переедешь. А?

ШЕРВИНСКИЙ. Господи! Да с удовольствием! Алеша, нам, если ты ничего не имеешь против, хотелось бы занять половину Тальбергов. Те две комнаты, а эта общая. А?

АЛЕКСЕЙ. Ладно!

ШЕРВИНСКИЙ. Ты имей в виду, Алеша, что теперь даже лучше, если народу будет в квартире...

АЛЕКСЕЙ. Правильно! Ну, Лена, с ним ты не пропадешь. Действуйте!

ЕЛЕНА. Куда же ты, Алеша?

АЛЕКСЕЙ. Я, Леночка, пойду работу кончу, уж очень запустил за время болезни. А когда все соберутся, я выйду. Ведь еще рано.

ЕЛЕНА. Ну ладно.

Алексей уходит.

ШЕРВИНСКИЙ (*подойдя к портрету Тальберга*). Лена! Я его выкину сейчас же. Видеть его не могу!

ЕЛЕНА. Ого! Какой тон!

ШЕРВИНСКИЙ (*нежно*). Я его, Леночка, видеть не могу. (*Выламывает портрет из рамы, рвет, бросает в камин.*) Крыса!.. И совесть моя чиста и спокойна!

ЕЛЕНА. Легкомыслие я совершаю... Ох, чувствует мое сердце! Ну смотри, Шервинский, ой, смотри!

ШЕРВИНСКИЙ. Леночка, пойдем к тебе, посидим. Я хочу с тобой по душам поговорить. Ведь целый месяц, пока вся эта кутерьма

шла, звука не сказали друг другу. Словом не перемолвились. Все на людях, на людях. Поиграй мне. (*Целует.*)

ЕЛЕНА. Нежности в тебе много, что говорить!

ШЕРВИНСКИЙ. А насчет того, как материально устроиться, ты не беспокойся. Через месяц у меня дебют в опере, и ого... го... го! И какая власть – все равно!

ЕЛЕНА. Я менее всего об этом беспокоюсь. Ты не пропадешь, уж в этом-то я уверена... Костюм Севильского цирюльника мы тебе сделаем замечательный. Красную шапочку и сетку. (*Целует его.*)

ШЕРВИНСКИЙ. Идем, идем... ми... ми...

Уходят.

АЛЕКСЕЙ (*за сценой*). Лена! Разводись скорей!

ЕЛЕНА. Алешка! Я сама знаю!

ШЕРВИНСКИЙ. Мы петь идем! (*Закрывает дверь.*) Чтобы ему не мешать.

За дверью глухо звук вальса, потом Шервинский поет из «Севильского цирюльника»:

Конец счастливый, без сомненья,
Вот и свадьба в заключенье...
Фонарь, друг похождений,
Тушить тебя пора...

Потом опять вальс. Звонок. Никто не открывает. Потом стук. Алексей проходит через сцену в переднюю, впускает Николку.

НИКОЛКА. Алеша, достал я бутылку водки. Ура! (*Раздевается.*) Ну, Алеша, вещи важные! Красные-то входят, ей-богу!

АЛЕКСЕЙ. Почему же стрельбы не слышно?

НИКОЛКА. Без стрельбы идут, понимаешь ли... Тихо, мирно. Вся армия петлюровская дует сейчас через город. Потеха! И главное, удивительно, на улице все буржуи и радуются! Вот до чего Петлюра осточертел! Понимаешь, Алеша, Троцкий, говорят, сам ведет...

АЛЕКСЕЙ. А эти что же, так, без боя и уходят?

НИКОЛКА. Без боя... Вот мерзавцы, а? Я сейчас за углом спрятался, сам видел: конная дивизия уходит. Едут и оглядываются. Что же теперь с нами будет, Алеша? Ведь это надо обсудить. Я решительно не понимаю. Просидели Петлюру в квартире, а дальше как? Ведь завтра Совдепия получится...

АЛЕКСЕЙ. Увидим... Погоди, вот Мышлаевский придет, все обсудим.

НИКОЛКА. Лена где? (*Порывается к двери.*)

АЛЕКСЕЙ. Погоди, ты к ней не ходи. Ты что, насчет большевиков ей хочешь сказать?

НИКОЛКА. Ну да.

АЛЕКСЕЙ. Успеешь, не мешай ей!

НИКОЛКА. А! Они репетируют?

АЛЕКСЕЙ. Вот именно: репетируют. Придут, все тогда переговорим. Раскупоривай бутылки!

НИКОЛКА. Хорошо!

Алексей уходит. Николка видит выломанный портрет.

(*Многозначительно свистит.*) А-а! (*Прислушивается.*) Вышибли! Так я и догадывался. Ну, слава тебе, господи!

Стук. Николка открывает. Входит Лариосик. Запорошен снегом.

ЛАРИОСИК. Николаша! Раз в жизни мне свезло! Ну, думаю, ни за что не достану, и вот, видишь, достал! (*Показывает бутылку.*) Такой уж я человек: из дому выхожу и думаю, погода прекрасная, все обстоит в природе благополучно,— но если я появлюсь на улице, пойдет снег... И верно: только что вышел, мокрый снег так и лепит, в самое лицо. Ужас прямо... Но водку достал. (*Входит в гостиную.*) Пусть теперь Мышлаевский видит, как Ларион Суржанский держит свое слово! Два раза упал, затылком трахнулся, но водку держал в руках!

НИКОЛКА. Ты знаешь, Ларион, потрясающую новость: Елена разводится с мужем!

ЛАРИОСИК (*уронил бутылку и разбил*). Что?! Боже мой! Что я за человек!

НИКОЛКА. Э, Ларион... Ну как же так...

ЛАРИОСИК. Постой... С мужем разводится? Разводится? Неужели?

НИКОЛКА. Вот удивительно! Все радуются! До чего, значит, надоел всем! Постой, впрочем, ведь ты его не знал?

ЛАРИОСИК. Разводится? Это замечательно! Это поразительно...

НИКОЛКА. Да ты чего радуешься-то? А-а! Ларион! Ты что? Врезался? Ну, по глазам вижу — врезался...

ЛАРИОСИК. Я, Николаша, попрошу тебя, когда речь идет о Елене Васильевне, таких слов, как «врезался», не говорить. Это не подходит...

НИКОЛКА. Что ты, Ларион?

ЛАРИОСИК. Ты знаешь, какой человек Елена Васильевна? Она... она золотая.

НИКОЛКА. Рыжая она, рыжая, Ларион.

ЛАРИОСИК. Я не про волосы говорю, а про внутренние ее качества! А если хочешь, то и волосы золотые. Да!

НИКОЛКА. Рыжие, Лариончик, ты не сердись. От этого в нее все и влюбляются. Нравится каждому — рыжая. Прямо несчастье. Кто ни придет, потом начинает букеты таскать. Так что у нас, как веники, все время букеты стояли по всей квартире. А Тальберг злился.

ЛАРИОСИК. На свету волосы отливают в цвет ржи. Ты видел рожь на полях, Никол, в час заката, когда лучи косые и ветер чуть шевелит колосья? Видел? Вот такой на ней нимб!

НИКОЛКА. Пропал человек! Лариосик, я тебе друг?

ЛАРИОСИК. Да, Николаша, я тебя очень люблю.

НИКОЛКА. Я тебя по дружбе предупреждаю... За ней Шервинский ухаживает.

Пауза.

ЛАРИОСИК. Шервинский? Шервинский... Шервинский ее не достоин! Он не может ей нравиться.

НИКОЛКА. Видишь ли, голос у него замечательный... Слушай, Ларион, давай собирать осколки, а то Мышлаевский придет, он тебя убьет...

ЛАРИОСИК. Ты ему не говори! (*Собирает осколки.*) Не такой человек, как Шервинский, ей нужен! О, нет! Не такой!

НИКОЛКА. Да бабы, они, знаешь ли, разве понимают...

ЛАРИОСИК. Бабы! До чего ты не чуток! Ну разве можно такое слово применить...

Звонок.

Погоди, не открывай... (*Собирает осколки.*)

Стук.

АЛЕКСЕЙ (*выходит*). Что же вы не открываете?
НИКОЛКА. Сейчас, Алеша, сейчас... У нас тут несчастье.

Алексей открывает, впускает Мышлаевского и Студзинского. Мышлаевский со свертком.

СТУДЗИНСКИЙ. Ура! Доктор на ногах! Когда встали?
АЛЕКСЕЙ. Вчера в первый раз.
СТУДЗИНСКИЙ. Очень рад...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Здорово, Алеша!
СТУДЗИНСКИЙ. Елка, подумайте! Очень хорошо...
АЛЕКСЕЙ. Это у нас уж традиция.

Студзинский и Мышлаевский раздеваются. Входят в гостиную.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*целуясь*). Ну-с, Алеша, с двойным праздничком. С сочельником и с благополучным прибытием товарища Троцкого в Киев. Опять, стало быть, в бест к тебе в квартиру садиться. Можно?
АЛЕКСЕЙ. Ради бога...
НИКОЛКА (*тихо Лариосику*). У него с собой есть. Обойдется...
СТУДЗИНСКИЙ. Здравствуйте, господа!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Водкой пахнет! Ей-богу – водкой! (*Грозно.*) Кто пил водку раньше времени?
АЛЕКСЕЙ. Что ты, Христос с тобой!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да слышу я! (*Заметил пятно.*) Что же в этом богоспасаемом доме делается? А? Вы водкой полы моете? Кто это сделал, признавайтесь! (*Лариосику.*) Что ты все бьешь? Что ты все бьешь? Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется, хлоп! Осколки. Музейный человек...
ЛАРИОСИК. Чего ж ты на меня кричишь, Витенька?
СТУДЗИНСКИЙ. Виктор!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты подумай, что ты разбил! Но если у тебя уж такой зуд в руках, бей тарелки!
АЛЕКСЕЙ. Ну нет, позвольте!
ЛАРИОСИК. Мне так не везет. Нет, я вижу, мне невозможно жить между людьми. Мне нужно уйти от них. Я приношу только несчастье.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, ну, Ларион...
АЛЕКСЕЙ. Знаешь что, Виктор, я тебя попрошу все-таки: ты на людей перестань бросаться. И в особенности на Лариона Ларионовича. Нельзя же, в самом деле, злоупотреблять деликатностью.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион. Ты обиделся на меня? Брось! Я вспыльчив, но я и отходчив. Я на тебя уже не сержусь. Давай руку!
АЛЕКСЕЙ. Ну, и отлично.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Где Елена?
АЛЕКСЕЙ. Погоди немного. Мы ее потом позовем. Дело вот в чем, господа...
НИКОЛКА. Товарищи! Господа все с гетманом уехали...
АЛЕКСЕЙ. Слушайте, товарищ капитан, красные город занимают?
СТУДЗИНСКИЙ. Точно так.
АЛЕКСЕЙ. Далеко они?
СТУДЗИНСКИЙ. На плечах у этих идут. Сейчас последние колонны пет-

люровцев проходили. Значит, эти будут с минуты на минуту. Обсудить надо положение.

АЛЕКСЕЙ. Придется.

НИКОЛКА. Митинг! Митинг!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно! Садитесь, дорогие товарищи! Где Шервинский? Зовите Шервинского!

АЛЕКСЕЙ. Не надо, Виктор! Не мешай им. За него не беспокойся. Он устроился в оперу, и никто его трогать не будет.

НИКОЛКА. Правильно! Предлагаю выбрать председателем Алешу!

АЛЕКСЕЙ. Я не хочу. Господа, я калека...

ЛАРИОСИК. Вас, вас, Алексей Васильевич!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Садись, Алеша!

Николка раскрывает ломберный стол.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Зажигай сразу и свечи. Все равно сейчас винтить сядем.

Николка зажигает.

СТУДЗИНСКИЙ. Итак, председательствует на митинге, как старший, доктор Турбин.

АЛЕКСЕЙ. Секретаря предлагаю выбрать.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лариосика! Он человек грамотный. Стихи пишет!

ЛАРИОСИК. Я, господа, очень вам благодарен. Я ведь человек не военный.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Как бутылки бить, ты военный? А я военный? Почему я военный? Садись, Ларион!

АЛЕКСЕЙ. Итак, в повестке дня у нас два вопроса: один – приход товарища Троцкого в город, а второй – текущие дела. Возражений нет?

СТУДЗИНСКИЙ. Нету.

АЛЕКСЕЙ. Слово для информации предоставляется бывшему капитану, Александру Брониславовичу Студзинскому.

НИКОЛКА. Чисто как у большевиков! Честное слово! (*Берет гитару.*) Троцкий если бы увидел, прямо бы обнял нас. Порядок образцовый. И физиономии у всех сознательные...

АЛЕКСЕЙ. С места не говорить!

СТУДЗИНСКИЙ. Информация моя будет краткой. Войска большевиков, по слухам, предводительствуемые самим Троцким, вытеснили Петлюру из Киева. Таким образом, сегодня Украина становится советской, а что нам делать,— неизвестно.

Николка в продолжение митинга тихо бренчит на гитаре разные мотивы.

АЛЕКСЕЙ. Вы кончили?

СТУДЗИНСКИЙ. Больше говорить нечего.

Пауза.

НИКОЛКА. Товарищ председатель, я прошу слова: предлагаю всем бежать за границу. Вот!

АЛЕКСЕЙ. Кончил?

НИКОЛКА. Кончил.

АЛЕКСЕЙ. Кто желает еще?

СТУДЗИНСКИЙ. Положение наше трудное. Что мы, в самом деле, делать-то будем? Как мы будем жить? Ведь они самого слова «белогвардейцы» не выносят! Жизнь начнется удивительная, непонятная и для нас совершенно неприемлемая. Может быть, дей-

ствительно, пока не поздно, подняться и уйти всем за петлюровцами?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Куда?

СТУДЗИНСКИЙ. За границу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. А дальше, за границей, куда?

АЛЕКСЕЙ (*стучит*). Вы кончили?

СТУДЗИНСКИЙ. Кончил.

НИКОЛКА. Туманно... туманно... большие испытания... ох, большие испытания... Будем мы еще биться с красными...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Позвольте мне...

АЛЕКСЕЙ. Пожалуйста, товарищ!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Только я рюмку водки выпью. (*Идет к столу, пьет.*)

СТУДЗИНСКИЙ. Тогда уж и мне позвольте.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Испытания?.. Испытания? Да что я, в самом деле, у бога теленка съел, что ли? В 1914 году, когда добрые люди глазом моргнуть еще не успели, мне уже прострелили левую ногу! Раз. В 1915-м – контузили, и полгода я ходил с мордой, свороченной на сторону. В 1916 году разворотили правую ногу, и я до сих пор в сырую погоду не могу от боли мыслей собрать. Только водка и спасает. (*Выпивает рюмку.*) Но это было за отечество. Ладно. Отечество, так отечество. В 1917-м наши батарейные богоносцы ухлопали командира за жестокость. А мне говорят: уезжайте вы, ваше высокородие, к чертовой матери, а то, хотя вы человек хороший,– вас за компанию убьют. Ладно. К чертовой, так к чертовой. Приезжаю домой, к гетману. Здрасте! Немедленно заявляют: Мышлаевский, спасай отечество! Во-первых,– петлюровцы, а за ними большевики. Мышлаевский, как болван, полетел. Ногу отморозил, крутился, вертелся. Людей на его глазах побили! И не угодно ли? Большевики, и опять жди испытаний и бейся. Ну нет! Видали? (*Показывает зрительному залу кукиш.*) Фига!

АЛЕКСЕЙ. Собрание просит оратора фиг не показывать. Изъясняйтесь словами!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны! Что я, идиот? В самом деле? Нет, я господу богу моему, штабс-капитан, заявляю, что больше я с этими сукиными детьми, генералами, дела не имею... Я кончил!

НИКОЛКА. Капитан Мышлаевский большевиком стал! Ура!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да! Ежели угодно, я за большевиков, но только против коммунистов.

Шум.

НИКОЛКА. Так ведь они же...

СТУДЗИНСКИЙ. Слушай, Виктор...

ЛАРИОСИК. Вот так происшествие...

АЛЕКСЕЙ. Тише!

СТУДЗИНСКИЙ. Слушай, капитан. Ты упомянул слово «отечество»? Какое же отечество, когда Троцкий идет? Россия кончена. Пойми: Троцкий! Доктор был прав. Вот он, Троцкий!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Троцкий. Великолепная личность. Очень рад. Я бы с ним познакомился и корпусным командиром назначил бы...

СТУДЗИНСКИЙ. }
НИКОЛКА. } Почему?!

МЫШЛАЕВСКИЙ. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы

говорили, сколько? Двести тысяч. Вот эти двести тысяч салом пятки подмазали и дуют при одном слове «Троцкий». Троцкий! И никого нету. Видал? Чисто! Потому что Троцкий глазом мигнул, а за ним богоносцы тучей. А я этим богоносцам что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут. Сейчас за вилы берутся. Не угодно ли? Спереди красногвардейцы, как стена, в задницу спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Да, слуга покорный! Мне надоело изображать навоз в проруби! Кончен бал!

НИКОЛКА. Он Россию прикончил!

СТУДЗИНСКИЙ. Да они нас все равно расстреляют!

Шум.

МЫШЛАЕВСКИЙ. И отлично сделают! Заберут в Чеку, по матери обложат и выведут в расход! И им спокойнее, и нам...

НИКОЛКА. Я с ними буду биться!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пожалуйста, надевай шинель, валяй! Дуй! Шпарь к Троцкому — кричи ему: не пущу! Тебя с лестницы спустили уже раз?

НИКОЛКА. Я сам прыгнул! Господин капитан!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Башку разбил? А теперь ее тебе и вовсе оторвут. И правильно: не лезь! Теперь пошли дела богоносные.

ЛАРИОСИК. Я против ужасов гражданской войны. Зачем проливать кровь?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно! Ты на войне был?

ЛАРИОСИК. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие, и, кроме того, я единственный сын при моей маме.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно, товарищ белобилетник. Присоединяюсь, товарищи.

Шум.

Алеша, скажи ты им.

АЛЕКСЕЙ. Вот что... Мышлаевский прав. Тут капитан упомянул слово «Россия» и говорит — больше ее нет. Видите ли... Это что такое?

НИКОЛКА. Ломберный стол.

АЛЕКСЕЙ. Совершенно верно, и он всегда ломберный стол, что бы ты с ним ни делал. Можешь перевернуть его кверху ножками, опрокинуть, оклеить деньгами, как дурак Василиса, и всегда он будет ломберный стол. И больше того, настанет время, и придет он в нормальное положение, ибо кверху ножками ему стоять несвойственно...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно! (*Выпивает рюмку водки.*) Какого пса, в самом деле, я на позициях буду гнить, а он деньги копить под столом...

НИКОЛКА. Василиса симпатичный стал после того, как у него деньги поперли.

СТУДЗИНСКИЙ. Тише!

АЛЕКСЕЙ. Вернется на прежнее место. Вернется! Россию поставьте кверху ножками, настанет час, и она станет на место. Все может быть: пусть они хлынут, потопят, но пусть наново устроят, но ничего не устроят, кроме России. Она — всегда она. Видите ли, они нас раздавили. Нас списывают со счетов. Ну что ж? Мы, братцы, в меньшинстве, поэтому не будем мешать. Попробовали, вот меня и искалечили. Я теперь смотрю и думаю, зачем? Ради чего, в самом деле?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, ради чего?
НИКОЛКА (*напевает*).

Была у нас Россия,
Великая держава...

АЛЕКСЕЙ. И будет... Значит, надо сидеть в ней и терпеливо ждать.
СТУДЗИНСКИЙ. Доктор, будет ли когда-нибудь она?
АЛЕКСЕЙ. Будьте покойны, капитан. Не будет прежней, новая будет. А за границу? Что ж там делать? Что вы там будете делать?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Куда ни приедешь, в харю наплюют: от Сингапура до Парижа. Нужны мы там, за границей, как пушке третье колесо!
АЛЕКСЕЙ. Я не поеду. Я не поеду! Я не поеду! Буду здесь, в России, и будь с ней, что будет!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да здравствует Россия!
НИКОЛКА. Ну, на это я согласен: да здравствует Россия!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Закрывай, Алеша, собрание, а то Троцкий дожидается: входить ему или не входить, не задерживай товарища!

Выходят Елена и Шервинский. У Шервинского открытая бутылка в руках.

НИКОЛКА. Встать смирно!
АЛЕКСЕЙ. Тише! Собрание объявляю закрытым. Имею заявление. Вот что: сестра моя Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... (*Указывает рукой.*)
ЛАРИОСИК. А!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. (*Шервинскому.*) Честь имею вас поздравить. Ну, и ловок же ты, штабной момент!
СТУДЗИНСКИЙ. Поздравляю вас, глубокоуважаемая Елена Васильевна.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион, поздравь, неудобно!
ЛАРИОСИК. Поздравляю вас и желаю вам счастья!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена ясная! Но ты молодец. Молодец! Ведь какая женщина, по-английски говорит, на фортепианах играет, в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.
ЕЛЕНА. Я бы за тебя, Витенька, не вышла...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну и не надо. Я тебя и так люблю, а сам я по преимуществу человек холостой и военный, люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме.
НИКОЛКА. Портянки чтобы висели...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Попрошу без острот! Ларион, наливай!
ШЕРВИНСКИЙ. Погодите, господа! Не пейте это вино. Я вам шампанского налью. Вы знаете, какое это винцо. О-го, го, го! (*Оглянувшись на Елену, увял.*) Обыкновенное Абрау-Дюрсо. Три с полтиной бутылка. Среднее винишко!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ленина работа. Лена, рыжая! А ты молодец! Шервинский, женись, ты совершенно здоров!
ШЕРВИНСКИЙ. Что за шутки, я не понимаю...
ЕЛЕНА. Виктор, что же ты не выпьешь шампанского?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Спасибо, Леночка, я лучше водки сперва выпью. Ларион, скажи им речь, ты поэт!
СТУДЗИНСКИЙ. } Речь, правильно!
НИКОЛКА. }

ЛАРИОСИК. Я, господа, право, не умею, и, кроме того, я очень застенчив...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион, говори речь!

ЛАРИОСИК. Что ж? Если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить, ведь я не готовился. Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много, и я в том числе. Я, видите ли, перенес жизненную драму, и мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Очень хорошо про корабль. Очень...

СТУДЗИНСКИЙ. Тише!

ЛАРИОСИК. Да, корабль... Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились. Впрочем, и у них я застал драму... Елена Васильевна, я сервиз куплю вам, честное слово!

ЕЛЕНА. Ларион, что вы?

ЛАРИОСИК. Впрочем, не стоит вспоминать о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра... Мы живы и здоровы... Все снова вместе... Я даже больше того, вот, Елена Васильевна, она тоже много перенесла и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно, товарищ! (*Выпивает рюмку водки.*)

ЛАРИОСИК. И мне хочется ей сказать словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем!»

За сценой глухой и грозный пушечный удар, за ним другие.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так. Отдохнули! Пять, шесть, девять...

ЕЛЕНА. Неужели бой опять?

ШЕРВИНСКИЙ. Знаете что? Это салют!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

НИКОЛКА. Поздравляю вас, в радости дождамшись. Они пришодши, товарищи.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну что ж? Не будем им мешать, как справедливо сказал уважаемый доктор. Тащите карточки, господа. Кто во что, а мы в винт. Буду у тебя, Алеша, сидеть сорок дней и сорок ночей, пока там все не придет в норму, а за сим поступлю в продовольственную управу. Жених, ты будешь?

ШЕРВИНСКИЙ. Нет, благодарю.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Впрочем, конечно, тебе не до винта. У меня пиковая девятка. Ларион, бери!

ЛАРИОСИК. У меня, конечно, тоже пики.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сердца наши разбиты. Ничего, не унывай. Доктор, прошу. Капитан! Черт, у всех пики. Николка, выходи!

Николка выходит и зажигает елку, потом берет гитару.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вот здорово! Черт, уютно!

НИКОЛКА. Как в казарме!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Попрошу без острот!

ЛАРИОСИК. Огни, огни...

СТУДЗИНСКИЙ. Сыграйте, Никол, вашу юнкерскую песню на прощание!

За карточный стол усаживаются Студзинский, Мышлаевский, Лариосик и Алексей.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Только не громко, а то влетит вам по шапке за юнкерские песни. (*Тасует карты.*)

НИКОЛКА (*напевает*). Вставай, та-там, тата-там-та.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вставай! Только что уютно сел, и опять вставай. Нет уж, я не встану, дорогие товарищи, как я уже имел честь доложить! Меня теперь хоть клещами отдирай! (*Сдает карты.*)

ЕЛЕНА. Николка, спой «Съемки».

НИКОЛКА (*поет, выходя с гитарой к рампе*).

Прощайте, граждане,
Прощайте, гражданки,
Съемки закончились у нас...
Гей, песнь моя,
Любимая...
Бутылочка, бутылочка казенного вина!

За сценой начинается неясная оркестровая музыка, странно сливается с Николкиной гитарой.

ЕЛЕНА. Идут! Леонид, идут!

Убегает с Шервинским к окну. За ломберным столом подпевают Николке.

НИКОЛКА.

Уходят и поют
Юнкера гвардейской школы,
Их трубы, литавры,
Тарелки звенят...
Граждане и гражданки
Взором отчаянным вслед
Юнкерам уходящим глядят...

ЛАРИОСИК. Господа, слышите, идут! Вы знаете, этот вечер – великий пролог к новой исторической пьесе...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Но нет, для кого пролог, а для меня эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены; у меня пики.

Сцена внезапно гаснет. Остается лишь освещенный Николка у рампы.

НИКОЛКА.

Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные...

Гаснет и исчезает.

Занавес

Конец

Июнь – сентябрь, 1925 г.
Москва

ДНИ ТУРБИНЫХ

Пьеса в четырех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТУРБИН АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, полковник-артиллерист, 30 лет.

ТУРБИН НИКОЛКА, его брат, 18 лет.

ТАЛЬБЕРГ ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, их сестра, 24-х лет.

ТАЛЬБЕРГ ВЛАДИМИР РОБЕРТОВИЧ, генштаба полковник, ее муж, 35 лет.

МЫШЛАЕВСКИЙ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ, штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.

ШЕРВИНСКИЙ ЛЕОНИД ЮРЬЕВИЧ, поручик, личный адъютант гетмана.

СТУДЗИНСКИЙ АЛЕКСАНДР БРОНИСЛАВОВИЧ, капитан, 29 лет.

ЛАРИОСИК, житомирский кузен, 21-го года.

ГЕТМАН всея Украины.

БОЛБОТУН, командир 1-й конной Петлюровской дивизии.

ГАЛАНЬБА, сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

УРАГАН.

КИРПАТЫЙ.

ФОН ШРАТТ, германский генерал.

ФОН ДУСТ, германский майор.

ВРАЧ германской армии.

ДЕЗЕРТИР-СЕЧЕВИК.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ.

КАМЕР-ЛАКЕЙ.

МАКСИМ, гимназический педель, 60 лет.

ГАЙДАМАК-ТЕЛЕФОНИСТ.

1-й ОФИЦЕР.

2-й ОФИЦЕР.

3-й ОФИЦЕР.

ЮНКЕРА и ГАЙДАМАКИ.

I, II и III акты происходят зимой 1918 года в городе Киеве. IV акт — в начале 1919 года.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини. Алексей склонился над бумагами.

НИКОЛКА (*играет на гитаре и поет*).

Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили.
По Петлюре мы палили.
Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы!

АЛЕКСЕЙ. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

НИКОЛКА. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. (*Поет.*)

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом встанут волоса...

АЛЕКСЕЙ. Это как раз к твоему голосу относится.

НИКОЛКА. Алеша, это ты напрасно, ей-богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего, баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, — есть у меня голос?

ЕЛЕНА (*из своей комнаты*). У кого? У тебя? Нету никакого.

НИКОЛКА. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

АЛЕКСЕЙ. Дурак твой учитель пения.

НИКОЛКА. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. У меня голоса нет, а вчера еще был, учитель пения дурак, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. (*Трогает струны.*) Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что днем придет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

АЛЕКСЕЙ. Ты потише говори.

НИКОЛКА. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

ЕЛЕНА. Который час в столовой?

НИКОЛКА. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

ЕЛЕНА. Не сочиняй, пожалуйста.

НИКОЛКА. Ишь, волнуется. (*Напевает.*) Туманно... Ах, как все туманно...

АЛЕКСЕЙ. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.
НИКОЛКА (*поет*).

Здравствуйте, дачники!
Здравствуйте, дачницы!
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!!
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. Громадный хор за стеной в тон Николке, проходя, поет: «Бескозырки тонные...»

АЛЕКСЕЙ. Елена! Свечи у тебя есть?
ЕЛЕНА. Да!.. Да!..
АЛЕКСЕЙ. Черт их возьми! Каждую минуту тухнет... Какая-то часть, очевидно, прошла.
ЕЛЕНА (*выходя со свечой*). Тише, погодите! (*Прислушивается.*)

Электричество вспыхивает. Елена тушит свечу. Далекий пушечный удар.

НИКОЛКА. Так близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе. Я бы съездил.
АЛЕКСЕЙ. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

НИКОЛКА. Слушаю, господин полковник. Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.
АЛЕКСЕЙ. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?
НИКОЛКА. Понял. Виноват, господин полковник.
ЕЛЕНА. Алеша, где же мой муж?
АЛЕКСЕЙ. Придет, Леночка.
ЕЛЕНА. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уж не случилось ли с ним чего?
АЛЕКСЕЙ. Леночка, ну конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.
ЕЛЕНА. Но почему же его до сих пор нет?
АЛЕКСЕЙ. Ну очевидно, стоят на каждой станции.
НИКОЛКА. Революционная езда. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! (*Бежит открывать дверь.*) Кто там?
МЫШЛАЕВСКИЙ (*за сценой*). Открой, ради бога, скорее!
АЛЕКСЕЙ. Нет, это не Тальберг.
НИКОЛКА (*впуская Мышлаевского в переднюю*). Да это ты, Витенька?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот дьяволова мать!..
АЛЕКСЕЙ. Да это Мышлаевский.
ЕЛЕНА. Виктор, откуда ты?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ох... Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Ох... Из-под Красного Трактира. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.
ЕЛЕНА. Ах, боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ох... ох... ох...
АЛЕКСЕЙ. Что же, они валенки вам не могли дать, что ли?
МЫШЛАЕВСКИЙ. «Валенки». Это такие мерзавцы! (*Бросается к огню.*)
ЕЛЕНА. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. (*Уходит.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Голубчик, сними, сними, сними...
НИКОЛКА. Сейчас, сейчас. (*Снимает с Мышлаевского сапоги.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Легче, братик, ох, легче. Водки бы мне выпить, водочки.
АЛЕКСЕЙ. Сейчас дам.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.
АЛЕКСЕЙ. Ну что ты. Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Так я и позволил ноги водкой тереть. Три рукой. Больно... Больно... Легче.
НИКОЛКА. Тс...тс... Как замерз капитан!
ЕЛЕНА (*появляется с халатом и туфлями*). Сейчас же в ванну его. На!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Дай тебе бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (*Пьет.*)
НИКОЛКА. Что, согрелся, капитан?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Легче стало.
НИКОЛКА. Ты скажи, что там под Трактиром делается?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..
АЛЕКСЕЙ. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали.
МЫШЛАЕВСКИЙ. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички из сочинений Льва Толстого!
НИКОЛКА. Да неужели? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал бы на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побигли до Петлюры...»
НИКОЛКА. Ой-ой-ой-ой...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вот именно «ой-ой-ой-ой...» Взял я этого богоносного хрена за манишку и говорю: «Уси побигли до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают... Ты у меня сбегаешь в царство небесное».
АЛЕКСЕЙ. Как же ты в город попал?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Сменили сегодня, слава тебе господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на Посту устроил! Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командируем вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город. Алеша, возьми меня к себе.
АЛЕКСЕЙ. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Благодетель...
НИКОЛКА. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский старшим офицером.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вы где стоите?

НИКОЛКА. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

НИКОЛКА. Ну, это еще кто кого!

ЕЛЕНА (*появляется*). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди, мойся.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

ЕЛЕНА. Нет, я думаю, что потом, за ужином сразу. Мужа ты моего там где-нибудь не видел? Муж пропал.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. (*Уходит.*)

Начинается непрерывный звонок.

НИКОЛКА. Ну вот он-он! (*Бежит в переднюю.*)

АЛЕКСЕЙ. Господи, что это за звонок?

Николка отворяет дверь. Появляется в передней Лариосик с чемоданом и с узлом.

ЛАРИОСИК. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

НИКОЛКА. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь.*)

ЛАРИОСИК. Ах, боже мой! Простите, ради бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

АЛЕКСЕЙ. Мое почтение.

ЛАРИОСИК. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я даже не раздевался, а прежде всего дал бы вам прочитать письмо.

ЕЛЕНА. Какой неразборчивый почерк!

ЛАРИОСИК. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (*Читает.*) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (*Читает.*) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» Ах уж эта мама!.. «невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

АЛЕКСЕЙ. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

ЛАРИОСИК. Как с кем? Вы меня не знаете?

АЛЕКСЕЙ. К сожалению, не имею удовольствия.

ЛАРИОСИК. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

НИКОЛКА. И я тоже не знаю.

ЛАРИОСИК. Боже мой, это прямо колдовство! Да ведь мама в телеграмме все написала. Мама дала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

НИКОЛКА. Шестьдесят три слова!.. Ой... ой... ой...
ЕЛЕНА. Мы никакой телеграммы не получали.
ЛАРИОСИК. Боже, какой скандал! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо не раздеваясь... извините, я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник.
АЛЕКСЕЙ. Да вы будьте добры, скажите, как ваша фамилия?
ЛАРИОСИК. Ларион Ларионович Суржанский.
ЕЛЕНА. Вы – Лариосик? Житомирский кузен?
ЛАРИОСИК. Ну да.
ЕЛЕНА. И вы... К нам приехали?
ЛАРИОСИК. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете, после маминой телеграммы. А раз так... Простите, пожалуйста, я наследил вам на ковре. Я сейчас поеду в какой-нибудь отель...
ЕЛЕНА. Какие теперь отели! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.
АЛЕКСЕЙ. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.
ЛАРИОСИК. Душевно вам признателен.
НИКОЛКА. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.
ЛАРИОСИК. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире! (*Уходит.*)
ЕЛЕНА (*шепотом*). Ну что ж, Алеша, надо будет его оставить. Он симпатичный. Ты ничего не будешь иметь против, если мы его в библиотеке поместим, все равно комната пустует.
АЛЕКСЕЙ. Конечно, поди, скажи ему.

Лариосик входит.

ЕЛЕНА. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну. Там уже есть один – капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...
ЛАРИОСИК. Да, да, ужасно... Ведь я одиннадцать дней ехал от Житомира до Киева...
НИКОЛКА. Ой... ой... ой... одиннадцать дней!
ЛАРИОСИК. Ужас, ужас... Это такой кошмар!
ЕЛЕНА. Ну, пожалуйте.
ЛАРИОСИК. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.
АЛЕКСЕЙ. Почему?
ЛАРИОСИК. Извините меня, пожалуйста: какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.
ЕЛЕНА. Ну, это беда поправимая.
НИКОЛКА. Я дам, я дам.
ЛАРИОСИК (*интимно, Николке*). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?
НИКОЛКА. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.
ЛАРИОСИК. Душевно вам признателен.
ЕЛЕНА. Мы вас устроим, Ларион Ларионович, в библиотеке. Николка, проводи.
НИКОЛКА. Пожалуйте за мной.

Лариосик и Николка уходят. Звонок.

АЛЕКСЕЙ. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (*Уходит.*)

Звонок.

ЕЛЕНА. Кто там?

ТАЛЬБЕРГ (*за сценой*). Я, я. Открой, пожалуйста.

ЕЛЕНА. Слава богу! Где же ты пропадал? Я так волновалась!

ТАЛЬБЕРГ. Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

ЕЛЕНА. Где же ты был?

ТАЛЬБЕРГ. В германском штабе задержали важные дела.

ЕЛЕНА. Ну, иди, иди скорее, грейся. Сейчас чай будем пить.

ТАЛЬБЕРГ. Не надо чаю. Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

ЕЛЕНА. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций совершенно замороженный.

ТАЛЬБЕРГ. Все-таки можно прибрать.

ЕЛЕНА. Я сейчас. (*Вешает френч за дверь.*) Ты знаешь новость? Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Ларио-сик. Алексей оставил его у нас в библиотеке.

ТАЛЬБЕРГ. Я так и знал. Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоялый двор. Я решительно не понимаю Алексея.

ЕЛЕНА. Володя, ты в дурном расположении духа. Что тебе сделал Мышлаевский? Он очень хороший человек.

ТАЛЬБЕРГ. Замечательно хороший. Трактирный завсегдатай.

ЕЛЕНА. Володя!

ТАЛЬБЕРГ. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена. Закрой дверь. Лена, случилась важная вещь.

ЕЛЕНА. Что такое?

ТАЛЬБЕРГ. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

ЕЛЕНА. Володя, да что ты? Откуда ты узнал?

ТАЛЬБЕРГ. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

ЕЛЕНА. Что же теперь будет?

ТАЛЬБЕРГ. Что теперь будет. Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет? Лена!

ЕЛЕНА. Что ты говоришь?

ТАЛЬБЕРГ. Я говорю – Лена!

ЕЛЕНА. Ну что «Лена»!

ТАЛЬБЕРГ. Лена. Мне сейчас нужно бежать.

ЕЛЕНА. Бежать? Куда?

ТАЛЬБЕРГ. В Берлин. Гм... Без двадцати девяти десять. Дорогая моя, ты знаешь, что меня ждет в случае, если русская армия не отобьет Петлюру и он придет в Киев?

ЕЛЕНА. Тебя можно будет спрятать.

ТАЛЬБЕРГ. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра при гетмане! Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

ЕЛЕНА. Постой! Я не пойму, как же бежать. Значит, мы оба должны уехать?

ТАЛЬБЕРГ. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться – в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря связям.

ЕЛЕНА. Другими словами, ты хочешь уехать один?

ТАЛЬБЕРГ. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми, катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

ЕЛЕНА. Как можно скорее? Через полтора часа? Тогда я решаю – уезжай.
ТАЛЬБЕРГ. Ты умница. Я всегда это утверждал. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.
ЕЛЕНА. На сколько же времени мы расстаемся?
ТАЛЬБЕРГ. Я думаю, месяца на два. Я только пережду всю эту кутерьму в Берлине, а когда гетман вернется...
ЕЛЕНА. А если он совсем не вернется?
ТАЛЬБЕРГ. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина, как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.
ЕЛЕНА. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, наши формируются в армии, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?
ТАЛЬБЕРГ. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету: «Я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому на скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?
ЕЛЕНА. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?
ТАЛЬБЕРГ. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не все.
ЕЛЕНА. Ты же предупреди братьев.
ТАЛЬБЕРГ. Конечно, конечно. Как ни тяжело расстаться на такой большой срок... я отчасти доволен, что уезжаю один, ты побережешь наши комнаты.
ЕЛЕНА. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты хочешь сказать, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права.
ТАЛЬБЕРГ. О нет, нет, нет... Конечно, нет. Но ты же знаешь пословицу: ки ва а ла шасс, пер са пляс[1]. Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...
ЕЛЕНА. Он и при тебе бывает.
ТАЛЬБЕРГ. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.
ЕЛЕНА. Чем, позволь узнать?
ТАЛЬБЕРГ. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...
ЕЛЕНА. Что желательно было бы тебе?
ТАЛЬБЕРГ. Я не могу сказать тебе, что! Ты женщина умная и достаточно воспитанная. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.
ЕЛЕНА. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.
ТАЛЬБЕРГ. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты мне изменишь. Я прекрасно понимаю, что этого быть не может.
ЕЛЕНА. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что я не могу тебе изменить?
ТАЛЬБЕРГ. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама, изменить! Без четверти десять! Я опоздаю!
ЕЛЕНА. Я сейчас тебе уложу.

[1] Qui va à la chasse, perd sa place. – Кто уходит на охоту, теряет свое место. (*Франц.*) (Перевод в «Днях Турбиных» здесь и далее сделан М. А. Булгаковым).

ТАЛЬБЕРГ. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради бога, скорее, даю тебе одну минуту.
ЕЛЕНА. Ты же с братьями попрощайся!
ТАЛЬБЕРГ. Само собою разумеется, только смотри – я еду в командировку.
ЕЛЕНА. Алеша! Алеша! (*Убегает.*)
АЛЕКСЕЙ (*выходя*). Да, да... А, здравствуй, Володя.
ТАЛЬБЕРГ. Здравствуй, Алеша.
АЛЕКСЕЙ. Что за суета?
ТАЛЬБЕРГ. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Сегодня положение гетмана стало весьма серьезным.
АЛЕКСЕЙ. Как?
ТАЛЬБЕРГ. Серьезно и весьма.
АЛЕКСЕЙ. В чем дело?
ТАЛЬБЕРГ. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.
АЛЕКСЕЙ. Неужели? Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.
ТАЛЬБЕРГ. Теперь второе. Я сию минуту должен уехать в командировку.
АЛЕКСЕЙ. Куда, если не секрет?
ТАЛЬБЕРГ. В Берлин.
АЛЕКСЕЙ. Куда? В Берлин?
ТАЛЬБЕРГ. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие.
АЛЕКСЕЙ. Надолго, смею спросить?

ТАЛЬБЕРГ. На два месяца.
АЛЕКСЕЙ. Ах, вот как.
ТАЛЬБЕРГ. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. (*Протягивает руку.*) Что это значит?
АЛЕКСЕЙ (*спрятав руку за спину*). Это значит, что командировка ваша мне не нравится.
ТАЛЬБЕРГ. Полковник Турбин!
АЛЕКСЕЙ. Я вас слушаю, полковник Тальберг.
ТАЛЬБЕРГ. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены.
АЛЕКСЕЙ. А когда прикажете, господин Тальберг?
ТАЛЬБЕРГ. Когда... Без десяти десять... Когда я вернусь.
АЛЕКСЕЙ. Ну, бог знает что случится, когда вы вернетесь!
ТАЛЬБЕРГ. Вы... вы... Я давно хотел уже объясниться с вами.
АЛЕКСЕЙ. Жену не волновать, господин Тальберг.
ЕЛЕНА (*выходя*). О чем вы говорите?
АЛЕКСЕЙ. Ничего, ничего, Леночка!
ТАЛЬБЕРГ. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!
АЛЕКСЕЙ. До свидания, Володя!
ЕЛЕНА. Николка! Николка!
НИКОЛКА. Вот он, я.
ЕЛЕНА. Володя уезжает в командировку. Попрощайся!
ТАЛЬБЕРГ. До свидания, Никол.
НИКОЛКА. Счастливого пути, господин полковник.
ТАЛЬБЕРГ. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно переведу. Будьте здоровы, будьте здоровы... (*Стремительно идет в переднюю.*) Не провожай меня, дорогая, ты простудишься.
АЛЕКСЕЙ (*неприятным голосом*). Елена, ты простудишься!

Пауза.

НИКОЛКА. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

АЛЕКСЕЙ. В Берлин.

НИКОЛКА. В Берлин. Ага... В такой момент... С извозчиком торгуется. (*Философски.*) Алеша, ты знаешь, я заметил, он на крысу похож.

АЛЕКСЕЙ. А дом наш на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

АЛЕКСЕЙ. Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. «Весьма серьезно». Серьезно и весьма. Крыса! (*Уходит.*)

ЕЛЕНА (*возвращается из передней. Смотрит в окно*). Уехал...

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Накрыт стол для ужина.

ЕЛЕНА (*у рояля, берет один и тот же аккорд*). Уехал. Как уехал?

ШЕРВИНСКИЙ (*появляется внезапно*). Кто уехал?

ЕЛЕНА. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

ШЕРВИНСКИЙ. Да у вас дверь не заперта — вся настежь. Здравия желаю, Елена Васильевна. Позвольте вам вручить. (*Вынимает из бумаги громадный букет.*)

ЕЛЕНА. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

ШЕРВИНСКИЙ. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

ЕЛЕНА. А если б я сказала, что не разрешаю?

ШЕРВИНСКИЙ. Я просидел бы в бурке всю ночь у ваших ног.

ЕЛЕНА. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

ШЕРВИНСКИЙ. Виноват, это гвардейский комплимент. (*Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.*) Я так рад, что вас вижу! Я так давно вас не видал!

ЕЛЕНА. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

ШЕРВИНСКИЙ. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера». Итак, кто же уехал?

ЕЛЕНА. Владимир Робертович.

ШЕРВИНСКИЙ. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться?

ЕЛЕНА. Да, он вернулся и... опять уехал.

ШЕРВИНСКИЙ. Куда?

ЕЛЕНА. Какие дивные розы... В Берлин.

ШЕРВИНСКИЙ. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

ЕЛЕНА. Месяца на два.

ШЕРВИНСКИЙ. На два месяца. Да что вы!.. Печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!

ЕЛЕНА. Шервинский, пятый раз целуете руку.

ШЕРВИНСКИЙ. Я, можно сказать, подавлен, боже мой, да тут все! Ура! Ура!

НИКОЛКА (*за сценой*). Шервинский! «Демона»!

ЕЛЕНА. Чему вы так бурно радуетесь?

ШЕРВИНСКИЙ. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

ЕЛЕНА. Вы не светский человек, Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ. Я не светский человек. Позвольте, почему же... Нет,

я светский. Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

ЕЛЕНА. Как видите. Как ваш голос?

ШЕРВИНСКИЙ (*у рояля*). Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко и не узнает... Да... В хорошем голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю — оказывается, в голосе.

ЕЛЕНА. Ноты захватили?

ШЕРВИНСКИЙ. Вы чистой воды богиня.

ЕЛЕНА. Единственно, что в вас есть хорошего, это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.

ШЕРВИНСКИЙ. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму из «Нерона», там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

ЕЛЕНА. Сколько?

ШЕРВИНСКИЙ. Восемь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-богу! Там была графиня Гендрикова, красавица... Она влюбилась в меня после этого «ля».

ЕЛЕНА. И что же было потом?

ШЕРВИНСКИЙ. Отравилась. Цианистым кали.

ЕЛЕНА. Ах, Шервинский. Это у вас болезнь, честное слово. Господа! Идите к столу!

/Входят Алексей, Студзинский и Мышлаевский./[1]

АЛЕКСЕЙ. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

ШЕРВИНСКИЙ. Виктор! Жив! Ну, слава богу. Почему ты в чалме?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Здравствуй, адъютант.

ШЕРВИНСКИЙ. Мое почтение, капитан.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*в чалме из полотенца*). Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

НИКОЛКА. Кузен наш из Житомира.

СТУДЗИНСКИЙ. Очень приятно.

ЛАРИОСИК. Душевно рад познакомиться.

ШЕРВИНСКИЙ. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант его светлости поручик Шервинский.

ЛАРИОСИК. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

ЕЛЕНА. Господа, идите к столу.

АЛЕКСЕЙ. Двенадцать. Господа, садимся, а то ведь завтра рано вставать.

ШЕРВИНСКИЙ. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

НИКОЛКА. Последний ужин дивизиона, господин поручик, послезавтра выступаем.

ШЕРВИНСКИЙ. Ага...

СТУДЗИНСКИЙ. Где прикажете, господин полковник?

ШЕРВИНСКИЙ. Где прикажете?

АЛЕКСЕЙ. Где угодно, где угодно. Прошу, господа! Леночка!

Усаживаются.

ШЕРВИНСКИЙ. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

[1] Здесь и далее в косых чертах даются необходимые по смыслу вставки, сделанные нами. (*Ред.*)

ЕЛЕНА. Шервинский, замолчите.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Леночка, водки выпьешь?
ЕЛЕНА. Нет, нет, нет.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, тогда белого вина.
СТУДЗИНСКИЙ. Вам позволите, господин полковник?
АЛЕКСЕЙ. Мерси. Вы, пожалуйста, себе.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вашу рюмку.
ЛАРИОСИК. Я, собственно, водки не пью.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.
ЛАРИОСИК. Душевно вам признателен.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Давно, давно я водки не пил.
ШЕРВИНСКИЙ. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура! Ура!
СТУДЗИНСКИЙ.
МЫШЛАЕВСКИЙ. } Ура!
ЛАРИОСИК.
ЕЛЕНА. Тише! Что вы, господа! Весь переулок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка. Спасибо. Спасибо.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?
ЛАРИОСИК. Да, очень!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник.
АЛЕКСЕЙ. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.
НИКОЛКА. И выступим.
ЕЛЕНА. Что с гетманом, скажите?
СТУДЗИНСКИЙ. Да, да, что с гетманом?
ШЕРВИНСКИЙ. Все в полном порядке, Елена Васильевна. Вчера, господа, был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме...
ЕЛЕНА. Да, говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?
ШЕРВИНСКИЙ. Не верьте... никаким слухам, Елена Васильевна. Все обстоит совершенно благополучно.
ЛАРИОСИК. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович, я ведь, собственно говоря, водки не пью.
МЫШЛАЕВСКИЙ (*выпивая*). Стыдитесь, Ларион!
ШЕРВИНСКИЙ.
НИКОЛКА. } Стыдитесь!
ЛАРИОСИК. Покорнейше благодарю.
АЛЕКСЕЙ. Ты, Никол, на водку-то не налегай.
НИКОЛКА. Слушаю, господин полковник! Я — белого вина.
ЛАРИОСИК. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Достигается упражнением. Алеша!
АЛЕКСЕЙ. Спасибо, капитан, а салату?
СТУДЗИНСКИЙ. Покорнейше благодарю.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.
ШЕРВИНСКИЙ. Все к лучшему.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет, нет, до дна, Леночка, до дна!
НИКОЛКА (*берет гитару*). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...
ВСЕ. Свет Елене Васильевне! Леночка, выпейте, выпейте... выпейте...

Елена пьет.

Браво!! (*Аплодируют.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-богу. И ка-

пот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

ЕЛЕНА. Это платье, Витенька, и серое.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

СТУДЗИНСКИЙ. Елена Васильевна очень красива. Ваше здоровье!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

ШЕРВИНСКИЙ. Ээ...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Леонид, отойди. От чужой мужней жены отойди!

ШЕРВИНСКИЙ. Позволь...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Мне можно, я друг детства.

НИКОЛКА (*вставая*). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

ЛАРИОСИК. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

ЕЛЕНА. Я очень, очень тронута.

АЛЕКСЕЙ. Очень приятно.

ЛАРИОСИК. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

ЕЛЕНА. Очень приятно.

ЛАРИОСИК. Многоуважаемый Алексей Васильевич.

АЛЕКСЕЙ. Очень приятно.

ЛАРИОСИК. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

ЛАРИОСИК. Я? Да... пишу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так. Извините, что я вас перебил.

ЛАРИОСИК. Пожалуйста... кремовые шторы... Они отделяют нас от всего света. Впрочем, я человек не военный. Эх... Налейте мне еще рюмочку.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Браво, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил – не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как многоуважаемый сапог.

ЛАРИОСИК. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды... в Житомире... сослуживцы моего покойного папы на обедах... Податные инспектора там... Они меня тоже,– ох, как ругали!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Податные инспектора известные звери.

ШЕРВИНСКИЙ. Пейте, Лена, пейте, дорогая.

ЕЛЕНА. Напоить меня хотите? У, какой противный!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Давай сюда гитару, Николка, давай!

НИКОЛКА (*с гитарой, поет*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?

ЛАРИОСИК (*поет*).

Так громче, музыка, играй победу.

ВСЕ (*поют*).

Мы победили, и враг бежит.
Так за...

ЛАРИОСИК. Царя!..

АЛЕКСЕЙ. Что вы, что вы!
ВСЕ (*поют фразу без слов*).

. . . .

Мы грянем дружное «Ура! Ура! Ура!»

НИКОЛКА.

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Все поют.

ЛАРИОСИК. Эх. До чего у вас весело, Елена Васильевна. Дорогая! Огни! Ура!
ШЕРВИНСКИЙ. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины! Ура!

Пауза.

СТУДЗИНСКИЙ. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.
ШЕРВИНСКИЙ. Господин капитан.
ЛАРИОСИК. Совершенно неожиданное происшествие.
МЫШЛАЕВСКИЙ (*пьян*). Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. (*Пьет.*)
СТУДЗИНСКИЙ. Господин полковник, вы тост одобряете?
АЛЕКСЕЙ. Нет, не одобряю!
ШЕРВИНСКИЙ. Господин полковник, позвольте я скажу.
ЛАРИОСИК. Нет, уж позвольте, я скажу. Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Во! Угадал, Ларион! Лучше трудно!
ЛАРИОСИК. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.
ЕЛЕНА. Не обращайте на них внимания, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите сюда ко мне.
ЛАРИОСИК. Елена Васильевна! Ах, боже мой, красное вино...
НИКОЛКА. Солью, солью посыпем... ничего.
СТУДЗИНСКИЙ. Этот ваш гетман...
АЛЕКСЕЙ. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли?! Если бы ваш гетман вместо того, чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духом не пахло в Малороссии. Но этого мало – мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. Ведь самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас.
ШЕРВИНСКИЙ. Немцы бы не позволили формировать армию, господин полковник: они ее боятся.
АЛЕКСЕЙ. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Кончено! Войну мы проиграли. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам нужен украинский хлеб, сахар. Берите, лопайте, подавитесь, только помогите нам, чтобы наши мужики не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его, забери. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике. Там же, где вся штабная орава. Нуте-с, великолепно. Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет! Отлично-с! А вот гля-

нул я на них и даю вам слово чести – в первый раз дрогнуло мое сердце.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

АЛЕКСЕЙ. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров – сто двадцать человек студентов и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

ЕЛЕНА. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

НИКОЛКА. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

АЛЕКСЕЙ. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте на окна, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы встретимся. Вижу я более грозные времена. Ну, не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с большевиками, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или – вернее – они нас. Пью за встречу, господа!

ЛАРИОСИК (*за роялем запел*).

Жажду встречи,
Клятвы, речи –
Все пустяки,
Все трын-трава.

НИКОЛКА. Здорово, Ларион.

Жажду встречи,
Клятвы, речи...

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

ЕЛЕНА. Лариосик, что с вами?

НИКОЛКА. Ларион!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

ЛАРИОСИК (*пьян*). Я испугался.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (*Берет маузер.*)

ЕЛЕНА. Виктор, что ты делаешь?!

МЫШЛАЕВСКИЙ. В комиссаров стрелять буду. Который из вас комиссар?

ШЕРВИНСКИЙ. Маузер заряжен, господа!!

СТУДЗИНСКИЙ. Капитан, сядь сию минуту.

ЕЛЕНА. Господа, отнимите у него!

Отнимают маузер.

АЛЕКСЕЙ. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи. Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

ЕЛЕНА. Виктор, не пей больше!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Молчи, комиссарша!

ШЕРВИНСКИЙ. Боже, как нализался!

АЛЕКСЕЙ. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

СТУДЗИНСКИЙ. О нет, господин полковник. Мы понимаем. И поверьте, мы разделяем все, что вы сказали.

ШЕРВИНСКИЙ. Вы меня не поняли. Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Союзники помогут нам разбить большевиков, гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Какого Александровича? А говорят – я нализался.

НИКОЛКА. Император убит...

ШЕРВИНСКИЙ. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Несколько преувеличено.

СТУДЗИНСКИЙ. Виктор, ты офицер!

ЕЛЕНА. Дайте же ему сказать, господа.

ШЕРВИНСКИЙ. Вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» – портьера раздвинулась, и вышел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

СТУДЗИНСКИЙ. Убит он!

ЕЛЕНА. Шервинский! Это правда?

ШЕРВИНСКИЙ. Елена Васильевна!

АЛЕКСЕЙ. Поручик, это – легенда!

НИКОЛКА. Все равно. Если даже император мертв, да здравствует император! Ура! Гимн!.. Шервинский. Гимн. (*Поет.*) Боже, царя храни...

ШЕРВИНСКИЙ.
СТУДЗИНСКИЙ.
МЫШЛАЕВСКИЙ. } Боже, царя храни!

ЛАРИОСИК (*поет*). Сильный, державный...

НИКОЛКА.
СТУДЗИНСКИЙ.
ШЕРВИНСКИЙ. } Царствуй на...

ЕЛЕНА.
АЛЕКСЕЙ. } Господа, что вы? Не нужно этого!

МЫШЛАЕВСКИЙ (*плачет*). Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой – хлоп! Где царь? Нет царя! Нет царя! Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... Забыл, как его. С бакенбардами, симпатичный, дай, думаю, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев. Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

ЕЛЕНА. Ему плохо!

НИКОЛКА. Капитану плохо!

АЛЕКСЕЙ. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

ЕЛЕНА. Пойду посмотрю, что с ним.

ШЕРВИНСКИЙ (*загородив дверь*). Не надо, Лена!

ЕЛЕНА. Господи, ведь нужно же так. А Лариосик-то, Лариосик! Хаос. Накурили. Лариосик!
ШЕРВИНСКИЙ. Что вы, что вы, не будите его. Он проспится и все...
ЕЛЕНА. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.
ШЕРВИНСКИЙ. Сюда, сюда... Можно мне сесть рядом?
ЕЛЕНА. Садитесь... Чем же все это кончится, Шервинский? А? Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.
ШЕРВИНСКИЙ. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте. Какой вы сон видели?
ЕЛЕНА. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно, холодно. Волны. А мы в трюме. Вода подбирается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И главное, крысы. Такие омерзительные, огромные. До того страшно, что я проснулась.
ШЕРВИНСКИЙ. А вы знаете что, Елена Васильевна, он не вернется.
ЕЛЕНА. Кто?
ШЕРВИНСКИЙ. Ваш муж.
ЕЛЕНА. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.
ШЕРВИНСКИЙ. Мне-то большое дело. Я вас люблю.
ЕЛЕНА. Слышала. И все вы сочиняете.
ШЕРВИНСКИЙ. Ей-богу, я вас люблю.
ЕЛЕНА. Ну и любите про себя.
ШЕРВИНСКИЙ. Не хочу, мне надоело.

ЕЛЕНА. Постойте, постойте. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?
ШЕРВИНСКИЙ. Потому что он на крысу похож.
ЕЛЕНА. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож...
ШЕРВИНСКИЙ. Как две капли. В пенсне, носик острый...
ЕЛЕНА. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!
ШЕРВИНСКИЙ. Какая вы ему жена!
ЕЛЕНА. То есть как?
ШЕРВИНСКИЙ. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится – интеллектуально развитая. Вообще, женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно. А он рядом с вами – вешалка, карьерист, штабной момент.
ЕЛЕНА. За глаза-то! Отлично! (*Зажимает ему рот.*)
ШЕРВИНСКИЙ. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.
ЕЛЕНА. С кем же я буду счастлива?
ШЕРВИНСКИЙ. Со мной.
ЕЛЕНА. Вы не годитесь.
ШЕРВИНСКИЙ. Почему это я не гожусь?.. Ого!..
ЕЛЕНА. Что в вас есть хорошего?
ШЕРВИНСКИЙ. Да вы всмотритесь.
ЕЛЕНА. Ну, побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И больше ничего. И голос.
ШЕРВИНСКИЙ. Так я и знал! Что за несчастье. Все твердят одно и то же: Шервинский – адъютант, Шервинский – певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. Никто. И живет Шервинский, как бездомная собака, и не к кому ему на грудь голову склонить.
ЕЛЕНА (*отталкивает его голову*). Вот гнусный ловелас! Мне известны

ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной... Фу, губы накрашенные...

ШЕРВИНСКИЙ. Она не длинная. Это – меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны!

ЕЛЕНА. Я вам не Лена!

ШЕРВИНСКИЙ. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Значит, у вас нет никакого чувства ко мне.

ЕЛЕНА. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

ШЕРВИНСКИЙ. Ага! Нравлюсь. А вы мужа своего не любите.

ЕЛЕНА. Нет, люблю.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. О, женские глаза. В них все видно.

ЕЛЕНА. Ну да вы опытны, конечно.

ШЕРВИНСКИЙ. Как он уехал!

ЕЛЕНА. И вы бы так сделали.

ШЕРВИНСКИЙ. Я?– Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

ЕЛЕНА. Ну хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

ШЕРВИНСКИЙ. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

ЕЛЕНА. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

ШЕРВИНСКИЙ. Я лгу? Нет!.. У рояля. Я пел «Бога всесильного»... и мы были одни. И даже скажу когда – восьмого ноября. Мы были одни – и ты поцеловала в губы.

ЕЛЕНА. Я тебя поцеловала за голос. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

ШЕРВИНСКИЙ. Ничего?

ЕЛЕНА. Это мученье. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

ШЕРВИНСКИЙ. Свет мы уберем. (*Тушит верхний свет.*) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя ведь все равно не выпущу. Ты будешь моею женой.

ЕЛЕНА. Пристал, как змея... как змея.

ШЕРВИНСКИЙ. Какая же я змея?

ЕЛЕНА. Пользуется каждым случаем и смущает меня, и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, до чего ты хороша!

ЕЛЕНА. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

ШЕРВИНСКИЙ. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

ЕЛЕНА. Выпусти меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня. Лена!

Целуются.

Разведешься?

ЕЛЕНА. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

ЛАРИОСИК (*внезапно*). Не целуйтесь, а то меня тошнит.

ЕЛЕНА. Пустите меня! Боже мой! (*Убегает.*)
ЛАРИОСИК. Ох!..
ШЕРВИНСКИЙ. Молодой человек, вы ничего не видали!
ЛАРИОСИК (*мутно*). Нет, видел.
ШЕРВИНСКИЙ. То есть как?
ЛАРИОСИК. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Ой!..
ШЕРВИНСКИЙ. Я с вами не играл.
ЛАРИОСИК. Нет, ты играл.
ШЕРВИНСКИЙ. Боже, как нарезался!
ЛАРИОСИК. Вот посмотрим, что мама скажет вам, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, что водки столько пить нельзя. Мне нехорошо... (*Падает на грудь Шервинскому.*)

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты, отдельно полевой телефон. На стене портрет Вильгельма II. Ночь. Кабинет ярко освещен. Дверь отворяется, и камер-лакей впускает Шервинского.

ШЕРВИНСКИЙ. Здравствуйте, Федор.
ЛАКЕЙ. Здравия желаю, господин поручик.
ШЕРВИНСКИЙ. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?
ЛАКЕЙ. Его сиятельство князь Новожильцев.
ШЕРВИНСКИЙ. А где же он?
ЛАКЕЙ. Не могу знать. С полчаса назад вышли.
ШЕРВИНСКИЙ. Как это так? И аппараты полчаса стоят без дежурного?
ЛАКЕЙ. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.
ШЕРВИНСКИЙ. Мало ли что не звонил. А если бы позвонил. В такой момент. Черт знает что такое!
ЛАКЕЙ. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не приедете – я бы записывал.
ШЕРВИНСКИЙ. Вы? Записывать военные телефонограммы?! Да у него размягчение мозга. А, понял, понял. Он заболел?
ЛАКЕЙ. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.
ШЕРВИНСКИЙ. Вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?
ЛАКЕЙ. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской уборной. Я же им еще газету давал.
ШЕРВИНСКИЙ. Какую газету?
ЛАКЕЙ. Я же докладываю, господин поручик; во вчерашний номер они мыло завернули.
ШЕРВИНСКИЙ. Позвольте, да вот же его шашка?!
ЛАКЕЙ. Да они в штатском уехали.
ШЕРВИНСКИЙ. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? (*Шарит на столе.*) Что-нибудь приказал передать?
ЛАКЕЙ. Приказали кланяться.
ШЕРВИНСКИЙ. Вы свободны, Федор.
ЛАКЕЙ. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант.
ШЕРВИНСКИЙ. Что такое?
ЛАКЕЙ. Они изволили неприятное известие получить.

ШЕРВИНСКИЙ. Откуда, из дому?

ЛАКЕЙ. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

ШЕРВИНСКИЙ. Мне кажется, Федор, что вас не касается окраска лиц адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

ЛАКЕЙ. Прошу извинить, господин поручик. (*Уходит.*)

ШЕРВИНСКИЙ (*протяжно свистит, потом говорит в телефон на гетманском столе*). 14-23. Мерси. Это квартира князя Новожильцева? Попросите Сергея Николаевича. Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца. Постой, Сережа, да это твой голос! Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (*Пауза.*) Шервинский, Шервинский... (*Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.*) Это штаб Святошинского отряда? Попросите начштаба. Как, его нет? Помощника. Вы слушаете? (*Пауза.*) Фу ты, черт!

Садится за стол, звонит. Входит камер-лакей. Шервинский пишет записку.

Федор, сейчас же эту записку вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру, на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

ЛАКЕЙ. Слушаю. (*Уходит.*)

ШЕРВИНСКИЙ (*трогает баки, задумчиво*). Чертовщина, честное слово.

На столе звонит телефон.

Я слушаю. Да... Личный адъютант его светлости поручик Шервинский. Здравия желаю, ваше превосходительство. Как-с! (*Пауза.*) Болботун?! Как со всем штабом? Слушаю! Так-с, передам. Слушаю, ваше превосходительство. Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. (*Вешает трубку.*)

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! (*Свистит.*)

За сценой глухая команда: «Смирно!», потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

ЛАКЕЙ (*открывает обе половинки двери*). Его светлость!

Гетман входит в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова, лет сорок пять.

ГЕТМАН. Здравствуйте, поручик.

ШЕРВИНСКИЙ. Здравия желаю, ваша светлость.

ГЕТМАН. Приехали?

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь спросить – кто?

ГЕТМАН. Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

ШЕРВИНСКИЙ. Не могу знать. Никто не прибыл.

ГЕТМАН. Сводку мне за последний час. Живо!

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что

принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

ГЕТМАН. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов. Ни один человек не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

ШЕРВИНСКИЙ. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... (*В сторону.*) Как «князь» по-украински?.. Черт! (*Вслух.*) ...Новожильцев, временно исполняющий обязанности. Я думаю... Я думова́ю...

ГЕТМАН. Говорите по-русски!

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю, ваша светлость. Корнет Новожильцев отбыл домой внезапно, по-видимому захворав, до моего прибытия.

ГЕТМАН. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? Бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? (*Звонит по телефону.*) Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту. За́раз.

ШЕРВИНСКИЙ (*в сторону*). Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

ГЕТМАН. Ленту он оставил?

ШЕРВИНСКИЙ. Так точно. Но на ленте ничего нет.

ГЕТМАН. Да что ж он? Спятил. Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем. Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне. То же самое начгарнизона и всем командирам полков. Живо!

ШЕРВИНСКИЙ. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

ГЕТМАН. Какое там еще известие?

ШЕРВИНСКИЙ. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости тяжко заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

ГЕТМАН. Что? Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите. Ну...

ШЕРВИНСКИЙ. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв...

ГЕТМАН. Болботуна?.. Где?..

ШЕРВИНСКИЙ. За Слободкой, в десяти верстах.

ГЕТМАН. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы — отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне.

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю. (*По телефону.*) Третий. Зайн зи битте либенсвюрдих ден херн майор фон Дуст анс телефон цу биттен.

Стук в дверь.

Я... я...[1]

ГЕТМАН. Войдите, да.

ЛАКЕЙ. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

ГЕТМАН. Просить сюда сейчас же. (*Шервинскому.*) Отставить.

Лакей впускает фон Шратта и фон Дуста. Оба в серой форме, в гетрах. Шратт — длиннолицый, седой. Дуст — с багровым лицом. Оба в моноклях.

ШРАТТ. Вир хабен ди эре ире хохейт цу бегрюссен[2].

ГЕТМАН. Их фрейэ мих херцлих дас зи, мейне херрн, гекоммен зинд. Битте, немен зи пляц.

Немцы усаживаются.

Их хабе эбен ди нахрихт фон дэр шверен цуштанде унзерер арме бекоммен[3].

ШРАТТ. Дас хабен вир шон зайт ланге гевуст[4].

ГЕТМАН (*Шервинскому*). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

ШЕРВИНСКИЙ. По-русски разрешите, ваша светлость?

ГЕТМАН. Генерал, могу просить говорить по-русски?

ШРАТТ (*с резким акцентом*). О, с большим удовольствием.

ГЕТМАН. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт. (*Шервинский пишет.*) Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал! Дас ист я унерхерт[5].

Пауза.

Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

ШРАТТ. С зожалени, германски командование не имэит возможность такое сделайть.

ГЕТМАН. Как? Уведомьте, генерал, почему?

ШРАТТ. Физиш унмеглих. Это физически невозможно есть. Эрстенс: во-первых,— у Петлюры, по сведениям штаба, двести тысяч войск, великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уходит в Германии.

ШЕРВИНСКИЙ (*в сторону*). Мерзавцы!

ШРАТТ. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Цвейтенс: во-вторых, — вся Украина, оказывается, на стороне Петлюры...

ГЕТМАН. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю-с.

[1] Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major von Dust an den Apparat zu bitten. Ja... ja...— Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... да... (*Нем.*)

[2] Wir haben die Ehre, Euer Hohheit, zu begrüssen.— Имеем честь приветствовать вашу светлость. (*Нем.*)

[3] Ich freue mich herzlich daß Sie, meine Herren, gekommen sind. Bitte, nehmen Sie Platz. Ich habe eben die Nachricht von sehr schwerem Zustande unserer Armee bekommen.— Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь. Я только что получил известие о тяжелом положении нашей армии. (*Нем.*)

[4] Das haben wir ja schon lange gewußt.— Мы об этом знали уже давно. (*Нем.*)

[5] Das ist ja unerhört! — Это неслыханно! (*Нем.*)

ШРАТТ. Ничего не имейт протиф. Подчеркните. Итак, остановить Петлюру невозможно.

ГЕТМАН. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

ШРАТТ. Ниэт, мы командированы брать меры к спасению вас.

ГЕТМАН. Какие же меры командование предлагает?

ШРАТТ. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Тотчас вагон и в Германию.

ГЕТМАН. Простите, я ничего не понимаю... Как же так. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

ШРАТТ. Точно так.

ГЕТМАН. Без согласия со мной? (*Волнуясь.*) Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. Я не согласен. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать его своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

ШРАТТ. Правительства Англии, Франции?! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

ГЕТМАН. Это угроза, генерал?

ШРАТТ. Предупреждение, ваша светлость. У вашей светлости не имеется никаких сил в распоряжении. Положение катастрофическое...

ДУСТ (*тихо Шратту*). Мэйн генерал, вир хабен гар кейне цейт. Вир мюссен...[1]

ШРАТТ. Да, да... Ваша светлость, позвольте сообщить последнее: мы сейчас хватали сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И утром завтра она войдет...

ГЕТМАН. Я узнаю об этом последний!

ШРАТТ. Ваша светлость знает, что будет его случае взятия в плен? На вашей светлости у Петлюры есть приговор. Он весьма есть печален.

ГЕТМАН. Какой приговор?

ШРАТТ. Прошу извинения у вашей светлости. (*Пауза.*) Повесить. (*Пауза.*) Позвольте вас попросить ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

ГЕТМАН. Я еду!

ШРАТТ (*Дусту*). Будьте любезны, майор, действовать тайно и без всяки шум.

ДУСТ. О, никакой шум!

Стреляет из револьвера в потолок два раза. Шервинский растерян.

ГЕТМАН (*берясь за револьвер*). Что это значит?

ШРАТТ. О, будьте спокойны, ваша светлость. (*Скрывается в портьере правой двери.*)

За сценой гул, крик: «Караул, в ружье». Топот.

[1] Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen... — Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (*Нем.*)

ДУСТ (*открывая среднюю дверь*). Руих. Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

ГЕТМАН (*в средних дверях*). Все спокойно, прекратите тревогу.

ДУСТ (*в дверь*). Прошу пропускайт врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит германский врач с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

ШРАТТ. Ваша светлость, прошу переодеваться в германский форм, и как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно из города вывезем, чтобы не вызывать возмущения среди караула.

ГЕТМАН. Делайте, как хотите.

ДУСТ (*вынимая из ящика германскую форму*). Прошу вашу светлость. Где угодно?

ГЕТМАН. Направо, в спальню.

Он и Дуст уходят направо.

ШЕРВИНСКИЙ (*у авансцены*). Поедет Елена или не поедет? (*Решительно, Шратту.*) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

ШРАТТ. С зожалением, поручик, не только невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехайть, отправляйтесь на станцию наш штабной поезд, только имейт в виду, мест нет, там уже есть личный адъютант.

ШЕРВИНСКИЙ. Кто?

ШРАТТ. Как его... Князь Новожильцев.

ШЕРВИНСКИЙ. Новожильцев? Да когда же он успел?

ШРАТТ. Когда катастрофа, каждый станет проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

ШЕРВИНСКИЙ. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

ШРАТТ. О, нейт, гетман будет один. Никакая свита. Мы только довезем до границ. Кто желает спасать свою шею от ваших мужик, а там каждый, как желает.

ШЕРВИНСКИЙ. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

ШРАТТ. Правильно, молодой человек.

Входят гетман и Дуст. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Никогда не следует покидать своя родина.

ГЕТМАН. Все бумаги здесь сжечь, поручик.

ДУСТ. Херр доктор, зейн зи либенсвюрдих...[1] Ваша светлость, пожалюста, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

ВРАЧ. Фертиг[2].

ШРАТТ (*Дусту*). Машину!

ДУСТ. Зоглейх![3]

[1] Herr Doctor, seien Sie so liebenswürdig... — Господин доктор, будьте так любезны... (*Нем.*)
[2] Fertig. — Готово. (*Нем.*)
[3] Sogleich! — Сию минуту! (*Нем.*)

ШРАТТ. Ваша светлость, ложитесь.
ГЕТМАН. Но ведь нужно же объявить об этом народу... манифест?
ШРАТТ. Манифест? Я... пожалуй...
ГЕТМАН (*глухо*). Поручик, пишите... Бог не дал мне силы... и я...
ДУСТ. Нет времени манифест...
ШРАТТ. Из поезда телеграммой... Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на диван. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Шратт.

Все в порядке. (*Смотрит на часы-браслет.*) Один час ночи. (*Надевает кепи и плащ.*) До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы свободно можете расходиться. Снимайте погоны. (*Прислушивается.*) Слышите?
ШЕРВИНСКИЙ. Беглый огонь!..
ШРАТТ. Именно. Каламбур! Беглый! Пропуск на боковой ход имеете?
ШЕРВИНСКИЙ. Точно так.
ШРАТТ. Так до свидания. Спешите. (*Уходит.*)
ШЕРВИНСКИЙ (*подавлен*). Чистая немецкая работа. (*Внезапно оживает.*) Нуте-с, времени нету. Нету, нету, нету... (*У стола.*) О, портсигар. Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (*Закуривает, прячет портсигар в карман.*) Так-с. (*За столом.*) Бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. Свинья я или не свинья? Нет, не свинья. (*В телефон.*) 14-53. Да. Это дивизион? Командира к телефону попросите срочно. Разбудить. (*Пауза.*) Полковник Турбин? Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал. Драпу дал, говорю вам... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. (*Дает отбой.*) И совесть моя чиста и спокойна. (*Звонит.*)

Входит лакей.

Вестовой привез пакет?
ЛАКЕЙ. Так точно.
ШЕРВИНСКИЙ. Сейчас же дайте его сюда.

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Благодарю вас.
ЛАКЕЙ (*растерян*). Позвольте узнать, что с их светлостью?
ШЕРВИНСКИЙ. Что это за вопросы? Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское. Гетман изволит почивать. И вообще – молчите.
ЛАКЕЙ. Так-с.
ШЕРВИНСКИЙ. Федор, из адъютантской уборной принесите мне мое полотенце, бритву и мыло.
ЛАКЕЙ. Газету прикажете?
ШЕРВИНСКИЙ. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?
ЛАКЕЙ. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

ШЕРВИНСКИЙ. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

ЛАКЕЙ. Покорнейше благодарю.

ШЕРВИНСКИЙ. А также пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор, я адъютантом никогда не служил.

ЛАКЕЙ. Понятно.

ШЕРВИНСКИЙ. Во дворце никогда не был, вас не знаю. Вообще я оперный артист...

ЛАКЕЙ. Неужто ходу дал?

ШЕРВИНСКИЙ. Смылся.

ЛАКЕЙ. Ах, прощелыга!

ШЕРВИНСКИЙ. Неописуемый бандит!

ЛАКЕЙ. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы.

ШЕРВИНСКИЙ. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, но каково мне. Ну, дорогой Федор, как ни приятно беседовать с вами. Слышите?

Далекий пушечный гул. Звонок телефона.

Слушаю. А! Капитан! Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите. Значит, знаю, что говорю. Шервинский. Всего хорошего! До свидания! (*От двери.*) Знаете что? Берите себе весь этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. (*Исчезает.*)

Пауза. Звонок по телефону.

ЛАКЕЙ. Слушаю... Чем же я вам помогу? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Появляется пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кінної дивізіи». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника — знакомые мотивы. Внезапно за стеной свист, удары.

ТЕЛЕФОНИСТ (*в телефон*). Це я, Франько,— вновь включився в цепь. В цепь, кажу! Слухаете? Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и Кирпатый в красных хвостах на папахах вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

БОЛБОТУН. Що такое?

УРАГАН. Дезертира поймали, пан полковник.

БОЛБОТУН. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

ТЕЛЕФОНИСТ. Та це ж я! Я из штабу, Франько,— включився в цепь!

БОЛБОТУН. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты. У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украинськой респуб-

лики вид белогвардейцев та коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украинськой армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетьманськие офицеры, а там комиссары? Живых в землю зарывають! Чув? Так я ж тебе самого закопаю в могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!» Суета.

Де ж вы его взяли?..

КИРПАТЫЙ. По за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!

БОЛБОТУН. Ах ты, зараза, зараза.

Входит Галаньба, холоден, черен, с черным шлыком.

Допросить, пан сотник, дезертира...

ГАЛАНЬБА (*с холодным лицом*). Якого полку?

Молчание.

ДЕЗЕРТИР (*плача*). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету пробырався. У меня ноги поморожены зовсим.

ТЕЛЕФОНИСТ (*в телефон*). Де ж диспозиция? Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию. Вы слухаете?

ГАЛАНЬБА. Ноги поморожены? А чему ж це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (*Замахивается.*)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

ДЕЗЕРТИР. Второго сечевого.

ГАЛАНЬБА. Знаем вас – сечевиков. Вси зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

ТЕЛЕФОНИСТ. Пришлить нам ординарца для согласования. В Слободку! Так! Так! Слухаю!

Фонарем освещают дезертира.

ГАЛАНЬБА (*вынув маузер*). И вот тебе условие: ноги здоровые, – будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

БОЛБОТУН. Це правильно. Щоб другим був пример.

КИРПАТЫЙ (*со вздохом*). Поморожены... Правду казав.

ГАЛАНЬБА. Записку треба було узять. Записку. Сволочь! А не бежать из полка...

ДЕЗЕРТИР. Нема у кого. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (*Плачет.*)

ГАЛАНЬБА. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяже, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

УРАГАН (*выводя*). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь, не воротишься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду...»

ГАЛАНЬБА (*в окно*). Хлопцы, що там? Що?

ГОЛОС. Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из слободки.

ГАЛАНЬБА. Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскочить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Топот за сценой. Появляется Ураган, вводит человека с корзиной.

ЧЕЛОВЕК. Миленькие, я ж ничего. Что вы? Я ремесленник.

ГАЛАНЬБА. С чем задержали?

ЧЕЛОВЕК. Помилуйте, товарищ военный...

ГАЛАНЬБА. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

ЧЕЛОВЕК. Виноват, господин военный.

ГАЛАНЬБА. Я тебе не господин. Господа с гетманом в городе вси сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай, близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Вижу.

ГАЛАНЬБА. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здается, що вин коммунист.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

БОЛБОТУН. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

ГАЛАНЬБА. Документ!

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

ГАЛАНЬБА. С чем корзина? Куда шел?

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в слободке живем, а сапоги в город носим.

ГАЛАНЬБА. Почему ночью?

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Как раз в самый раз, к утру в городе.

БОЛБОТУН. Сапоги... Ого... го... Це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

ЧЕЛОВЕК. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

БОЛБОТУН. Из хозяйского? Це наикраще. Хозяйский товар хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

БОЛБОТУН. Мы тебе расписку дадим.

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ. Помилуйте, что же мне расписка? (*Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.*) Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо. Человек садится на землю, растерянно.

Что ж это такое делается? А впрочем, берите на снабжение ар-

мии... Пропадай все. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. (*Начинает снимать сапоги.*)

БОЛБОТУН. Ты що ж смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. (*Берется за револьвер.*)

ЧЕЛОВЕК. Что вы! Что вы! Что вы!

БОЛБОТУН. Геть отсюда!

Человек бросается к двери[1].

ТЕЛЕФОНИСТ (*по телефону*). Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник!

БОЛБОТУН (*в телефон*). Командир первой кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слухаю. Так.. так... Выезжаю за́раз. (*Галаньбе.*) Пан сотник, прикажите швидче, чтоб вси четыре полка садились на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

УРАГАН.
КИРПАТЫЙ. } Слава! Наступление!

Суета.

ГАЛАНЬБА (*в окно*). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!» Галаньба убегает.

БОЛБОТУН. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

УРАГАН. Коня командиру!

Голоса: «Перший курень рысью марш. Другой курень рысью марш...» За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая...

З а н а в е с

[1] Далее, согласно указанию М. Булгакова, следует текст, публикуемый на с. 59–61.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

НИКОЛКА (*за сценой запевает на нелепый манер солдатской песни*).
Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна!

Свист.

ЮНКЕРА (*оглушительно поют*).
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна!

Свист.
Николка поет.

СТУДЗИНСКИЙ (*на площадке лестницы*). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Первая батарея! на месте! Шагом марш!

Дивизион марширует.

СТУДЗИНСКИЙ. Ножку! Ножку!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ать! Ать! Ать! Батарея, стой!
1-й ОФИЦЕР. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

1-й ОФИЦЕР (*Мышлаевскому*). У меня, господин капитан, двадцати двух не хватает. По-видимому, дали ходу. Студентики!
2-й ОФИЦЕР. Вообще, чепуха свинячья. Ничего не разберешь.
1-й ОФИЦЕР. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Известия есть, сейчас приедет. (*Юнкерам.*) Что, озябли?
ЮНКЕР. Так точно, господин капитан, прохладно.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Отчего ж вы стоите на месте? Синий как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Furthermore Пободрей! Эй, первый взвод, в восьмой класс парты ломать, печи топить! Живо!

ЮНКЕРА (*кричат*). Братцы, вали в класс! Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

МАКСИМ (*появляется из каморки, в ужасе*). Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить. Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...
1-й ОФИЦЕР. Явление четырнадцатое...
МЫШЛАЕВСКИЙ. А чем же, старик, печи топить?
МАКСИМ. Дровами, батюшка, дровами... Только дров нет.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну, спасибо тебе за сообщение. (*Грозно.*) Катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..
МАКСИМ. Господи боже мой, угодники святители! Что же это делается. Татары, чистые татары. Много войска было... (*Уходит. Кричит за сценой: «Господа военные, что ж это вы делаете!»*)

Юнкера ломают парты, пилят их, топят печь. Поют:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Ах вы, Сашки-канашки мои!..

(Печально.) Помилуй нас, боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

ЮНКЕР. Это по нас, господин капитан, пожалуй.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вздор. Петлюра плюнул.

Песня замирает.

1-й ОФИЦЕР. Я думаю, господин капитан, что придется в пешем строю с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя?
2-й ОФИЦЕР (*мрачен*). Узнаешь, не спеши.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Наше дело маленькое, но зато верное. Прикажут, повидаем. (*Юнкерам.*) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!
ЮНКЕРА (*поют*).

И когда по белой лестнице
Вы пойдете в синий край...

ЮНКЕР (*подлетает к Студзинскому*). Командир дивизиона!
СТУДЗИНСКИЙ. Дивизион, смирно! Господа офицеры! Господа офицеры!
АЛЕКСЕЙ (*входит. Студзинскому*). Список! Скольких нету?
СТУДЗИНСКИЙ (*тихо*). Двадцати двух человек.
АЛЕКСЕЙ. Позвольте-ка мне его сюда.
СТУДЗИНСКИЙ. Слушаю. (*Подает список.*)
АЛЕКСЕЙ (*рвет список*). Наша застава на Демиевке?
СТУДЗИНСКИЙ. Так точно!
АЛЕКСЕЙ. Вернуть ее сейчас же сюда!
СТУДЗИНСКИЙ (*юнкеру*). Вернуть заставу!
ЮНКЕР. Слушаю. (*Убегает.*)
АЛЕКСЕЙ. Приказываю дивизиону внимательно слушать то, что я ему объявляю. (*Тишина.*) За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю. (*Мертвая тишина.*) Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, снять с себя погоны, все знаки отличия и не-

медленно же бежать и скрыться по домам. (*Пауза.*) Я кончил. Исполнять приказание!

СТУДЗИНСКИЙ. Господин полковник, Алексей Васильевич!

АЛЕКСЕЙ. Молчать, не рассуждать!

3-й ОФИЦЕР. Что такое? Это измена!

Шевеление, гул.

Его надо арестовать!

Шум.

ЮНКЕРА. Арестовать!..
— Мы ничего не понимаем!..
— Как арестовать?.. Что ты, взбесился?!
— Петлюра ворвался!..
— Вот так штука! Я так и знал!..
— Тише!..

1-й ОФИЦЕР. Что это значит, господин полковник?

3-й ОФИЦЕР. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

НИКОЛКА. Что вы, господа, что вы делаете?

2-й ОФИЦЕР. Арестовать его! Он передался Петлюре!

3-й ОФИЦЕР. Господин полковник, вы арестованы!

МЫШЛАЕВСКИЙ (*удерживая 3-го офицера*). Постойте, поручик!

3-й ОФИЦЕР. Пустите меня, господин капитан! Руки прочь! Юнкера, взять его!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Юнкера, назад!

СТУДЗИНСКИЙ. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

НИКОЛКА. Назад!

СТУДЗИНСКИЙ. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

1-й ОФИЦЕР. Господа, что это?

2-й ОФИЦЕР. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

3-й ОФИЦЕР. Не слушать старших офицеров!

ЮНКЕР. В дивизионе бунт!

1-й ОФИЦЕР. Что вы делаете?

СТУДЗИНСКИЙ. Молчать! Смирно!

3-й ОФИЦЕР. Взять его!

АЛЕКСЕЙ. Молчать! Я буду еще говорить!

ЮНКЕРА. Не о чем разговаривать!
— Не хотим слушать!
— Не хотим слушать!
— Равняйтесь по командиру второй батареи!

НИКОЛКА. Дайте ему сказать!

3-й ОФИЦЕР. Тише, юнкера, дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Уберите своих юнкеров назад сию секунду!

1-й ОФИЦЕР. Смирно! На месте!

ЮНКЕРА. Смирно! Смирно! Смирно!

АЛЕКСЕЙ. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал господь бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно (*3-му офицеру*) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогад-

ливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне. (*Молчание.*) Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

3-й ОФИЦЕР. Гетмана обещали защищать.

АЛЕКСЕЙ. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман бросил на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время, как поручик собирается защищать его, его давно уже нет.

ЮНКЕРА. В Берлин!

— О чем он говорит?!

— Не хотим слушать!

Гул. В окнах рассвет.

АЛЕКСЕЙ. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья, его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому. Ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

ЮНКЕРА. Быть не может!

— Быть не может этого!

— Это ложь!

АЛЕКСЕЙ. Кто крикнул ложь? Кто крикнул ложь? Я только что из штаба. Я проверил все эти сведения. Я отвечаю за каждое мое слово! Итак... Вот мы, нас двести человек. А там — Петлюра. Да что я говорю — не там, а здесь. Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас на месте мы, четыре пехотных дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня страшно испугал. Мальчишка!

3-й ОФИЦЕР. Господин полковник.

АЛЕКСЕЙ. Молчать! Ну так вот-с. Если при таких условиях вы все вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. Одним словом, идти в бой,— я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую и тем более что за этот балаган заплатите своею кровью и совершенно бессмысленно — вы.

НИКОЛКА. Штабная сволочь!

Гул и рев.

ЮНКЕРА. Что же нам делать теперь?

— В гроб ложиться!

— Позор!..

— Поди ты к черту! Что ты, на митинге?

— Стоять смирно!

— В капкан загнали.

ЮНКЕР (*вбегает с плачем*). Кричали вперед, вперед, а теперь — назад. Найду гетмана — убью!

1-й ОФИЦЕР. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если то, что говорит полковник, верно, равняться на меня! На Дон! На Дон! Достанем эшелоны и к Деникину!

ЮНКЕРА. На Дон!.. К Деникину!

— Легкое дело, что ты несешь!

— На Дон!

— На Дон!

СТУДЗИНСКИЙ. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить. Вывезем дивизион на Дон!

АЛЕКСЕЙ. Капитан Студзинский! Не сметь! Я командую дивизионом! Молчать! На Дон! Слушайте вы, там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите таких же генералов и ту же штабную ораву.

НИКОЛКА. Такую же штабную сволочь!

АЛЕКСЕЙ. Совершенно верно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои!.. Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер, Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетели капитаны Студзинский и Мышлаевский, на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю и, любя вас, посылаю домой.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывайте погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*кричит*). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

АЛЕКСЕЙ. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пулемет!

СТУДЗИНСКИЙ. Юнкера, домой!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются.

Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями. Наступает тьма. Все исчезает.
Долгая пауза.

АЛЕКСЕЙ (*сидит и рвет бумаги*). Ты кто такой?

МАКСИМ. Я сторож здешний.

АЛЕКСЕЙ. Пошел вон отсюда, убьют тебя здесь.

МАКСИМ. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Ведь что ж это делать мне теперь? Ведь это чистый погром! Много войска бывало, а такого — извините...

АЛЕКСЕЙ. Старик, уйди ты от меня.

МАКСИМ. Меня теперь хоть саблей рубите, а уйти я не могу. Мне сказано господином директором...

АЛЕКСЕЙ. Ну что тебе сказано господином директором?

МАКСИМ. Максим, ты один останешься... Максим, гляди.

АЛЕКСЕЙ. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди ты куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

МАКСИМ. А кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие — за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать... Царица небесная...

АЛЕКСЕЙ. Куда списки девались? (*Разбивает шкаф ногой.*)

МАКСИМ. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы ножкой. (*Отходит, крестится.*)

Пушечный удар.

АЛЕКСЕЙ. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну! Попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

Мышлаевский появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

МАКСИМ. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

МАКСИМ. Татары, прямо татары. (*Исчезает.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ (*издали*). Алеша. Зажег я цейхгауз. Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей.

АЛЕКСЕЙ. Ты, бога ради, не задерживайся.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено и ходу. Ты-то чего сидишь?

АЛЕКСЕЙ. Пока застава не прибежит, не могу!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Алеша, надо ли? А?

АЛЕКСЕЙ. Ну что ты говоришь, капитан!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я тогда с тобой останусь.

АЛЕКСЕЙ. На что ты мне нужен, Виктор. Приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

АЛЕКСЕЙ. Николка, погляди, ушел ли? Гони его в шею, ради бога!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ладно! Алеша, смотри, не рискуй!

АЛЕКСЕЙ. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно и весьма, весьма серьезно... И когда по белой лестнице... Вот застава засыпется... Ах ты, боже мой!

НИКОЛКА (*появляется наверху, крадется*). Алеша!

АЛЕКСЕЙ. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли? Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

НИКОЛКА. Я без тебя, полковник, не пойду.

АЛЕКСЕЙ. Что? (*Вынул револьвер.*)

НИКОЛКА. Стреляй, стреляй в родного брата.

АЛЕКСЕЙ. Болван!

НИКОЛКА. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь. Знаю. Ты, командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

АЛЕКСЕЙ. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

НИКОЛКА. Все уже ушли!

АЛЕКСЕЙ. Ну, ладно же! Я с тобой дома поговорю.

Шум и топот.
Застава пробегает.

ЮНКЕРА. Конница Петлюры в Киев прорвалась! Конница за нами следом! Ходу!

АЛЕКСЕЙ. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! (*Бросается к окну наверху.*) Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Стекла лопнули. Алексей падает.

НИКОЛКА. Господин полковник! Алешка, Алешка, что ты наделал?!
АЛЕКСЕЙ. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! (*Смолкает.*)
НИКОЛКА. Господин полковник, этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

УРАГАН. Тю! Бачь, бачь! Тримай его, хлопцы, тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

ГАЛАНЬБА (*вбегая*). Живьем! Живьем возьмить его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

КИРПАТЫЙ. Ишь, волчонок! Ах, сукино отродье!
УРАГАН. Не уйдешь! Не уйдешь!

Гайдамаки появляются.

НИКОЛКА. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! (*Бросается с перил и исчезает.*)
КИРПАТЫЙ. Ах, сукин сын, циркач! (*Стреляет.*)
ГАЛАНЬБА. Что ж вы выпустили его, хлопцы! Эх!

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним гайдамаки со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице и оглушительный марш.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

ЛАРИОСИК. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мною как хотите. Я оденусь и пойду их искать.
ЕЛЕНА. Ах, нет, нет. Что вы, Лариосик?! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать, где они?
ЛАРИОСИК. Да... Боже мой, как ужасна гражданская война!
ЕЛЕНА. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду, посмотрю, что делается на улице.
ЛАРИОСИК. Елена Васильевна! Я вас не пущу. Что вы! Что вы! Да я... я вас не пущу... Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не пускать вас на улицу, и я дал ему слово.
ЕЛЕНА. Я близко...
ЛАРИОСИК. Елена Васильевна!
ЕЛЕНА. Хотя бы узнать, в чем дело...
ЛАРИОСИК. Я иду...
ЕЛЕНА. Оставьте это... Будем ждать...
ЛАРИОСИК. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переждет в Берлине в безопасности всю эту ужасную кутерьму и вернется.
ЕЛЕНА. Мой супруг? Мой супруг... имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

ЛАРИОСИК. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя... Может быть, вам чаю подогреть. Я бы поставил самоварчик...
ЕЛЕНА. Нет, не надо... Не хочется...

Стук.

ЛАРИОСИК. Ага! Вот кто-то!.. Постойте, постойте, не открывайте, Елена Васильевна, сразу. Кто там?
ШЕРВИНСКИЙ. Это я! Я... Шервинский...
ЕЛЕНА. Слава богу! (*Открывает.*) Что это значит? Катастрофа.
ШЕРВИНСКИЙ. Петлюра город взял!
ЛАРИОСИК. Взял? Боже, какой ужас!
ЕЛЕНА. Где же наши? Погибли? Как взял?
ШЕРВИНСКИЙ. Не волнуйтесь, Лена... Елена Васильевна. Что вы! Все в полном порядке!
ЕЛЕНА. Как в порядке?
ШЕРВИНСКИЙ. Не волнуйтесь, Елена Васильевна. Они сейчас вернутся...
ЕЛЕНА. Где же они? В бою?
ШЕРВИНСКИЙ. Успокойтесь, Елена Васильевна. Они не успели выйти из гимназии. Я предупредил.
ЕЛЕНА. А гетман? Войска?
ШЕРВИНСКИЙ. Гетман сегодня ночью бежал.
ЕЛЕНА. Бежал? Бросил армию?
ШЕРВИНСКИЙ. Точно так. И князь Белоруков. (*Снимает пальто.*)
ЕЛЕНА. Подлецы!
ШЕРВИНСКИЙ. Неописуемые прохвосты!
ЛАРИОСИК. А почему свет не горит?
ШЕРВИНСКИЙ. Обстреляли станцию.
ЛАРИОСИК. Ай-ай-ай...
ШЕРВИНСКИЙ. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Теперь офицеров будут искать.
ЕЛЕНА. Ну конечно!
ШЕРВИНСКИЙ. Я счастлив, что вы живы и здоровы.
ЕЛЕНА. Что ж вы теперь будете делать?
ШЕРВИНСКИЙ. Я в оперу поступаю.

Стук.

Спросите, кто там...
ЛАРИОСИК. Кто там?
МЫШЛАЕВСКИЙ (*за сценой*). Свои, свои...

[Лариосик открывает. Входят Мышлаевский и Студзинский.]

ЕЛЕНА. Слава тебе, господи. А где же Алеша и Николай?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Спокойно, спокойно, Лена, сейчас придут. Не бойся ничего. Улицы еще свободны. А уж он тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...
ЕЛЕНА. Спасибо, все. Ну, немцы, немцы!
СТУДЗИНСКИЙ. Ничего, ничего, когда-нибудь вспомним мы все. Ничего...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Здравствуй, Ларион!
ЛАРИОСИК. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия. Ай-ай-ай!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да уж, происшествия первого сорта...
ЕЛЕНА. Господи, на кого вы похожи. Идите к огню, я вам сейчас самовар поставлю.

ШЕРВИНСКИЙ (*от камина*). Помочь вам, Лена?

ЕЛЕНА. Не надо. Сидите. (*Убегает.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чему ж це вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части...» И прослезился. За ноги вашу мамашу!

ШЕРВИНСКИЙ. Что означает этот балаганный тон?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора, и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость в настоящее время?

ШЕРВИНСКИЙ. Зачем тебе?

МЫШЛАЕВСКИЙ. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

ШЕРВИНСКИЙ. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Мерзавцы!

ШЕРВИНСКИЙ. Что-о?

ЛАРИОСИК. Зачем же ссориться?

СТУДЗИНСКИЙ. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор. Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку. Поручик, успокойтесь.

ШЕРВИНСКИЙ. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо...

ЛАРИОСИК. Господи! Зачем же...

ШЕРВИНСКИЙ. И главное – хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос – сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

СТУДЗИНСКИЙ. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

ЕЛЕНА (*входит*). Что это такое? В чем дело?

СТУДЗИНСКИЙ. Не извольте беспокоиться, Елена Васильевна. Все будет спокойно. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Извинись, ты не имеешь никакого права.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

ШЕРВИНСКИЙ. Довольно странно...

СТУДЗИНСКИЙ. Бросьте, совсем не до этого. (*Садится к огню.*)

Пауза.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Где Алеша с Николаем, в самом деле?

СТУДЗИНСКИЙ. Я сам беспокоюсь, чего он там застрял?! Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Обязательно. (*Пауза.*) Что ж, он, стало быть, при тебе ходу дал?

ШЕРВИНСКИЙ. При мне: я был до последней минуты.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Замечательное зрелище, клянусь богом. Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что ж ты не пришиб его, как собаку.

ШЕРВИНСКИЙ. Спасибо. Ты бы пошел и сам его пришиб!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж тебе, по крайней мере, сказали на прощанье?
ШЕРВИНСКИЙ. Что ж сказал? Обнял, поблагодарил за верную службу...
МЫШЛАЕВСКИЙ. И прослезился?
ШЕРВИНСКИЙ. Да, прослезился...
ЛАРИОСИК. Прослезился. Скажите, пожалуйста!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Уж не подарил ли чего-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой?
ШЕРВИНСКИЙ. Да, подарил портсигар.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...
ШЕРВИНСКИЙ. Что ты хочешь этим сказать?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Не хочется мне затруднять... Ну, а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

СТУДЗИНСКИЙ. Ах, черт возьми!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Убил! Действительно, монограмма.
ШЕРВИНСКИЙ. Капитан Мышлаевский, что нужно сказать?

В окно передней бросили снегом.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.
ЛАРИОСИК. Я в жизни не видал такой красоты! Ого! Целый фунт, вероятно, весит?
ШЕРВИНСКИЙ. Восемьдесят четыре золотника.

В окно бросили снегом.

Постойте, господа!

Встают.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?.. И где Алеша?.. (*Вынимает револьвер.*)
СТУДЗИНСКИЙ. Черт возьми!.. А тут это барахло! (*Схватывает амуницию, бросает под диван.*)
ШЕРВИНСКИЙ. Господа, вы поосторожнее с револьверами. Лучше выбросить. (*Прячет портсигар за портьеру.*)

Все идут к окну, осторожно заглядывают.

СТУДЗИНСКИЙ. Ах, я себе простить не могу!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что за дьявольщина!
ЛАРИОСИК. Ах, боже мой! (*Кинулся известить Елену.*) Елена...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. (*Зажал ему рот.*)

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Тихонько, тихонько... Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой!.. Алеша-то где же? Убить меня мало. Кладите, кладите... прямо на пол... Снегом... Снегом...
СТУДЗИНСКИЙ. Лучше на диван. Ищи рану, рану ищи...
ШЕРВИНСКИЙ. Голова разбита!..
СТУДЗИНСКИЙ. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

ШЕРВИНСКИЙ. Давайте перенесем его... туда... нельзя же на полу, в самом деле...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Невозможно. Застонет,— Ленку напугаем. Кладите на диван!
СТУДЗИНСКИЙ. Режь сапог!.. Режь сапог!..
МЫШЛАЕВСКИЙ. У Алешки бинты в кабинете... Волоките скорее сюда!

Шервинский и Лариосик убегают.

Йод, йод захватите! Господи боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алеша?

Шервинский и Лариосик прибегают с йодом и бинтами.

СТУДЗИНСКИЙ. Бинтуй, бинтуй голову... Осторожно!..
ЛАРИОСИК. Он умирает?
НИКОЛКА (*приходя в себя*). О!..
МЫШЛАЕВСКИЙ. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алеша?
СТУДЗИНСКИЙ. Где Алексей Васильевич?
НИКОЛКА. Господа...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что?

Елена входит стремительно.

Леночка, ты не волнуйся. Упал и головой ударился. Страшного ничего нет.

ЕЛЕНА. Да его ранили. Что ты говоришь?
НИКОЛКА. Нет, Леночка, нет...
ЕЛЕНА. А где Алексей? Где Алексей? (*Настойчиво.*) Ты же с ним был. Отвечай одно слово — где Алексей?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что же делать теперь?
СТУДЗИНСКИЙ (*Мышлаевскому*). Этого не может быть. Не может...
ЕЛЕНА. Ты что же молчишь?
НИКОЛКА. Леночка... Сейчас...
ЕЛЕНА. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак Николке: «Молчи».

СТУДЗИНСКИЙ. Елена Васильевна...
ШЕРВИНСКИЙ. Лена, что вы...
ЕЛЕНА. Ну, все понятно! Убили Алексея!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты, что ты, Лена! Успокойся, что ты? С чего ты взяла?!
ЕЛЕНА. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо. Я ведь чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится.
СТУДЗИНСКИЙ (*Николке*). Говорите, что с ним?!
ШЕРВИНСКИЙ. Лена, перестаньте... Дайте воды...
ЕЛЕНА. Ларион! Алешу убили! Ларион! Алешу убили! Позавчера вы с ним за столом сидели — помните? А его убили.
ЛАРИОСИК. Елена Васильевна, миленькая...
ШЕРВИНСКИЙ. Лена, Лена!..
ЕЛЕНА. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все пришли, а командира убили?!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, пожалей нас, что ты говоришь. Мы все исполняли его приказание. Все. Пойми, он приказал провожать юнкеров.
СТУДЗИНСКИЙ. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват! Нельзя

было его оставить! Ладно! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! (*Хочет уйти.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

СТУДЗИНСКИЙ. Убери руки!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну нет! Что ж, я один останусь? Я один! Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последний, предупреждал и все исполнил. Лена!

СТУДЗИНСКИЙ. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Отдай револьвер! Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (*Держит Студзинского.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

ЕЛЕНА. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

СТУДЗИНСКИЙ (*истерически*). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

ЕЛЕНА. Никто! Никто! Я обезумела!

|Студзинский| бросает револьвер.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Говори начистоту...

НИКОЛКА. Убили командира...

Елена падает в обморок.

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Через два месяца. Крещенский сочельник 19-го года. Квартира освещена. Елена и Лариосик убирают елку.

ЛАРИОСИК (*на лесенке*). Я полагаю, что эта звезда... (*Таинственно прислушался.*) Нет, это мне послышалось... Глубокоуважаемая и дорогая Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они взяли город.

ЕЛЕНА. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

ЛАРИОСИК. Верный признак – стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, мне страшно надоела стрельба за эти два месяца. Я не люблю.

ЕЛЕНА. Я разделяю ваш вкус. (*Прислушалась.*) Да нет...

ЛАРИОСИК. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна. Ах, господи, я свечи уронил...

ЕЛЕНА. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете. Ничего, ничего, там еще есть одна коробка.

ЛАРИОСИК. Вот – елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива. Дорогая Елена Васильевна, если б вы знали... Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... (*Пауза.*) Впрочем, здесь мне лучше, чем в детстве. Мне не хочется никуда уходить. Так бы и сидел весь век под елкой у ваших ног, и никуда бы меня не сдвинули.

ЕЛЕНА. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

ЛАРИОСИК. Нет, уж какой я поэт! Куда там к черту!.. Ах, извините, Елена Васильевна.

ЕЛЕНА. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способны.

ЛАРИОСИК. Вы искренно говорите?

ЕЛЕНА. Совершенно искренно.

ЛАРИОСИК. Ну, хорошо, хорошо, я прочитаю. Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать эти стихи.

ЕЛЕНА. Почему?

ЛАРИОСИК. Нет, зачем же.

ЕЛЕНА. А кому посвящается?

ЛАРИОСИК. Одной женщине.

ЕЛЕНА. Секрет?

ЛАРИОСИК. Секрет... Вам.

ЕЛЕНА. Спасибо вам, милый.

ЛАРИОСИК. Что мне спасибо... Эх... из спасиба шинели не сошьешь... Ох, извините, это я от Мышлаевского заразился. Все такие выражения повторяются...

ЕЛЕНА. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

ЛАРИОСИК. Нет. Я в вас влюблен.

ЕЛЕНА. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

ЛАРИОСИК. Знаете что, выйдите за меня замуж.

ЕЛЕНА. Вы трогательный, Ларион, только это невозможно.

ЛАРИОСИК. Он не приедет... А как же вы будете одна? Одна! Какое страшное слово. Без поддержки, без участия. Хотя, конечно, я поддержка довольно парши... слабая. Но я вас буду очень любить всю жизнь. Вы – мой идеал. Он не приедет. Теперь в особенности, когда наступают большевики, он не вернется.

ЕЛЕНА. Я знаю, он не вернется. Но не в этом дело. Если б он даже и вернулся, моя жизнь с ним окончена.

ЛАРИОСИК. Его отрезали... А у меня сердце обливалось кровью, когда я видел, что вы остались одна. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-богу.

ЕЛЕНА. Разве уж я такая плохая была?

ЛАРИОСИК. Ужас! Кошмар! Лицо желтое-прежелтое!

ЕЛЕНА. Что вы выдумываете, Ларион!

ЛАРИОСИК. Но теперь вы лучше, гораздо лучше... румяная-прерумяная...

ЕЛЕНА. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую, в лоб...

ЛАРИОСИК. В лоб? Эх, в лоб так в лоб! Черная моя звезда! Конечно, разве можно полюбить меня?

ЕЛЕНА. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

ЛАРИОСИК. Что? У кого? У вас? Не может быть!

ЕЛЕНА. Позвольте, разве уж я не гожусь.

ЛАРИОСИК. Что вы! Нет! Не вы! Кто он? Кто он? Я его знаю?

ЕЛЕНА. И очень хорошо.

ЛАРИОСИК. Стойте, стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля... А я-то думал, что это сон. Проклятый счастливец!

ЕЛЕНА. Лариосик, это нескромно!

ЛАРИОСИК. Я ухожу, я ухожу.

ЕЛЕНА. Куда, куда?

ЛАРИОСИК. За водкой к армянину. И напьюсь до бесчувствия.

ЕЛЕНА. Так я вам и позволила. Ларион, я буду вам другом.

ЛАРИОСИК. Читал, читал в романах... Как «буду другом», так значит кончено, крышка, конец! (*Надевает пальто.*)

ЕЛЕНА. Лариосик, возвращайтесь скорее.

Лариосик сталкивается в передней с входящим Шервинским. Тот в мерзком пальто, в шапке, в синих очках.

ЛАРИОСИК. Кто это?

ШЕРВИНСКИЙ. Здравствуйте.

ЛАРИОСИК. Ах, здравствуйте, здравствуйте. (*Исчезает.*)

ЕЛЕНА. Бог мой, на кого вы похожи!

ШЕРВИНСКИЙ. Ну спасибо, Елена Васильевна, я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уж какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют. И один говорит: «Ишь, украинский барин! Ну, подожди до завтра, завтра мы вас с извозчиков поснимаем!» Мерси. У меня глаз опытный. Я как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас, Петлюре крышка! Сегодня ночью красные будут. Стало быть, начинается советская республика и тому подобное...

ЕЛЕНА. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

ШЕРВИНСКИЙ. Я сочувствующий, а пальтишко это я у дворника напрокат взял. Беспартийное пальтишко.

ЕЛЕНА. Сию минуту извольте снять эту гадость.

ШЕРВИНСКИЙ. Слушаю-с! (*Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в ослепительном фрачном костюме.*) Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

ЕЛЕНА. Поздравляю вас.

ШЕРВИНСКИЙ. Ах, Лена... Как Николка?

ЕЛЕНА. Сегодня начал подниматься. Сейчас, вероятно, отдыхает.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, Лена...

ЕЛЕНА. Пустите... Постойте, зачем же баки вы сбрили?

ШЕРВИНСКИЙ. Гримироваться удобнее.

ЕЛЕНА. Большевиком вам так удобнее гримироваться. Не бойтесь, никто вас не тронет. У, хитрое, малодушное созданье!

ШЕРВИНСКИЙ. Еще бы тронули человека, у которого в голосе две полные октавы да еще две ноты вверху!.. Лена, пока никого нет, я приехал объясниться.

ЕЛЕНА. Объяснитесь.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, вот все кончилось... Николка выздоровел, Петлюру выгоняют, я дебютировал,— вообще, начинается новая жизнь. Все хорошо. Томиться так больше невозможно. Он не приедет, его отрезали. Разводись с ним и выходи за меня. Лена, я не плохой, ей-богу, я не плохой. А то ведь это мученье. Ты одна скучаешь.

ЕЛЕНА. Ты исправишься?

ШЕРВИНСКИЙ. А от чего, мне, Леночка, исправляться?

ЕЛЕНА. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь и прежде всего перестанете лгать. Срам! Государя императора в портьере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная – меццо-сопрано, а оказывается, она просто продавщица в кофейне Сомадени...

ШЕРВИНСКИЙ. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

ЕЛЕНА. У нее, кажется, был ангажемент.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, клянусь памятью покойной мамы, а также и папы, у нас ничего не было. Я ведь сирота.

ЕЛЕНА. Мне все равно. Мне не интересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз рассказал правду про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять.

ШЕРВИНСКИЙ. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его подобрал.

ЕЛЕНА. Стащил со стола? Боже мой, этого еще недоставало! Дайте его сюда!

ШЕРВИНСКИЙ. Леночка, но папиросы в нем – мои.

ЕЛЕНА. Молчи. Счастлив ваш бог, что вы догадались об этом сами сказать. А вот если бы я узнала!..

ШЕРВИНСКИЙ. А как бы вы узнали?

ЕЛЕНА. Дикарь!

ШЕРВИНСКИЙ. Вовсе нет. Леночка, я, знаете ли, очень изменился за эти два месяца. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала, смерть Алеши тоже, да... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша. Я ведь – ого-го... Се-

годня на дебюте спел, а режиссер мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Обнял меня и...

ЕЛЕНА. И что?

ШЕРВИНСКИЙ. И ничего... Пошел по коридору.

ЕЛЕНА. Неисправим!

ШЕРВИНСКИЙ. Леночка!

ЕЛЕНА. Что ж будем делать с Тальбергом?

ШЕРВИНСКИЙ. Развод, развод. Ты его адрес знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено, кончено.

ЕЛЕНА. Ну, хорошо! Тоскливо мне и скучно. И одиноко. Хорошо, согласна.

ШЕРВИНСКИЙ. Ты победил, Галилеянин! Лена! (*Указывает на портрет Тальберга.*) Я требую выбросить его в срочном порядке. Он — оскорбление для меня. И я его видеть не могу.

ЕЛЕНА. Ого, какой тон!

ШЕРВИНСКИЙ (*ласково*). Я его, Леночка, видеть не могу. (*Рвет портрет из рамки, бросает за диван.*) Крыса! И совесть моя чиста и спокойна. Лена, поиграй мне. Идем к тебе. А то ведь два месяца мы словом не перемолвились. Все на людях да на людях.

ЕЛЕНА. Да ведь придут сейчас. Ну идем.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет эпиталаму из «Нерона».

НИКОЛКА (*входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб*). Елена! Елена! Ты слышишь?.. А! Репетируют! (*Видит пустую раму портрета.*) А, вышибли. Понимаю. Я давно догадывался. Ну, репетируйте. (*Ложится на диван.*)

ЛАРИОСИК (*появляется в передней*). Николаша! Что ж ты сам? Позволь, позволь, я тебе сейчас подушку принесу. (*Приносит подушку Николке.*)

НИКОЛКА. Не беспокойся, Ларион. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

ЛАРИОСИК. Ну что ты, Николаша, как тебе не совестно! Что ты! Что ты!

НИКОЛКА. Их еще нету?

ЛАРИОСИК. Будут скоро. Обозы сейчас, понимаешь ли, по улицам едут. И на них эти, с красными хвостами. Видно, здорово их поколотили большевики.

НИКОЛКА. Так им и надо!

ЛАРИОСИК. Тем не менее, несмотря на всю эту кутерьму, водочку достал! Единственный раз в жизни мне свезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Звезды блещут, пушки не стреляют... Ну, думаю, небо ясно, все обстоит в природе благополучно, но стоит мне показаться на тротуаре, как обязательно пойдет снег. И действительно, вышел, мокрый снег лепит в самое лицо. Погода точь-в-точь такая, как в тот вечер, когда я приехал к вам, Николаша. Вот она, водочка! Принес! Пусть видит Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но водку удержал в руках.

Шервинский за сценой: «Ты любовь благословляешь...»

НИКОЛКА. Смотри, видишь, нету портрета. Потрясающая новость. Елена расходится с мужем. И сердце мое чувствует, что она за Шервинского выйдет.

ЛАРИОСИК (*разбил бутылку*). Уже?
НИКОЛКА. Э, Лариосик! Э-э!..
ЛАРИОСИК. Как, уже?
НИКОЛКА. Что ты, Ларион, что ты? А, тоже врезался?
ЛАРИОСИК. Никол, когда речь идет об Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Она золотая!
НИКОЛКА. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье! Оттого всем и нравится, что рыжая. Все ухаживают. Кто ни увидит, сейчас же букеты начинает таскать. Так что у нас в квартире букеты все время, как веники, стояли. А Тальберг злился. Собирай, Лариосик, осколки поскорее. А то сейчас Мышлаевский придет, он тебя убьет.
ЛАРИОСИК. Ты ему не говори. (*Собирает осколки.*)

Звонок. Лариосик впускает Мышлаевского и Студзинского, оба в штатском.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Здравствуй, Ларион! Здорово, братцы, Петлюра город оставляет!
СТУДЗИНСКИЙ. Красные в Слободке. Через полчаса будут здесь.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Ей-богу, водкой! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме!!. Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты бьешь все?! Это в полном смысле слова — золотые руки! К чему ни притронется — бац — осколки! Ну, если уж у тебя такой зуд,— бей сервизы!

За сценой все время рояль.

ЛАРИОСИК. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя уже не сержусь.
НИКОЛКА. А почему стрельбы нет?
СТУДЗИНСКИЙ. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!
ЛАРИОСИК. И главное — удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра осточертел!
НИКОЛКА. Интересно, как большевики выглядят.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Увидишь, увидишь.
ЛАРИОСИК. Капитан, ваше мнение?
СТУДЗИНСКИЙ. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с ними? Не представляю.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Куда за Петлюрой?
СТУДЗИНСКИЙ. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.
МЫШЛАЕВСКИЙ. А потом куда?
СТУДЗИНСКИЙ. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Так, опять, стало быть, к генералам под команду. Очень остроумный план. Жаль, жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.
СТУДЗИНСКИЙ. Не терзай мою душу, не вспоминай.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет, позвольте, его нет, так я говорю... Опять в армию, опять биться?.. «и прослезился»?.. Спасибо, я уже сме-

ялся. В особенности когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

ЛАРИОСИК. Николашка, Николашка, что ты, погоди!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество! А когда это отечество бросило меня на позор? И я опять иди к этим светлостям! Ну нет — видали? (*Показывает шиш.*) Шиш!

СТУДЗИНСКИЙ. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле. Нет. Я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею.
Я кончил.

НИКОЛКА. Капитан Мышлаевский большевиком стал.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, ежели угодно, я за большевиков, только против коммунистов.

ЛАРИОСИК. Позволь тебе сказать, что это одно и то же. Большевизм и коммунизм.

МЫШЛАЕВСКИЙ (*передразнивая*). Большевизм и коммунизм. Ну тогда и за коммунистов...

СТУДЗИНСКИЙ. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики. Россия — кончена. Вот, помнишь, командир говорил и был прав командир: вот они, большевики!..

МЫШЛАЕВСКИЙ. Большевики... великолепно, очень рад!

СТУДЗИНСКИЙ. Да ведь они тебя мобилизуют.

МЫШЛАЕВСКИЙ. И пойду, и буду служить.

СТУДЗИНСКИЙ.
НИКОЛКА. } Почему?!

МЫШЛАЕВСКИЙ. А вот почему. Потому. Потому что у Петлюры, вы говорите,— сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом смазали и дуют при одном слове «большевик». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить, рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли?.. Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине. Слуга покорный. Мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере, я знаю, что буду служить в русской армии.

СТУДЗИНСКИЙ. Они Россию прикончили. Да они нас все равно расстреляют.

МЫШЛАЕВСКИЙ. И отлично. Заберут в Чеку, по матери обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам.

СТУДЗИНСКИЙ. Я с ними буду биться.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пожалуйста. Надевай шинель! Валяй, дуй! Шпарь к большевикам, кричи им — не пущу! Николку с лестницы уже сбросили. Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут! И правильно — не лезь! Теперь пошли дела богоносные.

ЛАРИОСИК. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ты на войне был?

ЛАРИОСИК. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И кроме того, я — единственный сын при моей маме.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно, товарищ белобилетник.

СТУДЗИНСКИЙ. Была у нас Россия – великая держава.

МЫШЛАЕВСКИЙ. И будет, будет.

СТУДЗИНСКИЙ. Да, будет – ждите!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Прежней не будет, новая будет. А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону, а что расхлопают, я вам предсказываю, и когда ваш Деникин даст деру за границу... а я вам это тоже предсказываю, тогда куда?

СТУДЗИНСКИЙ. Тоже за границу.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Нужны вы там, как пушке третье колесо, куда ни приедете, в харю наплюют. Я не поеду, буду здесь, в России. И будь с ней что будет... Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

СТУДЗИНСКИЙ. Я вижу, что я одинок.

ШЕРВИНСКИЙ (*вбегает*). Позвольте, господа, не закрывайте собрание. Вот что: Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба, и выходит...

Входит Елена.

ЛАРИОСИК. Ах!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд, Лена, ясная, позволь я тебя обниму и поцелую.

СТУДЗИНСКИЙ. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион, поздравь,— неудобно!

ЛАРИОСИК. Поздравляю вас и желаю вам счастья.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, ясная... Ну, а ты молодец! Ведь такая женщина. По-английски говорит, на фортепьяно играет. И в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

ЕЛЕНА. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. Я, по преимуществу, человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и без детей, как в казарме... Ларион, наливай!

ШЕРВИНСКИЙ. Погодите, господа. Не пейте это вино! Я вам шампанского налью. Вы знаете, какое это винцо? Ого-го-го!.. (*Взглянул на Елену, смутился.*) Обыкновенное Абрау-Дюрсо. Три с полтиной бутылка... среднее винишко...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Леночкина работа. Лена, рыжая, ты умница! Женись, Шервинский, ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг, в штатском пальто, в снегу, с чемоданом.

ТАЛЬБЕРГ. Дверь почему-то не заперта.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Это номер!

ТАЛЬБЕРГ. Здравствуй, Лена. Виноват, кажется, мое появление удивляет почтенное общество? Здравствуй, Лена! Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

ШЕРВИНСКИЙ. А вот что...

ЕЛЕНА. Погоди, Леонид. Вот что: господа, прошу вас, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, я не хочу.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Постой, постой, все уладится. Соблюдай спокойствие. Ты слушайся ее. Нам выкатываться, Леночка?
ЕЛЕНА. Да.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Я знаю, ты умница. В случае чего, кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону.
ШЕРВИНСКИЙ. Я тебя прошу...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Я за все отвечаю. Прошу, господа.
ШЕРВИНСКИЙ. Постой!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Я тебя прошу.

Все уходят, и дверь закрывается.

ТАЛЬБЕРГ. Что все это значит, прошу объяснить. Что за шутки! Где Алексей?
ЕЛЕНА. Алексея убили.
ТАЛЬБЕРГ. Не может быть... Когда?
ЕЛЕНА. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.
ТАЛЬБЕРГ. Ах, боже мой, конечно, ужасно. Но ведь я же предупреждал, ты помнишь?
ЕЛЕНА. А Николка калека.
ТАЛЬБЕРГ. Но согласись, ведь это никак не причина для этой глупой демонстрации. Я же не виноват во всем этом.
ЕЛЕНА. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики будут... сейчас...
ТАЛЬБЕРГ. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось получить командировку к генералу Краснову на Дон. Киев надо бросить совсем. Я за тобой.
ЕЛЕНА. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.
ТАЛЬБЕРГ. Очень хорошо! Ага! Очень хорошо, очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа. Ты...
ЕЛЕНА. Виктор!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, ты меня уполномочиваешь объясниться?
ЕЛЕНА. Да!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Понял.

Пауза. Елена уходит. |Мышлаевский|, ухватив Тальберга за глотку, вынимает револьвер.

Вон!

Тальберг набрасывает на плечи пальто, берет чемодан и уходит.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена! Персонально!
ЕЛЕНА. Ну?!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Уехал, развод дает. Очень мило поговорили.
ЕЛЕНА. Спасибо, Виктор! (*Убегает.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Рад стараться. Ларион!
ЛАРИОСИК. Уже уехал?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Уехал!
ЛАРИОСИК. Ты гений, Витенька.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Я гений, Игорь Северянин. Туши свет, зажигай елку.

Лариосик поворачивает штепсель, и елка вспыхивает электрическими лампочками. Входят Шервинский, Студзинский и Елена.

СТУДЗИНСКИЙ. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларионова работа. Браво, браво! Ну-ка, Ларион, сыграй нам марш.

Лариосик выбегает и начинает на рояле бравурный марш. Николка выходит, ложится на диван.

Ну вот, все в полном порядке. Давайте же поздравим вас начисто. Ларион, довольно.

Лариосик входит с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем, и вообще – ваше здоровье. (*Пьет.*)

Николка трогает струны гитары.

ЛАРИОСИК. Огни... огни...

НИКОЛКА (*напевает тихо*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион. Скажи нам речь. Ты мастер.

ЛАРИОСИК. Я, господа, право, не умею. И кроме того, я очень застенчив.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ларион говорит речь.

ЛАРИОСИК. Что ж, если обществу угодно, – я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много, и я в том числе. Я ведь тоже перенес жизненную драму. Впрочем, я не то... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Очень хорошо про корабль, очень.

ЛАРИОСИК. Да, корабль. Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Но не будем вспоминать о печалях... Время повернулось, и сгинул Петлюра. Мы живы... да... все снова вместе... И даже больше этого, Елена Васильевна, она тоже много перенесла и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекие пушечные удары.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Так! Отдохнули!.. Пять... шесть... девять...

ЕЛЕНА. Неужто бой опять?

ШЕРВИНСКИЙ. Нет. Знаете что: это салют.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

Далекая глухая музыка.

...Большевики идут!

Все идут к окну.

НИКОЛКА. Господа, знаете, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.

СТУДЗИНСКИЙ. Для кого – пролог, а для меня – эпилог.

Занавес

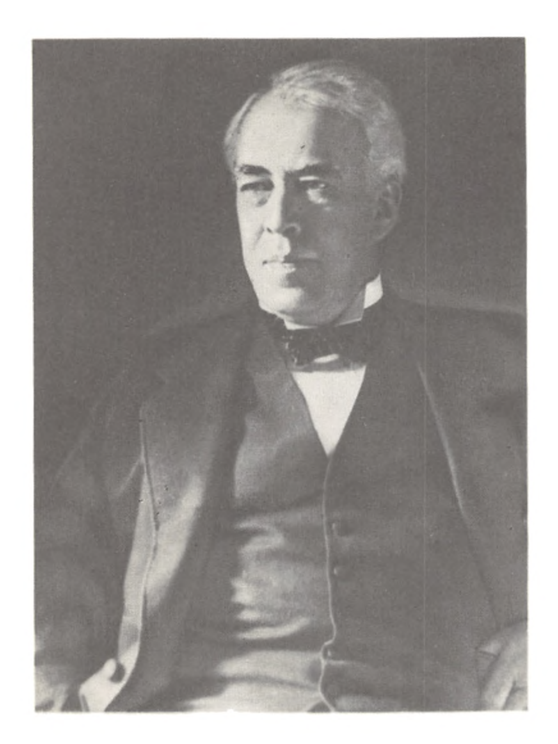
Конец

/август – октябрь, 1926/

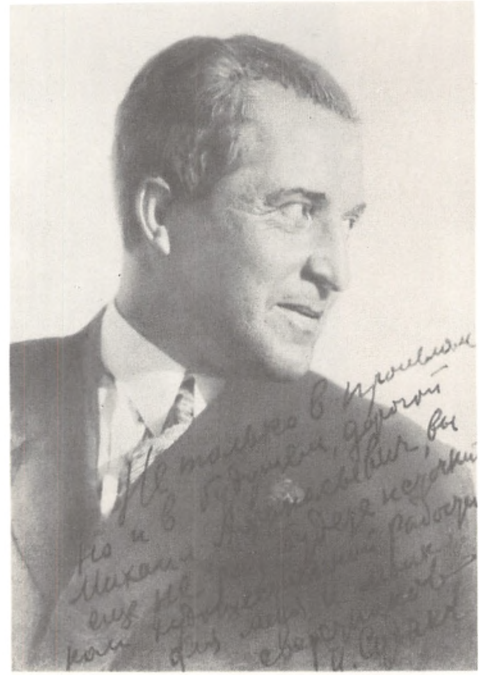
М. А. Булгаков. 1928

«ДНИ ТУРБИНЫХ»
МХАТ ИМ. М. ГОРЬКОГО, 1926

Сцены из спектакля и фотографии его участников с дарственными надписями автору



К. С. Станиславский



И. Я. Судаков

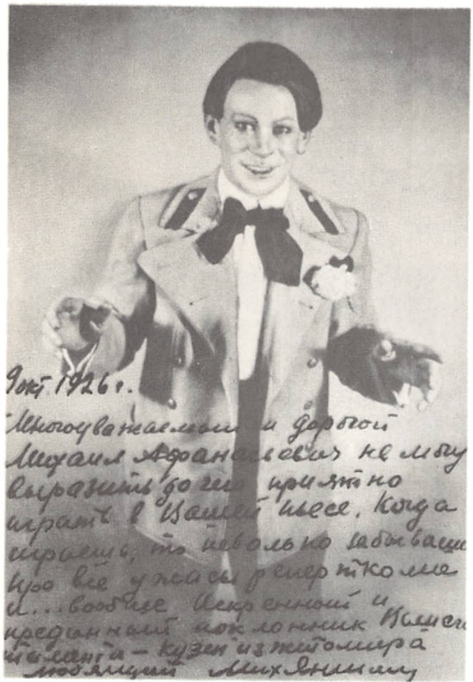
М. А. Булгаков с участниками спектакля. 1926

Н. П. Хмелев — Алексей Турбин

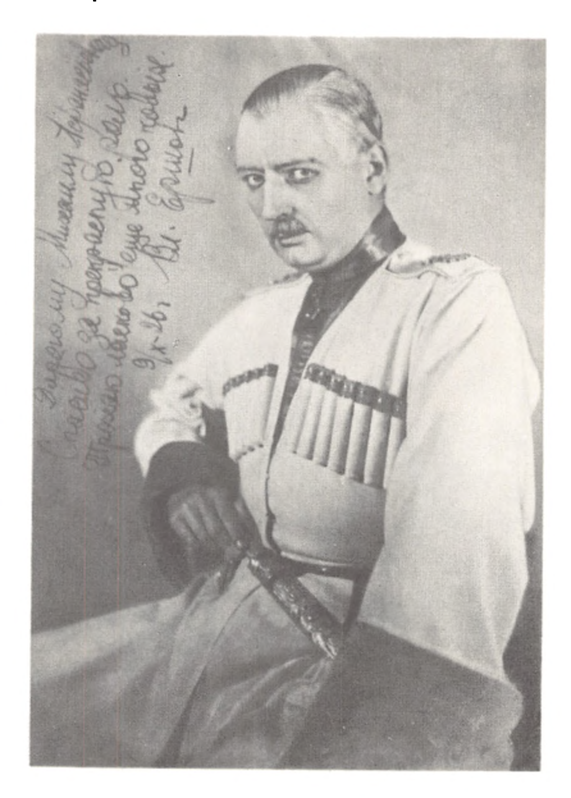
Н. М. Кудрявцев — Николка Турбин

Сцена из спектакля

В. Л. Ершов — гетман



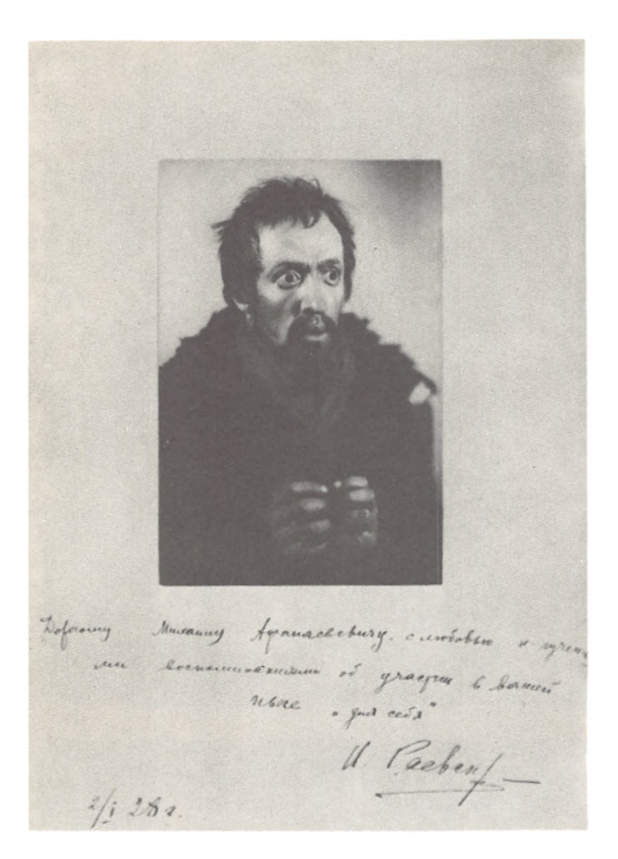
М. М. Яншин — Лариосик



В. С. Соколова — Елена Тальберг, М. И. Прудкин — Шервинский

Сцены из спектакля

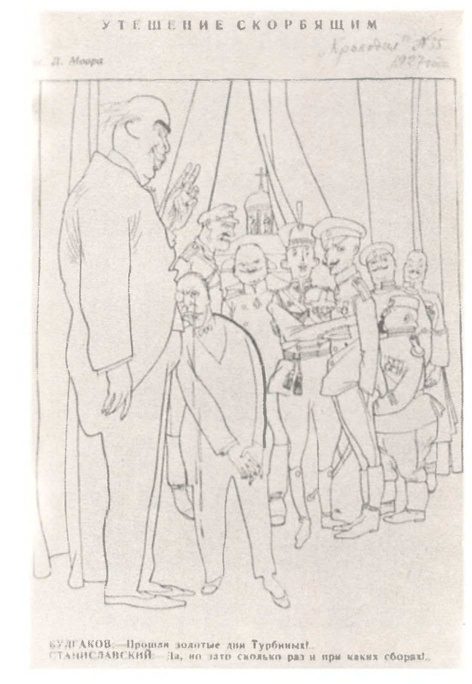
Сцены из спектакля



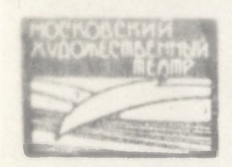
И. М. Раевский репетировал роль еврея в «Петлюровской сцене». Этот эпизод был исключен из спектакля в день премьеры.

В. Я. Станицын — фон Шратт

Сцена из спектакля



Карикатура Д. Моора, помещенная в журнале «Крокодил» в 1927 году, № 35



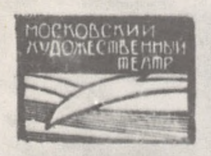
Дорогой Михаил Афанасьевич.

Сегодня - двухсотое представление "Дней Турбиных" - спектакля, который доставил Театру столько радости, волнений и тревог. Он был для всей молодой труппы началом большой жизни на Театре и Театр глубоко благодарен Вам за Вашу пьесу - за все дорогое и прекрасное, что с ней связано.

Мы просим Вас посетить сегодняшний спектакль и товарищеский чай, на котором соберутся все работавшие над пьесой.

Любящие Вас

Письмо создателей спектакля М. А. Булгакову в связи с двухсотым (11 сентября 1928 года) представлением «Дней Турбиных»



МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР Союза ССР
им. М. ГОРЬКОГО
Телефон: Дирекции—1-63-86; Админ. части—3-16-18.

"20" июня 1934 г. №

Дорогой

Михаил Афанасьевич,

Сегодня ПЯТИСОТЫЙ спектакль Вашей пьесы. Вы знаете, как любит Театр и все наши зрители Москвы и Ленинграда "ДНИ ТУРБИНЫХ". "Турбины" для нового поколения Художественного Театра стали новой "Чайкой". Вы сам, недавно, на премьере в Ленинграде были свидетелем того, как зрительный зал принимает Вашу пьесу, а Театр и именно молодое поколение МХАТ может быть ни один спектакль так не оберегает, как "Турбиных".

Вы уже давно знаете и от Константина Сергеевича и от Владимира Ивановича, что они оба считают Вас "своим" в Художественном Театре, "своим" по творческой близости, поэтому в день ПЯТИСОТОГО спектакля позвольте от имени Театра поздравить Вас как "своего", не только как любимого драматурга. А от своего без ковычек имени крепко обнять, вспоминая нашу трехлетнюю дружную работу над другой Вашей пьесой.

ЗАМ.ДИРЕКТОРА МХАТ СССР им.М.ГОРЬКОГО
ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РЕСПУБЛИКИ
/В.Г.Сахновский/ Вас. Сахновский.

Поздравительное письмо М. А. Булгакову, направленное В. Г. Сахновским от имени МХАТа в день пятисотого представления спектакля «Дни Турбиных», 20 июня 1934 года

«СЕМЬЯ ТУРБИНЫХ» («БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)

Рижский театр русской драмы, 1927

Turbinu ģimene

Baltā gvardija)
M. Bulgakova luga 11 ainās.
P. Ungerna uzvedums
Tēlotaji:

Turbins, Aleksejs Vasiljevičs	Jur. Jurovskis
Turbins, Nikolajs, viņa bralis	K.K Tokarževičs
Tālberg, Helene Vasiljevna viņu māsa	E. O. Bunčuk
Tālbergs, Vladimirs Robertovičs gener. št. pulkv.	A. A. Volkovs
Mišlaevskis, Viktors Viktorovičs št. kapitans	Jurijs Jakovlevs
Šervinskis, Leonids Jurjevičs poručiks, hetmana personigs adjutants	O. I. Runičs
Studzinskis, Aleksandrs Bronislavovičs, kapitans	M. P. Zackojs
Lariosiks	V. L. Čengeri

Skat. otrā pusē.

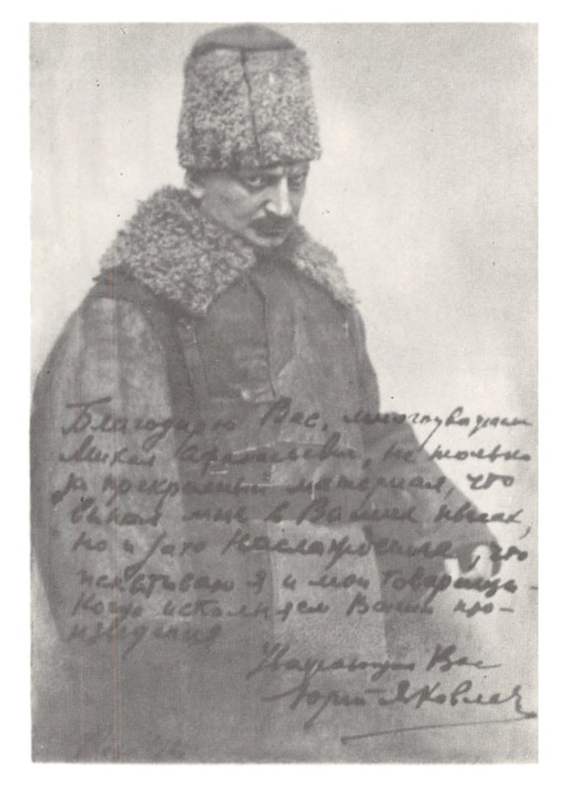
Семья Турбиныхъ

(Бѣлая гвардія)
Пьеса въ 11 картинахъ М. Булгакова.
Постановка Р. Унгернъ.
Дѣйствующія лица:

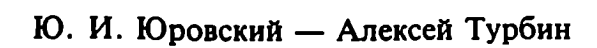
Турбинъ, Алексѣй Васильевичъ	Юр. Юровскій
Турбинъ, Николка, его братъ	К. Токаржевичъ
Тальбергъ, Елена Васильевна, ихъ сестра	Е. О. Бунчукъ
Тальбергъ, Владиміръ Робертовичъ полк ген шт.	А. А. Волковъ
Мышлаевскій, Викторъ Викторовичъ, штабсъ-кап.	Юрій Яковлевъ
Шервинскій, Леонидъ Юрьевичъ, поручикъ, личный адъют. гетмана	О. И. Руничъ
Студзинскій, Александръ Брониславовичъ, капит.	М. П. Зацкой
Ларіосикъ, житомирскій кузенъ	В. Л. Ченгери

См. на обор.

Программка спектакля



Фотография Ю. Д. Яковлева
в роли Мышлаевского
с дарственной надписью автору

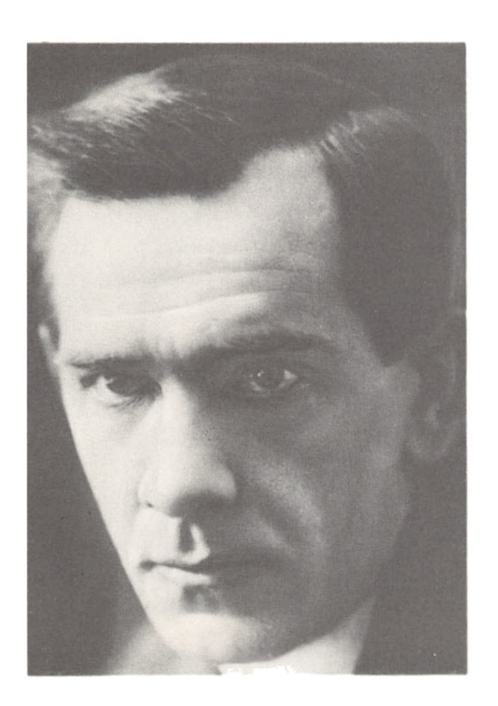


Ю. И. Юровский — Алексей Турбин

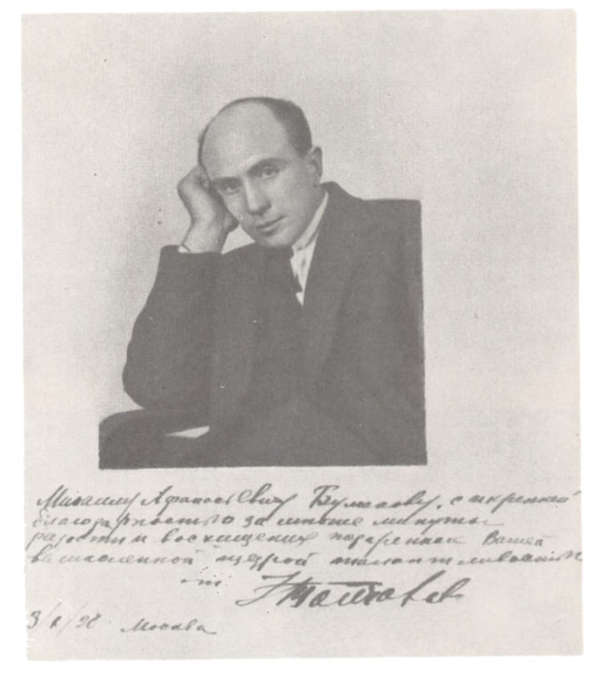
Е. О. Бунчук — Елена Тальберг

А. П. Москвин — петлюровец

Фотография М. А. Булгакова с дарственной надписью Л. Е. Белозерской, жене писателя



А. Д. Попов



И. М. Толчанов

«ЗОЙКИНА КВАРТИРА»
Студия им. Евг. Вахтангова, 1926

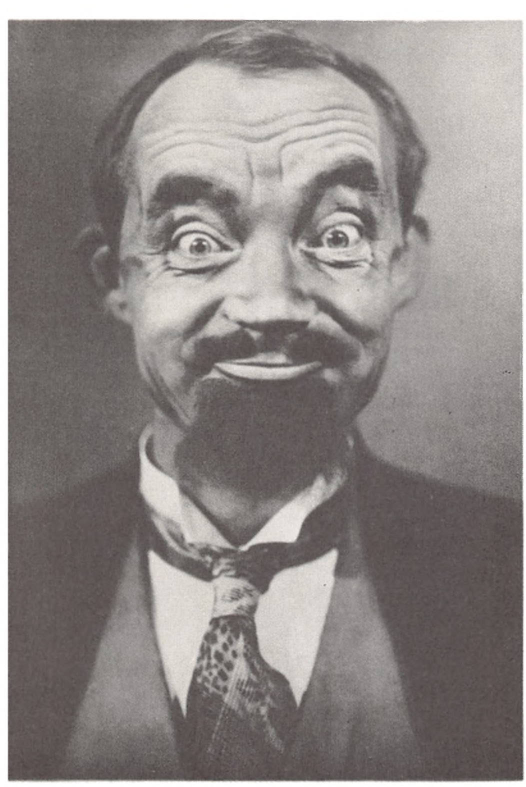
Сцены из спектакля

Ц. Л. Мансурова — Зоя Денисовна

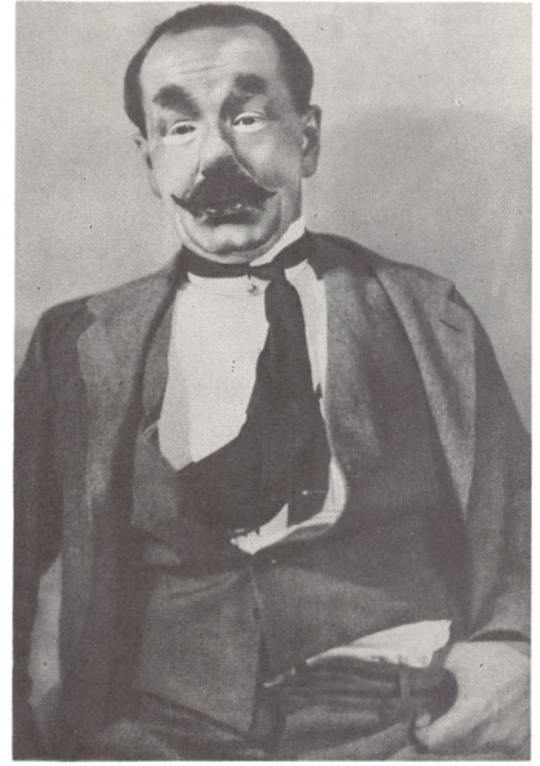
А. Д. Козловский — Обольянинов

Сцена из спектакля

А. И. Горюнов — Херувим



О. Ф. Глазунов — Гусь



Б. В. Щукин — Иван Васильевич,
гость из Ростова
(он же Мертвое тело)

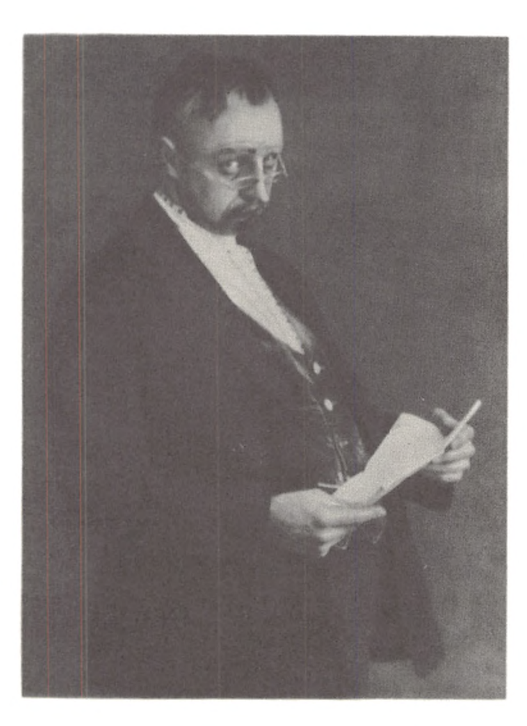
Р. Н. Симонов — Аметистов, А. Д. Козловский — Обольянинов

Финал спектакля

«ЗОЙКИНА КВАРТИРА»
Рижский театр русской драмы, 1927

Ю. Д. Яковлев — Аметистов

Л. Штенгель — Алла



К. Токаржевич — Аллилуя

Фотография М. А. Булгакова
с дарственной надписью Л. Е. Белозерской.
1928

А. Я. Таиров

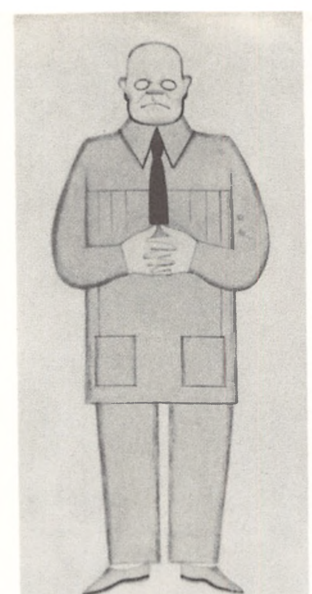
В. Ф. Рындин

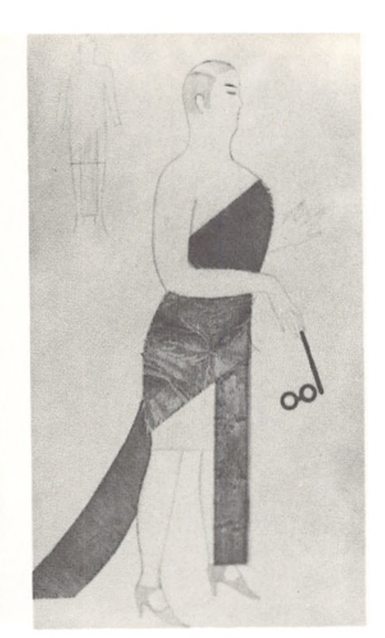
«БАГРОВЫЙ ОСТРОВ»
Московский Камерный театр, 1928

Эскизы декораций художника В. Ф. Рындина к спектаклю

ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ К СПЕКТАКЛЮ

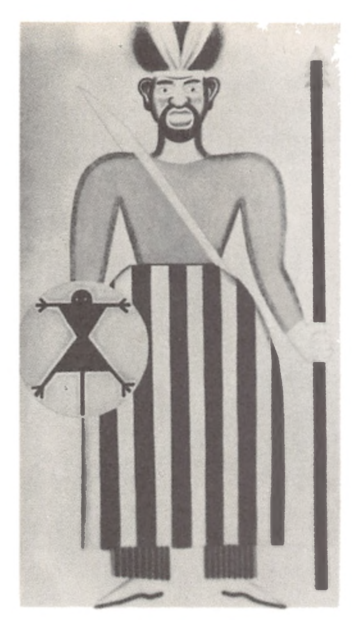
Художник В. Ф. Рындин

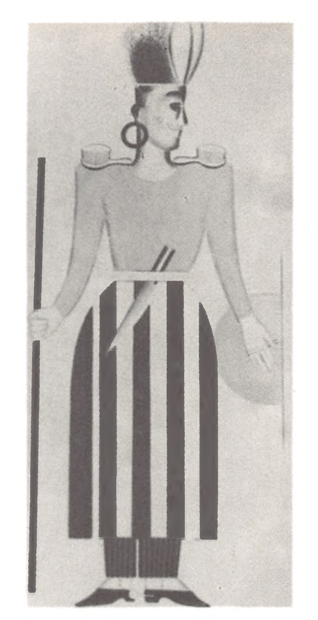




Капитан Гаттерас
Савва Лукич
Леди Гленарван

Геннадий Панфилович
А. А. Аркадин — Геннадий Панфилович



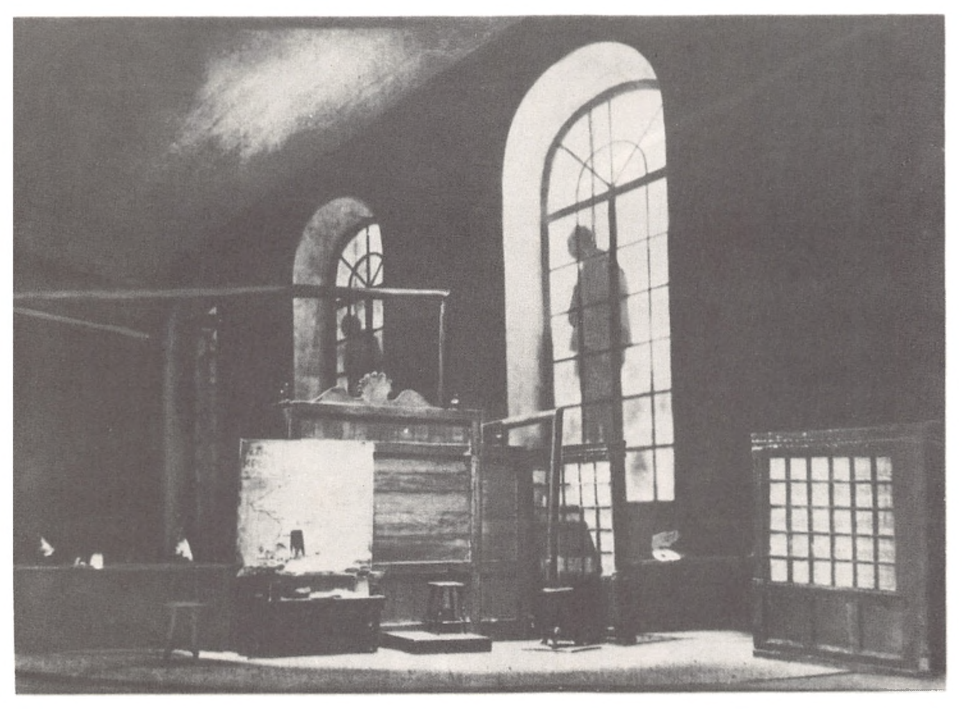


Сизи-Бузи
Ликки-Тикки

Сцена из спектакля

Сцены из спектакля

Л. С. Вивьен



Декорации к спектаклю («Вокзал»).
Художник А. Ф. Босулаев

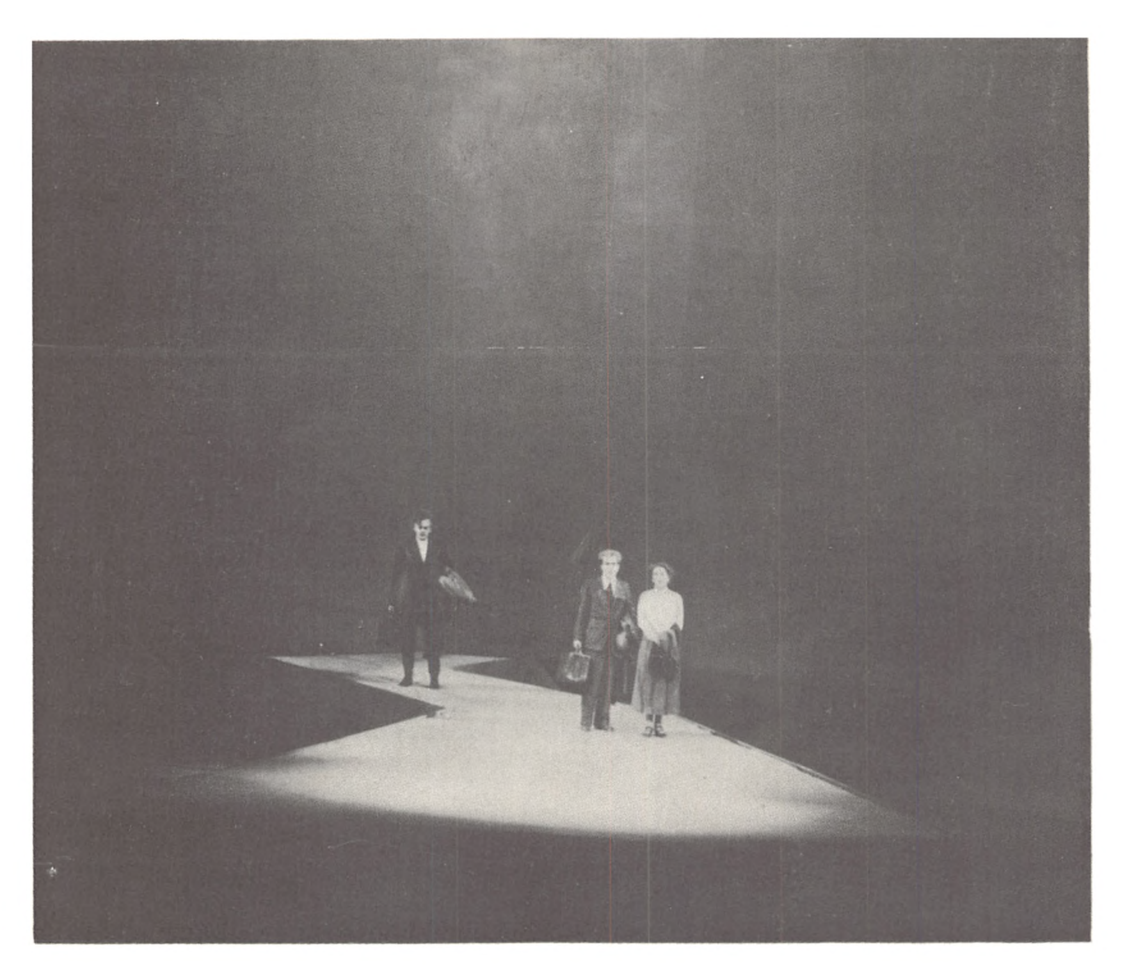
«БЕГ»

Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина, 1958

Н. К. Черкасов — Хлудов,
Б. А. Фрейндлих — главнокомандующий

Ф. В. Горохов — архиепископ Африкан,
Н. К. Черкасов — Хлудов

Н. К. Черкасов — Хлудов



Финал спектакля

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЗОЯ ДЕНИСОВНА ПЕЛЬЦ, вдова, 35 лет.

ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ ОБОЛЬЯНИНОВ, 35 лет.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВИЧ АМЕТИСТОВ, администратор, 38 лет.

МАНЮШКА, горничная Зои, 22-х лет.

АНИСИМ ЗОТИКОВИЧ АЛЛИЛУЯ, председатель домкома, 42-х лет.

ГАН-ДЗА-ЛИН, он же ГАЗОЛИН, китаец, 40 лет.

ХЕРУВИМ, китаец, 28 лет.

АЛЛА ВАДИМОВНА, 25 лет.

БОРИС СЕМЕНОВИЧ ГУСЬ-РЕМОНТНЫЙ, коммерческий директор треста тугоплавких металлов.

ЛИЗАНЬКА, 23-х лет.

МЫМРА, 35 лет.

МАДАМ ИВАНОВА, 30 лет.

РОББЕР, член коллегии защитников.

ФОКСТРОТЧИК.

ПОЭТ.

КУРИЛЬЩИК.

МЕРТВОЕ ТЕЛО ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

ОЧЕНЬ ОТВЕТСТВЕННАЯ АГНЕССА ФЕРАПОНТОВНА.

1-я БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ДАМА.

2-я БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ДАМА.

3-я БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ДАМА.

ЗАКРОЙЩИЦА.

Товарищ ПЕСТРУХИН.

ТОЛСТЯК.

ВАНЕЧКА.

ШВЕЯ.

ГОЛОСА.

Действие происходит в городе Москве в 20-х годах XX столетия. 1-й акт в мае, 2-й и 3-й — осенью, причем между 2-м и 3-м актами проходит три дня.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет квартиру Зои – передняя, гостиная, спальня.
Майский закат пылает в окнах. За окнами двор громадного дома играет как страшная музыкальная табакерка:
Шаляпин поет в граммофоне:
«На земле весь род людской...»
Голоса:
«Покупаем примуса!»
Шаляпин:
«Чтит один кумир священный...»
Голоса:
«Точим ножницы, ножи!»
Шаляпин:
«В умилении сердечном,
прославляя истукан...»
Голоса:
«Паяем самовары!»
«„Вечерняя Москва" – газета!»
Трамвай гудит, гудки. Гармоника играет веселую польку.

ЗОЯ (*одевается перед зеркалом громадного шкафа в спальне, напевает польку*). Есть бумажка, есть бумажка. Я достала. Есть бумажка!

МАНЮШКА. Зоя Денисовна, Аллилуя к нам влез.

ЗОЯ. Гони, гони его, скажи – меня нет дома...

МАНЮШКА. Да он, проклятый...

ЗОЯ. Выставь, выставь. Скажи – ушла и больше ничего. (*Прячется в зеркальный шкаф.*)

АЛЛИЛУЯ. Зоя Денисовна, вы дома?

МАНЮШКА. Да нету ее, я ж вам говорю – нету. И что это вы, товарищ Аллилуя, прямо в спальню к даме! Я ж вам говорю – нету.

АЛЛИЛУЯ. При советской власти спален не полагается. Может, и тебе еще отдельную спальню отвести? Когда она придет?

МАНЮШКА. Скудова ж я знаю? Она мне не докладается.

АЛЛИЛУЯ. Небось к своему хахалю побежала.

МАНЮШКА. Какие вы невоспитанные, товарищ Аллилуя. Про кого это вы такие слова говорите?

АЛЛИЛУЯ. Ты, Марья, дурака не валяй. Ваши дела нам очень хорошо известны. В домкоме все как на ладони. Домком – око недреманное. Поняла? Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены. Стало быть, ты одна дома?

МАНЮШКА. Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, а то неприлично. Хозяйки нету, а вы в спальню заползли.

АЛЛИЛУЯ. Ах ты! Ты кому же это говоришь, сообрази. Ты видишь, я с портфелем? Значит, /лицо/ должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть. Ах ты! (*Обнимает Манюшку.*)

МАНЮШКА. Я вашей супруге как скажу, она вам все должностное лицо издерет.

АЛЛИЛУЯ. Да постой ты, юла!

ЗОЯ (*в шкафу*). Аллилуя, вы свинья.
МАНЮШКА. Ах! (*Убежала.*)
ЗОЯ (*выходя из шкафа*). Хорош, хорош председатель домкома. Очень хорош!
АЛЛИЛУЯ. Я думал, что вас в сам деле нету. Чего ж она врет? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая. На все у вас прием...
ЗОЯ. Да разве с вами можно без приема, вы же человека без приема слопаете и не поморщитесь. Неделикатный вы фрукт, Аллилуйчик. Гадости, во-первых, говорите. Что это значит «хахаль»? Это вы про Павла Федоровича?
АЛЛИЛУЯ. Я человек простой, в университете не был...
ЗОЯ. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. И в-третьих, меня дома нет.
АЛЛИЛУЯ. Так вы ж дома.
ЗОЯ. Нет меня.
АЛЛИЛУЯ. Дома ж вы.
ЗОЯ. Нет меня.
АЛЛИЛУЯ. Довольно-таки странно...
ЗОЯ. Ну, говорите коротко – зачем я вам понадобилась.
АЛЛИЛУЯ. Насчет кубатуры я пришел.
ЗОЯ. Манюшкиной кубатуры?
АЛЛИЛУЯ. Ги... ги... уж вы скажете. Язык у вас... уж... и язык...
ЗОЯ. Что? Опять уплотнение?
АЛЛИЛУЯ. Само собой. Вы одна, а комнат шесть.
ЗОЯ. Как это одна? А Манюшка?
АЛЛИЛУЯ. Манюшка – прислуга. Она при кухне шестнадцать аршин имеет.
ЗОЯ. Манюшка! Манюшка! Манюшка!
МАНЮШКА (*появляясь*). Что, Зоя Денисовна?
ЗОЯ. Ты кто?
МАНЮШКА. Ваша племянница, Зоя Денисовна.
АЛЛИЛУЯ. Племянница. Ги... ги... Это замечательно. Ты же самовары ставишь.
ЗОЯ. Глупо, Аллилуя. Разве есть декрет, что племянницам запрещается самовары ставить?
АЛЛИЛУЯ. Ты где спишь?
МАНЮШКА. В гостиной.
АЛЛИЛУЯ. Врешь!
МАНЮШКА. Ей-богу!
АЛЛИЛУЯ. Отвечай, как на анкете, быстро, не думай. (*Скороговоркой.*) Жалования сколько получаешь?
МАНЮШКА (*скороговоркой*). Ни копеечки не получаю.
АЛЛИЛУЯ. Как же ты Зою Денисовну называешь?
МАНЮШКА. Ма тант[1].
АЛЛИЛУЯ. Ах, дрянь девка! Вот дрянь!
МАНЮШКА. Мне можно идти, Зоя Денисовна?
ЗОЯ. Иди, Манюшечка, ставь самовары, никто тебе запретить не может.

Манюшка хихикнула и упорхнула.

АЛЛИЛУЯ. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Я вас по дружбе предупреждаю, а вы мне вола вертите. Манюшка – племянница! Что вы, смеетесь? Такая же она вам племянница, как я вам тетя.

[1] Ma tante. – Тетя. (*Франц.*)

ЗОЯ. Аллилуя, вы грубиян.

АЛЛИЛУЯ. Первая комната тоже пустует.

ЗОЯ. Простите, он в командировке.

АЛЛИЛУЯ. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна! Его в Москве вовсе нету. Скажем объективно: подбросил вам бумажку из Фарфортреста и смылся на весь год. Мифическая личность. А мне из-за вас общее собрание сегодня такую овацию сделало, что я еле ноги унес. Бабы орут — ты, говорят, Пельц укрываешь. Ты, говорят, наверное, с нее взятку взял. А я, не забудьте, кандидат.

ЗОЯ. Чего ж хочет ваша шайка?

АЛЛИЛУЯ. Это вы про кого так?

ЗОЯ. А вот про общее ваше, про собрание.

АЛЛИЛУЯ. Ну знаете, Зоя Денисовна, за такие слова и пострадать можно. Будь другой кто на моем месте...

ЗОЯ. Вот в том-то и дело, что вы на своем месте, а не другой.

АЛЛИЛУЯ. Постановили вас уплотнить. А половина орет, чтобы и вовсе вас выселить.

ЗОЯ. Выселить? (*Показывает шиш.*)

АЛЛИЛУЯ. Это как же понимать?

ЗОЯ. Это как шиш понимайте.

АЛЛИЛУЯ. Ну, Зоя Денисовна! Я вижу — вы добром разговаривать не желаете. Только на шишах далеко не уедете. Вот чтоб мне сдохнуть, ежели я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши будете крутить. Прощенья просим. (*Пошел.*)

ЗОЯ. Аллилуя, Аллилуйчик! Дайте справочку: почему это у вас в доме жилищного рабочего товарищества Борис Семенович Гусь-Ремонтный один занял в бель-этаже семь комнат?

АЛЛИЛУЯ. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Заплатил восемьсот червей въездных, и дело законное. Он нам весь дом отапливает.

ЗОЯ. Простите за нескромный вопрос: а вам лично он сколько дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

АЛЛИЛУЯ. Вы, Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное: ничего он мне не давал.

ЗОЯ. У вас во внутреннем кармане жилетки червонцы лежат серии Бэ-Эм, номера от 425900 до 425949 включительно. Выпуска 1922 года.

Аллилуя расстегнулся, достал деньги, побледнел.

Алле-гоп! Домком — око. Недреманное. Домком — око, а над домкомом еще око.

АЛЛИЛУЯ. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаетесь, я уж давно заметил. Вы социально опасный элемент!

ЗОЯ. Я социально опасный тому, кто мне социально опасный, а с хорошими людьми я безопасный.

АЛЛИЛУЯ. Я к вам по-добрососедски пришел, как говорится, а вы мне сюрпризы строите.

ЗОЯ. А! Ну, это другое дело. Прошу садиться.

АЛЛИЛУЯ (*расстроен*). Мерси.

ЗОЯ. Итак: Манюшку и Мифическую личность нужно отстоять.

АЛЛИЛУЯ. Верьте моей совести, Зоя Денисовна, Манюшку невозможно. Весь дом знает, что прислуга, и, стало быть, ее загонят в комнату при кухне. А Мифическую личность можно: у его документ.

ЗОЯ. Ну ладно. Верю. На одного человека самоуплотняюсь.

АЛЛИЛУЯ. А на остальные-то комнаты как же? Ведь сегодня срок истекает.

ЗОЯ. На остальные комнаты мы, прелесть моя, мы вот что сделаем. (*Достает бумагу.*) Нате.

АЛЛИЛУЯ (*читает*). «Сим разрешается гражданке Зое Денисовне Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го...

ЗОЯ. И шко-лу.

АЛЛИЛУЯ. Понимаем, не маленькие... (*Читает.*) «... для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... гм... дополнительная площадь... шестнадцать саженей... при Наркомпросе». (*В восхищении.*) Елки-палки! Виноват. Это... это кто же вам достал?

ЗОЯ. Не все ли равно?

АЛЛИЛУЯ. Это вам Гусь выправил документик. Ну знаете, ежели бы вы не были женщиной, Зоя Денисовна, прямо б сказал, что вы гений.

ЗОЯ. Сами вы гений. Раздели меня за пять лет вчистую, а теперь — гений. Вы помните, как я жила до революции?

АЛЛИЛУЯ. Нам известно ваше положение. Неужто, в самом деле, ателье откроете?

ЗОЯ. Почему же нет? Вы поглядите, я хожу в штопаных чулках. Я, Зоя Пельц! Да я никогда до этой вашей власти не только не носила штопаного, я два раза не надела одну и ту же пару.

АЛЛИЛУЯ. Нога у вас какая...

ЗОЯ. Туда же! Нога! Ну вот что, уважаемый товарищ, копию с этой штуки вашим бандитам и кончено. Меня нет. Умерла Пельц. Больше с Пельц разговоров нету.

АЛЛИЛУЯ. Да, с такой бумажкой что же. Теперь это проще ситуация. У меня как с души скатилось.

ЗОЯ. С души как бремя скатится, сомненье далеко,— и верится, и плачется... Кстати, дали мне у Мюра сегодня пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Вы ведь спец по червонцам...

АЛЛИЛУЯ. Ах, язык. Ну уж и язык у вас. (*Смотрит бумажку на свет.*) Хорошая бумажка.

ЗОЯ. А я вам говорю — фальшивая.

АЛЛИЛУЯ. Хорошая бумажка.

ЗОЯ. Фальшивая! Фальшивая! Не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте.

АЛЛИЛУЯ. Ладно, выбросим. (*Бросает бумажку в свой портфель.*) А может, и Манюшку удастся отстоять...

ЗОЯ. Вот это так. Молодец, Аллилуя. В награду можете поцеловать меня в штопаное место. (*Показывает ногу.*) Закройте глаза и вообразите, что это Манюшкина нога.

АЛЛИЛУЯ. Эх, Зоя Денисовна, эх... какая вы!

ЗОЯ. Что?

АЛЛИЛУЯ. Обаятельная...

ЗОЯ. Ну, будет. К стороне. Дорогой мой, до свиданья. До свиданья. Мне нужно одеваться. Марш. Марш.

Рояль где-то отдаленно и бравурно играет Вторую рапсодию Листа.

АЛЛИЛУЯ. До свиданья. Только уж вы сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я зайду попозже. (*Идет к двери.*)

ЗОЯ. Ладно.

Рояль внезапно обрывает бравурное место, начинает романс Рахманинова. Нежный голос поет:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

АЛЛИЛУЯ (*остановился у двери, говорит глухо*). Что ж это? Выходит, что Гусь номера червонцев записывает?

ЗОЯ. А вы думали как?

АЛЛИЛУЯ. Ну народ пошел! Вот народ! (*Уходит.*)

ОБОЛЬЯНИНОВ (*стремительно входит, вид его ужасен*). Зойка! Можно?

ЗОЯ. Павлик. Павлик! Можно, ну конечно, можно! (*В отчаянии.*) Что, Павлик, опять?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Зоя, Зоя, Зойка! (*Заламывает руки.*)

ЗОЯ. Ложитесь, ложитесь, Павлик. Я вам сейчас валерианки дам. Может быть, вина?

ОБОЛЬЯНИНОВ. К черту вино и валерианку! Разве мне поможет валерианка?

Голос поет:

...Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний...

ЗОЯ (*печально*). Чем же мне вам помочь? Боже мой!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Убейте меня!

ЗОЯ. Нет, я не в силах видеть, как вы мучаетесь! Бороться не можете, Павлик? В аптеку! Рецепт есть?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, нет. Этот бездельник-врач уехал на дачу. На дачу! Люди погибают, а он по дачам разъезжает. К китайцу! Я больше не могу. К китайцу!

ЗОЯ. К китайцу. Да... да... Манюшка, Манюшка!

Манюшка появилась.

ЗОЯ. Павел Федорович нездоров. Беги сейчас же к Газолину. Я напишу записку... Возьми раствор. Поняла?

МАНЮШКА. Поняла, Зоя Денисовна...

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, Зоя Денисовна! Пусть он сам сюда придет и при мне разведет. Он мошенник. Вообще в Москве нет ни одного порядочного человека. Все жулики. Никому нельзя верить. И голос этот льется, как горячее масло за шею... Напоминают мне они... другую жизнь и берег дальний...

ЗОЯ (*отдает Манюшке записку*). Сейчас же привези. На извозчике поезжай.

МАНЮШКА. А как его дома нету?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Как нет? Как нет? Должен быть! Должен! Должен!

ЗОЯ. Где хочешь достань! Узнай, где он. Беги. Лети.

МАНЮШКА. Хорошо. (*Убегает.*)

ЗОЯ. Павлик, родненький, потерпите, потерпите. Сейчас она его привезет.

Голос упорно поет: «...Напоминают мне оне...»

ОБОЛЬЯНИНОВ. Напоминают... мне они... другую жизнь. У вас в доме проклятый двор. Как они шумят. Боже! И закат на вашей Садовой гнусен. Голый закат. Закройте, закройте сию минуту шторы!

ЗОЯ. Да, да. (*Закрывает шторы.*)

Наступает тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ

...Появляется мерзкая комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Вывеска: «Вхот в санхайскую працесную». Ган-Дза-Лин (Газолин) над горящей спиртовкой. Перед ним Херувим. Ссорятся.

ГАЗОЛИН. Ты зулик китайский. Бандит! Цесуцю украл, кокаин украл. Где пропадаль? А? Как верить, кто? А?
ХЕРУВИМ. Мал-мала, малци! Сама бандити есть. Московски басак.
ГАЗОЛИН. Уходи, сицас, уходи с працесной. Ты вор. Сухарски вор.
ХЕРУВИМ. Сто? Гониси бетни китайси? Сто? Мене украли сесуцю на Светном, кокаин отбил бандит, цуть мал-мала меня убиваль. Смотли. (*Показывает шрам на руке.*) Я тебе работал, а тепель гониси! Кусать сто бетни китаси будет Москве? Палахой товалис! Убить тебе надо.
ГАЗОЛИН. Замалси. Ты, если убивать будешь, комунистай полиций кантрами тебе мал-мала будет делать.
ХЕРУВИМ. Сто, гониси, помосники гониси? Я тебе на волотах повесусь!
ГАЗОЛИН. Ти красть-воровать будесь?
ХЕРУВИМ. Ниэт, ниэт...
ГАЗОЛИН. Кази... и-богу.
ХЕРУВИМ. И-богу.
ГАЗОЛИН. Кази и-богу ессё.
ХЕРУВИМ. И-богу, богу... госсподи.
ГАЗОЛИН. Надевай халат, будись работать.
ХЕРУВИМ. Голодни, не ел селый день. Дай хлепса.
ГАЗОЛИН. Бери хлепца, на пецки.

Стук.

Кто? Кто?
МАНЮШКА (*за дверью*). Открывай, Газолин, свои.
ГАЗОЛИН. А, Мануска! (*Впускает Манюшку.*)
МАНЮШКА. Чего ж ты закрываешься? Хороша прачешная. Не достучишься к вам.
ГАЗОЛИН. А, Манусэнька, драсти, драсти.
МАНЮШКА. Ах, какой хорошенький. На херувима похож. Это кто ж такой?
ГАЗОЛИН. Помосиники мой.
МАНЮШКА. Помощник. Ишь ты! На, Газолин, тебе записку. Давай скорей лекарство.
ГАЗОЛИН. Сто? Навелно, Обольян больной?
МАНЮШКА. У, не дай бог! Руки лежит кусает.
ГАЗОЛИН. Пяти рубли стоит. Давай денг.
МАНЮШКА. Нет, они велели, чтоб ты сам пришел и при них распустил, а то, говорят, что ты у себя жидко делаешь.
ГАЗОЛИН. Моя не мозит сицас сама итти.
МАНЮШКА. Нет, уж ты, пожалуйста, пойди. Мне без тебя не велено приходить.
ХЕРУВИМ. Сто? Молфий?
ГАЗОЛИН (*по-китайски*). Ва-ля-ва ля.
ХЕРУВИМ (*по-китайски*). У ля у ля... Ля да но, ля да но.
ГАЗОЛИН. Мануска. Она пойдет, сделает сто надо.
МАНЮШКА. А она умеет?
ГАЗОЛИН. Умеит, не бойси. Ты, Манусенька, отвернись мало-мало.
МАНЮШКА. Что ты все прячешься, Газолин? Знаю я все твои дела.

ГАЗОЛИН (*поворачивает Манюшку*). Так, Мануска. (*Херувиму.*) Калаули двери. (*Уходит и возвращается с коробочкой и склянкой.*) Ва ля ва ля...

ХЕРУВИМ. Сто ты уцись мене? Идем, деуска.

ГАЗОЛИН (*Манюшке*). А сто деньги не даесь?

МАНЮШКА. Не бойся, там заплатят.

ГАЗОЛИН (*Херувиму*). Пяти рубли пириноси. Ну, Мануска, до свидани. А когда за меня замузь пойдесь?

МАНЮШКА. Ишь! Разве я тебе обещала?

ГАЗОЛИН. А, Мануска! А кто говориль?

ХЕРУВИМ. Хороси деуска, Мануска.

ГАЗОЛИН. Ты малаци. Иди, иди. Ты пиралицно види, веди. Ты, Мануска, его смотли. Белье возьми.

ХЕРУВИМ. Сто муциси бетни китайси? (*Берет фальшивый узел с бельем.*)

МАНЮШКА. Что ты его бранищь? Он тихий, как херувимчик.

ГАЗОЛИН. Он, Хелувимцик – бандит.

МАНЮШКА. Прощай, Газолин.

ГАЗОЛИН. До савидани, Мануска. Пириходи скорее... я тебе угоссю.

МАНЮШКА. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь. (*Уходит с Херувимом.*)

ГАЗОЛИН. Хоросая деуска, Мануска... (*Напевает китайскую песню.*) Вкусная деуска, Мануска... (*Угасает.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вспыхивает спиртовка в квартире Зои. Херувим с полотенцем и подносом.

ЗОЯ. Минутку терпения, Павлик. Сейчас. (*Делает укол в руку Обольянинову.*)

Пауза.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Вот. (*Оживает.*) Вот. (*Ожил.*) Вот. Напоминают мне они... иную жизнь и берег дальний... Зачем же, Зойка, скрыли закат? Я так и не повидал его. Откройте шторы, откройте.

ЗОЯ. Да, да... (*Открывает шторы.*)

В окне густой майский вечер. Окна зажигаются одно за другим. Очень отдаленно музыка в «Аквариуме».

ОБОЛЬЯНИНОВ. Как хорошо, гляньте... У вас очень интересный двор... И берег дальний... Какой дивный голос пел это...

ЗОЯ. Хорошо сделан раствор?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Изумительно. (*Херувиму.*) Ты честный китаец. Сколько тебе следует?

ХЕРУВИМ. Семи рубли.

ЗОЯ. Прошлый раз у вас же покупали грамм – четыре рубля стоил, а сегодня уже семь. Разбойники.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Пусть, Зоя, пусть. Он достойный китаец. Он постарался.

ЗОЯ. Павлик, я заплачу, погодите.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, нет, нет. С какой стати...

ЗОЯ. Ведь у вас, кажется, нет больше.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет... у меня есть еще... В этом... как его... в пиджаке, дома...

ЗОЯ (*Херувиму*). На.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Вот тебе еще рубль на чай.
ЗОЯ. Да не нужно, Павлик, он и так содрал сколько мог.
ХЕРУВИМ. Сапасиби.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Черт возьми! Обратите внимание, как он улыбается. Совершенный херувим. Ты прямо талантливый китаец.
ХЕРУВИМ. Таланти мал-мала... (*Интимно Обольянинову.*) Хоцесь, я тебе казды день пириносить буду? Ты Ган-Дза-Лини не говоли... Все имеим... Молфий, спирт... Хоцись красиви рисовать буду? (*Открывает грудь, показывает татуировку – драконы и змеи. Становится странен и страшен.*)
ОБОЛЬЯНИНОВ. Поразительно. Зойка, посмотрите.
ЗОЯ. Какой ужас! Ты сам это делал?
ХЕРУВИМ. Сам. Санхаи делал.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Слушай, мой херувим: ты можешь к нам приходить каждый день. Я нездоров, мне нужно лечиться морфием... Ты будешь приготовлять раствор... Идет?
ХЕРУВИМ. Идет. Бетни китайси любит холосий кварлтир.
ЗОЯ. Вы смотрите, Павлик, осторожнее. Может быть, это какой-нибудь бродяга.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Что вы – нет. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?
ХЕРУВИМ. Мы белье стилаем.
ЗОЯ. Белье стираешь? Приходи через час, я с тобой условлюсь. Будешь гладить для мастерской.
ХЕРУВИМ. Ладано.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Знаете что, Зоя, ведь у вас есть мои костюмы. Я хочу ему брюки подарить.
ЗОЯ. Ну что за фантазии, Павлик. Хорош он будет и так.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Ну, хорошо. Я в другой раз тебе подарю. Приходи же вечером. Желаю тебе всего хорошего. Ты свободен, китаец.
ХЕРУВИМ. Холоси кварлтир.
ЗОЯ. Манюшка! Проводи китайца.
МАНЮШКА (*в передней*). Ну что? Сделал?
ХЕРУВИМ. Сиделал. До савидани, Мануска. Я через час приходить буду. Я, Мануска, каздый день пириходи. Я Обольяну на слузбу поступил.
МАНЮШКА. На службу? На какую службу?
ХЕРУВИМ. Ликалство. Мал-мала пириносить буду. Мене Обольян шибко шанго бируки дарить будет.
МАНЮШКА. Ишь, ловкач.
ХЕРУВИМ. Ти мене поцелуй, Мануска.
МАНЮШКА. Обойдется. Пожалте.
ХЕРУВИМ. Я когда богатый буду, ты меня целовать будись. Мене Обольян бируки даст, я карасиви буду. (*Выходит.*)
МАНЮШКА. До чего ты оригинальный. (*Уходит к себе.*)
ОБОЛЬЯНИНОВ (*в гостиной*). Напоминают мне они...
ЗОЯ. Павлик, а Павлик. Я достала бумагу. (*Пауза.*) Граф, следует даме что-нибудь ответить, не мне вас этому учить.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Напоминают... Простите, ради бога, я замечтался. Так вы говорите – граф. Ах, Зоя, пожалуйста, не называйте меня графом с сегодняшнего дня.
ЗОЯ. Почему именно с сегодняшнего?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта и говорит: «Вы бывший граф». Я говорю — простите... Что это значит — «бывший граф»? Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами.

ЗОЯ. Чем же это кончилось?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Он, вообразите, мне ответил: «Вас нужно поместить в музей революции». И при этом еще бросил окурок на ковер.

ЗОЯ. Ну, дальше?

ОБОЛЬЯНИНОВ. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: «Сегодня демонстрируется бывшая курица». Меня настолько это заинтересовало, что я вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: «Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?» Он спрашивает — «Кто?» Я говорю: «Курица». Он отвечает: «Она таперича пятух». Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!

ЗОЯ. Ах, Павлик, вы неподражаемый человек!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Бывший Павлик.

ЗОЯ. Ну, бывший, дорогой мой, нежный Павлик, слушайте, переезжайте ко мне.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, милая Зойка, благодарю. Я могу жить только на Остоженке, моя семья живет там с 1625 года... триста лет.

ЗОЯ. Придется, видно, Лизаньку или Мымру прописать, ах, как бы мне этого не хотелось! Ну ладно. Ответьте, Павлик, а на предприятие вы согласны? Имейте в виду, мы разорены.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Согласен. Напоминают мне они...

ЗОЯ. Сегодня дала взятку Аллилуе, и у меня осталось только триста рублей. На них мы откроем дело. Квартира, это все, что есть у нас, и я выжму из нее все. К рождеству мы будем в Париже.

ОБОЛЬЯНИНОВ. А если вас накроет эта... как ее...

ЗОЯ. Умно буду действовать — не накроет.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Хорошо, я не могу больше видеть бывших кур. Вон отсюда, какою угодно ценой.

ЗОЯ. О, я знаю, вы таете здесь как свеча. Я вас увезу в Ниццу и спасу.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, Зоя, на ваш счет я ехать не хочу, а чем я могу быть полезен в этом деле, я не представляю.

ЗОЯ. Вы будете играть на рояли.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Помилуйте, мне станут давать на чай. А не могу же я драться на дуэли с каждым, кто предложит мне двугривенный.

ЗОЯ. Ах, Павлик, вас действительно нужно поместить в музей. А вы берите, берите. Пусть дают. Каждая копейка дорога.

Голос глухо и нежно где-то поет под рояль: «Покинем, покинем край, где мы так страдали...» Потом обрывается.

В Париж! К рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Как же вы переведете деньги?

ЗОЯ. Гусь!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Ну, а визы? Ведь мне же откажут.

ЗОЯ. Гусь!
ОБОЛЬЯНИНОВ. По-видимому, он всемогущий, этот бывший Гусь. Теперь он, вероятно, орел.
ЗОЯ. Ах, Павлик... (*Смеется.*)
ОБОЛЬЯНИНОВ. У меня жажда. Нет ли у вас пива, Зоя?
ЗОЯ. Сейчас. Манюшка! Манюшка...
МАНЮШКА. Что, Зоя Денисовна?
ЗОЯ. Принеси, детка, пива побыстрей...
МАНЮШКА. Я в Мисильпроме возьму. Сколько?
ЗОЯ. Бутылки четыре.
МАНЮШКА. Счас. (*Упорхнула и забыла закрыть дверь в передней.*)
ОБОЛЬЯНИНОВ (*таинственно*). Манюшка посвящена?
ЗОЯ. Конечно. Манюшка мой преданный друг. За меня она в огонь и воду... Молодец девчонка!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Кто же еще будет?
ЗОЯ (*таинственно*). Лизанька, Мымра, мадам Иванова... Пойдемте ко мне, Павлик.

Уходят. Зоя опускает портьеру, глухо слышны их голоса.
Голос тонкий и глупый поет под аккомпанемент разбитого фортепиано:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал...
Шел по улице...

АМЕТИСТОВ (*появился в передней*). ...малютка.

Голос:

Боже, говорил малютка,
Я озяб и есть хочу.
Кто накормит, кто согреет,
Боже добрый...

Сироту. (*Ставит замызганный чемодан на пол и садится на него.*)

Аметистов в кепке, рваных штанах и френче с медальоном на груди.

Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом, это тоже номер, я вам доложу. Сейчас пива следовало бы выпить. Эх, судьба ты моя загадочная, затащила ты меня вновь в пятый этаж, что-то ты мне тут дашь? Москва, матушка. Пять лет я тебя не видал. (*Заглядывает в кухню.*) Эй, товарищ! Кто тут есть? Зоя Денисовна дома?

Пауза. Глухо слышны голоса Обольянинова и Зои. Аметистов подслушивает.

Ого-го...
ОБОЛЬЯНИНОВ (*за сценой, глухо*). Для этого я совершенно не гожусь. На такую должность нужен опытный прохвост.
АМЕТИСТОВ. Вовремя попал!
МАНЮШКА (*с бутылками*). Батюшки! Двери-то я не заперла! Кто это? Вам что?
АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Не волнуйтесь, товарищ. Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!
МАНЮШКА. Да кого вам?
АМЕТИСТОВ. Мне Зою Денисовну. С кем имею удовольствие разговаривать?
МАНЮШКА. Я племянница Зои Денисовны.
АМЕТИСТОВ. Очень приятно. Очень. Я и не знал, что у Зойки такая хо-

рошенькая племянница. Позвольте представиться: кузен Зои Денисовны. (*Целует Манюшке руку.*)

МАНЮШКА. Что вы. Что вы. Зоя Денисовна!

Входит в гостиную, Аметистов за нею с чемоданом. Выходят Зоя и Обольянинов.

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон! Лучшего администратора на эту должность вам не найти. Вам просто свезло, господа. Дорогая кузиночка, же ву салю![1] Прошу извинения, что перебил столь приятную беседу.

Зоя, окаменев.

Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином.

ЗОЯ. Ты... вы... Павел Федорович, позвольте вас познакомить. Мой кузен Аметист...

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. (*Обольянинову.*) Путинковский, беспартийный, бывший дворянин.

ОБОЛЬЯНИНОВ (*поражен*). Очень рад...

АМЕТИСТОВ. Кузиночка, позвольте мне попросить вас на два слова а парт[2], как говорится.

ЗОЯ. Павлик... извините, пожалуйста. Мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

АМЕТИСТОВ. Пардон! Василием Ивановичем. Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя! Мне это горько. Ай, яй, яй.

ЗОЯ. Павлик...

ОБОЛЬЯНИНОВ (*поражен*). Пожалуйста, пожалуйста... (*Уходит.*)

ЗОЯ. Манюшка, налей Павлу Федоровичу пива.

Манюшка уходит.

Тебя же расстреляли в Баку, я читала!

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Так что из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, уж и в Москву не могу приехать? Хорошенькое дело. Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно.

ЗОЯ. У меня даже голова закружилась.

АМЕТИСТОВ. От радости.

ЗОЯ. Нет, ты скажи... ничего не понимаю.

АМЕТИСТОВ. Ну, натурально, под амнистию подлетел. Кстати об амнистии, что это у тебя за племянница?

ЗОЯ. Ах, какая там племянница. Это моя горничная Манюшка.

АМЕТИСТОВ. Так-с. Понимаем. В целях сохранения жилплощади. (*Зычно.*) Манюшка!

Манюшка, появляясь.

Милая, приволоки-ка мне пивца. Умираю от жажды. Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

МАНЮШКА (*расстроенно*). Я... сейчас... (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ. А я ей руку поцеловал. Позор-позор!

ЗОЯ. Ты где же собираешься остановиться? Имей в виду, в Москве жилищный кризис.

АМЕТИСТОВ. Я вижу. Натурально, у тебя.

[1] Je vous salue! — Я вас приветствую! (*Франц.*)
[2] A part. — В сторону. (*Франц.*)

ЗОЯ. А если я тебе скажу, что я не могу тебя принять?

АМЕТИСТОВ. Ах, вот как! Хамишь, Зойка. Ну что ж, хами... хами... Гонишь двоюродного брата, пешком першего с Курского вокзала? Сироту? Гони, гони... Что ж, я человек маленький. Я уйду. И даже пива пить не стану. Только вы пожалеете об этом, дорогая кузиночка.

ЗОЯ. Ах, ты хочешь испугать. Не беспокойся, я не /из/ пугливых.

АМЕТИСТОВ. Зачем пугать? Я, Зоя Денисовна, человек порядочный. Джентльмен, как говорится. И будь я не я, если я не пойду и не донесу в Гепеу о том, что ты организуешь в своей уютной квартирке. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал!

ЗОЯ (*стала бледна, глухо*). Как ты вошел без звонка?

АМЕТИСТОВ. Дверь была открыта.

ЗОЯ. Судьба – это ты!

Манюшка входит с пивом.

Ах, Манюшка, Манюшка! Ты дверь не закрыла?

МАНЮШКА (*расстроенно*). Извините, Зоя Денисовна, забыла.

ЗОЯ. Ах, Манюшка, ах. Ну ничего, ничего. Иди. Извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка ушла.

АМЕТИСТОВ (*пьет пиво*). Фу, хорошо! Прекрасное пиво в Москве! В провинции такая кислятина, в рот взять нельзя. Квартиру-то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зойка.

ЗОЯ. Судьба. Видно, придется мне еще нести мой крест.

АМЕТИСТОВ. Ты что ж хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

ЗОЯ. Нет, постой. Что ты хочешь прежде всего?

АМЕТИСТОВ. Прежде всего – брюки.

ЗОЯ. Неужели у тебя брюк нет? А чемодан?

АМЕТИСТОВ. В чемодане шесть колод карт и портреты вождей. Спасибо дорогим вождям, ежели бы не они, я бы прямо с голоду издох. Шутка сказать, в почтовом поезде от Баку до Москвы. Понимаешь, захватил в культотделе в Баку на память пятьдесят экземпляров вождей. Продавал их по двугривенному.

ЗОЯ. Ну, ты и тип!

АМЕТИСТОВ. Чудное пиво. Товарищ, купите вождя! Один буржуй пять штук купил. Я, говорит, их родным раздарю. Они любят вождей.

ЗОЯ. Карты крапленые?

АМЕТИСТОВ. За кого вы меня принимаете, мадам?

ЗОЯ. Брось, Аметистов. Где ты шатался пять лет?

АМЕТИСТОВ. Эх, кузина!.. Эх... В Чернигове я подотделом искусств заведовал.

ЗОЯ. Воображаю.

АМЕТИСТОВ. Белые пришли. Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов. Ну, поступил к ним на службу. Красные, немного погодя. Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным. Поступил заведующим агитационной группой. Белые; мне красные на эвакуацию, я к белым в Крым. Там я просто администратором служил в одном ресторанчике в Севастополе. Ну, и напоролся на одну компанию, взяли у меня пятьдесят тысяч в один вечер в железку.

ЗОЯ. У тебя? Ну, уж это, значит, специалисты были.

АМЕТИСТОВ. Темные арапы, говорю тебе, темные! Нуте-с, и пошел я нырять при советском строе. Куда меня только не швыряло, господи! Актером был во Владикавказе. Старшим музыкантом в областной милиции в Новочеркасске. Оттуда я в Воронеж подался, отделом снабжения заведовал. Наконец, убедился за четыре года: нету у меня никакого козырного хода. И решил я тогда по партийной линии двинуться. Чуть не погиб, ей-богу. Дай, думаю, я бюрократизм этот изживу, стажи всякие... И скончался у меня в комнате приятель мой Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный.

ЗОЯ. В Воронеже?

АМЕТИСТОВ. Нет, уж это дело в Одессе произошло. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой на его место становится в ряды. Железная когорта, так сказать. Взял я, стало быть, партбилетик у покойника и в Баку. Думаю, место тихое, нефтяное, шмендефер можно развернуть – небу станет жарко. И стало быть, открывается дверь – и знакомый Чемоданова – шасть. Дамбле! У него девятка, у меня жир. Я к окнам, а окна во втором этаже.

ЗОЯ. Узнаю коней ретивых...

АМЕТИСТОВ. Ну, не везло, Зоечка, ну что ж ты поделаешь. Возьмешь карту – жир, жир... Да... На суде я заключительное слово подсудимого сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, конвойные несознательные и те рыдали. Ну, отсидел я... Вижу, нечего мне больше делать в провинции. Ну, а когда у человека все потеряно, ему нужно ехать в Москву. Эх, Зойка, очерствела ты в своей квартире, оторвалась от массы.

ЗОЯ. Ну ладно. Все понятно. Раз уж ты притащился, ничего с тобой не сделаешь. Слушай, я тебя оставлю... Все слышал?

АМЕТИСТОВ. Свезло, Зоечка.

ЗОЯ. Я не только тебя пропишу, но дам место администратора в предприятии...

АМЕТИСТОВ. Зоечка!

ЗОЯ. Но в квартире мне о картах не будет и речи. Понял?

АМЕТИСТОВ. Что она делает, товарищи? Зоя, это не марксистский подход! Ведь у тебя ж карточная квартира. Да дай ты мне сюда спецов штук пять, у них теперь деньги...

ЗОЯ. Карт не будет.

АМЕТИСТОВ. Эх!

ЗОЯ. И работать будешь под строгим контролем. Смотри, Аметистов, ой смотри. Если ты выкинешь какой-нибудь фокус, я, уж так и быть, рискну всем, а посажу тебя. Ты вздумал меня попугать. Не беспокойся, за меня найдется кому заступиться, а ты... ты слишком много о себе рассказал.

АМЕТИСТОВ. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее. Мон дье![1]

ЗОЯ. Молчи, болван. Где колье, которое ты перед самым отъездом в восемнадцатом году взялся продать?

АМЕТИСТОВ. Колье? Постой, постой... Это с бриллиантами?

ЗОЯ. Ах ты, мерзавец, мерзавец!

АМЕТИСТОВ. Спасибо, спасибо. Видали, как Зоечка родственников принимает!

ЗОЯ. Документы-то у тебя есть?

[1] Mon Dieu! – Боже мой! (*Франц.*)

АМЕТИСТОВ. Документов-то полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежей. (*Достает бумажки.*) Чемоданов Карл... об этом речи быть не может. Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший документ.
ЗОЯ. Это ужас, ужас, честное слово. Ты же Путинковский!
АМЕТИСТОВ. Нет, Зоечка, я спутал. Путинковский в Москве – это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, что меня уж забыли за пять лет в Москве. На, прописывай Аметистова. Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа где-то была...

Зоя достает из шкафа великолепные брюки.

(*Надевая штаны.*) Бог благословит твое доброе сердечко, сестренка. Отвернись.
ЗОЯ. Очень ты мне нужен. Потрудись штаны вернуть, это Павла Федоровича.
АМЕТИСТОВ. Морганатический супруг?
ЗОЯ. Попрошу держать себя с ним вежливо. Это мой муж.
АМЕТИСТОВ. Фамилия ему как?
ЗОЯ. Обольянинов.
АМЕТИСТОВ. Граф? У-у, это карась. Впрочем, у него уж, наверное, ни черта не осталось. Судя по физиономии, контрреволюционер... (*Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.*) Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе.
ЗОЯ. Сам выпутывайся с фамилией. В нелепое положение ставишь. Павлик! Голубчик!

Обольянинов входит.

Извините, милый, что бросили вас одного. По делу говорили.
АМЕТИСТОВ. Увлеклись воспоминаниями детства. Ведь мы росли с Зоечкой. Я сейчас прямо рыдал.
ОБОЛЬЯНИНОВ (*смотря на брюки*). Напоминают мне они...
АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Обокрали в дороге. Свистнули в Ростове второй чемодан. Прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Пожалуйста, пожалуйста. Я их все равно хотел подарить китайцу...
ЗОЯ. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?
ОБОЛЬЯНИНОВ. Помилуйте, я буду очень рад. Если вы рекомендуете Василия Ивановича...
АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон, Александра Тарасовича. Вы удивлены? Это, видите ли, мое сценическое имя, отчество и фамилия. По сцене – Василий Иванович Путинковский, а в жизни Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители расстреляны большевиками. Тут целый роман. Вы прямо будете рыдать, когда я расскажу.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?
АМЕТИСТОВ. Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Баку в данный момент. Лечился от ревматизма. Тут целый роман.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Вы беспартийный, разрешите спросить?
АМЕТИСТОВ. Кель кестьон![1] Что вы!

[1] Quelle question! – Что за вопрос! (*Франц.*)

ОБОЛЬЯНИНОВ. А у вас на груди был этот портрет... Впрочем, может быть, мне это показалось.

АМЕТИСТОВ. Это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает. Плацкарту вне очереди взять. То, другое.

МАНЮШКА (*появилась*). Аллилуя пришел.

ЗОЯ. Зови его сюда. (*Аметистову*.) Имей в виду: председатель домкома. Поговори с ним как следует.

АЛЛИЛУЯ. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Обольянинов.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Мое почтение.

АЛЛИЛУЯ. Ну, что? Надумали, Зоя Денисовна?

ЗОЯ. Да, вот, пожалуйста, документы. Пропишите моего родственника Александра Тарасовича Аметистова. Только что приехал. Он будет администратором школы. (*Подает Аллилуе документы*.)

АЛЛИЛУЯ. Очень приятно. Послужить, стало быть, думаете.

АМЕТИСТОВ. Как же, я старый закройщик, товарищ, по специальности. Стаканчик пива, уважаемый товарищ?

АЛЛИЛУЯ. Мерси. Не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах, да на ногах.

АМЕТИСТОВ. Да, погода, как говорится. Громадный у вас дом, товарищ дорогой. Такой громадный!

АЛЛИЛУЯ. И не говорите. Прямо мученье. Ну, что ж, документы в порядке. А по воинской повинности грыжа у вас?

АМЕТИСТОВ. Точно так. Вот она. (*Подает бумажку*.) Вы партийный, товарищ?

АЛЛИЛУЯ. Сочувствующий я.

АМЕТИСТОВ. А! Очень приятно. (*Надевает медальон*.) Я сам, знаете ли, бывший партийный. (*Тихо, Обольянинову*.) Деван ле жан[1]. Хитрость.

АЛЛИЛУЯ. Отчего же вышли?

АМЕТИСТОВ. Фракционные трения. Несогласен со многим. Я старый массовик со стажем. С прошлого года в партии. И как глянул кругом, вижу – нет, не выходит. Я и говорю Михаил Ивановичу...

АЛЛИЛУЯ. Калинину?

АМЕТИСТОВ. Ему! Прямо в глаза. Я старый боевик, мне нечего терять кроме цепей. Я одно время на Кавказе громадную роль играл. И говорю, нет, говорю, Михаил Иванович, это не дело. Уклонились мы – раз. Утратили чистоту линии – два. Потеряли заветы... Я, говорит, так, говорит, так я тебя, говорит, в двадцать четыре часа, говорит, поверну лицом к деревне. Горячий старик!

ОБОЛЬЯНИНОВ (*дико изумлен*). Он гениален, клянусь.

ЗОЯ. Ах мерзавец, ах мерзавец! (*Вслух*.) Довольно политики. Итак, товарищ Аллилуя, с завтрашнего дня я разворачиваю дело.

АЛЛИЛУЯ. Ну что ж, в добрый час. Таперича я спокоен.

АМЕТИСТОВ. Итак, мы начинаем! За успех показательной школы и за здоровье ее заведующей, товарища Зои Денисовны Пельц. Ура!

Пьют пиво.

А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домкома и сочувствующего Анисима Зотиковича... Да. Я говорю, Зотиковича... (*Зое*.) Как бишь его фамилия?

ЗОЯ (*тихо*). Аллилуя.

[1] Devant les gens.– Не при чужих. (*Франц*.)

АМЕТИСТОВ. Вот я и хотел сказать: Аллилуя, Аллилуя, Ал-ли-луя! И пожелать ему...

Радостные мальчишки во дворе громадного дома запели: «Многая лета! Многая лета!»

Вот именно – многая лета! Многая лета!

Манюшка появилась в дверях. За ней Херувим.

АЛЛИЛУЯ. Это что ж за китаец?

ХЕРУВИМ. Я присел договаривать.

ЗОЯ. Потом. Да это новый работник моей мастерской. (*Аллилуе.*) Будет гладить юбки в мастерской.

АЛЛИЛУЯ. Ага.

АМЕТИСТОВ (*вручает Херувиму стакан пива*). Кричи многая лета тов. Аллилуя! Манюшка, племянница, что стоишь, как китайская стена? Ура!

ОБОЛЬЯНИНОВ (*раздавлен*). Это выдающийся человек.

ЗОЯ. Ах ты, мерзавец. Ах, мерзавец.

АМЕТИСТОВ. Многая лета, многая лета!

ХЕРУВИМ. Миноги и лета.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. На стене портрет Карла Маркса. Манекены, похожие на дам, дамы, похожие на манекенов. Швея трещит на машине. Волны материи. Дело под вечер.

ПЕРВАЯ (*примеряет манто*). Фалдит, фалдит, дорогая моя. Уверяю вас, безумно фалдит. И на боку линия западает.

ЗАКРОЙЩИЦА. Да, линия немножечко неправильная. Мы здесь в припосадочку возьмем.

ПЕРВАЯ. Ах нет, миленькая, нужно весь угол вынуть. А то ужасное впечатление, будто у меня не хватает двух ребер. Ради бога, выньте, выньте!

ЗАКРОЙЩИЦА. Хорошо. (*Размечает мелом на даме.*)

ВТОРАЯ. ...И говорит мне: «Прежде всего, мадам, вам нужно остричься». Я моментально бегу на Арбат к Жану и говорю: «Стригите меня, стригите». Он остриг меня, я бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, вообразите себе, у меня физиономия моментально становится как котел.

ТРЕТЬЯ. Хи-хи.

ВТОРАЯ. Ах, миленькая. Вам смешно, а на самом деле это печально. И представьте, какая наглость с ее стороны...

ПЕРВАЯ. И по-моему, у воротника нужно сделать вытачки, чтобы не морщило.

ЗАКРОЙЩИЦА. Помилуйте, какие же здесь могут быть вытачки, мадам! Ворот не позволяет.

ПЕРВАЯ. А если так?

ВТОРАЯ. Наглость, наглость, наглость. Это, говорит, оттого, мадам, что у вас широкие скулы. Как вам это нравится? Как по-вашему, у меня широкие скулы?

ТРЕТЬЯ. Хи. Да! Широкие.

ВТОРАЯ. Простите, это у вас самой широкие скулы.

ТРЕТЬЯ. Право, не знаю. Я не имею возможности каждый месяц делать себе новую шляпу, так что не могла проверить.

ВТОРАЯ. Простите, кто это вам насплетничал, что я каждый месяц делаю новую шляпу?

ТРЕТЬЯ. Извиняюсь, я сплетен не слушаю. Просто ваш муж служит в тресте, стало быть получает червонцев семьдесят пять.

ВТОРАЯ. Простите, муж получает спецставку – сорок червонцев, и больше никаких доходов у него нету.

АМЕТИСТОВ (*пролетая*). Пардон-пардон. Я не смотрю.

ВТОРАЯ. Мосье Аметистов!

АМЕТИСТОВ. Вотр сервитер[1], мадам?

[1] Votre serviteur. – Ваш слуга. (*Франц.*)

ВТОРАЯ. Скажите, пожалуйста, как по-вашему, у меня широкие скулы? Неужели это правда?

АМЕТИСТОВ. У кого? У вас? Ха-ха. Скулы? У вас. Ха-ха. У вас совсем нету скул! Пардон-пардон. Долг службы. (*Улетает.*)

ПЕРВАЯ. Кто это такой?

ЗАКРОЙЩИЦА. Главный администратор школы.

ПЕРВАЯ. Шикарно поставлено дело.

АМЕТИСТОВ (*в передней*). Извините, товарищ, ничего не могу сделать. Апсольман[1]. Ежели бы у вас было удостоверение с биржи труда. Место-то есть...

ГОЛОС (*утомлен*). А на бирже говорят, дайте удостоверение с места службы, тогда запишем. А пойдешь наниматься, говорят, дай с биржи. Что ж, удавиться мне прикажете?

АМЕТИСТОВ. Закон-с. А закон для меня свят. Ничего не могу. До свидания. (*Пролетает через сцену.*) Пардон-пардон! Я не смотрю. Манто ваше очаровательно. (*Исчезает.*)

ПЕРВАЯ. Какое там очаровательно. (*Смотрится в зеркало.*) Неужели у меня такой зад? Этого не может быть.

ШВЕЯ (*тихо*). Зад, как рояль. Только клавиши приделать, и в концертах можно играть.

ЗАКРОЙЩИЦА. Тише, Варвара Никаноровна. (*Первой.*) Я заберу с боков.

Звонок.

АМЕТИСТОВ (*пролетая*). Пардон-пардон, я не смотрю.

ТРЕТЬЯ. Какой бойкий!

АМЕТИСТОВ (*из передней*). Что, место? Вы – член профсоюза?

ГОЛОС. То-то, что нет.

АМЕТИСТОВ. Тогда, виноват, ничего не могу сделать.

ГОЛОС. Как же быть? В союзе говорят – поступите на службу, тогда запишем, а вы говорите, дай из союза, тогда примем. Быть-то как же?

АМЕТИСТОВ. Обратитесь, товарищ, в юридическую консультацию.

ГОЛОС. Эхо-хо.

АМЕТИСТОВ. Честь имею кланяться. (*Проносится.*) Пардон-пардон, я не смотрю.

Звонок.

(*В сторону.*) Ах, чтоб тебе сдохнуть. (*Улетает.*)

ТРЕТЬЯ. Какое громадное дело у мадам Пельц.

ЗАКРОЙЩИЦА (*снимает с первой манто*). Ну ладно, так и сделаем.

ПЕРВАЯ. Только, пожалуйста, миленькая, чтобы к среде было готово.

ЗАКРОЙЩИЦА. К среде невозможно, мадам, Варвара Никаноровна не поспеет.

ПЕРВАЯ. Ах, боже, это ужасно! (*Швее.*) Варвара Никаноровна! Голубчик! К среде!

ШВЕЯ. Немыслимо, мадам. Шесть туалетов на очереди. (*Стучит на машинке.*)

ПЕРВАЯ. Ах, это ужасно... А к пятнице?

ШВЕЯ. Постараюсь. (*Стучит.*)

ПЕРВАЯ. До свиданья... До свиданья. (*Уходит.*)

Аметистов выходит из передней.

[1] Absolument. – Абсолютно. (*Франц.*)

ПЕРВАЯ. Мосье! К пятнице!
АМЕТИСТОВ. Все, что в моих силах, все будет сделано.
ПЕРВАЯ. До свиданья. (*Уходит.*)
АМЕТИСТОВ. О ревуар[1], мадам.

Звонок.

Чтоб тебя громом убило! (*Улетает.*)
ВТОРАЯ. Простите, кажется, моя очередь?
ТРЕТЬЯ. Ваша.
АМЕТИСТОВ (*в передней*). Место? А вы член профсоюза?
ГОЛОС. Член!
АМЕТИСТОВ. А на бирже, позвольте узнать, дорогой товарищ, состоите?
ГОЛОС (*победоносно*). Состою!
АМЕТИСТОВ. К сожалению, ни одного места нет.
ГОЛОС (*потрясен*). Неужели? Я партийную рекомендацию могу представить.
АМЕТИСТОВ. Обязательно. Мы и не берем никого без партийной рекомендации. Разве можно? У нас мастерская показательная. Бог знает кто придет.
ГОЛОС. Я ведь швея хорошая...
АМЕТИСТОВ. Охотно верю, но места, увы, нет. До свидания, дорогой товарищ.
ВТОРАЯ. Голубушка, только запа̀х должен быть больше, больше!
ЗАКРОЙЩИЦА. Но ведь это вас будет толстить.
ВТОРАЯ. Ах, толстить? Тогда не надо, не надо.
ТРЕТЬЯ. К полным не идет большой запах.
ВТОРАЯ. Простите, вы полнее меня.
ТРЕТЬЯ. Хи-хи.
АМЕТИСТОВ (*проносясь*). Пардон-пардон, я не смотрю.
ВТОРАЯ. Скажите, пожалуйста, месье Аметистов, какой запа́х мне больше пойдет, большой или малый?
АМЕТИСТОВ. За́пах? Ага... да, запа́х. Угу... Всякий запа́х вам очень пойдет. Пардон-пардон, дела. (*Улетает.*)
ШВЕЯ (*третьей*). Пожалуйста, мадам. (*Примеряет на третьей.*)
ТРЕТЬЯ. Вот теперь хорошо.

Звонок.

АМЕТИСТОВ (*летит*). Товарищ Манюша. Никого не принимайте. Восемь часов уже. (*В передней.*) Ах, очень приятно, очень приятно...
МАНЮШКА (*пролетая*). Зоя Денисовна, Агнесса Ферапонтовна приехали! (*Исчезает.*)
АМЕТИСТОВ (*входит*). Милости просим, Агнесса Ферапонтовна...
АГНЕССА. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Аметистов.
АМЕТИСТОВ. Присаживайтесь, Агнесса Ферапонтовна.
АГНЕССА. Мерси, я на минуту. (*Закройщице.*) Здравствуйте, дорогая.
ЗАКРОЙЩИЦА. Здравствуйте, Агнесса Ферапонтовна.
ЗОЯ (*выходит*). Очень рада, очень рада...
АГНЕССА. Здравствуйте, милая Зоя Денисовна.
ЗОЯ (*тихо, третьей*). Прошу вас, уступите вашу очередь Агнессе Ферапонтовне. Она, наверно, спешит...
ТРЕТЬЯ. Простите, Зоя Денисовна, почему я должна уступать свою очередь?

[1] Au revoir... — До свидания... (*Франц.*)

АМЕТИСТОВ (*на ухо ей*). Это жена... (*Шепчет.*)
ВТОРАЯ. Я могу уступить очередь.
ТРЕТЬЯ. Нет уж, пожалуйста. Пожалуйста, я уступаю.
ЗОЯ. Пожалуйста, Агнесса Ферапонтовна.
АГНЕССА (*третьей*). Очень вам признательна. Меня машина ждет. (*Развязывая сверток.*) Вот видите. Бант поместили слишком низко. Ужасное уродство.
ВТОРАЯ. Ах, какая прелесть. Парижское?
АГНЕССА. Парижское.
ЗАКРОЙЩИЦА. Это нетрудно переставить. Вы примеряете сейчас?
АГНЕССА. Нет, нет, я спешу.
ЗАКРОЙЩИЦА. Мы на манекене переставим. Варвара Никаноровна!
АМЕТИСТОВ. Эн момэн[1], мадам. (*Надевает платье на манекен.*)
ВТОРАЯ. Вы давно из Парижа, мадам?
АГНЕССА. Две недели. (*Швее.*) Вот сюда, милая, сюда.
ВТОРАЯ. Простите, ваш супруг не мог бы оказать некоторое содействие к получению визы в Париж? Я тоже собираюсь съездить. Мой муж, моя фамилия Сепурахина, правда, беспартийный, но занимает видное положение в Электротресте...
АГНЕССА. Извините, пожалуйста, я очень тороплюсь. Мой муж, к сожалению, ничего не может сделать. Он не имеет никакого отношения к выдаче виз... Зоя Денисовна, у меня большая просьба, нельзя ли к завтрашнему дню?
ЗОЯ. О да, это несложно. Варвара Никаноровна?
ШВЕЯ. Поспеем...

АГНЕССА. Очень вам признательна, очень. Всего хорошего, Зоя Денисовна. Ну, как идут дела?
ЗОЯ. Как видите, совершенно завалены.
ВТОРАЯ (*сбрасывая манто*). Извините, нескромный вопрос, вы сейчас куда?
АГНЕССА (*удивленно*). На Кузнецкий мост.
ВТОРАЯ. Ах, нам по дороге. Вы ничего не будете иметь против, если я вас провожу?
АМЕТИСТОВ (*тихо*). Вот чертова баба, пристала как банный лист.
АГНЕССА. Очень вам благодарна, но я, видите ли, в машине.
АМЕТИСТОВ. Агнесса Ферапонтовна в машине.
ВТОРАЯ. Ничего, я вас по лестнице провожу.
АГНЕССА. Не затрудняйтесь, пожалуйста. До свидания, Зоя Денисовна.
ВТОРАЯ. Я завтра зайду, Зоя Денисовна. Всего хорошего. (*Летит за Агнессой.*)
ТРЕТЬЯ. Боже, какая особа.
ЗАКРОЙЩИЦА. Как рак вцепилась. Хи.
ТРЕТЬЯ. Ужас. Ужас. До свидания. Я завтра зайду.

Закройщица и швея снимают с третьей манто.

Мерси, милая. Зоя Денисовна, сколько я вам должна?
ЗОЯ. Восемьдесят пять рублей.
ТРЕТЬЯ. Пожалуйста. Пятьдесят. А остальные я во вторник принесу. Хорошо?
ЗОЯ. Пожалуйста.
ТРЕТЬЯ. Всего хорошего, Зоя Денисовна.
ЗОЯ. До свидания. Все?

[1] Un moment... — Одно мгновенье... (*Франц.*)

ЗАКРОЙЩИЦА. Все!

ЗОЯ. Ну, прекрасно, кончайте. (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ (*входит*). Уф! Ну-с, дорогие товарищи, закрывайте лавочку. Устали?

ЗАКРОЙЩИЦА. Ужасно устала.

ШВЕЯ. Человек тридцать было сегодня.

АМЕТИСТОВ. Отдыхайте, товарищи, дорогие, согласно Кодекса труда. Отдыхайте. Предайтесь разумным развлечениям, съездите на Воробьевы горы...

ШВЕЯ. Какие тут горы, Александр Тарасович. До постели бы только добраться!

АМЕТИСТОВ. Я вас понимаю. Я сам мечтаю только об одном, как бы лечь. Лягу, почитаю на ночь что-нибудь по историческому материализму и усну. Не надо убирать, Варвара Никаноровна, товарищ Манюша все сделает.

ЗАКРОЙЩИЦА. Прощайте, Александр Тарасович.

ШВЕЯ. До свидания.

Уходят.

АМЕТИСТОВ. До свидания, до свидания... У, черт, замучили окаянные. В глазах только одни зады и банты, больше ничего нет. (*Достает из шкафа бутылку коньяка, выпивает рюмку.*) Фу... Зоечка! Дорогая директриса!

ЗОЯ (*выходит*). Ну?

АМЕТИСТОВ. Ну вот что, кузина. Дела важные. Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке.

ЗОЯ. Не пойдет. Я уже думала об этом.

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Ты меня слушай. Финансовые дела у нее последнее время швах. Она тебе сколько задолжала?

ЗОЯ. Около пятисот рублей.

АМЕТИСТОВ. Ну вот и козырек.

ЗОЯ. Заплатит.

АМЕТИСТОВ. Не заплатит, я тебе говорю. Ты меня слушай. У нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть у человека деньги или нет. Я по себе сужу: когда я пустой, я задумчивый, философия нападает, на социализм тянет. Говорю тебе, баба задумывается, на отлете она. Ежели женщина задумывается, это означает только одно из двух, или она с мужем разводится, или из СеСеРе лататы хочет дать. Деньги ей нужны до зарезу, а денег нет. Ты подумай, экземпляр какой. Украшение квартиры. Мадам Ивановой панданчик[1]. А Мымра твоя и Лизанька только и умеют визжать.

ЗОЯ. Они — второй сорт.

АМЕТИСТОВ. Так нельзя же, шер маман[2], все на втором сорте отъезжать.

Звонок.

Еще кого-то черт несет. Ты Аметистова слушай. Аметистов большой человек. Ежели он ставит дело, то на хозрасчете, то на широкую ногу...

МАНЮШКА. Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?

АМЕТИСТОВ. Во! Случай. Жми ее, жми.

[1] Pendant. — В пару. (*Франц.*)
[2] Chère maman. — Мамочка. (*Франц.*)

ЗОЯ. Ладно, не суетись. (*Манюшке.*) Проси сюда.

АЛЛА (*ослепительная женщина входит*). Здравствуйте, Зоя Денисовна. Простите, если я не вовремя.

ЗОЯ. Нет, нет, очень рада. Пожалуйста.

АМЕТИСТОВ. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна. Платье? Что сказать о вашем платье, кроме того, что оно очаровательно!

АЛЛА. Это комплимент Зое Денисовне.

АМЕТИСТОВ. Алла Вадимовна. Уверяю вас, что, увидав те модели, которые мы сегодня получили из Парижа, вы выбросите это платье за окно. Даю вам в этом честное слово бывшего кирасира.

АЛЛА. Вы были кирасиром?

АМЕТИСТОВ. Мез'уй[1].

АЛЛА. Вы разрешите мне, Зоя Денисовна, потом взглянуть на модели?

ЗОЯ. Конечно, Алла Вадимовна.

АМЕТИСТОВ. Ну-с, я лечу, покидаю вас.

АЛЛА. Все хлопочете?

АМЕТИСТОВ. Как же, как же. Как говорится, того согрей, тем свету дай и всех притом благословляй. (*Зое, тихо.*) Жми ее, жми. (*Исчезает.*)

АЛЛА. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Он положительно создан для этой должности. Скажите, он действительно бывший кирасир?

ЗОЯ. Не могу вам сказать точно, к сожалению. Присаживайтесь, Алла Вадимовна. Чаю хотите?

АЛЛА. Благодарю вас, нет. Не беспокойтесь. (*Пауза.*) Я к вам по важному делу, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Я слушаю вас, Алла Вадимовна.

АЛЛА. Я хотела переговорить с вами, во-первых, относительно моего долга. Я ведь должна вам, если не ошибаюсь...

ЗОЯ (*открыв книгу*). Пятьсот один рубль.

АЛЛА. Пятьсот один. Да, совершенно верно. Да. Дорогая Зоя Денисовна, я наношу вам большой ущерб тем, что задерживаю уплату? (*Пауза.*) Вопрос мой, впрочем, нелеп, простите меня. Я сама это прекрасно понимаю. Но дело в том, что финансовые мои обстоятельства в последнее время очень неважны. Я крайне стеснена. Как никогда еще. И мне очень совестно, Зоя Денисовна. (*Пауза.*) Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна? Это очень печально.

АЛЛА. Тогда... вы простите меня, Зоя Денисовна... Вы, конечно, правы. Я попрошу у вас дня два или три и употреблю все усилия, чтобы достать эту сумму. Мне очень совестно, поверьте. (*Пауза.*) До свидания, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. До свидания, Алла Вадимовна.

Алла идет к двери.

Алла Вадимовна, минуточку. Вы же хотели посмотреть модели.

АЛЛА. Зоя Денисовна, вы шутите. Но это, я бы сказала, суровая шутка. Мне нечем уплатить за то, что я сшила, я не знаю, как быть, а вы...

ЗОЯ. Ах, Алла Вадимовна, ну что же сделаешь? Я ведь сама в очень неважном положении. Ну что ж, не плакать же? Нельзя же все время говорить о деньгах. Мне приятно показать вам, ведь эти нэп-

[1] Mais oui.— Ну, разумеется. (*Франц.*)

манши хуже кухарок. А вы одна из очень немногих женщин в Москве с огромным вкусом. Гляньте, ведь это прелесть.

Открывает зеркальный шкаф, в нем ослепительная гамма туалетов.

Смотрите, вечернее...

АЛЛА. Изумительно. Пакэн?

ЗОЯ. Пакэн.

АЛЛА. Я узнала сразу. О, великий художник!

ЗОЯ. Но это не на всякие плечи. На ваши это годилось бы. А вот сиреневое. Обратите внимание на отделку пояса. Просто, не правда ли?

АЛЛА. Гениальная простота. Сколько оно стоит?

ЗОЯ. Тридцать два червонца. (*Пауза.*) Так плохи дела, детка?

АЛЛА. Зоя Денисовна, это уже переходит границы шутки.

ЗОЯ. О нет, Аллочка, так нельзя, милая! Я к вам добром, а вы мне отвечаете холодом. Это не годится. И дело не в пятистах рублях. Мало ли кто кому должен. Дело в тоне. Вот если бы вы пришли ко мне, сказали бы просто и дружелюбно: Зоя, дела мои паршивы, мы бы вместе подумали, как выпутаться из них... Но вы вошли ко мне как статуя свободы. Я, мол, светская дама, а ты Зоя-коммерсантка, портниха. Ну, а если так, я плачу вам тем же.

АЛЛА. Зоя Денисовна. Дорогая. Это вам показалось, честное слово. Просто я настолько была подавлена, что не знала, как вам смотреть в глаза. Мой долг меня мучает.

ЗОЯ. Ладно, садитесь. Довольно о долге. Поговорим по-иному. Итак, денег нет. Отвечайте просто и откровенно, как другу: сколько надо?

АЛЛА. Много надо. Даже под ложечкой холодно, так много.

ЗОЯ. Ну сколько?

АЛЛА. Сто пятьдесят червонцев.

ЗОЯ. Зачем?

АЛЛА. Я хочу уехать за границу.

ЗОЯ. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

АЛЛА. Ни черта.

ЗОЯ. Ну, а он, ваш этот... Я не хочу знать, кто он, имя его мне не нужно, одним словом — он. Разве у него нет денег, чтобы прилично вас устроить здесь?

АЛЛА. С тех пор, как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Ой!

АЛЛА. Правда.

ЗОЯ. Ой? Странно! Чем же вы жили до сих пор?

АЛЛА. Продавала свои бриллианты. Но их больше нет.

ЗОЯ. Ну ладно, верю. Итак: сто пятьдесят червей достать можно.

АЛЛА. Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Не волнуйтесь, товарищ. Слушайте, вам в визе отказали три месяца назад?

АЛЛА. Отказали.

ЗОЯ. Ну вот, а я берусь вам устроить это. И к рождеству вы уедете, я вам за это ручаюсь.

АЛЛА. Зоя. Если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь. И клянусь, за границей я верну вам всю сумму до копейки.

ЗОЯ. Ах, не нужны мне ваши деньги. Я вам дам возможность их заработать, и очень легко.

АЛЛА. Милая Зоечка, мне кажется, что в Москве у меня нет возможно-

сти заработать не только сто пятьдесят червонцев, но даже сто пятьдесят копеек, то есть, я подразумеваю, сколько-нибудь приличным трудом.

ЗОЯ. Ошибаетесь. Мастерская – приличный труд. Поступите у меня манекенщицей.

АЛЛА. Зоечка. Но ведь за это же платят гроши!

ЗОЯ. Понятие о грошах растяжимо. Ну, вот что: ни слова никому никогда о том, что я вам предложу, даже если вы откажетесь, что, кстати говоря, будет крайне глупо. Ни слова?

АЛЛА. Ни слова.

ЗОЯ. Честное слово?

АЛЛА. Честное слово.

ЗОЯ. Я вам буду платить шестьдесят червонцев в месяц, кроме того, аннулирую долг в пятьсот рублей, кроме того, достану визу. Ну? (*Пауза.*) Заняты только вечером, и то не каждый день. (*Пауза.*) Ну?

АЛЛА (*пятясь*). Вечером. Вечером? Зоя, это штука. Это штука!

ЗОЯ. До рождества только четыре месяца. К рождеству вы свободны как птица, в кармане у вас виза и не сто пятьдесят червонцев, а втрое, вчетверо больше, я не буду контролировать вас и никто... никогда. Слышите, никто не узнает, как Алла работала манекенщицей... Весной вы увидите Большие бульвары. На небе над Парижем весною сиреневый отсвет, точь-в-точь такой. (*Выбрасывает из шкафа сиреневую материю.*)

Голос под рояль поет глухо: «Покинем, покинем край, где мы так страдали...»

Знаю. Знаю... В Париже любимый человек.

АЛЛА. Да.

ЗОЯ. Весною под руку с ним по Елисейским полям. И он никогда не будет знать, никогда.

АЛЛА (*в ошеломлении*). Вот так мастерская! Поняла. Вечером. Знаете, Зойка, кто вы? Вы черт! И никому и никогда?

ЗОЯ. Клянусь!

АЛЛА. Это фокус.

ЗОЯ. Ну? (*Пауза.*) Как в воду, сразу, вниз головой... алле...

АЛЛА. Зойка, никому, и я через три дня приду.

ЗОЯ. Ап! (*Раскрывает шкаф.*) Выбирайте. Мой подарок. Любое!

АЛЛА. Сиреневое!

Сцена гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер.

АМЕТИСТОВ (*хохочет*). Видала, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!

ЗОЯ. Ты не глуп, Александр Аметистов.

АМЕТИСТОВ. Не глуп. Вы слышите, товарищи – не глуп. Что, Зоечка, хорошо я работаю?

ЗОЯ. Да, ты исправился и поумнел.

АМЕТИСТОВ. Ну, Зоечка, половина твоего богатства сделана моими мозолистыми руками, и визу ты мне выправишь. Ах, Ницца, Ницца,

когда же я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках! Не глуп! Я – гениален!

ЗОЯ. Слушай, гениальный Аметистов, об одном тебя попрошу, не говори ты по-французски. По крайней мере, при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

АМЕТИСТОВ. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

ЗОЯ. Ты не плохо говоришь... ты кошмарно говоришь!

АМЕТИСТОВ. Это нахальство, Зоя. Пароль донер![1] Я с десяти лет играю в шмендефер и на́ тебе. Плохо говорю по-французски!

ЗОЯ. И еще: зачем ты врешь поминутно? Какой ты, ну какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

АМЕТИСТОВ. Нету у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку. Вот характер! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил бы в Нарым.

ЗОЯ. Но так как власть не твоя, так готовься скорее. Не забудь, сейчас Гусь будет. Я иду переодеваться. (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ. Гусь? Что ж ты молчишь? (*Впадает в панику.*) Гусь, Гусь, Гусь! Господа, Гусь! (*Лезет вверх по лестнице, снимает портрет Маркса.*) Слезайте, старичок, нечего вам больше смотреть. Ничего интересного больше не будет. И где это Ласточкино гнездо, Небесная империя?! Племянница Манюшка!

МАНЮШКА (*появляясь*). Вот она я.

АМЕТИСТОВ. Мне интересно, чего ты там сидишь? Я, что ль, один все буду двигать?

МАНЮШКА. Я посуду мыла.

АМЕТИСТОВ. Успеешь с посудой. Помогай!

Квартира под руками Аметистова и Манюшки волшебно преображается. Звонок три раза.

Маэстро. Открывай.

МАНЮШКА. Здравствуйте, Павел Федорович.

ОБОЛЬЯНИНОВ (*во фраке*). Здравствуй, Манюша. Здравствуйте.

АМЕТИСТОВ. Маэстро, мое почтение.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, я давно хотел попросить вас: называйте меня по имени и отчеству.

АМЕТИСТОВ. Чего ж вы обиделись? Вот чудак человек! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Это большая разница. Кстати о разнице: нет ли у вас папиросочки?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Конечно, прошу вас.

АМЕТИСТОВ. Мерси боку[2].

ОБОЛЬЯНИНОВ. Зоя, к вам можно?

ЗОЯ (*за сценой*). Нет, Павлик, погодите, я еще не одета. Как вы себя чувствуете?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Сносно, мерси.

АМЕТИСТОВ (*Манюшке*). Давай нимфу.

МАНЮШКА. Сейчас. (*Выдвигает из-за занавеса картину обнаженной женщины.*) Ги...

[1] Parole d'honneur! – Слово чести! (*Франц.*)
[2] Merci beaucoup. – Благодарю. (*Франц.*)

АМЕТИСТОВ. Вот это я понимаю! Хорошая картиночка. Граф, что вы скажете про этот сюжетик? Манюшка. Не чета тебе?

МАНЮШКА. Бесстыдник. А может, я лучше. (*Скрывается.*)

АМЕТИСТОВ. Вуаля![1] Ведь это рай. А? Граф, да вы гляньте, развеселитесь, что вы сидите, как квашня!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Что это такое – квашня?

АМЕТИСТОВ. Ну, с вами не разговоришься! Как квартиру находите? А?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру.

АМЕТИСТОВ. Хороша была?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Очень хороша, только у меня ее отобрали.

АМЕТИСТОВ. Да неужели?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Какие-то с рыжими бородами выкинули меня...

АМЕТИСТОВ. Это печальная история.

ЗОЯ. Павлик! Здравствуйте! Вы сегодня бледный. Ну-ка, идите к свету, я погляжу на вас... Тени под глазами...

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, это пустяки. Просто я сегодня слишком долго спал.

ЗОЯ. Ну, идемте ко мне, посидим до гостей. (*Скрывается с Обольяниновым.*)

Условный звонок – три долгих, два коротких.

АМЕТИСТОВ. Вот он, черт его возьми... Где ты пропадал?

ХЕРУВИМ (*с узлом*). Я мал-мала юпки гладил.

АМЕТИСТОВ. Ну тебя к богу с твоими юбками. Кокаину принес?

ХЕРУВИМ. Да.

АМЕТИСТОВ. Давай, давай! Слушай, ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза.

ХЕРУВИМ. Смотлю тебе галаза.

АМЕТИСТОВ. Отвечай по совести: аспирину подсыпал?

ХЕРУВИМ. Ниэт... ниэт...

АМЕТИСТОВ. Ох, знаю я тебя. Бандит ты! Ну, если только подсыпал, бог тебя накажет! (*Нюхает.*)

ХЕРУВИМ. Мал-мала наказит.

АМЕТИСТОВ. Да не мал-мала, а он тебя на месте пришибет. Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь аспирин в кокаин. Нет, хороший кокаин. Чувствую. Мысли яснее. При такой чертовой гонке порядочному человеку невозможно без кокаина. Ну, уважаемый сын Поднебесной империи, переодевайся.

ХЕРУВИМ. Счас. (*Надевает китайскую кофту и шапочку.*)

АМЕТИСТОВ. Совершенно другой разговор. И какого черта вы, китайцы, себе косы бреете. С косой тебе совершенно другая цена была бы!

Звонок условный.

Ага. Мымра. Эта аккуратнее всех.

ХЕРУВИМ. Мымла присла.

АМЕТИСТОВ. Цыть ты! Какая она тебе Мымра?

МЫМРА. Здравствуйте, Александр Тарасович. Здравствуй, Херувимчик! Сегодня как-то особенно нарядно. Ах, какая прелесть! Хризантемы. Это мой любимый цветок. Обожаю. (*Поет.*) И на могилу обещай ты приносить мне хризантемы...

АМЕТИСТОВ. Шли бы вы одеваться, Наталия Николаевна, а то поздно. Сегодня большой день: новые модели будем демонстрировать.

[1] Voilà! – Смотрите-ка! (*Франц.*)

МЫМРА. Прислали? Ах, какая прелесть! (*Убегает.*)

Херувим зажег китайский фонарь в нише, дымит курением.

АМЕТИСТОВ. Не очень налегай.
ХЕРУВИМ. Я не буду налегай. (*Хлопочет, исчезает.*)

Звонок.

ЛИЗАНЬКА. Почтение администратору этого монастыря.
АМЕТИСТОВ. Бон суар[1], Лизанька. Летите, переодевайтесь, сейчас будет важное лицо.
ЛИЗАНЬКА. Ну? Мне?
АМЕТИСТОВ. Это уж от него зависит.
ЛИЗАНЬКА. А то я в последнее время почему-то в загоне. (*Исчезает.*)

Звонок.

АМЕТИСТОВ (*летит к зеркалу, охорашивается*). Здравствуйте, мадам Иванова...
ИВАНОВА. Дайте мне папироску.
АМЕТИСТОВ. Манюшка. Папиросы!

Пауза.

Холодно на дворе?
ИВАНОВА. Да.
АМЕТИСТОВ. У нас сюрприз: модели пришли из Парижа.
ИВАНОВА. Это хорошо.
АМЕТИСТОВ. Изумительные. Прямо пальчики оближешь.

ИВАНОВА. Ага.
АМЕТИСТОВ. Вы в трамвае приехали?
ИВАНОВА. Да.
АМЕТИСТОВ. Народу много в трамвае?
ИВАНОВА. Да.
МАНЮШКА (*подает папиросы*). Вот.
АМЕТИСТОВ. Вот-с. Прошу.
ИВАНОВА. Спасибо. (*Уходит.*)
АМЕТИСТОВ. Вот женщина! Ей-богу. Всю жизнь с такой можно прожить и не соскучишься. Не то что ты – тарахтишь, тарахтишь.
МАНЮШКА. Я ведь необразованная.
АМЕТИСТОВ. А ты образовывайся, деточка. А ты только с китайцами умеешь перемигиваться.
МАНЮШКА. Ничего я не перемигиваюсь...

Властный звонок.

АМЕТИСТОВ. Он! Узнаю звонок коммерческого директора. Великолепно звонит! Открывай, впускай. Потом сейчас же лети переодеваться. Херувим будет подавать.
ХЕРУВИМ (*возбужден*). Гусь идет. (*Исчезает.*)
МАНЮШКА. Ах, батюшки! Гусь! (*Бежит открывать.*)
АМЕТИСТОВ. Зоя, Гусь! Зоя, Гусь! Принимай. Я исчезаю. (*Исчезает.*)
ЗОЯ (*в роскошном туалете*). Как я рада, милый Борис Семенович!
ГУСЬ. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте!
ЗОЯ. Садитесь сюда, здесь уютнее. Ай, яй, яй, какой же вы нехороший!
ГУСЬ. Вы мне говорите, что я нехороший? Это замечательно. Вся Москва мне твердит на всех перекрестках, что я именно хороший, и только вы одна находите, что это наоборот.

[1] Bonsoir. – Добрый вечер. (*Франц.*)

ЗОЯ. Ах, Борис Семенович. Москва льстива. Она преклоняется перед людьми, занимающими такое громадное положение, как ваше, а я бедная портниха, мне все равно. Ай, яй! Сосед, близкий знакомый, а хоть бы раз зашел.

ГУСЬ. Поверьте мне, я с удовольствием, но у меня...

ЗОЯ. Я шучу... Я знаю, что у вас дела по горло.

ГУСЬ. Не по горло, а вот сколько. Утром заседание, в полдень заседание, днем – заседание, вечером заседание, а ночью...

ЗОЯ. Тоже заседание.

ГУСЬ. Нет, бессонница.

ЗОЯ. Бедненький, вы переутомитесь.

ГУСЬ. Уже.

ЗОЯ. Ну, вот видите. Вам нужно развлекаться!

ГУСЬ. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи... (*Увидел картину.*) Ай, замечательный художник... Замечательный художник... прямо замечательный.

ЗОЯ. Французская школа.

ГУСЬ. Замечательная школа. Вот это школа! Скажите, вы не хотите продать эту картину?

ЗОЯ. А вы хотели бы ее купить?

ГУСЬ. Да, я ничего бы не имел против. Я люблю картины. У меня теперь большая квартира, а стены, извините за выражение, голые.

ЗОЯ. Так вы бы хотели на голую стену повесить голую женщину? Я и не знала, что вы такой.

ГУСЬ. Вы пикантная женщина.

ЗОЯ. Ах, какая там пикантная. Старость, старость, дорогой Борис Семенович. Картину я не собираюсь продавать, но когда я буду уезжать за границу, я вам ее подарю.

ГУСЬ. С какой же стати?

ЗОЯ. Вы обидите меня отказом. Ни слова. Вы так много сделали для меня. Мастерская обязана вам своим существованием.

ГУСЬ. Ах, это пустяки. Кстати, о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу. Только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев на двадцать или двадцать пять.

ЗОЯ. Понимаю. Подарок?

ГУСЬ. Между нами.

ЗОЯ. Ах, плутишка! Влюблен! Ну, сознавайтесь. Влюблен?

ГУСЬ. Между нами.

ЗОЯ. Не бойтесь. Не скажу супруге. Ах мужчины, ах мужчины!

ГУСЬ. Замечательный художник.

ЗОЯ. Хорошо, сейчас мы все это устроим. Только уговор: это тоже между нами. Мой администратор покажет вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, я вас не выпущу.

ГУСЬ. Мерси. У вас есть администратор? Это замечательно. Посмотрим, посмотрим, какой у вас такой администратор.

ЗОЯ. Сейчас вы его увидите. (*Скрывается.*)

АМЕТИСТОВ (*во фраке, внезапно*). Кан он парль дю солей, он вуа ле рейон. Что в переводе на русский язык означает: когда говорят о солнце, видят его лучи.

ГУСЬ. Это вы мне про лучи?

АМЕТИСТОВ. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться – Аметистов.

ГУСЬ. Гусь.

АМЕТИСТОВ. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, доброе дело задумали, многоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Херувим появился.

ГУСЬ. Позвольте. Это же китаец!

АМЕТИСТОВ. Точно так. Китаец, с вашего позволения. Не обращайте на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын Поднебесной империи и отличается только одним качеством – примерной честностью.

ГУСЬ. А зачем китаец?

АМЕТИСТОВ. Преданный, старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез я его из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

ГУСЬ. Это замечательно. Для чего материалы?

АМЕТИСТОВ. Для большого этнографического труда. Впрочем, я вам как-нибудь после расскажу о своих скитаниях, глубочайше уважаемый мною Борис Семенович. Вы прямо будете рыдать. Херувим! Дай нам чего-нибудь прохладительного.

ХЕРУВИМ. Сицас. (*Исчезает и тотчас появляется с шампанским.*)

АМЕТИСТОВ. Прошу.

ГУСЬ. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор.

АМЕТИСТОВ. Же панс![1] Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

ГУСЬ. Вы работали в Париже?

АМЕТИСТОВ. Пять лет, любезнейший Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

Херувим исчезает.

ГУСЬ. Вы знаете, если б я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

АМЕТИСТОВ. Глядя на него, невольно уверуешь. Ваше здоровье, глубоко и искренне уважаемый мною Борис Семенович! А также здоровье вашего почтенного треста тугоплавких металлов! Ура, ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирмы.

ГУСЬ. У вас замечательно поставлено дело.

АМЕТИСТОВ. Будьте спокойны. Итак, она блондинка, шатенка?

ГУСЬ. Кто?

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон. Та уважаемая особа женского пола, для которой предназначается туалет.

ГУСЬ. Между нами – она светлая брюнетка.

АМЕТИСТОВ. У вас есть вкус. Прошу вас еще бокальчик, а также попрошу привстать.

ГУСЬ. Так?

АМЕТИСТОВ. Мерси, благодарю вас. К этой визитке светлая брюнетка прямо сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Иначе, впрочем, и быть не может.

ГУСЬ. Позвольте, а если я сниму визитку?

АМЕТИСТОВ. Если вы снимете вашу уважаемую визитку, мы к ней подберем такой пандан из области брюнеток, что вы будете поражены.

[1] Je pense! – Я думаю! (*Франц.*)

ГУСЬ. Я уже поражен вашей постановкой.
АМЕТИСТОВ. Херувим!

Херувим появился.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лиз.
ХЕРУВИМ. Сицас. (*Исчезает.*)

Обольянинов выходит.

АМЕТИСТОВ. Конт[1] Обольянинов. Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович. Миндалю? (*Затемняет сцену. Хлопнув в ладоши.*) Ателье!

Обольянинов у рояля. Играет печальное. Открывается освещенная эстрада, и на ней появляется Лизанька в зеленом туалете. Изображает замерзающую девушку. Херувим сыплет на нее снег.

(*Монотонно.*) Что вы плачете так, одинокая, бедная девочка. (*Пауза.*) Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы.

Лизанька умирает возле уличной урны.

Ваш сиреневый трупик закроет саваном мгла.

Лизанька оживает, танцует бурно.

Анфан террибль[2]. Мерси, мадмазель.
ЛИЗАНЬКА. Вытряхиваться?
АМЕТИСТОВ. Вытряхайтесь, Лизанька.

Лизанька исчезает, Обольянинов прекращает музыку. Занавеску закрывает Аметистов.

Что вы скажете, драгоценнейший Борис Семенович?
ГУСЬ. Да-а...
АМЕТИСТОВ. Бокальчик?
ГУСЬ. Мерси. Нет, вы прямо обаятельная личность.
АМЕТИСТОВ. Знаете, Борис Семенович. Пообтесался в свое время. Потерся при дворе.
ГУСЬ. Вы были при дворе?
АМЕТИСТОВ. Точно так. Я, знаете ли, если расскажу вам некоторые тайны своего деторождения, вы прямо изойдете слезами.
ГУСЬ. Это замечательно. Э... у вас есть, может быть, что-нибудь более...
АМЕТИСТОВ. Закрытое...
ГУСЬ. Открытое...
АМЕТИСТОВ. Узнаю ваш вкус, почтеннейший Борис Семенович. И поверьте фирме. (*Берет скрипку.*) Ателье!

Мымра на эстраде в роскошном и открытом туалете кормит искусственных голубей. Аметистов играет на скрипке ноктюрн Шопена под аккомпанемент Обольянинова.

Не выгибайтесь так, Наталья Николаевна. Вечер еще впереди.
МЫМРА. Не смейте мне делать замечания!
АМЕТИСТОВ (*играя*). Больше жизни, мадмуазель Натали!

Музыка прекращается.

Фить!

[1] Comte. – Граф. (*Франц.*)
[2] Enfant terrible. – Ужасное дитя. (*Франц.*)

МЫМРА (*исчезая*). Невежа!

АМЕТИСТОВ (*ей вслед*). Ву зет тре земабль[1]. Как вы находите, очаровательнейший Борис Семенович?

Манюшка появляется на эстраде в русском костюме.

Мадемуазель Мари, стиль рюсс! Маэстро!

Обольянинов играет «Светит месяц». Манюшка танцует. Аметистов играет на балалайке.

ХЕРУВИМ (*интимно*). Мануска! Когда танцуиси, мене самалатли, гости не самалатли.

МАНЮШКА (*интимно*). Уйди, черт ревнивый!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я играю, горничная на эстраде танцует... Бывшие куры... Что происходит в Москве?

АМЕТИСТОВ. Цсс. Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета (*Гусю.*) Э бьен?[2]

ГУСЬ (*восторженно*). Ателье!

АМЕТИСТОВ. Совершенно верно, обаятельнейший Борис Семенович!

Иванова появляется на эстраде в роскошном и рискованном платье. Обольянинов играет страстный вальс.

Что скажете, Борис Семенович? Моя постановочка. (*Вбегает на эстраду, танцует с Ивановой. В паузе показывает.*) Декольте сюр ле бра[3]. (*Танцует. В паузе.*) Декольте... (*Ищет складку.*) ...сюр ле до[4]. (*Танцует.*) В сущности, я очень несчастлив, мадам Иванова. Моя мечта уехать с любимой женщиной в Ниццу, туда, где цветут рододендроны...

ИВАНОВА (*танцуя*). Болтун.

АМЕТИСТОВ (*заканчивая танец, бросает Иванову к ногам Гуся*). Я — палач!

Музыка обрывается.

ХЕРУВИМ (*выбегает из-за занавески, аплодирует*). Постановсика! Постановсика! Аметистова!

АМЕТИСТОВ (*скромно*). Ну что ты. Что ты.

Херувим исчезает.

Что вы скажете, чудеснейший Борис Семенович, по поводу разрезов на этом платье?

ГУСЬ. Где вы их видите, гражданин администратор?

АМЕТИСТОВ. Мадам, продемонстрируйте мосье разрезы. Пардон-пардон. (*Исчезает.*)

ИВАНОВА. Вам угодно видеть разрезы, мосье?

ГУСЬ. Очень вам признателен, до глубины души...

ИВАНОВА (*внезапно садится к Гусю на колени*). Ах, что вы делаете! Дерзкий. Не смейте держать меня!

ГУСЬ. Кто вам сказал, что я вас держу?!

ИВАНОВА. Дерзкий! В вас есть что-то африканское!

ГУСЬ. Вы мне льстите. Я никогда даже не был в Африке.

ИВАНОВА. Ну, может быть, читали про нее. (*Целует Гуся.*) Что вы делаете? Нет, вы безумно дерзкий. Не трогайте меня, сейчас войдут

[1] Vous êtès très aimable. — Вы очень любезны. (*Франц.*)
[2] Eh bien? — Ну как? (*Франц.*)
[3] Décolleté sur les bras. — Декольтированные плечи. (*Франц.*)
[4] Décolleté sur le dos. — Открытая спина. (*Франц.*)

сюда. Вы знаете, мне нравятся такие, как вы. Для вас, наверное, не существует препятствий. (*Целует.*) Я пропала...

АМЕТИСТОВ (*появился внезапно*). Пардон!

ИВАНОВА. Ах! (*Исчезает.*)

ГУСЬ (*исступленно*). Ателье!!

АМЕТИСТОВ. Пардон. Ан-тракт!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Осенний вечер в квартире Зои. Цветы в вазах. Аметистов во фраке. Аллилуя таинственно шепчет.

АМЕТИСТОВ. Какая же ехидна это говорила?

АЛЛИЛУЯ. Да что ж, ехидна! Люди болтают. Народ, говорят, ходит в квартиру.

АМЕТИСТОВ. Уважаемый лорд-мэр, как же им не ходить, ежели у нас мастерская.

АЛЛИЛУЯ. Фокстроты по ночам. В мое положение тоже нужно входить.

АМЕТИСТОВ. Кстати о положении. Зоя Денисовна, кажется, вам осталась должна за электричество два червонца?

АЛЛИЛУЯ. Три.

АМЕТИСТОВ. Два с половиной.

АЛЛИЛУЯ. Нет, три.

АМЕТИСТОВ. Ну, три так три. Прошу.

АЛЛИЛУЯ. Квитанцию я вам завтра пришлю.

АМЕТИСТОВ. К черту этот бюрократизм и волокиту. Не беспокойтесь. (*Икает.*) Ик! А, чтоб тебя!

АЛЛИЛУЯ. Что, икается все? Поминает вас кто-то.

АМЕТИСТОВ. Только вот не знаю кто!

АЛЛИЛУЯ. Так уж вы, пожалуйста, Александр Тарасович, потише с фокстротами, а то долго ли до беды. У вас что, сегодня гости опять будут?

АМЕТИСТОВ. Да, легонькие именины.

АЛЛИЛУЯ. Ну, прощенья просим.

АМЕТИСТОВ. Рукопожатия отменяются. Хи-хи. Шучу-с. Ревуар!

Аллилуя уходит.

Видал я взяточников на своем веку, но этот Аллилуя экстраординарное явление в нашей жизни. Ик! А, черт тебя возьми! Селедки я, что ли, переложил за обедом?

Обольянинов входит как тень, скучный, во фраке.

Ик! Пардон.

Звонит телефон.

Херувим, телефон.

ХЕРУВИМ (*по телефону*). Слусаю. Да, да. Тебе Гусь зовет.

АМЕТИСТОВ (*по телефону*). Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье? В делах, в делах все. Как же, обязательно, сегодня ждем. День, можно сказать, такой выдающийся. Часикам... Ик! Пардон!.. К десяти... Вспоминали вас, вспоминали

вас, вспоминали. Когда же, говорит, я увижу этот ассирийский профиль. Хи-хи. Секрет, секрет. Сюрприз есть. Ждем, ждем. Честь имею кланяться. Ик!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

АМЕТИСТОВ. Да, не нахожу. Человек, получающий двести червонцев в месяц, не может быть вульгарным. Ик! Какому черту я понадобился? Уважаю Гуся. Кто пешком по Москве таскается – вы!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, месье Аметистов. Я хожу, а не таскаюсь.

АМЕТИСТОВ. Да не обижайтесь вы, вот человек! Ну, ходите. Вы ходите, а он в машине ездит. Вы в одной комнате сидите, пардон, пардон, – может быть, выражение «сидите» неприлично в высшем обществе, – так восседаете, а Гусь в семи! Вы в месяц наколотите, пардон, пардон, наиграете на вашем фортепиано десять червяков, а Гусь две сотни. Кто играет – вы, а Гусь танцует!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Потому что эта власть создала такие условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно.

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Порядочному человеку при всяких условиях существовать возможно. Я – порядочный, однако же существую. Я, извините за выражение, в Москву без штанов приехал. У вас же, папаша, пришлось брючки позаимствовать. Помните, в клеточку, а теперь я во фраке.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, но какой я вам папаша?

АМЕТИСТОВ. Да не будьте вы такой недотрогой! Что за пустяки между дворянами? Ик!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите меня. Вы действительно дворянин?

АМЕТИСТОВ. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Ваша фамилия мне, видите ли, никогда не встречалась.

АМЕТИСТОВ. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, синьор, да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, у вас бы волосы стали дыбом. Имение разграбили, дом сожгли.

ОБОЛЬЯНИНОВ. У вас в каком уезде было имение?

АМЕТИСТОВ. У меня-то? Вы говорите, у меня, которое...

ОБОЛЬЯНИНОВ. Ну да, которое сожгли.

АМЕТИСТОВ. Ах это... В этом... Не хочу даже вспоминать, потому что мне тяжело. Белые колонны, как сейчас помню... Эн, де, труа[1], фир, фюнф, зехс...[2] Семь колонн, одна красивее другой. Эх! Да что говорить! А племенной скот, а кирпичный завод!

ОБОЛЬЯНИНОВ. У моей тетки был превосходный конский, у Варвары Николаевны Барятниковой.

АМЕТИСТОВ. Что Барятникова, тетка. У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Многое вспомнилось. У меня была лошадь Фараон. Я вам очень сочувствую.

АМЕТИСТОВ. Да как же не сочувствовать. Злодей, и тот посочувствует.

ОБОЛЬЯНИНОВ. У меня тоска.

АМЕТИСТОВ. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствия какие-то. От тоски карты помогают хорошо.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не люблю карт, я люблю лошадей. Фараон. В тринадцатом году в Петербурге он взял гран-при. Напоминают мне они...

[1] Un, deux, trois. – Один, два, три. (*Франц.*)
[2] Vier, fünf, sechs... – Четыре, пять, шесть... (*Нем.*)

Голос глухо поет: «Напоминают мне оне...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь – Фараон.

АМЕТИСТОВ. Я любил заложить фараон. Пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь, но уж как срежете ему карточку на полном ходу, и ляжет она как подкошенная! Хлоп, как серпом! Аллилуя, что ли, меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорей!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Да, поскорей. Я не могу здесь больше жить.

АМЕТИСТОВ. Эх! Бросьте раскисать, братишка! Три месяца еще, и мы уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Бывал много раз.

АМЕТИСТОВ. Я тоже, конечно, бывал, но только в глубоком детстве. Моя покойная матушка, помещица, возила меня. Две гувернантки с нами ездили, нянька. Я, знаете ли, с кудрями. Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло? Наверное, бывают.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не знаю. (*В тоске.*) Ах, я не знаю.

АМЕТИСТОВ. Схватило. Вот черт! Экзотическое растение. Граф, коллега! Знаете что, времени у нас вагон, до прихода гостей прошвырнемся в «Баварию». Пиво при тоске прямо врачами прописано.

ОБОЛЬЯНИНОВ. О, мой бог! Вы меня совершенно ошеломляете вашими словами. В пивных грязь и гадость.

АМЕТИСТОВ. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию». Хорошенькая гадость! Каждый рак величиной... ну, с чем бы вам сравнить, чтоб не соврать... с гитару... Ползем, папаня!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Хорошо, идем.

АМЕТИСТОВ. Вот это правильно. Херувим!

ХЕРУВИМ. Сто?

АМЕТИСТОВ. Если Зоя Денисовна вернется раньше нас, скажи, чтобы не беспокоилась. Скоро придем. Понял?

ХЕРУВИМ. Мало-мало понял.

АМЕТИСТОВ. По глазам вижу, что ничего не понял. Одним словом, через двадцать минут придем. Первое – шампанское поставить в ледник и водку тожь, а красное наоборот, в теплое место в кухню. Второе... Одним словом, дорогой мажордом желтой расы, поручаю тебе квартиру и ответственность возлагаю на тебя. Граф! Алле-ву-зан[1]. Во – раки!.. (*Выходит с Обольяниновым.*)

ХЕРУВИМ. Мануска... Усли!

МАНЮШКА (*выбегает, целует Херувима*). Чем ты мне понравился, в толк не возьму. Желтый ты, как апельсин, но вот понравился! Вы, китайцы, лютеране?

ХЕРУВИМ. Лютеране, белье мало-мало стираем. Стой, Мануска. Я тебе сецяс вазный дела говорить буду. Ми скоро уехать будем, будем, Мануска! Я тебе беру Санхай.

МАНЮШКА. В Шанхай? Не поеду я.

ХЕРУВИМ. Поедиси.

МАНЮШКА. Да не поеду я.

ХЕРУВИМ. Поедиси. Казу – едиси.

МАНЮШКА. Фу ты какой. Ишь, что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

ХЕРУВИМ. Я тебе зеню, Мануска, Санхай. Красиви Санхай.

[1] Allez-vous-en. – Пошли вон. (*Франц.*)

МАНЮШКА. Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что я тебе, контракт подписывала, что ли? Ишь, косой.
ХЕРУВИМ. А! Ты Газолини зенить хотеси?
МАНЮШКА. А хотя бы и за Газолина. Я девушка свободная. Ты если ухаживаешь, ухаживай вежливо, чтобы я согласилась. Ишь, буркалы шанхайские выпятил. Не боюсь я тебя!
ХЕРУВИМ. Газолини?
МАНЮШКА. Нечего, нечего...
ХЕРУВИМ (*становится страшен*). Газолини?!
МАНЮШКА. Что ты, что ты...
ХЕРУВИМ. Ап! (*Берет Манюшку за глотку.*) Я тебе сичас резать буду.

Манюшка задыхается.

Ты кази, Газолини целовала?
МАНЮШКА. У... у... пусти глотку, ангелок.
ХЕРУВИМ (*выхватил нож*). Газолини целовала?
МАНЮШКА. Судьбинушка моя горькая. Помяни, господи, рабу Марию во царствии твоем.
ХЕРУВИМ. Целовала?!
МАНЮШКА. Херувимчик, хрустальный... Один разок. Не режь сиротку, пожалей ты мою юную жизнь.
ХЕРУВИМ (*спрятал нож*). Зенить будешь на Газолини?
МАНЮШКА. Нет, нет, нет.
ХЕРУВИМ. Кем будешь зити, мало-мало?
МАНЮШКА. Зарекусь, ни с кем не буду.
ХЕРУВИМ. Со мною зить будеси?
МАНЮШКА. Нет, нет... буду, буду. Что ж это такое, товарищи, он делает?
ХЕРУВИМ. Я тебе предлозение делал.
МАНЮШКА. Вот так предложение. Ай, предложение шанхайское! Ай, женишок с ножичком!
ХЕРУВИМ. Я тебе люблен. Осень люблен. Мы с тобой дело имеит Санхай. Опиум торговать будем. Весело. Ты будесь родить ребенки китайски, мало-мало, много ребенки, сесть, восемь, десять.
МАНЮШКА. Десять, да я удавлюсь.
ХЕРУВИМ. Ниет, ниет. Тут каздый скучный Москве, давится, в Санхае китайский зивет веселый.
МАНЮШКА. Ты меня бить будешь.
ХЕРУВИМ. Ниет, ниет. Никто бить. Я тебе, если циловать чузой китайцы будесь, горло только буду резать.
МАНЮШКА. Спасибо.
ХЕРУВИМ. Пожалуйста. Ты силюсай теперь. Мы скоро ехать будем. Я думал денг доставать, много сирвонси.
МАНЮШКА. Где?
ХЕРУВИМ. Молци.
МАНЮШКА. Ой, Херувимка, что-то ты затеваешь?
ХЕРУВИМ. Затеваисси...

Звонок.

МАНЮШКА. Катись на кухню.

Херувим исчезает. Манюшка открывает дверь.

Ой, господи боже мой!
ГАЗОЛИН. Здрасьте, Мануска.
МАНЮШКА. Ой, уйди, Газолин!

ГАЗОЛИН. Нет, я зачем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я к тебе пришел предложение делать.

МАНЮШКА. Что, предложение?

ГАЗОЛИН. Воскресенье. Прачесный закрыт.

МАНЮШКА. Газолинушка, куда ты лезешь? Уйди, уйди.

ГАЗОЛИН. Нет, зацем уйди? А, Мануска. Ты мне сто говорила, а? Говорила любиси. Обманула Газолини.

МАНЮШКА. Что врешь, ничего я тебе не говорила. Уходи, сейчас же уходи. Что ты нахальничаешь. Вот я кликну Зою Денисовну.

ГАЗОЛИН. Ты вресь. Никого дома нет. Ты, Мануска, много вресь. Каждый день мал-мало вресь, а я тебе люблен.

МАНЮШКА. Ты с ножом? Ты говори, если с ножом, я прямо буду караул кричать.

ГАЗОЛИН. Я с ножом. Предложение делать.

ХЕРУВИМ (*внезапно*). Кто предложение?

ГАЗОЛИН. А-а-а... Вот он, помосники, а помосники. Ах ты, сукин сын!

ХЕРУВИМ. Ты иди с квартиры, иди! Это моя квартира, Зойкина, моя.

МАНЮШКА. Ой, что это будет!

ГАЗОЛИН. Твоя? Бандить! Захватил квартиру Зойкину. Я тебя подобраль, ты как собака был, а ты... Не месай. Я предложение буду делать Мануське!

ХЕРУВИМ. Я узе делал. Она моя зена. Со мною зивет.

ГАЗОЛИН. Врешь, со мною зивет.

МАНЮШКА. Врет, врет, врет! Херувимчик, голубчик бриллиантовый, раз поцеловались.

ХЕРУВИМ. Врес! Уходи из моей квартиры.

ГАЗОЛИН. Ты уходи! Я милиции все расскажу, какой ты китайский тип!

ХЕРУВИМ. Милиции расскази?

МАНЮШКА. Зайчики, миленькие! Только не режьтесь, дьяволы!

Херувим и Газолин шипят.

ХЕРУВИМ (*бросается на Газолина с ножом*). Ап.

МАНЮШКА. Караул, караул, караул!

ГАЗОЛИН. Караул! (*Бросается в зеркальный шкаф.*)

Херувим бросается в шкаф с ножом. Вдруг звонок.

МАНЮШКА. Слава тебе, господи! Брось ножик, черт окаянный! На каторгу тебя заберут! Позвонили, дурак! Беги в кухню!

ХЕРУВИМ (*закрывая шкаф на ключ*). Я его потом дорежу! (*Прячет ключ в карман и исчезает.*)

МАНЮШКА. Ох ты, господи, господи! (*Бежит в переднюю.*) Вам кого, товарищ?

ТОЛСТЯК. Это не у вас, товарищ, караул кричали?

МАНЮШКА. Что вы, что вы, какой караул. Это я пела.

ТОЛСТЯК. Хороший голос у вас, товарищ.

МАНЮШКА. А вам кого, товарищ?

ПЕСТРУХИН. Мы, товарищ, комиссия из Наркомпроса. Покажите-ка нам мастерскую.

МАНЮШКА. Заведующей сейчас нету, сегодня воскресенье, занятиев нет.

ТОЛСТЯК. А вы кто ж такая сами будете?

МАНЮШКА. Я ученица-модельщица.

ПЕСТРУХИН. Ну, вот вы и покажите, а то нам времени нету.

МАНЮШКА. Ну, тогда пожалуйста.

ТОЛСТЯК. Здесь что же помещается?

МАНЮШКА. А это примерочная.
ТОЛСТЯК. Хорошая комнатка. Вы что же, только на дам шьете?
МАНЮШКА. Зачем только на дам, и на женщин шьем, прозодежду для пролетариата.
ПЕСТРУХИН. Покажите-ка нам прозодежду.
МАНЮШКА. Пожалте.

Отдергивает занавеску, среди юбок сидит Херувим.

ТОЛСТЯК. Вот так прозодежда! Китаец.
МАНЮШКА. Это из прачечной к нам ходит, юбки гладит.
ПЕСТРУХИН. А, юбки.
ТОЛСТЯК. Ты что же, ходя, сдельные получаешь?
ХЕРУВИМ. Сидельни.
ТОЛСТЯК. Ну, гладь, гладь, мы тебе не будем мешать. (*Задергивает занавеску.*)
ПЕСТРУХИН. Тэкс, брекекекс. Здесь кто живет при самой мастерской?
МАНЮШКА. Пельц, заведующая, а потом администратор Александр Тарасович Аметистов.
ТОЛСТЯК. Красивая фамилия. А еще кто?
МАНЮШКА. А еще я.
ПЕСТРУХИН. Вы сами кто будете, товарищ, по происхождению?
МАНЮШКА. Мой папаша крестьяне были.
ТОЛСТЯК. А теперь они кто?
МАНЮШКА. Померли.
ТОЛСТЯК. Какая жалость, а мамаша?
МАНЮШКА. Они чернорабочие.
ТОЛСТЯК. Где работают?
МАНЮШКА. Они в Тамбове на базаре ларек имеют.
ТОЛСТЯК. Молодец ваша мамаша. Ну, товарищ дорогой, покажите-ка нам остальное помещение.
МАНЮШКА. Пожалуйста. Вот малая примерочная. (*Уходит с Толстяком.*)
ВАНЕЧКА (*шепотом*). Товарищ Пеструхин, так невозможно. Ну, хорошо, на горничную напали, на дуру, а будь Аметистов здесь, ведь это безобразие. Я ему говорю: давай, говорю, наркомпросовскую бородку клинышком, чтоб под Главполитпросвет была сделана, а он сует спецовскую экономическую жизнь. (*Снимает бородку.*) Натереть ему морду этой бородой. Халтурщик. Гнать таких надо парикмахеров.
ПЕСТРУХИН. Не гудите, Ванечка. Приступайте.

Ванечка надевает бороду, оживает, как ртуть, вынимает отмычку, осматривает столы, отдергивает занавески, обнаруживает картину обнаженной женщины.

Го-го-го, сюжетец.
ВАНЕЧКА. Абсолютно. Говорил я, товарищ Пеструхин, квартирка.
ПЕСТРУХИН. Не гудите, Ванечка. Действуйте.

Ванечка открывает шкаф с Газолином.

ГАЗОЛИН (*глухо*). Караул.
ПЕСТРУХИН. Что это такое? Куда ни плюнешь – китаец.
ВАНЕЧКА. Абсолютно.
ПЕСТРУХИН. Сидишь?
ГАЗОЛИН. Сидю.
ПЕСТРУХИН. Ты что здесь делаешь?
ГАЗОЛИН. Я мало-мало прятался. Мене сейчас Херувимка-бандити резать будет.

ПЕСТРУХИН. Как резать?

ГАЗОЛИН. Он тут, бандит Херувимка, Сен-Дзин-По.

ПЕСТРУХИН. Это который сейчас рядом сидел?

ГАЗОЛИН. Да, да. Меня мало-мало спасите.

ПЕСТРУХИН. Спасем, спасем, не расстраивайся.

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ПЕСТРУХИН (*шепотом*). А зачем же Херувимка в квартире бывает?

ГАЗОЛИН. Он мерзавец, бандит. Сюда опиум таскает. Здесь опиум в квартире курят. Танцуют все, в квартире.

ПЕСТРУХИН. Тэкс, тэкс, брекекекс. Ванечка, он вам известен?

ВАНЕЧКА. Абсолютно. Ган-Дза-Лин, прачешная на Садовой.

ПЕСТРУХИН. Ну вот что, дружок. Выкатывайся из шкафа, лети к себе домой и там жди. Мы к тебе сейчас будем. Все расскажешь. Только ты, уважаемый, ходу не вздумай дать. Мы тебя на дне моря найдем.

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ГАЗОЛИН. Я не убегу. Только вы Херувима заберите, он бандит, он узе одного человека резал, его милиций ищет.

ПЕСТРУХИН. Будь благонадежен. Ну, прыгай домой.

Газолин исчезает. Ванечка закрывает за ним входную дверь.

Ну дела. (*Закрывает шкаф на ключ.*)

ТОЛСТЯК (*входя с Манюшкой*). Прекрасно. И светло, и ясно. Отлично устроено помещение, товарищ Пеструхин.

ПЕСТРУХИН. Да, это верно. А скажите, дорогой товарищ, тут в шкафу что у вас?

МАНЮШКА. Тут... тут... тряпки разные. Да у меня ключа нету, ключ-то у заведующей.

ПЕСТРУХИН. Ну, не беспокойтесь тогда. В другой раз как-нибудь посмотрим. Ну вот что, товарищ модельщица. Передайте заведующей, что была комиссия из Наркомпроса, осмотрела все, нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы им бумагу пришлем официальную.

ТОЛСТЯК. Кланяйтесь.

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ПЕСТРУХИН. До свиданья.

Выходят. Манюшка закрывает за ними дверь и возвращается.

ХЕРУВИМ (*вылетает как буря, с ножом*). Усли! Милиция расскази. Я тебе рассказу! (*Бросается к шкафу.*)

МАНЮШКА. Дьявол! Караул!

Херувим открывает шкаф, в нем пусто.

Что же это такое делается?!

Выпучив глаза, смотрит на Херувима. Херувим на нее. Сцена гаснет. Тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ночь. Квартира ярко освещена. Шампанское. Цветы. Во всех комнатах идет пир. При открытии занавеса звенит гитара, звенят бокалы.

ЛИЗАНЬКА (*стоя на столе, поет под аккомпанемент Аметистова на гитаре*). Отчего, да почему, да по какому случаю, коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю!

АМЕТИСТОВ. Эх, раз, еще раз!

РОББЕР.
ПОЭТ. } Браво, Лизанька! Эх, раз!

АМЕТИСТОВ (*кричит хроматической гаммой*). Делай! Ах-тах-тах-тах-тах.

Бурные взрывы хохота за сценой, звон битого стекла.

ЗОЙКА (*появляется в ослепительном туалете*). Господа, кому угодно еще шампанского? Александр Тарасыч, не забывайте гостей.

АМЕТИСТОВ. Ни в коем случае я их забыть не могу. Клиент нашей фирмы должен чувствовать себя, как на лоне природы. Херувим!

Распахивается занавес, показывается ниша, превращенная в курильню с китайским бумажным фонарем. Виден курильщик в качалке.

КУРИЛЬЩИК (*стонет*). Нирвана...

Зойка исчезает.

ХЕРУВИМ (*появляется из ниши. Он странен, великолепен*). Сто?

АМЕТИСТОВ. Шампанского!

Херувим исчезает.

ЛИЗАНЬКА.

Я ли милую мою из могилы вырою,
Вырою, обмою...

АМЕТИСТОВ (*с пафосом*). И опять зарою!

РОББЕР.
ПОЭТ. } Эх, раз, еще раз! Лизанька, браво, браво! (*Аплодируют.*)

Херувим подает шампанское, исчезает в нишу, задергивает курильщика. Взрыв хохота за сценой. Слышен глухой вопль Мертвого тела. Хохот Мымры, хохот Ивановой.

ЗОЙКА (*за сценой*). Господа, что вы!

ПОЭТ. Лизанька, Лизанька! Нет, у меня нет слов, чтобы выразить вам мой, мой... Что я хотел сказать... восторг. Вот книжка моих стихов. Прочтите. Вы поймете, что у меня вселенская душа.

АМЕТИСТОВ. Браво, браво!

ЛИЗАНЬКА (*принимает книжку стихов*). Мерси. (*Засовывает книжку в чулок.*)

РОББЕР. Лизанька, поцелуйте меня!

ПОЭТ. Нет, меня!

РОББЕР. Виноват, молодой человек. Виноват.

ПОЭТ. Лизанька, неужели мои стихи не стоят поцелуя?

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, кто же в этом сомневается?

РОББЕР. Лизанька, долой поэта! Молодой человек, что вы прилипли?

ПОЭТ. Простите, я имею такое же право, как и вы! (*Явно пьян.*)

АМЕТИСТОВ. Виноват, миль пардон. Лизанькин поцелуй такого сорта, что спор неизбежен. Если б я вам рассказал, какие люди добивались ее поцелуя...

ЛИЗАНЬКА (*пьяна*). И добились.

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон...

За сценой начинается фокстрот под рояль. Слышно, как шаркают ногами — танцуют.

Пардон, пардон. Я Лизаньку поцеловал однажды и после этого рыдал два месяца. Ой! Пардон.

РОББЕР. Лизанька, я жду.

ПОЭТ. А я? Да разве эта черствая душа в пенсне...

РОББЕР. Молодой человек, полегче.

АМЕТИСТОВ (*вскакивает на стол, зажигает над Лизанькой лампу, придает Лизаньке позу*). Рынок невольниц в Алжире или Тунисе, по желанию почтенной публики. Поцелуй Лизаньки продается с аукциона! Основная цена пять... рублей.

РОББЕР. Шесть.

АМЕТИСТОВ. Я принимаю вашу цену. Шесть – раз.

ЛИЗАНЬКА. Еще раз!

АМЕТИСТОВ. Шесть – два! (*Стучит молотком.*)

ПОЭТ. Семь рублей.

АМЕТИСТОВ. У пианино – семь рублей. Благодарю вас семь раз.

ЛИЗАНЬКА. Еще много, много раз!

РОББЕР. Восемь!

ПОЭТ. Девять!

АМЕТИСТОВ. Благодарю вас. Девять.

Распахивается занавес, и из ниши выходит курильщик.

КУРИЛЬЩИК (*смеется странным смехом*). Десять.

АМЕТИСТОВ. Благодарю вас. В нише – десять.

КУРИЛЬЩИК. Одиннадцать.

АМЕТИСТОВ. Вы восхищаете меня. Одиннадцать – раз. Одиннадцать – два.

РОББЕР. Держу.

ЗОЙКА (*внезапно*). Поцелуй Лизаньки за одиннадцать рублей! Я стыжусь за вас, господа. Тогда я даю пятнадцать.

АМЕТИСТОВ. Гран мерси[1]. Фирма бьет. Фирма не уступит. Пятнадцать – раз, пятнадцать – два.

Зойка исчезает, все время звучит фокстрот за сценой.

РОББЕР. Держу.

КУРИЛЬЩИК. Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, еще раз...

ЛИЗАНЬКА. Еще много, много раз...

АМЕТИСТОВ. Ниша ведет. В нише двадцать. В нише – два червонца – раз, в нише два червонца – два...

РОББЕР. Уступаю.

АМЕТИСТОВ. Здесь уступают, ниша получает шанс. Я завидую вам. Два червонца – два...

ПОЭТ. Лизанька, я вас теряю. Лиза, прочти книгу моих стихов.

АМЕТИСТОВ. Двадцать – три. Я поздравляю вас, счастливец.

Курильщик достает бумажник. Зойка появляется как из-под земли, принимает два червонца. Один из них протягивает Лизаньке, та прячет его в чулок.

КУРИЛЬЩИК (*поднимается на стол, тянется губами*). Я не могу. Мой златокудрый Аполлон! (*Скрывается в нише.*) Дарю.

ПОЭТ. Я понимаю этого человека. Лизанька, он подарил ваш поцелуй мне.

РОББЕР. Объедочками питаетесь, молодой человек (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ (*философски*). Пардон, пардон, не оскорбляйте фирмы. (*Исчезает.*)

Фокстрот за сценой принимает несколько дикий характер. Взрывы хохота. Опять глухой вопль Мертвого тела. Не разберешь, что он кричит. В фокстроте вылетает Иванова с фокстротчиком.

[1] Grand merci. – Большое спасибо. (*Франц.*)

ФОКСТРОТЧИК (*танцуя*). Вы танцуете совершенно исключительно. (*Напевает.*) Пам-пам-пам...

ИВАНОВА. В вашем профиле есть что-то греческое.

Лизанька проносится в фокстроте с поэтом.

ПОЭТ. Лизанька, в этом фокстроте звучит что-то инфернальное. В нем нарастающее мученье без конца.

ЛИЗАНЬКА. Лам-ца-дрица-а-ца-ца...

Улетают.

МЫМРА (*проносится в фокстроте с Роббером*). Вы, вероятно, страшно страстный. Ах, мужчины в пенсне меня волнуют!

РОББЕР. Благодарю вас. (*Уносится.*)

МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выплывает с хриплым пением*). Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... Басы, полегче... Выплывают расписные — тенора, тише — Стеньки Разина челны...

Херувим выходит из ниши.

Позвольте вас спросить, мадам.

ХЕРУВИМ. Я не мадама есте.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Что за черт! К кому ни ткнешься, все не мадам да не мадам... а сулили девочек.

Херувим исчезает.

И за борт ее бросает в набежавшую волну... (*Подходит к манекену.*) Ага, наконец-то дама. Мадам, один тур. Улыбаетесь? Улыбайтесь, улыбайтесь, только смотрите, чтоб вам потом плакать не пришлось. Вы, может быть, думаете, что я пьян? Жестоко ошибаетесь.

За сценой ликует фокстрот.

(*Обнимает манекен за талию и танцует с ним.*) Сколько вам лет, милочка? Неужели? Никогда бы не дал. Никогда в жизни не держал в руках такой талии. (*Танцует, рыдая, кричит тоскливо.*) Долой присяжного поверенного Роббера, захватившего всех дам! Уйди, подлец! (*Бросает манекен на диван.*) Глаза б мои на тебя не смотрели.

АМЕТИСТОВ (*внезапно*). Пардон, пардон. Чего же вы расстроились, почтенный Иван Васильевич? Что вы, что вы? Чего вам не хватает в жизни?

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Погоди, погоди! Вот придут наши, я вас всех перевешаю. (*Поет уныло.*) Пароход идет прямо к пристани, будем рыб мы кормить коммунист...

АМЕТИСТОВ. Неудобно, неудобно, Иван Васильевич. Позвольте я вам нашатырного спирта накапаю.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Так, так. Новое оскорбление. Все пьют шампанское, а мне нашатырного спирту!

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, Иван Васильевич. Вы переутомились.

РОББЕР. Боже мой, Иван Васильевич! Нарезался, как зонтик. Ну, как тебе не стыдно! Ну, ты подумай. Где ты? В «Новой Баварии», что ли? Ты посмотри, какие женщины!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Да, спасибо. (*Указывает на манекен.*)

РОББЕР. Иван Васильевич, постыдись!

МЫМРА (*появляется*). Иван Васильевич, миленький, что с вами?

АМЕТИСТОВ. Иван Васильевич, пожалуйте в столовую, вам необходимо подкрепиться.

МЫМРА. Негодный, я буду вашим спутником, хоть вы этого не заслужили.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Пойди ты от меня к черту. Ты предатель!

МЫМРА. Противный, вы не узнаете меня? Я сидела рядом с вами за ужином.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Ну и что ж, что сидела? И она сидела. (*Указывает на Аметистова.*) А какой толк?

РОББЕР. Опозорил ты меня навеки, Иван Васильевич. Наталья Николаевна, примите мое глубочайшее извинение. Вы хотите – я на колени стану!

МЫМРА. Ах, что вы, что вы!

РОББЕР (*на коленях*). Не сердитесь на него. У него, в сущности, золотое сердце. Он из Ростова-на-Дону, домовладелец, симпатичнейшая личность. Но, понимаете, вот...

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Унижайся, унижайся, как насекомое.

АМЕТИСТОВ (*Мымре*). Наталья Николаевна, берите его под ручку. Иван Васильевич, пожалуйте, пожалуйте.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Спасибо тебе. Один ты порядочный человек. Я тебя знаю, подлец – ты из Воронежа.

Уходят.

ЗОЯ (*вырастает из-под земли*). Справились?

РОББЕР. Зоя Денисовна, примите мои глубочайшие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

ЗОЯ. Ну, какие пустяки. Бывает, бывает.

РОББЕР. У него острое малокровие. Он из Ростова-на-Дону, шампанское бросилось в голову. На коленях молю у вас...

ЗОЯ. Ах, что /вы/, что вы! Ну, какие пустяки. Бывает. Только... я не знаю, как я с ним распрощаюсь. Он плохо отдает себе отчет в происходящем...

РОББЕР. Помилуйте, Зоя Денисовна. Я сию же секунду улажу этот вопрос. Сколько я вам должен?

ЗОЯ. Двести десять рублей.

РОББЕР. Слушаюсь. Иван Васильевич тоже?

ЗОЯ. Да.

РОББЕР. Слушаю. (*Достает деньги.*) Двести десять и двести десять – это четыреста...

ЗОЯ. Двадцать.

РОББЕР. Точно так. Какие у вас математические способности, Зоя Денисовна! Мерси, мерси. От имени Ивана Васильевича тоже. Ваш вечер поразителен.

За сценой гремит фокстрот.

Зоя Денисовна, окажите мне честь. Один тур.

ЗОЯ. Ах, я стара.

РОББЕР. Ах, что вы. Это звучит кощунственно.

Устремляется в танце с Зоей.
Херувим в позе китайского божка остается в нише. В его агатовых глазах забота.

МАНЮШКА (*пробегает с подносом*). Ты что ж, дурачок, такой скучный сидишь?

ХЕРУВИМ. Я, Мануска, мало-мало думаю. Куда Газолини пропал?

МАНЮШКА. Ну, куда пропал? Ключ в кармане был, отпер да выскочил.
ХЕРУВИМ. Нет, Мануска. Мы мал-мало скоро бези будем.
МАНЮШКА. Куда там бези! (*Убегает.*)
АМЕТИСТОВ (*входя*). Херувим, сейчас должна прийти Алла Вадимовна. Понял? Задержи ее в передней и вызови меня или Зою Денисовну. Понял?
ХЕРУВИМ. Понял.

Аметистов исчезает. Херувим уходит за занавеску. За сценой буйно и весело, под рояль поют «Светит месяц».

ГУСЬ. Гусь, ты пьян. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык. Ты один только знаешь, почему ты пьян, но никому не скажешь, ибо мы, гуси, гордые. Вокруг тебя Фрины и Аспазии вертятся как легкие сильфиды, и все увеселяют тебя, директора. Но ты не весел. Душа твоя мрачна. Почему? Ответь мне. (*Манекену.*) Тебе одному, манекен французской школы, я доверяю свою тайну. Я...
ЗОЯ (*внезапно*). Влюблен.
ГУСЬ. А, Зойка! Вот так мастерская! Ай да пошивочная. Ну, ничего, ничего. Ты – гениальная женщина. Хочешь, я выдам тебе удостоверение – предъявительница сего есть действительно гениальная предъявительница. Ах, Зоя! Змея обвила мое сердце, и я догадываюсь, что она дрянь.
ЗОЯ. Гусь, стоит ли мучиться? Ты найдешь другую.
ГУСЬ. Ах, Зоя! Покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца, потому что иначе в Москве произойдет катастрофа: Гусь разрушит на Садовой улице свою семейную жизнь с двумя малютками и уважаемой женой... двумя малютками, похожими на него, как червонец на червонец.
ЗОЯ. О, мой Гусь, мой старый приятель! Подожди только несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете. И она будет твоя, потому что кто же с тобой, Гусем, может тягаться!
ГУСЬ. Спасибо тебе, Зойка, за такие слова. Зойка, я хочу тебя наградить. Сколько я должен тебе?
ЗОЯ. Такие вечера мы устраиваем в складчину, но вы мой друг и гость. Я с вас ничего не возьму.
ГУСЬ. Ах, ты не хочешь брать? Но а я хочу давать. Гусь широк, как Волга, когда пылает его душа. Зоя, бери триста рублей.
ЗОЯ. Мерси.
ГУСЬ. И зови их всех, сзывай, сзывай сюда всех.
ЗОЯ (*кричит*). Лизанька, мадам Иванова.
ГУСЬ (*играет на губах кавалерийский сигнал*). Я буду всех награждать.
АМЕТИСТОВ (*вырос из-под земли*). Всякий труд достоин награды. Пардон, пардон.
ГУСЬ. Администратор! Ты устроил на Садовой улице, в Москве, Париж, в котором отдохнула моя измученная душа! Прими!
АМЕТИСТОВ. Данке зэр[1]. (*Манит пальцами кого-то из-за занавески.*)

Лизанька и Иванова появляются.

ГУСЬ. Вы прямо весталки. (*Дает деньги.*)
ЛИЗАНЬКА. Рады стараться, ваше превосходительство.

[1] Danke sehr. – Благодарю. (*Нем.*)

ГУСЬ (*целует Иванову*). На!
ИВАНОВА. В вас есть что-то азиатское!
ГУСЬ (*Лизаньке*). На!
ЛИЗАНЬКА. Мерси.

Херувим входит.

ГУСЬ. А, китаец. Получай, Херувим. Кому бы мне еще дать? Покажите мне еще кого-нибудь, чтоб я мог его озолотить.

Манюшка появилась.

ЗОЯ. Не надо, Борис Семенович. Ваша щедрость не по советским временам.
ГУСЬ. Не бойся, Зоя. Трудно Гуся выставить из денег. (*Манюшке.*) Светит месяц, говоришь? Ну, свети, свети. (*Дает деньги.*)
МАНЮШКА. Мерси.
ПОЭТ (*выскакивает с криком*). Лизанька, где же вы?
ГУСЬ. На!
ПОЭТ. Что вы, уважаемый Борис Семенович?
ГУСЬ. Не возражать!
ПОЭТ. Тогда разрешите, уважаемый Борис Семенович, поднести вам книжку моих стихов.
ГУСЬ. Не разрешаю! Обратись к секретарю!
АМЕТИСТОВ (*отдернул занавеску, выводит Обольянинова*). Месье Обольянинов!

ГУСЬ (*Обольянинову*). На!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлю моих секундантов.
ГУСЬ. Дам, дам, и им дам!

За сценой взрыв мужского хохота.

(*Манекену.*) На!
АМЕТИСТОВ. Маэстро, марш в честь Бориса Семеновича.

Обольянинов играет на пианино марш, под него все торжественно выходят. Аллилуя появился внезапно из передней, изумлен.

ЗОЯ. Что это значит, любезнейший? Как вы пробрались без звонка?..
АЛЛИЛУЯ. Извиняюсь. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна, ай да показательная! Ну, теперь все понятно! Открыли вы, Зоя Денисовна...
ЗОЯ. Аллилуя, вы наглец! (*Дает ему деньги.*) Молчать! (*Шепотом.*) Все уладим, Аллилуя, не волнуйтесь.
АЛЛИЛУЯ. Это другой разговор. (*Исчезает.*)
АМЕТИСТОВ (*появляется*). Маэстро, прошу в залу к роялю. Гости просят уан-стэп.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Хорошо.
ЗОЯ. Павлик, Павлик, потерпите, потерпите.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Я терплю. Напоминают мне они.

Зоя, Аметистов и Обольянинов уходят. Тихий звонок. Херувим пробегает в переднюю, потом таинственно обратно. Зоя пробегает в переднюю. В это время Херувим задергивает занавеску и закрывает двери.

ЗОЯ. Ну, скорее проходите на эстраду, я вас сейчас, Аллочка, выпущу сюрпризом для них.
АЛЛА (*в вуали*). Сюда?
ЗОЯ. Сюда.

Проходят. За сценой говор, гул.

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Прошу, господа.

За Аметистовым выходят: поэт, Лизанька, Мымра, Иванова, фокстротчик, Зоя, Роббер под ручку с Мертвым телом.

Пожалуйте. (*Отдергивает занавеску.*)

Выходит курильщик, все усаживаются.

РОББЕР. Вы прямо фея, Зоя Денисовна. Гениально!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Как не гениально. Нашатырным спиртом. В Ростове за такие вещи морду бьют.

РОББЕР. Это ужас. Зоя Денисовна, простите.

ЗОЯ (*Гусю*). Сюда, Борис Семенович, пожалуйста.

Усаживаются.

АМЕТИСТОВ (*у занавеса*). Сиреневый туалет! Демонстрирован на вечере у президента Французской республики. Цена шесть тысяч франков. Ателье!

Херувим отдергивает занавес. На эстраде сирень.

Маэстро, прошу!

Обольянинов начинает страстный вальс.
Алла на эстраде выступает под музыку.

ГУСЬ. Что такое?! Это она... Очень хорошо!..

ПОЭТ. Очень хорошо!

ВСЕ. Браво, очень хорошо!

АЛЛА. Ах!

ГУСЬ. Ах! Как вам нравится этот «ах»! Очень хорошо! Замечательно. Алла Вадимовна!

Все аплодируют.

АЛЛА. Это вы?

ГУСЬ. Нет, это мой сосед!

АЛЛА. Как вы попали сюда?!

ГУСЬ. Как вам это понравится? А? Она спрашивает, как я сюда попал, в то время, когда я должен спросить ее, как она сюда попала!

РОББЕР. Вот так штука!

АЛЛА. Я поступила модельщицей.

ГУСЬ. Модельщицей! Женщина, которую я люблю, женщина, на которой я, Гусь-Ремонтный, собираюсь жениться, бросив супругу и пару малюток, очаровательных ангелков,— она поступает в модельщицы! Да ты знаешь ли, несчастная,— да, именно несчастная,— куда ты поступила?

АЛЛА. Конечно знаю. В ателье.

ГУСЬ. Ну да. Оно пишется ателье, а выговаривается веселый дом!

ВСЕ. Что такое, что такое, что такое?

ГУСЬ. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где костюмы показывают под музыку!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Правильно! Бей их!

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон...

ПОЭТ. Что такое произошло?

ЗОЯ. Ага. Теперь понятно. «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор, как умер мой муж...» Ах вы, дрянь, ах вы, ломака! Ведь я же вас спрашивала. Предупреждала. Спасибо, Аллочка, за скандал!

ПОЭТ. В чем дело?
РОББЕР. Понятно в чем. Хи-хи.
ПОЭТ. Уважаемый Борис Семенович!
ГУСЬ. Вон! Спасибо вам, Зоя Денисовна. Спасибо, спасибо! Вы мне в качестве модельщицы выставили мою невесту! Мерси.
АЛЛА. Я не невеста вам!
ГУСЬ. Я с нею живу, между нами.
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Ура!
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, Иван Васильевич.
РОББЕР. Интереснейшая история.
ГУСЬ. Зоя, убери их всех. Убери эту рвань!
ФОКСТРОТЧИК. Позвольте!
МЫМРА. Ах! (*Обморок.*)
РОББЕР. Ну, уж вы будьте добры, полегче, Борис Семенович!
ПОЭТ. Это задевает достоинство!
ЛИЗАНЬКА. Сюрприз!
ГУСЬ. Все вон!
ОБОЛЬЯНИНОВ (*оборвал вальс*). Что такое?
ЗОЯ. Господа, господа! Мне крайне неприятно. Маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится! Господа, я очень прошу всех в зал. Александр Тарасович, уладьте.
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Прошу, господа. Пожалуйте. Маэстро, в зал! Господа, такие происшествия не редки в высшем свете. Прошу!

ЗОЯ. Павлик, фокстрот немедленно в зале. Мадам Иванова...
ИВАНОВА (*фокстротчику*). Идемте. (*Обхватывает его.*)
ЗОЯ. Сашка, уладь, уладь, уладь! (*Исчезает, закрывает за собою дверь.*)

Курильщик уходит с Херувимом. На сцене остаются Алла и Гусь, через некоторое время появляется Аметистов и во все время объяснения выглядывает из-за занавески. За сценою начинается фокстрот, слышно, как танцуют.

ГУСЬ. Ателье! Ты, ты...
АЛЛА. А как же вы попали в это ателье?
ГУСЬ. Кто? Я? Я?! Я – мужчина! Я хожу в брюках, а не в платье, на котором разрез до самой шеи. Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты? А ты зачем?
АЛЛА. За деньгами.
ГУСЬ. Ты это сделала сознательно?
АЛЛА. Совершенно сознательно.
ГУСЬ. Так-с. Видали вы, граждане, сознательную женщину? Сознательные поступки, нечего сказать! Зачем тебе деньги?
АЛЛА. Я уеду за границу.
ГУСЬ. Не дам!
АЛЛА. Вот я и хотела здесь взять.
ГУСЬ. А, за границу? Как же, за границей уже все дожидаются. Отчего это Алла Вадимовна не едет? Президент в Париже волнуется!
АЛЛА. Да, волнуется. Только не президент, а мой жених.
АМЕТИСТОВ. Скажи, пожалуйста!
ГУСЬ. Кто, кто, кто? Жених? Ну знаешь, если у тебя есть жених, тогда ты знаешь, кто ты? Ты – дрянь!
АЛЛА. Нет, я не дрянь! Не смейте оскорблять меня! Я поступила нехорошо тем, что скрыла это, но ведь я никак не полагала, что вы влюбитесь в меня. Я хотела взять у вас деньги на заграницу и уехать.

ГУСЬ. Бери, бери, но только оставайся!
АЛЛА. Ни за что! Где угодно достану и уеду!
ГУСЬ. А, теперь, когда она в моих кольцах, так она в другом месте достанет. Ты посмотри на свои пальцы!
АЛЛА. Нате, нате! (*Бросает кольца.*)
ГУСЬ. К черту кольца! Отвечай, сколько времени ты здесь?
АЛЛА. В первый раз сегодня.
ГУСЬ. Лжешь, кобра!
АЛЛА. И не думаю лгать. Мне так надоело лгать.
ГУСЬ. Ну, хорошо. Сию секунду слезай с этого помоста. Ты поедешь со мной или нет?
АЛЛА. Нет. Не поеду!
ГУСЬ. Нет? Считаю до трех. Раз, два! Ты отвечай! Считаю до десяти!
АЛЛА. Бросьте это, Борис Семенович! И до сорока не поеду, не люблю.
ГУСЬ. Ты – проститутка!

Алла плюет в Гуся.

(*В исступлении.*) Попрошу не плевать!
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, и не курить. Разменом денег не затруднять, через переднюю площадку не входить! Борис Семенович...
ГУСЬ. Виноват. Прошу вас выйти отсюда!
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон.
ГУСЬ. Я вам говорю, виноват!
ЗОЯ (*как фурия*). Спасибо, спасибо! Великосветская дрянь!
АЛЛА. Не смейте оскорблять меня, Зоя Денисовна! Мне в голову не пришло, что Борис Семенович может посещать мастерскую. Туалет я вам верну.
ЗОЯ. Я вам его дарю. За глупость. Идиотка!
АЛЛА. Что?! Что?!
ГУСЬ. Стой! Куда? За границу?
АЛЛА. Издохну, но сбегу!
ГУСЬ. Ну, так вот. Не будь я Гусь-Ремонтный, если вы не получите шиш вместо заграницы. Увидите вы визу!
АЛЛА. Без визы удеру!

Мертвое тело в дверях.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Позвольте. Самое интересное без меня!
РОББЕР. Иван Васильевич! (*Увлекает его назад.*)

За сценою фокстрот.

ГУСЬ. Без визы? Не удастся!

За сценою шум, фокстрот оборвался.

ОБОЛЬЯНИНОВ (*в дверях*). Я попрошу не оскорблять женщину!
ГУСЬ. Пианист, уйди.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, я не пианист.
ЗОЯ. Павлик, сейчас же играйте. Что вы делаете?

Обольянинов исчезает.

ГУСЬ. Будете вы вещи на Смоленском рынке продавать! Вы попадете в больницу, и посмотрю я, как вы в вашем сиреневом туалете... Ах, ах...

Фокстрот |то| обрывается, то вспыхивает вновь.

АМЕТИСТОВ. Алла Вадимовна, прошу. Манюшка, выпусти!

Манюшка в дверях.

ГУСЬ. Алла, люблю! Алла, вернись! Я тебе визу достану! Визу... (*Ложится на ковер ничком.*)

ЗОЯ. Успокаивай, успокаивай! (*Исчезает.*)

АМЕТИСТОВ. Коврик грязный! Все устроится. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива. Так, ординер[1].

ГУСЬ. Скройся! Оставь меня одного. Я буду тосковать.

АМЕТИСТОВ. Отлично, потоскуйте. Я возле вас здесь ликерчик поставлю и папироски. Потоскуйте. (*Исчезает, закрыв двери.*)

Глухо фокстрот.

ГУСЬ. Гусь тоскует. Ах, до чего Гусь тоскует! Отчего ты, Гусь, тоскуешь? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму. Ах я, бедный Борис! Всего ты, Борис, достиг, чего можно и даже больше этого. И вот ядовитая любовь сразила Бориса, и он лежит, как труп в пустыне, и где? На ковре публичного дома! Я, коммерческий директор! Алла, вернись!

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Тихонечко, а то внизу пролетариат слышит. (*Скрывается.*)

ГУСЬ. Ах я, несчастный. Алла, вернись.

Херувим, крадучись.

Уйди, я тоскую.

ХЕРУВИМ. Тоскуеси. Зацем тоскуеси? Ты очинь вазный. Цего тоскуеси мало-мало?

ГУСЬ. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный, Херувим, китайский человек. Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре.

ХЕРУВИМ. Пецаль? Я тозе пицяль.

ГУСЬ. Ах, китаец! Чего тебе печалиться? У тебя еще все впереди. Алла!

ХЕРУВИМ. Мадама обманула. Все мадамы сибко нехоросие мал-мало. Ну, сто? Другую мадаму забираись. Много мадама на Москве.

ГУСЬ. Нет, не могу я себе достать другую мадаму!

ХЕРУВИМ. Тебе диенге нет?

ГУСЬ. Ах ты, симпатичный китаец! Разве может быть такой случай на свете, чтобы Гусь не имел денег! Но вот одного не может голова придумать, как эти деньги превратить в любовь! Ах, китаец мой. На, смотри.

ХЕРУВИМ. Сикольки много цирвонцев.

ГУСЬ. Утром получил пять тысяч, а вечером такой удар, от которого я свалился. Я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как Гусь плюет на червонцы! Тьфу, тьфу!

ХЕРУВИМ. Плюесь деньги. Смесной. У тебя деньга есть, мадама нет. У меня мадама есть, деньга нет. Дай погладить цервонцы.

ГУСЬ. Гладь.

ХЕРУВИМ. А, цирвонцики, цирвонцики миленьки.

ГУСЬ. Как мне забыться? Алла!

Херувим ударяет Гуся под лопатку ножом. Гусь умирает.

ХЕРУВИМ. Цирвонци. Теплы Санхай. (*Усаживает Гуся в нише в качалку и дает в руки трубку.*)

АМЕТИСТОВ (*выглянул*). Где он?

[1] Ordinaire. – Обычная. (*Франц.*)

ХЕРУВИМ. Тс, я ему дал курить. Никто не ходи. Он теперь спакойни.
АМЕТИСТОВ. Молодец, ходя. (*Исчезает.*)
ХЕРУВИМ. Мануска, Мануска.
МАНЮШКА. Чего тебе?
ХЕРУВИМ. Тс, Мануска. Сицяс – Санхай бези, бези вокзал.
МАНЮШКА. Что ты, очумел?

За сценой Мымра поет: «Покинем, покинем край, где мы так страдали». Аплодисменты.

ХЕРУВИМ. Сицяс моклая беда будет. Цирвонци имеем.
МАНЮШКА. Ты что такое сделал, черт?
ХЕРУВИМ. Гуся резал.
МАНЮШКА. А-а-а! Дьявол! Господи Иисусе, царица небесная!
ХЕРУВИМ. Беги, тебе резать будем!
МАНЮШКА. Господи! (*Исчезает с Херувимом в переднюю.*)
АМЕТИСТОВ. Борис Семенович. Пардон, пардон. Лежите? Ну, лежите, лежите, только как же это он вас одного оставил? Вы с непривычки можете перекурить. Ну вот, и ручка холодная. А-а? Что-о?! Сукин кот! Бандит! Этого в программе не было. Как же теперь быть? Все засыпались разом, крышка, гроб! Херувим, Херувим! Ну конечно: ограбил и ходу дал. А я-то идиот! Что теперь делать, дорогие товарищи? Деньги на текущем. Завтра его хватятся. Вот тебе и Ницца, вот тебе и заграница. Аминь! Чего же это я сижу? А? Ходу! Верный мой товарищ, чемодан. Опять с тобою вдвоем, но куда? Объясните мне, теперь куда податься? Судьба ты моя, судьба! Звезда ты моя горемычная! Прикупил к пятерке – дамбле. Ходу! Ну, Зоечка, прощай! Прощай, Зойкина квартира!
ЗОЯ. Александр Тарасович! Александр Тарасович! А... Борис Семенович. Один? Вы не сердитесь на меня? Я совершенно не понимаю Аллы Вадимовны. (*Глухо вскрикивает.*) Что это такое, что это такое? (*Видит брошенный фрак.*) Да неужели это он! Негодяй! Судьба моя! Манюшка, Манюшка, Манюшка! (*Мечется.*) И они! Это невозможно! (*Открывает дверь, зовет.*) Павел Федорович, Павел Федорович, на минутку! Господа, простите!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Что такое, Зоечка?
ЗОЯ. Павлик, стряслась беда! Эти негодяи, китаец с Аметистовым, убили Гуся! Ужас! И Манюшка с ними участвовала, и пока мы там сидели, бежали.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Как вы странно шутите, Зоя.
ЗОЯ. Опомнитесь, Павлик! В качалке труп. Он в крови. Мы пропали!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Позвольте, но ведь это ужасно! Нас же никто не может обвинить в убийстве. Если эти мерзавцы... При чем же мы здесь? Я не постигаю...
ЗОЯ. Не только не могут, но наверное обвинят. Павлуша, нельзя терять ни одной минуты! Документ есть. Деньги в спальне. (*Бросается в спальню.*)

За сценой глухая музыка, изредка аплодисменты.
Обольянинов бросается вслед за Зоей. Пауза.
Из передней появляются: Пеструхин, Ванечка, Толстяк и Газолин.
Все, кроме Газолина, в смокингах и в пальто.

ПЕСТРУХИН. Тэкс, брекекекс.
ГАЗОЛИН. Херувимка всегда ножом ходит. Херувимку надо брать первого.

ТОЛСТЯК. Тише, не расстраивайся.
ПЕСТРУХИН. Это что ж, накурился?
ВАНЕЧКА. Да, квартирка.
ПЕСТРУХИН. Тише.

Прячутся в передней за занавеской.

ЗОЯ (*вбегает со взломанной шкатулкой*). Нет денег! Сашкина работа! Вор и убийца... Идем!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Зоя, я ничего не постигаю.
ЗОЯ. Некогда постигать!
ОБОЛЬЯНИНОВ. А эти гости?
ЗОЯ. Павлушка, черт с ними! Бежим! (*Бросается к передней.*)
ПЕСТРУХИН. Виноват. Попрошу не спешить, гражданочка.
ЗОЯ. Ах!
ПЕСТРУХИН. Мадам Пельц?
ВАНЕЧКА. Абсолютно. Она.
ЗОЯ. Кто это? Кто вы? Павлушка, это бандиты! Они зарезали Гуся!
ВАНЕЧКА. Спокойно, мадам. Никого не режем. Мы с мандатом.
ЗОЯ. А, позвольте. Я поняла! Это Уголовный розыск.
ПЕСТРУХИН. Вы угадали, мадам Пельц.
ВАНЕЧКА. Абсолютно.
ЗОЯ. Ну, вот что. Я и Обольянинов никакого отношения к убийству не имеем. Это китаец. Я даже не знаю, как его зовут,— /и/ негодяй Аметистов, которого я приютила. Они убили и бежали.
ПЕСТРУХИН. Кого убили?
ЗОЯ. Гуся.

Все бросаются к трупу.

ГАЗОЛИН. Херувимка безал!!
ПЕСТРУХИН. Эге-ге. Ванечка! Сразу надо было брать Херувимку.
ГАЗОЛИН. Ванецка, Херувимку выпустил! Ванецка!
ТОЛСТЯК. Тише, тише, тише, тише, не расстраивайся.

Суета.

ПЕСТРУХИН. Кто за дверями?
ЗОЯ. Гости, у меня именины.
ПЕСТРУХИН. Ага, так.
ЗОЯ. Это никакого отношения к убийству не имеет!
ПЕСТРУХИН. Ванечка!
ВАНЕЧКА (*открывает двери*). Ваши документы, граждане.

За сценой сразу обрывается фокстрот.

ТОЛСТЯК (*по телефону*). Шесть-шестнадцать-два нуля, добавочный одиннадцать. Товарищ Каланчеев. Я говорю. Ну я, я. Следователя и доктора. Садовая 105, квартира 104.

Из внутренних дверей высыпают гости, все.

РОББЕР. Виноват. Тут недоразумение. Я совершенно случайно...
ПОЭТ. Боже мой, боже мой!
ЛИЗАНЬКА (*Мымре*). Наташка, засыпались!
ИВАНОВА. Вот так номер.
ПЕСТРУХИН. Пожалуйте, пожалуйте документики, граждане.

Суета. Фокстротчик попытался улизнуть.

ТОЛСТЯК. Виноват, виноват. Куда ж так спешить?

ФОКСТРОТЧИК. Я только танцевал, видите ли...

РОББЕР. Простите, в чем дело? Семейные именины. Это законом не преследуется. Я сам юрист.

ТОЛСТЯК. В квартирке убийство, гражданин юрист.

ВСЕ. Что, что такое? Господа, позвольте!..

МЫМРА. Гуся убили! (*Падает в обморок.*)

РОББЕР. Помилуйте, это чудовищно!

ПОЭТ. Господи Иисусе. (*Крестится.*)

Суета.

ИВАНОВА. Что ж делать?

ЛИЗАНЬКА. Сидеть будем без конца, лам-ца-дрица-а-ца-ца!

МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выплывает*). Слава тебе господи, наконец-то! Скука дьявольская. Раздевайтесь, братцы, раздевайтесь, братцы. Мы сейчас такой тарарам устроим...

РОББЕР. Заткнись, идиот. В квартире убийство!

Суета.

ПЕСТРУХИН. Ванечка, осмотрите, нет ли еще кого.

ВАНЕЧКА (*в дверях*). Никого нету, сухо, товарищ Пеструхин.

ГАЗОЛИН. Выпустили Херувимку, выпустили Херувимку!!

ЗОЯ. Эх, вы, ловкачи в смокингах, кого же вы берете?

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Кого берете, товарищи, а? Раздевайтесь!

ЗОЯ. А убийцы бежали!

ТОЛСТЯК. Что вы, мадам. Куда это они сбегут? По СССР бегать не полагается. Каждый должен находиться на своем месте.

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

Звонок.

ПЕСТРУХИН. Тише. Ванечка, впустить. Граждане, никаких разговоров о происшествии, за это строго ответите. Попрошу соблюдать прежнее настроение.

Звонок повторяется.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Совершенно правильно. Никаких разговоров. Шампанского! Человек!

Ванечка впускает Аллилую.

АЛЛИЛУЯ. Здрасьте, граждане. Зоя Денисовна, вечерок еще не кончился? Соседи обижаются.

ТОЛСТЯК. Вы кто такой, гражданин?

АЛЛИЛУЯ. Довольно странно. Это я вас, председатель домкома, могу спросить, кто вы такой?

ТОЛСТЯК. Гуся знал?

АЛЛИЛУЯ. Да что это вы в самом деле? Я к Зое Денисовне. Пропустите, пожалуйста.

ПЕСТРУХИН. Отвечай, гражданин, на вопрос.

АЛЛИЛУЯ. А вы кто ж это сами-то будете? А? Гуся? Как же, как же, знаю. Они в нашем доме проживают, товарищи. Я, товарищи дорогие, давно начал замечать. Подозрительная квартирка. Все как будто тихо, мирно. А вот не нравится. Сосет у меня сердце и сосет. Я и сейчас, товарищи дорогие, для наблюдения прибыл. Подозрительная квартирка.

ЗОЯ (*внезапно*). Для наблюдения! Ах ты, мерзавец! Слушайте, вы! Я ему деньги платила. У него и сейчас в кармане моя десятичервонная бумажка, и я знаю номер!

Аллилуя засунул в рот червонец.

ТОЛСТЯК. Ты что же это? Дефективный, что ли? Червонцы грызешь!

АЛЛИЛУЯ. Я, товарищи, человек малосознательный, от станка. Испугался.

ТОЛСТЯК. Испугался. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь, председатель свинячий!

АЛЛИЛУЯ. Господи Иисусе! (*Падая на колени.*) Товарищи, принимая во внимание темноту и невежество, как наследие царского режима, а равно также... считать приговор условным... Что такое говорю, и сам не понимаю.

ТОЛСТЯК. Поднимайся.

АЛЛИЛУЯ. Товарищ...

РОББЕР. Нельзя ли по телефону позвонить?

ТОЛСТЯК. Телефон отпадает.

ПЕСТРУХИН. Ванечка, забирайте. Граждане, пожалуйте. На лестнице, граждане, никаких разговоров. За это ответите.

РОББЕР. Какие уж тут разговоры, разве что о погоде.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Ехать так ехать, сказал попугай. (*Валится к пианино и играет бравурный марш.*)

ПЕСТРУХИН. Забрать его.

ЗОЯ. Павлушка, будьте мужчиной. Я вас не брошу в тюрьме. Прощай, прощай, моя квартира!

Занавес

Конец

Москва, 1926 г.

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Трагический фарс в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЗОЙКА
АБОЛЬЯНИНОВ.
АМЕТИСТОВ.
МАНЮШКА.
ПОРТУПЕЯ.
ГАНДЗАЛИН.
ХЕРУВИМ.
АЛЛА.
ГУСЬ.
ЛИЗАНЬКА.
МАРЬЯ НИКИФОРОВНА.
МАДАМ ИВАНОВА.
РОББЕР.
МЕРТВОЕ ТЕЛО.
ЗАКРОЙЩИЦА.
ШВЕЯ.
ПЕРВАЯ ДАМА.
ВТОРАЯ ДАМА.
ТРЕТЬЯ ДАМА.
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ.
ТРЕТИЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ.
ЧЕТВЕРТЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ.

Действие происходит в Москве
в двадцатых годах XX столетия.

АКТ ПЕРВЫЙ

Видны передняя, гостиная и спальня в квартире Зои.
В окнах пылает майский закат.
За окнами — двор громадного дома играет, как страшная музыкальная табакерка.
Граммофон поет: «На земле весь род людской!..»
Кто-то кричит: «Покупаем примуса!»
Другой: «Точить ножи-ножницы!»
Третий: «Самовары паяем!»
Граммофон: «Чтит один кумир священный...»
Изредка гудит трамвай. Редкие автомобильные сигналы. Адский концерт.
Вот он несколько стихает, и гармоника играет веселую польку.

ЗОЯ (*переодеваясь у зеркального шкафа, напевает эту польку*). Пойдем, пойдем, ангел милый... Есть бумажка!.. Я достала... Есть бумажка...

МАНЮШКА (*внезапно появившись*). Зоя Денисовна! Портупея к нам влез!

ЗОЯ (*шепотом*). Гони его, гони! Скажи, что меня дома нет!

МАНЮШКА. Да он, проклятый, по черному ходу...

ЗОЯ. Выставь, выставь! Скажи, что я ушла. (*Прячется в зеркальный шкаф.*)

ПОРТУПЕЯ (*появился внезапно*). Зоя Денисовна, вы дома?

МАНЮШКА. Да нету ее, я вам говорю, нету. И что это вы, товарищ Портупея, прямо в спальню к даме!

ПОРТУПЕЯ. При советской власти спален не полагается. Может, и тебе еще отдельную спальню завести? Когда она придет?

МАНЮШКА. Откуда я знаю? Она мне не докладается.

ПОРТУПЕЯ. Небось, к своему хахалю побежала?

МАНЮШКА. Какие вы невоспитанные, товарищ Портупея. Про кого это вы говорите?

ПОРТУПЕЯ. Ты, Марья, дурака не валяй! Ваши дела нам хорошо известны. В домкоме все как на ладони. Домком — око недреманное. Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены.

МАНЮШКА. Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, что это вы в спальню залезли?

ПОРТУПЕЯ. Ты видишь, что я с портфелем? С кем разговариваешь? Значит, я всюду могу проникнуть. Я лицо должностное, неприкосновенное. (*Пытается обнять Манюшку.*)

МАНЮШКА. Вот я вашей супруге скажу, она вам все должностное лицо в кровь издерет!

ПОРТУПЕЯ. Да постой, ты, юла!

ЗОЯ (*в шкафу*). Портупея, вы — свинья!

МАНЮШКА. Ах! (*Убегает.*)

ЗОЯ (*выйдя из шкафа*). Хорош председатель домкома! Очень хорош!

ПОРТУПЕЯ. Я думал, вас в самом деле нету. Что ж она врет? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая...

ЗОЯ. Неделикатный вы фрукт, Портупея! Гадости, во-первых, говорите. Что значит, хахаль? Это про Павла Федоровича?

ПОРТУПЕЯ. Я человек простой, в университете не был.

ЗОЯ. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. А в-третьих, меня дома нет.

ПОРТУПЕЯ. Как это нет? Довольно странно!

ЗОЯ. Коротко – зачем я вам понадобилась? Опять уплотнение?

ПОРТУПЕЯ. Само собой. Вы – одна, а комнат шесть.

ЗОЯ. Как одна? А Манюшка?

ПОРТУПЕЯ. Манюшка – прислуга, она при кухне шестнадцать аршин имеет.

ЗОЯ. Манюшка!

МАНЮШКА (*появилась*). Что, Зоя Денисовна?

ЗОЯ. Ты кто?

МАНЮШКА. Ваша племянница, Зоя Денисовна.

ПОРТУПЕЯ. Как же ты Зою Денисовну называешь?

МАНЮШКА. Ма тант[1].

ПОРТУПЕЯ. Ах, дрянь девка!

ЗОЯ. Можешь идти, Манюшка.

Манюшка упорхнула.

ПОРТУПЕЯ. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Что вы мне вола вертите! Манюшка племянница!.. Такая же она вам племянница, как я вам тетка!

ЗОЯ. Портупея, вы грубиян!

ПОРТУПЕЯ. Первая комната тоже пустует!

ЗОЯ. Простите, он в командировке.

ПОРТУПЕЯ. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна? Его в Москве вовсе нету! Скажем объективно, подбросил вам бумажку из Фарфортреста и смылся из Москвы. Мифическая личность! А мне из-за вас общее собрание такую овацию сделало, что я еле ноги унес!

ЗОЯ. Чего же хочет эта шайка?

ПОРТУПЕЯ. Это вы про кого?

ЗОЯ. А про общее ваше собрание.

ПОРТУПЕЯ. Ну знаете, Зоя Денисовна, будь другой кто на моем месте...

ЗОЯ. В том-то и дело, что вы на своем месте, а не кто-нибудь другой.

ПОРТУПЕЯ. Постановили вас уплотнить, а половина орет, чтобы вовсе вас выселить!

ЗОЯ. Выселить? (*Показывает шиш.*)

ПОРТУПЕЯ. Это как же понимать?

ЗОЯ. Это как шиш понимайте.

ПОРТУПЕЯ. Ну, ладно! Вот чтоб мне сдохнуть, если я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши крутить будете! Прощенья просим. (*Пошел.*)

ЗОЯ. Портупея, дайте-ка справочку. Почему это у нас в доме жилтоварищества мсье Гусь-Багажный один занял в бельэтаже семь комнат?

ПОРТУПЕЯ. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Он нам весь дом отапливает.

ЗОЯ. Простите за нескромный вопрос: сколько лично он вам дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

ПОРТУПЕЯ. Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное!

ЗОЯ (*шепотом*). Во внутреннем кармане жилетки у вас червонцы лежат. Серия Бэ-Эм, первый номер – 425900, проверьте.

[1] Ma tante. – Тетя. (*Франц.*)

Портупея расстегнулся, достал деньги, оторопел.

Але-гоп!

ПОРТУПЕЯ. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаетесь, я давно уже это заметил.

Пауза.

ЗОЯ. Итак, Манюшку и Мифическую личность отстоять.

ПОРТУПЕЯ. Верьте совести, Зоя Денисовна, Манюшку — невозможно, весь дом знает, что прислуга.

ЗОЯ. Ну, хорошо, верю. На одного человека самоуплотнюсь.

ПОРТУПЕЯ. А остальные-то комнаты как же?

ЗОЯ (*вынув бумагу*). Нате.

ПОРТУПЕЯ (*читает*). «Сим разрешается гражданке Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го! «для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... дополнительная площадь...» Елки-палки! Это Гусь выправил документик?

ЗОЯ. Ах, не все ли равно? Ну вот что, уважаемый товарищ, копию этой штуки вашим бандитам, и — кончено, меня нет!

ПОРТУПЕЯ. Ну уж, конечно, с такой бумажкой это проще ситуация!

ЗОЯ. Кстати, дали мне сегодня у Мюра пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Посмотрите, вы ведь спец по червонцам.

ПОРТУПЕЯ. Ах, язык! (*Смотрит.*) Хорошая бумажка.

ЗОЯ. А я говорю, фальшивая. Возьмите эту гадость и выбросьте.

ПОРТУПЕЯ. Ладно, выбросим.

ЗОЯ. Ну, дорогой мой, марш, мне надо одеваться.

ПОРТУПЕЯ (*пошел*). Только вы уж сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я зайду попозже.

ЗОЯ. Ладно.

Где-то заиграл рояль и голос запел: «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...»

ПОРТУПЕЯ (*остановившись у двери, глухо и тоскливо*). Это что ж выходит, Гусь червонцы выдает, а номера записывает?

ЗОЯ. А вы думали?..

Портупея выходит печальный через гостиную в переднюю, и в то же время появляется Абольянинов. Вид его ужасен.

АБОЛЬЯНИНОВ. Зойка, можно? (*Бросает шляпу и трость.*)

ЗОЯ. Павлик! Конечно, можно. Что, Павлик, опять?

АБОЛЬЯНИНОВ. Я не могу бороться с собой... К китайцу пошлите, к китайцу... я умоляю...

ЗОЯ. Ну, хорошо, хорошо... (*Кричит.*) Манюшка!

Манюшка появилась.

Павел Федорович нездоров, лети сейчас же к китайцу!

Тьма. Квартира Зои исчезает.
Возникает мерзкая подвальная комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Гандзалин над горящей спиртовкой. Перед ним — Херувим.

ГАНДЗАЛИН. Ты зулик китайский, бандит! Цусуцю украл, кокаин украл, где пропадал? Как верить тебе, кто?

ХЕРУВИМ. Мала-мала молци! Сама бандита есть!

ГАНДЗАЛИН. Уходи сейцас из працесной, ты вор!

ХЕРУВИМ. Сто? Гониси бедний китайси? Сто? Мине украли цесуцу на Светном бульвале, кокаин отбил бандит, мала-мала меня убивал,

смотли! (*Показывает шрам.*) Я тибе лаботал, а ты гониси! Сто кусать будет бедний китайси в Москве? Палахой товалищ! Убить тибе нада.

ГАНДЗАЛИН. Замалси! Ты если убивать будись, тибе коммунистая полисия забелет! Ты узнаись!

Пауза.

ХЕРУВИМ. Сто? Помосники гонись? Я тибе на волотах повесусь!

Пауза.

ГАНДЗАЛИН. Ты красть, воровать будесь?
ХЕРУВИМ. Нет, нет!
ГАНДЗАЛИН. Кази, ий-богу.
ХЕРУВИМ. Ий-богу.
ГАНДЗАЛИН. Кази ий-богу исё.
ХЕРУВИМ. Ий-богу, богу госсопади!
ГАНДЗАЛИН. Надивай халат, будиси работать!
ХЕРУВИМ. Голодний, не ел два дня, дай хлепса.
ГАНДЗАЛИН. Бери хлепса на пецке.

Стук.

Кто, кто, кто?
МАНЮШКА (*за дверью*). Открывай, Газолин, свои.
ГАНДЗАЛИН. Аа, Мануска. (*Открывает дверь.*)
МАНЮШКА (*входит*). Чего ж ты закрываешься? Хороша прачешная, не достучишься!
ГАНДЗАЛИН. А, Мануска, здрасти, здрасти!
МАНЮШКА. Ну, Газолин, идем к нашим, Абольянинов опять заболел.
ГАНДЗАЛИН. Моя не мозет сицас идти, я тибе дам лекалство.
МАНЮШКА. Нет, уж ты сам пойди, при них распусти, а то говорят, что ты у себя жидко делаешь.
ХЕРУВИМ. Сто? Молфий?

Гандзалин говорит что-то по-китайски. Херувим отвечает по-китайски.

ГАНДЗАЛИН. Мануска, он пойдет, сделаит сто нада.
МАНЮШКА. А он умеет?
ГАНДЗАЛИН. Умеит, не бойси. (*Достает из угла коробочку, дает ее Херувиму, говорит по-китайски.*)
ХЕРУВИМ. Сто ты усись меня? Идем, деуска.
ГАНДЗАЛИН (*Херувиму*). Ты пирилицно сибя веди, пяти рубли приноси. Ты смотли!
ХЕРУВИМ. Сто муциси бедни китайси!
МАНЮШКА. Что ты его бранишь? Он тихий, как херувимчик!
ГАНДЗАЛИН. Он херувимцик, бандит!
МАНЮШКА. Ну, прощай, Газолин!
ГАНДЗАЛИН. До свидания, Мануска! А када за миня замус пойдесь?
МАНЮШКА. Ишь! Разве я тебе обещала?
ГАНДЗАЛИН. А, Мануска! А кто говорил?
МАНЮШКА. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь! Идем! (*Выходит с Херувимом.*)
ГАНДЗАЛИН. Хоросая деуска Мануска! Вкусная деуска Мануска! (*Напевает грустно по-китайски.*)

Гаснет лампочка и спиртовка. Тьма. Прачешная исчезает. Появляется спальня, гостиная и передняя Зои. В спальне — Абольянинов, Херувим и Зоя. Херувим гасит спиртовку. Абольянинов застегивает манжету, поправляет рукав, оживает.

АБОЛЬЯНИНОВ (*Херувиму*). Сколько тебе следует, любезный китаец?

ХЕРУВИМ. Семи рубли.

ЗОЯ. Почему семь, а не пять? Разбойники!

АБОЛЬЯНИНОВ. Пусть, Зоя, пусть! Он достойный китаец. (*Хлопает себя по карманам.*)

ЗОЯ. Я заплачу, Павлик, погодите. (*Дает деньги Херувиму.*)

ХЕРУВИМ. Спасиби...

АБОЛЬЯНИНОВ. Обратите, Зоя, внимание, как он улыбается! Совершенный херувим! Талантливый китаец!..

ХЕРУВИМ. Таланти мала-мала... (*Интимно.*) Хоцись, я тибе каздый день пироносить буду? Ты Ганзалин не говоли... Все имеим – молфий, спилт... Хоцись, красивый рисовать будем? (*Открывает грудь, показывает татуировку – дракон, становится странен и страшен.*)

АБОЛЬЯНИНОВ. Поразительно! Зойка, посмотрите!

ЗОЯ. Какой ужас! Ты сам это делал?

ХЕРУВИМ. Сама. В Санхае делал.

АБОЛЬЯНИНОВ. Слушай, мой херувим, ты можешь к нам приходить каждый день? Я нездоров, мне нужно лечиться морфием. Ты будешь приготовлять раствор, идет?

ХЕРУВИМ. Идет.

ЗОЯ. Павлик, осторожнее, может быть, это какой-нибудь бродяга.

АБОЛЬЯНИНОВ. Что вы, нет!.. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?

ХЕРУВИМ. Мы белие стираем.

ЗОЯ. Белье? Ты приходи через час, я с тобой условлюсь, будешь гладить у меня для мастерской.

ХЕРУВИМ. Ладано...

ЗОЯ. Манюшка, проводи китайца!

МАНЮШКА (*появилась*). Пожалте. (*Идет с Херувимом в переднюю.*)

Абольянинов открывает штору в спальне, и показывается вечер над Москвой. Первые огни. Шум – глуше. Голос начал: «Напоминают мне оне...» – и угас.

ХЕРУВИМ (*в передней*). До свидани, Мануска, я церез цас приходить буду. Я, Мануска, каздый день приходить буду, я Абольяну на слузбу поступил.

МАНЮШКА. На какую службу?

ХЕРУВИМ. Лекалство пироносить буду. Поцелуй меня, Мануска!

МАНЮШКА. Обойдется, пожалте... (*Открывает дверь.*)

ХЕРУВИМ (*таинственно*). Я када богатый буду, ты миня целовать будиси. Богатый, красивый...

МАНЮШКА. Иди, иди с богом...

Херувим выходит.

До чего оригинальный!

АБОЛЬЯНИНОВ (*у окна в спальне*). Напоминают мне они...

ЗОЯ. Павлик, я достала бумагу. (*Пауза.*) Граф, что же вы не отвечаете даме?

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите, задумался. Пожалуйста, не называйте меня графом.

ЗОЯ. Почему?

АБОЛЬЯНИНОВ. Сегодня приходит какой-то в охотничьих сапогах, говорит: вы – бывший граф...

ЗОЯ. Ну?

АБОЛЬЯНИНОВ. Бросил окурок на ковер... Я поехал к вам, еду в трамвае мимо Зоологического и вижу надпись: «Демонстрируется бывшая курица». Спрашиваю у сторожа: а кто она теперь? Он отвечает: «Теперь она петух». Ничего не понимаю...

ЗОЯ. Ах, Павлик, Павлик... (*Пауза.*) Ну, Павлик, отвечайте решительно, согласны вы на (*шепотом*) предприятие?

АБОЛЬЯНИНОВ. Мне все равно теперь... согласен. Я не могу больше видеть бывших кур! Вон отсюда какой угодно ценой!

ЗОЯ. О да, вы таете здесь! Я увезу вас в Париж! К рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь!

АБОЛЬЯНИНОВ. Но как же нам удастся выбраться?

ЗОЯ. Гусь поможет!

АБОЛЬЯНИНОВ. Бывший Гусь!.. Он представляется мне всемогущим!.. У меня жажда, Зоя. Нет ли у вас пива?

ЗОЯ. Манюшка!

Манюшка появилась.

ЗОЯ. Купи пива!

МАНЮШКА. Сейчас я принесу. (*Упорхнула в столовую, оттуда в переднюю, там накинула на себя платок и вышла, забыв закрыть за собой дверь.*)

АБОЛЬЯНИНОВ. А мне вдруг стало страшно... Вы не боитесь, что нас накроют?

ЗОЯ. Умно будем действовать – не накроют. Пойдемте-ка, Павлик, к Мифической личности, я не хочу здесь разговаривать, окно открыто. (*Уходит с Абольяниновым через гостиную в дверь и закрывает ее за собой.*)

Глухо послышались за этой дверью голоса Абольянинова и Зои.
Где-то во дворе глупый и тонкий голос запел: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал. Шел по улице...»

АМЕТИСТОВ (*входит в переднюю*). ...малютка! (*Печально.*) Посинел и весь дрожал! (*Ставит измызганный чемодан на пол, оглядывается. Аметистов в рваных штанах, в засаленном френче, в кепке, с каким-то медальоном на груди.*) Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом – тоже номер, я вам доложу! Сейчас пива следовало бы выпить! Эх, судьба ты моя горемычная, затащила ты меня опять в пятый этаж! Что-то ты мне тут дашь? (*Заглядывает в дверь на кухню.*) Эй, товарищ, кто тут есть? Зоя Денисовна дома? Гм... (*Заглядывает в гостиную, слышит голоса Зои и Абольянинова, подкрадывается поближе, подслушивает.*) Ого-го! Вовремя попал!

МАНЮШКА (*с пивными бутылками входит в переднюю*). Батюшки! Дверь-то я не закрыла!

Аметистов возвращается в переднюю.

Кто это? Вам что?

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, не волнуйтесь, товарищ! Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!

МАНЮШКА. Да кого вам?

АМЕТИСТОВ. Зою Денисовну. А с кем имею удовольствие разговаривать?

МАНЮШКА. Я племянница Зои Денисовны.

АМЕТИСТОВ. Очень приятно, очень. Я и не подозревал, что у Зоечки

такая хорошенькая племянница. Кузен Зои Денисовны. (*Целует Манюшке руку.*)

МАНЮШКА (*оторопевши*). Зоя Денисовна! Зоя Денисовна! (*Вбегает в гостиную.*)

Аметистов вбегает за Манюшкой в гостиную с чемоданом. На крик Манюшки входят в гостиную Зоя и Абольянинов.

АМЕТИСТОВ. Дорогая кузиночка, же ву салю![1]

Зоя окаменела.

Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином...

ЗОЯ. Ты... ты... вы... Павел Федорович, это мой кузен Аметистов...

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон... (*Абольянинову.*) Путинковский, беспартийный, бывший дворянин.

АБОЛЬЯНИНОВ (*поражен*). Очень рад...

АМЕТИСТОВ. Кузиночка, позвольте вас попросить на два слова а парт![2]

ЗОЯ. Павлик, извините, мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, Василием Ивановичем... Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя и отчество, кузиночка! Мне это горько, ай-яй-яй...

АБОЛЬЯНИНОВ. Пожалуйста, пожалуйста... (*Скрывается.*)

ЗОЯ. Манюшка, иди налей пива Павлу Федоровичу.

Манюшка скрывается. Пауза.

Тебя же расстреляли в Баку?

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, так что же из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, и в Москву не могу приехать? Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно...

ЗОЯ. У меня голова закружилась...

АМЕТИСТОВ. От радости?

ЗОЯ. Ничего не понимаю...

АМЕТИСТОВ. Ну, натурально, под майскую амнистию подлетел... Кстати, что это у тебя за племянница?

ЗОЯ. Какая там племянница, это моя горничная, Манюшка.

АМЕТИСТОВ. Тэк-с, понимаем, в целях сохранения жилплощади... (*Зычно.*) Манюшка!

Манюшка появилась растерянная.

Милая, приволоки мне пивца, умираю! Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

Пораженная Манюшка уходит.

А я ей руку поцеловал! Позор, позор!..

ЗОЯ. Где ты собираешься остановиться? Имей в виду, в Москве жилищный кризис.

АМЕТИСТОВ. Я знаю. Натурально, у тебя.

ЗОЯ. А если я скажу, что не могу тебя принять?

АМЕТИСТОВ. Ах вот как! Хамишь? Ну что же, хами, хами! Гонишь двоюродного брата, пешком першего с Курского вокзала? Сироту? Гони, гони! Что же, я уйду... (*Берет чемодан.*) И даже пива пить не стану... Только вы пожалеете об этом, дорогая кузина...

[1] Je vous salue! – Приветствую вас! (*Франц.*)
[2] A part! – В сторону! (*Франц.*)

ЗОЯ. Ах, ты хочешь испугать? Ну нет, это не пройдет!

АМЕТИСТОВ. Зачем пугать? Я человек порядочный, джентльмен! (*Шепотом.*) И будь я не я, если я не пойду в ГПУ и не донесу о том, какую мастерскую ты организуешь в своей квартире. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал! (*Пошел.*)

ЗОЯ. Стой! Как ты вошел без звонка?

АМЕТИСТОВ. Ла порт этэ уверт...[1] Я даже тебя не облобызал, кузиночка...

ЗОЯ (*отталкивая его*). Судьба, это ты!

Манюшка входит, вносит бутылку пива и стакан.

Манюшка, ты дверь не заперла? Ах, Манюшка!.. Ну ничего, иди, извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка уходит.

АМЕТИСТОВ (*пьет пиво*). Фу, хорошо!.. Первоклассное пиво в Москве! Квартирку-то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зоя!

ЗОЯ. Судьба!.. Видно, придется мне еще нести мой крест!

АМЕТИСТОВ. Ты хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

ЗОЯ. Нет! Что ты хочешь, прежде всего?

АМЕТИСТОВ. Прежде всего – брюки.

ЗОЯ. Неужели у тебя штанов нет? А чемодан?

АМЕТИСТОВ. В чемодане – шесть колод карт и «Существуют ли чудеса?». Спасибо этим чудесам, кабы не они, я бы с голоду издох! Шутка ли сказать, в товарно-пассажирском поезде от Баку до Москвы!.. Понимаешь ли, захватил в Баку в культотделе на память сто брошюрок «Существуют ли чудеса?», продавал их по рублю в поезде... Существуют, Зоечка, вот я тут!.. Чудное пиво! Товарищ, купите брошюрку!..

ЗОЯ. Карты крапленые?

АМЕТИСТОВ. За кого вы меня принимаете, мадам?

ЗОЯ. Брось, Аметистов! Где ты шатался семь лет?

АМЕТИСТОВ. Эх, кузина!.. В девятнадцатом году в Чернигове я отделом искусств заведовал...

Зоя расхохоталась.

Белые пришли... Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов, поступил к ним на службу... Красные немного погодя... Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным, поступил заведующим агитационной группой. Белые! Мне красные – на эвакуацию, я к белым в Крым. Тут я просто администратором служил в ресторанчике в Севастополе... Напоролся на одну компанию, взяли у меня триста тысяч в один вечер в железку...

ЗОЯ. У тебя? Ну, это, значит, высокие специалисты были!

АМЕТИСТОВ. Темные арапы, говорю тебе, темные!.. Ну, а потом, понятно, после белых – красные, и пошел я нырять при советском строе. В Ставрополе актером, в Новочеркасске музыкантом в пожарной команде, в Воронеже отделом снабжения заведовал... Наконец убедился: нет у меня никакого карьерного ходу, и решил тогда по партийной линии двинуться... Дай, думаю, я этот бюрократизм изживу, стажи эти всякие... И скончался у меня в комна-

[1] La porte etait ouverte... – Дверь была открыта... (*Франц.*).

те приятель мой, Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный...

ЗОЯ. В Воронеже?

АМЕТИСТОВ. Нет, это дело уже в Одессе было. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой на его место сейчас же становится в ряды. Порыдал над покойником, взял его партбилет и в Баку. Думаю, место тихое, шмендефер можно развернуть, являюсь, так и так, Чемоданов. И стало быть, открывается дверь, и приятель Чемоданова – шасть... Табло! У него – девятка, у меня – жир... Я к окнам, окна во втором этаже...

ЗОЯ. Здорово!

АМЕТИСТОВ. Ну, не везло, что ты скажешь!.. На суде я заключительное слово сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, профессора,– но конвойные, и те рыдали! Ну, расстреляли меня... Ну, что же делать? Надо ехать в Москву. Эх, Зойка, очерствела ты в своей квартире! Оторвалась от масс!

ЗОЯ. Ну ладно! Ты все слышал?

АМЕТИСТОВ. Повезло, Зоечка.

ЗОЯ. Я тебя оставлю.

АМЕТИСТОВ. Зоечка!

ЗОЯ. Молчи! Я дам тебе место администратора в предприятии, но смотри, Аметистов, смотри, если ты выкинешь какой-нибудь фокус, всем рискну, но я тебя угроблю! Берегись, Аметистов, ты слишком много о себе рассказал!

АМЕТИСТОВ. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее! Мон дье![1]

ЗОЯ. Молчи, болван. Где колье? Которое ты перед самым отъездом взялся продать?

АМЕТИСТОВ. Колье? Постой, постой... Это с маленькими бриллиантами?

ЗОЯ. Сволочь ты, сволочь!..

АМЕТИСТОВ. Мерси, мерси! Видали, как Зоечка родственников принимает!

ЗОЯ. Документы есть?

АМЕТИСТОВ. Документов у меня полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежее... (*Вынимает бумажки.*) Карл Чемоданов – об этом речи быть не может! Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший.

ЗОЯ. Это ужас, честное слово! Ты же – Путинковский!

АМЕТИСТОВ. Нет, Зоечка, я спутал, Путинковский в Москве – это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, меня уже забыли за восемь лет в Москве. На, прописывай Аметистова! Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа была... (*Достает бумажку.*)

ЗОЯ (*вынимает из шкафа великолепные брюки*). Надевай штаны.

АМЕТИСТОВ. Бог благословит твое доброе сердечко! Сестренка, отвернись!

ЗОЯ. Очень ты мне нужен! Штаны потрудись вернуть, это Павла Федоровича.

АМЕТИСТОВ. Морганатический супруг?

ЗОЯ. Держать себя с ним вежливо, это мой муж!

АМЕТИСТОВ. Фамилия ему как?

[1] Mon Dieu! – Боже мой! (*Франц.*)

ЗОЯ. Абольянинов.

АМЕТИСТОВ. Граф? У-у!.. Поздравляю тебя, сестра! Впрочем, у него ни черта, наверное, больше не осталось! Судя по физиономии, контрреволюционер... (*Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.*) Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе...

ЗОЯ. Сам выпутывайся с фамилией. В нелепое положение ставишь... Павлик!

Абольянинов входит.

Простите, Павлик, говорили по делу.

АМЕТИСТОВ. Увлеклись воспоминаниями детства... Ведь мы росли с Зоечкой. Я сейчас прямо рыдал... Смотрите на брюки? Пардон, пардон, обокрали в дороге... Свистнули в Таганроге второй чемодан, прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть...

АБОЛЬЯНИНОВ. Пожалуйста, пожалуйста, я очень рад...

ЗОЯ. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?

АБОЛЬЯНИНОВ. Помилуйте, я очень рад... Если вы рекомендуете Василия Ивановича...

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, Александра Тарасовича... Вы удивлены? Это мое сценическое имя, отчество и фамилия, по сцене – Василий Иванович Путинковский, а в жизни – Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители ее расстреляны большевиками... Тут целый роман! Вы будете рыдать, когда я вам расскажу...

АБОЛЬЯНИНОВ. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?

АМЕТИСТОВ. Я? Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Саратова в данный момент приехал. Тут целый роман, вы будете рыдать...

АБОЛЬЯНИНОВ. Вы беспартийный, разрешите спросить?

АМЕТИСТОВ. Кель кестьон?[1] Что вы?

АБОЛЬЯНИНОВ. А у вас на груди был... такой... Впрочем, мне это только показалось...

АМЕТИСТОВ. Ах нет, нет, это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает, плацкарту вне очереди взять, то, другое...

МАНЮШКА (*появилась*). Портупея пришел.

ЗОЯ. Зови его сюда. (*Аметистову.*) Имей в виду, председатель домкома.

ПОРТУПЕЯ. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Абольянинов. Ну что, надумали, Зоя Денисовна?

ЗОЯ. Да. Вот документы. Пропишите Александра Тарасовича Аметистова, он только что приехал. Будет администратором мастерской.

ПОРТУПЕЯ. Ага. Послужить, стало быть, думаете?

АМЕТИСТОВ. Как же, как же... Стаканчик пива, уважаемый товарищ?

ПОРТУПЕЯ. Мерси, не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах да на ногах...

АМЕТИСТОВ. Да, погода, погода, как говорится... Громадный у вас дом, товарищ дорогой, такой громадный!..

ПОРТУПЕЯ. И не говорите, прямо мученье! А по воинской повинности грыжа у вас?

АМЕТИСТОВ. Точно так. Вот она. (*Подает бумажку.*) Вы партийный, товарищ?

[1] Quelle question? – Что за вопрос? (*Франц.*)

ПОРТУПЕЯ. Сочувствующий я.

АМЕТИСТОВ. А, очень приятно! (*Надевает свой значок.*) Я сам бывший партийный. (*Тихо Абольянинову.*) Деван ле жан...[1] Хитрость...

ПОРТУПЕЯ. Отчего же вышли?

АМЕТИСТОВ. Мелкие фракционные трения... Я не согласен со многим... Глянул кругом, вижу нет, не выходит! Я тогда прямо и говорю, в глаза...

ПОРТУПЕЯ. Прямо в глаза?

АМЕТИСТОВ. А мне что терять, кроме цепей? Я одно время громадную роль играл... Нет, говорю, это не дело! Уклонились мы – раз! Утратили чистоту линии – два! Растеряли заветы! Ах так, говорят? Так мы, говорят, тебя!.. Горячий народ! Ваше здоровье!

АБОЛЬЯНИНОВ. Он гениален, клянусь!

ЗОЯ (*тихо*). Ах, мерзавец! Ну, довольно политики! Итак, товарищ Портупея, с завтрашнего дня я начинаю дело.

АМЕТИСТОВ. Итак, мы начинаем! За успех мастерской и за здоровье ее заведующей Зои Денисовны товарища Пельц! Ура! (*Пьет пиво.*) А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домкома и сочувствующего... (*Тихо.*) Как его звать-то?

ЗОЯ (*тихо*). Анисим Зотикович Портупея.

АМЕТИСТОВ. Да, я и говорю: Анисима Зотиковича Портупеи, ура!

Во дворе забренчало пианино, мальчишки запели: «Многая лета...»

Совершенно верно! Многая лета! Многая лета!

Занавес

[1] Devant les gens... – Не при чужих... (*Франц.*)

АКТ ВТОРОЙ

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. Манекены с кукольными лицами, волны материй. Швея трещит на машинке, закройщица с сантиметром на плече. Три дамы.

ПЕРВАЯ ДАМА. Ах нет, милая... весь угол нужно вынуть, вынуть, а то ужасное впечатление, как будто у меня не хватает двух ребер! Ради бога, выньте, выньте!..

ЗАКРОЙЩИЦА. Хорошо.

ВТОРАЯ ДАМА (*трещит третьей*). ...И, вообразите, говорит: «Прежде всего, мадам, вам нужно остричься». Я моментально, конечно, бегу на Кузнецкий, к Жану, остриглась, бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, представьте, у меня физиономия моментально становится как котел!

ТРЕТЬЯ ДАМА. Хи-хи-хи...

ВТОРАЯ ДАМА. Ах, миленькая, вам смешно!

ПЕРВАЯ ДАМА. Фалдит, дорогая, фалдит...

ЗАКРОЙЩИЦА. Что вы, мадам!

ВТОРАЯ ДАМА. И какая наглость! Это, говорит, оттого, что у вас широкие скулы!

Послышался звонок.

АМЕТИСТОВ (*пробегая*). Пардон, пардон, я не смотрю...

ВТОРАЯ ДАМА. Мсье Аметистов, скажите, как, по-вашему, у меня широкие скулы?

АМЕТИСТОВ. У вас? Кеске ву дит, мадам?[1] У вас совсем нет скул! (*Скрывается.*)

ПЕРВАЯ ДАМА. Кто это такой?

ЗАКРОЙЩИЦА. Главный администратор школы.

ПЕРВАЯ ДАМА. Шикарно поставлено дело!

АМЕТИСТОВ (*возвращаясь*). Пардон, пардон, я не смотрю... Манто ваше очаровательно!

ПЕРВАЯ ДАМА. Какое там очаровательное! Неужели у меня такой зад?

АМЕТИСТОВ. Совершенно правильный зад, мадам!

Звонок.

(*В сторону.*) Ах, чтоб тебе сдохнуть! Пардон, пардон... (*Улетает.*)

ПЕРВАЯ ДАМА (*снимая манто*). Что же, к пятнице?

ЗАКРОЙЩИЦА. Невозможно, мадам, Варвара Николаевна не поспеет.

ПЕРВАЯ ДАМА. Ах, это ужасно! А к субботе?

[1] Qu'est-ce que vous dites, madame? – Что вы говорите, мадам? (*Франц.*)

ЗАКРОЙЩИЦА. К среде, мадам.
ПЕРВАЯ ДАМА. До свидания. (*Уходит.*)

Швея подает сверток второй даме.

ВТОРАЯ ДАМА. Благодарю вас.
АМЕТИСТОВ (*влетая*). Оревуар[1], мадам.

Звонок.

(*В сторону.*) Да что это такое? Пардон, пардон... (*Улетает.*)

Вторая дама уходит.

ШВЕЯ (*заворачивает сверток в бумагу, подает третьей даме*). Вот ваш бант, мадам.
ТРЕТЬЯ ДАМА. Мерси. (*Уходит.*)
ЗАКРОЙЩИЦА (*в изнеможении садится*). Ффу!..
АМЕТИСТОВ (*влетает*). Ну, дорогие товарищи, закрывайте лавочку! Довольно!

Швея и закройщица собираются уходить.

Отдыхайте, товарищи, согласно Кодексу труда... съездите на Воробьевы горы, золотая осень, листья...
ШВЕЯ. Какие тут листья, Александр Тарасович!.. Только бы до постели добраться!
АМЕТИСТОВ. Ах, как я вас понимаю! Сам мечтаю только об одном — как бы лечь! Почитаю что-нибудь на ночь по истории материалистической философии и засну! Не надо убирать, товарищи! Товарищ Манюша все сделает.

Швея и закройщица уходят.

Замучили, окаянные! В глазах одни зады и банты! (*Достает бутылку коньяку и рюмку, выпивает.*) Фу ты, черт их возьми!

Зоя выходит.

Ну, Зоечка, дорогая директриса, вот чего: Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке?
ЗОЯ. Не пойдет.
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон... ты меня слушай. Сколько она тебе задолжала?
ЗОЯ. Две тысячи.
АМЕТИСТОВ. Вот и козырек!
ЗОЯ. Заплатит.
АМЕТИСТОВ. Не заплатит, я тебе говорю, у нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть ли у человека деньги или нет. Я по себе сужу, когда я пустой, я задумчив, одолевают мысли, на социализм тянет. Говорю тебе, баба задумывается, деньги нужны ей до зарезу, а денег нет! Ты подумай, экземпляр какой, украшение квартиры! Слушай Аметистова, Аметистов большой человек!

Звонок.

Еще кого-то черт несет!
МАНЮШКА (*входит*). Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?
АМЕТИСТОВ. Во! Жми ее, жми!

[1] Au revoir. — До свидания. (*Франц.*)

ЗОЯ. Ладно, не суетись. (*Манюшке.*) Проси сюда.

АЛЛА (*входит*). Здравствуйте, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Очень рада, Алла Вадимовна.

АМЕТИСТОВ. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна! Алла Вадимовна, если вы увидите те модели, которые мы получили сегодня из Парижа, вы выбросите ваше платье за окно! Даю вам слово бывшего кирасира!

АЛЛА. Вы были кирасиром?

АМЕТИСТОВ. Мез'уй[1]. Лечу, покидаю вас! (*Исчезает, подмигнув Зое.*)

АЛЛА. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Скажите, он действительно бывший кирасир?

ЗОЯ. Не могу вам, к сожалению, сказать точно... Садитесь, Алла Вадимовна.

АЛЛА. Зоя Денисовна, я к вам по важному делу...

ЗОЯ. Слушаю вас.

АЛЛА. Ах, как неприятно... Я должна была сегодня вам заплатить... Мне очень совестно, Зоя Денисовна, но я... мои финансы в последнее время очень плохи... Я принуждена просить вас ждать...

Пауза.

Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна?

Пауза.

АЛЛА. До свиданья, Зоя Денисовна, вы правы, конечно... Ну, что же, я употреблю все усилия, чтобы достать деньги, и расплачусь... До свиданья, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. Всего хорошего, Алла Вадимовна.

Алла идет к дверям.

Так плохи дела?

АЛЛА. Зоя Денисовна, я вам должна, но это не дает вам права говорить со мной таким тоном!..

ЗОЯ. Э нет, Аллочка, так нельзя! Именно все дело в тоне! Мало ли кто кому должен! Если бы вы пришли ко мне попросту и сказали — дела мои паршивы, мы бы вместе подумали, как выпутаться... Но вы вошли ко мне, как статуя... Я, мол, светская дама, а ты — портниха... Ну, а раз так, так что же с портнихи спрашивать?

АЛЛА. Зоя Денисовна, это вам показалось, честное слово! Просто я настолько была подавлена своим долгом, что не знала, как вам смотреть в глаза.

ЗОЯ. Да довольно об этом долге! Итак, денег нет? Отвечайте просто и по-дружески, сколько надо?

АЛЛА. Много надо. Даже под ложечкой холодно, так много.

ЗОЯ. А зачем?

Пауза.

АЛЛА. Я хочу уехать за границу.

ЗОЯ. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

АЛЛА. Ни черта.

ЗОЯ. Ну, а он?.. Я не хочу знать, кто он, мне его имя не нужно... ну, словом, разве у него нет денег, чтобы прилично устроить вас здесь?

[1] Mais oui. — Ну разумеется. (*Франц.*)

АЛЛА. С тех пор, как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.
ЗОЯ. Ой!..
АЛЛА. Правда.
ЗОЯ. Вам не удалось уехать тогда, три месяца назад?
АЛЛА. Не удалось.
ЗОЯ. Я берусь вам устроить это.
АЛЛА. Зоя, если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь!
ЗОЯ. Не волнуйтесь, товарищ... А деньги, если хотите, я вам дам возможность заработать, вы расплатитесь с долгами.
АЛЛА. Зоечка, в Москве у меня нет возможности заработать. То есть сколько-нибудь приличным трудом, я понимаю.
ЗОЯ. Почему же? В мастерской – приличный труд. Поступайте ко мне манекенщицей, я вас приглашаю.
АЛЛА. Зоечка, но ведь за это платят гроши!
ЗОЯ. Гроши! Ну, это понятие растяжимое... Я предлагаю вам тысячу рублей в месяц жалованья, аннулирую ваш долг и, кроме того, помогу выехать. Заняты только вечером, через день. Ну?

Пауза.

АЛЛА. Через день?.. Вечером?.. (*Поняла.*) Это штука!
ЗОЯ. До рождества только четыре месяца. Через четыре месяца вы свободны, долги уплачены, и никто, слышите, никто, никогда не узнает, как Алла работала манекенщицей. Весной вы увидите Большие бульвары!

Где-то за окнами голос под рояль запел глухо: «Покинем край, где мы так страдали...»

(*Шепотом.*) В Париже любимый человек...
АЛЛА. Да...
ЗОЯ. Весной под руку с ним, и он никогда не будет знать...
АЛЛА. Вот так мастерская! Вот так мастерская! Занята только вечером... Знаете, кто вы, Зойка? Вы – черт! Но никому, никогда?
ЗОЯ. Клянусь.

Пауза.

Ну, как в воду, сразу вниз головой? Алле...
АЛЛА. Согласна. Через три дня я приду.
ЗОЯ. Гоп!

Распахивает шкаф, в нем вспыхивает ослепляющий свет, в котором загораются парижские туалеты.

Выбирайте, – мой подарок, любое!

Тьма. Зоя и Алла исчезают в ней. Потом возникает горящая лампа. Наступил вечер. У лампы Аметистов и Зоя.

АМЕТИСТОВ. Видала, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!
ЗОЯ. Ты не глуп, Александр Аметистов!
АМЕТИСТОВ. Зоечка, помни, что половина твоего богатства сделана моими ручонками! Ты не покинешь своего кузена? Возьмешь меня с собой, а? Ах, Ницца, Ницца, когда я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках!
ЗОЯ. Об одном я тебя прошу, не говори ты по-французски! По крайней мере, при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.
АМЕТИСТОВ. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?
ЗОЯ. Ты не плохо говоришь, ты кошмарно говоришь.

АМЕТИСТОВ. Это нахальство, Зоя, пароль донер![1] Я с десяти лет играю в шмендефер и на тебе, плохо говорю по-французски!

ЗОЯ. И еще, зачем ты врешь поминутно? Ну какой ты, какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

АМЕТИСТОВ. Нет у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил в Нарым!

ЗОЯ. Перестань болтать! Не забудь, сейчас Гусь придет. Я иду переодеваться. (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ. Гусь? Что же ты молчишь? (*Впадает в панику.*) Гусь! Гусь! Господа, Гусь! И где это Ласточкино гнездо, Небесная империя?! Племянница Манюшка!

МАНЮШКА (*является*). Вот она, я.

АМЕТИСТОВ. Мне интересно, чего же ты там торчишь? Я, что ли, один все буду двигать?

МАНЮШКА. Я посуду мыла.

АМЕТИСТОВ. Успеешь с посудой, помогай!

Начинают прибирать квартиру, зажигать огни. Входит Абольянинов. Он во фраке.

АБОЛЬЯНИНОВ. Добрый вечер.

АМЕТИСТОВ. Маэстро, мое почтение.

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите, я давно хотел просить вас, называйте меня по имени и отчеству.

АМЕТИСТОВ. Чего же вы обиделись, вот чудак какой! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»?

АБОЛЬЯНИНОВ. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, это большая разница. Кстати, о разнице, нет ли у вас папироски?

АБОЛЬЯНИНОВ. Прошу вас.

АМЕТИСТОВ. Мерси боку. (*Оглядев квартиру.*) Вуаля![2] Ведь это рай! Граф, да вы развеселитесь! Что вы сидите, как квашня!

АБОЛЬЯНИНОВ. А что это такое – квашня?

АМЕТИСТОВ. Ну, с вами не разговоришься! Как квартирку-то вы находите?

АБОЛЬЯНИНОВ. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру...

АМЕТИСТОВ. Хороша была?

АБОЛЬЯНИНОВ. Очень хороша, только у меня ее отобрали...

АМЕТИСТОВ. Да неужели?

АБОЛЬЯНИНОВ Пришли какие-то с рыжими бородами и выкинули меня...

АМЕТИСТОВ. Кто бы мог подумать!.. Скажите... это печальная история...

ЗОЯ (*выходит*). Павлик! Здравствуйте, дорогой! Идемте ко мне! (*Уходит вместе с Абольяниновым.*)

Условный звонок – три долгих, два коротких.

АМЕТИСТОВ. Вот он, черт его возьми!

Манюшка убегает. Через некоторое время входит Херувим.

Где ты пропадал?

[1] Parole d'honneur! – Честное слово! (*Франц.*)

[2] Merci beaucoup. Voilá! – Благодарю. Смотрите-ка. (*Франц.*)

ХЕРУВИМ. Я мала-мала юпки гладил.
АМЕТИСТОВ. Ну тебя к лешему с твоими юбками! Кокаину принес?
ХЕРУВИМ. Да.
АМЕТИСТОВ. Давай, давай! Слушай, ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза!
ХЕРУВИМ. Смотлю тибе в галаза...
АМЕТИСТОВ. Отвечай по совести, аспирину подсыпал?
ХЕРУВИМ. Ниэт... ниэт...
АМЕТИСТОВ. Ох, знаю я тебя, бандит ты! Но если только подсыпал, бог тебя накажет!
ХЕРУВИМ. Мала-мала наказит.
АМЕТИСТОВ. Да не мала-мала, а он тебя на месте пришибет! Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь аспирину в кокаин... Нет, хороший кокаин.

Херувим надевает китайскую кофту и шапочку.

Совершенно другой разговор! И какого черта вы себе, китайцы, косы бреете? С косой тебе совершенно другая цена была бы!

Условный звонок. Входит Марья Никифоровна.

МАРЬЯ НИКИФОРОВНА. Здравствуйте, Александр Тарасович! Здравствуйте, Херувимчик!
АМЕТИСТОВ. Идите одеваться, Марья Никифоровна, а то поздно. Новые модели будем демонстрировать.

МАРЬЯ НИКИФОРОВНА. Прислали? Ах, какая прелесть! (*Убегает.*)

Херувим зажег китайский фонарь в нише, дымит куреньем.

АМЕТИСТОВ. Не очень налегай...
ХЕРУВИМ. Я не буду налигать... (*Уходит.*)

Условный звонок. Входит Лизанька.

ЛИЗАНЬКА. Почтенье администратору этого монастыря...
АМЕТИСТОВ. Бон суар...[1]

Лизанька уходит. Условный звонок. Аметистов, услышав его, подбегает к зеркалу, охорашивается. Входит мадам Иванова, очень красивая, надменная женщина.

Здравствуйте, мадам Иванова.
МАДАМ ИВАНОВА. Дайте мне папироску.
АМЕТИСТОВ. Манюшка! Папиросу!

Манюшка вбегает, подает папиросы Ивановой.
Пауза.

Холодно на дворе?
МАДАМ ИВАНОВА. Да.
АМЕТИСТОВ. У нас сюрприз – модели привезли из Парижа.
МАДАМ ИВАНОВА. Это хорошо.
АМЕТИСТОВ. Изумительные!
МАДАМ ИВАНОВА. Ага...
АМЕТИСТОВ. Вы в трамвае приехали?
МАДАМ ИВАНОВА. Да.
АМЕТИСТОВ. Много народу, наверно, в трамвае?

[1] Bonsoir... – Добрый вечер... (*Франц.*)

МАДАМ ИВАНОВА. Да.

Пауза.

АМЕТИСТОВ. У вас погасла... спичечку...
МАДАМ ИВАНОВА. Спасибо. (*Уходит.*)
АМЕТИСТОВ (*Манюшке*). Вот женщина, ей-богу! Всю жизнь можно с такой прожить и не соскучишься! Не то что ты, тарахтишь, тарахтишь...

Властный звонок.

Он! Узнаю звонок коммерческого директора! Великолепно звонит! Открывай, потом лети, переодевайся, Херувим будет подавать!
ХЕРУВИМ (*пробегая*). Гусь идет!
МАНЮШКА. Батюшки! Гусь! (*Убегает.*)
АМЕТИСТОВ. Зоя! Гусь! Принимай, я исчезаю! (*Исчезает.*)
ЗОЯ (*в вечернем платье*). Как я рада, милый Борис Семенович!
ГУСЬ. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте.
ЗОЯ. Садитесь сюда, здесь уютнее. Ай-яй-яй, какой вы нехороший! Сосед, близкий знакомый, хоть бы раз зашел...
ГУСЬ. Поверьте, я с удовольствием, но...
ЗОЯ. Я шучу, я знаю, что у вас дéла по горло.
ГУСЬ. И не говорите, у меня прямо бессонница.
ЗОЯ. Бедненький, вы переутомитесь, вам надо развлекаться...
ГУСЬ. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи. (*Оглядывает комнату.*) А у вас очень хорошо.
ЗОЯ. Мастерская вам обязана своим существованием.
ГУСЬ. Ну, это пустяки. Кстати, о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу, только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев так на тридцать.
ЗОЯ. Понимаю. Подарок?
ГУСЬ. Между нами.
ЗОЯ. Ах, плутишка, влюблен! Ну, сознавайтесь, влюблены?
ГУСЬ. Между нами.
ЗОЯ. Не бойтесь, не скажу супруге. Ах, мужчины, мужчины! Ну, хорошо, мой администратор покажет сейчас вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, и я вас не выпущу.
ГУСЬ. Мерси. У вас есть администратор? Посмотрим, какой у вас такой администратор.
ЗОЯ. Сейчас вы его увидите. (*Скрывается.*)
АМЕТИСТОВ (*появился внезапно, во фраке*). Кан он парль дю солейль, он вуа ле рейон! Что в переводе на русский язык означает — когда говорят о солнце, видят его лучи.
ГУСЬ. Это вы мне про лучи?
АМЕТИСТОВ. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться — Аметистов.
ГУСЬ. Гусь.
АМЕТИСТОВ. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, глубокоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Херувим появляется.

ГУСЬ. Позвольте, это же китаец!

АМЕТИСТОВ. Точно так, китаец, с вашего благословения. Не обращайте на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын Небесной империи и отличается только одним качеством – примерной честностью.

ГУСЬ. А зачем же китаец?

АМЕТИСТОВ. Преданный старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез его я из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

ГУСЬ. Это замечательно. Для чего материалы?

АМЕТИСТОВ. Для большого этнографического труда. Впрочем, я как-нибудь после расскажу о своих скитаниях, глубочайше уважаемый Борис Семенович. Вы прямо будете рыдать. Херувим, дай нам чего-нибудь прохладительного.

ХЕРУВИМ. Цицас. (*Исчезает и сейчас же появляется с шампанским.*)

АМЕТИСТОВ. Прошу.

ГУСЬ. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор!

АМЕТИСТОВ. Же панс![1] Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

ГУСЬ. Вы работали в Париже?

АМЕТИСТОВ. Пять лет, любезный Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

ГУСЬ. Вы знаете, если бы я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

АМЕТИСТОВ. А глядя на него, невольно уверуешь! Ваше здоровье, достопочтеннейший Борис Семенович! А также здоровье вашего треста тугоплавких металлов, ура! Ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирму!

ГУСЬ. У вас хорошо поставлено дело.

АМЕТИСТОВ. Миль мерси[2]. Итак, она блондинка, брюнетка?

ГУСЬ. Кто?

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон... Та уважаемая особа, для которой предназначается туалет?

ГУСЬ. Между нами, она светлая брюнетка.

АМЕТИСТОВ. У вас есть вкус. Прошу еще бокальчик, а также попрошу вас привстать. К этой визитке светлая брюнетка сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Херувим!

Херувим появляется.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лизу.

ХЕРУВИМ. Цицас. (*Исчезает.*)

Абольянинов входит.

АМЕТИСТОВ. Конт[3] Абольянинов.

Абольянинов садится к роялю.

Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович, миндалю... (*Хлопнув в ладоши.*) Ателье!

Абольянинов начинает играть. Распахивается занавес, и на освещенной эстраде появляется Лизанька в роскошном и довольно откровенном туалете. Гусь смотрит на все это с изумлением.

[1] Je pense! – Я думаю! (*Франц.*)
[2] Mille merci. – Тысяча благодарностей. (*Франц.*)
[3] Comte. – Граф. (*Франц.*)

Благодарю вас, мадемуазель.
ЛИЗА (*шепотом*). Вытряхиваться?
АМЕТИСТОВ. Вытряхивайтесь, Лизанька.

Занавес закрывается.

Что вы скажете, бесценный Борис Семенович?
ГУСЬ. М-да...
АМЕТИСТОВ. Бокальчик?
ГУСЬ. Вы прямо обаятельный администратор!
АМЕТИСТОВ. Да что же, Борис Семенович, пообтесался в свое время, потерся при дворе...
ГУСЬ. Вы были при дворе?
АМЕТИСТОВ. Эх, Борис Семенович! Когда-нибудь я вам расскажу некоторые тайны своего рождения, вы изойдете в слезах!.. Ателье!

Занавес распахивается, и на эстраде появляется в очень открытом платье Марья Никифоровна. Абольянинов играет. Марья Никифоровна под музыку двигается по эстраде.

Больше жизни! (*Тихо.*) Фить!
МАРЬЯ НИКИФОРОВНА (*тихо*). Невежа.
АМЕТИСТОВ. Ву зет тре земабль[1].

Занавес закрывается.

Ателье!

Абольянинов играет «Светит месяц», на эстраде Манюшка в русском, весьма открытом костюме танцует.

ХЕРУВИМ (*внезапно выглядывает, говорит шепотом*). Мануска, када танцуись, мине смотли, гостя не смотли...
МАНЮШКА (*шепотом*). Уйди, черт ревнивый...
АБОЛЬЯНИНОВ (*внезапно*). Я играю, горничная на эстраде танцует, что это происходит?..
АМЕТИСТОВ. Тсс... (*Шепотом.*) Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета!

Занавес закрывается.

(*Гусю*). Э бьен?[2]
ГУСЬ (*внезапно*). Ателье!
АМЕТИСТОВ. Совершенно правильно, Борис Семенович, ателье!

Занавес распахивается. Абольянинов играет томный вальс. На эстраде мадам Иванова в костюме открытом, сколько это возможно на сцене.

(*Вскакивает на эстраду, танцует с мадам Ивановой, говорит шепотом.*) В сущности я очень несчастлив, мадам Иванова... Моя мечта – уехать с любимой женщиной в Ниццу...
МАДАМ ИВАНОВА (*шепотом*). Болтун...

Танец заканчивается.

АМЕТИСТОВ. Мадемуазель, продемонстрируйте мсье платье... (*Скрывается.*)

Мадам Иванова выходит с эстрады, как фигура из рамы, поворачивается перед Гусем.

[1] Vous êtes très aimable. – Вы очень любезны. (*Франц.*)
[2] Eh bien? – Ну как? (*Франц.*)

ГУСЬ (*растерян*). Очень вам признателен... до глубины души...
МАДАМ ИВАНОВА. Не смейте так смотреть на меня. Вы дерзкий.
ГУСЬ (*растерян*). Кто вам сказал, что я смотрю на вас?
МАДАМ ИВАНОВА. Нет, вы дерзкий, в вас есть что-то африканское. Мне нравятся такие, как вы. (*Внезапно скрывается за занавесом.*)
ГУСЬ (*исступленно*). Ателье!!

Аметистов появляется внезапно.

Лампы вспыхивают.

АМЕТИСТОВ. Пардон, антракт!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Серенький день. Аметистов грустный сидит в гостиной возле телефона.

АМЕТИСТОВ (*икнув*). Тьфу ты, черт тебя возьми! Вот привязалась! (*Пауза.*)

Входит Абольянинов, скучен.

(*Икнул.*) Пардон.

Звонит телефон.

Херувим! Телефон!

ХЕРУВИМ (*по телефону*). Силусаю... да... да... Тибе Гусь зовет. (*Уходит.*)

АМЕТИСТОВ (*по телефону*). Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье?.. Как же, обязательно... ждем, ждем... часикам... (*Икает внезапно.*) Пардон, вспоминает меня кто-то... Как? Секрет, секрет... Сюрприз, Борис Семенович, вас ожидает. Честь имею кланяться. (*Икает.*)

АБОЛЬЯНИНОВ. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

АМЕТИСТОВ. Да, не нахожу. Человек, зарабатывающий пятьсот червонцев в месяц, не может быть вульгарным! (*Икает.*) Кто это меня вспоминает, желал бы я знать? Какому черту я понадобился? Да-с, уважаю Гуся... Кто пешком по Москве таскается? Вы.

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите, мсье Аметистов, я не таскаюсь, а хожу.

АМЕТИСТОВ. Да не обижайтесь вы! Вот человек, ей-богу! Ну ходите. Вы ходите, а он в машине ездит! Вы в одной комнате сидите, пардон, пардон, может быть выражение «сидите» — неприлично в высшем обществе, так восседаете, а Гусь — в семи! Вы в месяц наколотите... пардон, наиграете на ваших фортепьянах — десять червяков, а Гусь — пять сотен. Вы играете, а Гусь танцует!

АБОЛЬЯНИНОВ. Потому что эта власть создала такие условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно.

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон! Порядочному человеку при всяких условиях существовать можно. Я порядочный человек, однако же существую. Я, папаша, в Москву без штанов приехал, а вот...

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите, но какой я вам папаша?

АМЕТИСТОВ. Да не будьте вы таким недотрогой! Что за пустяки между дворянами?

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите меня, вы действительно дворянин?

АМЕТИСТОВ. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли? (*Икает.*) А, черт...

АБОЛЬЯНИНОВ. Ваша фамилия, видите ли, мне никогда не встречалась.

АМЕТИСТОВ. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, сеньор! Да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, эх... Имение разграбили, дом сожгли...

АБОЛЬЯНИНОВ. У вас в каком уезде было имение?

АМЕТИСТОВ. У меня? Да вы говорите про... которое...

АБОЛЬЯНИНОВ. Ну да, которое сожгли.

АМЕТИСТОВ. Ах, это... Не хочу вспоминать, потому что мне тяжело... Белые колонны, как сейчас помню... Семь колонн, одна красивее другой... Э, да что говорить! А племенной скот! А кирпичный завод!

АБОЛЬЯНИНОВ. У моей тетки Варвары Николаевны был превосходный конский...

АМЕТИСТОВ. Что там Варвара тетка! У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец!

АБОЛЬЯНИНОВ. У меня тоска!

АМЕТИСТОВ. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствие какое-то... От тоски карты помогают.

АБОЛЬЯНИНОВ. Я не люблю карт, я люблю лошадей. У меня была лошадь Фараон.

Голос глухо запел: «Напоминают мне оне...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь... Фараон...

АМЕТИСТОВ. Я любил заложить фараон... Эх, пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь! Но зато потом, как срежете ему карту на полном ходу, хлоп! ляжет как подкошенная!.. Кто меня расстроил... эх, убраться бы из Москвы поскорее!

АБОЛЬЯНИНОВ. Да, да, поскорее, я не могу здесь жить...

АМЕТИСТОВ. Не раскисайте, братишка! Три месяца еще, и уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

АБОЛЬЯНИНОВ. Бывал много раз.

АМЕТИСТОВ. Я тоже, конечно, бывал, только в глубоком детстве. Эх-хо-хо... Моя покойная матушка, помещица, возила меня... две гувернантки с нами ездили, нянька... я, знаете ли, с кудрями... интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло?

АБОЛЬЯНИНОВ (*в тоске*). Ах, я не знаю... ах, я ничего не знаю...

АМЕТИСТОВ. Схватило! Вот экзотическое растение! Граф, коллега, до прихода Зоечки прошвырнемся в «Баварию»?

АБОЛЬЯНИНОВ. Вы меня прямо ошеломляете вашими словами. В пивных грязь и гадость...

АМЕТИСТОВ. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию»! Каждый рак величиной, ну, чтобы вам не соврать, с гитару! Херувим!

Херувим появился.

Слушай, дорогой мажордом желтой расы, если придет Зоя Денисовна, скажи, что мы с графом на минутку в Третьяковскую галерею пошли. Ползем, папаня! Во — раки! (*Уходит с Абольяниновым.*)

ХЕРУВИМ. Мануска! Усли!

МАНЮШКА (*вбегает, целует Херувима*). Чем ты мне понравился, я в толк не возьму! Желтый, как апельсин, а понравился! Вы, китайцы, лютеране?

ХЕРУВИМ. Лютирани, мала-мала, белье стираем... Слусай, Мануска,

вазное дело. Мы скоро ехать будим, Мануска. Я тибе беру Санхай.

МАНЮШКА. В Шанхай? Не поеду я.

ХЕРУВИМ. Поедеси!

МАНЮШКА. Что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

ХЕРУВИМ. Я тибе зеню, Мануска. В Санхае.

МАНЮШКА. Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что я тебе, контракт подписывала, что ли, косой?

ХЕРУВИМ. Ты, мозет, Ганзалина зенить хоцись?

МАНЮШКА. А хотя бы и Газолина, я девушка свободная. Ты чего буркалы китайские выпятил, я тебя не боюсь.

ХЕРУВИМ. Ганзалини?

МАНЮШКА. Нечего, нечего...

ХЕРУВИМ (*становится страшен*). Ганзалини?!

МАНЮШКА. Что ты, что ты...

ХЕРУВИМ (*схватывает Манюшку за глотку, вынимает нож*). Я тибе цицас резать буду. (*Душит Манюшку.*) Кази, Ганзалини целовала?

МАНЮШКА. Ой, пусти глотку, ангелок... Помяни, господи, рабу Марию...

ХЕРУВИМ. Целовала? Целовала?

МАНЮШКА. Херувимчик, хрустальный... Не целовала... Не режь сиротку... Пожалей мою юную жизнь...

ХЕРУВИМ (*спрятал нож*). Зенить будеси Гандзалини?

МАНЮШКА. Нет, нет, нет...

ХЕРУВИМ. Мине зенить будиси?

МАНЮШКА. Нет... буду, буду. Что же это он, товарищи, делает?!

ХЕРУВИМ. Я тибе предлозение делала.

МАНЮШКА. Ай да предложение, ай да женишок с ножичком... Ты же разбойник, Херувим!

ХЕРУВИМ. Ниэт... Я ни разбойник, я был пицальный... каздый гоняит... тюрьму хоцит садить китайса за кокаин... Гандзалин миня тиранил мала-мала... белье стирал целую ноць... сам денга бирет, мине сорок копиек давал... я страдал, холодный... китайса не мозет зить холодной Москва... китайса Санхае долзен зить... Слусай, Мануска, ты типель собилайся, все собилай, мы скоро ехать будим, я придумал много цирвонцев достать...

МАНЮШКА. Ой, Херувим, что ты придумал? Боюсь я тебя!

Звонок.

Катись в кухню.

Херувим исчезает.

(*Открыв дверь.*) Ой, господи, боже мой!..

ГАНДЗАЛИН. Здрасти, Мануска!

МАНЮШКА. Ой, уйди, Газолин...

ГАНДЗАЛИН. Нет, я зацем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я тибе присел предлозение делать.

МАНЮШКА. Уйди, Газолин.

ГАНДЗАЛИН. Нет, зацем? Ты мне сто говорила, а? Говорила любиси. Обманула Гандзалин?

МАНЮШКА. Что ты врешь? Ничего я тебе не говорила. Вот я Зою Денисовну кликну...

ГАНДЗАЛИН. Ты вресь. Ее дома нету. Ты, Мануска, много вресь! А я тибе люблю!

МАНЮШКА. Ты с ножом? Говори прямо, если с ножом...
ГАНДЗАЛИН. Я с нозом. Предлозение делать.
ХЕРУВИМ (*появился внезапно*). Кто предлозение?
ГАНДЗАЛИН. Ага! Вот он, помосник! Ах ты!..
ХЕРУВИМ. Ты иди с квартиры, иди!.. Это моя квартира, Зойкина, моя!
МАНЮШКА. Ой, что же это будет?
ГАНДЗАЛИН. Твоя? Бандит! Захватил квартиру Зойкину! Я тибя подобрал? Ты как собака был? А ты... Я предлозение буду делать Мануске!
ХЕРУВИМ. Я узе делала. Она моя зена, она миня любит!
ГАНДЗАЛИН. Вресь! Она моя зена, она миня любит!
МАНЮШКА. Врет, врет, врет! Херувимчик, врет он!
ХЕРУВИМ. Уходи из моеи квартиры!
ГАНДЗАЛИН. Ты уходи! Я милици все расскази, какой ты китайский тип!
ХЕРУВИМ. Милици... (*Шипит.*)

Гандзалин шипит.

МАНЮШКА. Зайчики, милые, только не режьтесь, дьяволы!
ХЕРУВИМ. Аааа!.. (*Внезапно выхватывает нож, бросается на Гандзалина.*)
МАНЮШКА. Караул! Караул! Караул!

Гандзалин бросается в зеркальный шкаф, захлопывает за собой дверцу. Звонок.

Караул! Брось ножик, черт окаянный!

Звонок.

Звонят! На каторгу тебя заберут!

Звонок.

ХЕРУВИМ. Я его потом зарезу! (*Закрывает шкаф на ключ, ключ прячет в карман и исчезает.*)

Манюшка открывает дверь, и в переднюю входят двое неизвестных в штатском, оба с портфелями.

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Здравствуйте, товарищ! Это не у вас караул кричали?
МАНЮШКА. Что вы, какой караул? Это я пела...
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Аа...
МАНЮШКА. А вам что, товарищи?
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. А мы, товарищ, комиссия. Пришли вашу мастерскую осматривать.
МАНЮШКА. Да заведующей сейчас нету... Сегодня занятиев нет...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. А вы кто же такая сами будете?
МАНЮШКА. Я ученица-модельщица.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну, вот вы нам и покажите. А то что же нам два раза ходить.
МАНЮШКА. Ну, тогда пожалуйте...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Здесь что помещается?
МАНЮШКА. А это примерочная.
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Хорошая комнатка. Это что же, на них и примеряют? (*Указывает на манекены.*)
МАНЮШКА. Как же, на манекене...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. А модельщицы для чего?

МАНЮШКА. А это когда на шагу платье примеривают, так на ученицу надевают...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ага.

Второй неизвестный отдергивает занавес.
За занавесом оказывается Херувим с утюгом в руках.

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Гм... Китаец!
МАНЮШКА. А это к нам из прачешной ходит, юбки гладит...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ага...

Херувим плюет на утюг и уходит с ним.

Ну, пойдемте дальше. (*Идет, за ним Манюшка.*)

Второй неизвестный, оставшись один, быстро вынимает ключи, открывает один шкаф, осматривает, закрывает его, открывает второй, отскакивает. В шкафу, скорчившись, сидит Гандзалин с ножом в руке.

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Второй! Тссс... Сидишь?
ГАНДЗАЛИН. Сидю.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ (*шепотом*). А ты что здесь делаешь?
ГАНДЗАЛИН (*плаксиво*). Я мала-мала прятался... Меня сицас Херувим-бандит резать будит... Спасити меня, мала-мала...
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Тише ты! Спасем, спасем. А ты сам кто будешь?
ГАНДЗАЛИН. Я Гандзалин, цесный китаец. Я горнисной предлозение делал, а он меня цуть не зарезал! Он сюда опиум таскает, в эту квалтиру.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ага. Так, так... Выкатывайся из шкафа, иди в отделение милиции и там меня жди. Только ходу не вздумай дать, я тебя на дне моря найду.
ГАНДЗАЛИН. Я ни убегу. Только Херувима забери, он бандит! (*Выпрыгивает из шкафа, скрывается в передней, исчезает.*)

Второй неизвестный уходит туда, куда ушли Манюшка и первый неизвестный. Через некоторое время все трое возвращаются.

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну что ж? Все прекрасно, и светло, и ясно. Отлично устроена мастерская.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Что говорить!
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ (*Манюшке*). Ну вот что, товарищ, передайте заведующей, что была комиссия и нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы вам и бумагу пришлем.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Кланяйтесь.

Оба уходят в переднюю. Манюшка закрывает за ними дверь.

ХЕРУВИМ (*вылетает, как буря, с ножом*). Аа, усли? Милиции раскази? Я тибе рассказу! (*Бросается к шкафу.*)
МАНЮШКА. Дьявол! Караул! Дьявол! Караул!
ХЕРУВИМ (*открывает шкаф и остолбеневает*). Сволоць! У него клюц был!

Ночь. Гостиная Зои освещена лампами под абажурами. В нише горит китайский фонарь.
Херувим сидит в своем экзотическом наряде в нише — похож на божка.
За дверями слышен звон двух гитар, слышно, как несколько голосов негромко поют: «Эх, раз, еще раз!..»

Манекены стоят, улыбаются, не разберешь, живые они или мертвые. Много цветов в вазах.

АМЕТИСТОВ (*выглянув из дверей*). Херувим! Шампанского!

ХЕРУВИМ. Цицас! (*Уходит, через некоторое время возвращается и опять садится в нише.*)

Звуки гитар сменились роялем, на котором играют фокстрот. Из дверей выходит Мертвое тело, тоскливо оглядывается, направляется к Херувиму.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Позвольте вас просить, мадам!

ХЕРУВИМ. Я не мадама иесть...

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Что за черт!.. (*Подходит к одному из манекенов.*) Один тур, мадам... Не желаете, как угодно... Улыбайтесь, улыбайтесь... Только смотрите, чтобы вам потом плакать не пришлось... (*Потом подходит ко второму манекену.*) Мадам... (*Обнимает манекен за талию, танцует с ним.*) Никогда в жизни не держал в руках такой талии... (*Всматривается в манекен, отталкивает его, горько плачет.*)

АМЕТИСТОВ (*выскакивает из дверей*). Иван Васильевич! Пардон, пардон... чего вы расстроились? Чего вам не хватает в жизни?

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Подлец ты!..

АМЕТИСТОВ. Иван Васильевич, я вам нашатырного спирту накапаю.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Новое оскорбление!.. Всем шампанское, а мне — нашатырный спирт...

АМЕТИСТОВ. Иван Васильевич, родной мой...

Во время этой сцены дверь в глубине полуосвещенной спальни Зои открывается, и в спальне появляется бесшумно Портупея, прячется за портьерой и наблюдает происходящее. Из дверей появляется Роббер.

РОББЕР. Иван Васильевич, что с тобой?

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Нашатырным спиртом поят!

МАРЬЯ НИКИФОРОВНА (*появилась в гостиной*). Иван Васильевич, милый!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Отойдите все от меня!..

Зоя появилась в гостиной.

РОББЕР. Зоя Денисовна, примите мои глубокие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

ЗОЯ. Пустяки, это бывает.

АМЕТИСТОВ. Действуйте, берите его танцевать.

Марья Никифоровна увлекает плачущее Мертвое тело в двери, за ними Аметистов.

РОББЕР. Зоя Денисовна, вечер ваш очарователен! Да, кстати, чтобы потом не забыть при прощании... сколько я должен вам?

ЗОЯ, Мы устраиваем эти вечера вскладчину... двести рублей.

РОББЕР. Слушаю-с... Я уплачу и за Ивана Васильевича. Значит, двести и двести...

ЗОЯ. Четыреста.

РОББЕР. Слушаю... (*Вручает деньги.*) Мерси. Зоя Данисовна, один тур.

ЗОЯ. Ах нет, я не танцую.

РОББЕР. Ах, Зоя Денисовна, почему же? (*Уходит.*)

Херувим вдруг шевельнулся, посмотрел в сторону передней. Оттуда выглянула Манюшка, сделала какой-то знак. Зоя кивнула головой. Тут же бесшумно из передней появляется Алла Вадимовна. Она в пальто и вуали.

ЗОЯ (*шепотом*). Здравствуйте, Аллочка. (*Манюшке.*) Веди Аллу Вадимовну к себе в комнату, надевай на нее туалет.

Манюшка уходит с Аллой через спальню. Херувим скрывается бесшумно. Портупея отодвигает портьеру и появляется.

(*Вздрагивает, отшатывается.*) Что это значит, Портупея? Как вы попали сюда?

ПОРТУПЕЯ (*шепотом*). Через черный ход. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна! Ай да мастерская! Ну, все понятно!

ЗОЯ (*дает деньги Портупее*). Исчезайте, молчите! Когда разойдутся, приходите, дам еще!

ПОРТУПЕЯ. Зоя Денисовна, поосторожнее!..

ЗОЯ. Уходите...

Портупея уходит через спальню, Зоя — за ним.

Слышен негромкий фокстрот за дверями. Из дверей выходит Гусь. Он мрачен.

ГУСЬ. Гусь, ты пьян!.. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык!.. Ты один только знаешь, почему ты пьян... Но ты никому этого не скажешь, потому что ты горд!.. Вокруг тебя вертятся женщины и увеселяют директора, но ты не весел... Душа твоя мрачна... (*Манекену.*) Ах, манекен!

Зоя бесшумно появилась в спальне.

Тебе одному, молчаливый манекен, я доверяю свою тайну: я...

ЗОЯ. Влюблен.

ГУСЬ. А, Зойка! Ты подслушала меня? Ну что же... Зоя! Змея обвила мое сердце... Ах, Зоя, я догадываюсь, что она дрянь!.. Но она победила меня!..

ЗОЯ. Стоит ли мучиться, о милый Гусь? Ты найдешь другую.

ГУСЬ. Ах нет, никогда! Но все равно, Зоя, покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца... Зоя, она не любит меня!

ЗОЯ. О мой Гусь, мой старый приятель, подожди несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете! И она будет твоя, потому что какая женщина устоит против тебя, Гусь!

ГУСЬ. Спасибо тебе, Зойка, за добрые слова...

Из дверей выходят Абольянинов и Аметистов — оба во фраках.

Я хочу тебя наградить. Сколько я тебе должен?

ЗОЯ. Гусь, я ничего не хочу с тебя брать.

ГУСЬ. Ты не хочешь брать, ну а я хочу дать. Бери пятьсот рублей.

ЗОЯ. Мерси.

ГУСЬ (*Аметистову*). А-а, администратор! Ты устроил рай, в котором отдохнула измученная душа! Прими!

АМЕТИСТОВ. Данке зер[1].

ГУСЬ (*Абольянинову*). Граф! Прекрасно играете на рояли! Прошу вас. (*Вручает ему деньги.*)

АБОЛЬЯНИНОВ. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлю своих секундантов.

ГУСЬ. Дам, и им дам.

АМЕТИСТОВ. Браво, Борис Семенович! Борис Семенович, внимание!

[1] Danke sehr. — Благодарю. (*Нем.*)

Перемена декораций! Сейчас будет демонстрирован новый туалет! Свет! (*Выключает свет.*)

Несколько мгновений квартира Зои во тьме, потом лампы наливаются неярким светом. В гостиной сидят: Зоя, Гусь, Роббер, Мертвое тело, Марья Никифоровна, Лизанька и мадам Иванова.

Абольянинов — за роялем. У занавеса, которым закрыта ниша, возникает Аметистов.

АМЕТИСТОВ. Внимание! Сиреневый туалет! Демонстрирован в Париже! Цена — шесть тысяч франков! Ателье!

Абольянинов начинает вальс. Алла на эстраде выступает под музыку.

ВСЕ. Браво!

ГУСЬ. Что такое?

АЛЛА. Ах! Это вы? Как вы попали сюда?

ГУСЬ. Как вам это нравится? Она спрашивает, как я сюда попал? В то время как я должен спросить ее, как она сюда попала!

АЛЛА. Я поступила модельщицей.

ГУСЬ. Модельщицей!! Женщина, которую я люблю!.. Женщина, на которой я собираюсь жениться, бросив жену и пару малюток, поступает в модельщицы! Да знаешь ли ты, несчастная, куда ты поступила?

АЛЛА. В ателье.

ГУСЬ. Ну да, пишется ателье, а выговаривается веселый дом!

РОББЕР. Что такое, что такое!

ГУСЬ. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где туалеты показываются ночью под музыку?!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Правильно!.. На каком основании музыка?.. Будьте любезны...

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон...

ЗОЯ. Ага, теперь понятно! (*Передразнивает Аллу.*) «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор, как умер мой муж...» Ах вы, ломака, ломака! Ведь я же вас спрашивала, предупреждала! Спасибо, Аллочка, за скандал!

ГУСЬ. Зоя Денисовна, вы в качестве модельщицы выставили мне мою невесту!

АЛЛА. Я не невеста вам.

ГУСЬ. Она моя любовница, между нами!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Слава тебе, господи, развеселились!..

АБОЛЬЯНИНОВ. Попрошу вас не оскорблять женщину!

ГУСЬ. Пианист, оставь меня!

ЗОЯ. Господа, это маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится... прошу вас, господа, в залу... Будьте добры, пожалуйста... Аметистов!

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, прошу, господа, пожалуйста! Общий грандиозный фокстрот! А тут маленькое интимное объяснение... Такие происшествия нередки в высшем свете... Иван Васильевич! Лизанька, примите меры!

Женщины увлекают мужчин за двери. С ними уходят Аметистов и Абольянинов. Зоя остается в нише и слушает разговор.

ГУСЬ. Ты в ателье?

АЛЛА. А как же вы-то попали в это ателье?

ГУСЬ. Я? Я — мужчина! Я хожу в брюках! А не в платье, на котором разрез до пояса! Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты зачем?

АЛЛА. А я за деньгами.
ГУСЬ. Зачем тебе деньги?
АЛЛА. Я хочу уехать за границу.
ГУСЬ. На это не дам! Опять эта проклятая заграница!
АЛЛА. Вот я и хотела здесь взять.
ГУСЬ. У тебя в Москве было бы все, даже птичье молоко! Я семь раз делал тебе предложение! За границу!.. Как же, за границей уже все дожидаются, президент в Париже волнуется, что это Алла Вадимовна не едет?
АЛЛА. Да, волнуется, только не президент, а мой жених.
ГУСЬ. Кто? Жених? Жених? Ну знаешь ли, если у тебя там есть жених, ты... ты... дрянь!
АЛЛА. Не смейте оскорблять меня! Я скрыла это, верно. Но ведь я никак не полагала, что вы влюбитесь в меня! Я хотела взять у вас деньги на заграницу и удрать...
ГУСЬ. Бери, но только оставайся!
АЛЛА. Нет, ни за что!
ГУСЬ. А, теперь!.. Когда ты в моих кольцах, ни за что!.. Ты посмотри на свои пальцы!
АЛЛА (*срывает кольца, бросает на пол*). Нате! Нате!..
ГУСЬ. К черту кольца! Отвечай, ты пойдешь со мной или нет?
АЛЛА. Нет, не пойду.
ГУСЬ. Нет? Считаю до трех. Раз! Два!.. Считаю до десяти!
АЛЛА. Бросьте это, Борис Семенович, не считайте. Я не пойду. Я не люблю вас.

ГУСЬ. Распутная женщина!
АЛЛА. Как вы см...
ЗОЯ (*в нише*). О, дура проклятая!
АМЕТИСТОВ (*внезапно появился*). Пардон, пардон, Борис Семенович!
ГУСЬ. Вон!
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон, Борис Семенович!.. Алла Вадимовна, пожалуйте, вам надо отдохнуть!.. Успокоиться...
АЛЛА (*идет*). Зоя Денисовна, мне очень жаль, что я была причиной скандала... Туалет я вам верну...
ЗОЯ. Я вам его дарю за глупость, идиотка!
ГУСЬ. Стой! Ты куда? За границу?!
АЛЛА (*из передней*). Издохну, но сбегу!

Аметистов набрасывает на Аллу пальто, и она исчезает.

ГУСЬ (*вслед*). Я не дам тебе этого сделать!
ЗОЯ. Успокой, успокой его!
АМЕТИСТОВ. Ладно, ладно, успокою... Иди к гостям...

Зоя уходит, закрывая за собою дверь.

ГУСЬ (*в пространство*). Ты будешь вещи продавать на Смоленском рынке, ты попадешь в больницу! И посмотрю я, как ты в своем сиреневом туалете... (*В тоске валится на ковер.*)
АМЕТИСТОВ. Борис Семенович, коврик грязный!.. Все устроится!.. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива, антр ну суа ди, так, ординер...[1]
ГУСЬ. Уйди! Я тоскую...

[1] Entre nous soit dit... ordinaire... — Между нами говоря... обычна... (*Франц.*)

АМЕТИСТОВ. Вот и отлично! Потоскуйте... Вот вам ликерчик и папиросы... (*Исчезает.*)

За сценою фокстрот.

ГУСЬ (*тоскует*). Гусь тоскует... Отчего ты тоскуешь, бедный? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму... Ах я, несчастный! Я всего достиг, чего только можно достичь, и вот ядовитая любовь сразила меня, и я лежу на ковре, и где?.. В публичном доме!.. Алла! Вернись! (*Громче.*) Алла! Вернись!

АМЕТИСТОВ (*появился*). Тихонечко, Борис Семенович, а то внизу пролетариат слышит... (*Исчезает, закрыв дверь.*)

Херувим появляется бесшумно, подходит к Гусю.

ГУСЬ. Уйди, я тоскую...

ХЕРУВИМ. Цего тоскуеси мала-мала?

ГУСЬ. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный... Херувим, китайский человек... Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре...

ХЕРУВИМ. Пецаль? Я тозе пецальный...

ГУСЬ. Ах, китаец!.. Чего тебе печалиться? У тебя все впереди...

ХЕРУВИМ. Мадама обманула? Все мадамы сибко нехоросие мала-мала... Ну сто? Другую мадаму забираеси... Много мадама Москве...

ГУСЬ. Не могу достать другую мадаму!

ХЕРУВИМ. Тибе денги ниэт?

ГУСЬ. Ах, милый китаец! Разве может быть, чтобы я не достал денег? Но вот одного не может придумать моя голова, как деньги превратить в любовь! Смотри! (*Выбрасывает из карманов толстые пачки червонцев.*) Утром получил пять тысяч! А вечером – удар, от которого я свалился! И вот я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как я плюю на червонцы!

ХЕРУВИМ. Плюесь в денги? Смисно! У тибя денги ест, мадама нет... У меня мадама ест, а денги где? Дай погладить червонцы...

ГУСЬ. Гладь...

ХЕРУВИМ. А, цервонцики, цервонцики, милые... (*Внезапно ударяет Гуся под лопатку финским ножом.*)

Гусь затихает без звука.

Цервонци... и теплый Санхай!!

Прячет червонцы, срывает с Гуся часы с цепочкой, кольца с пальцев, вытирает нож о пиджак Гуся, поднимает Гуся, сажает в кресло, убавляет свет, говорит шепотом.

Мануска!

МАНЮШКА (*выглянула*). Чего тебе?

ХЕРУВИМ. Тссс... Сицас Санхай безим... вокзал...

МАНЮШКА. Ты что сделал, черт?

ХЕРУВИМ. Я Гуся зарезала...

МАНЮШКА. А... Дьявол!.. Дьявол...

ХЕРУВИМ. Беги, а то тибя резать буду! Цицас мокрая беда будит!..

МАНЮШКА. Господи! Господи! (*Исчезает вместе с Херувимом.*)

АМЕТИСТОВ (*вошел тихо*). Борис Семенович, я на минуточку, только проведать... Ну, как чувствуете себя? Э, как вы переволновались! Вон и ручка холодная... (*Всматривается.*) Что?! Сукин кот!.. Бан-

дит! Мокрое дело! Этого в программе, граждане, не было! Как же теперь быть-то, а? Засыпался! Крышка! Херувим!! Да... Конечно, ограбил и ходу дал... А я-то, идиот!.. Вот тебе и Ницца! Вот тебе и заграница! (*Пауза. Машинально.*) Вечер был, сверкали звезды... Чего же я сижу? Ходу! (*Сбрасывает с себя фрак, галстук, вбегает в спальню Зои, открывает письменный стол, берет оттуда какие-то бумаги и деньги, прячет в карман, вынимает из-под постели старенький чемодан, и из него — френч, надевает его, надевает кепку.*) Верный мой товарищ чемодан, опять мы с тобой вдвоем. Но куда податься теперь? Объясните мне, товарищи, куда податься? Ах, звезда ты моя, безутешная!.. Ах, судьба моя!.. Прощай, Зоя, прости! Иначе я поступить не мог! Прощай, Зойкина квартира! (*Исчезает с чемоданом.*)

Пауза.
Дверь в спальню Зои тихонько открывается, и входят первый и второй неизвестный, а за ними еще двое неизвестных.

ЗОЯ (*появилась в гостиной*). Борис Семенович, вы один? А где же Аметистов? (*Всматривается.*) О боже! О боже! Мы погибли! О боже! (*Тихонько в двери.*) Павел Федорович!

Абольянинов вышел.

Павлик, стряслась беда! Посмотрите! (*Указывает на Гуся.*)
АБОЛЬЯНИНОВ (*вглядевшись*). Что такое?!
ЗОЯ. Павлик, беда! Это китаец, это он с Аметистовым! Павлик, бежать! Сию минуту бежать!
АБОЛЬЯНИНОВ. Как бежать?
ЗОЯ. Павлик, опомнитесь, поймите, в квартире убийство!.. Да что я... Ах, деньги в спальне! Бежать...
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ (*выходя*). Спокойно, гражданочка. Нельзя бежать.
ЗОЯ. Кто вы такие?!
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Спокойно, гражданочка. Мы с мандатами.
АБОЛЬЯНИНОВ. Зоя! Что творится в квартире?
ЗОЯ. Ах, понимаю! Павлик, это конец! Будьте мужчиной! Имейте в виду, мы не виноваты!
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Кто там танцует?
ЗОЯ. Это мои гости. Запомните, мы не причастны к убийству. Это китаец и Аметистов.
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Спокойно, гражданочка. (*Идет к дверям, открывает их.*) Ваши документы, граждане.

Темно.
Появляется свет. Первый неизвестный сидит за столиком, второй неизвестный осматривает комнату. Третий неизвестный стоит у дверей, курит. Из дверей, ведущих в спальню, тихонько появляется Портупея, входит в гостиную, удивлен.

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Вам чего, гражданин?
ПОРТУПЕЯ. Довольно странно. Это я могу спросить, вам чего здесь, в квартире? Я председатель домкома.
ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. А-а-а... Очень приятно.
ПОРТУПЕЯ. Мне Зою Денисовну.
ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Сейчас.

Уходит, потом возвращается с Зоей и Абольяниновым. Оба они бледны, молчаливы. Зоя держит под руку Абольянинова.
Портупея поражен.

Ну, чего хотел сказать Зое Денисовне?

ПОРТУПЕЯ (*учуял что-то неладное*). А вы кто такие, товарищи, будете?

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Гуся знал?

ПОРТУПЕЯ. Как же, они у нас в доме проживают.

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Проживали.

ПОРТУПЕЯ (*вздрогнул*). Товарищи, я давно замечаю, подозрительная квартира... Завтра хотел сообщить...

ЗОЯ. Мерзавец! Я ему деньги платила! У него и сейчас мои червонцы в кармане!

Портупея попытался проглотить денежную бумажку.

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ (*отняв бумажку*). Ты что же – дефективный? Червонцы жуешь?

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь!

ПОРТУПЕЯ (*упал на колени*). Товарищи! Я человек малосознательный!.. (*С пафосом.*) Товарищи, принимая во внимание мою темноту и невежество, как наследие царского режима, считать приговор условным!.. Что такое говорю, и сам не понимаю...

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну ладно, подымайся. (*Зое.*) Надевайте пальто, мадам, пора ехать.

Портупея горько рыдает.

Не рыдай. Вместе поедем.

ЗОЯ. Имейте в виду (*указывает на Абольянинова*), что мой муж болен! Уж вы не обижайте его...

ПЕРВЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. Его в больницу поместят...

ЗОЯ. Прощай, прощай, моя квартира!

АБОЛЬЯНИНОВ. У меня мутится рассудок... Смокинги... кровь... (*Второму неизвестному.*) Простите, пожалуйста, я хотел вас спросить, отчего вы в смокингах?

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ. А мы в качестве гостей к вам собирались.

АБОЛЬЯНИНОВ. Простите, пожалуйста, к смокингу ни в каком случае нельзя надевать желтые ботинки.

ВТОРОЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ (*первому неизвестному*). Говорил я тебе?!

Занавес

/1926; 1935/

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в четырех действиях

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРАФИМА ВЛАДИМИРОВНА КОРЗУХИНА, молодая петербургская дама.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ГОЛУБКОВ, сын профессора-идеалиста из Петербурга.

АФРИКАН, архиепископ симферопольский и карасубазарский, архипастырь именитого воинства, он же — химик МАХРОВ.

ПАИСИЙ, монах.

ДРЯХЛЫЙ ИГУМЕН.

БАЕВ, командир полка в конармии Буденного.

БУДЕНОВЕЦ.

ГРИГОРИЙ ЛУКЬЯНОВИЧ ЧАРНОТА, запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

БАРАБАНЧИКОВА, дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

ЛЮСЬКА, походная жена генерала Чарноты.

КРАПИЛИН, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

ДЕ БРИЗАР, командир гусарского полка у белых.

РОМАН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ХЛУДОВ.

ГОЛОВАН, есаул, адъютант Хлудова.

КОМЕНДАНТ СТАНЦИИ.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ.

НИКОЛАЕВНА, жена начальника станции.

ОЛЬКА, дочь начальника станции, 4-х лет.

ПАРАМОН ИЛЬИЧ КОРЗУХИН, муж Серафимы.

ТИХИЙ, начальник контрразведки.

СКУНСКИЙ, ГУРИН — служащие в контрразведке.

БЕЛЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ.

ЛИЧИКО В КАССЕ.

АРТУР АРТУРОВИЧ, тараканий царь.

ФИГУРА В КОТЕЛКЕ И ИНТЕНДАНТСКИХ ПОГОНАХ.

ТУРЧАНКА, любящая мать.

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА.

ГРЕК-ДОНЖУАН.

АНТУАН ГРИЩЕНКО, лакей Корзухина.

МОНАХИ, БЕЛЫЕ ШТАБНЫЕ ОФИЦЕРЫ, КОНВОЙНЫЕ КАЗАКИ БЕЛОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО, КОНТРРАЗВЕДЧИКИ, КАЗАКИ В БУРКАХ, АНГЛИЙСКИЕ, ФРАНЦУЗСКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ МОРЯКИ, ТУРЕЦКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ, МАЛЬЧИШКИ ТУРКИ И ГРЕКИ, АРМЯНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОЛОВЫ В ОКНАХ, ТОЛПА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года.
Сны второй, третий и четвертый — в начале ноября 1920 года в Крыму.
Пятый и шестой — в Константинополе, летом 1921 года.
Седьмой — в Париже, осенью 1921 года.
Восьмой — осенью 1921 года, в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...»
Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном — безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом.
На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химик Махров в бараньем тулупе примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть.
В высоком игуменском кресле сидит Серафима в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится.
У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

ГОЛУБКОВ (*прислушиваясь к пению*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уж месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом... видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась моя зеленая лампа в кабинете...

СЕРАФИМА. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

ГОЛУБКОВ. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет, что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор, как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно, давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив руку.*) Позвольте, да у вас жар?

СЕРАФИМА. Нет, пустяки.

ГОЛУБКОВ. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар!

СЕРАФИМА. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, мадам, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

ГОЛУБКОВ. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

СЕРАФИМА. Почему же вы не хотите, голубушка?
БАРАБАНЧИКОВА (*капризно*). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

МАХРОВ (*тихо, Голубкову*). Загадочная и весьма загадочная особа!
ГОЛУБКОВ (*шепотом*). Вы думаете, что...
МАХРОВ. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

ПАИСИЙ (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Документики, документики приготовьте, господа честные! (*Задувает все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.
Баев входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым — буденовец с фонарем.

БАЕВ. А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?
ПАИСИЙ. Здесь, здесь, здесь...
БАЕВ (*буденовцу*). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(*Паисию.*) Был огонь на колокольне?
ПАИСИЙ. Что вы, что вы? Какой огонь?
БАЕВ. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!
ПАИСИЙ. Господи! Что вы?!
БАЕВ. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!
ПАИСИЙ. Беженцы они, бе...
СЕРАФИМА. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (*Указывает на Барабанчикову.*) Вот женщина, у нее роды начинаются...
БАЕВ (*подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает*). Барабанчикова, замужняя...
ПАИСИЙ (*сатанея от ужаса, шепчет*). Господи, господи, только это пронеси! (*Готов убежать.*) Святый славный великомученик Димитрий...
БАЕВ. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Нашла время, место рожать! (*Махрову.*) Документ!
МАХРОВ. Вот документик! Я — химик из Мариуполя.
БАЕВ. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!
МАХРОВ. Я продукты ездил покупать, огурчики...
БАЕВ. Огурчики!
БУДЕНОВЕЦ (*появляется внезапно*). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (*Шепчет на ухо Баеву.*)
БАЕВ. Да что ты! Откуда?
БУДЕНОВЕЦ. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

БАЕВ. Ну ладно, ладно, пошли. (*Голубкову, который протягивает свой документ.*) Некогда, некогда, после. (*Паисию.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

ПАИСИЙ. Нет, нет, нет...

БАЕВ. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За Черного барона или за Советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (*Уходит вместе с буденовцем.*)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

МАХРОВ. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

ГОЛУБКОВ (*шепотом, Серафиме*). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

БАРАБАНЧИКОВА. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! (*Серафиме.*) Пардон, мадам.

ГОЛУБКОВ (*машинально*). Ну?

БАРАБАНЧИКОВА. Ну, что «ну»? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

ГОЛУБКОВ. Ну?

БАРАБАНЧИКОВА. Малый в червах объявил.

МАХРОВ (*тихо*). Ого-го, до чего интересная особа!

ГОЛУБКОВ. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты?..

БАРАБАНЧИКОВА. Вон какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

ГОЛУБКОВ. А куда же он удалился?

БАРАБАНЧИКОВА. Совершенно определенно, в болото.

МАХРОВ. А откуда вам все это известно, мадам?

БАРАБАНЧИКОВА. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

МАХРОВ. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?!

БАРАБАНЧИКОВА. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи, все, кроме одной, смотрит в окно.

ГОЛУБКОВ. Что еще?

ПАИСИЙ. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще господь послал и будем ли мы живы к ночи! (*Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.*)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

СЕРАФИМА. Пожар?

ГОЛУБКОВ. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

БАРАБАНЧИКОВА (*садится, кутаясь в попону*). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны, погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны наце-

пить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (*Голубкову.*) Какие штаны на них?

ГОЛУБКОВ. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

БАРАБАНЧИКОВА. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое? Не может быть! Его голос! (*Голубкову.*) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонами. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.*) Здравствуйте, гусары! Здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Люська, в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой де Бризар и вестовой Крапилин с факелом.

ЛЮСЬКА. Гриша! Гри-Гри! (*Бросается на шею Чарноты.*) Не верю глазам! Живой? Спасся? (*Кричит в окно.*) Гусары, слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

ЧАРНОТА. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и – нá тебе – пулеметы! Буденный – нá тебе – с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

ЛЮСЬКА. Кто?

ЧАРНОТА. Командир-буденовец.

ЛЮСЬКА. Ах!

ЧАРНОТА. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоною! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(*Выбегает, в дверях кричит.*) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

ДЕ БРИЗАР. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! (*Махрову.*) Ну, у тебя и документ

спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

ПАИСИЙ (*влетает*). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

ДЕ БРИЗАР. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(*Всматривается в лицо Махрову.*) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

АФРИКАН. В Курчулан приехал благословить Донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документиками.

ДЕ БРИЗАР. Черт знает что такое! (*Серафиме.*) Женщина, документ!

СЕРАФИМА. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

ДЕ БРИЗАР. Миль экскюз, мадам![1] А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

ГОЛУБКОВ. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

ДЕ БРИЗАР. Очень приятно! Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый игумен, а за ним хор монахов со свечами.

ИГУМЕН (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облекают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко! Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

АФРИКАН. Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

МОНАХИ (*внезапно запели*). Ис полла́ э́ти дэ́спота!..[2]

В дверях вырастает Чарнота, с ним Люська.

ЧАРНОТА. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Вы не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (*Показывает жестом — «уходите».*)

АФРИКАН. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

ЧАРНОТА (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловит нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

АФРИКАН. Всеблагий господи, что же это? (*Схватывает свой тулуп.*) Двуколки с вами-то есть? (*Исчезает.*)

ЧАРНОТА. Карту мне! Свети, Крапилин! (*Смотрит на карту.*) Все заперто! Гроб!

ЛЮСЬКА. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

[1] Mille excuses, madame! — Тысяча извинений, мадам! (*Франц.*)
[2] Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα!.. — Многая лета, владыко! (*Греч.*)

ЧАРНОТА. Стой! Щель нашел! (*Де Бризару.*) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глóтку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую Стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

ДЕ БРИЗАР. Слушаю, ваше превосходительство.

ЧАРНОТА. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

ЛЮСЬКА. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

ГОЛУБКОВ (*Чарноте*). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

ЧАРНОТА. Вы в университете учились?

ГОЛУБКОВ. Конечно, да...

ЧАРНОТА. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет! Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

ЛЮСЬКА. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется...

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

СЕРАФИМА (*глухо*). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

ГОЛУБКОВ. Боже мой! Серафима Владимировна, это немыслимо! Серафима Владимировна, подымитесь!

СЕРАФИМА. Я хочу пить... и в Петербург...

ГОЛУБКОВ. Что же это такое?..

ЛЮСЬКА. Это тиф, вот что это такое.

ДЕ БРИЗАР. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

КРАПИЛИН. Так точно, ехать надо!

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, надо ехать...

ДЕ БРИЗАР. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

КРАПИЛИН. Так точно, ехать надо!

ДЕ БРИЗАР (*глянув на браслет-часы*). Пора! (*Выбегает.*)

Послышалась его команда: «Садись!» — потом топот.

ЛЮСЬКА. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

КРАПИЛИН. Слушаюсь!

Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.

ЛЮСЬКА. В двуколку ее!

Уходят.

ЧАРНОТА (*один, допивает коньяк, смотрит на часы*). Пора!

ИГУМЕН (*вырастает из люка*). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

ЧАРНОТА. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (*Исчезает.*)

Послышался его крик: «Садись! Садись!» – потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

ПАИСИЙ. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

ИГУМЕН. А где ж владыко?

ПАИСИЙ. Ускакал, ускакал в двуколке!

ИГУМЕН. Пастырь, пастырь недостойный! Покинувший овцы своя! (*Кричит глухо в подземелье.*) Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли бога о нас...» Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огневые отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отдѣленіе опѣратівное».

Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада.

Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них – в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, съежившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер; кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

ХЛУДОВ (*диктует Головану*). «...запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

ГОЛОВАН (*передает написанное кому-то*). Зашифровать, послать главнокомандующему.

ПЕРВЫЙ ШТАБНОЙ (*осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон*). Да, слушаю... слушаю... Буденный!.. Буденный?..

ВТОРОЙ ШТАБНОЙ (*стонет в телефон*). Таганаш... Таганаш...
ТРЕТИЙ ШТАБНОЙ (*стонет в телефон*). Нет, на Карпову балку...
ГОЛОВАН (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...
ХЛУДОВ (*в трубку*). Да. Да. Да. Нет. Да. (*Возвращает трубку Головану.*) Мне коменданта.
ГОЛОВАН. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

ХЛУДОВ. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?
КОМЕНДАНТ (*мертвым голосом*). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.
ХЛУДОВ. Дайте мне начальника станции.
КОМЕНДАНТ (*бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом*). Что ж я-то поделаю?
ХЛУДОВ. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может! (*Звонит.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отдѣленіе контръ-разъвѣдывательное».
На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

(*Обращается к нему.*) Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

(*Яростно.*) Печка с угаром, что ли?!
ГОЛОВАН. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает комендант, а за ним — начальник станции.

ХЛУДОВ (*начальнику станции*). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!
ХЛУДОВ. Вторая, значит, с угаром?
ГОЛОВАН. Сию минуту! (*Кому-то в сторону.*) Залить печку!
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Угар, угар.
ХЛУДОВ (*начальнику станции*). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, верьте богу! И лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянке, не сочувствую... у меня дети...
ХЛУДОВ. Искренний человек, а? Нет! Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят. (*Сухо.*) Дать сапер. Толкать, сортировать! Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, комен-

данта арестовать. А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним надпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет начальника станции под руку и уводит. За ним — комендант.

ХЛУДОВ. Вальс?
ГОЛОВАН. Чарнота подходит, ваше превосходительство.
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!
НИКОЛАЕВНА (*появилась возле начальника станции*). Что такое, Вася, что?
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!
НИКОЛАЕВНА. Ольку? Ольку? (*Исчезает.*)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

ЧАРНОТА. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (*Указывает куда-то вдаль.*) Что же это вы делаете? (*Внезапно снимает папаху.*) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!
ХЛУДОВ. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.
ЧАРНОТА. Слушаю. (*Отходит.*)
ЛЮСЬКА. Куда?
ЧАРНОТА (*тускло*). На Карпову балку.
ЛЮСЬКА. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную!
ЧАРНОТА (*тускло*). Можешь погибнуть.
ЛЮСЬКА. Ну и слава богу! (*Уходит с Чарнотой.*)

Послышалось лязгание, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

НИКОЛАЕВНА. Вот она, Олька, вот она!
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*в телефон*). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (*Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.*)

За ним — Тихий и комендант.

ХЛУДОВ (*начальнику станции*). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!
ХЛУДОВ. Зачем ребенок?

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

ХЛУДОВ. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (*Достает из кармана карамель.*) Девочка, на. Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (*Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.*)

Опять послышался вальс и стал удаляться.

Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

ХЛУДОВ. Я слушаю.

КОРЗУХИН (*Хлудову*). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

ХЛУДОВ. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

ГОЛОВАН. Прошу за мной.

При общем напряженном внимании ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь. Корзухин вздрагивает. Возвращается с Голованом к Хлудову.

ХЛУДОВ. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

КОРЗУХИН (*волнуясь*). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

ХЛУДОВ (*мягко*). А какой именно груз?

КОРЗУХИН. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

ХЛУДОВ (*улыбнувшись*). Ах пушной экспортный! А в каких составах груз?

КОРЗУХИН (*подает бумагу*). Прошу вас.

ХЛУДОВ. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(*Мягко*). Покороче, третий вопрос?

КОРЗУХИН (*столбенея*). Положение на фронте?..

ХЛУДОВ (*зевнув*). Ну какое может быть положение на фронте? Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. (*Меняя интонацию, шипит.*) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

КОРЗУХИН. Неслыханно! (*Травлено озирается.*) Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

ХЛУДОВ (*вежливо*). Пожалуйста.

КОРЗУХИН (*пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает*). Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*мертвея, предстает перед Хлудовым*). С Кермана-Кемальчи особое назначение!

ХЛУДОВ. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходил Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними белый главнокомандующий в заломленной на затылок папахе, длиннейшей шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним — высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Здравствуйте, господа!

ШТАБНЫЕ. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

ХЛУДОВ. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Да. Всем оставить помещение. (*Африкану.*) Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

АФРИКАН. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с главнокомандующим.

ХЛУДОВ. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Конец?!

ХЛУДОВ. Конец.

Молчание.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*в дверь*). Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!

АФРИКАН (*понял, что наступила беда*). Ай-яй-яй!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Помолитесь, владыко святой!

АФРИКАН (*перед Георгием Победоносцем*). Всемогущий господь! За что? За что новое испытание посылаешь чадам своим, Христовому именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием...

В стеклянной перегородке показалось лицо начальника станции, тоскующего от страха.

ХЛУДОВ. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите господа бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики, как по паркету, прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

АФРИКАН. Что вы, доблестный генерал?!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

ХЛУДОВ. Ах вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, босые ваши солдаты на Перекопе без блиндажей, без козырьков,

без бетону вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*темнея*). Что это такое?

АФРИКАН. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Аще царство разделится, вскоре разорится!..

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Впрочем, сейчас не время...

ХЛУДОВ. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Да. (*Вынимает конверт, подает его Хлудову.*) Прошу немедленно вскрыть.

ХЛУДОВ. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпущаеши раба твоего, владыко... Слушаю. (*Кричит.*) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*за перегородкой бросается к телефону*). Керман-Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются конвойные казаки и все штабные.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! Да ниспошлет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетье! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распахивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт главнокомандующему.

ДЕ БРИЗАР. Здравия желаю, ваше императорское величество! (*Ставке, таинственно.*) Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову...

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Что это?

ГОЛОВАН. Командир гусарского полка, граф де Бризар, контужен в голову.

ХЛУДОВ (*как во сне*). Чонгар... Чонгар...

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. В мой поезд, со мною в Севастополь! (*Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.*)

АФРИКАН. Господи! Господи! (*Благословляет ставку, быстро выходит.*)

ДЕ БРИЗАР (*увлекаемый штабными*). Виноват!.. Графиня, ценой одного рандеву...

ШТАБНЫЕ. В Севастополь, граф, в Севастополь...

ДЕ БРИЗАР. Виноват!.. Виноват!.. (*Исчезает.*)

ХЛУДОВ (*вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану*). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ – от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест: «Аминь, аминь...» Потом могильная тишина.

Другого – к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову – с кубанцами в Феодосию. Калинину – с донцами в Керчь. Чарноте – в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

ГОЛОВАН (*поспешно выходя*). Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За нею – Голубков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (*Удивленным штабным.*) Тифозная женщина!..

КРАПИЛИН. Так точно, тифозная.

СЕРАФИМА (*звонко*). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

ХЛУДОВ. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов, это – я.

ГОЛУБКОВ. Не слушайте ее, она больна!

СЕРАФИМА. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! (*Улыбается.*) Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

ГОЛУБКОВ (*отчаянно*). У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.

СЕРАФИМА. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох: «А-а... коммунистка!»

ГОЛУБКОВ. Что вы? Что вы? Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

ХЛУДОВ. Это хорошо, потому что, когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добьешься.

ГОЛУБКОВ. Она – Корзухина!

ХЛУДОВ. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это – пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена – коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий делает знак Гурину, и тот исчезает.

ТИХИЙ (*мягко, Серафиме*). Как ваше имя-отчество?

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна... Серафима...

Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду.

Вы – Парамон Ильич Корзухин?

КОРЗУХИН. Да, это я.

ГОЛУБКОВ. Слава богу, вы выехали нам навстречу! Наконец-то!..

ТИХИЙ (*ласково, Корзухину*). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

КОРЗУХИН (*посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку*). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

СЕРАФИМА (*поглядев на Корзухина, мутно*). А-а, отрекся! У, гадина!

КОРЗУХИН. Это шантаж!

ГОЛУБКОВ (*отчаянно*). Парамон Ильич, что вы делаете! Этого не может быть!

ХЛУДОВ. Искренний человек? А? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

ГОЛУБКОВ. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

ХЛУДОВ (*Тихому*). Взять обоих, допросить.

ТИХИЙ (*Гурину*). Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку.

ГОЛУБКОВ. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

СЕРАФИМА. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступишься?..

Серафиму и Голубкова уводят.

КРАПИЛИН (*став перед Хлудовым*). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удавленных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека – цап и в мешок! Стервятиной питаешься?

ТИХИЙ. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

ХЛУДОВ. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Тихий манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика.

ТИХИЙ (*шепотом*). Доску.

Появляется третий контрразведчик с куском фанеры.

ХЛУДОВ. Как твоя фамилия, солдат?

КРАПИЛИН (*заносясь в гибельные выси*). Да что фамилие? Фамилие у меня неизвестное – Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! (*Улыбаясь.*) Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

ХЛУДОВ. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

КРАПИЛИН. Все губернии плюют на твою музыку! (*Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.*) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

ХЛУДОВ. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон.

ГОЛОВАН (*появляясь*). Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчики вылетели.

ХЛУДОВ. Всем в поезд, господа! Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(*Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.*) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собою путь и уходит в Севастополь! (*Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.*)

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна

обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Вестовой Крапилин — большевик». Под следующей мачтой — другой мешок, дальше ничего не видно. Хлудов один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина.

Я болен, я болен. Только не знаю чем.

Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (*в полутьме ищет и сонно бормочет*). Дура, дура Николаевна... Олька, Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? (*Схватывает Ольку на руки.*) Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... (*Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.*)

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Гурин впускает Голубкова.

ГУРИН. Сюда... (*Скрывается.*)
ТИХИЙ. Садитесь, пожалуйста.
ГОЛУБКОВ (*он в пальто, в руках шляпа*). Благодарю вас. (*Садится.*)
ТИХИЙ. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?
ГОЛУБКОВ. Я, видите ли...
ТИХИЙ. Вы меня боитесь?
ГОЛУБКОВ. Да.
ТИХИЙ. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?
ГОЛУБКОВ. О нет, нет, этого я не могу сказать.
ТИХИЙ. Курите, пожалуйста. (*Предлагает папиросы.*)
ГОЛУБКОВ. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с нею?
ТИХИЙ. Кто вас интересует?
ГОЛУБКОВ. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мною. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!
ТИХИЙ. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам!
ГОЛУБКОВ (*подымаясь*). Боже мой!
ТИХИЙ. Слушай, как твоя настоящая фамилия?
ГОЛУБКОВ. Я поражен... моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками.

ТИХИЙ. Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь. Ты понял?

ГОЛУБКОВ. Понял.

ТИХИЙ. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу (*включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить*) и коснусь ею тебя. (*Тушит иглу.*)

ГОЛУБКОВ. Клянусь, что я действительно...

ТИХИЙ. Молчать! Отвечать только на вопросы. (*Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.*) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

ГОЛУБКОВ (*садясь*). Сергей Павлович Голубков.

ТИХИЙ (*пишет, скучно*). Где проживаете постоянно?

ГОЛУБКОВ. В Петрограде.

ТИХИЙ. Зачем вы прибыли в расположение белых из Советской России?

ГОЛУБКОВ. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с нею к белым.

ТИХИЙ. Зачем же приехала к белым именующая себя Серафимой Корзухиной?

ГОЛУБКОВ. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

ТИХИЙ. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

ГОЛУБКОВ. Клянусь, что он солгал!

ТИХИЙ. Зачем же ему лгать?

ГОЛУБКОВ. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

ТИХИЙ. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

ГОЛУБКОВ. Этого не может быть!

ТИХИЙ. Так. (*Пододвигает Голубкову лист бумаги, дает ему перо.*) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (*Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.*) «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков, Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтом 31 октября 1920 года показал, двоеточие, Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» — Не останавливайтесь! — «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе. Приват-доцент... подпись». (*Берет лист у Голубкова, тушит иглу.*) Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невиновности я совершенно

убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. (*Звонит.*)

ГУРИН (*входит*). Я!

ТИХИЙ. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

ГУРИН (*Голубкову*). Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

ТИХИЙ. Поручик Скунский!

Скунский входит. Очень мрачен.

(*Зажигая на столе лампу.*) Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

СКУНСКИЙ. Здесь, у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

ТИХИЙ. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчасика.

СКУНСКИЙ. Моя доля?

Тихий пальцами показывает — две.

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. (*Уходит.*)

Тихий звонит. Гурин входит.

ТИХИЙ. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

ГУРИН. Сейчас как будто полегче.

ТИХИЙ. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму. Та в жару. Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпущу.

СЕРАФИМА. Что?.. а?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним — стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

ТИХИЙ. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

СЕРАФИМА (*ложится на диван, тяжело отдувается*). Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

ТИХИЙ. Нет. Очнитесь, прочтите. (*Показывает написанное Голубковым Серафиме.*)

СЕРАФИМА (*щурится, читает*). Петербург... лампа... он с ума сошел... (*Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.*) Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

ТИХИЙ. Гурин!

Гурин вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папахой. Голос: «Что такое у вас?»

Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский. Гурин выпускает Серафиму.

СЕРАФИМА. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать.

Чарнота берет документ.

ТИХИЙ. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!
ЧАРНОТА. Нет, что же – оставить? Что вы делаете с женщиной?
ТИХИЙ. Поручик Скунский, зовите караул!
ЧАРНОТА. Я вам покажу – караул! (*Вытаскивает револьвер.*) Что вы делаете с женщиной?
ТИХИЙ. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(*В темноте.*) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

...И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит главнокомандующий.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Ну как ваша голова?
ДЕ БРИЗАР. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Так. Пирамидон? (*Рассеян.*) Как, по-вашему, я похож на Александра Македонского?
ДЕ БРИЗАР (*не удивляясь*). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Про кого говорите?
ДЕ БРИЗАР. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Величества?.. Гм... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.
ДЕ БРИЗАР. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.
ДЕ БРИЗАР. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.
ДЕ БРИЗАР. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (*Идет к выходу,*

останавливается, таинственно поет.) Графиня, ценой одного рандеву... (*Скрывается.*)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*вслед за ним говорит в дверь*). Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон это же не лекарство! Он же явно ненормален! (*Возвращается к камину, задумывается.*) Александр Македонский... Вот негодяи!

Входит Корзухин.

Вам что?

КОРЗУХИН. Товарищ министра Корзухин.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? (*Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.*) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись – редактор Корзухин? (*Читает.*) «Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...» Что означает эта свинячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (*Читает.*) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главнокомандующий выходит, хлопнув дверью.

КОРЗУХИН (*отдышавшись*). Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну схватили Серафиму Владимировну, ну что ж я могу сделать? Ну погибнет, ну, царство небесное! Что же мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский грубиян! Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! (*Устремляется к дверям.*)

АФРИКАН (*входя*). Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

КОРЗУХИН. Да, да, да... (*Незаметно ускользает.*)

АФРИКАН (*глядя на ящики*). Ай-яй-яй! Господи, господи! И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Хлудов.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

ХЛУДОВ. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

АФРИКАН. Как же, как же...

ХЛУДОВ. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом

твоим, и покрыло их море: они погрузились, как свинец, в великих водах...» Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...» Что, хороша память? А он клевещет, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

АФРИКАН. «Торчите»? Роман Валерьянович! Я дожидаюсь главнокомандующего...

ХЛУДОВ. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

АФРИКАН. Чего?

ХЛУДОВ. Красных.

АФРИКАН. Может ли быть так скоро?

ХЛУДОВ. Все может быть. Мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит... (*Подводит Африкана к окну.*) Гляньте...

АФРИКАН. Зарево! Господи!

ХЛУДОВ. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль.

Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*входит*). А, слава богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

ХЛУДОВ. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но, в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я вас не понимаю, что вы говорите?

ХЛУДОВ. Да в детстве это было. В кухню раз зашел в сумерки, тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми да и погасни. Слышу, они лапками шуршат – шур-шур, мур-мур... И у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола – бух!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

ХЛУДОВ. К воде поближе?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

ХЛУДОВ. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

ХЛУДОВ. Не скрою, ненавижу.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Зависть? Тоска по власти?

ХЛУДОВ. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! (*Утихая.*) Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

ХЛУДОВ. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я не держу вас, генерал.
ХЛУДОВ. Гоните верного слугу? «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лиях и лиях...»
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*стукнув стулом*). Клоун!
ХЛУДОВ. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*при словах «Александр Македонский» пришел в ярость*). Если вы еще одно слово!.. Если вы...
КОНВОЙНЫЙ (*вырос из-под земли*). Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Да? Едем! (*Хлудову.*) Мы еще увидимся! (*Выходит.*)
ХЛУДОВ (*один, садится к камину спиной к двери*). Пусто, и очень хорошо. (*Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.*) Эй, кто тут есть? Нет никого. (*Садится.*) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (*Оборачивается, говорит кому-то.*) Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелою я пронзил туман. (*Проходит как бы сквозь что-то.*) Ну, вот я и раздавил тебя. (*Садится, молчит.*)

Дверь тихонько открывается, и входит Голубков. Он в пальто, без шляпы.

ГОЛУБКОВ. Ради бога, позвольте мне войти на одну минуту!
ХЛУДОВ (*не оборачиваясь*). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.
ГОЛУБКОВ. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.
ХЛУДОВ (*не оборачиваясь*). Что вам нужно от меня?
ГОЛУБКОВ. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(*Узнав Хлудова, пятится.*) А-а...
ХЛУДОВ. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.
ГОЛУБКОВ. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...
ХЛУДОВ. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?
ГОЛУБКОВ. Главнокомандующему.
ХЛУДОВ. Поздно. Нету его. (*Указывает в окно.*)

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. (*Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.*) Вестибюль? Есаула

Голована. Слушай, есаул, возьми с собою конвой и в контрразведку, там за мною записана женщина... (*Голубкову.*) Корзухина?

ГОЛУБКОВ. Да-да, Серафима Владимировна!

ХЛУДОВ (*в телефон*). Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда во дворец. (*Кладет трубку.*) Подождем.

ГОЛУБКОВ. Если не расстреляна, вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее расстреляли? Ну, если вы это сделали... (*Плачет.*)

ХЛУДОВ. Ведите себя как мужчина.

ГОЛУБКОВ. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу... Если только ее нет в живых, я вас убью!

ХЛУДОВ (*вяло*). Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(*Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.*) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

ГОЛУБКОВ. С кем вы говорите?

ХЛУДОВ. А? С кем? Сейчас узнаем. (*Рукой разрезает воздух.*) Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

ГОЛУБКОВ. Нет, нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил уехать в эти дьявольские лапы... Ах, я жалкий человек!

ХЛУДОВ. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

ГОЛУБКОВ. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

ХЛУДОВ. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой – молчащий вестовой. Что со мною? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

ГОЛУБКОВ. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

ХЛУДОВ. Вот чудак! (*Бросает Голубкову револьвер.*) Сделайте одолжение, стреляйте. (*В пространство.*) Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

ГОЛУБКОВ. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

ХЛУДОВ. Да что это за комедия, в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Голован.

Расстреляна?

ГОЛОВАН. Никак нет.

ГОЛУБКОВ. Жива? Жива? Где же она, где?

ХЛУДОВ. Тише. (*Головану.*) Почему же не доставили вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова.

Говорите при нем.

ГОЛОВАН. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

ГОЛУБКОВ. Куда? Куда?

ХЛУДОВ. Тише. (*Головану.*) Куда?

ГОЛОВАН. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

ХЛУДОВ. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива эта ваша женщина Серафима.

ГОЛУБКОВ. Да, да, жива, жива...

ХЛУДОВ. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

ГОЛОВАН. Осмелюсь доложить...

ХЛУДОВ. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

ГОЛОВАН. Слушаю. (*Исчез.*)

ХЛУДОВ. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

ГОЛУБКОВ (*слепо*). Да, да, да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

ХЛУДОВ. О, черт, черт, черт...

ГОЛУБКОВ. Хлудов, едем скорее!

ХЛУДОВ. Замолчи. (*Бормочет.*) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (*В пространство.*) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрылся тьмой и стал вдали.

ГОЛУБКОВ (*тоскуя*). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

ХЛУДОВ. Черт... черт... Какая-то Серафима... В Константинополь... Ну, едем, едем. (*Быстро выходит.*)

Голубков выходит за ним.
Темно.
Сон кончается.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ПЯТЫЙ

...Янычар сбоит!..

Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев.
И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!!» «Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation à Constantinople! Courses de cafards!! Races of cockroaches!» Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера», «Le commencement à 5 h. du soir!» Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: «Русский деликатес — вобла. Порция 50 пиастров». Выше — вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая подпись: «Пиво».
Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулок: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами.
Мелькают русские в военной потрепанной форме.
Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар»![1]
У выхода с переулка вниз к сооружению Чарнота в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

ЧАРНОТА. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан![2]
ТУРЧАНКА, ЛЮБЯЩАЯ МАТЬ. Бунун фиаты надыр?[3] Комбьен?[4]
ЧАРНОТА. Сенкан пиастр, мадам, сенкан![5]
ТУРЧАНКА, ЛЮБЯЩАЯ МАТЬ. О, иох! Бу пахалыдыр![6] (*Проходит.*)
ЧАРНОТА. Мадам! Каран![7] А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!..[8] Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Где-то надрываются продавцы, кричат:
«Каймаки, каймаки!» «Амбуляси! Амбуляси!»
Струится зной.
В кассе возникает личико. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!
ЛИЧИКО. Что вам, Григорий Лукьянович?
ЧАРНОТА. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

[1] «Presse du soir»! — «Вечерняя газета»! (*Франц.*)
[2] Achetez pour votre enfant! — Купите для вашего ребенка! (*Франц.*)
[3] Bunun fiyatĭ nedir? — Сколько это стоит? (*Турец.*)
[4] Combien? — Сколько? (*Франц.*)
[5] Cinquante piastres, madame, cinquante! — Пятьдесят пиастров, мадам, пятьдесят! (*Франц.*)
[6] O, yok! Bu pahalĭdĭr! — О, нет! Это дорого! (*Турец.*)
[7] Quarante! — Сорок! (*Франц.*)
[8] Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. — Пошла ты!.. Пошла!.. (*Нем.*)

ЛИЧИКО. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

ЧАРНОТА. Что же, я жулик или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

ЛИЧИКО. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

ЧАРНОТА. Артур Артурович!

АРТУР (*появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок*). В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

ЧАРНОТА. Видите ли, я хотел вас попросить...

АРТУР. Нет! (*Скрывается.*)

ЧАРНОТА. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

АРТУР (*появляется*). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

ЧАРНОТА. Интересно – что?

АРТУР. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

ЧАРНОТА. Интересно – что?

АРТУР. Кредит – никому! (*Скрывается.*)

ЧАРНОТА. Вот скотина!

В ресторане появляются двое французских моряков, кричат: «Эн бок! Эн бок!»[1] *Лакей подает пиво.*

ЛИЧИКО. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

ЧАРНОТА. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не перевидал, но такого... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые!

ЛИЧИКО. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

ЧАРНОТА. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неописуемый воздух, неописуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, долы, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой был под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь, вот это насекомое!

ЛИЧИКО. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

ЧАРНОТА. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь – животное военное, боевое, а клоп – паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! (*Тоскует.*) Артур!

АРТУР (*выглядывает во фраке*). Чего вы так кричите?

ЧАРНОТА. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы – тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

АРТУР. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

ЧАРНОТА. Да тебе-то что? Ведь ты же венгерец!

АРТУР. Тем не менее.

ЧАРНОТА. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. (*Показывает на лоток.*)

АРТУР. Пятьдесят.

ЧАРНОТА. Чего?

[1] «Un bock! Un bock!» – Кружку пива! Кружку пива! (*Франц.*)

АРТУР. Пиастров.
ЧАРНОТА. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!
АРТУР. Ну и продолжай!
ЧАРНОТА. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийствовать?
АРТУР. Я вам не навязываюсь.
ЧАРНОТА. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!
АРТУР. Ну, здесь, слава богу, не Северная Таврия!
ЧАРНОТА. Возьми газыри. Серебряные.
АРТУР. Газыри вместе с ящиком — две лиры пятьдесят.
ЧАРНОТА. На, бери! (*Отдает ящик и газыри Артуру.*)
АРТУР. Пожалуйста. (*Отдает деньги Чарноте.*)

В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(*Скрылся, потом опять выглянул, кричит.*) Пять часов! Мы начинаем! Пожалуйте, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

ЧАРНОТА. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на Янычара!

К кассе повалила публика. Вламывается группа итальянских военных моряков, за ними — английские матросы, с ними — проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькнул негр. Марш гремит. В ресторане летает лакей, подает пиво. Артур, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью. Марш смолк.

АРТУР. Мсье, дам! Бега открыты! Невиданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Курс де кафар! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс! Корсо дель пьятелло! Рейс оф кок-рочс! [1]

Появляются двое полицейских — итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер — Черная Жемчужина! Номер второй — фаворит Янычар.
ИТАЛЬЯНЦЫ-МАТРОСЫ (*аплодируют, кричат*). Эввива Янычарре! [2]
АНГЛИЧАНЕ-МАТРОСЫ (*свистят, кричат*). Эуэй! Эуэй! [3]

Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в интендантских погонах.

ФИГУРА. Опоздал?! Побежали?

Голос: «Поспеешь!»

АРТУР. Третий — Баба-Яга! Четвертый — Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

Крики: «Ура!», «Не плачь, дитя!», «Ит из э суиндл! Ит из э суиндл!» [4]

Шестой — Хулиган! Седьмой — Пуговица!

[1] Corso del piatello! Races of cock-roaches! — Тараканьи бега! (*Итал., англ.*)
[2] Evviva Janitcharre! — Да здравствует Янычар! (*Итал.*)
[3] Away! Away! — Долой! Долой! (*Англ.*)
[4] It is a swindle! It is a swindle! — Афера! Афера! (*Англ.*)

Крики: «Э трэп!»[1] *Свист.*

Ай бег ёр пардон![2] Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! (*Проваливается в карусель.*)

Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.
Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»
Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!»
Крик в карусели: «Янычар сбоит!» Гул.

ЧАРНОТА (*у кассы*). Как сбоит? Быть этого не может!!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя!»
Другой голос: «Давай, давай, давай!»

Убить Артурку мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы.
Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

ФИГУРА (*выбежав из карусели*). Жульничество! Артурка пивом опоил Янычара!

Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови.
За ним гонится толпа игроков.

АРТУР (*кричит отчаянно*). Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

ИТАЛЬЯНЦЫ-МАТРОСЫ (*кричат*). Лядро! Скрокконе! Труффаторре![3]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. Бей Артура, Джанни! (*Артуру.*) Инганаторрэ![4]

МАТРОСЫ-АНГЛИЧАНЕ. Hip! Hip! Hurrah! Лонг лив Пуговитца![5]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоил?!

АРТУР (*в отчаянии*). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Жё ву деманд эн пё, у э-секе ву заве вю эн кафар суль? Полис! Полис! О скур!..[6]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. Мансонж![7] Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

ИТАЛЬЯНЕЦ-МАТРОС (*схватывает Артура за глотку, кричит*). А, мармалья!![8]

ИТАЛЬЯНЦЫ (*кричат*). Каналья!!

АРТУР (*томно*). Убивают...

[1] A trap! – Ловушка! (*Англ.*)
[2] I beg your pardon! – Прошу прощения! (*Англ.*)
[3] Ladro! Scroccone! Truffatore! – Вор! Жулик! Мошенник! (*Итал.*)
[4] Ingannatore! – Обманщик! (*Итал.*)
[5] Hip! Hip! Hurrah! Long live Pugovitza! – Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! (*Англ.*)
[6] Police! Police! Au secours! – Полиция! Полиция! На помощь!.. (*Франц.*)
[7] Mensonge! – Ложь! (*Франц.*)
[8] A, marmaglia!! – Сволочь!! (*Итал.*)

БОЦМАН-АНГЛИЧАНИН (*итальянцу*). Стоп! Кип бэк![1] (*Схватывает итальянца.*)
ФИГУРА. Дай ему по уху!
ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА (*англичанину*). А, так вы заступаться?

Англичанин ударяет итальянца, тот падает.

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. О соккорсо, фрателли![2] Бейте, братишки, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны.
Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: «Англицанов резут!!»
Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами.
Чарнота у кассы схватывается за голову.
Сон вдруг разваливается.
Тьма... Настает тишина, и течет новый сон.

СОН ШЕСТОЙ

...Разлука, ты, разлука!..

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повыше дома — кривой пустынный переулок.
Солнце садится за балюстраду минарета.
Первые предвечерние тени. Тихо.

ЧАРНОТА (*входит во двор*). Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно. Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй!

Дверь на галерейку открывается, и выходит Люська. Одета неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.

ЛЮСЬКА. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!
ЧАРНОТА. Здравствуй, Люсенька!
ЛЮСЬКА. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно — ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйте деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.
ЧАРНОТА. А где Серафима?
ЛЮСЬКА. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.
ЧАРНОТА. Случилась катастрофа, Люсенька.
ЛЮСЬКА. Неужели? Где газыри?
ЧАРНОТА. Я, Люси, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

[1] Stop! Keep back! – Стой! Назад! (*Англ.*)
[2] A soccorso, fratelli! – На помощь, братишки! (*Итал.*)

ЛЮСЬКА. Украли?
ЧАРНОТА. Угу...
ЛЮСЬКА. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?
ЧАРНОТА (*слабея*). При чем тут человек с черной бородой?
ЛЮСЬКА. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово — украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?
ЧАРНОТА. Кто?
ЛЮСЬКА. Последний подлец!
ЧАРНОТА. Как ты смеешь?

Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

ЛЮСЬКА. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги!
ЧАРНОТА. Ты мне жена, и у нас общие деньги.
ЛЮСЬКА. У мужа — от торговли чертями, а у жены от торговли совсем другими вещами!
ЧАРНОТА. Что ты сказала?
ЛЮСЬКА. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

ЧАРНОТА. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?
ЛЮСЬКА. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (*Закусила удила.*) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.
СЕРАФИМА. Люся!
ЛЮСЬКА. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!
СЕРАФИМА. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?
ЛЮСЬКА. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая что ли?
СЕРАФИМА. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.
ЛЮСЬКА. Пожалуйста, без благородства!
СЕРАФИМА. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.
ЛЮСЬКА. Выяснять тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (*Загорается вновь.*) Нет, я не могу успокоиться! Это он довел меня до белого каления! (*Чарноте.*) Отвечай, проиграл?
ЧАРНОТА. Проиграл.
ЛЮСЬКА. Ах ты!..
ЧАРНОТА. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!
СЕРАФИМА. Люся, брось, брось... Ну, брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь, действительно, какой-то злостный рок нас травит!

ЛЮСЬКА. Лирика!

ЧАРНОТА (*внезапно, Люське*). Ты была с французом?

ЛЮСЬКА. Поди ты к черту от меня!

СЕРАФИМА. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

ЛЮСЬКА. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

СЕРАФИМА. И я не евши сидеть не буду, и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть здесь, это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму, вместе и действовать будем!

ЛЮСЬКА. Чарнота продаст револьвер.

ЧАРНОТА. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

ЛЮСЬКА. Он тебе голову заменяет. Ну и питайся на женский счет!

ЧАРНОТА. Ты не искушай меня!

ЛЮСЬКА. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

СЕРАФИМА. Перестаньте! Что вы грызетесь все время! Я вам говорю — будет ужин! Это вы с голоду!

ЛЮСЬКА. Что ты там затеваешь, дура?

СЕРАФИМА. Ничего я не дура, а была действительно дурой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! (*Уходит на галерейку, потом возвращается в шляпе и выходит из двора.*) Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка заиграла «Разлуку».

ЛЮСЬКА. Симка! Симка!

ЧАРНОТА. Сима!

Молчание.

ЛЮСЬКА. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты!..

ЧАРНОТА. Замолчи.

ЛЮСЬКА. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгои чертовы! (*Уходит в галерею.*)

ЧАРНОТА (*один*). В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. (*Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.*) До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с нею, наши русские лучше, определенно лучше. (*Зажигает окурок и уходит в галерею.*)

Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марш.

(*Кричит с галереи.*) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

ГОЛУБКОВ. Что? Гри... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

ЧАРНОТА. Кто такой? Ты, приват-доцент?

ГОЛУБКОВ (*садится на край водоема, в волнении*). Нашел.

ЧАРНОТА (*сбегает к нему*). Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка

принял. Здравствуй! (*Целует Голубкова.*) На что ты похож! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропадал полгода?

ГОЛУБКОВ. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

ЧАРНОТА. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут. Но с шарманкой еще никого не было.

ГОЛУБКОВ. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

ЧАРНОТА. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

ГОЛУБКОВ. Нашел! (*Обнимает Чарноту.*)

ЧАРНОТА. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

ГОЛУБКОВ. А где ж она, где Серафима?

ЧАРНОТА. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

ГОЛУБКОВ. Что?!

ЧАРНОТА. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

ГОЛУБКОВ. Как так, пошла на Перу? Ты лжешь!

ЧАРНОТА. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а за ней — грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.

СЕРАФИМА. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем на бивуаках...

ГРЕК-ДОНЖУАН (*с сильным акцентом*). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

СЕРАФИМА. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

ГРЕК-ДОНЖУАН. Очень, очень приятно!

СЕРАФИМА (*узнав Голубкова*). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к греку и дает ему в ухо.
Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы.
Люська выходит на галерею.

ГРЕК-ДОНЖУАН. Что это? Такое что?..

СЕРАФИМА. Боже мой!.. Позор, позор!

ЧАРНОТА. Господин грек!

ГРЕК-ДОНЖУАН. А, это я в мухоловку попал, притон! (*Печален.*)

СЕРАФИМА. Простите меня, мсье, простите, ради бога! Это ужас, это недоразумение...

ЧАРНОТА (*берясь за револьвер, оборачивается к окнам*). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

ГРЕК-ДОНЖУАН (*тоскливо*). Ой, боже...

ГОЛУБКОВ (*двинулся к нему*). Вы...

ГРЕК-ДОНЖУАН (*вынув бумажник и часы*). На́ кошелек и на́ часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая, у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, славь бога всемогущего...

ГОЛУБКОВ. Вон отсюда!

ГРЕК-ДОНЖУАН. Ах, Стамбул, какой стал!..

ГОЛУБКОВ. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

ЛЮСЬКА. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы находитесь вон там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

ГОЛУБКОВ. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

СЕРАФИМА. Кто вам дал право упрекать меня?

ГОЛУБКОВ. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

СЕРАФИМА. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

ГОЛУБКОВ. Не уходите, умоляю!

СЕРАФИМА. Ни за что не вернусь. (*Уходит.*)

ГОЛУБКОВ. Ах так! (*Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.*)

ЧАРНОТА (*обхватив его, отнимает кинжал*). Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

ГОЛУБКОВ. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! (*Садится на край водоема.*)

ЛЮСЬКА. Вот представление, так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

ГОЛУБКОВ. Не дам прикоснуться к сверткам!

ЧАРНОТА. Нет, не открою.

ЛЮСЬКА. Ах, вот что! Ну, терпение мое кончилось. Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно. (*Берет в галерее шляпу, какой-то сверток, выходит.*) Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была дура, что сидела здесь полгода! Прощайте!

ЧАРНОТА. Куда ты?

ЛЮСЬКА. В Париж! В Париж! Прощайте! (*Исчезает в переулке.*)

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат.
Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!» За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Постарел и поседел.

ЧАРНОТА. Вот и Роман. И он появился. Ты что смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

ХЛУДОВ. Да, уж вижу. Ну здравствуй, Григорий Лукьянович. Да, вот так все и ходим один по следам другого. (*Указывает на Голубкова.*) То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. (*Голубкову.*) Ну что, и тут безрезультатно?

ГОЛУБКОВ. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

ХЛУДОВ. Я тебя и не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только – нашел?

ГОЛУБКОВ. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

ХЛУДОВ. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

ГОЛУБКОВ. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

ХЛУДОВ. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

ГОЛУБКОВ. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

ХЛУДОВ. Что же? Долго я должен ее караулить?

ГОЛУБКОВ. Я скоро вернусь и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

ХЛУДОВ. Дорого мне обошлась эта станция. (*Оборачивается.*) Нет, нету.

ЧАРНОТА (*шепотом*). Хорош караульщик!

ГОЛУБКОВ (*шепотом*). Не смотри на него, он борется с этим.

ХЛУДОВ. Куда же она сейчас пошла?

ЧАРНОТА. Это не трудно угадать. Пошла у грека прощенья вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

ХЛУДОВ. Ну хорошо.

ГОЛУБКОВ. Только чтоб не ушла на панель!

ХЛУДОВ. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой, мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, господи! (*Голубкову.*) Денег нет?

ГОЛУБКОВ. Не надо денег!

ХЛУДОВ. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нету. (*Отстегивает медальон от часов.*) Возьми медальон, в случае крайности – продашь. (*Уходит.*)

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина: «Ла иль алла иль Махомет рассуль алла!»[1]

ГОЛУБКОВ. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сижу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

ЧАРНОТА. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю, думал – в Мадрид, но Париж – это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

ГОЛУБКОВ (*идет*). Никогда нет прохлады, ни днем, ни ночью!

ЧАРНОТА (*уходит с ним*). В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку. Шарманка играет марш. Голос муэдзина летит с минарета.

Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог. Потом тьма. Сон кончается.

Конец третьего действия

[1] Правильно: «Ля́ илля́ха илла лла́ху Мухаммад расулу́-л-ла́хи». – Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник Аллаха. – Призыв к мусульманской молитве. (См. примеч.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола, карточный. На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

КОРЗУХИН. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.

Мсье Маршан маве аверти киль не виендра па аожурдюи, не ремюэ па ля табль, же ме сервире плю тар.

Молчание.

Репондэ донк кельк шоз![1] Да вы, кажется, ничего не поняли?

АНТУАН. Так точно, Парамон Ильич, не понял.
КОРЗУХИН. Как «так точно» по-французски?
АНТУАН. Не могу знать, Парамон Ильич.
КОРЗУХИН. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то, ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Что вы делаете в настоящую минуту? Ке фет ву а се моман?
АНТУАН. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.
КОРЗУХИН. Как «ножи», Антуан?
АНТУАН. Ле куто, Парамон Ильич.
КОРЗУХИН. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(*Расстегивает пижаму, говорит, выходя.*) Принять. Авось партнер подвернется. Же сюи а ля мезон[2]. (*Выходит.*)

Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.

ГОЛУБКОВ. Же вудрэ парлэ а мсье Корзухин[3].
АНТУАН. Пожалуйте вашу визитную карточку, вотр карт.
ГОЛУБКОВ. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!
АНТУАН. Так точно, я русский. Я – Грищенко.

[1] Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard. Repondez-donc quelque chose! – Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (*Франц.*)
[2] Je suis à la maison. – Я – дома. (*Франц.*)
[3] Je voudrais parler à monsieur... – Я хотел бы поговорить с мсье.... (*Франц.*)

Голубков жмет руку Антуану.

ГОЛУБКОВ. Дело вот в чем, карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

АНТУАН. Слушаю-сь. (*Скрывается.*)

КОРЗУХИН (*выходя уже в пиджаке, бормочет*). Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

ГОЛУБКОВ. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

КОРЗУХИН. На краю... чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припомню.

ГОЛУБКОВ. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

КОРЗУХИН. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

ГОЛУБКОВ. Но ведь вы – Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

КОРЗУХИН. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был, и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

ГОЛУБКОВ. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь – голубая луна?..

КОРЗУХИН. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась раз шантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

ГОЛУБКОВ. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

КОРЗУХИН. Вне всяких сомнений.

ГОЛУБКОВ. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выру́чить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы – богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне взаймы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

КОРЗУХИН. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

ГОЛУБКОВ. Тысячу. Клянусь вам, /я/ верну ее!

КОРЗУХИН. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. (*Начинает балладу о долларе и вдохновляется.*) Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Глядите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка – химера! Он и там! Химера его стережет. (*Указывает таинственно*

в пол.) Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелою летят поезда, в них доллар! Теперь закройте глаза и вообразите — мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода — океан! Он страшен, он сожрет! Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжко, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце — доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! (*Утихает.*)

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

ГОЛУБКОВ. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте. (*Хочет уйти.*)

Звонок. Антуан входит.

АНТУАН. Женераль Чарнота.

КОРЗУХИН. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.

ЧАРНОТА. Здорово, Парамоша!

КОРЗУХИН. Мы с вами разве встречались?

ЧАРНОТА. Ну, вот вопрос! Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь?

КОРЗУХИН. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

ЧАРНОТА. Черт его знает, не припомню... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

КОРЗУХИН. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

ЧАРНОТА. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

КОРЗУХИН. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

ЧАРНОТА. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

КОРЗУХИН. Пардон, пардон!

ЧАРНОТА (*тихо, Голубкову*). Дал?

ГОЛУБКОВ. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

ЧАРНОТА. Куда же это мы теперь пойдем? (*Корзухину.*) Что с тобой,

Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобою, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

ГОЛУБКОВ. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

ЧАРНОТА. Ну знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтоб тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

КОРЗУХИН. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю и очень люблю.

ЧАРНОТА. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

КОРЗУХИН. Представь, в девятку, и очень люблю.

ЧАРНОТА. Так сыграем со мной.

КОРЗУХИН. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

ГОЛУБКОВ. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

ЧАРНОТА. Никакого унижения нет в этом. (*Шепотом.*) Тебе что сказано? В крайнем случае? Крайнее этого случая не будет. Давай хлудовский медальон!

ГОЛУБКОВ. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я ухожу.

ЧАРНОТА. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. (*Протягивает медальон Корзухину.*) Сколько?

КОРЗУХИН. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

ЧАРНОТА. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло́! (*Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.*) Как раба твоего зовут?

КОРЗУХИН. Гм... Антуан.

ЧАРНОТА (*зычно*). Антуан!

Антуан появляется.

Принеси мне, голубчик, закусить.

АНТУАН (*удивленно, но почтительно улыбнувшись*). Слушаю-с... А лэнстан![1] (*Исчезает.*)

ЧАРНОТА. На сколько?

КОРЗУХИН. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

ЧАРНОТА. Девять.

КОРЗУХИН (*платит*). Попрошу на квит.

ЧАРНОТА (*мечет*). Девять.

КОРЗУХИН. Еще раз квит.

ЧАРНОТА. Карту желаете?

КОРЗУХИН. Да. Семь.

ЧАРНОТА. А у меня восемь.

КОРЗУХИН (*улыбнувшись*). Ну, так и быть, на квит.

ГОЛУБКОВ (*внезапно*). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

ЧАРНОТА. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

ГОЛУБКОВ. Я не умею.

ЧАРНОТА. Так не засти мне свет! Карту?

[1] À l'instant! – Сию минуту! (*Франц.*)

КОРЗУХИН. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!
ЧАРНОТА. У меня три очка.
КОРЗУХИН. Вы не прикупаете к тройке?
ЧАРНОТА. Иногда, как когда...

Антуан вносит закуску.

(*Выпив.*) Голубков, рюмку?
ГОЛУБКОВ. Я не желаю.
ЧАРНОТА. А ты, Парамон, что же?
КОРЗУХИН. Мерси, я уже завтракал.
ЧАРНОТА. Ага... Угодно карточку?
КОРЗУХИН. Да. Сто шестьдесят долларов.
ЧАРНОТА. Идет. Графиня, ценой одного рандеву... Девять.
КОРЗУХИН. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!
ЧАРНОТА. Попрошу прислать наличные.
ГОЛУБКОВ. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!
ЧАРНОТА. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. (*Корзухину.*) Наличные, пожалуйста!
КОРЗУХИН. Сейчас. (*Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду послышались звонки.*)

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.

ГОЛУБКОВ. Что это такое?
КОРЗУХИН. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

ЧАРНОТА. Очень хорошая вещь. Пошло́! Восемь!
КОРЗУХИН. Идет шестьсот сорок долларов?
ЧАРНОТА. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.
КОРЗУХИН. Вы хорошо играете. Сколько примете?
ЧАРНОТА. Пятьдесят.
КОРЗУХИН. Пошло. Девять!
ЧАРНОТА. У меня жир.
КОРЗУХИН. Пришлите.
ЧАРНОТА. Пожалуйста.
КОРЗУХИН. Пятьсот девяносто!
ЧАРНОТА. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!
ГОЛУБКОВ. Чарнота, умоляю, уйдем!
КОРЗУХИН. Карту! У меня семь!
ЧАРНОТА. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет.
И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без пиджака, волосы его всклокочены.
В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой — груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

ЧАРНОТА (*напевает*). Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты... Жир.
КОРЗУХИН. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!
ЧАРНОТА. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет.
В Париже — синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно.

Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.

Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

ЧАРНОТА (*Корзухину*). Нет ли у тебя газеты завернуть?

КОРЗУХИН. Нету. Знаете что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

ЧАРНОТА. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

ГОЛУБКОВ. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

КОРЗУХИН. Триста долларов!

ГОЛУБКОВ. На! (*Швыряет деньги.*)

Корзухин в ответ швыряет медальон.

ЧАРНОТА. Ну, до свиданья, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

КОРЗУХИН (*загораживает дверь*). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

ЧАРНОТА. «Ты шутишь»,— зверь вскричал коварный!..

КОРЗУХИН. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

ЧАРНОТА. Ты слышал? (*Вынимает револьвер.*) Ну, Парамон, молись своей парижской Богоматери, твой смертный час настал!

КОРЗУХИН. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевает.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

ЛЮСЬКА. Боже мой, боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно, как вы сюда добрались?

ЧАРНОТА (*поражен*). Это она?

КОРЗУХИН (*Чарноте*). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

ЧАРНОТА. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

ЛЮСЬКА. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

ЧАРНОТА. Генерал Чарнота.

ЛЮСЬКА. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (*Корзухину.*) Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

КОРЗУХИН. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

ГОЛУБКОВ. Это неслыханная подлость!

ЛЮСЬКА. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

КОРЗУХИН. Где Антуан покупал карты?!

АНТУАН. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

ЛЮСЬКА. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

Антуан скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. (*Корзухину.*) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

КОРЗУХИН. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! (*Всхлипнув, уходит.*)

ЛЮСЬКА. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (*Шепотом.*) Выиграли и уносите ноги! (*Громко.*) Антуан!

Антуан выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

ЧАРНОТА. О ревуар[1], мадемуазель.

ЛЮСЬКА. Адье![2]

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе господи, унесло их! Боже мой! Когда же я, наконец, отдохну!

В пустынной улице послышались шаги.

(*Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит*). Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

Тьма. Сон кончился.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Константинополь. Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане — сплошная стеклянная стена и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорает константинопольский минарет, лавры и вертушка тараканьего царя.
Садится осеннее солнце. Закат, закат...

ХЛУДОВ (*один в комнате, сидит на полу, на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то*). Ты достаточно измучил меня, но наступило просветление. Да, просветление. Пойми, я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба с той ночи завязала их в один узел со мной. Мы выбросились вместе через звенящие мглы, и их теперь не отделить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты? Как ты отделился один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас много было! (*Бормочет.*) Ну, помяни, помяни, помяни, господи... а мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да, итак, все это я сделал зря. (*Думает.*) А потом что было? Потом — просто мгла, и мы благополучно ушли. А потом зной, и все вер-

[1] Au revoir... — До свидания... (*Франц.*)
[2] Adieu! — Прощайте! (*Франц.*)

тятся карусели каждый день, каждый день. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот меня поймал в мешок, как в невод? Не мучь же более меня! Пойми, что я решился. Клянусь. Вот.

Стук в дверь.

(*Настороженно.*) Кто там?

СЕРАФИМА (*за дверью*). Это я.

Хлудов открывает дверь.

Можно войти? Простите.

ХЛУДОВ. Пожалуйста.

СЕРАФИМА. Что, Роман Валерьянович, опять?

ХЛУДОВ. Что такое?

СЕРАФИМА. С кем вы говорили? Что я вам велела? Кто в комнате кроме вас?

ХЛУДОВ. Никого нет. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собою. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

СЕРАФИМА (*садится на ковре против Хлудова*). Роман Валерьянович, вы тяжко больны. (*Пауза.*) Роман Валерьянович, вы слышите, вы тяжко больны. Два месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, что легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Боже мой, бедный, бедный человек.

ХЛУДОВ. Прошу извиненья. Я достану вам другую комнату, но в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором. Я часы продал, есть деньги. Светло в ней, и окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? Вы знаете? (*Таинственно указывает за плечо.*) Мы-то с ним знаем! Мне самому неудобно с вами рядом. Но я должен держать слово. Я там, оказывается, всякие преступления совершал, и вообще...

СЕРАФИМА. Роман Валерьянович! Дорогой!.. Вы помните тот день, когда уехал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули. Помните?

ХЛУДОВ. Прошу извинения. Когда человек с ума сходит, я должен применять силу. Все вы ненормальные.

СЕРАФИМА. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, стало жаль, и из-за этого я вернулась. Неужели же вы думаете, что я стала бы вас обременять?

ХЛУДОВ. Мне няньки не нужны.

СЕРАФИМА. Перестаньте раздражаться. Вы этим причиняете вред только самому себе.

ХЛУДОВ. Да, верно, верно. Я больше никому не могу причинить вреда... А помните, ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал?

СЕРАФИМА. Все прошло! Забудьте. И я забыла, и вы не вспоминайте.

ХЛУДОВ (*бормочет*). Да и в самом деле... помяни, господи, а мы не будем вспоминать...

СЕРАФИМА. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала, надо же на что-нибудь решаться. Скажите, до каких пор мы будем с вами этак сидеть?

ХЛУДОВ. А вот вернется Голубков, и сразу клубочек размотается. Я вас

сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И кончено!.. Душный город!

СЕРАФИМА. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую! Это Люська, Люська виновата, я обезумела от ее упреков! А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверное, пропал в скитаньях, а может быть, и умер!

ХЛУДОВ. Душный город! Тараканьи бега! Позорище русское! Все на меня валят, будто я ненормальный! А зачем вы его отпустили? При чем тут я? В конце концов, он взрослый. Деньги там какие-то у этого, у вашего мужа?

СЕРАФИМА. Нет у меня никакого мужа. Забыла его и проклинаю.

ХЛУДОВ. Я его в руках держал и выпустил. Ну, словом, что же делать теперь?

СЕРАФИМА. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила, вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Я не могу здесь больше жить! Зачем я, сумасшедшая, поехала?

ХЛУДОВ. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

СЕРАФИМА. Одного только я еще не знаю, одно меня только держит. Это – что будет с вами?

ХЛУДОВ (*таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо*). Сейчас у меня был военный совет, только вы молчите... Вам-то ничего, а за мной врангелевская разведка по пятам ходит, у них нюх... (*Шепотом.*) Я тоже поеду...

СЕРАФИМА. Вы тайком хотите, под чужим именем?

ХЛУДОВ. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

СЕРАФИМА. Безумный человек! Вы подумали о том, что вас сейчас же расстреляют!

ХЛУДОВ. Моментально! Мгновенно! А? Ситцевая рубашка, подвал, снег, готово! (*Оборачивается.*) И тает мое бремя... Смотрите, он ушел и стал вдали.

СЕРАФИМА. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Бедный человек... останьтесь здесь, быть может, вы вылечитесь?

ХЛУДОВ. Я совершенно здоров. Теперь мне все ясно. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы, а на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками!

Стук в дверь.

Кто там?

СЕРАФИМА. Я сейчас, сейчас открою!

Открывает дверь, отшатывается. Входят Голубков и Чарнота. Оба они одеты одинаково в серые приличные костюмы и шляпы. В руках у Чарноты чемоданчик. Все четверо долго молчат.

ЧАРНОТА (*прерывая паузу*). Здравствуйте. Что же вы молчите? Вы телеграмму получили?

ХЛУДОВ. Нет.

ЧАРНОТА. Сукин город. Здравствуй, Рома.

ХЛУДОВ. Вот. Вот они. Приехали. Все как надо. Отлично. Хорошо.

ГОЛУБКОВ. Сима!.. Ну что, Сима?.. Здравствуй...

Серафима обнимает Голубкова и плачет беззвучно.

ХЛУДОВ (*морщась*). Пойдем, Чарнота, поговорим. (*Уходит с Чарнотой на балкон сквозь стеклянную дверь.*)

ГОЛУБКОВ. Ну не плачьте, не плачьте же, Серафима Владимировна! Вот я возвратился...

СЕРАФИМА. Я думала, что вы погибли, и так тосковала! О, если бы вы знали!.. Теперь для меня все ясно... Но все-таки я дождалась. Вы теперь никуда, Сережа, не поедете! Мы поедем вместе!

ГОЛУБКОВ. Нет, нет, никуда без тебя! Конечно, никуда, ни за что! Все кончено, Сима. Мы сейчас все придумаем. Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Ну, скажи мне хоть слово?

СЕРАФИМА. Я измучилась, я два месяца не сплю. Как только вы уехали, я опомнилась и не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночи сижу, смотрю в окно, на огни... и мне мерещится, что вы ходите по Парижу оборванные, голодные, босые...
Я Хлудова нянчила, он больной... он очень страшный... (*Плачет.*)

ГОЛУБКОВ. Не надо, Симочка, не надо!

СЕРАФИМА. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне. Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной!.. Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

ГОЛУБКОВ. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет...

СЕРАФИМА. Ты видел мужа моего?

ГОЛУБКОВ. Видел. Забудь, не думай больше о нем. Его нет. (*Кричит негромко.*) Хлудов! Спасибо!

ХЛУДОВ (*выходит вместе с Чарнотой*). Ну вот, все в порядке, а?

ЧАРНОТА. Эх, Роман, на что ты похож!

ХЛУДОВ. Деньги есть?

ЧАРНОТА. Да, деньги есть. Чарнота не нищий больше! Если тебе нужно, могу дать.

ХЛУДОВ. Нет, мне не нужно. (*Голубкову.*) И у тебя есть?

ГОЛУБКОВ. Есть.

ХЛУДОВ. Так вот, заплатите здесь за квартиру. Ты ее любишь? А? Любишь? Искренний человек? Советую ехать, как она придумала. Теперь прощайте. (*Надевает шляпу.*)

ЧАРНОТА. Куда это, смею спросить?

ХЛУДОВ. Ночью идет пароход с казаками. Может быть, и я поеду с ними. Только молчите.

ГОЛУБКОВ. Роман, одумайся, тебе это невозможно!

СЕРАФИМА. Говорила уже, его не удержишь.

ХЛУДОВ (*Чарноте*). Ну, а ты куда?

ЧАРНОТА. Я сюда вернулся, в Константинополь.

ХЛУДОВ. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

ЧАРНОТА. Я заблуждался. Париж еще хуже. Так, сероватый город... Видел и Афины, и Марсель, но... пошлые города! Да и тут завязались связи, кое-какие знакомства... Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь населял.

ХЛУДОВ. Генерал Чарнота! Поедем со мной! А? Ты — человек смелый...

ЧАРНОТА. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах, туда! Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну, так знай, Роман, что прожи-

вешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя не разорвали по дороге. Ты, брат, большую память о себе оставил! Ну, а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут... Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал? Верно. Кто, Ромочка, пошел на Карпову балку? Я! Я, Рома, обозы грабил? Да! Но фонарей у меня в тылу нет! Нет, Роман, от смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду! Дружески говорю, брось! Все кончено. Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!

ХЛУДОВ. Ты проницательный человек, оказывается.

ЧАРНОТА. Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются. Зачем я буду портить настроение своим появлением?

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор с гармониками запел: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман! Прощайте все! Развязала ты нас, судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я как Вечный Жид отныне! Летучий Голландец я! Прощайте! (*Распахивает дверь на балкон.*)

Слышно, как хор поет: «Много разбойники пролили крови честных христиан...»

Вот она, заработала вертушка! Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей рядовой – генерал Чарнота! (*Исчезает.*)

ГОЛУБКОВ. Ну, прощай, Роман Валерьянович.

СЕРАФИМА. Прощайте. Я буду о вас думать, буду вас вспоминать.

ХЛУДОВ. Нет, ни в коем случае не делайте этого.

ГОЛУБКОВ. Ах да, Роман, медальон... (*Подает Хлудову медальон.*)

ХЛУДОВ (*Серафиме*). Возьмите его на память. Возьмите, говорю.

СЕРАФИМА (*берет медальон, обнимает Хлудова*). Прощайте.

Уходит вместе с Голубковым.

ХЛУДОВ (*один*). Избавился. Один. И очень хорошо. (*Оборачивается, говорит кому-то.*) Сейчас, сейчас... (*Пишет на бумаге несколько слов, кладет ее на стол, указывает на бумагу пальцем.*) Так? (*Радостно.*) Ушел! Бледнеет. Исчез! (*Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль.*)

Хор поет: «Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим...»

Поганое царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!..

Вынимает револьвер из кармана и несколько раз стреляет по тому направлению, откуда доносится хор. Гармоники, рявкнув, умолкают. Хор прекратился. Послышались дальние крики.

Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола.

Темно.

Конец

/1928; 1937/

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ПЬЕСЫ ГРАЖДАНИНА ЖЮЛЯ ВЕРНА В ТЕАТРЕ ГЕННАДИЯ ПАНФИЛОВИЧА, С МУЗЫКОЙ, ИЗВЕРЖЕНИЕМ ВУЛКАНА И АНГЛИЙСКИМИ МАТРОСАМИ.

В четырех действиях с прологом и эпилогом

Действия 1-е, 2-е и 4-е происходят на необитаемом острове, действие 3-е — в Европе, а пролог и эпилог — в театре Геннадия Панфиловича.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЕННАДИЙ ПАНФИЛОВИЧ, директор театра, он же ЛОРД ЭДВАРД ГЛЕНАРВАН.

ВАСИЛИЙ АРТУРЫЧ ДЫМОГАЦКИЙ, он же ЖЮЛЬ ВЕРН, он же КИРИ-КУКИ, проходимец при дворе.

МЕТЕЛКИН НИКАНОР, помощник режиссера, он же слуга ПАСПАРТУ, он же ставит самовары Геннадию Панфиловичу, он же ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ.

ЖАК ПАГАНЕЛЬ, член географического общества.

ЛИДИЯ ИВАННА, она же ЛЕДИ ГЛЕНАРВАН.

ГАТТЕРАС, капитан.

БЕТСИ, горничная леди Гленарван.

СИЗИ-БУЗИ ВТОРОЙ, белый арап, повелитель острова.

ЛИККИ-ТИККИ, полководец, белый арап.

СУФЛЕР.

ЛИКУЙ ИСАИЧ, дирижер.

ТОХОНГА, арап из гвардии.

КАЙ-КУМ, первый положительный туземец.

ФАРРА-ТЕТЕ, второй положительный туземец.

МУЗЫКАНТ С ВАЛТОРНОЙ.

САВВА ЛУКИЧ.

АРАПОВА ГВАРДИЯ (отрицательная, но к концу пьесы раскаялась), КРАСНЫЕ ТУЗЕМЦЫ И ТУЗЕМКИ (положительные и несметные полчища), ГАРЕМ СИЗИ-БУЗИ, АНГЛИЙСКИЕ МАТРОСЫ, МУЗЫКАНТЫ, ТЕАТРАЛЬНЫЕ КАДРИСТЫ, ПАРИКМАХЕРЫ И ПОРТНЫЕ.

ПРОЛОГ

Открывается часть занавеса и появляется кабинет и гримировальная уборная Геннадия Панфиловича. Письменный стол, афиши, зеркало.
Геннадий Панфилович, рыжий, бритый, очень опытный, за столом. Расстроен.
Где-то слышна приятная ритмическая музыка и глухие ненатуральные голоса (идет репетиция бала). Метелкин висит в небе на путаных веревках и поет: «Любила я, страдала я... а он, подлец... сгубил меня...»
День.

ГЕННАДИЙ. Метелкин!
МЕТЕЛКИН (*сваливаясь с неба в кабинет*). Я, Геннадий Панфилыч.
ГЕННАДИЙ. Не приходил?
МЕТЕЛКИН. Нет, Геннадий Панфилыч.
ГЕННАДИЙ. Да на квартиру-то к нему посылали?
МЕТЕЛКИН. Три раза сегодня курьер бегал. Комната на замке. Хозяйку спрашивает, когда он дома бывает, а та говорит: «Что вы, батюшка, его с собаками не сыщешь!»
ГЕННАДИЙ. Писатель. А? Вот черт его возьми!
МЕТЕЛКИН. Черт его возьми, Геннадий Панфилыч.
ГЕННАДИЙ. Ну, что квакаешь, как попугай. Делай доклад.
МЕТЕЛКИН. Слушаю. Задник «Марии Стюарт» лопнул, Геннадий Панфилыч.
ГЕННАДИЙ. Я, что ли, тебе задники чинить буду? Лезешь с пустяками. Заштопать!
МЕТЕЛКИН. Он весь дырявый, Геннадий Панфилыч. Намедни спустили, а сквозь него рабочих на колосниках видать...

На столе звенит телефон.

ГЕННАДИЙ. Заплату положи. (*По телефону.*) Да? Театр. Контрамарок не даем. Честь имею. (*Кладет трубку.*) Удивительное дело. В трамвай садится, небось, он у кондукторши контрамарки не просит, а в театр почему-то священным долгом считает ходить даром. Ведь это нахальство! А? Нахальство?
МЕТЕЛКИН. Нахальство.
ГЕННАДИЙ. Дальше!
МЕТЕЛКИН. Денег пожалте, Геннадий Панфилыч, на заплату.
ГЕННАДИЙ. Сейчас отвалю. Червонцев сорок, как этому гусю уже отвалил. Возьмешь, вырежешь...

Телефон.

Да. Контрамарок не даем. Да. (*Кладет трубку.*) Вот типы! Возьмешь...

Телефон.

Ах, чтоб тебе треснуть... Что? Никому не... Виноват... Евгений Ромуальдович? Не узнал голоса. Как же... С супругой? Очаровательно. Прямо без четверти восемь пожалуйте в кассу... Всего добренького. (*Вешает трубку.*) Метелкин, будь добр, скажи кассиру, чтобы загнул два кресла во втором ряду этому водяному черту.

МЕТЕЛКИН. Это кому, Геннадий Панфилыч?

ГЕННАДИЙ. Ну, заведывающему водопроводом.

МЕТЕЛКИН. Слушаю.

ГЕННАДИЙ. Возьмешь, стало быть... (*Задумчиво.*) «Иоанн Грозный» больше не пойдет... Стало быть, вот что. Возьмешь ты, вырежешь подходящий кусок... Понял?

МЕТЕЛКИН. Понятно. (*Кричит.*) Володя! Возьмешь из задника у Ивана Грозного кусок, выкроишь из него заплату в Марию Стюарт! Не пойдет Иван Грозный... Запретили!.. Значит, есть за что... Какое тебе дело?..

ГЕННАДИЙ. Еще что?

МЕТЕЛКИН. Велите вы кадристам, Геннадий Панфилыч, ведь это безобразие! Они жаба́ми лица вытирают!

ГЕННАДИЙ. Ничего не понимаю.

МЕТЕЛКИН. Выдал я им жабы́ на «Горе от ума», а они ими вместо тряпок грим стирают.

ГЕННАДИЙ. Ах, бандиты! Ладно, я им скажу.

Телефон звенит.

(*Не снимая трубки.*) Никому контрамарок не даем!!

Телефон умолкает.

Ступай.

МЕТЕЛКИН. Слушаю. (*Уходит.*)

ГЕННАДИЙ. Первый час. Но если, дорогие граждане, вы желаете знать, кто у нас в области театра главный проходимец и бандит, я вам сообщу: это Васька Дымогацкий, который пишет в разных журнальчиках под псевдонимом Жюль Верн. Но вы мне скажите, товарищи, чем он меня опоил? Как я мог ему довериться?

МЕТЕЛКИН (*быстро входит*). Геннадий Панфилыч! Пришел!

ГЕННАДИЙ (*хищно*). А! Зови его сюда, зови!

МЕТЕЛКИН. Пожалуйте. (*Уходит.*)

ДЫМОГАЦКИЙ (*с грудой тетрадей в руках*). Здравствуйте, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. А, здравствуйте, многоуважаемый товарищ Дымогацкий, бонжур, мсье Жюль Верн!

ДЫМОГАЦКИЙ. Вы сердитесь, Геннадий Панфилыч?

ГЕННАДИЙ. Что вы? Что вы! Я сержусь? Хи-хи! Я в полном восторге!

ДЫМОГАЦКИЙ. Болен я был, Геннадий Панфилыч! Ужас! Ужас...

ГЕННАДИЙ. Скажите, пожалуйста?.. Ах... ах... Скарлатиной?

ДЫМОГАЦКИЙ. Жесточайшая инфлуенца, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Так, так...

ДЫМОГАЦКИЙ. Вот, я принес, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Какое у нас сегодня число, гражданин Дымогацкий?

ДЫМОГАЦКИЙ. Восемнадцатое по новому стилю.

ГЕННАДИЙ. Совершенно верно. А вы дали честное слово, что пьесу доставите пятнадцатого!

ДЫМОГАЦКИЙ. Всего три дня, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Три дня! А вы знаете, что за эти три дня произошло? Савва Лукич в Крым уезжает! Завтра в одиннадцать часов утра.
ДЫМОГАЦКИЙ. Да что вы?!
ГЕННАДИЙ. Вот вам и «да что вы»! Стало быть, ежели мы сегодня ему генеральную не покажем, то получим вместо пьесы кукиш. Вы мне, господин Жюль Верн, сорвали сезон! Я, старый идеалист, поверил вам. Когда вы аванс в четыреста рублей тяпнули, у вас, небось, инфлуенцы не было по новому стилю. Я на декорации потратился! Производственный план сломал! Так поступатели не пи... Так писатели не поступают, дорогой гражданин Жюль Верн.
ДЫМОГАЦКИЙ. Геннадий Панфилыч! Что же теперь делать?
ГЕННАДИЙ. Что теперь делать? Метелкин! Метелкин!
МЕТЕЛКИН (*вбегает*). Я, Геннадий Панфилыч!
ГЕННАДИЙ. Вот что: чего они там шумят?
МЕТЕЛКИН. Бал репетируют.
ГЕННАДИЙ. К черту бал! Вели прекратить и чтобы ни один человек из театра не уходил.
МЕТЕЛКИН. Разгримироваться?
ГЕННАДИЙ. Некогда. Все нужны. Как есть.
МЕТЕЛКИН. Слушаю. (*Убегая.*) Володька! Вели швейцару, чтоб ни одного человека из театра не выпускал!
ГЕННАДИЙ (*вслед*). Первый час в начале. Ну, господи, благослови! (*По телефону.*) 16-17-20. Савву Лукича, пожалуйста. Директор театра, Геннадий Панфилыч... Савва Лукич? Здравствуйте, Савва Лукич. Как здоровьице? Слышал, слышал. Починка организма? Переутомились? Хе-хе. Вам надо отдохнуть. Ваш организм нам нужен. Вот какого рода дельце, Савва Лукич. Известный писатель Жюль Верн представил нам свой новый опус «Багровый остров». Как умер?! Он у меня в театре сейчас сидит... Ах... хе-хе. Псевдоним. Гражданин Дымогацкий. Подписывается — Жюль Верн. Страшный талантище...

Дымогацкий вздрагивает и бледнеет.

Так вот, Савва Лукич, необходимо разрешеньице. Чего-с? Или запрещеньице? Хи! Остроумны, как всегда. Что? До осени? Савва Лукич, не губите! Умоляю просмотреть сегодня же на генеральной... Готова пьеса, совершенно готова. Ну что вам возиться с чтением в Крыму? Вам нужно купаться, Савва Лукич, а не всякую ерунду читать. По пляжу походить! Савва Лукич, убиваете!.. До мозга костей идеологическая пьеса. Неужели вы думаете, что я допущу что-нибудь такое в своем театре... Через двадцать минут начинаем. Ну хоть к третьему акту, а первые два я вам здесь дам просмотреть. Крайне признателен. Гран мерси [1]. Слушаю! Жду. (*Вешает трубку.*) Фу! Ну, теперь держитесь, гражданин автор!
ДЫМОГАЦКИЙ. Неужели он так страшен?
ГЕННАДИЙ. А вот сами увидите. Я тут наговорил — идеологическая, идеологическая, а ну, как она вовсе не идеологическая?.. Главное горе, что и просмотреть-то ведь некогда... (*Разбирает тетради.*)
ДЫМОГАЦКИЙ. Я старался, Геннадий Панфилыч.
ГЕННАДИЙ. Как стараться, как стараться! Итак, стало быть, акт первый. Остров, населенный красными туземцами, кои живут под властью белых арапов... Позвольте, это что же за туземцы такие?

[1] Grand merci. — Благодарю. (*Франц.*)

ДЫМОГАЦКИЙ. Аллегория это, Геннадий Панфилович. Тут надо тонко понимать.

ГЕННАДИЙ. Ох, уж эти мне аллегории. Смотрите! Не любит Савва аллегорий до смерти! Знаю я, говорит, эти аллегории! Снаружи аллегория, а внутри такой меньшевизм, что хоть топор повесь. Метелкин!

МЕТЕЛКИН (*вбегая*). Чего изволите?

ГЕННАДИЙ. На монтировку пьесы назначаю тебя. Получай, дружок, экземпляр. Первый акт. Экзотический остров. Бананы дашь, пальмы... (*Дымогацкому.*) Он в чем живет? Царь-то ихний?

ДЫМОГАЦКИЙ. В вигваме, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Вигвам, Метелкин, нужен.

МЕТЕЛКИН. Нету вигвамов, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Ну хижину из «Дяди Тома» поставишь, тропическую растительность, обезьяны на ветках и самовар!

МЕТЕЛКИН. Самовар бутафорский?

ГЕННАДИЙ. Э, Метелкин, десять лет ты в театре, а все равно как маленький! Савва Лукич приедет генеральную смотреть.

МЕТЕЛКИН. А! Так, так, так!..

ГЕННАДИЙ. Ну, значит, сервируешь чай. Скажи буфетчику, чтобы составил два бутерброда побогаче, с кетовой икрой, что ли.

МЕТЕЛКИН (*в дверь*). Володя! Сбегай к буфетчику. Самовар на генеральную.

ГЕННАДИЙ. Вот оно! Не пита, не едена, а уж расходы начинаются! Смотрите, господа авторы. Какой-то доход от вашей пьесы будет, еще неизвестно, да и вообще будет ли он. Да-с. Вулкан? Э... А без вулкана обойтись нельзя?

ДЫМОГАЦКИЙ. Геннадий Панфилыч! Помилуйте. Извержение во втором акте! На извержении все построено.

ГЕННАДИЙ. Авторы! Авторы! Метелкин! Гор у нас много?

МЕТЕЛКИН. Гор хоть завались. Полный сарай.

ГЕННАДИЙ. Ну так вот что: вели бутафору, чтоб он гору, которая похуже, в вулкан превратил.

МЕТЕЛКИН (*уходя кричит*). Володя, крикни бутафору, чтобы в Арарате провертел дыру вверху и в нее огню! А ковчег скиньте!

ЛИДИЯ (*стремительно входит*). Здравствуй, Геня!

ГЕННАДИЙ. Здравствуй, котик, здравствуй. Вот, позволь тебя познакомить... Василий Артурыч – Жюль Верн. Известный талант.

ЛИДИЯ. Ах, я так много слышала об вас.

ГЕННАДИЙ. Моя жена, гранд-кокетт.

ДЫМОГАЦКИЙ. Очень приятно.

ЛИДИЯ. Вы, говорят, нам пьесу представили?

ДЫМОГАЦКИЙ. Точно так.

За сценой музыка внезапно прекращается.

ЛИДИЯ. Ах, это очень приятно. Мы так нуждаемся в современных пьесах! Надеюсь, Геннадий, я занята? Впрочем, может быть, я не нужна в вашей пьесе?

ДЫМОГАЦКИЙ (*не знает – нужна она или не нужна*). Мм...

ГЕННАДИЙ. Конечно, душончик, натурально. Вот: леди Гленарван. Вкуснейшая роль... Вполне твоего типажа женщина. Вот, бери.

ЛИДИЯ (*овладевая ролью*). Наконец-то! Мой Геннадий из-за того, чтобы не подумали, что он дает мне роли вследствие родства, совершенно игнорирует меня. В этом сезоне я была занята только восемь раз...

ГЕННАДИЙ (*рассеянно*). Театр, матушка, это храм... Метелкин! Всех на сцену. Всех срочно!

МЕТЕЛКИН (*за сценой*). Володя!!

Слышны отчаянные электрические звонки. Занавес раздвигается и скрывает кабинет Геннадия. Появляется громадная пустынная сцена. Посредине нее стоит вулкан, сделанный из горы, и изрыгает дым. Метелкин, отступая задом.

Живет! Володя! Ставь его на место!

Вулкан скромно уезжает в сторону. На сцену начинает выходить труппа. Дирижер Ликуй Исаич во фраке, суфлер, Ликки во фраке, Сизи-Бузи во фраке, какие-то тонконогие барышни с накрашенными губами... Гул, говор...

СИЗИ. В чем дело? Репетиция?

Появляются Геннадий, Лидия Иванна и Дымогацкий. С неба мягко спускается банан и садится на Дымогацкого.

ГЕННАДИЙ. Легче, черти, автора задавили!

Женские голоса: «Володя, Володя!!»

МЕТЕЛКИН. Володька, легче! Убери его назад!

Банан уходит вверх.

ГЕННАДИЙ (*становится на уступ вулкана и взмахивает тетрадями*). Попрошу тишины! Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам...

СИЗИ (*из Гоголя*). Пренеприятное известие...

ЛИДИЯ. Тише, Анемподист.

ГЕННАДИЙ. ...гражданин Жюль Верн – Дымогацкий разрешился от бремени...

Кто-то хихикнул.

А интересно знать, кому здесь смешно?

Голос: «Мы не смеялись, Геннадий Панфилыч!»

Я ясно слышал: «Ги-ги». Если среди кадристов есть весельчак неудержимый, он может поступить в какой-нибудь смешной театр. Я не буду удерживать. Кстати, я не позволю жабо́м стирать грим с лица. Это недопустимо, и с виновного я строго взыщу! Итак: Василий Артурыч – колоссальнейший современный талант – представил нашему театру свой последний идеологический опус под заглавием «Багровый остров»...

Гул и интерес.

Попрошу внимания! Обстоятельства заставляют нас спешить. Савва Лукич покидает нас на целый месяц, поэтому я сейчас же назначаю генеральную репетицию в гриме и костюмах!

СИЗИ. Геннадий! Ты быстрый как лань, но ведь ролей никто не знает.

ГЕННАДИЙ. Под суфлера. И я надеюсь, что артисты вверенного мне правительством театра окажутся настолько сознательными, что приложат все силы-меры к тому... чтобы... ввиду... и невзирая на очередные трудности... (*Зарапортовался.*) Мухин!

СУФЛЕР. Вот он я!

ГЕННАДИЙ (*вручая ему экземпляр пьесы*). Подавать попрошу четко.

СУФЛЕР. Слушаю...

ГЕННАДИЙ. По дороге будут исправления...

СУФЛЕР. Понятно-с.

ГЕННАДИЙ. Итак, позвольте вам вкратце изложить содержание пьесы.

Впрочем, налицо наш талант... Василий Артурыч! Пожалте сюда, на вулкан.

ДЫМОГАЦКИЙ. Я... Гм... Моя пьеса, в сущности, это просто так...

ГЕННАДИЙ. Смелее, Василий Артурыч, мы вас слушаем.

ДЫМОГАЦКИЙ. Это, видите ли, аллегория... на острове... Это, видите ли, фантастическая пьеса... На острове живут угнетенные красные туземцы под властью белых арапов. И вот происходит извержение вулкана... Я очень люблю Жюля Верна... Даже избрал это имя в качестве псевдонима... поэтому мои герои носят имена из Жюля Верна в большинстве случаев... Вот например — лорд Гленарван...

ГЕННАДИЙ. Виноват, Василий Артурыч. Разрешите мне более, так сказать, конспективно... Ваше дело, хе-хе, музы, чернильца. Итак! Акт первый. Кири-Куки провокатор. Ловят двух туземцев — положительные типы. Хлоп! В тюрьму. Суд. Хлоп! Повесить. Убегают. Хлоп! Приезжают европейцы. Переговоры. Праздник на острове. Конец первого акта. Занавес.

СИЗИ. Вот это рассказал.

ГЕННАДИЙ. Заметьте, Ликуй Исаич, праздник.

ЛИКУЙ ИСАИЧ. Не продолжайте, Геннадий Панфилыч, я уже понял.

ГЕННАДИЙ. Вот, познакомьтесь. Наш капельмейстер. Уж он сделает музыку, будьте спокойны. Отец его жил в одном доме с Чайковским. Итак: роли...

Гул и интерес.

Сизи-Бузи. Повелитель туземцев, белый арап. Тупой злодей на троне. Ну, если злодей, да еще тупой — Сундучков. Получи, Анемподист.

СИЗИ. Бог тебя благословит!

ГЕННАДИЙ. Ликки-Тикки, полководец, впоследствии раскаялся в этом. Александр Павлович Ринский. Прошу...

ЛИККИ. Фрак снимать, Геннадий?

ГЕННАДИЙ. Некогда, Саша. Сверху костюм. Туземец Кай-Кум, положительный тип... Бондаклевский. Прошу. Туземец Фарра-Тете. Тоже жутко положительный — Щурков... получите.

СИЗИ. Пьеса заканчивается победой арапов?

ГЕННАДИЙ. Она заканчивается победою красных туземцев и никак иначе закончиться не может.

СИЗИ. А меня уж во втором акте нету. Этак до победных торжеств не доживешь...

ГЕННАДИЙ. Анемподист Тимофеевич! Я тебя убедительно попрошу школьников меньшевистскими остротами не смущать. Вообще театр — это храм. Мне юношество вверено государством... Леди Гленарван... Гм. Ну, это гранд-кокетт. Значит, Лидия Иванна. Это ясно... Лида... Ах, ты уже взяла роль.

Гул в женской группе.

БЕТСИ. Ну конечно, ясно. Как же не ясно!

ГЕННАДИЙ. Виноват, Аделаида Карповна. Вы что-то хотите сказать?

ЛИДИЯ. Я извиняюсь...

БЕТСИ. Нет, так, ничего. Хорошая погода.

ЛИДИЯ. Есть актрисы, которые полагают...

БЕТСИ. Что они полагают? Они полагают, что женам директоров трудно получать роли.

ГЕННАДИЙ. Медам, я категорически протестую... Бетси! Горничная леди Гленарван. Аделаида Карповна, вам.

БЕТСИ. Я, Геннадий Панфилыч, десять лет уже на сцене, и выносить подносы мне поздновато!

ГЕННАДИЙ. Аделаида Карповна! Побойтесь вы бога!

БЕТСИ. Не далее как вчера на общем собрании вы утверждали, Геннадий Панфилыч, что бога нет, так как присутствовал Савва Лукич. Но как только тот из театра вон, бог мгновенно появляется на сцене!

ЛИДИЯ. Ну, характерец!

ГЕННАДИЙ. Аделаида Карповна! Я протестую против такого тона! Театр это...

БЕТСИ. Место интриг!!

ГЕННАДИЙ. Бетси! Субретка! Дивная роль! Толстенная роль! Понятно? Угодно, или я передаю Чудновской?!

БЕТСИ. Пожалуйста. (*Схватывает роль.*)

ГЕННАДИЙ. Жак Паганель, француз. Акцент. Империалист. Суздальцев-Владимирский. Капитан Гаттерас – Чернобоев. Аппетитнейшая ролька.

ГАТТЕРАС. Черта пухлого аппетитная. Две страницы.

ГЕННАДИЙ. Во-первых, не две, а шесть, а во-вторых, припомните, что сказал наш великий Шекспир: «Нету плохих ролей, а есть паршивые актеры, которые портят все, что им ни дай». Лорд Гленарван. Ну, это я сам сыграю. Потружусь для вас, Василий Артурыч. Арап Тохонга – любовник – Соколенко. Паспарту, лакей... Метелкин... придется тебе.

МЕТЕЛКИН. Мне ведь монтировать, Геннадий Панфилыч!

ГЕННАДИЙ. Метелкин! Я не узнаю тебя, старый дружище.

МЕТЕЛКИН. Слушаю, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Ну, теперь главная роль. Проходимец Кири-Куки. Это по праву роль Варравы Аполлоновича Морромехова. Кто не знает Варравы? Любимец публики! Скромность, честность, простота. На днях предлагали ему звание народного Варравы. Отказался Варрава. К чему, говорит, это мне? Варрава Аполлонович!

Голос: «Его нет!»

Как так нет? Вызвать срочно? В чем дело?

МЕТЕЛКИН (*интимно*). Они в отделении милиции, Геннадий Панфилыч.

ГЕННАДИЙ. Как в отделении? Зачем же он туда попал?

МЕТЕЛКИН. Ужинали вчера в «Праге» с почитателями таланта. Ну, шум случился.

ГЕННАДИЙ. Шум случился?! Каково?.. У нас экстренный выпуск пьесы, все на посту... и шум случился! А? Да разве это актер? Актер это разве? Босяк он, а не актер! Сколько раз я упрашивал... Пей ты, говорю, Варрава, сдержанно!..

МЕТЕЛКИН. Звонили, к вечеру выпустят.

ГЕННАДИЙ. На кой предмет он мне вечером? На какого дьявола?.. Савва будет днем, Савва в Крым уезжает! Он нужен мне сию секунду или никогда не нужен! И ты хорош! «В отделении».

МЕТЕЛКИН. Помилуйте, Геннадий Панфилыч. Поил я его что ли?

ГЕННАДИЙ. К черту все, одним словом! Не будет репетиции, не будет и пьесы. Закрываю театр. Я не могу работать в окружении мещан и алкоголиков! Уходите все!

Движение.

Стоп! Назад.

ЛИДИЯ. Геннадий! Не волнуйся!

ЛИККИ. Геннадий! Дай кому-нибудь из кадристов прочитать!

ГЕННАДИЙ. Да что ты? Смеешься что ли? Они только и умеют жабо портить. Все на моих плечах, все на меня валится!..

ДЫМОГАЦКИЙ. Геннадий Панфилыч!

ГЕННАДИЙ. Оставьте меня все! Оставьте. Пусть идеалист Геннадий, мечтавший о возрождении театра, умрет, как бездомный пес на вулкане.

ДЫМОГАЦКИЙ. Если гибнет пьеса, позвольте, я сегодня сыграю Кири-Куки. Я ведь наизусть знаю все роли.

ГЕННАДИЙ. Что вы! Помилуйте! Заменять Морромехова... (*Пауза.*) Да вы играли когда-нибудь?

ДЫМОГАЦКИЙ. Я на даче играл.

ГЕННАДИЙ. На даче? (*Пауза.*) Хорошо, рискнем. Пусть все видят, как старый Геннадий спасал пьесу. Роль Кири-Куки, проходимца, исполнит сам автор.

ЛИККИ. Нечего было и истерику устраивать.

ГЕННАДИЙ (*по тетради*). Итак: арапы, несметные полчища красных племен, заняты все кадристы.

Гул.

Английские матросы – хор. Говорящий попугай... Гм... Ну, это Метелкин, натурально. Ликуй Исаич! В музыке – экзотика.

ЛИКУЙ ИСАИЧ. Не продолжайте, я уже понял. Ребятишки, ссыпайтесь в оркестр!

Музыканты идут в оркестр.

ГЕННАДИЙ. Всех на грим! Василий Артурыч, пожалуйте в мою уборную.

СИЗИ. Портные.

ЛИККИ. Парикмахеры!

Актеры разбегаются.

МЕТЕЛКИН. Володя, начинай!

Задник уходит вверх и открывается ряд зеркал с ослепительными лампионами... Появляются парикмахеры... Актеры усаживаются и начинают гримироваться и одеваться.

ЛИККИ (*по тетради*). Молчать, когда с тобой разговаривают! Ма... ма... Белые перья мне!

СИЗИ. Федосеев, мне корону нужно!

КАЙ-КУМ. И всегда мне добродетельная голубая роль достается. Уж такое счастье!

СИЗИ. А ты слышал, что Шекспир сказал: «Нет голубых ролей, а есть красные». Эй вы, фашисты! Получу я корону, или нет?

МЕТЕЛКИН (*пролетает бурей*). Володя!!

ДИРИЖЕР (*в оркестр*). А где же валторна? Больна? Я ее вчера видел в магазине, она носки покупала. Это прямо смешно! Я прямо не понимаю таких музыкантов!

ГЕННАДИЙ (*из своей уборной*). Сто лет мне штанов дожидаться? Портные! Штаны в крупную клетку!

МЕТЕЛКИН (*на сцене*). Володя! Давай задник!

Сверху сползает задник – готический храм, в который вшит кусок Грановитой палаты с боярами – закрывает зеркала.

Володька, черт! Ну что спустил? Не готический, а экзотический! Давай океан с голубым воздухом!

Задник уходит, открывает зеркала. Возле них шум, парики на болванках.

ЛИККИ. Опять трико лопнуло! Скупердяй этот Геннадий!
СИЗИ. Режим экономии, батюшка.

Мрачно шумя, опускается океан, в оркестре настраивают инструменты... Зеркала исчезают... Спускаются горящие софиты, какие-то блоки...

МЕТЕЛКИН. Вулкан налево, налево двинь!

Вулкан едет, изрыгая дым.

ДИРИЖЕР. Увертюра номер семнадцать!
МЕТЕЛКИН. Готовы актеры?

Голоса: «Готовы!»

Володя! Давай занавес!

Идет общий занавес и закрывает сцену.

Конец пролога

АКТ ПЕРВЫЙ[1]

МЕТЕЛКИН (*в разрезе занавеса*). Готово. Ликуй Исаич, начинайте! (*Исчезает.*)

Удар гонга.

ДИРИЖЕР. Тише!

Оркестр начинает увертюру.
Музыкант с валторной появляется в разрезе занавеса. Он опоздал и взволнован.

(*Опускает палочку, музыка разваливается.*) А? Это вы? Очень приятно. Отчего вы так рано? Ах, вы в новых носках. Ну, поздравляю вас, вы уже оштрафованы. Пожалуйте в оркестр.

Музыкант спускается в оркестр. Увертюра возобновляется. С последним тактом ее открывается занавес. На сцене волшебство — горит в солнце, сверкает и переливается тропический остров. На ветках обезьяны, летают попугаи. Вигвам Сизи-Бузи на уступе вулкана, окружен частоколом. На заднем плане океан. Сизи-Бузи сидит на троне в окружении одалисок из гарема. Возле него стоит в белых перьях сверкающий Ликки-Тикки, Тохонга и шеренга арапов с копьями.

СИЗИ. Ай, ай, ай. Мог ли я думать, что мои верноподданные туземцы способны на преступление против своего государя? Не верю моим царственным ушам... Где же преступники?

ЛИККИ. В тюремном подземелье, повелитель. Кири-Куки я посадил вместе с ними.

СИЗИ. Зачем?

ЛИККИ. Так он придумал. Чтобы туземцы не догадались о его вероломстве.

СИЗИ. А, это умно.

ЛИККИ. Прикажете представить злоумышленников, ваше величество?

СИЗИ. Представь, бодрый генерал.

ЛИККИ. Эй! Тохонга. Вынуть бездельников из подземелья.

Арапы открывают люк и выталкивают Кай-Кума, Фарра-Тете и Кири-Куки.

СИЗИ. Ай, яй, яй. Ну, здравствуйте, дорогие мерзавцы!

КИРИ. Здравия желаю, ваше величество!

Кай и Фарра удивлены.

СИЗИ. Допроси их, милый храбрец.

ЛИККИ. Нуте, красавцы, что вы говорили у маисовых кустиков?

КАЙ. Мы ничего не говорили.

ЛИККИ. Ах вот как. Да ты глазами не моргай! Говорил?

ФАРРА. Нет.

ЛИККИ. Молчать, когда с тобою разговаривают. Говорил? Отвечать, когда тебя спрашивают!

[1] Сохраняется авторское деление на акты вместо действий. См. примеч.

СИЗИ. Ай, яй, яй. Какие упорные. Если вы будете запираться, бог Вайдуа на том свете накажет вас.

КАЙ. Мы не верим больше в бога Вайдуа!

СИЗИ. Ах! Поставь их подальше от меня. Если в них ударит молния, она может зацепить и меня.

ЛИККИ. Видно, от них не добьешься толку. Кири, рассказывай ты.

КАЙ. Брат наш арап, будь мужествен, молчи.

КИРИ. Виноват, я вам не брат. Ваше величество! Ужас, ужас, ужас!

Кай и Фарра поражены.

Давно я стал замечать, что в умах ваших верноподданных происходят брожения. Угнетаемый мыслью о том, что будет с нашим дорогим островом в случае, если движение примет гибельные размеры, решил я пуститься на хитрость...

КАЙ. Как? Кири!!

ФАРРА. Вот оно что! Он провокатор. Все ясно.

ЛИККИ. Молчать!

КИРИ. Давно уже эти двое молодцов у меня на примете. Сегодня утром подсел я к ним и разговорился. Так, мол, и так. Отчего, ребятишки, вы такие грустные? Аль вам плохо живется?..

ФАРРА. Кай, мы в руках предателя! Ну, погоди же ты, гнусная гадина!

КИРИ. Ваше величество, защитите вашего преданного Кири от нападок госпреступников.

ЛИККИ. Молчать!

СИЗИ. Продолжай, умник.

КИРИ. Ужас, ужас, ужас! Я говорю им, чего вы, братцы, мнетесь? А они говорят,— ты белый арап, состоишь в свите у Сизи-Бузи! Ну, тут я им наплел с три короба. Что я по виду только арап, а в душе я с ними, с красными туземцами...

КАЙ. О, есть ли на свете мера человеческой подлости?!

КИРИ. ...и что давно я уже задумал... бунт против вашего величества... И спрашиваю их: «А что, пошли бы вы в случае чего за мной?» И вообразите, они отвечают: «Пошли бы».

СИЗИ. Где же ты, небесная молния? Нету небесной молнии! Ну!

КИРИ. Ну, я натурально тут засвистел, и нас всех схватили.

СИЗИ. И это правда?

КАЙ. Да, это правда. (*Сизи.*) Слушай, ты, пьявка!

СИЗИ. «Пьявка»? Это ты мне?

КАЙ. Тебе. Ты...

ЛИККИ. Заткнуть ему рот!

Тохонга затыкает рот Каю.

ФАРРА. Тысячи туземцев, задавленный народ, работают для тебя от восхода до заката солнечного бога...

ЛИККИ. Заткнуть и этого!

КИРИ. Ужас, ваше величество!

Фарре затыкают рот.

КАЙ (*вырывается*). Но трепещи, злодей! Уже светит зловещим пламенем молчавший доселе вулкан Муанганам. Гляди!

Туча скрывает солнце, и над вулканом показывается зловещий отблеск.

СИЗИ. Тьфу, тьфу, сухо дерево!

Туча уходит, светло. Каю и Фарре наглухо затыкают рты.

КИРИ. Извольте видеть, ваше величество, каких типчиков я вам обнаружил.

СИЗИ. Спасибо тебе, верный министр Кири. Ты получишь награду.

КИРИ. Ах, не из-за наград я работаю, ваше величество. Сознание исполненного долга – самая сладкая награда моя! Кстати, о наградах, ваше величество. Мне некоторое время не придется показываться на глаза туземцам. Пусть объявят, что я сижу в подземелье.

СИЗИ. Это умная мысль. Хорошо! Читай им приговор.

КИРИ. Красные туземцы Кай-Кум и Фарра-Тете за попытку к бунту против законного повелителя острова... Сизи-Бузи...

Дирижер дает знак, в оркестре фанфары. Арапы берут на караул.

...приговариваются к лишению всех прав, конфискации имущества... Где помещается ваше имущество? Эй, вынуть тряпку у этого!

КАЙ. Сволочь ты!..

КИРИ. Заткнуть! И повешению на пальме.

СИЗИ. Не забудь – «но, принимая...»

КИРИ. Эх, ваше величество, избалуете вы их этими «принимая».

СИЗИ. Я не хочу этим мерзавцам дать повод упрекать меня в жестокости.

КИРИ. Как бы это они упрекнули, вися на пальме? Висели бы себе тихо и вежливо... Но принимая: прав не лишать. Повесить со всеми правами.

Кай и Фарра вырываются из рук арапов и забегают на скалу.

КАЙ (*Фарре*). Лучше смерть в волнах, чем в петле, за мною!

ФАРРА. Долой тирана!

Бросаются в океан.

СИЗИ. Ах!

КИРИ. Что же вы, черти, не держали их?

ЛИККИ. Поймать!

Арапы бегут.

КИРИ. К пирóгам!

ТОХОНГА. К пирóгам! (*Пускает стрелу со скалы.*)

Все убегают. Сизи тоже.

ПАСПАРТУ (*за сценой*). Европейцы, на выход! Володька, что же ты корабль не спустил! У, накладчики, черти!

Дирижер дает знак.

МАТРОСЫ (*за сценой, с оркестром, поют*).

По морям... по морям...
Нынче здесь, завтра там.

С неба на тросах спускается корабль, на нем лорд, леди, Паганель, Паспарту, Гаттерас и матросы. Все в костюмах с иллюстраций к книжкам Жюля Верна.

МАТРОСЫ (*поют*). Ах, далеко нам до Типперери...

Пушечный удар.

Земля! Земля!

ЛЕДИ. Лорд Эдвард! Земля!
ЛОРД. О, ес. Капитан!
ГАТТЕРАС. Трап спустить! Ротозеи! Эй! Ты, в штанах клеш, ползешь к трапу, как вошь! А, чтоб тебя лихорадка бросала с кровати на кровать, чтоб ты мог понимать...
ЛЕДИ. О, боже мой, как он выражается!
ПАГАНЕЛЬ. Как вы выражаетесь при мадам, мсье Гаттерас!
ГАТТЕРАС. Тысячу извинений, леди, я вас не заметил. Спустите трап, ангела́, спустите, купидончики, английским языком я вам говорю! Трам-та-рам-та-рам... (*Ругается беззвучно.*)

Матросы спускают трап, все сходят на берег.

ЛЕДИ. Какая дивная земля! Лорд Эдвард, мне кажется, что остров необитаем!
ПАГАНЕЛЬ. Мадам имеет резон. Остров необитаем.

Показывается Сизи и вся остальная компания.

О, вуаля! Смотрите!
ЛОРД. Остров обитаем! Кто вы такие?
КИРИ. Позвольте поздравить, ваше сиятельство, по поводу прибытия на наш уважаемый остров.
ЛОРД. Вы здесь живете?
КИРИ. Точно так. Прописаны на острове.
ЛОРД. Кто же владеет островом?
СИЗИ (*поместившись на троне*). Я, милостию богов и духа Вайдуа...

Фанфары.

Я, Сизи-Бузи, царствую здесь. Вот гвардия моя, арапы верные, и предводитель Ликки-Тикки!
КИРИ. Честь имею рекомендовать себя. Я – Кири-Куки, церемониймейстер двора его величества.
СИЗИ. А вы кто такие будете, дорогие гости?
ЛОРД. Я...

Музыка.

лорд Эдвард Гленарван. Со мною леди Гленарван и Гаттерас, мой капитан с командою.
ПАГАНЕЛЬ. Я...

Марсельеза.

Жак Элиасин Мария Паганель! Со мною лакей мой...
ПАСПАРТУ. Паспарту.
СИЗИ. Сердцу моему приятны знатные гости...
ЛОРД. Подать сюда складные стулья!

Матросы подают стулья, европейцы усаживаются.

Где же ваш народ?
СИЗИ. Народ у нас – красные туземцы. Они живут там, далеко.
ЛОРД. Много их?
СИЗИ. О, много... Один... два... пятнадцать... и еще много полчищ.
ЛОРД. Вы управляете, а они работают?
СИЗИ. Так, дорогой, так.
ЛОРД. О, это умно! Добрый народ?

КИРИ. Симпатичнейший народишко, ваше сиятельство! Тут намедни двоих приводили... впрочем, ничего. Passons! [1]

ЛОРД. Остров богат?

СИЗИ. Слава богам. Есть маис, черепахи, слоны, попугаи, а о прошлом годе объявился жемчуг.

ЛЕДИ. Жемчуг! О, это крайне интересно!

ПАГАНЕЛЬ. О да!

ЛОРД. Жемчуг? Вы говорите – жемчуг? И много вы добываете его?

СИЗИ. Немного, дорогой. Пудов пятьсот каждый год.

ЛОРД.
ЛЕДИ.
ПАГАНЕЛЬ.
ГАТТЕРАС.
ПАСПАРТУ. } Сколь-ко?!

СИЗИ. Почему ты так удивился, о знатный иностранец?

ЛОРД. Мало?! И куда вы деваете этот жемчуг?

СИЗИ. Продали.

ЛОРД (*тихо*). Сэр... ведь это что же такое? А? Желаете?

ПАГАНЕЛЬ. Сертенеман. Конечно.

ЛОРД. Пополам?

ПАГАНЕЛЬ. Пополам.

ЛОРД (*вслух*). Ну вот что... Сейчас есть жемчуг?

СИЗИ. Сейчас, дорогой, не имеем. Весною будет, через три месяца.

ЛЕДИ. Покажите, какой он! Образчик!

СИЗИ. Показать можно. Тохонга, принеси из вигвама жемчужину, которой я забиваю гвозди.

Тохонга приносит жемчужину сверхъестественных размеров.

ТОХОНГА. Вот.

КИРИ. Вуаля!

ЛЕДИ. Ах, мне нехорошо!..

ЛОРД. Ну вот что. Коротко. Я покупаю весь ваш жемчуг. И не только тот, что вы добудете весной, но все, что вы выловите за десять лет. Я заплачу вам...

ПАГАНЕЛЬ. Пополам со мной...

ЛОРД. Да, пополам с господином Жаком Паганелем. Ты видел когда-нибудь фунт стерлингов?

СИЗИ. Нет, дорогой. Это что?

ЛОРД. Это удобная вещь. Всюду, где бы ни был на земном шаре, одним словом, это бумажка... Вот она. Всюду, где бы ты ни предъявил ее, ты получишь ситец, горы табаку, штанов и сколько угодно огненной воды.

СИЗИ. Боги благословят тебя, иностранец!

ЛОРД. Слушай. Я дам тебе тысячу фунтов стерлингов. Я дам тебе пятьсот бочек коньяку, я дам тебе тысячу аршин коленкору, пятьдесят коробок сардинок... Чего ты еще хочешь?

СИЗИ. Больше ничего не хочу.

КИРИ. А мне чемодан, ваше сиятельство.

СИЗИ. Я люблю тебя, иностранец.

ЛОРД. Я тебя тоже, только обслюнил меня ты всего. Целуй мсье Паганеля.

ПАГАНЕЛЬ. Мерси, я целовался недавно.

[1] Поговорим о другом! (*Франц.*)

ЛОРД. Подпишись здесь.
СИЗИ. Я, дорогой, все забыл.
КИРИ. Позвольте мне, лорд. Вот пожалте. К и И. Ки. Кири. Куки.
ЛЕДИ. О, вы грамотный. (*Тихо.*) Он очень недурен, этот арап. (*Вслух.*) Кто выучил вас?
КИРИ. Заезжие европейцы, сударыня.
ЛОРД (*читает*). Кири-Куки и... чемодан. Что такое?
КИРИ. А это я напоминаю. Не забыть бы про чемодан, ваше сиятельство.
ЛОРД. А! Выдать ему чемодан с блестящими застежками!

Паспарту подает чемодан.

КИРИ. Какая прелесть! Верить ли мне моим голубым глазам! Ах, ах! Нет, я не достоин такого чемодана. Позвольте мне обнять вас, лорд!

Лорд уклоняется, Кири обнимает леди.

ЛЕДИ. Ах вы, дерзкий!
ЛОРД. Ну, это лишнее. Итак, получай... (*Выдает толстые пачки денег.*) Через три месяца я приеду за жемчугом. Не плутовать! Иначе я рассержусь. (*Идет наверх.*)
ПАГАНЕЛЬ. Я тоже. Мы сделаем войну. Пиф, паф!
СИЗИ. Ах, что пугаешь старого Сизи? Он не обманет.
ЛОРД. Матросы, выкатить ром!
ГАТТЕРАС. Даешь ром! Там-тар... (*Идет наверх.*)
МАТРОСЫ. Эгей!.. (*Выбрасывают товары, выкатывают ром в бочках.*)
СИЗИ. Спасибо тебе. Я тебе дарю жемчужину... На!
ЛЕДИ. Мерси. Ах, чудо! Чудо!
КИРИ. Тохонга, поймай для леди попугая...
ТОХОНГА. Сейчас.

Стая попугаев взлетает. Тохонга ловит чудовищного и подносит его.

Вот!
КИРИ. Позвольте вам, сударыня, поднести на память попугая? Приятное украшение вашей гостиной в Европе.
ЛИККИ. Ловок, каналья!
ПАГАНЕЛЬ. Черт! Дикарь галантен...
ЛЕДИ. Он очарователен, мсье Паганель! Мерси, мерси. Он говорит?
КИРИ. Еще как!
ГАТТЕРАС. В первый раз в жизни вижу такой экземпляр. Ах! Чтоб тебе сдохнуть!
ПОПУГАЙ. Чтоб тебе самому сдохнуть.

Общее изумление.

ГАТТЕРАС. Ты это кому? Ах ты, сатана бесхвостая!
ПОПУГАЙ. Сам сатана.
ГАТТЕРАС. Вот я тебя!
ЛЕДИ. Что вы, капитан? Не смейте! Попка дурак!
ПОПУГАЙ. Сама дура!
ЛЕДИ. Ах!
ЛОРД. Полегче, Метелкин.
ПОПУГАЙ. Слушаю, Геннадий Панфилыч.
ГАТТЕРАС. Лорд, солнце садится. У острова рифы.
ЛОРД. Поднимайте паруса!

ГАТТЕРАС. Слушаю. Команда!

Матросы идут на корабль, и он одевается парусами.

ЛОРД. Гуд бай![1]
СИЗИ. Пока.
ЛЕДИ. Паспарту! Взять попугая!
ПАСПАРТУ. Слушаю, леди.
ПАГАНЕЛЬ. О'ревуар.[2]
ГАТТЕРАС. Трап поднять! Трам-та-ра-рам!
ПОПУГАЙ. Мать, мать, мать...
ГАТТЕРАС. Ах, чтобы ты сгорел в камбузе! Завязать ему клюв канатом!

Поднимают якорь. Корабль начинает уходить. Солнце садится в океан.

МАТРОСЫ (*затихая*). По морям... по морям...
ПОПУГАЙ (*поет*). Нынче здесь, завтра там!
СИЗИ. Уехали. Хорошие иностранцы.
КИРИ. Честь имею поздравить, ваше величество, с выгодной сделкою.
ЛИККИ. А тебя с чемоданом. Умеешь ты клянчить, чертов сын!
КИРИ. Ты знаешь, Ликки, иностранка в меня влюбилась, кажется.
ЛИККИ. Ну конечно, она никогда не видала такого красавца, как ты.
СИЗИ. Кири, прими деньги и спрячь.
КИРИ. Слушаю, ваше величество. (*Прячет деньги в чемодан.*)
СИЗИ. Арапам выдать по чарке огненной иностранцевой воды.
АРАПЫ. Покорнейше благодарим, ваше величество!
СИЗИ. Молодцы, ребята!
АРАПЫ. Рады стараться, ваше величество!
СИЗИ. Хорошо, только замолчите.

Тохонга вскрывает бочку. Она вспыхивает синим огнем в сумерках.

Вот это я понимаю...
ЛИККИ. Ваше величество, следовало бы и туземцам объявить какую-нибудь милость.
СИЗИ. Милость? Ты думаешь? Ну что ж! Объявите им, что я прощаю и тех двух головорезов, которые потонули.
КИРИ. Добрейший государь! (*Тихо.*) Однако, хотел бы я наверняка знать, что они потонули.
СИЗИ. Назначаю сегодня вечером праздник всем придворным и верной моей гвардии, и пусть в час восхода ночного светила...

Всходит таинственная луна.

...потешат нас пляскою одалиски из нашего гарема.

Дирижер дает знак, и оркестр буйно играет 2-ю рапсодию Ференца Листа. Одалиски начинают пляску. Радостнее всех пляшет Кири-Куки с чемоданом. Идет занавес и закрывает сцену.

ПАСПАРТУ (*в прорезе занавеса взмахивает рукою, и музыка прекращается*). Антракт.

В залу дают свет.

Занавес

Конец первого акта

[1] Good-bye! – До свидания! (*Англ.*)
[2] Au revoir. – До свидания. (*Франц.*)

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В оркестре раскаты катастрофы. Открывается занавес. На сцене тьма и только над вулканом зловещее зарево.

КИРИ (*с фонариком*). О... кто тут есть? Ко мне! Ко мне!.. Кто это? Полководец, ты?

ЛИККИ (*с фонариком*). Я. Я. Это ты, Кири?

КИРИ. Я. Я. Вот так штука. Ты уцелел?

ЛИККИ. Как видишь, благодаря богам.

КИРИ. Отвечай: погиб Сизи-Бузи?

ЛИККИ. Погиб.

КИРИ. Сколько раз я твердил старику: «Убери ты вигвам с этого чертова примуса». Нет, не послушался. «Боги не допустят». Вот тебе и не допустили... Кто еще погиб?

ЛИККИ. Весь гарем и половина арапов. Все, кто были в карауле.

КИРИ. Сядем... Ох!

ЛИККИ. Что?

КИРИ. Кажется, я ногу вывихнул. Ох... Ох... Итак... Прежде всего, разберемся в том, что произошло... Произошло...

ЛИККИ. Извержение.

КИРИ. Да, хлынула лава и затопила царский вигвам. И вот мы остались без повелителя.

ЛИККИ. И без половины гвардии.

КИРИ. Да, это ужасно, но это факт. Спрашивается, что же теперь произойдет на острове?

ЛИККИ. А что?

КИРИ. Я тебя спрашиваю — что?

ЛИККИ. Не знаю.

КИРИ. А я знаю. Произойдет бунт.

ЛИККИ. Да неужели?

КИРИ. Будь спокоен. Итак, спрашивается, что нужно делать, чтобы избежать ужасов бунта и безначалия?

ЛИККИ. Не знаю.

КИРИ. Ну, а я знаю. Необходимо сейчас же избрать нового правителя.

ЛИККИ. Ага. Понял. Но кого?

КИРИ. Меня.

ЛИККИ. Ты как, в здравом уме?

КИРИ. Я в здравом.

ЛИККИ. Ты — правитель?.. Слушай, это нахальство!

КИРИ. Молчи, ты ничего не понимаешь. Эти двое чертей утонули наверное?

ЛИККИ. Кай-Кум и Фарра-Тете?

КИРИ. Ну да!

ЛИККИ. Мне кажется, я видел, как головы их скрылись под водою.

КИРИ. Хвала богам! Только эти две личности и могли помешать исполнению моего блестящего плана...

ЛИККИ. Кири, ты нагл. Кто ты такой, чтобы тебе лезть в правители?

КИРИ. Не спорь. Ой... Слышишь?

Шум за сценою.

ЛИККИ. Ну конечно, проснулись, черти...

КИРИ. Да, они проснулись, и если ты не хочешь, чтобы они тебя вместе с остатками твоей гвардии выкинули в воду, слушайся меня. Коротко. Я пройду в правители, отвечай мне, желаешь ли ты оставаться у меня начальником гвардии?

ЛИККИ. Это неслыханно, я, Ликки-Тикки, полководец, буду начальником гвардии у какого-то проходимца!..

КИРИ. Ах так? Ну ладно. До свидания. У меня нет времени.

ЛИККИ. Стой, мерзавец. Я согласен!

КИРИ. Ага! Собери уцелевших арапов и молчи в тряпочку. Что бы здесь ни происходило. Понял? Молчи!

ЛИККИ. Ладно. Посмотрю я, что из этого выйдет... Тохонга. Тохонга... Где ты?

ТОХОНГА. Я здесь, генерал.

ЛИККИ. Зови сюда всех, кто уцелел...

ТОХОНГА. Слушаю, генерал...

Шум громаднейшей толпы. На сцену — сперва отдельные, потом толпами появляются туземцы с красными факелами. Пламя дрожит, и от этого вся сцена освещается мистическим светом.

КИРИ (*вскочив на пустую ромовую бочку*). Эй! Эгей! Туземцы! Сюда! Сюда!

ТУЗЕМЦЫ. Кто зовет? Что случилось? Извержение! Кто? Что? Почему?

Тохонга вводит на сцену гвардию с белыми фонарями.

КИРИ. Я зову. Зову я, Кири-Куки, друг туземного народа! Сюда!

ТУЗЕМЦЫ. Кто это говорит? Кто говорит? Кто?

КИРИ. Это говорю я — Кири. Друг туземного народа. Сегодня ночью, в то время, когда бывший царь наш, Сизи-Бузи...

В оркестре звуки фанфар.

напившись огненной воды, мирно спал в своем гареме, вулкан Муанганам, молчавший триста лет, внезапно изрыгнул потоки лавы, кои и стерли с лица острова Сизи-Бузи, и волею духа Вайдуа тирана не стало...

Гул.

ЛИККИ. До чего, каналья, красноречив!

КИРИ. Туземцы! Как стали вы таперича свободные, объявляю вам — спасибо!

ТУЗЕМЦЫ (*вначале тихо, потом громче*). Ура! Ура! Ура!

Гул утихает.

1-й ТУЗЕМЕЦ. Кто говорит? Это Кири?

КИРИ. Да, это я. Кто не знает Кири-Куки? Кто не слышал его не далее как вчера, у маисовых кустов?!

2-й ТУЗЕМЕЦ. Да, да, мы слышали!

3-й ТУЗЕМЕЦ. Где Кай-Кум и Фарра-Тете?

КИРИ. Меня ввергли в подземелье и оставили там на сутки, чтобы изобрести для меня неслыханную по жестокости казнь. Там, сидя в сырых недрах, я слышал, как доблестно Кай и Фарра-Тете вырвались из рук палачей, бросились с Муанганама в океан и уплыли. Бог Вайдуа да хранит их в бурлящей пучине!

ЛИККИ (*тихо*). А ну как они выплывут, батюшки мои?!

1-й ТУЗЕМЕЦ. Боги да хранят Кая и Фарра! Да здравствует Кири-Куки, друг туземного народа!

ТУЗЕМЦЫ. Да здравствует Кири! Да здравствует Кири!

КИРИ. Дорогие друзья, что делать нам? Неужели цветущий остров наш останется без правителя?.. Неужели нам грозит ужас безначалия и анархии?

ТУЗЕМЦЫ. Он прав, Кири-Куки! Он прав!

КИРИ. Друзья мои, я предлагаю тут же, не сходя с места, избрать человека, которому мы могли бы без страха доверить судьбу нашего острова и все богатства его. Он должен быть честен и правдив, друзья! Он должен быть справедлив и милостив, но он, друзья мои, должен быть и образован, чтобы вести сношения с европейцами, нередко посещающими наш плодоносный остров. Кто же это, друзья?

ТУЗЕМЦЫ. Это ты, Кири-Куки!..

КИРИ. Да, это я... То есть нет. Нет! Ни за что! Я недостоин такой чести!

ТУЗЕМЦЫ. Кири, ты не смеешь отказываться. Кири! Ты не можешь покинуть нас в столь трудную минуту! Ты единственный.

КИРИ. Нет. Нет.

ЛИККИ. Кири! Зачем ты ломаешься?

КИРИ (*тихо*). Пошел вон, болван. (*Громко.*) Неужели мне придется взять на себя эту страшную тяжесть и ответственность? Неужели мне?.. Хорошо, я согласен.

ТУЗЕМЦЫ (*громовыми голосами*). Ура! Да здравствует Кири-Куки Первый – друг туземного народа!

КИРИ. Слезы умиления застилают мне глаза, о, дорогие мои! Хорошо, дорогие туземцы, я приложу все старания, чтобы вы не раскаялись в вашем выборе. И в знак того, что я душою и сердцем с вами, я снимаю с себя белый арапов убор и надеваю ваши прелестные туземные цвета... (*Снимает головной убор, надевает багряные туземные перья.*)

Туземцы ликуют. Музыка.

Я – Кири-Куки Первый, объявляю вам свой первый декрет. В знак радости переименовываю наш дорогой остров, во времена Сизи-Бузи носивший название Туземного острова, в остров Багровый.

Туземцы ликуют.

Теперь возникает вопрос, что делать нам с остатками гвардии Сизи-Бузи? Вот они.

Ликки и арапы растеряны.

ТУЗЕМЦЫ. В воду их!

ТОХОНГА. Генерал, ты слышишь?

ЛИККИ. Предатель!

ТУЗЕМЦЫ. В океан!!

КИРИ. Нет! Выслушайте меня, верноподданные мои. Кто будет защи-

щать остров в случае нашествия иноплеменников? Кому мы, наконец, поручим охрану меня? Жизнь человека, который, по-видимому, так нужен острову! Я предлагаю, друзья мои, в случае их раскаяния, простить их и взять их на службу к нам. (*Ликки.*) Отвечай, преступный генерал! Согласен ли ты раскаяться и верою-правдою служить туземному народу и мне?

Ликки молчит.

Отвечай, тумба, когда тебя спрашивают!

ЛИККИ. Согласен, повелитель.

КИРИ. Будешь служить?

ЛИККИ. Так точно, ваше величество!

КИРИ. Не пойдешь против меня и народа?

ЛИККИ. Никак нет, ваше величество!

КИРИ. Молодец, ты верный старик!

ЛИККИ. Рад стараться, ваше величество!

КИРИ (*арапам*). А вы согласны?

АРАПЫ. Согласны, ваше величество!!

КИРИ. Прощаю вас и в знак милости переименовываю в заслуженных народных арапов.

АРАПЫ. Покорнейше благодарим, ваше величество!

КИРИ. А черт вас возьми! У меня могут барабанные перепонки лопнуть. Прикажи им молчать.

ЛИККИ. Молчать!

КИРИ. Переодеть их в наш туземный цвет.

ЛИККИ. Слушаю, ваше величество!

КИРИ. Пожалуйста, без крику. Молчи!

ЛИККИ. Слуш!.. (*Хлопает в ладоши.*)

С арапов мгновенно сваливаются белые перья и на голове вырастают багровые. Фонари их вместо белого цвета загораются розовым.

КИРИ. Вот, туземный народ. Вот твоя гвардия.

ТУЗЕМЦЫ. Ура!

ЛИККИ. По церемониальному маршу...

Дирижер взмахивает палочкой.

шагом... арш!

Оркестр играет марш. Арапы идут мимо Кири церемониальным маршем. Туземцы, несметные полчища, машут фонариками.

КИРИ. Здравствуйте, гвардейцы!

АРАПЫ. Здр... жел... ваше величество!..

Ликки, отмаршировав, становится рядом с Кири.

КИРИ. Видал?

ЛИККИ. Ты – гениальный человек! Теперь я вижу.

КИРИ. То-то!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Царственный вигвам Кири-Куки.

КИРИ. Неделя всего прошла, как я управляю нашим проклятым островом, а между тем от этого жемчуга у меня уже голова кругом идет.

ЛИККИ (*закусывая*). Сам виноват. Насулил им черт знает чего, теперь отдувайся. (*Иронически.*) Друг туземного народа. (*Жует.*) Кто квакал – всего у вас вдоволь будет, вдоволь и маису... и огненной воды? Вы сами хозяева. Помнишь, как ты им говорил? Ну, вот они и хозяйничают.

КИРИ. Чудовищнее всего это требование не отдавать жемчуг англичанам. Хорошенькое дельце. Как же это я не отдам, когда он за них деньги заплатил?

ЛИККИ. И огненную воду. Стало быть, и подавай жемчуг англичанам.

КИРИ. Да они всерьез не желают отдавать его! Выловить, говорят, выловим, а пусть нам пойдет. У меня мороз по коже подирает при мысли о том, как явится на корабле эта толстая физия с рыжими бакенбардами. О, великое счастье, что потонули эти два подстрекателя!..

Входит Тохонга.

ТОХОНГА. Привет тебе, правитель!

КИРИ. Спасибо. Что скажешь, дорогой мой?

ТОХОНГА. Туземцы опять пришли. Желают лицезреть твою милость.

КИРИ. Опять? Наказанье, честное слово! Гони ты их... сюда в кабинет.

ТОХОНГА. Слушаю, повелитель. (*Выходит.*) Входите!

Входят 1-й, 2-й, 3-й туземцы.

1-й ТУЗЕМЕЦ. Привет тебе, Кири, наш повелитель и друг, да хранят тебя боги.

КИРИ. А-а! И вас они пусть да хранят то же самое. Очень приятно. Я прямо соскучился по вас. Ведь с самого утра вас не было.

2-й ТУЗЕМЕЦ. Боги да хранят Ликки-Тикки, храброго полководца народной гвардии!

ЛИККИ. И вас, и вас.

1-й ТУЗЕМЕЦ. Ты закусываешь, бравый Ликки?

ЛИККИ. Нет, танцую.

2-й ТУЗЕМЕЦ. Наш храбрый Ликки любит пошутить.

КИРИ. Да, он веселого нрава человек. Кстати, полководец, я нахожу, что ты мог бы разговаривать более приветливо с дорогими моими подданными.

Ликки ворчит.

Присаживайтесь, ребятки, на корточки.

Туземцы усаживаются.

Не теряя драгоценного времени, излагайте, голуби, что вас привело к моему вигваму в час высшего стояния солнечного бога, когда не только правители, но и простые смертные, утомленные сбором маиса, отдыхают в своих вигвамах? (*Тихо.*) Не понимают, черти, намеков!

1-й ТУЗЕМЕЦ. Мы пришли сообщить тебе радостную весть.

3-й ТУЗЕМЕЦ. Мы пришли сказать, что улов жемчуга сегодня был чрезвычайно удачен. Мы вытащили пятнадцать жемчужин, из которых самая маленькая была величиною с мой кулак.

КИРИ. Я в восторге! И поражает меня только одно, почему вы их немедленно не доставили в мой вигвам, как я уже говорил вам сегодня утром.

1-й ТУЗЕМЕЦ. О, Кири-повелитель. Народ очень волнуется по поводу

этих жемчужин и послал нас к тебе, чтобы узнать, что ты собираешься сделать с ними.

КИРИ. Дорогие мои, сейчас очень жарко, чтобы по десяти раз повторять одно и то же. Тем не менее повторяю вам в одиннадцатый — жемчуг должен быть доставлен в мой вигвам, а когда мы накопим пятьсот пудов, за ним приедет англичанин и заберет его.

2-й ТУЗЕМЕЦ. Кири! Народ не хочет отдавать англичанину жемчуг.

КИРИ. Тем не менее жемчуг придется отдать. Сизи получил за него уплату полностью и выдал англичанину бумагу.

3-й ТУЗЕМЕЦ. Кири, ты знаешь, о чем болтал народ сегодня в бухте во время ловли?

ЛИККИ (*сквозь зубы*). Поболтал бы он при Сизи...

1-й ТУЗЕМЕЦ. Что ты говоришь, телохранитель?

ЛИККИ. Нет, ничего. Это я напеваю романс.

КИРИ. Полководец, вредно петь на жаре.

ЛИККИ. Я молчу, молчу.

КИРИ. Что же он болтал?

3-й ТУЗЕМЕЦ. Он болтал о том, что наш Кири, боги да продлят его жизнь, поступает плохо, настаивая на выдаче жемчуга англичанам.

КИРИ. Дорогие, вы понимаете туземный язык? Англичанин приедет с пушками, а бумагу подписал я.

1-й ТУЗЕМЕЦ. Кири, друг народа, поступил легкомысленно, подписав бумагу.

КИРИ. Не находишь ли ты, дорогой мой, что простому туземцу неудобно таким образом отзываться о правителе острова?

1-й ТУЗЕМЕЦ. Я говорил любя.

КИРИ. А я вам, любя, говорю, чтоб вас... боги хранили, что жемчуг должен быть доставлен сюда.

2-й ТУЗЕМЕЦ. Туземный народ не сделает этого.

КИРИ. А я говорю, что сделает.

ТУЗЕМЦЫ. Нет, не сделает.

КИРИ. Нет, сделает.

ТУЗЕМЦЫ. Нет, не сделает.

КИРИ. Тохонга!

ТОХОНГА. Чего изволите?

КИРИ. Дай мне огненной воды! (*Пьет, кричит.*) Сделает!..

1-й ТУЗЕМЕЦ. Кири, если ты будешь кричать так страшно, у тебя может лопнуть жила на шее.

КИРИ. Нет, я больше не в силах разговаривать с вами. Тогда придется мне поступить иначе. Полководец! Потрудись принять меры, чтобы жемчужный улов был доставлен сюда сейчас же. Я ухожу и раскинусь на циновках, чтобы мои истомленные члены отдохнули хоть немного.

ЛИККИ. Стало быть, ты передаешь это дело мне?

КИРИ. Да. (*Скрывается.*)

ЛИККИ. Слушаю-с! (*Начал засучивать рукава.*)

1-й ТУЗЕМЕЦ. Что ты собираешься делать, храбрый начальник?

ЛИККИ. Я собираюсь дать тебе в зубы и для того засучиваю рукава.

1-й ТУЗЕМЕЦ. Верить ли мне моим ушам? Дорогие, вы слышали? Он собирается мне дать в зубы! Мне, свободному туземцу... он — начальник нашей гвардии... дает в зубы...

2-й ТУЗЕМЕЦ.
3-й ТУЗЕМЕЦ. } Эге-ге! Хе-хе!

Ликки дает в зубы 1-му. 2-й и 3-й туземцы садятся в ужасе на землю.

ЛИККИ. Будет жемчуг! Будет! Будет!

2-й ТУЗЕМЕЦ.
3-й ТУЗЕМЕЦ. } Караул!

ЛИККИ. Позвать сюда стражу!

ТОХОНГА. Эй!..

Вбегают арапы.

ЛИККИ. Взять этих негодяев в подвал!

2-й ТУЗЕМЕЦ.
3-й ТУЗЕМЕЦ. } Как? Нас?

Страшный шум за сценой, показывается толпа туземцев. Сзади – Кай-Кум и Фарра-Тете.

ТУЗЕМЦЫ. Пустите, пустите-ка нас! Кири! Где Кири!

ТОХОНГА. Стой, стой! Куда вы? Куда?

ЛИККИ. Назад. Как вы смеете лезть непрошенные в вигвам повелителя?

4-й ТУЗЕМЕЦ. Нет, Ликки, ты это брось. Кончились вигвамы! Друзья, сюда.

2-й ТУЗЕМЕЦ.
3-й ТУЗЕМЕЦ. } Караул...

1-й ТУЗЕМЕЦ. Друзья, вы знаете, что произошло... Он... он...

ЛИККИ. Опять с жемчугом? Я вам покажу, как не слушаться законного и вами самими избранного повелителя! Эй!

4-й ТУЗЕМЕЦ. Нет, тут дело не в жемчуге. Произошли более интересные события. Где Кири?

ТУЗЕМЦЫ. Кири! Кири!

ЛИККИ. Да что такое, черт возьми! Прекратить гвалт! Эй, Тохонга! Оттесни их!

4-й ТУЗЕМЕЦ. Ну, нечего, нечего...

ТУЗЕМЦЫ. Кири! Кири!

КИРИ (*выходит*). В чем дело?

ТУЗЕМЦЫ (*взволнованно*). Вот он! Вот он! Вот он! А-а!

КИРИ. Да, я – вот он. Здравствуйте, дорогие друзья. Как вас много. Прелесть.

4-й ТУЗЕМЕЦ. Мы принесли тебе новость, Кири. Да.

КИРИ. Друзья мои, я уже выслушал сегодня одну новость. Кроме того, я хочу спать. Но все-таки, в чем дело?

4-й ТУЗЕМЕЦ. Сегодня, когда вторая партия ловцов бросилась в бухте в воду, чтобы таскать жемчуг, как ты полагаешь, Кири, что они вытащили, кроме жемчуга?

КИРИ. Очень интересно! Крабов, наверно, или паршивенькое ожерелье.

4-й ТУЗЕМЕЦ. Нет, Кири. Мы вытащили не крабов! Мы вытащили двух изнемогающих людей... Смотри. Друзья мои, раздвиньтесь.

Туземцы раздвигаются, и выходят Кай и Фарра. Наступает полное молчание.

КИРИ (*падая с трона*). Черт возьми!

ЛИККИ. Теперь будет игра!

КАЙ. Здравствуй, Кири! Ты узнаешь нас?

КИРИ (*всматриваясь*). Нет... гм... нет, не узнаю.

ФАРРА. Ах, подлец, подлец!

КИРИ. Как вы смеете так говорить с правителем? (*Ликки, тихо.*) Готовь гвардию, сейчас будет скандал.

ЛИККИ. Я знаю, уже знаю. Тохонга! Тохонга!

КАЙ (*преградив ему дорогу*). Постой, постой! Назад, приятель.

ФАРРА. Так не узнаешь?

КИРИ. Лицо знакомое... но не вспомню, где я видел вашу честную открытую физиономию и идеологические глаза... Уж не во сне ли?

ФАРРА. Прохвост! Ты видел нас в последний раз на этом самом месте в день суда над нами у Сизи-Бузи. (*Ликки.*) И ты тоже, палач!

ЛИККИ. Да я ничуть не отказываюсь, я вас сразу узнал, смутьяны!

КИРИ. Ба! Да где же были мои глаза? Нет, право, мне нужно завести очки, я становлюсь близорук. Ведь это же Кай и Фарра-Тете. Вы спаслись. О, какое счастье! Хвала бессмертным богам!

КАЙ. Сукин сын!

КИРИ. Я не понимаю тебя, миленький Кай-Кум. Что ты, господь с тобою! Неужели ты забыл, как мы с тобою томились в подземелье? Вот здесь, где сейчас стоят твои честные ноги?

КАЙ. А вы, ослепленные, темные люди! Кого же вы избрали себе в правители?

КИРИ. Да, кого?! Вот в чем вопрос, как воскликнул великий Гамлет... Ликки, готовь стрелы!

ЛИККИ. Не тяни, лучше сразу начинать драку. Тохонга, Тохонга... Копье мне давай!

КАЙ. Кого?! Прохвоста, которого мир еще не видел со дня основания его великими богами. Провокатора, подлеца и проходимца. Братья! Вот этот негодяй, изукрасивший себя вашими перьями, сам на этом месте прочитал нам смертный приговор. Он, понимаете, этот бесчестный мерзавец, обманул нас и вас тогда у маисовых кустов, прикинувшись другом народа и революционером. Он царский Сизин жандарм!

КИРИ. Ой, ой... что это будет?!

ТУЗЕМЦЫ. Предатель!

КАЙ. Смерть ему!

ФАРРА. Смерть ему и гнусному душителю Ликки-Тикки!

ЛИККИ. Ну нет! Полегче, я, брат, так не дамся.

1-й ТУЗЕМЕЦ.
4-й ТУЗЕМЕЦ. } Смерть им!

КАЙ. Сдавайся, мерзавец!

ТУЗЕМЦЫ. Сдавайся!

ЛИККИ. Гвардия, вперед!

Дирижер дает знак — слышна труба.
Арапы с копьями выбегают на сцену, суета.

КАЙ. Братья туземцы! К оружию! К оружию!

ТУЗЕМЦЫ (*разбегаются с криками*). К оружию!

ЛИККИ. Видал, друг народа? Тохонга, запереть ворота! Гвардия, стройся!

Арапы бросаются к частоколу.

КИРИ. Голубчик, Ликки, отбей их, красавец, чтобы мы успели убежать к пирогам. К оружию, мои верные гвардейцы! (*Бросается к вигваму и выбегает со своим чемоданом.*)

ЛИККИ. Чемодан, по-твоему, оружие? Изволь идти вперед, к частоколу! Личным мужеством ты должен показать пример гвардейцам!

КИРИ. Я лучше отсюда покажу им пример личного му... господи, как они воют... из вигвама...

ЛИККИ. Жалкий трус... ты причина...

ТУЗЕМЦЫ (*за сценой*). Сюда, товарищи, сюда! Смерть предателю Кири-Куки, награда за его голову!

КИРИ. Ты слышишь, что они кричат? Ой, ужас, ужас, ужас!

ЛИККИ. Ну валяйся здесь, презренная тварь! Тохонга, ворота заперты?

ТОХОНГА. Так точно, генерал.

ЛИККИ. Гвардия, по наступающим туземцам залпами...

1-й туземец внезапно показывается над частоколом.

Огонь!

Арапы пускают стрелы.

1-й ТУЗЕМЕЦ (*со стрелой в груди*). Я умираю! (*Исчезает за частоколом.*)

С громом вылетает стекло в вигваме Кири.

КИРИ. Ой, что это?

ЛИККИ. Это первый подарок тебе, друг народа. Камнем в окно. Арапы, не трусь! Огонь! (*Кири тихо.*) Негодяй, не смей обнаруживать своей трусости перед гвардией.

КИРИ. Милый Ликки, я ведь не специалист по военным делам. Теперь твоя очередь. А я пойду в вигвам и обдумаю план дальнейших действий. Тем более что доктор мне строжайше запретил волноваться.

ТУЗЕМЦЫ (*за сценой*). Ура!

На сцену влетает туча туземцевых стрел.

1-й АРАП. Ах, я умираю!

ЛИККИ. Ободри гвардию каким-нибудь вступительным словом.

Вылетает второе стекло.

КИРИ. Гвардия! Спасайся, кто может! (*Открывает чемодан, прячется в него и в чемодане ползком уезжает.*)

ЛИККИ. Подлец!

Летят стрелы.

Занавес

Конец второго акта

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Богатая гостиная лорда Гленарвана, обставленная во вкусе 60-х годов. Вечер. Рядом с гостиной набережная.

ЛЕДИ. Попочка, ты помнишь свой остров?

Попугай вздувает перья.

ЛЕДИ. Попочка, на острове лучше? А? Лучше? Хочешь опять на свой остров?
ПОПУГАЙ. Куа...
ЛОРД. Кстати, об острове. Прелестную покупку мы все-таки сделали с вами, уважаемый сэр. Не правда ли?

ПАГАНЕЛЬ. Очаровательную...
ЛЕДИ. Ах, у меня до сих пор перед глазами этот удивительный жемчуг... Когда мы поедем за ним? Я жду не дождусь.
ЛОРД. Через месяц...
ЛЕДИ. Попочка, через месяц, слышишь? Мы поедем с тобою... Ты опять увидишь родной берег... Ах, как бы я хотела знать, что там происходит теперь! О, далекий, таинственный остров... он сверкает, как белый кусок сахару на синем шелковом океане. Вы помните, господа, волны с гребешками?
ЛОРД. Превосходно помню.
ПАСПАРТУ. Отличнейшие волны, ваше сиятельство.
ЛОРД. Паспарту, выйди, твоим мнением никто из джентльменов не интересуется.
ПАСПАРТУ. Слушаю, ваше сиятельство.
ЛЕДИ (*мечтательно*). А у нас все-таки ужасно скучно... Душа моя томится... Мне хочется каких-нибудь неожиданных приключений...
ЛОРД. Терпеть не могу неожиданностей.

Резкий колокольчик.

ЛЕДИ. Бетси! Откройте!
БЕТСИ (*пробегает открывать, потом возвращается и пятится задом в ужасе*). Ах!
ЛОРД. Что такое?
БЕТСИ. Там... там...
ЛЕДИ. Бетси... Я совершенно не понимаю этих фокусов! Что такое?
ГАТТЕРАС. Что за дьявольщина! Посмотрю.

Появляется изумленный Паспарту.
Дверь открывается, и входят Ликки, Кири и Тохонга. У Кири в руках его чемодан, а лицо перевязано, как при зубной боли. Ликки хромает.

КИРИ. Бон суар[1], ваше сиятельство.
ЛОРД. Что это означает? Кто вы такой?
КИРИ. Вы видите перед собою, лорд, злосчастного Кири-Куки с острова.
ЛЕДИ. Это он!
ПАГАНЕЛЬ. Клянусь площадью Этуали, это дикие!
КИРИ. Точно так, мсье Паганель. А вот это мужественный полководец Ликки и адъютант его Тохонга.
ЛОРД. Позвольте узнать, чему я обязан?
БЕТСИ. Боже мой! Кто это такие, Паспарту?
ПАСПАРТУ. Молчи, сейчас узнаешь.
КИРИ. Кхе... вот сидели, сидели на острове... Соскучились... Дай, думаем, проедемся в Европу, навестим нашего лорда. Погода, кстати, отменная. Взяли пироги и поехали. По морям...

Лорд поражен.

ПАГАНЕЛЬ. Черт! Дикие делают визит.
ЛЕДИ. Помните, я еще на острове говорила, что он необыкновенно галантен. Это бесконечно мило. Пожалуйста, садитесь.
КИРИ. Мерси... Садись, Тохонга, лорд добрый...
ЛЕДИ. Что это у вас такое?
КИРИ. Ушибся.
ЛЕДИ. Бедненький! Обо что?
КИРИ. Об вулкан, многоуважаемая леди.
ЛЕДИ. Неужели? Вы, наверное, пили огненную воду?
КИРИ. Эх, ваше сиятельство. Какое тут питье...
ЛОРД. Мне, конечно, очень приятно, что вы приехали ко мне с визитом, но я все-таки полагал, что вы будете сидеть на вашем острове и добывать жемчуг.
КИРИ. Ах, ваше сиятельство!..
ЛЕДИ. Как поживает добрый толстяк царь? Я забыла его имя.
КИРИ. Имя... А, да. Как же, Сизи-Бузи, сударыня... Как же... Кланялся, видите ли, сударыня...
ЛИККИ (*тихо*). Да не тяни ты, чертов врун!
КИРИ. Видите ли, сударыня, он приказал долго жить.
ПАГАНЕЛЬ. Как приказал долго? Он умер немного?
ЛИККИ. Какое там немного! Начисто старик помер.
КИРИ. Ах, ваше сиятельство...
ЛОРД. Да что случилось? Расскажете вы, наконец?!
КИРИ. Ужас. Ужас. Ужас. Но позвольте уже тогда, дорогой лорд, все изложить по порядку.
ЛОРД. Я жду.
КИРИ. Случилось несчастье, дорогой лорд.
ЛЕДИ. Ах!
КИРИ. Вулкан вы изволили заметить, когда были у нас на острове?
ЛОРД. Не помню.
КИРИ. Как же, ваше сиятельство, громаднейший вулкан. Вот так вигвам царский, а сзади него вулкан — невероятных размеров — Муанганам.
ЛОРД. Ну-с?
КИРИ. Колоссальнейший... Вверху дыра.
ЛОРД. К черту эти подробности!
КИРИ. Да... так, стало быть, вулкан... Охо-хо.
ВСЕ. Ну?..

[1] Bonsoir.— Добрый вечер. (*Франц.*)

ГАТТЕРАС. Ты что, визитер, издеваешься, что ли?.. Позвольте, дорогой лорд, я его по затылку трахну, чтобы из него слова скорее выскакивали.

ЛИККИ. Рассказывай, черт!

КИРИ. Ах, я так волнуюсь... Так вот, вигвам, то бишь вулкан... Ужас! Ужас! Ужас! И вот в одну прекрасную ночь произошло величайшее извержение, ваше сиятельство, и вигвам повелителя затопило лавою.

ЛЕДИ. Ах, как интересно!

КИРИ. Таким образом, повелитель наш Сизи-Бузи погиб.

ЛОРД. Понял. Кто же теперь управляет островом?

КИРИ. Увы. Вы видите перед собою, лорд, злосчастного повелителя Багрового острова Кири-Куки Первого.

ЛЕДИ. Как, вы царь? О, как интересно!

ЛОРД. О, но почему же вы приехали сюда, в Европу?

КИРИ. Увы, ваше сиятельство. Мне теперь нельзя даже показываться на острове!

ЛИККИ. Тем более, что там чума.

ВСЕ. Как чума?

КИРИ. Ужас! Ужас! Двое бродяг, Кай-Кум и Фарра-Тете, подстрекнули туземные полчища к бунту. Подавляющие несметные орды взбунтовавшихся рабов атаковали вигвам, и мы еле спаслись с оставшейся гвардией. Ужас. Ужас.

ЛОРД. Ах, черт возьми! В чьих же руках теперь остров?

КИРИ. В руках злодеев – Кай-Кума и Фарра-Тете.

ЛОРД. Как? Хорошенькую покупку мы сделали, дорогой сэр!

ПАГАНЕЛЬ. Я совершенно потрясен. Но, позвольте, они же отдадут нам жемчуг?

КИРИ. Увы, дорогие джентльмены! Из-за этого все началось. Туземцы заявили, что не отдадут жемчуг ни за что.

ЛЕДИ. Как? Этот жемчуг. За который мы заплатили деньги? Лорд! Вы не допустите этого. Их нужно наказать.

ЛОРД. О да.

ПАГАНЕЛЬ. О нет! Я не согласен. Это называется разбой на... как это... большой дороге...

ЛОРД. Где же ваша гвардия?

КИРИ. Здесь, ваше сиятельство!

ЛИККИ. Ребята, входите!

Через все окна и двери вламываются арапы с копьями и щитами. Леди и Бетси с визгом бросаются в стороны.

ЛОРД.
ПАГАНЕЛЬ.
ГАТТЕРАС. } О, черт возьми!

ЛИККИ. Смир-на!

ПАГАНЕЛЬ. О, черт возьми!

ЛОРД. И это вы ко мне приехали?

АРАПЫ (*оглушительно*). Так точно, ваше сиятельство!

ЛОРД (*в ужасе*). Спасибо.

АРАПЫ. Рады стараться, ваше сиятельство!..

ЛЕДИ. О, боже, как они кричат!

ЛОРД. Пусть не...

ЛИККИ. Мол-чать!

АРАПЫ. Молчим, ваше сиятельство!

КИРИ. Вот, дорогой лорд! И это все, что мне осталось, как дивный, чудный сон! Ужас!

ЛОРД (*очнувшись*). Извольте объяснить, ваше величество, на сколько времени приехала эта орава... то есть гвардия?

ЛИККИ. Насовсем...

ЛОРД.
ПАГАНЕЛЬ. } Что?!

ГАТТЕРАС. Ах, чтоб тебя!

КИРИ. Виноват, лорд, виноват. Не торопись, мужественный военачальник. Нет, дорогой лорд, мы прибыли только временно, в надежде, что вы окажете нам военную и материальную помощь к тому, чтобы вернуться на остров.

ЛОРД. Ах, понял. В таком случае, поезжайте сейчас. Капитан!

КИРИ. Увы и увы! Как я уже имел честь доложить, лорд, на острове сейчас чума. И пока она не утихнет, проникнуть на него нечего и думать.

ЛОРД. Час от часу не легче.

ПАГАНЕЛЬ. Пест?[1]

КИРИ. Уи. Пест. На острове горы трупов после наших битв с туземцами и от разложения вышеупомянутых трупов произошла зловредная чума.

ЛОРД. Но позвольте! Кто же будет содержать всю эту компанию? У вас есть деньги? Провизия?

КИРИ. Ах, ах, ах. Какая тут провизия, лорд. Спасибо нужно сказать богам, что хоть ноги-то мы унесли.

ЛОРД. Как, выходит, что я должен кормить всю вашу банду? Выгодную сделку мы учинили, мсье Паганель!

ПАГАНЕЛЬ. О да.

КИРИ. Дорогой лорд. Я взываю к лучшим чувствам вашим! К чувствам человека и гражданина. А кроме того, уважаемый лорд, я уверяю вас, что вы ничего не получите с острова, если какая-нибудь сила не водворит нас вновь на него.

ЛОРД (*Паганелю*). Что вы скажете по этому поводу, мсье Паганель?

ПАГАНЕЛЬ (*интимно*). Арапский царь имеет резон. Придется принять всю эту компанию и содержать. Но когда их чума кончится, вы посылайте корабль на остров, водворяйте этого Кири-Куки. Он очень смышленый арап, и весь жемчуг мы получим. Клянусь Комической оперой, иного выхода нет.

ГАТТЕРАС. Я готов поставить вашингтонский доллар против польской марки, что французский джентльмен прав!

ЛОРД. Кормить пополам!

ПАГАНЕЛЬ. Согласен.

ЛОРД. Ес. Вашу руку.

ПАГАНЕЛЬ. Кроме того, мы можем заставить их работать здесь, чтобы они не ели даром хлеб.

ЛОРД. Ес. Вы очень умны. Итак: я принимаю всю эту компанию.

КИРИ. О, благородное сердце! Там на небе вы получите награду, сэр, за вашу добродетель. Верные гвардейцы! Лорд принимает нас!

АРАПЫ. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство!

ЛОРД. Тише. Без крику. Но объявляю вам, что вы будете здесь работать и вести себя прилично. Прежде всего, потрудитесь сложить ваше оружие.

[1] Peste? – Чума? (*Франц.*)

ЛИККИ. Как?

ЛЕДИ. О да! О да! Эдвард, я ни одной минуты не буду спокойна, пока они с этими ужасными длинными копьями!

ЛИККИ. Кири! Ты слышишь? Он хочет отнять у нас оружие. Позвольте доложить, ваше сиятельство, что так невозможно. Посудите сами, какая же, к дьяволу, это будет гвардия, ежели у нее оружие отобрать. Как же это, спрашивается, мы будем остров покорять?

КИРИ. Не спорь, пожалуйста.

ЛИККИ. Да что ты, смеешься?

ГАТТЕРАС. Эге-ге... ваше сиятельство... Молчать!

Ропот арапов.

ЛОРД. Капитан, дать сюда матросов!

ТОХОНГА. Вот так дружеский визит!

ПОПУГАЙ. Дай ему, дай!

Дирижер внезапно появляется за пультом. В оркестре вспыхивает свет.

ГАТТЕРАС. Вызвать сюда команду! Сию секунду, лорд.

В оркестре трубы, потом марш... Слышен мерный топот.

ЛЕДИ. Эдвард! Эдвард! Я убедительно прошу не стрелять. Только не стрелять! Это ужасно. Бетси! Бетси! Где мой одеколон?

БЕТСИ. Сию минуту, леди.

КИРИ. Братцы, покоритесь! Что вы делаете?

ЛИККИ (*Кири*). Ну, так сам ты, черт, остров покоряй с армией без копий!

Распахиваются стены, и появляются шеренги вооруженных матросов.

ТОХОНГА. Вот это приехали в гости! Сила ломит и соломушку! Бросайте, дорогие ситуайены[1], копья.

АРАПЫ. Э... хе... хе...

ГАТТЕРАС. Раз!

Звук трубы.

ЛЕДИ. Умоляю не стрелять!

ПАГАНЕЛЬ. Европа не любит бунт. Бросайте ваше оружие. Или мы паф... паф... будем делать...

ГАТТЕРАС. Два!

Арапы бросают копья.

ПАГАНЕЛЬ. Отлично.

ЛЕДИ. Слава богу!

ЛОРД. Ну нет, полководец, за то, что вы устроили скандал сразу же, как приехали, вы понесете наказание. Целую неделю будете без горячей пищи и получать только один рис.

Арапы издают стон.

А вам, полководец, за то, что вы позволили себе противоречить, объявляю наказание. Взять их всех на работу в каменоломни на все время, пока они будут здесь.

ЛИККИ. Ваше превосходительство! За что же? (*Кири.*) Ну, спасибо тебе, черт махровый!

КИРИ. Я тебе говорил, чтобы ты не протестовал.

[1] Citoyen. – Гражданин. (*Франц.*)

Двое матросов уводят Ликки.

ГАТТЕРАС. А теперь вы, пожалуйте. Марш!

Матросы конвоируют арапов.

ТОХОНГА. Так нам, дуракам, и надо.
ПОПУГАЙ. Так вам, дуракам, и надо!
КИРИ. Совершенно правильно изволили поступить, ваше сиятельство. Ежели их в страхе божием не держать...
ЛОРД. Вы сознательный правитель. Я теперь вижу.
ПАГАНЕЛЬ. О, он понимает. Этот белый арап.
КИРИ. Ваше сиятельство! Как же мне не понимать! Слава богу, побывал в Европах.
ЛОРД. Вы остаетесь у меня жить. Будете мой гость.
КИРИ. Очень приятно, очень приятно. (*Паспарту.*) Рюмочку коньяку!
ПАСПАРТУ. Сейчас. (*Подает.*)
КИРИ. Вотр сантэ, мадам![1] Итак, позвольте провозгласить тост. За здоровье его сиятельства лорда Эдварда Гленарвана, а равно также его очаровательной супруги!
ЛЕДИ. Право, он изумительно галантен! Бетси, дайте мне носовой платок. Бетси! Ах, до чего вы невнимательны!
БЕТСИ (*про себя*). Вот ломака! (*Вслух.*) Извольте, леди.
КИРИ. За покорение острова и благополучное возвращение лорду Гленарвану и мсье Паганелю затраченных ими средств! Ура!
ПАГАНЕЛЬ. Дикарь, право, мог бы быть дипломатом. Сэр, клянусь Пале-Роялем, вам нужно сказать ответный тост.
ЛОРД. Ес. (*Дает знак оркестру.*) Я пью за благополучное возвращение на остров его законного повелителя Кири-Куки Первого.
КИРИ (*восторженно*). Ура!
ПОПУГАЙ. Ура! Ура! Ура!

Музыка.
Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер в доме лорда Гленарвана. Бетси вытирает чашки у буфета. Кири (в европейском костюме) подкрадывается и закрывает Бетси глаза ладонями.

БЕТСИ. Ах! (*Роняет и разбивает чашку.*)
КИРИ. Угадай, милочка, кто?
БЕТСИ (*вырываясь*). Не трудно угадать автора глупой шутки. Извольте оставить меня, сударь.
КИРИ. Милочка, ты нисколько не ошибешься, если будешь называть меня «ваше величество».
БЕТСИ. Ваше величество! Не хватайте меня руками.
КИРИ. Тише ты!
БЕТСИ. Не хочу тише. Я нарочно крикну, чтобы услышала леди.
КИРИ. Тише!
БЕТСИ. Мне надоели ваши приставания, сэр с острова! И кроме того, кто будет отвечать за разбитую чашку леди?
КИРИ. За чашку будешь отвечать ты.

[1] Votre santé, madame! – Ваше здоровье, мадам! (*Франц.*)

БЕТСИ. Как?..
КИРИ. Чему же ты удивляешься? Ведь ты же хлопнула ее!
БЕТСИ. Ну знаете, сэр, вы такой подлец!
КИРИ. Как ты смеешь? Ты забыла, с кем разговариваешь, Бетси...
БЕТСИ. Нет, я не забыла... Мне кажется, что я разговариваю с подозрительным проходимцем.
КИРИ. Ах вот как! Повелителю Багрового острова такие слова... Ну, ты поплатишься мне за это, моя дорогая кошечка.
БЕТСИ. Я не боюсь вас. И мало того, что не боюсь, но еще и презираю! Сами вы живете у лорда в отличных условиях, в то время как ваши товарищи томятся в каменоломнях. Вы поступили подло... Прочь от меня, негодяй...
КИРИ. Постой, постой, постой!..
ЛЕДИ (*входит внезапно*). Ах!
КИРИ. Кхм... На чем, бишь, я остановился? Да, на разбитой чашке... Напрасно вы убегаете, дорогая Бетси, стараясь скрыть свое преступление. Это очень нехорошо! Бить посуду нельзя...
БЕТСИ. О, подлый человек!
ЛЕДИ. Что означает эта сцена, ваше величество? Вы гоняетесь за горничными?
КИРИ. Простите, уважаемая леди, эта милая фамм де шамбр[1] раскокала одну из ваших чашек, а когда я хотел ее уличить в этом, бросилась от меня бежать...
ЛЕДИ. Как? Мою чашку? Любимую чашку?.. Голубую чашку Марии-Антуанетты?.. О!..

БЕТСИ. Сударыня!..
ЛЕДИ. Не смейте перебивать меня! Ваше поведение нестерпимо! Вы только и делаете, что все бьете и ломаете!
БЕТСИ. Сударыня, позвольте...
ЛЕДИ. Нет. Она еще разговаривает. Она еще расстраивает меня. Это чудовище. Где мой флакон с нюхательной солью?.. Ах...
КИРИ. Бетси, как вам не стыдно. Вы расстраиваете вашу добрую хозяйку. Ужас, ужас, ужас!
БЕТСИ. Знаете, сэр, вы такой подлец...
КИРИ. Вы видите, леди?
ЛЕДИ. Чаша моего терпения переполнилась. Довольно. Я не могу терпеть больше в доме грубиянку. Вон! Сейчас же вон! Вот ваш паспорт. Вам следует десять шиллингов. За разбитую чашку я вычитаю с вас десять шиллингов. Следовательно, вам причитается... Сэр, сколько ей причитается?
КИРИ. Сию минуту. Ноль из нуля – ноль. Единица из единицы – ноль... Ноль плюс ноль – ноль. Ничего не причитается, леди.
ЛЕДИ. Вон!
БЕТСИ. Спасибо. Спасибо. (*Выходит, рыдая.*)

Входят Паганель, лорд и Гаттерас.

СУФЛЕР (*зычно*). Прекрасная погода.
ПАГАНЕЛЬ. Прекрасная погода, леди. И я беру на себя смелость предложить небольшую прогулку в экипаже.
ЛЕДИ. Я с удовольствием. Тем более что я сегодня расстроилась очень. Я прогнала мою горничную Бетси, лорд... Она стала совершенно нестерпима.

[1] Femme de chambre. – Горничная. (*Франц.*)

ЛОРД. Ну что же, дорогая, найдем другую.
ЛЕДИ. А вашему величеству угодно?
КИРИ. Авек плезир, мадам[1]. Вашу руку...
ЛОРД. Паспарту! Вели подавать лошадей. Мы прокатимся при лунном свете по эспланаде.
ПАСПАРТУ. Слушаю, сэр.

Все уходят. Сцена некоторое время пуста. Слышно, как глухо на эспланаде играет оркестр. Появляется Бетси. Она с узелком.

БЕТСИ. Ну, вот мой узелок со мной. Куда же пойду? Куда я денусь? Прощай, замок! Злая госпожа выгнала меня. Одно остается мне – пойти и броситься с набережной в океан...
ТОХОНГА (*внезапно появился в окне*). Бетси! Бетси!
БЕТСИ. Ах, боже мой! Это ты, Тохонга?
ТОХОНГА. Я, моя дорогая, я. (*Влезает в окно.*) Ты одна?
БЕТСИ (*печально*). Одна.
ТОХОНГА (*обнимая ее*). О, моя золотая Бетси! Но что это? Твое лицо в слезах? Ты плакала? Что с тобою, моя дорогая?
БЕТСИ. Ах, Тохонга, леди Гленарван выгнала меня сейчас из дому, сейчас я должна покинуть замок.
ТОХОНГА. Как? Совсем?
БЕТСИ. Да, совсем. Мне некуда деться.
ТОХОНГА. За что?
БЕТСИ. Этот Кири-Куки давно уже преследует меня своими ухаживаниями. Сегодня он обнял меня, а я разбила чашку, и вот...
ТОХОНГА. О, какой подлец! Ну, подожди же, друг туземцев! Погоди, мерзкий плут, увлекший нас в лордовы каменоломни! Придет для тебя час расплаты!
БЕТСИ. Бедный Тохонга. Теперь некому уже кормить тебя хлебом. Ты будешь томиться в каменоломне... до тех пор, пока вас не повезут на остров сражаться с туземцами. И там, быть может, сложишь свою голову, а я... я... найду себе приют в волнах океана.
ТОХОНГА. Не говори так, дорогая. Все, что ни делается, всегда к лучшему. Хвала богам! Слушай, мы одни?
БЕТСИ. Да, никого дома нет.
ТОХОНГА. Ты любишь меня?
БЕТСИ. Да, я люблю тебя, Тохонга.
ТОХОНГА. О! (*Обнимает.*) Слушай, моя возлюбленная. Ты согласилась бы разделить со мною трудную участь?
БЕТСИ. О да.
ТОХОНГА. Так вот что. Бежим со мною на остров.
БЕТСИ. Но как же... я не понимаю...
ТОХОНГА. Я больше не в силах голодать под бичами Гленарвановых надсмотрщиков в каменоломнях. И в последнее время у меня созрел план. Я присмотрел великолепную моторную лодку на набережной. Когда закатится луна и ночь станет черной, я отобью замок и выйду в море. Лучше в миллион раз рисковать переходом океана в утлой скорлупе, нежели влачить здесь жизнь раба.
БЕТСИ. Но ведь туземцы убьют тебя!
ТОХОНГА. Нет, я уверен, что они меня не тронут. Это добрый народ, а я виноват перед ним только в одном, что шел против него, когда служил в гвардии. Но ведь я был слеп. А теперь, когда я сам попробовал на своей шкуре, что значит рабство, я все по-

[1] Avec plaisir, madame. – С удовольствием, мадам. (*Франц.*)

няп... Я покаюсь в своих грехах перед туземцами, они простят меня. Мы построим вигвам, я возьму тебя в жены, и мы славно заживем на моей родине, где нет ни каменоломен, ни леди Гленарван.

БЕТСИ. Ах, Тохонга. Мне страшно... ведь остров мне чужой.

ТОХОНГА. О, ты быстро привыкнешь. Какое солнце там, какое небо! Там всю ночь океан шуршит и плещется. Там так тепло, что ночью можно спать на голой земле... Бетси! Бежим! Бетси! Бежим!

БЕТСИ. Я согласна.

ТОХОНГА. О, моя прелесть! (*Обнимает.*)

ЛИККИ (*оборванный и страшный внезапно появляется в окне*). Где этот паровой катер?

БЕТСИ. Ах!

ТОХОНГА. Нас подслушали! Кто это? Кто? Ах, боги! Это Ликки-Тикки. Ты подслушал нас?

ЛИККИ. Конечно.

ТОХОНГА (*выхватив нож*). Так умри же! Ты не унесешь из этой комнаты моей тайны и не помешаешь побегу! (*Бросается с ножом на Ликки.*)

БЕТСИ. Тохонга! Опомнись, что ты делаешь?!

ТОХОНГА. Не мешай. Он погубит нас.

ЛИККИ (*вырвав нож*). Да поди ты к дьяволу со своим ножом. Барышня! Уймите вашего жениха.

ТОХОНГА. Что тебе нужно от нас, храбрый Ликки?

ЛИККИ. Прежде всего мне нужно, чтобы ты не был идиотом. Сядь, чтоб тебе пусто было!

ТОХОНГА. Неужели ты предатель, Ликки? О, все погибло!

ЛИККИ. Нет, он положительно осатанел. Сядешь ты или нет? Молчать!.. Сядешь? Сидеть, когда тебе говорят!

БЕТСИ. Что вы хотите сделать с ним? Я закричу!

ЛИККИ. Ну, теперь вы еще. Молчать! Сидеть! Пардон, барышня.

Тохонга и Бетси в ужасе садятся.

Отвечай, где катер?

БЕТСИ. Ответь, ответь ему, Тохонга!

ТОХОНГА. Но только если ты, Ликки...

ЛИККИ. Молчать, когда с тобою разговаривают!.. Где катер?

ТОХОНГА. Под окном.

ЛИККИ. Так. Дрова есть?

ТОХОНГА. Хватит.

ЛИККИ. Ты свинья!

БЕТСИ. За что вы оскорбляете его?

ЛИККИ. За то, что он не подумал о других. О том, что вместе с ним томится в каменоломне его непосредственный начальник и друг, не раз сражавшийся с ним плечом к плечу.

ТОХОНГА. Ликки! Если бы я знал, что ты с добрыми намерениями...

ЛИККИ. Одним словом, я еду вместе с вами.

ТОХОНГА. Ликки! (*Бросается к нему на шею.*)

ЛИККИ. Уйди ты в болото.

ТОХОНГА. Постой, Ликки! Но ты не подумал, как тебя примут туземцы.

ЛИККИ. Подумал. Не беспокойся... Итак: провизия?

ТОХОНГА. Нету, Ликки.

ЛИККИ (*выглянув в окно*). Луна уходит... Пора! (*Зажигает лампу, снимает со стола скатерть.*) Открывай буфет...

Тохонга открывает.

Что есть съестного?

ТОХОНГА. Он полон, Ликки.

ЛИККИ. Давай сюда... Впрочем, нет... Эдак мы очень долго провозимся. Запирай его.

Тохонга запирает буфет.

Лезь в окно, я буду тебе подавать.

ТОХОНГА. О, с тобою мы не пропадем, Ликки... (*Вылезает в окно.*)

ЛИККИ (*берет буфет и полностью передает его Тохонге*). Грузи в лодку... Где у лорда оружие?

БЕТСИ. В шкафу... здесь.

ЛИККИ. Так. (*Берет шкаф и передает в окно Тохонге.*) Осторожно, оружие.

БЕТСИ. Боже, какая у вас сила... Но что скажет лорд?

ЛИККИ. Молчать!.. Пардон, мадемуазель. Что он скажет?.. Он грабитель. Одна жемчужина, которую он уволок с острова, стоит дороже, чем все это барахло. Принимай. (*Бросает в окно Тохонге кресла, стол, ковер, картины.*)

БЕТСИ. Вы... вы замечательный человек.

ЛИККИ. Молч... когда с тобой... Что, бишь, еще... не забыть бы...

ПОПУГАЙ. Не забыть бы.

ЛИККИ. А, старый друг! И ты не останешься здесь. Получай, Тохонга. (*Передает Тохонге клетку с попугаем в окно.*) Не забудь захватить бочонок с пресной водой под окном.

ТОХОНГА (*за окном*). Да, да...

ЛИККИ. Пожалте, барышня. (*Берет Бетси и передает в окно.*)

БЕТСИ. Ах!

ЛИККИ. Молчать, когда с тобой разговар... Да... Теперь записку... (*Пишет записку и ножом прикалывает ее к стене.*)

В комнате не остается ни одного предмета за исключением горящей лампы на стене. Ее Ликки снимает и уходит с нею через окно.
Сцена во тьме. Слышны за сценою голоса.

БЕТСИ. Вы настолько полно нагрузили, что он может перевернуться!

ЛИККИ. Молчать... когда с тобой... садитесь, барышня, на клавиши. Вот так... Погодите, мы его перевернем... (*Грохочут струны в рояле.*) Ну, вот...

ТОХОНГА. Лампу не раздави, лампу...

ЛИККИ. Заводи...

Слышен стук машины в катере.

ПОПУГАЙ (*постепенно утихая, поет*). По морям... по морям...

Пауза.
Потом голоса в полной тьме.

ЛОРД. Почему такая тьма?

ГАТТЕРАС. Темно, как в... бочке.

ЛОРД. Паспарту, зажгите лампу.

ПАСПАРТУ. Слушаю, сэр.

Все входят.

Сэр, тут нету лампы. Ничего не понимаю.

ПАГАНЕЛЬ. Паспарту, вы немного пьяны.

ПАСПАРТУ. Мсье, я ничего не пил...

ЛЕДИ. Я боюсь натолкнуться на стул...

ГАТТЕРАС. Да принесите лампу из соседней комнаты. Кресло сквозь землю провалилось.

ПАСПАРТУ. Сию минуту. (*Входит с лампой в руке.*)

Все окоченели.

ЛОРД. Что такое?

ПАГАНЕЛЬ. Однако!

ЛЕДИ. Что это значит?

ПАСПАРТУ. Сэр, у вас в доме были мазурики...

ЛЕДИ. Бетси, Бетси!!

ГАТТЕРАС. Стой! Записка. (*Снимает записку.*)

ЛОРД. Дайте ее сюда...

КИРИ. Нож Тохонги! Это работа арапов. Ой, ой, ой! Ужас, ужас, ужас.

ЛОРД (*читает*). Спасибо за каменоломни... и за бичи... надсмотрщиков... приезжайте на остров, мы вам проломим головы... Мерзавцу Кири поклон. Ликки и Тохонга.

КИРИ. Батюшки!

ПАГАНЕЛЬ. Клянусь... не знаю даже, чем поклясться, это потрясающе!

ЛОРД. Стойте, здесь еще приписка. Черт, ничего не пойму! Через ять написано. А! Бе... Ять... Бетси и попугай всем кланяются.

ЛЕДИ. Мерзавка... Ах! Мне дурно. Дурно...

ПАГАНЕЛЬ. О, мадам, только не падайте в обморок.

ЛЕДИ. На что я упаду, спрашивается?

ГАТТЕРАС. Комната вылизана, как тарелочка языком голодного боцмана. Чтоб те сдохнуть! Я не видел более чистой работы! Ведь не на подводах же уперли они все это?! Лихие ребята, чтоб их смыло в море. Но на чем же они уехали? (*Бросается к окну.*) Сэр! Черти дали тягу в вашем катере.

ЛОРД (*остервенившись, ухватил Паспарту за горло*). Негодяй! Ты должен был смотреть! Смотреть!

ПАСПАРТУ (*с лампой*). Караул! Помогите, господин Паганель! При чем тут я?!

ПАГАНЕЛЬ. Мсье, попрошу вас выпустить моего лакея.

Паспарту исчезает, поставив лампу на пол.

ЛОРД (*бросаясь к Кири*). А вы! Спасибо вам за всю эту банду, которую вы доставили в мой дом. Я вам... я вам...

КИРИ. Дорогой лорд. Помилуйте, разве я виноват?.. Я... (*Прячется за юбку леди.*)

ЛЕДИ. Лорд, за что вы? За что? В чем же виноват его величество?

ЛОРД. Молчать! Не заступаться!

ПАГАНЕЛЬ. Дорогой лорд, успокойтесь. Необходимо взвесить положение и принять сейчас же меры.

ЛОРД. Да, вы правы. Хорошенькая покупка. Ни жемчуга, ни вещей!

КИРИ. Ваше сиятельство...

ЛОРД. Молчать! (*Кири прячется.*) Сейчас мы взвесим положение. (*Думает.*) Эй, капитан!

ГАТТЕРАС. Есть, лорд!

ЛОРД. Корабль! Команду! Всех арапов вооружить! Мы едем на остров. Я не посмотрю на чуму!

ПАГАНЕЛЬ. Совершенно правильно. Европа не может допускать разбои. Где мой саквояж? Лорд, я вас уверяю, мы вернем жемчуг и вещи.

ГАТТЕРАС. Точно так. (*Свистит в свисток.*) Команду, та-рам-та-рам-та-там...

На заднем плане показывается корабль с матросами, усеянный электрическими огнями.

ЛЕДИ. Лорд. Я поеду с вами. Я хочу видеть своими глазами, как схватят эту негодяйку и воровку Бетси.

ЛОРД. Хорошо. Одевайтесь!

Суета.

ПАСПАРТУ (*вбегает, растерян*). Лорд! Лорд! Лорд!

ЛОРД. Какая еще пакость случилась в моем замке?!

ПАСПАРТУ. Савва Лукич приехали!!

В оркестре немедленно поднимаются любопытные головы музыкантов.

СУФЛЕР (*из будки*). Геннадий Панфилыч, Савва Лукич!

МАТРОСЫ (*с корабля на мотив «Типперери»*). Савва Лукич... в вестибюле... снимает калоши!..

ЛОРД. Слышу. Слышу. Ну что же, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад... Батюшки, сцена голая! Сесть не на чем. Вернуть что-нибудь из мебели!

Паганель бросается в окно и втаскивает попугая на сцену.

ЛОРД. Ну, гражданин Жюль Верн. Того, этого... что, бишь, я хотел сказать?.. Да. Театр – это храм... Одним словом, ничего лишнего... Метелкин. Бенгальского давай!

ПАСПАРТУ. Тигра, Геннадий Панфилыч?

ЛОРД. Да не тигра, черт тебя возьми, огню бенгальского в софит!

ПАСПАРТУ. Володя! В верхний софит бенгальского красного гуще...

Сцена немедленно заливается неестественным красным светом.

ЛОРД. Метелкин! Попугай пусть что-нибудь поприятнее выкрикивает. Не очень бранись. Лозунговое что-нибудь!

ПАСПАРТУ. Слушаю, Геннадий Панфилыч. (*Прячется за попугая.*)

|Процессия в партере.|

ЛОРД. Батюшки! Наконец-то, уж мы вас ждали, ждали, ждали. Здравствуйте, драгоценнейший Савва Лукич!

САВВА (*входит*). Хе... хе... Извините, что опоздал... Дела... Заседаньице задержало. Здравствуйте, здравствуйте...

ЛОРД. Вот, позвольте рекомендовать вам, Савва Лукич, гражданин Жюль Верн... автор... страшеннейший талант... идеологическая глубина души... светлая личность! В наше время, Савва Лукич, такие авторы на вес золота. Им бы двойной гонорар нужно бы платить, по сути дела... (*Тихо Кири.*) Это я пошутил.

САВВА. Очень приятно... Какие у вас волосы странные, молодой человек...

КИРИ. Это я в гриме, Савва Лукич.

САВВА. Как, сами и играете?

ЛОРД. Точно так, Савва Лукич. Ничего не жалел для постановки. Заболел Варрава Аполлонович... и автор согласился сыграть за него. Кири – проходимец.

САВВА. Так, так... Сразу видно... Сразу... Ну что же... продолжайте, пожалуйста.

ЛОРД. Слушаю. Позвольте вам вручить экземплярик пьески...

САВВА. Какая прелесть! Попугай?

ЛОРД. Специально для этой пьесы заказал, Савва Лукич.

САВВА. И дорого дали?

ЛОРД. ...Семьсот... пятьсот пятьдесят рублей, Савва Лукич, говорящий. Ни в одном театре нету, а у нас есть!

САВВА. Скажите! Здравствуй, попка.

ПОПУГАЙ. Здравствуйте, Савва Лукич. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Рукопожатия отменяются.

САВВА (*в ужасе упал на пол, чуть не перекрестился*). Сдаюсь!

ЛОРД. Ну дурак, Метелкин! Боже, какой болван!

САВВА. Что же это такое? Ничего не понимаю... (*Заглядывает за клетку попугая.*)

Паспарту перебегает на другую сторону.

ЛОРД. Не пересаливай, Метелкин!

ПАСПАРТУ. Слушаю, Геннадий Панфилыч.

САВВА. Прелестная вещь! Буду рекомендовать всем театрам, кои в моем ведении. Итак... продолжайте... На чем вы остановились?

ЛОРД. Сейчас на необитаемый остров едем, Савва Лукич. Капиталисты мы. Взбунтовавшихся туземцев покорять. На корабле. Вам откуда угодно смотреть? Из партера? Из ложи? Или, может быть, здесь на сцене, за стаканчиком чайку?

САВВА. Нет, уж позвольте мне, старику, с вами на корабле... Хочется прокатиться на старости лет.

ЛОРД. Да милости просим. Господа! Прошу продолжать. (*Хлопает в ладоши.*)

ГАТТЕРАС. Корабль готов, лорд.

ЛОРД. Дать сюда арапов.

ГАТТЕРАС. Есть, лорд! (*Свистит.*)

Стены разламываются и появляются шеренги арапов с копьями.

ЛОРД. Здравствуйте, арапы.

АРАПЫ (*оглушительно*). Здравия желаем, ваше сиятельство!

САВВА. Очень хорошо. Еще раз можно попросить? Здравствуйте, арапы!

АРАПЫ. Здравствуйте, Савва Лукич!!

Савва Лукич потрясен.

ЛОРД. Арапы! Ваш военачальник совершил гнусную измену. Он только что ограбил мой замок и бежал на остров с целью передаться туземцам. Нужно достойно наказать его и непокорных туземцев. Во главе вас станет ваш царь Кири-Куки Первый, а я окажу помощь.

АРАПЫ. Рады стараться, ваше сиятельство!!

ЛОРД. Потрудитесь, ваше величество, показывать им пример личного мужества.

КИРИ. Слушаю-с. Ну, влопался, черт меня возьми!

ЛЕДИ. Кири, мой дорогой, не унывайте, я душою с вами, и я уверена, что вы выйдете победителем.

КИРИ. Ах, уйди ты от меня, Христа ради! Где мой чемодан?

ПАСПАРТУ. Извольте, ваше величество. Ого, какой тяжелый!

КИРИ. В нем два пуда воззваний к моему заблудшему народу.

ЛОРД. Все на корабль! Поднять трап! Пожалте, Савва Лукич. Ножку не ушибите об трап.

Все всходят на корабль. Паганель по дороге выбрасывает попугая в окно.

ЛОРД. Вперед и смерть туземцам! Смерть Ликки и Тохонге.
МАТРОСЫ. Смерть им!
ГЕТТЕРАС. Из бухты вон!

Дирижер взмахивает палочкой. Оркестр начинает «Ах, далеко нам до Типперери!». Лорд за спиною Саввы грозит дирижеру кулаками.

ДИРИЖЕР. Не продолжайте, я уже понял.

Оркестр мгновенно меняет мотив и играет: «Вышли мы все из народа...»

КИРИ. Геннадий Панфилыч, что вы! Европейские матросы не могут этого петь!
ЛОРД (*грозит ему кулаками*). Молчите, злосчастный!

Корабль начинает отходить.

САВВА (*красуясь на корабле*). Отличный финальчик третьего акта.

Занавес

Конец третьего акта

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Остров. Бывший вигвам Кири украшен красным флагом. Кай-Кум, Фарра-Тете и туземцы всматриваются в открытое море.

3-й ТУЗЕМЕЦ. Если бы я не знал, что Ликки-Тикки сейчас в Европе, я бы поклялся, что это он на корме.

4-й ТУЗЕМЕЦ. А этот на носу вылитый Тохонга...

ФАРРА. Приготовить стрелы!

КАЙ. Ей-богу... как две капли воды Ликки!

ФАРРА. Баба сидит на каком-то черном ящике.

ТУЗЕМЦЫ. И попугай... Ликки... не Ликки... Ликки... не Ликки...

КАЙ. Ликки!..

Катер входит в бухту и из него выпрыгивают Ликки, Тохонга и Бетси.

ТУЗЕМЦЫ. Ликки-Тикки!

ЛИККИ. Совершенно верно. Не нужно так орать. Молчать, когда... Что вы на меня выпятились?

КАЙ. Слушай, белый арап. Мы будем тебя судить!..

ФАРРА. Бросай оружие!

ЛИККИ. Что вы, братцы, кричите так?..

КАЙ. Руки вверх!

Ликки, Тохонга и Бетси поднимают руки вверх. Их обыскивают.

БЕТСИ. Ах, Тохонга, я боюсь. Что они сделают с нами?

ТОХОНГА. Не бойся, дорогая моя. Они поймут. Мы им сейчас все объясним. Ликки расскажет им.

ЛИККИ. Сейчас. Да отойдите от меня! Я не могу говорить, когда пятьдесят человек мне пыхтят в лицо.

КАЙ. Но если ты вздумаешь тронуть кого-нибудь из туземцев...

ЛИККИ. Молчать, когда... я все-таки не идиот, чтоб тронуть кого-нибудь из вас... Я один, а вас... пятьсот человек!

КАЙ. Зачем ты явился?

ЛИККИ. Вот я и хочу это объяснить. Где туземец, которого я треснул в зубы?

ФАРРА. Он убит твоими арапами во время осады...

ЛИККИ. Жаль. Боги да примут его в небесное лоно, и дух Вайдуа незримо да почиет на нем в селениях праведных...

КАЙ. Аминь. Аминь. Но в чем же дело? Отвечай без лукавства.

ЛИККИ. Итак, он умер. Заочно прошу у него прощения, и у вас также. Прошу прощения за то, что вследствие слепоты и недостаточного образования состоял на службе у тирана Сизи-Бузи и был в его руках... Так я говорю?

БЕТСИ. Верно, верно, храбрый Ликки! Продолжайте!

ТОХОНГА. Продолжай, Ликки. Они поймут.

ЛИККИ. Был орудием угнетения. Я не отдавал себе отчета в том, что я делал... Во-вторых... Что, бишь, во-вторых? Прошу у туземного народа прощения за то, что, будучи... обманут проходимцем Кири-Куки, пошел против народа и треснул в зубы, а равно также был причиною многих смертей.

ТУЗЕМЦЫ. Он кается. Вы слышите?

ЛИККИ. Да, я каюсь. Вы можете меня судить.

ТОХОНГА. И обо мне скажи!

ЛИККИ. В том же самом кается и мой адъютант... Тохонга.

ТОХОНГА. Да.

КАЙ. Кто эта белая женщина?

ТОХОНГА. Не бойся, Бетси... сейчас я скажу... То горничная лорда. Ее прогнали. Она моя возлюбленная, я на ней женюсь. Она никогда никому не причинила зла, потому что обладает добрым сердцем. Примите и не обижайте ее, даже если вы убьете меня.

КАЙ. Туземный народ не убивает женщин, ни в чем не повинных.

ФАРРА. И вы приехали затем, чтобы раскаяться?

ЛИККИ.
ТОХОНГА. } Да.

БЕТСИ. Да, я подтверждаю это.

ФАРРА. Ликки, Ликки! Нас слишком часто обманывали. Кто поручится, что за твоими словами не кроется предательство?

ЛИККИ. Я тебя уверяю, предательства нет.

ФАРРА. Кто поручится?

ЛИККИ. Да что ты все, «поручится», да «поручится»?! Молчать, когда...

ФАРРА. Как, ты еще кричишь на меня?

ЛИККИ. Ну что ты придираешься? У меня такая привычка. Пойми, что, испытав на своей шкуре в Европе все, чему подвергал вас Сизи-Бузи здесь, я все сообразил и более не перейду ни на чью сторону. Рабство меня выучило. Я клянусь!

ТОХОНГА. И меня тоже!

ФАРРА. И вы докажете это туземному народу?

ТОХОНГА. Да.

ЛИККИ. Да. И даже скорее, чем я бы этого хотел. Смотри, на горизонте...

2-й ТУЗЕМЕЦ. Сильный дым!..

ЛИККИ. Да, дым.. Это зловещий дым! Эй! Кто теперь у вас царь?

ТУЗЕМЦЫ. У нас нет и не будет более царя.

ЛИККИ. Ну, кто управляет вами?

ТУЗЕМЦЫ. Они! Выбраны нами.

ЛИККИ. Я так и полагал. Привет вам, повелители! Кай, вели вскрыть этот шкаф...

ФАРРА. Будь осторожен, Кай.

ЛИККИ. Как не стыдно тебе! Я стар и поклялся.

БЕТСИ. О, верьте им, верьте...

КАЙ. Вскрыть шкаф!

Туземцы вскрывают шкаф.

ТУЗЕМЦЫ. Оружие! Оружие!

ЛИККИ. Да, это европейские ружья.

2-й ТУЗЕМЕЦ (*на пальме*). На горизонте корабль!

ЛИККИ (*громовым голосом*). Слушайте, туземцы! Это корабль лорда Гленарвана. Они идут с тем, чтобы истребить вас, посадить негодяя Кири на трон и ограбить вас. И я, Ликки-Тикки, военачальник, перешедший на вашу сторону, явился к вам, чтобы помочь вам отразить их. И посмотрел бы я, как это сделали бы вы без меня, самого искусного полководца на всех островах океана! Разбирайте оружие.

ФАРРА. Теперь мы верим тебе, Ликки-Тикки, ты искупил свои грехи. Народ, простить ли его?

ТУЗЕМЦЫ. Простить!

КАЙ. Ликки и Тохонга, именем народа вы прощены!

ЛИККИ. Спасибо. Вы не раскаетесь в этом.

ФАРРА. К оружию, братцы!

Туземцы мгновенно разбирают ружья.
Слышна труба...

ЛИККИ. У вас чума?

КАЙ. Она почти кончилась.

ЛИККИ. Есть ли хоть один непогребенный труп?

КАЙ. О да.

ЛИККИ. Ну, так вот что! Сейчас же стрелы ваши обмакните в чумной яд. Чума, это единственное, чего боятся жадные европейцы. Поняли меня?

КАЙ. О, Ликки! Ты действительно великий полководец. Слушайте его. Слушайте.

2-й ТУЗЕМЕЦ (*на пальме*). Корабль приближается!

Происходит страшнейшая суета вооружения.
Весь остров покрывается тучею копий.

ЛИККИ. Скройтесь... за камни, за кусты!

Играет рожок.

ТОХОНГА. Скройся!

Все скрываются, и сцена пуста.
Слышна зловещая музыка, и корабль входит в бухту. Первым с него сходит Савва с экземпляром пьесы в руках и помещается на бывшем троне, он царит над островом.

ЛОРД. Леди, прошу вас не высовываться!

ГАТТЕРАС. Команда! Слушай... трап подать...

ЛОРД. Нуте-с, ваше величество, потрудитесь встать во главе вашего войска. Вы теперь имеете возможность вернуть свой трон, а мне — мой жемчуг.

ПАГАНЕЛЬ. О да... Нам надоело буйство вашего народа. Клянусь французской республикой.

КИРИ (*с чемоданом*). Слушаю, ваше прев... бла... фу ты, черт, попал я в положение... Всадят мне стрелу в живот. И зачем я ввязался в это дело?

ЛЕДИ. О, не подвергайте опасности его величество!

ЛОРД. Леди, мне начинает казаться странным ваше заступничество. Арапский царь! Что же вы?

КИРИ. Иду, иду, достоуважаемый лорд. Иду, но у меня ноги подкашиваются от храбрости и нетерпения. О-хо-хо!.. Ну, арапчики милые, не выдавайте.

ГАТТЕРАС. Арапы, вперед!

Арапы сходят по трапу под звуки военной музыки.

КИРИ. Я, ваше сиятельство, сзади пойду, чтобы кто-нибудь из них не вздумал дать ходу... ведь это такой народ...

ЛЕДИ. О, вы и трус! Я презираю вас.

КИРИ. Очень мне надо это теперь, когда моя жизнь висит на волоске!

Кири идет вслед за арапами на остров. Матросы выстраиваются в шеренгу на палубе... Арапы идут с копьями наперевес. Пауза, и внезапно появляется Ликки с револьвером в руке.

ЛИККИ (*грозно*). А куда вы прете, щучьи дети?

АРАПЫ (*в ужасе*). Военачальник!!

ЛИККИ. Да, это я, Ликки-Тикки, прозванный на островах Неустрашимым. Куда?

АРАПЫ (*в полном замешательстве*). Ликки... мы что ж... мы люди маленькие... конечно...

Гул.

ЛИККИ. Молчать, когда с вами разговаривают!..

ПАГАНЕЛЬ. Клянусь флаконом лоригана, они в замешательстве... Лорд...

ЛОРД (*с подзорной трубою*). Капитан Гаттерас, примите меры.

ГАТТЕРАС (*в рупор*). Вперед, сто тысяч чертей и один Вельзевул! Вперед!

ЛИККИ. Назад!.. Когда с вами разговаривают...

АРАПЫ. Отцы родные, что же это такое делается?!

Замешательство.

ГАТТЕРАС. Вперед!

ЛИККИ. Назад!

ТУЗЕМЦЫ (*за сценою*). Ура!.. Полководец Ликки!

КАЙ, ФАРРА (*появляются на скале*). Ликки! Молодец!

АРАПЫ (*падают мгновенно, как срезанные, с воплем*). Сдаемся!!

ЛИККИ. Марш к туземцам!

Арапы исчезают со сцены.

ТУЗЕМЦЫ (*издают громовой вопль*). Ура!!

На сцене остается Кири с чемоданом.

КИРИ. Ваше сиятельство! (*Отчаянно.*) Караул, караул! Ваше сиятельство... Помогите... Меня бросили на произвол судьбы! Ужас, ужас, ужас.

ЛИККИ (*зловеще*). А-а. Вот где он. Давно, давно я жду этого момента. Ну, молись, подлец, пришел твой срок.

КИРИ. Миленький, золотой Ликки. Я сдаюсь. Или вернее, уже сдался давным-давно. Плюсквамперфектум. Сдался. О, Ликки! Неужели ты убьешь несчастного юного Кири-Куки, который всегда любил тебя нежною любовью?

ЛИККИ. Ах, гнусный подлец!

ПАГАНЕЛЬ. Лорд... они бежали, а туземский царь схвачен.

ЛЕДИ. О, лорд, вы должны выручить его.

ПАСПАРТУ. Туземский царь засыпался.
ЛОРД. Капитан! Капитан!
ГАТТЕРАС. Команда, к оружию!

На Ликки направляют пушку. Ликки схватывает Кири и закрывается им, как щитом.

КИРИ. Ваше сиятельство, не стреляйте.
ЛЕДИ (*схватив Гаттераса за руки*). О, вы убьете его! Не стреляйте!
ЛОРД. Леди! Что это значит? Я начинаю подозревать вас!
КИРИ. Совершенно верно, ваше сиятельство. Я открою вам колоссальных размеров тайну, только не стреляйте!
ЛОРД. Какую тайну?
КИРИ (*сложив руки щитком*). Ваша жена вам изменила со мною.
ЛЕДИ. О, гнусная тварь! (*Падает в обморок.*)
ЛИККИ. Ну, видал я прохвостов...
ЛОРД. Я обесчещен! (*Вынимает револьвер и стреляется.*)
ПАСПАРТУ. Лорд застрелился.
ПАГАНЕЛЬ. Боже мой! Что такое происходит у этого проклятого острова! Будь я трижды проклят за то, что я связался с этим жемчугом.
ЛИККИ. Эй, туземцы! Все сюда!

Тучей выходят туземцы, арапы и покрывают сцену.

КАЙ.
ФАРРА. } Все сюда!

ЛИККИ. Слушайте вы, европейцы!

На корабле тишина.

Вы видите, что попытка покорить остров при помощи... впрочем, я не оратор, черти б меня съели!.. Молчать, когда с тобой... Кай, скажи им.
КАЙ. Слушайте, европейцы! Ваши попытки завоевать остров ни к чему не приведут, потому что несметные и сознательные полчища туземцев вам его не отдадут.
ФАРРА. Жемчуга вам не видать никогда. Он принадлежит свободному туземному народу и более никому.
КИРИ. Совершенно верно, правильно, до чего правильно... Я сам так полагал, Кай.
КАЙ. Молчи, дрянь. Твое дело еще впереди.
КИРИ. Молчу, как рыба об лед.
КАЙ. И вот вам последнее наше слово. Перед вами тысячи луков и в них стрелы, отравленные чумою.
ПАГАНЕЛЬ. Как чума? Черт возьми!

Ропот матросов.

ФАРРА. Если сию минуту вы не оставите остров, мы дадим залп по вас, и вам не помогут никакие дальнобойные пушки...
ГАТТЕРАС. Ко псам этот поход! Я думал воевать со стрелами и бомбами, а не с чумой.
ПАСПАРТУ. Мсье! Черти разложили команду. Она волнуется.
ПАГАНЕЛЬ. Капитан, домой!
ГАТТЕРАС. Из бухты вон!..

С громом поднимают якорь, и корабль начинает уходить. Матросы поют: «По морям... по морям...»

ЛЕДИ (*встает у борта. Тоскует*). О, я несчастная! В один миг я потеряла все... жемчуг, мужа, любовника... Что делать мне?

ПАГАНЕЛЬ. Сударыня, казнитесь, глядя на труп вашего супруга. Общественное мнение Европы убьет вас!

ЛЕДИ (*тоскливо*). Плевать я хотела на общественное мнение.

Матросы: «По морям, по морям...» Все глуше и тише. Корабль скрывается. Солнце садится.

КАЙ (*на скале*). Братья туземцы! Поздравляю вас! Все испытания наши кончены. Больше Багровому острову не угрожает никакая опасность. Кричите же радостно «ура»!

ВСЕ. Ура! Ура! Ура!

КАЙ. Расступитесь!

Все расступаются и обнаруживают Кири на чемодане.

КИРИ. Я думал, что меня забудут в общем ликовании. Увы, нет!

ФАРРА. Что делать нам с этим негодяем?

ЛИККИ. Убить его! И то мало.

КАЙ. Что делать с ним?

ТУЗЕМЦЫ. Что делать?

КИРИ. Только простить и больше ничего! Неужели вы, дорогие правители Кай-Кум и Фарра-Тете, не понимаете, что нельзя омрачать столь колоссальный народный праздник пролитием крови, хотя бы даже и виновного человека?

ЛИККИ. Тебя можно повесить, не проливая ни одной капли крови.

КАЙ. Как ты хотел повесить меня и Фарра-Тете!..

КИРИ. О, драгоценный Кай! Не будь злопамятен! О, туземный народ! Ты знаешь, что у меня в чемодане?

ФАРРА. Что, негодяй?

КИРИ. Два пуда стерлингов, тех самых, что покойный лорд вручил Сизи за жемчуг. Как видите, я честно сберег народное достояние, не утаив ни копейки.

ЛИККИ. Сознайся, что ты берег их, чтобы присвоить.

КИРИ. Но ведь не присвоил. Ах, Ликки, зачем ты топишь человека? Ужас, ужас, ужас!

ЛИККИ. Глаза бы мои на тебя не смотрели! Ну тебя к свиньям! Простите его, братцы. Рук не хочется марать.

КАЙ. Простить ради победы и торжества?

ТУЗЕМЦЫ.
АРАПЫ. } Простить!!

ФАРРА. Вставай. Ты слышал – народ прощает тебя. Присуждаем тебе звание заслуженного народного прохвоста.

КИРИ. О, боги благословят вас за великодушие! Какая тяжесть спала с моей души. Но стерлингов немножко жалко. Впрочем, жизнь человеческая, хотя и подлая, дороже всяких стерлингов. Позвольте же мне принять теперь участие в ликовании.

Всходит луна.

КАЙ. Туземцы, вот она, ночная богиня, изливает свой свет на переживший все испытания остров!.. Встретим же ее радостно.

Вспыхивают бесчисленные фонари.
Громадный хор поет с оркестром:

Испытания закончены,
Утихает океан,—
Да живет Багровый остров —
Самый славный средь всех стран!

КИРИ. Пьеса закончена!!

Фонарики и луна исчезают, и на сцену дают полный свет.

ЭПИЛОГ

Начинается гул и движение... Туземцы расходятся. На сцену выходят: покойный лорд, леди, Паганель, Гаттерас, Паспарту... Савва Лукич один, неподвижен, сидит на троне над толпой. Вид его глубокомыслен и хмур. Все взоры обращены на него.

ЛОРД. Кхм... ну, что же вам угодно будет сказать по поводу пьески, Савва Лукич?

Гробовая тишина.

САВВА. Пьеса запрещается.

Проносится стон по всей труппе. Из оркестра вылезают головы пораженных музыкантов. Из будки — суфлер.

КИРИ (*болезненно*). Как?!
ЛОРД (*бледнея*). Как вы сказали, Савва Лукич? Мне кажется, я ослышался.
САВВА. Нет. Не ослышались. Запрещается к представлению.
ЛИККИ. Вот тебе и идеологическая! Поздравляю, Геннадий Панфилыч!
ЛОРД. Савва Лукич, может быть, вы выскажете ваши соображения?.. Чайку, кстати, не прикажете ли стаканчик?
САВВА. Чайку выпью... мерси... а пьеска не пойдет... Хе... хе...
ЛОРД. Паспарту!! Стакан чаю Савве Лукичу!
ПАСПАРТУ. Сейчас, Геннадий Панфилыч. (*Подает чай.*)
САВВА. Мерси... мерси. А вы, Геннадий Панфилыч?
ЛОРД. Я уже закусил давеча.

Гробовая тишина.

ЛИККИ. Торговали кирпичом и остались ни при чем... Эхе... хе...
ПАСПАРТУ. Кадристы спрашивают, Геннадий Панфилыч, им можно разгримироваться?
ЛОРД (*шипящим голосом*). Я им разгримиримируюсь, я им так разгримируюсь...
ПАСПАРТУ. Слушаю, Геннадий Панфилыч... (*Исчезает.*)

Внезапно появляется Сизи, он в штатском костюме, но в гриме царя и с короной на голове.

СИЗИ. Я к вам, гражданин автор... Сундучков, позвольте представиться. Очень хорошая пьеска... Замечательная... Шекспиром веет от нее даже на расстоянии... у меня нюх, батюшка, я двадцать пять лет на сцене. С покойным Антоном Павловичем Чеховым, бывало, в Крыму... Кстати, вы на него похожи при дневном освещении анфас. Но, батюшка, нельзя же так с царями... Ну что такое?.. В первом акте... исчезает бесследно...

КИРИ (*смотрит тупо*). Убит...

СИЗИ. Я понимаю. Я понимаю. Так царю и надо. Я бы сам их поубивал всех. Слава богу, человек сознательный, и у меня в семье одни сплошные народовольцы... Иных не было... Убей!.. но во втором акте...

ЛИККИ. Что у тебя за манера, Анемподист, издеваться над людьми? Ты видишь, человек убит.

СИЗИ. Как, то есть?

ЛИККИ. Ну, хлопнул Савва пьесу.

СИЗИ. А-а. Так... так. Так. Понимаю. Превосходно понимаю. Ведь разве же можно так с царями? Какой бы он ни был арап, он все же помазанник...

ЛОРД. Анемподист! Ты меня очень обяжешь, если помолчишь одну минуту.

СИЗИ. Немею. Пред лицом закона немею. Дура лекс... дура[1].

ПОПУГАЙ. Дура!

СИЗИ. Это не я, Геннадий Панфилыч, это семисотрублевый попугай.

ЛОРД. Метелкин. Без шуток. Савва Лукич! Я надеюсь, это решение ваше неокончательно?

САВВА. Нет, окончательно... Я люблю чайку попить за работой... В центросоюзе, наверно, брали?

ЛОРД. В сентр... цаюзе... да... Савва Лукич.

КИРИ (*внезапно*). Чердак?! Так, стало быть, опять чердак? Сухая каша на примусе?.. Рваная простыня?..

САВВА. Кх... виноват, вы мне? Я немного туг на ухо...

Гробовейшая тишина.

КИРИ. ...Прачка ломится каждый день: когда заплатите деньги за стирку кальсон?! Ночью звезды глядят в окно, а окно треснувшее, и не на что вставить новое... Полгода, полгода я горел и холодел, встречал рассветы на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком. А метели воют, гудят железные листы... а у меня нет калош!..

ЛОРД. Василий Артурыч!!

САВВА. Я что-то не пойму... это откуда же?..

КИРИ. Это? Это отсюда. Из меня... Из глубины сердца... вот... Багровый остров! О, мой Багровый остров...

ЛОРД. Василий Артурыч, чайку!.. Монолог. Это, Савва Лукич, монолог!

САВВА. Так... так... что-то не помню.

КИРИ. Полгода... полгода... в редакции бегал, пороги обивал, отчеты о пожарах писал... по три рубля семьдесят пять копеек... Да ведь как получал гонорар... без шапки, у притолоки... (*Снимает парик.*) Заплатите деньги... дайте авансиком три рубля... Вот кончу... вот кончу «Багровый остров»... И вот является зловещий старик...

САВВА. Виноват, это вы про кого?

КИРИ. ...и одним взмахом, росчерком пера убивает меня... Ну, вот моя грудь, пронзи ее своим карандашом...

ЛОРД. Что вы делаете, несчастный?! Чайку!..

КИРИ. Ах, мне нечего терять... Плюйте в побежденного, топчите полумертвую падаль орла!

БЕТСИ.
ЛЕДИ. } Бедный, бедный, успокойтесь!.. Василий Артурыч!

[1] Dura lex... dura.— Суров закон... суров. (*Лат.*, см. примеч.)

ЛОРД. Вам нечего, а мне есть чего! Братцы, берите его в уборную! Театр — это храм. Паспарту!

Сизи, Ликки, Паспарту увлекают Кири.

БЕТСИ. Василий Артурыч... Успокойтесь, все будет благополучно... Что вы?

КИРИ (*вырываясь*). А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима. Сужденья черпают из забытых газет времен колчаковских и покоренья Крыма...

ЛОРД. Уж втянет он меня в беду! Сергей Сергеич, я пойду!.. Братцы, берите его!

ЛЕДИ. Миленький, успокойтесь, я вас поцелую.

БЕТСИ. И я.

Все уводят Кири.

САВВА. Это что же такое?

ЛОРД. На польском фронте контужен в голову... громаднейший талантище... форменный идиот... ум... идеология... он уже сидел на Канатчиковой даче раз. Театр — это храм, не обращайте внимания, Савва Лукич. Вы меня знаете не первый день, Савва Лукич. Савва Лукич! Пятнадцать тысяч рублей! Три месяца работы... Скажите, в чем дело?..

САВВА. Контрреволюционная пьеса.

ЛОРД. Савва Лукич! Побойтесь бо... что это я говорю?.. Побойтесь... а кого... Неизвестно... никого не бойтесь... Контрреволюция... В моем театре? Савва Лукич! В чем дело? На пушечный выстрел я не допускаю контрреволюционеров к театру! В чем дело?..

САВВА. В конце.

Общий гул, внимание.

ЛОРД. Совершенно правильно. Батюшки мои. То-то я чувствую, чего, думаю, не хватает в пьесе? А мне-то невдомек! Да натурально же — в конце! Савва Лукич, золотой вы человек для театра! Клянусь вам. На всех перекрестках это твержу! Нам нужны такие люди в СССР! Нужны до зарезу! В чем же дело в конце?

САВВА. Помилуйте, Геннадий Панфилыч. Как же вы сами не догадались? Не понимаю. Я удивляюсь вам!..

ЛОРД. Совершенно верно, как же я не догадался, старый осел-шестидесятник?

САВВА. Матросы-то, ведь они кто?

ЛОРД. Пролетарии, Савва Лукич, пролетарии, чтоб мне скиснуть...

САВВА. Ну, дак как же? А они в то время, когда освобожденные туземцы ликуют, остаются...

ЛОРД. В рабстве, Савва Лукич, в рабстве. Ах, я кретин!

СИЗИ. Не спорим, не спорим.

ЛОРД. Анемподист!!

САВВА. А международная-то революция, а солидарность?..

ЛОРД. Где они, Савва Лукич? Ах я, ах я... Метелкин! Если ты устроишь международную революцию через пять минут, понял... Я тебя озолочу...

ПАСПАРТУ. Международную, Геннадий Панфилыч?

ЛОРД. Международную!

ПАСПАРТУ. Будет, Геннадий Панфилыч!

ЛОРД. Лети!! Савва Лукич... сейчас будет конец с международной революцией.

САВВА. Но, может быть, гражданин автор не желает международной революции?

ЛОРД. Кто? Автор? Не желает? Желал бы я видеть человека, который не желает международной революции. (*В партер.*) Может, кто-нибудь не желает?.. Поднимите руку...

СИЗИ. Кто против? Хи-хи. Оч-чевидное большинство, Савва Лукич!

ЛОРД (*с чувством*). Таких людей у меня в театре не бывает. Кассир такому типу билета не выдаст, нет... Анемподист, я лучше сам попрошу, чтобы автор приписал тебе тексту в первом акте, только чтобы ты не путался сейчас.

СИЗИ. Вот за это спасибо.

ЛОРД. Всех на сцену! Всех!

ПАСПАРТУ. Володя. Всех на вариант!

ЛОРД. Ликуй Исаич, международная!..

ДИРИЖЕР. Не продолжайте, Геннадий Панфилыч, я уже понял полчаса тому назад и не расходился.

ЛОРД. Автора дайте!

Бетси и леди под руки вводят Кири.

(*Шипящим шепотом.*) Сейчас будем играть вариант финала... импровизируйте международную революцию, матросы должны принять участие... если вам дорога пьеса...

КИРИ. А... Я понял... Понял.

ЛЕДИ. Мы поможем вам все.

БЕТСИ. Да... да.

Раздается удар гонга, и луна вспыхивает на небе, мгновенно загораются фонарики в руках у туземцев. Сцена освещается красным...

СУФЛЕР. Вот она, ночная богиня...

КАЙ. Луна... Встретим же ее ликованием!..

Хор поет с оркестром:

Да живет Багровый остров –
Самый славный средь всех стран!..

2-й ТУЗЕМЕЦ. В море огни!..

КИРИ. Тише, в море огни!

КАЙ. Что это значит? Корабль возвращается?! Ликки, будь наготове...

ЛИККИ. Всегда готов!..

В бухту входит корабль, освещенный красным. На палубе стоят шеренги матросов, в руках у них багровые флаги с надписями: «Да здравствует Багровый остров!». Впереди них – Паспарту.

ПАСПАРТУ. Товарищи! Команда яхты «Дункан», выйдя в море, взбунтовалась против насильников-капиталистов!.. После страшного боя команда сбросила в море Паганеля, леди Гленарван и капитана Гаттераса. Я принял команду. Революционные европейские матросы просят передать туземному народу, что отныне никто не покусится на его свободу. Мы братски приветствуем туземцев...

БЕТСИ (*на скале*). О, как я счастлива, Паспарту, что наконец и ты освободился от гнета лорда. Да здравствуют свободные европейские матросы, да здравствует Паспарту!

ТУЗЕМЦЫ. Да здравствуют революци-он-ные мат-ро-сы!.. Ура! Ура! Ура!

ПОПУГАЙ. Ура. Ура. Ура.

Громовая музыка.
Савва встает и аплодирует.

ЛОРД. Выноси, выноси... Ой, ой, ой...

Хор с оркестром поет:

Вот вывод наш логический —
Не важно — эдак или так...
Финалом (*сопрано*) победным!!!
(*басы*) идеологическим!!!
Мы венчаем наш спектакль!!!

Сразу тишина. Кири затыкает уши.

СИЗИ (*появился*). Может быть, царю можно хоть постоять в сторонке... Может, он не погиб во время извержения, а скрылся, потом раскаялся...

ЛОРД. Анемподист! Вон!!

СИЗИ. Исчезаю... Иди, душа, во ад и буди вечно пленна! О, если бы со мною погибла вся вселенна! (*Освещенный адским светом, проваливается в люк.*)

ЛОРД. Савва Лукич! Савва Лукич! Савва Лу... Вы слышали, как они это сыграли?.. Вы слышали, как они пели?.. Савва Лукич... Театр — это храм.

Тишина.

САВВА. Пьеса к представлению... (*Пауза.*) ...разрешается.

ЛОРД (*воплем*). Савва Лукич!!

Громовой взрыв восторга, происходит кутерьма. Задник уходит вверх. Появляются сверкающие лампионы и зеркала, парики на болванках.

ВСЕ. Ура!.. Слава те, господи... Поздравляем... браво... браво...

ЛИККИ. Парикмахеры!!

СИЗИ (*поднимается из люка в глубине сцены*). Портные!!

КАЙ. Эх, здорово звезданули финал!

ФАРРА. Где мои брюки?

ЛОРД. Василий Артурыч, встаньте, вас поздравляют...

КИРИ. Ничего не хочу слышать... ничего... я убит...

ЛОРД. Опомнитесь, Василий Артурыч. Пьеса разрешена.

БЕТСИ. } Василий Артурыч, милый Жюль Верн. Все кончено.
ЛЕДИ. } Поздравляем... Поздравляем...

КИРИ. Что? Кого?..

ЛОРД.
БЕТСИ. } Поздравляем. Разрешена!
ЛЕДИ.

КИРИ. Как разрешена?! О, мой «Багровый остров»! О, мой «Багровый остров»!

САВВА. Ну, спасибо вам, молодой человек. Утешили... утешили, прямо скажу, и за кораблик спасибо... Далеко пойдете, молодой человек... Далеко... Я вам предсказываю...

ЛОРД. Страшеннейший талант, я же вам говорил!

САВВА. В других городах-то я все-таки вашу пьеску запрещу... Нельзя все-таки... Пьеска — и вдруг всюду разрешена! Курьезно как-то...

ЛОРД. Натурально, натурально, Савва Лукич! Им нельзя давать таких пьесок. Да разве можно? Они не доросли до них, Савва Лукич! (*Тихо – Кири.*) Ну, Василий Артурыч, мы эту пьеску берем у вас монопольно... мы им, провинциалам, и понюхать ее не дадим... Мы ее сами повезем. Кстати, Василий Артурыч, чтоб уже прочнее было, вы в другие театры и не заходите, а прямо уж домой, баиньки... Там я вам сорок червонцев дал, дак уже примите еще сотенку... Для равного счета, а вы мне расписочку... Вот так... Мерси-с... хе... хе...

БЕТСИ. Какое у него вдохновенное лицо...

СИЗИ. Дайте мне сто червей, и у меня будет вдохновение. В первом акте царя угробили...

КИРИ (*мутно*). Деньги! Червонцы!

ПОПУГАЙ. Червонцы! Червонцы!

КИРИ. А! Чердак! Шестнадцать квадратных аршин и лунный свет вместо одеяла. О вы, мои слепые стекла, скупой и жиденький рассвет... Червонцы! Кто написал «Багровый остров»? Я – Дымогацкий, Жюль Верн. Долой, долой пожары на Мещанской... бродячих бешеных собак... Да здравствует солнце... океан... Багровый остров!..

Тишина.

СИЗИ. А вот таких монологов, небось, в пьесе не пишет!

ВСЕ. Тсс...

КИРИ. Кто написал «Багровый остров»?

ЛОРД. Вы, вы, Василий Артурыч... Уж вы простите, ежели я наорал на вас под горячую руку... Хе... хе... старик Геннадий вспыльчив...

САВВА. Увлекающийся молодой человек. Я сам когда-то был таков... Это было во времена военного коммунизма... Что теперь!

КИРИ. А репортеры, рецензенты!.. Ах... так! Дома ли Жюль Верн? Нет, он спит или он занят, он пишет... Его не беспокоить... зайдите позже... Его пылающее сердце не помещается на шестнадцати аршинах, ему нужен широкий вольный свет...

ЛЕДИ. Как он интересен!..

ДИРИЖЕР. Оркестр поздравляет вас, Василий Артурыч!

КИРИ. Мерси... спасибо, данке зер. Прошу вас, граждане, ко мне, на мою новую квартиру, квартиру драматурга Дымогацкого-Жюль Верна в бельэтаже с зернистой икрою... Я требую музыки!..

Оркестр играет из «Севильского цирюльника».

(*Лорду.*) Что, мой сеньор? Вдохновение мне дано, как ваше мнение?.. Что, мой сеньор?!

ЛОРД. Дано, дано, Василий Артурыч... Дано... Дано, кому же оно дано, как не вам!

КИРИ. Коль славен наш господь в Сионе... Ах, далеко нам до Типперери...

САВВА. Это он про что?

ПАСПАРТУ. Осатанел от денег... Легкое ли дело!.. Сто червонцев!.. Геннадий Панфилыч! Кассир спрашивает, разрешили ли? Можно ли билеты продавать?

ЛОРД. Можно, должно, нужно, немедленно!..

Музыка.

Пусть обе кассы торгуют от девяти до девяти... Сегодня, завтра, ежедневно...

КИРИ. И вечно!

ЛОРД. Снять «Эдипа»... Идет «Багровый остров»!

На корабле, на вулкане, в зрительном зале вспыхивают огненные буквы: «„Багровый остров“ сегодня и ежедневно!».

КИРИ. И ныне, и присно, и во веки веков!!

САВВА. Аминь!!

Занавес

Конец

/1927/

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Сцены, исключенные автором из второго и третьего актов первого варианта

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 57

У Турбиных. Ночь. Близко к рассвету. Алексей спит на тахте.

АЛЕКСЕЙ (*говорит во сне*). Кто там? Кто. Кто. Кто. (*Пауза.*) Да кто же здесь, боже мой? (*Просыпается, поднимается, берет со стула револьвер, целится в портьеру.*) Фу ты, черт, халат. (*Засыпает, бормочет.*) Чертова водка.

Сцену затягивает туман. Халат на стене внезапно раскрывается, из него выходит Кошмар. Лицом сморщен, лыс, в визитке семидесятых годов, в клетчатых рейтузах, в сапогах с желтыми отворотами.

КОШМАР. Голым профилем на ежа не сядешь. Святая Русь страна деревянная, нищая и опасная, а русскому человеку честь — одно только лишнее бремя. (*Поет.*)

Здравствуйте, дачники,
Здравствуйте, дачницы,
Съемки у нас опять начались...

Сцена наполняется гитарным звоном.

Я бы этого вашего гетмана повесил бы, честное слово. (*Вскакивает на грудь Алексею, душит его.*)

АЛЕКСЕЙ (*во сне*). Пусти.

КОШМАР. Я к вам, Алексей Васильевич, с поклоном от Федора Михайловича Достоевского. Я бы его, ха, ха... повесил бы... Игривы Брейтмана остроты, а где же сенегальцев роты. Скажу вам по секрету, уважаемый Алексей Васильевич, не будет никаких сенегальцев, они, кстати, и сингалезы. Впрочем, правильнее говорить не сингалезы, а гансилезы. А союзники — сволочь.

АЛЕКСЕЙ. Отойди. Гансилезы — это вздор. Такого слова нет. И тебя нет. Я вижу тебя во сне. И сейчас же проснусь. Проснусь. Проснусь. Проснусь.

КОШМАР. Ошибаетесь, доктор. Я не сон, а самая подлинная действительность. Да и кто может сказать, что такое сон? Кто? Кто?

АЛЕКСЕЙ (*во сне*). Кто? Кто? Кто?

КОШМАР. Вот то-то. А чтобы доказать вам, что я не сон, я вам скажу, милейший доктор, я превосходно знаю, что с вами будет.

АЛЕКСЕЙ. Что? Что? Что?

КОШМАР. Очень нехорошие вещи. (*Кричит глухо.*) Доктор, не размышляйте, снимите погоны.

АЛЕКСЕЙ. Уйди, мне тяжело... Ты Кошмар. Самое страшное – твои сапоги с отворотом. Брр... Гадость. Таких отворотов никогда не бывает наяву.

КОШМАР. Как так не бывает? Очень даже бывает, если, например, кожи нет в Житомире?

АЛЕКСЕЙ. Что ты мучаешь мой мозг. Я ничего не понимаю – в каком Житомире. Уйди. Ты – миф. Ты – харя, такая же, как та, что Николка нарисовал на печке. Сгинь.

КОШМАР. Вот как? Стало быть, ее нет на самом деле? А гляньте-ка, доктор.

Рисунок на камине превращается в живую голову полковника Болботуна.

АЛЕКСЕЙ. Петлюровец. Капитан Мышлаевский, сюда!

Болботун угасает.

Вздор. Миф. Ты дразнишь меня. Пугаешь. Я прекрасно сознаю, что я сплю и у меня расстроены нервы. Вон, а то я буду в тебя стрелять. Это все миф, миф.

КОШМАР. Ах, все-таки миф? Ну, я вам сейчас покажу, какой это миф. (*Свистит пронзительно.*)

Стены Турбинской квартиры исчезают. Из-под полу выходит какая-то бочка, ларь и стол. И выступает из мрака пустое помещение с выбитыми стеклами, надпись «Штаб 1-й кінной дивізіи». Керосиновый фонарь у входа.

К стр. 61

Бочка и ларь проваливаются. Стены раздаются. Выступает квартира Турбиных.

КОШМАР. Видал. (*Проваливается.*)

АЛЕКСЕЙ (*во сне*). Помогите! Помогите!

ЕЛЕНА (*появляется, зажигая свет*). Алеша. Алеша! Что ты, бог с тобой?

АЛЕКСЕЙ. Скорей. Скорей. Надо помочь. Вон он, может быть, еще жив...

ЕЛЕНА. Кто, Алеша?

АЛЕКСЕЙ. Еврей.

ЕЛЕНА. Алеша, проснись.

АЛЕКСЕЙ (*просыпаясь*). Что это лежит?

ЕЛЕНА. Голубчик, это халат.

АЛЕКСЕЙ. Халат? Разве халат?

ЕЛЕНА. Алеша, ты знаешь, у тебя нервы расстроены. Ты успокойся. Успокойся.

АЛЕКСЕЙ. Но до чего реально, господи боже мой.

ЕЛЕНА. Дать тебе валерианки?

АЛЕКСЕЙ. Нет, не надо.

ЕЛЕНА. Что ты увидал?

АЛЕКСЕЙ. Кошмар. Будто бы гайдамаки появились, петлюровцы и тут вот убили еврея, замучили. И Кошмар с желтыми отворотами, зеленый весь, показал мне...

НИКОЛКА (*появляясь в одеяле*). Что тут такое происходит?

ЕЛЕНА. Алексей страшный сон увидал и закричал.

НИКОЛКА. Страшный сон. Ага... Это, видишь ли, Алеша, у тебя нервы расстроены под влиянием гражданской войны. Я думаю, лучше всего тебе принять валериановых капель.

АЛЕКСЕЙ. Не хочу. Не надо. Елена, иди спать. Извини, что я вас всех взбудоражил.
ЕЛЕНА. Ну, засыпай спокойно.
АЛЕКСЕЙ. Слушай, Никол, а ты возле меня посиди, пока я не засну.
НИКОЛКА. Ага. Хорошо. С большим удовольствием. Я даже в крайнем случае могу здесь спать лечь. (*Садится в кресло.*)
АЛЕКСЕЙ. Не надо. Ты только посиди.

Пауза.

НИКОЛКА. У меня у самого нервы расстроены. (*Зевает.*) Ты знаешь, Алеша, события мне начинают представляться в крайне серьезном свете. Я думаю, что нас ожидают большие неприятности.
АЛЕКСЕЙ (*засыпая*). Угу...
НИКОЛКА. Если мы этого Петлюру не отразим, то бог знает, что получится. Вы спите, господин доктор. Алеша, спишь?

Пауза.

Ну и я засну. (*Тушит свет.*)

Часы бьют шесть раз. Играют менуэт.

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 63

Алексей появляется на верхней площадке.

СТУДЗИНСКИЙ. Господин доктор, будьте любезны принять команду фельдшеров и дать ей инструкцию на случай боя.
АЛЕКСЕЙ. Хорошо-с.

Перед ним двое санитаров с повязками Красного креста.

В цейхгаузе ящики с медикаментами, вскройте их, выньте сумки, наденьте на себя. Артиллеристам раздайте по два индивидуальных пакета и объясните, как с ними нужно обращаться в случае надобности.
САНИТАР. Слушаю, господин доктор.
АЛЕКСЕЙ. Так не козыряют, голубчик. (*Показывает.*) Ступайте.

Санитары уходят. Гул и стук. Весь дивизион выравнивается в две шеренги с винтовками и со штыками.

К стр. 64

СТУДЗИНСКИЙ (*поражен*). Господин полковник! Разрешите доложить. Это невозможно. Единственный способ сохранить дивизион хоть сколько-нибудь боеспособным — это задержать его на ночь здесь.
МАЛЫШЕВ. Капитан Студзинский, я вам прикажу в ведомости выписать жалованье не как старшему офицеру, а как лектору, читающему командирам дивизионов, и это мне будет неприятно, потому что в вашем лице я предполагал иметь именно старшего офицера, а не штатского профессора. Ну-с, так вот: лекции мне не нужны.

Попрошу вас советов мне не давать. Слушать, запоминать, а запомнив – исполнять.

СТУДЗИНСКИЙ. Слушаю, господин полковник.

МАЛЫШЕВ. Эх, Александр Брониславович, я вас знаю не первый день как опытного и боевого офицера. Но ведь и вы меня знаете. Стало быть, обиды нет. Обида в такой час неуместна. Я неприятно сказал – забудьте. Ведь вы тоже...

СТУДЗИНСКИЙ. Точно так. Я виноват.

МАЛЫШЕВ. Ну-с, и отлично. Словом, все на завтра.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 81

НИКОЛКА. Давай пулемет. Огонь.

Стреляют.

Приляг, закройсь за подоконниками! Огонь!

Стреляют. Топот справа и слышны крики... Выбегают юнкера из части Най-Турса в погонах.

1-й ЮНКЕР НАЯ (*на бегу*). Прекратите огонь! Довольно! Какой части?

НИКОЛКА. Первой дружины. Куда вы?

1-й ЮНКЕР НАЯ. Бросайте винтовки! Спасайтесь! Бегите за нами! За нами! (*Пробегает.*)

Бегут следующие. Юнкера Николки в смятении, вскакивают.

2-й ЮНКЕР НАЯ (*пробегая*). Конница за нами следом! Конница вошла в город! Бегите! Спасайся кто может! (*Рвет погоны.*)

3-й ЮНКЕР НАЯ. Домой! За нами! За нами! Братцы, бросайте винтовки! (*Пробегает.*)

ЮНКЕРА НИКОЛКИ (*в смятении*). Что такое... Господин ефрейтор... Бросай... Катастрофа... Постой...

НИКОЛКА. Не сметь! Позор! Назад! Не сметь вставать! Слушать команду! (*Внизу.*) Куда вы?

ЮНКЕРА НАЯ (*пробегая*). Бегите. Катастрофа. Катастрофа. Конец. За нами. За нами.

Последним появляется Най-Турс, в красных рейтузах, шинель расстегнута, в руке револьвер.

НАЙ-ТУРС (*картавит, вслед своим*). Подвальными ходами. Мимо угольных сараев! Так. Так.

НИКОЛКА. Господин полковник. Ваши юнкера бегут в панике.

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Сцены из четвертого акта

I

ТАЛЬБЕРГ. Дверь почему-то не заперта... (*Появляется на пороге.*)

Наступает мертвая пауза.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Это номер.

ТАЛЬБЕРГ. Виноват. Кажется, мое появление удивляет почтенное общество? Здравствуй, Лена.

Молчание.

Немного странно. Казалось бы, я мог больше удивиться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена.

Молчание.

(*Пожимает плечами.*) Что это значит?

ШЕРВИНСКИЙ. Вот что... (*Встает.*)

ЕЛЕНА. Погоди... вот что... Господа, прошу вас, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

ШЕРВИНСКИЙ. Лена, я не хочу!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Постой, постой. Все уладим. Соблюдай спокойствие... Ты слушайся. Вытряхаться нам, Леночка?

ЕЛЕНА. Да, уйдите. Я все улажу...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Капитан, не смущайся, это сплошь и рядом случается в высшем обществе. (*Шервинскому.*) Я тебя прошу. Я отвечаю. Прошу, господа...

Все выходят, причем Лариосик почему-то на цыпочках.

ШЕРВИНСКИЙ. Послушай...

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я тебя умоляю.

Дверь закрывается.

ТАЛЬБЕРГ. Что все это означает? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки. Где Алексей?

ЕЛЕНА. Алексея убили.

ТАЛЬБЕРГ. Как? Не может быть! Когда?

ЕЛЕНА. Через два дня после твоего отъезда.

ТАЛЬБЕРГ. Ах, боже. Это, конечно, ужасно. Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

ЕЛЕНА. Да, помню.

ТАЛЬБЕРГ. И согласись, это никак не причина для этой, я бы сказал, глупой демонстрации. Я же не виноват в его смерти!

Пауза.

ЕЛЕНА. Скажи, как же ты вернулся. Ведь сегодня большевики уже будут?..

ТАЛЬБЕРГ. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Я решил вернуться и работать в контакте с советской властью. Нам нужно переменить политические вехи. Вот и все.

ЕЛЕНА. Так. Я, видишь ли, с тобой развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

ТАЛЬБЕРГ (*после долгой паузы*). А... Теперь все понятно. Ага. Очень хорошо. Очень хорошо. Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа... Ты...

ЕЛЕНА. Виктор!

ШЕРВИНСКИЙ (*стремительно*). Милостивый государь! Вон!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что ты! Что ты! Так нельзя!

ЕЛЕНА. Леня, я тебе запрещаю!

ТАЛЬБЕРГ. Нахал!

ЕЛЕНА. Леня, если ты сделаешь хоть одно движение, больше ты меня не увидишь.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Сию минуту замолчи. Лена, ты меня уполномочиваешь объясниться?

ЕЛЕНА. Да. И имей в виду. Я или он.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Понял. Леонид, удаляйся.

Елена уводит Шервинского.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Итак, простите. Вам придется оставить этот дом.

ТАЛЬБЕРГ. Я с вами не желаю разговаривать. Пьяница.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Кто пьяница? Кто?.. Верно, я пьяница. Пью. Алкоголик, так называемый, но не... не хочу говорить, я сегодня добрый. Итак, вам нужно удалиться и разводиться.

ТАЛЬБЕРГ. Я сам не останусь здесь ни секунды!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Если вам нужна комната, я вам могу предоставить свою. Я все равно здесь все время.

ТАЛЬБЕРГ. К черту! Я не нуждаюсь!

МЫШЛАЕВСКИЙ. До чего я сегодня добрый. Чего ж вы сердитесь?

ТАЛЬБЕРГ. Завтра же развод, передайте это, пожалуйста, мадам Шервинской!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Непременно. Очень хорошо.

ТАЛЬБЕРГ. Я... вы... это... (*Идет в переднюю, одевается, берет чемодан, выходит.*)

ЛАРИОСИК (*вышел*). Уже уехал?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Все улажено.

ЛАРИОСИК. Ты гений, Витенька.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я гений, Игорь Северянин... Чуть не изгадил радостный вечер. Голубчик, не в службу, а в дружбу, закрой дверь за ним. Я сейчас. (*Уходит.*)

ЛАРИОСИК (*идет в переднюю и сталкивается с Василисой и Вандой*). Ах... Очень приятно.

ВАСИЛИСА. Здравствуйте, молодой человек. А мы к Елене Васильевне.

ЛАРИОСИК. Как же, как же, мы ждем... Пожалуйте...

ВАНДА. Ах, боже мой! Елочка. Как это вы в такое время умеете все устроить. А куда же дорогой-то гость вышел?

ВАСИЛИСА. Да... да... Вернулся ведь? А? Владимир Робертович? Вот обрадовалась, наверное, Елена-то Васильевна? А?

ЛАРИОСИК. Да, да... очень.
ВАНДА. Куда же это? Смотрим – с чемоданом.
ВАСИЛИСА. Рассеянный такой, не узнал нас даже.
ЛАРИОСИК. Да, с чемоданом. Это, видите ли, он экстренно уехал. Понимаете ли... в это, в как его, в Житомир.
ВАСИЛИСА. Скажите пожалуйста. А зачем?
ЛАРИОСИК. Зачем... за этим... Виктор! Виктор!
МЫШЛАЕВСКИЙ. А! А! Милости просим. Мое почтение. Елена Васильевна очень обрадуется...
ВАНДА. Куда же это Владимир-то Робертович уехал? А?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, да... Знаете... Как же, в Харьков экстренно. Дела, дела.
ВАСИЛИСА. В Харьков? А Ларион Ларионович... как же?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Фу, черт... Я-то хорош... Вот голова. Знаете ли, тут Петлюра уходит... большевики... Ну и того... В этот... ну как его... ах ты, господи... Ларион... куда бишь он уехал?
ЛАРИОН. В Житомир.
МЫШЛАЕВСКИЙ. А я в Харьков! Вот голова-то. И что там делать, в Харькове. Дрянной городишко. Натурально в Житомир. Лена! Лена! Гости!

Все выходят.

ЕЛЕНА. Очень, очень приятно.
ВАНДА. Соскучились мы внизу, пойдем, говорю, Вася, к Елене Васильевне.
ВАСИЛИСА. Да уж такой вечер... как-то, знаете, одним сидеть тоскливо. Тем более такая перемена... Мое почтение, господа! Как же вы себя чувствуете?
НИКОЛКА. Покорнейше вас благодарю. Вот поправляюсь.
ВАНДА. До сих пор с палочкой, ай, яй, яй...
ЕЛЕНА. Ну, милости просим, прямо к ужину... Никол, зажги елку.

Николка освещает елку электричеством.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Прошу...
ВАСИЛИСА. Покорнейше благодарю...
ЕЛЕНА. Ванда Степановна, пожалуйте... Александр Брониславович... (*Усаживаются.*) У нас обычай – каждый сам себя угощает...
ШЕРВИНСКИЙ (*Ванде*). Вам позволите белого вина?
ВАНДА. Ай, немножко... Мерси... Мерси...
МЫШЛАЕВСКИЙ. А нам водочки...
ВАНДА. Вася, тебе вредно. Не забудь!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Что вы, что вы! Какой от водки вред.
ВАСИЛИСА. Покорнейше благодарю. Ну так за здоровье дорогой хозяйки...
ВАНДА. Владимир-то Робертович уехал как не во время.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, да... дела, дела... В Житомир... Житомир...

II

Финал

НИКОЛКА. Поздравляю вас, в радости дождамшись. Они пришедши, товарищи.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну что ж? Не будем им мешать. Тащите карточки, господа. Кто во что, а мы в винт. Буду у тебя, Лена, сидеть сорок дней и сорок ночей, пока там все не придет в норму, а засим поступлю в продовольственную управу. Василий Иванович, не угодно ли робберок? А?

ВАСИЛИСА. Покорнейше благодарим... уж я и не знаю. Домой бы...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Успеем... Прошу...
ВАНДА. Вася по крупной не играет...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Помилуйте, мы по маленькой... У меня пиковая девятка. Ларион, бери!
ЛАРИОСИК. У меня, конечно, тоже пики.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Сердца наши разбиты. Ничего, не унывай. Прошу. Капитан. Черт, у всех пики. Николка, выходи!

Николка выходит и зажигает елку, потом берет гитару.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Вот здорово! Черт, уютно!
НИКОЛКА. Как в казарме!
МЫШЛАЕВСКИЙ. Попрошу без острот!
ЛАРИОСИК. Огни, огни...
СТУДЗИНСКИЙ. Сыграйте, Никол, вашу юнкерскую песню на прощанье.

За карточный стол усаживаются Студзинский, Мышлаевский, Лариосик и Василиса.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Только не громко, а то влетит вам по шапке за юнкерские песни. (*Тасует карты.*)
НИКОЛКА (*напевает*). Вставай, та там, тата там та.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Вставай! Только что уютно сел, и опять вставай. Нет, уж я не встану, дорогие товарищи, как я уж имел честь доложить! Меня теперь клещами отдирай! (*Сдает карты.*)
ЕЛЕНА. Николка, спой «Съемки».
НИКОЛКА (*поет, выходя с гитарой к рампе*).

Прощайте, граждане,
Прощайте, гражданки,
Съемки закончились у нас...
Гей, песнь моя,
Любимая...
Бутылочка, бутылочка казенного вина!

За сценой начинается неясная оркестровая музыка, странно сливается с Николкиной гитарой.

ЕЛЕНА. Идут! Леонид, идут! (*Убегает с Шервинским к окну.*)

За ломберным столом подпевают Николке.

НИКОЛКА.
Уходят и поют
Юнкера гвардейской школы,
Их трубы, литавры,
Тарелки звенят...
Граждане и гражданки
Взором отчаянным вслед
Юнкерам уходящим глядят...

ЛАРИОСИК. Господа, слышите, идут! Вы знаете, этот вечер — великий пролог к новой исторической пьесе...
МЫШЛАЕВСКИЙ. Но нет, для кого пролог, а для меня эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены. У меня пики.

Сцена внезапно гаснет. Остается лишь освещенный Николка у рампы.

НИКОЛКА.
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные...

Гаснет и исчезает.

Занавес

ДНИ ТУРБИНЫХ

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРВОГО ВАРИАНТА ПЬЕСЫ

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

К стр. 156

ЛАРИОСИК. Здравствуй, Витенька!

МЫШЛАЕВСКИЙ. А-а, встал! Превосходно! Молодец, Николка! Очень хорошо!

НИКОЛКА. Да что ж, Витенька, буду я теперь без головы и без ноги.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Не люблю, когда глупости говорят. С самого детства не люблю. Ногу тебе починят. Относительно головы, конечно, ручаться не могу. Есть люди, у которых этот придаток тела вообще в беспорядке. Неправда ли, Ларион, нэ-с-па?

ЛАРИОСИК. Ты на кого намекаешь, Витенька?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Ни на кого не намекаю. Отвлеченное рассуждение! Позвольте, водкой пахнет! Ей-богу, водкой! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме?! Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Это, в полном смысле слова, золотые руки! К чему ни притронется – бац, осколки! Ну, если уж у тебя такой зуд – бей сервизы!

За сценой все время рояль.

ЛАРИОСИК. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя уже не сержусь. У меня с собой водка имеется. Ну, братцы, перед елкой и ужином – обсужденьице вопроса о том, что нам делать дальше. События чрезвычайной важности. Где Студзинский пропал? Он сказал, что к десяти будет.

НИКОЛКА. Он, Витенька, где в последнее время прятался?

МЫШЛАЕВСКИЙ. На сахарном заводе сидел в качестве конторщика.

Звонок.

ЛАРИОСИК. Кто там?

СТУДЗИНСКИЙ (*за сценою*). Это я. Откройте.

Лариосик впускает Студзинского. Тот в солдатской шинели, в папахе, с вещевым мешком.

СТУДЗИНСКИЙ. Добрый вечер, господа! Николка, встал? Я очень рад. Здравствуйте, Никол. Как вы себя чувствуете?

НИКОЛКА. Без костылей не могу, Александр Брониславович.

СТУДЗИНСКИЙ. Ну, ничего, ничего, вы поправились. Я очень рад. Очень, несказанно рад.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Что это за форма одежды?
СТУДЗИНСКИЙ. Сейчас. (*Достает бумагу. Мышлаевскому.*) На.
МЫШЛАЕВСКИЙ (*читает*). Так... гм... Борисович... Ты находишь, что это красивее, чем Брониславович?
СТУДЗИНСКИЙ. Все у тебя шутки.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Да какие тут шутки! Дело совершенно серьезное. Студзенко... Черт знает что за фамилия! Какой ты Студзенко, когда тебя акцент выдаст? [Когда с тобой заговоришь, так кажется, что кофе по-варшавски пьешь...] [1]
[ЛАРИОСИК. Ну, уж Витенька скажет!]
СТУДЗИНСКИЙ. Неправда, я говорю по-украински.
[МЫШЛАЕВСКИЙ. Да ты говори, что ты придумал?]
СТУДЗИНСКИЙ. Красные сейчас в Слободке. Через полчаса они будут здесь.

К стр. 156

[МЫШЛАЕВСКИЙ. Капитан Студзенко, снимайте ваш мешок.
СТУДЗИНСКИЙ. Нет, что уж снимать: у меня только пять минут. Я ухожу.
НИКОЛКА.
МЫШЛАЕВСКИЙ. } Куда?]
ЛАРИОСИК.
СТУДЗИНСКИЙ. [Сейчас] прибьюсь к какому-нибудь обозу, вместе с ним уйду в Галицию.

ЛАРИОСИК. В Галицию?
МЫШЛАЕВСКИЙ. В Галицию, так. А потом?
СТУДЗИНСКИЙ. Потом на Дон.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Так, опять, стало быть, к генералам под команду. Это очень остроумный план. К Деникину, стало быть?
СТУДЗИНСКИЙ. К Деникину. Штабс-капитан Мышлаевский, я вас зову с собой.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ага, с собой. Так. Мерси. С обозами этой рвани... Мышлаенко... Нет, знаешь, я уж Мышлаевским останусь.

К стр. 158

МЫШЛАЕВСКИЙ. ⟨...⟩ [Да, Александр, вот что: ты мне вот что скажи, — когда вас расхлопают на Дону — а что расхлопают, это я тебе предсказываю, — и когда этот ваш Деникин даст деру за границу так же, как гетман, а это я тебе тоже предсказываю, — так тогда куда?
СТУДЗИНСКИЙ. Тоже за границу.
МЫШЛАЕВСКИЙ. А за заграницей куда? А за заграницей куда, я тебя спрашиваю? Там, где кончается заграница, там уже все кончается. Что ж мне дальше на луну лететь? Ну, хотя и говорят, что за компанию архиерей женился, так вот я тебе объявляю, Александр, что я не поеду.]
СТУДЗИНСКИЙ. Значит, ты меня бросаешь?
МЫШЛАЕВСКИЙ. Нет, это ты меня бросаешь. А главное, бросаешь его (*Указывает на Николку.*) К генералам под команду. [Рассвет в гимназии помнишь?]
СТУДЗИНСКИЙ. Зачем ты мне терзаешь душу, напоминаешь об этом?

[1] Здесь и далее в квадратных скобках дается текст, вычеркнутый в рукописи. (*Ред.*)

МЫШЛАЕВСКИЙ. У меня тоже есть душа, не беспокойся. [Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он многое мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир. Ну, так вот: если Алешки нету, я поговорю за него и объявляю тебе, что я, господу богу моему штабс-капитан Мышлаевский, с этими сукиными детьми генералами больше дела не имею. Портьера раздвинулась и прослезился... Спасибо, я уже смеялся.] В особенности, когда Алексея повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

ЛАРИОСИК. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

МЫШЛАЕВСКИЙ. Все из-за тебя. Погоди, Николка, погоди, не надо, голубчик, не надо. Я не буду говорить. Я другое хочу сказать. [Что я – идиот, в самом деле! Воюю с девятьсот четырнадцатого года. Но это было за отечество. Ладно! Но когда здесь меня бросили на произвол судьбы, это отечество?! Ну нет, видали? (*Показывает шиш.*) Шиш!

СТУДЗИНСКИЙ. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Я изъяснюсь, будьте благонадежны. Вон они, богоносцы, идут тучей. А я этим богоносцам что могу противопоставить? Фальшивый паспорт и рейтузы с кантом. А они при виде этого канта сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли! Спереди красногвардейцы как стена, сзади – спекулянты. И эта петербургская штабная шпана. А я посредине. Кончен бал! И я с этого бала уезжаю первым. Занавес закрывается, я больше не играю.

СТУДЗИНСКИЙ. Ты забыл, что предсказывал Алексей Васильевич? Помнишь, Троцкий? – Всё сбылось, вон он, Троцкий идет!

МЫШЛАЕВСКИЙ. И прекрасно! Великолепная вещь! Будь моя власть, я б его командиром корпуса назначил.

СТУДЗИНСКИЙ. Что ты будешь делать, когда он придет? Как ты уживешься, ты? В лучшем случае он тебя мобилизует.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Пойду и буду служить.

СТУДЗИНСКИЙ. Ты?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Да, я. И знаю, что буду служить в русской армии[1]. Куда я оторвусь от них всех? Ты, конечно, личность великолепная, но нужен ты за границей, как пушке третье колесо. И куда б ты ни приехал, от Сингапура до Парижа, всюду тебе в физиономию будут плевать. Если ты, конечно, жив останешься. Но только не останешься. И где-нибудь тебе под Ростовом оторвут голову, вспомни мои слова! Вместе здесь, с этой семьею, бились, нарезались, лучшее, что имели, лучшего человека... да нет, не скажу... И ты думаешь, я отсюда уйду? Нет, я не уйду.]

ЛАРИОСИК. Я против ужасов гражданской войны. Зачем проливать кровь?

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно! Ты на войне был, Ларион?

ЛАРИОСИК. У меня, Витенька, белый билет... Слабые легкие. И кроме того, я единственный сын у моей мамы.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Правильно, товарищ белобилетник!

[СТУДЗИНСКИЙ. Я вижу, что я одинок.

МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена! Лена!

Выходят Елена и Шервинский.

[1] «И знаю» карандашом исправлено на «По крайней мере знаю». После слов: «в русской армии» карандашом вписано между строк: «Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав».

СТУДЗИНСКИЙ. Здравствуйте, Елена Васильевна!
ЕЛЕНА. Здравствуйте, Александр Брониславович.
ШЕРВИНСКИЙ. Здравствуйте. Это почище моего!..
МЫШЛАЕВСКИЙ. Лена, вот, видишь, мешок? Коротко: Студзенко, с обозами, Галиция, потом Дон, потом его подстрелят. А если не подстрелят, то, значит, заграница. И тому подобное. Я не могу. Может быть, ты его остановишь.
ЕЛЕНА (*пробует снять мешок с плеч Студзинского*). Я знаю, у вас нету комнаты. И потом, я вас уверяю, вы больны. Посмотрите, на что вы похожи!
СТУДЗИНСКИЙ. Я слишком много перенес, Елена Васильевна. У вас очень доброе сердце. Пустите меня. У меня нету времени.
ЕЛЕНА. Квартира наполовину пустая. Мы вас устроим в боковой комнате. Вы будете жить там.
ШЕРВИНСКИЙ. Вы делаете безумие, капитан.
НИКОЛКА. Александр Брониславович, останьтесь у нас.
ЛАРИОСИК. Я бы доказал вам, но я человек не военный...
ЕЛЕНА. Нехорошо. Мы все вместе были.
СТУДЗИНСКИЙ. Прощайте, Елена Васильевна. Спасибо вам. Прощай, Виктор.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Прощай.

Студзинский поворачивается и уходит.

ЕЛЕНА. Какой безумный, безумный человек! (*Вслед.*) Студзинский, вернитесь!

Пауза.
Студзинский возвращается, молча бросает в передней мешок, снимает шинель.

ЛАРИОСИК. Ну, вот видите, я...
ЕЛЕНА. Больше не надо никаких разговоров. Мы сейчас будем чай пить.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Совершенно верно, собрание закрыто!]

Финал

К стр. 160

ЛАРИОСИК. Они входят.
МЫШЛАЕВСКИЙ. Ну что ж, не будем им мешать.
НИКОЛКА (*поет*).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною...

За сценою глухая музыка: вступают войска.

ШЕРВИНСКИЙ. Господа, они близко.

Бежит к окну, Елена за ним.

ЛАРИОСИК. Господа, вы знаете, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.
СТУДЗИНСКИЙ. Для кого пролог, а для меня эпилог. (*Уходит.*)
МЫШЛАЕВСКИЙ. Эпилог так эпилог! Товарищи зрители, отзвонил и с колокольни долой! Беспартийный сочувствующий штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены и поступает в продовольственную управу.
НИКОЛКА.

Скажи мне всю правду, не бойся меня,
В награду любого возьмешь ты коня...

Сцена гаснет.

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса в трех действиях

Неполный экземпляр

АКТ ВТОРОЙ[1]

Гостиная в квартире Зои. Яркое освещение. На стене портрет Карла Маркса. Два манекена. Вторая и третья безответственные дамы сидят на стульях. Первая дама примеряет манто без рукава. Швея шьет на машине. Закройщица хлопочет возле первой дамы.

ПЕРВАЯ. Фалдит, фалдит, дорогая моя, уверяю вас, безумно фалдит. И на боку линия западает.

ЗАКРОЙЩИЦА. Да, линия немножко неправильная... Мы здесь в припосадочку возьмем.

ПЕРВАЯ. Ах нет, миленькая, нужно вынуть весь угол. А то ужасное впечатление, будто у меня не хватает двух ребер! Ради бога, выньте, выньте.

ЗАКРОЙЩИЦА. Хорошо. (*Размечает мелом.*)

ВТОРАЯ. И говорит мне: «Прежде всего, мадам, вам нужно остричься». Я моментально бегу на Арбат, к Жану, и говорю: «Стригите меня, стригите». Он остриг меня, я бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, вообразите себе, у меня физиономия моментально становится как котел.

ТРЕТЬЯ. Хи-хи-хи.

ВТОРАЯ. Ах, миленькая, вам смешно, а на самом деле это печально. И представьте, какая наглость с ее стороны...

ПЕРВАЯ. И, по-моему, у воротника нужно сделать вытачки, чтобы не морщило.

ЗАКРОЙЩИЦА. Помилуйте, здесь ворот не позволяет.

ПЕРВАЯ. А если так?..

ВТОРАЯ. **И представьте, какая наглость с ее стороны!**[2] Это, говорит, оттого, мадам, что у вас широкие скулы. Как вам это нравится! Широкие скулы! Как по-вашему, скажите мне откровенно, широкие скулы у меня?

ТРЕТЬЯ. Хи. Да, широкие.

ВТОРАЯ. Простите, это у вас у самой широкие скулы.

ТРЕТЬЯ. Право, не знаю. Я не имею возможности каждый месяц делать себе новую шляпу. Так что не могла проверить.

ВТОРАЯ. Простите, кто вам насплетничал, что я каждый месяц делаю новую шляпу?

ТРЕТЬЯ. Извиняюсь, я сплетен не слушаю. Просто ваш муж служит в тресте, значит получает. Ха. Червонцев семьдесят пять...

[1] Сохраняется авторское деление на акты вместо действий. (См. примеч.)

[2] Здесь и далее выделены фразы, вписанные в ходе репетиций.

ВТОРАЯ. Простите, муж получает спецставку – сорок пять червонцев. И больше никаких доходов у него нет.

Звонок

ФИОЛЕТОВ (*пробегая через сцену*). Пардон-пардон! Я не смотрю, я не смотрю.
ВТОРАЯ. Мосье Фиолетов.
ФИОЛЕТОВ. Вотр сервитер, мадам?[1]
ВТОРАЯ. Скажите, пожалуйста, как по-вашему, у меня широкие скулы? Неужели это правда?
ФИОЛЕТОВ. У кого? У вас? Ха. Ха. Скулы! У вас? Ха. Ха. У вас совсем нет скул. Пардон-пардон! Долг службы... (*Проносится в переднюю.*)
ВТОРАЯ. Вот.
ТРЕТЬЯ. Хи. Хи.
ПЕРВАЯ. Кто это такой?
ЗАКРОЙЩИЦА. Главный администратор школы.
ПЕРВАЯ. Шикарно поставлено дело.
ФИОЛЕТОВ (*в передней*). Извините, товарищ, ничего не могу сделать. Абсольман[2]. Если бы у вас было удостоверение с биржи труда. Место-то есть.
ГОЛОС (*утомлен*). А на бирже говорят, дайте удостоверение с места службы, а на службу пойдешь наниматься, говорят, дай с биржи. Что ж, удавиться мне прикажете?
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Зачем же впадать в отчаяние? Закон-с. А закон для нас свят. Ничего не могу-с. До свиданья... (*Пролетая через сцену.*) Пардон-пардон! Я не смотрю. Манто ваше очаровательно. Очаровательно! (*Скрывается.*)
ПЕРВАЯ. Какое там очаровательно! Маленький клеш нужен. Маленький, маленький, едва заметный и чтоб бока не свисали! А у вас оно все клешит, клешит!
ЗАКРОЙЩИЦА. Помилуйте, ведь это по последней парижской патронке![3]
ПЕРВАЯ. Ах, что вы толкуете, милая, про Париж! Может быть, в Париже у дам лишние ребра!..

Звонок.

ЗАКРОЙЩИЦА. Я заберу с боков...
ФИОЛЕТОВ (*проносясь*). Пардон-пардон! Я не смотрю.
ТРЕТЬЯ. До чего он бойкий!..
ФИОЛЕТОВ (*в передней*). Что? Место? Вы член профсоюза?
ГОЛОС (*утомлен*). То-то, что нет.
ФИОЛЕТОВ. Тогда виноват. Ничего не могу сделать. Обратитесь, товарищ, в юридическую консультацию.
ГОЛОС. Эхо-хо.
ФИОЛЕТОВ. Честь имею кланяться. (*Проносится через сцену.*) Пардон-пардон! Я не смотрю!

Звонок.

(*В сторону.*) А, чтоб тебе сдохнуть. (*В передней.*) Что вам угодно, товарищ?
ТРЕТЬЯ. Какое громадное дело у мадам Пельц!
ЗАКРОЙЩИЦА. Ну, ладно. (*Снимает с дамы манто.*)

[1] Votre serviteur, madame? – Ваш слуга, мадам? (*Франц.*)
[2] Absolument. – Абсолютно. (*Франц.*)
[3] Patron. – Выкройка. (*Франц.*)

ПЕРВАЯ. Только пожалуйста, душенька, чтоб к пятнице было готово.
ЗАКРОЙЩИЦА. К пятнице не поспеем. Работы много.
ПЕРВАЯ. Неужели? Боже, это ужасно! Как-нибудь к пятнице!
ЗАКРОЙЩИЦА. Немыслимо, мадам...
ВТОРАЯ. Простите, кажется, моя очередь?
ТРЕТЬЯ. Ваша. (*Примеряет пальто.*)
ФИОЛЕТОВ (*в передней*). Место? А вы член профсоюза?
ГОЛОС. Член.
ФИОЛЕТОВ. А на бирже, позвольте узнать, дорогой товарищ, состоите?
ГОЛОС. Состою.
ФИОЛЕТОВ. К сожалению, ни одного места нет. Все уже заполнено.
ГОЛОС (*потрясен*). Неужели?
ФИОЛЕТОВ. Да-с. Ничего не поделаешь.
ГОЛОС. Я партийную рекомендацию могу представить.
ФИОЛЕТОВ. Обязательно. Мы и не берем без партийной рекомендации. Разве можно. У нас школа показательная. Бог знает кто придет.
ГОЛОС. Как же так? Я надеялась. Я ведь швея хорошая.
ФИОЛЕТОВ. О, верю! Но только места, к несчастью, ни одного!.. Ни-ни.
ВТОРАЯ. Голубушка, только запа́х должен быть больше, больше.
ЗАКРОЙЩИЦА. Но ведь это вас будет толстить.
ВТОРАЯ. Ах, толстить! Тогда не надо, не надо...
ТРЕТЬЯ. К полным не идет большой запах.
ВТОРАЯ. Простите, вы полнее меня.
ТРЕТЬЯ. Хи, хи!
ГОЛОС. Прощайте.
ФИОЛЕТОВ. До свиданьица. (*Проносится.*) Пардон-пардон! Я не смотрю.
ПЕРВАЯ. До свиданья, месье Фиолетов.
ФИОЛЕТОВ. Честь имею кланяться... Честь имею.
ВТОРАЯ. Скажите, пожалуйста, мосье Фиолетов, какой запа́х мне больше пойдет, большой или малый?
ФИОЛЕТОВ. Запах? Ага. Да, запа́х. Угу. Всякий запа́х вам очень пойдет. Пардон-пардон, дела.

Звонок.

Ах ты, господи. (*В передней.*) Ах, очень приятно, очень прошу.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Фиолетов.
ФИОЛЕТОВ. Присаживайтесь, Лариса Карловна.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Мерси. (*Закройщице.*) Здравствуйте, дорогая.
ЗАКРОЙЩИЦА. Здравствуйте, мадам. (*Второй.*) Позвольте, я сниму, а она сейчас прошьет. Посидите секундочку.
ТРЕТЬЯ. Моя очередь.
ФИОЛЕТОВ (*тихо*). Умоляю вас уступить очередь Ларисе Карловне, она, наверное, спешит.
ТРЕТЬЯ. Почему я должна уступать очередь?
ФИОЛЕТОВ (*тихо*). Это жена товарища... (*Шепчет на ухо.*)

Третья ошеломлена.

ВТОРАЯ. Я могу уступить очередь.
ТРЕТЬЯ. Нет, пожалуйста, пожалуйста, я уступаю.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Очень вам признательна. Меня машина ждет.
ЗАКРОЙЩИЦА. Пожалуйста, мадам.
ОТВЕТСТВЕННАЯ (*развязывая сверток*). Видите ли, миленькая, бант поместили слишком низко, так что у меня весь зад в яйце.
ВТОРАЯ. Какая прелесть.

ТРЕТЬЯ. Парижское!
ЗАКРОЙЩИЦА. Вы сейчас примеряете?
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Нет, мне некогда. Просто вы на манекене переставьте.
ЗАКРОЙЩИЦА. Хорошо. (*Надевает платье на манекен.*)
ВТОРАЯ. Позвольте узнать, вы давно из Парижа, мадам?
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Две недели. (*Закройщице.*) Вот видите, миленькая, как глупо. (*Указывает на бант.*)
ЗАКРОЙЩИЦА. Ну, это нетрудно переставить.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Если можно, поскорее, нельзя ли сегодня?
ЗАКРОЙЩИЦА. Постараюсь.
ВТОРАЯ. Скажите, пожалуйста, мадам, как в Париже квартирный вопрос?
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Я не интересовалась. Я останавливаюсь в отеле. (*Закройщице.*) Миленькая, вот сюда, сюда.
ВТОРАЯ. А как жизнь вообще, дорога?
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Нет.
ВТОРАЯ. Простите. Сколько стоят дамские туфли, франков сто?
ФИОЛЕТОВ. Вот чертова назойливая баба. Пристала как банный лист.
ВТОРАЯ. Простите, ваш супруг не мог бы оказать некоторое содействие в получении визы в Париж? Я тоже собираюсь съездить. Мой муж, моя фамилия Сигуранская. Правда, беспартийный, но занимает видное положение в Электротресте.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Извините, я очень тороплюсь. Мой муж, к сожалению, ничего не может сделать. Он не имеет никакого отношения к выдаче виз. Миленькая, к вечеру, пожалуйста. До свидания, товарищ Фиолетов.

ФИОЛЕТОВ. Честь имею кланяться, Лариса Карловна. Милости просим, ждем вас.
ОТВЕТСТВЕННАЯ. Передайте Зое Денисовне мой привет.
ФИОЛЕТОВ. Всенепременно. (*Провожает.*)
ВТОРАЯ. Нельзя сказать, чтобы она была воспитанна.
ТРЕТЬЯ. Нет, она держит себя с большим достоинством.
ЗАКРОЙЩИЦА. Пожалуйста, мадам.

Третья начинает расстегивать кофточку.

ФИОЛЕТОВ (*проносится*). Пардон-пардон! Я не смотрю.

Свет гаснет. Гостиная исчезает...
Появляется спальня.

ФИОЛЕТОВ. Замучили, окаянные. Ну вот что, дорогая директриса, дела важные: Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке.
ЗОЯ. Не пойдет, я уже думала об этом.
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Ты меня слушай. Финансовые дела у нее в последнее время – швах. Она тебе сколько задолжала?
ЗОЯ. Около пятисот рублей.
ФИОЛЕТОВ. Ну, вот-с и козырек.
ЗОЯ. Заплатит.
ФИОЛЕТОВ. Не заплатит, я тебе говорю. Ты меня слушай. У нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть у человека деньги или нет. Я по себе сужу: когда я пустой, я задумчивый, философия нападает; на социализм тянет. Говорю тебе, баба задумывается, на отлете она. Тянет ее из СССР вон. Деньги ей нужны, а денег нету. Да. Главное, экземпляр хорош. Украшение квартиры. Мадам Ивановой панданчик[1]. А Мымра твоя и Лизанька только и умеют визжать.

[1] Pendant. – В пару. (*Франц.*)

ЗОЯ. Они второй сорт.
ФИОЛЕТОВ. Так нельзя же, мамаша, все из второго сорта составлять. Это не дело.

Звонок.

Ты Фиолетова слушай, Фиолетов большой человек. Если Фиолетов ставит дело, он ставит его на хозрасчете и на широкую ногу...
МАНЮШКА. Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?
ФИОЛЕТОВ. Во, жми ее, жми.
ЗОЯ. Проси сюда.
АЛЛА. Здравствуйте, Зоя Денисовна. Простите, если я не вовремя.
ЗОЯ. Нет, нет, очень рада, пожалуйста.
АЛЛА. Здравствуйте, Александр Тарасович.
ФИОЛЕТОВ. Целую ручки, обожаемая Алла Вадимовна. Платье? Что сказать о вашем платье, кроме того, что оно очаровательно.
АЛЛА. Это комплимент Зое Денисовне.
ФИОЛЕТОВ. Милая Алла Вадимовна, уверяю вас, что, увидав те модели, которые нам прислали сегодня из Парижа, вы выбросите это платье за окно. Даю вам в этом честное слово бывшего кирасира.
АЛЛА. Вы были кирасиром?
ФИОЛЕТОВ. Мез' уй[1].
АЛЛА. Вы разрешите потом взглянуть на модели, Зоя Денисовна?
ЗОЯ. Конечно, Алла Вадимовна.
ФИОЛЕТОВ. Ну, я лечу, лечу. Покидаю вас.
АЛЛА. Все хлопочете?
ФИОЛЕТОВ. Как же, как же... Как говорится, того согрей, тем свету дай и всех притом благословляй. (*Исчезает, сделав знак Зое: жми ее, жми!*)
АЛЛА. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Он положительно создан для этой должности. Скажите, он действительно бывший кирасир?
ЗОЯ. Не могу вам точно сказать, к сожалению. Садитесь, Алла Вадимовна. Хотите кофе?
АЛЛА ВАДИМОВНА. Благодарю вас, нет. Не беспокойтесь. (*Пауза.*) Я к вам по важному делу, Зоя Денисовна.
ЗОЯ. Слушаю вас.
АЛЛА. Я хотела переговорить с вами, во-первых, относительно моего долга... Я ведь должна вам, если не ошибаюсь...
ЗОЯ (*открыв книгу*). Пятьсот один рубль.
АЛЛА. Пятьсот один, да, совершенно верно. Да, пятьсот один. Дорогая Зоя Денисовна, я наношу большой ущерб тем, что задерживаю уплату?

Зоя молчит.

Вопрос мой, впрочем, нелеп, простите меня. Я сама это прекрасно понимаю. Но дело в том, что финансовые мои обстоятельства в последнее время очень неважны. Я очень стеснена, как никогда. И мне очень совестно, Зоя Денисовна.

Зоя молчит.

Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

[1] Mais oui.— Ну разумеется. (*Франц.*)

ЗОЯ. Что ж я могу сказать, Алла Вадимовна, это очень печально.

АЛЛА. Тогда... Простите меня, Зоя Денисовна, вы, конечно, совершенно правы, я попрошу /у/ вас еще дня два или три и употреблю все усилия, чтобы достать эту сумму. Мне очень, очень совестно.

Зоя молчит.

До свидания, Зоя Денисовна.

ЗОЯ. До свидания, Алла Вадимовна.

Алла идет к двери.

Алла Вадимовна, на минуточку, вы же хотели посмотреть модели?

АЛЛА. Зоя Денисовна, вы шутите. Но это очень, я бы сказала, суровая шутка. Мне нечем уплатить за то, что сшила, я не знаю, как быть, а вы...

ЗОЯ. Ах, Алла Вадимовна, ну что же сделаешь. Я ведь сама в очень неважном положении. Ну, что ж, не плакать же, нельзя же все время говорить о деньгах. Мне приятно показать вам. Эти нэпманши хуже кухарок. Они ничего не понимают. А вы одна из очень немногих женщин в Москве с громадным вкусом. Гляньте, ведь это прелесть. (*Открывает зеркальный шкаф, в нем ослепительная гамма туалетов.*) Смотрите, вечернее.

АЛЛА. Изумительно. Пакэн?

ЗОЯ. Пакэн.

АЛЛА. Я узнала сразу... О, великий художник!

ЗОЯ. Но это не на всякие плечи. На ваши это годилось бы. А вот сиреневое. Обратите внимание на отделку пояса – просто.

АЛЛА. Гениальная простота. Сколько оно стоит?

ЗОЯ. Тридцать два червонца.

Пауза.
Зоя прикрывает двери плотнее.

Так плохи дела, детка?

АЛЛА. Зоя Денисовна, это уже переходит границы шутки.

ЗОЯ. Э нет, Аллочка, так нельзя, милая... Я к вам добром, а вы мне отвечаете холодом! Это не годится. Дело не в пятистах рублях! Мало ли кто кому должен, дело в тоне! Мы все в трудном положении и, значит, должны относиться друг к другу тепло. Вот если бы пришли ко мне, сказали бы просто и дружелюбно: Зоя, дела мои паршивы... Мы бы вместе подумали, как выпутаться из них. Но вы вошли ко мне, как статуя свободы... Я, мол, светская дама, а ты, Зоя, коммерсантка, портниха, ну, а если так, я отвечаю вам тем же.

АЛЛА. Зоя Денисовна, дорогая, это вам показалось, честное слово. Просто я была так подавлена и не знала, как вам смотреть в глаза. Мой долг меня мучает...

ЗОЯ. Ладно, садитесь. Довольно о долге. Поговорим по-иному. Итак, денег нет? Отвечайте просто и откровенно, как другу: сколько надо?

АЛЛА. Много надо. Даже под ложечкой холодно, так много.

ЗОЯ. Ну, сколько?

АЛЛА. Сто пятьдесят червонцев.

ЗОЯ. Зачем?

АЛЛА. Я хочу уехать за границу.

ЗОЯ. Понятно, значит, здесь ни черта не выходит?
АЛЛА. Ни черта.
ЗОЯ. Ну а он? Ваш этот... Я не хочу знать, кто он, имя мне его не нужно. Одним словом, он... Разве у него нет денег, чтобы прилично вас устроить здесь?
АЛЛА. У меня никого нет, Зоя Денисовна.
ЗОЯ. Ой?
АЛЛА. Правда.
ЗОЯ. Ой? Ну, ладно. Итак, сто пятьдесят червей достать можно.
АЛЛА. Зоя Денисовна!
ЗОЯ. Не волнуйтесь, товарищ. Слушайте, вам в визе отказали три месяца тому назад?
АЛЛА. Отказали.
ЗОЯ. Ну вот. А я берусь устроить вам это. И на рождество вы уедете, я вам за это ручаюсь.
АЛЛА. Зоя, если вы это сделаете, если вы это сделаете, вы меня обяжете на всю жизнь. И клянусь, я вам за границей верну всю эту сумму до копейки.
ЗОЯ. Какой там возврат! Не нужны мне ваши деньги. Я вам дам возможность их заработать и очень легко.
АЛЛА. **Милая Зоечка,** мне кажется, что в Москве у меня нет возможности заработать не только сто пятьдесят червонцев, но даже сто пятьдесят копеек, то есть я подразумеваю, сколько-нибудь приличным трудом.
ЗОЯ. Ошибаетесь. Мастерская – приличный труд. Поступайте ко мне манекенщицей.

АЛЛА. Зоечка, но ведь за это платят гроши!
ЗОЯ. Понятие о грошах растяжимое.... Ну вот что, ни слова, никому никогда о том, что я вам предложу, даже если вы откажетесь, что, кстати говоря, будет очень глупо, ни слова!
АЛЛА. Ни слова.
ЗОЯ. Честное слово?
АЛЛА. Честное слово.
ЗОЯ (*попробовав, закрыта ли дверь*). Я вам буду платить шестьдесят червонцев в месяц. Кроме того, аннулирую долг в пятьсот рублей, кроме того, достану визу. Ну?

Пауза.

Заняты только вечером, и то не каждый день.

Пауза.

Ну?

АЛЛА. Зоя, это штука!.. Это штука... (*Вытаращила глаза, пятится.*)
ЗОЯ. Через четыре месяца вы свободны, как птица, в кармане у вас виза, двести червонцев, и никто никогда, слышите, никто не узнает, как Алла работала манекенщицей... Весной вы увидите Большие бульвары, на небе над Парижем весною сиреневый отсвет, точь-в-точь такой. (*Открывает шкаф, выбрасывает сиреневую материю.*) Ландышами пахнет...
АЛЛА. Ландыши продают на всех углах.

Голос внизу глухо поет под рояль: «Покинем, покинем край, где мы так страдали!..»

ЗОЯ. В Париже любимый человек? Ну?
АЛЛА. Да.

ЗОЯ. Весной под руку с ним по Елисейским полям, и он никогда не будет знать, никогда!

АЛЛА. Зоя, вы знаете что? Вы черт! Слушайте, Зоя, они ужасны?

ЗОЯ. Кто?

АЛЛА. Эти, которые...

ЗОЯ. Джентльмены.

АЛЛА. И никому? Никогда.

ЗОЯ. Ни-ни. Ничего не скажу, как никогда никому не скажу о вас. Ну, ну?

Алла молчит.

Как в воду сразу, вниз головой... алле...

АЛЛА. Зойка, никому! Через три дня приду.

ЗОЯ. Ап! (*Раскрывает шкаф.*) Выбирайте! Мой подарок, ну, любое!

АЛЛА. Сиреневое.

...Спальня исчезает...
...В свете лампы в гостиной...

ФИОЛЕТОВ[1]. Га-га-га-га! Видала, что значит Александр Аметистов. Га-га-га! Я же говорил.

ЗОЯ. Ты не глуп, Александр Фиолетов.

ФИОЛЕТОВ. Не глуп! Вы слышите, товарищи, не глуп! Га-га-га-га!.. Ну, Зоечка, хорошо я работаю? А?

ЗОЯ. Да, ты исправился.

ФИОЛЕТОВ. Зоя, визу ты мне выправишь?! Эх, Ницца, Ницца! Когда ж я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках... Не глуп! Я гениален!

ЗОЯ. Слушай, гениальный, об одном тебя попрошу: не говори ты по-французски. Ты, по крайней мере, при Алле не говори, ведь она на тебя глаза таращит.

ФИОЛЕТОВ. Что это значит, я плохо, может быть, говорю?

ЗОЯ. Нельзя сказать – плохо. Ты кошмарно говоришь!

ФИОЛЕТОВ. Это нахальство, Зоя. Пароль донер![2] Я с десяти лет играю в шмендефер и, нá тебе, плохо говорю по-французски. Га-га-га...

ЗОЯ. И еще: зачем ты врешь поминутно? Какой ты, ну какой ты кирасир? И кому это нужно?

ФИОЛЕТОВ. Нет у тебя больше удовольствия, чтобы какую-нибудь пакость сказать человеку. Вот характер! Будь моя власть, я б тебя за один характер посадил на Лубянку!

ЗОЯ. Но так как власть не твоя, так готовься скорее. Не забудь, сейчас Гусь будет. (*Исчезает.*)

ФИОЛЕТОВ (*впадает в панику*). Гусь, Гусь, Гусь. Господа, будет Гусь. (*Стаскивает с себя френч и остается в бальной сорочке и фрачном жилете.*) И где это Ласточкино гнездо, Небесная империя? Племянница Манюшка!

МАНЮШКА. Вот она, я.

ФИОЛЕТОВ. Мне интересно, чего ты там сидишь? Я, что ль, один все буду двигать?

МАНЮШКА. Я посуду мыла.

ФИОЛЕТОВ. Успеешь с посудой. **Помогай...**

Квартира под руками Фиолетова волшебно преображается.
Звонок три раза.

[1] С этой реплики впервые появляется фамилия «Аметистов».
[2] Parole d'honneur! – Слово чести! (*Франц.*)

Маэстро, открывай. **(Надевает фрак.)**

МАНЮШКА (*впускает Обольянинова*). Здрасти, Павел Федорович.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Здравствуй, Манюша. (*Обольянинов во фраке.*) Здравствуйте.

ФИОЛЕТОВ. Маэстро, мое почтение!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, я давно вас хотел попросить, называйте меня по имени и отчеству.

ФИОЛЕТОВ. Чего ж вы обиделись, вот чудак человек! Между людьми одного круга. Да и что плохого в слове «маэстро»? Почетный титул!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не обиделся. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ»!

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Это бoльшая разница. Кстати о разнице. Есть у вас папиросы?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Конечно. Прошу вас.

ФИОЛЕТОВ. Мерси боку[1].

ОБОЛЬЯНИНОВ. Зоя, к вам можно?

ЗОЯ (*за сценой*). Нет, Павлик, погодите, я не одета. Как вы себя чувствуете?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Сносно, мерси.

ФИОЛЕТОВ (*Манюшке*). Давай нимфу.

МАНЮШКА. Сейчас. (*Выдвигает из-за занавески ослепительную картину обнаженной женщины.*) Ги...

ФИОЛЕТОВ. Вот это я понимаю! Вот это я понимаю! Хороша картиночка! Граф, что вы скажете про этот сюжетик? Манюшка? А, не чета тебе?

МАНЮШКА. Бесстыдник! А может быть, я лучше? (*Скрывается.*)

ФИОЛЕТОВ. Вуаля![2] Ведь это рай, а? Граф, да вы гляньте, развеселитесь, что вы сидите, как квашня?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Что это такое – квашня?

ФИОЛЕТОВ. Ну, с вами не разговоришься! Как квартиру находите, а?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру.

ФИОЛЕТОВ. Хороша была?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Очень хороша. Только у меня ее отобрали.

ФИОЛЕТОВ. Да неужели?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Какие-то с рыжими бородами выкинули меня...

ФИОЛЕТОВ. Это печальная история!

ЗОЯ. Павлик, здравствуйте! Вы сегодня бледны. Ну идите, идите к свету, я погляжу на вас. Тени под глазами.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, это пустяки. Просто я сегодня долго спал.

ЗОЯ. Ну, идемте ко мне, посидим до начала.

Зоя скрывается с Обольяниновым. Странный звонок – два долгих, два коротких.

ФИОЛЕТОВ. Вот он, черт его возьми!

Херувим входит в гостиную с узлом.

Где ж ты пропал?

ХЕРУВИМ. Я мала-мала белье гладил.

ФИОЛЕТОВ. Ну тебя к богу с твоим бельем! (*Швыряет узел.*) Кокаину принес?

[1] Merci beaucoup. – Благодарю. (*Франц.*)
[2] Voilà! – Смотрите-ка! (*Франц.*)

ХЕРУВИМ. Да.

ФИОЛЕТОВ. Давай, давай, давай... Слушай ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза!

ХЕРУВИМ. Саламатлю тебе галаза.

ФИОЛЕТОВ. Отвечай по совести. Аспирину подсыпал?

ХЕРУВИМ. Ниэт, ниэт.

ФИОЛЕТОВ. Ох, знаю я тебя! Бандит ты! Ну, если только подсыпал, бог тебя накажет! (*Сыплет порошок на ноготь, нюхает.*)

ХЕРУВИМ. Мала-мала наказит.

ФИОЛЕТОВ. Да не мал-мала, а он тебя на месте пришибет. Стукнет по затылку, и нет китайца. Не сыпь аспирин в кокаин! Нет, хороший кокаин. Чувствую. Мысли яснее. При такой чертовой гонке без кокаина порядочный человек существовать не может. Ну, уважаемый сын Поднебесной империи, переодевайся.

Херувим снимает куртку и надевает китайскую кофту и шапочку с пуговкой.

Совершенно другой разговор. И на какого черта вы, китайцы, себе косы бреете? С косой тебе совершенно иная цена бы была.

Звонок — три коротких, один долгий.

Ага, Мымра, эта аккуратнее всех.

Пауза.
Мымра входит.

ХЕРУВИМ. Мымла присла.

ФИОЛЕТОВ. Цить ты, какая она тебе Мымра!

МЫМРА. Здрасти, Александр Тарасович! Здравствуйте. Здравствуй, Херувимчик. Сегодня как-то особенно нарядно. Ах, какая прелесть хризантемы. Это мой любимый цветок... обожаю... и на могилу обещай ты приносить мне хризантемы...

ФИОЛЕТОВ. Вы бы шли одеваться, Наталья Николаевна, а то поздно. Сегодня у нас большой день, новые модели будем демонстрировать.

МЫМРА. Неужели пришли? Ах, какая прелесть! (*Убегает.*)

Херувим зажег в трубке шарик, дымит.

ФИОЛЕТОВ. Не очень налегай.

Херувим исчезает. Звонок — три долгих, один короткий. Пауза.

ЛИЗАНЬКА. Почтенному администратору этого монастыря.

ФИОЛЕТОВ. Бон суар[1], Лизанька. Летите, переодевайтесь, сейчас будет важное лицо.

ЛИЗАНЬКА. Ну? Мне!

ФИОЛЕТОВ. Это уж от него зависит.

ЛИЗАНЬКА. Мой будет! А то я в последнее время почему-то в загоне. (*Убегает.*)

Звонок пять раз. Пауза.
Фиолетов охорашивается.
Иванова входит.

ФИОЛЕТОВ. Здравствуйте, мадам Иванова.

ИВАНОВА. Дайте мне папиросу.

ФИОЛЕТОВ. Манюша! Дай, пожалуйста, папиросы. Холодно на дворе?

ИВАНОВА. Да.

[1] Bonsoir. — Добрый вечер. (*Франц.*)

ФИОЛЕТОВ. У нас сюрприз, модели прислали из Парижа.
ИВАНОВА. Это хорошо.
ФИОЛЕТОВ. Изумительные, прямо пальчики оближешь.
ИВАНОВА. Ага.
ФИОЛЕТОВ. Вы в трамвае приехали?
ИВАНОВА. Да.
ФИОЛЕТОВ. Народу много в трамвае?
ИВАНОВА. Да.
МАНЮШКА (*подает папиросы*). Вот.
ФИОЛЕТОВ. Прошу.
ИВАНОВА. Спасибо. (*Уходит.*)
ФИОЛЕТОВ. Люблю таких женщин. Ей-богу. Всю жизнь с такой можно прожить, не соскучишься. Не то, что ты – тарахтишь, тарахтишь!
МАНЮШКА. Я ведь необразованная...
ФИОЛЕТОВ. А ты образовывайся! А то ты только с китайцами умеешь перемигиваться.
МАНЮШКА. Ги. Ничего я не перемигиваюсь.

Властный звонок.

ФИОЛЕТОВ. Он!.. Открывай, впускай... Потом сейчас же лети переодеваться... Русский костюм... Херувим будет подавать.

Манюшка улетает.

Зоя, Гусь, Зоя, Гусь, принимай, я исчезаю. (*Исчезает.*)

Зоя выходит в роскошном туалете.
Гусь входит.

ЗОЯ. Как я рада, милый Борис Семенович.
ГУСЬ. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте.
ЗОЯ. Прошу вас, садитесь, вот сюда, здесь уютнее. Ай-ай, какой же вы нехороший.
ГУСЬ. Я нехороший? Вы мне говорите, что я нехороший? Это замечательно. Вся Москва мне твердит на каждом перекрестке, что я именно хороший, и вы одна вдруг находите, что это наоборот.
ЗОЯ. Ах, Борис Семенович, Москва льстива. Она преклоняется перед людьми, занимающими такое громадное положение, как ваше, а я бедная портниха, мне все равно. Ай-ай! Сосед, близкий знакомый, когда-то друг, и хоть бы раз зашел!
ГУСЬ. Поверьте мне, я с удовольствием, но у меня...
ЗОЯ. Я шучу, я знаю, что у вас дела по горло.
ГУСЬ. Не по горло, а вот сколько. Утром заседание, в полдень – заседание, днем – заседание, вечером – заседание, а ночью... тоже...
ЗОЯ. Заседание!
ГУСЬ. Нет, бессонница.
ЗОЯ. Бедненький, вы переутомитесь!
ГУСЬ. Уже!
ЗОЯ. Ну, вот видите, вам нужно развлекаться.
ГУСЬ. О том, чтобы я развлекался, не может быть и ре... (*Увидал картину.*) Ай... замечательный художник. (*Пауза.*) Замечательный художник. (*Пауза.*) Прямо замечательный.
ЗОЯ. Французская школа.
ГУСЬ. Замечательная школа. Вот это школа! Скажите, вы не хотите продать эту картину?
ЗОЯ. А вы хотели бы ее купить?

ГУСЬ. Да, я бы ничего не имел против! Я люблю разные картины. У меня теперь большая квартира, а стены, извините за выражение, – голые.

ЗОЯ. Так вы хотели бы на голую стену повесить голую женщину? Я и не знала, что вы такой!

ГУСЬ. Вы пикантная женщина!

ЗОЯ. Ах, какая там пикантность. Старость, старость, дорогой Борис Семенович. Картину я не собираюсь продавать, но когда я буду уезжать за границу, я вам ее подарю.

ГУСЬ. С какой же стати?

ЗОЯ. Вы обидите меня отказом. Ни слова. Вы так много сделали для меня. Мастерская обязана вам своим существованием.

ГУСЬ. Ах, это пустяки! Кстати, о мастерской. Я ведь к вам по делу. Только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев на двадцать – двадцать пять!

ЗОЯ. Понимаем! Подарок?

ГУСЬ. Между нами!

ЗОЯ. Ах, плутишка! Влюблены? Ну, сознайтесь, влюблены?

ГУСЬ. Между нами.

ЗОЯ. Не бойтесь, не скажу супруге. Ах, мужчины, мужчины!

ГУСЬ. Замечательный художник.

ЗОЯ. Хорошо! Сейчас мы это устроим. Только, уговор: это тоже между нами. Мой администратор покажет вам модели, и вы выберете все, что вам нужно.

ГУСЬ. У вас есть администратор? Это замечательно! Посмотрим, посмотрим, какой у вас такой администратор!

ЗОЯ. Сейчас вы его увидите. (*Скрывается.*)

ФИОЛЕТОВ (*внезапно*). Честь имею представиться, глубокоуважаемый Борис Семенович. Фиолетов.

ГУСЬ. Гусь.

ФИОЛЕТОВ. Желаете иметь туалетик? Доброе, доброе дело задумали, многоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите! Херувим!

Херувим появился.

ГУСЬ. Позвольте, это же китаец?

ФИОЛЕТОВ. Точно так. Китаец, с вашего позволения. Не обращайте на него внимания, почтеннейший Борис Семенович! Обыкновеннейший сын Небесной империи и отличается только одним качеством – примерной честностью!

ГУСЬ. А зачем китаец?

ФИОЛЕТОВ. Преданный старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез я его из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

ГУСЬ. Это замечательно! Для чего материалы?

ФИОЛЕТОВ. Для большого этнографического труда. Впрочем, я вам об этом как-нибудь после расскажу, уважаемый Борис Семенович. Херувим, дай нам чего-нибудь прохладительного!

ХЕРУВИМ. Сицас! (*Исчезает и тотчас появляется с бутылкой шампанского.*)

ФИОЛЕТОВ. Прóше.

ГУСЬ. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор!

ФИОЛЕТОВ. Же панс![1] Проработав у Пакэна в Париже – можно приобрести навык!

ГУСЬ. Вы работали в Париже?

ФИОЛЕТОВ. Пять лет, любезнейший Борис Семенович! Херувим, можешь идти.

Херувим исчезает.

ГУСЬ. Вы знаете, если бы я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

ФИОЛЕТОВ. Глядя на него, невольно уверуешь. Ваше здоровье, глубоко и искренно уважаемый мной Борис Семенович. А также здоровье вашего почтенного треста тугоплавких металлов. Ура! Ура! И ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирмы!

ГУСЬ. У вас замечательно поставлено дело!

ФИОЛЕТОВ. Будьте спокойны. Итак, она блондинка, шатенка?

ГУСЬ. Кто?

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Та уважаемая особа женского пола, для которой предназначается туалет...

ГУСЬ. Между нами – она светлая брюнетка.

ФИОЛЕТОВ. У вас есть вкус. Прошу бокальчик. И прошу вас привстать.

ГУСЬ. Так?

ФИОЛЕТОВ. Мерси, благодарю вас. К этому пиджаку светлая брюнетка прямо сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович, иначе, впрочем, и быть не может.

ГУСЬ. Позвольте, а если я сниму пиджак? **У вас крепкое шампанское!**

ФИОЛЕТОВ. Если вы снимете ваш уважаемый пиджак, мы вам к нему подберем такой пандан из области брюнеток, что вы будете поражены!

ГУСЬ. Я уже поражен вашей постановкой.

ФИОЛЕТОВ. Херувим!

Херувим появился.

Попроси маэстро.

Херувим исчезает.
Фиолетов тушит свет. Сцена в полумраке.
Обольянинов как тень проходит к роялю.

Располагайтесь поудобней, милейший Борис Семенович. **Миндалю?** (*Хлопнув в ладоши.*) Ателье!

Открывается занавеска, освещена эстрада. Мымра появилась на эстраде в откровенном и роскошном туалете. Обольянинов играет на рояле.

ГУСЬ (*потрясен*). Это замечательно! Французская школа!

ФИОЛЕТОВ. Будьте благонадежны. Прошу вас, ближе, мадемуазель Натали! Мерси бьен. Алле[2]. (*Интимно.*) Не выгибайтесь так, Наталья Николаевна, вечер еще впереди.

МЫМРА (*интимно*). Богатый? Он будет мой.

ФИОЛЕТОВ (*интимно*). Неизвестно. (*Вслух.*) Мерси. Ву зет тре земабль[3]. Как вы находите эти складки, мой дорогой Борис Семенович?

ГУСЬ (*потрясен*). Где вы их видите, мосье администратор?

ФИОЛЕТОВ. Га-га-га-га. Мадемуазель, попрошу вас ближе, мосье желает видеть складки.

[1] Je pense! – Я думаю! (*Франц.*)
[2] Merci bien. Allez. – Большое спасибо. Ну, вперед. (*Франц.*)
[3] Vous êtes très aimable. – Вы очень любезны. (*Франц.*)

Мымра выходит из освещенной рамы и проходит от Гуся в такой близости, что ему делается не по себе.

ГУСЬ. Да...
ФИОЛЕТОВ. Прошу на эстраду. Миль ремерсиман, мадам[1]. (*Интимно.*) Фить.
МЫМРА (*интимно*). Невежа. (*Исчезает.*)

Херувим задернул занавеску. Музыка прекращается.

ФИОЛЕТОВ. Что вы скажете, драгоценнейший Борис Семенович?
ГУСЬ. Да.
ФИОЛЕТОВ. Бокальчик?
ГУСЬ. Мерси. Нет, вы прямо знаменитая личность. У вас, может быть, есть что-нибудь более...
АМЕТИСТОВ. Закрытое?
ГУСЬ. Нет, открытое.
ФИОЛЕТОВ. Открытое. Угадал. Га-га-га. Узнаю ваш вкус, Борис Семенович, и поверьте фирме... Ателье...

Херувим отдергивает занавеску.
Обольянинов играет.
Лизанька парадирует на эстраде в костюме более откровенном, чем костюм Мымры.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Мне не хочется говорить вам пошлых комплиментов, Лизанька, а то бы я сказал, что вы сегодня очаровательней, чем всегда.

ЛИЗАНЬКА (*интимно*). Зоя Денисовна знает об этом?
ОБОЛЬЯНИНОВ (*интимно*). Недобрая.
ФИОЛЕТОВ. Последнее слово техники. Все аристократки в Париже носят эту модель!
ГУСЬ. И на улице?
ФИОЛЕТОВ. Пардон. На улице более открытое.
ГУСЬ. Более открытое? Желал бы я видеть, что еще можно открыть?
ФИОЛЕТОВ. Желания таких клиентов, как вы, Борис Семенович, для меня – закон. Мерси, мадемуазель!
ЛИЗАНЬКА (*интимно*). Вытряхаться?
ФИОЛЕТОВ (*интимно*). Вытряхайтесь, Лизанька. Ателье!

Иванова на эстраде. Костюм ее совершенно откровенен.

Прошу бокальчик.
ГУСЬ. Ой, я, кажется, опьянел. Мерси.
ФИОЛЕТОВ. Прошу обратить внимание на пояс.
ГУСЬ. Кроме пояса, я, сказать по правде, ничего и не вижу.
ФИОЛЕТОВ. Ах, вы не видите?! Маэстро, прекратите музыку, она мешает мосье видеть.

Обольянинов исчезает.

Мадемуазель, продемонстрируйте пояс. Пардон-пардон, покину вас на одну минутку. (*Исчезает.*)
ИВАНОВА (*сходит с эстрады. Подходит к Гусю*). Вам угодно видеть пояс, мосье.
ГУСЬ. Очень вам признателен, до глубины души...
ИВАНОВА (*внезапно садится к Гусю на колени*). Ах, что вы делаете? Что вы? Дерзкий! Не смейте держать меня!

[1] Mille remerciements, madame. – Тысяча благодарностей, мадам. (*Франц.*)

ГУСЬ. Кто вам сказал, что я вас держу?

ИВАНОВА. Дерзкий! В вас есть что-то африканское!

ГУСЬ. Вы мне льстите! Я никогда даже не был в Африке.

ИВАНОВА. Но, может быть, читали про нее. (*Целует Гуся.*) Что вы делаете? Нет, вы безумно дерзкий. Не смейте, сейчас сюда войдут. Вы знаете, я люблю таких, как вы. Для вас, наверное, не существует препятствий.

Гусь потрясен.

ИВАНОВА (*тушит последний свет*). Зачем вы потушили свет? Нет, это из рук вон! Что вы хотите сделать со мной? Я пропала! (*Целует Гуся.*)

ГУСЬ. Ммммм...

Тьма.
...Вспыхивает спальня Зои.

МЫМРА. Александр Тарасович, я категорически протестую! Почему меня всегда выпускают первой?

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон...

ЛИЗАНЬКА. ...Папаша, я тоже могу...

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон...

ЛИЗАНЬКА. ...проделать этот номер с коленями...

ФИОЛЕТОВ. Пардон же, я вам говорю, пардон...

ЛИЗАНЬКА. Мы знаем, что вы неравнодушны к мадам Ивановой и всегда даете ей лучшую роль!

ФИОЛЕТОВ. Да пардон! Зоенька, да объясни им, пожалуйста!

ЗОЯ. Медам, медам, погодите!..

ЛИЗАНЬКА. Нет, вы постойте...

МЫМРА. Я гораздо интереснее ее, это несправедливо!

ФИОЛЕТОВ. Пардон же!

Выдирается, задел ногою шнур от штепселя, спальня исчезла в темноте...
В полумраке появилась гостиная.

ИВАНОВА. А! (*Взбегает на эстраду.*)

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! На чем мы остановились! Ах да, на поясе. Маэстро!

Обольянинов появился у рояля.

ГУСЬ (*в упоении*). Ателье!

ФИОЛЕТОВ. Совершенно верно, уважаемый Борис Семенович. Ателье!

Манюшка на эстраде в русском костюме танцует.
Обольянинов играет «Светит месяц».

Стиль рюсс.

Музыка.

ХЕРУВИМ (*высунулся сбоку. Шепотом*). Мануска, когда тансуиси — мене смотли, гости не смотли.

МАНЮШКА (*интимно*). Вот черт ревнивый, уйди!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Горничная на эстраде танцует... Я играю... бывшие куры...

ФИОЛЕТОВ (*интимно*). Манюшка, скатывайся с эстрады, переодевайся, готовь ужинать в два счета... (*Громко.*) Маэстро! Же-ву ремерси![1]

Манюшка исчезает.

[1] Je vous remercie! — Благодарю! (*Франц.*)

ГУСЬ (*зычно*). Ателье!!
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон. Перерыв!!! Га-га-га-га-га-га-га-га-га...

Тьма.
Фокстрот. Под утро. За сценой взрывы голосов, смех. Разбили бокал, звенит гитара. Херувим сидит у двери в комнату Мифической личности. Загадочно улыбается. Комната превращена в китайский фонарь.

ФИОЛЕТОВ (*за сценой поет*). Я ли милую мою... из могилы выроют...
ЛИЗАНЬКА. Вырою, обмою и опять зарою...
МЫМРА. Эх раз, еще раз!..
ФИОЛЕТОВ. Еще много, много раз... Две гитары за стеной жалобно завыли...
МЫМРА. Друг мой, это ты ли...

Лизанька хохочет. Разбили бокал. Рояль приглушенно играет веселый фокстрот. Слышно шарканье ног — танцуют.

МАНЮШКА (*выбегает с пустыми шампанскими бутылками*). Ну, давай, давай скорее, пока никого нет. (*Обхватывает Херувима.*)
ХЕРУВИМ. Я китайски тансовать умею... а московски парсивы не умею.
МАНЮШКА. Дурачок ты! Фокстрот лучше.

Танцуют.

Эх, увалень, на ноги не наступай. (*Исчезает.*)
МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выходит с хриплым пением*). Из-за острова на стрежень... на простор речной волны... Басы, полегче!... Выплывают рас... Тенора, тише. Тише!... писные Стеньки Разина челны. (*Угасает, подходит к Херувиму.*) Позвольте вас спросить, мадам.
ХЕРУВИМ. Я не мадам ести.
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Что за черт... К кому ни ткнешься, все не мадам, да не мадам... А сулили девочек... И за борт ее бросает... в набежавшую волну... (*Подходит к манекену.*) Ага, наконец-то дама!.. Мадам, один тур... Улыбаетесь? Улыбайтесь, улыбайтесь! Только смотрите, чтоб вам потом плакать не пришлось. Вы, может быть, думаете, что я пьян? Жестоко ошибаетесь. (*Обнимает манекен за талию и танцует с ним фокстрот.*) Сколько вам лет, милочка?.. Неужели?.. Никогда бы не дал. Вы замужем или вы незамужем? Ах, плутовка, ай, ай, ай! (*Целует манекен в шею.*) Какая у вас талия! Никогда в своей жизни не держал в руках такой талии! (*Плачет. Кричит тоскливо.*) **Долой присяжного поверенного Роббера, захватившего всех дам!** (*Манекену.*) Уйди лахудра. Подлец. Глаза б мои на тебя не смотрели. (*Рыдает.*)
ФИОЛЕТОВ (*выскакивает*). Пардон-пардон! Чего вы расстроились, почтенный Иван Васильевич? Что вы, что вы? Чего вам не хватает в жизни?
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Погоди, погоди, вот придут наши, я вас всех перевешаю. (*Поет уныло.*) Пароход идет прямо к пристани... будем рыб мы кормить... коммунистами...
ФИОЛЕТОВ. Ге-ге-ге! Неудобно, неудобно, Иван Васильевич. Позвольте, я вам нашатырного спирта накапаю.
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Так, так, новое оскорбление. Все пьют шампанское, **а я из Ростова-на-Дону,** мне нашатырного спирту.
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Иван Васильевич!
РОББЕР (*в смокинге*). Боже мой, Иван Васильевич, ну как тебе не стыдно? Как тебе не стыдно? Где ты? Ну ты подумай, где ты? Ай, ай, ай.
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Уйди, присяжный поверенный!

РОББЕР. Одевайся, Иван Васильевич, все уже расходятся.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. А я еще ничего и не видал!

РОББЕР. Иван Васильевич! Чудак ты! С самого начала вечера нарезался, как зонтик, ну что же ты можешь увидеть? Как тебе не совестно? Где ты? В «Новой Баварии», что ли? Ты посмотри, какие женщины?

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Да, спасибо, вот женщины! (*Указывает на манекен.*)

РОББЕР. Иван Васильевич, постыдись. Ты же голову с меня снял. Ай, ай, ай.

МЫМРА. Уходите? Еще рано!

ФИОЛЕТОВ. Наталья Николаевна, берите-ка под ручку Ивана Васильевича, да по черному ходу, знаете, как муж с женой.

МЫМРА. Негодный! Я буду вашим спутником, хоть вы этого совершенно не заслуживаете.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Пойди ты от меня к чертям. Ты предатель.

МЫМРА. Противный. Вы не узнаете меня? Я сидела с вами рядом за ужином.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Ну и что ж, что сидела? (*Указывает на Фиолетова.*) И она сидела, а какой смысл?

РОББЕР. Наталья Николаевна, примите мои глубочайшие извинения, хотите, я на колени встану?

МЫМРА. Что вы, что вы.

РОББЕР. Нет, позвольте мне встать на колени. (*На коленях.*) Вы не сердитесь на него. У него, в сущности, золотое сердце! Он из Ростова-на-Дону. Домовладелец. Симпатичнейшая личность. Но, понимаете, вот!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Унижайся, унижайся, как насекомое!

ФИОЛЕТОВ. Иван Васильевич, пожалуйте, вам нужен отдых. Вы переутомились. (*Мымре.*) Берите его под руку.

Мертвое тело рыдает.

ЗОЯ. Ухóдите, мосье Роббер?

РОББЕР. Зоя Денисовна, от имени Ивана Васильевича позвольте мне принести вам мои глубокие извинения...

ЗОЯ. Ах, какие пустяки, бывает, бывает.

РОББЕР. У него острое малокровие, он из Ростова-на-Дону... Шампанское бросилось в голову... духи... человек застенчивый... Зоя Денисовна, сколько я вам должен? Вечер был необыкновенно удачен... феерия, прямо феерия! Сколько я вам должен?

ЗОЯ. Сто десять рублей.

РОББЕР. Слушаю-с. И Иван Васильевич тоже?

ЗОЯ. Да.

РОББЕР. Слушаю-с. (*Достает деньги.*) Сто и сто, это двести...

ЗОЯ. Двести двадцать рублей.

РОББЕР. Точно так! Какие у вас математические способности. Мерси, мерси. От имени Ивана Васильевича тоже.

ЗОЯ. Мерси.

РОББЕР. На коленях умоляю вас, Зоя Денисовна, разрешите еще как-нибудь к вам.

ЗОЯ. Я буду очень рада... Только смотрите... (*Грозит пальцем.*)

РОББЕР. Глубочайшая тайна, будьте спокойны...

ЗОЯ. Заходите днем, в часы приема мастерской, мы сговоримся, я предупрежу дам.

РОББЕР. Слушаю-с. (*Целует руки.*) Вы... вы... фея. (*Идет в переднюю.*)

Зоя исчезает.

МЕРТВОЕ ТЕЛО (*из передней*). Берегись! — сказал Казбеку седовласый Шат,— покорился человеку ты недаром, брат!..

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Иван Васильевич, неудобно...

МЫМРА. Что вы делаете, противный!

РОББЕР. Иван Васильевич! Иван Васильевич!

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Убрать китайца-нехристя! (*Возвращается в гостиную в одном ботике и шубе, надетой на один рукав.*) Убрать китайцев и латышей...

ФИОЛЕТОВ. Иван Васильевич!

РОББЕР. Убил меня на месте!

Увлекают Мертвое тело в переднюю. Стук двери.

ГУСЬ (*вдребезги пьян*). Гусь, ты пьян! Ха-ха-ха! До чего ты пьян, председатель треста тупоплавких металлов, не может изъяснить язык. Ты один только знаешь, почему ты пьян! Но никому не скажешь, ибо мы, Гуси, гордые. Да, да. Вокруг тебя Фрины и Аспазии вертятся, как легкие сильфиды, и все увеселяют тебя, председателя, но ты не весел, душа твоя мрачна. Почему она мрачна? А, почему? Ответь мне. (*Манекену.*) Почему? Тебе одному, манекену французской школы, я доверю свою тайну... Я...

ЗОЯ. Влюблен?

ГУСЬ. А, а, а... Зойка? Вот так Наркомпрос! Ай да Наркомпрос! Ну ничего, ты гениальная женщина! Хочешь, я тебе выдам удостоверение: предъявительница сего есть действительно гениальная предъявительница. Иди, я тебя поцелую. Ты прямо французской школы. Но никому, никому? И никогда! Ты меня развлекла, а это дорогого стоит, пойми. Змея обвила мое сердце и терзает его, и я догадываюсь, что она дрянь.

ЗОЯ. Стоит ли тогда мучиться? Милый Гусь, ты найдешь другую.

ГУСЬ. Нет, не найду.

ЗОЯ. Ну, найдешь забвение.

ГУСЬ. Давай сюда свои щеки, я тебя расцелую за такие слова. Покажи мне, скорее, Зоя, кого-нибудь, чтобы я забыл и вытеснил ее из своего сердца, иначе в Москве произойдет катастрофа. Гусь разрушит на Садовой улице свою семейную жизнь с двумя малютками и уважаемой женой... Двумя малютками, похожими на него, как червонец на червонец. Зоя, изгони ее!

ЗОЯ. Хорошо, я изгоню. Гусь, приходи послезавтра и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете! И она будет твоя.

ГУСЬ. Молчи, Мефистофель! Ее забыть нельзя!.. Умолкни, Зойка! Четверть пятого!.. Четверть пятого!.. Пора! Ну, Зоя, сколько я должен?..

ЗОЯ. Такие вечера мы устраиваем в складчину, но с вас я ничего не хочу брать. Вы мой друг и гость.

ГУСЬ. Ага, не хочешь брать, ну а я хочу давать. Гусь широк, как Волга, когда пылает его душа. Бери, Зоя, триста рублей! И сзывай сюда всех! (*Играет губами, как на трубе.*) Трам-тара-та-там. Я буду всех награждать.

ФИОЛЕТОВ (*вырос из-под земли*). Всякий труд достоин награды! Ге-ге-ге...

ГУСЬ. Администратор, ты?!

ФИОЛЕТОВ. Точно так.

ГУСЬ. Ты устроил на Садовой улице, в Москве, Париж, в котором отдохнула моя измученная душа!..

ФИОЛЕТОВ. Спесиалите де ля мезон![1]
ГУСЬ. Прими!
ФИОЛЕТОВ. Данке зэр![2]

Лизанька выходит, ее рыжие волосы свисают, как водоросли. Иванова выходит.

ГУСЬ (*умиленно*). Вы прямо весталки! (*Дает деньги.*)
ЛИЗАНЬКА. Рады стараться, ваше сиятельство!
ГУСЬ (*целует Иванову*). Нет, не то...
ИВАНОВА. В вас есть что-то азиатское.
ГУСЬ. Ах, азиатское! (*Целует Лизаньку.*) Нет, не то!..
ЛИЗАНЬКА. Мужчина, какие у вас мозги! Просто она душится другими духами!..
ГУСЬ. Не-эт.

Херувим вырастает из-под земли.

А, китаец! Херувим, получай!.. Кому бы мне еще дать?! Покажите мне еще кого-нибудь, кого бы я мог озолотить?!
ЗОЯ. Не надо, не надо, Борис Семенович, будет. Ваша щедрость не по советским временам!
ГУСЬ. Не бойся, Зоя, трудно Гуся выставить из денег!

Манюшка появилась из-под земли.

Светит месяц, говоришь?.. Свети, свети...
МАНЮШКА. Мерси.

Фиолетов отдергивает занавеску — виден Обольянинов.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Напоминают мне они...
ГУСЬ. Маэстро. (*Дает деньги.*)
ОБОЛЬЯНИНОВ. Благодарю вас... Когда-нибудь изменятся времена и я пришлю вам моих секундантов.
ГУСЬ. Дам, дам и им дам. (*Манекену.*) На! (*Дает манекену рубль.*)
ФИОЛЕТОВ. Маэстро, марш!

Обольянинов играет марш. Все провожают Гуся в переднюю. Дверь внезапно отворяется, и появляется... Аллилуя, ошеломлен, рот раскрыт.

ГУСЬ. На! (*Дает ему червонец.*)

Шествие исчезает в передней, остаются только Аллилуя и Зоя.

ЗОЯ. Чему я обязана этим утренним визитом?
АЛЛИЛУЯ. Вот так мастерская!.. Ай да мастерская!.. Ай да Зоя Денисовна!.. Ай да показательная!.. Открыли вы, Зоя Денисовна!.. б...к!!!
ЗОЯ. Аллилуя, вы наглец! (*Дает ему деньги.*) Молчать!!!

Конец второго акта

АКТ ТРЕТИЙ

День в квартире Зои.

МАНЮШКА. Где ж ты их возьмешь, Херувимка?
ХЕРУВИМ. Денг миноги ести в Москве. Китаец умни думай — дума, как бирать.

[1] Spécialité de la maison! — Только у нас! (*Франц.*)
[2] Danke sehr! — Благодарю! (*Нем.*)

МАНЮШКА. Ишь умный!
ХЕРУВИМ. Умини... (*Обнимает Манюшку.*)
МАНЮШКА. Чем ты мне понравился, прямо в толк не возьму. Желтый ты, как апельсин, но вот понравился! Вы, китайцы,— лютеране?
ХЕРУВИМ. Лютеране. Белье мало-мало стилаем. Но денг ниэт — ниэт. Ни какой деньги... А тепер денг будит. Я тибе беру в Синхай.
МАНЮШКА. Куда? В Шанхай? Не поеду я!
ХЕРУВИМ. Поедись.
МАНЮШКА. Да не поеду я!
ХЕРУВИМ. Поедись. Казу — едиси.
МАНЮШКА. Фу ты какой! Ишь! Ты что командуешь? Что я тебе, жена, что ли?
ХЕРУВИМ. Я тебе зену, Мануска, Синхай. Карасиви Синхай!
МАНЮШКА. Меня нужно спросить — пойду я за тебя или нет! Что я тебе контракт подписывала! Ишь, косой!
ХЕРУВИМ. А? Ты Газолини зенить хосиши?
МАНЮШКА. А хотя бы и Газолина! Я девушка свободная! Ты если ухаживаешь, ухаживай вежливо, чтобы я согласилась. Ишь! Буркулы шанхайские выпятил. Крикун! Я тебя не боюсь.
ХЕРУВИМ. Газолини?
МАНЮШКА. Нечего, нечего...
ХЕРУВИМ (*становится страшен*). Газолини?
МАНЮШКА. Что ты, что ты...
ХЕРУВИМ. Уап! (*Берет Манюшку за глотку.*)

Манюшка издает невнятные звуки.

Я тебе сичас резить буду.
МАНЮШКА. Уга...гу...гу...ду...ду...
ХЕРУВИМ. Ты кази, Газолини циловаль?
МАНЮШКА. У... у... миленький, золотенький, пусти глотку... ангелок.

Херувим ножом.

У... ду... ду...
ХЕРУВИМ (*отпустил глотку*). Газолини циловала?
МАНЮШКА (*показывает пальцем*). Один разок!
ХЕРУВИМ (*отпустив глотку*). Зила Газолини?
МАНЮШКА. Херувимчик... хрустальный... не жила я с ним, чтоб мне изд...
ХЕРУВИМ (*вынул блистательный нож*). Вап!
МАНЮШКА. Судьбинушка моя горькая! Помяни, господи, рабу Марию.
ХЕРУВИМ. Зила Газолини?..
МАНЮШКА (*пальцем*). Один разок... г... Голубчичек... мой... не режь сиротку... Пожалей ты мою юную жизнь...
ХЕРУВИМ (*спрятал нож*). Зить будиси Газолини?
МАНЮШКА. Нет, нет, нет, нет...
ХЕРУВИМ. Кем будиси зити? Мал-мал.
МАНЮШКА. Зарекусь, ни с кем не буду.
ХЕРУВИМ. За миною зити будиси?
МАНЮШКА. Нет, нет... Буду, буду... Что ж это такое, товарищи, он делает?
ХЕРУВИМ. Я тебе пиридложени делал.
МАНЮШКА (*сидя на полу*). Вот предложение... вот так предложение... Ай, предложение... шанхайское... Ах, женишок с ножичком.
ХЕРУВИМ (*улыбаясь*). Ты расписиси за миною?

МАНЮШКА. Распишусь...
ХЕРУВИМ. Я тебе зену, кирепко зену. Зидеси в комиссариате распису, а там нас бог тебе зенит миною.
МАНЮШКА. Херувимчик... миленький... ты только не режь меня, я при лютеранском идоле венчаться не буду!
ХЕРУВИМ. Будиси.
МАНЮШКА. Попала я, девоньки, в лапочки.
ХЕРУВИМ. Я тебя люблен. (*Садится возле Манюшки на корточки.*) Осин люблен... Ми с тобой дело имеит Санхай, опиум торговать, будит весело... Ты будиси родить ребионки, ребионки. Китайски малые. Миного рибионки. Сесть – восемь – десять – миноги.
МАНЮШКА. Десять! Да я удавлюсь!
ХЕРУВИМ. Ниэт, ниэт. Тут кажди скуцный... Москве... давится... А Санхай китайски зивот веселый...
МАНЮШКА. Ты ж меня бить будешь?!
ХЕРУВИМ. Ниэт, ниэт. Никито бит. Я теби, эсили циловать цузой китайзи буде, только горло буду резить...
МАНЮШКА. Спасибо... **Ай, женилась...** Ты же разбойник! Херувимчик мой...

Голос глухо, сквозь ковры из нижней квартиры: «Покинем, покинем край, где мы так страдали...»

ХЕРУВИМ. Я ни расобойник – я бил песальный... Каздый гоняит, турьму хоцит сазат китайси за марафет... Газолини мини тиранил мал-мал... Бело стилай, за кокаин бегий. Сам денг бирот, мени соок капеек давал... А тепери я сам сибе устроил калатил. Зойкин карлатиру и денг клал. Я сатарадал, сатарадал. Холодний Москва, китайси ни мозит зит, холодни. Китайси тип Санхай долзин зити. Песальный бил. 383

Голос: «...где сердце полно было печали!..»

МАНЮШКА. Страстный ты Херувим, за это я тебя и полюбила. Только родненький, ты ножичек свой брось. Я тебя прямо всей душой умоляю на коленях. Я их боюсь ножичков, боюсь до смерти. Ты человека зарежешь и не покаешься!
ХЕРУВИМ. Ниэт, нозик умний, милий...
МАНЮШКА. Змею покажи. (*Целует.*)

Херувим расстегивается, показывает татуировку, становится страшен и странен.

Ой, до чего же страшная!
ХЕРУВИМ. Ми тебе змею лисуем на зивоте. Сельдсе кусаит.
МАНЮШКА. Нет, не надо, не надо! Я не хочу.
ХЕРУВИМ. Ты хосиси, хосиси... Сто я хоциси, то ти хоциси... Я твой мус есть. Ты силусий тепель. Я думал денг достат! Миноги сервонси.
МАНЮШКА. Где?
ХЕРУВИМ (*загадочно улыбаясь*). Малси...
МАНЮШКА. Ой, боюсь я тебя, ой боюсь.
ХЕРУВИМ. Ты сикольки имеись касси тепель денг?
МАНЮШКА. А зачем тебе?
ХЕРУВИМ. Ты кази сикольки?
МАНЮШКА. Сказать, аль не сказать?.. Ну, сорок червонцев на книжке.
ХЕРУВИМ. Ты их били домой, пирацъ! Тепель домой били. Ми сколо поедем.

МАНЮШКА. Ой, Херувим, что ты затеваешь! Ой, затеваешь!
ХЕРУВИМ. Затива...

Звонок.

МАНЮШКА. На, бери узел, полезай за занавеску. Сиди там, не вылезай, а если что... скажешь белье принес. Юбки...
ХЕРУВИМ. Да, да. (*Уходит с узлом за занавеску.*)
МАНЮШКА (*открывает дверь*). Ой, господи боже мой!..
ГАЗОЛИН. Задарасти, Мануска!
МАНЮШКА. Ой, уйди ты. Уйди, Газолин!
ГАЗОЛИН. Нет. Я зачем уйди! Я не уйди. Ты одна Мануска? Я к тебе присол передложение делать.
МАНЮШКА. Ой, ой, ой... Предложение делать?!.
ГАЗОЛИН. Воскресенье працесний закритий...
МАНЮШКА. Постой, ты куда лезешь? Ой, Газолинушка, уйди. Уйди.
ГАЗОЛИН. Нет, нет. Ты, Мануска! А, Мануска! Обманула Ган-Дза-Лина Мануска! Обмансица!
МАНЮШКА. Ты, Газолин, уйди, красавчик...
ГАЗОЛИН. Зацем уйди. Ты мини сто говориль, а, сто говорили?.. Говорили любиси?
МАНЮШКА (*перебивает*). Что ты врешь?! Да ничего я тебе не говорила. Ничего! Что ты, очумел? Ты уходи сейчас же. Уходи. Что ты нахальничаешь. Вот я сейчас кликну Зою Денисовну.
ГАЗОЛИН. Ты врось, ее нету! Ты, Мануска, много врось. Всо врось! Все много, мало-мало, каждый день врось, врешь! А я тебе люблен...

Голос внизу глухо: «Китаянку. Я узнал любовь смуглянки!!»

МАНЮШКА. Ты с ножиком? Ты говори. Если с ножиком, я прямо буду кричать. Караул буду кричать...
ГАЗОЛИН. Я с ножиком! Передложение делать...
ХЕРУВИМ (*выходя*). Кито передложение?
ГАЗОЛИН. А, а вот оно, помосники! А! Помосники! Хороси помосники. Ах ты, сукин сын!
ХЕРУВИМ. Ты иди с кавалтилы, иди! Иди! Это моя кавалтила Зойкина! Моя!
МАНЮШКА. Ой, что ж это будет?..
ГАЗОЛИН. Твоя? Бандити! Захватил кавалтилу Зойкину. Я тебе подобрал, ты как собака бил! Белье давал стирать, а ты? А? А ты? Ты не лезь, не мешай. Я зенусь, передложение сейчас буду делать Мануске.
ХЕРУВИМ. Кито? Я узе делал! Она моя зена! Са миною зивет!
ГАЗОЛИН. Врось, со мною зивет!
МАНЮШКА. Врет! Врет! Врет! Врет! Херувим, голубчик бриллиантовый, врет! Раз поцеловалась!
ХЕРУВИМ. Вроси! Уходи из моей кавалтилы.
ГАЗОЛИН. Ты уходи! Я все расскажу Обольяну, Зойке расскажу!!
ХЕРУВИМ. Все расскази? (*Улыбается, как перед поножовщиной.*)
МАНЮШКА (*падая между китайцами на колени*). Зайчики, миленькие, только не режьтесь, дьяволы...

Газолин шипит. Херувим шипит.

(*Несмело.*) Братики! (*Негромко.*) Караул!

Херувим бросается на Газолина с ножом.

Караул! Караул! Караул!

Властный звонок.

Слава тебе господи! Бросьте ножики, черти, я вам говорю! Бросайте, черти окаянные! На каторгу вас заберут! (*Херувиму.*) Прячься за занавеску скорей!

Херувим, шипя, прячется за занавеску.

А тебя я куда дену? Куда? Черти тебя принесли? Это Фиолетов! Сейчас скандал устроит, что я вас приваживаю.

Тащит Газолина в спальню, вталкивает в зеркальный шкаф.

Сиди здесь и не дыши. Слышишь? Перестань шипеть.

Звонок повторяется.

(*В передней.*) Вам кого, товарищи?

ТОЛСТЯК. Нам, товарищ дорогой, заведующего показательной школой или же администратора.

МАНЮШКА. Нету их сейчас. Сегодня воскресенье, занятиев нету.

ТОЛСТЯК. А вы кто такая будете?

МАНЮШКА. Я ученица, модельщица.

ТОЛСТЯК. Мы, товарищ, из Наркомпроса, покажите-ка нам школу.

МАНЮШКА. Ну, пожалуйте тогда.

ТОЛСТЯК (*в гостиной*). Здесь что же помещается?

МАНЮШКА. А, это примерочная.

ТОЛСТЯК. Хорошая комнатка. Это что же, на них и примеривают? (*Указывает на манекены.*)

МАНЮШКА. Как же, на манекенах.

ТОЛСТЯК. А модельщицы для чего?

МАНЮШКА. А это когда на шагу надо платье примерить, на подходящую по фигуре ученицу надевают...

ТОЛСТЯК. Вы что же, только на дам шьете?

МАНЮШКА. Зачем только на дам, и на женщин шьем. Прозодежду для пролетариата.

ТОЛСТЯК. Покажите-ка нам прозодежду.

МАНЮШКА. Пожалуйте. (*Отодвигает занавеску.*)

ТОЛСТЯК. Такая блузка сколько обходится?

МАНЮШКА. Три рубля семьдесят пять.

ТОЛСТЯК. Ишь ты, дешевле, чем в Мосшвее. Очень здорово.

Ванечка, он в золотых очках, с бородкой, благообразный педагог, мыкается сзади Толстяка, сонными глазами осматривая комнату.

А вы сами кто по происхождению, товарищ?

МАНЮШКА. Мой папаша крестьяне были.

ТОЛСТЯК. А теперь они кто?

МАНЮШКА. Померли.

ТОЛСТЯК. Жалко, жалко. А мамаша кто?

МАНЮШКА. Мамаша, известно, тоже крестьяне.

ТОЛСТЯК. Жива?

МАНЮШКА. Как же.

ТОЛСТЯК. Чем занимается?

МАНЮШКА. Мамаша-то? Они чернорабочие.

ТОЛСТЯК. Где работает?

МАНЮШКА. Они в Тамбове на базаре ларек имеют.

ТОЛСТЯК. Молодец! Ишь, как здорово. Здесь кто живет, при самой-то школе?

МАНЮШКА. Пельц – заведующая, я, потом Александр Тарасович.

ТОЛСТЯК. Кто это Александр Тарасович?

МАНЮШКА. Фиолетов.

ТОЛСТЯК. Очень красивая фамилия. А-а, позвольте, позвольте, я его, кажется, знаю. Я с ним в гимназии учился. Да, да, да. Как же, как же. Толстый такой, громадный.

МАНЮШКА. Нет, наоборот, они маленькие.

ТОЛСТЯК. Фу ты, черт, значит спутал. Вот голова у меня. Да ведь это ваша барыня толстая.

МАНЮШКА. Нет, барыня тоже худощавые.

ТОЛСТЯК. Фу ты, черт, и тут спутал. Вот голова-то.

Ванечка открывает рояль, играет фокстрот.

Хорошая рояль. Это что же вы вальсы, товарищ, играете?

МАНЮШКА. Это фокстрот.

ТОЛСТЯК. Ишь, знает. Танцуете фокстрот? У, по глазам вижу, что танцует. Плутовка какая... Танцуете?

МАНЮШКА. Что вы, я девушка!

ТОЛСТЯК. А здесь кто помещается?

МАНЮШКА. А тут этот по ордеру живет. Десятипроцентный.

ТОЛСТЯК. Как фамилия?

МАНЮШКА. Вот забыла-то. Фамилия-то у него мудреная. Ах ты, господи! На букву ре... Мольер!

ТОЛСТЯК. Мольер? Ишь ты! А отчего же у него заперто, у Мольера-то?

МАНЮШКА. Они в командировке.

ТОЛСТЯК. Скажи пожалуйста. (*Отдергивает занавеску на эстраде.*) Ба! Китаец! Да какой симпатичный!

МАНЮШКА. Это из прачечной к нам приходит, юбки гладит.

ТОЛСТЯК. Ты что же, ходя, сдельные получаешь?

ХЕРУВИМ. Сидельни.

ТОЛСТЯК. Ну, гладь, гладь, мы тебе не будем мешать. (*Задергивает занавеску.*) Ну, пойдемте, кухню посмотрим. (*Уходит с Манюшкой.*)

Ванечка обнаруживает необыкновенную гибкость и быстроту. Отмычкой открывает дверь в комнату Мифической личности. Отдергивает занавеску, видит картину обнаженной женщины, проскальзывает в спальню Зои, открывает шкаф — отшатывается, схватывается за задний карман.

ВАНЕЧКА. Сидишь?

ГАЗОЛИН. Сидю. Ты Фиолетовый?

ВАНЕЧКА. А? Абсолютно.

ГАЗОЛИН. Ты Зойке не говори. Я к Мануске пришел, сейчас уйду.

ВАНЕЧКА. Ладно, не скажу. Ты сиди и не говори, что меня видел. Манюшка потом тебя выпустит. (*Закрывает шкаф, с опаской открывает второй, выскальзывает в гостиную.*)

ТОЛСТЯК (*выходя с Манюшкой*). И прекрасно. И светло и ясно. Очень хорошо устроено. (*Идет в спальню.*) А здесь что?

МАНЮШКА. А здесь малая примерочная. Ежели какой даме нужно совсем раздеться и она стесняется...

Ванечка делает знак Толстяку: «Второй китаец в шкафу».

ТОЛСТЯК. А в шкапу что?

МАНЮШКА. В шкапу-то? Да там платья разные, так, тряпки. Да у меня ключей-то нет, ключи у Зои Денисовны.

ТОЛСТЯК. Ну не надо тогда, в другой раз как-нибудь посмотрим. Ну, дорогой товарищ, до свиданьица. Передайте заведующей, что школу нашли в образцовом порядке, так и напишем. Кланяйтесь.

МАНЮШКА. Мерси.

Выпускает Толстяка и Ванечку. Возвращается в гостиную.

У-ух.

ХЕРУВИМ. Усли?

МАНЮШКА. Сиди, сиди, дьявол! **Из-за тебя весь сыр-бор загорелся. Сиди, черт.**

ХЕРУВИМ. Я с Газолини пойду разговаривать.

МАНЮШКА. Я тебе поразговариваю! Ступай в ту комнату. Если только ты с ним начнешь опять, я от тебя как бог свят убегу, слышишь, убегу? Брошу тебя! А если тихо посидишь, я его сейчас выгоню, за тебя замуж выйду, ей-богу. Распишусь, в Шанхай поеду, ей-богу.

ХЕРУВИМ. Скажи ей-богу еще!

МАНЮШКА. Ей-богу!

ХЕРУВИМ. Саламатли!

МАНЮШКА. Иди, иди, голубчик, в кухню посиди. Я его сейчас выведу!

Вталкивает Херувима на кухню и запирает на ключ. Херувим барабанит кулаками в дверь.

Дурачок, сиди тихо! Миленький, я ж тебя прошу! Я тебя поцелую, поцелую.

Стук утихает.

Я скажу, что ты ушел, а сама с тобой останусь. Вот сволочь парень! (*Бежит в спальню, открывает шкаф.*) Выходи!

ГАЗОЛИН. Усел он, Фиолетовый?

МАНЮШКА. Какой там Фиолетовый? Ушел, ушел!

ГАЗОЛИН. Я сичас пойду с эти бандити разговаривать.

МАНЮШКА. Какие тут разговоры? Что ты, что ты? Ушел он, ушел!

ГАЗОЛИН. Усел?

МАНЮШКА. Прогнала я его, говорю тебе!

ГАЗОЛИН. Правду говорись?

МАНЮШКА. Да правду ж, правду, господи!

ГАЗОЛИН. Ну, я с тобой буду разговаривать!

МАНЮШКА. Что ты? Что ты? Что ты? Сейчас Зоя Денисовна придет! Да разве мыслимо. Уходи сейчас же – пока кто-нибудь не позвонил!

ГАЗОЛИН. Ниэт.

МАНЮШКА. Я к тебе в прачешную приду. Слышишь? Честное слово. Когда никого не будет, я к тебе и забегу. Мы с тобой потолкуем. Я тебя поцелую. Поцелую, миленький.

ГАЗОЛИН. Целуй сицас.

МАНЮШКА. Вот, на! На... Пусти, пусти!

ГАЗОЛИН. Придешь?

МАНЮШКА. Приду.

ГАЗОЛИН. Кази и-богу.

МАНЮШКА. Ей-богу.

ГАЗОЛИН. Ну-ну!

МАНЮШКА. Иди, иди! **Только возле кухни ничего не говори. Там Фиолетов сидит.**

ГАЗОЛИН (*шепотом*). Когда придеси?
МАНЮШКА. Послезавтра приду.
ГАЗОЛИН. Смалатли. (*Проходя, отодвигает занавеску.*)
МАНЮШКА. Да говорю тебе – ушел! Вот маловерный-то! Тссс...

Уводит Газолина, запирая за ним дверь.

Ух ты ж, господи! (*Открывает дверь кухни.*) Выходи.
ХЕРУВИМ. Все усли?
МАНЮШКА. Ты еще тут!
ХЕРУВИМ. Ну, Мануска, цилуй меня, цилуй!.. (*Обнимает ее.*)
МАНЮШКА. Черт, постой! Вот лимон страстный! **Дай занавеску закрыть! (Закрывает штору.)**

...Тьма. В ней таинственная лампа под зеленым абажуром. Громадный письменный стол и множество телефонных аппаратов...

ПЕСТРУХИН. Нуте-с?
ТОЛСТЯК. Он, стало быть, открыл, а тот из шкафа. Маска к маске. Вничью сыграли.
ПЕСТРУХИН. Так ведь, он же теперь, черт, суматоху подымет?
ТОЛСТЯК. Ни, ни, ни в коем случае. Он, китаеза-то, его за Фиолетова принял. В шкафу свежий китаец. Ванечка полагает, что тут лирическое дело с горничной.
ПЕСТРУХИН. Дура?
ТОЛСТЯК. Э нет! Такая бестия! Фокстротчица!

ПЕСТРУХИН. Ванечка!
ТОЛСТЯК. Ваня!
ВАНЕЧКА (*входит*). Да что Ванечка! Я сорок лет Ванечка! (*Снимает бороду и очки.*) Натереть ему морду этой бородой. Борода должна внушать доверие. Я ему говорю, давай наркомпросовскую бородку – лопаткой, под Главполитпросвет, а он сует экономическую жизнь, спецовскую. Он в последнее время суетится, меланхолик!
ПЕСТРУХИН. Сошло и ладно!
ВАНЕЧКА. Как же так рассуждать! Хорошо попали на горничную, а придет опытный глаз, скажет – нет, это не Луначарская эспаньолка.
ПЕСТРУХИН. Ладно. (*По телефону.*) Бэ-Вэ. Пятнадцать. Парикмахера дайте. Да. Лбов? Что у вас там такое с бородами делается? Как это ничего? Сегодня у вас под Наркомпрос гримировали, спецовскую бороду наклеили. Вы это бросьте, художественный МХАТ устраивать.
ВАНЕЧКА. Бородавок нету!
ПЕСТРУХИН (*в телефон*). Второй случай. Домовладельца без бородавки выпустили. Чтоб были! Пока.
ВАНЕЧКА. Где это видано, домовладелец без бородавки? Халтурщики!
ПЕСТРУХИН. Ну ладно, не гудите. Второй китаец свежий?
ВАНЕЧКА. Абсолютно.
ПЕСТРУХИН. Причина местонахождения?
ВАНЕЧКА. Роман.
ПЕСТРУХИН. С горничной?
ВАНЕЧКА. З ею.
ПЕСТРУХИН. Тэкс, брекекс... (*По телефону.*) Шесть-пятнадцать-два нуля. Товарища Каланчеева. Да. Это я. Я. Не узнаете? Ну я. Вот. От вас наших посылали сегодня, в квартирку. Так оттуда проверяли, действительно ли наркомпросовские? Проверяли? Ага, мерси, пока.

ТОЛСТЯК. Ясное дело.
ПЕСТРУХИН. Тэкс, тэкс, тэкс! Стало быть, какой же состав?
ТОЛСТЯК. Зойка раз, Обольянинов – два, Фиолетов – три, горничная, китайцы...
ПЕСТРУХИН. Погодите, не спешите. (*Пишет.*) Китайцы.
ТОЛСТЯК. Командировочный. Мифическая личность.
ПЕСТРУХИН. Хронический?
ВАНЕЧКА. Абсолютно.
ПЕСТРУХИН. Причина?
ВАНЕЧКА. Жилплощадь.
ПЕСТРУХИН. Что кроме?
ТОЛСТЯК. Модельщицы, именинные гости.
ПЕСТРУХИН. Ну, эти потом. Председатель домкома кто?
ТОЛСТЯК. Аллилуя Анисим Зотикович.
ПЕСТРУХИН. Тэкс! (*Звонит. Открывается освещенное окошко в стене.*) Дайте-ка мне Аллилую Анисима Зотиковича, председателя домкома.
ГОЛОС (*из окошка*). Есть, есть. Аллилуя Анисим Зотикович, сорока двух лет. Председатель с девятьсот двадцать второго года. Женат. Изменяет. Банковских счетов нету. Выпивает. Шатен. По взяткам в подозрении. Среднего роста, хочет в партию. Состоит кандидатом.
ПЕСТРУХИН. Маску!
ГОЛОС. Есть, есть маска. Фотография двадцать второго года – Аллилуя говорит речь в домкоме о международном положении.

В волшебном фонаре вспыхивает Аллилуя.

ТОЛСТЯК. Экземпляр!
ВАНЕЧКА. Абсолютно!
ПЕСТРУХИН. Снять!

Аллилуя исчезает.

Обольянинова дайте.
ТОЛСТЯК. Павел Федорович по Пречистенке.
ГОЛОС. Есть, есть! Обольянинов Павел Федорович, тридцать пять лет. Бывший граф. Живет с Зоей Денисовной Пельц, проживающей по Садовой улице номер десять. Человек мертвый.
ПЕСТРУХИН. Кокаин?
ГОЛОС. Морфий!
ПЕСТРУХИН. По контрреволюции?
ГОЛОС. Пассивный.
ПЕСТРУХИН. Что кроме?
ГОЛОС. Блондин.
ПЕСТРУХИН. Маску.

В волшебном фонаре Обольянинов.

Снять!

Обольянинов исчезает.

По китайцам пройдем! Дайте-ка мне китайский отдел. Имена неизвестные?
ВАНЕЧКА. Неизвестные.
ПЕСТРУХИН. Как же так, Ванечка!
ВАНЕЧКА. Ну, товарищ Пеструхин! Они тоже не дураки! Этот за

занавеской моментально повернулся ан труа кар[1], и похожи как пятак на пятак, мать их распротак!

ПЕСТРУХИН. Тэкс, тэкс, тэкс...

ГОЛОС. Есть китайский отдел, есть.

ПЕСТРУХИН. Чистые прачешные, маски!

В волшебном фонаре изображение китайцев, одно за другим.

ВАНЕЧКА (*после каждого*). Дальше, дальше, дальше.

Изображения исчезают.

ПЕСТРУХИН. Опиум дайте!

ГОЛОС. Есть, есть.

Появляются китайцы в фонаре, под номером пять выскакивает Газолин.

ВАНЕЧКА. Стоп! Шкаф!

ТОЛСТЯК. Есть!

ПЕСТРУХИН. Который в шкафу?

ВАНЕЧКА. Абсолютно!

ПЕСТРУХИН. Биографию деятельности!

ГОЛОС. Ган-Дза-Лин, кличка Газолин, шанхайская прачешная «Отрада хозяйки» на Самотеке. Сорок лет. Двадцатый год – первый привод. Морфий. В подозрении. Жил с горничной Зои Денисовны Пельц – Марией Горбатовой.

ВАНЕЧКА. То-то и оно-то.

ПЕСТРУХИН. Дальше.

Под номером восемь выскакивает Херувим.

ВАНЕЧКА. Стоп, стоп!

ПЕСТРУХИН. Давай, давай!

ГОЛОС. Сен-Дзин-По. По кличке Херувим. Двадцать восемь лет. Двадцатый год, в апреле – первый привод. Морфий. Двадцатый год, в октябре – второй привод. Кража белья с чердака у редактора газеты «Известия Исполнительного Комитета». Бутырский замок шесть месяцев... Третий привод. Опиум. Четвертый привод, морфий. В двадцать втором году удар финским ножом. Бутырский замок. В двадцать втором году, в конце, скрылся. В двадцать третьем году, в начале, появился. Работал прачкой у Ган-Дза-Лина в «Отраде». Ныне скрылся.

ТОЛСТЯК. И вот явился.

ПЕСТРУХИН. Снять! Фиолетова даешь.

ТОЛСТЯК. Александр Тарасович.

ГОЛОС. Нет такого!

ПЕСТРУХИН. Архив!

ГОЛОС. Есть, есть архив! Фиолетов Александр Тарасович. Тридцать пять лет. Из петербургских мещан. В тысяча девятьсот семнадцатом году прибыл из Петербурга в Москву. Организовал карточную квартиру на Тверской, в номерах «Роза Востока», выдавая себя за бывшего гвардейца. Был взят партнерами в момент извлечения пятого валета из-под стола. Лечился в Солдатенковской больнице. По выздоровлении поступил на службу в отдел снабжения, где и пытался получить спирт в количестве пяти ведер для промывки инструментов, по должностному документу. Уволен и в конце восемнадцатого года отбыл в провинцию.

[1] En trois quarts. – На три четверти. (*Франц.*)

ПЕСТРУХИН. Квартирную справку.
ГОЛОС. Есть, есть! С двадцать пятого мая сего года проживает в доме номер десять по Садовой, в квартире Зои Денисовны Пельц. Администратор пошивочной показательной мастерской.
ПЕСТРУХИН. Маску!
ГОЛОС. Не имеется.
ТОЛСТЯК. Завтра снимем! Ну, товарищ Пеструхин, труппа?
ПЕСТРУХИН. Тэкс, тэкс, тэкс... Сколько раз была Зойка именинница в августе?
ТОЛСТЯК. Три раза!
ПЕСТРУХИН. Что же нам делать?!
ТОЛСТЯК. Придется беспокоиться.
ПЕСТРУХИН. Как беспокоиться, вот в чем вопрос?

Звонит три раза. Окно закрывается. Тьма. Таинственная зеленая лампа...

ТОЛСТЯК. Дело сложное...
ПЕСТРУХИН. Тэкс, тэкс, тэкс... Ванечка!
ВАНЕЧКА. Ну?
ПЕСТРУХИН. Как ваше мнение?
ВАНЕЧКА. Мнение? Мнение тут простое! (*Думает.*) Да ведь у него, халтурщика, черт его знает... Смокингов три штуки...
ПЕСТРУХИН. Золотая у тебя голова, Ванечка!
ТОЛСТЯК. Этакая голова единственная в Москве!

Тьма.

ПЕСТРУХИН (*по телефону*). Лбов? Смокинги даешь! Есть.

Конец третьего акта

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вечер в квартире Зои.

ХЕРУВИМ (*по телефону*). Силусаю, да. Тебе Гусь зовет.
ФИОЛЕТОВ. Ик! Черт возьми! Поминает меня кто-то? Только вот не знаю кто?! Ик! (*По телефону.*) Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович! В добром ли здоровье? В делах, в делах все! Ге, ге, ге, ге... Есть сюрприз! Ей-богу! Пардон-пардон! Строжайший секрет! Прямо с заседания приезжайте! Нет, никого не будет, только вы!
ОБОЛЬЯНИНОВ (*во фраке*). Удивительно вульгарный человек, этот Гусь. Вы не находите?
ФИОЛЕТОВ. Не нахожу! Человек, получающий двести червонцев в месяц, не может быть вульгарным!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Странное у вас представление о вульгарном и не вульгарном.
ФИОЛЕТОВ. Настоящий человек! Уважаю. Ик! Какому черту я понадобился, желал бы я знать? Кто пешком по Москве таскается? Вы!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, мосье Фиолетов. Я хожу, а не таскаюсь!
ФИОЛЕТОВ. Да не обижайтесь вы, вот человек! Ну ходите! Вы ходите, а он на машине ездит! Вы в одной комнате сидите, пардон-пардон! Может быть, слово «сидите» неприлично в высшем обще-

стве? Так восседаете! А Гусь в семи комнатах! Вы в месяц наколотите на вашем фортепиане... Пардон-пардон... наиграете десять **червяков,** а Гусь – две сотни! Кто на пианино играет? Вы! А Гусь танцует!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Потому, что условия жизни эта власть создала такие, при которых порядочному человеку жить невозможно!

ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Порядочному человеку при всяких условиях возможно жить! Я ж порядочный человек, а вот живу! Га, га, га, га... Я, извините за выражение, в Москву без штанов приехал. У вас же, папаша, пришлось брючки позаимствовать. Помните, в клеточку, царствие им небесное! А теперь во фраке!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите, какой я вам папаша?!

ФИОЛЕТОВ. Да не будьте вы такой недотрогой! Что за пустяки между дворянами!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Простите меня, вы действительно дворянин?

ФИОЛЕТОВ. Мне нравится этот вопросик! Га, га, га, га... Да вы что же, сами не видите, что ли?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Да... Я, собстьенно, потому, что ваша фамилия Фиолетов мне не встречалась никогда...

ФИОЛЕТОВ. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия! Эх, синьо́р! Да если б вы знали, что я вынес от большевиков, у вас волосы бы встали дыбом! Имение разграбили, дом сожгли...

ОБОЛЬЯНИНОВ. У вас в каком уезде было имение?

ФИОЛЕТОВ. У меня-то? Вы говорите, у меня которое?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Ну да, которое сожгли.

ФИОЛЕТОВ. В этом... Эх... Не хочу даже вспоминать! Потому что мне тяжело! Понимаете, тяжело! Да, тяжело! Белые колонны, как сейчас помню! Раз, две... шесть колонн! Одна красивее другой. Э, да что говорить! А племенной скот, кирпичный завод!..

ОБОЛЬЯНИНОВ. У моей тетки был превосходный конский завод в Пензенской губернии, у Варвары Николаевны Варятинской.

ФИОЛЕТОВ. Что Варятинская тетка! У меня лично был! Да какой! (*Пауза.*) Да, что вы так приуныли? Бросьте, приободритесь, отец!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Много вспомнилось! Вот вы сказали про конский завод... У меня была лошадь Фрина, я ее вспомнил. Я вам очень сочувствую.

ФИОЛЕТОВ. Да, как не сочувствовать?! Злодей и тот посочувствует.

ОБОЛЬЯНИНОВ. У меня тоскливое настроение...

ФИОЛЕТОВ. Вообразите, у меня тоже! Почему, неизвестно! Черт его знает! От тоски карты помогают хорошо!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не люблю карт, я люблю лошадей. Отец – Фараон, мать – Грустная. А-а... В тринадцатом году, в Петербурге он взял гран-при. На нем скакал маленький англичанин, забыл его фамилию... Напоминают мне они...

Голос глухо: «Напоминают мне оне... чужую жизнь...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь! Фараон!

ФИОЛЕТОВ. Я любил заложить фараон! Пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь, но зато как вы срежете ему карточку на полном ходу, и ляжет она как подкошенная, хлоп, как серпом, и сразу жарко! Черт, тоска под ложечкой какая-то! Покурим, что ли?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не хочу курить.

ФИОЛЕТОВ. Бросьте раскисать! Два месяца каких-нибудь еще, и уедем в Ниццу. Ах, Ницца, Ницца! Вы бывали в Ницце, граф?
ОБОЛЬЯНИНОВ. Бывал много раз...
ФИОЛЕТОВ. Я тоже, конечно, бывал, но только в глубоком детстве. Моя покойная матушка, помещица, возила меня... Да... Две гувернантки с нами ездили... Нянька... я, знаете ли, с кудрями... Вы в Монте-Карло играли?..
ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не люблю играть.. Я однажды проиграл сорок тысяч франков, мне было скучно...
ФИОЛЕТОВ. Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло? Наверное, бывают!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Не знаю... (*Изменился в лице.*)
ЗОЯ (*появилась*). Павлик, Павлик, не расстраивайся, не надо. Пойдемте, пойдемте в столовую! Что вы, детка, губы надули? Сейчас вы развлечетесь, придут все... Выпейте кофе.
ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не хочу кофе.

Зоя уводит его.

ФИОЛЕТОВ. Схватило!.. Вот человек!.. Черт!.. Экзотическое растение! Да-а... Вы мне объясните, товарищи, почему у меня скверное настроение? Вот чего я не могу сообразить.

Стук и шум за сценой. Фиолетов быстро снимает фрак, надевает френч с медальоном.

АЛЛИЛУЯ. Вашему жильцу-то, Мифической личности, вот ящик прислали. Посуда, трестовские образцы... Давайте сюда, товарищи! Я сам присматривал, а то они еще побьют, обормоты!
ФИОЛЕТОВ. Черт! Ишь, какой здоровенный! Куда же его приспособить?..
АЛЛИЛУЯ. Тихонько, тихонько, товарищи.
ФИОЛЕТОВ. Здесь его поставить, ведь пейзаж изгадит. Зоя Денисовна!
ЗОЯ (*выглянув*). Что?
АЛЛИЛУЯ. Здравствуйте, Зоя Денисовна!
ЗОЯ. Здравствуйте, товарищ Аллилуя. Что это за штука?..
АЛЛИЛУЯ. Да вот прислали ему... (*Указывает пальцем на дверь комнаты Мифической личности.*)
ПЕРВЫЙ ДВОРНИК. Сюда, что ль?
ЗОЯ. Нет, нет, нет... У него заперто, я не хочу без него открывать... Александр Тарасович, распорядитесь поставить его ко мне в спальню...
ФИОЛЕТОВ. Ладно... Давайте сюда, товарищи!..

Дворники вносят ящик в спальню Зои.

АЛЛИЛУЯ. За угол, за угол не заденьте, посуда...
ПЕРВЫЙ ДВОРНИК. Здеся?..
ФИОЛЕТОВ. Здесь и ставь. Так, хорошо.
ВТОРОЙ ДВОРНИК. Пятый этаж!..
ФИОЛЕТОВ. Да, пятый!.. Вот вам, товарищи, рубль за сверхурочную работу...
ВТОРОЙ ДВОРНИК. Мерси.
ФИОЛЕТОВ. С бо... то бишь, до свидания, товарищи дорогие!..

Жмет дворникам руки. Дворники уходят.

АЛЛИЛУЯ. Не нравится мне этот ящик!.. Может быть, что спешное, а его черта, целыми месяцами дома нет!..

ФИОЛЕТОВ. Приедет!.. Ликерцу рюмочку!..
АЛЛИЛУЯ. Нельзя мне сейчас. У нас в девять часов заседание комячейки. Запах этот, знаете ли, услышат... неприятностей не оберешься...
ФИОЛЕТОВ. Строго?..
АЛЛИЛУЯ. Не приведи бог!..
ФИОЛЕТОВ. Да-а... Кстати, о строгости! Зоя Денисовна вам осталась /должна/ два червонца, кажется, за электричество?
АЛЛИЛУЯ. Нет, три...
ФИОЛЕТОВ. Два!..
АЛЛИЛУЯ. Три!..
ФИОЛЕТОВ. Два с половиной!..
АЛЛИЛУЯ. Три!..
ФИОЛЕТОВ. Ну, три так три!.. Ничего не поделаешь!.. Прошу.
АЛЛИЛУЯ. Покорнейше благодарим... (*Интимно.*) Только вы уж, пожалуйста, Зое Денисовне скажите, чтобы она потише, в особенности с фокстротами с этими... такую беду можно нажить!..
ФИОЛЕТОВ. Да не беспокойтесь, уважаемый лорд-мэр. Мы благодарность от Наркомпроса получили...
АЛЛИЛУЯ. Да ну!..
ФИОЛЕТОВ. Честное слово! Вчера приезжали два каких-то пистолета из Наркомпроса, осматривали мастерскую...
АЛЛИЛУЯ. Ну, слава тебе господи!.. Ну, прощения просим. Пока...
ФИОЛЕТОВ. Пока...

Аллилуя уходит.

(*Сидя на ящике, записывает.*) Купюра Эл-Дэ. Миллион пять. Вот пиявка, прости господи! Объелся я, что ли? Отчего у меня дурное настроение духа, объясните, товарищи?! (*Снимает френч, надевает фрак.*)

Звонок.

Во!.. (*Улетает.*)

Пауза. В спальню входят Зоя и Алла.

АЛЛА. Приехал?..
ЗОЯ. Да, наверное, это он!..
АЛЛА. Зойка, Зойка, никогда и никому!..
ЗОЯ. Какая ты глупая!.. Погоди, погоди, я тебе поправлю складку. (*У зеркала.*) Хороша баба!.. Хороша!.. А ну, на меня, на меня пройдись!..
АЛЛА. Зойка!..
ЗОЯ. Да ну тебя!..

Слышен нежный вальс.

ФИОЛЕТОВ (*за стеной*). Херувим!
ЗОЯ. Ну, идем, он тебя оттуда выпустит!.. (*Тушит свет.*)

Спальня исчезает...
Затененная гостиная.

ФИОЛЕТОВ. Прошу вас!.. Присаживайтесь! (*Хлопает в ладоши.*) Ателье!

Открывается освещенная эстрада.
Алла появляется на эстраде.

ГУСЬ. Что такое?.. Что это значит?.. Очень хорошо, очень!..
АЛЛА (*тихо*). Ах!..

ГУСЬ. Ах! Как вам нравится этот «ах»? Замечательно, замечательно, Алла Вадимовна!
АЛЛА. Это вы?!
ГУСЬ. Нет, это мой сосед!..
АЛЛА. Как вы попали сюда?..
ГУСЬ. Как вам это понравится? А?.. Она спрашивает, как я сюда попал? В то время как я ее должен спросить, наоборот, как она сюда попала?..

Вальс.

АЛЛА. Я поступила модельщицей.
ГУСЬ. Она поступила модельщицей!.. Женщина, которая живет со мной, которую я люблю и которая меня, кстати говоря, замучила наповал. Женщина, на которой я, Борис Гусь-Хрустальный, собираюсь жениться, бросив мою супругу и пару малюток... которые очаровательны, как херувимы... так она поступает в модельщицы! Да ты знаешь ли, несчастная, да, именно несчастная, куда ты поступила?..
АЛЛА. Конечно, знаю! В ателье!..
ГУСЬ. Ну да, оно пишется ателье, а выговаривается — веселый дом. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где костюмы показывают под музыку?.. Ха, ха, ха...
АЛЛА. А как же вы сюда попали, в это ателье?..
ГУСЬ. Кто? Я? Я? Я мужчина! Я хожу в брюках, а не в платье, на котором разрез до самой шеи!.. Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь!.. У меня ее не осталось в жилах даже на полчервонца!.. У меня в сердце скука сидит, как змей! Я семь раз тебе делал предложение, и восемь раз ты мне отказывала!
АЛЛА. У меня тоже змей!.. Вот я и пришла сюда!..
ГУСЬ. Как, ты сделала это сознательно?..
АЛЛА. Совершенно сознательно!
ГУСЬ. Тэкс, видали вы сознательную женщину? Сознательные поступки, нечего сказать!.. (*Пауза.*) Сколько времени ты здесь?
АЛЛА. В первый раз сегодня!
ГУСЬ. Лжешь, кобра!..
АЛЛА. И не думаю лгать! Мне так надоело лгать, откровенно вам сказать, вы не можете себе представить!..
ГУСЬ. Сию минуту слезай с этого помоста и сию секунду уходи! Я тебя сейчас увезу!
АЛЛА. Нет! Я не поеду с вами!..
ГУСЬ. Ты, может быть, здесь останешься?..
АЛЛА. И здесь не останусь!.. Я уеду!..
ГУСЬ. Куда?
АЛЛА. За границу!..
ГУСЬ. За границу?!. Там ее уже все дожидаются! Спрашивают, отчего это Алла Вадимовна не едет?!. Пуанкаре волнуется.
АЛЛА. Да, волнуется, только не Пуанкаре, а мой жених!..
ГУСЬ. Кто, кто, кто? У тебя есть жених?..
АЛЛА. Да... В Париже!
ГУСЬ. Если у тебя есть жених, тогда ты знаешь, кто ты? Ты — дрянь!..
АЛЛА. Я поступила с вами нехорошо, это верно, тем, что скрыла это, но я не дрянь. Я никак не полагала, что вы в меня влюбитесь, я думала, что вам просто нужна содержанка, вот вы и имели ее, а мне нужны были ваши деньги...

ГУСЬ. Бери!.. Бери!..
АЛЛА. А вот теперь не хочу! Если вы меня любите, то брать не хочу денег, у вас не хочу! В другом месте достану и уеду!
ГУСЬ. А, теперь, когда ты в моих кольцах, так ты в другом месте достанешь?!. Ты посмотри на свои пальцы?..
АЛЛА. Нате, нате!.. (*Снимает кольца.*)
ГУСЬ (*хлопнув ее по руке*). К черту кольца!.. Ты пойдешь со мною или нет?!.
АЛЛА. Нет, не пойду!
ГУСЬ. Нет?!. Считаю до трех! Раз... два... Ты отвечай, нет?.. Считаю до десяти!.. Раз...
АЛЛА. Бросьте это, Борис Семенович. И до тридцати и до сорока – не пойду, не люблю!..
ГУСЬ. Ты – проститутка!..

Алла плюет в Гуся.

(*В исступлении, громко.*) Попрошу не плевать!

Обольянинов оборвал вальс, выглянул в ужасе.

ФИОЛЕТОВ (*появляясь*). Пардон-пардон! И не курить. Разменом денег не затруднять. Через переднюю площадку не входить. В чем дело?
ГУСЬ. Виноват. Попрошу вас выйти отсюда.
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон!

ГУСЬ. Я вам говорю, виноват!
ФИОЛЕТОВ. А я вам говорю – пардон!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Что такое? Алла Вадимовна!
ГУСЬ. А я вам говорю, виноват!
ФИОЛЕТОВ. А я вам говорю – пардон!
ЗОЯ (*выбежала*). Что случилось, господа?..
ГУСЬ. Позвольте вас поблагодарить, Зоя Денисовна! Вы мне в качестве модельщицы выставили мою невесту. Мерси!..
ЗОЯ. Как невесту?..
АЛЛА. Я не невеста вам!..
ГУСЬ. Я с нею живу!.. Вот, полюбуйтесь!..
ЗОЯ. Алла! Алла! Ах вы, ломака! Ваш поступок я не могу назвать иначе, как свинством! Вот что! Я же вас спрашивала, предупреждала... Вы мне сказали, что не связаны ни с каким мужчиной. К чему было врать?! К чему?! Это ваша работа!.. Вы и расхлебывайте скандал!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Какая странная история!..
АЛЛА. Не кричите на меня, Зоя, я сейчас уйду. Действительно, я виновата. Мне в голову не приходило, что Борис Семенович может посещать мастерскую!.. Прощайте!.. Туалет позвольте завтра вернуть, я сейчас не в силах переодеваться!..
ЗОЯ. Ну вас к богу с вашим туалетом!.. Дура! Дура! Дура!
АЛЛА. Ругайте меня покрепче! Я ничего не имею против, у меня только уши горят!.. Зойка, никому, хоть этого никому.
ЗОЯ. Дура!..
ГУСЬ. Стой!.. Куда?!. За границу?!.
АЛЛА. Издохну, но сбегу!..
ГУСЬ. Ну так вот, не будь я Борис Гусь-Хрустальный, если вы не получите шиш вместо заграницы. Увидите вы визу!..
АЛЛА. Без визы удеру!..

ГУСЬ. Не удастся!.. Будете вы вещи на Смоленском рынке продавать! Будете! Посмотрю я, как вы в вашем сиреневом туалете!..
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Очень хорошо говорите, глубокоуважаемый Борис Семенович, и резонно, только не кричите, а тихонько, тихонечко, а то все внизу слышно! Изложите в устной форме, но вполголоса! Такие происшествия нередки в высшем свете!
ГУСЬ. Уйди от меня, администратор!
ЗОЯ. Уйди, пожалуйста!
ФИОЛЕТОВ. Как я уйду?!.
ГУСЬ. Ты! Ты!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Я попрошу не оскорблять даму!
ГУСЬ. Пианист – отойди от меня!
ОБОЛЬЯНИНОВ. Я не пианист! Простите!
ЗОЯ. Павлик, милый, уйдите! Ничего дурного не будет! Они объяснятся, и все будет благополучно. Идемте, идемте. (*Увлекает Обольянинова.*)
ГУСЬ. Как приятно мне было бы облить тебя серной кислотой!
ФИОЛЕТОВ. Тихо, тихо, тихо!.. Пардон-пардон!

Алла машет рукой и скрывается.

ГУСЬ. Люблю!..
ФИОЛЕТОВ (*Манюшке*). Выпусти, выпусти Аллу Вадимовну.
ГУСЬ. Алла! Люблю! Алла! Возвратись! Я тебе визу достану! Визу достану! (*Ложится на ковер ничком.*)
ФИОЛЕТОВ. Пардон-пардон! Вы бы ликеру выпили, многоуважаемый Борис Семенович, для подкрепления сил!
ГУСЬ. Уйди!
ФИОЛЕТОВ. Коврик грязный!. Все устроится! Одна она, что ли, на свете! Плюньте, она даже и некрасивая, так – ординер![1]
ГУСЬ. Уйди! Скройся! Оставь меня одного, я буду тосковать!
ФИОЛЕТОВ. Отлично, потоскуйте! Я возле вас здесь вот папироски поставлю и ликерчик! Потоскуйте! (*Уходит и закрывает за собою двери.*)
ГУСЬ (*один на ковре*). Гусь тоскует! Ах, ах, ах, ах, до чего Гусь тоскует! Отчего ты, Гусь, тоскуешь? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму! Ах, ах, ах, ах, я бедный Борис! Все у него было хорошо! Всего Борис достиг, чего мог, и даже больше этого, и вот ядовитая любовь сразила Бориса! И он лежит, как труп в пустыне. И где? На ковре публичного дома! Я, председатель треста, лежу... (*Кричит.*) Алла, вернись!
ФИОЛЕТОВ (*приоткрыв дверь*). Пардон-пардон! Тихонечко, тихонечко, а то внизу пролетариат слышит!

Гусь машет рукой.
Фиолетов скрывается.

ГУСЬ. Ах, я несчастный. (*Тихо.*) Алла, вернись! Нет! Это кремень, а не женщина!

Херувим тихонько входит.

Уйди, я тоскую.
ХЕРУВИМ. Тоскуиси?
ГУСЬ. Ах, я тоскую!

[1] Ordinaire! – Обычная! (*Франц.*)

ХЕРУВИМ. Зацем тоскуиси? Ты очинь вазний. Ты циго таскуиси мал-мала? (*Прячет одно из валяющихся колец в карман.*)

ГУСЬ. Не могу я видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный. Херувим! Китайский человек! Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре!

ХЕРУВИМ. Писаль? Я тозе писаль!

ГУСЬ. Ах, китаец! Чего тебе печалиться? Ты молод. У тебя все **впереди. Ты еще в Коминтерн можешь поступить... Алла! Алла!**

ХЕРУВИМ. Мадама обманула? У, мадама! Все мадамы сибко нехороси, мало-мало. Ну, сто, сто? Ты другую мадаму забираись. Много мадама мало-мало в Москве!

ГУСЬ. Нет, не могу я себе достать мадаму. Ах, нет, не могу!

ХЕРУВИМ. Ах, тебе денг ниэт!

ГУСЬ. Ах ты, симпатичный китаец, глупый китаец! Разве может быть такой случай на свете, чтобы Гусь не имел денег! Помести меня на необитаемый остров, и через день у Гуся в кармане будут червонцы. Но только одного не может моя голова придумать, как эти червонцы превратить в любовь. Ах ты, китаец, мой китаец. На, смотри.

ХЕРУВИМ. А-а! Сикольки миного сирвонци!?

ГУСЬ. Утром получил пять тысяч, а вечером я получил такой удар! Ах, ужасный удар, от которого Гусь свалился! И мощный Гусь лежит на большой дороге. Пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как Гусь плюет на червонцы. Пфу, пфу!

ХЕРУВИМ. Плюесь денги? Смесной. У тебя денги ест. Мадама ниэт, ниэт, у меня мадама ест, а денг ниэт! Хоцю погладить сирвонси!

ГУСЬ. Гладь!

ХЕРУВИМ. А, сирвонсики... А, сирвонсики... А, сирвонсики, миленькие. (*Лицо его меняется.*)

ГУСЬ. Как мне забыться? Алла, Алла!

Херувим ударяет Гуся в спину под лопатку ножом.
Гусь умирает.

ХЕРУВИМ. Сирвонси. Теплый Санхай. (*Втаскивает Гуся в курильню, укладывает на диван, дает в руки трубку с опиумом, подбирает кольца.*)

ФИОЛЕТОВ (*выглянул*). Где он?

ХЕРУВИМ. Тис... я ему дал кулить! Ти не ходи, никто не ходи! Он сапакойний, осинь сапакойни!

ФИОЛЕТОВ. Молодец, ходя! (*Исчезает.*)

ХЕРУВИМ. Мануска, а Мануска!

МАНЮШКА. Чего тебе?

ХЕРУВИМ. Тис... Мануска, сицас Санхай бежи, бежи буди. Вокзал.

МАНЮШКА. Что ты, очумел?

ХЕРУВИМ. Я не цумел. Малаци. Сисас моклая бида буди. Сирвонси имеем. Бези.

МАНЮШКА. Ты что же сделал такое, черт? Ты говори! Чего молчишь? Что ты сделал?

ХЕРУВИМ. Я Гуся резил! Денг имеим!

МАНЮШКА. А, а, а, а...

ХЕРУВИМ (*душит ее*). Тис...

МАНЮШКА. Что ж это такое? Да ты врешь, дьявол? Господи Иисусе! Господи! Черт!

ХЕРУВИМ. Саламатли! (*Указывает на Гуся.*)

МАНЮШКА. Что же ты сотворил, сукин ты сын?! Пропали наши головушки! А барыня-то, барыня как же! Царица небесная!

ХЕРУВИМ. Сито, балыня, балыня! Зойки ницыво! А китайси сисас уголовни розиск бирет. Кантрами делит.

МАНЮШКА. Батюшки, батюшки, батюшки!

ХЕРУВИМ. Сисас беги, а то тибе лезать буду!

МАНЮШКА (*выскакивает в двери*). Господи!

Херувим за нею. Пауза.

ФИОЛЕТОВ. Борис Семенович! (*Стучит.*) Можно к вам? Я на минутку, проведать! Херувим! Борис Семенович! (*Входит к Гусю.*) Пардон-пардон! Я на секундочку! Лежите? Ну, лежите, лежите. Только как же это он вас одного оставил? Вы с непривычки можете перекурить. Ну, вот и ручки холодные? А-а... Что?!. А-а-а... Сукин кот!.. Бандит! Бандит! Мокрое дело! Этого в программе не было! Как же теперь быть? Все засыпались! Разом! Крышка! Гроб! Херувим! Херувим! Ну конечно, дал ходу! Ограбил и ходу дал! Сволочь, сволочь. Что теперь делать, дорогие товарищи? Деньги на текущем... Завтра его хватятся... Пропали полторы тысячи, и дело кончено! Вот тебе и Ницца, вот тебе и заграница! Аминь!.. Чего же это я сижу?! Сижу-то я чего же?! Ходу! Ходу! Ходу! (*В спальню Зои, вынимает из стола деньги, схватывает свой чемодан, выбегает в гостиную, закрывает за собою двери, снимает фрак, надевает френч и кепку.*) Верный мой товарищ, чемодан! Опять с тобой вдвоем! А куда? Объясните мне, куда податься?! Судьба ты моя, судьба! Звезда ты моя горемычная! Прикупил к пятерке... Ходу! Ну, Зоечка, прощай! Прощай Зойкина квартира.

ЗОЯ (*выходит*). Александр Тарасович! Александр Тарасович! (*Стучит.*) Господа, можно? (*Входит в курильную. Слышен ее глухой крик. Выскакивает.*) А, что же это такое? А-а? (*Видит брошенный фрак.*) Да неужто же это он?! Негодяй! Судьба моя! Манюшка! Манюшка! Манюшка! (*Убегает, возвращается.*) И она, и она! Это немыслимо! (*Врывается в спальню.*) Павлик! Павлик!

ОБОЛЬЯНИНОВ (*входит в спальню*). Что с вами, Зоя?

ЗОЯ. Павлик, стряслась беда! Беда!..

ОБОЛЬЯНИНОВ. Как стряслась?

ЗОЯ. Павлик, эти негодяи, китаец с Фиолетовым, убили Гуся. Ужас! Ужас! И Манюшка с ними участвовала! И пока мы с вами сидели в столовой, удрали, а нас бросили на произвол судьбы...

ОБОЛЬЯНИНОВ. Вы шутите?!

ЗОЯ. Опомнитесь, Павлик! Поймите, в квартире — труп! Он весь в крови лежит, я чуть с ума не сошла! Мы пропали, пропали!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Позвольте... Но, ведь это ужасно! Нас же никто не может обвинить с вами в убийстве... Если эти мерзавцы... при чем же мы-то здесь... я не постигаю...

ЗОЯ. Не только могут, но наверное обвинят! Павлуша, нельзя терять ни одной минуты. Сейчас же нужно бежать!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Бежать?!. Я ничего не постигаю... Вы... я... Обольянинов... в убийстве меня... Это невозможно... Возмутительно! Я протестую!

ЗОЯ. Павлушка, опомнись. Документы есть? Документы в кармане?

ОБОЛЬЯНИНОВ. Документы? Что это происходит, Зоя?

ЗОЯ (*открыв ящик*). Нет, нету! Ах, прохвост! Прохвост! Сашкина работа! Путинковский!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Не постигаю...

ЗОЯ (*схватившй шляпу*). Некогда постигать, потом постигнем...

Ящик открывается.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Зоя, что творится у вас в квартире, в конце концов?!

ЗОЯ. А! А! Кто это? Кто это? Что такое?

ВАНЕЧКА (*вылезает из ящика. Он в смокинге и весь в опилках*). Тихо, тихо. Спокойно, гражданчики!

ЗОЯ. Это бандит! Он зарезал Гуся!

ВАНЕЧКА. Спокойно, гражданочка, к порядочку, к порядочку. Мы с мандатиком, никого не режем... (*Закрывает внутреннюю дверь спальни на ключ.*) Вот!

ЗОЯ. Позвольте. Поняла! Павлик, успокойтесь! (*Бросает шляпу.*) Это уголовный розыск!

ВАНЕЧКА. Абсолютно. Дамблэ[1].

ОБОЛЬЯНИНОВ. Ничего не понимаю! Это кошмар, а не страна! Открываются ящики, режут кого-то... вылезают сейчас же в бальных костюмах... бывшие куры... дамблэ...

ЗОЯ. Павлик, придите в себя! Будьте мужчиной!

ВАНЕЧКА (*по телефону*). Шесть-шестьдесят шесть. Дубль Вэ.-Я. Товарищ Пеструхин, так нельзя. На четверть часа всего опоздали, а тут беспокойство. Тугоплавкого председателя – Бориса Гуся-Хрустального Херувим пришил, в квартире. Не мог помешать. В дальней комнате поставили. На все вокзалы и к Газолину. Всех в смокингах надо. Гостями. В ожидании. Двух имею в распоряжении: Обольянинова и Зою, пока.

ЗОЯ. Это грандиозно! Вы были в ящике и, значит, все слышали, что я здесь говорила?

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ЗОЯ. Вы будете свидетелем, что ни я, ни Павел Федорович Обольянинов никакого отношения к убийству не имеем!

ВАНЕЧКА. Лишнего не припишут! У нас строго!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Так, так! (*Заглянув в ящик.*) Ага! Понимаю! У меня немножко прояснилось в голове! Вас, значит, подослали? А как же вы узнали, что его зарежут? Напоминают мне они... Очень остроумно... Вы курите? У вас очень энергичное лицо.

ВАНЕЧКА. Курю, спасибо.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Позвольте узнать, почему вы в смокинге?

ВАНЕЧКА. А, это мы к вам гостями сегодня...

ОБОЛЬЯНИНОВ. К смокингу не надевают белый галстух! Полагается – черный. А к фраку черный надевают только на похоронах.

ВАНЕЧКА (*расстроился*). Ну, вот халтурщик! Говорил я ему! Нету у него черных галстуков!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Неужели нас в тюрьму посадят? Позвольте узнать?

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ЗОЯ. Дикая судьба! Ох, черт! Павлуша, не волнуйтесь, это не так страшно!

Стук и шум. Входят все в смокингах и белых галстуках.

[1] D'émblée. – Сразу. (*Франц.*)

ПЕСТРУХИН (*заглянув в курильню*). Тэкс, тэкс, тэкс... (*Запирает дверь на ключ.*) Ванечка? Двух только?

ВАНЕЧКА. У меня, товарищ Пеструхин, только два уха, а не четыре... Тихо сработали, я ничего не слышал.

ЗОЯ. Он свидетель! В убийстве мы, конечно, не участвовали, это чистая случайность!

ТОЛСТЯК. Пожалуйте, дамочка. Прошу одеваться.

ЗОЯ. Это мой муж! Я с ним вместе! Позвольте мне взять только с собою лекарство. Он болен, без этого жить не может. Уж вы не обижайте его!

ТОЛСТЯК. Пожа, пожа! Там его в лазарет поместят, на слабую порцию.

ЗОЯ. Имейте в виду, что все эти негодяи бежали! Мы с Обольяниновым ни в чем не участвовали, запомните это! Это китаец, я даже не знаю, как его зовут. Он гладил юбки. И Фиолетов мерзавец, которого я приютила! Вы – ловкач в опилках, кого же вы берете? Вполне приличного человека. Они бежали. А убийцы бежали, бежали...

ТОЛСТЯК. Как это можно бегать? Что вы? Куда ж это они убегут? По СССР бегать не полагается! Каждый человек должен находиться на своем месте!

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ЗОЯ. Прощай, прощай, моя квартира! Ах, как все глупо!

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, теперь я убедился, все-таки вы изумительно это сделали!

ЗОЯ. Ах, Павлик, Павлик!

ПЕСТРУХИН. По черному ходу, чтобы никто не видал, на лестнице попрошу не разговаривать, дамочка, за это ответите!

Неизвестные выводят Зою и Обольянинова.

Нуте-с. До приезда следователя в делишках надо разобраться. Я, стало быть, бумагами займусь, а вы принимайте. И каждого ко мне. (*Уходит в спальню.*)

ТОЛСТЯК. Ясно и понятно. Ванечка, программу.

Ванечка играет фокстрот.

(*Пьет ликер.*) Хороший ликер.

Звонок.

МИФИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ (*с чемоданчиком*). Зоя Денисовна дома?

ТОЛСТЯК. Как же, дома, пожалуйте.

МИФИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ. Это что же, вы в гостях у Зои Денисовны?

ТОЛСТЯК. Как же, гости!

ВАНЕЧКА. Абсолютно.

ЛИЧНОСТЬ. Позвольте пройти, гражданин.

ТОЛСТЯК. Куда?

ЛИЧНОСТЬ. В мою комнату. Что вы, гражданин?

ТОЛСТЯК. Ваша комната занята.

ЛИЧНОСТЬ. Как это так? На каком основании, позвольте?

ТОЛСТЯК. Не напирайте, гражданин, на гостя. К порядочку. Комната занята.

ЛИЧНОСТЬ. Кем? Это произвол! Я буду жаловаться. Я лично известен.

ТОЛСТЯК. Вы здесь проживаете?

ЛИЧНОСТЬ. А то где ж? Зоя Денисовна! Мне нравится этот вопрос! В этой комнате номер один.

ТОЛСТЯК. Арестуем вас тогда!
ЛИЧНОСТЬ. Как арестуете? За что же? Виноват!
ТОЛСТЯК. В вашей комнате убийство...
ЛИЧНОСТЬ. Что? Убийство? Да что вы говорите? В какой комнате? В этой, вы говорите? Тогда я, видите ли, не проживаю в этой комнате. Тут недоразумение. Меня и вовсе в этой квартире нет. Фактически я нахожусь в данный момент в Нижнем Новгороде. Я, по секрету вам скажу, что в этой квартире – я Мифическая личность.
ТОЛСТЯК. Как ваша фамилия?
ЛИЧНОСТЬ. Зачем вам фамилия? Когда я в Нижнем Новгороде!
ТОЛСТЯК. Ну, пожалуйте сюда! Товарищ Пеструхин! Ромуальд Муфтер прибыл.
ЛИЧНОСТЬ. Вы меня разве знаете? Очень приятно познакомиться. Я прямо поражен. Я сейчас вам все расскажу, и вы увидите, что это чистой воды недоразумение. Извиняюсь, я вам на ногу наступил.
ТОЛСТЯК. Пожалуйте сюда.

Звонок.

АЛЛИЛУЯ. Здравствуйте, граждане. Гражданка Пельц дома?
ТОЛСТЯК. Пожалуйте в гостиную, дома.
АЛЛИЛУЯ. Вы что же, гости у Пельц?

ТОЛСТЯК. А вам какое дело?
АЛЛИЛУЯ. Это вы кому ж так говорите, гражданин? Как это какое? Довольно грубо! Я председатель домкома. Вас могу спросить, какое вам тут дело? А вы мне в ответ фокстрот разыгрываете, запрещенный танец!
ТОЛСТЯК. Гуся знали?
АЛЛИЛУЯ. Что такое, в самом деле? Зоя Денисовна! Мне к гражданке Пельц, пропустите, пожалуйста.
ВАНЕЧКА. Отвечай, гражданин, на вопрос.
АЛЛИЛУЯ. Да вы кто ж сами будете?
ТОЛСТЯК. Гуся знал?
АЛЛИЛУЯ. Как же-с. (*Оглядывается.*) Они в нашем доме проживают. Да... (*Пауза.*) Как же... Гуся, да... Я давно, товарищи дорогие, стал замечать... подозрительная квартира. Хожу под окнами, и в груди у меня сосет, сосет. Думаю, что такое? Все тихо, мирно, а вот не нравится мне... Мастерская... А между тем спокойствия у меня нет... Я и сейчас для наблюдения сюда прибыл.
ВАНЕЧКА. Гражданчик, деньги от Пельц брали?
АЛЛИЛУЯ. Что вы, товарищ? Даже мне прямо смешно. Ге, ге, ге, ге... Довольно оскорбительно.
ВАНЕЧКА. У тебя в кармане купюра. Эл-Де. Миллион пять.
АЛЛИЛУЯ (*угасая*). Что вы, товарищ?! (*Сует в рот бумажку.*)
ВАНЕЧКА. Что ты, дефективный, что ли? Червонцы грызешь?
АЛЛИЛУЯ. Я, товарищи, человек малосознательный, от станка... перепугался...
ТОЛСТЯК. Гуся у тебя под носом режут вечерние гости, а ты червонцами закусываешь!.. Председатель свинячий!
АЛЛИЛУЯ (*нежным тенором с трелью*). Товарищи, принимая во внимание мое происхождение, а равно темноту и невежество, как наследие царского режима... считать приговор условным... Что это та-

кое говорю, я и сам не понимаю. Товарищи, не погубите Аллилую. Кандидат я в ряды!

ТОЛСТЯК. Товарищ Пеструхин! Кандидат Аллилуя прибыл! Теперь народонаселение все целиком и полностью!

ПЕСТРУХИН (*за сценой*). Этого ко мне! Меняйте свет для оживления! Принимайте посетителей!

ТОЛСТЯК. Ванечка! (*Зажигает яркую лампу, открывает окно.*)

ВАНЕЧКА. Есть. (*Играет бравурный марш.*)

ТОЛСТЯК. Пожалуйте.

АЛЛИЛУЯ (*идет под марш и рыдает*). Зойку-то, Зойку-то взяли ли? Корень всякого зла. Целиком и полностью. Погубила ты меня, кандидата, змеиная квартира!..

В ответ Ванечкиному маршу, как страшная музыкальная табакерка, играет московский двор и улица...

Конец·

Москва, 1925–1926 гг.

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ С ПРАВКОЙ, ВНЕСЕННОЙ В ТЕКСТ В ХОДЕ РЕПЕТИЦИИ СПЕКТАКЛЯ В ТЕАТРЕ ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 164

ЗОЯ. Алле-гоп! Домком – око. Недреманное. Домком – око, а над домкомом еще око.

АЛЛИЛУЯ. //[1] Вы социально опасный элемент!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

К стр. 168

ЗОЯ. Павлик, я заплачу, погодите.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Нет, нет, нет. С какой стати... **Ну, хорошо** // Вот тебе еще рубль на чай.

К стр. 170

ОБОЛЬЯНИНОВ. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах // и говорит: **«У вас слишком светлая комната.** Вы бывший граф». Я говорю – простите... Что это значит – «бывший граф»? ⟨...⟩

К стр. 170

ОБОЛЬЯНИНОВ. А дальше ⟨...⟩ Оказывается, какой-то **красный** профессор сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха.

К стр. 173

АМЕТИСТОВ. В чемодане шесть колод карт и портреты вождей. Спасибо дорогим вождям, ежели бы не они, я бы прямо с голоду издох. //

ЗОЯ. Ну, ты и тип!

К стр. 174

АМЕТИСТОВ. Темные арапы, говорю тебе, темные! ⟨...⟩ И скончался **у нас в квартире** Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный. // Взял я, стало быть, партбилетик у покойника и в Баку ⟨...⟩

[1] Здесь и далее двойная косая черта вводится в текст для обозначения купюр, сделанных театром.

К стр. 174

АМЕТИСТОВ. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее. Мон дье! //

ЗОЯ. Документы-то у тебя есть?

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 179

ПЕРВАЯ. Шикарно поставлено дело. //

АМЕТИСТОВ. Пардон-пардон! Я не смотрю. Манто ваше очаровательно. (*Исчезает.*)

ПЕРВАЯ. Какое там очаровательно. (*Смотрится в зеркало.*) Неужели у меня такой зад? Этого не может быть. //

АМЕТИСТОВ // (*Проносится.*) Пардон-пардон, я не смотрю.

К стр. 179—180

ШВЕЯ. Постараюсь. (*Стучит.*) //

ВТОРАЯ. Простите, кажется, моя очередь?

ТРЕТЬЯ. Ваша. //

ВТОРАЯ. Голубушка, только запáх должен быть больше, больше!

К стр. 180

АМЕТИСТОВ (*входит*). Милости просим, **Гитана Абрамовна.**

ГИТАНА. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Аметистов.

АМЕТИСТОВ. Присаживайтесь, **Гитана Абрамовна.**

ГИТАНА. Мерси, я на минуту. (*Закройщице.*) Здравствуйте, дорогая.

ЗАКРОЙЩИЦА. Здравствуйте, **мадам.**

ЗОЯ (*выходит*). Очень рада, очень рада...

ГИТАНА. Здравствуйте, милая Зоя Денисовна.

ЗОЯ. **Здравствуйте.** (*Тихо третьей.*) Прошу вас, уступите вашу очередь **Гитане Абрамовне.** Она, наверное, спешит...

К стр. 182

АМЕТИСТОВ (*входит*). Уф! Ну-с, дорогие товарищи, закрывайте лавочку. // Отдыхайте, товарищи дорогие, согласно Кодекса труда. // Не надо убирать, Варвара Никаноровна, товарищ Манюша все сделает.

ЗАКРОЙЩИЦА. Прощайте, Александр Тарасович.

ШВЕЯ. До свидания.

Уходят.

АМЕТИСТОВ. До свидания, до свидания... У, черт, замучили, окаянные. // Фу... // Ну, вот что, кузина. Дела важные. Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке.

К стр. 185

АЛЛА (*пятясь*). Вечером. // Зоя, это штука. Это штука!

ЗОЯ. До рождества только четыре месяца. К рождеству вы свободны как птица, в кармане у вас виза и не сто пятьдесят червонцев, а втрое, вчетверо больше... // Весной вы увидите Большие бульвары.

К стр. 185

ЗОЯ. Ап! (*Раскрывает шкаф.*) Выбирайте. Мой подарок. Любое!
АЛЛА. **Черное.**

Сцена гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 186

АМЕТИСТОВ. Гусь? Что ж ты молчишь? (*Впадает в панику.*) Гусь, Гусь, Гусь! Господа, Гусь! // Племянница Манюшка!
МАНЮШКА (*появляясь*). Вот она я.

К стр. 186—187

ОБОЛЬЯНИНОВ. Сносно, мерси. //
АМЕТИСТОВ. Вуаля. Ведь этой рай. А? ⟨...⟩

К стр. 187

ОБОЛЬЯНИНОВ. Какие-то с рыжими бородами выкинули меня...
АМЕТИСТОВ. Это печальная история. // Вот он, черт его возьми... Где ты пропадал?

К стр. 189

ГУСЬ. Мерси. У вас есть администратор? Это замечательно. Посмотрим, посмотрим, какой у вас администратор. //
АМЕТИСТОВ. // Глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться — Аметистов.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 194

Осенний вечер в квартире Зои. Цветы в вазах. Аметистов во фраке. //

АМЕТИСТОВ. Ик. Пардон.

Звонит телефон.

Херувим, телефон.

К стр. 196

АМЕТИСТОВ. Я любил заложить фараон. ⟨...⟩ Хлоп, как серпом! // Эх! Бросьте раскисать, братишка! Три месяца еще, и мы уедем в Ниццу.

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 200

Ночь. Квартира ярко освещена. Шампанское. Цветы. Во всех комнатах идет пир. При открытии занавеса звенит гитара, звенят бокалы.

ЛИЗАНЬКА (*стоя на столе поет под аккомпанемент Аметистова на гитаре*). //
Я ли милую мою из могилы вырою,
Вырою, обмою...
АМЕТИСТОВ (*с пафосом*). И опять зарою!

К стр. 202

КУРИЛЬЩИК (*поднимается на стол, тянется губами*). **Я думал, что это мальчик.** (*Скрывается в нише.*) Дарю.
ПОЭТ. // Лизанька, он подарил ваш поцелуй мне.

К стр. 202—203

Фокстрот за сценой принимает несколько дикий характер. 〈...〉
В фокстроте вылетает Иванова с фокстротчиком. //

МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выплывает с хриплым пением*). Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...

К стр. 203

АМЕТИСТОВ (*внезапно*). Пардон, пардон. Чего же вы расстроились, почтенный Иван Васильевич? Что вы, что вы? Чего вам не хватает в жизни? // Неудобно, неудобно, Иван Васильевич. Позвольте, я вам нашатырного спирта накапаю.

К стр. 204—205

Херувим в позе китайского божка остается в нише. В его агатовых глазах забота. //

АМЕТИСТОВ (*входя*). Херувим, сейчас должна прийти Алла Вадимовна 〈...〉

К стр. 205

ГУСЬ. Гусь, ты пьян. 〈...〉 Душа твоя мрачна. Почему? **Почему?** // Ах, Зоя! Змея обвила мое сердце, и я догадываюсь, что она дрянь.

К стр. 205—206

ГУСЬ. Администратор! Ты устроил на Садовой улице, в Москве, Париж, в котором отдохнула моя измученная душа. //
АМЕТИСТОВ. Специалите де ла мезон[1].
ГУСЬ. На!
АМЕТИСТОВ. Данке зер. (*Манит пальцами кого-то из-за занавески.*)

Лизанька и Иванова появляются.

ГУСЬ. Вы прямо весталки. (*Дает* **Лизаньке** *деньги.*) **На!**
ЛИЗАНЬКА. Рады стараться, ваше превосходительство.
ГУСЬ (*целует Иванову*). На!
ИВАНОВА. В вас есть что-то азиатское.

[1] Spécialité de la maison. — Только у нас. (*Франц.*)

ГУСЬ (Мымре). Я на вас не сержусь! На!//

Херувим входит.

К стр. 206

АЛЛИЛУЯ. Это другой разговор. (*Исчезает.*) //
ХЕРУВИМ (к Зое). Алла Вадимовна присла!
ЗОЯ. Через мою спальню проведи сюда, чтоб никто не видел. (Аметистову.) Зови гостей.
АМЕТИСТОВ. Понимаю, гвоздь программы. (Уходит.)

//*Зоя пробегает в переднюю* 〈...〉

К стр. 207

АМЕТИСТОВ (*у занавеса*). **Пардон, счастливый экспромт сверх программы. Черный с золотом** туалет! Демонстрирован на вечере у президента Французской республики 〈...〉

К стр. 208

ГУСЬ. Вон! Спасибо вам, Зоя Денисовна. Спасибо, спасибо! Вы мне в качестве модельщицы выставили мою невесту! Мерси.
МЕРТВОЕ ТЕЛО. Слава богу, развеселили меня.
АЛЛА. Я не невеста вам!

К стр. 208

ГУСЬ. Все вон!
ОБОЛЬЯНИНОВ (*оборвав вальс*). Что такое?//
АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Прошу, господа. Пожалуйте. Маэстро, в зал! Господа, такие происшествия не редки в высшем свете. Прошу! **Маленькое объяснение, а потом общий грандиозный фокстрот.**
ЗОЯ. Павлик, фокстрот немедленно.// Мадам Иванова...
ГУСЬ. Прошу.//
ЗОЯ. Сашка, уладь, уладь, уладь! (*Исчезает, закрывает за собою дверь.*)

//*На сцене остаются Алла и Гусь.* 〈...〉

К стр. 208

ГУСЬ. Кто? Кто? Кто? Жених? Ну знаешь, если у тебя есть жених, тогда ты знаешь, кто ты? Ты — дрянь!
АМЕТИСТОВ. Совершенно верно!

К стр. 209

ГУСЬ. Ты — проститутка!
АМЕТИСТОВ. Совершенно верно!

К стр. 209

ЗОЯ (*как фурия*). Спасибо, спасибо! Великосветская дрянь!
АЛЛА. Не смейте оскорблять меня.// **Прощайте!** Туалет я вам верну.

К стр. 209

АЛЛА. Без визы удеру!

Мертвое тело в дверях.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. **Убрать китайцев и латышей!**
РОББЕР. Иван Васильевич! (*Увлекает его назад.*)

К стр. 209

ГУСЬ. Будете вы вещи на Смоленском рынке продавать!//Ах, ах...

К стр. 210

ГУСЬ. Алла, люблю! Алла, вернись! Я тебе визу достану! Визу... (*Ложится на ковер ничком.*)//

Манюшка странно пробегает, задерживаясь у Гуся.

АМЕТИСТОВ. Коврик грязный! 〈...〉

К стр. 210

АМЕТИСТОВ. Пардон, пардон. Тихонечко, а то внизу пролетариат слышит. (*Скрывается.*)

ГУСЬ. **Скройся, Мефистофель!** Ах, я несчастный!//

Херувим, крадучись.

К стр. 210

ГУСЬ. Утром получил пять тысяч, а вечером такой удар, от которого я, **мощный Гусь,** свалился. Я лежу **на ковре публичного дома, как труп в пустыне. Я – коммерческий директор!** Каждый в побежденного Гуся плюет, как Гусь плюет на червонцы! Тьфу, тьфу!

К стр. 212–214

ПЕСТРУХИН. Кто за дверями?

ЗОЯ. Гости, у меня именины.//

ВАНЕЧКА (*открывает двери*). **Граждане, пожалуйте сюда.**

За сценой сразу обрывается фокстрот.

ТОЛСТЯК (*по телефону*). Шесть-шестнадцать-два нуля, добавочный одиннадцать. Товарищ Каланчеев. Я говорю. Ну я, я. Следователя и доктора. Садовая, 105, квартира 104. **На все вокзалы. Аметистова, Сен-Дзин-По, по кличке Херувим.**

ЗОЯ. Марию Горбатову.

ТОЛСТЯК. Знаю, знаю, мадам. Марию Горбатову.

Из внутренних дверей высыпают гости, все. //

РОББЕР. Простите, в чем дело? Семейные именины. Это законом не преследуется. Я сам юрист.

ТОЛСТЯК. В квартирке убийство, гражданин юрист.

ВСЕ. Что, что такое? Господа, позвольте!..

МЫМРА. Гуся убили! (*Падает в обморок.*)//

ИВАНОВА. Что ж делать?

ЛИЗАНЬКА. Сидеть будем без конца, лам-ца-дрица-а-ца-ца!

МЕРТВОЕ ТЕЛО (*выплывает*). Слава тебе господи, наконец-то! Скука дьявольская. Раздевайтесь, братцы, раздевайтесь, братцы. Мы сейчас такой тарарам устроим...

РОББЕР. Заткнись, идиот. В квартире убийство!

Суета. // ***Звонок.***

ПЕСТРУХИН. Тише. Ванечка, впустить. Граждане, никаких разговоров о происшествии, за это строго ответите. Попрошу соблюдать прежнее настроение.

Звонок повторяется. //

АЛЛИЛУЯ. Здрасьте, граждане. Зоя Денисовна, вечерок еще не кончился? Соседи обижаются.

ТОЛСТЯК. Вы кто такой, гражданин?

АЛЛИЛУЯ. Довольно странно. Это я вас, председатель домкома, могу спросить, кто вы такой?

ТОЛСТЯК. Гуся знал?

АЛЛИЛУЯ. Да что это вы в самом деле? //

ПЕСТРУХИН. Отвечай, гражданин, на вопрос.

АЛЛИЛУЯ. //А? Гуся? Как же, как же, знаю. Они в нашем доме проживают, товарищи. Я, товарищи дорогие, давно начал замечать. Подозрительная квартирка. // Я и сейчас, товарищи дорогие, для наблюдения прибыл. //

ЗОЯ (*внезапно*). Для наблюдения! Ах ты, мерзавец! // Я ему деньги платила. У него и сейчас в кармане моя десятичервонная бумажка, и я знаю номер!

Аллилуя засунул в рот червонец.

ТОЛСТЯК. Ты что же это? Дефективный, что ли? Червонцы грызешь!

АЛЛИЛУЯ. Я, товарищи, человек малосознательный. // Испугался.

ТОЛСТЯК. Испугался! У тебя под носом Гуся режут.

ПЕСТРУХИН. А ты червонцами закусываешь, председатель свинячий!

АЛЛИЛУЯ. Господи Иисусе! (*Падая на колени.*) Товарищи, принимая во внимание **мое происхождение,** темноту и невежество, как наследие царского режима, а равно также... считать приговор условным... Что такое говорю, и сам не понимаю.

[ТОЛСТЯК. Поднимайся.

АЛЛИЛУЯ. Товарищ...

РОББЕР. Нельзя ли по телефону позвонить?

ТОЛСТЯК. Телефон отпадает.

ПЕСТРУХИН. Ванечка, забирайте. Граждане, пожалуйте. На лестнице, граждане, никаких разговоров. За это ответите.

РОББЕР. Какие уж тут разговоры, разве что о погоде.

МЕРТВОЕ ТЕЛО. Ехать так ехать, сказал попугай. (*Валится к пианино и играет бравурный марш.*)

ПЕСТРУХИН **(Толстяку).** Забрать его. **Переложили, гражданин.**

ОБОЛЬЯНИНОВ. А... теперь начинаю понимать... Но, скажите, почему вы в смокингах?

ВАНЕЧКА. А это мы гостями к вам.

ОБОЛЬЯНИНОВ. Тогда к смокингу не надевают желтые ботинки.

ВАНЕЧКА. Вот халтурщик, говорил я ему?

ЗОЯ. Павлушка, будьте мужчиной. Я вас не брошу в тюрьме. Прощай, прощай, моя квартира!]

Финальная фраза всех муровцев: «Граждане, ваши документы!»

Занавес

Конец

Москва, 1926 г.

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в пяти действиях

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРАФИМА ВЛАДИМИРОВНА КОРЗУХИНА, лет 25, петербургская дама.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ГОЛУБКОВ, лет 29, сын профессора-идеалиста.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АФРИКАН, архиепископ симферопольский и карасубазарский, архипастырь именитого воинства, он же, страха ради иудейска, химик МАХРОВ.

ПАИСИЙ, монах.

БАЕВ, товарищ.

ПЕРВЫЙ БУДЕНОВЕЦ.

ВТОРОЙ БУДЕНОВЕЦ, с фонарем.

ГРИГОРИЙ ЛУКЬЯНОВИЧ ЧАРНОТА, 35 лет, запорожец по происхождению, генерал-майор, командующий сводной кавалерийской дивизией в армии генерала Врангеля.

БАРАБАНЧИКОВА, мадам, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

ЛЮСЬКА, походная жена генерала Чарноты.

КРАПИЛИН, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

МАРКИЗ ДЕ БРИЗАР, обрусевший француз, командир гусарского полка в дивизии Чарноты.

ГУСАРСКИЙ РОТМИСТР той же дивизии.

ИГУМЕН, дряхлый и начитанный.

МОНАХИ.

РОМАН ВАЛЕРИАНОВИЧ ХЛУДОВ, 35 лет.

ГОЛОВАН, есаул, адъютант Хлудова.

БЕЛЫЕ ШТАБНЫЕ ОФИЦЕРЫ.

КОМЕНДАНТ СТАНЦИИ.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ.

НИКОЛАЕВНА, жена начальника станции.

ОЛЬКА, дочь начальника станции, 4-х лет.

КОРЗУХИН ПАРАМОН ИЛЬИЧ, муж Серафимы, лет 45.

ТИХИЙ, начальник контрразведки.

СКУНСКИЙ, ГАДЖУБАЕВ — служащие в контрразведке.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ вооруженными силами Юга России.

Его КОНВОЙНЫЕ КАЗАКИ.

ЛЕТЧИК.

ЛИЧИКО В КАССЕ.

АРТУР АРТУРЫЧ, тараканий царь.

ФИГУРА В КОТЕЛКЕ И В ИНТЕНДАНТСКИХ ПОГОНАХ.

ТУРЧАНКА-МАМАША.

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА.

АНГЛИЙСКИЕ, ФРАНЦУЗСКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ МОРЯКИ.

ТРОЕ В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ, С ГАРМОШКАМИ.

ТУРЕЦКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ.

МАЛЬЧИШКИ (турки и греки).

МУЭДЗИН.

АРМЯНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОЛОВЫ В ОКНАХ.

АНТУАН ГРИЩЕНКО, лакей Корзухина.

ГРЕК-ДОНЖУАН.

Сон первый происходит в Северной Таврии, в октябре 1920 года.
Второй сон — где-то в Крыму в начале ноября 1920 года.
Третий и четвертый — в начале ноября в Севастополе.
Пятый и шестой — в Константинополе, летом 1921 года.
Седьмой — в Париже, осенью 1921 года.
Восьмой, последний — осенью 1921 года, в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «...Святителю отче Николае...» Из тьмы возникает скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви, где-то в Северной Таврии. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продаются свечи, широкую лавку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На лавке, укрытая с головою попоной, лежит и страдает мадам Барабанчикова. Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится что-то в нем разглядеть. В высоком игуменском кресле сидит Серафима Владимировна Корзухина. Она в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданчиком, сидит Сергей Павлович Голубков, петербургского вида молодой человек, в черном пальто и в перчатках.

МОНАХИ (*поют таинственно*). ...Святителю отче Николае, моли бога о нас...

ГОЛУБКОВ (*прислушавшись*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Поют... У них внизу подземелье... пещеры, как в Киеве. Вы бывали когда-нибудь в Киеве, Серафима Владимировна?

СЕРАФИМА. Нет. Что? В Киеве? Нет.

ГОЛУБКОВ. Как странно. Временами мне начинает казаться, что я вижу сон. Бежим мы с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам... Попали в церковь. Я, сидя на чемодане, заскучал по Петербургу. Вдруг вспомнилась так отчетливо моя лампа на Караванной, книги...

СЕРАФИМА (*шепотом*). Зачем же вы бежали, Сергей Павлович? Нужно было остаться.

ГОЛУБКОВ. О нет! Это бесповоротно, и пусть будет, что будет. И потом, вы уже знаете, что скрашивает мой путь... С тех пор, как мы встретились в коридоре вагона, под фонарем, прошло ведь, в сущности, немного времени... один месяц скитаний, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно, давно. Мне чудится коридор дней, освященных вашими глазами. И когда они со мной, я не чувствую тяжести. Мысль о вас я легко несу через октябрьскую мглу. Пусть нам светит фонарь в теплушке. Я донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. (*Помолчав.*) А вы будете рады, Серафима Владимировна? Когда увидите его? Молчите? Ну, тогда я вам скажу. Я успокоюсь за вас, но в то же время буду страдать.

СЕРАФИМА. Почему?

ГОЛУБКОВ. Мне станет скучно без вас. Мне иногда мучительно хочется представить себе, каков он. Что это за человек. Скажите, он умен? Он смел? Быть может, добр, красив?

СЕРАФИМА. Вы же видели его карточку. Он очень богат.

ГОЛУБКОВ. И больше никаких слов для него у вас нет? О... печально. Но а зачем же вы связали с ним свою жизнь?

СЕРАФИМА. Я петербургская женщина. Вышла, ну и вышла.
ГОЛУБКОВ. Ну что ж, я думаю, что завтра все разъяснится. Вот близок Крым, я привезу вас и сдам ему.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив руку.*) Позвольте, да у вас жар!
СЕРАФИМА. Нет, пустяки.
ГОЛУБКОВ. Как пустяки! Жар, ей-богу. Этого еще не хватало!
СЕРАФИМА. Вздор, Сергей Павлович! Пройдет...

Далекий, мягкий пушечный удар. Все прислушались. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

(*Вставая.*) Послушайте, мадам. Вам нельзя оставаться без помощи. Я или мой спутник проберемся в поселок, там, наверно, есть акушерка.
БАРАБАНЧИКОВА. Нет!
ГОЛУБКОВ. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

СЕРАФИМА. Почему вы не хотите, голубушка?
БАРАБАНЧИКОВА (*капризно*). Не надо!

Серафима и Голубков в недоумении.

МАХРОВ (*интимно, Голубкову*). Загадочная, загадочная и весьма загадочная особа...

ГОЛУБКОВ (*шепотом*). Вы думаете, что...
МАХРОВ (*уклончиво*). Ничего я не думаю, а так... лихолетье, сударь. Мало ли кого не встретишь на своем пути. Лежит дама, а кто ее положил? Для чего?

Пение под землей смолкает.

ПАИСИЙ (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Отец игумен спрашивает, документы в порядке ли у вас, господа честные? (*Задувает все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров тревожно роются в карманах, достают документы. Барабанчикова высовывает руку из-под попоны и выкладывает на нее паспорт. Слышны шаги, бряцанье шпор.

БАЕВ (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден*). А, чтобы их черт задавил, этих монахов. У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?
ПАИСИЙ. Здесь, здесь, здесь...
БАЕВ (*второму буденовцу*). Посмотри.

Второй буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(*Паисию.*) Был огонь на колокольне?
ПАИСИЙ. Что вы, что вы, какой огонь!
БАЕВ. Огонь мерцал. Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном вместе к стенке поставлю. Шпионы! Сукины дети!.. Фонарями махали генералу Чарноте?
ПАИСИЙ. Господи, что вы!

Баев зажигает карманный электрический фонарь, и в снопе света вспыхивает группа — Серафима, Голубков, Махров.

БАЕВ. Это кто такое? Ты, папа римский, брехал, что в монастыре ни одной души посторонней нету? Ну, будет сейчас у вас расстрел!

ПАИСИЙ. Что вы!! Беженцы они из поселка. Беженцы... Прибежали!

СЕРАФИМА. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке. Ну, мы бросились в монастырь. Куда же нам деваться? (*Указывая на Барабанчикову.*) Вот женщина, у нее роды начинаются.

ПАИСИЙ (*сатанеет от ужаса, держится за ручку двери, каждую минуту готовый улизнуть. Бормочет*). Господи, господи, только это пронеси. Святый и славный великомученик Димитрий мироточец, твою же память празднуем сегодня.

БАЕВ (*передавая фонарик первому буденовцу*). Свети! (*Берет паспорт Барабанчиковой, читает.*) Барабанчикова... замужняя... Где муж?

Барабанчикова громко и жалобно простонала.

Нашла место-время рожать! (*Швыряет паспорт и обращается к Махрову.*) Документ!

МАХРОВ. Вот документики. Я химик из Мариуполя.

БАЕВ. Химик! Химики-ботаники!.. А как ты во фронтовой полосе, ботаник, оказался? Видно, скучно с добровольем в Мариуполе?

МАХРОВ. Я продукты ездил покупать, огурчики...

БАЕВ. Огурчики?..

На железной лестнице загрохотали шаги. Второй буденовец вбегает.

Что? Что?

ВТОРОЙ БУДЕНОВЕЦ (*тревожно*). Товарищ Баев! Товарищ Баев! (*Что-то шепчет Баеву на ухо.*)

БАЕВ. Да что ты врешь! Скудова?

ВТОРОЙ БУДЕНОВЕЦ. Верно говорю... Главное, темно, товарищ командир...

БАЕВ. Ну, ладно, ладно. Марш!..

Оба буденовца исчезают.

(*Швыряет документы и начинает выходить. Проходя мимо Паисия, говорит тому.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

ПАИСИЙ. Нет, нет...

БАЕВ. Только молитесь? За кого же вы молитесь, сердце твое и печень? За Черного барона или за Советскую власть? А? Ну, ладно, до скорого свидания, химики. У, гнида безбородая! (*Исчезает, погрозив всем на прощание револьвером.*)

За окном глухая команда, топот, и все смолкает, как бы ничего и не было. Паисий часто и жадно крестится, зажигает свечи и исчезает.

МАХРОВ. Расточились... В форме... ишь ты. Недаром сказано: и даст им начертание на руцех или на челах их... Звезда-то пятиконечная...

ГОЛУБКОВ. Что такое случилось здесь? (*Шепотом Серафиме.*) Здесь уже должны быть белые... Местность в их руках. (*Громко.*) Бой... отчего все это произошло? Отчего?

БАРАБАНЧИКОВА (*внезапно*). Оттого это произошло, что генерал Крапчиков — задница, а не генерал!

Крупная пауза.

(*Серафиме.*) Пардончик, мадам.

ГОЛУБКОВ (*машинально*). Ну?..

БАРАБАНЧИКОВА. Ну что «ну»? Ему прислали депешу, что конница появилась, а он, язви его душу, в преферанс сел играть.
ГОЛУБКОВ. Ну?
БАРАБАНЧИКОВА. Шесть без козырей объявил.
МАХРОВ. Ого-го-го, до чего интересная особа!
ГОЛУБКОВ (*насторожившись*). Простите, вы не коммунистка?
БАРАБАНЧИКОВА. Да ну вас!
ГОЛУБКОВ. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела. У меня были сведения, что здесь в Курчулане штаб генерала Чарноты стоял?
БАРАБАНЧИКОВА. В Курчулане? Вон у тебя какие подробные сведения!
СЕРАФИМА. Сергей Павлович!
ГОЛУБКОВ. Нет, просто интересно узнать, что происходит...
БАРАБАНЧИКОВА. Ну, был Чарнота! Как ему не быть! Был и весь вышел.
ГОЛУБКОВ. А куда же он отправился?
БАРАБАНЧИКОВА. В болото.
МАХРОВ. А откуда у вас столь обширные сведения, дама?
БАРАБАНЧИКОВА. Очень уж ты, архипастырь, любопытен.
МАХРОВ. Почему вы меня именуете архипастырем?!
БАРАБАНЧИКОВА. Ну, ладно, ладно, нечего!

Паисий вбегает, подкрадывается к окну, затем гасит все свечи, кроме одной.

ГОЛУБКОВ. Что еще?
ПАИСИЙ. Ох, сударь! И сами не знаем, кого нам еще господь посылает и будем ли мы живы к ночи. (*Проваливается сквозь землю.*)

Слышен глухой, многокопытный топот.

МАХРОВ. Пожаловал кто-то. (*Исподтишка крестится.*)

На окне вспыхивает и танцует пламя.

СЕРАФИМА. Пожар?
ГОЛУБКОВ (*всматриваясь*). Нет, это факелы! (*Прижимается к окну, глядит, потом оборачивается, глаза у него ошалевшие.*) Ничего не понимаю, Серафима Владимировна, белые войска. Клянусь богом, белые! Офицеры в погонах! (*Вскрикивает.*) Свершилось! Поймите, Серафима Владимировна,— белые!! Мы перешли фронт!
БАРАБАНЧИКОВА (*садится, закутанная в попону, говорит кисло*). Ты, интеллигент! Заткнись мгновенно! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна. «Погоны... погоны...» [Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый. А ежели я себе красную звезду на голову надену, ты уж будешь передо мной плясать, Интернационал напевать?] А если отряд переодетый, тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол и поплыл, как басовая струна.

Ну, зазвонили. Засыпались монахи-идиоты! (*Голубкову.*) Какие штаны?
ГОЛУБКОВ. Красные! А вон еще въехали... у тех синие с красными боками.
БАРАБАНЧИКОВА. «Въехали, с боками...» Черт тебя возьми. С лампасами, может быть?

Слышна протяжная картавая команда де Бризара: «...первый эскадрон... слезай...» Шум. Барабанчикова, прислушавшись, меняется в лице.

Что такое? Да быть не может!.. (*Голубкову.*) Кричи «ура», кричи, говорю тебе! Смело кричи! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и вскакивает в виде Чарноты. Он в черкеске, со смятыми серебряными генеральскими погонами. Револьвер засовывает в карман, подбегает к окну, свистит в свисток, кричит.*) Смирно! Здравствуйте, гусары, здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Серафима, Голубков и Махров застывают в неподвижности. Дверь открывается, и первой вбегает Люська. Она в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами.

ЛЮСЬКА. Гриша!.. Гри-Гри!.. (*Бросается на шею Чарноте.*) Не может быть! Не верю глазам!

Вбегает де Бризар в коротком полушубке и красных чакчирах, за ним ротмистр и Крапилин с факелом.

Глядите, господа! Живой! Спасся! (*Подбегает к окну, кричит.*) Полки! Слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

ДЕ БРИЗАР. Ваше превосходительство! Гриша! (*Целуется с Чарнотой.*)

ЛЮСЬКА. Мы по тебе панихиду отслужили. Как ты спасся?

ЧАРНОТА. Числил себя в гробу и смерть видел близко, как твою косынку. Сели в Курчулане в карты играть с Крапчиковым, шесть без козырей... Слышу пулеметы. Буденный свалился с небес! Весь штаб перебили, я отстрелялся, вскочил в окно и огородами к учителю Барабанчикову. Давай, говорю, учитель, документы! А он, сукин сын, до того передрейфил, что я сюда приползаю под покровом темноты... глядь, бабьи документы сунул, женины! Мадам Барабанчикова... и удостоверение – беременная! А у монахов обыск в кельях идет. Говорю – переодеваться некогда! Кладите меня, как есть, в церкви. Лежу, рожаю... Слышу, шпорами – шлеп, шлеп...

ЛЮСЬКА. Кто?!

ЧАРНОТА. Баев, командир буденовского полка.

ЛЮСЬКА. Ах...

ЧАРНОТА. Думаю, куда же ты, Баев, товарищ, шлепаешь? Ведь смерть твоя лежит под попоной! Бери, думаю, меня скорее за плечико, открывай попону! Будут тебя, командир, хоронить с музыкой... И не тронул попоны!

ЛЮСЬКА. А!! (*Визжит.*)

ЧАРНОТА. Фу... (*Голубкову.*) Смотришь, петербургский житель? Никогда не видел, как кавалерийские генералы рожают? Ну, больше и не увидишь!

ДЕ БРИЗАР. Орден мадам Барабанчиковой!

ЧАРНОТА. А мне кубаночку и шашку!

РОТМИСТР. Пожалуйста, ваше превосходительство. (*Подает Чарноте свой ятаган.*)

ЧАРНОТА. Спасибо, ротмистр!

Снимает с головы Крапилина шапку-кубанку, надевает ее и выходит, за ним устремляются Люська и ротмистр.

Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!!

Покатился вал, рев – в эскадронах и сотнях закричали «ура».

ДЕ БРИЗАР (*Крапилину*). А ну, освети их! Эти откуда? Ну, не будь я краповый черт, если я на радостях кого-нибудь в монастыре не повешу. Я-то уж попону приподниму! (*Махрову.*) Ты, социалист!

Видно, красные тебя второпях забыли. Ну, у тебя и документа спрашивать не нужно, твои волосы – твой документ! Крапилин!

ПАИСИЙ (*вырастает*). Что вы. Это их высокопреосвященство. Высокопреосвященнейший Африкан!

ДЕ БРИЗАР. Что ты, сатана чернохвостая, несешь? Свету больше, Крапилин! Что такое?.. Ваше высокопреосвященство, как вы сюда попали?..

АФРИКАН. В Курчулан ездил, благословить Донской корпус, и меня нечестивые пленили во время набега. Спасибо игумну, снабдил документиками.

ДЕ БРИЗАР. Прошу извинения... А эти кто?

АФРИКАН. Не знаю, полковник. Бог их ведает!

ДЕ БРИЗАР (*Серафиме*). Женщина, документ!

ГОЛУБКОВ. Это...

СЕРАФИМА. Я – жена товарища министра в правительстве генерала Врангеля. Меня зовут Серафима Владимировна Корзухина. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Теперь я бегу к нему. (*Подает бумаги.*)

ДЕ БРИЗАР. Черт! Mille excuses, madame!..[1] (*Голубкову.*) А вы, гусеница в штатском! Документ! Впрочем, я не удивлюсь, если вы окажетесь обер-прокурором святейшего синода!

ГОЛУБКОВ. Я не гусеница, простите. И отнюдь не обер-прокурор. Я сын знаменитого идеалиста Голубкова. А сам я – приват-доцент. Бегу из Петербурга к белым, потому что там жить невозможно.

ДЕ БРИЗАР. Очень приятно... Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, и из него подымается первым дряхлый игумен, а за ним вытекает хор монахов со свечами.

ИГУМЕН (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы в один день принять две радости. О, день осиянный! Возвращение христолюбивого воинства видеть и высокопреосвященного владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить.

Ему подают жезл и мантию со скрижалями. Африкан взволнован, подчиняется, и монахи облекают его в мантию.

ИГУМЕН. Владыко, приими вновь жезл сей! Вспомни, владыко, боговдохновенные книги: О, praesul! Attrahe peccantes, rege justos, punge vagantes...[2] (*Бормочет.*) Приими жезл сей, им же утверждай паству, да правиши, яко и слово имаши отдать за ю нашему богу во дни суда!

МОНАХИ (*поют хрустальными тенорами*). Тон дэспо́тин кэ архиереа![3]

АФРИКАН. Воззри с небесе, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя...

МОНАХИ (*поют*). Ис полла́ э́ти дэ́спота!..[4]

Чарнота вырос в дверях, за ним Люська и Крапилин с факелом.

ЧАРНОТА (*потрясен*). Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли?! Тьфу, черт! (*Растерянно крестится.*) Святые чернецы, вы не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка хор, того...

[1] Тысяча извинений, мадам! (*Франц.*)
[2] О, предстоятель! Привлеки грешных, правь праведными, укрепи колеблющихся... (*Лат.*)
[3] Τοὺ δεσπότην καί Αρχιερέα! – Господина и архиерея! (*Греч.*)
[4] Εἰς πολλά ἔτη δέσποτα!..– Многая лета, владыко!.. (*Греч.*)

АФРИКАН. Братие! Выйдите!

Монахи начинают уходить в землю и исчезают.

ЧАРНОТА (*Африкану*). Красные сейчас будут здесь.
АФРИКАН. Как, опять?!
ИГУМЕН. Что вы! Не допустит господь всемогущий вторичного надругательства над святым местом.
АФРИКАН. Ваше превосходительство, всепокорнейше прошу поставить меня в известность.
ЧАРНОТА. Что ж. Извольте. Буденный режет у нас сейчас тыл. От Крыма нас отрезает.
АФРИКАН. } От Крыма?!
ГОЛУБКОВ. }
ЧАРНОТА. Карту мне!
ДЕ БРИЗАР (*Крапилину*). Свети!
ЧАРНОТА (*тоскует над картой*). Ах, Крапчиков, Крапчиков, беспросветный ты генерал! И где же ты теперь сам, Крапчиков, чтоб ты мог полюбоваться на свою работу, на побитую сводную дивизию, на порезанный штаб!
ДЕ БРИЗАР. Из Курчулана сообщали, что его самого убили...
ИГУМЕН. Царствие небесное. В селениях горних...
ЧАРНОТА. И чтоб его в этих селениях черти в преферанс обыграли!
ЛЮСЬКА. Ах, мать его Крапчикова, мать! Мы что же, в мешке сидим?
ЧАРНОТА. В мешке, Люси! (*Внезапно впадает в ярость.*) Прекратить мне этот звон. По станичникам звоните, Буденного на меня приманиваете! Так я уж видел его один раз!

Паисий проваливается сквозь землю, и колокол смолкает.

(*В тоске над картой.*) В Курчулане щель искал?
ДЕ БРИЗАР. Заперто!
ЧАРНОТА. Амур-могила, белый гроб! (*Отзывая де Бризара в сторону, шепчет.*) Постой. Вот что... Стой... Нет... Стой... на Алманайке брод есть?
ДЕ БРИЗАР (*по карте*). Есть.
ЧАРНОТА. Стой, понял! Возьмешь, стало быть, свой полк, пойдешь с ним на Алманайку. Шумно пойдешь, с песнями, а на Алманайке еще больше зашумишь из пулеметов! И сейчас же вернешься на Бабий Гай и переправишься хоть по глóтку.
ДЕ БРИЗАР. Понял, ваше превосходительство!
ЧАРНОТА (*шепчет*). Я с Запорожским и с донцами подамся на молоканские хутора и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую Стрелу. Там соединимся.
ДЕ БРИЗАР. Понятно, ваше превосходительство. (*Кричит в окно.*) Гусарскому садиться! Песенников вперед!

За сценой слышен шум, глухие команды.

ИГУМЕН. Что же это? Белое войско покидает нас?
ЧАРНОТА. Покидает, святой отец!
ИГУМЕН. Господи Иисусе!
АФРИКАН. Вы в Крым идете?
ЧАРНОТА. Слух такой, ваше преосвященство, что вся армия в Крым идет. К Хлудову под крыло!
АФРИКАН. Как же это такое? А? Что стряслось такое?
ЧАРНОТА. Неустоечка вышла...

ЛЮСЬКА. Призрак ходит в Курчулане, призрак ходит по тылам!

ЧАРНОТА. Корпус идет за мной по пятам... Ловит! Драпать надо, ваше высокопреосвященство! А то ароматнейший случай получится, как Буденный нас к морю придушит!

АФРИКАН. Значит, я с вами должен ехать?

ЧАРНОТА. Да иначе не выгребетесь!

АФРИКАН (*растерянно*). Где мой полушубок?

Паисий подбегает, растерянно хлопочет, помогает Африкану снять мантию и надеть полушубок.

ИГУМЕН. А как же братия, ваше высокопреосвященство? Монастырь?

АФРИКАН. Всеблагий господь да будет им защитником и покровителем. Где двуколка? (*Исчезает.*)

ДЕ БРИЗАР (*подавая Чарноте фляжку*). На дорогу.

ЧАРНОТА. Мерси! (*Пьет.*)

ГОЛУБКОВ (*очнувшись*). Что такое? А? (*Чарноте.*) Позвольте... Красные опять занимают местность?

ЧАРНОТА (*Голубкову*). А вы кто такой?

ГОЛУБКОВ. Я приват-доцент Голубков, из Петербурга. Мы в Крым бежим. И вот попали в такое положение.

ЧАРНОТА. Да, положение... Красные занимают местность надолго.

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, вы слышите?

СЕРАФИМА (*в игуменском кресле, глухо*). Что? Да, слышу. (*Лицо ее розовеет, на щеках пятна, по-видимому, ей очень нездоровится.*)

ЛЮСЬКА (*де Бризару*). Маркиз, дайте мне хлебнуть.

ДЕ БРИЗАР. Ради бога! (*Подает фляжку.*)

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, что с вами? У вас жар? (*Отчаянно.*) Серафима Владимировна, возьмите себя в руки хоть на минутку. Послушайте, они уезжают.

СЕРАФИМА. Ну что ж... Ах, да...

ГОЛУБКОВ. Этого еще не доставало!

ЛЮСЬКА (*подходит к Серафиме*). Вы — Корзухина? Позвольте познакомиться. Люси Корсакова. (*Указывая на Чарноту.*) Мой муж. (*Расцветает от коньяку.*)

СЕРАФИМА. Мне очень приятно.

ЛЮСЬКА. Если вы не хотите попасть в руки красным, я советую вам сейчас же ехать с нами. Драпаем в Крым!

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, послушайте меня. Надо ехать, как говорит... (*Люське.*) Позвольте представиться — Сергей Голубков.

ЛЮСЬКА. Очень рада. Корсакова. (*Серафиме.*) Э! Да у вас жар!

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, действительно, надо как можно скорее решить вопрос. (*Чарноте.*) Господин генерал! Прошу вас, возьмите нас с собою. По-видимому, Серафима Владимировна заболела. А с вами есть лазарет?

ЧАРНОТА. Вы в университете учились?

ГОЛУБКОВ. Да.

ЧАРНОТА. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля в голову попадет на Бабьем Гае? Лазарет вам поможет, да? Интеллигенция! [Спит и во сне лазареты видит. (*Де Бризару.*) Полковник. Пора!

ДЕ БРИЗАР. Слушаю. Ваше превосходительство, разрешите, я даму возьму с собою!

ЛЮСЬКА. Ну, куда на Алманайку, подстрелят, вот и вся сласть! Уж

лучше с Запорожским. Я за ней ухаживать буду. Жаль бабу. Достанется красным!

ДЕ БРИЗАР. Я тоже могу ухаживать.

ЧАРНОТА. Брось, граф!

ДЕ БРИЗАР (*Серафиме*). Я не понимаю ваших колебаний, chère madame. Позвольте представиться, командир гусарского полка, маркиз де Бризар. По-видимому, вы не отдаете себе отчета в том, что происходит. Сейчас красные захватят монастырь и спустят шку... пардон, спустят кожу с вас, мадам, вместе с монахами.

ИГУМЕН. Владычица, заступись! (*В землю.*) Братие, молитесь!

МОНАХИ (*в утробе земли*). Святителю отче Николае, моли бога о нас!]

СЕРАФИМА (*глухо*). Благодарю вас, господа. Не беспокойтесь. А знаете что, Сергей Павлович, я, кажется, здесь останусь, в монастыре, прилягу.

ГОЛУБКОВ (*в ужасе*). Что вы, Серафима Владимировна, что вы говорите! Что мне делать, господа?

СЕРАФИМА. А вы одни поезжайте.

ГОЛУБКОВ. Нет, это немыслимо.

ДЕ БРИЗАР (*глянув на браслет-часы, в окно*). Полк, шагом... (*Пауза.*) Отставить! (*Голубкову.*) Ваша дама заболела. (*Серафиме.*) **Позвольте представиться – де Бризар.** Поймите, сударыня... Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

КРАПИЛИН. Так точно, ехать надо!!

ДЕ БРИЗАР (*в окно*). Полк! Шагом марш...

За окном тронулся и запел гусарский полк: «Ты лети, лети, сокол!..»

Стой! Отставить! Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

КРАПИЛИН. Так точно, ехать надо!!

ДЕ БРИЗАР. Ну, как угодно, я еду! (*В окно.*) Марш. (*Исчезает.*)

За окном пошел полк и запел: «Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко!»

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, поднимайтесь, поднимайтесь. Опомнитесь, Крым, муж...

СЕРАФИМА. Да, муж... я пить хочу... и в Петербург.

ГОЛУБКОВ. Что, что это такое?

ЛЮСЬКА (*победоносно*). Это сыпняк! Вот что. Ну нет, мне человека жалко. Генерал, вели-ка ее брать.

ЧАРНОТА (*взглянув на часы на руке. В окно*). Донской пошел!

За окном забренчал и пошел донской полк, запел: «Зеленеет степь родная, колосятся волны нив!..»

(*Крапилину.*) Снимай бурку, возьмешь в обозе шинель.

КРАПИЛИН (*передает факел Паисию, снимает бурку*). Слушаю, ваше превосходительство!

ЧАРНОТА. Закутывай, выноси!

Крапилин и Голубков закутывают Серафиму в бурку.

ГОЛУБКОВ (*Люське*). Бога ради, позаботьтесь о ней!

ЛЮСЬКА. Натурально. Неси!

Крапилин и Голубков уносят Серафиму, за ними бросается Паисий с факелом и Люська. Все исчезают.

ИГУМЕН (*простирая руки крестом*). Белый генерал, неужли же ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение!

ЧАРНОТА. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи!! Садись в подземелье! Прощай! (*Исчез.*)

За окном летит полк. Поет: «Три деревни, два села...»

ПАИСИЙ (*появился без факела, черен, испуган*). Отец игумен, а отец игумен, что же делать нам, а? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, венец мученический принимать?

ИГУМЕН (*в тоске*). Поди, Паисий, поди на колокольню, выглянь, может, что видно...

Паисий, схватив свечку, проваливается в железную дверь.
Ветер доносит обрывки песен: «И высоко, и далеко...»

МОНАХИ (*поют в подземелье*). Святителю отче Николае...

ИГУМЕН. Паисий, что?

ПАИСИЙ (*откуда-то с неба*). Темно, отец игумен, не видать ничего, темно...

ИГУМЕН (*тоскует перед иконой*). О, praesul! Attrahe peccantes, rege justos... Ах, пастырь, пастырь, недостойный, покинувший овцы своя!

Монастырь угасает, расплывается во тьме, и сон первый кончается...

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции на севере Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна. За ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.
Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки, горят керосиновые и электрические лампы на столах.
В глубине, над выходом на главный перрон, под верхней лампой надпись по старой орфографии: «Отдѣленіе опѣратівное».
Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом со стеклянною перегородкою, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада.
Зал занят офицерами генерального штаба. Большинство из них в башлыках, в наушниках...
Бесчисленны полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.
Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы разобрать беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно — страх и надежду можно увидеть в этих глазах, когда они обращаются в то место, где некогда был буфет первого класса.
Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, на высоком табурете сидит Роман Валерианович Хлудов.
Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые.
На нем плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.
Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку — скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерианович.
Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

ХЛУДОВ (*диктует Головану*). «...запятая, но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал, точка. Это не шахматы и не незабвенное Царское Село, точка. Подпись. Хлудов.» Все.

ГОЛОВАН. Зашифровать, послать.

1-й ШТАБНОЙ (*освещенный красным сигналом, стонет в телефон*). Да, слушаю!.. Буденный? Буденный? (*Угасает.*)

2-й ШТАБНОЙ (*стонет в телефон*). Таганаш, Таганаш!.. (*Угасает.*)

ГОЛОВАН (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...

ХЛУДОВ (*берет трубку, слушает*). Да! Да! Нет! Да! (*Возвращает трубку Головану.*) Мне – коменданта.

ГОЛОВАН. Коменданта.

Эхо побежало за стеклянную перегородку: «Коменданта, коменданта!»

Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами и предстает пред Хлудовым.

ХЛУДОВ. Час жду «Офицера» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

КОМЕНДАНТ (*мертвым голосом*). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

ХЛУДОВ. Трагедии! Трагедии! (*Коменданту.*) Дайте мне начальника станции.

КОМЕНДАНТ (*бежит и на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом*). Я бы его, сукина сына, задавил бы сам! Ну, что ж это?

ХЛУДОВ (*Головану*). У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может! (*Звонит три раза.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отдѣленіе контръ-развѣдывательное». На звонок из стены выходит Тихий, он в штатском, останавливается около Хлудова, тих и внимателен. Хлудов обращается к нему.

Никто нас не любит! Никто! И из-за этого трагедии, как в театре все равно!

Тихий тих.

(*Яростно, шипя.*) Печка с угаром, что ли?!

ГОЛОВАН. Никак нет, угару нет!

Перед Хлудовым предстает комендант и за ним начальник станции.

ХЛУДОВ (*начальнику*). Вы доказали, что «Офицер» пройти не может?

НАЧАЛЬНИК (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше высокопревосходительство. Так точно. Физической силы-возможности нету. Вручную сортировали и забили начисто! Пробка.

ХЛУДОВ. Вторая, значит, с угаром?

4-й ШТАБНОЙ (*бормочет*). Сию секунду! Выкинуть ее к чертовой матери!

НАЧАЛЬНИК. Угар, угар...

ХЛУДОВ. Вы, наверное, изучили приказ товарища Троцкого железнодорожникам? Как это там сказано? Очень хорошо: «Победа прокладывает путь по рельсам...» Очень метко сказано. Да вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

НАЧАЛЬНИК (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство... У меня детишки. При государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик детки. Тридцать часов не спал, верьте богу! И лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую. У меня дети.

ХЛУДОВ. Искренний человек? А? Нет! Нужна любовь. Любовь. А без любви ничего не сделаешь на войне. (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят! (*Сухо.*) Дать сапер! Толкать, сортировать. Дать пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной таганашский семафор. Если в течение этого времени приказание не

будет исполнено, коменданта арестовать, под военно-полевой суд! А начальника станции повесить на выходном таганашском семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медный вальс. Под этот вальс когда-то гимназистки танцевали на балах.

НАЧАЛЬНИК (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Комендант и Тихий берут начальника под руки и уводят.

ХЛУДОВ. Вальс?
4-й ШТАБНОЙ. Генерал Чарнота идет, ваше превосходительство.
ГОЛОВАН (*подавая телефонную трубку*). Ваше превосходительство!
НАЧАЛЬНИК (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай. Беда у меня! Господом заклинаю!
НИКОЛАЕВНА (*выросла возле начальника*). Что такое, Вася, что?
НАЧАЛЬНИК. Ох, беда, Николаевна. Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки на станцию! В чем есть волоки!
НИКОЛАЕВНА. Ольку? Ольку? (*Проваливается.*)

Вальс кончается. Дверь на перрон открывается, и вбегает Чарнота. Он в бурке, папахе, засыпан снегом. Проходит между столами. Является перед Хлудовым.

ЧАРНОТА. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, согласно приказания, сводная дивизия подошла! (*Пауза.*)

Хлудов молчит. Смотрит на него.

Ваше превосходительство! Что ж это делается? Ваше превосходительство, с чем уйдем? Как? (*Внезапно становится на колени, снимает папаху.*) Рома, ты генерального штаба! Что ты делаешь?! Рома, прекрати!
ХЛУДОВ (*холодно*). Я вас расстреляю.

Чарнота встает, надевает папаху. Молчит.

Обозы, раненых бросите здесь! Рысью пойдете на Карпову балку, станете рядом с Барбовичем и подчинитесь ему!
ЧАРНОТА. Слушаю. (*Стоит, молчит.*)

За окнами покатился тяжелый рокот буферов, отдельные голоса послышались...

ДЕ БРИЗАР (*вламывается в дверь, за ним Люська, пытается его удержать*). Виноват, виноват! (*Голова у де Бризара завязана белой марлей.*)
ЛЮСЬКА. Куда вы, маркиз, нельзя! Что вы делаете?
ДЕ БРИЗАР. Виноват, виноват!

Среди штабных беспокойное движение.

Правильно, так и надо! Да здравствует чонгарский повелитель генерал Хлудов! (*Напевает из «Пиковой дамы».*) Графиня, ценой одного рандеву...
ХЛУДОВ (*холодно*). В чем дело?
ЧАРНОТА. Командир гусарского полка, полковник Бризар, контужен на Алманайке в голову, командовать не может!
ХЛУДОВ. Эвакуировать.

ЛЮСЬКА (*шепотом Чарноте*). Что я, каторжная вам далась! Что же мне – разорваться? Сперва Серафима, потом этот! Бросаю все! В эшелон их и в Севастополь. Ты куда идешь?

ЧАРНОТА (*тускло*). На Карпову балку.

ЛЮСЬКА. Еду с тобой! К чертовой мамаше бросаю и раненых, и контуженых. Больше не могу! Мерси! Маркиз, маркиз, пожалуйте за мной!

Де Бризара Голован и Люська увлекают вон. Среди штабных движение.

ДЕ БРИЗАР. Виноват, виноват, куда, куда?

ЛЮСЬКА (*ему, по дороге*). Маркиз, слушайтесь, сейчас поедете в Севастополь, в Севастополь... (*Исчезает с де Бризаром.*)

Слышен страдальческий вой бронепоезда, он идет медленно, лязгая.

НАЧАЛЬНИК (*перед Георгием Победоносцем молится*). Господи, проведи!.. Господи...

НИКОЛАЕВНА (*врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в серый платок*). Вот она, Олька, вот она!

НАЧАЛЬНИК. Да, да! (*В телефон.*) Христофор Федорович! Дотянул? Спасибо тебе! Спасибо!

Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову, за ним комендант и Николаевна. Тихий бесшумно уходит в стену.

ХЛУДОВ (*начальнику*). Ну что, дорогой? Прошел? Прошел?

НАЧАЛЬНИК. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел.

ХЛУДОВ. Зачем ребенок?

НАЧАЛЬНИК. Олечка – ребенок. Мой ребенок! Способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

ХЛУДОВ. Да, девочка... Серсо, в серсо играют. А? (*Достает из кармана карамель.*) Девочка, на! Курить доктор запрещает! Нервы расстроены. А? В Севастополе согласны, нервы, мол, у Хлудова! Но не помогают карамельки, все равно курю и курю. Шарлатаны в Севастополе! Бери, девочка, карамельку.

НАЧАЛЬНИК. Бери, Олюшенька, бери! Генерал добрый.

НИКОЛАЕВНА. Бери, Олюшенька, бери! Скажи – мерси, мол, ваше превосходительство, мерси!

Начальник жестом гонит Николаевну с Олькой, и те исчезают.

КОМЕНДАНТ. Ваше превосходительство, из Кермана особое назначение идет.

ХЛУДОВ. Да, да.

Комендант и начальник убегают за стеклянную перегородку.

НАЧАЛЬНИК (*стонет в телефон*). Керман, Керман!

4-й штабной вбегает, подает Хлудову карточку.

ХЛУДОВ. Впустить.

Опять послышался вальс и стал удаляться.

4-й ШТАБНОЙ (*открыв боковую дверь*). Пожалуйте!

В дверь входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида, бритый и красивый, но ртом несколько похожий на жабу человек лет сорока пяти, в очках в широкой оправе, в очень дорогой шубе, в боярской шапке, в перчатках и с портфелем.

ГОЛОВАН. Пожалуйте сюда.

КОРЗУХИН (*перед Хлудовым*). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли и промышленности Корзухин.

Хлудов молча козыряет ему.

Непосредственно с заседания совета министров командирован к вам в ставку, ваше превосходительство, для разрешения трех вопросов.

ХЛУДОВ. Я слушаю.

КОРЗУХИН. Совет министров, ваше превосходительство, уполномочил меня обратиться к вам с запросом о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих по делу пяти, увезенных, согласно вашего приказания, к вам сюда, в ставку.

ХЛУДОВ. Так. А вы не видели их разве? Ах да, вы с западного перрона. Есаул Голован, предъявите арестованных господину товарищу министра.

ГОЛОВАН (*встает*). Прошу за мной. (*При общем внимании ставки ведет удивленного Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то.*)

Корзухин вздрагивает и возвращается с Голованом к Хлудову.

ХЛУДОВ. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

КОРЗУХИН (*волнуясь*). Второй касается непосредственно моего министерства, вследствие чего командирован именно я. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

ХЛУДОВ (*мягко*). А какой именно груз?

КОРЗУХИН. Экспортный пушной товар, предназначенный во Францию.

ХЛУДОВ (*улыбнувшись*). Ах пушной экспортный! Попрошу вас, ваше превосходительство, дать мне точные сведения, в каких составах груз.

КОРЗУХИН (*подает бумагу*). Прошу вас.

ХЛУДОВ. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(*Мягко.*) Покороче, третий вопрос?

КОРЗУХИН (*столбенея*). Положение на фронте?..

ХЛУДОВ (*зевнув*). Ну какое может быть положение на фронте? Бестолочь, из пушек стреляют! Командующему фронтом печку с угаром под самый нос подсунули, кубанцев мне прислал генерал Врангель в подарок, а они босые, сволочи. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска, вот и сидим на табуретах, как попугаи. (*Внезапно меняя интонацию, шипит.*) Положение... Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! На рассвете я открою Буденному Джанкой! И еще скажите, что французским шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар, сволочь тыловая! (*Меняя интонацию, мягко.*) Не истолкуйте превратно выкрика «сволочь», господин товарищ. О севастопольской сволочи говорю.

4-й ШТАБНОЙ (*в гробовом молчании ставки*). Как французские министры Папе сделали визит...

КОРЗУХИН. Неслыханно. (*Травлено озирается.*) Я буду иметь честь доложить об этом командующему.

ХЛУДОВ (*вежливо*). Пожалуйста.

КОРЗУХИН (*пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает у 4-го штабного*). Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

НАЧАЛЬНИК (*мертвея, предстает перед Хлудовым*). Принял с Кермана особое назначение.

ХЛУДОВ. Господа офицеры!

По окнам пробегают отблески салонов, слышен свист, поезд останавливается. Двери открываются. Первыми появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках. Вся ставка встает. В двери вырастает главнокомандующий. Он в заломленной на затылок папахе, в шинели до пят, с кавказской шашкой, генерал-лейтенантских погонах, в перчатках с раструбами, очень худ. На лице у него усталость, храбрость, хитрость, тревога. За главнокомандующим казаки вносят четыре свернутых знамени, а за знаменами появляется высокопреосвященнейший Африкан и ставку благословляет.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Здравствуйте!

ШТАБНЫЕ (*шелестят тихо, как лес*). Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

ХЛУДОВ. Попрошу разрешения у вашего высокопревосходительства рапорт представить совершенно конфиденциально.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Да! Работу ставки приостановить. Всем оставить помещение! Знамена временно вынести. (*Африкану.*) Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с генералом Хлудовым.

АФРИКАН. В час добрый, в час добрый!

Все выходят, за исключением одного штабного где-то в глубине, который, то пропадая в темноте, то освещаемый сигналами, стонет в телефон: «Тиун»... Да... Бронепоезд «Тиун»!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Слушаю.

ХЛУДОВ. Противник взял Юшунь. Большевики в Крыму!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*становясь тучей*). Поляки! А... Поляки!

ХЛУДОВ. И французы тоже.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Э, генерал, сейчас не время говорить на вашу излюбленную тему. (*Начинает мерить длинными шагами сцену, потом кричит в дверь.*) Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Ваше высокопреосвященство, западно-европейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие божие уповаем. Помолитесь, владыко святой!

АФРИКАН (*перед Георгием Победоносцем*). Всемогущий господь, за что новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием.

Начальник тоскует от страха.

(*Главнокомандующему.*) Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победе и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень. (*Благословляет и Хлудова.*) И ты, сын вернолюбезный отечества своего.

ХЛУДОВ. Сиваш, Сиваш заморозил господь бог. [Что же это делается, ваше высокопреосвященство? Вы ему в ноги бух, а он вас на

Перекопе в пух!] Фрунзе по Сивашу как по паркету прошел! Видно, бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется!

АФРИКАН. Что вы, доблестный боец?!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я протестую против такого тона! Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

ХЛУДОВ (*ощетинившись*). Ах вот как? А у кого бы, ваше высокопревосходительство, босые солдаты на Перекопе без блиндажей, без бетону, без козырьков вал удерживали? У кого бы Чарнота в этот вечер с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*темнея*). Что это такое?

АФРИКАН. Господи, воззри на них, просвети и укрепи. Аще царство разделится, вскоре разорится!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Как быть со знаменами? Я привез знамена для раздачи цветной дивизии.

ХЛУДОВ. Раздачу произвести невозможно. И самое пребывание вашего высокопревосходительства здесь немыслимо больше. Вам нужно возвращаться в Севастополь.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*глухо*). Конец?

ХЛУДОВ. Конец.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Владыко, помолитесь!

Африкан становится перед иконою на колени и беззвучно молится.

(*Вынимает конверт, подает Хлудову.*) Я сейчас уезжаю в Севастополь. Прошу немедленно вскрыть.

ХЛУДОВ. А, уже готово? Это хорошо. Ныне отпущаеши раба твоего, владыко? Слушаю. (*Кричит.*) Поезд!

НАЧАЛЬНИК (*за перегородкой бросается к телефону, стонет в телефон*). Керман-Кемальчи, дай жезл! Керман!

ХЛУДОВ (*кричит*). Оперативное отделение! Конвой!

Входит вся ставка, входит конвой. Последним врывается с перрона де Бризар, становится во фронт главнокомандующему.

ДЕ БРИЗАР. Здравия желаю, ваше императорское величество!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Что это?

4-й ШТАБНОЙ. Маркиз де Бризар, контужен в голову.

ХЛУДОВ (*как во сне*). Чонгар, Чонгар...

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. В мой поезд, со мною во дворец.

ДЕ БРИЗАР (*увлекаемый штабными*). Виноват, виноват! (*Исчезает.*)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! (*Дрогнув.*) Да ниспошлет нам всем господь силы и разум одолеть и пережить русское лихолетие. Всех и каждого предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Поворачивается и, сопровождаемый конвоем и Африканом, исчезает. Пробежали три зеленых глаза фонарей. Свисток. Пробежали окна салонов. Все пропало.

ХЛУДОВ (*вскрыл конверт. Прочитал. Оскалился*). Летчика мне!

Летчик, запакованный, как эскимос, обледенелый, появился.

Полетите к генералу Барбовичу, на Карпову балку, спуститесь, передадите приказ – от неприятеля оторваться, рысью идти на Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест, за ним могильная тишина.

ЛЕТЧИК. Слушаю, ваше превосходительство! (*Исчез.*)

ХЛУДОВ (*ставке*). Ординарца к генералу Кутепову: мгновенно оторваться и форсированно идти в Севастополь, Фостикову с кубанцами в Феодосию, Калинину с донцами в Керчь, Чарноту вернуть в Севастополь! Ставку свернуть и в Севастополь! Я сдаю Крым!

Шелест: «...аминь, аминь... Повторение Новороссийска. Хватило бы судов...» Мгновенно сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны. Поднялась суета на заднем плане. Пришел какой-то поезд, где-то посыпались стекла.

ГОЛОВАН (*появился*). Составы зажжены!

ХЛУДОВ (*спокойно*). Почему шум?

ГОЛОВАН. Солдаты стали громить севастопольский эшелон. Даны залпы.

Дверь на перрон то открывается, то закрывается, порядку больше нет. Возле Хлудова постепенно тающая кучка штабных. Дверь распахивается, появляется Серафима в бурке, за нею остервенившийся от ужаса Голубков, за ним Крапилин. Голубков старается оттащить Серафиму за руки.

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна, опомнитесь! Это бред, безумие! Тифозная женщина!

КРАПИЛИН. Так точно, тифозная!

СЕРАФИМА (*сухо и звонко*). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

ХЛУДОВ. Ничего, пропустите! Хлудов – это я!

ГОЛУБКОВ. Не слушайте ее, она больна!

СЕРАФИМА. Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим! Куда? К Хлудову под крыло! Все снится: Хлудов... (*Улыбается.*) Вот и удостоилась лицезреть. Дорога и, куда ни хватит глаз человеческий, все мешки да мешки!

Тишина.

Зверюга, шакал!

ГОЛУБКОВ (*отчаянно*). У нее тиф. Из эшелона! С Таганаша мы!

Хлудов звонит. Появляются Тихий и Гаджубаев. Гаджубаев в черкеске.

СЕРАФИМА. Ну, что же? Они идут! С Арабатской Стрелы, и всех передушат.

В группе штабных шорох: «А-а... агентша!»

ГОЛУБКОВ. Что вы! Она – жена товарища министра Корзухина! Это бред! В эшелоне заболела. Мы с дивизией генерала Чарноты пришли! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

ХЛУДОВ. Это хорошо, что не отдает отчета. Когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добьешься.

ГОЛУБКОВ. Она – Корзухина!

ХЛУДОВ. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? (*Тихому.*) Если только он не успел уехать, дать мне его сюда. Пушной товар? И если только не посторонняя, а действительно жена, Корзухина повесить! На мою ответственность! Благословенный случай!

Тихий делает знак Гаджубаеву, и тот исчезает.

Пушной товар! Пушной товар!

ТИХИЙ (*мягко Серафиме*). Как ваше имя и отчество?

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна... Серафима...

Боковая дверь раскрывается, и Гаджубаев вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду. Корзухин, увидев Серафиму, вздрагивает, озирается.

Вот он – он! Слава богу! Парамон Ильич! Он выехал навстречу! Наконец-то!

ХЛУДОВ. Эта женщина...

ТИХИЙ (*тихо*). Виноват, ваше превосходительство, разрешите мне. (*Ласково, Корзухину.*) Ваша супруга Серафима Владимировна приехала к вам из Петербурга.

КОРЗУХИН (*поворачивается, смотрит Хлудову в глаза, учуял*). Никакой Серафимы Владимировны не знаю. Эту женщину вижу впервые в жизни. Никого из Петербурга не жду! Это шантаж!

СЕРАФИМА (*поглядев на него мутно*). Да, в первый раз вижу эту гадину!

ГОЛУБКОВ (*отчаянно*). Парамон Ильич, что вы делаете?! Это смерть!

ХЛУДОВ. Искренний человек? А? Пушной товар! (*Шипя.*) Вон!

Корзухин исчезает.

ГОЛУБКОВ. Умоляю вас допросить нас.

ХЛУДОВ (*Тихому*). Взять обоих, допросить, допросить!

ТИХИЙ. Заберу в Севастополь! Сейчас уезжаю.

Гаджубаев берет Серафиму под руку.

ГОЛУБКОВ. Вы же интеллигентные люди!

СЕРАФИМА (*кладя голову на плечо Голубкову, бормочет*). Вот один человек нашелся, в дороге. Ну, что ж...

Серафиму и Голубкова увлекают.

Ах, Крапилин, красноречивый человек. Что же ты-то не заступишься? И ты отречешься?

Серафиму и Голубкова увлекают бесследно.

КРАПИЛИН (*встав перед Хлудовым*). Точно так! Как в книгах написано – шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина, пожалела удавленных! Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь, нет. Сейчас ты человека – цап! В мешок! Стервятиной питаешься?

ШТАБНЫЕ (*облегченно*). А-а!..

ГОЛОВАН (*беспокойно*). Позвольте убрать каналью, ваше превосходительство.

ХЛУДОВ. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори!

Голос недоволен: «Не понимаю этой сцены, не понимаю командующего фронтом». Хлудов голосу.

Кто заговорил со мною без приглашения?

Молчание.

ТИХИЙ (*тихо*). Доску.

Появляется широкая белая доска, и Тихий на ней что-то рисует углем.

ХЛУДОВ. Солдат, как твоя фамилия?

КРАПИЛИН (*заносясь в гибельные выси*). Да что фамилие? Фамилие у меня неизвестное. Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал,

пропадешь, оголтелый зверь, в канаве, вот только подожди здесь на своей табуретке Буденного! (*Улыбаясь.*) Да нет, убегишь, убегишь в Константинополь. Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

ХЛУДОВ (*убедительно*). Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

КРАПИЛИН. Да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны. (*Вдруг проснулся. Вздрогнул и опустился на колени, говоря жалко.*) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным, я в забытьи!

ХЛУДОВ. Нет, плохой солдат. Ты хорошо начал, а кончил, как свинья! Валяешься в ногах? Доску! Я не могу смотреть на него!

Подручные Тихого мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок, и Крапилин исчезает бесследно.

Извольте отправляться, господа, я поеду один! (*Головану.*) Готовь, есаул, мне конвой и вагон.

Все исчезают.

(*Один. Берет свой телефон и говорит.*) Связь? Командующий фронтом. Начальнику «Офицера» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии и огонь... (*Пауза. Яростно.*) Чужих, чужих, своих и посторонних пусть в землю втопчет на прощанье! Пусть рвет пути, уходит в Севастополь. (*Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табурете.*)

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается нетеатральный пушечный залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции и обледенелые окна обрушиваются. Обнажается перрон. Залп вымел с него людей. Видны голубоватые электрические луны. Под одной из них на железном столбе висит длинный черный мешок, под ним доска, на ней надпись: «Вестовой Крапилин — большевик». Хлудов один в полутьме смотрит на Крапилина.

Я болен, я болен, только не знаю, чем.

Олька в полутьме появилась, выпущенная в суматохе, тащится в валенках по залу.

НАЧАЛЬНИК (*в полутьме ищет и сонно бормочет*). Дура, дура Николаевна! Олька-то, Олька-то где же? (*Выкрадывается на сцену.*) Олечка, Оля! Куда же ты, дурочка, куда же ты? (*Схватывает Ольку на руки.*) Иди на ручки, на руки к папе, а туда не смотри... (*Счастлив, что незамечен, проваливается во тьму.*)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла освещает путь Голубкова.

Грустное освещение. Вроде сумерек в начале ноября. Возникает кабинет контрразведки в Севастополе. Одно окно на улицу, уютный письменный стол, шелковый диван, в углу сложены кипами большевистские газеты.

ГАДЖУБАЕВ (*у черной портьеры*). Иди сюда!

Голубков входит, в пальто, в руках шапка. Бледен.

ТИХИЙ (*сидит за письменным столом, в штатском платье*). Садитесь, пожалуйста.
ГОЛУБКОВ (*тихо*). Благодарю вас. (*Садится на стул перед столом.*)
ТИХИЙ. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и правительству важно знать правду. О контрразведке распространяют глупые и гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую обязанность охраны государственной власти. Согласны ли вы с этим?
ГОЛУБКОВ. Я еще не...
ТИХИЙ. Вы боитесь меня?
ГОЛУБКОВ (*подумав*). Да.
ТИХИЙ (*мягко*). Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока вас везли сюда в Севастополь?
ГОЛУБКОВ. О нет, нет, этого я не могу сказать!
ТИХИЙ. Так в чем же дело? Позвольте вам предложить папиросу. Курите?
ГОЛУБКОВ. Благодарю вас. (*Закуривает, волнуясь.*) Умоляю вас, скажите, что с ней?
ТИХИЙ. Кто вас интересует?
ГОЛУБКОВ. Она, она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мною. Клянусь, это же просто нелепо, поймите. У нее припадок был, это же смешно, вы интеллигентный человек!
ТИХИЙ. Вы волнуетесь. Курите, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже. (*Курит.*) Эх, русские интеллигенты! Если бы вы пожелали осмыслить все, что происходит, мы бы, вероятно, не сидели здесь с вами в этих гнусных стенах в Севастополе. Очень возможно, что мы были бы с вами в Петербурге, вспоминали бы наш университет! Ведь я сам в нем учился. (*Меняет тон внезапно, лицо его вспыхивает.*) Мерзавец, перед кем сидишь? С папиросой. (*Ударяет по папиросе Голубкова, и та падает звездой.*) Встать смирно, руки по швам!
ГОЛУБКОВ (*в ужасе*). Боже мой!

ТИХИЙ. Слушай, падаль, как твоя настоящая фамилия?
ГОЛУБКОВ. Я поражен... Моя настоящая фамилия – Голубков.

Тихий вынимает револьвер, целится в Голубкова. Голубков закрывает лицо руками.

ТИХИЙ. Тебе еще никогда не делали маникюра в контрразведке? Нет? Ну, а я тебе сделаю. У нас есть специальная игла, мы ее нагреваем, и ею я тебе вычищу ногти. Понимаешь ли ты, что ты в моих руках? Никто тебе не придет на помощь! Понял?
ГОЛУБКОВ. Понял.
ТИХИЙ. Итак, условимся. Ты будешь говорить чистую правду. При первой же лжи я тебя буду пытать. Контрразведка знает все, от нее нет тайн.
ГОЛУБКОВ. Клянусь...
ТИХИЙ. Молчать! Отвечать только на вопросы!
ГОЛУБКОВ. Да.
ТИХИЙ (*прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом*). Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия.
ГОЛУБКОВ. Сергей Павлович Голубков.
ТИХИЙ. Ваше социальное положение?
ГОЛУБКОВ. Я сын профессора и сам приват-доцент.
ТИХИЙ (*пишет, скучно*). Где проживаете постоянно?
ГОЛУБКОВ. В Петербурге.
ТИХИЙ. Зачем же вы прибыли в распоряжение белых из Советской России?

ГОЛУБКОВ. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петербурге голод, я там работать не могу. И на самом вокзале познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с нею к белым.
ТИХИЙ (*зовет*). Гаджубаев!
ГАДЖУБАЕВ (*вырос из земли*). Я!
ТИХИЙ (*пишет, скучая, говорит Гаджубаеву*). Согрей иглу и принеси вино.
ГАДЖУБАЕВ. Слушаю. (*Исчез.*)
ГОЛУБКОВ (*волнуясь*). Что вы хотите делать? Что вы делаете? Я говорю правду!
ТИХИЙ. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я пишу, как видите, и больше ничего не делаю. А правду продолжайте говорить. Зачем прибыла к белым именующая себя Серафимой Корзухиной?
ГОЛУБКОВ. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина. Она жена товарища министра здесь же, в белом правительстве. Он раньше ее бежал к белым и ее вызвал сюда.
ТИХИЙ. Каким образом ей удалось проехать по Советской России?
ГОЛУБКОВ. Ее муж, Корзухин, отсюда, из Крыма, прислал ей с человеком фальшивые документы на имя советской учительницы Лашкаревой, будто бы ей нужно в командировку в город Бахмут.
ТИХИЙ (*открыл ящик письменного стола, достал документы, показывает их Голубкову*). Эти?
ГОЛУБКОВ (*поглядев*). Эти. А вот и подлинный паспорт – Корзухиной. Эти, эти!
ТИХИЙ (*прячет документы в стол*). Давно ли она состоит в коммунистической партии?
ГОЛУБКОВ (*волнуясь*). Этого не может быть, не может!

Гаджубаев входит и вносит на подносе длинную иглу, которая светит белым фосфорическим светом, и бутылку вина с двумя стаканами.

ТИХИЙ. Ступай!

Гаджубаев уходит.

(*Взяв иглу за деревянную ручку, держит ее так, что она освещает лицо Голубкова, говорит тихим, но грозным голосом.*) Будешь сейчас писать все, что показал, и если ты запнешься, я коснусь тебя иглой. Предупреждение слышал?

ГОЛУБКОВ. Слышал.

ТИХИЙ. Пиши здесь. (*Диктует.*) «Я, Сергей Павлович Голубков на допросе в контрразведывательном отделении 31 октября 1920 года старого стиля показал...»

Голубков пишет с неподвижным лицом.

(*Диктует.*) «...Серафима Владимировна Корзухина, жена товарища министра Корзухина Парамона Ильича, запятая, состоящая в коммунистической партии, прибыла из Петербурга в район вооруженных сил Юга России... для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе, точка». С красной строки. (*Диктует.*) «Все изложенное показал, руководясь желанием помочь контрразведывательному отделению в его борьбе с большевиками. Подпись полностью, имя, отчество и фамилия, Сергей Павлович Голубков, приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Число». Так! (*Прячет лист в стол.*) Вы устали? Выпейте вина! Вы человек интеллигентный, господин Голубков, и я не стану вас предупреждать о том, что вас ждет в случае вашей болтовни. (*Игла начинает угасать, светит красным.*) Есть две возможности. Или вы останетесь при красных здесь в Крыму, или эвакуируетесь к белым. В первом случае, если проболтаетесь, я перешлю этот документ в Советскую Россию. На большевиков он произведет самое неприятное впечатление. За границей же тем более не советую распускать язык, ибо за границей буду я! Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невинности я убежден. Вы свободны. (*Зовет.*) Гаджубаев!

ГАДЖУБАЕВ (*появился*). Я!

ТИХИЙ. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти. Он свободен.

ГАДЖУБАЕВ. Иди.

ГОЛУБКОВ (*останавливается у двери*). Куда же мне теперь пойти?

Выходит без шапки. Гаджубаев за ним.

ТИХИЙ (*зовет*). Поручик Скунский!

СКУНСКИЙ (*вышел необыкновенно мрачный человек*). Я.

ТИХИЙ (*подавая ему написанное Голубковым*). Оцени документ. Сколько заплатит Корзухин за него?

СКУНСКИЙ (*мрачен. Зажигает свет на столе, читает документ*). Если здесь у трапа – тысяч пятнадцать долларов, в Константинополе даст меньше. Кроме того, нужно у Корзухиной получить признание.

ТИХИЙ. Пожалуйста, задержи посадку Корзухина под каким-нибудь предлогом на полчаса и дай мне сюда Корзухину. В каком она состоянии?

СКУНСКИЙ. Светлый промежуток. Только, пожалуйста, поскорее. Поздно, конница идет на пристань грузиться.

ТИХИЙ. Ладно, ладно, давай ее!

СКУНСКИЙ (*в дверях*). Гаджубаев, арестованную Корзухину! (*Исчез.*)

Пауза.

Гаджубаев вводит Серафиму. Та в солдатской шинели, накинутой на плечи, входит, тяжело дыша и отдуваясь, и почему-то улыбается. Гаджубаев исчезает.

ТИХИЙ. Садитесь, пожалуйста!

Серафима садится, потом встает и ходит по комнате.

Вы больны. Поэтому я не стану вас задерживать. Скажите, сколько времени вы состоите в коммунистической партии?

СЕРАФИМА (*останавливаясь, улыбается*). Я думала, что вы сразу убьете меня, а вы говорите чепуху. Какая смешная ерунда! Зачем я сюда поехала?

ТИХИЙ. Ваш сообщник сообщил, что...

Глухо послышался вальс, стал приближаться, а с ним стрекот бесчисленных копыт за окном.

СЕРАФИМА. Вальс!

ТИХИЙ. Ваш сообщник Голубков показал, что вы прибыли сюда для пропаганды.

СЕРАФИМА. Мой сообщник? Вы утомляете меня! (*Отходит в сторону и вдруг ложится на диванчик, тяжело дыша.*) Все уйдите из комнаты и, пожалуйста, не мешайте мне спать.

ТИХИЙ. Встаньте, прочтите! (*Показывает ей документ.*)

СЕРАФИМА (*щурится*). Да! (*Напрягается, читает.*) Петербург, лампа... он заболел, что ли? (*Вскрикивает.*) Ерунда! Смешно! (*Берет документ, комкает, сжимает в кулак, прислушивается, подбегает к окну, выбивает стекло, кричит глухо.*) Помогите, помогите! Здесь преступление! Чарнота!

ТИХИЙ (*тревожно*). Гаджубаев, сюда!

Гаджубаев вбежал.

Возьми!

Послышались шаги, стуки в дверях. Гаджубаев бросается на Серафиму, дверь открывается, и в ней появляется Чарнота в бурке, в папахе, за ним тревожно показываются другие бурки. Гаджубаев выпускает Серафиму.

СЕРАФИМА (*на коленях подползает к Чарноте*). Чарнота, убей меня сам! На! (*Протягивает ему документ.*)

Скунский вырос в дверях.

ТИХИЙ (*Чарноте*). Попрошу вас сейчас же оставить помещение контрразведки!

ЧАРНОТА. Нет, что же оставить... Мне, ваше превосходительство, нужно говорить. Серафима, тебя взяли? Ты что кричишь? А?

ТИХИЙ. Попрошу вас сейчас же оставить помещение. Поручик, позовите караул!

СЕРАФИМА. Чарнота, убей его!

ЧАРНОТА. Что ты кричишь? У тебя жар? Что вы делаете с женщиной? (*Скунскому.*) Я вам покажу караул!

ТИХИЙ. Поручик, гасите свет.

Свет гаснет, голос Тихого в полной тьме.

Ну, вам дорого обойдется это, генерал Чарнота!

Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

...И отправились сыны Израилевы...

Сумерки. Кабинет в Большом дворце в Севастополе. В странном виде этот дворец. Одна портьера на окне наполовину оборвана. На стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу стоит пустой деревянный ящик. Рядом охапка сена, а пол усеян обрывками бумаги. Горит камин, и у камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Дверь открывается, и стремительно входит главнокомандующий.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Греетесь?

ДЕ БРИЗАР (*автоматически встал*). Так точно.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Ваша голова как?

ДЕ БРИЗАР. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Так, пирамидон? Садитесь.

ДЕ БРИЗАР. Слушаю. (*Автоматически садится.*)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*садясь в другое кресло*). Пирамидон, говорите? (*Пауза.*) Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

ДЕ БРИЗАР (*не удивляясь*). Я, ваше высокопревосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Про кого говорите?

ДЕ БРИЗАР. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Величества? Гм... Вот что, полковник. Вы сдайте список конвойному, а сами поезжайте, я больше не хочу вас утомлять.

ДЕ БРИЗАР. Куда прикажете ехать?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. На корабль! Вы честно исполнили ваш долг. Я о вас позабочусь за границей.

ДЕ БРИЗАР (*подавая список*). Итак, ваше высокопревосходительство, Россия достается черни. (*Пауза.*) Как бы я был счастлив, если бы в случае нашей победы вы – единственно достойный носить царский венец – приняли его в Кремле! Я стал бы во фронт вашему императорскому величеству!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*морщась*). Маркиз, сейчас нельзя так остро ставить вопрос. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте!

ДЕ БРИЗАР. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (*Идет к выходу, поворачивается, таинственно поет.*) Графиня, ценой одного рандеву...

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Конвойный!

Конвойный вырос из-под земли.

Вот список. Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически. Через три минуты один после другого! Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника Бризара ко мне на корабль. И от моего имени сказать судовому врачу, что пирамидон – дерьмо, а не лекарство.

КОНВОЙНЫЙ. Слушаю, ваше высокопревосходительство! (*Провалился.*)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*задумался у камина*). Александр Македонский... Вот сволочи!

Дверь открывается, и входит Корзухин.

(*Вглядываясь.*) Вы?

КОРЗУХИН. Товарищ министра Корзухин.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. А! Вовремя. Вызвать вас хотел. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю. Похож? (*Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.*) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано?.. Ваша подпись «Парамон Корзухин»? (*Читает.*) «Главнокомандующий подобно Александру Македонскому ходит по перрону...» Что означает эта свинячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (*Читает.*) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную и продажную рвань? И почему у нас министерство торговли редактирует газету? Вы получили миллионные субсидии и это позорище напечатали за два дня до катастрофы! А вы знаете, что писали польские газеты, когда Буденный шел к Варшаве,– «Отечество погибает!» Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит. Сволочь!

Резкий телефонный звонок за стеной. Главнокомандующий выходит, грянув дверью.

КОРЗУХИН (*отдышавшись*). Все уроки, которые вы должны были получить, дорогой Парамон Ильич, вы получили. Так вам и надо! Сумасшедшая страна! Ну, и я хорош! (*Задумчиво.*) Товары погружены, деньги все переведены, спрашивается, чего меня черт понес во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? У меня у самого, кажется, начинается помутнение мозгов. Действительно, пирамидон нужен. Что такое? Что? Ну, погибла Серафима Владимировна! Ну, царство небесное. Что же прикажете, чтобы я из-за нее лишился жизни? Александр Македонский – грубиян! Простите, Париж не Севастополь. Впереди Европа, чистая, умная, спокойная жизнь. Итак! Прощай, единая, неделимая РСФСР, и будь ты проклята ныне, и присно, и во веки веков...

АФРИКАН (*появился бесшумно*). Аминь!

КОРЗУХИН. А...

АФРИКАН (*благословляет его*). Во имя отца, и сына, и святого духа... Господин Корзухин? Что делается, что делается! Главнокомандующий здесь?

КОРЗУХИН. Здесь.

АФРИКАН. В каком расположении?

КОРЗУХИН. Так, ничего... в хорошем.

АФРИКАН (*глядя на ящики*). Господи, господи! «И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей...»

Корзухин стал красться к двери.

«...И множество разноплеменных людей вышли с ними, и мелкий, и крупный скот – стадо весьма большое...»

Корзухин в дверях столкнулся со входящим Хлудовым и исчез.

ХЛУДОВ (*входит в дохе и штатской шапке*). Совершенно верно!

АФРИКАН. Ваше превосходительство! В какой одежде! А где же господин Корзухин? Только что был...
ХЛУДОВ. Улизнул. Здравия желаю! (*Дергается.*) Вы мне прислали Библию в ставку?
АФРИКАН. Как же, как же!
ХЛУДОВ. Помню-с! «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море: они погрузились, как свинец, в великих водах...» Вот-с как! Про кого это сказано? А? Я-то догадался, хотя и поздно. А чего вы торчите здесь?
АФРИКАН. «Торчите». Роман Валерианович! Я дожидаюсь его высокопревосходительства.
ХЛУДОВ. Кто дожидается, тот дождется! Это в стиле вашей Библии. Читал в купе. Бессонница шестой день, ну, я и читаю. Так вот — дождетесь! (*С видом лукавым и загадочным манит Африкана к окну.*)
АФРИКАН. Что такое?
ХЛУДОВ. Слышите?
АФРИКАН. Не разберу...
ХЛУДОВ. Пулемет... ту-ту-ту...
АФРИКАН. Это что же такое?
ХЛУДОВ. В том-то весь и вопрос.
АФРИКАН. Уж не зеленые ли шалят?
ХЛУДОВ. Или красные!
АФРИКАН. Что вы, Роман Валерианович, возможно ли?
ХЛУДОВ. У господа все возможно... «Погонюсь...» Память-то у меня хороша? А? Хороша? А он распространяет слухи, будто я ненормальный! Две ночи просидел над боговдохновенной книгой и все запомнил. «Погонюсь, настигну, разделю добычу; насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя!» (*Таинственно.*) И в самом деле, мы с вами сидим здесь, Священное писание вспоминаем, а Буденный в это время к Севастополю переменной рысью подходит. Вообразите. (*Свистит в два пальца.*) [Ба! Здравствуйте, пожалуйста! Поп во дворце засиделся! А-а! (*Напевает без слов «Интернационал».*) Шлепнуть попа, к стенке попа!

Очень, очень далеко, в туманной мгле маленькое зарево.

Вон, вон оно! На корабль, ваше высокопревосходительство, на корабль!]

Африкан вдруг, осенив себя частыми крестными знамениями, исчез.

Провалился. (*Задумался, стоя в той же позе, как был.*)
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*входит*). А, слава богу, с нетерпением вас жду, генерал!

Хлудов снимает шапку, кланяется.

Ушли все?
ХЛУДОВ. Все ушли.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Благополучно?
ХЛУДОВ. Конницу Барбовича зеленые начали трепать под Карасу-Базаром. Мгла. Те тучей идут, ну, зеленые из мглы рвут. Но в общем ушли.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Почему вы в штатском?
ХЛУДОВ. Удобнее сидеть было. Не узнают. Забился в уголок купе: ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. В кухне? Что? Благодарю вас, генерал. Поезжайте на корабль. В какой кухне? Что такое?

ХЛУДОВ. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки – тараканы на плите. Я зажег спичку – чирк!.. А они и побежали. А спичка возьми да погасни. Слышу, лапками они шуршат, бегут, шур, шур, мур, мур. И у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как в ведро. С кухонного стола бух! Но... Но я один стрелой пронзил туман.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Благодарю вас, генерал, за все, что вы с вашим громадным талантом сделали для обороны Крыма. Благодарю и не задерживаю! Сейчас я переезжаю в гостиницу «Кист», а оттуда на корабль.

ХЛУДОВ. В «Кист»? К воде поближе?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую!

ХЛУДОВ. Предвидел эту возможность и предупреждаю, что со мной в вестибюле мой конвой. Произойдет громаднейший скандал. Я популярен.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Нет, тут не болезнь! Нет! Вот уже целый год вы паясничеством прикрываете омерзительную ненависть ко мне!

ХЛУДОВ. Не скрою. Ненавижу!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Зависть?

ХЛУДОВ. О нет, нет! Ненавижу за то, что вы со своими французами вовлекли меня во все это. Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать. Где французские рати? Где Российская империя? Смотри в окно! Ненавижу за то, что вы стали причиною моей болезни! (*Утихая.*) Но я стрелою проник в туман, и теперь вообще не время... Мы оба уходим в небытие.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я бы посоветовал вам остаться. Для вас это чудный способ перейти в небытие.

ХЛУДОВ (*улыбнувшись*). Это мысль! Но все-таки ее нужно хорошенько проверить, а времени мало.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Ну что же, проверьте! Вы свободны, я не держу вас, генерал.

ХЛУДОВ. Гонишь верного слугу? Император Петр Четвертый! «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лиях и лиях...»

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*стукнув стулом*). Клоун!

ХЛУДОВ. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*при словах «Александр Македонский» пришел в ярость*). Сию же минуту, если вы...

Внезапно грянул глухой и враждебный трубный сигнал, и словно из-под земли вырос конвойный.

КОНВОЙНЫЙ. Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (*сразу утихая*). Да? Хорошо, сейчас! Итак! До свидания, генерал. Разговор мы закончим в Константинополе. Вы едете?

ХЛУДОВ. Я, если позволите, посижу здесь. Я устал.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Пожалуйста. Весь дворец к вашим услугам. Но напоминаю, что Буденный в Карасу-Базаре!

Выходит... Слышны шаги, потом странные стуки, потом все начинает стихать и пустеть. Тишина. Хлудов снимает доху, оказывается в гимнастерке, в серебряных погонах, со множеством значков на груди, в защитных галифе и крагах. Садится к камину, спиною к двери.

ХЛУДОВ. Пусто и очень хорошо. (*После паузы встает, беспокойно открывает дверь.*)

Показывается бесконечная анфилада темных и брошенных комнат.

(*Прислушивается.*) Эй! Кто тут есть? Нету. Остаться? Нет. Это не разрешит мой вопрос. Нет, я не додумал... (*Оборачивается через плечо, говорит кому-то.*) Уйдешь ли ты или нет? Ведь это вздор. Я могу пройти сквозь тебя, подобно тому, как вчера стрелой я прошел туман. (*Проходит сквозь что-то.*) Вот я и раздавил тебя! (*Кричит.*) Эй! Сказано, не шляться. Нет! Нет! (*Садится спиною к двери у камина и задумывается. Молчит.*)

Дверь открывается, и входит Голубков. В пальто, без шапки.

ГОЛУБКОВ. Ради бога, позвольте мне войти на одну секунду.
ХЛУДОВ (*не оборачиваясь*). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.
ГОЛУБКОВ. Я знаю, что это безумная дерзость, но я ждал два часа, и мне обещали, что допустят меня к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел. Умоляю вас выслушать меня, ваше высокопревосходительство!
ХЛУДОВ. Что вам нужно от меня?
ГОЛУБКОВ. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиною которого является генерал Хлудов. (*Вспоминает какие-то заученные слова.*) Не останьтесь глухи и защитите нас, ваше высокопревосходительство.

Хлудов, оборачиваясь, смотрит на Голубкова. Голубков, узнав Хлудова, пятится.

ХЛУДОВ. Это интересно. Впервые вижу живого человека, который бы на меня пожаловался. Вы же не повешены, надеюсь? В чем претензия?

Голубков молчит.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия?
ГОЛУБКОВ. Контрразведка в Севастополе...
ХЛУДОВ. Нет, уж будьте добры оставить контрразведку в покое. Уведомьте, какая жалоба на Хлудова? (*Пауза.*) Не проявляйте трусости. Благоволите составить исключение.
ГОЛУБКОВ. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...
ХЛУДОВ. Помню! Да! Вспомнил! Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотите здесь жаловаться на меня?
ГОЛУБКОВ. Главнокомандующему.
ХЛУДОВ. Нету! Там!

Указывает на окно. В окне начинают мерцать огоньки и видно дальнее зарево.

Ведро с водой — и погрузился в небытие навсегда! Поздно. На генерала Хлудова более некому пожаловаться! Смотрите мне в гла-

за! Искренний человек? А? (*Говорит по телефону.*) Вестибюль? Есаул Голован. Слушай, есаул, возьми конвой и в контрразведку! Там за мною записана женщина Корзухина. (*Голубкову.*) Имя?

ГОЛУБКОВ. Серафима Владимировна.

ХЛУДОВ (*в телефон*). Серафима Владимировна. Если не расстреляли, сию же минуту невредимо доставь ее ко мне сюда. (*Кладет трубку.*)

ГОЛУБКОВ. Если не расстреляли, если не расстреляли... Вы понимаете, что вы сказали? Ее расстреляли! Но если вы это сделали... (*Плачет.*)

ХЛУДОВ. Не сметь надрываться! Хо́дите в мужском платье, ведите себя мужчиной!

ГОЛУБКОВ. Хорошо, я поведу, я поведу. Если только ее нет в живых, я вас убью! Честное слово!

ХЛУДОВ (*вяло*). Что ж, может быть, это лучший исход. Хотя, нет, нет! Я уже думал об этом сегодня и вижу, что это узел не развяжет. Молчи!

Голубков кладет голову на руки и умолкает.

(*Обернувшись через плечо, говорит кому-то.*) Если ты стал моим спутником, солдат, ты говори со мной. Твое молчание давит меня, хоть и представляется мне, что твой голос должен быть тяжким и медным, как мое бремя. Или оставь меня! Не ходи изменнически по моим пятам. Пойми, что ты попал в колесо и оно тебя стерло и кости твои сломало. И если бы все было ладно, ты бы не посмел таскаться по большому дворцу, мой неизменный красноречивый вестовой! Но все неладно, ах как неладно!

ГОЛУБКОВ. С кем вы говорите?

ХЛУДОВ. А? С кем? Сейчас узнаем. (*Рукою разрезает воздух.*) Ни с кем. Сам с собой. Да. На чем мы остановились? Кто она вам? Любовница?

ГОЛУБКОВ. Нет! Нет! Нет! Она самый лучший для меня человек на свете, случайно встреченный человек! Но я жалкий безумец, зачем, зачем тогда в монастыре ее, больную, я уговорил ехать в эти дьявольские лапы. Ах, я жалкий человек!

ХЛУДОВ. Может быть, вы заблуждаетесь? Если вы случайно встретили ее, ведь вы же не узнали ее как следует. Все женщины наших дней дряни!

ГОЛУБКОВ. Не сметь так говорить! Убью!

ХЛУДОВ. Чего же вы стонете теперь? Молчать! Зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем дьявол вас принес? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, что я вам дать не могу! Нет ее и не будет! Ее расстреляли.

ГОЛУБКОВ. Злодей, злодей, бессмысленный злодей.

ХЛУДОВ. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой – молчащий вестовой! Что же я, чугунный постамент, к которому приставили двух часовых, или душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую я погружаюсь, как свинец. Он, он, проклятый, висит на моих ногах и тянет меня, и мгла меня призывает. А... Понял... это совесть!

ГОЛУБКОВ. Нет, это я понял все! Ты – сумасшедший! Теперь все понимаю. Лед на Чонгаре, черные мешки, мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму! Вот он, вон

он, ее слепой убийца. А что с него взять, если разум его помутился?

ХЛУДОВ. Рыцарь! Чудак! (*Бросает ему револьвер.*) Окажите любезность, застрелите больного! (*В пустое пространство.*) Ну, оставь меня, довольно, я ухожу!

ГОЛУБКОВ. Нет, не могу уже стрелять в тебя. Ты мне жалок, и страшен, и омерзителен! Убил!

ХЛУДОВ. Что за комедия в конце концов? Благодарите бога, что вы сами не повешены! Вы слышали, что она сказала командующему фронтом?

ГОЛУБКОВ. Да не лги ты хоть сейчас, перед собою, полоумный зверь! Больного человека ни с того ни с сего убил.

ХЛУДОВ. Эй, кто там есть? Есаул Голован, где вы застряли? Эй... (*Бормочет.*) ...идет, идет. Все доложит, обстоятельный человек Голован, и первый узелок развяжется, и ты меня отпустишь наконец.

Слышен плеск шагов в пустой анфиладе, входит Голован.

Расстреляна?

ГОЛОВАН. Никак нет!

ГОЛУБКОВ. Нет? Нет! Где же она? Где?

ХЛУДОВ. Тише. (*Головану.*) Почему не доставили?

Голован косится на Голубкова.

ХЛУДОВ. Говорите при нем.

ГОЛОВАН. Слушаю! Генерал Чарнота сегодня, в три часа дня, проходя на пристань со сводной дивизией, ворвался в помещение контрразведки, арестованную эту Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

ГОЛУБКОВ. Куда? Куда?

ХЛУДОВ. Тише! (*Головану.*) Куда?

ГОЛОВАН. Не могу знать.

ХЛУДОВ. А я приказывал знать!

ГОЛОВАН. Так точно. Я и докладываю, как узнал. А догадываться могу.

ХЛУДОВ. Догадывайтесь!

ГОЛОВАН (*с неудовольствием косясь на Голубкова*). Дивизия генерала Чарноты погрузилась на «Витязя» в четыре с половиной часа дня. В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

ХЛУДОВ. Довольно. Спасибо. (*Голубкову.*) Итак. Вот! Жива! Значит, жива эта ваша женщина Серафима.

ГОЛУБКОВ. Да, да, жива!

ХЛУДОВ. Есаул Голован, берите весь конвой и знамя, грузитесь на «Святителя». Я потом приеду.

ГОЛОВАН (*настороженно*). Осмелюсь...

ХЛУДОВ. Я в здравом уме! Приеду, не бойтесь, приеду!

ГОЛОВАН. Слушаю. (*Исчез.*)

ХЛУДОВ. Ну?

ГОЛУБКОВ. Да, да, да! Заклинаю вас, возьмите, непременно возьмите меня в Константинополь! Я еду за ней!

ХЛУДОВ. Придите в себя. Подумайте одну минуту. (*Манит Голубкова к окну.*) Там вон Константинополь! Останьтесь здесь. Вас не убьют большевики.

ГОЛУБКОВ (*слепо*). Да, да, да! Константинополь. Я все равно от вас не отстану. Возьмите. Вот огни! Смотрите!

ХЛУДОВ. О, черт, черт, черт! Ты чертов груз на моем пути!

ГОЛУБКОВ. Хлудов, едем скорее.

ХЛУДОВ. Замолчи. (*Утихает.*) Ну, вот! Одного я удовлетворил и теперь на свободе могу говорить с тобой. (*Оборачивается через плечо.*) Чего ты хочешь, чтобы я остался? Остался? Нет. Бледнеет. Отходит. Покрылся тьмой и стал вдали. Значит, едем!

ГОЛУБКОВ (*тоскуя*). Хлудов. Ты болен. Хлудов, это бред! Хлудов, надо спешить, уйдет «Святитель», мы опоздаем!

ХЛУДОВ. Черт! Какая Серафима? Константинополь?.. Ну, едем, едем!

Схватывает доху и вместе с Голубковым убегает в анфиладу, и тьма поглощает их.

Конец четвертого сна и третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН ПЯТЫЙ

Янычар сбоит!..

Странная симфония. В музыке ноют турецкие напевы, затем в них вплетается русская «Разлука», потом стоны уличных торговцев, гудение трамваев, гудки автомобилей.
На сцене загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов.
Стоит необыкновенного вида сооружение вроде карусели, над коим красуется надпись:

«Стой!
Невиданно в Константинополе!
Sensation á Constantinople!
Тараканьи бега!!
Courses de cafards!!
Races of cock-roaches!!
Русское азартное развлечение с дозволения международной полиции».

Карусель украшена флагами всех стран, за исключением германских. Две кассы с надписями «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой: «Le commencement á 5 h. du soir» [1].
Сбоку ресторан на воздухе под золотушными и пыльными лаврами в кадках. Надпись золотом: «Русский деликатес — Vobla. Порция 50 пиастров».
Над рестораном громадный рак во фраке, обнявшийся с тараканом.
Под ними надпись: «Пиво».
За каруселью живет в зное лихорадочною жизнью узкий переулок. По переулку валит народ. Идут турчанки в чарчафах и лакированных туфлях, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом и элегантные европейцы, прыгают мальчишки, проходят русские в царской военной форме.
Звенят звоночки продавцов лимонада, в лавчонках торгуют кокосовыми орехами. На осликах едут громадные корзины с овощами. Зной. У выхода с переулка на бега Чарнота в черкеске без погон, выпивший слегка, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

ЧАРНОТА. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших почтенных турецких детишек-ангелочков! Мадам, мадам! Ашете! Пур вотр анфан![2]
ТУРЧАНКА-МАМАША. Ah!.. Бунун фиаты надыр?[3] Combien?[4]
ЧАРНОТА. Сенкан пиастр, мадам! Сенкан, селеман![5]
ТУРЧАНКА-МАМАША. О, иох. Бу пахалыдыр![6] (*Проходит.*)
ЧАРНОТА (*вслед ей*). Мадам, карант! Карант![7] Ах, чтоб тебе сгореть! Да у тебя и детей никогда не было! Ступай в гарем! Геен зи! Геен зи...[8] Боже мой, господи, до чего ж сволочной город!

[1] Начало в 5 часов вечера. (*Франц.*)
[2] Achetez! Pour votre enfant! — Купите! Для вашего ребенка! (*Франц.*)
[3] Bunun fiyatĭ nedir? — Сколько это стоит? (*Турец.*)
[4] Сколько? (*Франц.*)
[5] Cinquante piastrés, madame! Cinquante, seulement! — Пятьдесят пиастров, мадам! Только пятьдесят! (*Франц.*)
[6] O, yok. Bu pahalĭdĭr! — О, нет. Это дорого! (*Турец.*)
[7] Madame, quarante! Quarante! — Мадам, сорок! Сорок! (*Франц.*)
[8] Gehen Sie! Gehen Sie...— Пошла ты! Пошла... (*Нем.*)

Константинополь стонет над Чарнотой. Басы поют в симфонии: «Каймаки! Каймаки!» Тенора – продавцы лимонов, сладко: «Амбуляси! Амбуляси!» Мальчишка с пачкой газет «Presse du soir». Струится зной. В кассе с надписью «В ординаре» возникает личико.

ЧАРНОТА (*личику*). Мария Константиновна, а Мария Константиновна!
ЛИЧИКО. Что вам, Григорий Лукьянович?
ЧАРНОТА. Видите ли, какое дело. Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара в ординаре?
ЛИЧИКО. Не могу я, Григорий Лукьянович.
ЧАРНОТА. Что же я, жучок или фармазон константинопольский, неизвестный вам? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами!
ЛИЧИКО. Так-то оно так... Скажите сами Артур Артуровичу.
ЧАРНОТА. Артур Артурович!

Артур выскочил из карусели вверху, как выскакивает Петрушка из-за ширм.

АРТУР (*во фрачном жилете, мучается, пристегивая воротничок*). В чем дело? Кому я понадобился? А?.. Чем могу?
ЧАРНОТА. Видите ли, я хотел вас...
АРТУР. Нет. (*Скрывается.*)
ЧАРНОТА. Что это за хамство! Куда ты скрылся прежде, чем я сказал?
АРТУР (*появился*). Так ведь я же знаю, что вы скажете.
ЧАРНОТА. Интересно – что?
АРТУР. Гораздо интереснее, что я вам скажу.

ЧАРНОТА. Интересно – что?
АРТУР. Кредит – никому! (*Провалился.*)
ЧАРНОТА. Вот скотина!

В карусели проходят трое с гармониками, в шапках с павлиньими перьями, красных рубашках и в плисовых жилетах. В ресторан вваливаются двое французских матросов.

1-й МАТРОС-ФРАНЦУЗ. Garçon! Un bock![1]
ЛАКЕЙ. A l'instant, monsieur![2] (*Летит.*)
2-й МАТРОС-ФРАНЦУЗ (*читает*). «Vob-la». Oh! Ces russes! Garçon! Un vobla![3]
ЛАКЕЙ. A l'instant, monsieur! (*Летит.*)
ЛИЧИКО. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите!
ЧАРНОТА. Да ну его к черту, и не подумаю снимать. Абсолютно бесполезно. Ах, город! Каких я только городов не перевидал, но...
2-й МАТРОС-ФРАНЦУЗ (*выплюнул изо рта воблу*). Ah! Mais c'est dégoûtant![4]
1-й МАТРОС-ФРАНЦУЗ (*хохочет*). Garçon! Un bock!
ЧАРНОТА. Видали? Союзнички! Культурный человек воблу не лопает! Посолить, посолить надо пиво! Кто пиво несоленое пьет? Союзники!

Французы-матросы хохочут, солят пиво.

Да, видал я многие города, очаровательные города, мировые!
ЛИЧИКО. Какие же вы города видели, Григорий Лукьянович?
ЧАРНОТА. Господи ж! Харьков, Белгород, Киев! Эх, Киев-город! Красота, Мария Константиновна! Вот так – лавра пылает на горах,

[1] Гарсон! Кружку пива! (*Франц.*)
[2] Сию минуту, месье! (*Франц.*)
[3] «Воб-ла». О! Эти русские! Гарсон! Вобла! (*Франц.*)
[4] Но это отвратительно! (*Франц.*)

а Днепро, Днепро, неописуемый цвет! Травы! Сеном пахнет! Склоны! Долы! На Днепре черторой! Солнце начнет греть, пулеметные стволы раскаленные... и вши! Вошь – это насекомое!

ЛИЧИКО. Фу, гадость говорите, Григорий Лукьянович!

ЧАРНОТА. Гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых! Вошь – животное боевое, военное, а клоп – паразит! Вошь ходит эскадроном в конном строю. Вошь кроет лавой, значит, будут громаднейшие бои... (*Тоскует.*) Артур!

АРТУР (*выглянул во фраке*). Чего вы так кричите?!

ЧАРНОТА. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур. Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы: тараканий царь! Везет тебе. Впрочем, ваша нация вообще везучая!

АРТУР. Если вы опять начнете разводить антисемитизм, я с вами не стану беседовать!

ЧАРНОТА. Тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец!

АРТУР. Тем не менее!

ЧАРНОТА. То-то я и говорю: везет вам, венгерцам. Вот чего, Артур Артурович: задумал я ликвидировать мое предприятие... (*Указывает на свой лоток.*)

АРТУР (*сверху*). Пятьдесят.

ЧАРНОТА. Чего?

АРТУР. Пиастров.

ЧАРНОТА. Ты что же, насмешки надо мной строишь? Я штуку продаю по пятьдесят.

АРТУР. Ну и продолжай!

ЧАРНОТА. Ты, стало быть, и далее намерен кровопийствовать?

АРТУР. Я вам не навязываюсь.

ЧАРНОТА. У, счастливый ты человек, Артур! Не попался ты мне в Северной Таврии!

АРТУР. Здесь, слава богу, не Северная Таврия!

ЧАРНОТА. Возьми газыри!

АРТУР. Газыри вместе с ящиком две лиры пятьдесят.

ЧАРНОТА. У-ух! Бери! (*Вынимает газыри из черкески и вместе с ящиком отдает Артуру.*)

АРТУР (*вынимает деньги*). Пожалуйте!

Часы на карусели бьют пять.

Маэстро! Кассы!

Кассы открываются, на флагштоке взвивается русский трехцветный флаг. В карусели оркестр гармоний заиграл царский подмывающий марш. Публика стала останавливаться у входа на бега.

ЧАРНОТА (*личику*). Давайте, Мария Константиновна, на Янычара на две лиры пятьдесят. (*Покупает билеты.*)

Через калитку повалила публика. Больше всего моряков. Предприятие Артура пользуется большой любовью. Вламывается группа итальянцев с крейсера, за ними англичане со сверхдредноута «Вице-король Индии», с ними проститутка-красавица. Полезли жулики интернационального типа, потрепанные русские военные. Мелькнул негр неестественных размеров. По переулку, как судьба, прошел таинственный монах в хламиде, с тонзурою. Марш гремит, у касс очереди, гул. Голоса в ресторане: «Un bock! Un bock!»

ЛАКЕЙ. A l'instant, monsieur! (*Летает.*)

Появился турецкий полицейский в феске и итальянский в треуголке. Артур во фраке и цилиндре взвился над каруселью в картинной позе. Марш смолк.

АРТУР. Messieurs, dames![1] Бега открыты! Невиданное нигде в мире русское придворное развлечение! Тараканьи бега! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Races of cock-roaches! Courses de cafards!! Corso del piatello! L'amusement préferé de la défunte Impératrice de la Russie à Tzarskoe Selo!

Русский монархический голос: «Врешь ты, гадина, причем тут императрица!»

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Zitto! Silenzio![2]
ГОЛОСА. Silenzio!
АРТУР. Первый заезд! Бегут! Первым номером – Черная жемчужина! Номер второй! Фаворит Янычар!
ИТАЛЬЯНЦЫ-МАТРОСЫ (*аплодируют*). Evviva Janitcharre![3]
АНГЛИЧАНЕ-МАТРОСЫ (*кричат*). Away! Away![4]

Одинокий пронзительный свисток. Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в русских интендантских погонах.

ФИГУРА (*хрипло*). Опоздал? Побежали?
ГОЛОС. Поспеешь!
АРТУР. Третий – Баба-Яга! Четвертый – Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан! Пятый – Букашка!
ГОЛОС. Темный тараканчик!
АРТУР. Шестой – Хулиган! Седьмая – Пуговица!
ГОЛОС. Лавочка!

АНГЛИЧАНЕ-МАТРОСЫ. Лявочка! It is a swindle! It is a swindle! A trap![5]
АРТУР. Ай. Бег. Иор. Пардон![6] Not at all! Ничего подобного! Тараканы бегут на открытой доске с бумажными наездниками. Никаких шансов! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора зоологии Казанского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! Maintenant, nous commençons. (*Проваливается.*)

Толпа игроков хлынула в карусель, мальчишки гирляндой висят на каменном заборе. Гул в карусели. Потом мертвое молчание. Затем оркестр гармоник заиграл «Светит месяц». В музыке побежали, шурша, тараканьи лапки. Голос в карусели: «Побежали!»

МАЛЬЧИШКА-ГРЕК (*похожий на дьяволенка, танцует на стене*). Побезали, побезали!

Голос в карусели: «Янычар сбоит!» Гул в карусели.

ЧАРНОТА (*примостившись у кассы, в волнении*). Как сбоит? Быть этого не может!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя! Не плачь, дитя!»
Другой голос: «Давай, давай, давай!»

(*Беспокойно.*) Убить Артурку мало!

[1] Господа, дамы! (*Франц.*)
[2] Молчите! Тихо! (*Итал.*)
[3] Да здравствует Янычар! (*Итал.*)
[4] Долой! Долой! (*Англ.*)
[5] Афера! Афера! Ловушка! (*Англ.*)
[6] I beg your pardon! – Прошу прощения! (*Англ.*)

Личико беспокойно высовывается из кассы. В карусели взрыв аплодисментов, затем сверлящий свист, полицейские проявляют беспокойство.

ТУРОК-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. О, бу, русляр! Шамди гавха оладжан он лар ичин![1]

ФИГУРА (*выскакивает из карусели*). Жульничество! Артурка пивом споил Янычара!!

ЧАРНОТА. Ах, сукин сын!

АРТУР (*вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны и цилиндр превращен в лепешку. Кричит*). Мария Константиновна, зовите полицию!

Итальянец-полицейский исчезает. Личико захлопывает окно кассы и убегает.

ИТАЛЬЯНЦЫ-МАТРОСЫ (*вылетают из карусели, гонятся за Артуром*). Ladro! Scroccone! Truffatore![2]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА (*вылетает из карусели*). Бей его! Джанни! Ingannatore![3]

МАТРОСЫ-АНГЛИЧАНЕ (*выбегают с победоносными криками*). Hip, hip, hurrah! Long live, Pugowitza![4]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА (*вскочив на стол в ресторане, кричит*). Братики! Fratelli! Боцмана́ с «Вице-короля Индии» подкупили Артура, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьяный, как зюзя, где видано, чтобы Янычар сбоил!.. Oh, you rabble![5]

АРТУР (*отчаянно*). Я вас спрашиваю, где вы видели когда-либо пьяного таракана? Je vous demande un peu, oú est-ce que vous àvez vu un cafard soûl? Police! Police! Au secours![6] Ella sbaglia, signore![7] Elle est toquée![8]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. Mensonge![9] Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

ИТАЛЬЯНЕЦ-МАТРОС (*схватывает Артура за глотку*). Ah, cottigvo soggetto! Ah![10]

АРТУР (*томно*). Убивают...

БОЦМАН-АНГЛИЧАНИН (*итальянцу*). Stop! Keep back! Or else I'll smash you![11]

Ударяет итальянца так, что тот падает как срезанный.

ИТАЛЬЯНЦЫ-МАТРОСЫ. Ah! A soccorso, fratelli![12]

ПРОСТИТУТКА-КРАСАВИЦА. Бейте, братишки, «Вице-роя Индии»! Итальянцы, на помощь! Oh, bloody rood![13] Ножами их, ножами!

Англичане методически готовятся к бою — выламывают ножки у стульев в ресторане. Бьют стекла, берут шампанские бутылки.

Итальянцы бледнеют и вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны.

[1] О, эти русские! Сейчас начнется потасовка! (*Турец.*)
[2] Вор! Жулик! Мошенник! (*Итал.*)
[3] Обманщик! (*Итал.*)
[4] Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! (*Англ.*)
[5] О, сброд! (*Англ.*)
[6] Полиция! Полиция! На помощь! (*Франц.*)
[7] Она ошибается, синьор! (*Итал.*)
[8] Она сумасшедшая! (*Франц.*)
[9] Ложь! (*Франц.*)
[10] А! Негодяй! (*Итал.*)
[11] Стой! Назад! Или ты сейчас получишь! (*Англ.*)
[12] А! На помощь, братцы! (*Итал.*)
[13] Английское ругательство.

МАЛЬЧИШКА-ГРЕК (*танцует на стене*). Англицанов резут, англицанов резут!

Сцена в карусели летит в одну сторону, публика в другую, и вдруг из переулка влетает личико. За ним, свистя, врезается между англичанами и итальянцами шеренга итальянских полицейских с револьверами. Карусель во тьме проваливается. Настает тишина, и течет новый сон...

СОН ШЕСТОЙ

Мадрид — город испанский.

Появляется двор с кипарисами. Двухэтажный дом с галереей. В стене водоем с краном. Тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Переулок над домиком пустынный.
Солнце садится за балюстраду минарета, нависшего над двориком. Первые фиолетовые предвечерние тени, но очень душно. Константинополь звучит глухо, приятно, и сладкий тенор поет по-татарски: «Ай, вай, лимонад, сусса ика и шарга!»

ЧАРНОТА (*входит и присаживается на скамью*). Сукина Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно. Съест, съест, съест! Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, ваше превосходительство, побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай, вай, лимонад!..

Наконец решается и входит во двор. Тотчас дверь на галерейку открывается и из комнаты выходит Люська. Она в незастегнутом платье. Она голодна. От этого глаза ее блестящи, а лицо дышит неземною, но мимолетной красою.

ЛЮСЬКА. А! Здравия желаю, ваше превосходительство. Бонжур, мадам Барабанчикова!
ЧАРНОТА. Здравствуй, Люсенька!
ЛЮСЬКА. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера. (*Пауза.*) Тем более что, как вам отлично известно, пищу в этом доме в последний раз принимали вчера в пять часов дня! Прошло более суток! Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет! Ба! Ящика нет! Неужели, генерал, вы расторговались настолько, что продали товар и с магазином вместе? Какое же может быть иное объяснение? И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело... Словом, аржан сюр ле визаж. Пожалуйте деньги! (*Сурово.*) Попрошу вас поторопиться! Я и Симка не ели со вчерашнего дня. Будьте любезны!
ЧАРНОТА. А где Сима?
ЛЮСЬКА. Не суть важно! Не суть. Она стирает. Стирка не затруднительна. Две рубашки на двоих. Давай деньги!
ЧАРНОТА. Случилась катастрофа, Люсенька.
ЛЮСЬКА. Неужели? Какая же новая катастрофа поразила беднягу деклассированного генерала? (*Резко.*) Где газыри?
ЧАРНОТА. Я, Люси, задумал продавать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре и...
ЛЮСЬКА. Украли?..
ЧАРНОТА. Угу.
ЛЮСЬКА. Человек с черной бородой? Не правда ли?
ЧАРНОТА (*слабея*). Причем тут человек с черной бородой?
ЛЮСЬКА (*огненно*). А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так, честное слово, украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что! Ты знаешь, кто ты, Гриша?

ЧАРНОТА. Кто?

ЛЮСЬКА. Сутенер.

ЧАРНОТА (*побелев*). Как ты смеешь?

Серафима выходит с ведром, слушает. Ссорящиеся ее не замечают.

ЛЮСЬКА. Смею, смею! Ящик был куплен на мои деньги!

ЧАРНОТА. Ты мне жена, у нас общие деньги!

ЛЮСЬКА. У мужа от торговли чертями, а у жены от... (*Делает циничный жест.*)

Серафима покрывается пятнами.

ЧАРНОТА. Что такое?

ЛЮСЬКА. Да ты что – валяешь дурака? Ты что думал? На прошлой неделе в каике на Бебек я с французом псалмы ездила петь? Псалмы? Ты у меня спросил, откуда пять лир появились? И на пять лир неделю жили – ты, я и Сима!

Серафима ставит ведро на землю, хочет что-то сказать, но только прижимает руки к груди.

Но это не все, дорогая Барабанчикова. Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Сегодня гандикап с Янычаром! Maquereau![1] (*Пауза.*) Ну-с, подведем итоги! Генерал Чарнота, лихой рыцарь рубательного ордена, при эвакуации разгромил контрразведку. За границей за этот подвиг влетел под суд, поссорился с генералом Врангелем, за что и был, как полагается, выброшен из армии, как паршивая собака, под забор...

ЧАРНОТА. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

ЛЮСЬКА. Нет! А ее, Симку, упрекнуть могу! Могу. (*Закусила удила.*) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает о своем без вести пропавшем Голубкове, пусть живет и блистательный генерал на счет распутной Люськи!

СЕРАФИМА. Люся!

ЛЮСЬКА (*багровея*). Подслушивать как будто бы и не к лицу тебе, Серафима Владимировна.

СЕРАФИМА. Что ты, Люся, что ты! Очень хорошо, что я случайно услышала это. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?

ЛЮСЬКА. Что ты лукавишь, Серафима? Что ты слепая или не взрослая?

СЕРАФИМА. Не смей так говорить! Я никогда не лгу! Я не подозревала! Она права, Чарнота! Ну, Люся, за мной не пропадет! Я отработаю.

ЧАРНОТА. Сима!

ЛЮСЬКА. Без благородства, пожалуйста! Не чваниться! Не требуется! [Меня же потом будут упрекать, что я стянула на дно благороднейшую женщину.]

СЕРАФИМА. Ну, хорошо, не будем ссориться! (*Садится на край водоема.*) Выясним положение.

ЛЮСЬКА. Положение ясно, как апельсин! Завтра греки нас турнут с квартиры. Жрать абсолютно нечего. Все продано! (*Загорается вновь.*) Нет, я не могу успокоиться! Это он довел меня до белого каления. (*Чарноте.*) Отвечай, проиграл?

[1] Сутенер! (*Франц.*)

ЧАРНОТА. Проиграл.

ЛЮСЬКА. Ах ты...

ЧАРНОТА. Я не могу торговать чертями! Я воевал! Я генерал-майор!

ЛЮСЬКА. Видали, добрые люди, генерал-майора?!

СЕРАФИМА. Люси, брось, брось, ну, брось! Две лиры, ну, чем они нам помогут? (*Все трое стихают.*) А ведь, действительно, какой-то злостный рок травит меня... Сколько тысяч верст я пробежала и зачем?

ЛЮСЬКА. Лирика!

СЕРАФИМА. Какие-то фантастические несчастья, одно громоздится на другое. Встретила человека, и тот куда-то пропал. Словом...

ЧАРНОТА (*внезапно Люське*). Ты была с французом?

ЛЮСЬКА. Поди ты к чертовой маме! Он ревнует! Как вам это нравится? Слушай, Серафима! Ты моими словами не обижайся, я все равно пойду по этой дороге! Я не жравши сидеть не буду, у меня принципов нет!

ЧАРНОТА. Видели – дочь губернатора?

СЕРАФИМА. Тише, тише, тише! Не ссорьтесь, дети мои! Сейчас я принесу ужин! (*Идет на галерейку, надевает шляпу.*)

ЛЮСЬКА. Брось, Симка, не берись не за свои дела.

СЕРАФИМА. Нет, ты уж теперь, Люси, оставь!

В отдалении шарманка играет «Разлуку», а потом хрипит какой-то марш.

ЛЮСЬКА. Чарнота продаст револьвер!

ЧАРНОТА. Симочка, я все продам с себя, штаны продам, только не револьвер. Я без револьвера жить не умею!

ЛЮСЬКА. И верно, он тебе голову заменяет. Ну, питайся на женский счет.

ЧАРНОТА. Не искушай меня, не искушай!

ЛЮСЬКА. Если ты меня тронешь хоть пальцем, я тебя ночью отравлю, так и знай!

СЕРАФИМА. Перестаньте, Гриша, если ты меня хоть каплю любишь, во имя наших общих бед...

ЧАРНОТА. Я тебя уважаю, Сима...

СЕРАФИМА. Так вот замолчи, понял?

ЧАРНОТА. Понял.

СЕРАФИМА. Ждите меня! (*Уходит.*)

Шарманка поближе играет «Разлуку». Солнце ушло за минарет. Вечереет.

ЛЮСЬКА (*кричит*). Симка, Симка!

ЧАРНОТА. Сима! (*Пауза.*)

ЛЮСЬКА (*потрясая кулаками*). У!.. Гнусный город, у... клопы! У!.. Босфор! А ты?! (*Кричит протяжно.*) Симка! (*Пауза.*) Но если кого ненавижу – это себя, тебя и всех русских! Навоз! Изгои! Гнусь! (*Исчезает на галерее.*)

ЧАРНОТА. В Париж или в Берлин? Куда хотите? В Мадрид, может быть? Испанский город... Тоже, наверное, дыра! (*Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.*) До чего греки жадный народ, до самого мундштука докуривают! (*Зажигает окурок и уходит куда-то медленно.*)

Калитка открывается. Голубков входит. Он в красной феске, в английском френче, в обмотках. На плечах у него шарманка. Ставит шарманку на землю. Начинает играть «Разлуку», потом марш.

ЧАРНОТА (*с галерейки сверху*). Перестанешь ли, турецкая морда, мне душу надрывать?!

ГОЛУБКОВ (*оборвал «Разлуку», взглянул вверх*). Что? Гри... Григорий Лукьянович?!

ЧАРНОТА (*всматриваясь*). Что? Кто? Кто такой? Ты – приват-доцент?!

ГОЛУБКОВ (*берется за сердце, садится на край водоема*). Нашел.

ЧАРНОТА (*сбегает к нему*). Меня-то? Нашел. Нашел! Я тебя за турка принял! Здравствуй! (*Целуются.*) На что ты похож? Э... Постарел! Мы думали, что ты в России остался! Где же ты был полгода?

ГОЛУБКОВ. Я в тюрьме сидел. Нас всех по хлудовскому делу забрали.

ЧАРНОТА. Где?

ГОЛУБКОВ. В Чилингисском лагере. Тифом там я заболел, выпустили, я прямо и бросился в Константинополь. Вместе с Хлудовым поехал. Его разжаловали в солдаты.

ЧАРНОТА. С шарманкой? Ну, видел я много, а с шарманкой еще никого не было.

ГОЛУБКОВ. Мне с шарманкой удобно. Я хожу по дворам и таким образом ищу, ищу! Ну, говори мне сразу, говори, умерла она?

ЧАРНОТА. Ах, Серафима? Зачем умерла? Тут она, живехонька!

ГОЛУБКОВ. Нашел, нашел!

ЧАРНОТА. Жива! Только в трудное положение мы попали, доцент. Вообще, все рухнуло! Добегались мы, Сергуня, до ручки!

ГОЛУБКОВ. Где Серафима Владимировна?

ЧАРНОТА. Да придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

ГОЛУБКОВ. Что?

ЧАРНОТА. Ну что ты на меня выпятился. Сдыхаем в Константинополе: ни газырей, ни денег!

ГОЛУБКОВ. Она пошла? Ты лжешь! (*Садится на водоем.*) Пошла на Перу?!

ЧАРНОТА. Я сам сегодня не курил полдня. Деньги у тебя есть?

ГОЛУБКОВ (*механически*). Деньги? Есть деньги. Вот шесть пара́. На Перу?

ЧАРНОТА. Я бы сам все бросил... В Мадрид меня кидает! Снился мне сегодня всю ночь Мадрид. А на шесть пара ничего, брат, не сделаешь. Ока хлеба не купишь. А где Хлудов?

ГОЛУБКОВ. Хлудов больной. Он здесь, в Константинополе. Придет за мной сюда.

ЧАРНОТА. Да и ты больной! Ишь, как вас связало вместе!

Слышны голоса. Калитка открывается и входит Серафима, а за ней грек-донжуан в чесучевом костюме. Грек увешан покупками, и в руках у него бутылки.

СЕРАФИМА. О нет, нет! Это будет очень удобно. Мы посидим, поболтаем. Правда, мы живем на бивуаках...

ГРЕК-ДОНЖУАН (*с сильным акцентом*). Оцень, оцень мило! Я только боюсь стеснить, мадам...

СЕРАФИМА (*всматриваясь, не узнает Голубкова*). Позвольте, я познакомлю вас... Григорий Лукьянович Чарнота.

ГРЕК-ДОНЖУАН. Оцень приятно!

СЕРАФИМА (*узнает Голубкова*). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, поднимается, подходит к греку и дает ему в ухо. Грек-донжуан роняет покупки, подавлен. Окно открывается, и в нем появляется армянская голова.

АРМЯНСКАЯ ГОЛОВА. О! Тэр аствац инч сарсепели азк э русс азк[1].

Люська появляется на галерее, смотрит.

ГРЕК-ДОНЖУАН. Что это? Такое что?
СЕРАФИМА. Боже мой, позор!
ЧАРНОТА. Господин грек...
ГРЕК-ДОНЖУАН (*печально, догадался*). А... Разбойники. В мухоловку попал, в притон...
СЕРАФИМА. Простите меня, мсье. Простите, это ужас, недоразумение.

Все окна открываются, и в них появляются греческие и армянские головы.

ЧАРНОТА (*берясь за револьвер, шипя, поворачивается к окнам*). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

ГРЕК-ДОНЖУАН (*тоскует*). Ой, боже!..
ГОЛУБКОВ (*двинулся к нему*). Ты покупаешь...
ГРЕК-ДОНЖУАН (*вынув бумажник*). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая! У меня семья, магазин! Ах, детки, ах, малые! Ничего не скажу полиции, живи, добрый человек, славь бога всемогущего...
ГОЛУБКОВ. Спрячьте деньги сию минуту и уходите!
ГРЕК-ДОНЖУАН (*растерялся*). Ай, Константинополось, ай, Стамбул! Какой стал... (*Повернулся и пошел.*)

ГОЛУБКОВ (*истерически*). Покупки взять!

Грек-донжуан повернулся было взять свертки, но всмотрелся в лицо Голубкова, кинулся бежать и исчез.
Пауза.

ЧАРНОТА. Мда...
ЛЮСЬКА. Господин Голубков! Хо! А мы вас не далее как час назад вспоминали... Думали, что вы находитесь в РСФСР... Но вы здесь!.. Ваш выход можно считать блестящим... (*Хохочет.*) Ай, русские! Ай, спасибо! Ай, замечательная интеллигенция, чтобы ей сгнить в канаве на Галате! Чарнота, открывай сверток, мое сердце чувствует, что в нем ветчина!
ГОЛУБКОВ. Я убью всякого, кто прикоснется к этому свертку.
ЛЮСЬКА. Что такое? Чарнота, успокой молодого идеалиста. Открывай, я голодна!
ЧАРНОТА. Нет, Люси, я сверток не открою!
ЛЮСЬКА. Ах вот что! (*Голубкову.*) Молодой человек, у вас есть деньги?
ГОЛУБКОВ. У меня нет денег. Я хожу с шарманкой... все ищу.
ЛЮСЬКА. Нахал вы! Нахал!.. Ну, решение мое принято! (*Уходит через галерейку в комнату.*)

Пауза.

ГОЛУБКОВ. Вы, Серафима Владимировна... Ах, Серафима Владимировна! Вот я вас нашел, и что же вы сделали с собою? А? Я вас оставил на полгода только, я погнался за вами. А вы, оказывается, что же сделали с собою здесь? Я тифом болел, как и вы. Смотрите, моя голова обрита... Я в тюрьме сидел, и плыл, и бежал, все только за тобою... А ты, что ты делаешь, Сима? Гораздо лучше, ты бы пошла побираться...

[1] Господи, что за ужасный народ эти русские! (*Арм.*)

СЕРАФИМА. Кто дал тебе право упрекать меня! Я уже примирилась с мыслью, что ты погиб... Зачем же ты появился опять передо мною? Уходи.

ГОЛУБКОВ. Глупая женщина, я тебя люблю! Я тебя люблю с той минуты, как ты спала под фонарем... Я за тобою гнался... Я тебя нашел...

СЕРАФИМА. Нет, это поздно! [Утекло все. Все растеряли во время бега. У меня, Сергуня, есть долги, которые нужно платить. И платить их буду только одна я. Так что, Сергуня, уходи, и каждый из нас будет пропадать по-своему.]

ГОЛУБКОВ. Ты это твердо решила?

СЕРАФИМА. Поверь.

ГОЛУБКОВ. Ну, ладно, ты никому не достанешься! Ни за деньги, ни без денег!

Бросается к Чарноте, выхватывает у того кинжал и летит к Серафиме.

ЧАРНОТА (*мгновенно облапив Голубкова, отнимает кинжал*). Ну что ты делаешь?

СЕРАФИМА. Сумасшедший, сумасшедший!

ЛЮСЬКА (*выходит в шляпе, с маленьким чемоданчиком в руках*). Мсье Голубков продолжает представление? Антракт на одну минуту, я кое-что скажу! Ну-с, ваше превосходительство, всего хорошего! Из мужей увольняетесь... Напоминаю вам, что за полгода в Стамбуле мы с вами съели мои серьги, кольца, кулон и белье с метками... И львиная порция у Артурки! На случай, если разбогатеете, пишите в Париж. У Люськи есть знакомство в восточном экспрессе. Объясните, чего полгода я, дура коричневая, сидела здесь? Прощай, Сима! С этим молодым человеком ты не пропадешь, если он тебе, конечно, не перережет глотку...

Ползут вечерние тени, пианино в соседнем дворе играет из «Севильского цирюльника».

Бон нюи![1] Хой гальсинис!..[2] (*Напевает в лад с пианино.*) Доброй ночи вам желаю, доброй ночи вам желаю! (*Уходит.*)

СЕРАФИМА. Но помни, Люська, я иду на Перу! Я тебе деньги вышлю. Я тебе отработаю!

ЛЮСЬКА (*из-за калитки*). Не нужно, я тебе долг прощаю!

СЕРАФИМА. Не принимаю! (*Убегает.*)

ГОЛУБКОВ (*сидя на водоеме*). Ах, я несчастный человек! (*Кричит.*) Серафима, остановись! Дай мне только выздороветь! Я достану деньги, я тебя увезу!

СЕРАФИМА (*появившись наверху, в переулке над двором*). Единственный ты человек на свете, Сергуня. Только поздно! Мы погибли. (*Скрывается.*)

Пауза.

ЧАРНОТА. Ты ее любил, оказывается, а я и не знал... (*Тоскует.*) Мадрид, город испанский!..

МАЛЬЧИШКА-ТУРОК (*ведет кого-то, манит, изображает шарманку*). Здесь, здесь...

[1] Bonne nuit! – Спокойной ночи! (*Франц.*)
[2] Hoy gelseniz! – Приятно оставаться! (*Турец.*)

Хлудов идет за мальчишкой, опирается на палку. Одет он в синий пиджак и белые брюки. Половина головы седая. Дергает щекой и часто оборачивается через плечо.

ХЛУДОВ. На! (*Дает мальчишке монету, останавливается и долго смотрит на Чарноту, тот на него.*)

ЧАРНОТА. Здравствуй, Рома! Что ты смотришь? Вот и ты появился! А я, брат, константинопольский рядовой.

ХЛУДОВ (*деревянным голосом*). Да, вот все так. То ездим, то ходим. Один по следам другого. (*Усмехается, кивает в сторону Голубкова.*) То я его лечил, то он меня. Все носится с мыслью вылечить. На шарманке играет. (*Голубкову.*) Ну, нашел? Теперь уже нашел? Что молчишь? Идем есть!

ГОЛУБКОВ. Хлудов! Я и денег больше не попрошу и ехать больше никуда не заставлю. Я знаю, что у тебя больше нет. Хлудов, я сейчас сам еду в Париж. Я разыщу Корзухина, я возьму у него деньги. Он не имеет права. Он ее погубил! Только видишь, я очень ослабел, я не могу гнаться за ней. Она меня не слушает, а ты человек сильный, верни ее и побереги до моего возвращения. Найди ее!

ХЛУДОВ. Серафиму? Куда она пошла?

ГОЛУБКОВ. На Перу пошла! На панель! А я больше не могу здесь видеть ничего, я сейчас уезжаю в Париж и достану денег!

ХЛУДОВ. На чем ты поедешь? Ты посмотри на себя!

ГОЛУБКОВ. Я уже знаю, знаю на чем! Я сейчас играл на шарманке в порту, а капитан мне говорит, я вас в трюме заберу, в Марсель. Даром заберу! Побереги ее только до моего возвращения. И все сделается совершенно ясно. Там женщина, Хлудов, погибает!

ХЛУДОВ. О, моя тяжесть! О, моя совесть! Что еще потребуется от меня?

ГОЛУБКОВ. Стереги! Ты видишь, я ослабел.

ХЛУДОВ (*поворачивается, уходит. Появляется в переулке над двориком, обращается к Голубкову*). Так едешь?

ГОЛУБКОВ. Да, да!

ХЛУДОВ. Если вернешься, найдешь меня на Шишли. Хорошо, я ее задержу! (*Поворачивается, чтобы уйти, опять возвращается, достает деньги.*) Возьми две лиры на дорогу. Больше у меня нет. (*Отстегивает медальон от часов.*) Возьми еще медальон, в крайнем случае заложишь! (*Бросает деньги и медальон во дворик и исчезает.*)

ГОЛУБКОВ. Тоска сжимает мне сердце. Ночь наступает, а я погибну без нее.

На минарете появился муэдзин. Поет сладким голосом.

МУЭДЗИН. Ла! Иль алла, иль Махомет! Рассуль алла![1]

ГОЛУБКОВ. Вот она, ночь, падает, а я все не сплю после тифа. Ужаснейший город! (*Встает с водоема, беспокойно.*) Да, да, чего я жду! В Париж! На каботажном пароходе сейчас в трюме, в Париж!

ЧАРНОТА. Я с тобою поеду. Денег-то мы не достанем, я и не надеюсь, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я уже думал в Мадрид... Но в Париж удобнее. В трюм так в трюм! Только чтобы не здесь!

[1] См. перевод на стр. 284.

ГОЛУБКОВ (*идет, расстегивает ворот*). Отчего это мне так душно? Почему никогда нет прохлады? (*Уходит.*)

ЧАРНОТА. Париж так Париж. (*Подбирает деньги, уходит вслед за Голубковым.*)

Далекий тенор в высоте отвечает первому муэдзину: «Ла! Иль алла! Иль Махомет!» Мальчишка-турок подбегает к шарманке, крутит ручку, шарманка играет марш.

МУЭДЗИН. Иль Махомет, рассуль алла!

Сумерки обволакивают Константинополь. Загораются огни. На небе всходит золотой рог. Потом тьма. Сон кончается.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты...

Через два месяца. Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственной вилле. Кабинет этот обставлен необыкновенно внушительными вещами. Несгораемая касса. Коллекция оружия. Корзухин сидит за громаднейшим письменным столом. Корзухин в пижаме и золотой ермолке. Рядом с письменным столом карточный, на нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

КОРЗУХИН. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей в зеленом фартуке.

Мсье Маршан ма́ве аверти киль не вьендра паз ожурдюи, не ремюе па ла табль, же ме сервире плю тар.

Антуан молчит.

Репонде донк кельк шоз![1] Пробаблеман ву не компрене рьен? Вы ничего не поняли?

АНТУАН. Так точно, Парамон Ильич, не понял!

КОРЗУХИН. Антуан, вы русский лентяй! [Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык годится только для того, чтобы выкрикивать на нем разрушительные социальные лозунги и ругаться скверными непечатными словами. Ни то, ни другое в Париже не принято.] Учитесь, Антуан, это скучно. Что вы делаете в настоящую минуту? Ке фет ву а се моман?

АНТУАН. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич...

КОРЗУХИН. Как «ножик», Антуан?

АНТУАН. Ле куто, Парамон Ильич.

КОРЗУХИН. Правильно. Учитесь, Антуан!

Звонок. Корзухин снимает ермолку, расстегивает пижаму, говорит на ходу.

Принять! Может быть, партнер... же сюи а ла мезон[2]. (*Выходит.*)

Антуан уходит и возвращается с Голубковым. Тот в штатском, потерт и оборван, в руках у него кепка.

ГОЛУБКОВ. Же вудре парле а мсье Корзухин...[3]

АНТУАН. Пожалуйте вашу визитную карточку.

ГОЛУБКОВ. А я вас принял за француза. Вы русский, да?

АНТУАН. Так точно! Я – Грищенко!

ГОЛУБКОВ. Вот дело какое, карточек-то у меня нет! Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

[1] Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard. Repondez-dons quelque chose! – Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня, со стола не надо убирать, я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (*Франц.*)

[2] Je suis à la maison. – Я – дома. (*Франц.*)

[3] Je voudrais parler à monsieur... – Я хотел бы поговорить с мсье... (*Франц.*)

Антуан скрывается.

КОРЗУХИН (*выходя в пиджаке, бормочет*). Голубков, Голубков!.. Чем могу служить?

ГОЛУБКОВ. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились в прошлом году в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она в Константинополе сейчас на краю гибели.

КОРЗУХИН. На краю? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припомню.

ГОЛУБКОВ. Как же? Ночь! Еще сделался ужасный мороз! Вы помните мороз?

КОРЗУХИН. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

ГОЛУБКОВ. Но ведь вы Парамон Ильич Корзухин? Я вас узнал! Вы же были в Крыму?

КОРЗУХИН. Действительно, некоторое время я проживал в Крыму как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я давно уже уехал, связей с Россией никаких не имею и не намерен иметь. Полгода, как принял французское подданство, давно овдовел и должен сказать, что вот уже второй месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Очаровательнейшее и невиннейшее существо, на котором, по секрету скажу, я намерен жениться. Так что всякие переговоры о якобы имеющейся у меня жене мне неприятны!

ГОЛУБКОВ. Фрежоль?.. Вы отказываетесь от живого человека?.. Но ведь она же ехала к вам! Мороз! Помните, ее арестовали? Я понимаю, вы тогда могли отказаться, на станции, из страха смерти, но теперь?..

КОРЗУХИН. Ах мороз! Повторение старой истории. Меня уже пытались раз шантажировать, господин Голубков, при помощи легенды о моей жене. Этим занималась контрразведка. Возобновления этой истории я бы не желал!

ГОЛУБКОВ. Мороз. Окна, помните?.. Фонарь – голубая луна...

КОРЗУХИН. Мороз? Однофамилица, возможно.

ГОЛУБКОВ. Ай-ай-ай-ай-ай! Моя жизнь мне снится.

КОРЗУХИН. Вне всяких сомнений.

ГОЛУБКОВ. Поймите, что... Нет, вы – он, он! Но тогда выслушайте: на пароходе в трюме я два месяца шел в Париж! Шел исключительно с тем, чтобы вас разыскать. В Грецию заходил! И вот, поймите, что ни на кого больше никаких надежд нет, кроме как на вас. Я здесь в Париже с моим спутником, и мы оба обращаемся к вам с просьбой. Хорошо, пусть она не жена. Нет у вас никакой жены! Я понимаю, что вам это почему-то мешает. Так даже лучше. Нет и не было! Я, я люблю ее! Понимаете – я! Но мы, я и спутник, не она, нет, просим у вас взаймы. Мы вам отработаем. Тысячу долларов...

КОРЗУХИН. Ах, ну да! Простите, мсье Голубков, я так и предполагал. Тысячу? Я не ослышался?

ГОЛУБКОВ. Вы – богатейший человек! Тысячу, и мы вам свято вернем ее!

КОРЗУХИН. Ах, молодой русский. Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое – один доллар. (*Начинает балладу о долларе. Вдохновляется.*) Доллар! Глядите, вон, вон горит золо-

той луч, скользит и падает, а рядом с ним в воздухе согбенная черная кошка. Химера... Notre Dame! Века. Так вот там сверкает, там покоится доллар! Слушайте! (*Таинственно указывает в пол.*) Неясное ощущение... Не шум и не звук, а как бы дыхание нарывающей земли. Там чудовище летит стрелой! Метро. В нем доллар! Теперь закройте глаза и вообразите: мрак, в нем волны ходят, как горы... Мгла и вода. Океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет, кряхтит... глаза, огни! У топок голые кочегары... Он роет воду, ему тяжко, но в адских топках он несет золотое дитя — свое сердце — доллар! И вдруг — сигнал! Тревожно в мире! И вот с трапов сгружают черных сыновей суданского солнца!

За сценою глухой взрыв труб и марш.

Идут... идут!! Куда? Где-то обидели доллар!

За сценой летит веселый марш и глупые солнечные голоса поют: «Hallelujah... hallelujah...»
Корзухин подходит к окну, кричит.

Вив ла Франс! (*Голубкову.*) Сегодня открывают памятник неизвестному солдату! Один солдат! Погиб, защищая божественный доллар. И слышите, как в Париже военные трубы кричат ему: «Аллилуия!» Он погиб, и за это вечно на его могиле будет пылать гранит неугасимым огнем. Доллар! (*Утихая.*) Итак, господин Голубков, я думаю, что вы сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному оборванному молодому человеку целую тысячу долларов! Вы поняли меня?

ГОЛУБКОВ. Да, я понял. Мы погибнем за границей. Но я думаю, господин Корзухин, что вы самый омерзительный, самый бездушный человек, которого я когда-либо видел. Вы получите возмездие! Оно не за горами. Оно идет!

Звонок.

АНТУАН (*входит*). Женераль-майор Чарнота.
КОРЗУХИН. Гм. Русский день. Проси!
ЧАРНОТА (*входит. Он в черкеске, но без серебряного пояса и в кальсонах лимонного цвета. На лице выражение человека, которому нечего терять. Развязен*). Здорово, Парамоша!
КОРЗУХИН. Мы с вами встречались?
ЧАРНОТА. Ну, вот вопрос! Встречались? Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь!
КОРЗУХИН. Очень приятно... А мы с вами пили брудершафт?
ЧАРНОТА. Черт его знает, не припомню. Да раз встречались, так уж, наверно, пили.
КОРЗУХИН. Прости, пожалуйста... мне кажется, что вы в кальсонах?
ЧАРНОТА. А почему тебя это удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.
КОРЗУХИН. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли? По улицам...
ЧАРНОТА. Нет! По улице шел в штанах, а потом их в подъезде снял! Что за дурацкий вопрос!
КОРЗУХИН. Пардон, пардон...
ЧАРНОТА (*тихо Голубкову*). Дал?
ГОЛУБКОВ. Нет! И не проси, пожалуйста. Пойдем отсюда.
ЧАРНОТА. Куда же мы теперь пойдем? (*Корзухину.*) Что же ты, спишь или что? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись

с большевиками /перед тобою/, а ты отказываешь им в пустяковой сумме? Да ты понимаешь, что там в Константинополе Серафима?

ГОЛУБКОВ. Сию минуту замолчи! Я не позволю тебе упоминать о ней! Ты понимаешь, он отрекся от нее! Если ты еще раз упомянешь имя Серафимы, я ухожу один, а ты как хочешь. Словом, идем, Григорий!

ЧАРНОТА. Ну знаешь, Парамон, грешный человек, нарочно бы в партию записался, чтобы тебя расстрелять.

КОРЗУХИН. Однако, генерал, вы шутите довольно странно, и притом в моем доме!

ЧАРНОТА. Стало быть, надеяться не на что?

КОРЗУХИН. У меня нет, к сожалению, наличных денег, генерал!

ЧАРНОТА. Зачем это карты у тебя?

ГОЛУБКОВ. Я жду, пойдем, Гриша! Не унижайся, пожалуйста.

ЧАРНОТА. Никакого унижения нет. Поговорил по делу, а теперь желаю поболтать. Интересно, вот, про карты. Ты играешь?

КОРЗУХИН. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю, и очень люблю. Вот только партнер мой заболел и не пришел.

ЧАРНОТА. В какую же игру ты играешь?

КОРЗУХИН. В девятку, и очень люблю.

ЧАРНОТА. Ты – в девятку? Голубков, ты слышал? Ну, сыграй со мной!

КОРЗУХИН. Я с удовольствием... Но, видите ли, я люблю играть на наличные.

ГОЛУБКОВ. Пойдем, Гриша!

ЧАРНОТА. Тебе что сказано? Заложишь в крайнем случае... Крайнее этого случая не бывает. Чего ты с ним цацкаешься? Дай хлудовский медальон!

ГОЛУБКОВ. На, пожалуйста! Мне теперь все равно! А я ухожу!

ЧАРНОТА (*Голубкову*). Не будь ты хоть раз в жизни свиньей! Пойдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу! Ты еще в Сену нырнешь. (*Протягивает медальон Корзухину.*) Сколько?

КОРЗУХИН. Хорошая вещь! Очень, очень хорошая вещь! Ренессанс!

ЧАРНОТА. Форменный! У меня много таких вещей в Константинополе. Сколько?

КОРЗУХИН. Вы хотите, чтобы я купил? Гм... Пять долларов.

ЧАРНОТА. Однако, Парамон! Ну ладно, ладно. Идет! (*Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.*) Как твоего раба зовут?

КОРЗУХИН. Антуан.

ЧАРНОТА (*зычно*). Антуан!

Антуан появляется.

Принеси, голубчик...

Антуан, удивленно, но почтительно улыбнувшись, исчез.

(*Мечет.*) На сколько?

КОРЗУХИН (*улыбаясь*). Ну, на эти пять долларов. Попрошу карточку!

ЧАРНОТА. Девять.

КОРЗУХИН (*платит*). Прошу вас! На квит!

ЧАРНОТА (*мечет*). Девять.

КОРЗУХИН (*улыбаясь*). Ну, на квит, на двадцать долларов!

ЧАРНОТА. Карту желаете?

КОРЗУХИН. Да. Семь!

ЧАРНОТА. А у меня восемь.

КОРЗУХИН (*улыбаясь ему, как ребенку, гуляющему у храма Христа*). Ну, на квит. Сорок!

ГОЛУБКОВ (*внезапно*). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все!

ЧАРНОТА. Если ты лучше меня понимаешь игру, садись метать за меня.

ГОЛУБКОВ. Я не умею...

ЧАРНОТА. Так не засти мне свет! Карту?

КОРЗУХИН. Да, пожалуйста. Черт, жир.

ЧАРНОТА. У меня три очка.

КОРЗУХИН. Вы не прикупаете к тройке?!!

ЧАРНОТА. Иногда, как когда.

Антуан вносит закуску и водку. Исчезает.

(*Выпив две рюмки.*) Голубков. Рюмку?..

ГОЛУБКОВ. Я не желаю.

Чарнота жестом предлагает рюмку Корзухину.

КОРЗУХИН. Мерси, я обедал уже. Продолжимте.

ЧАРНОТА (*мечет*). Угодно карточку?

КОРЗУХИН. На квит.

Голубков вздрагивает.

ЧАРНОТА. Идет! (*Напевает из «Пиковой дамы».*) Графиня, ценой одного рандеву... Девятка!

КОРЗУХИН. Неслыханная вещь! На квит!

ЧАРНОТА. Графиня, ценой одного рандеву... Попрошу прислать наличные.

ГОЛУБКОВ. Брось, Чарнота! Умоляю...

ЧАРНОТА. Будь добр, займись каким-нибудь делом... Альбом посмотри, что ли... (*Корзухину.*) Наличные.

КОРЗУХИН. Сейчас. (*Прикасается к несгораемому шкафу ключом.*)

Колокола в шкафу внезапно играют из 2-й Венгерской рапсодии Листа. Звонок в передней. Свет гаснет. Полная тьма. Свет возвращается. Из передней появляется Антуан с пистолетом в руке.

ГОЛУБКОВ. Что такое?..

КОРЗУХИН. Это сигнализация. Антуан, вы свободны, это я открывал.

ЧАРНОТА. Незаменимая вещь в хозяйстве! Надо будет купить. А ты же говорил, что у тебя нет наличных денег...

КОРЗУХИН (*закрывает кассу*). Продолжимте! На квит — триста двадцать долларов.

ЧАРНОТА. Не пойдет. Этой ставки банк не принимает.

КОРЗУХИН. Вы хорошо играете! Сколько примет банк?

ЧАРНОТА. Четвертной билет примет!

КОРЗУХИН. Пошло́.

Сцена становится несколько более лихорадочной. Комнату вдруг затопляет растопленным парижским солнцем. Чарнота в его свете становится фантастически красным.

Карту мне! (*Победоносно.*) Девять!

ЧАРНОТА. У меня жир!

КОРЗУХИН. Пришлите!

ЧАРНОТА. Пожалуйста!

КОРЗУХИН. Карту! Триста долларов примете? Квит?

ЧАРНОТА. Э, Парамоша, ты азартный! Вон она где, твоя слабая струна! Приму!
ГОЛУБКОВ. Чарнота!!
КОРЗУХИН. У меня семь!
ЧАРНОТА. Семь с половиной. Шучу – восемь!

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится ничком на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Рапсодия во тьме. Свет. Сцена волшебно изменилась. На карточном столе горят две электрические свечи в розовых колпачках. Корзухин без пиджака. Волосы его всклокочены. В окнах теплая тьма, а в ней струится световой хаос иллюминации. Горит Эйфелева башня. Чарнота в расстегнутой черкеске. Голубков лежит ничком. За сценой воет военный марш: «Hallelujah...»

(*В такт маршу.*) Получишь смертельный удар ты... Три карты, три карты, три карты!..
КОРЗУХИН. Три тысячи!
ЧАРНОТА. Наличные!

Корзухин открывает кассу. Тьма. Рапсодия в течение полуминуты, потом свет. Наступило утро: синий рассвет. Корзухин как тень. Чарнота как тень. Свечи погасли. На полу и на столе пустые шампанские бутылки. Груды карт. Голубков стоит как привидение, провалившимися глазами смотрит на карточный стол.

КОРЗУХИН. Знаете что? Сдайте мне наличные, я выдам вам чек.
ЧАРНОТА (*сатанински рассмеялся*). Что ты, папаша! Неужели в каком-нибудь из парижских банков выдадут по чеку десять тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках. Нет, папа, спасибо.
ГОЛУБКОВ (*внезапно*). Смотри! (*Указывает в окно.*) Вон, вон, первый луч скользит и падает, там доллар. Что, Парамон Ильич Корзухин, вы помните мороз? Чарнота, выкупи мой медальон! Я хочу его вернуть...
КОРЗУХИН. Триста долларов!
ЧАРНОТА. Грабитель.
ГОЛУБКОВ. На! (*Швыряет триста долларов.*)

Корзухин швыряет в ответ медальон Голубкову.

ЧАРНОТА. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя! Нам в магазины пора!
КОРЗУХИН (*загораживая дверь*). Нет! Стойте... у меня жар! Я ничего не понимаю! Вы воспользовались моей болезнью. Вот что: хотите оба по пятьсот долларов?
ЧАРНОТА. «Ты шутишь»,– зверь вскричал коварный!
КОРЗУХИН. Ну, если так, я сейчас же заявлю полиции, что вы ограбили у меня деньги. Вас возьмут через полчаса!
ЧАРНОТА. Ты слышал?! (*Вынимает револьвер.*) Ну, Парамон Ильич, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!
КОРЗУХИН (*кричит страдальчески*). Караул! Караул!

Антуан появляется на вопли Корзухина в утренних сумерках. Он в одном белье и похож на привидение.

(*Тоскует.*) Все спят. Вся вилла спит! Никто меня не слышит, как меня грабят русские бандиты! (*Кричит глухо.*) Караул!

Внезапно вспыхивает розовый свет, бархатные портьеры раздвигаются, и в прорезе возникает Люська. Она в чепце, в атласной куртке и в шароварах, в золотых ночных туфлях. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевает. Те тоже.

Вы спите, милая Люси... в вашем уютном гнездышке в то время, как патрона вашего грабят русские бандиты!

ЛЮСЬКА. Боже мой, боже мой! Видно не испила я еще горькой чаши. Казалось бы, имела я право отдохнуть. Вот он, Париж, чудный, обожаемый Париж! Мягко, тепло... Но нет, нет! Лишь свернешься клубочком, мгновенно кто-нибудь кулаком в бок. Недаром я видела сегодня тараканов во сне, и вот они – живые! Мне интересно только одно: как вы сюда добрались?!

ЧАРНОТА (*поражен*). Это – она?

КОРЗУХИН (*Люське*). Что это значит, Люси? (*Чарноте.*) Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

ЧАРНОТА. Фрежоль?

Люська становится на колени за спиной Корзухина, как бы говоря: «Не предавай».

ГОЛУБКОВ. А... Понятно! Лишние мы люди в Париже, Чарнота! Не мешай!

КОРЗУХИН (*Чарноте*). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

ЧАРНОТА. Как же мне ее... знать? Никакого понятия не имею.

ЛЮСЬКА. Так познакомимся же, господа! (*Выходит из ниши.*) Люси Фрежоль! Прежде всего: Антуан, пойдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной!

АНТУАН. Тут сюит, мадемуазель![1] (*Исчезает.*)

ЧАРНОТА. Я прошу извинить, мадемуазель, меня за мой наряд.

ЛЮСЬКА (*тяжко махнув рукой*). Пожалуйста, пожалуйста, дорогой генерал. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (*Корзухину.*) Крысик мой, жабочка, кто тебя обидел?

КОРЗУХИН. Он выиграл у меня десять тысяч долларов.

ЛЮСЬКА (*садится на край стола, хохочет*). Ты сел играть с генералом Чарнотой?

КОРЗУХИН. Он шулер? Да?

ЧАРНОТА. Полегче, господин Корзухин!

ЛЮСЬКА. Что вы, что вы, генерал! Что ты, что ты, крысик. Пойми, в Северной Таврии гусарские полки на стоянках ложились в лоск! Он обыграл Крапчикова! Он играет! Знаешь ли ты, как он играет?

КОРЗУХИН (*подозрительно*). Откуда вы все это знаете, Люси?

ЛЮСЬКА. Господи, в газетах читала! Ведь это же очень известная фамилия – Чарнота! Ну, в чем же дело, жабунчик, ну, проиграл?..

КОРЗУХИН. Я хочу, чтобы они вернули деньги. Где Антуан покупал карты?!

ЛЮСЬКА. Нет, котуся! Милый генерал прав. Будь джентльменом. Ты проиграл. Ну, за то, что ты так неосторожен, ты понесешь наказание! Ты купишь мне брошь.

КОРЗУХИН. Брошь?.. Меня грабят.

ЛЮСЬКА. Ну ничего, ну ничего, мой мальчик! У тебя под глазами тени! Иди, усни! Господа, деньги принадлежат вам. Никаких недоразумений не будет. Поезжайте спокойно. Антуан!

Антуан появился в брюках и в подтяжках.

Господа, к сожалению, покидают нас! Антуан, выпустите их. Очень, очень рада была повидать соотечественников. Жалею, что больше не придется встретиться.

ЧАРНОТА. О ревуар![2]

ЛЮСЬКА. Адье![3]

[1] Tout de suite, mademoiselle! – Сейчас, мадемуазель! (*Франц.*)
[2] Au revoir! – До свиданья! (*Франц.*)
[3] Adieu! – Прощайте! (*Франц.*)

КОРЗУХИН (*внезапно*). Где вы покупали карты, Антуан?!

АНТУАН. Вы сами их покупали, Парамон Ильич. (*Уходит с Голубковым и Чарнотой.*)

КОРЗУХИН. Вон, всех вон! Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом!

ЛЮСЬКА. Ну что ты, что ты! Не волнуйся. У тебя будет прилив крови в голове! Вон утро!

КОРЗУХИН (*всхлипнув, шатаясь*). Закройте кассу, Люси, мой друг. (*Выходит.*)

ЛЮСЬКА. Хорошо, хорошо, мой друг! Не беспокойся. (*Закрывает пустую кассу. В той тихая музыка. Люська одна, под музыку.*)
Снег... Вши... Сапоги... Идут... Едут...
Три деревни, два села,
Восемь девок, один я...
Куда девки, туда я!..
Милый господи! Разве ты не видишь, как я устала! Я больше ничего не хочу. Я туда не вернусь. Я не хочу! Я желаю спать. (*Воровски оглядывается, нет ли Корзухина.*)

На пустынной улице, за окном, слышны шаги.

(*Подбегает к окну, открывает его, складывает руки рупором, кричит негромко*). Чарнота!

Шаги стихают.

Прощай! Прощай! Голубков! Береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

В окне рассвет. Затем он сменяется тьмой.

Кончен седьмой сон...

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Жили двенадцать разбойничков...

Комната в коврах. Низенькие диваны. Кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена. В ней догорает константинопольский минарет, лавры и неподалеку Артурова вертушка. Никнет солнце, закат, закат...

ХЛУДОВ (*сидит на полу, на ковре, один и разговаривает с кем-то*). Ты достаточно меня измучил, но наступило просветление. Да. Просветление. Пойми... Я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Моя судьба с той ночи завязала их в один узел со мной. Мы выбросились вместе через звенящие мглы, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты? Как ты отделился один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один.
О нет, вас было много, очень много было! (*Бормочет.*) Ну, помяни, помяни, господи! А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да... Итак, все это я сделал зря. А потом что было? Потом просто мгла и все бла-

гополучно ушли. А потом зной. И вон вертятся карусели, каждый день, каждый день. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной и вот меня поймал в мешок, как в невод. Не мучь же более меня. Пойми, что я решился уже. Клянусь. Вот. (*Шевелит пальцами.*) Проданы часы. Больше ничего нет и ничто меня не страшит. Даю слово: лишь только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну, облегчи же мне душу, кивни! Кивни хоть раз, красноречивый вестовой Крапилин... Так! (*Вскрикивает негромко.*) Кивнул! Решено!

Дверь отворяется, и входит Серафима. Она в шляпе. В руках у нее сверток.

СЕРАФИМА. Что, Роман Валерианович, опять?

ХЛУДОВ. Что такое?

СЕРАФИМА. С кем вы говорили? Что я вам велела? Кто в комнате, кроме вас?

ХЛУДОВ. Никого нет. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает? А?

СЕРАФИМА (*садится на ковре против Хлудова*). Два месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотание. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Боже мой, бедный человек...

ХЛУДОВ. Прошу извинить. Я достану вам другую комнату, но в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором. Я часы продал, есть деньги. Светло в ней и окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? Вы знаете? (*Таинственно указывает за плечо.*) Мы-то с ним знаем! Мне самому с вами неудобно рядом. Но я должен держать слово. Я там, оказывается, всякие преступления совершал и вообще...

СЕРАФИМА. Роман Валерианович! Дорогой... Вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули? Помните?

ХЛУДОВ. Прошу извинения. Когда человек с ума сходит, я должен применять силу. Все ненормальные.

СЕРАФИМА. Мне стало вас жаль, Роман Валерианович. Стало жаль, и из-за этого я вернулась. Неужели же вы думаете, что я стала бы вас обременять?

ХЛУДОВ. Мне няньки не нужны.

СЕРАФИМА. Перестаньте раздражаться! Вы этим причиняете вред только самому себе. Бедный человек!

ХЛУДОВ. Да, верно, верно! Я больше никому не могу причинять вреда... А помните, ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал!

СЕРАФИМА. Все прошло. Забудем. И не вспоминайте.

ХЛУДОВ (*бормочет*). Да, и в самом деле... помяни, господи... а мы не будем вспоминать.

СЕРАФИМА. Ну вот, Роман Валерианович. Я всю ночь думала... Надо на что-нибудь решиться. Скажите, до каких же пор мы будем сидеть этак с вами?

ХЛУДОВ. А вот вернется Голубков, и сразу клубочек размотается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную — и кончено! Душный воздух!

СЕРАФИМА. Вы знаете, это было безумие его отпустить тогда. Я простить не могу себе этого. Я так тоскую. Это Люська, Люська ви-

новата, я обезумела от ее упреков. А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в Париже, а может быть, и умер.

ХЛУДОВ. Душный город! Тараканьи бега! Позорище русское! Все на меня валят, я ненормальный! А вы зачем отпустили? Причем тут я? В конце концов, он взрослый. Деньги там какие-то, у этого, у вашего мужа?

СЕРАФИМА. У меня нет никакого мужа! Вы знаете, мне совестно людям в глаза смотреть, что я была за ним замужем. Он гнусь, подонок, сволочь!

ХЛУДОВ. Я его держал в руках и выпустил! Ну, словом, что же делать теперь?

СЕРАФИМА. Вот что. В Париж я выбраться не могу. Сергей Павлович пропал. Будем смотреть правде в глаза. И сегодня ночью я решила. Повезут казаков домой, и я вернусь вместе с ними, в Петербург. Я не могу здесь больше оставаться! Зачем я, сумасшедшая, поехала?

ХЛУДОВ. Домой? В Петербург? Ага. В Россию? (*Оборачивается через плечо и говорит.*) Вот, правильно.

СЕРАФИМА. Разговаривайте только со мной!

ХЛУДОВ. Умно, очень. Вы очень умный человек. Казаки едут, пароход уже готов. Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

СЕРАФИМА. Одного только я еще не знаю, одно меня только держит. Это – что будет с вами? 467

ХЛУДОВ (*таинственно манит ее пальцами. Она придвигается, и он говорит ей на ухо*). Сейчас у меня был военный совет, только вы молчите... вам-то ничего, а за мной врангелевская разведка по пятам ходит. У них нюх... (*Шепотом.*) Я тоже поеду в Россию. Можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

СЕРАФИМА. Вы тайком хотите, под чужим именем?

ХЛУДОВ. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

СЕРАФИМА. Безумный человек, вы подумали о том, что вас сейчас же расстреляют!

ХЛУДОВ. Моментально, мгновенно! А? Ситцевая рубашка, подвал, снег. Готово! (*Оборачивается.*) И тает мое бремя. Смотрите, он ушел и встал вдали!

СЕРАФИМА. А! Поняла, что вы задумали! Поняла! Так вот вы о чем бормочете. Это безумие! Подумайте. Останьтесь здесь. Быть может, вы вылечитесь?..

ХЛУДОВ. Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Теперь мне все ясно. Я в ведрах плавать не стану, не таракан – не бегаю! Я помню снег, столбы, армии, бои! И все фонарики, фонарики. Хлудов едет домой!

Стук в дверь.

Кто там? Qui est la?

СЕРАФИМА. Я сейчас, сейчас открою! (*Открывает дверь, отшатывается.*)

Входят Голубков и Чарнота. Оба они одеты одинаково: в серые приличные костюмы и шляпы. В руках у Чарноты чемоданчик. Все четверо долго молчат.

ЧАРНОТА (*прерывая паузу*). Здравствуйте! Что же вы молчите? Вы телеграмму получили?

ХЛУДОВ. Нет.
ЧАРНОТА. Сукин город! Не то что Париж. Здравствуй, Рома.
ХЛУДОВ. Вот. Вот они. Приехали. Все как надо. Отлично. Хорошо.
ГОЛУБКОВ. Сима! Ну что, Сима? Здравствуй...

Серафима обнимает Голубкова и плачет беззвучно.

ХЛУДОВ (*морщась*). Пойдем, Чарнота, поговорим! (*Уходит с Чарнотой на балкон сквозь стеклянную стенку.*)
ГОЛУБКОВ. Ну, не плачьте, не плачьте, Серафима Владимировна. Вот, я возвратился.
СЕРАФИМА. Я думала, что вы погибли. И так тосковала. О, если бы вы знали... Теперь все для меня ясно. Но все-таки я дождалась. Вы теперь никуда, Сергуня, не поедете. Мы поедем вместе...
ГОЛУБКОВ. Нет, нет! Никуда! Конечно, никуда, ни за что! Все кончено, Сима. И мы сейчас все придумаем. Как же ты жила здесь, Сима, без меня? А? Ну, скажи мне хоть слово...
СЕРАФИМА. Я измучилась, я два месяца не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась и не могла простить себе, что я тебя отпустила. Все ночи сижу, смотрю в окно. На огни... и мне мерещится, что вы ходите по Парижу оборванные, голодные... Я Хлудова нянчила. Он больной, он очень страшный.
ГОЛУБКОВ. Не надо, Симочка, не надо!
СЕРАФИМА. Ты видел мужа моего?
ГОЛУБКОВ. Видел, видел. Сима. Он отрекся от тебя. И женщина у него новая... Но не спрашивай меня, кто... Не надо... Так лучше. И слава богу, забудь о нем. (*Кричит негромко.*) Хлудов! Спасибо!

Хлудов выходит, за ним Чарнота.

ХЛУДОВ. Ну вот. Все в порядке? А? Сейчас я вам скажу...
ЧАРНОТА. Эх, Роман! На что ты похож.
ХЛУДОВ. Деньги есть?
ЧАРНОТА. Да, деньги есть! Чарнота не нищий больше. Если тебе нужно, могу дать.
ХЛУДОВ. Нет, мне не нужно. (*Голубкову.*) И у тебя есть?
ГОЛУБКОВ. Да.
ХЛУДОВ. Так вот: заплатите здесь за квартиру. Ты ее любишь? А? Любишь? Ты искренний человек? Советую ехать, как она придумала. Теперь прощайте!

Надевает шляпу, берет свой чемоданчик.

ЧАРНОТА. Куда это, смею спросить?
ХЛУДОВ. Сегодня ночью пойдет с казаками пароход, и я поеду с ними. Только молчите.
ГОЛУБКОВ. Роман, одумайся, тебе нельзя!
СЕРАФИМА. Говорила уже, его не удержишь!
ХЛУДОВ. Генерал Чарнота! Может, поедете со мною? А? Бросайте тараканьи бега!
ЧАРНОТА. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда? Домой? Нет! Что? У тебя, генерального штаба генерал-лейтенанта, может быть, новый хитрый план созрел? Но только на сей раз ты просчитаешься. Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуется тебя с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом! Ну, а попутно с тобой и ме-

ня, раба божьего, поведут, поведут... Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал? Верно! Кто, Ромочка, пошел на Карпову балку? Я. Я, Рома, обозы грабил? Да! Но, Рома, фонарей у меня в тылу нету. А ты. Где Крапилин?.. За что погубил вестового?..

ХЛУДОВ. Жестоко, жестоко вы говорите мне! (*Оскалившись, оборачивается.*) Я знаю, где он... Но только мы с ним помирились... помирились...

СЕРАФИМА. Чарнота, разве так можно? Что ты больному говоришь?

ГОЛУБКОВ. Роман, оставайся, тебе нельзя возвращаться!

ЧАРНОТА. Говорю, чтобы его остановить!

ХЛУДОВ. Ты будешь тосковать, Чарнота.

ЧАРНОТА. Тосковать? Не тебе это говорить! У тебя перед глазами карта лежит, Российская бывшая империя мерещится, которую ты проиграл на Перекопе, а за спиною солдатишки-покойники расхаживают? А я человек маленький и что знаю, то знаю про себя! Я давно, брат, тоскую! Мучает меня черторой, помню я лавру! Помню бои! От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду! У меня родины более нету! Ты мне ее проиграл! Но все же глупо: не езди. Из жалости говорю!

ХЛУДОВ. Ну, прощай! Прощайте!

Ушел.

СЕРАФИМА.
ГОЛУБКОВ. } Хлудов! Хлудов!

Пауза.
За сценою ударило пять раз на часах. Поползли тени. И слышно, как у Артура на тараканьих бегах хор запел: «Жило двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман!»

ЧАРНОТА. Сима, задержи его, он будет каяться...

СЕРАФИМА. Нет, Чарнота, ничто его не удержит, и пытаться не буду.

ЧАРНОТА. А... Ослабел. Ноет душа, суда требует? Ну, ладно! Погибай, Хлудов, если ослабел! А вы что?

СЕРАФИМА. Поедем, поедем, Сергуня, обратно! Поедем домой!

ГОЛУБКОВ. Правильно, Сима! Поедем. В мозгу нет больше крови... Не могу больше скитаться!

ЧАРНОТА. Так. Ну, давай делить деньги!

СЕРАФИМА. Какие деньги? Откуда? Это, может быть, корзухинские деньги?

ГОЛУБКОВ. Он выиграл у Корзухина десять тысяч долларов.

СЕРАФИМА. Не хочу! Ни за что!

ГОЛУБКОВ. И мне не надо! И я не хочу! Доехал сюда и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России.

ЧАРНОТА. Предлагаю в последний раз! Благородство? Ну, ладно. Так едете? Ну, так нам не по дороге. Развела ты нас судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я, как Вечный Жид, отныне... Голландец я! Прощайте!

Распахивает дверь на балкон. Слышно, как хор поет: «Много разбойники пролили крови честных христиан...»

Вот она, заработала вертушка. Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобою во всей парижской славе рядовой – генерал Чарнота! (*Исчезает.*)

ГОЛУБКОВ (*садится с Серафимой рядом, обнимает ее голову и говорит*). А куда же мы с тобой теперь, моя бедная Сима... Поедем в Петербург...

СЕРАФИМА. Да. Да. Непременно...

ГОЛУБКОВ. Я так счастлив, что он отрекся. Я счастлив, что тебя нашел во время бега! У тебя теперь никого нет...

СЕРАФИМА. Никого, никого, кроме тебя... Кроме тебя, Сергуня. Что это было, Сергуня, за эти полтора года? Сны? Сожми мне голову, чтобы я забыла... Вот так... Куда мы, зачем бежали? Но я нашла тебя. Не будет больше ни лун на перроне, ни черных мешков, ни зноя. Я хочу опять на Караванную... Я хочу увидеть снег. Я хочу все забыть, хочу сделать так, как будто ничего не было!

ГОЛУБКОВ. Ничего, ничего не было, все мерещилось... Забудь, забудь. Пройдет еще месяц, мы доберемся, мы вернемся, в это время пойдет снег и наши следы заметет.

На минарете показывается муэдзин, слышен его сладкий голос.

МУЭДЗИН. Ла! Иль алла! Иль Махомет!

Хор у Артурки поет: «Господу богу помолимся. Древнюю быль возвестим...»

ГОЛУБКОВ. Проснемся. Все сны забудем, будем жить дома...

СЕРАФИМА. Дома... Дома... Домой... Домой... Конец...

Константинополь угасает навсегда.

Конец

Москва, 1928 г.

БЕГ

ПЕРЕДЕЛКИ ПО ДОГОВОРУ С МХАТ ИМ. М. ГОРЬКОГО ОТ 29 АПРЕЛЯ 1933 ГОДА

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

К стр. 440

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Нет, тут не болезнь! Вот уже целый год вы паясничеством прикрываете омерзительную ненависть ко мне.

ХЛУДОВ. Не скрою, ненавижу.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Зависть?

ХЛУДОВ. О нет, нет! Вот какая мысль меня беспокоит... Я не могу понять, на каком вы амплуа?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Что такое?

ХЛУДОВ. Я говорю – амплуа ваше. Ведь каждый играет какую-нибудь роль. Комик, злодей, резонер... Моя, например, мне известна. Я – вешатель. Так утверждают большевики. Отлично. (*Таинственно.*) Откройтесь мне, кто вы такой?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Это любопытно, любопытно.

ХЛУДОВ. Еще бы! Скажите мне, что сделали вы в то время, когда я встречал у входа в Крым драгоценных жителей нашей страны?

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Вы хотите дать мне какой-нибудь совет государственного характера? Я благодарен вам, хотя, сколько мне известно, до сих пор это не было вашей специальностью?

ХЛУДОВ. Да, у меня другая специальность. Ни у одного из них в руках я не видел солонки и хлеба. Мне не хочется огорчать вас, но я боюсь, что они шли вовсе не с тем, чтоб поднести вам на блюде то, о чем вы мечтаете. Мне пришлось останавливать их зуботычинами. Вижу императора, а империи нет!

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Не забывайтесь, мнимый больной!

ХЛУДОВ. Ах, не будем кричать. Ненавижу вас. Ненавижу за то, что вы, не имея никакого представления о том, как управлять государством, наняли меня. Где обещанные мне иностранные рати? Где империя Российская? Посмотрите в окно. Вы стали причиной моей болезни. Но я стрелою проник туман, теперь вообще не время. Мы оба уходим в небытие.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. Я бы вам советовал остаться в Севастополе, для вас – это наикратчайший способ перейти в небытие. Итак, вы свободны, я не держу вас, генерал.

СОН ШЕСТОЙ

К стр. 456

ЧАРНОТА. Роман Валерианович? Ты?

ХЛУДОВ. Я. (*Пауза.*)

ЧАРНОТА. Здравия желаю, Рома.
ХЛУДОВ. Здравствуй. (*Пауза.*)
ЧАРНОТА. Ты что смотришь на меня?
ХЛУДОВ. Я смотрю на тебя так, потому что ты производишь на меня неприятное впечатление.
ЧАРНОТА. Что так?
ХЛУДОВ. Генерал Чарнота, этот наряд без погон (*указывает на черкеску*) выглядит уныло. Ты, я вижу, в числе тех, которые покорили Константинополь. Твой щит на вратах Цареграда. Почему, генерал, вы не в лагерях вместе с вашей конницей?
ЧАРНОТА. Какая тут конница, Рома? Я вот контрразведку... Ты разве не слышал? Словом, разжаловали меня.
ХЛУДОВ. Штатское надо надеть!
ЧАРНОТА. Кажись, мы здесь не на службе?
ХЛУДОВ. Ладно, ладно. Я ищу моего спутника, мне сказали, что он сюда пошел. (*Оборачивается, видит Голубкова.*) Ага.
ГОЛУБКОВ. Я нашел ее.
ХЛУДОВ. А? Отлично. Стало быть...
ГОЛУБКОВ. Я нашел ее, а она пошла на панель! И я сейчас уеду в Париж, я возьму деньги у ее мужа. Он не имеет права отказать. Он погубил ее!
ХЛУДОВ. Париж? Что такое? Что такое у вас вообще здесь происходит? На чем ты поедешь? Кто тебя пустит?
ГОЛУБКОВ. В трюме поеду. Капитан обещал меня взять даром, я, говорит, вас увезу в Марсель. Хлудов! Задержи ее, не пускай на панель! Побереги до моего возвращения, я скоро вернусь!
ХЛУДОВ. О, моя тяжесть! Почему я обязан это делать? Задерживай ее сам.
ГОЛУБКОВ. Хлудов, она меня не слушает! Хлудов, я ослабел...
ХЛУДОВ. Сперва – рядовой, теперь на шее повис шарманщик...
ЧАРНОТА. Мадрид, испанский город...
ХЛУДОВ. Где она сейчас?
ЧАРНОТА. Естественно, в кафе де Пари, где же ей быть!
ХЛУДОВ. Где живет?
ЧАРНОТА. Здесь живет.
ХЛУДОВ. Я задержу ее.
ГОЛУБКОВ. Да, да, да...
ХЛУДОВ. Так едешь? Когда вернешься, найдешь меня там же, на Шишли.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Жили двенадцать разбойников...

Константинополь. Комната с балконом. За стеклами догорает константинопольский минарет и вертушка тараканьего царя. Закат, закат...

ХЛУДОВ (*сидит на полу, поджав ноги*). Да, ты замучил меня. Но сегодня как будто наступает просветление. Я согласен. Но я прошу дать мне срок! Ты не один возле меня. Живые повисли на моих ногах и тоже требуют... А? Судьба их завязала в один узел со мною. Что поделаешь? Мы выбросились вместе через мглу. Но ты мне

непонятен. Как отделился ты от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь вас было много у меня? Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да, что все это я сделал зря. (*Думает.*) Потом что было? Забыл! А теперь? Зной, и каждый день вертятся карусели. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот поймал меня в мешок! Оставь меня, ты надоел мне.

Стук в дверь.

(*Настороженно.*) Кто там?

СЕРАФИМА (*за дверью*). Это я.

Хлудов открывает.

Можно войти? Простите.

ХЛУДОВ. Пожалуйста.

СЕРАФИМА. Вы одни? А с кем же вы разговаривали?

ХЛУДОВ. Ни с кем, вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, вы тяжко больны. (*Пауза.*) Роман Валерианович, вы слышите, вы тяжко больны. Два месяца я живу за стеной и слышу бормотание. В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем?

ХЛУДОВ. Я вам достану другую комнату, а? Я часы продал, есть деньги. Но только в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором.

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, я очень благодарна вам за то, что вы спасли меня от беды, но больше я не в силах вас обременять, и поверьте, что я сижу здесь только из-за того, что боюсь вас оставить. В таком состоянии вы не можете быть одни.

ХЛУДОВ. Покорнейше вас благодарю, мне няньки не нужны.

СЕРАФИМА. Не раздражайтесь. Вы этим причиняете вред только самому себе.

ХЛУДОВ. Вред, а? Верно. Я больше никому не могу причинить вреда. Хотя и очень желал бы. А помните ставку, а? Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал?

СЕРАФИМА. Не вспоминайте.

ХЛУДОВ. Да, в самом деле. Помяни, помяни... А мы не будем вспоминать.

Пауза.

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, я несчастна.

ХЛУДОВ. Сочувствую.

СЕРАФИМА (*заплакав*). Голубков погиб в Париже, погиб, погиб!

ХЛУДОВ. Прошу прекратить истерику! Кто погиб, а? У вас есть сведения?

СЕРАФИМА. Ни строчки, ни телеграммы. Вот сейчас гляжу на солнце и сразу поняла — погиб! Я сумасшедшая! Зачем я его отпустила?

ХЛУДОВ. Ведите себя поспокойнее.

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, исполните последнюю мою просьбу.

ХЛУДОВ. Слушаю. Какую?

СЕРАФИМА. Дайте мне денег в последний раз!

ХЛУДОВ. На что?

СЕРАФИМА. Я еду в Париж его искать.

ХЛУДОВ. Не дам.

СЕРАФИМА (*став на колени*). Я одинокая, несчастная, погибшая женщина, у меня нет никого в мире. Дайте мне денег.

ХЛУДОВ. Не дам.

СЕРАФИМА. Так будьте вы прокляты с вашими деньгами! Не нужно мне! Не нужно! Вот как стою, в чем есть, сегодня же бегу от вас! Будьте спокойны, будут деньги! Завтра будут! И поеду, и найду его, хотя бы мертвого найду!

ХЛУДОВ. Нет, вы не поедете.

СЕРАФИМА. Каким это способом вы удержите меня?

ХЛУДОВ. Любым способом, не беспокойтесь, я не Голубков, а?

СЕРАФИМА. Да что же это такое? Я во власти сумасшедшего? Какое вы имеете право держать меня? Вы – больной! Насилие! Надо мной насилие! Я потеряла Голубкова!

Пауза.

Роман Валерианович, сколько же времени мы будем так сидеть?

ХЛУДОВ. Столько, сколько сказано. Сказано – задержи, я и держу. А вот приедет Голубков, клубочек размотается... Хороший человек, а?

СЕРАФИМА. А я одна...

ХЛУДОВ. Ну, вот вы и замуж за него выходите, он хороший человек, хороший, хороший.

СЕРАФИМА (*плача*). Пожалейте меня, пожалуйста, я...

ХЛУДОВ. Вы подите в саду погуляйте, а то вы мне мешаете.

СЕРАФИМА. Что такое, что же это такое?

Стук. Серафима бросается открывать.

ХЛУДОВ (*удерживая ее*). Будьте любезны, я сам. А то разные бывают люди. Кто там? Ки э ла?

Голос смутно за дверью.

(*Оборачиваясь к Серафиме.*) Все вы ненормальные. (*Открывает дверь.*)

Входят Чарнота и Голубков. Оба одеты одинаково в приличные костюмы, в руках у Чарноты чемоданчик.

СЕРАФИМА. Сережа! (*Плача, обнимает его.*) Сережа! Что ж ты ни слова, ни слова о себе не дал знать?

ГОЛУБКОВ. Я три телеграммы послал тебе, три!

ЧАРНОТА. Не получили? Вот город, ох!

СЕРАФИМА. Я думала, что вы погибли. Все ночи сижу, смотрю на огни и вижу, как вы босые, оборванные ходите по Парижу. Никуда не пущу! Никуда!

ГОЛУБКОВ. Никуда, никуда! Сима, никуда, не плачь!

СЕРАФИМА. Ты видел его?

ГОЛУБКОВ. Видел, видел, Сима. Видел в последний раз в жизни, а ты никогда не увидишь, так что не думай больше о нем. Просто забудь. Все совершенно хорошо и в порядке. Спасибо тебе, Роман Валерианович.

ХЛУДОВ. Пожалуйста. (*Пауза.*) Надеюсь, поездка ваша увенчалась успехом, а?

ЧАРНОТА. Увенчалась, натурально.

СЕРАФИМА (*Голубкову*). Ты взял у него деньги?

ГОЛУБКОВ. Нет.

ЧАРНОТА. Не беспокойся, это я у него взял.

СЕРАФИМА. Этого не может быть.

ЧАРНОТА. Ну как не может быть, когда они здесь, в чемодане. Чарнота не нищий больше. Голубков, пожалуйте сюда! (*Отводит Голуб-*

кова в сторону, отсчитывает деньги, дает Голубкову, бормочет.) Семь тысяч...

СЕРАФИМА. Что это за деньги?

ГОЛУБКОВ. Сима, я потом тебе все расскажу.

ЧАРНОТА. Праведные деньги, не беспокойтесь. (*Хлудову.*) Роман, тебе нужно? Могу дать взаймы.

ХЛУДОВ. Нет, спасибо, у меня есть.

ЧАРНОТА. Как угодно.

Пауза.

ХЛУДОВ. Так вот, господа, мне кажется, что теперь... (*Оборачивается.*) а?.. Да... Голубков, я свободен?

ГОЛУБКОВ. Спасибо, Роман Валерианович. Мы немедленно уезжаем. Больше я тебя ничем не обременю.

ХЛУДОВ. Куда?

СЕРАФИМА (*Голубкову*). Сережа, я умоляю тебя, может быть, каким-нибудь чудом опять на Караванную...

ЧАРНОТА. Этот чудный план уже обсуждался в трюме. Там уж вас ждут, на Караванной... Большевики прямо волнуются от нетерпения, когда это Симочка приедет?

ГОЛУБКОВ. Сима, это немыслимо, уедем навеки во Францию.

СЕРАФИМА. Изгои мы.

ГОЛУБКОВ. Изгои. И клянусь, Роман Валерианович, я голову себе сдавлю вот так руками, чтобы забыть свой путь!

СЕРАФИМА. Ты не волнуйся, не волнуйся, мы все забудем.

ГОЛУБКОВ. Бритая голова, лагерь... Девять очков... луна, мороз!..

ХЛУДОВ. Хлудов – зверюга, Хлудов шакал!..

СЕРАФИМА. Зачем, зачем, Роман Валерианович, вы это опять вспоминаете? Вы опять...

ГОЛУБКОВ. Итак, Сима, едем! Прощайся, я больше не могу видеть Константинополя!

СЕРАФИМА. Только одно слово! Пусть мне скажут, куда он денется? (*Указывает на Хлудова.*) Господа, он болен!

ХЛУДОВ. Убедительно прошу вас не беспокоиться. Я уезжаю в санаторий в Германию, и будьте уверены, что я скоро выздоровлю. Впрочем, и сейчас я чувствую себя превосходно.

СЕРАФИМА. Вы поправитесь?

ХЛУДОВ. Я поправлюсь, я поправлюсь.

ГОЛУБКОВ. Прощай, Роман Валерианович.

СЕРАФИМА. Прощайте. Мы будем о вас думать и вас вспоминать.

ХЛУДОВ. Нет, нет, ни в коем случае не делайте этого.

ГОЛУБКОВ. Да, Роман Валерианович, медальон! Спасибо!

ХЛУДОВ (*Серафиме*). Прошу вас взять его на память.

СЕРАФИМА. Нет, Роман Валерианович, я не могу. Что вы, что вы? Дорогая вещь...

ХЛУДОВ. Возьмите.

СЕРАФИМА (*берет медальон*). Прощайте.

ГОЛУБКОВ. Проклятый, душный город!

Уходит с Серафимой.

ХЛУДОВ (*закрывает за ними дверь*). Ну-с, а ты куда?

ЧАРНОТА. Мы люди маленькие. Где нам соваться в германские санатории. Я сюда вернулся, в Константинополь.

ХЛУДОВ. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

ЧАРНОТА. Я заблуждался. Париж еще хуже, так, сероватый город. Ви-

дел Афины, Марсель... Но... пошлые города. Константинополь мне как-то климатически больше подходит. Да и тут завязались кое-какие связи, знакомства. Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь населял. Итак, ты, значит, в германский санаторий?

ХЛУДОВ. Как же, как же. А знаешь что, генерал, поедем вместе?

ЧАРНОТА. Нет уж, зачем, спасибо. У тебя на лице написано, что ты прямо в германский санаторий собрался. Только я тебе расскажу, Роман, что с тобой будет в германском санатории. Не успеешь ты высадиться на берег, как проживешь ты ровно столько, сколько потребуется, чтобы снять тебя с лодки и довести тебя до ближайшей стенки. Да и то под строжайшим караулом, чтобы толпа тебя не разорвала по дороге. Там, брат, в этом санатории, на каждом шагу твои фотографии, и план свой ты в исполнение не приведешь. А тянет тебя, тянет! Я ведь не божий Голубков. Я тебя знаю.

ХЛУДОВ. А ты проницательный человек, а?

ЧАРНОТА. Будь благонадежен! А стало быть, и меня с тобой, если я появлюсь? Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал на Карповой балке. Но согласно приказания. Обозы грабил? Грабил. Но, Роман, фонарей у меня в тылу нету. От смерти не бегал, но и за смертью специально к большевикам не поеду.

ХЛУДОВ. Соблазнительно, Чарнота, глянуть. И они пусть глянут.

ЧАРНОТА. Соблазнительно, соблазнительно... что говорить! Но дружески говорю: Роман, брось. Больше ничего не будет. Империю Российскую ты проиграл.

ХЛУДОВ. Это он проиграл ее!

ЧАРНОТА. Ну он. А ты не поправишь. Бросай! Отбой! Ты в самом деле полечись, Роман, и...

ХЛУДОВ. Ты дельно говоришь, дельно, дельно.

ЧАРНОТА. А ты посмотри, на что ты похож. И меня не заражай, я человек не идейный. У тебя при слове «большевик» глаза странные делаются. А я равнодушен. Я на них не сержусь, на большевиков! У них там теперь разливанное море, победили, и дай им бог счастья! Пусть радуются!

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор запел с гармониями: «Жило двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман!..»

Ба! Слышите, вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман, нам не по дороге! Развязала нас судьба. Кто – во Францию, кто – в петлю, а я, как Вечный Жид, отныне, Летучий Голландец я! Итак, говорю тебе дружески, Роман, в последний раз, остерегись, лечись и забудь! (*Распахивает дверь.*) Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ты ахнешь сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей отставной генерал Чарнота! (*Исчезает.*)

ХЛУДОВ. Избавился? Один? И очень хорошо. (*Оборачивается.*) А? Сейчас, сейчас. (*Пишет на записочке несколько слов, потом кладет ее на стол.*) Так? Ушел, бледнеет, стал вдали, исчез! (*Подходит к балкону.*)

Хор поет «Кудеяра».

Поганое царство! Паскудное царство!

Вынимает револьвер и начинает стрелять через окно в вертушку. Сперва к хору присоединяется смутный крик, потом хор прекращает пение, гармонии еще звучат, потом прекращают и они. Слышны яснее крики. Последнюю пулю Хлудов пускает себе в рот и падает ничком. Константинополь расплывается и угасает навсегда.

Москва, 1933 г.

ВАРИАНТ ФИНАЛА (1934 год)

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Окончательный вариант. 9 ноября 1934 г.[1]

Константинополь. Комната с балконом. За стеклами догорает константинопольский минарет и вертушка тараканьего царя. Закат, закат...

ХЛУДОВ (*сидит на полу, поджав ноги*). Да, ты замучил меня. Но сегодня как будто наступает просветление. Я согласен. Но я прошу дать мне срок! Ты не один возле меня. Живые повисли на моих ногах и тоже требуют... А? Судьба их завязала в один узел со мною. Что поделаешь? Мы выбросились вместе через мглу. Но ты мне непонятен. Как отделился ты от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь вас было много у меня? Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да, что все это я сделал зря. (*Думает.*) Потом что было? Забыл! А теперь? Зной и каждый день вертятся карусели. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот поймал меня в мешок. Оставь меня, ты надоел мне!

Стук в дверь.

(*Настороженно.*) Кто там?

СЕРАФИМА (*за дверью*). Это я.

Хлудов открывает дверь.

Можно войти? Простите.

ХЛУДОВ. Пожалуйста.

СЕРАФИМА. Вы одни? А с кем же вы разговаривали?

ХЛУДОВ. Ни с кем, вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, вы тяжко больны. (*Пауза.*) Роман Валерианович, вы слышите, вы тяжко больны. Два месяца я живу за стеной и слышу бормотание. В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем?

[1] Надпись рукой М. А. Булгакова.

ХЛУДОВ. Я вам достану другую комнату, а? Я часы продал, есть деньги. Но только в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором.

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, я очень благодарна вам за то, что вы меня спасли. Но поверьте, что я сижу здесь только из-за того, что боюсь вас здесь оставить. Вы не можете быть одни.

ХЛУДОВ. Покорнейше вас благодарю, мне няньки не нужны.

Пауза.

СЕРАФИМА. Роман Валерианович, я несчастна.

ХЛУДОВ. Сочувствую.

СЕРАФИМА. Голубков погиб в Париже, погиб!

ХЛУДОВ. Прошу прекратить истерику! Почему погиб? У вас есть сведения?

СЕРАФИМА. Ни строчки, ни телеграммы... И вдруг я сейчас глянула на солнце и поняла: погиб! Зачем я его отпустила?

Пауза.

Роман Валерианович, дайте мне денег в последний раз!

ХЛУДОВ. На что?

СЕРАФИМА. Я еду в Париж искать его.

ХЛУДОВ. Не дам.

СЕРАФИМА (*встав на колени*). Я одинокая, несчастная женщина, дайте мне денег! (*Пауза.*) Так будьте вы прокляты с вашими деньгами! Сегодня же бегу от вас! Деньги будут! И я найду его.

ХЛУДОВ. Нет, вы не убежите.

СЕРАФИМА. Каким же это способом вы удержите меня?

ХЛУДОВ. Любым способом, не беспокойтесь, я не Голубков, а?

СЕРАФИМА. Да что же это такое? Я во власти сумасшедшего? Насилие! Надо мною насилие! Я потеряла Голубкова.

ХЛУДОВ. Приедет. Хороший человек, хороший, хороший... Вы за него замуж выходите.

СЕРАФИМА. Пожалейте меня, пожалуйста!

ХЛУДОВ. Вы пойдите по саду погуляйте, а то вы мне мешаете.

Стук. Серафима бросается открывать.

Будьте любезны, я сам. А то разные люди могу прийти. Кто там? Ки э ла?

Голос смутно за дверью.

Все вы ненормальные. (*Открывает дверь.*)

Входят Чарнота и Голубков — одеты в приличные штатские костюмы. В руках у Чарноты чемоданчик.

СЕРАФИМА. Сережа!! (*Обнимает Голубкова.*) Что же ты ни слова, ни слова?!

ГОЛУБКОВ. Я послал тебе три телеграммы!

ЧАРНОТА. Не получили? Вот город! Ах!

СЕРАФИМА. Я думала, что вы погибли! Все ночи сижу и вижу, как вы босые и оборванные бродите по Парижу... Никуда не пущу!

ГОЛУБКОВ. Сима, не плачь. Никуда...

СЕРАФИМА. Ты видел его?

ГОЛУБКОВ. Видел. Забудь, не думай больше о нем. Его нет.

СЕРАФИМА. Ты взял у него деньги?

ЧАРНОТА. Не волнуйся, это я у него взял.

СЕРАФИМА. Этого не может быть!

ЧАРНОТА. Ну как не может быть, когда они у меня в чемодане! Голубков, пожалуйте сюда! (*Отводит Голубкова в сторону и делится с ним деньгами.*) Пять тысяч... (*Серафиме.*) Праведные деньги, не волнуйся...

ХЛУДОВ. Ну, что же, Голубков, я свободен?

ГОЛУБКОВ. Спасибо, Роман Валерианович, больше я тебя не обременю, мы уезжаем навсегда во Францию.

СЕРАФИМА. Изгои мы...

ГОЛУБКОВ. Изгои. Хочу забыть свой путь. Бритая голова... лагерь...

ХЛУДОВ. Хлудов – зверюга, Хлудов – шакал?

ГОЛУБКОВ. Едем, Сима, я больше не могу видеть Константинополя!

СЕРАФИМА. А куда он денется? Он болен, господа!

ХЛУДОВ. Убедительно прошу не беспокоиться. Я уезжаю лечиться в санаторий, в Германию.

ГОЛУБКОВ. Ну, прощай, Роман Валерианович.

СЕРАФИМА. Прощайте. Я буду о вас думать, буду вас вспоминать.

ХЛУДОВ. Нет, ни в коем случае не делайте этого.

ГОЛУБКОВ. Ах да, Роман Валерианович, медальон. (*Подает Хлудову медальон.*)

ХЛУДОВ (*Серафиме*). Возьмите его на память. Возьмите, говорю.

СЕРАФИМА (*берет медальон, обнимает Хлудова*). Прощайте.

ГОЛУБКОВ (*указав в окно*). Прощай, душный город!

Уходит с Серафимой.

ХЛУДОВ. Ну, а ты куда?

ЧАРНОТА. Мы люди маленькие. Я сюда вернулся, в Константинополь.

ХЛУДОВ. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

ЧАРНОТА. Я заблуждался. Париж еще хуже. Так, сероватый город... Видел и Афины, и Марсель... Но... пошлые города! Да и тут завязались связи, кое-какие знакомства... Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь населял.

ХЛУДОВ. Знаешь что, генерал, поедем вместе? Ты человек смелый...

ЧАРНОТА. Нет, я не смелый, спасибо. А у тебя на лице, Роман, написано, что ты в германский санаторий собрался. Но поверь, что не успеешь ты высадиться на берег, как проживешь ровно столько, сколько потребуется, чтобы тебя с лодки снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя толпа не разорвала по дороге! Там, брат, в этом санатории, тебя хорошо помнят. А за компанию с тобой и меня поведут. От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду. Дружески говорю, Роман, брось! Все закончено! Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!

ХЛУДОВ. Ты проницательный человек, оказывается.

ЧАРНОТА. Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются! Зачем я буду портить настроение своим появлением?

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор с гармониками запел: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите! Вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман! Кто во Францию, кто в петлю, а я, как Вечный Жид, отныне Летучий Голландец я! Последний раз говорю, остерегись, лечись и забудь! (*Распахивает дверь на балкон.*) Здравствуй вновь,

тараканий царь Артур! Ты ахнешь сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей отставной генерал Чарнота! (*Исчезает.*)

ХЛУДОВ (*один*). Избавился? Один. И очень хорошо. (*Оборачивается, говорит кому-то.*) Сейчас, сейчас... (*Пишет на бумаге несколько слов, кладет её на стол, указывает на бумагу пальцем.*) Так? (*Радостно.*) Ушел. Бледнеет. Исчез! (*Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль.*)

Хор поет: «Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим...»

Поганое царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!.. (*Вынимает револьвер из кармана и несколько раз стреляет по тому направлению, откуда доносится хор.*)

Гармоники, рявкнув, умолкают. Хор прекратился. Послышались дальние крики. Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола.
Темно.

Конец

ВАРИАНТ ФИНАЛА (1937 год)

[СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ]

Хлудов и Чарнота входят.

ХЛУДОВ. Ну вот, все в порядке теперь, а? (*Голубкову.*) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (*Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.*)

ЧАРНОТА. Куда это, смею спросить?

ХЛУДОВ. Сегодня ночью пойдет пароход, и я поеду с ним. Только молчите.

ГОЛУБКОВ. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

СЕРАФИМА. Говорила уже, его не удержишь.

ХЛУДОВ. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

ЧАРНОТА. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил? Куда это? Ах, туда! Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут, поведут... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

СЕРАФИМА. Чарнота! Что ты больному говоришь?

ЧАРНОТА. Говорю, чтобы остановить его.

ГОЛУБКОВ. Роман! Останься, тебе нельзя ехать!

ХЛУДОВ. Ты будешь тосковать, Чарнота.

ЧАРНОТА. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я лавру, помню бои... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю — не езди.

ХЛУДОВ. Ну, прощай! Прощайте! (*Уходит.*)
ЧАРНОТА. Серафима, задержи его, он будет каяться!
СЕРАФИМА. Ничего не могу сделать.
ГОЛУБКОВ. Вы его не удержите, я знаю его.
ЧАРНОТА. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну а вы?
СЕРАФИМА. Поедем, Сергей, проситься. Я придумала – поедем ночью домой!
ГОЛУБКОВ. Поедем, поедем! Не могу больше скитаться!
ЧАРНОТА. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.
СЕРАФИМА. Какие деньги? Это, может быть, корзухинские деньги?
ГОЛУБКОВ. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.
СЕРАФИМА. Ни за что!
ГОЛУБКОВ. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.
ЧАРНОТА. Предлагаю в последний раз. Нет? Благородство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я Вечный Жид отныне! Я – Агасфер, Летучий я Голландец! Я – черт собачий!

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдали, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! (*Распахивает дверь на балкон.*)

Хор полился яснее: «...много разбойники пролили крови честных христиан...»

Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! (*Исчезает.*)
ГОЛУБКОВ. Не могу больше видеть этого города. Не могу слышать!
СЕРАФИМА. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Хор разливается шире: «Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим!..» Издали полился голос муэдзина: «Ла иль алла иль Махомет рассуль алла!»[1]

ГОЛУБКОВ. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет... Идем, идем!
СЕРАФИМА. Идем! Конец!

Оба выбегают из комнаты Хлудова.
Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.

Конец

[1] См. перевод на стр. 284.

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

**РОМАН ТОВ. ЖЮЛЯ ВЕРНА
С ФРАНЦУЗСКОГО НА ЭЗОПСКИЙ ПЕРЕВЕЛ
МИХАИЛ А. БУЛГАКОВ**

Часть I
ВЗРЫВ ОГНЕДЫШАЩЕЙ ГОРЫ

Глава 1
ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

В океане, издавна за свои бури и волнения названном Тихим, под сорок пятым градусом находился огромнейший необитаемый остров, населенный славными и родственными племенами – красными эфиопами, белыми арапами и арапами неопределенной окраски, получившими от мореплавателей почему-то кличку – махровых.

«Надежда», корабль знаменитого лорда Гленарвана, впервые подошедший к острову, обнаружил на нем оригинальные порядки: несмотря на то, что красные эфиопы численностью превышали и белых, и махровых арапов в десять раз, правили островом исключительно арапы. На троне в тени пальмы сидел украшенный рыбьими костьми и сардинными коробками повелитель Сизи-Бузи, с ним рядом верховный жрец и еще военачальник Рики-Тики-Тави.

Красные же эфиопы были заняты обработкой махровых полей, рыбной ловлей и собиранием черепашьих яиц.

Лорд Гленарван начал с того, с чего привык начинать всюду, где бы ни появлялся: водрузил на горе флаг и сказал по-английски:

– Этот остров... мой немножко будет.

Произошло недоразумение. Эфиопы, не понимающие никакого языка, кроме своего, из флага сделали себе штаны. Тогда лорд стал пороть эфиопов под пальмами, а перепоров всех, вступил в переговоры с Сизи-Бузи и от последнего узнал, что этот остров – его – Сизи-Бузи и «флаг не надо».

Оказывается, остров открывали уже два раза. Во-первых, немцы, а за ними какие-то, которые лопали лягушек. В доказательство Сизи ссылался на сардиночные коробки и умильно намекнул, что «огненная вода вкусная очень есть, да».

– Пронюхали, сукины сыны! – проворчал лорд по-английски и, похлопав Сизи по плечу, милостиво разрешил ему и в дальнейшем числить остров за собой.

Затем произошел товарообмен. Матросы сгрузили на берег с «Надежды» стеклянные бусы, тухлые сардинки, сахарин и огненную воду. Бурно ликуя, эфиопы свезли на берег бобровые шкуры, слоновую кость, рыбу, яйца и жемчуг.

Сизи-Бузи огненную воду взял себе, сардинки тоже, бусы также, а сахарин подарил эфиопам.
Установились правильные сношения. Суда заходили в бухту, сбрасывали английские ценности, забирали эфиопову дрянь. На острове поселился корреспондент «Нью-Йоркского Таймса» в белых штанах и с трубкой и немедленно заболел тропическим триппером.
Остров в учебниках географии был назван – Эфиопов остров (л'Иль д'Эфиоп).

Глава 2
СИЗИ ПЬЕТ ОГНЕННУЮ ВОДУ

Засим остров достиг невиданного процветания. Верховный жрец, военачальник и сам Сизи-Бузи буквально плавали в огненной воде. Лицо Сизи сделалось в конце концов как лакированное и какое-то круглое, без складок. Армия белых арапов, украшенная бусами, лесом копий сверкала у шатра.
Проходившие суда нередко слышали победные крики, несущиеся с острова:
– Да здравствует наш повелитель Сизи-Бузи, а равно и верховный жрец! Ура, ура!
Кричали арапы, и громче всех махровые.
Со стороны эфиопов доносилось громкое молчание. Не получая огненного пайка и работая до потери задних ног, означенные эфиопы находились в состоянии томном и даже граничащем с глухим неудовольствием. А так как среди эфиопов, как и среди всех людей, имеются смутьяны, то бывало и так, что у эфиопов зарождались завиральные мысли:
– Это как же, братцы? Ведь это выходит не по-божецки? Водка им (арапам), бусы им, а нам шиш с сахарином? А как работать – это тоже мы?
Кончилось это крупною неприятностью, и опять-таки для эфиопов. Сизи-Бузи при самом начале брожения умов послал к эфиоповым вигвамам карательную арапову экспедицию, и та в два счета привела эфиопов к одному знаменателю.
Перепоротые, они кланялись в пояс и говорили:
– И детям закажем.
И таким образом вновь наступили ясные времена.

Глава 3
КАТАСТРОФА

Вигвамы Сизи и жреца помещались в лучшей части острова, у подножия потухшей триста лет назад огнедышащей горы. Однажды ночью она проснулась совершенно неожиданно, и сейсмографы в Пулкове и Гринвиче показали зловещую чепуху.
Из огнедышащей горы вылетел дым, за ним пламя, потом поперли какие-то камни, а затем, как кипяток из самовара, жаркая лава. И к утру было чисто. Эфиопы узнали, что они остались без повелителя Сизи-Бузи и без жреца, с одним военачальником. На месте королевских вигвамов громоздились горы лавы.

Глава 4

ГЕНИАЛЬНЫЙ КИРИ-КУКИ

В первое мгновение эфиопы были разбиты громом и даже произошли в толпе слезы, но уже во второе мгновение по головам и эфиопов, и уцелевших арапов во главе с военачальником пронесся совершенно естественный вопрос: «Что же будет дальше?»

Вопрос повлек за собой гудение, сперва неясное, а затем громкое, и неизвестно, во что бы это вылилось, если бы не произошло удивительное событие.

Над толпой, напоминающей маковое поле с редкими белыми пятнами и махрами, взвилось чье-то испитое лицо и бегающие глаза, а затем, возвышаясь на бочке, всей своей персоной предстал известный всему острову пьяница и бездельник Кири-Куки.

Эфиопов разбило громом второй раз, и причиной этому был поразительный вид Кири-Куки. Все от мала до велика привыкли его видеть околачивающимся то в бухте, где выгружали огненные прелести, то возле вигвама Сизи и отлично знали, что Кири чистой воды махровый арап. И вот Кири явился перед ошалевшими островитянами раскрашенным с ног до головы в боевые эфиоповы красные цвета. Самый опытный глаз не отличил бы вертлявого пройдоху от обыкновенного эфиопа.

Кири качнулся на бочке вправо, потом влево и, открыв большой рот, грянул изумительные слова, тотчас занесенные в записную книжку восхищенным корреспондентом «Таймса»:

— Как таперича стали мы свободные эфиопы, объявляю вам спасибо!

Абсолютно ни один из эфиопова моря не понял, почему именно Кири-Куки объявляет спасибо и за что спасибо?! И вся громада ответила ему изумленным громовым:

— Ура!!!

Несколько минут бушевало оно на острове, а затем его прорезал новый вопль Кири-Куки:

— А теперь, братцы, вали присягать!

И когда восхищенные эфиопы взвыли:

— К-кому?!!

Кири ответил пронзительно:

— Мне!!!

На сей раз хлопнуло арапов. Но паралич продолжался недолго. С криком:

— Угодил, каналья, в точку! — военачальник первый бросился качать Кири-Куки.

Всю ночь на острове, играя в небе отблесками, горели веселые костры и пьяные от радости и от огненной воды, раскупоренной тароватым Кири, плясали вокруг них эфиопы.

Проходящие суда тревожно бороздили небо радио-молниями и собирались остров для порядку обстрелять, но вскоре весь цивилизованный мир был успокоен телеграммой таймсова корреспондента:

— У дураков на острове национальный праздник — байрам точка мошенник гениален.

Глава 5
BOUNT[1]

Затем события покатились со сверхъестественной быстротой.
В первый же день, чтобы угодить эфиопам, Кири остров назвал Багровым, в честь основного эфиопова цвета, и этим эфиопов, равнодушных к славе, не прельстил, а арапов обозлил. Во второй день, чтобы угодить арапам, в должности военачальника утвердил арапа же Рики-Тики и этим арапам не угодил, потому что каждый из них хотел быть начальником, а эфиопов обозлил.
В третий, чтобы угодить лично себе, соорудил себе из шпротовой коробки лохматый головной убор, до чрезвычайности напоминающий корону покойного Сизи. Этим никому не угодил и всех обозлил, потому что арапы полагали, что каждый из них достоин коробки, а эфиопы, развращенные огненной водой, были вообще против коробки, напоминающей им весьма жгуче приведение к одному знаменателю.
Последнее же мероприятие Кири-Куки было направлено по адресу огненной воды, и на нем Кири окончательно и засыпался. Кири объявил, что огненной воды будет всем поровну, и не исполнил. Очень просто. Ежели всем, то ее нужно много. А где же ее взять? В обмен на воду Кири загнал очередной урожай маиса — воды много не добыл, зато не только эфиопам, но и арапам подвело животы, и получилось неудовольствие.
В прекрасный жаркий день, когда Кири по обыкновению лежал негодный к употреблению в своем вигваме, к начальнику Рики-Тики явился некий эфиоп, на физиономии коего были явственно выписаны его смутьянские наклонности. В момент его появления Рики пил огненную воду под аккомпанемент хрустящего жареного поросенка.
— Тебе чего надо, эфиопская морда? — сухо спросил мрачный командир.
Эфиоп пропустил комплимент мимо ушей и прямо приступил к нему.
— Ды, как же это? — заныл он,— ведь это что же? Вам и водка, и поросята? Это опять, стало быть, старые порядки?
— Ага. Ты, значит, поросенка захотел? — сдерживаясь, спросил воин.
— А как же? Чай, эфиоп тоже человек? — дерзко ответил визитер и нагло отставил ногу.
Рики взял поросенка за хрустящую ножку и, развернув его винтом, хлопнул эфиопа в зубы так, что из поросенка брызнуло масло, изо рта эфиопа — кровь, а из глаз — слезы вперемешку с крупными зелеными искрами.
— Вон!!! — закончил Рики дискуссию.
Неизвестно, что такое учинил эфиоп, вернувшись к себе домой, но хорошо известно, что к концу дня весь остров уже гудел, как улей. А уже ночью фрегат «Ченслер», проходя мимо острова, видел два зарева в южной бухте Голубого спокойствия и весь мир встревожил телеграммой:
— Острове огни всем праздникам ослов эфиопов снова праздник. Гаттерас.

[1] Bount.— Бунт. (*Франц.*)

Но почтенный капитан ошибся. Правда, огни были, но праздничного в них не заключалось ровно ничего. Просто в бухте горели вигвамы эфиопов, подожженные карательной экспедицией Рики-Тики.
На утро огненные столбы превратились в дымные, причем их было не два, а уже девять. К ночи дымы превратились опять в лапчатые зарева (шестнадцать штук).
Мир был встревожен газетным заголовком в Париже, Лондоне, Риме, Нью-Йорке, Берлине и прочих городах «В чем дело?».
И вот пришла телеграмма таймсовского корреспондента, поразившая мир:
«Шестой день горят вигвамы арапов. Тучи эфиопов... (неразборчиво) Кири жулик бежа... (неразборчиво)».
А через день грянула на весь мир ошеломляющая телеграмма уже не с острова, а из европейского порта:
– Ephiop sakatil grandiosni bount. Ostrov gorit, povalnaja tschouma. Gori trupov. Avansom piatsot. Korrespondent.

Часть II
ОСТРОВ В ОГНЕ

Глава 6
ТАИНСТВЕННЫЕ ПИРОГИ

На рассвете часовые на европейском берегу крикнули:
– На горизонте – суда!!
Лорд Гленарван вышел с подзорной трубой и долго изучал черные точки.
– Мой не понимай, – сказал джентльмен, – похоже, пироги диких?
– Гром и молния! – воскликнул Мишель Ардан, отбросив Цейс в сторону, – ставлю вашингтонский доллар против дырявого лимона выпуска 23 года, если это не арапы!
– И очень просто, – подтвердил Паганель.
Ардан и Паганель угадали.
– Что означайт? – спросил лорд, удивившись первый раз в жизни.
Вместо ответа арапы только хныкали. На них было положительно страшно смотреть. Когда они немного отдышались, выяснились ужасные вещи: эфиопов тучи. Проклятые смутьяны разожгли этих дураков. Требование: арапов к чертям. Рики послал экспедицию, и ее перебили. Мерзавец Кири-Куки улизнул первый на пироге. Остатки карательной экспедиции во главе с Рики-Тики вот они – в пирогах. Они мало-мало к лорду приехали.
– Сто сорок чертей и одна ведьма!! – грянул Ардан, – они собираются жить в Европе. Компренэ-ву?![1]
– Но кто кормить будет? – испугался Гленарван, – нет, вы обратно остров езжай...
– Нам таперича, ваше сиятельство, на остров и носу показать невозможно, – плакали арапы, – эфиопы нас начисто поубивают.

[1] Comprenez vous? – Понимаете? (*Франц.*)

А во вторых строках, вигвамы наши к черту попалили. Вот ежели бы какую ни на есть военную силу послать, смирить этих сволочей...
— Благодарю, — иронически ответил лорд, указывая на телеграмму корреспондента, — у вас там чума. Мой еще с ума не сходил. Один мой матрос дороже, чем ваш паршивый остров весь. Да.
— Точно так, ваше превосходительство, — согласились арапы, — известно, что мы ни черта не стоим. А насчет чумы господин корреспондент верно пишут. Так и косит, так и косит. И опять же голод.
— Тэк-с, — задумчиво сказал лорд, — ладно. Мой будет посмотрейт, — и скомандовал, — в карантин!

Глава 7
АРАПОВЫ МУКИ

Чего натерпелись арапы в гостях у лорда, и выразить невозможно. Началось с того, что их мыли в карболке и держали за загородкой, как каких-нибудь ослов. Кормили аккуратно, как раз так, чтобы арапы не умирали. А так как установить точную норму при таком методе невозможно, то четверть арапов все-таки отдала богу душу.
Наконец, промариновав арапов в карантине, лорд направил их на работу в каменоломни. Там были надсмотрщики, а у надсмотрщиков бичи из воловьих жил...

Глава 8
МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

Суда получили приказ обходить остров на пушечный выстрел. Так они и делали. По ночам было видно слабое догорающее зарево, а днем остров тлел черным дымом. Потом к этому прибавился удушающий смрадный дух. По голубым волнам тянуло трупным запахом.
— Крышка острову, — говорили матросы, глядя в бинокли на коварную зеленую береговую полосу.
Арапы, превратившиеся на хлебах лорда в бледные тени, шляясь в каменоломнях, злорадствовали:
— Так им и надо — прохвостам. Пущай поумирают к свиньям. Когда все издохнут, вернемся и остров займем. А уже этому мерзавцу Кири-Куки кишки выпустим своеручно, где бы ни попался.
Лорд хранил спокойное молчание.

Глава 9
ЗАСМОЛЕННАЯ БУТЫЛКА

Ее выбросила однажды волна на европейский берег. Ее вскрыли с карболовыми предосторожностями в присутствии лорда, и в ней оказались неразборчивые каракули эфиопской рукой. Переводчик разобрался в них и представил лорду документ:
«Погибаем с голоду. Ребята (через ять) малые дохнут. Чума то

же самое. Чай, ведь мы люди? Хлебца пришлите. Любящие эфиопы».

Рики-Тики посинел и взвыл:

– Ваше сиясь!.. Да ни за что! Да пущай поумирают! Да ежели после всего их бунта да еще и кормить...

— Я и не собираюсь,— холодно ответил лорд и съездил Рики по уху хлыстом, чтобы он не лез с советами.

— В сущности, это свинство...— пробормотал сквозь зубы Мишель Ардан,— можно было бы послать немного маису.

— Благодарю вас за совет, месье,— сухо ответил Гленарван,— интересно знать, кто будет платить за маис? И так эта арапская орава налопала на черт знает сколько. В глупых советах я не нуждаюсь.

— Вот как? — прищурившись спросил Ардан,— позвольте узнать, сэр, когда мы стреляемся? И клянусь, дорогой сэр, я попаду в двадцати шагах в вас так же легко, как в собор Парижской богоматери.

— Я не поздравляю вас, месье, если вы окажетесь в двадцати шагах от меня,— ответил лорд,— вес вашего тела увеличится на вес пули, которую я всажу вам в один из ваших глаз по вашему выбору.

Филеас Фогг был секундантом лорда, Паганель — Ардана. Вес Ардана остался прежним, и Ардан в лорда не попал. Он попал в одного из арапов, сидевших из любопытства за кустом. Пуля вошла арапу в переносицу и вышла через затылок. Арап умер в то время, когда она была на полпути — посредине мозга.

Ардан и Гленарван пожали друг другу руки и разошлись.

Но этим история с бутылкой не кончилась. Ночью пятьдесят арапов сбежали на пирогах с европейского берега, оставив лорду нахальную записку:

«Спасибо за карболку и воловьи жилы надсмотрщиков. Надеемся, что когда-нибудь мы им переломаем ноги. Едем обратно на остров. С эфиопами замиряемся. Лучше от чумы подохнуть дома, чем от вашей тухлой солонины. С почтением. Арапы».

Уехавшие уперли с собою подзорную трубу, испорченный пулемет, сто банок сгущенного молока, шесть дверных блестящих ручек, десять револьверов и двух европейских женщин.

Лорд перепорол оставшихся арапов и занес в книжку стоимость похищенного.

Часть III
БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Глава 10
ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ДЕПЕША

Прошло шесть лет. Изолированный мертвый остров был забыт. С кораблей изредка издали видели моряки в бинокли пышную зелень его берегов, скалы и пенный прибой. Больше ничего.

Семь лет было назначено, чтобы выветрилась чума и остров стал

безопасным. В конце седьмого предполагалась экспедиция на остров с целью вселения арапов обратно. Арапы, худые, как скелеты, томились в каменоломнях.

И вот в начале седьмого года цивилизованный мир был потрясен изумительным известием. Радиостанции Америки, Англии, Франции приняли радиограмму:

«Чума кончилась. Слава богу, живы-здоровы, чего и вам желаем. Ваши уважаемые эфиопы».

Наутро во всем мире газеты вышли с аршинными заголовками:

ОСТРОВ ГОВОРИТ!!!

ЗАГАДОЧНОЕ РАДИО!!! ЭФИОПЫ ЖИВЫ?!

— Клянусь фланелевыми панталонами моей бабушки! — взревел М. Ардан,— это сверхъестественно. Не то удивительно, что они выжили, а то, что они дают телеграммы. Не дьявол же им соорудил радиостанцию!?

Лорд Гленарван принял известие задумчиво. Арапы же были совершенно разбиты. Рики-Тики-Тави хныкал и просил лорда:

— Таперича, ваше преосвященство, единственно, перебить их — экспедицию послать. Ведь это что ж такое делается?! Остров наш наследственный. До каких же пор мы тут томиться будем?

— Мой будет посмотрейт,— ответил лорд.

Глава 11

КАПИТАН ГАТТЕРАС И ЗАГАДОЧНЫЙ БАРКАС

В чудный майский день у острова на море показался дым винтом, и вскоре корабль под командой капитана Гаттераса, командированный лордом Гленарваном, пристал к берегу. Матросы усеяли ванты и борты и с любопытством глядели на остров. Глазам их представилась следующая картина: в бухте мирно дремала вода, и неизвестный баркас торчал у самого берега среди целой стаи новеньких, видимо, только что отстроенных пирог. Загадка радиотелеграммы объяснилась тут же: вдали глядел в изумрудном тропическом лесу шпиль чрезвычайно уродливо сооруженной радиостанции.

— Сто дьяволов! — вскричал капитан,— эти остолопы сами построили эту кривую дылду.

Матросы весело хохотали, глядя на корявый плод эфиопова творчества.

Лодка с корабля подошла к берегу и высадила капитана с несколькими матросами.

Первое, что поразило отважных мореплавателей,— это чрезвычайное изобилие эфиопов. Гаттераса обступили не только взрослые, но и целая куча молодых. На самом берегу гирляндами сидели толстые маленькие эфиопчики и удили рыбу, свесив ноги в голубую воду.

— Черт меня возьми, если эта чума не пошла им на пользу! — удивился Гаттерас,— у них такие морды, как будто их кормили кашей «Геркулес»! Ну-с, будем посмотреть дальше...

Дальше его поразил именно старенький баркас, приютившийся в бухте. Одного опытного взгляда было достаточно, чтобы убедиться — баркас с европейской верфи.

— Это мне не нравится,— процедил сквозь зубы Гаттерас,—если

только они не украли эту дырявую калошу, то спрашивается, какая каналья шлялась на остров во время карантина? Мне сильно сдается, что баркас немецкий! – И, обратившись к эфиопам, он спросил:

– Эй вы! Красножие черти! Где вы свистнули лодку?

Эфиопы лукаво заулыбались, показывая жемчужные зубы, и ничего не ответили.

– Не желаете отвечать? Ладно,– капитан нахмурился,– я вас сделаю разговорчивее.

С этими словами он направился к баркасу. Но эфиопы преградили ему и матросам путь.

– Прочь! – рявкнул капитан и привычным жестом взялся за задний карман.

Но эфиопы не ушли прочь. В одно мгновенье Гаттерас и матросы оказались в тесном, плотном кольце. Шея капитана побагровела. В толпе он вдруг разглядел одного из белых арапов, бежавших из каменоломни.

– Ба-а! Старый знакомый! – воскликнул Гаттерас,– теперь я понимаю, откуда смута! Подойди сюда, негодяй!

Но негодяй не пожелал подойти. Он так и заявил:

– Не пойду!

Капитан Гаттерас в бешенстве оглянулся, и шея его стала фиолетовой, составив прекрасный контраст с белым полем его шлема. Дело в том, что в руках у многих эфиопов он разглядел ружья,

чрезвычайно похожие на немецкие винтовки, а в руках у арапа – свистнутый у Гленарвана парабеллум. Лица матросов, обычно бойкие, стали серьезно-серенькими. Капитан глядел на жгучее синее небо, затем на рейд, где покачивался его корабль. Оставшиеся на борту матросы пестрели белыми пятнышками на реях и мирно наблюдали берег.

Капитан Гаттерас умел владеть собой. Шея его постепенно приобрела нормальный цвет, говорящий о том, что паралич на сей раз отсрочен.

– Пропустите-ка меня обратно на корабль,– вежливо-хриплым голосом сказал он.

Эфиопы расступились, и Гаттерас, эскортируемый моряками, отбыл на корабль. Через час на нем загремели якорные цепи, а через два он уже виднелся лишь маленьким дымком на горизонте солнечного моря.

Глава 12
НЕПОБЕДИМАЯ АРМАДА

В бараках, занятых арапами, творилось что-то неописуемое. Арапы испускали победные клики и ходили на головах. В этот день им ведрами подали золотистый жирный бульон. Лохмотьев на арапах больше не было. Им выдали великолепные ситцевые штаны и сколько угодно краски для боевой татуировки. У бараков стояли в козлах новехонькие скорострельные винтовки и пулеметы. Рики-Тики-Тави был интереснее всего. Он сверкал кольцами в носу, пестрел развевающимися перьями. Лицо у него сияло, как у живоцерковного попа на пасху. Он ходил как помешанный и говорил только одно:

— Ладно, ладно, ладно. Ужо таперя, голубчики, вы у меня попрыгаете. Дай срок, доплывем. Вот только доплывем.
И при этом пальцами он делал такие жесты, как будто кому-то невидимому выдирал глаза:
— Стройся! Смирно! Ура! — кричал он и летал перед фронтом отяжелевших от бульона арапов.
Три бронированных громады в порту стали принимать араповы батальоны. И тут произошло событие. На середину перед фронтом вылезла оборванная и истасканная фигурка с головой, стриженной ежиком. Ошеломленные арапы всмотрелись и узнали в фигурке не кого иного, как самого Кири-Куки, скитавшегося все это время неизвестно где.
Он имел наглость выйти перед фронтом арапов и с заискивающей улыбочкой обратиться к Рики-Тики:
— А меня-то, что ж, братцы, забыли? Чай, я ваш. Тоже арап. И меня на остров возьмите. Я пригожусь!..
Он не успел окончить речь. Рики позеленел и вытащил из-за пояса широкий острый ножик.
— Ваше здоровье, — трясущимися губами обратился он к лорду Гленарвану, — этот самый... вот этот, вот и есть Кири-Куки, из-за которого сыр-бор загорелся. Дозвольте мне, ваша светлость, своими ручками ему глоточку перерезать?
— Отчего же. С удовольствием, — ответил лорд благодушно, — только скорей, не задерживай посадку.
Кири-Куки успел только раз пискнуть, пока Рики мастерским ударом перехватил ему глотку от уха до уха.
Затем лорд Гленарван и Мишель Ардан выступили перед фронтом, и лорд произнес напутственную речь:
— Езжайт, эфиопов покоряйт. Мой будет помогайт, с корабля стреляйт. Ваш потом будет платийт за этот.
И батальон арапов под музыку сел на суда.

Глава 13
НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ

Как жемчужина, сияющий предстал в ослепительный день остров. Суда подошли к берегу и начали высаживать вооруженный арапов строй. Рики, полный боевого пламени, соскочил первый и, потрясая саблей, скомандовал:
— Храбрые арапы, за мной!
И арапы устремились за ним.
Затем произошло следующее: из плодоносной земли острова навстречу незваным гостям встала неописуемая эфиопова сила. Эфиопы ползли густейшими шеренгами. Их было так много, что зеленый остров во мгновение ока стал красным. Они перли тучами со всех сторон, и над их красным океаном, как зубная щетка, густо лезла щетина копий и штыков. Кое-где вкрапленные, неслись в качестве отделенных командиров те самые арапы, что дали ходу из каменоломни. Означенные арапы были вдребезги расписаны эфиоповыми знаками, потрясали револьверами. На их лицах ясно было написано, что им нечего терять. Из глоток у них неслось только одно — боевой командный вопль:
— В штыки!

На что эфиопы отвечали таким воем, от которого стыла в жилах кровь:

— Бей их, сукиных сынов!!!

Когда враги встретились, стало ясно, что армия Рики не что иное, как белый остров в бушующем багровом океане. Он расплеснулся и охватил арапов с флангов.

— Клянусь рогами дьявола! — ахнул на борту флагманского корабля М. Ардан,— я не видал ничего подобного!

— Подкрепите их огнем! — приказал лорд Гленарван, отрываясь от подзорной трубы.

Капитан Гаттерас подкрепил. Бухнула четырнадцатидюймовая пушка, и снаряд, дав недолет, лопнул как раз на стыке между арапами и эфиопами. В клочья разорвало двадцать пять эфиопов и сорок арапов. Второй снаряд имел еще больший успех. Пятьдесят эфиопов и сто тридцать арапов. Третьего снаряда не последовало, ибо лорд Гленарван, наблюдавший за результатами стрельбы в подзорную трубу, ухватил капитана Гаттераса за глотку и оттащил от пушки с воплем:

— Прекратите это, черт бы вас взял! Ведь вы лупите по арапам!

В шеренгах арапов после первых двух подарков Гаттераса поднялся невероятнейший визг и вой, и ряды их дрогнули.

Взвыл даже Рики-Тики, вокруг которого закрутился бешеный водоворот. В водовороте вынырнуло внезапно искаженное лицо одного из рядовых арапов. Он подскочил к ошалевшему вождю и захрипел, причем пена вылезала у него вместе со словами.

— Как?! Мало того, что ты нас затянул в каменоломни и мариновал семь лет!!! А теперь еще!! Загнал под чемоданы?! Спереди эфиопы, а сзади по башке снарядом?!! А-а-а-а-а!!!

Арап во мгновение выхватил ножик и вдохновенно всадил его в Рики-Тики, чрезвычайно метко угадав между пятым и шестым ребром с левой стороны.

— Помо...— ахнул вождь,— гите,— закончил он уже на том свете — перед престолом всевышнего.

— Ур-ра!! — грянули эфиопы.

— Сдаемся!! Ура! Замиряйся, братцы!! — завыли смятенные арапы, вертясь в бушующих водах эфиоповой необозримой рати.

— Ур-ра!! — ответили эфиопы.

И все смешалось на острове в невообразимой каше.

— Семьсот лихорадок и сибирская язва!! — вскричал М. Ардан, впиваясь глазами в стекла Цейса,— пусть меня повесят, если эти остолопы не помирились!! Гляньте, сэр! Они братаются!!

— Я вижу,— гробовым голосом ответил лорд,— мне очень интересно было бы знать, каким образом мы получим теперь вознаграждение за все убытки, связанные с кормлением этой оравы в каменоломнях?

— Бросьте, дорогой сэр,— вдруг задушевно сказал М. Ардан,— ничего вы не получите здесь, кроме тропической малярии. И вообще, я советую вам немедленно поднимать якоря. Берегись!!! — вдруг крикнул он и присел. И лорд присел машинально рядом с ним. И вовремя — как дуновение ветра, над их головами прошла сверкнувшая туча стрел эфиопов и пуль арапов.

— Дайте им!! — взревел лорд Гаттерасу.

Гаттерас дал и неудачно.

Лопнуло высоко в воздухе. Соединенная арапо-эфиопская рота

ответила повторной тучей, причем она прошла ниже, и лорд собственноглазно видел, как в корчах, сразу побагровев, упали семь матросов.

— К чертям эту экспедицию!! — прогремел дальновидный Ардан. — Ходу, сэр!! У них отравленные стрелы. Ходу, если вы не хотите привезти чуму в Европу!!

— Дай на прощание!! — просипел лорд.

Известный сапожник-артиллерист, Гаттерас дал на прощание куда-то криво и косо, и суда снялись с якоря. Третья туча стрел безвредно села в воду.

Через полчаса громады, одевая дымом горизонт, уходили, разрезая гладь океана. В пенистой кормовой струе болтались семь трупов отравленных и выброшенных матросов.

Остров затягивало дымкой, и исчезала в ней изумрудная, напоенная солнцем береговая полоса.

Глава 14
ФИНАЛЬНЫЙ СИГНАЛ

В ночь одело огненным заревом тропическое небо над Багровым островом и суда хлестнули во все радиостанции словами:

— Острове байрам чрезвычайных размеров точка. Черти пьют кокосовую водку!!

А засим Эйфелева башня приняла зеленые молнии, сложившиеся в аппаратах в неслыханно наглую телеграмму:

— Гленарвану и Ардану!

На соединенном празднике посылаем вас к (неразборчиво) мат. (неразборчиво).

С почтением,
эфиопы и арапы.

— Закрыть приемники, — грянул Ардан.

Башня мгновенно потухла. Молнии угасли, и что происходило в дальнейшем, никому не известно.

/1924/

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

ОТРЫВКИ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ ИЗ ТЕКСТА ПЬЕСЫ, И РАЗНОЧТЕНИЯ

ПРОЛОГ

К стр. 299

ГЕННАДИЙ. А вот сами увидите. Я тут наговорил — идеологическая, идеологическая, а ну, как она вовсе не идеологическая?.. [Имейте в виду, я в случае чего беспощадно вычеркивать буду, тут надо шкуру спасать. А то так можно вляпаться, что лучше и нельзя! Репутацию можно потерять...] Главное горе, что и просмотреть-то ведь некогда... (*Разбирает тетради.*)

К стр. 300

ГЕННАДИЙ. Эх, авторы! Авторы! [Пишете вы безо всякого удержу! Хотя извержение хорошая штука! Кассовая! Публика любит такие вещи. Вот что, Метелкин!] Гор ведь у нас много?

К стр. 301

ГЕННАДИЙ (*рассеянно*). Театр, матушка, это храм... [этого тоже не следует забывать.

МЕТЕЛКИН (*врывается*). Механик спрашивает: корабль с парусами?

ГЕННАДИЙ. Василий Артурыч!

ДЫМОГАЦКИЙ. С парусами и с трубой. Шестидесятых годов.

МЕТЕЛКИН (*улетая*). Володя!..

ГЕННАДИЙ (*ему вслед*).] Метелкин! Всех на сцену! Всех срочно!

К стр. 302

ГЕННАДИЙ. Вот, позвольте познакомить. Наш капельмейстер. Уж он сделает музыку, будьте спокойны. [Отец его жил в одном доме с Римским-Корсаковым.

ДЫМОГАЦКИЙ. Очень, очень приятно.

ГЕННАДИЙ. Экзотика, Ликуй Исаич. Туземцы, знаете ли, такие, что не продохнуть, но в то же время аллегория.

ЛИКУЙ ИСАИЧ. Не продолжайте, Геннадий Панфилыч, я уже понял.

ГЕННАДИЙ.] Итак: роли...

К стр. 303

ГЕННАДИЙ. Аделаида Карповна! Я протестую против такого тона!

[СИЗИ. Говорил я Геннадию, не женись на актрисах... И всегда будешь в таком положении...

ГЕННАДИЙ.] Театр, это...

БЕТСИ. Место интриг!!

К стр. 303

ГЕННАДИЙ. Ну, теперь главная роль. 〈...〉 Любимец публики! Скромность, честность, простота! [Старой щепкинской школы человек!] На днях предлагали ему звание народного Варравы.

К стр. 304

ГЕННАДИЙ. Да ты что? Смеешься что ли? Они только и умеют жабо портить. Все на моих плечах, все на меня валится!.. [Народный!.. Пьяница он международный!]

ДЫМОГАЦКИЙ. Геннадий Панфилыч!

АКТ ПЕРВЫЙ

К стр. 307

СИЗИ. Где же ты, небесная молния? Нету небесной молнии! Ну!

КИРИ. [И тут еще народишко подошел, и многие стали сочувствовать... Я прямо в ужас впал от тех дел, что затеваются у нас на острове... Но вида не подаю и кричу: «Ужас, ужас, ужас! Долой, — кричу, — тирана Сизи-Бузи со сворой белых опричников!» И что же вы думаете, они мне стали вторить... Долой! Долой! Ну, а потом на этот крик сбежалась стража, как я и велел.] Ну тут я натурально засвистел, и нас всех схватили.

СИЗИ. И это правда?

КАЙ. Да, это правда. [И никогда еще правда не вылетала из уст более гнусных, чем уста этого человека.

КИРИ. Видали, что за тип, ваше величество?

ЛИККИ. Заткнуть ему рот!

КАЙ (*отбиваясь*).] Слушай ты, пьявка!

СИЗИ. Пьявка? Это ты мне?

КАЙ. Тебе. [Почему ты оказался на троне? Почему ты с несколькими сотнями вооруженных бездельников правишь несметными толпами туземцев-рабов?..]

ЛИККИ. Заткнуть его!

Тохонга затыкает рот Каю.

ФАРРА. Тысячи туземцев, задавленный, [покорный] народ, [ползают по жгучей земле, сеют маис, добывают для тебя жемчуг и собирают черепашьи яйца. Они] работают от восхода до заката солнечного бога...

ЛИККИ. Заткнуть и этого!

КИРИ. Ужас, ваше величество!

Фарре затыкают рот.

КАЙ (*вырывается*). [А ты продаешь все это европейцам и пропиваешь?! Где же справедливость? Туземцы, вы слышите нас?..

Арапы затыкают ему рот наглухо.

ФАРРА (*вырываясь*). Злодей!

КИРИ. Удивляюсь вашему долготерпению, ваше величество.

СИЗИ. Что же мне, уты вашой затыкать, что ли? Тьфу, ваши утой. Трудный текст. Трудный текст. Ватой уши... Молчи, негодный!]

ФАРРА. Но трепещи, злодей!

К стр. 308

КИРИ. Заткнуть! И повешению на пальме [кверху ногами!]

К стр. 308

КИРИ. Как бы это они упрекнули, вися на пальме? Висели бы себе ти-

хо... Но принимая: прав не лишать. Повесить со всеми правами [и общепринятым способом вверх головой.]

К стр. 309

ПАГАНЕЛЬ. Мадам имеет резон. Остров необитаем. [Клянусь Елисейскими полями, я первый заметил это.

ЛЕДИ. Простите, мсье Паганель, я первая крикнула – «необитаемый»!

ЛОРД. Леди права. Капитан, подать сюда флаг! (*Втыкает английский флаг в землю.*) Иес, остров английский!

ПАГАНЕЛЬ. Паспарту! Флаг! (*Втыкает французский флаг в землю.*) Уи. Остров французский.

ЛОРД. Как понимать ваш поступок, сэр?

ПАГАНЕЛЬ. Как хотите, так и понимайте, мсье.

ЛОРД. Вы – гость на моей яхте, сэр, и я не понимаю вас. Я не могу допустить, чтобы остров валялся на дороге беспризорным.

ПАГАНЕЛЬ. Я тоже не могу допустить такое.

ПАСПАРТУ. Прошу извинения, джентльмены. Маленький совет: остров пополам.

ЛОРД. Согласен. Иес.

ПАГАНЕЛЬ. Уи.]

Показывается Сизи и вся остальная компания.

К стр. 309

КИРИ. Честь имею рекомендовать себя. Я – Кири-Куки, церемониймейстер двора его величества.

[ЛОРД. А где же двор?

КИРИ. А вот, извольте видеть, вигвам на вулкане, а возле него палисадничек. Это и есть двор.

ЛЕДИ. Ах, какое забавное племя мы открыли!]

СИЗИ. А вы кто такие будете, дорогие гости?

К стр. 310

СИЗИ. Продали.

[ЛОРД. Кому?

ЛЕДИ. Продали!

ЛОРД. Леди, прошу вас помолчать.

СИЗИ. Немец к нам один приезжал.

ПАГАНЕЛЬ. Всюду этот немец!

ЛОРД. И сколько он вам заплатил?

СИЗИ. Пятьсот аршин ситцу, двадцать бочонков пива, одного миссионера и, кроме того, он подарил Кири-Куки брюки.

КИРИ. Вот эти самые штаны.

СИЗИ. А мне подарил на память пятьсот своих денежных марок, и я ими обклеил свой вигвам.

ЛОРД. И он забрал пятьсот пудов жемчугу?

СИЗИ. И увез.

КИРИ. Я говорил вам, ваше величество, что мы продешевили.

ПАГАНЕЛЬ. Мошенник!

КИРИ. Я говорил вам, ваше величество.

СИЗИ. Неужели он обидел старого Сизи? А ведь он обещал вернуться к нам на своем пыхтящем катере.

ГАТТЕРАС. И когда он вернется на этом катере, ты должен послать его обратно в Европу. Ах, чтоб тебя перевернуло килем кверху! И ты хорош, старая образина! Да если он еще раз явится сюда и ты не

спустишь его с ржавым якорем на ногах в океан... я прямо...
ЛОРД. Капитан, успокойтесь.
ГАТТЕРАС. Да не могу я, ваше сиятельство, с этими арапами... Господи!]
ЛОРД (*тихо*). Сэр... ведь это что же такое? А? Желаете?

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 313

ЛИККИ. Весь гарем и половина арапов. Все, кто были в карауле.
[КИРИ. Хорошенькие дела!
ЛИККИ. Ума не приложу, что же будет теперь...
КИРИ. Нет, дорогой генерал, тут очень даже придется приложить!
ЛИККИ. Ну, так прикладывай скорее!]
КИРИ. Сядем... Ох!

К стр. 313

КИРИ. Будь спокоен. [Тебе отлично известно, в каком состоянии наш добрый туземный народ, а теперь, когда он узнает, что повелителя больше нету, он совершенно взбесится...
ЛИККИ. Не может быть!
КИРИ. «Не может быть»!.. Что ты, как ребенок, в самом деле!.. Ой, смотри, еще огонь!.. Не хлынуло бы сюда!
ЛИККИ. Нет, уже приутихло.
КИРИ. Ну брат, я внутри там не был. Черт его знает, утихает он, не утихает... Перейдем-ка вниз на всякий случай...

Перебегают.

Тут спокойнее.] Итак, спрашивается, что нужно сделать, чтобы избежать ужаса бунта и безначалия?

К стр. 314

ЛИККИ. Кири, ты нагл! Кто ты такой, чтобы тебе лезть в правители? [Скорее уж я, начальник гвардии...
КИРИ. Что ты можешь? Ну что ты можешь? Ты умеешь только орать команды и больше ничего! Нужен умный человек!
ЛИККИ. А я не умен? Молчать, когда...
КИРИ. Ты среднего ума человек, а нужен гениальный.
ЛИККИ. Это ты-то гениальный?]
КИРИ. Не спорь. Ой... Слышишь?

К стр. 314

КИРИ. Ах так? [Пропадай же ты, как собака, без церковного даже покаяния! Имей в виду, что план я свой все равно выполню. Я перейду на сторону туземцев, в правители я все равно выскочу! Ибо островом управлять некому, кроме меня. Ну, а ты будешь кормить крабов в бухте Голубого спокойствия.] До свидания! У меня нет времени!

К стр. 314

В оркестре звуки фанфар.

[АРАПЫ. Боги да хранят!..
ЛИККИ. Тише вы!
КИРИ. (*делает отчаянные знаки с бочки, и фанфары умолкают, а также и арапы*). ...ничего его боги не хранят. Да и не хранили никогда! Да и незачем богам охранять тирана, измучившего свой народ!

Туземцы издают звуки изумления.]

КИРИ. Итак, когда Сизи, напившись огненной воды, мирно спал...

К стр. 314—315

ЛИККИ. До чего, каналья, красноречив!
[КИРИ. Братья! Я — Кири-Куки, арап по рождению, но туземец по духу, поддерживаю вас! Вы свободны, туземцы! Кричите же вместе со мною — ура! Ура!]
ТУЗЕМЦЫ (*вначале тихо, потом громче*). Ура! Ура! Ура!
[ДИРИЖЕР (*встает и делает знаки*). Ура! Ура! Ура!
ТУЗЕМЦЫ. Ура! Ура! Ура!]

Гул утихает.

[КИРИ. Не будет больше угнетения на острове, не будет жгучих бичей надсмотрщиков-арапов, не будет рабства! Вы сами теперь хозяева своего острова, вы сами — владыки! О, туземцы!
2-й ТУЗЕМЕЦ. Почему он говорит это, братья, почему арап из свиты радуется за нас? В чем дело?
1-й ТУЗЕМЕЦ. Это Кири-Куки.
3-й ТУЗЕМЕЦ. Кто? Кто?

Гул.

ЛИККИ. Говорил я, что ничего не выйдет из этой прелестной затеи! Унести бы только ноги!]
4-й ТУЗЕМЕЦ. Это Кири?
КИРИ. Да, это я. [Кто-то из нас, излюбленные мои туземцы, крикнул: «Почему арап радуется вместе с нами?» Ах, ах, ах! Горечь в моем сердце от подобного вопроса!] Кто не знает Кири-Куки? Кто не слышал его не далее как вчера, у маисовых кустов?
1-й ТУЗЕМЕЦ. Да, да, мы слышали!
[ТУЗЕМЦЫ. Мы слышали!]
3-й ТУЗЕМЕЦ. Где Кай-Кум и Фарра-Тете?
КИРИ. [Тише! Слушайте, что сделал я, истинный друг туземного народа, Кири-Куки! Вчера я был схвачен стражею вместе с другими туземцами Кай-Кумом и Фарра-Тете...
1-й ТУЗЕМЕЦ. Где же они? Почему ты один?
КИРИ. Слушайте, слушайте. Нас бросили в темницу, а затем привезли сюда к подножию Сизиного трона, и здесь верная смерть глядела нам в глаза. Я был свидетелем того, как бедных Кая и Фарра приговорили к повешению. Ужас, ужас, ужас!
3-й ТУЗЕМЕЦ. А тебя?
КИРИ. Меня? Со мной вышло гораздо хуже. Старый тиран решил, что для меня, арапа, изменившего ему, смерть в петле на пальме слишком легкое наказание.] Меня ввергли в подземелье ⟨...⟩

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 317

КИРИ. Да они всерьез не желают отдавать его! ⟨...⟩ О, великое счастье, что потонули эти два подстрекателя!..

[ЛИККИ (*жует*). Да...

КИРИ. Что ты говоришь?

ЛИККИ. Я говорю – да.

КИРИ. «Да». А что – да? Только и умеешь, что мычать. Ты бы лучше совет дал.

ЛИККИ. Это не моя специальность советы давать. Мне что поручено? Караулить тебя. Я и караулю. Уж ты сам управляй, как тебе нравится.

КИРИ. Очень хорошо ты поступаешь!

ЛИККИ. Вот при покойном Сизи-Бузи хорошо было!

КИРИ. Чем, спрашивается?

ЛИККИ. При Сизи они отдавали жемчуг беспрекословно. Порядок был, вот чем!

КИРИ. Нужно и теперь навести порядок.

ЛИККИ. Теперь трудно, дорогой правитель. Слишком ты их избаловал.

КИРИ. Ну, нечего скулить! Этим дела не поправишь.]

Входит Тохонга.

К стр. 320

КАЙ. Кого?! ⟨...⟩ Провокатора, подлеца и проходимца.

[КИРИ. Вы мне объясните только одно: как вы выплыли?

ФАРРА. Три дня мы плыли ввиду острова, изнемогая от жажды, и, когда уже не было сил бороться со смертью, приплыли в бухту, где верные братья вытащили нас.]

КАЙ. Братья, вот этот негодяй ⟨...⟩

К стр. 320

КАЙ. Ах так, братья туземцы! К оружию! К оружию! [Вооружайтесь луками, копьями! У кого их нет, камнями! Все вперед! Убить эту мерзкую змею, пробравшуюся на трон!]

ТУЗЕМЦЫ (*разбегаются с криками*). К оружию!

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

К стр. 322

Богатая гостиная лорда Гленарвана, обставленная во вкусе 60-х годов. Рядом с гостиной набережная.

[Леди поет романс, аккомпанируя себе на фортепьяно. Лорд с Паганелем играют в шахматы, а Гаттерас смотрит на игру. Вечер.

ЛОРД. Браво! Браво! Моя дорогая, вы сегодня в голосе, как никогда! (*Аплодирует.*)

ПАГАНЕЛЬ. Браво! Браво, мадам!

ГАТТЕРАС. Браво!

ПОПУГАЙ (*в клетке*). Браво! Браво!
ПАГАНЕЛЬ. Шах королю.
ЛОРД. Я так...
ПАГАНЕЛЬ. Шах.
ЛОРД. Я так...
ПАГАНЕЛЬ. Шах и...
ЛОРД. Черт возьми! Я сдаюсь, сэр.
ГАТТЕРАС. Вам нужно было ходить пешкой, лорд.
ЛОРД. А дальше что?
ГАТТЕРАС. А дальше слоном сюда.
ЛОРД. А дальше что?
ГАТТЕРАС. А дальше... гм!
ПОПУГАЙ. Дурак!
ГАТТЕРАС. Я вас уверяю, лорд, этой проклятой птице необходимо свернуть голову. От нее житья нет.
ЛЕДИ. Что вы, капитан, я ни за что не позволю! Милый мой, я ни за что не расстанусь с тобой! Попочка! Попочка!
ЛОРД. Угодно реванш?
ПАГАНЕЛЬ. С наслаждением, мсье.
ЛЕДИ. Ах, пять часов уже! Паспарту, Бетси!

Паспарту и Бетси выглядывают из двух противоположных дверей.

ПАСПАРТУ.
БЕТСИ. } Что угодно, сударыня?

ЛЕДИ. Подавайте чай.

ПАСПАРТУ.
БЕТСИ. } Слушаю, леди.

Исчезают и возвращаются с чаем и печеньем.

ЛОРД. Нет, что ни говорите, а когда, постранствовав, воротишься опять, то дым отечества нам сладок и приятен.
ПАГАНЕЛЬ. О да, конечно. У вас чрезвычайно приятно гостить, дорогой лорд, я очень вам признателен! Очень!
ЛОРД. Очень рад.
ПАГАНЕЛЬ. Я крайне признателен также леди Гленарван. (*Кланяется.*)
ЛЕДИ. Крайне приятно.
ПАГАНЕЛЬ. И вам тоже, храбрый капитан.
ГАТТЕРАС. Поже. Поже.
ПАГАНЕЛЬ (*машинально Бетси*). И вам... то есть нет... Всё.
ЛОРД. Нет, по-моему, места лучше, чем Европа.
ПАГАНЕЛЬ. О, несомненно!
ГАТТЕРАС. Красота!
ЛЕДИ. Чем вам так нравится Европа, господа? Не понимаю.
ЛОРД. Как чем? Вы меня поражаете, леди! Удобно, тихо, чисто. Никаких волнений!
ЛЕДИ. Нет, волнения эти так приятны. По-моему, у нас адская скука.
ЛОРД. Леди! От кого я слышу это? Разве можно так говорить о родном английском доме? Адская скука! Дом – это храм... Этого тоже не следует забывать... леди.]
ЛЕДИ. [Ах нет, нет! В путешествии гораздо лучше.] Попочка, ты помнишь свой остров?

К стр. 324

КИРИ. Ужас! Ужас! [После того, как погиб Сизи, я, движимый желанием спасти родной остров от анархии и ужаса безналичия, принял предложение лучшей части туземного народа стать их повелителем, но] двое бродяг, Кай-Кум и Фарра-Тете, [осужденные за уголовное и государственное преступление и ускользнувшие из священных рук правосудия,] подстрекнули туземные полчища к бунту. [Я лично стал во главе своей гвардии, подавая ей пример мужества...

ЛИККИ. Ах, прохвост!

КИРИ. ...но наши усилия не привели ни к чему.] Подавляющие несметные орды. ⟨...⟩

К стр. 324

ПАГАНЕЛЬ. Я совершенно потрясен. Но, позвольте, они же отдадут нам жемчуг?

[ЛОРД. О да.

ЛЕДИ. Как, пропадет жемчуг?

БЕТСИ. Боже, как у нее вспыхнули глаза! До чего она жадна!

ПАСПАРТУ. Молчи!]

КИРИ. Увы, дорогие джентльмены! ⟨...⟩

К стр. 324

АРАПЫ. Рады стараться, ваше сиятельство!

[ЛОРД (*передразнивая леди*). Ах, мне скучно! Я так люблю разные неожиданные приключения! Черт бы их взял! Чем не приключение?

АРАПЫ.
ПОПУГАЙ. } Так точно, ваше сиятельство!]

ЛЕДИ. О боже, как они кричат!

К стр. 325

КИРИ. Вот, дорогой лорд! И это все, что мне осталось, как дивный, чудный сон! Ужас! [Волосы встают дыбом при взгляде на остатки доблестной гвардии, честно защищавшей своего законного правителя. Я бы с удовольствием выпил рюмочку коньяку, до того я измучен и истомлен!

Лорд и Паганель в изнеможении опускаются друг против друга в кресла.

ЛЕДИ. Бетси! Бетси! Дайте коньяку его величеству!

БЕТСИ. Слушаю. (*Подает коньяк.*)

Кири выпивает.]

ЛОРД (*очнувшись*). Извольте объяснить ⟨...⟩

КАРТИНА ВТОРАЯ

К стр. 328

БЕТСИ. Я не боюсь вас. ⟨...⟩ Вы поступили подло...

[КИРИ. ...ваше величество...

БЕТСИ. ...подло, ваше величество!

КИРИ. Так, так, так... Хорошенькая горничная у леди Гленарван, нечего

сказать! Ну, так вот что, моя дорогая, я давно уже заметил, что ты в каких-то подозрительных отношениях с Тохонгой. Да, да, нечего открывать глаза! Кстати, они у тебя голубые... Да, голубые... Я видел, как однажды он тащил помойное ведро из каменоломни и ты подала ему громаднейший кусок хлеба с ветчиной. Кроме того, я однажды видел, как вы шушукались у входа в замок... и будь я не Кири-Куки Первый, а последний босяк, если его рука не покоилась на твоей талии... Кстати, она очаровательна...

БЕТСИ. Это — неправда!

КИРИ. Не красней, пожалуйста. Впрочем, нет, покрасней еще раз! Ты необыкновенно хорошенькая, когда розовеет твоя кожа... Браво, браво! Ну, плутовочка, вот тебе мои условия. Если ты поцелуешь меня сейчас, Бетси, пять раз... или нет, не пять, а шесть... я никому не сообщу о всех твоих художествах.

БЕТСИ.] Прочь от меня, негодяй...

К стр. 328

ЛЕДИ. Чаша моего терпения переполнилась! Довольно! Это неслыханно! Я не могу терпеть больше в своем доме грубиянку! Вон! Сейчас же вон! [Воспользоваться отсутствием лорда, чтобы безнаказанно оскорблять меня в моем доме! О, ваше величество, извольте хоть вы унять ее!

КИРИ (*Бетси*). Как вы смеете! Молчать! (*Тихо ей.*) Ну и дура! Нужно было слушаться меня. (*Вслух.*) Ай-ай-ай!..

БЕТСИ. Как, вы гоните меня?

ЛЕДИ. Да, немедленно потрудитесь оставить мой дом!

БЕТСИ. Ах так? Вот и награда за верную службу в течение пяти лет... за вставание ночью на звонки... за прически и подшивания подолов, за... бесчисленные капризы и сцены с фальшивыми истериками...

ЛЕДИ. Как? Фальшивые истерики?.. Ваше величество, вы слышите!

КИРИ (*вслух*). Бетси! Как вы смеете! Ужас, ужас, ужас! (*Тихо ей.*) Дура, дура, дура!

БЕТСИ. Я не хочу вас слушать, низкий человек!

ЛЕДИ.] Вот ваш паспорт. Вам следует десять шиллингов. За разбитую чашку я вычитаю с вас десять шиллингов. Следовательно, вам причитается... Сэр, сколько ей причитается?

КИРИ. Сию минуту. Ноль из нуля — ноль. Единица из единицы — ноль... Ноль плюс ноль — ноль. [Следовательно, два ноля.] Ничего ей не причитается, леди.

[ЛЕДИ. Да. Прошу вас уложить ваши вещи и покинуть замок.

КИРИ. И вы не привлекаете ее к ответственности за разбитую чашку, сударыня?

ЛЕДИ. Нет. Великодушием хочу я заплатить ей за ее поступок.

КИРИ. Ангельское сердце! (*Тихо Бетси.*) Идиотка! Нужно было меня поцеловать.

БЕТСИ (*тихо с чувством*). Мерзавец!]

ЛЕДИ. Вон!

БЕТСИ. Спасибо. Спасибо.

[ЛЕДИ. Молчи!

ПОПУГАЙ. Молчу... Молчу...

Бетси] *выходит рыдая.*

[КИРИ. Хе... хе... хе... очень здорово!.. Как вы это...

ЛЕДИ. Так, так, так... Теперь мне очень бы хотелось поговорить с вами, сэр...

КИРИ (*тихо*). Ну, я пропал! Же сюи пердю! (*Вслух.*) О чем же?.. С удовольствием. Кхе... кхе...

ЛЕДИ. Не потрудитесь ли вы объяснить мне, что означала эта маленькая мизансцена, которую я застала?

КИРИ. Я же докладывал, леди... чашечка... вот видите, осколочки... ужас, ужас, ужас...

ПОПУГАЙ (*гнусаво*). Если ты меня не поцелуешь сейчас, дорогая Бетси...

ЛЕДИ. Ах, ах, ах!.. Спасибо, попугай, спасибо, верный друг! (*Снимает туфлю и бьет ею по щеке Кири.*) Вот вам, гнусный юбочник!

КИРИ. Так, распишитесь в получении! То-то я во сне сегодня карты видел, верная примета к мордобою. Милая леди, чертова птица врет.

ЛЕДИ. О нет. Мой попочка никогда не врет. (*Бьет его по другой щеке.*)

КИРИ (*про себя*). Ах, я говорил тебе, Кири, не связывайся с ледями!.. (*Вслух.*) ...Леди, опомнитесь! Ужас, ужас, ужас!

ЛЕДИ. Вы забыли, очевидно, какую жертву я, жена лорда Эдварда Гленарвана, принесла вам, мерзкому простому дикарю! Ведь вы же дикарь!

КИРИ. Форменный дикарь.

ЛЕДИ. Ах, я несчастная! Я, забыв стыд, вверила свою честь этому бабнику и донжуану, я изменила своему мужу!

КИРИ. Леди, дорогая, умоляю вас! Лорд может сейчас вернуться. (*Тихо.*) То-то сегодня тринадцатое число. Быть скандалу!

ЛЕДИ. Я вручила нежный цвет моей любви...

КИРИ. Услышит кто-нибудь. Тише! Бейте меня лучше, только не по глазу каблуком. Умоляю!

ЛЕДИ. Что вы нашли в ней? Что?

КИРИ. Действительно! Что я в ней нашел? (*Искусственно хихикая.*) Комично прямо!.. Вот сюда, сюда, по щеке, но только не по зубам... Мерси. У вас железная рука, леди.

ЛЕДИ. Вульгарные, красные щеки! Вздернутый нос!

КИРИ. Ужас, ужас, ужас! Да! Кровь стынет в жилах при взгляде на ее отвратительную физиономию, а вы говорите – целоваться. (*Тихо.*) Ну нет! Довольно! Арапки, они проще. Ту сам скорее поколотишь под горячую руку! (*Вслух.*) Обожаемая моя! Очарование мое! Это лукавый попутал меня, клянусь вам в этом всеми святыми.

ЛЕДИ. О, негодяй.

КИРИ. Услышат! Леди! (*Падая на колени.*) Леди, уверяю вас, что с этого момента я никогда не взгляну даже на другую женщину.

ЛЕДИ. Клянитесь.

КИРИ. Чтоб мне не дождаться светлого дня возвращения на мой царственный трон на острове, чтоб мне не сойти... (*Тихо.*) Вот сейчас войдет кто-нибудь, будет тогда номер.

ЛЕДИ. Поцелуй меня, негодяй.

КИРИ. С наслаждением, леди. Но только лучше, может быть, в другой раз. Я боюсь, что кто-нибудь может войти сюда...

ЛЕДИ. Еще раз. Еще... (*Кири целует.*)

Дверь открывается, и входит лорд и Паганель.

ПАГАНЕЛЬ. О!

ЛОРД. Леди?

КИРИ. Ну, налетели. Я так и знал... На чем, бишь, я остановился?.. ...да, я хотел заметить... А кто его знает, что я хотел заметить... да. Что? Будет мне сейчас, кажется...

ЛОРД. Вот что, Василий Артурыч... я попрошу вас вычеркнуть эту сцену... Хе-хе... да... мне эта сцена не нравится...

КИРИ. Да, дорогой лорд, клянусь вам, что вам показалось...

ЛОРД. Виноват, Василий Артурович, вы меня не расслышали... я прошу снять эту сцену...

КИРИ. Но почему же, Геннадий Панфилыч... любовная интрига в пьесе...

ЛОРД. Что говорить... оно талантливо сделано, только, знаете... Савва Лукич... он старик строгий... прицепится – порнография... он лют на порнографию...

КИРИ. Ну, если так... (*Вытаскивает тетрадь.*)

ЛЕДИ. По-моему, Геннадий, ты ошибаешься. Это одна из лучших сцен... в пьесе...

ЛОРД. Я знаю, леди... тьфу, Лида... что, по-твоему, лучшая сцена у тебя везде, когда целуются... Театр, матушка, это храм... я не допущу у себя «Зойкиной квартиры»!

ЛЕДИ. Уд-дивляюсь...

ПАГАНЕЛЬ (*интимно – Кири*). Геннадий ревнив как черт! Вы не удивляйтесь.

ЛОРД. Не спорьте, леди.

ЛЕДИ. Не понимаю... (*Вычеркивает в тетради. Интимно – Кири.*) Не расстраивайтесь, милый автор, ваша пьеса прелестная, и я уверена, что поцелуи не уйдут от вас, хотя, быть может, и не на сцене... (*Делает глазки.*)

КИРИ. К-хем...

СУФЛЕР (*из будки*). Марать, Геннадий Панфилыч?

ЛОРД. Марай. Прошу продолжать.

СУФЛЕР. Откуда?

ЛОРД. С прекрасной погоды.]

Входят Паганель, лорд и Гаттерас.

СУФЛЕР (*зычно*). Прекрасная погода.

К стр. 330

ТОХОНГА. Хватит.

[ЛИККИ. Так. Ну, а ты подумал о том риске, которому ты подвергаешься, оказавшись в открытом море с женщиной, которая умеет только гладить юбки? Ну, а если начнется шторм? Буря? А если не хватит топлива? А погоня – как ты будешь отбиваться в компании с юной особой, которая всю жизнь только плоила чепцы?

ТОХОНГА. Так, Ликки, ты прав. Но к чему ты ведешь свою речь?]

ЛИККИ. [К тому, что] ты свинья!

К стр. 334

САВВА. Так... так... Сразу видно... сразу... Ну, что же... продолжайте, пожалуйста.

[ЛОРД. Чайку, может быть, Савва Лукич?

САВВА. Нет, уж зачем, в антракте лучше...]

ЛОРД. Слушаю. Позвольте вам вручить экземплярик пьески...

САВВА. Какая прелесть! Попугай?

ЛОРД. Специально для этой пьесы заказал, Савва Лукич.

САВВА. И дорого дали?
ЛОРД. ...Семьсот... пятьсот пятьдесят рублей, Савва Лукич, говорящий. [Ни в одном театре нету, а у нас говорящий.] Ни в одном театре нету, а у нас есть!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

К стр. 336

Остров. Бывший вигвам Кири украшен красным флагом. Кай-Кум, Фарра-Тете и туземцы всматриваются в открытое море.

[1-й ТУЗЕМЕЦ (*выбегает*). На горизонте судно! Судно! Товарищи! Кай-Кум! Фарра-Тете! Судно!
КАЙ (*выбегает из вигвама*). Где судно? Да, действительно...
ФАРРА. Судно. Европейское. Это не пирога.
2-й ТУЗЕМЕЦ. Уж не враги ли? Быть может, это англичанин за жемчугом?
ФАРРА. Возможно. Ну, вот что, друг, созывай сюда туземных воинов. Мало ли что может случиться.
2-й ТУЗЕМЕЦ. Эй! Все сюда!

Начинают сбегаться туземцы.

КАЙ. Не пойму я что-то... Это не может быть корабль лорда. Уж больно мал!
ТУЗЕМЕЦ. Корабль! Корабль!
ФАРРА. Друзья! Возможно, что на корабле этом враги... Мало ли что принесет нам коварное море... Оружие в порядке ли у вас?
ТУЗЕМЦЫ. О, Фарра! Мы готовы!
КАЙ. Ничего не понимаю. Какие-то узлы, а сверху женщина сидит.
ТУЗЕМЦЫ (*теснясь*). Да, это женщина! Женщина!
КАЙ. Белая...]
3-й ТУЗЕМЕЦ. Если бы я не знал, что Ликки-Тикки сейчас в Европе 〈...〉

К стр. 336

КАЙ. Аминь. Аминь. Но в чем же дело? Отвечай без лукавства.
[ЛИККИ. Я способен выбить человеку зубы, но на лукавство я никогда не пускался. Это могут подтвердить... все.
3-й ТУЗЕМЕЦ. Это верно.]
ЛИККИ. Итак, он умер. 〈...〉

К стр. 337

ЛИККИ. Ну что ты придираешься? У меня такая привычка. [Я слишком стар, чтобы в пять минут переменить свой характер. Не будь слишком придирчив.
КАЙ. Это верно. Это верно.]
ЛИККИ. Пойми 〈...〉

К стр. 340

ЛИККИ. Слушайте вы, европейцы! 〈...〉 Кай, скажи им!
КАЙ. Слушайте, европейцы! [Попытка покорить остров при помощи обманутых и ослепленных арапов потерпела полную неудачу. Арапы сдались нам на милость победителей. Они прощены и вошли

в наше войско. И вот перед вами сплоченный, честный народ, который будет защищать свое отечество, жизнь и свободу!

ТУЗЕМЦЫ (*громко*). Верно, верно, Кай!]

КАЙ. Ваши попытки завоевать остров ни к чему не приведут ⟨...⟩

К стр. 340

ФАРРА. Если сию минуту вы не оставите остров, мы дадим залп по вас, и вам не помогут никакие дальнобойные пушки... [Быть может, вы убьете некоторых из нас, но корабль ваш будет отравлен. В ваших телах вы перенесете заразу в далекую Европу, и, полыхая, как пожар, охватит она ее от края и до края. Мы ждем одну минуту...]

ГАТТЕРАС. Ко псам этот поход! Я думал воевать со стрелами и бомбами, а не с чумой.

[ПАГАНЕЛЬ. Да, вы правы. Отступаюсь от всего. К черту жемчуг и сомнительные прибыли.]

ПАСПАРТУ. Мсье! Черти разложили команду. Она волнуется... [Еще одна минута – и вспыхнет бунт. Позвольте подать совет: нам нужно возвращаться в Европу. Матросы не хотят воевать с туземцами.]

ПАГАНЕЛЬ. Капитан, домой!

ЭПИЛОГ

К стр. 344

ЛОРД. На польском фронте контужен в голову ⟨...⟩ Скажите, в чем дело?.. [Нет непоправимых вещей на свете!.. Нет!

САВВА. Сменовеховская пьеса.]

ЛОРД. Савва Лукич! Побойтесь бо... что это я говорю... Побойтесь... а кого, неизвестно... никого не бойтесь... [Сменовеховская пьеса?] В моем театре?

[СИЗИ (*входит*). Уложили... снизу подушку, сверху валерианку... С ним Лидия Иванна.

ЛОРД. Одна?

СИЗИ. Да не бойся ты, Аделаида там.

ЛОРД. Савва Лукич! В моем храме! Ха-ха-ха... Да ко мне явился автор намедни!.. «Дни Турбиных», изволите ли видеть, предлагал! Как вам это нравится? Да я, когда просмотрел эту вещь, у меня сердце забилось... от негодования. Как, говорю, кому вы это принесли?..

СИЗИ. Совершеннейшая правда. Я был при этом. Почему вы принесли?.. Где вы принесли?.. Откуда принесли?..

ЛОРД. Анемподист?!

СИЗИ. Молчу. (*Тихо.*) А сам ему тысячу рублей предлагал.]

ЛОРД. Савва Лукич! В чем дело? ⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

БРЧ — Библиотека репертуарной части. Музей МХАТа СССР им. М. Горького (Москва).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Рукописный отдел (Ленинград).

Музей МХАТа — Музей МХАТа. Отдел рукописных фондов и книжных коллекций.

Музей Театра Вахтангова — Музей Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Альбом I — Альбом по истории постановки «Дней Турбиных», I, 1925—1927.— ИРЛИ, ф. 363, № 75.

Альбом II — Альбом по истории постановки «Дней Турбиных», II, 1927—1935.— ИРЛИ, ф. 369, № 77.

Альбом фотографий — Альбом по истории постановки «Дней Турбиных» (фотографии).— ИРЛИ, ф. 369, № 76.

Журнал протоколов — Журнал протоколов репетиций. Музей МХАТа. РУ (Режиссерское управление), № 46.

У чужого порога — *Белозерская Л. Е.* У чужого порога. Записки эмигрантки. Рукопись. Личн. архив Л. Е. Белозерской.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Белозерская — *Белозерская-Булгакова Л. Е.* О, мед воспоминаний... Ann Arbor, 1979.

Василевский — *Василевский (Не-Буква) И.* Белые мемуары. Пг.; М., 1923.

Воспоминания — Воспоминания о Михаиле Булгакове. Сост. Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес. М., 1988.

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1972—1988.

Гудкова — *Гудкова В.* Судьба пьесы «Бег».— В кн.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987.

Жизнеописание — *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.

Зоркая — *Зоркая Н.* Алексей Попов. М., 1983.

Избр. проза — *Булгаков М.* Избранная проза. М., 1966.

Избранное — *Булгаков М.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973.

Крым в 1920 г. — *Слащов Я.* Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1924.

Марков — *Марков П. А.* В Художественном театре. Книга завлита. М., 1976.

Милн — *Булгаков М.* Белая гвардия. Пьеса в 4-х действиях. Вторая редакция пьесы «Дни Турбиных». Подготовка текста, предисл. и примеч. Лесли Милн. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 27. Harausgegeben V. W. Kasack.) München, 1983.

Неизданный Булгаков — Неизданный Булгаков. Тексты и материалы. Под ред. Э. Проффер. Ann Arbor, 1976.

Немирович-Данченко — *Немирович-Данченко В. И.* Избранные письма. В 2-х т. Т. 2. М., 1979.

Оболенский — *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. Берлин, 1924.

П-55 — *Булгаков М.* Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М., 1955.

Письма — *Булгаков М.* Жизнеописание в документах. Сост. В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989.

Попов — *Попов А. Д.* Творческое наследие. В 3-х кн. Кн. 3. М., 1986.

Программы — Программы государственных академических театров.

Пьесы-86 — *Булгаков М.* Пьесы. М., 1986.

Революция на Украине — Революция на Украине в мемуарах белых. Сост. С. Алексеев. Под ред. Н. П. Попова. М.; Л., 1930.

Репертуарный бюллетень — Репертуарный бюллетень Главискусства РСФСР.

Симонов — Рубен Симонов. Творческое наследие. М., 1981.

Слащов — *Слащов-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма). Константинополь, 1921.

Смелянский — *Смелянский А.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986.

Третьяков — *Третьяков С.* Слышишь, Москва? Противогазы. Рычи, Китай! М., 1966.

Чудакова — *Чудакова М. О.* Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя.— В кн.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 37. М., 1976.

Яновская — *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983.

Bibliography — An Internatinal Bibliography of Works by and about Mikhail Bulgakov. Compiled by E. Proffer. Ann Arbor, 1976.

Proffer — *Proffer E.* Bulgakov, Life and Work. Ann Arbor, 1984.

Wright — *Wright C.-A.* Mikhail Bulgakov. Life and Interpretation. Toronto, 1978.

ПРИМЕЧАНИЯ

В отличие от ранней прозы Булгакова, печатавшейся до 1926 года, его пьесы — даже самые знаменитые, сотни раз сыгранные на сцене и ставшие незабываемым фактом истории советского театра, при жизни автора на его родине в СССР не публиковались.

Первая попытка издания избранных пьес Булгакова была предпринята вскоре после его смерти в 1940 году. В архиве писателя сохранилась корректура сборника из шести пьес, который собиралось выпустить перед войной издательство «Искусство». Однако дальше набора дело не пошло (см.: *Кириленко К. Н.* Театральное наследие М. А. Булгакова в ЦГАЛИ СССР. — В кн.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987, с. 134—143).

7 июля 1946 года вдова писателя, Е. С. Булгакова, обратилась с личным письмом к И. В. Сталину, в котором изложила факты вопиющего равнодушия к судьбе и памяти отлученного от литературы М. А. Булгакова и непростительного небрежения к его литературному и театральному наследству:

«После смерти Булгакова в 1940 году постановлением президиума Союза советских писателей была создана комиссия по литературному наследству Булгакова. Эта комиссия не сделала ничего.

В то же время издательство „Искусство" включило в свой план издание сборника шести пьес („Дни Турбиных", „Бег", „Мольер", „Иван Васильевич", „Пушкин" и „Дон Кихот"), но в дальнейшем издательство вычеркивало последовательно по пьесе, так что остался нетронутым один „Дон Кихот", и сборник не вышел.

„Дни Турбиных", пьеса, в которой впервые проявились блестящие таланты советского поколения мхатовских актеров, сыгравшая огромную роль в истории Художественного театра, прошедшая во МХАТе около тысячи раз, — снята и не разрешается к возобновлению.

⟨...⟩ МХАТ дважды начинал репетировать „Бег", и дважды репетиции запрещались в середине работы. ⟨...⟩

Из всего его литературного наследства:

четырнадцать пьес,

романы, повести, рассказы, оперные либретто,

наброски и подготовительная работа для учебника истории СССР — не печатается ничего, а на сцене идут: пьеса „Последние дни" („Пушкин") и инсценировка „Мертвые души", но в одном только Художественном театре, причем спектакль о Пушкине театр не имеет права ставить по субботам и воскресеньям и более двух-трех раз в месяц.

Булгаков не держал в руках гранок 15 лет, с 1926 года по день смерти...» (*Письма*, с. 545—546).

Обращенное к нему письмо Сталин оставил без внимания, и до конца его дней ни одной строки Булгакова в нашей стране не было напечатано.

Первые советские издания драматургии Булгакова относятся к середине 1950-х — началу 1960-х годов. Именно тогда, накануне и после XX съезда КПСС, в условиях, когда пробуждалась общественная мысль и вновь заняли принадлежащее им по праву место крупные литературные имена, сборники избранных пьес Булгакова стали настоящим открытием и для современного театра, и для читателей многих стран.

Перечислим эти издания, которые постепенно вводили драматургию Булгакова в современный читательский и сценический обиход:

Дни Турбиных. — Последние дни (А. С. Пушкин). М., Искусство, 1955;

Пьесы [Дни Турбиных.— Бег.— Кабала святош.— Последние дни.— Дон Кихот]. Вступ. статья П. Маркова, примеч. К. Рудницкого. М., Искусство, 1962;

Драмы и комедии [Дни Турбиных.— Бег.— Кабала святош.— Полоумный Журден.— Последние дни.— Иван Васильевич.— Дон Кихот]. Вступ. статья В. Каверина, примеч. К. Рудницкого. М., Искусство, 1965.

Статьи и воспоминания К. Паустовского, П. Маркова, С. Ермолинского, В. Каверина, исследования К. Рудницкого, С. Владимирова, В. Сахновского-Панкеева, В. Смирновой, Я. Лурье, Ю. Бабичевой, А. Смелянского, М. Чудаковой и других очертили общие контуры драматургии и театра Булгакова и, по существу, заложили основы современного научного изучения его театрального наследия (подробнее об этом см.: *Нинов А.* О драматургии и театре Михаила Булгакова. Итоги и перспективы изучения.— Вопр. литературы, 1986, № 9, с. 84—111).

С конца 1960-х годов творчество Булгакова, включая его драматургию, активно изучалось за рубежом: вышли в свет книги Э. Баццарелли, Р. Джулиани, М. Йовановича, Д. Куртис, Э. Проффер, К. Райта, К. Сахни и других.

По инициативе директора Института восточноевропейских языков и литератур Миланского университета профессора Э. Баццарелли в 1984 году в Италии состоялся первый международный симпозиум по творчеству Булгакова. Материалы этого научного симпозиума изданы в двух книгах: Atti del convegno «Michail Bulgakow» (Gargnano del Garda, 17—22 settembre 1984). A cura di E. Bazzarelli e Y. Křesalkova. Milano, 1986.

За три десятилетия, прошедшие после 1955 года, Булгаков стал одним из наиболее репертуарных драматургов в нашей стране и за рубежом; его пьесы, инсценировки романа «Мастер и Маргарита», повести «Собачье сердце» и других произведений не сходят со сцен многих театров мира. Возродившийся театр Булгакова — феномен художественной культуры последней трети XX века, и в этом качестве он заслуживает самого внимательного анализа и оценки специалистов.

Однако, при всем значении первых изданий булгаковских пьес, они не полны по составу, а их тексты печатались без необходимой проверки и анализа машинописных редакций и авторских рукописей, сохранившихся в фондах ГБЛ, ИРЛИ, ЦГАЛИ, Музея МХАТа, Музея Театра им. Евг. Вахтангова и других архивохранилищ страны.

Практически все пьесы Булгакова имеют по нескольку авторских редакций, отраженных в разных рукописных и машинописных экземплярах, как правленых, так и беловых. «Дни Турбиных», «Бег», «Зойкина квартира», «Кабала святош», «Александр Пушкин» прошли путь многолетних авторских переработок, поправок, сокращений и дополнений. В ряде случаев правка была вынужденной — она диктовалась требованиями театров и реперткома, при том что Булгаков всегда стремился сделать более сжатым, совершенным и выразительным свое произведение для сцены.

У современных публикаторов драматургии Булгакова нет, к сожалению, обычной и самой главной опоры — *печатной авторской редакции произведения,* хотя бы единственной, по отношению к которой можно было бы рассмотреть и проанализировать наличный рукописный материал. В работе над пьесами Булгаков руководствовался прежде всего театральными мотивами, то есть обстоятельствами их постановки на сцене, всегда очень тяжелыми. Этим и определяются многие особенности текста.

Выбор оптимальной авторской редакции — того, что текстологи называют каноническим текстом произведения,— в этих условиях задача чрезвычайно трудная, а в ряде случаев и не имеющая единственного бесспорного решения. Текстология каждой пьесы оказывается специальной проблемой, не решаемой по общему шаблону. Тут требуется всесторонний конкретный анализ ситуации, в которой находился автор, переделывая свое произведение для возможной постановки на сцене.

Между тем после публикации романа «Мастер и Маргарита», принесшего Булгакову всемирную посмертную славу, возможности научного изучения его рукописного наследия становились с годами не лучше, а хуже. При несомненном количественном и качественном росте общих исследований творчества Булгакова в нашей стране и за рубежом задачи публикационного плана до последнего времени или не решались совсем, или же решались поверхностно. Достаточно сказать, что ряд законченных произведений Булгакова и после 1965 года на протяжении двух десятилетий продолжал оставаться под спудом («Зойкина квартира», «Багровый остров», «Адам и Ева», «Батум», инсценировка «Мертвых душ» и другие). Зарубежные издания некоторых из этих пьес основывались на случайных машинописных копиях, вывезенных из СССР. Многочисленные ошибки и искажения текстов были предопределены отсутствием необходи-

мой проверки при публикации. К числу таких изданий относится, например, сборник: Михаил Булгаков. Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира. Пьесы. Paris, YMCA-press, 1971.

Без должной текстологической подготовки осуществлено и наиболее полное советское издание драматургических произведений Булгакова, составленное Л. Е. Белозерской и И. Ю. Ковалевой: Пьесы. М., Советский писатель, 1986 (вступ. статья В. В. Новикова). Это издание суммирует прежние публикации булгаковских пьес в нашей печати с добавлением одного из вариантов инсценировки «Мертвых душ» (по автографу Музея МХАТа) и инсценировки «Войны и мира» (по автографу ИРЛИ). Пьеса «Зойкина квартира» опубликована там в поздней сокращенной редакции 1935 года, напечатанной до того в альманахе «Современная драматургия» (1982, № 2, публикация В. Гудковой), а пьеса «Блаженство» — по тексту журнала «Звезда Востока» (1966, № 7, публикация В. Сахновского-Панкеева).

Примечательна оговорка составителей: «Не получив доступа к большей части автографов пьес из архива Булгакова (РО ГБЛ), мы не имели возможности сверить тексты с оригиналами и поэтому воспользовались уже имеющимися публикациями» (*Пьесы-86*, с. 651). Ввиду невозможности архивной сверки ошибки и изъяны прежних публикаций автоматически перешли и в недавнее отечественное издание булгаковских пьес...

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой опыт научной публикации пьес Булгакова 1920-х годов. Это первый том готовящегося к выпуску «Театрального наследия» писателя. В книге публикуются: «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег» и «Багровый остров». Впервые демонстрируются основные редакции и варианты текста, возникшие в процессе авторской работы и сотрудничества драматурга с Московским Художественным театром, Театром им. Евг. Вахтангова и Московским Камерным театром.

Текстологический анализ существующих экземпляров позволил восстановить авторский текст, исключить в одних случаях изменения, внесенные на репетициях спектаклей и под давлением реперткома, в других — учесть авторскую правку и сокращения. Поэтому пьесы печатаются в пересмотренных редакциях и текст в ряде случаев значительно отличается от публиковавшегося ранее.

Впервые советский читатель знакомится с пьесой «Белая гвардия», предшествовавшей «Дням Турбиных», с ранним вариантом «Зойкиной квартиры» (1925—1926), сохранившим первоначально предложенную М. А. Булгаковым четырехактную структуру пьесы, с переработанным им текстом «Зойкиной квартиры» в трех актах (1926) и ранней редакцией пьесы «Бег» (1928).

Хотя «Дни Турбиных» возникли на основе романа и последующей одноименной инсценировки «Белой гвардии», редакции этих сценических композиций столь несхожи, что могут рассматриваться как самостоятельные произведения. Соответственно с этим обе пьесы печатаются в основном корпусе книги.

Пьеса «Белая гвардия» публикуется по исправленному авторскому экземпляру рукописи, принятому для постановки МХАТом в октябре 1925 года. В разделе «Другие редакции и варианты» помещены фрагменты первоначальной редакции пьесы, исключенные автором из текста перед первым распределением ролей до января 1926 года. В этом же разделе помещен фрагмент IV акта второй редакции «Белой гвардии», над которой Булгаков работал с января по май — июнь 1926 года.

Пьеса «Дни Турбиных» публикуется по тексту, подготовленному Булгаковым к печати в конце 1920-х годов. Этот текст хранился в архиве писателя до его смерти и был предложен Е. С. Булгаковой для неизданных сборников пьес в 1940 и 1953 годах.

Однако текст первого советского издания «Дней Турбиных» в книге 1955 года (повторенный затем во всех последующих сборниках пьес, включая издание 1986 года) печатался, со значительными изменениями, по суфлерскому экземпляру МХАТа и не может считаться вполне аутентичным авторскому тексту. Этот ошибочный выбор основного текста «Дней Турбиных» исправляется в настоящем издании.

В разделе «Другие редакции и варианты» публикуются отрывки из первоначального варианта IV акта пьесы и финал, замененный 6 октября 1926 года другим текстом, вошедшим в основную редакцию «Дней Турбиных».

Впервые в СССР публикуется полная редакция пьесы «Зойкина квартира», предложенная автором Театру им. Евг. Вахтангова (разрешение Главреперткома 21 октября 1926 года). Здесь же, в основном корпусе книги, на правах самостоятельного текста

помещена вторая редакция «Зойкиной квартиры», специально сокращенная и переработанная Булгаковым в 1935 году для постановки парижского театра «Старая голубятня». Перед нами, по существу, две разные авторские версии одной пьесы, имеющие равное право на внимание со стороны читателей и театров.

В разделе «Другие редакции и варианты» впервые печатается самый ранний текст «Зойкиной квартиры» (1925—1926) — неполный экземпляр помощника режиссера, включающий два действия пьесы, которые соответствуют II, III и IV актам первоначальной авторской композиции. В этом же разделе публикуются фрагменты текста «Зойкиной квартиры» с поправками, внесенными во время репетиций в Вахтанговском театре, в том числе вариант финала, использованный впоследствии автором в редакции пьесы 1935 года.

В настоящем издании существенно пересмотрена публиковавшаяся до сих пор редакция пьесы «Бег». Текст пьесы, законченный и представленный на рассмотрение Главреперткома в 1928 году, печатается по исправленному авторскому экземпляру 1937 года с новым финалом, который Булгаков считал предпочтительным (подробнее см. в примеч. к пьесе).

В разделе «Другие редакции и варианты» публикуется ранняя редакция «Бега» 1926—1928 годов. Авторские сокращения, сделанные в этом варианте, сохранены в тексте и заключены в квадратные скобки. Некоторые из вычеркнутых реплик не повторяются в других редакциях «Бега».

В этом же разделе публикуются переделки двух сцен и финала «Бега», выполненные Булгаковым по договору со МХАТом в 1933 году. Здесь же печатается вариант финала «Бега» с надписью рукой Булгакова: «Окончательный вариант. 9 ноября 1934 г.». В качестве варианта публикуется финал «Бега» 1937 года, печатавшийся до сих пор в основном тексте пьесы.

Пьеса «Багровый остров» впервые дается по сокращенному и исправленному автором экземпляру Московского Камерного театра; эта единственная авторизованная редакция пьесы легла в основу спектакля, поставленного на сцене в декабре 1928 года.

В разделе «Другие редакции и варианты» печатается фельетон Булгакова «Багровый остров», опубликованный в газете «Накануне» (20 апреля 1924 года) и использованный автором при написании пьесы. Здесь же публикуются основные разночтения и купюры, возникшие в результате авторских сокращений и редакционной правки пьесы по экземпляру, представленному в Камерный театр в марте 1927 года.

Черновые и беловые автографы пьес Булгакова 1920-х годов в его архиве отсутствуют. Только начиная с «Кабалы святош» (1929) Булгаков стал сохранять рукописные списки пьес, им созданных. Подготовка данного издания проведена по авторизованным машинописным экземплярам из архива писателя и других архивных фондов.

При публикации пьесы пропущенные в машинописи отдельные слова, предлоги и другие элементы текста восстановлены по смыслу и даются в косых скобках. Например: «...я /лицо/ должностное...»

В других редакциях и вариантах, проясняющих историю создания каждой пьесы, сокращенные части текста восстановлены и заключены в квадратные скобки. Например: «Все на моих плечах, все на меня валится!.. [Народный!.. Пьяница он международный!]».

Вставки в текст пьесы, не принадлежащие Булгакову, обозначены полужирным шрифтом; режиссерские сокращения — двойными косыми чертами — //.

Редакционные сокращения, сделанные в тексте пьес, писем или других документов, отмечены отточием в угловых скобках — 〈...〉.

Разночтения на уровне коротких реплик и отдельных слов, пунктуации, технического оформления ремарок и т. п. не оговариваются.

Проведена частичная унификация имен собственных, географических названий, иностранных слов.

В пьесах Булгакова встречаются фразы на немецком, французском, английском, а иногда (как, например, в «Беге») сразу на нескольких языках, включая латинский, греческий, армянский и турецкий. Встречаются также иноязычные выражения, которые автор воспроизводит в русской транскрипции. В этих случаях русская транскрипция заменяется под строкой языком оригинала и сопровождается переводом. В «Днях Турбиных» подстрочный перевод принадлежит М. Булгакову; во всех остальных пьесах — перевод редакционный. Если иностранные слова и фразы в речах действующих лиц сразу же дублируются текстом на русском языке, то подстрочный перевод их, как пра-

вило, не дается; в подобных случаях русская транскрипция на языке оригинала также не воспроизводится.

Если персонажи говорят на ломаном русском языке (как, например, фон Дуст и фон Шратт в «Днях Турбиных» или китайцы в «Зойкиной квартире»), то всюду сохраняется авторское написание без унификации.

Настоящее издание не является академическим. Поэтому далеко не все разночтения между редакциями приводятся полностью и общая картина движения текста каждой пьесы от первой редакции к последней не может считаться исчерпывающей.

Все указания на архивные источники, подробные обоснования выбора публикуемых редакций и вариантов приводятся в комментариях к каждой пьесе. Там же даются основные сведения историко-литературного, театроведческого и справочного характера.

Учитывая большие различия в творческой и сценической истории каждой пьесы, авторы сохраняли индивидуальный подход к ним в комментариях.

Подготовка текстов и примечания выполнены: Я. С. Лурье – «Белая гвардия» и «Дни Турбиных», В. В. Гудковой – «Зойкина квартира» и «Бег», А. А. Ниновым – «Багровый остров» и вводная часть к примечаниям.

Начатая публикация «Театрального наследия» Булгакова рассчитана на ряд книг.

Во второй книге будут опубликованы пьесы Булгакова 1930-х годов: «Кабала святош» («Мольер»), «Адам и Ева», «Полоумный Журден», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Александр Пушкин», «Батум», а также булгаковский перевод пьесы Мольера «Скупой».

В третьей книге объединяются драматические переложения и инсценировки, созданные Булгаковым по произведениям мировой прозы: «Мертвые души», «Похождения Чичикова, или Мертвые души» – кинопоэма по Н. В. Гоголю, «Война и мир» по роману Л. Н. Толстого, «Дон Кихот» по роману Сервантеса. В этой же книге будут опубликованы оперные либретто Булгакова: «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море», «Рашель».

Четвертую книгу составит «театральная» проза Булгакова: «Тайному Другу», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман», некоторые фельетоны из газет «Гудок» и «Накануне», а также заметки, статьи, выступления и избранные письма, затрагивающие вопросы драматургии и театра.

Все издание, приуроченное к 100-летию со дня рождения М. А. Булгакова, планируется к выпуску на 1989–1994 годы.

«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Пьесу «Белая гвардия», переработанную затем в «Дни Турбиных», М. А. Булгаков начал писать в январе 1925 года, а завершил (согласно его указанию на сохранившемся авторском машинописном тексте) в июне – сентябре того же года. В ее основе лежал роман «Белая гвардия», опубликованный (без окончания) в конце 1924 – начале 1925 года в номерах 4 и 5 журнала «Россия». Следующий номер, с окончанием романа, не вышел в свет, но его журнальная версия, уцелевшая в корректуре, была недавно обнаружена и опубликована М. О. Чудаковой (Новый мир, 1987, № 2, с. 150–163).

Дошедшие до нас машинописные экземпляры пьесы «Белая гвардия» – «Дни Турбиных» (рукописи не сохранились) могут быть разделены на три редакции (имеющие отдельные варианты), которые четко различаются и по сюжетному построению, и по объему. В 1-й редакции, как и в романе, Алексей Турбин – врач, раненный, но не убитый петлюровцами, действует и в последнем акте пьесы; во 2-й и 3-й редакциях Алексей – полковник, образ которого обнаруживает черты трех разных персонажей 1-й редакции в двух ее вариантах: врача Алексея Турбина, полковника Малышева и полковника Най-Турса. В 1-й редакции пять актов, во 2-й и 3-й – четыре. 1-я и 2-я редакции пьесы имеют название «Белая гвардия», 3-я – «Дни Турбиных».

Чтобы сделать ясными композиционные изменения, сравним состав трех редакций пьесы:

«Белая гвардия», 1-я ред.	«Белая гвардия», 2-я ред.	«Дни Турбиных»
Акт I	Акт I	Акт I
Карт. 1-я — квартира Турбиных	Карт. 1-я — квартира Турбиных	Карт. 1-я — квартира Турбиных
Карт. 2-я — квартира Василисы	Карт. 2-я — квартира Василисы	Карт. 2-я — квартира Турбиных
Карт. 3-я — квартира Турбиных	Карт. 3-я — квартира Турбиных	
Акт II	Акт II	Акт II
Карт. 1-я — кошмар Алексея; штаб 1-й конной дивизии	Карт. 1-я — вестибюль гимназии	Карт. 1-я — кабинет гетмана
Карт. 2-я — вестибюль гимназии	Карт. 2-я — штаб 1-й конной дивизии	Карт. 2-я — штаб 1-й конной дивизии
Карт. 3-я — кабинет гетмана	Карт. 3-я — кабинет гетмана	
Акт III	Акт III	Акт III
Карт. 1-я — вестибюль гимназии	Карт. 1-я — вестибюль гимназии	Карт. 1-я — вестибюль гимназии
Карт. 2-я — вестибюль гимназии	Карт. 2-я — квартира Турбиных	Карт. 2-я — квартира Турбиных
	Карт. 3-я — квартира Василисы	
Акт IV	Акт IV	Акт IV
Карт. 1-я — квартира Турбиных	Квартира Турбиных	Квартира Турбиных
Карт. 2-я — квартира Турбиных		
Карт. 3-я — квартира Василисы		
Акт V		
Карт. 1-я (в рукописи — 2-я) — квартира Турбиных		

1

В настоящем комментарии рассматриваются тексты двух редакций «Белой гвардии» — 1-й и 2-й. Источниками публикации служат машинописные экземпляры, частично сохранившие авторскую правку:

1) Пьеса в 5-ти актах — ИРЛИ, ф. 369, № 1.

Машинописный экземпляр на полулистах со значительной авторской правкой и датой «Июль — сентябрь 1925 г.» (БГ-I). Аутентичность этого экземпляра, по сведениям Э. Проффер, была подтверждена записью, сделанной поперек текста, на титульном листе в другом списке (ныне находящемся в ГБЛ) той же редакции: «Авторский экземпляр с правкой — в Пушкинском доме» (*Proffer*, p. 42). Но в ГБЛ этот титульный лист в указанном списке отсутствует (ф. 562, к. 11, ед. хр. 3). Список БГ-I положен в основу настоящего издания.

2) Пьеса в 5-ти актах — БРЧ, № 832, папка «Авторские экземпляры», 1-я редакция. Машинописная копия на полулистах (М-I), очевидно, того же экземпляра, что и в ИРЛИ, судя по совпадающим опечаткам и поправкам, большинство которых идентично поправкам в БГ-I. Некоторые поправки, сделанные от руки в БГ-I (например, реплики Алексея и Студзинского в конце 2-й картины II акта, внесенные в БГ-I карандашом; начало «Вещего Олега», написанное и зачеркнутое в начале 1-й картины III акта; конец разговора Малышева с Турбиным), в М-I отсутствуют.

3) Пьеса в 4-х актах – ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 3.

Позднейшая машинописная копия обычного формата с исправлением опечаток (БГ-II). Исправления сделаны, по-видимому, рукой Е. С. Булгаковой. Тексты, вычеркнутые в БГ-1 и М-1, чаще всего восстановлены, но это не первоначальная версия, ибо в ряде случаев поправки БГ-1 здесь учтены.

Существование 2-й редакции «Белой гвардии» первоначально было установлено по ее немецкому переводу (*Bulgakow M.* Die Tage der Geschwister Turbin. Die Weisse Garde. Autorisierte Übersetzung von Käte Rosenberg. Berlin, 1927; см.: *Лурье Я. С., Серман И. З.* От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных».– Русская литература, 1965, № 2, с. 200, примеч. 31). Эта редакция известна по трем спискам.

4) Машинопись на полулистах (М-II) – БРЧ, № 361, «II редакция» (заголовок в рукописи с поправками рукой М. А. Булгакова). В редакции отсутствуют II и III акты.

5) Пьеса в 4-х актах – ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 4. Машинопись на обычных листах; текст написан по старой орфографии (БГ-III). Полный текст, но без титульного листа и списка действующих лиц. Поступила в ГБЛ в 1970 году; возможно, получена Е. С. Булгаковой во время поездки в 1970 году в Париж, откуда она привезла бумаги, хранившиеся у брата писателя Н. А. Булгакова (см.: *Чудакова*, с. 146). Н. А. Булгаков участвовал в организации зарубежной постановки «Белой гвардии» – «Дней Турбиных»: содействовал постановке в лондонском театре «Феникс» (ГБЛ, ф. 562, к. 20, ед. хр. 1, л. 10, 15, 40–62; ИРЛИ, ф. 369, № 15, 32).

6) Пьеса в 4-х актах – БРЧ, № 361, «II редакция» (заголовок в рукописи).

Машинопись на полулистах с поправками рукой М. А. Булгакова и другим почерком (М-III). Полный текст, обнаруженный во время подготовки настоящего издания О. В. Рыковой. В рукописи ряд авторских пометок карандашом, сближающих этот текст с 3-й редакцией: зачеркнуты слова Тальберга о решении «сменить вехи», вписан текст (не булгаковским почерком) о его намерении поехать к Краснову (как в «Днях Турбиных»), «Житомир» исправлено на «Воронеж», «Съемки» заменены «Вещим Олегом», реплика Лариосика о «прологе» передана Николке, заключительная реплика Мышлаевского – Студзинскому.

Полный список той же редакции был обнаружен Л. Милн в не названном ею собрании и опубликован в 1983 году. По словам издательницы, это – полный текст, но без титульного листа и списка действующих лиц (см.: *Милн*, с. 105).

Текст, изданный Л. Милн, близок к БГ-III (где тоже нет титульного листа и списка действующих лиц), хотя исследовательница не отмечает, что он напечатан по старой орфографии. Во всех отличиях БГ-III от М-II текст Милн сходен с БГ-III. В тексте Милн, как и в БГ-II, в последнем акте нет дополнительных реплик Мышлаевского в споре с Николкой и Студзинским; в разговоре с Василисой и Вандой после ухода Тальберга Лариосик говорит, что Тальберг уехал в Воронеж (в М-II – «в Житомир», см. с. 357), и т. д.

2

1-я редакция пьесы «Белая гвардия» наиболее тесно связана с одноименным романом. Но «инсценировкой» романа в точном смысле пьеса не была. Специально для пьесы написаны сцены «Штаб 1-й конной [петлюровской] дивизии», «Кабинет гетмана» и последний, V акт. Некоторые мотивы журнальной версии окончания романа перекликаются с последним актом пьесы (елка в крещенский сочельник, слова Мышлаевского «обложат и выведут в расход»; Булгаков исключил их из текста романа, изданного в Париже и Риге в 1929 году). Заново сочинены диалоги Елены с Тальбергом и Елены с Шервинским (акт I), разговор о портсигаре Шервинского с Мышлаевским (акт III); расширена сравнительно с романом сцена ограбления Василисы. Даже 1-ю редакцию нельзя определять как «фолиант, содержащий шестнадцать сцен и точно следовавший роману» (*Марков*, с. 226). В дошедшем до нас исправленном тексте 1-й редакции 12 картин, и едва ли следует предполагать существование ранней редакции из 16-ти картин, значительно отличающейся от известного нам первого варианта 1-й редакции. Скорее всего, мемуарист, кроме картин, обозначенных автором, именует «сценами» еще эпизоды внутри картин: появление (двукратное) квартиры Василисы внутри картины 3-й акта I; кошмар Алексея в начале картины 1-й акта II – перед петлюровской сценой – и завершение этого кошмара в конце той же картины; возможно,

существовала (или была задумана) еще какая-то сцена в начале акта V, так как содержащаяся в нем единственная картина обозначена как «картина 2-я» (см.: *Яновская*, с. 246; *Proffer*, p. 184, 607–608, n. 1; *Милн*, с. 138–141). И. Я. Судаков упоминает еще две сцены пьесы, которых нет ни в 1-й, ни в последующих редакциях пьесы: молитву Елены и перестрелку на улице (см.: *Судаков И.* Режиссер и автор.– Театр и драматургия, 1934, № 3, с. 37). Если это не ошибка памяти (обе сцены имеются в романе), то сцену молитвы Елены могла содержать не дошедшая до нас 1-я картина акта V.

Определение этой редакции как 1-й условно, так как текст БГ-I и М-I уже обнаруживает два слоя: первоначальный (где действует Най-Турс, есть сцена кошмара и т. д.) и текст, получившийся в результате правки. М. О. Чудакова определяет версию пьесы, переработанную и прочитанную в театре 29 января 1926 года, как «третью редакцию» (*Чудакова*, с. 58). Мы следуем определениям, которые дал сам Булгаков в автобиографических заметках, записанных П. С. Поповым (см.: ГБЛ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 6, л. 1 об.), и именуем версию, сложившуюся к началу 1926 года, «2-й редакцией», а «1-й редакцией» называем текст, представленный в театр в 1925 году (в обоих вариантах – первоначальном и исправленном).

Важно установить, с какой именно редакции начал Художественный театр в 1925 году работу над пьесой. Таким текстом можно считать 1-ю редакцию, дошедшую до нас в машинописи БГ-I и М-I. Именно ее читал Булгаков артистам и Станиславскому, именно ее репертуарно-художественная коллегия обсуждала 14 октября 1925 года и решила, что для постановки пьеса «должна быть коренным образом переработана» (и поставлена в будущем сезоне), а «на Малой сцене может идти после сравнительно небольших переделок» (в нынешнем сезоне). Булгаков согласился лишь «на некоторую переработку пьесы». 16 октября театр принял условия автора (см.: *Альбом I*, л. 2; *Марков*, с. 523–524; *Чудакова*, с. 58; *Яновская*, с. 161). Первоначальное распределение ролей 21 октября исходило из 1-й редакции пьесы: кроме Алексея – Судакова, в числе действующих лиц назван полковник Малышев – Кедров, фигурирующий только в 1-й редакции (см.: *Марков*, с. 227, 524–525).

С театром связана и машинопись 1-й редакции (БГ-I, М-I); текст напечатан, как и текст 2-й редакции, на полулистах – по всей видимости, О. С. Бокшанской (секретарь В. И. Немировича-Данченко, сестра Е. С. Булгаковой), описанной в «Театральном романе» под именем Поликсены Торопецкой. С театром же связана и правка на машинописном экземпляре 1-й редакции. Она (судя особенно по БГ-I) специально отмечена автором и явно предназначена для людей, работающих над текстом пьесы. На заглавном листе синим карандашом надпись: «Исправлено. МБ»; перед актами II, IV, V в БГ-I вложены бумажные листки с надписями: «Исправлены»; реплика Алексея, вписанная в БГ-I на л. 256 (ответ на вопрос Студзинского, будет ли когда-нибудь «Россия – великая держава»,– «Не будет прежней, новая будет»), сопровождается карандашной пометой на обороте предшествующего листа: «Вписанные чернилами слова нужны». Список действующих лиц сопровождается порядковыми номерами (мы не воспроизводим их в издании).

Правка 1-й редакции, сделанная в актах II и IV, исключает сцены кошмара Алексея, начинающие и кончающие «петлюровскую» сцену, и соединяет образы Малышева и Най-Турса в одно лицо. Фрагменты, вычеркнутые в БГ-I, см. в «Других редакциях и вариантах» (с. 351–354).

Сцена кошмара в первоначальном тексте 1-й редакции восходит к краткому эпизоду из романа «Белая гвардия» (где также повторялась фраза, прочитанная Алексеем в «Бесах» Достоевского), но эпизод значительно расширен по сравнению с романом. Кроме того, сцена кошмара напоминает аналогичную сцену в «Братьях Карамазовых», поставленных Художественным театром в 1910 году; рассуждения о «сингалезах» здесь связаны со слухами о французских колониальных войсках, прибывающих в Одессу на помощь белогвардейцам (см. примеч., с. 524). После окончания сцены словами «гармоника гремит, пролетая» (с. 61) в БГ-I опять зачеркнут текст (с. 352–353).

Дальнейшие исправления относятся ко 2-й картине акта II – «Вестибюль Александровской гимназии». Первое из них (связанное с постепенным вытеснением роли Алексея-врача) – в самом начале картины. Сразу за репликами Студзинского и Мышлаевского, показывающего студентам, как держать винтовку, в первоначальном тексте, вычеркнутом в БГ-I, появлялся Алексей – дивизионный врач, беседующий с санитаром (с. 353). После этой зачеркнутой сценки следует реплика Мышлаевского: «Первая

батарея, смирно...» (с. 61), и текст идет без исправлений, вплоть до приказа Малышева распустить дивизион до утра. Приказ вызывает возражение Студзинского, Малышев резко отвечает ему, а потом извиняется (сцена в сокращенном виде воспроизводит эпизод романа: *Избр. проза*, с. 186—187). Этот текст, зачеркнутый в БГ-I, см. на с. 353—354.

В акте III исключен из числа персонажей гусарский полковник Най-Турс, имя которого читалось в списке действующих лиц, но было вычеркнуто, а затем снова вписано, но не рукой Булгакова. В 1-й редакции Николка не служил еще в мортирном дивизионе со Студзинским и Мышлаевским, а принадлежал к числу юнкеров, вбегающих в Александровскую гимназию в момент вторжения Петлюры. После команды Николки: «По наступающей кавалерии залпами огонь!» (с. 81) — следовал текст, зачеркнутый в БГ-I с продолжающейся репликой Николки «Давай пулемет!» (с. 354).

Далее в первоначальном варианте Най-Турс брал на себя командование, прикрывая не желающего бежать Николку, и погибал (сцена точно соответствовала роману: *Избр. проза*, с. 238—239). Заменив имя «Най-Турс» на имя «Малышев», Булгаков в БГ-I последующие реплики Най-Турса передал Малышеву, не заметив, однако, что характерная для Най-Турса картавость в репликах сохранялась. Булгаков попытался устранить черты произношения Най-Турса («офицег» исправлено на «офицер»), но не довел этой работы до конца; мы исправляем все «картавые» реплики по аналогии с первой. В последней реплике Малышева после слов «Я умираю» («умигаю») следовало: «У меня сестга»; слова эти явно принадлежали Най-Турсу (о его сестре, с которой потом знакомится Николка, подробно повествуется в романе). К Малышеву они, естественно, не относились и были вычеркнуты Булгаковым из текста.

Характерной особенностью правки текста БГ-I было сокращение (взятие в скобки, зачеркивание синей чертой) вступительных ремарок — к акту I (картины 1-я, 3-я), акту II (в картине 1-й ремарка была зачеркнута, потом восстановлена; кроме упоминания о кошмаре, в ремарке к картине 2-й зачеркнута одна фраза) и акту III (картина 2-я). В акте V единственная картина обозначена как «картина 2-я». Опускаем это указание как не имеющее смысла. Зачеркнуты в БГ-I также описания ряда персонажей, впервые появляющихся на сцене в акте I (Мышлаевского, Тальберга и Шервинского); взято в скобки (видимо, для исключения из текста) упоминание в начальной ремарке о Николке: «Николка немного заикается». Зачеркнуто и подробное описание в картине 2-й акта I манипуляций Василисы, прячущего деньги, а также важная для дальнейшего действия ремарка: «Плед на окне отваливается. За стеклом появляется физиономия 1-го бандита, наблюдает за работой»; зачеркнута реплика Василисы: «Город полон бандитами. Не обрадуешься потом». В картине 3-й вычеркнуто объяснение (данное Николкой Студзинскому), почему домовладельца зовут Василисой: «Он, господин капитан, вылитая Василиса. Вся разница в том, что на нем штаны одеты, и подписывается на всех бумажках — вместо Василий Лисович — „Вас. Лис.“». Зачеркнуты в акте I, картине 1-й слова Алексея Мышлаевскому: «Снимай френч» — и соответствующие ремарки, вопрос Алексея Мышлаевскому: «Где Петлюра, скажи, пожалуйста?» — и его ответ: «Я почем знаю». Зачеркнуты ремарки о том, что Алексей и Николка, смущенные крепкими выражениями Мышлаевского, которые может услышать Елена, «испуганно взмахивают руками». Зачеркнуты в той же картине слова Тальберга Елене: «А ты знаешь, что ждет тех, кто служил на видных должностях у гетмана?» В акте III, картине 1-й после разговора Малышева с Алексеем и появления юнкеров вычеркнута ремарка: «За сценой пулемет».

В БГ-I обнаруживается и ряд вставок — иногда чернилами, чаще карандашом; почти все они сделаны рукой Булгакова. Вписаны в акте I, картине 1-й слова Мышлаевского: «богоносного хрена» (о мужике), слова Елены Тальбергу, недовольному визитами Шервинского: «Чем, позволю себе спросить?» В акте II, картине 1-й к словам Болботуна о том, как комиссары расправляются с «хлиборобами», вписано: «в Москве». В картине 2-й вписано слово «мать» в речи Малышева юнкерам (о Петлюре). В конце той же картины вписана заключительная фраза Алексея и Студзинского, обращенная к Мышлаевскому, заявившему полковнику, что он «непьющий»: «Так ты непьющий?! Ах ты скотина, скотина!» — хотя почерк здесь не Булгакова, но можно думать, что это добавление в театральный экземпляр сделано по его воле. В картине 3-й вписана фраза Шервинского, обращенная к лакею Федору после бегства гетмана: «Федор, живо из адъютантской». В акте III, картине 2-й вместо зачеркнутого текста, описывающего намерение Малышева уйти: «(*Снимает погоны и кокарду, бросает*

в печку.) Я ухожу. Прощайте. (*Его голос за сценой: «Доктор, входите»*)», — вписано чернилами рукой Булгакова: «Имейте в виду, доктор, что я еще здесь буду. Я предупрежу. Ну если уж хотите, идите через этот ход, а я посмотрю со стороны сюда. Может, еще кто-нибудь явится».

В БГ-II сохраняется большинство текстов, исключенных в БГ-I и М-II (сцены кошмара, сцены с Най-Турсом и т. д.). Однако нельзя считать, что БГ-II отражает более ранний текст, чем БГ-I и М-II. В БГ-I в акте II, картине 3-й слова Шервинского: «Вы не шутите, дорогой Федор?» — исправлены на «Вы шутите»; в БГ-II тот же исправленный текст; слова Шервинского в конце той же сцены о том, что он «адъютантом никогда не был», исправлены на «не служил»; в БГ-II поправка учтена. В акте II, картине 1-й в речи Малышева были вычеркнуты (запечатаны машинкой) слова: «Что делать? Мы бессильны»; в БГ-II их нет. В акте III, картине 2-й вычеркнуты слова Малышева Алексею: «Не держите меня»; в БГ-II они также отсутствуют. В акте V в БГ-II учтено исправление слов Елены Шервинскому, сделанное в БГ-I: «малодушное животное» на «малодушное создание». Учтена и наиболее важная поправка, сделанная Булгаковым чернилами. В речи Алексея, отвечающего на вопрос Студзинского, будет ли когда-нибудь снова Россия, в БГ-I было вписано: «Старой не будет»; затем зачеркнуто и вставлено: «Не будет прежней, новая будет»; этот текст читается и в БГ-II. Очевидно, БГ-II — поздняя копия, сделанная Е. С. Булгаковой с текста БГ-I при передаче рукописи в 1958 году в ИРЛИ и имевшая целью сохранить весь текст 1-й редакции, включая выпущенные места.

Репетировалась ли пьеса в 1-й редакции? При первоначальном распределении ролей 21 октября 1925 года предусматривалась роль Малышева, но роли Най-Турса уже не было; значит, в основу этого распределения ролей был положен текст исправленного варианта 1-й редакции (БГ-I, М-I); уже 17 ноября 1925 года еженедельник «Новый зритель» (№ 46, с. 12—13) сообщал о репетициях. Но в «Журнале протоколов репетиций» (л. 1) было отмечено, что «переделанная пьеса была прочитана с новым (последним) составом исполнителей 26 января 1926 года. Режиссером назначен И. Судаков». В перечне ролей отсутствовали и Най-Турс, и Малышев (М. Н. Кедров, который должен был играть Малышева, получил эпизодическую роль гимназического сторожа Максима); образы Най-Турса и Малышева уже слились с образом Алексея Турбина (отныне эта роль предназначалась Н. П. Хмелеву (см.: *Марков*, с. 529). Следовательно, это была уже 2-я редакция, где Алексей — полковник, погибающий в акте III.

3

Композиционно 2-я редакция совершеннее 1-й. В ней 10 картин вместо прежних 12-ти (картины, изображающие соседей Турбиных — Василису и его жену, — сохранились), в центре ее — полковник Алексей Турбин. Когда он говорит о «русских офицерах» как о единственной силе, противостоящей большевикам («Троцкому»), в его устах это звучит значительней, чем в устах доктора Турбина. Гибель Алексея — подлинная кульминация пьесы; и хотя в последнем действии его нет, он незримо участвует в споре о том, уходить ли с петлюровцами или оставаться с большевиками: Мышлаевский выступает и от его имени.

Булгаков колебался, решая, какие именно реплики Алексея Турбина из 1-й редакции передать Мышлаевскому. В этом можно убедиться, сопоставляя М-II с БГ-III и с текстом, опубликованным Л. Милн (с. 97, в примеч. 319—320 эти отличия отмечены). Текст М-II (как и М-III) содержит ряд дополнений и правку рукой Булгакова. В БГ-III и в тексте Милн таких записей нет, во всяком случае, исследовательница их не отмечает. По мнению Милн, текст М-II представляет собой «репетиционный экземпляр с примечаниями и поправками, сделанными во время репетиций», а опубликованный текст она считает «исправленным», «окончательным» текстом второй редакции пьесы (*Милн*, с. 105, 133). Однако вопрос о соотношении двух текстов нельзя еще считать решенным, в частности, из-за неисследованности недавно обнаруженного списка М-III. Действительно, отдельные дополнения, сделанные рукой Булгакова в М-II, вошли в БГ-III и в изданный Милн текст (например, запись: «Алексей склонился над бумагами» в первой ремарке), но некоторые не вошли; имеется ряд сокращений и добавлений сравнительно с М-II. В М-II Мышлаевскому передано рассуждение о «ломберном столе», высказанное в 1-й редакции Алексеем Турбиным; песня Николки «Была у нас Россия, / Великая держава» передана в М-II Студзинскому; в БГ-III и в тексте, опубликован-

ном Милн, Николка поет: «Была у нас Россия...» В первоначальном тексте Мышлаевский говорит: «И будет. Значит, надо сидеть в ней и терпеливо ждать»; вторая фраза заменена рукой Булгакова на одно слово: «Будет!»; в первоначальном тексте М-II Студзинский спрашивает: «Виктор, будет ли когда-нибудь она?»; эти слова исправлены на: «Да будет, будет! Ждите!»; в БГ-III и в тексте Милн их нет. Мышлаевскому переданы в М-II и дальнейшие реплики Алексея (с поправками — зачеркнуты слова: «Я не поеду, будь с ней, что будет»; реплика Николки: «Ну, на это я согласен: да здравствует Россия!» — зачеркнута и заменена одним словом: «Господа!»); в БГ-III и в тексте Милн их нет.

Как сложился образ Алексея во 2-й редакции пьесы? По словам И. Я. Судакова, именно он предложил соединить роли Малышева и Алексея Турбина (см.: *Судаков И.* Ранние роли Н. П. Хмелева.— Ежегодник МХТ, 1945. М., 1948, т. 2, с. 38). Л. Е. Белозерская связывала трансформацию образа Алексея с советом Станиславского: «Помню, призадумался он, когда К. С. Станиславский посоветовал слить воедино образы полковника Най-Турса и Алексея Турбина для более сильного художественного воздействия. Автору было жаль расставаться с Най-Турсом, но он понял, что Станиславский прав» (*Белозерская*, с. 45—46; *Воспоминания*, с. 208). Однако образ Най-Турса никогда непосредственно не сливался с образом Алексея: он был слит с образом полковника Малышева при обработке 1-й редакции в октябре 1926 года. Слияние же образа Алексея Турбина с образом Малышева (то есть создание 2-й редакции) произошло в январе 1926 года. В какой из этих переработок мог отразиться совет Станиславского, сказать трудно (вероятнее, во 2-й).

Во 2-й редакции пьесы кульминацией стал предпоследний, третий акт, гибель Алексея и затем сообщение Николки об этой гибели: «Убили командира». Для расстановки сил важно было и появление Тальберга в последнем акте пьесы (в 1-й редакции он исчезал после акта I). Приезд Тальберга следовал в акте IV вслед за сценой, где Елена и Шервинский объявляли о своем намерении жениться и друзья поздравляли их (с. 355—357).

Превращение Алексея Турбина из врача в полковника предопределило и ряд частных отличий 2-й редакции от 1-й. Речь Алексея о двух противостоящих силах не вызывала теперь, в отличие от 1-й редакции, иронических замечаний о том, что ему следовало бы быть «министром обороны»; в акте I Мышлаевский, естественно, просил полковника Алексея взять его «к себе»; именно Алексея предупреждал о бегстве гетмана и Шервинский. Малышева среди участников сцены в гимназии не было, а Алексей не мог рассматривать Мышлаевского как удачного «нового» офицера. Не было в этой сцене и упоминания о гробах с убитыми офицерами, и снятия кисеи с портрета Александра I.

Появился и ряд дополнений во 2-й редакции. В акте I в связи с рассказом Мышлаевского о старике, проговорившемся, что «хлопцы» все «побигли до Петлюры», Николка спрашивал: «Ты его пристрелил, капитан?»; замечание это вызывало протест Алексея и его слова: «Смешного тут очень мало, юнкер!» На угрожающее восклицание Тальберга: «Полковник Турбин!» — Алексей отвечал: «Я у телефона...»; Елена пыталась вмешаться в спор: «В такой момент! Как нехорошо!» Лариосик появлялся не в последнем, а уже в первом акте, и его место в пьесе существенно отличалось от того, какое он занимал в романе и в 1-й редакции (особенно в первом ее варианте, где мучивший Алексея кошмар носил те самые «сапоги с желтыми отворотами», в каких затем ходил Лариосик — мотив этот был затем исключен вместе со сценой кошмара). Именно Лариосик, а не Николка заставал Елену целующейся с Шервинским; сервиз Лариосик разбивал не у Турбиных, а у Василисы (в акте III). В картине у гетмана командующий русской армией именовался не «Белоруков», а «Долгоруков», но это не опечатка (см.: *Милн*, с. 119, примеч. 153), а подлинная фамилия командующего, которую Булгаков затем, в «Днях Турбиных», вновь изменил на вымышленную «Белоруков». В начале последнего акта, объясняясь с Еленой, Лариосик восклицал: «Я неудачник... Ой, да разве я могу разговаривать с красавицами?» В I акте, в 1-й картине у Василисы, когда тот обнаруживал фальшивые деньги, полученные в банке, Ванда говорила: «Я думаю, они сразу и печатают — настоящие и фальшивые вместе, чтобы больше было». В другой сцене, после победы Петлюры и гибели Алексея, Ванда ехидно замечала: «Ничего я не злорадствую, а просто константирую факт на лицо»; Василиса просил ее «не употреблять иностранных слов». Вычеркнутый в БГ-I эпизод с бандитом, подсматривающим, где Василиса прячет деньги, был восстановлен, и в сцене ограбления Ура-

ган (действовавший и в петлюровском штабе Болботуна) приказывал этому бандиту: «Показывай, где стукать». Прозвище Василисы обыгрывалось и в акте I (восстановленный текст Николки), и в сцене ограбления («У него бабья психология»). После ухода бандитов Ванда заявляла офицерам: «Вася — благородный человек, не выдал вас». В сцене во дворце генерал фон Шратт говорил гетману, что, если в течение десяти минут тот не согласится на эвакуацию своей персоны, он «раздевает с себя» (вместо «снимает») ответственность за его жизнь.

Ряд дополнительных реплик был дан и Мышлаевскому. Когда Шервинский торжественно представлялся Лариосику как «лейб-гвардии уланского полка поручик», Мышлаевский пояснял: «Бывший лейб, бывшей гвардии...» (с. 120). В гимназии, когда старик сторож, возмущенный тем, что Турбин разбил шкаф, просил Мышлаевского: «Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите...», Мышлаевский отвечал: «Я теперь тебе такое же превосходительство, как и преосвященство». Иронически расспрашивая Шервинского об обстоятельствах бегства гетмана, Мышлаевский высказывал предположение, что гетман при прощании с адъютантом «прослезился». В последнем акте на слова Лариосика, что уходу Петлюры «все радуются, даже буржуи недорезанные», Мышлаевский бросал реплику: «Ну эти придут — дорежут».

2-я редакция пьесы — наиболее ранний ее текст, опубликованный при жизни автора (Берлин, 1927). Однако издан был не русский оригинал, а его немецкий перевод (К. Розенберг), обозначенный, правда, как «авторизованный». Булгаков этого издания не признал и протестовал против него. Он заявил, что З. Каганский, который печатал в журнале «Россия» роман «Белая гвардия», а затем эмигрировал. вывез пьесу (или ее черновики) «нелегальным путем», «без разрешения и ведома автора» (письма Булгакова и Каганского в рижской газете «Дни», январь—февраль 1928 года; ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37, № 10—12, 19, 21—24, 26—28, 30—32, 34, 37, 38, 44, 45, 49; *Bibliography*, p. 41, nr. 242). Очевидна неприглядная роль Каганского: он издал пьесу без разрешения автора (и без оплаты, которую, по его словам, украл не названный им посредник). Но это еще ничего не говорит о характере переведенного текста. Источником перевода были не случайные черновики, а тот машинописный текст, который читается полностью в БГ-III (а без актов II и III — и в М-II) и который опубликован Л. Милн.

Печатный текст перевода К. Розенберг имеется в архиве Булгакова (ИРЛИ, ф. 369, № 288); там же сохранилась машинопись английского перевода 2-й редакции пьесы (В. Блумберга) (ИРЛИ, ф. 369, № 4). Сопоставление 2-й редакции пьесы с немецким переводом, сделанное Л. Милн (как и сопоставление с английским переводом), показывает, что там отразились даже явные опечатки 2-й редакции (машинописного текста БГ-III и издания Милн). Примеры тому — слова Николки во 2-й картине акта I: «он... великая Василиса» — вместо «вылитая Василиса»; слова Шервинского о Новожильцеве в сцене у гетмана: «У меня размягчение мозга» — вместо: «У него размягчение мозга»; слова Мышлаевского: «ты служил у государя» во 2-й картине акта III — вместо «ты сулил государя»; слова Лариосика в последнем акте, в сцене украшения елки: «Все такие выражения выражаются» (см.: *Милн*, с. 111, примеч. 49; с. 116, примеч. 112; с. 121, примеч. 191; с. 125, примеч. 238; ИРЛИ, ф. 369, № 4, л. 31, 72, 107, 121).

Судьба немецкого перевода Розенберг также заслуживает внимания. Издание было организовано З. Каганским, получившим на него copyright (Aufsführungsrecth, издательское право), но выпустил его S. Fischer Verlag, Theater Abteilung: эта фирма завязала постоянную связь с Булгаковым и вела его дела за границей до 1936 года. В переписке с ней Булгаков обсуждал вопрос о переводе его пьесы другим лицом — А. Вассербауэром; в ноябре 1927 года был составлен договор на этот перевод, но хранящиеся в архиве Булгакова тексты договора порваны и зачеркнуты; перевод, очевидно, не был осуществлен. Во всяком случае, в мировой библиографии нет данных о существовании какого-либо немецкого перевода, кроме перевода К. Розенберг (ИРЛИ, ф. 369, № 30; ср. № 53, 58, 66; ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37, № 13, 20, 25; упоминания об издании перевода Розенберг см.: *Bibliography*, p. 115, nr. 1154; *Wright*, p. 93, n. 38; p. 253, n. 20). Когда издательство Фишер писало в 1934 году Булгакову, что «Дни Турбиных» были им «напечатаны в количестве 2000 экземпляров и, видимо, не существует в мире ни одного театра, которому он не был бы послан» (ИРЛИ, ф. 369, № 66), оно имело в виду, очевидно, перевод К. Розенберг (или восходящий к тому же оригиналу английский перевод).

4

В мае—июне 1926 года в Художественном театре и вокруг театра начались споры об интенсивно репетировавшейся пьесе. На репертуарно-художественной коллегии обсуждалось ее название; решение этого вопроса было отложено (см.: *Марков*, с. 536—537).

4 июня 1926 года датируется следующее письмо Булгакова совету и дирекции МХАТа:

«Сим имею честь известить вас о том, что я не согласен на удаление петлюровской сцены из пьесы моей „Белая гвардия“.

Мотивировка: петлюровская сцена органически связана с пьесой.

Также не согласен я и на превращение 4-актной пьесы в 3-актную.

Согласен вместе с советом театра обсудить новое название для пьесы „Белая гвардия“.

В случае, если театр с изложенным в письме не согласится, прошу пьесу „Белая гвардия“ снять в срочном порядке» (цит. по кн.: *Смелянский*, с. 92—93).

Сохранилось и письмо режиссера В. В. Лужского, без даты, представляющее собой ответ на это заявление:

«Милый Михаил Афанасьевич!

Что такое, какая Вас, простите, муха еще укусила?! Почему, как? Что случилось после вчерашнего разговора при К. С. и мне, неужели малодушие на чью-нибудь театральную сплетню, или слух, или предположение?

Ведь вчера же сказали и мы решили, что „петлюровскую“ сцену пока никто не выкидывает. На вымарку двух сцен Василисы Вы сами дали согласие, на переделку и соединение двух гимназических в одну тоже, на плац-парад петлюровский (!) с Болботуном (конец сцены в гимназии.— *Я. Л.*) Вы больших возражений не предъявляли! И вдруг на-поди! Заглавие же Ваше остается „Семья Турбиных“ (по-моему, лучше Турбины, но так обстоит дело, что мне вообще своего мнения иметь или высказывать не приходится, то та, то другая сторона обязательно будет его оспаривать). Откуда пьеса станет трехактной? Две сцены у Турбиных — акт; у Скоропадского — два; гимназия, Петлюра, Турбины — три и финал у Турбиных опять — четыре!

С советом, может быть, и не одно еще придется Вам иметь дело, тогда лучше и соберемся, а сейчас, „вот именно, мамочка, криком ничего не докажешь“ (слова из водевиля Чехова «Предложение».— *Я. Л.*).

Что Вы, милый и наш МХАТый Михаил Афанасьевич? Кто Вас так взвинтил?..» (ИРЛИ, ф. 369, № 48).

Неизвестно, было ли письмо написано до или после первой закрытой генеральной репетиции, происходившей 24 июня. Именно эту репетицию имела, очевидно, в виду Л. Е. Белозерская, вспоминавшая (см.: *Белозерская*, с. 46), как она сидела рядом с К. С. Станиславским и смотрела страшную сцену убийства еврея гайдамаками. Станиславский сказал ей, что эту сцену «сняли», и резко отозвался о деятелях реперткома; на той же генеральной, по ее словам, показывалась и сцена с Василисой и Вандой, затем исключенная.

Результаты репетиции были сначала восприняты в театре как неблагоприятные для постановки; присутствовавшие там деятели реперткома В. И. Блюм и А. Р. Орлинский заявили, что спектакль может быть поставлен «лет через пять». Но назавтра беседа в реперткоме окончилась более благополучно, хотя его руководство считало, что пьеса «представляет собой сплошную апологию белогвардейцев, начиная со сцены в гимназии и до сцены смерти Алексея включительно, совершенно неприемлема и в трактовке, поданной театром, идти не может». Представители МХАТа заявили, что пьесу они «готовы переделать», но просят «конкретных указаний». Орлинский потребовал, чтобы сцена в гимназии была дана «в порядке дискредитации» белого движения; чтобы были показаны взаимоотношения Турбиных с «другими социальными группировками, хотя бы с домашней прислугой, швейцарами», и изображены белогвардейцы, действовавшие в петлюровщине. От имени театра режиссер И. Я. Судаков заверил, что МХАТ никак не стремился к «апологии белогвардейцев», и выразил надежду, что Николка, как наиболее молодой, может «стать носителем поворота к большевикам». Председатель собрания Р. А. Пельше был снисходительней, чем его коллеги, и предложил театру доработку пьесы (см.: Музей МХАТа, ф. М. А. Булгакова, А № 18722; *Неизданный Булгаков*, с. 81—82; *Смелянский*, с. 93—96).

Новый план пьесы, вставки и переделки были приняты 24 августа 1926 года; пьеса получила название «Дни Турбиных», для афиши: «Дни Турбиных («Белая гвардия»)». Историю текста этой заключительной, 3-й редакции см. в примеч. к «Дням Турбиных».

Решение вопроса, по какой редакции публиковать пьесу «Белая гвардия», зависит от того, издается ли она сама по себе или в составе всей традиции «Дней Турбиных». В идеальном, академическом издании надлежит публиковать наряду с «Днями Турбиных» 1-ю и 2-ю редакции «Белой гвардии» со всеми вариантами. В настоящем издании отражены два основных этапа истории пьесы: обширная 1-я редакция «Белой гвардии», над которой начал работать МХАТ в октябре 1925 года (исправленный текст), и отдельно «Дни Турбиных».

В основу публикации «Белой гвардии» положен машинописный текст БГ-I с учетом отмеченных выше авторских исправлений и зачеркиваний в этом тексте. Отступления от этого исправленного текста БГ-I, сделанные в настоящем издании, минимальны. В конце 2-й картины акта II в БГ-I персонаж, обозначенный как «Мышлаев», исправлен на «Малышев» (эта же поправка в М-I); в акте V вставлена не отпечатавшаяся в машинописном экземпляре реплика Алексея внизу страницы: «Далеко они?» (см. с. 103). Восстановлена зачеркнутая в БГ-I обширная вводная ремарка к картине 3-й акта I (с. 48).

Фрагменты первоначального текста 1-й редакции (зачеркнутые в БГ-I и воспроизведенные в БГ-II) и отрывки 2-й редакции, отличающие ее от 1-й и 3-й редакций (по машинописному тексту М-II), печатаются в «Других редакциях и вариантах».

С. 37. *Вот комиссия, создатель...* — Пародируется реплика Фамусова из «Горя от ума» А. С. Грибоедова: «Что за комиссия, создатель...»

...под Святошиным... — Святошино — железнодорожная станция к западу от Киева; ныне входит в черту города.

Я бы поехал на Пост. — Пост Волынский — железнодорожная станция к юго-западу от Киева.

С. 38. *Из-под Красного Трактира.* — Красный Трактир — село к югу от Киева; ныне в черте города, там находится Выставка достижений народного хозяйства.

С. 39. *...в Ма́лин...* — Малин — город к северо-западу от Киева.

Ты Достоевского читал когда-нибудь? 〈...〉 За народ-богоносец. — Имеются в виду слова Шатова в «Бесах» о том, что «Единый народ — „богоносец“ — это русский народ» (*Достоевский*, т. 10, с. 200).

За сеятеля, хранителя, землепашца... — Мышлаевский цитирует слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

С. 40. *«Уси побигли до Петлюры...»* — В декабре 1918 года (время действия пьесы) войска правительства «Украинской державы», образованной в Киеве при поддержке германо-австрийских оккупационных войск, во главе с гетманом П. П. Скоропадским, были разбиты вооруженными силами «Украинской директории» (ее председателем был В. К. Винниченко; командующим войсками — головной атаман С. В. Петлюра).

С. 46. *«Шервинский! „Демона“!»* — Имеется в виду опера А. Г. Рубинштейна «Демон». Во 2-й редакции пьесы Шервинский, узнав об отъезде Тальберга, пел арию из той же оперы: «Он далеко, он не узнает...»

...пел в Жмеринке эпиталаму. — Речь идет об эпиталаме (свадебной песне) Виндекса из оперы А. Г. Рубинштейна «Нерон», которую Шервинский поет в другой сцене: «Эрос, бог любви... Он их благословляет... Венера предлагает чертоги им свои...» Шервинский также напоминает Елене, как он пел «Бога всесильного», то есть эпиталаму из «Нерона».

...квартира Василисы. — Прототипом Василия Ивановича Лисовича (Василисы) был, вероятно, Василий Павлович Листовничий, владелец дома № 13 по Андреевскому спуску, где жили Булгаковы с 1906 года. У Булгакова в романе «Белая гвардия» — Алексеевский спуск, 13 (см.: *Некрасов В.* Дом Турбиных. — Новый мир, 1967, № 8, с 134—142; *Хинкулов Л.* Михаил Булгаков и Алексей Турбин. — Радуга, 1981, № 5, с. 184—185).

...геркулесовых столбов. — Геркулесовы столбы (столпы) — Столбы Геракла (*греч.*) — античное наименование Гибралтарского пролива как предела Средиземного

моря. В переносном смысле «дойти до Геркулесовых столбов» — дойти до предела. В первоначальном машинописном тексте было «геркулесовских», что подчеркивало невежественность Ванды.

С. 47. *...поправляет простыню.* — В тексте пьесы — неточность, так как выше сказано, что Ванда завесила окно пледом. Далее в ремарке следует: «Подходит к окну и снимает плед».

С. 48. *Посмотри на морду хлебороба.* — На бумажных деньгах, выпущенных правительством Скоропадского, было изображение крестьянина и крестьянки, работы Г. И. Нарбута.

С. 49. *Голым профилем на ежа не сядешь!* — В романе «Белая гвардия» фраза приводится как цитата из газеты «Чертова кукла» (*Избр. проза,* с. 136). Этот текст служил эпиграфом к номеру газеты «Чертова перечница», вышедшему в Киеве 29 ноября 1918 года (см.: *Петровський М.* «Чертова лялька». — Культура і життя, 1968, 4 вересеня).

Азбука. — Юмористическая азбука, цитируемая далее в 1-й редакции пьесы, восходит, очевидно, к популярной, по крайней мере с XIX века, «Семинарской азбуке», где первая строка имела «нейтральный» (религиозно-исторический, «естественно-научный» и т. п.) характер, а вторая неприлична. Опубликованная в «Чертовой перечнице» 29 ноября 1918 года Азбука рядом строк совпадает с «Семинарской азбукой».

Американцы победили! — Войска Соединенных Штатов Америки вступили в войну на стороне Антанты в апреле 1917 года. 11 ноября 1918 года Германия капитулировала.

Игривы Брейтмана остроты... — Брейтман Г. Н. (1873—?), писатель-юморист, жил и работал в Киеве, умер в эмиграции. В ноябре 1918 года киевская газета «Последние новости» сообщала: «Поступило в продажу второе издание сборника рассказов Г. Н. Брейтмана „Ремонт любви“» (цит. по кн.: *Жизнеописание*, с. 74).

С. 50. *Родзянко будет президентом. ⟨...⟩ Кукиш с маслом он будет президентом.* — Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), председатель III и IV Государственной думы, один из лидеров октябристской партии, девизом которой было сохранение «единства и нераздельности» Российской империи. В белогвардейских кругах Родзянко слыл чересчур «левым» (см.: *Революция на Украине*, с. 156).

...где обещанные сенегальцы? ⟨...⟩ я сам видел сербских квартирьеров... — 15 ноября 1918 года «союзный» флот в составе английских, французских, итальянских и греческих кораблей вошел в Черное море. С 23 ноября по 9 декабря 1918 года оккупационные войска, включавшие сербские части, высадились в Новороссийске, Севастополе, Одессе, Николаеве; в составе французских частей были сенегальцы, так как Сенегал являлся в то время колонией Франции.

...поймать да повесить. — Эта формула пародирует слова пристава из сцены «Корчма на литовской границе» в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина.

«Хай живе вильна Украина, от Киева до Берлина». — Неточная цитата из пародии на украинский гимн тех лет: «Ще не вмерла Украина, от Киева до Берлина».

...мразь с хвостами на головах? — Меховые хвосты украшали шапки гетмановских и петлюровских солдат (в подражание украинским казачьим головным уборам XVII века).

...начал формировать русскую армию. — Формирование «особого корпуса», которому была присвоена «форма бывшей российской армии», началось в октябре 1918 года (см.: *Революция на Украине*, с. 161).

Вся императорская Александровская гимназия! — В романе (см.: *Избр. проза*, с. 180—181, 191—192) указано, что Алексей Турбин, Мышлаевский и их друзья окончили 1-ю Киевскую Александровскую гимназию, где учился и Булгаков.

С. 52. *...аггелов...* — Аггел (*греч.*) — вестник, посланец. В русских церковных текстах посланники божьи именовались «ангелами», а посланники сатаны — «аггелами».

Вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма... — Скоропадский ездил на прием к германскому императору Вильгельму II в сентябре 1918 года (см.: *Революция на Украине*, с. 45, 212).

С. 53. *Несколько преувеличено.* — Мышлаевский цитирует известную шутку Марка Твена по поводу ложного сообщения о его смерти (см.: *Марк Твен.* Собр. соч. В 12-ти т. М., 1961, т. 12, с. 242).

...Вильгельма же тоже выкинули! — Вильгельм II бежал в Голландию в результате Германской революции 9 ноября 1918 года, за месяц до декабрьских событий, описываемых в акте I пьесы.

Собственный дворянин царя по морде бутылкой... — Мышлаевский карикатурно излагает обстоятельства убийства Петра III братьями Григорием и Алексеем Орловыми в 1762 году.

Павла Петровича князь портсигаром по уху... — По рассказу современников, во время цареубийства 11 марта 1801 года один из участников заговора, Николай Зубов, ударил Павла I табакеркой.

...с бакенбардами, симпатичный такой... — Имеется в виду Александр II, убитый народовольцами 1 марта 1881 года.

Вот Достоевский это и видел и сказал: «Россия — страна деревянная, нищая и опасная, а честь русскому человеку только лишнее бремя!» — Эти слова принадлежат не Ф. М. Достоевскому, как утверждал Алексей, а герою романа «Бесы». Западник Кармазинов говорит: «Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная. ⟨...⟩ Русскому человеку честь одно только лишнее бремя» (см.: *Достоевский*, т. 10, с. 287—288).

С. 54. *...вера православная, а власть самодержавная!* — Слова генерала Талызина из пьесы Д. С. Мережковского «Павел I», которая шла в 1918 году в Киеве, в театре «Соловцов».

...Алексей. Брось ты своего Петра Третьего. — О Петре III говорил перед этим не Алексей, а Мышлаевский; вероятно, вторая реплика Елены обращена к нему.

С. 57. *Болботун.* — Прототипом Болботуна был полковник Болбочан, служивший сначала в войсках Скоропадского, а затем — Петлюры (см.: *Революция на Украине*, с. 321).

Гайдамаки. — Так назывались по имени участников народного движения XVIII века некоторые военные части петлюровцев. Гайдамаки считались наиболее рьяными погромщиками в армии Петлюры (см.: *Кольцов М.* Петлюровщина. Пг., 1921, с. 14, 16, 27).

Дезертир-сечевик. — Сечевые стрельцы («січови стрільці») — так назывались (в подражание украинской Запорожской Сечи XVI—XVIII веков) военные части, первоначально сформированные в Западной Украине (Галиции) и составившие основу петлюровской армии.

С. 58. *Ой, яблочко, куда котишься...* — Правильно: «Эх, яблочко...» — «Яблочко» — одна из популярных песен времен гражданской войны, распространенная (в разных вариантах) и в Советской России, и на Украине, и на Дону; существовала и ее белогвардейская версия (см. ниже, с. 526). Напев «Яблочка» взят из молдавской народной песни «Калач» (см.: *Сохор А. Н.* Русская советская песня. Л., 1959, с. 91; *Лебединский А. А.* Через огненные годы. Песни революции и гражданской войны. М., 1967, с. 50—51). В спектакле МХАТа «Яблочко» исполнялось как увертюра к петлюровской сцене.

С. 63. *...се дней Александровых восходящее солнце.* — Слова генерала Депрерадовича, одного из участников заговора, приведшего Александра I к власти, в пьесе Мережковского «Павел I». В свою очередь, текст Мережковского навеян строкой Пушкина из «Послания цензору»: «Дней Александровых прекрасное начало...»

С. 64. *Дышала ночь восторгом сладострастья...* — романс «Письмо» («Монолог», «Уголок») (см.: *Мазуркевич В. А.* Стихотворения. Спб., 1900, с. 104—105; Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Е. Гусева, Л., 1965, с. 853—854); исполнялся на музыку различных композиторов и в пародийной форме — как солдатская песня.

С. 69. *...командующий русской армии ⟨...⟩ отбыл в германском поезде в Германию.* — Командующим русской армии был назначен незадолго до падения Скоропадского князь Долгоруков (у Булгакова — Белоруков). По воспоминаниям Деникина, Долгоруков 14 декабря (1 декабря по старому стилю) 1918 года «сдал войска на капитуляцию без всяких условий и отбыл в Одессу» (см.: *Революция на Украине*, с. 176).

Где сердюцкая дивизия, которую я жду сюда? — Сердюками (по имени казачьих полков XVII—начала XVIII века) назывались украинские части армии гетмана.

Их фрейэ мих херцлих дас зи, мейне херрн, гекоммен зинд. ⟨...⟩ Их хабе эбен нахрихте фон зер шверем цуштанде унзерер арме бекоммен. — Эта немецкая фраза, читающаяся в обеих редакциях «Белой гвардии» и «Днях Турбиных», была в немецком издании пьесы, подготовленном К. Розенберг в 1928 году, исправлена на «Sehr erfreut, Sie zu sehen, meine Herren. ⟨...⟩ Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage un-

serer Armee erhalten», имеющую аналогичный смысл. Правка была введена в первое советское издание «Дней Турбиных» (1955). Мы восстанавливаем текст машинописных оригиналов пьесы.

С. 70. *Дас хабен вир я шон ланге эрфарен.* — В издании К. Розенберг (1928) и вслед за ним в издании 1955 года фраза была исправлена на аналогичную по смыслу: «Das ist uns schon längere Zeit bekannt».

С. 71. *...правительства Англии и Франции...* — Попытка гетмана противопоставить германскому командованию правительства Англии и Франции связана с тем, что по условиям Компьенского перемирия с Антантой германские войска на Восточном фронте не демобилизовывались. Положение их было сложным, так как находившийся в Одессе французский консул Энно мог после победы Франции направлять политику немцев на Украине. В начале декабря германское командование уже заключило соглашение с Директорией, но Энно вмешался, потребовав оставить у власти Скоропадского и задержать наступление петлюровцев (см.: *Революция на Украине*, с. 167—174).

С. 72. *Вас в моем виде вывезем...* — Эвакуация гетмана под видом раненого германского офицера подтверждается рядом источников (см.: *Революция на Украине*, с. 135, 291).

С. 75. *...напевает сквозь зубы «Пупсика».* — «Пупсик» — популярная перед первой мировой войной оперетка французского композитора Ж. Жильбера.

С. 100. *Ведь я ей несколько сродни? Говоря словами Грибоедова.* — Алексей цитирует слова Фамусова из «Горя от ума».

С. 101. *Костюм Севильского цирюльника мы тебе сделаем замечательный...* — Сходство Шервинского с героем оперы Россини «Севильский цирюльник» Фигаро отмечалось и в I акте 1-й редакции пьесы (потом эти строки были вычеркнуты).

Красные-то входят... — Красные части вошли в Киев 3—5 февраля 1919 года. Булгаков перенес это событие, согласно его собственным объяснениям, «к празднику крещенья, т. е. 19 января» нового календарного стиля, ибо «важно было использовать елку в последнем действии» (ГБЛ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 6, л. 1).

С. 103. *Бест* — персидское слово, означающее убежище (мечеть, иностранное посольство и т. д.) для преследуемого лица.

С. 104. *Войска большевиков, по слухам, предводительствуемые самим Троцким...* — Наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий не принимал непосредственного участия в наступлении на Киев в начале 1919 года. Командующим Украинской советской армией в конце 1918 года был В. А. Антонов-Овсеенко; командиром 1-й Украинской советской дивизии, бравшей Киев,— И. С. Локотош.

С. 106. *Ломберный стол...* ⟨...⟩ *...придет он в нормальное положение...* — Л. Милн сделала любопытное наблюдение: «Метафора ломберного стола — скрытая цитата из пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В первом явлении второго действия архиреакционер Крутицкий употребляет метафору мебели, которую повернули кверху ногами, как доказательство бесперспективности любых реформ. Таким образом Булгаков иронически намекает на сугубую реакционность взглядов Алексея Турбина (и, может быть, себя самого) в свете современных идеологий» (*Милн*, с. 133; ср.: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. В 12-ти т. М., 1974, т. 3, с. 21—22). Последняя догадка представляется спорной, но несомненны оттенки иронии в изображении доктора Турбина в 1-й редакции пьесы (например, он очевидно неправильно осмысляет текст Достоевского из «Бесов» — см. коммент. к с. 53).

С. 107. *Была у нас Россия, / Великая держава...* — белогвардейская песня на мотив «Яблочка».

С. 108. *«Мы отдохнем, мы отдохнем!»* — слова Сони в финале «Дяди Вани» А. П. Чехова.

ДНИ ТУРБИНЫХ

1

Пьеса «Дни Турбиных», как и предшествующие ей две редакции пьесы «Белая гвардия», сохранилась в машинописных копиях разного времени. Перечислим их:

1) Фрагмент на 16-ти с.— только акт IV (Ф) — Музей МХАТа, без шифра.

2) Пьеса в 4-х актах — БРЧ, № 210 (суфл.). Машинопись на полулистах (в тканевом сером переплете) — суфлерский экземпляр (деф.) (ДТ-I).

3) Пьеса в 4-х актах – БРЧ, № 210. Машинопись на полулистах (в красном картонном переплете) – также театральный экземпляр, бывший в работе (ДТ-II).

4) Пьеса в 4-х актах – ИРЛИ, ф. 369, № 2 (в синей папке). Машинописная копия 1920–1930-х годов (архивная дата на обложке дела: 1926 год), более крупного формата, чем ДТ-I и ДТ-II (М-I).

5) Пьеса в 4-х актах – ЦГАЛИ, ф. 2723, оп. 1, ед. хр. 468. Машинопись крупного формата (ДТ-III), имеющая штамп Гл. упр. по контролю за репертуаром при Комитете по делам искусств. Дата поступления 9/XII 1940 года. С вписанной от руки пометкой: «Только к печати». Этот список положен в основу настоящего издания «Дней Турбиных». Обоснование выбора следует ниже.

6) Пьеса в 4-х актах – ЦГАЛИ, ф. 656, оп. 3, ед. хр. 328. Машинопись 1940 года.

7) Пьеса в 4-х актах – ЦГАЛИ, ф. 656, оп. 5, ед. хр. 1029. Машинопись крупного формата (ДТ-IV) с двумя штампами. Один ромбовидный: «Ш2 – Москва – 2/XII 1953 г. № III-05097». Сверху надпись чернилами: «Срок до 1956 г.» Другой квадратный: «Управление театров. Автор (вписано) Михаил Булгаков. Название произведения (вписано) «Дни Турбиных». Количество страниц (вписано) 99. Количество экземпляров (вписано) 3. Представлено к выпуску (вписано) 24 ноября 1953 г. Ответственный редактор (подпись) А. Пудалов. Начальник репертуарно-редакторского отдела (пробел)».

8) Пьеса в 4-х актах – ИРЛИ, ф. 369, № 3. Машинописная копия крупного формата (М-II), 1953 год. Копия экземпляра ДТ-IV. На обложке рукой Е. С. Булгаковой переписан текст обоих штампов с экземпляра ДТ-IV, утвержденного реперткомом, и пометка: «Сверено с суфлерским экземпляром МХАТ. *Елена Булгакова*».

Основной текст «Дней Турбиных» – 3-й редакции пьесы, носившей первоначально название «Белая гвардия»,– сложился в июне – августе 1926 года. Формально театр шел при этом навстречу пожеланиям Главреперткома, но фактически эти пожелания были неосуществимы: строить сцену в гимназии иначе, чем она построена у Булгакова, было невозможно. Белое движение и без того было дискредитировано всем ходом изображенных в ней событий; «дискредитировать» заодно Алексея Турбина и Мышлаевского – значило бы уничтожить пьесу. Взаимоотношения с «другими социальными группами» по-прежнему ограничивались грубоватыми разговорами с гимназическим сторожем Максимом, цель которых была вполне гуманной – спасти старика от смерти.

Что же нового появилось в пьесе «Дни Турбиных», чем она отличалась от двух предшествовавших редакций «Белой гвардии»? Две картины в гимназии свелись к одной, центральной в пьесе (из акта II она перешла в акт III и стала его 1-й картиной), отчего композиция произведения несомненно выиграла. В этой картине Алексей признавал, что «белому движению конец не только на Украине, но и в Ростове-на-Дону и всюду» (в нескольких списках: «на Востоке и на Дону»). Две картины акта II поменялись местами: «петлюровская» картина из 1-й стала последней, и это приблизило ее к другой кульминационной сцене – картине в гимназии (петлюровцы и противостоящая им горстка подчиненных Алексея). Были исключены картины с Василисой и Вандой (из актов I и III). Пьеса имела теперь не 10, а лишь 7 картин. Исключение 3-й картины акта III привело к тому, что выпали образы, нашедшие воплощение в игре таких актеров, как М. М. Тарханов и А. П. Зуева (репетировавших до июня). Вопреки предположению Э.-К. Райта, что исполнители ролей Василисы и Ванды «были, вероятно, слабы» (*Wright*, p. 85), Б. И. Вершилов (см.: Музей МХАТа, ф. М. А. Булгакова. А № 5787) и Л. Е. Белозерская (см.: *Воспоминания*, с. 210) много лет спустя с восхищением вспоминали сцены с Василисой и Вандой из подготовленной к лету 1926 года 2-й редакции пьесы.

Но композиционно такое исключение давало явные преимущества. Финал акта III («Убили командира») не смазывался (как это было прежде) почти фарсовой сценой обыска у Василисы. Поэтому едва ли справедливо мнение Л. Милн, будто исключение сцен с Вандой и Василисой более «вредило пьесе», чем даже произведенное перед премьерой исключение сцены истязания еврея из «петлюровской» картины (*Милн*, с. 13–14). Ванда и Василиса – действительно второстепенные персонажи, мало что меняющие в общей расстановке действующих лиц, а образ человека, истекающего кровью, в свое время послужил отправным моментом замысла пьесы.

Появились отличия и в финальной части пьесы. Завершение ее в 1-й и 2-й редакциях «Белой гвардии» песней Николки делало эту юнкерскую песню («Съемки») как

бы лейтмотивом всего произведения: с нее начиналось действие и ею заканчивалось. В «Днях Турбиных» музыкальное сопровождение, важное для драматурга, изменялось. Уже во 2-й редакции «Белой гвардии» автор ввел в I акт популярный со времени первой мировой войны солдатский марш на слова пушкинской «Песни о вещем Олеге». Исполнение этого марша сопровождалось шутовскими репликами типа: «Здравия желаю», «Не могу знать, ваше сиятельство» и т. д. Во 2-й редакции Булгаков привел одну из таких реплик: «Не могу знать, ваше сиятельство»; в 3-й редакции реплика была исключена — в связи с тем, что «Песнь о вещем Олеге» получала здесь более важный смысл. В «Днях Турбиных» марш звучал в первом акте и в последнем, в самом конце. Притом в обоих местах он начинался не с первой, бодрой строфы («Как ныне сбирается...»), а с третьей:

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?..

Так в пьесу вводилась трагическая тема, восходящая к Пушкину (и к его летописному источнику), — тема судьбы. Эта тема так же обрамляла пьесу, как прежде — «Съемки», но теперь повторение лейтмотива обретало новый смысл: это было уже не просто возвращение к началу, а четкий финал.

Из других изменений отметим следующие. В акте I (картина 1-я) восстановлена по 1-й редакции «Белой гвардии» исключенная из 2-й редакции фраза Николки, объясняющего опоздание Тальберга «революционной ездой». На предложение Николки съездить в штаб Алексей отвечает: «Конечно, тебя еще не хватает». В предшествующих редакциях Мышлаевский, вернувшийся (в той же картине) из сторожевого охранения, ругая мужиков, бегающих «до Петлюры», вспоминал при этом Достоевского и «народ-богоносец»; в «Днях Турбиных» вместо Достоевского упоминался Лев Толстой. Пришедший затем Тальберг призывал Елену не бросать «тень на фамилию Тальберг», что звучало еще комичнее, чем формула предшествующих редакций («тень на мою фамилию»). Во 2-й картине восстановлен выпущенный во 2-й редакции «гвардейский комплимент» Шервинского Елене и дополнен диалог между ними («Я сам расстроен... Я, можно сказать, подавлен...»). В сцене ужина восстановлена речь Алексея о гетмане, сокращенная во 2-й редакции («Он бы, мерзавец, Россию спас... мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух... У нас теперь другое, более страшное, чем война...»), а также его слова о том, что Петлюра — это «миф».

В акте II, к концу сцены у гетмана Шервинский, а потом Федор советовали звонящим во дворец по телефону «бросать все к чертовой матери» и бежать.

В акте III, картине 2-й вставлен разговор офицеров о том, что «командира к телефону вызвали». Сторож Максим препирался с юнкерами, ломавшими парты на дрова; потом с тем же сторожем, не желавшим уходить, спорил Алексей («взаимоотношения с другими социальными группами»); о разрыве снаряда Мышлаевский говорил: «Петлюра плюнул»; юнкера пели песню А. Н. Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном...» (далее строку из этой песни вспоминал Алексей Турбин перед смертью). Существенно изменилась сцена, в которой полковник Турбин, распуская дивизион, обращался с речью к офицерам и юнкерам. После эпизода с гетманским портсигаром Шервинский спрашивал (как в 1-й редакции): «Капитан Мышлаевский, что нужно сказать?» — и Мышлаевский извинялся. Ряд поправок был сделан и в сцене, где приносили раненого Николку.

В начале акта IV Лариосик обращал внимание Елены на то, что нет стрельбы. Шервинский сообщал, что он «пел и принят». Обсуждение героями дальнейших планов их действий не имело пародийной формы митинга. В этой сцене восстановлен текст, читавшийся в 1-й, но отсутствующий во 2-й редакции: слова Мышлаевского, что он «за большевиков, но против коммунистов» (с. 105 и 157), а также его реплика («тогда и за коммунистов») в ответ на замечание, что между этими понятиями нет существенной разницы.

Некоторые сцены сокращены. В акте II, картине 2-й исключена ремарка (о Галаньбе): «Бьет дезертира по лицу». В акте III, картине 1-й сокращена сцена плац-парада петлюровцев и эпизод, где они срывают царский портрет. В акте III, картине 2-й снят разговор Студзинского об убежище и его успокоительные фразы до прихода Николки. Исключен ряд дополнений 2-й редакции. В акте I нет вопроса Николки Мышлаевскому: «Ты его пристрелил, капитан?» — и отповеди Алексея; нет шутливого ответа Алексея Тальбергу: «Я у телефона». В последующих действиях не стало реплик Мышлаевского: «Я тебе такое же превосходительство, как преосвященство», «придут — доре-

жут»; нет реплик Лариосика: «Я так обрадовался миру и покою в вашей семье» (акт III), «я неудачник», «ой, да разве я могу разговаривать с красавицами» (акт IV).

Конец «Дней Турбиных» дошел до нас в нескольких вариантах. Наиболее ранний из них обнаружен А. М. Смелянским (см.: *Смелянский А.* «Волшебная камера».— Совр. драматургия, 1983, № 4, с. 277; *Смелянский,* с. 100—101). Во многом он еще отличается от окончательного текста. Начало акта IV более или менее совпадает во всех списках «Дней Турбиных»; крещенский сочельник 1919 года, украшение елки и разговор Елены с Лариосиком, неудачно признающимся ей в любви; приход Шервинского и его объяснение с Еленой. Как и в обеих редакциях «Белой гвардии», Шервинский в Ф говорит: «Я не большевик, но если уж на то пошло и мне предложат выбор — петлюровца или большевика,— простите, предпочитаю большевика. Я — сочувствующий». Но в Ф далее на вопрос Елены: «Почему?» — Шервинский отвечает: «Теперь и в Москву можно будет съездить. И вообще все под одну гребенку». Далее — приход Николки и его разговор с Лариосиком, завершающийся тем, что Лариосик разбивает бутылку водки.

Существенные расхождения Ф с последующими текстами начинаются со сцены прихода Мышлаевского (с. 156). В Ф он является один, а не в сопровождении Студзинского, как в дальнейших версиях «Дней Турбиных». Следует разговор Мышлаевского с Николкой и Лариосиком. Далее — приход Студзинского (с. 359). Студзинский предлагает «пристроиться в хвост этим». Лариосик сообщает, что «все радуются» уходу петлюровцев; Николка интересуется, «как Троцкий выглядит»; следуют две реплики Мышлаевского (обе зачеркнуты): «Увидишь, увидишь. Он в пенсне, с бородой». Далее следует спор между Студзинским-Студзенко и Мышлаевским, который отказывается отступать с петлюровцами и покидать Киев. Сцена эта в Ф подверглась многочисленным исправлениям, большинство реплик зачеркнуто карандашом, и карандашом же (видимо, Булгакова) сделаны записи: «По старому тексту» (очевидно, Булгаков отказался от такой попытки снижения образа Студзинского). Приводим эту сцену в «Других редакциях и вариантах», отмечая вычеркнутые и вписанные тексты (с. 359—362). Далее присутствующие узнают о решении Елены и Шервинского пожениться, а затем внезапно приезжает Тальберг. Во 2-й редакции «Белой гвардии» Тальберг возвращался в Киев совсем, чтобы «переменить политические вехи» и «работать в контакте с советской властью» (с. 356). Список Ф непосредственно отражает изменение этого мотива. В основном он совпадает со 2-й редакцией. После объяснения Тальберга с Еленой Шервинский вновь пытался вмешаться в разговор: диалог Тальберга с Мышлаевским был примерно таким же пространным, как во 2-й редакции, хотя Виктор и вынимал на прощание револьвер. Но в разговоре с Еленой Тальберг первоначально заявлял: «Я решил вернуться и работать в контакте...», и лишь затем машинописный текст был зачеркнут и карандашом вписано: «Но мне удалось в Берлине достать командировку к генералу Краснову. Киев надо бросать совсем. Я за тобою. Собирайся. Едем на Дон, собирайся быстрее, времени нет». Эта поправка была введена в экземпляр ДТ-I и вслед за Ф и ДТ-I вошла в остальные списки «Дней Турбиных».

Вопрос о большей или меньшей органичности соответствующего варианта во 2-й и 3-й редакциях спорен. В «Днях Турбиных» Тальберг едет в занимаемый большевиками Киев по пути к Краснову. Не странный ли это маршрут? Во 2-й редакции Тальберг на вопрос Елены: «Скажи, как же ты вернулся? Ведь сегодня большевики уже будут?..» — логично отвечает, что он и приехал для того, чтобы «вернуться и работать в контакте с советской властью» (Германия тогда одна в Западной Европе имела дипломатические отношения с Советской Россией). В «Днях Турбиных» несколько неожиданно мотивирован приезд Тальберга — внезапная вспышка супружеской любви: в начале пьесы, при менее серьезной обстановке, Тальберг совсем не заботился о судьбе жены, а здесь шел ради нее на смертельный риск (для белогвардейца, направляющегося на Дон). Недаром сравнительно объективный рецензент спектакля «Дни Турбиных», писавший под псевдонимом «Старик» (псевдоним не раскрыт), эту сцену решительно отверг: «Чего стоит сцена с возвратившимся в свой очаг проездом из Германии на Дон мужем Турбиной, сцена, которой место в плохой мелодраме?» (Комс. правда, 1926, 4 дек.). Для зрителя, видевшего спектакль МХАТа, это впечатление «Старика» кажется абсурдным: сцена изгнания Тальберга воспринималась в пьесе не как мелодраматическая, а как комическая, но, действительно, мотивировка его приезда в окончательной редакции может показаться неубедительной.

Прообразом Елены близкие к Булгакову лица считали его сестру Варвару, а прототипом Тальберга – ее мужа, Л. С. Карума, офицера царской армии, служившего затем в Красной Армии, а после войны преподававшего в военной академии (см.: *Воспоминания*, с. 208; *Proffer*, p. 22–23, 590, n. 37; *Хинкулов Л.* Михаил Булгаков и Алексей Турбин.– Радуга, 1981, № 5, с. 184; *Жизнеописание*, с. 64). Мотивировка приезда Тальберга, данная во 2-й редакции, логичнее, чем версия «Дней Турбиных». Но насколько историчен был такой вариант для изображенного в пьесе периода – начала 1919 года? Да, многие бывшие офицеры служили в Красной Армии и в то время; в 1920 году появилось известное обращение А. А. Брусилова к офицерам. Но смена «политических вех» – примета более позднего времени, 1921–1922 годов. В 1956 году режиссер Б. И. Вершилов, видимо вспоминая 2-ю редакцию, где Тальберг «возвращался в Россию» совсем, чтобы «переменить политические вехи», признавал это возвращение «надуманным»: «Тальберги в Россию не возвращались, в такое время в особенности» (Музей МХАТа, ф. М. А. Булгакова, А № 5787). Вершилов, очевидно, подразумевал возвращение Тальберга в Советскую Россию. Вариант 3-й редакции, согласно которому Тальберг ехал к Деникину, в этом смысле был вполне правомерным: дивизионным командиром Тальберга до революции был Деникин (см.: *Избр. проза*, с. 130). Некоторый хронологический сдвиг, допущенный Булгаковым во 2-й редакции, устранен в «Днях Турбиных» – хотя и за счет психологического правдоподобия в поступках «крысы» Тальберга.

По-другому звучал в сравнении со 2-й редакцией и финал пьесы. Во 2-й редакции на слова Лариосика: «Этот вечер – великий пролог к новой исторической пьесе» – Мышлаевский отвечал: «Но нет, для кого пролог, а для меня эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный капитан Мышлаевский сходит со сцены...»; свет на сцене гас, оставался освещенным один Николка, который пел «Съемки» (с. 358). В Ф на реплику Лариосика отвечал Студзинский: «Для кого пролог, а для меня эпилог» – и уходил. Мышлаевский говорил: «Эпилог так эпилог. Товарищи зрители...» Затем Николка пел «Вещего Олега» (с. 362).

Последующие тексты «Дней Турбиных», начиная с суфлерского экземпляра ДТ-I, отражают эволюцию этого финала. Слова: «Господа, знаете, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе» – произносил Николка, и ответная реплика Студзинского: «Для кого пролог, а для меня эпилог» (в другой версии: «Для кого пролог, а для кого эпилог») – завершала пьесу (с. 160).

Насколько органичны были подобные изменения? Слова полковника Турбина об обреченности белого движения на Украине и на Дону не раз цитировались писавшими о «Днях Турбиных» (см.: *Петелин В.* Россия – любовь моя. М., 1982, с. 216). Однако слова эти, по свидетельству Н. П. Хмелева (в письме И. М. Кудрявцеву), отражали требования реперткома, «чтобы Алексей Турбин понял, что случилась катастрофа и выхода нет, что б/елая/ г/вардия/ погибла, погибло все старое и идет что-то новое, неизвестное, куда и должны все стремиться». Приводя слова Хмелева, Смелянский заметил: «Исходя из этого, Турбин – Хмелев стал объяснять то, что было известно и понятно критику Блюму или режиссеру Судакову, но не могло быть известно кадровому белому офицеру в декабре 1918 года» (*Смелянский*, с. 99). В. В. Новиков в статье «М. А. Булгаков-драматург» упрекнул Смелянского за это замечание в том, будто «он лишает сильную личность Алексея Турбина такой характерной черты, как прозорливость, а Булгакова – права давать обобщенный тип» (*Пьесы-86*, с. 14). Но анализ трех редакций текста обнаруживает, что слова о положении на Дону в речи полковника Турбина появились только в «Днях Турбиных» и даже в суфлерском экземпляре текст этот подвергался переделкам, как и речь Мышлаевского в акте IV. «Вставкой цензуры» считал предсказание о Деникине и П. С. Попов, характеризуя разные редакции пьесы (см.: ГБЛ, ф. 218, к. 1269, ед. хр. 3, л. 6 об.).

Несколько неожиданной была и передача Николке реплики романтического Лариосика о «великом прологе»: предшествующий спор об отношении к большевикам в «Днях Турбиных» протекал без Николки (в 1-й и 2-й редакциях «Белой гвардии» он, как и Студзинский, возражал Мышлаевскому, «ставшему большевиком», и предлагал бежать из Киева). Передача ему слов о «великом прологе» была единственной реальной попыткой выполнить обещанное И. Я. Судаковым Главреперткому: сделать молодого Николку «носителем поворота» героев пьесы.

Последнее вмешательство в текст произошло 23 сентября, непосредственно перед «полной генеральной репетицией с публикой» и за несколько дней до премьеры. Из

«петлюровской» сцены изъяли сцену истязания и гибели еврея (см. эту сцену в 1-й редакции «Белой гвардии», с. 59—61). Несогласный с купюрой автор вклеил соответствующий фрагмент машинописи в свой альбом по истории постановки «Дней Турбиных» с записью: «Отрывок из выброшенной цензурой и театром сцены» (*Альбом I*, л. 7 об.). Булгаков считал такую купюру недопустимой, тем более что именно эта тема, как уже говорилось, судя по «Театральному роману» и повести «Тайному Другу», служила одним из эмоциональных толчков к написанию пьесы (см.: *Избр. проза*, с. 539; Новый мир, 1987, № 8, с. 169). Тема развивалась и на первых подступах к роману «Белая гвардия»: в отрывке «В ночь на третье число» и в рассказе «Налет» (см.: Аврора, 1981, № 2, с. 135—149; 1982, № 4, с. 95—100) и в самом романе (см. отрывок «Конец Петлюры»: Аврора, 1986, № 12, с. 95—99; *Избр. проза*, с. 214). Театр в данном случае испытывал давление реперткома, который еще в июне требовал, как вспоминала Л. Е. Белозерская, исключить эту сцену. По дневниковой записи Е. С. Булгаковой от 13 сентября 1935 года, инициатором этой купюры был К. С. Станиславский (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 24). То была единственная крупная купюра в окончательном тексте «Дней Турбиных».

2

Как и пьеса «Белая гвардия», «Дни Турбиных» при жизни автора публиковались только в иностранном переводе — на английском языке (*Bibliography*, p. 83, nr. 703). Один перевод осуществил Ю. Лайонс (*Lyons Eugene*. Six Soviet Plays. Boston; New York, 1934), другой — Ф. Блох в адаптации Р. Окленд (1934) (перевод Блоха — Окленда нам недоступен; перевод В. Блумберга, сохранившийся в архиве Булгакова, остался неопубликованным). Перевод Ю. Лайонса, основанный на сценической (мхатовской) редакции, включал, однако, сцену с евреем.

На русском языке пьеса была издана посмертно в сборнике: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М., 1955 (этому изданию предшествовало литографированное: Булгаков М. Дни Турбиных. М.: Отдел распространения ВУОАП, 1954), а затем переиздана в сборниках Булгакова: Пьесы. М., 1962; Драмы и комедии. М., 1965; Пьесы. М., 1986.

Издание 1955 года традиционно связывается с участием Е. С. Булгаковой (устное сообщение З. М. Пекарской и К. Л. Рудницкого; в самом издании такое участие не отмечено). Последующие публикации имели в основе это издание. Но научная подготовка текста наталкивается на неожиданные трудности. Все авторизованные машинописные списки «Дней Турбиных» (ДТ-III, ДТ-IV, М-II и идентичный с ними М-I) не совпадают с изданием 1954—1955 годов и содержат многочисленные систематические разночтения с его текстом.

Объяснить это позволяет сравнение различных машинописных списков пьесы в ее последней, 3-й редакции.

Наиболее ранними из этих машинописных списков следует считать список Ф и список ДТ-I, суфлерский экземпляр, использовавшийся 5 октября 1926 года и позднее. Как и другой театральный список, ДТ-II, список ДТ-I не предназначался для печати (пометки на обоих списках адресованы помощнику режиссера и другим участникам постановки). Исследование списка ДТ-I (еще в большей степени, чем списка БГ-I 1-й редакции «Белой гвардии») обнаруживает в нем как бы два слоя: основной машинописный текст и многочисленные поправки, внесенные как на лицевых сторонах листов (с зачеркиванием первоначального текста), так и на чистых оборотах предшествующих листов (со знаками вставки). Поправки эти вписаны (в отличие от списка БГ-I 1-й редакции) не Булгаковым. Исправления затронули важнейшие эпизоды пьесы: речь Алексея юнкерам в гимназии, сцену, когда приносят Николку в конце III акта, последнюю часть акта IV, где обсуждается дальнейшее поведение героев. Основной машинописный текст ДТ-I до внесения поправок был ближе всего к тексту 2-й редакции «Белой гвардии». Текст IV акта в варианте Ф также близок неисправленному тексту ДТ-I. Дальнейшая судьба правки по списку ДТ-I была различной.

Часть дополнений, сделанных в ДТ-1, зачеркнута и не отразилась в других списках. Такие дополнения имеются, например, во 2-й картине акта I, в сцене ужина. В первоначальном тексте ДТ-I после вопроса Елены: «Что с гетманом»? (с. 121) — и ответа Шервинского: «Все обстоит благополучно» — следовал рассказ Шервинского с рядом новых подробностей.

Другая группа дополнений списка ДТ-I отразилась в большинстве списков 3-й редакции. Одно из них уже упомянуто: сцена убийства в «петлюровской» картине. Это изъятие, произведенное в суфлерском экземпляре ДТ-I, учтено во всех последующих списках «Дней Турбиных», включая авторизованные машинописные тексты ДТ-III, ДТ-IV, М-II. Вошел в текст всех списков «Дней Турбиных» и ряд других поправок списка ДТ-I: Толстой вместо Достоевского и пр. Слова Николки: «Интересно, как Троцкий выглядит» – исправлены в ДТ-I на: «как большевики выглядят»,– и эта поправка, сделанная после 1926 года (см. чьи-то замечания по тексту, записанные Булгаковым в 1932 году.– *Альбом II*, л. 20 об.), учтена во всех остальных текстах.

Сопоставление списка ДТ-I (и его копии – ДТ-II) с авторизованными машинописными текстами обнаруживает, однако, что там учтена лишь часть поправок ДТ-I; в большинстве случаев исправления ДТ-I (воспроизведенные в другом театральном экземпляре, ДТ-II) в списках М-I, ДТ-III, ДТ-IV, М-II учтены не были. Как правило, тексты эти совпадают с текстами 2-й редакции «Белой гвардии», тогда как текст издания 1955 года (*П-55*) в значительной степени учитывает исправления суфлерского экземпляра. Примеров совпадений авторизованных машинописных текстов со 2-й редакцией, а исправленного текста ДТ-I с изданием 1955 года более ста восьмидесяти.

Многочисленные расхождения между машинописными текстами «Дней Турбиных», аутентичность которых была дважды подтверждена записью на титульном листе, и печатным текстом *П-55* объясняются тем, что в печатное издание вносились поправки из списка ДТ-I (и его копии – списка ДТ-II). Каково же происхождение этих поправок?

Характер списков ДТ-I и ДТ-II, являющихся театральными, суфлерскими экземплярами, подсказывает ответ; помогают и воспоминания М. И. Прудкина, первого исполнителя роли Шервинского, любезно сообщенные им автору настоящего комментария. Существуют, кроме того, данные о том, что сцену «принос Николки» (акт III) заново поставил К. С. Станиславский в ходе репетиции (см.: *Марков*, с. 230). Отсюда и исправления сцены в ДТ-I, отличающие этот список от 2-й редакции. Слова: «Тихонько, тихонько... Снегом, снегом» – в ДТ-I зачеркнуты; в *П-55* их нет. В ДТ-I вписаны на обороте предыдущей страницы слова Студзинского: «Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван» (реплика Мышлаевского передана Студзинскому); текст *П-55* следует исправлениям ДТ-I. В ДТ-I первоначально Студзинский говорил только: «Режь сапог!» – остальные реплики принадлежали Мышлаевскому, затем «Мышлаевский» исправлено на «Студзинский»; текст *П-55* следует исправлениям ДТ-I. Реплика: «Бинтуй, бинтуй голову... Осторожно!..» – в ДТ-I зачеркнута; в *П-55* этой реплики нет.

Как вспоминает М. И. Прудкин, первоначально отсутствовал в спектакле эпизод появления в портьере пьяного Лариосика во время рассказа Шервинского (акт I, сцена 2-я) о выходе «нашего государя» (соответствующая ремарка вписана в текст ДТ-I). Этот эпизод был вставлен позже, очевидно, в связи с тем, что реперткомом и критики обвиняли театр, среди прочего, в «монархической пропаганде». В ДТ-I ремарка: «Входит Лариосик» – вписана после слов о государе карандашом; в ДТ-II она впечатана в текст; во всех остальных машинописных экземплярах ее нет; предшествующей ей по смыслу ремарки: «Лариосик уходит» – нет ни в ДТ-I, ни в ДТ-II и вообще ни в одном машинописном тексте – она вставлена в текст *П-55* по смыслу.

Во II акте, после эпизода, в котором гетман соглашается переодеться в германскую форму и бежать с немцами, в ДТ-I карандашом на обороте предыдущей страницы вписана сцена, где гетману сообщают, что «два полка сердюков перешли на сторону Петлюры»; гетман просит передать, чтобы конницу Петлюры задержали хотя бы на полчаса: «Я должен уехать». Вставка эта воспроизведена во всех изданиях, начиная с *П-55*, но в авторизованных списках ее нет. В суфлерский экземпляр ДТ-I вписан от руки и новый припев к «Вещему Олегу»: «Так за Совет Народных Комиссаров...» (в спектакле этот припев пел только Мышлаевский); вписана в ДТ-I и воспроизведена в *П-55* реплика Студзинского: «Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно...»

Последние слова Студзинского: «Для кого пролог, а для меня эпилог» – были переправлены в ДТ-I на: «Кому пролог, а кому – эпилог», и эта поправка тоже внесена в *П-55*. Получилась эффектная реплика под занавес, но если Студзинский мог произнести такую реплику о себе («мне»), то ее обобщенный смысл («кому») едва ли был уместен в устах наиболее упорного в своих монархических позициях персонажа. Таким

образом, все эти исправления — следствие переделок спектакля на последнем этапе. Они появились в значительной степени как уступки реперткому.

В текстах, дважды представлявшихся Е. С. Булгаковой к печати (в 1940 и 1953 годах), этих дополнений нет, но в издание *П-55* она их внесла. Текст *П-55* не всегда сходится с исправленным текстом ДТ-I. Например, в *П-55* во II акте картина у гетмана предшествует, как и в авторизованных текстах, «петлюровской» картине; в ДТ-I, как и во 2-й редакции «Белой гвардии», — обратный порядок; восстановлен ряд ремарок, вычеркнутых в ДТ-I (но читающихся в М-I, ДТ-III, ДТ-IV, М-II); Мышлаевский упоминает «богоносцев окаянных сочинения господина Достоевского» (так во 2-й редакции; в ДТ-I «богоносцы Достоевского» были исправлены на «мужиков... Толстого», и эта правка учтена во всех машинописных списках «Дней Турбиных»).

Как же следует издавать «Дни Турбиных», исходя из приведенных текстологических наблюдений? Это зависит прежде всего от типа издания. Настоящее издание не является академическим, где воспроизводятся все варианты и разночтения; однако в нем помещены важнейшие версии пьесы, дающие представление о ее истории, — 1-я редакция «Белой гвардии», а в «Других редакциях и вариантах» — фрагмент 2-й и отрывки из первого варианта 3-й редакции (Ф).

Поскольку в настоящее издание включена 1-я редакция «Белой гвардии», где содержится «петлюровская» сцена с эпизодом убийства, идентичным тому, который читался в тексте «Дней Турбиных», мы не восстанавливаем его в тексте этой пьесы. Но, зная, как возмущало Булгакова исключение этого эпизода, следует считать необходимым присутствие его в любом отдельном издании «Дней Турбиных».

Принцип «последней воли автора» (сам по себе не бесспорный) соблюден нами в данном издании точно: публикуется текст, подготовленный, очевидно, автором собственноручно и оставшийся после него.

Отношение списка ДТ-III (и его копий ДТ-IV и М-II) к суфлерскому экземпляру ДТ-I (и его копии ДТ-II) сложно. Отчасти ДТ-I служил источником для сохраненного автором текста, но многие из дополнений суфлерского экземпляра он отверг. Мы не знаем, включил ли бы Булгаков при публикации пьесы дополнительные изменения по сценическому тексту, как это согласилась сделать Е. С. Булгакова в 1954—1955 годах, и не беремся решать этот вопрос за автора.

В основу публикации взяты машинописный текст 1940 года (ДТ-III) и его копии 1953 года, заверенные подписью Е. С. Булгаковой (ДТ-IV, М-II); учитывается также идентичный ему более ранний текст из архива Булгакова (М-I). Допущены лишь небольшие отступления от ДТ-III. В акте I, картине 1-й восстановлено по остальным спискам слово «мерзавцев» в реплике Мышлаевского; в акте II, картине 1-й восстановлены (по списку ДТ-IV) слова Шервинского: «Я думова́ю» (с. 131) и (по списку М-II) слова фон Шратта: «Никогда не следует покидать своя родина» (с. 134); в акте III, картине 1-й (по списку М-II, где текст специально исправлен): «в Ростове-на-Дону» (с. 144); в акте I, картине 2-й по смыслу вставлена ремарка: «Входят Алексей, Студзинский и Мышлаевский» (с. 120); в акте III, картине 2-й — ремарка: «Входят Мышлаевский и Студзинский» (с. 147).

3

Премьера «Дней Турбиных» во МХАТе прошла 5 октября 1926 года. Состав исполнителей определился уже на репетициях 2-й редакции «Белой гвардии» в январе, но еще раньше существовал проект распределения ролей, по которому Алексея Турбина (видимо, еще врача — в 1-й редакции) должен был играть Л. М. Леонидов, гетмана — В. И. Качалов (см.: *Марков*, с. 227). Проект этот, очевидно, возник до 21 октября 1925 года. Исполнителями ролей на премьере были: Н. П. Хмелев — Алексей Турбин, И. М. Кудрявцев — Николка, В. С. Соколова — Елена Тальберг, В. А. Вербицкий — Тальберг, Б. Г. Добронравов — Мышлаевский, М. И. Прудкин — Шервинский, Е. В. Калужский — Студзинский, М. М. Яншин — Лариосик, В. Л. Ершов — гетман, А. А. Андерс — Болботун, Б. С. Малолетков — Галаньба, А. И. Гузеев — Ураган, Б. А. Мордвинов — Кирпатый, В. Я. Станицын — фон Шратт, Р. Шиллинг — фон Дуст, Н. Ф. Титушин — дезертир, С. К. Блинников — сапожник, В. П. Истрин — камер-лакей, М. Н. Кедров — сторож, В. К. Новиков — телефонист, В. А. Степун — врач. И. М. Раевский, репетировавший до премьеры еврея, в спектакле уже не участвовал. Постановщиком был И. Я. Судаков (художественный руководитель спектакля К. С. Станиславский в программе не назван), художником — Н. П. Ульянов (см.:

Альбом I, л. 12, 14, 26). «Первоклассную игру» актеров отмечали все рецензенты спектакля (чаще всего противопоставляя при этом мастерство исполнителей «художественному ничтожеству» пьесы); вспоминали о ней современники, неоднократно писали впоследствии театроведы (см., например: *Воспоминания*, с. 239, 254—255, 283—284; *Смелянский*, с. 108—128). В первую очередь называли Н. П. Хмелева, В. С. Соколову, Б. Г. Добронравова и М. М. Яншина. Мастерство Добронравова и Яншина содействовало переакцентировке пьесы: Мышлаевский и Лариосик становились не менее важными фигурами, чем члены семьи Турбиных. Ансамбль актеров был настолько слажен и мастерство их — уникально, что режиссура (и в особенности К. С. Станиславский) возражала против введения дублеров (см.: *Марков*, с. 545, 552; *Смелянский*, с. 114). Однако ввод их раньше или позже оказывался необходим, ибо спектакль шел очень часто (он давал основной доход театру в 1926—1929 годах) и главные исполнители не всегда могли участвовать в каждом представлении. В спектакль была введена А. К. Тарасова, которую чрезвычайно привлекала роль Елены. (Об обстоятельствах импровизированного ввода Тарасовой в спектакль см.: Алла Константиновна Тарасова. Документы и воспоминания. М., 1978, с. 52, 348—349; *Альбом I*, л. 35; также воспоминания А. К. Тарасовой: *Альбом II*, л. 45). Эта роль стала одной из лучших в репертуаре актрисы. А. М. Смелянский обнаружил любопытный документ: дневник милиционера А. К. Гаврилова, дежурившего на представлениях «Дней Турбиных»; там отражено своеобразное соперничество Соколовой и Тарасовой, по-разному трактовавших роль (см.: *Смелянский*, с. 114—115). Спустя некоторое время были введены еще две исполнительницы на роль Елены: О. Н. Андровская и К. Н. Еланская. Роль Алексея Турбина дублировал И. Я. Судаков; Тальберга — В. А. Синицын, Николки — В. А. Орлов (см.: *Альбом I*, л. 35). Роль Лариосика вместо М. М. Яншина, исполнение которого Станиславский определял как «счастливую игру неповторяющегося случая» (*Марков*, с. 552), иногда исполнял И. М. Раевский, роль Шервинского — В. А. Вербицкий.

Много значили для дальнейшей судьбы спектакля и два последующих «ввода» новых исполнителей. В 1927 году в труппу МХАТа перешел из Московского драматического театра (б. Корш) актер В. О. Топорков. В 1928 году он был введен на роль Мышлаевского. Топорков сыграл иного Мышлаевского, чем Добронравов (см.: *Рогачевский М.* Василий Осипович Топорков. М., 1969, с. 128).

В 1929 году спектакль был снят с репертуара и возобновлен лишь в 1932 году (как говорили, по воле Сталина). На новой премьере Мышлаевского играл Топорков, и его исполнение отметил Булгаков в письме П. С. Попову: «Топорков играет Мышлаевского первоклассно» (цит. по: Театр, 1981, № 5, с. 93). Обаятельный, жизнерадостный, вопреки всему, герой Добронравова и искалеченный войной, но сохранивший душевную чистоту персонаж Топоркова,— каждый по-своему был абсолютно убедителен: зритель в равной степени «верил» обоим.

В 1933 году, после расформирования театра б. Корш, в труппу МХАТа вошел еще один «коршевец» — А. П. Кторов; в 1937 году он был введен в «Дни Турбиных» на роль Шервинского. И опять новый исполнитель оказался не «дублером», а первоклассным интерпретатором роли, он создавал не менее выразительный, чем у Прудкина, образ (см.: *Полежаева Е.* Анатолий Кторов. М., 1978, с. 115—118).

Роль Алексея Турбина получил, в очередь с Н. П. Хмелевым, также Н. Н. Соснин (Соловьев), пришедший во МХАТ в 1933 году, а до того, в частности в 1918 году, когда разворачивается действие «Дней Турбиных», игравший в киевском театре «Соловцов». Он был старше и Хмелева, и самого Булгакова, а события тех лет знал по собственному опыту (см.: 20 лет Гос. русского драматического театра им. Леси Украинки. Киев, 1946, с. 22—23; *Городисъскій М. П.* Київський театр «Соловцов». Київ, 1961, с. 115—146).

4

«Дни Турбиных» при жизни Булгакова неоднократно пытались поставить многие советские театры, например Ленинградский Большой драматический театр (см.: ИРЛИ, ф. 369, № 5); Театр Наркомпроса Туркменской ССР даже довел спектакль до репетиций (см.: *Альбом II*, л. 22 об.; *Веселова Н.* Гос. русский драматический театр им. А. С. Пушкина. Путь театра. Ашхабад, б. г., с. 19), но премьера оказывалась невозможной. За рубежом «Дни Турбиных» («Семья Турбиных», «Белая гвардия») ставились множество раз. Судя по сохранившимся в архиве Булгакова чекам фирмы Фишер (она

представляла за границей интересы писателя, не защищенные международной конвенцией), «Дни Турбиных» шли по всей Европе: в Париже, Ницце, Гааге, Мадриде, в течение ряда лет – в Праге, Берлине, Варшаве, Кракове, Лодзи, Белостоке, Бреславле (Вроцлаве) (см.: ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 38, л. 4–7, 12–14, 17, 22, 33, 53, 66, 67, 74, 75, 80–84, 86–87, 104–105; ИРЛИ, ф. 369, № 22, 45, 69; *Альбом I*, л. 28). Шли они также в Театре русской драмы в Риге (см.: *Альбом I*, л. 29 об.; ИРЛИ, ф. 369, № 76; *Альбом фотографий*, л. 10–12). Наиболее широкий отклик получили спектакли в Йеле (США) и в Лондоне. Постановке пьесы в Лондоне предшествовало соглашение между З. Каганским и братом писателя, Н. А. Булгаковым, жившим в Париже. Он, к сожалению, не имел возможности своевременно сообщить о состоявшемся соглашении автору и проконсультироваться с ним (см.: ГБЛ, ф. 562, к. 20, ед. хр. 1, л. 10, 15, 40–62). В США пьеса шла в 1935 году на сцене Бейкеровского драматического училища при Йельском университете (см.: ИРЛИ, ф. 369, № 75; *Альбом II*, л. 31–32, программа спектакля «The Yale University Dramatik Association»). В письме (подписанном «Ваш Джек»), сохранившемся в архиве Булгакова, говорилось, что «хотя исполнение и было плохое, пьеса сама по себе так хороша, что нью-йоркские и другие газеты поместили благоприятные рецензии» (ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 37, л. 108, 115, 120). Постановка в лондонском театре «Феникс» в 1938 году (по переводу Блоха – Окленда) имела большой успех и была восторженно встречена, в частности, газетой английской компартии «Дейли уоркер». Правда, представитель Общества британо-советской дружбы писал, что «пьеса изменена таким образом, чтобы дать пьесе антисоветское направление. Однако должно заметить, что сама постановка осуществлена весьма талантливо и не производит впечатления несимпатизирующей» (ГБЛ, ф. 562, к. 20, ед. хр. 1, л. 18–19; л. 11, 17, 20, 25 и 25 об.; к. 19, ед. хр. 38, л. 124–125; Искусство и жизнь, 1939, № 1, с. 43).

Ставилась пьеса и на русском языке эмигрантскими труппами в Берлине и Праге, в Китае, США (труппой, именовавшейся «Moscow Art Players».– Об этом см.: ИРЛИ, ф. 369, № 77, л. 42 об.– 43) и т. д. Один из берлинских спектаклей 1928 года (на русском или немецком языке) возмутил реального персонажа пьесы – гетмана Скоропадского. «В пьесе пытаются показать, с одной стороны, безнадежность белого движения, с другой – осмешить (!) и смешать с грязью гетманство 1918 г., в частности меня» (цит. по: *Орловский Г.* Распря из-за Булгакова.– Моск. новости, 1987, 19 апр.). Так человек, за которого сражались в 1918 году Турбины, оценил пьесу, охарактеризованную многочисленными критиками как «сплошная апология белогвардейцев».

Здесь и далее дается реальный комментарий только к тем текстам «Дней Турбиных», которые отличают эту пьесу от «Белой гвардии» (в иных случаях см. комментарий к «Белой гвардии»).

С. 111. *Боккерини Луиджи* (1743–1805) – итальянский композитор.

С. 122. *«Скажи мне, кудесник, любимец богов...»* – солдатская песня времен первой мировой войны на слова «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина, но с припевом: «Так громче, музыка, играй победу, / Мы победили, и враг бежит, / Так за царя, за Русь, за нашу веру / Мы грянем громкое ура!» Маршевую музыку «Вещего Олега» не следует отождествлять с музыкой Н. А. Римского-Корсакова к пушкинской «Песне...» (см.: *Пьесы-86*, с. 651) или с упраздненным в 1917 году царским гимном (см.: *Смелянский*, с. 102–103). О солдатском «Вещем Олеге» см.: *Дольский Д. М.* Песнь о вещем Олеге. Солдатская песнь с напева Дольского. Аранжировал Б. Л. Пг., б. г.; *Муравьев А. В.* Для голоса с фортепьяно. Обработка солдатской песни «Как ныне сбирается вещий Олег». Пг., 1916.

В финале «Дней Турбиных», когда Николка вновь поет «Вещего Олега», в суфлерском экземпляре пьесы далее был вставлен текст припева «Так за Совет Народных Комиссаров...» (вместо: «Так за царя...»); этот припев, демонстративно исполнявшийся Мышлаевским, стал неотъемлемой частью спектакля МХАТа.

О «красноармейском» варианте «Вещего Олега», где изменялись и припев и основной текст («Как ныне мы властно рабочей рукой»), см.: *Фурманов Д.* Собр. соч. М., 1960, т. 1, с. 247; *Сохор А.* Русская советская песня. Л., 1959, с. 92, 102.

...Царя! 〈...〉 Что вы, что вы! – Упоминание царя при Скоропадском не рекомендовалось, как и исполнение царского гимна.

С. 135. *Бог не дал мне силы* 〈...〉 *телеграммой...* — Булгаков приводит (впервые во 2-й редакции «Белой гвардии») подлинный текст сообщения гетмана, подписанного 14 декабря 1918 года: «Бог не дал мне силы справиться с задачей: ныне, ввиду сложившихся обстоятельств 〈...〉 от власти отказываюсь» (цит. по кн.: *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. В 4-х т. М.; Л., 1932, т. 3, с. 95).

С. 141. *И когда по белой лестнице / Вы пойдете в синий край...* — Правильно: «И когда весенней вестницей / Вы пойдете в синий край, / Вас господь по белой лестнице / Поведет в свой светлый рай» — строки из песни А. Н. Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном».

...на Демиевке? — Демиевка в 1918 году была деревней у юго-западной окраины Киева.

С. 143. *На Дон! Достанем эшелоны и к Деникину!* — А. И. Деникин с апреля 1918 года командовал Добровольческой армией на юге России.

С. 144. *...конец в Ростове-на-Дону, всюду!* — Ростов-на-Дону находился под властью Деникина. Предсказания Алексея о неизбежном крахе белого движения на Дону и во всей России, поспешные для белого офицера в декабре 1918 года, связаны с собственным опытом Булгакова, служившего в конце 1919 года в белой армии врачом (см.: *Яновская,* с. 43—49; *Смелянский,* с. 98—99).

С. 155. *Ты победил Галилеянин!* — Здесь имеется в виду Христос. По преданию, эту фразу произнес перед смертью византийский император Юлиан Отступник (IV в.), безуспешно пытавшийся заменить христианство древней греко-римской религией.

С. 159. *Я гений, Игорь Северянин.* — Первая строка стихотворения И. Северянина «Эпилог».

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Впервые опубликована в 1929 году в Берлине на немецком языке издательством И. П. Ладыжникова (вариант, восходящий к театральной редакции пьесы). В СССР при жизни автора не публиковалась. В сокращенной редакции 1935 года впервые напечатана в альманахе «Современная драматургия», 1982, № 2. Перепечатка в сб.: Булгаков М. Пьесы. М., 1986.

Редакция 1926 года опубликована за рубежом (на русском языке): Новый журнал, Нью-Йорк, 1969—1970, № 97, 98. Редакция 1935 года выпущена Э. Проффер в издательстве «Ardis» (Ann Arbor, 1971) и парижским издательством YMCA-press в 1971 году (1-е изд.) и в 1974 году (2-е изд.).

Зарубежные публикации, осуществленные ранее отечественных и ставшие поэтому определенным этапом изучения пьесы и для советских исследователей, грешат неточностями, как сравнительно мелкими, так и существенно меняющими смысл фразы, эпизода.

Публикация Э. Проффер предлагает пьесу «в четырех действиях», но дает текст, восходящий ко 2-й редакции,— в 3-х действиях. Не учтено изменение написания фамилий некоторых центральных персонажей, неточен порядок списка действующих лиц. У Манюшки появляется украинский акцент («та» вместо «да»). Нередко дается неверное написание слов, фраз, русских идиоматических выражений, например, вместо: «Вы мне вола вертите» — стоит: «Вы мне все вертите»; вместо: «Кончено, меня нет» — «Конечно, меня нет»; вместо: «Приволоки пивца» — «Приводи пива»; вместо «цесуцу» («чесучу» в устах китайца) — «посуду» и т. д. Вместо французской фразы, начатой и не договоренной Аметистовым: «Ла порт эте уверт...» (Дверь была открыта) — «На черта эти уверт...»; вместо фамилии Путинковский — Путниковский и проч.

Часто пропускаются ремарки, слова, отдельные фразы и строки. Например, пропущено: «АМЕТИСТОВ (*заглядывает в дверь на кухню*). Эй, товарищ, кто тут есть? Зоя Денисовна дома? Гм...» Значимые фрагменты выпущены в монологе Аметистова о его скитаниях.

Иногда неверная пунктуация искажает смысл сказанного. Например, вместо: «Показывает татуировку — дракон, становится странен и страшен» — стоит: «Показывает татуировку — дракон становится странен и страшен» и т. д.

Парижское издание повторяет многие ошибки издания Э. Проффер. Одинаково пропущена ремарка в начале пьесы: «Действие происходит в Москве, в двадцатых

годах XX столетия» и т. д. Встречаются в парижском издании и собственные неточности.

Рукописных источников текста не сохранилось, за исключением автографа начала редакции 1935 года.

1

Имеющиеся машинописные копии не унифицированы в обозначении актов (действий).

В нашем распоряжении имеются следующие источники:

1) Авторизованный экземпляр 1925—1926 годов, самый ранний из известных нам — Музей Театра Вахтангова, № 437.

Неполный экземпляр помощника режиссера с правкой: действия II и III (акты II, III и IV), 60 л. (3-I). Текст перепечатывался двумя машинистками одновременно (экземпляр двухцветный: с. 1—16, 29—39 и 43—49 — машинка с лентой зеленого цвета; с. 17—28, 40—42 и 50—60 — машинка с лентой синего цвета). До 60-й страницы идет двойная пагинация: одна авторская, пером (с. 26—67), другая — «сквозная», карандашом (с. 1—60). При перепечатке опущен I акт (вместе с перечнем действующих лиц, титульным листом — с. 1—25) ввиду того, что он практически не подвергался правке. К данному экземпляру приложены (вклеены) две вставки текста (см. о них далее).

Перечень персонажей дополнили два дворника и Мифическая личность — Ромуальд Муфтер. Будущий Аметистов именуется сначала Фиолетовым, и лишь на с. 36 фамилия «Фиолетов» заменяется на фамилию «Аметистов»; полная фамилия Гуся — Гусь-Хрустальный; «ответственную» даму зовут Лариса Карловна; иное имя Булгаков дал любимой лошади Обольянинова: Фрина (отец — Фараон, мать — Грустная). Среди фамилий реальных исторических лиц упоминаются: Маркс, президент Франции Пуанкаре, Луначарский, Калинин, имеются шутки по адресу МХАТа и «типичного» домовладельца (непременно с бородавкой), шутливо отмечены различия в облике современных типажей, служащих Главполитпросвета с элегантными эспаньолками «под Луначарского» и «спецов», сотрудников газеты «Экономическая жизнь».

Ряд эпизодов и сцен в других экземплярах более не встречается: ссора «дам» Зойкиного «ателье» из-за последовательности их появления перед гостем (Гусем); сцена Аллы — Зои (подготовка Аллы к ее «дебюту» в ателье); 2-я картина III акта — «сцена с аппаратами» в МУРе; приход дворников с «образцами стекла» для Мифической личности (на деле — с Ванечкой в ящике из-под стекла); приезд Мифической личности. Есть и менее существенные, сравнительно мелкие разночтения.

2) Пьеса в 3-х актах — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 5, 90 л.

Экземпляр 1926 года, машинопись с авторской правкой (3-II). 1-я редакция. Сборный экземпляр, сложенный из нескольких копий. На обложке надпись: «Дефектный экземпляр». На л. 54 об. рукой автора написано: «Черновики „Зойкиной квартиры“». Этот вариант отразил летнюю (1926 года) работу автора в связи с требованиями совета Студии им. Евг. Вахтангова.

Во II акте вместо четырех картин осталось две («кутеж» перенесен во 2-ю картину III акта), снята сцена с «аппаратами» в МУРе, скандал Аллы с Гусем идет на публике, и проч. Фамилия Гуся полностью звучит: Гусь-Ремонтный.

Несмотря на наличие авторской правки, экземпляр может рассматриваться только как промежуточный в связи с оценкой его состояния, данной автором.

3) Пьеса в 4-х актах — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 6, 170 л.

Экземпляр 1926 года, машинопись с поправками Е. С. Булгаковой (3-III). Рукою М. А. Булгакова синим карандашом: «Не корректировано. Экземпляр полон грубейших ошибок» (слово «грубейших» — красным карандашом).

4) Список редакции 1926 года с поправками Н. А. Булгакова — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 9, 125 л.

В самодельной картонной обложке с надписью: «Пьеса в $^{4}/_{3}$ актах». Фактически там три акта, каждый акт вложен в отдельный лист. Экземпляр, пересланный М. А. Булгаковым в Париж (надпись на обложке: «Прибыл из Москвы 14 мая 1935 года»), позже вернулся в архив автора.

В тексте фамилия «Аллилуя» зачеркивается и заменяется на «Портупея». Учтены изменения в списке действующих лиц: вместо Обольянинова — Абольянинов, вместо

Зои Денисовны Пельц — Зойка, вместо Толстяка, Пеструхина и Ванечки — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й неизвестные. Фамилия Гуся полностью звучит: Гусь-Ремонтный.

5) Экземпляр 1926 года — Музей Театра Вахтангова, № 435.

Сценический текст «Зойкиной квартиры» (на 1-й странице надпись: «Точный текст спектакля»). Здесь лишь I и II действия, 86 л.— неполный экземпляр пьесы заведующей репертуарной частью З. О. Степановой, с правкой (НЭ-I). Купюры в тексте сделаны красным карандашом, дополнения — чернилами. Имеется двойная пагинация: простым карандашом — с. 1—86, пагинация на машинке с синей лентой — с. 2—87 (отсутствует 1-я страница с началом списка действующих лиц). Агнесса Ферапонтовна в тексте заменена Гитаной Абрамовной.

6) Экземпляр 1926 года — Музей Театра Вахтангова, № 436.

Здесь лишь III действие, 37 л.— режиссерский экземпляр, с правкой (НЭ-II). Имеется печать Главреперткома: «Разрешается к исполнению 21.X.1926». Вымарки, порой обширные,— красным карандашом, вставки — чернилами. Появляются исправления простым карандашом.

По-видимому, НЭ-I и НЭ-II вместе составили цельный текст сценической редакции пьесы (З-IV). Специальная перепечатка III акта (действия) понадобилась ввиду серьезной правки именно этого фрагмента пьесы (см. далее).

7) Экземпляр пьесы 1926 года — Музей Театра Вахтангова, № 434, 66 л.

Перепечатка с экземпляров НЭ-I и НЭ-II с учетом всех вымарок (З-V). «Чистый» текст спектакля.

8) Трагический фарс в трех действиях — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 7.

Автограф. Начало редакции 1935 года. «Окончательно обработанный текст» (З-VI).

Список действующих лиц отсутствует, указано лишь: «Действующие лица». На с. 5-й начат текст пьесы.

На с. 10-й появляется вместо Аллилуи — Перпетуя, вариант фамилии, более ни в одном из известных нам экземпляров не встречающийся, и на этой же странице текст обрывается.

9) Пьеса в 3-х действиях — ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 8, 64 л.

Редакция 1935 года, позднейшая перепечатка — 1940 года (З-VII). Надпись рукой Е. С. Булгаковой: «Окончательный вариант». Текст существенно сокращен в сравнении с редакцией 1925—1926 годов.

Новые фамилии действующих лиц: вместо Обольянинова — Абольянинов, вместо Аллилуи — Портупея, вместо Гусь-Ремонтный — Гусь-Багажный, вместо Натальи Николаевны, Мымры — Марья Никифоровна. Поэт, курильщик, фокстротчик отсутствуют. Вместо Ванечки, Толстяка, Пеструхина — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й неизвестные. Сняты и фамилии исторических лиц. Абольянинов вспоминает теперь о лошади Фараоне.

10) Экземпляр 1960 (?) года. Машинопись, 59 л. С дарственной надписью Е. С. Булгаковой Р. Н. Симонову: «Дорогому Рубену Николаевичу как бы от Михаила Афанасьевича. 10.XI.1960 г.» Аутентичен экземпляру З-VII.

11) Пьеса в 4-х актах — ГБЛ, ф. 562, к. 68, ед. хр. 4.

Первая редакция 1926 года, машинописная копия 1961 года с машинописного текста, хранящегося в Библиотеке им. В. Г. Короленко в Харькове.

Дата на 1-й странице повторяет датировку текста, с которого снята копия: 8.VI.1934. Поправки в тексте рукою Е. С. Булгаковой.

12) Отдельно хранятся перепечатки ролей Манюшки и Зои.— Музей Театра Вахтангова, № 439.

Таким образом, корректированный автором экземпляр пьесы отсутствует и в ГБЛ, и в Музее Театра Вахтангова. К напечатанию избрана ранее не публиковавшаяся у нас редакция 1926 года, которая стала литературной основой спектакля вахтанговцев того же года (З-IV). В основном корпусе книги публикуется и редакция пьесы 1935 года (З-VII).

2

«Зойкина квартира» пронизана реминисценциями, отзвуками и автоцитатами из ранних вещей писателя. Известные строчки «Театрального романа» ретроспективно

описывают рождение замысла пьесы: «Однако из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же (кто-то разучивал его), и вальс этот порождал картинки в коробочке, довольно странные и редкие. Так, например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я развязно мысленно называл — „третьим действием“. Именно синий дым, женщина с асимметричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови. Бред, как видите! Чепуха! И куда отнести пьесу, в которой подобное третье действие?» (*Избранное*, с. 395—396). Но задолго до этих строк была опубликована «Китайская история» (*Булгаков М.* Дьяволиада. Рассказы. М., 1925, с. 135—146), предвосхитившая важные мотивы «Зойкиной квартиры». Там было многое: два китайца, старый, с лицом, «как кора» (в «Зойкиной квартире» — «ссохшийся»), и молодой, лет двадцати трех, который, когда улыбался, был «похож на китайского ангела» (ср.— «Херувим»). Присутствовал мотив ревности и убийства.

В не меньшей степени «Зойкина квартира» связана и с такими ранними булгаковскими вещами малой формы, как «На передовых позициях» (см.: *Булгаков М.* Ранняя неизданная проза. München, 1976).

В архиве Булгакова нет точных указаний на время, когда была начата «Зойкина квартира». Как вспоминает Л. Е. Белозерская, инициатива написания пьесы исходила от театра: «Однажды на голубятне появились двое. 〈...〉 Оба оказались из Вахтанговского театра. Помоложе — актер Василий Васильевич Куза... постарше — режиссер Алексей Дмитриевич Попов. Они предложили Михаилу Афанасьевичу написать комедию для театра.

Позже, просматривая как-то отдел происшествий в вечерней „Красной газете“ (тогда существовал таковой), Михаил Афанасьевич натолкнулся на заметку о том, как милиция раскрыла карточный притон, действующий под видом пошивочной мастерской в квартире некой Зои Буяльской. Так возникла идея комедии „Зойкина квартира“» (*Воспоминания*, с. 200).

Л. М. Яновская опирается на свидетельство П. Г. Антокольского, писавшего ей 5 февраля 1972 года: «Театр имени Вахтангова, в лице покойного В. В. Кузы и в моем лице, обратился к Булгакову *с предложением инсценировать его роман „Белая гвардия“ для нашего театра.* 〈...〉 Но М. А. сам предложил нам, вахтанговцам, написать для нас другую пьесу» (цит. по кн.: *Яновская*, с. 141—142).

Если принять версию близкого к театру П. Г. Антокольского, Булгаков должен был уже иметь какую-то идею относительно «новой пьесы» к началу творческого контакта с вахтанговцами.

Самый ранний по времени документ, касающийся работы драматурга над «Зойкиной квартирой», датирован 16 сентября 1925 года. «Дорогой Михаил Афанасьевич! Между Вами и Мироновым (зам. директора по административно-финансовой части.— *В. Г.*) произошло досадное недоразумение. Он ждал Вас все это время, в надежде, что Вы зайдете за деньгами. Посылаем Вам 100 рублей. Надеюсь, что по выздоровлении Вы зайдете к нам для просмотра составленного проекта договора и его подписания. Желаю скорейшего выздоровления. *В. Куза*» (ИРЛИ, ф. 369, № 90). Актер В. В. Куза был влиятельным членом совета Студии, руководимой после смерти Е. Б. Вахтангова коллегиально. Характерно признание Булгакова, приведенное Л. И. Славиным: «Знаете, это не я написал „Зойкину квартиру“. Это Куза обмокнул меня в чернильницу, и мною написал „Зойкину квартиру“» (цит. по кн.: *Симонов*, с. 467). 100 рублей — аванс, выданный писателю. У Булгакова появилась возможность начать работу для вахтанговцев.

Через три месяца, 14 декабря, была назначена читка уже готовой пьесы, по каким-то причинам не состоявшаяся.

1 января 1926 года Булгаков заключил соглашение со Студией: «Булгаков предоставляет Студии для постановки свою пьесу „Зойкина квартира“ в 4-х актах и принимает на себя обязательство до 1 января 1927 г. в Москве никакому другому театру этой пьесы не передавать, равно и не сдавать ее в печать...» (ИРЛИ, ф. 369, № 90).

11 января Булгаков читал пьесу в Студии. Сохранилось объявление, приглашавшее всех студийцев на читку (см.: *Зоркая*, с. 137). В ответ на поздравление В. В. Кузы Булгаков ответил: «Дорогой Василий Васильевич! Я очень рад, а всех артистов благодарю за теплое внимание, с которым они приняли пьесу!» (Музей Театра Вахтангова, архив В. В. Кузы). Р. Н. Симонов вспоминал позже: «Я не помню другого такого при-

ема нашей труппой жанра комедийной пьесы...» (*Симонов*, с. 151) — с таким успехом прошла читка «Зойкиной квартиры» на труппе.

Печать сообщала: «Начались работы по постановке новой пьесы М. Булгакова „Зойкина квартира“» (Известия, 1926, 4 марта).

В. В. Куза 29 марта послал Булгакову записку: «Дорогой Михаил Афанасьевич! Что же Вы с нами делаете? Алексей Дмитриевич ждет вставок в 4 акт, а я вынужден отменять репетиции. Помните, что среда 31 марта крайний срок. Ждем Вас *обязательно*» (ИРЛИ, ф. 369, № 90). «Вставки в 4-й акт» — это, по-видимому, коррективы, предложенные Главреперткомом (см. о них далее).

В марте МХАТ регулярно репетировал «Белую гвардию»; обе пьесы Булгакова ставились одновременно. Пристальное внимание Главреперткома распространилось и на постановку МХАТа, и на пьесу того же автора в Студии им. Евг. Вахтангова.

24 апреля 1926 года прошла первая генеральная «Зойкиной квартиры». В спектакль были введены кинокадры («киносъемка — Илья Толчанов» — значилось в программе. Н. М. Зоркая в своей книге об А. Д. Попове отметила увлечение режиссера возможностями кино; с этим и был связан опыт модной тогда кинофикации спектакля). Роли распределялись следующим образом: Зоя Денисовна Пельц — Ц. Л. Мансурова, Обольянинов — А. Д. Козловский, Аметистов — Р. Н. Симонов, Манюшка — В. А. Попова или М. Ф. Некрасова, Аллилуя — Б. Е. Захава, Газолин — И. М. Толчанов, Херувим — А. И. Горюнов, Алла — В. Ф. Тумская, Гусь — О. Ф. Глазунов, Лизанька — Е. М. Берсенева или З. К. Бажанова, Мымра — В. С. Макарова, Иванова — Е. Г. Алексеева, Роббер — Н. П. Яновский, Мертвое тело — Б. В. Щукин, ответственная дама — М. Д. Синельникова, 1-я безответственная дама — В. К. Львова, 2-я — А. К. Запорожец, 3-я — А. И. Ремизова, закройщица — В. Г. Вагрина, швея — Е. Д. Понсова, Пеструхин — В. В. Куза, Ванечка — К. Я. Миронов, Толстяк — Б. М. Шухмин, 1-й дворник — Б. А. Семенов, 2-й — Б. С. Баратов.

После просмотра спектакля (генеральная шла на публике) режиссер получил несколько писем-рецензий. В. Е. Ардов полагал, что сцена в МУРе излишня, а последний акт утомляет повтором; касаясь актерской игры, он уточнял, в частности, смысл монолога Аметистова: «Как бы ему и прийти с тем же, с чем он уходит, т. е. бездомнейшей бродячей собакой, не имеющей своего угла... не для смеха же писал последние фразы автор...» О Гусе Ардов замечал: «Нет, не только клубничка и девочки-манекены, а и отчего он пришел сюда важно, тогда понятна и его тоска по Алле...» (цит. по кн.: *Зоркая*, с. 142).

Вслед за «Белой гвардией» во МХАТе сорвался и выпуск «Зойкиной квартиры» в Студии. 6 июля на заседании совета Студии Булгакову предложили внести переделки в пьесу.

Лето Булгаков провел в Крюково, под Москвой, на даче у Понсовых. Дочь Понсовых, Елена, играла в «Зойкиной квартире» швею. В гости наведывались Р. Н. Симонов, А. А. Орочко (будущая Алла), В. К. Львова.

Первое письмо М. А. Булгакову А. Д. Попов отправил через десять дней после заседания совета, 16 июля 1926 года.

«*Умоляю*, в интересах дела, в интересах успеха спектакля и пьесы *свести ее к 3 актам*, т. е. так, как предлагал Вам *совет* и на что Вы *не согласились* и предлагаете оставить 3-й акт („Китайская любовь“ и „Тоска“). 〈...〉 1-ю и 2-ю картины II акта я бы соединил в *одну* картину...» (*Попов*, с. 306—307).

Булгаков ответил 26 июля письмом, исполненным сарказма: «По-видимому, происходит недоразумение: я полагал, что я передал Студии *пьесу*, а Студия полагает, что я продал ей *канву*, каковую она (Студия) может поворачивать, как ей заблагорассудится.

Ответьте мне, пожалуйста, Вы — режиссер, как можно 4-х актную пьесу превратить в 3-х актную?!

1-й акт. Приезд Аметистова.

2-й акт. Кончается демонстрацией (*по плану Вашего совета*).

Из задачника Евтушевского: спрашивается, что должно происходить в 3-м (последнем?!) акте?! Куда я, автор, дену китайцев, муровцев, тоску и т. д.? Куда? Убрать китайскую любовь? Зачем тогда прачешная в 1-м акте? Кому нужна Манюшка?

Коротко: „Зойкина“ — 4-х актная пьеса. Не-воз-мож-но ее превратить в 3-х актную. 〈...〉 Итак: я согласился на переделки. Но вовсе не затем, чтобы устроить 3 акта.

Я сейчас, испытывая головные боли, очень больной, задерганный и затравленный, сижу над переделкой. Зачем? Затем, чтобы убрать сцену в Муре. 〈...〉 Затем, чтобы переносить кутеж в 4-й акт. 〈...〉 Одна возня с кутежом может довести до белого каления (изволь писать новый текст для 4-го акта и для 3-его!!). В одном мы сходимся: сцену „фабрики" и „Аллы – Зои" можно вести как 1 картину. Это я устрою. Вам будет удобно. 〈...〉

Я еще молчу о том, что у меня безжалостно вышибали (и без всякой цензуры!) лучшие фразы из текста: где „Зойка – вы черт"? где „ландышами пахнет"? и т. д. и т. д. Где?.. Где? 〈...〉

Но ладно. Я переделываю, потому что, к сожалению, я „Зойкину" очень люблю и хочу, чтоб она шла хорошо.

И готовлю ряд сюрпризов. Не 3 акта будет, а, как было, 4-е. Но Газолин будет увеличен, кутеж будет в 4-м акте, Мура (сцены с аппаратами) не будет.

В голове теперь форменная чертовщина! Что мне делать с Аллилуей? Где будет награждение червонцами?

〈...〉 Но сколько бы мы ни переделывали, я не могу заставить актрис и актеров играть ту Аллу, которую я написал. Ту Зойку, которую я придумал. Того Аллилую, которого я сочинил. Это Вы, Алексей Димитриевич, должны сделать 〈...〉

На днях я студийной машинистке начну сдавать для переписки новую „Зойкину", если не сдохну. Если она выйдет хуже 1-й, да ляжет ответственность на нас всех! (*Совет в первую голову!*)» (*Письма*, с. 105–108).

3 августа Попов отвечает: «*Нужно и можно* сделать *три акта* 〈...〉 помню Ваши слова, когда Вы „на перекладных" писали пьесу и говорили: „Излишнее многословие вы всегда можете сократить".

А то, что „ландышами пахнет" и „Зойка – вы черт!" являются „*лучшими* фразами", позвольте Вам, Михаил Афанасьевич, не поверить...» (*Попов*, с. 308).

Второе письмо Булгакова (от 11 августа) сдержаннее, ирония мягче. Он замечает: «Есть только одно: вы на моих персонажей смотрите иными глазами, нежели я, да и завязать их хотите в узел *немного* не так, как я их завязал». Далее автор по пунктам излагает структуру пьесы:

«1-й акт: как был, но с чисткой. Уходов Херувима не два, а один („До чего ты оригинальный!"), и концовка так: Херувим возвращается, мальчишки во дворе поют: „Многие лета! Многие лета!"

АМЕТИСТОВ. Манюшка! Что стоишь, как китайская стена? Кричи ура!

Тут и „ах, мерзавец!" и „Многие лета!", и музыкальный шум. Мне кажется, так веселей.

Кроме того, в 1-м акте несколько сокращений незначительных.

2-й. Фабрика на ходу, как была (ответственная дама – Агнесса Ферапонтовна, появляется Зойка, у швеи слова: „Зад как рояль, только клавиши приделать и в концертах можно играть"), затем, чтобы Аметистов мог поговорить с ними (со швеей и закройщицей) и их убрать. Тогда Алла входит *без* всяких *перемен*. Что мною и сделано.

Демонстрация: отчищена до блеска. Карта эта, по-видимому, битая.

Конец 2-го акта:

ГУСЬ-РЕМОНТНЫЙ (фамилия). А-телье!
АМЕТИСТОВ. Ан-тракт!
Занавес.

3-й акт.

Тоска, уход Аметистова, Обольянинова и Зойки. Китайцы. Мур. Предательство Газолина.

4-й акт. *В работе!!*

Начинается громом кутежа. Фокстрот на сцене и т. д.

Но вот в чем дело: скандал Аллы с Гусем *на публике* (как этого хочет совет) провести крайне трудно. Я уже примерял, комбинировал, писал, зачеркивал (продуктивная работа, Алексей Дмитриевич!). Гостей нужно удалить (Роббер, Мертвое тело) после награждения червонцами, и тогда уже тоскующему неудовлетворенному Гусю Аметистов подает Аллу как сюрприз. На закуску, так сказать. Их скандал, тоска

Гуся, убийство, побег Херувима, Манюшки, Аметистова и появление Газолина с Пеструхиным, Ванечкой и Толстяком. Газолин бушует: „как вы пустили (упустили) бандити Хелувима?!“

Мифическую личность из пьесы вон! Берут Аллилую, всех уводят, квартира угасает.

Конец.

⟨...⟩ При всем моем *добром желании* впихнуть события в 3 акта, не понимаю, как это сделать.

Формула пьесы, поймите, четырехчленна.

⟨...⟩ Сообщите все Ваши соображения. Б. м., Вам удастся 3-й и 4-й акты пустить в виде 2-х картин (один акт). (Почему вам так загорелось делать 3 акта?!)» (ЦГАЛИ, ф. 2417, оп. 1, ед. хр. 528).

Летняя переписка драматурга и режиссера дает возможность уточнить, в каком виде «Зойкина квартира» репетировалась в марте—апреле 1926 года. Экземпляр 1925—1926 годов З-I (см.: с. 363—410) был наиболее близок тому, по которому шла работа до генеральной репетиции.

Единственная поправка, уже сделанная Булгаковым, это замена двух сцен («фабрика на ходу» и «Алла – Зоя») одной.

Сохранился бланк Студии, без даты, на котором рукой А. Д. Попова намечен план «Зойкиной квартиры». Очевидно, это и есть тот план переделок, что был предложен Булгакову на заседании совета (см.: ИРЛИ, ф. 369, № 90).

В результате летней переделки пьесы Булгаков выполнил все предложения совета. III и IV акты образовали одно, III действие. Августовский экземпляр «Зойкиной квартиры» мог быть пущен в работу. Но 11 августа, когда и постановщик, и драматург еще не вернулись в Москву, в Студию пришла официальная бумага, датированная 17 июня 1926 года: «Управление госактеатрами препровождает Вам для сведения и исполнения выписку из протокола Художественно-политического Совета относительно репертуара Вашего театра: „Репертуар утвердить. Предложить Главреперткому специально проверить и тщательно просмотреть пьесу „Зойкина квартира“» (там же).

После 22 августа А. Д. Попов возвратился в Студию, и работа продолжилась. В начале сезона режиссер дал интервью о состоянии дел: «Сработанная в прошлом сезоне и показанная на закрытой генеральной репетиции „Зойкина квартира“ в настоящее время подверглась довольно серьезной переработке: как в драматургическом, так и в режиссерском смысле. На закрытом публичном прогоне, несмотря на очевидный успех у зрителя, для Студии и автора выяснился целый ряд недостатков как в области композиционной, так и в смысле театральном. Результатом этой проверки было то, что Студия отсрочила выпуск пьесы до осени, и за лето автором серьезно переработана вся пьеса в сторону большего сгущения и сжатия имеющегося материала. ⟨...⟩ Всю работу над пьесой предположено закончить к октябрю месяцу и вновь показать генеральной репетицией» (Музей Театра Вахтангова, № 441).

Итак, десять картин пьесы З-I (см. неполн. экземпляр, с. 363—410) свелись к семи (с. 161—248).

15 сентября 1926 года состоялась читка III акта, ставшего самым сложным в пьесе и спектакле. 28 октября Куза писал автору пьесы: «Ваше присутствие срочно необходимо. Мы вынуждены сделать кое-какие купюры в III акте (незначительные)» (ИРЛИ, ф. 369, № 90).

Сохранился экземпляр III акта с обширными вымарками красным карандашом. Снята открывавшая акт сценка Аллилуи, вымогающего у Аметистова очередную подачку за «молчание»; кроме того, две реплики (АМЕТИСТОВ. Эх, убраться бы из Москвы поскорей. – ОБОЛЬЯНИНОВ. Да, поскорей. Я не могу здесь больше жить); трижды вычеркнуто обращение «товарищ» членов «наркомпросовской комиссии» к Манюшке; красный карандаш вычеркивает подробности «кутежа», частушку Лизаньки («Отчего да почему, да по какому случаю коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю»), частушку Мертвого тела («Пароход идет прямо к пристани, будем рыб кормить коммунист...»), часть реплик Роббера, урезонивающего Мертвое тело, краткий диалог Манюшки и Херувима (о том, куда пропал Газолин); сокращен также монолог тоскующего Гуся и реплики в сцене скандала; снята часть реплик «гостей» после появления Ванечки и Пеструхина; обширная вымарка сделана в финале пьесы, когда «го-

стей» выводят из квартиры работники МУРа. И красным же карандашом приписана финальная фраза всех муровцев: «Граждане, ваши документы» (НЭ-II).

28 октября 1926 года прошла официальная премьера. Но и после нее контрольные проверки продолжались. 17 ноября Куза сообщал автору: «На этот раз наши и Ваши мучения, кажется, окончились. Главрепертком приветствовал спектакль, назвал его интересным и общественно-ценным. Сделаны только две поправки – о них завтра скажу при свидании. В 1 час у нас заседание завтра. Ждем Вас» (ИРЛИ, ф. 369, № 90).

В экземпляре НЭ-II сделаны две вклейки: по всей видимости, это и есть «две поправки» Главреперткома. Смысл коротких текстовых вставок конкретен. Первая содержит диалог китайцев, где Херувим называет Газолина «московским бурзуем», у которого «китайси двадцать часов работают». Тем самым Газолин компрометировался как «эксплуататор». Вторая вставка еще определенней. В сцене ареста Зоя бросала реплику: «А убийцы бежали!» Теперь в той же сцене агент угрозыска говорил по телефону: «Да, да, взяли в подъезде Аметистова и Херувима с горничной».

С коррективами Главреперткома и режиссуры связана, по всей видимости, перепечатка III акта как подвергшегося наибольшему количеству исправлений. Поэтому экземпляр сценического текста «Зойкиной квартиры» состоит из двух частей: I и II действия (НЭ-I) и III действия (НЭ-II), на последней странице которого 21 октября появилась печать: «Разрешается Главным Комитетом по контролю за репертуаром к продвижению в пределах РСФСР в театре: Студия им. Евг. Вахтангова. Экземпляр пьесы, содержащий твердый текст ⟨...⟩ зарегистрирован за № 1128» (З-IV). Слова «в пределах РСФСР» вычеркнуты, так как первоначально существующее ограничение постановки «Зойкиной квартиры» (как и «Дней Турбиных») только одним театром позднее было снято.

Перед началом репетиций «Зойкиной квартиры» А. Д. Попов выступил на труппе с докладом о задачах постановки: «Что это за пьеса? Есть ли она комедия нравов или комедия о нэпе? Мы на это ответим отрицательно. Сердцевина пьесы в другом. Пошлость, разврат и преступление являются тем жутким треугольником, который замыкает в себе персонажей этой пьесы. В „Зойкиной квартире“ каждый актер должен быть художником-прокурором для своего образа.

Все типы в пьесе отрицательны. Исключение представляют собой агенты Угрозыска, которых следует толковать без всякой идеализации, но делово и просто. Эта группа действующих лиц положительна тем, что через нее зритель разрешается в своем чувстве протеста» (Музей Театра Вахтангова, № 440).

Позиция режиссера была определена со всей ясностью. Принцип Станиславского: «Играешь злого – ищи, где он добрый» – отбрасывался. Нэпманы были рядом, «сильные, зубастые, злобные» (Булгаков), отыскать в себе сочувствие и интерес к их, пусть запутавшимся, жизням Попову было трудно. Схематизировать и «обличать» автор пьесы, однако, отказывался. Булгакову была дорога атмосфера мгновенных исчезновений и перемен, где есть ощущение дьявольского («сатанинского») соблазна. Он настойчиво вводил такие ремарки, как ««таинственно», «странен и страшен», «внезапно», необходимы ему были и реплики женщин о «ландышах» и «черте», а сцена, когда в «громадном зеркальном шкафу» загорается «ослепительная гамма туалетов», предвосхищала страницы романа «Мастер и Маргарита» с соблазнителем Бегемотом в варьете.

Режиссер реализовал в спектакле свое «чувство протеста» против героев пьесы, сводя тем самым многослойность художественного произведения (не важно, пьеса ли, спектакль) к одномерности «уголовной хроники», «судебного репортажа», жизненного «случая». Парадоксальность ситуации сказалась в том, что такая интерпретация принадлежала режиссеру, упреки же в схематизме адресовались Булгакову.

«А героине, Зойке, нос наклеили... Зачем? Она гораздо лучше без носа. Я в крайне раздраженном состоянии...» – записывал автор (цит. по: Совр. драматургия, 1982, № 2, с. 193). Но режиссер лишь последовательно выполнял обещанное: «Гримы должны быть заострены в реалистическом гротеске» (Музей Театра Вахтангова, № 440).

Критик А. Р. Орлинский сетовал на «неверный и неубедительный показ агентов МУР» (Правда, 1926, 13 нояб.), М. М. Моргенштерн – на то, что агенты эти вышли «с каким-то уголовным налетом» и вообще «финал на редкость стереотипен» (*Программы*, 1926, № 60, с. 10–11), но большинство рецензентов утверждало, что «в исполнительском отношении сплошной триумф, большие достижения» (там же). Выделялись актерские работы Ц. Л. Мансуровой, Р. Н. Симонова, И. М. Толчанова, А. И. Горюнова, О. Ф. Глазунова, Б. В. Щукина, Б. Е. Захавы.

В режиссерское задание актеры вносили коррективы. Актриса-вахтанговка писала о Мансуровой: «В своих ролях она никогда не была прокурором. 〈...〉 У Мансуровой и Зойка была необыкновенно обаятельной, не понимающей всей преступности своего поведения... На сцене злобы не было никогда» (*Синельникова М. Д.* Всегда живая и любимая. – В кн.: Первая Турандот (О жизни и творчестве Ц. Л. Мансуровой). М., 1986, с. 210). О лиризме в трактовке ролей Аллы и Гуся вспоминала М. О. Кнебель в своей книге «Вся жизнь» (М., 1967, с. 426).

Театральные деятели, возвращаясь к спектаклю много лет спустя, вспоминали об удачной музыкально-шумовой партитуре (автором ее был А. Д. Козловский); о великолепии парижских моделей «от Пакэна» (выполненных под руководством знаменитой Н. П. Ламановой); о блистательной актерской игре, заражающей азартной импровизационностью, превращающей спектакль в праздник театра и зрителя. Мансурова свидетельствовала об актерских находках Симонова: «В зрительном зале стоял стон, актеры на сцене всхлипывали от смеха» (цит. по кн.: *Симонов*, с. 344).

«У нас с Михаилом Афанасьевичем была игра, – вспоминал Симонов, – рассказывать друг другу биографию Аметистова. На каждом спектакле мы придумывали что-то новое. И наконец решили, что Аметистов – незаконнорожденный сын великого князя и кафешантанной певицы» (*Симонов*, с. 154). В герое Булгакова – Симонова торжествовала жизненная энергия, победительность комической стихии, дар лицедейства.

«Огромные, гиперболизированные банты украшали стены „мастерской“, манекены, роскошные ткани создавали впечатление „дела“, поставленного на европейскую ногу. Потом эта „трудовая квартира“ меняла свой облик и ритм – начиналось ночное демонстрирование живых моделей» (*Кнебель М.* Вся жизнь, с. 425).

Зрительский успех «Зойкиной квартиры», как и «Дней Турбиных», был бесспорен. Спектакль пользовался таким спросом, что система его проката приближалась к «бродвейской» – его играли чуть ли не через день.

Сохранились замечания Б. В. Щукина по актерским работам в «Зойкиной квартире», датированные 19 октября 1927 года (опубликованы: *Гудкова В.* «Зойкина квартира» М. Булгакова. – В кн.: М. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 115–118). Щукин детально оценивал каждую роль, делал конкретные замечания актерам.

Сцену тоски Щукин отметил как прекрасную. Ее описание оставил Р. Н. Симонов. «В последнем акте, мучаясь тревожными предчувствиями, сидели в гостиной два человека – граф Обольянинов и проходимец Аметистов. 〈...〉 Граф садился за пианино, я пел романс „Ты придешь ли ко мне, дорогая“. Музицируя, граф неожиданно переходил на „Боже, царя храни...“. Тогда Аметистов вскакивал верхом на пианино, как на лошадь, брал под козырек и, ощущая себя на параде в присутствии воображаемой высочайшей особы, истошно патриотическим голосом кричал: „Ура!!“ Эта сцена родилась на самостоятельной репетиции. 〈...〉 Михаил Афанасьевич принял и горячо похвалил Козловского и меня, считая, что мы до конца раскрыли авторский замысел» (*Симонов*, с. 154).

Одно из представлений «Зойкиной квартиры» смотрел К. С. Станиславский. Актер-вахтанговец И. М. Рапопорт свидетельствовал, что Станиславский был доволен, много смеялся, а о «сцене тоски» заметил: «Французская игра» (см.: *Воспоминания*, с. 361). Сопоставляя эту оценку с замечаниями Щукина, можно уяснить, что имелось в виду: блеск оправданного трюка, легкость, «техничность» исполнения.

К концу сезона 1926/27 года «Зойкина квартира» у вахтанговцев выдержала сто представлений. Театр приветствовал автора телеграммой: «Театр имени Вахтангова поздравляет дорогого Михаила Афанасьевича сотым спектаклем „Зойкиной квартиры“» (цит. по: *Гудкова В.* «Зойкина квартира» М. Булгакова. – В кн.: М. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, с. 113).

Как сообщала 2 февраля 1927 года «Наша газета», по популярности среди сов-

торгслужащих «Зойкина квартира» оказалась на седьмом месте, впереди были: «Борис Годунов» Большого театра, «Горячее сердце» МХАТа, «Блоха» и «Гамлет» МХАТа-2, «Любовь Яровая» Малого театра и «День и ночь» Камерного...

Несмотря на успех, 9 ноября 1927 года «Зойкину квартиру» сняли с вахтанговской афиши. В апреле 1928 года она возвратилась в репертуар (см.: Совр. театр, 1928, № 15, с. 317). С течением времени в составе исполнителей произошли некоторые изменения, у ряда актеров появились дублеры. Сохранился отзыв актера О. Н. Басова: «Обрадовал бы меня О. Ф. Глазунов, если бы смело, с момента обнаружения в модельщице своей невесты и до конца, перевел роль в драматическую плоскость. 〈...〉 Почему мы ни в одном почти спектакле не ценим возможности использовать драматическое положение или достичь хотя бы мгновенного обнажения человеческого существа? Почему мы ничего в себе не жалеем, лишь бы вызвать в зале смех? Неужели мы из тех, для кого „смысл всей жизни – смех“?» (Музей Театра Вахтангова, № 440). В спектакль проникали «эстрадные» способы общения с публикой, «разваливая» его изнутри. Тем не менее публику он привлекал по-прежнему. И по-прежнему выступали против него критики-ортодоксы, добиваясь его снятия.

В конце 1920-х годов «Зойкину квартиру» ставили Драматический театр им. А. В. Луначарского в Ростове-на-Дону, Тифлисский рабочий театр, Крымский государственный драматический театр (Симферополь), Саратовский государственный театр им. Н. Г. Чернышевского, Бакинский рабочий театр, Киевский русский драматический театр, Свердловский государственный театр им. А. В. Луначарского, а также Театр русской драмы в Риге. От этого противники пьесы только ожесточались. Требования снять пьесу с репертуара не утихали: «Я напишу строки четыре. / И станет ясно дело в ком: / Сдается „Зойкина квартира“, / Но снять не хочет реперткомъ» (Веч. Москва, 1927, 14 февр.).

4

Спектакль «Зойкина квартира» рецензировался обильно, но анализ собственно художественной ткани почти отсутствовал: преобладали общие оценки и упреки идеологического характера. Обнаруживались характерные черты рапповской критики, которой удалось весной 1929 года добиться окончательного снятия спектакля.

За три недели до премьеры о спектакле рассказывал автор: «Это трагическая буффонада, в которой в форме масок показан ряд дельцов нэпманского пошиба в наши дни в Москве» («Зойкина квартира» М. Булгакова (Из беседы с автором). – Новый зритель, 1926, № 40, с. 14). А. Д. Попов публично утверждал иное: «Для студии и для меня, режиссера спектакля, „Зойкина квартира“... не является комедией о нэповских дельцах». Высказывались претензии: «Общественно-политические вопросы в пьесе недостаточно четко поставлены». И далее: «Все, что говорят и делают действующие лица пьесы, не возвышается подчас над анекдотом. 〈...〉 Каждый образ пьесы – жуткая гримаса. Авантюризм, пошлость, разврат – вот ассортимент „Зойкиной квартиры“. 〈...〉 Люди потеряли человеческий облик – стали социальной слякотью» («Зойкина квартира» в Студии им. Вахтангова (Беседа с режиссером А. Поповым). – Веч. Москва, 1926, 26 окт.). Беседа появилась за два дня до премьеры.

В те же дни В. В. Куза писал Булгакову: «Дорогой Михаил Афанасьевич! Не откажите в любезности написать и передать с подателем сего беседу о „Зойкиной квартире“ для ближайшего номера „Известий“». И в постскриптуме: «Не гневитесь на „Вечернюю Москву“. Как и полагается, этот идиот в буквальном смысле слова все переврал, что говорил ему А. Д. Попов» (ИРЛИ, ф. 369, № 90). Но версию Кузы опровергает сохранившийся черновик заметки А. Д. Попова, свидетельствующий о том, что заранее написанный текст беседы в «Вечерней Москве» был, напротив, смягчен (см.: Музей Театра Вахтангова, № 440).

Отклики прессы помогают понять ситуацию вокруг премьеры. «Еще в прошлом сезоне „Зойкина квартира“ должна была открыть булгаковскую эпопею на московских театрах. Но изумительная общественная *баня* по случаю „Дней Турбиных“ прояснила многие головы и в первую очередь голову постановщика „Зойкиной квартиры“ А. Попова» (*Боголюбов*. Еще раз о «Зойкиной квартире». – *Программы*, 1926, № 64, с. 11). В дальнейшем драматурга и режиссера разделяли резкой чертой, утверждая за Булгаковым «отрицательное влияние», а за Поповым – позитивное преодоление недостатков литературного материала.

В иностранную прессу была отправлена телеграмма агентства СССР с информацией о «Зойкиной квартире»: «Пьеса сценична. Смотрится с интересом, в особенности первое действие. Много внешних эффектов. Но по существу — совершенно бессодержательна, местами смахивает на фарс. Общественное ее значение ничтожно. Поставлена хорошо. Актеры играют талантливо, показали высокий образец актерской техники» (Музей Театра Вахтангова, № 442).

Мнения критиков о премьере разошлись. Б. И. Лев считал, что «Зойкина квартира» смотрится «легко, благодаря отчасти фельетонному острословию диалога и, главным образом, усилиям режиссера Попова, выдумке художника Исакова и блестящей, мастерской игре актеров» (Наша газета, 1926, 3 нояб.). М. Б. Загорский в статье «Второй опус Булгакова — „Зойкина квартира“» писал: «Даже публика премьеры ответила холодным молчанием на эту попытку подменить жанр бытовой социальной комедии — бульварным жанром фарсовых водевиль-ревю с раздеваниями и фокстротами» (Веч. Москва, 1926, 1 нояб.). В другой статье — «„Зойкина квартира“ в Студии им. Вахтангова» — он утверждал: «На премьере спектакль потерпел жуткий провал» (*Программы*, 1926, № 59, с. 9). Пьесу называли «голым драматургическим репортажем» (*Волков Н.* «Зойкина квартира». — Труд, 1926, 5 нояб.), «несомненной репертуарной ошибкой» и «скверным драматургическим анекдотом» (*Орлинский А.* «Зойкина квартира». — Правда, 1926, 13 нояб.), находили, будто она «написана в стиле сборника пошлейших обывательских анекдотов» (*Уриэль* [Литовский О. С.]. Булгаков взялся за нэп. — Комс. правда, 1926, 13 нояб.). Спектакль расценивали как «уголовную хронику ради хроники» (*Тугендхольд Я.* «Зойкина квартира». — Красная газета, веч. вып., 1926, 6 нояб.). Писали и такое: «Таможенная стража зорко охраняет границы СССР от хозяйственной контрабанды, а в то же время в Москве, на сцене Государственного академического театра актеры разыгрывают пьесу, контрабандой проникшую на советскую сцену» (*Минский К.* Париж на Арбате. — Экран, 1926, № 44, с. 13).

Рецензенты спорили на страницах одного и того же издания. М. Б. Загорский в «Программах» (1926, № 59, с. 9) полагал, что «остренькую псевдосовременную комедийную тему, изготовленную приемами газетного фельетона для обывателей», режиссура пыталась спасти, «но потерпела крушение». М. М. Моргенштерн защищал А. Д. Попова: театр «покрывает своей работой почти никчемный, ненужный и отчасти даже вредный сюжет „Зойкиной квартиры“». Критик предлагал Булгакову дать в финале «картину перевыборов домкома с забаллотированием Аллилуйи и провалом всей зоевско-гусевской постройки» и добавлял: «Хороший был бы конец для исключительно удавшегося спектакля на подмостках Театра Вахтангова» (*Программы*, 1926, № 60, с. 10—11).

Порой, минуя собственно спектакль, писали только об авторе пьесы: «Знакомая московскому зрителю насквозь мещанская идеология этого автора здесь распустилась поистине в махровый цветок» (*Павлов В.* Три премьеры. — Жизнь искусства, 1926, № 46, с. 11). Булгаков приглашает «посочувствовать бедным приличным дамам и барышням, в столь тяжелое положение поставленным большевиками» (*Глебов А.* Театр сегодня. — Печать и революция, 1926, кн. 10, с. 99). Н. Боголюбов заявлял в уже цитированной рецензии: «Горьким смехом смеется Булгаков. Таким, каким смеются над самим собой перед лицом своей политической смерти. 〈...〉 В смысле социально-политическом булгаковские пьесы — это попытка потерянного, отчаявшегося и ничему не научившегося сменовеховца утвердить себя в советской действительности со всем грузом упадочничества, принесенного из древне-дореволюционных времен» (*Программы*, 1926, № 64, с. 11). Все пределы мыслимой на страницах печати грубости переступил киевский отклик: «Литературный уборщик Булгаков ползает на полу, бережно подбирает объедки и кормит ими публику» (*Якубовский С.* Уборщик «Зойкиной квартиры». — Киевский пролетарий, 1926, 29 окт.).

В мае 1927 года состоялось расширенное совещание по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б), на котором вместе с пьесой «Дни Турбиных» во МХАТе резкой критике в ряде выступлений (В. И. Блюма, П. И. Лебедева-Полянского, А. Р. Орлинского и др.) был подвергнут и вахтанговский спектакль «Зойкина квартира» (см.: Пути развития советского театра. Стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 года. М.; Л., 1927, с. 77).

С началом театрального сезона 1927/28 года спектакль уже провожали в небытие под рубрикой «Театральный разъезд»: «Меняю Зойкину квартиру на такую же доход-

ную пьесу. Звонить с 7 ноября в Театр им. Вахтангова. Плачу авторские по соглашению. Булгаковых просят не беспокоиться» (Совр. театр, 1927, № 4, с. 62).

Почему же с 7 ноября?

В. В. Куза 7 октября 1927 года писал «тов. Антонову» в Тверскую губернию: «В ответ на Ваше письмо сообщаю Вам, что пьеса „Зойкина квартира" имеет разрешение Главреперткома на постановку только в нашем театре. Это разрешение действительно по 7 ноября с. г. После этого срока пьеса „Зойкина квартира" будет снята с репертуара и нигде в пределах РСФСР к постановке разрешена не будет... меня удивляет, какие источники или какие лица могли рекомендовать эти пьесы (в письме Антонова упоминались еще «Дни Турбиных». – *В. Г.*), поскольку авторитетное совещание по театру при ЦК ВКП(б) высказалось категорически против этих обеих пьес. Поэтому мой совет Вам – в этом направлении не производить больше никаких шагов, т. к., во-первых, они будут безрезультатны, а во-вторых, могут скомпрометировать руководящий персонал Вашего Театра» (Музей Театра Вахтангова, № 441).

А 19 июня 1928 года «Известия» сообщали: «Коллегия Наркомпроса утвердила решение Главреперткома о снятии с репертуара московских театров следующих постановок 〈...〉 „Бег" (МХАТ-I), „Дни Турбиных" (МХАТ-I – за театром временно сохраняется право постановки до первой новой пьесы), „Братья Карамазовы" (МХАТ-I) и „Зойкина квартира" (Театр имени Вахтангова)». Таким образом, нежелательными оказались в 1928 году два автора: Булгаков и Достоевский. Пресса выражала пожелание: «Вахтанговцам – выехать из „Зойкиной квартиры"» (Новый зритель, 1928, № 46, с. 8). Весной 1929 года все пьесы Булгакова выпали из репертуара (см.: Театры освобождаются от пьес Булгакова. – Веч. Москва, 1929, 6 марта). «Зойкина квартира» была снята 17 марта 1929 года после 198-го представления. Увидеть ее на сцене автору больше не довелось.

5

Зарубежные театральные и литературные деятели начали обращаться к Булгакову в связи с «Зойкиной квартирой» уже через месяц после премьеры. Информация для иностранной прессы о новой пьесе ушла 1 ноября 1926 года.

«Подательница сего, Анна Владимировна Ясная – моя добрая знакомая. Как я уже Вам говорил, она и m-r Сустер (корреспондент „Пополо", Италия) хотели бы переговорить с Вами по поводу перевода Ваших произведений на итальянский язык», – писал Булгакову В. В. Куза 28 ноября 1926 года (ИРЛИ, ф. 369, № 90). Спустя три года, в 1929 году (авторское разрешение датировано 7 октября 1928 года), «Зойкина квартира» вышла на немецком языке, в Берлине; в 1935 году была переведена на английский язык.

В июле 1933 года к Булгакову обратилась с письмом актриса М. Рейнгардт (по-видимому, русская актриса-эмигрантка). В шести письмах, адресованных М. Рейнгардт (см.: Совр. драматургия, 1986, № 4, с. 260–268), Булгаков дал свой, детально разработанный режиссерский план постановки, начиная с «образа спектакля», того, каким ему мыслилось его декорационное оформление, продолжая характеристиками действующих лиц и кончая описанием одежды, обуви. В творческой истории «Зойкиной квартиры» предложение М. Рейнгардт о постановке ее на сцене парижского театра «Старая голубятня» сыграло весьма важную роль: подготовка парижской премьеры привела писателя к созданию новой, второй редакции пьесы в апреле – мае 1935 года.

30 августа 1933 года Булгаков писал брату Николаю Афанасьевичу: «Ясно, что ЗОЙКИНА ходит за границей в одном из тех экземпляров, которые неизвестным для меня способом какие-то лица, возможно, что через Ригу или Берлин, пустили в обращение». Он просил установить «опознавательные какие-либо признаки рейнгардтовского экземпляра (перечень действующих лиц, указание количества картин и актов, начала и концовки картин) 〈...〉 Сверивши реплики, я прикину и определю, какой это, примерно, вариант пьесы?» (*Письма*, с. 268). 4 октября Булгаков сообщал ему же: «Твой экземпляр – некорректированный экземпляр, содержащий некоторые искажения и многочисленные опечатки. 〈...〉 Я немедленно вооружаюсь одним из своих экземпляров ЗОЙКИНОЙ, полагая, что он точно такой, как твой, и вышлю тебе поправки, стараясь исправить неряшливости, чтобы не искажать смысл» (там же, с. 215).

В письме к М. Рейнгардт от 31 июля 1934 года Булгаков требовал исключить из

текста пьесы упоминания имен и фамилий членов правительства СССР: Ленин, Ильич, Сталин. Затем продолжал:

«По списку действующих лиц я прошу сделать следующие исправления:

Вместо „Обольянинов" – „Абольянинов".

Вместо „Ремонтный" поставить фамилию „Гусь-Ремонтный", причем всюду действующие лица должны, говоря о нем, произносить первую именно часть его фамилии, называя его „Гусь".

Кроме того, не „Robert", а „Роббер" (фамилия) с ударением на первом слоге.

По-видимому, пьеса в том виде, как она лежит передо мной, содержит длинноты. Как их исключить, я сообщу Вам в следующем письме...» (Совр. драматургия, 1986, № 4, с. 263).

Н. А. Булгаков 24 июня пишет брату из Парижа в Москву: «Кто-то перевел на сербский язык „Зойк/ину/ кв/артиру/" и состряпал „постановочку" для тамошн/его/ театра. Сделано это было так головотяпски, что на премьере вышел скандал: публика начала протестовать против пошлости и распущенности. Не ясно, снята ли данная обработка дирекцией или нет!» (Дружба народов, 1989, № 2, с. 219). Получив это сообщение, Булгаков 1 августа в ответном письме к брату резко высказался о постановщиках «Зойкиной квартиры» в Белграде: «Сукины дети они! Что же они там наделали! Пьеса не дает никаких оснований для того, чтобы устроить на сцене свинство и хамство! И само собою разумеется, я надеюсь, что в Париже разберутся в том, что такое трагикомедия. Основное условие: она должна быть сделана тонко, и я об этом подробно пишу Рейнгардт...» (*Письма*, с. 312).

1 августа 1934 года Булгаков направил М. Рейнгардт еще два письма, содержащих развернутые авторские разъяснения к пьесе (см.: Совр. драматургия, 1986, № 4, с. 265). Он настаивал: тональность пьесы, атмосфера спектакля – не ординарное уголовное преступление и скорый арест виновных, но тема искушения, соблазна, все та же, по выражению Е. И. Замятина, «фантастика, корнями врастающая в быт», заявленная еще в прозаической «Дьяволиаде».

В апреле 1935 года Булгаков начал от руки переписывать текст пьесы в тетрадь, на титульном листе которой определил жанр: «трагический фарс» (ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 7). На протяжении многих лет определение жанра варьировалось: в 1926 году – «трагическая буффонада», в 1934-м – «трагикомедия», наконец, в 1935-м – «трагифарс». Но при изменении второй части определения (буффонада – комедия – фарс) первая часть оставалась неизменной: Булгаков настаивал на трагическом элементе. С 10-й страницы I акта переписка от руки прекратилась, дальше пьеса печаталась на машинке под диктовку автора. Загруженный работой в Художественном театре, Булгаков 26 апреля послал записку режиссеру Н. М. Горчакову: «Дорогой Николай Михайлович! У меня от переутомления развилась невралгия, поэтому я очень прошу Вас освободить меня на две недели от ассистентской работы. Если Вы находите нужным, чтобы об этом я подал заявление в дирекцию, я его подам» (Музей МХАТа, ВЖ № 4557). 28 апреля 1935 года гостям дома читался I акт, а 13 мая Е. С. Булгакова записала в дневнике, что работа над «Зойкиной квартирой» продолжалась «в течение недели» и 10 мая была завершена (см.: ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 24). 13 мая Булгаков писал брату в Париж: «Сообщаю тебе, что, с моего разрешения, переводчик Эммануил Львович Жуховицкий (Москва), совместно с Чарльзом Боолен, Charles Bohlen, секретарем Посольства Соединенных Штатов в Москве, обратившимся ко мне с просьбой перевести „Зойкину" на английский язык, эту пьесу на английский язык перевели.

Они сделали перевод с экземпляра, собственноручно мною откорректированного и сокращенного. ⟨...⟩ В моем исправлении пьеса приобрела, наконец, компактный и очищенный вид.

Прошу тебя, если это еще можно, произвести во французском экземпляре сокращения и некоторые изменения, которые я тебе укажу в ближайших письмах.

Первое, что следует сделать, и это важно, – заменить фамилию Аллилуйя фамилией Портупея» (*Письма*, с. 326 – 327).

При перепечатке довершилась авторская переориентация текста. Сравнительно безобидный «аллилуйщик»-подхалим превратился в зловещую фигуру пособника арестов, ночного соглядатая Портупею; индивидуализированные прежде сотрудники ГПУ – в персонажи-функции с номерами вместо фамилий. Булгаков возвратил ремарки, существовавшие в самом раннем из известных вариантов пьесы («двор играет, как страшная музыкальная табакерка»), восстановил реплику теперь уже не

Аллилуйи, а Портупеи: «Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаетесь»; реплику Аллы: «Вы знаете, Зойка, кто вы? Вы – черт!» – и некоторые другие. Финальная фраза, доверенная Абольянинову, стала чуть шире: «У меня мутится рассудок... Смокинги... Кровь... Простите, пожалуйста, я хотел вас спросить, отчего вы в смокингах?»

В 1926 году Обольянинов не воспринимался как центральный герой пьесы ни режиссурой, ни критикой. В 1934 году, рассказывая М. Рейнгардт о своих героях, Булгаков начал с описания именно Абольянинова.

Человек, «не постигающий» происходящего, последовательно демонстрирует реакции абсолютно немыслимые, отодвинувшиеся в прошлый век (обещает «прислать секундантов» к Гусю за нанесенное оскорбление, вступается за честь женщины – в публичном доме и даже в миг катастрофы, когда рухнула последняя надежда на отъезд, поражен несовпадением смокинга и желтых ботинок как вопиющей «неправильностью»). Здесь не только авторская усмешка над безнадежно «выпавшим» из современной жизни героем, но и упрямое утверждение должного, правильного.

В редакции 1935 года изменена и речевая характеристика Абольянинова, смягчен мотив морфинизма, стали сдержаннее интонации, появилась некоторая идеализация персонажа, в этой редакции несколько «отодвинутого» и от опекающей его Зойки, и от остального окружения. Усилился мотив неприятия Абольяниновым новой, непонятной ему действительности. Отстраненность персонажа существенно повлияла на звучание пьесы в целом. «Экзотическое растение» (по характеристике Аметистова), граф Абольянинов – это герой, не меняющийся с переменой обстоятельств, помнящий о том, что «есть ценностей незыблемая скала». Ему и доверено автором окончить 2-ю редакцию пьесы.

В редакции 1935 года соединены два слоя правки: конъюнктурного характера (где смягчаются или снимаются вовсе идеологически заостренные реплики) и собственно художественная авторедактура. К первой категории надо отнести замену рассказа Аметистова о том, как он продавал в поезде «портреты вождей»: теперь он продает брошюрки «Существуют ли чудеса?». По тем же мотивам изъяты тирады Аметистова о его неудавшейся «партийной» карьере, монолог Абольянинова об эксперименте над курицей, исчезли некоторые реплики пьяных гостей и их частушки. Собственно художественная редактура – это прежде всего новые оттенки образа Абольянинова, смягчение образов «манекенщиц» мастерской, Аллы, Лизаньки, эпизодов кутежа. Пьеса теперь уместилась в три акта, семь картин. Менее конкретно обозначилось время действия («в двадцатых годах XX столетия»). Убавилось сленга 1920-х годов, зато явственнее зазвучали языковые предвестия «главной вещи» писателя – романа «Мастер и Маргарита».

С. 162. *«На земле весь род людской...», «Чтит один кумир священный...», «В умилении сердечном, прославляя истукан...»* – из куплетов Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст».

С. 163. *Опять уплотнение?* – Тема жилищного кризиса звучит у Булгакова уже в «Москве двадцатых годов» (одна из глав носит название: «Вопрос о жилище»). «Трактат о жилище» (М.; Л., 1926) – ранний сборник рассказов Булгакова.

С. 164. *...червонцы лежат...* – С 1922 года в стране выпускались банковские билеты купюрами в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев, которые обеспечивались золотом и твердой валютой. Они постепенно вытесняли обесцененные «совзнаки».

С. 165. *С души как бремя скатится, / Сомненье далеко – / И верится, и плачется...* – строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва».

...дали мне у Мюра... – подразумевается магазин на углу Петровки, напротив Большого театра (ныне ЦУМ), принадлежавший до революции торговой фирме «Мюр и Мерилиз».

С. 166. *«Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной: / Напоминают мне оне / Другую жизнь и берег дальный...»* – начало романса на стихи А. С. Пушкина.

С. 167. *Вывеска: «Вхот в санхайскую працесную».* – См. об этом: *Зоркая Н.*, с. 140: «Китайские прачечные, где тихие и льстивые мужчины идеально стирали и крахмалили белье».

С. 170. *«Покинем, покинем край, где мы так страдали...»* – Правильно: «Покинем,

покинем край мы, где так страдали...» – из дуэта Альфреда и Виолетты в опере Дж. Верди «Травиата».

С. 171. *...в Мисильпроме возьму.* – Манюшка имеет в виду ближайший магазин Моссельпрома (Московского треста по переработке продуктов сельского хозяйства).

Вечер был, сияли звезды, / На дворе мороз трещал, / Шел по улице малютка... – первые строки широко распространенного в свое время стихотворения для детей К. Н. Петерсона «Сирота». М. А. Булгаков при цитировании заменил слово «сияли» на «сверкали». Существовало несколько музыкальных переложений этого стихотворения – А. М. Бюхнера, А. Е. Лозового, К. П. Реймера, В. С. Ружицкого.

С. 174. *Шмендефер* – азартная карточная игра.

Узнаю коней ретивых... – измененная Зоей строка стихотворения А. С. Пушкина «Из Анакреонта. Отрывок». В подлиннике: «Узнают коней ретивых – / По их выжженным таврам...»

С. 176. *Итак, мы начинаем!* – концовка пролога в опере Р. Леонкавалло «Паяцы».

С. 178. *Спартри* – фасон дамской шляпы, от sparterie (особого вида плетеное изделие. *Франц.*).

С. 183. *...слово бывшего кирасира.* – Кирасиры – тяжелая кавалерия, учрежденная в России в царствование Анны Иоанновны. Привилегированность блестящих гвардейских полков, формировавшихся только из дворян, по всей видимости, и привлекла Аметистова, выдающего себя за кирасира.

С. 184. *Пакэн* – Алла имеет в виду знаменитый модный дом в Париже.

С. 187. *И на могилу обещай ты приносить мне хризантемы...* – строка из популярного романса «Хризантемы», стихи и музыка А. И. Радошевской.

С. 191. *Что вы плачете так, одинокая, бедная девочка.* – Аметистов неточно цитирует строчки из романса А. Н. Вертинского «Кокаинетка». В подлиннике: «Что вы плачете здесь, одинокая, бедная девочка, / Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы... / Ваш сиреневый трупик укутает саваном тьма...»

С. 203. *Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны...* – строки из песни на слова Д. Н. Садовникова.

С. 210. *...он лежит, как труп в пустыне...* – Гусь перефразирует стихотворную строку из «Пророка» А. С. Пушкина: «Как труп в пустыне я лежал...»

С. 214. *Ехать так ехать, сказал попугай.* – Мертвое тело произносит реплику, которая была использована А. Т. Аверченко в качестве эпиграфа к рассказу «Как я уехал»: «Ехать так ехать, – добродушно сказал попугай, которого кошка тащила из клетки».

С. 378. *Пароход идет прямо к пристани... будем рыб мы кормить... коммунистами...* – частушка времен гражданской войны. Опубликована с незначительными вариациями: «Пароходик идет / Прямо к пристани, / Будем рыбку кормить / Коммунистами» (*Князев В.* Современные частушки. М.; Пг., 1924, с. 12).

С. 380. *Берегись! – сказал Казбеку / Седовласый Шат, – / Покорился человеку / Ты недаром, брат!..* – строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор».

БЕГ

При жизни автора публиковался лишь фрагмент пьесы – «сон седьмой»: Булгаков М. Бег. Седьмая картина. – Веч. Красная газ., 1932, 1 окт.

Впервые – в кн.: Булгаков М. Пьесы. М., 1962; далее – в кн.: Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965; в кн.: Булгаков М. Пьесы. М., 1986.

Рукописные источники пьесы неизвестны.

1

Имеются машинописные перепечатки:

1) Пьеса в 5-ти действиях, «восьми снах» – ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 11, 161 л. Экземпляр датирован 1926–1928 годами, машинопись с авторской правкой на листах тетрадного формата (Б-I). На титульном листе вырван клочок бумаги; пояснительная записка Е. С. Булгаковой, приложенная к тексту пьесы, сообщает, что в тексте имелось посвящение актерам-турбинцам В. С. Соколовой, Н. П. Хмелеву, М. М. Яншину: «Вырвано руками М. А. Булгакова – в ту пору, когда он, обозлившись при

воспоминании, как у него иногда вынуживали посвящения, стал вырывать из всех экземпляров с посвящениями свою подпись и самое посвящение».

Упоминаются имена реальных исторических лиц: Врангеля, Троцкого. В перечне действующих лиц: Гаджубаев, служащий контрразведки; летчик; гусарский ротмистр; два буденовца; трое в павлиньих перьях с гармониками; муэдзин. Указан точный возраст центральных действующих лиц.

Намечены вымарки, иногда значительные.

Эпиграфы к картинам («снам») следующие:

...Мне снился монастырь...

...Сны мои становятся все тяжелее...

...Игла освещает путь Голубкова.

...И отправились сыны Израилевы...

Янычар сбоит...

Мадрид – город испанский.

Три карты, три карты, три карты!..

Жили двенадцать разбойничков... (в других экземплярах – «разбойников»).

2) Пьеса в 5-ти действиях – ЦГАЛИ, ф. 2196, оп. 3, ед. хр. 371, 162 л. Пять сшитых нитками тетрадей. Машинопись со вставками автора, датированная 15 марта 1933 года (Б-II). На 1-й странице пьесы, с перечнем действующих лиц, оторван клочок бумаги со штампом (повторенным на иных страницах): «Биб-ка реперт. конторы Моск. Худ. ак. театра», инв. № 1.

Экземпляр содержит правку автора, его вставки, пометы синим и красным карандашами. Отмеченное синим карандашом в дальнейшем редактировалось («октябрьская мгла» заменена «осенней», «скудова» – на «откуда» и т. д.). Отмеченное красным карандашом во второй редакции пьесы опущено. Имеются карандашные пометы на полях.

Нестандартные листы, на которых перепечатан текст, выявили строгую выверенность его частей.

1-я тетрадь (1-й сон) – первое действие – 25 с.

2-я тетрадь (2-й сон) – второе действие – 27 с.

3-я тетрадь (3-й и 4-й сны) – третье действие – 29 с.

4-я тетрадь (5-й и 6-й сны) – четвертое действие – 32 с.

5-я тетрадь (7-й и 8-й сны) – пятое действие – 34 с.

То есть каждое последующее действие увеличивается на две страницы.

Данный текст аутентичен тексту Б-I.

3) Пьеса в 5-ти действиях – ИРЛИ, ф. 369, № 123, 210 л.

Суфлерский экземпляр (Б-III). Формат бумаги нестандартный, на странице – 20 строк вместо 28. На 1-й странице – штамп: «Музей МХАТ», № 8439, на странице 4-й и 80-й – еще один штамп: «Биб-ка реперт. конторы Моск. Худ. ак. театра», инв. № 10.

Б-II и Б-III перепечатывались с одного и того же текста и имеют общие ошибки (например, «удостоверилась» вместо «удостоилась»).

Так как это суфлерский экземпляр, в нем отмечено начало словесного материала, то есть начало роли, а ремарки (со сцены не произносимые) отчеркнуты.

Встречаются опечатки, отличающие Б-III от Б-II (например: «Вы неинтеллигентные люди!» – вместо: «Вы же интеллигентные люди!»; или «уловками» вместо «удавками» – в монологе Крапилина).

На странице 24-й вписаны три строчки на латыни – слова игумена.

По-видимому, именно по этому экземпляру МХАТ репетировал пьесу в сезон 1932/33 года.

4) Пьеса в 5-ти действиях – ГБЛ, ф. 218, к. 1268, ед. хр. 9, 161 л.

Экземпляр 1928 года, не правленый, с опечатками и ошибками (Б-IV).

5) Пьеса в 4-х действиях – ИРЛИ, ф. 369, № 126, 90 л.

Экземпляр 1937 года (Б-V). Машинопись датирована 1927 годом, но цифра «2» фиолетовыми чернилами переправлена на «3» (1937).

Снят возраст действующих лиц. Нет имен Врангеля, Троцкого. Заменены некоторые эпиграфы. Вместо: «Игла освещает путь Голубкова» – стоит: «Игла светит во сне». Вместо: «И отправились сыны Израилевы» – «И множество разноплеменных людей вышло с ними». Вместо: «Мадрид – город испанский» – «Разлука, ты, разлука!..»

Имеются карандашные пометы на полях. Во сне втором после слов Чарноты: «Можешь погибнуть» — и ответа Люськи: «Ну, и слава богу» — стоит: «Всеобщий разброд, отчаяние». Все прочие пометы сосредоточены в сне восьмом. После реплики Хлудова: «Живые повисли на моих ногах» — стоит: «Серафима». После слов Серафимы: «Я забыла, и вы не вспоминайте» — на полях: «Не забыла». После реплики Серафимы: «Казаков пустили в Петербург» — «Узко, по-старому мыслит». После реплики Хлудова: «Моментально» — карандашом: «Тупик». После предложения Чарноты: «Давай делить деньги» — комментарий: «Деньги не могут вернуть к жизни».

Опубликован в 1962, 1965 и 1986 годах.

6) Пьеса в 4-х действиях — ЦГАЛИ, ф. 656, оп. 3, ед. хр. 330, 84 л.

Экземпляр, помеченный декабрем 1940 года (Б-VI).

Посмертная перепечатка редакции «Бега» 1937 года.

Пьеса разрешена только к печати. Экземпляр аутентичен Б-V.

7) Пьеса в 5-ти действиях — ГБЛ, ф. 562, к. 68, ед. хр. 6.

Машинописная копия 1960-х годов с суфлерского экземпляра МХАТа (Б-VII). Текст аутентичен Б-III.

8) Пьеса в 4-х действиях — БРЧ, № 1281.

Машинопись, датированная 16 апреля 1954 года, с подписью начальника репертуарно-редакторского отдела А. М. Пудалова (Б-VIII), на экземпляре надпись: «Пьеса разрешена 28 апреля 1954 г. (сроком до 1 января 1957 г.)».

В 1956 году А. М. Пудалов с соавтором подал заявку на кинофильм «Бег» (не реализована). См. в письме Е. С. Булгаковой Л. В. Варпаховскому от 5 октября 1956 года: «Подписала договор на экранизацию „Турбиных“ и „Бега“ (фильм по мотивам творчества М. А. Булгакова). Авторы сценария Пудалов и Кеслер» (личн. архив И. С. Варпаховской).

9) Три варианта финала пьесы «Бег» и две сцены, переделанные согласно договору Булгакова и МХАТа (1933), в папке с общим заголовком: «Переделки по договору» (В) — ИРЛИ, ф. 369, № 125. Из-за неточности архивиста папка вместе с действительными «переделками по договору» содержит два более поздних варианта финала, что выясняется при сличении пагинаций.

Старой, поблекшей от времени машинописной пагинацией, включающей с. 1—11, объединены именно «переделки по договору»: две сцены сна четвертого (разговор Хлудова и главкома) и сна шестого с подзаголовком: «Хлудовская сцена во втором Константинополе» (с. 1—3). К ним примыкает вариант финала (с. 4—11).

Это самый «злой» текст финала из всех известных. В нем Серафима и Голубков — «изгои», они уезжают навсегда во Францию, Хлудов кончает жизнь самоубийством.

На 8-й странице вырезан кусок текста; новый текст вписан рукой Булгакова, пером на левом боковом поле. Теми же чернилами проведена правка текста, «смягчающая» его смысл в ряде мест. Вычеркнуто из реплики Чарноты: «Глянуть и... этак в Москве... развернуться... и так это... глянуть!» Далее в монологе Чарноты откорректировано: «Я на них не сержусь, на большевиков! чтобы они...» (два последних слова сняты); «У них там теперь разливанное море, да пусть подавятся!» (часть фразы после запятой снята); «Не дай им бог счастья!» (вычеркнуто «не», сверху написано: «Победили и»; после слова «счастья» вписано: «Пусть радуются!»). После слов Хлудова: «Я больше никому не могу причинить вреда» — стоит: «Хотя и очень желал бы»,— вторая часть фразы зачеркнута.

Второй вариант датирован 9 ноября 1934 года; рукой Булгакова надписано: «Окончательный вариант». Появление данного финала связано, видимо, с телефонным звонком О. С. Бокшанской: накануне, 8 ноября, она сообщила Булгакову, что «Бег» разрешен к постановке.

В этом варианте финала, близком к варианту 1933 года, но заметно смягченном и несколько сокращенном (из восьми с лишним страниц оставлено чуть более пяти), Серафима и Голубков тоже уезжают навсегда во Францию, а Хлудов кончает жизнь самоубийством.

Далее идут два варианта финала, которые могли появиться лишь в 1937 году, с рождением второй редакции пьесы, значительно сокращенной сравнительно с первой (по старой машинописной пагинации с. 79—86).

Один из этих вариантов трижды публиковался, в нем и Голубков с Серафимой, и Хлудов возвращаются в Россию.

Другой же вариант, и именно тот, который на протяжении многих лет устойчиво расценивался автором как «лучший» (о чем свидетельствуют и прямые авторские высказывания, и то постоянство, с каким Булгаков возвращался к нему: из четырех вариантов три оканчиваются самоубийством Хлудова),– это вариант, где Серафима и Голубков возвращаются в Россию, но их прощальный монолог композиционно перемещен, а оканчивает пьесу сцена Чарноты и Хлудова, краткий эпизод с предсмертной запиской Хлудова, «советующегося» с призраком, и самоубийство героя. Этот финал 1937 года и завершает редакцию «Бега», публикуемую в томе.

10) Вариант 8-й картины – ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 12.

Машинописная копия, пагинация 83–91, 9 л., аутентична варианту В.

Пьеса «Бег» публикуется во второй ее редакции 1937 года (Б-V), с вариантом финала, более других соответствующим воле автора. В разделе «Другие редакции и варианты» дана 1-я редакция пьесы 1928 года (Б-I), три варианта финалов (В) – 1933, 1934 и 1937 годов и переделки двух сцен по договору с МХАТом в 1933 году.

2

Булгаков приступил к работе над «Бегом» в 1926 году (в машинописном экземпляре пьесы проставлено: 1926–1928). Черновые рукописи не разысканы. По устным свидетельствам М. М. Яншина и В. Я. Станицына, существовал экземпляр текста, в котором была отдельная «баллада о маузере», во всех известных нам перепечатках пьесы отсутствующая. Возможно, она принадлежала раннему варианту пьесы.

Первые сведения о пишущейся пьесе зафиксированы в печати тех лет. «Автор „Дней Турбиных“ М. Булгаков также обещает дать этому театру (МХАТу.– *В. Г.*) пьесу, рисующую эпизоды борьбы за Перекоп из гражданской войны» (*Программы*, 1927, № 10, с. 10). Через месяц тот же журнал извещал, что Булгаков «должен представить новую пьесу в конце текущего месяца» (там же, № 15, с. 14).

Апрелем 1927 года датирован договор с театром: «М. А. Булгаков обязуется передать МХАТу для постановки на Большой сцене свою пьесу „Рыцарь Серафимы“ („Изгои“)... не позднее 20 августа 1927 г.» (ИРЛИ, ф. 369, № 143). Там же уточнялось, что аванс, полученный Булгаковым «по ныне аннулированному договору, который был заключен... 2 марта 1926 года о постановке пьесы „Собачье сердце“, считается выданным в счет его авторского гонорара по пьесе „Рыцарь Серафимы“».

Первый вариант пьесы в течение весны – лета 1927 года был окончен. Полярные оценки героев пьесы выявились в двух названиях: «Рыцарь Серафимы» и «Изгои».

По свидетельству Л. Е. Белозерской, ее устные воспоминания об эмиграции были той «питательной почвой», на которой вырастал замысел «Бега». «Вся первая часть, посвященная Константинополю, рассказана мною в мельчайших подробностях М. А. Булгакову, и можно смело сказать, что она легла в основу его творческой лаборатории при написании пьесы...» – сообщала Л. Е. Белозерская в неизданной рукописи (*«У чужого порога»*, с. 1). «Чтобы „надышаться“ атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, Михаил Афанасьевич просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самое яркое, нужное ему для сценического изображения» (*Воспоминания*, с. 230).

Кроме мемуарных сообщений Л. Е. Белозерской, известен, по крайней мере, еще один источник, которым пользовался Булгаков при создании пьесы: брошюра Я. А. Слащова-Крымского «Требую суда общества и гласности...». Слащов сообщал, что эта брошюра была написана генералом Килениным по собранным им, Слащовым, документам. В последнюю минуту Киленин, испугавшись репрессий со стороны Врангеля, отказался ставить свое имя на книге, и Слащов, изменив «комкор» и «Слащов» на «я», выпустил ее уже под своей фамилией (см.: *Крым в 1920 г.*, с. 142). В издании «Требую суда общества и гласности...» привлекает внимание самохарактеристика Слащова, отбор приводимых им документов. «Фронт исключительно держится личностью генерала Слащова; человек „особенный“, энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни перед чем в достижении успеха на фронте и противодействии развалу в тылу»,– цитировал он донесение полковника Ноги от 12 марта 1920 года (*Слащов*, с. 6).

Пьеса, по-видимому, посвящалась вначале судьбе мужчины и женщины, «рыцаря» и его дамы, гонимых ветром истории, что отразилось в названии 1927 года: «Рыцарь Серафимы». Получив еще одного центрального героя, «подсказанного» фигурой Слащова, пьеса видоизменилась.

Использованную Булгаковым ситуацию «тараканьих бегов» описал ранее А. Т. Аверченко в рассказах «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», «Лотто-тамбола» из сборника «Записки простодушного» (1922), а также в рассказе «Константинопольский зверинец» в книге «Развороченный муравейник. Эмигрантские рассказы» (1927). Исследователи проводили параллель между рассказом В. П. Катаева «Медь, которая торжествовала» и «балладой о долларе» в «Беге» (*Чудакова*, с. 63).

Несомненно знакомство Булгакова с книгой И. М. Василевского (Не-Буквы) «Белые мемуары». В ней известный журналист дал обзор мемуаров М. В. Родзянко, генерала А. И. Деникина, генерала П. Н. Краснова и других — всего ста сорока томов, успевших выйти в свет к тому времени.

Среди современных Булгакову драматургических сочинений о гражданской войне и об эмигрантах были пьеса «Иван Козырь и Татьяна Русских» Д. П. Смолина, «Голгофа» Д. Ф. Чижевского, «Штурм Перекопа» А. Ф. Мокина и В. А. Трахтенберга, «Амба» З. А. Чалой, «Россия № 2» Т. А. Майской и другие.

Одним из наиболее вероятных прозаических источников пьесы можно считать повесть Г. В. Алексеева «Мертвый бег», где был изображен лагерь русских беженцев под Берлином. Обращают на себя внимание возможные параллели в описании героев «Мертвого бега» и «Бега».

«...На ступеньках барака сидел бородатый... человек в туго подпоясанной шинели, глаза его — бессмысленные, оловянные в голубизне своей упрямо упирались в переплет проволоки и не моргали; было похоже, что человек мертв...» (*Алексеев Г.* Мертвый бег. Повесть зарубежных лет. М.; Пг., 1923, с. 14). С этим местом перекликается описание «застылой» позы Хлудова и его глаз в сне втором «Бега».

Героиня этой повести, Татьяна Егоровна, думает о себе: «Ведь я всю жизнь — все куда-то бежала. Сначала на войне, потом в России... Мне все казалось, что придет когда-нибудь день, и этот мертвый мой бег закончится... И все-все окажется сном: и война, и революция...» (там же, с. 76). Ей же принадлежит фраза: «Я жду тебя, как рыцаря, который освободит свою царевну...» (там же, с. 26), отразившаяся, возможно, в первоначальном названии пьесы — «Рыцарь Серафимы».

Ценно свидетельство К. И. Миркиной, работавшей в 1920-х годах продавцом в книжном магазине «Новая Москва». Бывая в этом магазине, Булгаков просил ее подбирать для него литературу о гражданской войне (см.: Москва, 1988, № 11, с. 38).

Совпадения некоторых мотивов «Бега» и повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» не раз отмечали исследователи. При том интересе, с каким автор «Бега» относился к творчеству А. Н. Толстого, можно с уверенностью утверждать, что Булгаков читал повесть, опубликованную полностью в 1925 году.

Опробованная до Булгакова ироническая фабульная пружина «тараканьих бегов» — метафора растерявшейся, опустившейся эмиграции — приобрела в «Беге» иное значение. Если герой «Ибикуса» устраивает бега, но сам на них не играет, то Чарнота, напротив, играет сам, а не зарабатывает на игре других. Невзоров не чужд гордости за содеянное, Чарнота же держит ироническую дистанцию между собой и «тараканьим царем». Для азартного Чарноты игра — не средство к обогащению, а скорее цель, способ сшибки, спора с Судьбой, Роком (см.: *Лотман Ю.* Тема карт и карточной игры в русской литературе XIX века.— Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 365: Труды по знаковым системам. 7. Тарту, 1975, с. 120—142). Чарнота движется в пьесе из игры в игру: появляется с рассказом о том, как его Крапчиков в винт играть засадил, затем ставит последнее на Янычара, окунаясь в чертовую карусель тараканьих бегов, и, наконец, пережив свой звездный час — картежную «дуэль» с Корзухиным, вновь возвращается на тараканьи бега. Не в силах оторваться от игры, он пророчит себе одиночество изгоя. Персонаж, центральный в повести А. Н. Толстого, у Булгакова отодвинут на периферию сюжета: «тараканьего царя» Артурку публично осмеивают, «развенчивают», наконец, бьют. Центральный же герой пьесы, Хлудов, тараканьи бега расстреливает.

Литературный материал Булгаков использовал полемично. Полемика велась на различных уровнях текста: от концепции произведения в целом до реплики, скрыто или демонстративно взаимодействующей с предшественниками. Плодотворно сопоставить «Бег» и с прозаическими фрагментами из «Шума времени» О. Э. Мандельштама, запечатлевшими атмосферу юга времен гражданской войны. Книга Мандельштама вышла в 1925 году, а его очерк «Батум» появился в газетах Харькова и Ростова (с перепечаткой в «Правде») в феврале 1922 года и был доступен Булгакову.

Исследователи К. Л. Рудницкий, М. О. Чудакова, А. М. Смелянский уже отмечали близость некоторых мотивов «Бега» и «Белой гвардии». Публикация М. О. Чудаковой в «Новом мире» (1987, № 2) существенно меняет устоявшийся взгляд на последовательность появления бесспорно связанных между собой произведений Булгакова: «Белая гвардия» – «Дни Турбиных» – «Бег». Исследовательницей на основе документальных источников, впервые вводимых ею в научный обиход, показано, что роман «Белая гвардия» дописывался после прошедшей уже премьеры «Дней Турбиных» и, добавим, после завершения пьесы «Бег» – в 1929 году. Детальное сопоставление имевшихся к 1926 году частей романа и создаваемой драмы «в восьми снах» еще предстоит сделать. Сам мотив «сна», «снов» лично, лирически, автобиографически окрашен на страницах прозы «Белой гвардии»: «Сон висел над ним (Алексеем Турбиным. – *В. Г.*), как размытая картина»; в вещем сне Турбин узнает, что в 1920 году большевики возьмут Перекоп.

Начав с инсценировки «Белой гвардии», писатель создал две самостоятельные драмы, «Дни Турбиных» и «Бег», выросшие из одного корня. Тем самым Булгаков практически подтвердил известную мысль Достоевского: «...для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей...» (*Достоевский,* т. 29, кн. 1, с. 225). Две пьесы вкупе и составили развитие булгаковской «романной» идеи в ее переложении для театра. (Подробнее о поэтике «Бега» см.: *Гудкова В.* О чем рассказывают «восемь снов» «Бега». – В кн.: Вопросы театра. Вып. 11. М., 1987, с. 230–249).

3

2 января 1928 года Булгаков заключил новый договор с МХАТом – уже на пьесу «Бег» (см.: ИРЛИ, ф. 369, № 143), которую театр обязался поставить в следующем сезоне. 3 марта помечена записка к сестре, Н. А. Земской: «Обещаю читать „Бег“ (скоро)» (*Чудакова*, с. 60). 16 марта Булгаков сдал в театр два экземпляра пьесы.

16 апреля 1928 года в протоколе заседания художественного совета МХАТа фиксируется: «...из новых пьес предположено поставить „Бег“ М. Булгакова...» (цит. по кн.: *Марков*, с. 565). Работа намечалась на будущий сезон. В тот же день, на заседании после просмотра «Растратчиков» В. П. Катаева, К. С. Станиславский говорил об «очень затруднительном положении» театра в связи с интересом публики к современным пьесам. «А таких пьес мало, при этом они еще слабы в драматургическом отношении», – сетовал режиссер. И далее: «В настоящее время в театр представлена только одна современная пьеса – „Бег“ М. А. Булгакова» (цит. по кн.: *Марков,* с. 566).

В 1-й редакции «Бега», как уже говорилось, точно указан возраст главных действующих лиц. По авторской ремарке, открывающей пьесу, сны третий и четвертый происходят «в Севастополе».

Уже в первой фразе Голубкова отзывались автобиографические ноты (далее не мотивированные): «Очевидно, пещеры, как в Киеве. Вы бывали когда-нибудь в Киеве, Серафима Владимировна?»

Тема полета в монологе Голубкова еще отсутствовала, фраза звучала иначе: «Мысль о вас я легко несу через октябрьскую мглу...»

Чаще в 1-й редакции упоминался Крапилин: с него снимал кубанку Чарнота, потерявший свою в бегстве из штаба, и т. п. Во 2-й редакции появления героя строго локализованы в двух эпизодах.

Грубее звучал в 1-й редакции краткий монолог Баева (с. 414). Шире был речевой материал Чарноты и Люськи, окрашенный жаргонной лексикой (с. 419–420). Колоритнее очерчена «игроцкая» натура Чарноты (с. 419).

Во втором сне Хлудов, приглашая начальника станции поговорить с ним откровенно, цитирует приказ Троцкого железнодорожникам («Победа прокладывает путь по рельсам...»).

В 1-й редакции более сложным был образ главкома. Там, где он заключал свою нелегкую речь перед штабом, стояло: «дрогнув» (с. 428). В сне четвертом гневная тирада главкома, обращенная к Корзухину, была выразительнее (с. 438). В монологе Корзухина резче выявилось его отношение к России (там же).

В сне пятом Голубков подробнее рассказывает о своих приключениях: «Я в тюрьме сидел. Нас всех по хлудовскому делу забрали. В Чилингисском лагере!»

Хлудов в 1-й редакции пьесы возвращается в Россию, так же как и Серафима с Голубковым. В целом ранняя редакция пьесы значительно больше пропитана деталями, частностями, конкретным видением происходящего; точнее указываются места действия, имена, даты.

9 мая 1928 года на заседании Главреперткома «Бег» был расценен как произведение «неприемлемое». Отмечалось, что «автор сознательно отходит от какой бы то ни было характеристики своих героев, приявших Советы, в разрезе кризиса их мировоззрения и политического оправдания своего поступка 〈...〉 подобное „хождение в Каноссу" (здесь: унижение перед противником, приход с повинной к победившему врагу.– *В. Г.*) нужно автору не для подчеркивания исторической правоты завоеваний Октября 〈...〉 все это агония – больших героев, легендарных генералов, и даже Врангель по характеристике автора „храбр и благороден". 〈...〉 Эпизодическая фигура буденовца в 1-й картине, дико орущая о расстрелах и физической расправе, еще более подчеркивает превосходство и внутреннее благородство героев белого движения» (ИРЛИ, ф. 369, № 130).

В начале мая 1928 года Булгакова не было в Москве. Сдав пьесу в театр и услышав о ее включении в репертуар будущего сезона, Булгаков уехал сначала в Тифлис, а затем через Батум в Зеленый Мыс. После заседания 9 мая П. А. Марков телеграфировал в Батум: «Постановка „Бега" возможна лишь при условии некоторых переделок просим разрешения вступить переговоры реперткомом относительно переработки» (там же).

Летом произошла встреча Булгакова с работниками реперткома, о которой ему писал П. А. Марков 25 августа 1928 года: «Судаков рассказывал мне летом о твоем свидании с реперткомом, которое укрепило мои надежды на постановку „Бега" в текущем сезоне. Думаю, что если вы действительно нашли какие-то точки соприкосновения с Раскольниковым, то за эту работу приняться необходимо, и как можно скорее». Правда, тут же Марков заметил, что Л. Е. Белозерская говорила «о твоем колебании и сомнении относительно необходимости несколько переработать пьесу» (там же).

Еще через три дня, 28 августа, П. А. Марков сообщал К. С. Станиславскому, что «Горький передал через Н. Д. Телешова о разрешении „Бега" – известие еще не подтвердившееся, но дающее большие надежды на включение „Бега" в репертуар» (Музей МХАТа, архив К. С. Станиславского, № 9277). 24 сентября В. И. Немирович-Данченко телеграфировал К. С. Станиславскому в Берлин: «...хотим приступить немедленно к репетициям одновременно „Плоды просвещения" и разрешаемый „Бег"» (*Немирович-Данченко*, с. 360). 9 октября Немирович-Данченко устроил в театре новое обсуждение «Бега» с участием М. Горького (об этом см. вступ. статью). Выступил И. Я. Судаков: он обещал исполнить все требования реперткомовцев. Позицию безоговорочной и полной поддержки Булгакова занял Горький: он иронизировал над резолюцией Главреперткома и предсказывал будущему спектаклю «анафемский успех». По поводу возвращения Голубкова и Серафимы в Россию А. И. Свидерский сказал: «Хотят увидеть именно Караванную, именно снег – это правда, которая понятна всем. Если же объяснить их возвращение желанием принять участие в индустриализации страны – это было бы не оправдано и потому плохо». И далее, отвечая тем, кто полагал, будто пьеса «не советская», заметил: «Если пьеса художественна, то мы, как марксисты, должны считать ее советской. Термины „советская" и „антисоветская" пьеса надо оставить» (цит. по: *Гудкова*, с. 42).

«Правда» 11 октября сообщила, что «Бег» разрешен, в этот же день во МХАТе начались репетиции. Руководил постановкой В. И. Немирович-Данченко, ставил И. Я. Судаков при участии Н. Н. Литовцевой. Музыку писал композитор Л. К. Книппер, художником спектакля первоначально предполагался И. М. Рабинович. Роли разошлись следующим образом: Серафима – А. К. Тарасова, Люська – О. Н. Андровская, Чарнота – В. И. Качалов, Хлудов – Н. П. Хмелев, Корзухин – В. Л. Ершов, Голубков – М. И. Прудкин (в очередь с М. М. Яншиным), главком – Ю. А. Завадский и Б. С. Малолетков, Тихий – В. А. Синицын, Африкан – И. М. Москвин и М. Н. Кедров.

Булгаков 12 октября заключил договор о постановке «Бега» с Ленинградским Большим драматическим театром (ИРЛИ, ф. 369, № 127).

На заседании политико-художественного совета реперткома о пьесе «Бег» (см. вступ. статью) В. М. Киршон, Л. Л. Авербах, А. Р. Орлинский и П. И. Новицкий высказались против пьесы, Я. С. Ганецкий и А. И. Свидерский пробовали ее

защитить, но оказались в меньшинстве. Отчет сообщал, что совет Главреперткома единогласно одобрил запрещение пьесы «Бег» в настоящем ее виде (см.: Правда, 1928, 24 окт.).

Запрещение пьесы было поддержано прессой. И. И. Бачелис в статье «Тараканий набег» писал о намерении МХАТа «протащить булгаковскую апологию» белого движения, «написанную посредственным богомазом» (Комс. правда, 1928, 23 окт.).

Стенограмма выступления И. Я. Судакова на обсуждении в Главреперткоме гласит: «Вы душите театр, не даете ему работать. ⟨...⟩ Если вы запретите эту пьесу, то это будет подлинным душительством» (ИРЛИ, ф. 369, № 130).

После обсуждения И. Я. Судаков писал автору: «Я выступал в конце заседания в атмосфере совершенно кровожадной и считаю, что искренно и честно заступился за театр и за автора, и только. Выводы репортера, что я рассказывал свою пьесу, а не Вашу,— я за них не могу отвечать, как не могу и бороться с изворотливостью мышления ловких людей, которые черт знает что говорят и пишут, пока сверху не стукнут их по башке. Я имел удовольствие читать и комментировать Вашу пьесу в совсем другой, очень высокой аудитории, где пьеса нашла другую оценку, я там говорил то же, что и в Главреперткоме, с той только разницей, что центральной моей мыслью было уже не „душительство“, а выражение признательности от имени театра за внимание к пьесе, к автору и к театру» (цит. по: *Гудкова*, с. 43).

Журнал «На литературном посту» (1928, № 20-21) поместил речи Л. Л. Авербаха и В. М. Киршона в Главреперткоме под общим заголовком: «Почему мы против „Бега“ М. Булгакова». Авербах занял позицию «защиты пролетариата от чуждых ему идеологически произведений» (см. вступ. статью).

Ряд газет в октябре – ноябре также выступили против «Бега». А 25 января 1929 года появилась последняя запись о «Беге» в журнале репетиций МХАТа. 2 февраля датирован ответ И. В. Сталина на обращенное к нему письмо В. Н. Билль-Белоцерковского с протестом против возможного появления пьесы на сцене. Сталин поддержал запрет и высказал конкретные предложения: написать «еще один или два сна, рассказывающих о пружинах гражданской борьбы в СССР». Попутно он расценил «Бег» в настоящем его виде как «явление антисоветское» (Соч., т. 11, с. 327).

В архиве писателя сохранился черновой набросок письма (июль 1929 года) к членам правительства СССР (Сталину, Калинину, Свидерскому, Горькому), где Булгаков, в частности, писал: «Я просил разрешения отправить за границу пьесу „Бег“, чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР. Я получил отказ» (см. наст. издание, с. 31).

Так завершился первый круг борьбы вокруг пьесы. «Бег» обрел свое место в писательском столе.

4

Попытки продолжить борьбу за постановку «Бега» предпринимались неоднократно разными лицами. Размышлял о пьесе и автор. 27 июля 1931 года он писал В. В. Вересаеву: «Продолжаю: один человек с очень известной литературной фамилией и большими связями, говоря со мной по поводу другого моего литературного дела, сказал мне тоном полууверенности:

– У вас есть враг. ⟨...⟩

Я стал напрягать память. ⟨...⟩ Где-нибудь в источнике подлинной силы как и чем я мог нажить врага?

И вдруг меня осенило! Я вспомнил фамилии! Это – А. Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов (из „Бега“). Вот они мои враги! Недаром во время бессонниц приходят они ко мне и говорят со мной:

„Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами“» (*Письма*, с. 203–204). Хлудов включен автором в ряд любимых героев.

16 сентября 1931 года П. А. Марков писал В. И. Немировичу-Данченко: «Последние дни у нас в театре очень часто бывает Максим Горький. ⟨...⟩ Он рекомендовал Булгакову переделать в „Беге“ Серафиму и Голубкова в последних картинах, так как именно нечеткость их характеристик в последних действиях мешает верному и нужному пониманию пьесы» (*Немирович-Данченко*, с. 643).

2 февраля 1933 года на совещании о производственном плане сезона вновь возник вопрос о «Беге», который решено было «отложить до свидания Константина Сергеевича с М. А. Булгаковым по поводу переработки пьесы» (*Марков*, с. 585). Тем не менее 10 марта уже начались репетиции «Бега» и продолжались до 15 октября 1933 года. Ре-

петиции вел И. Я. Судаков по тексту 1-й редакции пьесы 1926—1928 годов (очевидно, с началом репетиций и связана новая перепечатка «Бега», датированная 15 марта 1933 года, — Б-II).

И. Я. Судаков 27 апреля писал в дирекцию МХАТа о том, что он «имел несколько разговоров с Авелем Софроновичем [Енукидзе] о пьесе „Бег". В последний раз получил от него устное заявление (в разговоре по телефону), что можно приступить к репетициям „Бега" и что он сказал о его согласии на работу пьесы В. Г. Сахновскому». Кроме того, Судаков писал, что «имел разговор с О. С. Литовским о пьесе „Бег" и получил от него заявление, что для разрешения пьесы необходимо в пьесе ясно провести мысль, что белое движение погибло не из-за людей хороших или плохих, а вследствие порочности самой белой идеи, — это основное требование. На это я сделал предложение автору о пересмотре линии Хлудова как носителя белой идеи, договорился с автором о конкретных изменениях пьесы и об этой своей договоренности с автором сообщил О. С. Литовскому, от которого получил устное заявление, что действительное выполнение предложенных мною изменений сделает возможным разрешение пьесы» (*Неизданный Булгаков*, с. 89).

Так И. Я. Судаков письменно закреплял полученные им устные обещания. Разрешение пьесы казалось реальным, и спустя два дня, 29 апреля 1933 года, с Булгаковым был заключен новый договор и выплачен гонорар в сумме 6000 руб. «за право постановки и написание пьесы» (цит. по: *Гудкова*, с. 46). В договоре перечислены конкретные изменения, которые должен произвести автор:

«а) переработать последнюю картину по линии Хлудова, причем линия Хлудова должна привести его к самоубийству как человека, осознавшего беспочвенность своей идеи;

б) переработать последнюю картину по линии Голубкова и Серафимы так, чтобы оба эти персонажа остались за границей;

в) переработать в 4-й картине сцену между главнокомандующим и Хлудовым так, чтобы наилучше разъяснить болезнь Хлудова, связанную с осознанием порочности той идеи, которой он отдался, и проистекающую отсюда ненависть его к главнокомандующему, который своей идеей подменял хлудовскую идею».

На экземпляре договора, подписанного Е. С. Булгаковой, имеется сноска, сделанная рукой М. А. Булгакова, после слов «хлудовскую идею» стоит цифра 1 и авторское разъяснение внизу: «Своей узкой идеей подменял широкую Хлудова» (ИРЛИ, ф. 369, № 130). Все указанные переделки должны были быть представлены не позднее 29 мая 1933 года.

В июне театр уехал на гастроли в Ленинград. 21 июня Булгаков писал Судакову: «Насчет „Бега" не беспокойтесь. Хоть я и устал как собака, но обдумываю и работаю. Не исключена возможность, что я дня на два приеду в Ленинград во время гастролей. Тогда потолкуем» (цит. по: *Чудакова*, с. 105). 29 июня он отправил Судакову еще одно письмо: «При этом письме посылаю Вам окончательные исправления в пьесе „Бег".

Помимо этого, вся пьеса будет мною проверена и в некоторых местах сокращена. Сокращения эти очень прошу принять во внимание — они необходимы. Будут еще кое-какие маленькие поправки, не меняющие стержня пьесы. Вам я вручу новый экземпляр пьесы, по которому и попрошу Вас репетировать.

Итак, пьеса — четырехактная:

1-й — монастырь и ставка.

2-й — контрразведка и дворец.

3-й — первый и второй Константинополи.

4-й — Париж и финальный Константинополь» (цит. по: *Гудкова*, с. 46).

С письмом высылались варианты двух сцен и новый финал, в котором Хлудов кончал жизнь самоубийством, а Серафима и Голубков оставались в эмиграции (с. 471—476). 14 сентября 1933 года автор писал брату, Н. А. Булгакову, в Париж: «В „Беге" мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал» (*Письма*, с. 270).

В четвертом сне появилась новая сцена между главкомом и Хлудовым (с. 471). Хлудов бросал в лицо главкому: «Ненавижу вас. Ненавижу за то, что вы, не имея никакого представления о том, как управлять государством, наняли меня».

Сцена Хлудова, Голубкова и Чарноты в сне шестом после переделок была дополнена деталями, которые компрометировали Чарноту, производящего «неприятное впе-

чатление» на Хлудова и Серафиму. На вопрос Хлудова о том, где Серафима, Чарнота отзывался: «Естественно, в кафе де Пари, где же ей быть», то есть прозрачно утверждалась «обычность» ее местопребывания с «клиентами» (с. 472).

В заметке «МХТ-1 в будущем сезоне» со слов В. Г. Сахновского сообщалось: «В январе 1934 г. предположена постановка пьесы Булгакова „Бег“ в постановке реж. И. Судакова и худ. И. Рабиновича» (Веч. Красная газета, 1933, 9 июля).

С началом нового сезона МХАТ вновь обдумывал свой современный репертуар. 5 сентября 1933 года было принято решение: «Ввиду того что опыты работы с рядом современных драматургов в прошлом сезоне (Ал. Толстой, Тренев) были неудачны, было бы нежелательно обратиться к ряду драматургов, качество произведений которых не удовлетворяет МХАТ (Ромашов, Файко, Погодин и др.) 〈...〉 необходимо гарантировать МХАТ получение той современной пьесы, которая будет отмечена наивысшей премией на предстоящем конкурсе драматургических произведений. 〈...〉 П. А. Маркову поручается проработать с М. А. Булгаковым изменения в тексте (особенно в концовке) пьесы „Бег“ и добиться окончательного видоизменения пьесы в соответствии с планами театра» (цит. по кн.: *Марков*, с. 586).

Ситуация вокруг имени Булгакова и пьесы «Бег» продолжала оставаться сложной. Это подтвердили три дневниковые записи Е. С. Булгаковой. 6 сентября 1933 года она отметила, что накануне спектакль «Дни Турбиных» посетил бывший премьер-министр Франции Эдуар Эррио, которого принимал Немирович-Данченко. Булгаков в ложе беседовал с Эррио. Немирович-Данченко «представил» автора «Турбиных» залу. «Публика аплодировала Булгакову в ложе». Но в следующем антракте Немирович-Данченко, усомнившись в сделанном жесте, обратился к Булгакову с вопросом: «„Может быть, я сделал политическую ошибку, что Вас представил публике?“ – „Нет“» (*Письма*, с. 275).

Запись 9 сентября была сделана после чтения Горьким пьесы «Достигаев и другие» труппе МХАТа: «Наверху, в предбаннике, у Олиной (О. С. Бокшанской. – *В. Г.*) конторки Афиногенов – М. А-чу: „Читал ваш „Бег“, мне очень нравится, но первый финал был лучше. – Нет, второй финал лучше“ (с выстрелом Хлудова).

Взяли чай, пошли в кабинет Маркова. Афиногенов стал поучать, как нужно исправить вторую часть пьесы, чтобы она стала политически верной.

Афиногенов: „Ведь эмигранты не такие...“ М. А.: „Это вовсе пьеса не об эмигрантах, и вы совсем не об этой пьесе говорите. Я эмиграции не знаю, я искусственно ослеплен“» (цит. по: *Гудкова*, с. 48).

Странная запись внесена 8 сентября 1934 года в дневник Е. С. Булгаковой. «По дороге в Театр встреча с Судаковым. „Вы знаете, М. А., положение с «Бегом» очень и очень неплохое. Говорят – ставьте. Очень одобряют и Иосиф Виссарионович, и Авель Софронович [Енукидзе]. Вот только бы Бубнов (А. С. Бубнов в 1929–1937 годах – нарком просвещения. – *В. Г.*) не стал мешать“ (?!)» (ГБЛ, ф. 562, к. 29, ед. хр. 6).

В ходе репетиций был определен главный герой драмы и будущего спектакля – Хлудов. В. В. Дмитриев приступил к работе над декорациями. Режиссура рассматривала «Бег» как произведение о гражданской войне, как своеобразное продолжение «Дней Турбиных». Идея эта витала в воздухе еще долго, шумный успех спектакля 1926 года беспокоил воображение многих.

И. Я. Судаков стремился к точности исторической детали, опирался на «бывшее в самом деле», обращался к реальным историческим лицам. МХАТ репетировал актуальную современную пьесу о гражданской войне. Булгакова скорее занимала философско-историческая мысль «войны и мира».

11 октября 1933 года специально обсуждалось музыкально-шумовое оформление «Бега». Присутствовали Судаков и Булгаков (см. *Журнал протоколов*). «Пришли к соглашению, что в оформлении спектакля нужно отталкиваться от „снов“... находя реальную и натуралистическую основу того или иного шума и звука, переводить его в область „сна“... Например, „бряцанье шпор“ можно довести до гиперболических размеров и заполнить этим бряцаньем всю сцену». 15 октября Е. С. Булгакова записала: «М. А. говорил: „Важно правильно попасть, т. е. чтобы музыкальные номера не звучали слишком вульгарно-реально, а у МХАТа этот грех есть, – и в то же время не загнуть в какую-нибудь левизну, которая нигде-то не звучит, а уж особенно во МХАТе...“

Но Судаков как будто начинает понимать, что такое „сны" в „Беге". Хочет эпиграфы к каждой картине – давать от живого лица, передать это, например, Прудкину – Голубкову. М. А. говорит – мысль неплохая, но вряд ли удастся во МХАТе» (цит. по: *Гудкова*, с. 47).

В записи трезво оценены реальные возможности МХАТа начала 1930-х годов. Первым камнем преткновения на репетициях стала сцена с Крапилиным. «Гибельные выси» Крапилина – момент этического абсолюта, когда человек думает и поступает так, как он только и должен поступать. Крапилин, не объясненный «через быт» персонаж, о котором ничего не известно, кроме фамилии,– один из важнейших героев пьесы, обменивающий жизнь на истину. Ему отведено место в переломной сцене «Бега», дано лишь краткое мгновение поступка,– но именно этот поступок изменит течение событий в целом. После крапилинского монолога Хлудов скажет правду в лицо главкому и впервые задаст себе вопрос: «Чем я болен? Болен ли я?» – а Голубков столь же храбро назовет Хлудова «слепым убийцей». Крапилин же введет библейское уподобление в драму, называя Хлудова «мировым зверем» и тем соединяя в своем сознании два временны́х слоя: реальное время события и «вечное» время незыблемых ценностей. Постигнув структурное, содержательное значение роли вестового, можно понять второй, важнейший план пьесы.

Добротно-реалистическим подходом к необычной пьесе МХАТ обеднял глубинный смысл произведения...

Судя по сохранившимся документам, из репертуара МХАТа ушел спектакль, практически готовый к выпуску. «В театре было совещание,– записывала Е. С. Булгакова 29 ноября 1933 года.– Дирекция, Немирович, старики. Полная тайна». И на следующий день: «Тайна открыта. Пойдут „Гроза", „Чайка" и комедия Киршона (ей – первая очередь) (речь шла о «Чудесном сплаве» В. М. Киршона.– *В. Г.*) 〈...〉 „Бег" сброшен» (ГБЛ, ф. 562, к. 29, ед. хр. 5).

8 ноября 1934 года раздался телефонный звонок О. С. Бокшанской из МХАТа: «Ты знаешь, кажется, „Бег" разрешили. Сегодня уж Судаков говорил Жене (актер МХАТа Е. В. Калужский, муж О. С. Бокшанской.– *В. Г.*), что надо распределять роли по „Бегу"»,– записывала Е. С. Булгакова (ГБЛ, ф. 562, к. 28, ед. хр. 25).

9 ноября 1934 года датирован новый текст финала, на котором рукой Булгакова написано: «Окончательный вариант» (ИРЛИ, ф. 369, № 125). Он близок варианту 1933 года, но несколько смягчен (с. 477–480).

Весть о новом запрете «Бега» Булгаков получил 21 ноября 1934 года. В середине 1930-х годов все надежды на постановку пьесы должны были исчезнуть. Современник свидетельствовал: «Если сначала за „Бег" еще можно было бороться,– успех предсказывал Горький, хлопотал Немирович-Данченко,– то после статей „Правды": „Сумбур вместо музыки", „Ложный блеск и фальшивое содержание" и других – ничего сделать было уже нельзя» (П. А. Марков в беседе с автором 18 марта 1979 года).

5

Последний раз Булгаков обратился к тексту «Бега» в сентябре 1937 года. Внешним стимулом к переработке вновь стал телефонный звонок: на этот раз из Театрального отдела Комитета по делам искусств запросили экземпляр «Бега».

Пьеса перепечатывалась за несколько лет перед тем, и автор, по-видимому, счел необходимым дать в Комитет свежий экземпляр. «Решили переписывать „Бег",– отметила Е. С. Булгакова 27 сентября.– М. А. стал диктовать...» 28 сентября: «М. А. диктует „Бег", сильно сокращает. „Бег" до ночи». 29 сентября: «„Бег" с утра». 30 сентября: «Целый день „Бег"». 1 октября 1937 года: «Кончили „Бег"» (цит. по: *Гудкова В.* О чем рассказывают «восемь снов» «Бега».– В кн.: Вопросы театра. Вып. 11, с. 249). Результатом этой перепечатки и стала новая, 2-я редакция пьесы.

«Бег» по-прежнему уместился «в восьми снах». Все основные структурные узлы сохранились. Правка практически не коснулась речевого материала Хлудова (сняты лишь фраза во втором сне: «Я понял – это совесть», а также «сумасшедший» в качестве хлудовской самооценки).

Исчезло слово «изгои» как саморекомендация Голубкова и Серафимы. На роли этих двух персонажей пришелся основной объем правки. Булгаков освободил образ Серафимы от тех штрихов, которые «компрометировали» героиню, сообщали ей чрезмерную заземленность. Ушла и некоторая автобиографичность образа Голубкова.

Текст роли стал более емким и вместе с тем обрел больший лиризм, поэтичность; появилась фраза, вводившая тему полета («наш полет в осенней мгле...»).

Со времени создания 1-й редакции прошло десятилетие, уже были написаны почти все драматические произведения Булгакова, близилась к концу и работа над «закатным» романом. Установился новый быт. Исчезла та среда, к которой принадлежали «приват-доцент философии, сын знаменитого профессора-идеалиста» и его спутница, молодая блестящая петербургская дама. «В Москве изменилась в 1931 году уличная толпа,— свидетельствует известная книга, созданная усилиями многих писателей во главе с М. Горьким,— окончательно исчезли... богачи и расфранченные женщины, заметные при взгляде на улице всякой другой страны» (Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934, с. 35). Поэтизация героев, их большая «идеальность» рождались под пером Булгакова с учетом менявшегося социального фона.

«На рассвете начинаю глядеть в потолок и таращу глаза до тех пор, пока за окном не установится жизнь – кепка, платок, платок, кепка. Фу, какая скука!» – писал Булгаков В. В. Вересаеву 17 октября 1933 года (цит. по: *Кириленко К.* М. А. Булгаков и В. В. Вересаев (по новым материалам ЦГАЛИ СССР).– В кн.: М. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, с. 457).

Репрессии 1930-х годов, высылка немалой части интеллигенции также не могли не сказаться на изменении «образа города», более других – Москвы и Ленинграда. Пьеса как бы обретала иной, нежели десятилетие назад, общественно-литературный контекст. В нее вошла современность – но современность уже середины 1930-х, осознанная со всей присущей писателю в то время широтой и свободой исторического взгляда.

По-новому звучали заключительные реплики Голубкова и Серафимы. От интонации разговорно-бытовой, прозаической драматург шел к фразе, построенной на повторах, приближающейся к поэтически-приподнятой (просторечное «Сергуня» здесь уже невозможно): «Ничего, ничего не было, все мерещилось. Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет...»

В 1937 году пьеса обладала двумя вариантами финала.

Первый близок к варианту 1926–1928 годов: три центральных героя возвращаются в Россию. Этот вариант публиковался в изданиях 1962, 1965 и 1986 годов, публикуется и в настоящем издании (с. 480–481).

Второй сходен с вариантами 1933 и 1934 годов. В отличие от них, Голубков и Серафима возвращаются в Россию. Их реплики уже переработаны, бытовизм снят. Но не они оканчивают пьесу – их диалог композиционно перемещен и следует за появлением Чарноты и Голубкова с деньгами Корзухина. Финальная сцена, с минимальными отклонениями повторяющая финал 1934 года, отдана Хлудову.

Булгаков настойчиво возвращался к финалу с самоубийством Хлудова; нет сомнений, что именно такой финал полнее других выражает общую идею «Бега» и настроение его автора.

Так и не поставленная при жизни Булгакова, пьеса «в восьми снах» много лет ждала своего часа. И только 27 марта 1957 года появилось краткое письмо С. А. Ермолинского к Е. С. Булгаковой: «Милая Леночка! 26 марта в Сталинграде первый раз на свете был сыгран „Бег“» (цит. по: *Гудкова*, с. 59).

С. 249. *Бессмертье — тихий, светлый брег; /Наш путь — к нему стремленье./ Покойся, кто свой кончил бег!..* – Эпиграфом к пьесе стали строки из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

Роман Валерьянович Хлудов. – Основным прототипом при создании этого образа был генерал-лейтенант Яков Александрович Слащов (1885–1929), один из организаторов контрреволюции в гражданскую войну, командир корпуса в деникинской, затем во врангелевской армии. Эмигрировал в Турцию. В книге «Записки старого чекиста» (М., 1964, с. 143) Ф. Фомин пишет: «Генерал Слащов с женой и ребенком жил в Стамбуле, в старой маленькой хибарке без средств к существованию». С группой офицеров осенью 1921 года он вернулся в Москву и был амнистирован. Обратился к офицерам и солдатам белой армии, находящимся в эмиграции, с призывом последовать его примеру. Преподавал тактику на курсах командного состава, подготовил к изданию книгу «Общая тактика», сотрудничал в военной прессе. Советский военачальник, генерал П. И. Батов вспоминал: «Преподавал он блестяще, на лекциях наро-

ду полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших ⟨...⟩ войск» (В походах и боях. М., 1974, с. 22). 11 января 1929 года Слащова застрелил некто Коленберг, мстя за убитого брата.

Парамон Ильич Корзухин. — Среди возможных прототипов образа Корзухина Л. Е. Белозерская назвала В. П. Крымова. «С особым вниманием отнесся М. А. к моему устному портрету Владимира Пименовича Крымова, петербургского литератора. Он... вылился позже в окарикатуренный образ Парамона Ильича Корзухина. Из России уехал, как только запахло революцией, „когда рябчик в ресторане стал стоить вместо сорока копеек — шестьдесят". Это свидетельствовало о том, что „в стране неблагополучно" — его собственные слова... В. П. Крымов был редактором и соиздателем петербургского журнала „Столица и усадьба" и автором книги „Богомолы в коробочке"» (*Белозерская*, с. 115).

С. 250. *Белый главнокомандующий.* — Главком. — В 1-й редакции стояло: «Врангель». В. А. Оболенский свидетельствовал, что «крымская катастрофа произошла для него (Врангеля. — *В. Г.*) совершенно неожиданно. И для меня не подлежит сомнению, что он и его генералы до самого последнего момента были искренно уверены в том, что Крым действительно неприступен» (*Оболенский*, с. 85).

С. 253. *...и даст им начертание на руках или на челах их...* — Ср.: «И он (мировой зверь. — *В. Г.*) сделает то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам положено будет начертание на правую руку их или на чело их...» (Откровение Иоанна Богослова, 13 : 16). В реплике архиепископа — отношение к красноармейцам как к поклоняющимся апокалипсическому зверю.

...в Курчулане... — Л. Е. Белозерская писала: «Помню, что на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя с текстом книги [Слащова], прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская Стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи» (*Воспоминания*, с. 229—230).

С. 255. *...уж не обер ли вы прокурор?* — За иронической репликой де Бризара скрывается его изумление: в глухой местности, в далеком монастыре ему встретились представители петербургской элиты. Обер-прокурор — лицо, не подчиняющееся никому, кроме генерал-прокурора, обладающее полнотой власти прокурорской организации; де Бризар со своими угрозами, во всяком случае, ему не может быть опасен.

Владыко! Приими вновь жезл сей, им же утверждай паству... — Ср.: «Приими сей жезл, им же утверждай паству твою да правиши, яко и слово имаши отдать за ю нашему богу во дни суда...» — слова, произносимые архиереем при вручении жезла архимандриту или игумену. См.: Чиновни́к архиерейского священнослужения. М., Изд-во Московской Патриархии, 1982, кн. 1, с. 224.

Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя! — Ср.: «Призри с небесе, боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади десница твоя...» — Божественная литургия (архиерейским служением). См.: там же, с. 66.

Ис полла́ э̓ти дэ̓спота!.. — песнопения при архиерейском служении.

С. 256. *...к молоканам на хутора...* — Молокане — русская религиозная секта, не признающая таинств и обрядов православного вероисповедания, со строгими правилами нравственности.

С. 257. *Он морщится, дергается, любит менять интонации.* — В книге В. А. Оболенского отмечалась особенность Слащова: «Высокий, с бритым болезненным лицом и нервной улыбкой... Он все время как-то странно дергался...» (*Оболенский*, с. 70). «Меня поразило его (Слащова. — *В. Г.*) лицо. Длинная, белая, смертельно белая маска... Его лицо дергалось. Он кусал губы и чуть-чуть раскачивался», — свидетельствовал А. Н. Вертинский в своих воспоминаниях «Четверть века без родины» (Москва, 1962, № 3, с. 212).

Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. — Ср. в книге Слащова: «...и началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки» (*Слащов*, с. 139).

С. 258. *Час жду бронепоезд «Офицер»...* – название бронепоезда подлинное. По железной дороге Екатеринодар – Новороссийск постоянно курсировало шесть бронепоездов.

М. В. Родзянко – появляется на страницах «Бега» в связи с телеграммой – обращением комитета Государственной Думы от 28 февраля 1917 года по «всем железнодорожным станциям России», за его подписью: «Обращаюсь к вам от имени Отечества; от вас зависит теперь спасение Родины. Она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. 〈...〉 Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны...» (Киевская мысль, 1917, 3 марта).

С. 260. *...скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы!* – Булгаков использовал фразу Слащова, облетевшую Крым: «...тыловая сволочь может слезать с чемоданов». Фраза была произнесена Слащовым в момент, когда у белых появилась надежда отстоять Крым. «Красную сволочь разбил, советую тыловой – развязывать монатки» – текст телеграммы Слащова генералу Кутепову (см. далее), вывешенной в Севастополе, в витрине на Нахимовской улице (*Слащов*, с. 80). Распространение этой оскорбительной фразы Слащов объясняет тем, что она была брошена им адъютанту Фросту, по характеристике Слащова, «человеку очень исполнительному, но малодумающему». Фрост дословно передал ее, а лента передачи досталась репортерам. Слащов получил выговор от Деникина, а «выражение стало ходячим по Крыму» (*Крым в 1920 г.*, с. 41).

С. 261. *Керман-Кемальчи* – Курман-Кемельчи – в те годы железнодорожная станция между Джанкоем и Симферополем.

...коварными поляками обманутые... – 12 октября 1920 года Советская Россия и Украина, а с другой стороны – Польша, подписали договор о перемирии.

Вы явно нездоровы, генерал... – Ср.: «Врангель старательно распространял слухи о моих расстроенных нервах, и в „обществе“ стали упорно говорить о моей ненормальности, почву для этого давало и то, что, как я указал выше, настроение мое было действительно ужасно...» (*Слащов*, с. 133). Ср. также реплику Хлудова в сне третьем: «А он клевещет, будто я ненормальный». 563

...и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал. – Ср.: «Так как он (генерал Врангель. – *В. Г.*) считает, что я подорвал свои силы при обороне Крыма, то он просит меня полечиться, для чего ассигнуется валюта. А лечиться же мне нужно в германских санаториях» (*Слащов*, с. 49). В вариантах финала 1933 и 1934 годов Хлудов сообщал, что «едет лечиться в германский санаторий».

А у кого бы, ваше высокопревосходительство 〈...〉 ваши солдаты на Перекопе 〈...〉 вал удерживали? – Слащов сообщал, что «неприступная» позиция у Перекопа на деле не была подготовлена к бою: она «оказалась без землянок, без ходов сообщения; позиционная артиллерия не пристреляна, и места для полевой артиллерии не выбраны» (*Слащов*, с. 77). Более того, «когда представители союзных армий Франции, Америки и проч. приезжают, чтобы посмотреть укрепления Перекопа,– то ввиду того, что никаких перекопских укреплений не существует,– знатных иностранцев вместо Перекопа обманно везут в Таганаш» (*Василевский*, с. 120).

С. 262. *...с Чонгара на Карпову балку...* – Перекопско-Чонгарская операция была проведена 7 – 14 ноября 1920 года.

Аще царство разделится, вскоре разорится!.. – Ср.: «Всяко царство само в себе разделяеся запустеет».– Евангелие от Луки, 11 : 17.

Ныне отпущаеши раба твоего, владыко... – См.: Евангелие от Луки, 2 : 29 – 32. Текст используется в качестве песнопения при богослужении.

Графиня, ценой одного рандеву... – из баллады Томского в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама».

...к генералу Барбовичу. – Барбович И. Г., генерал, командовавший конным корпусом в белой армии.

...к генералу Кутепову... – Кутепов Александр Павлович (1882 – 1930), белогвардейский генерал, Черноморский генерал-губернатор, командир корпуса и 1-й армии у Врангеля. В ноябре 1920 года бежал в Галлиполи.

С. 264. *...я на Чонгарскую Гать ходил...* – Ср.: «Надо было прибегнуть к последнему средству, всегда выручавшему до сих пор, это средство – личный пример начальника 〈...〉 я отдал приказ юнкерам построиться в колонне 〈...〉 и двинул ее на гать...» (*Крым в 1920 г.*, с. 78).

С. 269. *...я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!* — Ср.: «Я бесконечно счастлив, что сегодня на том свете я смогу стать во фронт его величеству» — фраза, которой Василевский характеризует юнкера А. Вонсяцкого. В своей книге «Записки монархиста» Вонсяцкий рассказывает об учиненных им зверских расправах над красноармейцами во время «белых дней» в Ялте (см.: *Василевский*, с. 28). А. Вонсяцкий — возможный прототип де Бризара. Булгаков заметил как-то на репетиции во МХАТе: «Не нужно бояться дать де Бризару эпитеты: „вешатель и убийца“». В дальнейшем А. Вонсяцкий стал лидером фашистов в Коннектикуте (см.: *Ильина Н.* Привидение, которое возвращается... — Огонек, 1988, № 42, с. 9—13).

С. 270. *А я весел? Я очень весел?..* — Ср.: «„Настроение у всех бодрое и веселое... Генерал Врангель ходит веселый, значит, все хорошо. Радость ощущается и в бодрых, веселых лицах штабных, и среди штатской публики“ (из статьи „Накануне победы“). В Крыму выходили в те дни особые „кутеповские“, „слащовские“ и т. п. газеты. 30 октября Перекоп был сдан, и... голодная, обезумевшая армия Врангеля в панике покатилась к морю, но еще и назавтра после этого, 31 октября, в три часа дня газета „Курьер“ в Севастополе вышла с аншлагом на всю страницу: „Тревоге не должно быть места“» (*Василевский*, с. 76, 82).

Где вы набрали ⟨...⟩ эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы?.. — Статья «Накануне победы» была напечатана в газете Б. А. Суворина «Время» за несколько дней до падения Врангеля, а за два дня до прорыва Перекопа появилась статья под заголовком «Войска всей красной Совдепии не страшны Крыму!» (см.: *Василевский*, с. 76, 82).

И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф... — Исход, 12:37. Смысл эпизода — в скрытой полемике Африкана, цитирующего Книгу Исхода, и Хлудова. Африкан говорит о тех, кому была дарована милость господа, Хлудов же предлагает противоположную оценку бегущих, напоминая о тех, кто был погублен богом, разгневанным на египтян: *«Ты дунул духом своим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...»* — Исход, 5:10.

...И множество разноплеменных людей вышли с ними... — Исход, 12:38.

С. 271. *«Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя...»* — Исход, 15:9.

Конницу по дороге сильно трепали зеленые... — В 1919—1920 годах партизанские отряды Северного Кавказа и Крыма организовывались в красно-зеленые армии.

А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе... — Ср.: «Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания...» (*Крым в 1920 г.*, с. 141).

С. 272. *«И аз, иже кровь в непрестанных боях / За тя аки воду лиях и лиях...»* — из баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов».

Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? — слова городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Нет, это не разрешает мой вопрос. — Парафраз «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, где «вопрос разрешить» стремится Раскольников. Речь идет о цене идеи, воплощение которой приводит к пролитию человеческой крови.

С. 273. *Судьба! За что ты гнетешь меня?* — Прямая цитата из «Необыкновенных приключений доктора», отсылающая к прообразу Голубкова — доктору N. Более далекие ассоциации ведут к реплике Расплюева: «Судьба! За что гонишь!» — из комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского».

С. 275. *Тараканьи бега.* — Идея «тараканьего тотализатора» сатирически обыграна А. Т. Аверченко в книге «Записки простодушного (Эмигранты в Константинополе)». Затем этот мотив повторил А. Н. Толстой. Л. Е. Белозерская свидетельствует, что «на самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало» (*Воспоминания*, с. 230).

Сооружение украшено флагами разных стран. — «Константинополь в то время был в ведении представителей Франции, Англии, Италии. Внутренний порядок охраняла международная полиция. Султан номинально еще существовал, но по ту сторону Босфора, на азиатском берегу, уже постреливал Кемаль» (*Белозерская*, с. 114).

С. 276. *Кредит — никому!* — Ср.: «Есть одна пружина — турецкая лира. Лира пульсирует в крови всякого... Для нас Батум вполне достаточен, чтобы судить о прелестях Константинополя. В Батуме никто не жалуется на тяжелые времена, и только одна подробность напоминает о том, что есть люди без лир — это многочисленные плакатики, неизбежно украшающие каждую лавчонку, каждый маленький духанчик: „Кри-

дет никому“, „кредит некому“ и даже „кредит не кому“ — по самой разнообразной орфографии» (*Мандельштам О.* Собр. соч. В 2-х т. Нью-Йорк, 1966, т. 2, с. 240—241).

С. 281. *Ну и питайся на женский счет!* — В первой редакции «Бега» Люська кричала Чарноте, проигравшемуся в пух: «Сутенер!»; во второй редакции пьесы изменено автором на «подлеца». Интересен разговор Булгакова с Судаковым, записанный Е. С. Булгаковой 9 сентября 1933 года, во время репетиций «Бега» во МХАТе: «М. А.: „То есть, другими словами, переводя вашу речь на европейский язык, вы хотите, чтобы я из Чарноты сделал сукиного сына?“ Судаков: „Сутенер он, сутенер!“» См. также свидетельство Л. Е. Белозерской: «М. А. считал, что такой тип офицера, каким был Чарнота,— беззаветный храбрец, весельчак, балагур, к тому же верный товарищ, который „не предаст и не выдаст в беде“, прекрасно цементирует армию» (*У чужого порога*, с. 1).

С. 282. *...разжаловали, из армии вон!* — После поражения и бегства белогвардейских войск Слащов выступал в печати против Врангеля, по приказу которого был судим и разжалован в рядовые.

Мужчин пошла ловить на Перу. — «Пéра — европейская часть Константинополя, самая шикарная. На ней расположены посольства, лучшие магазины, отели. Улица Пера шириной с наш старый Арбат — с трамваями, ослами, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами. Звонки продавцов лимонада. Завывают шарманки, украшенные бумажными цветами...» (*У чужого порога*, с. 4).

С. 284. *...на Шишлы...* — Шишлы — район Константинополя.

Нет бога кроме Аллаха, и Магомет (Мухаммед) посланник Аллаха — основная формула вероучения ислама.

С. 286. *Глядите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка — химера!* — Корзухин имеет в виду скульптуру фантастического чудовища, олицетворяющего силы зла,— химеры, которая установлена у основания одной из башен собора Парижской богоматери (Notre-Dame de Paris).

С. 289. *Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты...* — Полностью строфа баллады Томского из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» звучит так: «Получишь смертельный удар ты / От третьего, кто, пылко, страстно любя, / Придет, чтобы силой узнать у тебя / Три карты, три карты, три карты!»

Тема карточной игры, от исхода которой зависит судьба героев, несет важную сюжетную нагрузку в «Беге» и, бесспорно, восходит к пушкинской «Пиковой даме».

Кроме того, сцена карточной дуэли Корзухина и Чарноты, по предположению Л. Е. Белозерской, написана под непосредственным влиянием ее рассказа о том, как она «села играть в девятку с Владимиром Пименовичем [Крымовым] и его компанией (в первый раз в жизни!) и всех обыграла». Белозерская вспоминала, что Крымов «не признавал женской прислуги. Дом обслуживал б/ывший/ военный — Клименко. В пьесе — лакей Антуан Грищенко» (*Воспоминания*, с. 230).

С. 290. *«Ты шутишь», — зверь вскричал коварный!* — из басни И. А. Крылова «Волк и журавль».

С. 291. *Жили двенадцать разбойников...* — неточная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Было двенадцать разбойников, / Был Кудеяр-атаман».

С. 292. *Но ты, ловец, в какую даль проник за мной...* — Библейские и евангельские мотивы: Хлудов — «мировой зверь», монастырь — «Ноев ковчег» и т. д. См.: *Кожевникова Н. А.* О сквозных мотивах в пьесах М. А. Булгакова.— Вопросы стилистики. Вып. 12. М., 1977, с. 64—80.

С. 293. *...вот казаков пустили домой...* — 3 ноября 1921 года был опубликован декрет ВЦИК об амнистии. Только в 1921 году из эмиграции возвратилось свыше 121 000 человек.

И тает мое бремя... — Ср.: «Не тает бремя» — в рассказе Булгакова «Красная корона». О других мотивах переклички данного рассказа с пьесой «Бег» см.: *Чудакова*, с. 61.

Хлудов пройдет под фонариками! — намек на смертные казни через повешение; ср.: «фонарная деятельность» крымских генералов (*Василевский*, с. 119).

С. 295. *Вечный жид* — вечный скиталец. Выражение возникло из средневековой легенды об еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания в наказание за отказ помочь Иисусу нести крест, с которым тот шел на Голгофу.

Летучий Голландец – постоянный скиталец. Это выражение родилось из нидерландской легенды о моряке, который поклялся обогнуть в бушующем море мыс, преградивший ему путь, хотя бы на это потребовалась вечность. За свою гордыню он был обречен вечно носиться на корабле, никогда не приставая к берегу.

С. 418. *Тон дэспóтин кэ архиреа!* – Полностью: «Тон деспóтин кэ архиерéа имóн, Кйрие, фйлаттэ ис поллá э̓ти дэ̓спота» (Τὸν δεσπότη καὶ Ἀρχιερέα ημῶν, Κυριε, φύλατται ειζ πολλὰ ετη δέσποτα) – Господина и архиерея нашего, господи, сохрани на многия лета. (*Греч.*) Божественная литургия. Встреча архиерея в храме. См.: Настольная книга священнослужителя. М., Изд-во Московской Патриархии, 1977, т. 1, с. 316.

С. 419. *Ах, Крапчиков, Крапчиков, беспросветный ты генерал!* – каламбур, использованный Слащовым. Ср.: «...наши „беспросветные“ (у генералов нет просвета на погонах)...» (*Крым в 1920 г.*, с. 42).

С. 440. *...я переезжаю в гостиницу «Кист»...* – название гостиницы реальное, находилась в Севастополе у Графской пристани, то есть у самой воды.

Император Петр Четвертый! – Саркастический намек на роль и притязания главкома, остзейского барона Врангеля Петра Николаевича.

В «Беге» существует цепочка «снижений»: от Врангеля, претендента на трон российского самодержца, до «тараканьего царя» Артурки и Петрушки из балагана. На репетиции во МХАТе (13 апреля 1933 года) разъяснялось: «По линии Врангеля – погибает трон Петра IV и коронация в Москве под звон колоколов в церкви, но это неудача, которую можно исправить. По линии Хлудова – *гибнет Родина*, перед ним в лице Врангеля балаган и Петрушка» (*Строева М. Н.* Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938. М., 1977, с. 261).

С. 454. *...в канаве на Галате!* – Галата – квартал Константинополя на восточном берегу залива Золотой Рог.

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

При жизни Булгакова пьеса не публиковалась.

С ошибками и неточностями, по непроверенным спискам «Багровый остров» печатался за рубежом: Новый журнал, Нью-Йорк, 1968, № 93, с. 38–76; см. также: Михаил Булгаков. Пьесы. Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира. Paris, YMCA-press, 1971; Булгаков М. Три пьесы. Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира. 2-е изд. Paris, YMCA-press, 1974. Первая публикация в СССР: Дружба народов, 1987, № 8, с.140–191.

Рукопись и ее черновые автографы неизвестны.

1

В архиве Булгакова и других фондах сохранились следующие экземпляры «Багрового острова»:

1) Машинописная копия редакции 1927 года без помарок и исправлений (БО-I) – ГБЛ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 10, 117 л.

Данный экземпляр, изготовленный в 1960-е годы (?), скорее всего, является копией полного авторского текста, представленного в Камерный театр 4 марта 1927 года. Эта первая, дотеатральная, редакция пьесы послужила основным источником зарубежных публикаций «Багрового острова», притом что в ней не учтены ни сокращения, ни последующие вставки и исправления в тексте, сделанные автором. По этой же машинописной копии, без обоснований выбора текста и без сверки с другими редакциями, «Багровый остров» напечатан в журнале «Дружба народов» (1987, № 8, подготовка текста и публикация Б. С. Мягкова и Б. В. Соколова).

2) Машинописная копия редакции 1927 года, изготовленная в 1950-е годы (БО-II) – ГБЛ, ф. 562, к. 68, ед. хр. 5, 108 л. Повторяет с небольшими разночтениями БО-I.

3) Машинописный экземпляр без даты на больших двойных листах, принадлежавший Московскому Камерному театру (БО-III) – ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 1, ед. хр. 64, 89 л.

Экземпляр сохранился в архиве репертуарного сектора Комитета по делам искусств. На титульном листе вписано: «Михаил Булгаков. А. Таиров».

Место и год написания пьесы не указаны.

Машинописный текст БО-III содержит многочисленные вымарки, поправки

и вставки рукой Булгакова. На полях и в тексте имеются также режиссерские пометы А. Я. Таирова. Это единственный известный нам *авторизованный* экземпляр машинописи «Багрового острова», представляющий особую литературную и научную ценность.

Текст БО-III не содержит перечня действующих лиц и, вероятнее всего, представляет собой машинописную копию авторской рукописи, повторно перепечатанной на больших листах в театре, а затем сокращенной и исправленной Булгаковым. Кроме отчетливых сокращений и густо вымаранных строк, БО-III содержит также наметки изъятий текста, обозначенные условными линиями и значками. Этот пласт сокращений, намеченных в театральном экземпляре пьесы, связан, по-видимому, с режиссерской проработкой пьесы А. Я. Таировым.

Авторская правка в БО-III была вызвана прежде всего театральными соображениями и жесткой необходимостью вместить большой по объему текст в предельное время одного спектакля. Булгаков освобождался от необязательных подробностей в диалогах, жертвовал отдельными эпизодами, чтобы усилить действенную линию пьесы. БО-III содержит также стилевые замены и поправки, определяющие текст последней авторской редакции пьесы.

4) Машинописная копия пьесы, хранящаяся в фонде Московского Камерного театра (БО-IV), – ЦГАЛИ, ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 247. В экземпляре БО-IV учтена правка Булгакова в БО-III с некоторыми разночтениями.

Эта копия, подготовленная для Главреперткома, могла вернуться в театр лишь к концу сентября 1928 года, после того как Главрепертком разрешил постановку пьесы в Камерном театре. Текст титульного листа БО-IV:

Михаил Булгаков
Драматический памфлет
«Багровый остров»

Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича. С музыкой, извержением вулкана и [европейскими] английскими матросами.
В 4-х действиях.
С прологом и эпилогом.
Действие 1, 2 и 4-е происходят на необитаемом острове, действие 3-е – в Европе, а пролог и эпилог – в театре Геннадия Панфиловича.

Согласно штампу Главреперткома на титульном листе БО-IV, постановка пьесы разрешалась лишь для Камерного театра с купюрами на страницах 3, 11, 20, 28, 64, 69, 71. БО-IV сохранился в неудовлетворительном состоянии, частично обгорел, последняя страница эпилога пьесы утрачена. Тем не менее этот экземпляр важен для текстологии «Багрового острова»: в нем зафиксирована версия пьесы, разрешенная для постановки и определяющая границы фактических сокращений, сделанных драматургом в авторизованном тексте БО-III. Эта копия полезна и для проверки спорных мест основной авторской редакции.

5) Машинописная копия «Багрового острова» (БО-V) – хранится в семейном архиве Е. А. Земской, племянницы М. А. Булгакова.

Эта копия соответствует в основном БО-I, то есть дотеатральной редакции «Багрового острова», хотя и отличается от нее разночтениями в отдельных словах и пунктуации. Кроме авторского перечня действующих лиц, БО-V включает также список действующих лиц и исполнителей премьеры 11 декабря 1928 года. Соответственно с этим копия БО-V может быть датирована декабрем 1928 или началом 1929 года.

Ни одна из сохранившихся редакций «Багрового острова», названных выше, не готовилась Булгаковым специально для печати. Авторская работа над текстом ограничилась нуждами театра и зависела от условий продвижения пьесы на сцену. Выбор источника текста для публикации составляет поэтому определенную трудность.

Спорным представляется решение зарубежных публикаторов «Багрового острова», повторенное в публикации журнала «Дружба народов», печатать пьесу по копиям БО-I или БО-II. Хотя по объему это наиболее полные версии «Багрового острова», они не могут считаться окончательными и оптимальными, так как в процессе работы с театром Булгаков существенно сократил и исправил текст, и эта авторская корректировка, несмотря на утрату отдельных выразительных подробностей, в целом, несомненно, пошла на пользу пьесе.

Едва ли правильным было бы печатать «Багровый остров» в редакции БО-IV — более поздней по времени, чем БО-III, и возникшей на ее основе. Против такого решения имеется несколько объективных доводов. БО-IV не авторизован Булгаковым, и некоторые изменения в нем могли быть сделаны без ведома автора. Купюры, предложенные в этой редакции Главреперткомом, являются вынужденными и не должны приниматься в расчет при определении последней авторской воли. Неудовлетворительная сохранность экземпляра также мешает публикации.

Текст «Багрового острова» в нашем издании публикуется по авторизованной машинописи БО-III, проверенной и соотнесенной с другими редакциями пьесы, включая перечень действующих лиц по БО-IV. Существенные отрывки, исключенные автором при сокращении пьесы для театра, а также смысловые варианты отдельных мест печатаются в разделе «Другие редакции и варианты».

2

Первым документальным свидетельством об авторском замысле пьесы «Багровый остров» служит договор, заключенный Булгаковым с дирекцией Московского Камерного театра 30 января 1926 года (со стороны дирекции его подписал Э. М. Овчинников-Волынский).

Согласно договору, Булгаков должен был передать театру заказанную ему пьесу не позднее 15 июля 1926 года, а дирекция Камерного театра обязалась выпустить ее в сезоне 1926/27 года.

Кроме пьесы «Багровый остров», восходящей по сюжету к одноименному фельетону Булгакова 1924 года в газете «Накануне» (см. с. 482—493), у писателя для Камерного театра был в запасе и другой сюжет — инсценировка повести «Роковые яйца», опубликованной в 1925 году в альманахе «Недра». Условиями подписанного договора был предусмотрен такой вариант:

«В случае, если „Багровый остров“ не сможет по каким-либо причинам быть принятым к постановке Дирекцией, то М. А. Булгаков обязуется вместо него, в счет платы, произведенной за „Багровый остров“, предоставить Дирекции новую пьесу на сюжет повести „Роковые яйца“, и „Багровым островом“ М. А. Булгаков получает тогда право распоряжаться по своему усмотрению...» (ИРЛИ, ф. 369, № 11).

Дата под договором позволяет предположить, что замысел пьесы «Багровый остров» возник у Булгакова уже в 1925 году. Общая идея широкомасштабной театральной пародии к концу января 1926 года Булгаковым и Таировым уже была согласована.

Новая пьеса Булгакова, за которую он принялся вскоре после «Зойкиной квартиры», 12 февраля 1926 года упомянута в информации «Вечерней Москвы» о планах Камерного театра.

Весна 1926 года — пора интенсивной работы над пьесой и регулярных контактов Булгакова с Таировым. В архиве Булгакова сохранились записки секретаря Камерного театра Р. М. Брамсон, в которых она от имени Таирова просила о встречах в театре. Записки были посланы 1 и 16 апреля, 26 и 28 мая, 26 июля и 17 сентября 1926 года.

Перед началом сезона Таиров подтвердил в интервью: «Булгаковым почти закончена уже для нашего театра новая современная буффонада „Багровый остров“, которая должна дать нам возможность найти основной стержень широкого народного балаганного представления» (Веч. Москва, 1926, 7 сент.).

В заметке к открытию сезона 1926/27 года Таиров развил свои идеи о репертуарных новациях Камерного театра: «Пути назад — пути в могилу. Перед живыми — только один путь вперед. В порядке дня Камерного театра — ряд актуальных задач». Среди них называлось народное балаганное представление: «Оно будет иметь своей базой новую пьесу „Багровый остров“, написанную для нас М. Булгаковым» (*Программы*, 1926, № 50, с. 3).

Работа над текстом продолжалась практически до последних дней февраля 1927 года (см.: ИРЛИ, ф. 369, № 113, л. 12).

3 марта 1927 года Булгаков получил новое напоминание Р. М. Брамсон из театра:

«Михаил Афанасьевич!

Вы обещали Александру Яковлевичу вчера прислать пьесу. Соответственно этому он сговорился с реперткомом, что сегодня доставит туда пьесу. Увы! ему нечего до-

ставлять. А между тем сейчас очень удобный момент и настроение, которые, конечно, А. Я. хочет использовать. Очень прошу Вас переслать нам с посланным экземпляры пьесы, т. к., Вы сами понимаете, это весьма важно не только для театра, но и для Вас. Момент этот упускать нельзя, т. к. через несколько дней состав весь меняется и провести пьесу будет много труднее» (там же, л. 13).

4 марта 1927 года два перепечатанных экземпляра пьесы «Багровый остров» были доставлены в театр, о чем в архиве Булгакова сохранилась соответствующая расписка. 14 марта по просьбе театра Булгаков переслал Э. М. Овчинникову-Волынскому и третий экземпляр пьесы, однако удобный момент, очевидно, был все-таки упущен, и в репертуар сезона 1926/27 года «Багровый остров» не попал.

Заинтересованное участие в судьбе новой пьесы Булгакова принял Горький, следивший по прессе, как постепенно набирала силу кампания против «булгаковщины». 10 марта 1927 года, через неделю после того, как Булгаков сдал в Камерный театр перепечатанные экземпляры пьесы, Горький запросил А. Н. Тихонова, возглавлявшего в Москве издательство «Круг»:

«А что Булгаков? Окончательно „запрещен к богослужению"? Нельзя ли познакомиться с его пьесой?» (Горьковские чтения, 1953—1957. М., 1959, с. 55).

В ответном письме 25 марта А. Н. Тихонов подтвердил: «Булгаков пробует ставить свою пьесу „Багровый остров", но пока безуспешно. Постараюсь выслать Вам экземпляр пьесы. Работает над романом „Белая гвардия" — переделывает почти заново» (цит. по кн.: *Жизнеописание*, с. 278).

Запрошенный экземпляр «Багрового острова» был, по-видимому, выслан из Москвы в Италию, однако с мертвой точки дело не сдвинулось. В работе театра с драматургом наступил почти полуторалетний перерыв. Резкая критика в печати поставленных булгаковских пьес затормозила продвижение «Багрового острова» на сцену Камерного театра, особенно в канун 10-летия Октября.

В конце мая 1928 года, после широко отмеченного 60-летнего юбилея, Горький вернулся из-за границы в Москву и совершил продолжительную поездку по стране. В череде официальных и частных встреч (в том числе на высшем правительственном уровне) он не забыл о Булгакове. Летом Горький встречался с Ф. Ф. Раскольниковым, который представлял редколлегию журнала «Красная новь» и возглавил художественно-политический совет при Главреперткоме (см.: М. Горький и советская печать. Архив А. М. Горького. М., 1965, т. 10, кн. 2, с. 79—88). В беседах с Раскольниковым Горький имел возможность высказать свое мнение о пьесах Булгакова и о ситуации, сложившейся вокруг них.

26 сентября 1928 года Главрепертком разрешил постановку «Багрового острова». 6 октября Булгаков и М. П. Сахновский подписали дополнительный договор о том, что автор предоставляет манускрипт пьесы «Багровый остров» Камерному театру для монопольной постановки в Москве и Ленинграде. Театр обязался поставить пьесу до 1 января 1929 года, а Булгаков мог передать «Багровый остров» в другие театры или опубликовать это произведение не ранее чем через два года после первой постановки в Москве.

Сведения о разрешении пьесы распространились в театральной среде, и в середине октября 1928 года два ленинградских театра — Театр сатиры (режиссер Д. Г. Гутман) и театр «Комедия» (режиссер С. Н. Надеждин) телеграфировали Булгакову, что принимают его условия постановки «Багрового острова» и хотели бы срочно ознакомиться с пьесой. Булгаков в то время находился в Тифлисе и на сообщение из Москвы дал Л. Е. Булгаковой-Белозерской телеграмму:

«Сатире телеграфируй. Сожалению „Остров" предоставить не могу. Надеждину телеграфируй. Сожалению договору Камерным театром год не могу „Остров" дать Ленинграду. Позвони Таирову вернуть мой экземпляр с купюрами, сверь с ним остальные, также приведи порядок экземпляры „Бега", предложения театров телеграфировать мне» (ИРЛИ, ф. 369, № 119).

Телеграмма Булгакова подтверждает, что в авторском экземпляре для Камерного театра содержались существенные поправки и купюры, и именно по этому экземпляру можно установить окончательную авторскую редакцию текста.

Основное направление авторской правки — сокращение длиннот текста и одновременно смысловое уточнение деталей, поиски более выразительных слов. В отдельных случаях Булгаков смягчил резкие места пьесы, которые могли смутить репертком. На-

пример, в прологе из реплики Геннадия Панфиловича, обращенной к драматургу Дымогацкому, были исключены слова:

«Имейте в виду, я, в случае чего, беспощадно вычеркивать буду, тут надо шкуру спасать. А то так можно вляпаться, что лучше и нельзя! Репутацию можно потерять...»

В сцене распределения ролей и стычки Геннадия Панфиловича с Аделаидой Карповной была исключена реплика Сизи-Бузи (актера Анемподиста Сундучкова): «Говорил я Геннадию, не женись на актрисах... и всегда будешь в таком положении...» Реплика задевала и Таирова, и Мейерхольда (оба были женаты на актрисах, занимавших исключительное положение в своих театрах); Булгаков предпочел ее убрать.

Основной объем правки в акте I приходится на роли туземцев Кири-Куки, Сизи-Бузи и Ликки-Тики. Из акта I Булгаков исключил сцену «спора» лорда Гленарвана и Паганеля за право водрузить на острове английский или французский колониальный флаг. Эта сцена слишком напоминала соответствующее место в «Мистерии-буфф» Маяковского, поставленной в Театре РСФСР-1 Мейерхольдом. Убраны и все упоминания о «немце», который тоже претендовал на колониальный захват Багрового острова.

В акте II сжаты и даны в более живой форме диалоги Кири-Куки с военачальником Ликки. Сокращена частично история спасения «положительных» туземцев Кай-Кума и Фарра-Тете.

В начале акта III выпала экспозиционная сцена игры в шахматы лорда и Паганеля. Динамичнее стали диалоги «европейцев» с «белыми арапами», покинувшими свой остров в поисках военной поддержки на Западе. Намного сокращены во 2-й картине акта III сцены любовных недоразумений между Кири-Куки, служанкой Бетси и леди Гленарван, оскорбленной коварством туземного ловеласа. Снята и острая реплика лорда, обращенная к леди Гленарван, раскрывающая ревность Геннадия Панфиловича к молодой супруге Лидии Иванне, примадонне его театра:

«Я знаю, леди... тьфу, Лида... что, по-твоему, лучшая сцена у тебя везде, когда целуются... Театр, матушка, это храм... Я не допущу у себя „Зойкиной квартиры“!»

В акте IV сокращены диалоги туземцев, готовых отразить интервенцию «белых арапов»; исправлены и комически заострены реплики Кири-Куки, лаконичнее даны лозунговые речи Кай-Кума и Фарра-Тете.

Булгаков тщательно правил и эпилог своей пьесы. Усилена реплика Кири – Дымогацкого, потрясенного запретом его невинного «идеологического» опуса. В текст вписана фраза: «Плюйте в побежденного, топчите полумертвую падаль орла!»

Важнейшая поправка внесена в политический мотив запрета пьесы. Вместо реплики «сменовеховская пьеса» Савва Лукич выносит приговор еще более убийственный: «Контрреволюционная пьеса». Соответственно изменены и встречные реплики Геннадия Панфиловича: «...Савва Лукич! В чем дело? На пушечный выстрел я не допускаю контрреволюционеров к театру! В чем дело?..»

В этом же месте Булгаков исключил важную автобиографическую подробность, обострявшую текст: упоминание о «Днях Турбиных», отвергнутых будто бы Геннадием Панфиловичем в доказательство своей стопроцентной идеологической надежности (с. 506).

Трудно исчерпать мотивы перечисленных поправок. Очевидны цензурные причины. Но, кроме того, автор стремился придать пьесе более объективный и обобщенный характер, освободить ее, даже в деталях, от сугубо личных или фельетонных подробностей.

Действенная линия пьесы в результате авторской правки стала отчетливей, сценичность сложной по конструкции вещи возросла. Важнейшие разночтения, отличающие сокращенную и исправленную редакцию БО-III от редакций БО-I или БО-II, публикуются в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 494–506).

3

Помимо авторских исправлений, машинописный экземпляр БО-III содержит режиссерские пометы, существенные для сценической истории пьесы.

На титуле БО-III рукой Таирова помечено: «Арапы, туземцы, -ки, матросы, одалиски, 35» (цифра означает, вероятно, количество участников массовых сцен).

На широком левом поле (л. 1 об.) расписана продолжительность каждого акта спектакля:

I акт	II акт	III акт	IV акт
пролог – 14 м	1–18 м	42 м	44 м
пролог – 22 м	2–22 м		
1 к. – 36 м			
1 ч. 12 м.		Всего – 3 ч. 18 м.	

Некоторые места текста, отмеченные условным значком, сопровождены на полях режиссерскими комментариями.

Реплика Геннадия Панфиловича, обращенная к Метелкину: «...на монтировку пьесы назначаю тебя. Получи, дружок, экземпляр. Первый акт – экзотический остров...» – на л. 6 имеет режиссерскую приписку: «[да чтоб] красота [была], [должен быть] смех, [лубок], феерия, свет, экзотика, [чтоб пальчики обсосать], эстетика, чмок, конфетка».

В акте III (картина 2-я) поверх ремарки: «Сцена некоторое время пуста, слышно, как глухо на эспланаде играет оркестр» – наискосок сделана надпись: «Под вечер осенью ненастной...»

На поле л. 58 об. к появлению на сцене служанки Бетси сделана режиссерская помета: «Выход по первому плану».

Текст на л. 65 имеет двойную режиссерскую помету. К реплике: «ПАСПАРТУ (*с лампой*). Караул!» – относится слово «пожарный»; против слов лорда: «Сейчас мы взвесим положение. (*Думает*.)...» – написано: «весы».

Выход Саввы Лукича (л. 65) сопровожден режиссерскими пометами: «капельдинер», а затем: «процессия в партере». Савва Лукич подымался на сцену, по мысли Таирова, через партер в сопровождении служащих театра.

Режиссер обратил внимание на реплику леди: «Кири, мой дорогой, не унывайте. Я душою с вами и уверена, что вы выйдете победителем» (л. 68). На поле ремарка: «Передает ему роли».

Реплики Ликки в начале IV акта, по режиссерскому плану, должны были подаваться с помощью суфлера.

«ЛИККИ. Молчать, когда... я все-таки не идиот, чтобы тронуть кого-нибудь из вас... я один, а вас... (на поле помета: «Суфлер – 500») пятьсот человек».

На том же л. 70 Ликки просит прощения у туземного народа и также обращается к суфлеру:

«ЛИККИ. Я был орудием угнетения. Я не отдавал себе отчета в том, что я делал... Во-вторых... Что, бишь, во-вторых?» Конец реплики и сопровождается режиссерской пометой: «К суфлеру». Подобная игра с текстом, открывающая театральный «механизм» его подачи на публику, подчеркивала пародийный смысл произносимых актерами слов.

Слова туземцев на л. 71 («ТУЗЕМЦЫ. Он кается. Вы слышите?») переданы одному лицу, и рукою режиссера вписано: «Зимов» (фамилия актера Камерного театра).

К реплике Паспарту: «Мсье. Черти разложили команду. Она волнуется» (л. 76) – сделана режиссерская помета: «Вулкан быстро».

Хоровое исполнение «идеологического» куплета в эпилоге, по замыслу режиссера, заканчивалось следующей мизансценой: «Испытания окончены. Ход по сцене. Делятся все на две группы по сторонам» (л. 82 об.).

Здесь же завершались тщетные попытки актера Анемподиста Сундучкова, исполняющего роль Сизи, продлить свое существование в сюжете пьесы, которое у Дымогацкого заканчивается гибелью монарха уже в первом акте.

«СИЗИ (*появляется*). Может быть, царю можно хоть постоять в сторонке?.. Может, он не погиб во время извержения, а скрылся, потом раскаялся?..

ЛОРД. Анемподист! Вон!!!

СИЗИ. Исчезаю... Иди, душа, во ад и буди вечно пленна! О, если бы со мной погибла вся вселенна! (*Освещенный адским светом, проваливается в люк.*)».

В тексте рукой режиссера сначала было вписано: «Смех на сцене», потом исправлено: «Удивление на сцене, испуг». Иначе говоря, по режиссерской трактовке, «провал Сизи» выглядел неожиданностью для исполнителей: это не актерский трюк,

предусмотренный заранее, а несчастный случай на сцене, вызывающий искренний испуг труппы.

В эпилоге мизансценирована реплика Саввы Лукича, обращенная к Дымогацкому: «Ну, спасибо вам, молодой человек: утешили... утешили, прямо скажу, и за кораблик спасибо...» К этому месту на полях дана запись: «1) Радость у всех, 2) Смех — Метелкин: Метелкина качать и аплодировать» (л. 83 об.).

Особенно подробно разработал Таиров мизансцены финала. На л. 85 — более десяти режиссерских помет, связанных со следующими репликами героев (приводятся по порядку номеров, поставленных режиссером в тексте пьесы):

1. «СИЗИ. Дайте мне сто червей, и у меня будет вдохновенное. В первом акте царя угробили...»

Помета на полях: «Смех на сцене»;

2. «КИРИ. 〈...〉 О вы, мои слепые стекла, скупой и жиденький рассвет... Червонцы!»

Помета на полях: «Смех — легкий»;

3. «Кто написал „Багровый остров"? Я, Дымогацкий, Жюль Верн».

Помета на полях: «Смех»;

4. «СИЗИ. А вот таких монологов, небось, в пьесе не пишет...»

Помета на полях: «Смех. Движение»;

5. «КИРИ. Кто написал „Багровый остров"?!»

Помета на полях: «Вниз к нему подходят с одной стороны Геннадий, с другой — Савва — рукопожатия»;

6. «КИРИ. А репортеры, рецензенты! Ах... так! 〈...〉 Дома ли Жюль Верн?»

Зачеркнутая помета: «Игра труппы, Карманов, Грилик и др.»;

7. «КИРИ. 〈...〉 Нет, он спит, он спит, он занят, он пишет... Его не беспокоить... зайдите позже...»

Помета на полях: «Легкий смех»;

8. «КИРИ. 〈...〉 Прошу вас, граждане, ко мне, на мою новую квартиру...»

Помета на полях: «Движение к нему».

Помета в тексте: «Не орать»;

9. «КИРИ. 〈...〉 квартиру драматурга Дымогацкого — Жюля Верна в бельэтаже с зернистою икрою...»

Помета на полях: «На станке»;

10. «КИРИ. 〈...〉 я требую музыки».

Помета на полях: «Пальто и калоши Савве».

Пометы Таирова, соседствующие с правкой Булгакова, отражают лишь малую часть неистощимой выдумки режиссера и его помощников, проявленной при постановке «Багрового острова» в Камерном театре.

4

«Драматический памфлет» «Багровый остров» до сих пор остается одной из самых загадочных пьес Булгакова. 9 декабря 1928 года Булгаков присутствовал на дневном закрытом просмотре своей пьесы. 11 декабря состоялась премьера. Общественно-эстетическое содержание комедии не было адекватно понято современниками. Критика, за немногими исключениями, дала превратную интерпретацию спектаклю, и в особенности пьесе.

Постановка острых вопросов театральной жизни — о приспособленчестве на «идеологической» почве, о «красной» халтуре, затопившей сцену, о бюрократической системе контроля над искусством — воспринималась к концу 1920-х годов как неуместная политическая дерзость.

Пародийна сама мысль о «товарище Жюле Верне», то есть авторе — Дымогацком, который без всякого стеснения перекраивает мотивы творчества знаменитого французского писателя-фантаста по канонам современной псевдореволюционной «пролетарской литературы». Эта мысль восходит к ранней прозе Булгакова, а именно к фельетону «Багровый остров», опубликованному в литературном приложении к газете «Накануне» 20 апреля 1924 года. Фельетон имеет характерный подзаголовок: «Роман тов. Жюля Верна с французского на эзопский перевел Михаил А. Булгаков».

По стилю фельетон Булгакова близок к ранней литературной пародии Чехова «Летающие острова», представленной ее автором как «соч. Жюля Верна, перевод

А. Чехонте». С таким подзаголовком эта пародия была опубликована в журнале «Будильник» (1883). Вслед за Чеховым Булгаков обнажал условность происшествия, в котором самые фантастические подробности представлены как возможные и реальные. Основное условие жанра – стремительное развитие авантюрно-приключенческой интриги произведения – доведено в обеих пародиях до абсурда.

При всем том общая цель пародии Булгакова иная, чем у Чехова. Настоящий объект пародии «Багрового острова» – не Жюль Верн, а современная «жюльверновщина». Отсюда и явление самоуверенного «пролетарского писателя», ремесленника новейшего толка, сумевшего приспособить вульгарным образом приемы авантюрно-приключенческой литературы к так называемому «социальному заказу» дня.

Подобные переделки, подделки и стилизация в духе популярных западных авторов были нередки в литературе 1920-х годов: один из постоянных литературных оппонентов Булгакова Ю. Л. Слезкин перевел, например, свое имя и фамилию на французский – Жорж Деларм (larme – слезы) и издал под этим псевдонимом два романа: «Кто смеется последним» (М., 1925) с приложением вымышленной биографии мнимого французского автора и «Дважды два пять» (Л., 1925), обозначив последний роман как «перевод с 500 французского издания». Отклик на эти подделки – в рецензии И. И. Анисимова (Книгоноша, 1925, № 15-16, с. 25).

Заслуженную известность в те же годы имели пародийные сочинения, написанные по канонам модного на Западе бульварно-приключенческого, детективного или «колониального» романа, скорректированного на «революционный» лад. Таковы юмористический роман В. П. Катаева «Остров Эрендорф» (1925), навеянный ранними романами И. Г. Эренбурга «Приключения Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.» и другими, остроумный роман-пародия С. С. Заяицкого «Красавица с острова Люлю» (М., 1926, издан под псевдонимом Пьер Дюмьель), построенный на комическом обыгрывании типичных сюжетных ходов и положений европейского колониального романа (примеры французских стилизаций Ю. Л. Слезкина и С. С. Заяицкого указаны А. А. Гозенпудом).

Пародия под знаком «тов. Жюля Верна», направленная сначала на прозу, а затем переведенная в многозначный драматический памфлет, имела, таким образом, выразительные прецеденты в литературной и театральной жизни середины 1920-х годов.

Фельетон Булгакова «Багровый остров» можно рассматривать как ранний набросок будущей пьесы драматурга Дымогацкого; важнейшие особенности ее содержания, сюжетной интриги и стиля здесь уже налицо.

Пародийный сюжет «Багрового острова», перенесенный на сцену, задевал так или иначе некоторые известные имена и явления театральной Москвы середины 1920-х годов.

Замечание Таирова о том, что место действия «Багрового острова» – театр, подтверждается прежде всего практикой «левого театра». Ибо как раз «левый театр», во главе которого с осени 1920 года стоял в Москве В. Э. Мейерхольд, более других экспериментировал на своей сцене с сугубо «идеологическими» пьесами. Атмосфера гражданской войны и «военного коммунизма» в его наиболее пафосных, жестких и аскетических формах получила в этом театре хотя и абстрактное, условное, но по-своему выразительное и искреннее воплощение.

Булгаков видел в Театре им. Вс. Мейерхольда (ТИМ) спектакль «Земля дыбом» (по пьесе французского драматурга М. Мартине «Ночь», радикально переделанной С. М. Третьяковым) с «военными прожекторами и автомобилями», о чем он кратко упомянул в очерке «Сорок сороков».

Еще одним спектаклем ТИМа в жанре большого «политического ревю» стала инсценировка «Д. Е.» (о скорой «гибели Европы») по роману И. Г. Эренбурга «Трест Д. Е.», перекроенному до неузнаваемости драматургом-ремесленником М. Г. Подгаецким.

С идеологией в спектакле, по глубокому убеждению его создателей, все было в порядке: «Из бесцветного идеологически романа Эренбурга, в лучшем случае только иронически изображавшего разложение буржуазного общества, из романа с анархическим душком сделана революционно крепкая пьеса. ⟨...⟩ Используя романы Келлермана, Синклера и Ампа, т. Подгаецкому, предварительно разработавшему текст, и драматургической комиссии режфака мастерской В. Мейерхольда удалось выправить интригу пьесы и привести ее к нужному разрешению. Кроме того, пьеса дорабатывается в процессе репетиций» (Новый зритель, 1924, № 22, с. 11).

У Булгакова, в отличие от постановщиков «Д. Е.», были свои представления об агитке как приеме построения спектакля. Сделав Дымогацкого автором современной «идеологической» пьесы «Багровый остров» по мотивам Жюля Верна, Булгаков метил не в конкретное лицо (хотя и памфлетные мишени ему не были чужды). Он пародийно очертил явление, которое возникло в советской послеоктябрьской прозе и драматургии и особенно разрослось под сводами «левого театра». Ю. Л. Слезкин, представший перед читателями в образе французского романиста Жоржа Деларма, В. М. Бебутов, «советизировавший» «Зори» Э. Верхарна для Театра РСФСР-1, М. Г. Подгаецкий, соединивший сюжеты И. Г. Эренбурга и других под знаком театральной агитации за победу мирового пролетариата над прогнившей буржуазией Запада («Д. Е.»), – все они могут рассматриваться как возможные предшественники и условные прототипы Василия Артуровича Дымогацкого из «Багрового острова».

В драматизации сюжета «Багрового острова» автор пьесы Дымогацкий проявил сноровку, мало в чем уступавшую уровню иных современных драматургов. И цели, и методы инсценирования у Дымогацкого были совершенно такие же.

Кроме персонажей, обозначенных в фельетоне, в пьесе гражданина Жюля Верна появились новые действующие лица, позаимствованные главным образом из романа «Дети капитана Гранта»: леди Гленарван и ее горничная Бетси, слуга лорда Паспарту (он же говорящий попугай), член Географического общества Жак Паганель, арап из гвардии Тохонга, первый и второй положительные туземцы Кай-Кум и Фарра-Тете, а также безымянные участники массовых сцен: арапова гвардия, красные туземцы и туземки, гарем Сизи-Бузи, английские матросы и проч.

С невероятными осложнениями и гораздо подробнее, чем в фельетоне, развита в пьесе линия Кири-Куки, проходимца при дворе. Политическое возвышение этого «махрового арапа» строится исключительно на демагогии и предательстве, а безудержное краснобайство откровенно пародирует речи либеральных болтунов. Кири-Куки играет в пьесе также роль первого любовника, вовлекшего леди Гленарван в скандальную связь. Характер героини Жюля Верна Элен Гленарван, благородной и чистой женщины, в опусе Дымогацкого представлен по образцу сексуальных буржуазных гранд-дам, фокстротировавших в постановке «Д. Е.».

Как безжалостные колонизаторы и насильники выведены в пьесе лорд Гленарван, капитан Гаттерас и Жак Паганель, представляющий здесь французские имперские интересы. Капитан Гаттерас в переделке Дымогацкого как две капли воды походил на жестоких, английских капитанов, знакомых зрителям по пьесам «Лево руля» В. Н. Билль-Белоцерковского и «Рычи, Китай!» С. М. Третьякова.

В конечном счете пьеса Дымогацкого – это сниженная до абсурда «жюльверновщина», пародирующая схемы агитационных пьес с их грубым делением персонажей по классовому признаку, расхожей колониально-революционной тематикой и штампованными сюжетными ходами. Вопиющее расхождение инсценировки с духом и буквой тех оригинальных произведений, которые в ней использованы (прежде всего Жюля Верна), составляет исходное комедийное зерно пародии.

В сложной структуре «Багрового острова» пьеса Дымогацкого имеет подчиненное значение. Пьеса же самого Булгакова соединяет в себе пародийный опус героя с авторским памфлетом на современные театральные нравы; перед нами двойная конструкция, театр в театре, сложная система кривых зеркал, которые лишь в совокупности, отражаясь одно в другом, создают полное представление о замысле писателя.

Опус Дымогацкого, принятый к постановке Геннадием Панфиловичем, разыгрывается в сугубо условном плане. Зато начало и конец предложенной буффонады прямо относятся к жизни современного театра. Двойной план пьесы, изображение «театра в театре» – важнейшая стилевая особенность «Багрового острова». Необычная театральность этой пьесы и воспринимается по-настоящему не в чтении, а в атмосфере озорной игры, неожиданных сценических трансформаций, демонстративной смены масок и положений, в стремительных переходах от реального к условному и обратно. Поэтика «Багрового острова» строится на обнажении игровых приемов, она раскрывает изнанку сцены и секреты машинерии. Такой стиль был близок Камерному театру, и Булгаков ориентировался на него при создании своей пьесы.

И самый жанр театральной пародии, и ее форма, использованная в «Багровом острове», – «генеральная репетиция» на сцене изображаемого театра – не раз применялись драматургами и режиссерами разных направлений. В 1920-х годах в Ленинграде возродился театр «Кривое зеркало», снискавший себе известность подобными паро-

диями в предоктябрьское десятилетие. Гастрольные спектакли «Кривого зеркала» Булгаков мог видеть в 1918 году в Киеве. Театр приезжал и в Москву. Наиболее популярными пародиями были «Вампука, принцесса Африканская» и «Гастроль Рычалова» М. Н. Волконского и В. Г. Эренберга. «Вампука» пародировала оперные каноны, используя ситуации и мотивы оперы Дж. Мейербера «Африканка» и некоторые темы «Аиды» Дж. Верди (одной из любимых опер Булгакова).

Булгаков хорошо знал и другую «кривозеркальную» пародию М. Н. Волконского – «Гастроль Рычалова», в которой осмеивались пошлые нравы и рутина провинциального театра.

В обзоре театрального сезона 1925/26 года П. А. Марков упомянул о гастролях Ленинградского «Кривого зеркала» в Москве, – спектаклей такого рода Булгаков обычно не пропускал, и его «Багровый остров» доказывает верность старому популярному жанру, восходящему к пародийной «Фантазии» Козьмы Пруткова.

Связь «Багрового острова» с традициями «Кривого зеркала» отметила критика таировского спектакля; эта тема затронута и в немногих современных статьях о булгаковской пьесе (см.: *Бабичева Ю.* Комедия-пародия М. Булгакова «Багровый остров». – В кн.: Жанры в историко-литературном процессе. Вологда, 1985, с. 138 – 152).

В сходном жанре народного балаганного представления, каким хотелось видеть «Багровый остров» на сцене А. Я. Таирову, МХАТ-2 показал в феврале 1925 года «Блоху» Е. Замятина (постановка А. Дикого) – пародийную театрализацию бродячего народного сказа о туляках, мастерски использованного в «Левше» Н. С. Лескова. «Как и всякий народный театр, – подчеркивал Е. И. Замятин, – это, конечно, театр не реалистический, а условный от начала до конца, это – игра» (*Замятин Е. И.* Собр. соч. В 4-х т. М., 1929, т. 1, с. 175).

Весьма вероятен и другой импульс, побудивший Булгакова перенести свой фельетон на сцену в форме современной театральной пародии. Его могла дать постановка «Льва Гурыча Синичкина», осуществленная Р. Н. Симоновым в Студии им. Евг. Вахтангова (1924). Автором текста театральной шутки был Н. Р. Эрдман, переделавший старый водевиль в современную пародию. Второе действие водевиля Д. Т. Ленского представляло собой репетицию мелодрамы в театре Пустославцева. Эрдман заменил эту мелодраму пародией на современный «урбанистический спектакль».

Булгаков в «Багровом острове» не удовлетворился частичной пародией на агитспектакль, как Эрдман в своей версии «Льва Гурыча Синичкина». Еще меньше он склонен был повторять кривозеркальные шутки или ополчаться всерьез на допотопную эстетику провинциального театра. Перед ним были более серьезные цели. Хорошо зная наличный театрально-пародийный арсенал, Булгаков открыто напал и на влиятельный в 1920-е годы «левый фронт», и еще больше – на ту общую запретительную политику бюрократического централизма, которая уже тогда набирала силу и грозила великими бедами искусству.

Имея в виду постановки других театров, осмеянные в «Багровом острове», критик И. М. Нусинов несколько позже писал, что Булгаков «вполне сознательно издевается над революционной драматургией, над такими постановками, как „Разлом", как „Рычи, Китай!"» (Печать и революция, 1929, кн. 4, с. 52).

На самом деле круг театральных явлений, ставших объектом пародии в Камерном театре, был значительно шире: от «агитспектаклей» Мейерхольда («Озеро Люль», «Земля дыбом», «Д. Е.», «Рычи, Китай!») до пьесы В. Н. Билль-Белоцерковского «Лево руля», вполне традиционно поставленной Л. М. Прозоровским в Малом театре.

На вопрос о том, что такое «Рычи, Китай!» – пьеса? театр ужасов? этнографический этюд? – С. М. Третьяков с вызовом отвечал: «„Рычи, Китай!" – это статья, только попадающая в сознание аудитории не со страниц газеты, а с театральных подмостков» (*Третьяков,* с. 159).

Мейерхольд и его помощники умели находить стиль для таких пьес в форме экспрессивного и зрелищного агитспектакля. «Д. Е.» и «Рычи, Китай!» могут считаться вершинами этого театрального стиля, притом что к концу 1920-х годов уже и сам режиссер явственно ощутил кризис созданного им жанра. Булгаков сделал его предметом пародии.

При всей изобретательности советской режиссуры 1920-х годов (ее общий уровень был весьма высок), суррогаты драматургии, будь то политическая публицистика или мемуаристика, не могли решить проблем современного театрального репертуара. Это

сознавали ведущие деятели театра. На дискуссии 1927 года по вопросам театральной политики В. Э. Мейерхольд открыто говорил о вульгаризаторах, которые хотели бы вернуть современный театр к временам «военного коммунизма», действуя теми же методами: «Я боюсь, что Орлинский, говоря здесь о зарядке, говорит о тех приемах вульгарного революционизирования, когда речь идет только о том, чтобы всякая пьеса оканчивалась непременно помахиванием красного флага, чтобы это была оголенная схема, где люди делятся на „красных" и на „белых", где нет живых людей и где действуют абстракции» (Жизнь искусства, 1927, № 19, с. 4).

Об этой же опасности должен был сказать на торжественном заседании 27 октября 1928 года, посвященном 30-летию МХАТа, К. С. Станиславский.

Альбом вырезок, хранящийся в архиве Булгакова, сберег любопытную статью О. И. Любомирского «Линия штампа в советской драматургии». Автор статьи едко обобщил свои наблюдения о распространенных штампах в современных пьесах, сходные образы и ситуации которых разные драматурги берут под одним и тем же привычным углом зрения: «Бессменные пока фавориты советской сцены – „братишки" (хромающий матрос-„братишка" в „Шторме", Швандя в „Любови Яровой", бравый матрос во „Власти"; матрос-балагур в „Разломе" и Васька Окорок в „Бронепоезде"). Поставьте их рядышком и вглядитесь в них повнимательней: как будто одна мать их родила – не правда ли? Особенно сходствуют приемы драматургии и, разумеется, режиссуры в деле всяческого посрамления и дискредитирования буржуазии, как нашей, так и западноевропейской. Классическим средством обнаружить загнивание этой буржуазии обычно является демонстрация бара с фокстротирующими парами – „Озеро Люль" А. Файко (т. Революции), „Д. Е." (т. Мейерхольда), „На переломе" Афиногенова (т. Пролеткульта), „Восстание" Резника (Госет) и т. д., и т. д.» (Жизнь искусства, 1928, № 29, с. 8).

Булгаков в «Багровом острове» обозначил эту «линию штампа» глубже, чем кто-либо из его современников. Он не пощадил ни бесталанных халтурщиков, ни влиятельных мастеров. В пьесе дан острый пародийный срез современной сцены, в котором многие узнали себя. Вошли в сатиру и личные наблюдения Булгакова, почерпнутые при постановке собственных пьес.

5

Премьера «Багрового острова» в декабре 1928 года была донкихотством с непредвиденными последствиями для театра и драматурга. Но Булгаков и Таиров, настоящие рыцари по натуре, сочли бы отступление малодушием.

Единственное, что еще мог сделать и сделал Таиров в последние недели перед премьерой,— это объясниться со зрителями без посредства критики. С этой целью в октябре – декабре 1928 года он дал серию интервью о предстоящей постановке «Багрового острова» (см. вступ. статью). Беседы с Таировым появились в «Новом зрителе» (1928, № 49), «Современном театре» (1928, № 50), «Известиях» (1928, 21 окт.) и проч. Основные тезисы предварительного комментария Таирова к «Багровому острову» там варьировались и повторялись; полнее всего взгляд постановщика изложен в «Жизни искусства»:

«Постановка „Багрового острова" Булгакова является продолжением и углублением работ Камерного театра по линии арлекинады, т. е. по линии гротескного выявления в сценических формах уродливых явлений жизни и сатирического обнажения их мещанской сущности и примиренчества с ней.

Местом действия „Багрового острова" является театр.

Это – „генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами".

Это – театр в городе Н. со всей его допотопной структурой, со всеми его заскорузлыми общетеатральными сценическими и актерскими штампами, который, попав в бурное течение революции, наскоро „приспособился" и стал с помощью все того же арсенала своих изобразительных средств, ничтоже сумняшеся, ставить на своей сцене только сугубо „идеологические" пьесы.

Драматург Дымогацкий очень любит Жюля Верна, настолько, что взял его имя своим псевдонимом и по любому заказу на фоне своей излюбленной жюльверновской „экзотики" пишет необыкновенно „революционную" пьесу с буржуями, угнетенными

народностями, интервенциями, извержением вулкана, английскими матросами и проч. и проч.

И директор театра Геннадий Панфилович, и драматург Дымогацкий (он же Жюль Верн) – оба на курьерских, вперегонки „приспособляются" и оба полны почти мистического трепета перед третьим – „Саввой Лукичом", ибо от него, от этого „Саввы Лукича", зависит „разрешеньице" пьесы или „запрещеньице".

Для получения этого „разрешеньица" они готовы на все: как угодно перефасонивать пьесу, только что раздав роли, тут же под суфлера устраивать генеральную репетицию в гриме и костюмах, ибо „Савва Лукич" в Крым уезжает. А „Савва Лукич", уродливо бюрократически восприняв важные общественные функции, уверовав, как папа римский, в свою мудрость и непогрешимость, вершит судьбы Геннадиев Панфиловичей и Дымогацких, перекраивает вместе с ними наспех пьесы, в бюрократическом ослеплении своем не ведая, что вместе с ними насаждает отвратительное мещанское, беспринципное приспособленчество и плодит уродливые штампы псевдореволюционных пьес, способных лишь осквернить дело революции и сыграть обратную, антиобщественную роль, заменяя подлинный пафос и силу революционной природы мещанским сладковатым сиропом беспомощного и штампованного суррогата.

В нашу эпоху, эпоху подлинной культурной революции, является, на наш взгляд, серьезной общественной задачей в порядке самокритики окончательно разоблачить лживость подобных приемов, к сожалению, еще до конца не изжитых до настоящего времени. Эту общественную и культурно важную цель преследует в нашем театре „Багровый остров" – спектакль, задачей которого является путем сатиры ниспровергнуть готовые пустые штампы как общественного, так и театрального порядка.

Вот почему в нашей постановке и в области ее театральной композиции мы стремимся оттенить никчемность этого приспособленчества, готового в любой момент совместить Жюля Верна с „революцией", конструктивизм с натурализмом, некультурность с идеологичностью и проч.

В этом плане выдерживается вся постановка и весь стиль спектакля, как в порядке его режиссерской трактовки, так и в приемах игры, сценического „оформления" и музыкального „монтажа".

Премьера спектакля назначена на 11 декабря. Ставят пьесу А. Я. Таиров и Л. Л. Лукьянов. Декорация В. Рындина. Музыкальная часть А. Метнера. Танцы Н. Глан. Главные роли играют: засл. арт. И. И. Аркадин, П. А. Бакшеев, Н. И. Быков, Е. Вибер, В. Ганшин, С. Гортинский, В. Карманов, В. Матисен, Н. Новлянский, Н. Соколов, С. Тихонравов, Ю. Хмельницкий, С. Ценин, Н. Горина, Е. Лапина, Е. Новодержина, Е. Штейн» (1928, № 49, с. 14).

Текст пьесы Булгакова и режиссерский комментарий Таирова – наиболее достоверные документы совместного памфлетного замысла двух художников. Критика, за редкими исключениями, сделала все, чтобы этот замысел затемнить или представить его в одиозном политическом ореоле. Но и сквозь односторонний «антипамфлет», коллективно построенный критиками «Багрового острова», при некотором сопоставительном анализе можно разглядеть очертания незаурядного спектакля, созданного труппой Камерного театра под руководством Таирова.

Начало кампании против Булгакова и «булгаковщины» положила «Комсомольская правда» (1928, 13 дек.). Ее рецензент Бис [И. И. Бачелис] писал: «Постановка „Багрового острова" – явный, очевидный, недвусмысленный *провал*. Провал в известной степени симптоматичный, ибо он вызван ставкой на „модное" имя драматурга Булгакова и – не побоимся сказать этого вслух – спекуляцией на этом одиозном имени... „Вампука" на советский театр – по форме, пасквиль на революцию – по существу. „Багровый остров" поражает убогостью своего замысла и выполнения...»

Утверждая, что Камерный театр в «Багровом острове» выпалил по «общипанному воробью», критик М. Б. Загорский доказывал, будто «пародия на пустые постановочные и актерские штампы просто не остроумна и метит в пустое пространство. 〈...〉 Камерный театр совершил явную ошибку» (Веч. Москва, 1928, 13 дек.).

Реальную цель сатиры Булгакова, взятую под прицел в «Багровом острове», поставила под сомнение и ленинградская «Красная газета»: «Театр показал не более чем кривозеркальную постановку, формально восходящую к „Вампуке" и „Гастроли Рычалова». В целом новая работа Камерного театра не более чем эффектный, но холостой выстрел» (Веч. вып., 1928, 16 дек.).

Нет необходимости приводить все отрицательные отзывы о «Багровом острове», — их было множество, и строились они однотипно, притом что реальная конструкция спектакля, его образы и детали были охарактеризованы бегло. И все же конкретные наблюдения эстетического плана нет-нет да и мелькали в некоторых откликах (см.: *Золотницкий Д. И.* Комедии М. А. Булгакова на сцене 1920-х годов. — В кн.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова, с. 67—75).

Из отзыва Н. Крэн [Н. Н. Кружкова] можно было узнать, что публика «первые дни валила валом в театр» (Рабочая Москва, 1928, 14 дек.). Публика продолжала валом валить на спектакль весь сезон, пока в июне 1929 года «Багровый остров» не был снят с репертуара, успев выдержать за это время более шестидесяти представлений.

Даже непримиримые критики спектакля не могли не признать блестящей работу художника В. Ф. Рындина. И. И. Бачелис в театральном обзоре «О белых арапах и красных туземцах» подтвердил: «Белую идею постановщики Таиров и Лукьянов постарались внешне разукрасить всеми цветами радуги. На долю художника выпала основная задача в спектакле, и — нужно отдать справедливость художнику Рындину — он справился с ней замечательно. Пестрые краски экзотического острова, с великолепной выдумкой сделанные извержения вулкана и океанское волнение, интересные костюмы и любопытная сценическая установка были в спектакле основным, что привлекало внимание» (Молодая гвардия, 1929, № 1, с. 108).

Отразилась в сюжете пьесы и судьба самого драматурга, те кризисные моменты изнуряющих «генеральных репетиций», через которые прошел Булгаков, участвуя в постановочных мытарствах «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры».

Как ни далек был Булгаков от драматурга Дымогацкого, как ни иронизировал он над «гражданином Жюлем Верном» и его пьесой, переживания автора, потрясенного произвольным запретом его детища, были ему не только понятны, но и чрезвычайно близки. Это обстоятельство также заметили критики спектакля.

«В одном только месте, — продолжал Бачелис, — Таиров сделал неожиданное и странное ударение. Разворачивая весь спектакль как пародию, он в последнем акте внезапно акцентирует *„трагедию автора“ запрещенной пьесы.* Линия спектакля ломается и с места в карьер скачет вверх, к страстным трагическим тонам. Из груди репортера Жюля Верна рвется вопль бурного протеста против ограничения... „свободы творчества“. 〈...〉 Злые языки утверждают, что автора-репортера Булгаков наделил некоторыми автобиографическими чертами... что ж, тогда нам остается принять к сведению эти движущие пружины его творчества. Но как бы ни звучал авторский вопль на сцене, характерно уж то, что Камерный театр выпятил именно этот момент. Это был пробный выпад театра — выпад осторожный, с оглядкой, — но выпад. Театр солидаризировался с автором. Таиров солидаризовался с Булгаковым в требовании „свободы творчества“» (там же).

Сам критик считал такое солидарное требование явным политическим криминалом. Между тем Булгаков написал не пародию-фарс, а драматический памфлет, пародию-драму, которая развивалась от комического к трагическому, обнаруживая и смешные, и печальные, и горестные, и зловещие обстоятельства современной автору художественной жизни. В. Н. Ганшин исполнял роль Дымогацкого — Жюля Верна и одновременно — «махрового арапа» Кири-Куки и, по свидетельствам рецензентов, был весьма убедителен. Безусловно смешной в своих литературных и театральных трансформациях, Дымогацкий, по Булгакову, должен был вызывать в какой-то момент сострадание как человек бедствующий и терпящий несправедливость.

Драматизм финальной ситуации «Багрового острова» не только в том, что Савва Лукич данной ему властью может запретить неугодную пьесу под любым предлогом. Не лучше и то, что разрешение пьесы, то есть развязка, казалось бы, вполне счастливая, осуществляется ценою бесцеремонных вторжений в авторский замысел, переделкой текста, что стало для театра повседневным занятием. И хотя «Багровый остров» Дымогацкого — Жюля Верна относится к разряду пьес, которые даже и при участии Саввы Лукича трудно сделать хуже, чем они есть, самый принцип свободной жизни в искусстве, необходимый театру как воздух, здесь извращен и подменен приспособленчеством.

Критика в своем большинстве доказывала, что Савва Лукич — это главное сатирическое лицо булгаковской пьесы — лицо будто бы совершенно мнимое, надуманное, и актеру Камерного театра Е. К. Виберу, собственно, нечего играть. «Если это и шарж на цензора, который хочет, чтобы все произведения кончались „мировой революцией“,

то шарж неглубокий, устарелый,— писал о Савве Лукиче рецензент.— А по существу пьесы пристройка этого действия носит явно балаганный, нехудожественный характер» (Известия, 1928, 19 дек.).

В критике «Багрового острова» были использованы испытанные приемы дискредитации автора и его пьесы — от голословных политических обвинений до менторских замечаний о «бесцветности» пьесы и «заурядности» спектакля, призванных снизить «нездоровый» интерес к нему любознательной московской публики.

Есть основания считать, что пьеса Булгакова «Багровый остров» получила разрешение на постановку в сентябре 1928 года при участии П. И. Новицкого, опытного литератора и деятеля театра, занимавшего высокое служебное положение в системе Главреперткома. В пользу такого предположения говорит тот факт, что его рецензия на «Багровый остров» основывалась на рукописи пьесы. Новицкий был одним из немногих, кто действительно *читал* текст «Багрового острова». Верно изложив сюжетный костяк этой «интересной и остроумной пародии», он заключал: «Пародирован революционный процесс, революционный лексикон, приемы советской тенденциозно-скороспелой драматургии. Шаблоны стопроцентных, „выдержанных идеологически“ пьес высмеяны зло и остро.

Но пародия и ирония автора, как всегда, двусторонни... Встает зловещая тень Великого инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские, подхалимски нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя.

Идеологические финалы надо высмеивать. С казенными штампами надо бороться. Приспособляющихся подхалимов надо гнать. Дураков — истреблять. Но надо также различать беспощадную сатиру преданных революции драматургов, не выносящих фальши, лжи и тупости услужливых глупцов, спекулирующих на революционном сюжете, и грациозно-остроумные памфлеты врагов, с изящным злорадством и холодным сердцем высмеивающих простоту услужающих и политическое иго рабочего класса.

Режиссер, конечно, может перенести центр тяжести на пьесу Василия Артуровича. Он обязательно это сделает, повинуясь побуждениям Геннадия Панфиловича. И выйдет памфлет против бездарной фальши современных драматургов. Но дело не в илотах, а в зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов. „Желал бы я видеть человека, который не желает международной революции!“ — восклицает Геннадий Панфилович. Если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного буржуазией драматурга оправдано. Если ее нет, то драматург снова оказывается в роли клеветущего врага, ловко маскирующего свои удары.

В пьесе, которая очень театральна и драматургически выразительна, 13 мужских и 2 женские роли. Много народа нужно для массовых сцен. И много такта — для режиссера.

Для провинциальной сцены пьеса рискованна. Она требует чрезвычайно тонкого истолкования. Следует предостеречь от увлечения ее экзотическими и сатирическими бумажными розами» (*Репертуарный бюллетень*, 1928, № 12, с. 9—10).

Само по себе появление такой рецензии о «Багровом острове» в декабре 1928 года — факт поразительный. Новицкий лучше других понимал, что новая пьеса Булгакова «рискованна» не только для провинциальной сцены. На сцене столичной риск был ничуть не меньше. Новицкий не ответил лишь на один вопрос, им же и поставленный: существует ли в действительности «зловещая мрачная сила», мешающая развитию современного искусства, плодящая «илотов, подхалимов и панегиристов», или же это только злонамеренная выдумка драматурга, ставящая его в разряд «клеветников» на реальную советскую действительность?

Почти вся критика того времени придерживалась второй точки зрения, явно недооценивая те политические опасности, которые грозили новому обществу десятилетие спустя после Октябрьской революции. Побежденное старое общество, не знавшее практики политического демократизма, мстило новому строю изнутри.

Булгаков одним из первых писателей послеоктябрьского поколения испытал на себе встречный удар консолидировавшейся сталинской бюрократии, стремившейся превратить и искусство, и художественную критику в свой безусловный оплот. Верхом грубости, знаменовавшей заметное падение нравов печати, включившейся в коллективную травлю писателя, явилась заметка «Убогое зрелище». Ее нельзя рассматривать иначе, как прямой ответ автору «Багрового острова» от лица именно той «зловещей

и мрачной силы», самое существование которой тогда еще подвергалось сомнению. Защищая интересы «Саввы Лукича», сочинитель заметки Е. С—ой [Евг. Степной] утверждал, что Булгаков «хотел, видимо, пропитать свою пьесу злой сатирой на советские учреждения, ведающие разрешением пьес к постановке в театрах. Но беда автора заключается в том, что при создании пьесы он руководствовался не соображениями художественного порядка, а исключительно личной злобой, что и привело пьесу к катастрофе. 〈...〉 У автора с языка вместо слов брызжет слюна, которой, видно, у него предостаточно и он мог бы поделиться ею еще с десятком обиженных авторов. Но если в первом акте некоторые любители „созерцают" плевки рассерженного сменовеховца, то в последующих актах это уже становится скучным даже для поклонников Булгакова. Злоба мещанина Булгакова победила художника Булгакова, и получилось с его пьесой печальное зрелище» (Труд, 1928, 29 дек.).

Как ни бушевала столичная пресса, разгневанная дерзостью драматурга и осыпавшая Камерный театр упреками за поддержку «одиозного» автора, «Багровый остров» до самого лета исполнялся при переполненном зале. А единогласия в критике все еще не было.

«В спектакле,— свидетельствовал С. А. Марголин,— удачливо играет сценическая молодежь Камерного театра, в этом, пожалуй, его лучшая заслуга. Автор Жюль Верн изображен Ганшиным острыми линиями. В спектакле спародирован классический балет, над которым талантливо и остроумно, шутливо и весело издеваются „прима-балерина" Толубеева и „кавалер" — Зимов. Легко, карикатурно остро играют: Новлянский — вездесущего помощника режиссера Метелкина, Штейн — сварливую жену директора и премьершу, Горина — оскорбленную инженю (служанку Бетси.— *А. Н.*), Евгеньев — дирижера оркестра, Вибер — цензора и, конечно, Аркадин — главного героя всего спектакля, лукавого и нахрапистого Геннадия Панфиловича. Программа театра указывает имена второго состава в целом ряде главных ролей. И здесь — почти все — имена молодняка — учеников А. Таирова. Это доказывает, что театр упорно работает над ростом своей смены» (Совр. театр, 1928, № 51, с. 817).

В архиве Булгакова сохранился перевод статьи о «Багровом острове» из берлинской социал-демократической газеты, где без обиняков говорилось о действительном общественно-политическом значении театральной сатиры, неожиданно прозвучавшей в канун 1929 года со сцены Московского Камерного театра: «Новая вещь Булгакова, конечно, не драматическое произведение крупного масштаба, как „Дни Турбиных"; это лишь гениальная драматическая шутка с несколько едкой современной сатирой и с большой внутренней иронией. Внутреннее волнение зрителя и злободневность, которую эта вещь приобрела у московской интеллигенции, показались бы нам такими же странными в другой среде, как нам странным кажется волнение, вызванное постановкой „Свадьбы Фигаро" Бомарше у парижской публики старого режима. 〈...〉 Русская публика, которая обычно при театральных постановках так много говорит об игре и режиссере, на этот раз захвачена только содержанием. На багровом острове Советского Союза среди моря „капиталистических стран" самый одаренный писатель современной России в этой вещи боязливо и придушенно посредством самовысмеивания поднял голос за духовную свободу» (Deutsche Allgemeine Zeitung, 1929, 5 Janv).

Частичной разноголосице в критике, которая обнаружилась в оценках «Багрового острова», был положен конец весной 1929 года после письма Сталина Билль-Белоцерковскому (см. вступ. статью). Для Главреперткома настал момент, когда надо было объясниться и покаяться в допущенной «слабости». Пропуская «Багровый остров», Главрепертком фактически был связан своим предыдущим решением, принятым еще в сентябре 1928 года при участии М. Горького, А. И. Свидерского и др. Никто тогда не мог предположить, что в этот театральный вопрос вмешается в конце концов Сталин.

Пришлось пожалеть о своем профессиональном суждении в печати и срочно на глазах у всех «перестраиваться» П. И. Новицкому. Теперь он должен был заявить нечто совершенно иное, чем несколько месяцев назад, доказывая, что «и враги достаточно солидно представлены в нашей драматургии, откровенные и прямые враги. Они великолепно пользуются нашей беспринципностью в вопросах искусства, барским либерализмом и художественным консерватизмом государственных органов, заведующих и начальствующих над искусством, и проводят на сцену государственных театров политические памфлеты, заостренные против пролетарской диктатуры. До сих пор не сходит с репертуара Камерного театра клеветническая пьеса М. Булгакова „Багровый

остров“, с холодным злорадством высмеивающая политическое иго рабочего класса и пародирующая ход Октябрьской революции. До сих пор украшением репертуара малой сцены I МХТ служит пьеса В. Катаева „Квадратура круга“, представляющая из себя злостный шарж на комсомольский быт» (Печать и революция, 1929, кн. 6, с. 62–63).

Своим поворотом на 180 градусов Новицкий лишь подтвердил, насколько прав был Булгаков, обратив острие своего памфлета против приспособленчества в искусстве и доказав, что дело не в илотах, как таковых, а «в зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов»...

Председатель художественно-политического совета Главреперткома Ф. Ф. Раскольников должен был принять надлежащие меры, и уже к концу театрального сезона 1928/29 года он отметил в качестве большого успеха: «Огромным плюсом минувшего сезона является сильный удар, нанесенный по нео-буржуазной драматургии запрещением „Бега“ и снятием театром Вахтангова „Зойкиной квартиры“» (Веч. Москва, 1929, 3 июня). К тому же примерно времени Камерный театр вынужден был исключить из своей афиши «Багровый остров».

В архиве Булгакова сохранился проект резолюции художественного совета Камерного театра о постановке «Багрового острова»; резолюция перелагала ответственность за спектакль на драматурга и реперттком, о пьесе Булгакова и ее постановке говорилось:

«1) Пьеса „Багровый остров“ если и может быть причислена к жанру сатиры, то только как сатира, направленная своим острием против советской общественности в целом, но не против элементов приспособленчества и бюрократизма, как это представляют себе постановщики.

2) Пьеса не может считаться художественным произведением, имеющим какую-либо ценность для тех творческих возможностей, которыми располагает Камерный театр.

3) Получив столь вредный идеологически и столь недоброкачественный драматургически материал, театр пытался сделать достаточно много для того, чтобы повернуть политическое острие пьесы в сторону приспособленчества, бюрократизма и головотяпства, затратив для этого немало творческой энергии. Однако это театру не удалось, ибо такое коренное изменение социального смысла пьесы в данном случае может быть осуществлено лишь по линии радикальных переделок самой пьесы, но не по линии ее режиссерской трактовки.

Художественный совет считает, что выдача реперткомом разрешения на постановку „Багрового острова“ является большой ошибкой, ударяющей по театру, общественное лицо которого никак не может быть символизировано пьесой „Багровый остров“» (ИРЛИ, ф. 369, № 118, л. 4).

Проект резолюции не имеет даты и никем не подписан. Возможно, автор этого документа, возникшего скорее всего в апреле – мае 1929 года, так и не рискнул его огласить перед труппой театра. Можно только не сомневаться, что Таиров не имел к этому лицемерному документу ни малейшего отношения. Пьесу Булгакова и свой спектакль он оценивал совершенно иначе и, в отличие от Геннадия Панфиловича, талантливо изображенного на сцене, не склонен был пресмыкаться перед реальными прототипами Саввы Лукича.

Настоящий итог постановки «Багрового острова» в Камерном театре подвел Булгаков. В письме к «Правительству СССР» (28 марта 1930 года) он избрал свой памфлет «отправной точкой» для оценки сложившейся вокруг него общественной ситуации и своего понимания роли писателя-сатирика в СССР. Из всей критики, посвященной «Багровому острову», Булгаков выделил рецензию Новицкого в «Репертуарном бюллетене», которая «внезапно и совершенно удивительно» нарушила обличительный тон всей остальной прессы.

«Позволительно спросить – где истина? – писал Булгаков. – Что же такое, в конце концов, – „Багровый остров“? – „Убогая, бездарная пьеса“ или это „остроумный памфлет“?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень, и это тень Главного Репертуарного комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных „услужающих“. Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что „Багровый остров“ – пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать *невозможно*. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком – не революция.

Но когда германская печать пишет, что „Багровый остров“ – это „первый в СССР призыв к свободе печати“ („Молодая гвардия“ № 1–1929 г.),– она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала,– мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода» (*Письма*, с. 173–174).

С. 296. *Паспарту* – слуга англичанина Филлеаса Фогга, главного героя романа Жюля Верна «Вокруг света в восемьдесят дней».

Капитан Гаттерас – герой романа Жюля Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса», отважный мореплаватель, совершивший путешествие к Северному полюсу.

Белый арап – ироническое сочетание слов, использованное сначала в фельетоне, а затем и в пьесе «Багровый остров». В 1920-е годы имело свою особую стилевую окраску: так назывался тот, кто делал за других черную работу. В театральной среде «белыми арапами» звали людей, временно нанятых для выходов на сцену.

Ликки-Тикки.– В фельетоне Булгакова «Багровый остров» белый арап и военачальник туземцев носит имя Рики-Тики-Тави. Так звали отважного зверька – мангусту, победителя кобр из рассказа Р. Киплинга «Рики-Тики-Тави». В фельетоне Рики-Тики становится наемником европейцев и участвует в их военной экспедиции к Багровому острову, где его убивает ударом ножа рядовой «белый арап» (см. «Другие редакции и варианты», с. 492). В пьесе Жюля Верна – Дымогацкого этот образ претерпел коренные изменения: Ликки-Тикки в конце концов сознает подлинные национальные интересы, бежит из Европы и переходит на сторону восставших «красных туземцев», возглавив оборону Багрового острова от интервентов. Вот почему в перечне действующих лиц сказано: «Арапова гвардия (отрицательная, но к концу пьесы раскаялась)». Это пояснение можно рассматривать как иронию по отношению к авторам-ремесленникам многочисленных пьес, в финале которых «белые» военные части поспешно переходят на сторону «красных».

Тохонга.– В романе Жюля Верна «Дети капитана Гранта» Тогонга – верховный жрец племени маори, захваченный в плен английскими солдатами. Его роль в пьесе комически перевернута и в сюжетном значении полностью, кроме имени, изменена.

Кай-Кум.– В романе «Дети капитана Гранта» свирепый вождь племени маори «носил зловещее имя Каи-Куму, что на туземном наречии значит: „Тот, кто съедает тело своего врага“» (*Жюль Верн*. Дети капитана Гранта. М., 1983, с. 515).

Фарра-Тете.– В романе «Дети капитана Гранта» вождь другого новозеландского племени, сорокалетний мужчина со свирепым лицом, заявивший свои притязания на пленницу туземцев, леди Гленарван, «носил имя Кара-Тете, что на новозеландском языке значит „гневливый“» (там же, с. 530). Кай-Кум и Фарра-Тете превращены драматургом Дымогацким в «положительных» революционных туземцев в полном противоречии с текстом оригинала.

С. 297. *«Мария Стюарт»* – трагедия Ф. Шиллера, особенно популярная на русской сцене в конце XIX – начале XX века.

С. 298. *«Иоанн Грозный» больше не пойдет...* – Имеется в виду трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Кадристы (*жарг.*) – театральные ученики, школьники.

С. 299. *Бал репетируют*.– Имеется в виду сцена бала в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

С. 300. *...хижину из «Дяди Тома» поставишь...* – Инсценировка по роману Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» с дореволюционных времен неоднократно шла на русской сцене.

С. 301. *Театр, матушка, это храм...* — Пародийно использован постулат романтической концепции искусства, поддержанной, например, молодым Белинским в его статье «Литературные мечтания» (1834): «Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!» (Собр. соч. В 9-ти т. М., 1976, т. 1, с. 104). Сниженный поворот той же мысли, более соответствующий комедийной природе «Багрового острова», находим в рассказе А. И. Куприна «Как я был актером» (1906), где высмеивается пошлый характер театрального ремесленничества и проза закулисных нравов: «...сцена — это хра-ам, это алтарь, на который мы кладем все свои лучшие мысли и желания» (Собр. соч. В 6-ти т. М., 1958, т. 4, с. 136).

Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам... — пародируется реплика городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

С. 302. *Мне юношество вверено государством...* — возможный намек на молодежные театральные курсы В. Э. Мейерхольда (первоначальное название ГВЫРМ — Государственные высшие режиссерские мастерские), из которых сформировался после революции его театр.

С. 303. *...припомните, что сказал наш великий Шекспир: «Нету плохих ролей, а есть паршивые актеры, которые портят все, что им ни дай».* — Отсылка к Шекспиру носит иронический характер, реплика восходит к известной фразе К. С. Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты» (Собр. соч. В 9-ти т. М., 1988, т. 1, с. 250). По свидетельству современников, это выражение любил повторять и Мейерхольд. «В мои юные годы Всеволод Эмильевич Мейерхольд внушал нам, своим ученикам: „Не существует маленьких ролей, а всего лишь попадаются бесталанные актеры...“» (*Иванова Т.* Мои современники, какими я их знала. М., 1987, с. 5). В устах Геннадия Панфиловича эта мысль приобретает пародийный оттенок. Ниже в тексте «Багрового острова» актер Анемподист Сундучков поворачивает реплику еще раз: «А ты слышал, что Шекспир сказал: „Нет голубых ролей, а есть красные...“»

Они в отделении милиции... — Булгаков снял в БО-III упоминание о «сорок четвертом отделении милиции», которое находилось в центре Москвы. 583

«Прага» — известный ресторан в Москве в районе старого Арбата. Топонимика пьесы подтверждает ее столичный, московский адрес, несмотря на попытки А. Я. Таирова внешне закамуфлировать место действия под «провинциальный» театр.

С. 304. *Молчать, когда с тобой разговаривают!* — Сравните постоянные угрозы-выкрики донского атамана Платова в пьесе Е. Замятина «Блоха» (1925): «Ма-алчать! В бутылку загоню! З-запечатаю! „Царю предъявите!“ Это, стал-быть, чтобы я перед Царем острамился, как вы передо мной? Нет, голубчики, шалишь! Так и так вашу... Я вам проверку устрою! Я вас на чистую воду выведу! Сейчас к аглицким мастерам одним духом скачу: они мне все ваши дуравьи хитрости разберут. И ежели только да вы мне ничего не сделали — я вас... (*По очереди подносит кулачище под нос каждому из оружейников — Левша пятится, Егупыч крестится, Силуян стоит монументом.*) Ммалчать! Трргогай!» (*Замятин Е. И.* Собр. соч., т. 1, с. 214—215). В роли Платова на сцене МХАТа-2 выступал сам постановщик спектакля А. Дикий.

С. 307. *...бог Вайдуа на том свете накажет вас.* — Вайдуа — высшее божество новозеландского племени маори, упоминается в романе Жюля Верна «Дети капитана Гранта».

Ваше величество! Ужас, ужас, ужас! — На протяжении пьесы Кири-Куки много раз повторяет это восклицание, восходящее к реплике Призрака о преступлении короля Клавдия в трагедии Шекспира «Гамлет»: «Я был лишен супруги, и венца, и жизни, / Погиб во тьме греха без покаянья! / О, ужас, ужас, ужас!» (Перевод Н. А. Полевого). В пародийном плане реплика Кири-Куки соотносится также с диалогом американской туристки и мадам де Брюшель в пьесе С. М. Третьякова «Рычи, Китай!»; обе дамы распространяют ложные слухи о том, будто китайские лодочники зарезали американцев — семерых мужчин и двух женщин:

«ТУРИСТКА (*глядя на мадам де Брюшель*). Какой ужас! Какой ужас! Какой ужас!

МАДАМ ДЕ БРЮШЕЛЬ (*глядя на туристку*). Какой ужас! Какой ужас! Какой ужас!» (*Третьяков*, с. 113).

Вулкан Муанганам — священная гора племени маори в романе «Дети капитана Гранта»; по сюжету романа беглецы-европейцы, сдвинув с места огромный ка-

мень, спровоцировали извержение вулкана и таким образом спаслись от преследования туземцев.

С. 308. *Европейцы на выход!* — В пьесе С. М. Третьякова «Рычи, Китай!» все действующие лица делятся на две группы — европейцев и китайцев. Булгаков явно пародирует этот прием.

С неба на тросах спускается корабль... — В спектакле ТИМа «Рычи, Китай!» английская канонерка «Кокчефер» по ходу действия появлялась на арьерсцене при помощи специальных катков. В. Ф. Рындин и А. Я. Таиров в пародийных целях спускали яхту «Дункан» прямо сверху на тросах.

Ах, далеко нам до Типперери... — строка из популярной песенки английского экспедиционного корпуса времен первой мировой войны.

С. 323. *Клянусь площадью Этуали...* — Площадь Этуаль — площадь Звезды, одна из центральных площадей Парижа.

С. 325. *Клянусь Комической оперой...* — Театр комической оперы (Théâtre de l'Opéra Comique) — музыкальный театр в Париже.

С. 327. *...клянусь Пале-Роялем...* — Пале-Рояль — здание старого Королевского театра в Париже, где размещается труппа «Комеди-Франсез».

С. 333. *Ну что ж, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад.* — Пародируется реплика Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Принять его, позвать, просить, сказать, что дома, / Что очень рад».

...уж мы вас ждали, ждали, ждали. — Здесь вновь использована реплика Фамусова из «Горя от ума»: «А мы вас ждали, ждали, ждали».

С. 335. «*Вышли мы все из народа...*» — строка известной революционной песни на слова Л. П. Радина.

С. 339. *Клянусь флаконом лоригана...* — «Лориган» («L'origan») — французский одеколон.

С. 340. *Черти разложили команду. Она волнуется. ⟨...⟩ Капитан, домой! ⟨...⟩ Из бухты вон!..* — Мотив революционного братания матросов и бунта команды против власти в лице капитана корабля широко использовался в советской драматургии 1920-х годов («Разлом» Б. А. Лавренева, «Иван Козырь и Татьяна Русских» Д. П. Смолина, «Лево руля» В. Н. Билль-Белоцерковского и др.).

С. 342. *Торговали кирпичом и остались не при чем...* — строка из частушки времен нэпа.

С. 343. *Дура лекс... дура.* (Dura lex... dura) — от латинской поговорки: «Dura lex, sed lex» — суров закон, но это закон.

...встречал рассветы на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком. — Плющиха — улица в Москве; в ее районе в первой половине 1920-х годов некоторое время жил Булгаков. Упоминание Плющихи также подтверждает «московский» адрес «Багрового острова».

Ну, вот моя грудь, пронзи ее своим карандашом... — пародийно использована реплика Дон Гуана из «Каменного гостя» А. С. Пушкина: «Дона Анна, / Где твой кинжал? вот грудь моя».

С. 344. *А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима. Сужденья черпают из забытых газет времен колчаковских и покоренья Крыма...* — строки монолога Чацкого из «Горя от ума» пародийно переведены на новые времена сражений с Колчаком (1919) и разгрома армии Врангеля в Крыму (1920). По сути, Дымогацкий обвиняет Савву Лукича в прямолинейности и нетерпимости, характерных для времен гражданской войны и «военного коммунизма».

Уж втянет он меня в беду! — ответная реплика Фамусова на монолог Чацкого «А судьи кто?».

На польском фронте контужен в голову... — попытка представить Дымогацкого в качестве благонадежного автора, участника боев с белополяками (1920).

...он уже сидел на Канатчиковой даче раз. — Канатчикова дача — психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. П. П. Кащенко в Москве.

С. 346. *Иди, душа, во ад и буди вечно пленна! / О, если бы со мною погибла вся вселенна!* — неточная цитата финальной реплики Димитрия из трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»: «Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна! / Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!»

С. 347. *...мы эту пьеску берем у вас монопольно... мы им, провинциалам, и понюхать не дадим...* — Право монопольной постановки пьесы в одном театре предусматривалось

существовавшим законодательством и договором с драматургом, но нередко театр и репертком содействовали в этом друг другу, ущемляя авторские интересы, как это было при постановках булгаковских пьес в московских театрах в 1920-е годы. Право монопольной постановки «Багрового острова» в Москве и Ленинграде принадлежало Камерному театру.

Что, мой сеньор? Вдохновение мне дано, как ваше мнение?.. Что, мой сеньор? — из речитатива Фигаро в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник».

Коль славен наш господь в Сионе... — первая строка вольного переложения библейского псалма 47, сделанного М. М. Херасковым. Музыку к нему написал Д. С. Бортнянский. В качестве официального гимна Российской Империи эту мелодию до 1917 года вызванивали куранты Петропавловской крепости.

С. 348. *Снять «Эдипа»...* — Имеется в виду трагедия Софокла «Царь Эдип». Эффект соседства в одной афише собственной современной пьесы с произведениями мировой драматургии поразил Булгакова при постановке «Дней Турбиных» и был комически обыгран в «Театральном романе»: «Ну, брат, — вскричал Ликоспастов, — ну, брат! Благодарю, не ожидал! Эсхил, Софокл и ты! Как ты это проделал, не понимаю, но это гениально! Ну, теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь! Где уж нам с Шекспирами водить дружбу!» (*Избранное*, с. 556).

С. 482. *...под сорок пятым градусом...* — Местоположение Багрового острова совпадает с Южным островом Новой Зеландии в Тихом океане, где, по роману Жюля Верна «Дети капитана Гранта», едва не погибли команда и пассажиры английской яхты «Дункан».

С. 486. *Мишель Ардан* — герой романов Жюля Верна «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны».

...отбросив Цейс... — морской бинокль немецкой фирмы «Цейс», считавшийся совершенным.

...вашингтонский доллар против дырявого лимона 23 года... — В 1923 году в СССР еще выпускались обесцененные со времен революции и гражданской войны бумажные деньги номиналом в миллион рублей («лимон»); к концу 1924 года эти деньги, потерявшие всякую ценность, были вытеснены новым полновесным советским рублем; американский доллар ценился несравненно выше «дырявого» (то есть выведенного из обращения) «лимона».

С. 487. *Засмоленная бутылка.* — Тайна «засмоленной бутылки» с запиской, выловленной в океане и ошибочно прочитанной Жаком Паганелем, составляет одну из основных сюжетных завязок романа «Дети капитана Гранта» и является расхожим приемом последующей бульварно-приключенческой литературы.

С. 489. *Ванты* — стальные или пеньковые канаты, соединенные перемычками, служащие для укрепления мачт, а также для подъема на них; называются соответственно мачтам на парусных и других судах: брам-ванты, грот-ванты и т. д.

С. 491. *...истасканная фигурка с головой, стриженной ежиком.* — Некоторые детали биографии, поведения и речей Кири-Куки, сменившего царя Сизи-Бузи Второго после «извержения вулкана» на Багровом острове, отчасти пародируют историческую фигуру главы Временного правительства России А. Ф. Керенского. Это подтверждает и конкретная портретная деталь «под Керенского» — голова, стриженная ежиком.

С. 492. *Загнал под чемоданы?!* — Чемоданы (*жарг.*). — Так назывались крупнокалиберные артиллерийские снаряды.

С. 494. *С парусами и с трубой. Шестидесятых годов.* — Речь идет о парусных кораблях, оснащенных паровой машиной.

С. 500. *...когда, постранствовав, воротишься опять, то дым отечества нам сладок и приятен.* — Неточная цитата из комедии «Горе от ума»; у Грибоедова: «Когда ж постранствуешь, воротишься домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен!» Стих Грибоедова в свою очередь заключает в себе цитату из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798): «Мила нам добра весть о нашей стороне; / Отечества и дым нам сладок и приятен». Источником стиха Державина стала, вероятно, греческая пословица: «Дым отечества лучше, чем огонь на чужбине» (подробнее см.: *Ашукин Н., Ашукина М.* Крылатые слова. М., 1988, с. 136—137).

С. 506. *Сменовеховская пьеса.* — Сменовеховство — политическое течение в русской эмиграции, идеологи которого, например профессор Н. В. Устрялов, бывший министр в правительстве Колчака, утверждали, что нэп — это не «тактика», а «эволюция» большевизма, которая по необходимости приведет к возрождению буржуазных порядков.

Поэтому на страницах своих изданий, в сборниках «Смена вех» (1921—1922) и в берлинской газете «Накануне» (1922—1924), «сменовеховцы» выступали за признание Советского правительства и большевиков в качестве единственной реальной силы, способной сохранить русскую государственность и вывести страну из тяжелейшего экономического положения, голода и разрухи. «Достаточно вспомнить все литературные произведения сменовеховцев,— писал в марте 1922 года В. И. Ленин,— чтобы убедиться, какая далекая от всего пролетарского публика увлечена теперь политическими успехами большевиков» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 19). С середины 1920-х годов, когда началось свертывание нэпа и вместо демократической эволюции, намеченной Лениным, возобладали жесткая государственная централизация и командно-административные методы насаждения «уравнительного» социализма, термин «сменовеховство» превратился в политический жупел и тяжелое обвинение против многих литераторов внутри страны. В качестве «сменовеховской», зовущей к классовому миру после гражданской войны и сочувствующей будто бы лишь «белым» трактовалась «левой» критикой пьеса Булгакова «Дни Турбиных». Определеннее всего эта точка зрения была выражена коллективным «Письмом в редакцию» «Комсомольской правды» (1926, 5 окт.) в день премьеры: «Мы, группа партийцев-работников ВЛКСМ,— говорилось в письме,— считаем своим долгом выразить свое возмущение по поводу постановки Первым Московским Художественным академическим театром пьесы М. Булгакова „Дни Турбиных“ по нижеследующим мотивам. Пьеса эта пропитана явно сменовеховской идеологией и является по существу не чем иным, как попыткой задним числом оправдать белое движение. Вокруг белогвардейщины создается романтический ореол, участники его тенденциозно представлены в светлых красках. Идеализации и героике белого движения не противопоставлена великая героика Октября; победа советской власти на Украине дана в типично сменовеховском понимании: большевики фигурируют не как носители идей международной пролетарской революции, а как национальная сила, способная ликвидировать неурядицы гражданской войны и внести „порядок и умиротворение“. Весь конец пьесы является не чем иным, как мещанско-обывательским, сменовеховским опошлением победы пролетариата в России...» Савва Лукич у Булгакова высказывает точно такое же обвинение по поводу опуса Жюля Верна — Дымогацкого, настаивая на том, чтобы идея «международной пролетарской революции» непременно торжествовала бы в конце пьесы.

На исходе 1920-х годов выступления против Булгакова стали еще более нетерпимыми, а обвинения в «сменовеховстве» казались уже недостаточными. Этот факт побудил Булгакова внести решающую поправку в эпилог «Багрового острова» и заменить в устах Саввы Лукича вчерашние упреки в «сменовеховстве» на прямое и тягчайшее обвинение в «контрреволюционности». А вместе с такими обвинениями любой автор наравне со своими героями, как утверждал Булгаков в письме «Правительству СССР», получает «аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР» (*Письма*, с. 176). «Багровый остров» стал одной из немногих советских пьес, в свое время предупреждавших общественность о прямых политических угрозах не только театральному искусству, но и важнейшим человеческим и гражданским правам в СССР.

«Дни Турбиных», изволите ли видеть, предлагал! — пародийный намек на обратную ситуацию — неудавшуюся попытку Мейерхольда получить от автора «Дней Турбиных» эту пьесу для своего театра (см. вступ. статью). Известно, например, что, высоко оценивая пьесу Булгакова, Мейерхольд заявил о ней в печати: «Я жалею, что не дали поставить „Турбиных“ мне. Я бы поставил пьесу так, как это нужно нам, а не автору» (Совр. театр, 1928, № 51, с. 827). Переживания директора театра Геннадия Панфиловича, у которого при знакомстве с пьесой «Дни Турбиных» «сердце забилось... от негодования», во многом соответствуют ревнивому отношению Мейерхольда к этой булгаковской пьесе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Булгаков М. А.

Б90 Пьесы 1920-х годов/Театральное наследие. 2-е изд., стереотип.—Л.:Искусство, 1990.—591 с., 2 л. ил.

ISBN 5-210-02569-1

В настоящем издании впервые собраны законченные драматические произведения выдающегося советского писателя М. А. Булгакова, созданные им в 1920-е годы: «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег», «Багровый остров». В специальном разделе представлены другие редакции и варианты этих пьес, а также литературный фельетон «Багровый остров». Каждое произведение сопровождается подробным театроведческим, историко-литературным и текстологическим комментарием.

Книга иллюстрирована фотографиями из спектаклей, поставленных в московских, ленинградских и других театрах страны.

Б $\frac{4702010203\text{-}013}{025(01)\text{-}90}$ без объявл. **ББК 83.3Р7**

Михаил Афанасьевич Булгаков

Пьесы 1920-х годов

ТЕАТРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

2-е изд., стереотипное

Заведующая редакцией Н. А. ЖИЖИНА
Редакторы М. А. ВЕНСКАЯ, Н. А. ЖИЖИНА
Художественный редактор М. С. СТЕРНИНА
Технический редактор Г. С. УСТИНОВА
Корректор Т. А. РУМЯНЦЕВА

ИБ № 4371. Сдано в набор 15.09.88. Подписано к печати 08.12.89. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офс. имп. для ил. мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,87. Усл. кр.-отт. 102,39. Уч.-изд. л. 50,31. Тираж 50 000 экз. Изд. № 696. Заказ 443. Цена 7 р. 10 к.

Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» им. А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.